



ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

СЁГУН

Роман

Великолепно написанная книга...
как волна, с головой накрывает читателя.

Washington Star




АЗБУКА



ДЖЕЙМС
КЛАВЕЛЛ

СЁГУН

Роман

Великолепно написанная книга...
как волна, с головой накрывает читателя.

Washington Star

АЗБУКА



Джеймс Клавелл

Сёгун

James Clavell
SHŌGUN

Copyright © 1975 by James Clavell
All rights reserved

Серия «The Big Book»

© Н. Ерёмин, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

*Двум морякам, капитанам Королевского
военно-морского флота, которые любили свои
корабли больше, чем своих женщин, как от них
и ожидали*

Пролог

Ветер рвал его на части, у него все болело внутри, и он знал, что если они не пристанут в течение трех дней, то все умрут. «Слишком много смертей в этом плавании, – размышлял он. – Я предводитель мертвого флота. Из пяти остался один корабль, из его команды в сто семь человек – двадцать восемь, и только десять из них могут держаться на ногах, а остальные вместе с генерал-капитаном дышат на ладан. Нет пищи, почти нет воды, а та, что есть, солоноватая и грязная».

Его звали Джон Блэкторн, и он был один на палубе, за исключением впередсмотрящего – немого Соломона, – съезжившегося в укрытии смотровой площадки бушприта, откуда он оглядывал океан.

Корабль накренился от внезапного шквала, и Блэкторн держался за поручень капитанского кресла, прикрепленного около штурвала на юте, пока судно не выправилось. Шпангоуты стонали. Судно водоизмещением двести шестьдесят тонн называлось «Эразм». Только этот трехмачтовый двадцатипушечный военно-торговый корабль из Роттердама и уцелел из всего состава первой экспедиции, посланной Нидерландами уничтожать врага в Новом Свете. То были первые голландские корабли, которые открыли для себя тайны Магелланова пролива. Четыреста девяносто шесть человек, все добровольцы. Все голландцы, за исключением трех англичан – двух капитанов и одного офицера. Они получили приказ грабить и жечь испанские и португальские поселения в Новом Свете, открывать новые острова в Тихом океане, чтобы заполучить постоянные базы и, заявив права Нидерландов на новые территории, через три года вернуться домой.

Протестантские Нидерланды воевали с католической Испанией более четырех десятилетий, боролись, чтобы сбросить ярмо ненавистных испанских хозяев. Нидерланды, иногда называемые Голландией, или Низкими Землями, официально все еще оставались частью испанской империи. Англия, единственный их союзник, первой из стран западного христианского мира порвала с папским двором в Риме и стала протестантской свыше семидесяти лет назад; она также

воевала с Испанией последние двадцать лет и открыто объединилась с Нидерландами еще десятью годами ранее.

Ветер посвежел, и судно вновь накренилось. Оно шло без основных парусов – с одними штормовыми топселями. И все-таки прилив и шторм быстро несли его вперед, к темнеющему горизонту.

«Там еще больше штормит, – сказал себе Блэкторн, – и больше рифов и мелей. И незнакомое море. Бог мой! Я всю жизнь сражался с морем и всегда побеждал. Я всегда побеждаю.

Я первый английский капитан, прошедший Магеллановым проливом. Да, первый – и первый капитан, когда-либо плывший через эти азиатские воды, не считая нескольких негодяев-португальцев или бродяг-испанцев, которые все еще думают, что владеют миром. Первый англичанин в этих морях...

Так много первых мест. Да. И каждое оплачено множеством жизней».

Вновь он принялся к ветру, чуть ли не пробуя его на вкус, но на близость земли не было даже намека. Джон осмотрел океан, уныло-серый и неприветливый. Ни пятнышка водорослей или цветных разводов, обнаруживающих присутствие песчаного шельфа. Он увидел верхушку рифа далеко по правому борту, но это ничего не значило. Вот уже месяц выходы скальной породы угрожали им, но ни разу за ними не было земли. «Этот океан бесконечен, – подумал он. – Боже всемогущий!» Но для этого его и обучали – прокладывать курс в неизвестном море, наносить это море на карту и находить путь домой. Сколько дней прошло с отплытия? Год, одиннадцать месяцев и два дня. Последняя высадка была в Чили, сто тридцать три дня назад, за океаном, который Магеллан пересек первым – восемьдесят лет назад – и назвал Тихим.

Блэкторн страдал от голода и цинги. Он напряг зрение, чтобы проверить курс по компасу, и в уме определил примерное положение корабля. Поскольку они следовали курсом, который был описан в руттере – морском журнале-лоции, судну ничего особенно не угрожало в этой части океана. И если оно вместе со своим капитаном было в безопасности, значит оставалась надежда найти Японские острова или даже легендарного христианского царя-священника пресвитера Иоанна и его Золотое царство, которое, по преданиям, лежало к северу от Китая^[1], где бы Китай ни находился.

«И со своей долей богатств я опять поплыву, уже на запад, домой, первый английский капитан, когда-либо обогнувший земной шар, и никогда больше не покину дома. Никогда. Клянусь головой моего сына!»

Порыв ветра прекратил его праздные мечтания и не дал заснуть. Спать сейчас было бы глупо. «Эдак можно уснуть вечным сном», – подумал он, потянулся, чтобы успокоить ноющую боль в спине, и поплотнее закутался в плащ. Джон отметил, что паруса в порядке и штурвал надежно закреплен, вперёдсмотрящий не спал. Тогда он уселся поудобнее и помолился о том, чтобы показалась земля.

– Спуститесь вниз, капитан. Я отстою вахту, если хотите. – Третий помощник Хендрик Спекс втащился вверх по ступеням, его лицо было серым от усталости, глаза ввалились, кожа в пятнах и болезненно-бледная. Он тяжело привалился к нактоузу, чтобы стать поустойчивее, – его мутило. – Благословенный Боже, будь проклят тот день, когда я оставил Голландию.

– Где первый помощник, Хендрик?

– В своей койке. Он не сможет выбраться из нее, похоже, до Судного дня.

– А... генерал-капитан?

– Клянчат жратву и воду. – Хендрик сплюнул. – Я сказал, что жарю ему каплуна и принесу на серебряном блюде с бутылкой бренди.

– Придержи язык!

– Я придержу, капитан. Но ему это не поможет, да и мы, того и гляди, подохнем. – Молодой человек напрягся, его вырвало желчью. – Благословенный Боже, помоги мне!

– Спускайся! Вернешься на рассвете.

Но Хендрик с болезненной гримасой опустил в другое кресло:

– Там, внизу, воняет смертью. Я постою на вахте, если вы не возражаете. Какой курс?

– Куда потащит ветер.

– Где берег, который вы обещали? Где Японские острова, где, я вас спрашиваю?

– Впереди.

– Всегда впереди. Черт побери! Этого нам не приказывали – плыть в неизвестность. Мне бы следовало уже вернуться домой, сытым,

целым и невредимым, а не гнаться за огнями святого Эльма.

– Спускайся вниз или заткнись.

Хендрик угрюмо отвел взгляд от высокого бородача. «Где мы теперь? – хотел он спросить. – Почему я не могу заглянуть в секретный руттер?» Но он знал, что не задаст вопросов капитану, особенно этого. «Сейчас, – подумал он, – больше всего я хотел бы быть таким же сильным и здоровым, каким был, когда покидал Голландию. Тогда бы я не ждал. Я бы вырвал твои голубые глаза, погасил твою высокомерную ухмылку и отправил тебя в преисподнюю, где тебе самое место. Потом я бы сам стал и капитаном, и штурманом, и тогда корабль вел бы голландец, а не чужак и все секреты остались бы при нас. Ибо вскоре мы вступим в войну с вами, англичанами. Мы хотим одного и того же – командовать на море, контролировать все морские пути, управлять Новым Светом и удушить Испанию».

– Может быть, и нет никаких Японских островов, – произнес внезапно Хендрик, – одни легенды.

– Они существуют на самом деле. Между тридцатым и сороковым градусом северной широты. Теперь придержи свой язык или спускайся вниз.

– Там, внизу, смерть, капитан, – пробормотал Хендрик и стал смотреть вперед, отдавшись безотчетным раздумьям.

Блэкторн заворочался в кресле – его тело сегодня болело сильнее. «Ты удачливее остальных, – подумал он, – удачливее, чем Хендрик. Нет, не удачливее. Предусмотрительнее. Ты придержал до поры фрукты, когда другие беззаботно поедали их вопреки твоим предупреждениям. Так что твоя цинга все еще в умеренной стадии, в то время как остальных мучают кровотечения, понос, у них болят и гноятся глаза, а зубы или выпали, или шатаются. Почему люди ничему не учатся?»

Он знал, что боятся его все, даже генерал-капитан, а большинство ненавидит. Но это было нормально, так как в море командует капитан – это он определяет курс и управляет кораблем, это он ведет его из порта в порт.

Любое путешествие таит в себе опасности, ибо многие навигационные карты зачастую непонятны, а порой и бесполезны. И не существует надежных способов определения долготы.

– Придумай, как определять долготу, и ты станешь самым богатым человеком в мире, – говорил его старый учитель Альбан Карадок. – Королева, благослови ее Господь, пожалует тебе десять тысяч фунтов и титул герцога, если ты решишь эту задачу. Говноеды-португальцы дадут тебе золотой галион^[2]. И безродные испанцы дадут двадцать! Не видя земли, ты заблудишься, парень. Не видя земли, ты всегда будешь сбиваться с курса. – Карадок сделал паузу и печально покачал головой. – Ты заблудишься, парень, если не...

– Если у тебя нет руттера! – радостно крикнул Блэкторн, зная, что хорошо выучил свои уроки. Тогда ему стукнуло тринадцать и он уже год состоял в учениках у Альбана Карадока, штурмана и корабеля, заменившего ему потерянного отца. Карадок никогда не прибегал к рукоприкладству, обучая его и других мальчишек секретам судостроения и жизни в море.

Руттер представлял собой маленькую книжицу, которая содержала детальные наблюдения мореплавателя, побывавшего в описываемых местах. Туда заносили курс по магнитному компасу между портами и мысами, стоянки и проливы. Отмечали глубины, цвет воды и природу морского дна. Указывали, как попасть в то или иное место и как оттуда выбраться – сколько дней идти каким курсом; какие где дуют ветры; когда наступает время штормов и время попутных ветров; где килевать корабль (осматривать, ремонтировать, очищать от ракушек и водорослей его днище) и где брать воду; где встретишь друзей, а где – врагов. А также течения, мели, рифы, высоту приливов, гавани – в общем, все необходимое для безопасного плавания.

Англичане, голландцы и французы имели описания своих вод, но воды остального мира посещались только капитанами из Португалии и Испании, и эти две страны держали все свои руттеры в секрете. Руттеры, которые описывали путь в Новый Свет или давали ключ к загадкам Магелланова пролива и мыса Доброй Надежды, открытых португальцами, а значит, и к морским путям в Азию, охранялись португальцами и испанцами, как национальные сокровища, и поэтому за руттерами с одинаковым упорством охотились их враги – англичане и голландцы.

Но корабельный журнал был хорош настолько, насколько хорош был капитан, который его составил, переписчик, который его переписывал, очень редко – печатник, который его печатал, или

ученый, который его переводил. Следовательно, журнал мог содержать ошибки. И даже умышленно вводить в заблуждение. Капитан никогда не знал этого наверняка. По крайней мере, до тех пор, пока сам хотя бы однажды не попадал в описываемые руттером места.

В море лишь капитан властвовал над кораблем и его командой, вершил суд и расправу. Один он командовал с юта.

«Это как крепкое вино, – сказал себе Блэкторн. – Однажды попробовав, никогда уже не забудешь, станешь искать, томиться жаждой. Это одна из тех вещей, которые сохраняют тебе жизнь, когда другие уже умерли».

Он встал и помочился в шпигат^[3]. Позднее, когда в часах на нактоузе высыпался весь песок, перевернул их и отбил склянки.

– Ты выстоишь вахту, не уснешь, Хендрик?

– Да. Думаю, не усну.

– Я пошлю кого-нибудь, чтобы сменил впередсмотрящего. Гляди: он стоит на ветру, а не в укрытии. Это не дает ему задремать.

На мгновение Блэкторн задумался, не должен ли он повернуть корабль против ветра и лечь в дрейф на ночь, и, решив, что нет, спустился по трапу, соединяющему палубы, открыл дверь на баке. Другой трап вел оттуда в кубрик, устроенный во всю ширину корабля, он вмещал лавки и подвесные койки для ста двадцати человек. Тепло окутало Блэкторна, и он, радуясь этому, не ощутил даже зловония трюмных вод, идущего снизу. Ни один из двадцати с лишним человек не двинулся на своей койке.

– Поднимайся вверх, Матсьюккер, – сказал он на смешанном жаргоне, на котором говорят в Нидерландах. Джон владел им в совершенстве, так же как португальским, испанским и латынью.

– Я умираю, – простонал маленький, остролицый человек, съеживаясь в своей койке. – Я болен. Посмотрите, цинга оставила меня без единого зуба. Господи Иисусе, помоги нам, мы все погибнем! Если бы не вы, мы бы все сейчас были дома, в безопасности. Я купец. Я не моряк. Я не из вашей команды... Поднимите кого-нибудь другого. Там Йохан... – Он плакал, когда Блэкторн вытащил его из койки и пихнул в сторону двери. Кровь выступила у Матсьюккера изо рта, он был оглушен. Жестокий удар в бок вывел его из ступора.

– Ты высунешь свою морду на палубу и останешься там, пока не помрешь, если только мы не достигнем берега раньше.

Бедолага открыл дверь и с трудом вышел.

Блэкторн посмотрел на остальных, а они – на него.

– Как ты себя чувствуешь, Йохан?

– Достаточно хорошо, капитан. Может быть, выживу.

Йохан Винк, сорока трех лет, был главным канониром и помощником старшего боцмана, самым старым на борту. Лысый и беззубый, он цветом кожи и крепостью сравнился со старым дубом. Шесть лет назад Винк ходил с Блэкторном в плавание на поиски Северо-Восточного прохода^[4], не увенчавшиеся успехом, и оба знали, кто чего стоит.

– В твоём возрасте большинство людей уже умирает, а ты держишься лучше всех нас. – Блэкторну было тридцать шесть.

Винк грустно улыбнулся:

– Это все бренди да бабы и вообще праведная жизнь, которую я вел.

Никто не засмеялся. Потом кто-то указал на койку:

– Капитан, умер старший боцман.

– Так поднимите тело наверх! Обмойте его и закройте глаза! Ты, ты и ты!

На этот раз люди быстро выбрались из своих коек и все вместе то ли выволокли, то ли вынесли труп из кубрика.

– Отстоишь рассветную вахту у штурвала, Винк, а ты, Гинсель, – на носу впередсмотрящим.

– Да, капитан.

Блэкторн вышел на палубу.

Он увидел, что Хендрик бодрствует, так что на корабле все в порядке. Сменившийся впередсмотрящий Соломон проковылял мимо него, скорее мертвый, чем живой, его глаза вспухли и покраснели от режущего ветра. Блэкторн подошел к другой двери и спустился вниз. Коридор привел его в большую каюту на корме, которая служила апартаментами генерал-капитана и пороховым погребом. Его собственная каюта располагалась по правому борту, другая, рядом, ближе к пушечным портам, обычно предназначалась для трех помощников капитана. В настоящее время в ней жили Баккус ван Некк, главный купец, Хендрик, третий помощник, и юнга Крок. Все они были больны.

Блэкторн вошел в большую каюту. Генерал-капитан Паулюс Спилберген лежал на койке в полубессознательном состоянии. Невысокий, краснолицый, прежде очень толстый, он порядком исхудал, кожа на животе вяло свисала складками. Блэкторн достал флягу с водой из потайного ящика и дал генерал-капитану напиться.

– Спасибо, – слабо сказал Спилберген. – Где земля, где земля?

– Впереди, – ответил капитан, сам не веря себе, и убрал флягу. Он не стал слушать стонаний генерал-капитана, а вышел, возненавидев его с новой силой...

Почти ровно год назад они достигли Огненной Земли, ветры благоприятствовали плаванию через неизвестный Магелланов пролив. Но генерал-капитан приказал высадиться на берег – искать золото и драгоценности.

– Ради бога, генерал-капитан, поглядите на берег! В этих пустынных местах нет сокровищ!

– Легенда гласит, что здешние края богаты золотом, и мы можем объявить их владениями славных Нидерландов.

– Здесь уже побывала тьма испанцев пятьдесят лет назад.

– Может быть, но они не забирались так далеко к югу, капитан.

– Так далеко к югу времена года меняются местами. В мае, июне, июле и августе здесь стоит зима. Руттер говорит, что сейчас самое время пройти пролив: через несколько недель ветры изменятся, и тогда мы застрянем здесь на зиму – на несколько месяцев.

– Через сколько недель, капитан?

– Руттер говорит, через восемь. Но сезон на сезон не приходится.

– Тогда мы поищем сокровища пару недель. Останется еще масса времени, и потом, если понадобится, мы повернем опять на север и разграбим несколько городов, а, господа?

– Мы должны попытаться сейчас, генерал-капитан. В Тихом океане у испанцев мало военных кораблей. А здешние воды кишат ими, и они ищут нас. Я считаю, мы должны отплыть сегодня же.

Но генерал-капитан заткнул ему рот, заручившись поддержкой других капитанов (один из них был англичанин, а трое – голландцы), и совершил бесполезную вылазку на берег.

В тот год ветры переменились рано и обрекли экспедицию на вынужденную зимовку; плыть к северу генерал-капитан побоялся из-за испанских кораблей. Прошло четыре месяца, прежде чем суда смогли

отплыть. К тому времени сто пятьдесят шесть человек умерли от голода, холода и кровавого поноса, они съели всю кожу со снастей. Ужасные шторма в проливе раскидали флотилию. «Эразм» оказался единственным кораблем, который прибыл к месту условленной встречи в Чили. Они ждали остальных месяц, а потом, преследуемые испанцами, поплыли в неизвестность. Секретный руттер кончился на Чили.

Блэкторн прошел обратно по коридору в собственную каюту и запер за собой дверь. Каютка была маленькая и опрятная, но бимсы – поперечные балки, тянувшиеся от борта до борта, – проходили так низко, что ему пришлось пригнуться, чтобы подобраться к столу. Он отпер ящик и аккуратно развернул сверток с остатками яблок, которые так бережно хранил тайком весь путь от острова Санта-Мария в Чили. Они были мятые и маленькие, с гнилыми боками. Он съел четвертинку плода. Внутри скрывалось несколько мелких личинок. Он сжевал их вместе с яблочной мякотью, вспомнив старое морское поверье, будто яблочные черви лечат от цинги не хуже фруктов и, будучи втерты в десны, предохраняют зубы от выпадения. Блэкторн жевал осторожно – зубы болели, и рыхлые, нарывающие десны были очень чувствительны, – потом выпил воды из винного меха, отвратительной на вкус. Остаток яблока он завернул и запер обратно в ящик.

Крыса пересекла круг света от масляной лампы, висящей над его головой. Шпангоуты приятно поскрипывали. По полу шныряли тараканы.

«Я устал. Так устал...»

Он взглянул на длинную узкую койку. Соломенный тюфяк звал прилечь.

«Поспи часок, – шептал ему дьявол. – Даже десять минут – и ты отдохнешь за неделю. Последние дни ты спишь всего по несколько часов, большей частью наверху, в холоде. Ты должен спать. Спи! Они надеются на тебя...»

– Я не могу. Я посплю завтра, – сказал он вслух и заставил себя отпереть рундук и вынуть оттуда свой руттер. Убедился, что другой, португальский, в безопасности, не тронут, и это обрадовало его. Блэкторн взял чистое перо и начал писать:

21 апреля 1600 года. Пятый час. Сумерки. 133-й день от момента отплытия с острова Санта-Мария в Чили, на 32-м

градусе северной широты. Волна все еще высокая, ветер сильный, и корабль идет под теми же парусами. Цвет моря блеклый, серо-зеленый, дна не видно. Мы все еще идем по ветру курсом 270 градусов, склоняясь к северо-северо-западу, двигаясь быстро, около двух лиг, по три мили в час. Большие рифы в форме треугольников были видны полчаса на расстоянии в половину лиги к северо-востоку и северу.

Ночью три человека умерли от цинги: парусный мастер Йорис, канонир Рейсс, второй помощник де Хаан. Поскольку генерал-капитан все еще болен, мне пришлось распорядиться, чтобы, поручив души этих несчастных Господу, их опустили в море без саванов – шить некому.

Сегодня умер старший боцман Рийклофф.

В полдень я не мог определить склонение по солнцу, и опять из-за облаков. Но я предполагаю, что мы все еще не сбились с курса и земля – Японские острова – появится скоро...

– Но как скоро? – спросил он фонарь, который покачивался над головой. – Как сделать карту? Должен быть курс, – сказал он себе в миллионный раз. – Как определить долготу? Должен быть способ. Как сохранить свежесть овощей? Что такое цинга?..

– Говорят, парень, эту напасть приносит море, – наставлял его в свое время Альбан Карадок, добродушный, с большим брюхом и спутанной седой бородой.

– Но, может быть, варить овощи и сохранять их в виде супа?

– Плохая идея. Никто еще не нашел способа сохранять отвар.

– Ходят слухи, что скоро отплывает Фрэнсис Дрейк.

– Нет, ты не сможешь отправиться с ним, парень.

– Мне почти четырнадцать. Вы позволили Тиму и Уатту записаться к нему, и ему нужен ученик штурмана.

– Им по шестнадцать. Тебе же только тринадцать.

– Говорят, что он собирается пройти Магеллановым проливом, потом плыть на север вдоль берега к неисследованным землям – до Калифорнии, чтобы найти Анианский пролив^[5], который соединяет Тихий и Атлантический океаны. Из Калифорнии все пути ведут к Ньюфаундленду, Северо-Западному проходу, наконец...

– Предполагаемому Северо-Западному проходу. Никто еще не доказал, что это не просто легенда.

– Он докажет. Он уже адмирал, и мы будем первыми английскими мореплавателями, прошедшими Магелланов пролив, первыми в Тихом океане, – мне никогда не выпадет другого такого шанса.

– О да, но он никогда не пройдет секретным маршрутом Магеллана, если только не выкрадет руттер или не захватит португальского штурмана, чтобы тот провел его. Сколько раз говорить тебе: твое ремесло требует терпения. Научись терпению, парень.

– Ну пожалуйста!

– Нет!

– Почему?

– Потому что он проплавает два-три года, может быть, и больше. Слабые и молодые будут получать самую плохую пищу и меньше всех воды. Из пяти вышедших кораблей только его судно вернется обратно. Ты не выживешь, парень.

– Тогда я запишусь на его судно. Я сильный. Он возьмет меня!

– Слушай меня, парень, я был с Дрейком на его пятидесятитонной «Юдифи» в Сан-Хуан-де-Улуа, когда он и адмирал Хокинс – на «Миньоне» – пробивались из гавани через заслон, поставленный этими говноедками-испанцами. Мы сбывали рабов из Гвинеи в испанский Мейн^[6], но у нас не было испанской лицензии на торговлю, и они обманули Хокинса – поймали нашу флотилию в ловушку. У них было тринадцать больших кораблей, у нас – шесть. Мы потопили три испанские посудыны, а они пустили ко дну наши «Ласточку», «Ангела», «Каравеллу» и «Иисуса из Любека». О да! Дрейк с боем вызволил нас из ловушки и привел домой. Если говорить честно, на борту оставалось одиннадцать человек. У Хокинса – пятнадцать. Из четырехсот восьмидесяти матросов. Дрейк безжалостен, парень. Он хочет славы и золота, но только для себя, и слишком много людей умерло, доказывая это.

– Но я не умру, я буду одним из...

– Нет, ты отдан в ученичество до двадцати лет. Мы подождем еще десять лет, и тогда ты будешь свободен. Но до того момента, до тысяча пятьсот семьдесят восьмого года, ты будешь учиться, как строить корабли и как управлять ими. Ты будешь слушаться Альбана Карадока, мастера-корабеля, штурмана и члена Тринити-Хаус^[7], или никогда не получишь лицензию. А без лицензии тебе никогда не стать капитаном ни одного английского корабля в английских водах, ты никогда не

будешь командовать на юте ни в каких водах, потому что таков закон доброго короля Гарри, упокой, Господи, его душу. Был еще закон этой великой блудницы Марии Тюдор – пусть она вечно горит в аду! – но это закон королевы, и пусть он правит в веках, это закон Англии и это лучший из морских законов, который когда-либо был принят.

Блэкторн помнил, как ненавидел тогда своего наставника и Тринити-Хаус, монополию, созданную Генрихом VIII в 1514 году для обучения штурманов и мастеров-корабелов и выдачи им лицензий, ненавидел двенадцать лет полурабства, которые одни, как он знал, открывали дорогу к единственно желанной цели. И он возненавидел Альбана Карадока еще больше, когда, покрыв себя немеркнущей славой, Дрейк и его стотонный шлюп «Золотая лань» чудесным образом вернулись в Англию после трехлетнего отсутствия. Это был первый английский корабль, совершивший кругосветное путешествие. Он доставил к английским берегам самый богатый груз награбленных сокровищ – невероятные полтора миллиона фунтов стерлингов золотом, серебром, пряностями, серебряной и золотой посудой.

То, что в походе погибли четыре из пяти кораблей, восемь из каждых десяти моряков, что Тим и Уатт сгнули, а экспедицию Дрейка провел через Магелланов пролив в Тихий океан захваченный в плен португальский штурман, не успокоило ненависть. То, что Дрейк повесил одного из своих офицеров, отлучил от Церкви капеллана Флетчера и не смог найти Северо-Западный проход, не уменьшило народного восхищения. Королева оставила Дрейку половину привезенных сокровищ и удостоила его рыцарского звания. Джентри – мелкопоместные дворяне – и купцы, которые финансировали экспедицию, получили триста процентов прибыли и молили взять у них денег на следующее пиратское предприятие. И все моряки мечтали плыть с ним, потому что он много награбил и со своей долей добычи вернулся домой, а немногие выжившие счастливики обеспечили себя до конца жизни.

«Я бы тоже выжил, – сказал себе Блэкторн. – Я бы выжил. И моя доля сокровищ была бы достаточна, чтобы...»

– Риф впереди!

Он сначала почувствовал, а потом услышал крик. И вновь сквозь рев бури донесся пронзительный вопль.

Блэкторн выскочил из каюты и помчался по трапу на ют. Сердце его колотилось, горло пересохло. Была уже темная ночь, лил дождь, и он возликовал: сделанные много недель назад парусиновые сборщики влаги скоро наполнятся доверху. Открытым ртом он ловил почти горизонтально летящие струи, чувствуя сладость дождя... Но откуда этот вопль?

Он увидел Хендрика, парализованного ужасом. Впередсмотрящий Матсюккер съежился на носу, крича что-то неразборчивое и указывая вперед. Тогда он тоже посмотрел в море.

Риф был всего лишь в двухстах ярдах впереди – большие черные скалы, о которые разбивались волны ненасытного моря. Пеннистая линия прибоя тянулась налево и направо, время от времени прерываясь. Буря вздымала огромные полосы пены и бросала их в ночную темноту. Вырвало фал на форпике и унесло самое высокое рангоутное дерево. Мачта дрожала в гнезде, но держалась, и море неумолимо несло корабль к гибели.

– Все на палубу! – прокричал Блэкторн и с яростью зазвонил в колокол.

Звук вывел Хендрика из ступора.

– Мы погибли! – прокричал он по-голландски. – Боже, помоги нам!

– Гони команду на палубу, негодяй! Ты проспал! Вы оба спали! – Блэкторн толкнул его в сторону трапа, подскочил к штурвалу, распустил концы, крепящие рукояти в одном положении, привязался сам и с трудом крутанул штурвал влево.

Он напряг все свои силы, когда руль ударился о стремительно несущийся поток воды. Весь корабль содрогнулся. Затем по мере того, как слабел натиск ветра, нос корабля начал поворачиваться все быстрее и быстрее, и вскоре они стали бортом к ветру и волнам. Штормовые топсели надулись и отчаянно пытались стронуть с места корабль, все снасти, натянутые как струны, стонали. В следующее мгновение море вздыбилось над ними и понесло корабль параллельно рифу, и тут Блэкторн увидел следующий вал, еще больше. Он издал хриплый возглас, предупреждая об опасности моряков, спешащих от бака, и изо всех сил вцепился в штурвал.

Море, обрушившись на корабль, накренило его, Блэкторн подумал, что «Эразм» пойдет ко дну, но тот встряхнулся, как мокрый терьер, и выскочил из впадины между валами. Вода каскадами скатывалась в

шпигаты. Блэкторн глотнул воздуха. Он увидел, что тело старшего боцмана, оставленное на палубе в ожидании завтрашнего погребения, исчезло и что следующая стена воды еще выше. Она подхватила Хендрика, подняла его, хватавшего ртом воздух, и унесла за борт. Вторая волна с ревом прокатилась через палубу. Блэкторн схватился за штурвал, и его не смыло. А Хендик был уже в пятидесяти ярдах от левого борта. Волна слизнула его, отступая, проволокла вдоль борта, вознесла на гребень – мгновение он продержался в вышине, пронзительно крича, – потом унесла, ударила о скалы и поглотила.

Корабль ушел носом в воду, пытаясь проложить себе путь. Сорвало еще один фал и блок, а снасти бегучего такелажа бешено закрутились и перепутались.

Винк и еще один моряк пробрались на ют и навалились на штурвал, пытаясь помочь капитану. Блэкторн видел, как риф стремительно приближается к правому борту. Впереди и слева в нескольких местах виднелись просветы.

– Лезь наверх, Винк. Распусти фок!

Фут за футом Винк и два других моряка карабкались по вантам фок-мачты, а остальные внизу налегали на канаты, помогая им.

– Смотрите вперед! – прокричал Блэкторн.

Волна вспенилась вдоль палубы и уволокла еще одного моряка, выкинув на борт труп старшего боцмана. Нос вынырнул из воды и ушел вниз, на палубу хлынула вода. Винк и другой моряк освободили парус. Он резко раскрылся с оглушительным, как пушечный выстрел, хлопком, когда ветер наполнил его, и корабль накренился.

Винк и его помощники висели, качаясь над морем, потом начали спускаться.

– Риф, риф впереди! – прокричал Винк.

Блэкторн и помогавшие ему моряки крутанули штурвал вправо. Корабль заколебался, потом повернул и заскрежетал, когда скалы, едва видимые над поверхностью воды, прошли вдоль борта. Но это был косой удар, и раскрошился только выступ скалы, а шпангоуты остались целы. Люди вздохнули свободно.

Блэкторн увидел проход в рифе впереди и направил корабль туда. Ветер теперь стал сильнее, море – еще яростнее. Корабль отклонился от курса под порывом ветра, и колесо вывернулось из рук. Все вместе моряки ухватили штурвал и опять поставили корабль на курс, но он

вертелся и качался как пьяный. Волна хлынула через борт, ворвалась на бак, ударив одного моряка о переборку, палубу залило водой.

– Все к помпам! – прокричал Блэкторн и увидел, что двое моряков побежали вниз.

Дождь хлестнул его по лицу, и он скривился от боли. Свет у нактоуза и рейдовый огонь давно погасли. Тут новый порыв ветра сбил судно с курса, матрос поскользнулся, и колесо снова вырвалось у него из рук. Он вскрикнул, когда рукоятка штурвала ударила его в висок, и упал, отдавшись на волю моря. Блэкторн поднял его и держал, пока кипящий вал не прошел. Тут он увидел, что моряк мертв, толкнул его в кресло, и следующая волна смыла тело в море.

Проход через рифы был в трех румбах к ветру, и Блэкторн, сколько бы ни старался, не мог бы в него войти. Он с отчаянием искал другой просвет, но знал, что ищет напрасно, поэтому позволил судну идти по ветру, чтобы набрать скорость, потом резко повернул его против ветра. Удалось немного выиграть в расстоянии и удержать курс.

Затем раздался ноющий звук, и корпус мучительно содрогнулся, когда киль проволочся по острым выступам рифа под ними, и все на борту ясно представило, как расходятся дубовые шпангоуты и море врывается в трюм. Корабль, теряя управление, клюнул носом.

Блэкторн закричал, взывая о помощи, но никто не услышал его, поэтому он сам боролся со штурвалом, оставшись с волнами один на один. Он был отброшен в сторону, но ощупью вернулся обратно, удивляясь смутно, как это руль еще цел.

В самом узком месте прохода море превратилось в сплошной водоворот, зажатый между скалами. Громадные волны разбивались о риф, откатывались обратно, ударялись о вновь набегавшие и сталкивались в бешеном вихре. Неуправляемый корабль был втянут в эту воронку боком.

– Плевать на тебя, шторм! – проревел Блэкторн. – Убери свои грязные лапы от моего корабля!

Колесо закрутилось снова и отбросило его, палуба угрожающе наклонилась. Бушприт ударился о скалу и оторвался вместе с частью такелажа, после чего судно выпрямилось. Передняя мачта изогнулась, как лук, и сломалась. Люди на палубе бросились на такелаж с топорами, чтобы рубить его, в то время как судно проскочило в бушующий пролив. Они освободили мачту, которая ушла за борт,

увлекая запутавшегося в такелаже моряка. Тот закричал, попав в ловушку, но никто ничего не мог поделать. Все только следили, как он и мачта мелькнули у борта, исчезли и больше уже не появлялись.

Винк и остальные, сгрудившиеся у левого борта, оглянувшись, увидели, что на юте Блэкторн как одержимый борется с бурей. Они перекрестились и стали молиться еще горячее, некоторые плакали от страха.

Проход на мгновение расширился, и корабль замедлил ход, но впереди просвет опять угрожающе сужался, и скалы, казалось, выросли, возвышаясь над судном.

Течение, ударяя в борт судна, отступало отбойными волнами, увлекало его за собой, сбивало с траверза, бросало на волю судьбы.

Блэкторн перестал проклинать шторм и пытался повернуть штурвал влево, повиснув на нем, – его мускулы вздулись узлами от напряжения. Но корабль не слушался ни руля, ни волн.

– Поворачивай, ты, старая шлюха из ада! – Он задыхался, его силы быстро убывали. – Помоги мне!

Напор волн усилился, и он почувствовал, что сердце вот-вот разорвется, но все еще противостоял давлению воды на руль. Он изо всех сил напрягал зрение, но все перед глазами качалось, краски меркли. Корабль был в горловине пролива и не двигался, но как раз в этот миг киль царапнул по глинистой отмели. Удар развернул нос судна. Руль врезался в толщу воды. И тут воздушная и морская стихии объединились, вместе они привели корабль к ветру, и тот прошел через горловину в укромное место. В бухту, находившуюся впереди.

Часть первая

Глава 1

Блэкторн проснулся неожиданно. Какое-то мгновение он думал, что видит сон: он на берегу и комната такая... невероятная: маленькая, очень чистая и устлана мягкими матами. Он лежит на толстом стеганом тюфяке, другой брошен на него. Потолок сделан из полированного кедра, а стены представляют собой решетки из кедровых реек, покрытые непрозрачной бумагой, которая приятно приглушает свет. Сбоку от него маленький поднос ярко-красного цвета с небольшими мисочками. В одной были холодные вареные овощи, и он проглотил их, едва заметив пикантный вкус. В другой – рыбный суп, который он выпил. Густую кашу из пшеницы или ячменя съел, помогая себе пальцами. Вода в странной формы бутылке из тыквы была теплой и необычной на вкус – горьковатая, но приятная.

Тут он заметил распятие в нише.

«Этот дом испанский или португальский, – подумал он в ужасе. – Это Япония? Или Китай?»

Стенная панель отодвинулась в сторону. Среднего возраста полная круглолицая женщина стояла за ней на коленях, кланялась и улыбалась. Кожа золотистого цвета, глаза черные и узкие, а длинные черные волосы аккуратно уложены. На ней было серое шелковое платье, белые носки, широкий красный пояс обхватывал талию.

– *Госюдзинсама, гокибун ва икага дэсу ка?*^[8] – сказала она и умолкла, ожидая ответа, но Блэкторн лишь смотрел на нее непонимающе, и она повторила сказанное.

– Это Японские острова? – спросил он. – Япония? Или Китай?

Теперь она уставилась на него в недоумении и произнесла что-то еще. Блэкторн вдруг осознал, что он голый. Одежды его нигде не было видно. Жестами он объяснил, что хочет одеться. Потом показал на чашки для еды, и женщина поняла, что он все еще голоден.

Она улыбнулась, поклонилась и задвинула дверь.

Он лежал на спине, изнуренный, несчастный, терзаемый болью. Сделав усилие над собой, он попытался собраться с мыслями. «Я помню, как отдавал якорь, – подумал он. – С Винком. Возможно, это был Винк. Мы оказались в бухте, корабль уткнулся носом в отмель и остановился. Мы могли слышать шум волн, разбивающихся о берег, но

были в безопасности, все. На берегу горели огни, потом я оказался в каюте, в темноте. Я ничего не помню. После там, в темноте, появились огни и зазвучали незнакомые голоса. Я говорил по-английски, затем по-португальски. Один из местных жителей немного понимал по-португальски. Или он был португалец? Нет, думаю, туземец. Я спрашивал его, где мы находимся? Не помню. Потом мы опять очутились на рифе, пришла еще одна большая волна, меня вынесло в море, и я тонул – и замерзал, – нет, море было теплым, как шелковая постель в морскую сажень толщиной. Они, видимо, вынесли меня на берег и положили здесь».

– Наверное, это на постели я чувствовал себя так мягко и тепло, – сказал он вслух. – Я никогда не спал до этого на шелке.

Слабость одолела его, и он забылся сном без видений.

Когда Блэкторн проснулся, в керамических мисочках снова была еда, а рядом лежала одежда, сложенная аккуратной стопкой. Ее постирали, погладили и заштопали мелкими аккуратными стежками.

Но ножа и ключей не было.

«Мне бы лучше найти нож, и поскорее, – подумал он, – или пистолет».

Его глаза обратились к распятию. Несмотря на страх, в нем росло возбуждение. Всю свою жизнь он слышал от капитанов и матросов о том, что португальцы обратили азиатских язычников в католичество и держат их в рабстве, о невероятных сокровищах потаенных владений Португалии на Востоке, где золото так же дешево, как чугун в слитках, а изумрудов, рубинов, алмазов и сапфиров не меньше, чем гальки на берегу.

«Если рассказы о католичестве верны, – сказал он себе, – может быть, верно и остальное. О сокровищах. Да. Но чем скорее я возвращу себе оружие и вернусь на „Эразм“, к пушкам, тем лучше».

Он жадно проглотил еду, оделся и стоял, качаясь, чувствуя себя не в своей тарелке, как всегда на берегу. Его башмаков не было. Он пошел к двери, слегка пошатываясь, и вытянул руку, чтобы устоять, но легкие рейки не могли выдержать его веса и расщепились, бумага порвалась. Он выпрямился. Женщина, которую он задел, смотрела на него из коридора.

– Извините, – пробормотал Блэкторн, странно смущенный своей неловкостью. Порядок в комнате был нарушен. – Где мои башмаки?

Женщина опять посмотрела на него непонимающе. Тогда, не теряя терпения, он на языке жестов спросил у нее о том же. Она заторопилась по коридору, встала на колени, сдвинула другую панель из реек и поманила его. Рядом послышались голоса и звук бегущей воды. Он прошел в проем и оказался в другой комнате, также почти пустой. Она выходила на веранду с лестницей, которая вела в маленький сад, окруженный высокой стеной. Сбоку от этого главного входа стояли две старухи, три ребенка в ярко-красных одеждах и старик, очевидно садовник, с граблями в руках. Они все сразу с серьезным видом поклонились ему и держали головы опущенными.

К своему удивлению, Блэкторн увидел, что старик голый, если не считать короткой узкой набедренной повязки, прикрывающей его чресла.

– Доброе утро, – сказал он им, не придумав ничего лучше.

Они так и застыли в поклоне.

В замешательстве он посмотрел на них, потом снова неуклюже поклонился. Они все выпрямились и улыбнулись ему. Старик поклонился еще раз и вернулся к своей работе в саду. Дети поглазели на него, потом со смехом убежали. Старухи исчезли в глубине дома. Но он чувствовал на себе их взгляды.

Внизу у лестницы он увидел свои башмаки. Прежде чем он поднял их, женщина средних лет опустилась на колени и, смутив его окончательно, помогла ему обуться.

– Спасибо. – Он подумал минуту, потом указал на себя. – Блэкторн, – проговорил он со значением. Потом указал на нее: – А ваше имя?

Она взирала на него в растерянности.

– Блэкторн, – повторил он отдельно, указывая на себя. Потом указал на нее: – Как ваше имя?

Она нахмурилась, потом сообразила, указала на себя и объявила:

– *Онна!*^[9] *Онна!*

– *Онна!* – повторил он, столь же гордый собой, как и она. – *Онна.*

Она радостно кивнула:

– *Онна!*

Сад не был похож ни на что виденное им раньше: ручей с маленьким водопадом и мостиком, ухоженные гравийные дорожки,

камни, цветы и кусты. «И так чисто, – подумал он. – Так все искусно сделано».

– Невероятно, – вздохнул он.

– *Нефрятнер?* – повторила она с готовностью.

– Ничего, – произнес он. Затем, не зная, что еще можно сделать, махнул рукой: ступайте себе! Она вежливо поклонилась и послушно ушла.

Блэкторн сел на солнышке, прислонившись к столбу. Чувствуя себя очень слабым, он наблюдал за тем, как старик полет уже прополотый сад. «Хотел бы я знать, где остальные. Жив ли еще генерал-капитан? Сколько дней я спал? Я могу вспомнить только, как просыпался, ел, и спал, и опять ел, не насыщаясь, будто во сне».

Дети прибежали обратно, гоняясь друг за другом, и ему стало неловко за наготу садовника. Когда тот наклонялся, на виду оказывался весь срам, но, к удивлению Блэкторна, дети, похоже ничего не замечали. Он видел черепичные и соломенные крыши других строений за садовой оградой и – далеко в стороне – высокие горы. Резкий ветер, расчищая небо, гнал облака. Летали за взятком пчелы, день был удивительно приятный, весенний. Его тело требовало еще сна, но он выпрямился и зашагал к калитке. Садовник улыбнулся с поклоном, побежал открывать калитку, снова поклонился и закрыл ее за ним.

Деревня изгибалась серпом вокруг гавани, смотрящей на восток. Около двухсот домов гнездились у подножия горы, склон которой сбегал, понижаясь, к берегу. Выше террасами располагались поля и проходили грунтовые дороги, ведущие на север и на юг. Ниже лежала набережная, вымощенная булыжником, и каменный наклонный спуск для судов уходил с берега в воду. Хорошая, безопасная гавань и каменная пристань; мужчины и женщины, чистящие рыбу и плетущие сети; удивительной формы лодку строили в северной части. Далеко в море, на западе и юге, виднелось несколько островов. Где-то там, за горизонтом, остались рифы.

В гавани было много других лодок необычной формы, большинство из них рыбацкие, некоторые с одним большим парусом, некоторые с одним кормовым веслом – гребец стоял и отталкивался им, а не греб сидя, как сделал бы Блэкторн. Несколько лодок выходило в море, другие направлялись в деревянный док. «Эразм» стоял в

пятидесяти ярдах от берега, аккуратно пришвартованный тремя носовыми канатами. «Кто это сделал?» – спросил он себя. Вдоль борта судна покачивались лодки, и он мог видеть, что на борту находятся туземцы. Но никого из его команды там не было. Куда все подевались?

Блэкторн оглядел деревню и осознал, что за ним наблюдает много народу. Увидев, что замечены чужаком, все сразу закланялись, и он, все еще чувствуя неудобство, поклонился в ответ. Вокруг тут же закипела оживленная деятельность: люди сновали взад и вперед, останавливались, торговались, кланялись друг другу, видимо забыв о незнакомце. Они походили на разноцветных бабочек. Однако, держа путь к берегу, он чувствовал, что из каждого окна, из каждой дверей за ним следят любопытные глаза.

«Почему они кажутся такими странными? – спросил он себя. – Из-за одежды? Или поведения? Не только. Из-за того, что у них нет оружия, – осознал он удивленно. – Ни мечей, ни ружей! Почему?»

Открытые лавки, заполненные странными товарами и тюками, вытянулись вдоль маленькой улицы. Чистые деревянные полы были подняты над землей на сваях, продавцы и покупатели стояли на коленях или сидели на корточках. Он увидел, что почти все обуты в деревянные сабо или плетенные из тростника сандалии, на некоторых были все те же белые носки, которые раздваивались между большим пальцем и остальными, образуя просвет для ремешков сандалий, но они снимали сабо и сандалии снаружи у дома в грязи. А разувшись, вытирали ноги и надевали чистые комнатные сандалии. «Это очень правильно, если вдуматься», – заключил он про себя почти с благоговением.

Потом в глаза ему бросился приближающийся мужчина с тонзурой, и страх захватил его, болезненно распространяясь от яичек к желудку. Священник, португалец или испанец. Хотя свободное верхнее одеяние было оранжевым, четки и распятие на поясе не оставляли сомнений, как и холодно-враждебное выражение лица. Одежда была запятнана дорожной грязью, выпачкались в ней и европейского фасона башмаки. Священник оглянулся на гавань, на «Эразм», и Блэкторн понял: тот догадался, что судно голландское или английское – новейшей постройки, легкое, быстроходное, торгово-военное, обустроенное и усовершенствованное по образцу английских каперов, которые производили опустошение на испанских торговых путях. Священника

сопровождало десять туземцев, черноволосых и черноглазых, один был одет как падре, за исключением плетеных сандалий. Другие носили разноцветные одежды, или свободные штаны, или просто набедренные повязки. Но никто не имел оружия.

Блэкторн хотел бежать, но не нашел в себе сил, и спрятаться было негде. Рост, размеры и цвет глаз делали его чужаком, белой вороной в этом мире. Он прислонился спиной к стене.

– Кто вы? – спросил по-португальски священник, смуглый упитанный мужчина лет двадцати пяти, с длинной бородой.

– А вы кто? – вперил в него суровый взгляд Блэкторн.

– А, нидерландские каперы! Вы еретики, голландцы. Вы пираты. Боже, спаси ваши души!

– Мы не пираты. Мы купцы и живем в мире со всеми, если не считать наших врагов. Я капитан этого корабля. А вы кто?

– Я отец Себастио. Как вы попали сюда? Как?

– Нас выкинуло на берег штормом. Что это за страна? Япония?

– Да, Япония, Ниппон, – сказал священник нетерпеливо.

Он повернулся к одному из мужчин, старшему из всех, небольшому и сутулому, с сильными руками и мозолистыми ладонями, чья голова тряслась, а волосы, заплетенные в тонкую косичку, были седыми, как и брови. Священник, запинаясь, заговорил с ним по-японски, указывая на Блэкторна. Туземцы чему-то удивлялись, и один, словно защищаясь, перекрестился.

– Голландцы – еретики, бунтовщики и пираты. Как ваше имя?

– Это португальское поселение?

Глаза священника, налитые кровью, смотрели жестко.

– Староста деревни говорит, что сообщил властям о вас. Ваши прегрешения известны. Где ваша команда?

– Мы сбились с курса. Нам всего и нужно, что получить пищу, воду и время для починки нашего корабля. Потом мы уплывем. Мы можем заплатить за все...

– Где остальные члены вашей команды?

– Я не знаю. На борту. Думаю, они на борту.

Священник снова поговорил со старостой, который отвечал и показывал на другой конец деревни, что-то подробно объясняя. Священник повернулся к Блэкторну:

– Они очень строги с преступниками, капитан. *Даймё* придет с самураями. Помилуй вас Бог!

– Кто такой даймё?

– Феодалный властитель. Он владеет всей этой провинцией. Как вы оказались здесь?

– А самураи?

– Воины, солдаты, представители военного сословия. – Священник говорил с нарастающим раздражением. – Откуда вы и кто?

– Никак не признаю вашего говора, – сказал Блэкторн, стараясь вывести его из равновесия. – Вы испанец?

– Я португалец! – вспыхнул священник, охваченный гневом. – Я сказал вам, я – отец Себастио из Португалии. Где вы так хорошо выучились португальскому языку, а?

– Но Португалия и Испания теперь одна страна, – поддел Блэкторн. – У вас один король.

– Мы разные страны. Мы разные народы. Так было всегда. У нас свой собственный флаг. Свои заморские владения, да, свои. Король Филипп согласился на это, когда прибрал к рукам мою страну. – Отец Себастио усилием воли сдержал гнев, его пальцы дрожали. – Он взял мою страну силой оружия двадцать лет назад! Его солдаты и это дьявольское отродье, испанский тиран, герцог Альба, они разгромили нашего истинного короля. Дьявол! Сейчас царствует сын Филиппа, но он на самом деле не наш король. Скоро мы опять будем иметь своего собственного короля. – Потом он добавил с горечью: – Вы знаете, что это правда. То, что этот дьявол Альба сотворил с вашей страной, он проделал и с моей.

– Это ложь! Альба был чумой для Нидерландов, но никогда не завоевывал их. Они все еще свободны. Всегда останутся свободными. А в Португалии он разгромил одну маленькую армию, и вся страна сдалась ему. Не хватило смелости. Вы могли бы разбить Испанию, если бы хотели, но никогда не сделаете этого. Нет чести. Нет совести. Только и можете, что сжигать невинных во имя Бога.

– Мой Бог испепелит вас в адском пламени! – вспыхнул священник. – Сатана проник к вам на борт и будет уничтожен. Еретики будут уничтожены. Вы будете прокляты перед Богом!

К своему удивлению, Блэкторн почувствовал невольный ужас. «Священники не уха Божье и не уста Его. Мы свободны от вашего

вонючего ярма и собираемся остаться свободными!»

Всего сорок лет назад Англией правила кровавая Мария Тюдор, супруга будущего короля Испании Филиппа II Жестокого. Эта глубоко религиозная дочь Генриха VIII вернула католических священников и инквизиторов, ввела пытки еретиков, восстановила власть папы римского над Англией, поставила крест на всех завоеваниях своего отца, всех исторических изменениях во славу Римской церкви против воли большинства. Все пять лет ее правления королевство раздирали на части ненависть, страх и кровавая вражда. Но она умерла, и на трон взошла двадцатичетырехлетняя Елизавета.

При мысли о ней Блэкторн переполняли удивление и глубокая сыновняя любовь. Сорок лет она воевала со всем миром. Перехитрила и одолела пап, Священную Римскую империю, Францию и Испанию, объединившихся друг с другом. Отлученная от Церкви, проклиная за границей, она привела Англию в гавань – безопасную, надежную, обособленную.

– Мы свободны, – бросил Блэкторн священнику. – Вы побеждены. Мы теперь имеем свои школы, собственные книги, собственную Библию, собственную Церковь. Вы – те же самые испанцы. Пададь. У вас те же самые монахи. Молящиеся идолу!

Священник поднял распятие, выставив его между собой и Блэкторном, как щит:

– О Боже, защити нас от дьявола! Я не испанец, говорю вам! Я португалец. И не монах. Я брат Общества Иисуса!

– А, один из этих. Иезуит!

– Да. Мой Бог спасет вашу душу! – Отец Себастио выпалил что-то по-японски, и один из его спутников приблизился к Блэкторну. Тот прислонился спиной к стене и сильно ударил японца ногой, но остальные накинулись скопом, и капитан согнулся под ударами.

– *Нани кото да?*

Драка сразу прекратилась.

В десяти шагах от них стоял молодой человек в широких, словно юбка, штанах, вроде шаровар, сандалиях на деревянной подошве и легком халате с широкими рукавами. За пояс его были заткнуты два клинка: один типа кинжала, другой – двуручный меч, длинный и слегка изогнутый. Правая рука словно ненароком оказалась на рукоятке.

– *Нани кото да?* – спросил он хрипло и, когда никто не ответил сразу, повторил: – *НАНИ КОТО ДА?*

Японцы упали на колени, их головы склонились в грязь. Только один священник остался стоять. Он поклонился и начал объяснять, запинаясь, но молодой японец презрительно оборвал его и показал на старосту:

– Мура!

Мура, староста, не поднимая головы, быстро залопотал. Несколько раз он ткнул пальцем в Блэкторна, один раз в корабль и два раза в священника. Теперь на улице прекратилось всякое движение. Все, кто был на виду, стояли на коленях и низко кланялись. Староста кончил говорить. Вооруженный человек надменно допрашивал его еще некоторое время, и он отвечал четко и быстро. Потом воин что-то сказал старосте и с явным презрением указал на священника, потом на Блэкторна, и седоволосый, видимо, пояснил его слова священнику, тот покраснел.

Воин, который был на голову ниже и много моложе Блэкторна, обратил к нему красивое, в редких оспинках, лицо:

– *Онуси иттаи доко кара кита но да? Доко но куни но моно да?*

Священник нервно перевел:

– Касиги Оми-сан спрашивает, откуда вы прибыли и какой национальности?

– А Оми-сан – даймё? – спросил Блэкторн, с опаской косясь на меч.

– Нет. Он самурай, который отвечает за деревню. Его фамилия Касиги, Оми – его имя. Здесь они всегда сначала называют фамилию. «Сан» означает «благородный», и вы добавляете его ко всем именам из вежливости. Вам лучше научиться вежливости и быстрее приобрести хорошие манеры. Здесь не терпят плохих манер. – Его голос стал строже. – Поторопитесь с ответом!

– Я из Амстердама. Англичанин.

Было заметно, что отец Себастио поражен. Он сказал самураю:

– Англичанин. Из Англии, – и начал объяснять, но Оми нетерпеливо оборвал его и разразился потоком слов.

– Оми-сан спрашивает, не вы ли старший. Староста говорит, что живы только несколько еретиков из вашей команды и большинство из них больны. Среди вас есть генерал-капитан?

– Я старший, – ответил Блэкторн, хотя, по правде говоря, теперь, на берегу, должен был командовать адмирал. – Я командую, – добавил он, зная, что генерал-капитан Спилберген не способен командовать ни на берегу, ни на борту, даже будучи здоровым и сытым.

Самурай разразился новым потоком слов.

– Оми-сан говорит: раз вы старший, вам разрешено свободно ходить по деревне где хотите, пока не приедет господин. Его господин, даймё, решит вашу судьбу. До тех пор вам разрешается жить на положении гостя в доме старосты, приходить и уходить когда угодно. Но вы не должны оставлять деревню. Ваша команда ограничена в передвижениях, им нельзя покидать дом. Вы поняли?

– Да, а где моя команда?

Отец Себастио показал на скопление домов около пристани, явно расстроенный решением Оми и его нетерпением:

– Там! Радуйся свободе, пират. Тебе дьявольски повезло с...

– *Вакаримас ка?* – Оми обратился непосредственно к Блэкторну.

– Он говорит: вы поняли?

– Как будет «да» по-японски?

Отец Себастио сказал самураю:

– *Вакаримас.*

Оми презрительно махнул им рукой, чтобы уходили. Все отвесили ему низкий поклон. За исключением одного мужчины, который стоял не кланяясь, в нерешительности.

С неуловимой скоростью боевой меч очертил сверкающую дугу, и голова мужчины свалилась с плеч, обдав землю фонтаном крови. Тело несколько раз изогнулось в конвульсиях и застыло без движения. Непроизвольно священник отступил на шаг. Ни у кого на лице не дрогнул ни единый мускул. Головы остались склоненными. Блэкторн остолбенел.

Оми небрежно поставил ногу на труп.

– *Икимас!*^[10] – сказал он, махнув рукой, чтобы они ушли.

Люди перед ним опять поклонились до земли, а затем ушли.

Улица стала пустеть. И лавки тоже.

Отец Себастио глянул вниз, на тело. Медленно перекрестил его, произнес:

– Во имя Отца, Сына и Святого Духа, – и оглянулся на самурая, но теперь без страха.

– *Икимаc!* – Блестящее острие меча опустилось на тело.

Спустя долгое мгновение священник повернулся и ушел. С достоинством. Оми пристально смотрел на него, потом оглянулся на Блэкторна. Тот попятился, отойдя на безопасное расстояние, быстро завернул за угол и исчез.

Оми неудержимо расхохотался. Улица теперь была пуста. Отсмеявшись, он обеими руками схватился за меч и начал методично рубить тело на мелкие куски.

Блэкторн сидел в маленькой лодке, лодочник кормовым веслом весело правил к «Эразму». Никто не чинил чужеземцу препятствий, и теперь он наблюдал за людьми на главной палубе: их было много – все самураи. Некоторые в защитных нагрудниках, но большинство только в кимоно, как они называли свою одежду, и у каждого по два клинка. Все носили одинаковую прическу: у лба и на темени волосы выбриты, а дальше смазаны маслом и собраны в узел на макушке. Только самураям разрешалась такая прическа, более того – предписывалась. Только самураи могли носить два клинка: длинный двуручный боевой меч и короткий, похожий на кинжал, и это тоже было для них обязательно.

Самураи стояли вдоль борта, наблюдая за ним.

Охваченный беспокойством, Блэкторн поднялся по сходням и прошел на палубу. Один самурай, более изысканно одетый, подошел к нему и поклонился. Блэкторн, получивший наглядный урок хороших манер, поклонился каждому, и все на палубе встретили его дружелюбно. Он еще не изжил ужас от неожиданного убийства на улице, и улыбки не успокоили его. Двинувшись к трапу, ведущему на другую палубу, он внезапно остановился. Поперек двери была приклеена широкая лента красного шелка и сбоку от нее – маленький знак со странными закорючками. Он поколебался, проверил другую дверь, но и та была опечатана красной лентой, и такой же знак был прибит гвоздями к перегородке.

Он подошел, чтобы снять шелковую ленту.

– *Хоттэ окэ!*^[11] – Чтобы замечание было понятней, самурай-часовой покачал головой. Он больше не улыбался.

– Но это мой корабль, и я хочу... – Блэкторн, глядя на мечи, старался скрыть свое беспокойство.

«Я должен спуститься ниже, – подумал он. – Я должен перепрятать руттеры, свой и секретный. Иисус Христос! Если их найдут и отдадут священникам или японцам, мы погибли. Любой суд в мире – за пределами Англии и Нидерландов – вынесет нам суровый приговор как пиратам при таких доказательствах. В моем руттере записаны даты, места и количество награбленного, число убитых на трех наших вылазках в Южной и Северной Америке, число разоренных церквей. Там записано, как мы жгли города и торговые корабли. А португальский руттер? Это наш смертный приговор, ведь он, конечно, краденый.

По крайней мере, он куплен у португальца-предателя, и по их законам любой иностранец, ставший хозяином такого журнала, позволяющего проходить Магелланов пролив, должен быть сразу же осужден на смерть. И если руттер найден на борту вражеского корабля, корабль подлежит сожжению, а вся команда на борту – немедленной казни».

– *Нан но ё да?*^[12] – сказал один самурай.

– Вы говорите по-португальски? – спросил Блэкторн на этом языке. Самурай пожал плечами:

– *Вакаримасэн*^[13].

Другой выступил вперед и тихо заговорил с начальником, который кивнул в знак согласия.

– Португальцы – друзья, – произнес самурай по-португальски с сильным акцентом. Он распахнул ворот кимоно и показал маленькое деревянное распятие, висящее у него на шее. – Христианин! – Он указал на себя и улыбнулся. – Христианин. – Он указал на Блэкторна: – Христианин *ка?*^[14]

Блэкторн поколебался, потом кивнул:

– Христианин.

– Португалец?

– Англичанин.

Японец поговорил со своим начальником, затем оба они пожали плечами и опять оглянулись на него.

– Португалец?

Блэкторн покачал головой, сожалея, что вынужден не соглашаться с ними хоть в чем-нибудь.

– Мои друзья – где они?

Самурай показал на восточный край деревни:

– Друзья там.

– Это мой корабль. Я хочу спуститься вниз. – Блэкторн, подкрепляя речь жестами, повторил это несколько раз, и они наконец поняли.

– *А, со дэс! Киндзиру*^[15]. – Они говорили с оживлением, указывая на печать и улыбаясь.

Было совершенно ясно, что ему не разрешат спуститься вниз. «*Киндзиру* должно означать запрещение, – с досадой подумал Блэкторн. – Ну и бог с ним!» Он повернул ручку двери и приоткрыл ее.

– *КИНДЗИРУ!!!*

Его рывком развернули, и он оказался лицом к лицу с самураями. Их мечи были наполовину вынуты из ножен. Не двигаясь, японцы ждали, что он решит. Другие на палубе бесстрастно наблюдали за ними.

Блэкторн знал, что у него нет другого выбора, как повернуть обратно, поэтому он пожал плечами и ушел проверить оснастку как можно тщательней. Превратившиеся в лохмотья паруса были спущены и привязаны, как и положено. Но узлы отличались от всех виденных им раньше, поэтому он предположил, что о сохранности судна позаботились японцы. Он стал спускаться по сходням, но остановился, почувствовав, как на спине выступил холодный пот: самураи недоброжелательно рассматривали его, и он подумал: «Боже мой, как мог я так сглупить!» Правда, после его вежливого поклона враждебность сразу же исчезла, все поклонились ему в ответ и опять заулыбались. Но он еще чувствовал, как пот тонкими струйками стекает по спине, ненавидел все, что связано с японцами, и хотел вместе со всей командой снова оказаться на борту, при оружии, готовыми выйти в море.

– Боже мой! Я думаю, вы не правы, капитан, – сказал Винк. Его беззубая ухмылка была широка и непристойна. – Если примириться с помоями, которые они называют пищей, то это самое лучшее место из всех, где я был. Из всех. Я имел двух женщин за три дня, и они похожи на крольчих. Готовы делать все, если покажешь как.

– Это правда. Но ты ничего не сможешь, если не будет мяса или бренди. Во всяком случае, тебя надолго не хватит. Мне уже надоело, и меня хватает только на один раз, – брюзжал Матсюккер. Его узкое

лицо подергивалось. – Эти желтые мерзавцы не поняли, что нам нужны мясо, пиво и хлеб. И бренди или вино.

– Это самое плохое! Боже мой, королевство – за грог! – Баккус ван Некк был полон уныния.

Он подошел к Блэкторну и, встав рядом, всматривался в него. Очень близорукий, он потерял свои последние очки во время шторма. Но даже и с ними Баккус всегда подходил как можно ближе. Он был старостой среди купцов, богачом и представлял голландскую Ост-Индскую компанию, которая дала денег на плавание.

– Мы на берегу и в безопасности, и я тем не менее не имею выпивки. Скверно! Ужасно! Вы достали что-нибудь?

– Нет. – Блэкторну не нравилось, когда кто-нибудь стоял близко к нему, но Баккус был друг и почти слепой, поэтому он не отодвинулся. – Только горячий травяной настой.

– Они просто не понимают, что такое грог. Нечего выпить, кроме горячего травяного настоя. Боже, помоги нам! Думаю, во всей стране нет спиртного! – Его брови приподнялись. – Сделайте мне огромное одолжение, капитан. Добудьте выпивки, а?

Блэкторн нашел товарищей по несчастью в доме, который им отвели на восточном конце деревни. Стражники-самураи позволили ему пройти, но его люди подтвердили, что не могут выходить за садовую калитку. В доме было много комнат, как и в том, где жил Блэкторн, но он был больше и обслуживался множеством слуг различного возраста, как мужчин, так и женщин.

В живых осталось одиннадцать его людей. Мертвых забрали японцы. Большие порции свежих овощей начали излечивать цингу, и все моряки, за исключением двух, быстро поправлялись. Эти двое страдали желудочными кровотечениями, их внутренности воспалились. Винк делал им кровопускания, но это не помогло. Он ожидал, что к ночи несчастные умрут. Генерал-капитан был в другой комнате, все еще очень больной.

Сонк, кок, коренастый маленький человек, говорил со смехом:

– Здесь все хорошо – Йохан прав, – за исключением пищи и отсутствия грога. И с туземцами легко ладить, если ты не носишь башмаки в доме. Эти желтые негодяи приходят в бешенство, если ты не снимаешь обувь.

– Послушайте, – сказал Блэкторн, – здесь священник, иезуит.

– Боже мой! – Веселья как не бывало, когда он рассказал о священнике и отсечении головы.

– Почему он отрубил голову этому человеку, капитан?

– Не знаю.

– Мы лучше вернемся на корабль. Если паписты схватят нас на берегу...

Теперь всех охватил страх. Соломон, немой матрос, следил за Блэкторном. Его губы двигались, в углах рта появились пузырьки пены.

– Нет, Соломон, это не ошибка. – Блэкторн ответил на безмолвный вопрос. – Священник сказал, что он иезуит.

– Боже, иезуит, или доминиканец, или еще какое адское отродье – какая, к дьяволу, разница, когда мы среди этих говноедов? – буркнул Винк. – Нам бы лучше вернуться на корабль. Капитан, вы попросите об этом самурая, а?

– Мы в руках Бога, – изрек Ян Ропер. Это был один из купцов-авантюристов^[16], узкоглазый молодой человек с высоким лбом и тонким носом. – Он защитит нас от молящихся Сатане.

Винк оглянулся на Блэкторна:

– А что с португальскими моряками? Вы не видели их здесь?

– Нет. В деревне и духу их нет.

– Появится целая толпа, как только узнают про нас, – объявил Матсюккер, и юнга Крок застонал.

– Да, и если есть один священник, то скоро нагрянут и другие. – Гинсель облизал сухие губы. – И тогда следом явятся их Богом проклятые конкистадоры и уже никогда не уйдут.

– Это правильно, – признал Винк с неохотой. – Они вроде вшей.

– Боже мой! Паписты! – пробормотал кто-то. – И конкистадоры!

– Но мы в Японии, капитан? – спросил ван Некк. – Он сказал вам это?

– Да.

Ван Некк подошел ближе и понизил голос:

– Если здесь священники и кое-кто из туземцев – католики, может быть, верно и другое – про богатства: золото, серебро и драгоценные камни. – Наступила тишина. – Вы видели что-нибудь, капитан? Какое-нибудь золото? Драгоценные камни на туземцах или золото?

– Нет. Ничего. – Блэкторн мгновение подумал. – Я не помню, чтобы видел что-нибудь. Ни ожерелий, ни бус, ни браслетов. Послушайте, я должен еще кое-что вам сказать. Я был на борту «Эразма», но корабль опечатан. – Он сообщил, что случилось, и общее беспокойство усилилось.

– Боже, если мы не можем вернуться на корабль, а на берегу священники и паписты... Мы должны найти способ выбраться отсюда. – Голос Матсюккера задрожал. – Капитан, что мы собираемся делать? Они сожгут нас! Конкистадоры, эти негодяи, заколют нас своими шпагами...

– Мы в руках Бога, – сказал Ян Ропер уверенно. – Он защитит нас от Антихриста. Это в Его власти. Бояться нечего.

Блэкторн заметил:

– То, как Оми-сан разговаривал со священником... Уверен, самурай ненавидит иезуита. Это хорошо, а? Хотелось бы знать, почему священник не носит сутаны? Почему на нем оранжевая одежда? Никогда не видел такого раньше.

– Да, это интересно, – признал ван Некк.

Блэкторн поглядел на него:

– Может быть, их влияние здесь невелико. Это очень бы нам помогло.

– Что нам делать, капитан? – спросил Гинсель.

– Быть терпеливыми и ждать до тех пор, пока не приедет их господин, помещик, этот даймё. Он позволит нам убраться. Почему нет? Мы не причинили им вреда. У нас товары для торговли. Мы не пираты, нам нечего бояться.

– Очень верно, и не забывайте, капитан сказал, что туземцы не все паписты, – проговорил ван Некк – больше, чтобы успокоить себя, чем других. – Да. Это хорошо, что самурай ненавидит священника. И что вооружены только самураи. Это не так плохо, а? Просто будем следить за самураями и постараемся заполучить обратно свое оружие – это мысль. Мы будем на борту до того, как вы узнаете об этом.

– Ну а что, если даймё – папист? – поинтересовался Ян Ропер.

Никто ему не ответил. Потом Гинсель начал:

– Капитан, этот человек с мечом... Он и правда изрубил другого туземца на куски, после того как отсек ему голову?

– Да.

– Боже мой! Они варвары! Сумасшедшие! – Гинсель был высоким юношей с милостивым лицом, короткими руками и очень кривыми ногами. Цинга лишила его всех зубов. – После того как он отрубил голову, другие сразу ушли? Ничего не сказав?

– Да.

– Боже мой, невооруженного человека убили таким образом? Зачем он сделал это? Почему он убил его?

– Я не знаю, Гинсель. Но ты никогда не видел такого проворства. Меч был в ножнах, мгновение – и голова покатила.

– Боже, спаси нас!

– Боже мой, – пробормотал ван Некк. – Если мы не сможем попасть на корабль... Черт побери тот шторм, я чувствую себя таким беспомощным без очков!

– Сколько самураев на борту, капитан? – осведомился Гинсель.

– На борту двадцать два. Но еще есть самураи на берегу.

– Гнев Божий покарает язычников и грешников, и они будут гореть в аду веки вечные.

– Хотел бы я быть уверен в этом, Ян Ропер, – пробормотал Блэкторн едва слышно, так как чувствовал, что страх перед Божьим возмездием проник в комнату. Он устал и хотел спать.

– Вы можете быть уверены, капитан, о да, как я уверен. Я молюсь, чтобы ваши глаза узрели Его правду, чтобы вы поняли, что мы здесь только по вашей вине, потому что Он оставил нас.

– Что? – спросил Блэкторн с опаской.

– Почему вы убедили генерал-капитана плыть в Японию? Нам этого не приказывали. Мы должны были отправиться в Новый Свет, проводить военные действия в тылу врага, потом вернуться домой.

– Но на севере нас сторожили испанские корабли, и деваться было некуда. У тебя что, память отшибло вместе с мозгами? Нам только и оставалось, что плыть на запад – это было единственное спасение.

– Я ни разу не видел вражеских кораблей, капитан. Никто из нас не видел.

– Кончай, Ян, – прервал ван Некк устало. – Капитан сделал что мог. Конечно, там были испанцы.

– Верно, и мы были в тысяче лиг от друзей и во вражеских водах, ей-богу! – подхватил Винк. – Это правда. И сообща приняли решение. Все сказали «да».

Сонк вставил:

– Меня никто не спрашивал.

– О боже мой!

– Успокойся, Йохан, – попытался снять напряжение ван Некк. – Мы первыми достигли Японии. Вы помните все эти рассказы, а? Мы разбогатеем, если не будем глупить. У нас товары для торговли, и здесь есть золото – должно быть. Где еще мы сможем продать наш груз? Не в Новом Свете, где за нами охотились и могли ограбить. Испанцы знали, что мы вышли с Санта-Марии. Мы должны были покинуть Чили и не могли вернуться через пролив. Конечно, они затаились, поджидая нас, конечно! Нет, у нас имелся единственный шанс, и это была хорошая мысль. Наш груз можно обменять на специи, золото и серебро, а? Подумайте о доходах! Тысячекратная прибыль – это обычное дело. Мы на островах Пряностей^[17]. Вы знаете о богатствах Японии и Катая, вы немало слышали о них. Мы все слышали. А то с чего бы еще вы записались на это судно? Мы разбогатеем, вот увидите!

– Мы все мертвецы, как и остальные. Мы в стране Сатаны.

Винк рявкнул сердито:

– Заткнись, Ропер! Капитан прав. Не его вина, что остальные умерли. Люди всегда погибают в таких путешествиях.

Глаза Яна Ропера были в крапинку, зрачки сузились.

– Да, Бог успокоит их души. Мой брат был одним из них.

Блэкторн глядел в эти фанатичные глаза, ненавидя Яна Ропера. В глубине души он спрашивал себя, действительно ли плыл на запад, спасаясь от вражеских кораблей. Или потому, что первым из английских капитанов прошел пролив? Первым оказался готов и способен двинуться на запад, чтобы совершить кругосветное путешествие?

Ян Ропер прошипел:

– Разве другие умерли не из-за ваших амбиций? Бог накажет вас!

– А теперь придержи язык. – Блэкторн произнес это мягко, но решительно.

Ян Ропер оглянулся, его продолговатое лицо с острыми чертами застыло, и он больше не проронил ни слова.

– Вот так. – Блэкторн устало сел на пол и прислонился к стене.

– Что нам делать, капитан?

– Ждать и готовиться. Их даймё скоро приедет, и тогда мы получим все для ремонта корабля.

Винк выглянул в сад: самурай сидел без движения на корточках около ворот.

– Посмотрите на этого негодяя. Сидит часами не двигаясь, ничего не говорит, даже в носу не ковыряет.

– Но он ни о чем и не беспокоится, Йохан. Совсем ни о чем, – сказал ван Некк.

– Да, но все, что мы делаем, – это спим, развлекаемся с девками и хлебаем помои.

– Капитан, он всего один. А нас десять, – спокойно заметил Гинсель.

– Я думал об этом. Но мы еще не готовы. Пройдет неделя, прежде чем избавимся от цинги, – ответил Блэкторн встревоженно. – Потом, их слишком много на борту корабля. Мне не хотелось бы браться за это без копий или ружей. Вас охраняют ночью?

– Да. Они меняют стражу три или четыре раза. Кто-нибудь видел спящим часового? – спросил ван Некк.

Все покачали головой.

– Мы можем попасть на борт ночью, – сказал Ян Ропер. – С Божьей помощью одолеем варваров и захватим корабль.

– Вынь затычки из ушей! Капитан только что тебе сказал! Ты не слышал? – с отвращением бросил ему Винк.

– Правильно, – поддержал Питерзон, канонир. – Прекрати подкалывать старину Винка!

Глаза Яна Ропера сузились еще больше.

– Спасай свою душу, Йохан Винк. И ты, Ханс Питерзон. День Страшного суда приближается. – Он ушел и сел на веранде.

Ван Некк нарушил молчание:

– Все будет хорошо. Вот увидите.

– Ропер прав. Это жадность привела нас сюда, – вступил в разговор юнга Крок. Его голос дрожал. – Это Божье наказание...

– Прекрати!

Юнга вздрогнул:

– Да, капитан. Извините, но...

Максимилиан Крок был самым молодым из них: ему только исполнилось шестнадцать, и он записался в плавание, потому что его

отец был капитаном одного из судов – они собирались скопить состояние. Но отец Крока принял страшную смерть на глазах сына, когда они грабили испанский город Санта-Магдалена в Аргентине. Добычу взяли большую, но Крок видел, какое творилось насилие, и пытался, ненавидя себя, наслаждаться кровавым запахом убийства. Позже он наблюдал смерть многих своих товарищей и четырех из пяти кораблей и теперь чувствовал себя стариком.

– Сколько времени мы на берегу, Баккус? – спросил Блэкторн.

– Третий день. – Ван Некк опять придвинулся вплотную, присев на корточки. – Я не очень хорошо помню, как мы прибыли, но, когда я проснулся, туземцы были на борту, очень вежливые и добрые. Дали нам еды и горячей воды. Убрали мертвых и бросили якорь. Я многого не помню, но думаю, они отбуксировали нас в безопасное место для стоянки. Вы были в горячке, когда вас перенесли на берег. Мы хотели, чтобы вы остались с нами, но они не позволили. Один из них знал несколько слов по-португальски. Видимо, он у них главный – у него седые волосы. Он понимает слово «капитан». Совершенно очевидно, что он хотел отделить от нас нашего капитана, но сказал, чтобы мы не беспокоились – за вами будут хорошо присматривать. За нами тоже. Потом он проводил нас сюда, вернее, велел перенести и запретил покидать дом, пока не приедет его «капитан». Мы не хотели отпускать вас с ним, но ничего не могли поделать. Вы не попросите у старосты вина или бренди, капитан? – Ван Некк облизал губы, как будто хотел пить, потом добавил: – Теперь я думаю вот о чем: он упомянул также даймё. Что произойдет, когда даймё появится?

– У кого-нибудь есть нож или пистолет?

– Нет. – Ван Некк сказал это, с отсутствующим видом вылавливая вшей из головы. – Они забрали все наше платье, чтобы вычистить его, и не вернули оружие. Я тогда как-то не задумался об этом. Вместе с пистолетами они взяли мои ключи. Я держал их все на кольце. От кладовой и сундуков с деньгами.

– На борту все заперто. Об этом не стоит беспокоиться.

– Мне не хотелось бы остаться без моих ключей. Это нервирует меня. Черт побери, я мог бы прямо сейчас выпить бренди! Даже бутылку эля.

– Святой Боже! *Самири* изрубил его на куски, да? – изрек Сонк, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Ради Бога, заткнись! Не *самири*, а *самурай*. Ты умеешь вывести человека из себя, – обозлился Гинсель.

– Надеюсь, этот негодяй-священник не появится здесь, – произнес Винк.

– Мы в безопасности во власти нашего доброго Бога. – Ван Некк все еще пытался придать уверенности своему голосу. – Когда даймё появится, нас выпустят. Мы получим назад корабль и оружие. Вот увидите. Мы продадим все наши товары и вернемся в Голландию богатыми и невредимыми. Мы станем первыми голландцами, которые обошли вокруг земного шара. Католики попадут в ад, такой их ждет конец.

– Если бы... – вздохнул Винк. – От папистов у меня идут мурашки по коже. Мочи нет. И еще эти конкистадоры. Думаете, их здесь много появится, капитан?

– Не знаю. Думаю, да. Хотел бы я иметь здесь всю нашу эскадру.

– Бедняги, – опечалился Винк, – мы-то, по крайней мере, живы.

Матсьюккер предположил:

– Может быть, они вернулись домой? Может, повернули обратно в Магеллановом проливе, когда мы потерялись во время шторма?

– Надеюсь, ты прав, – откликнулся Блэкторн. – Но думаю, корабли и экипажи погибли.

Гинсель вздрогнул:

– По крайней мере, мы живы.

– Здесь, среди папистов и этих варваров с их ужасными нравами, я не дам за наши жизни и дырку старой проститутки.

– Будь проклят тот день, когда я покинул Голландию! – пробормотал Питерзон. – Черт бы побрал этот грог! Если бы во время вербовки я не был пьянее уличной шлюхи, лежал бы сейчас со своей старушкой в Амстердаме.

– Будь проклят ты сам, Питерзон! Но не проклинай выпивку. Это эликсир жизни!

– Мы по уши в дерьме, и оно поднимается все выше. – Винк закатил глаза. – Да, очень быстро.

– Я никогда не думал, что мы доберемся до богатых земель, – сообщил Матсьюккер. Он был похож на хорька, несмотря на отсутствие зубов. – Никогда. Меньше всего до Японии. Вшивые паписты! Мы никогда не выберемся отсюда живыми. Эх, если б у нас было

оружие... Что за гнилая земля! Я ничего не имею в виду, капитан, – отыграл он быстро под взглядом Блэкторна. – Просто не везет, и все.

Слуги принесли еду. Все те же овощи, вареные и сырые, с небольшим количеством уксуса, рыбный суп и пшеничную или ячневую кашу. Моряки отказались от маленьких кусочков сырой рыбы и попросили мяса и спиртного. Но их не поняли. Позже, перед заходом солнца, Блэкторн ушел. Он устал от страхов, ненависти и ругани. Сказал, что вернется с рассветом.

Лавки на тесных улицах были полны. Он нашел свой проулок, ворота знакомого дома. Пятна крови на земле затерли, останки исчезли. «Как будто мне все это приснилось», – подумал он. Садовая калитка открылась, прежде чем он успел прикоснуться к ней.

Старый садовник, все еще в набедренной повязке, хотя дул ветер и было холодно, поклонился с улыбкой:

– *Конбанва*^[18].

– Хэлло, – сказал Блэкторн бездумно.

Он поднялся по ступеням, но остановился, вспомнив о башмаках. Снял их, прошел босиком на веранду, шагнул в коридор, но не смог найти свою комнату.

– Онна! – позвал он.

Появилась старуха:

– *Хай?*

– Где Онна?

Старая женщина нахмурилась и показала на себя:

– *Онна!*

– О, ради Бога! – вспыхнул Блэкторн. – Где моя комната? Где Онна? – Он отодвинул другую решетчатую дверь.

На полу вокруг низкого столика сидели за ужином четыре японца. Он узнал одного из них, седоволосого деревенского старосту, который был со священником. Все четверо поклонились.

– О, извините, – буркнул Блэкторн, закрыл дверь и снова позвал: – Онна!

Старуха подумала с минуту, потом поманила его к себе. Он прошел за ней в другой коридор. Она открыла дверь, и он по распахнутой двери узнал свою комнату... Стеганные одеяла уже были аккуратно разложены.

– Спасибо, – поблагодарил он, успокоившись. – Теперь сходи за Онной.

Старая женщина ушла. Он сел на одеяло. Голова и тело болели. Очень хотелось сесть на обычный стул. Блэкторн раздумывал, где их держат. Как попасть на борт судна? Как достать оружие? Должен быть какой-то выход. Снова слышались шаги, и теперь появились три японки: старуха, молодая круглолицая девушка и женщина средних лет.

Старая женщина указала на молодую, которая казалась несколько испуганной:

– *Онна*.

– Нет! – Раздраженный Блэкторн встал и показал пальцем на женщину средних лет: – Вот *Онна*, Боже мой! Ты не знаешь своего имени? *Онна*! Я проголодался. Могу ли я поесть?

Он потер живот, дав понять, что голоден. Японки поглядели друг на друга. Потом женщина средних лет пожалала плечами, сказала что-то рассмешившее всех, подошла к постели и начала раздеваться. Две другие сидели на корточках, широко открыв глаза и чего-то ожидая.

Блэкторн пришел в смятение:

– Что ты собираешься делать?

– *Икимасё!*^[19] – сказала она, снимая пояс и распахивая кимоно. Ее груди были плоскими и сухими, а живот огромным.

Стало совершенно ясно, что она собиралась лечь с ним в постель. Он покачал головой и велел ей одеться. Все три японки начали тараторить и жестикулировать, а отвергнутая очень рассердилась. Она скинула длинную нижнюю юбку и, голая, попыталась залезть в постель.

Тут в коридоре появился хозяин, и болтовня тотчас прекратилась, женщины стали кланяться.

– *Нан дзя? Нан дзя?*^[20] – спросил хозяин.

Старая женщина объяснила, в чем дело.

– Вы хотите эту женщину? – спросил он недоверчиво по-португальски с таким сильным акцентом, что слова едва можно было понять.

– Нет-нет, конечно нет! Я только хотел, чтобы *Онна* дала мне чего-нибудь поесть. – Блэкторн нетерпеливо указал на нее: – *Онна*!

– *Онна* означает «женщина». – Японец указал на всех трех: – *Онна* – *онна* – *онна*. Вы хотите *онну*?

Блэкторн устало покачал головой:

– Нет-нет, спасибо. Я ошибся. Извините. А как ее зовут?

– Да?

– Как ее имя?

– А! Ее имя Хаку. Хаку.

– Хаку?

– Да. Хаку!

– Извини, Хаку-сан. Я думал, *онна* – твое имя.

Староста объяснил недоразумение Хаку, и она была не очень обрадована. Но он сказал еще что-то, все поглядели на Блэкторна и захихикали, прикрывая рот ладонью, а потом ушли. Хаку вышла голая, перекинув кимоно через руку, с огромным чувством достоинства.

– Спасибо, – проямлил Блэкторн, взбешенный собственной глупостью.

– Это мой дом. Мое имя – Мура.

– Мура-сан. Мое – Блэкторн.

– Извините?

– Мое имя – Блэкторн.

– А!.. Берр-ракк-фон. – Мура несколько раз попытался произнести это, но не смог.

Наконец он встал и уставился на колосса перед собой. Это был первый варвар, которого он когда-либо видел, не считая отца Себастио и другого священника, много лет назад. «Но священники, – думал он, – темноволосые, темноглазые и нормального роста. А этот человек высокий, с золотистыми волосами и бородой, голубоглазый, и кожа его отчего-то бледна там, где скрыта одеждой, и красна там, где на нее светило солнце. Удивительно! Я думал, все мужчины черноволосые и с темными глазами. Мы все такие. Китайцы такие, а разве Китай не весь мир, за исключением земли южных португальских варваров? Удивительно. И почему отец Себастио так ненавидит этого человека? Потому что он поклоняется Сатане? Я бы так не сказал – отец Себастио мог придумать про Дьявола, если бы захотел. О, я никогда не видел святого отца таким сердитым. Никогда. Удивительно! Так голубые глаза и золотистые волосы – метка Сатаны?»

Мура поглядел на Блэкторна и вспомнил, как пытался допросить капитана на борту корабля, а потом, когда тот упал без сознания, велел перенести его в свой дом: предводитель варваров должен находиться под особым присмотром. Его положили на одеяла и раздели, скорее всего, просто из любопытства.

– Его мужское естество довольно впечатляюще, а? – сказала мать Муры, Сэйко. – Интересно, какой величины оно будет, когда встанет?

– Большой, – ответил Мура, и все засмеялись: его мать, жена, друзья, слуги и лекарь.

– Думаю, их жены должны быть очень выносливы, – вставила его жена Нидзи.

– Вздор, дочка! – отмахнулась мать. – Любая наша госпожа, искусная в любви, сумеет к этому приспособиться. – Она покачала головой в удивлении. – Никогда в жизни не видела ничего подобного. Правда странно, а?

Капитана вымыли, но он так и не пришел в сознание. Лекарь думал, что неразумно окунать его в ванну, пока он не придет в себя.

– Следует помнить, Мура-сан, что мы толком не знаем, каковы эти варвары, – изрек он с мудрой осмотрительностью. – Поэтому можем погубить его по ошибке. Очевидно, силы варвара на пределе. Нам следует проявить терпение.

– Но как быть со вшами в его волосах? – спросил Мура.

– Они там останутся на какое-то время. Я так понимаю, они есть у всех варваров. Извините. Я советую потерпеть.

– Вы не думаете, что нам следует вымыть ему голову? – спросила жена Муры. – Мы будем очень осторожны. Я уверена, госпожа присмотрит за нашей работой. Это поможет варвару и сохранит наш дом в чистоте.

– Я согласна. Вы можете вымыть его, – объявила мать Муры. – Но хотелось бы знать, какой величины будет его мужское достоинство, когда встанет.

Сейчас Мура непроизвольно оглядел Блэкторна. Потом вспомнил, что священник говорил об этих слугах Сатаны и пиратах. «Бог Отец защитит нас от этого дьявола, – подумал он. – Если бы я знал, что он так ужасен, никогда бы не допустил его в свой дом. Нет, – сказал он себе. – Мы вынуждены обращаться с ним как с гостем, пока Оми-сан не прикажет иного. Но было мудро известить немедленно священника и Оми-сана. Очень мудро. Я староста, я защищаю деревню и один отвечаю за все. И несу ответ перед Оми-саном за смерть этим утром и непочтительность погибшего, и это совершенно правильно».

– Не будь глупцом, Тамадзаки! Ты рискуешь добрым именем деревни! – предупреждал он друга-рыбака десятки раз. – Умерь свою нетерпимость. Оми-сан не имеет иного выбора, кроме как осмеивать христиан. Разве наш даймё не ненавидит христиан? Что еще может сделать Оми-сан?

– Ничего, я согласен. Мура-сан, пожалуйста, извини меня. – Тамадзаки всегда отвечал так. – Но буддисты должны быть терпимы, а? Разве оба они не дзен-буддисты?

Дзен-буддизм учил самообладанию, самосовершенствованию через контроль над собой и медитацию ради просветления. Большинство самураев были дзен-буддистами, как и подобает гордым, ищущим смерти воинам.

– Да, буддизм учит терпению. Но сколько можно напоминать, что они самураи, и это Идзу, а не Кюсю, и, даже если бы мы жили на Кюсю, ты все равно не прав. Всегда. А?

– Да. Пожалуйста, извини меня, я знаю, что не прав. Но иногда чувствую, что не могу таить в себе стыд, когда Оми-сан оскорбляет истинную веру.

«А теперь, Тамадзаки, ты мертв, ибо сделал собственный выбор, оскорбив Оми-сана, отказавшись кланяться ему, оттого что он сказал: „Этот вонючий священник служит чужому Богу“. Пусть от священника пахнет и истинная вера – чужеземная. Мой бедный друг, эта вера не прокормит твою семью и не смоет позора с моей деревни. О Мадонна, благослови моего старого друга и пошли ему радость на небесах!»

«Ожидай от Оми-сана много горя, – сказал себе Мура. – И это еще полбеды, ведь приедет даймё».

Растущее беспокойство овладевало им, когда бы он ни подумал о своем феодале Касиги Ябу, даймё Идзу, дяде Оми. «Жестокость и бесчестие – вот обычай этого человека. Он обманывает все деревни при выделении им законной доли улова рыбы, урожая и муки при помоле. Когда придет война, – спрашивал себя Мура, – чью сторону примет Ябу – господина Исидо или господина Торанаги? Мы в ловушке между двумя гигантами, в заложниках у обоих.

Северный, Торанага – самый крупный из ныне живущих военачальников, повелитель Канто, Восьми Провинций, самый важный даймё в стране, ему подвластны все войска на востоке. К западу расположены земли Исидо – он хозяин замка в Осаке, завоеватель Кореи, защитник наследника, полководец западного воинства... А дальше к северу проходит Токайдо, Великий прибрежный путь, который связывает Эдо, главный город Торанаги, с Осакой, главным городом Исидо, – триста миль, которые должны преодолеть их полки. Кто победит? Неизвестно. Война опять охватит всю страну, союзы распадутся, провинции будут биться между собой, пока далее деревни не пойдут войной друг на друга, как уже бывало. Если не считать последние десять лет. За последние десять лет, и это невероятно, не случилось ни одной войны, мир по всей Японии, впервые в истории. Мне начинает нравиться мир.

Но человек, который добился мира, мертв. Крестьянин, который стал самураем, потом простым военачальником, а после – самым главным из них и, наконец, тайко, великим правителем Японии. Он умер год назад, а его семилетний сын слишком мал, чтобы наследовать верховную власть. Так что мальчик, как и мы, заложник. У двух гигантов. И война неизбежна... Теперь никто не сможет защитить любимого сына тайко, его династию, его наследство или его империю.

Может быть, так и следовало. Тайко покори́л земли, добился мира, вынудил всех даймё в стране пресмыкаться перед ним, как простых крестьян, перераспределил владения согласно своим желаниям, возвышая одних и свергая других, а потом умер. Он был гигант среди пигмеев. Но может быть, это правильно, что все его свершения и величие должны были умереть вместе с ним? Разве человек не цветок, сорванный ветром, и только горы и море, звезды и эта Земля богов вечны?

Мы все в западне, и это непреложная истина, что война начнется скоро и что Ябу один будет решать, на чьей мы стороне. И столь же истинно, что деревня всегда будет деревней, потому что рисовые поля здесь плодородные, а море богато рыбой».

Мура упорно обращался мыслями к варвару, пирату, стоящему перед ним. «Ты дьявол, насланный на нас, как чума, – думал он. – Приносишь одни беды, с тех пор как появился здесь. Почему ты не попал в другую деревню?»

– Капитан-сан хочет женщину? – спросил он дружелюбно.

По его предложению совет деревни распорядился, чтобы варвары не знали отказа у женщин – этого требовала вежливость, да и благоразумие: надо же чем-то занять чужаков до приезда властей? Деревня хотя бы потешится пересудами о любовных забавах с иноземцами, ибо на денежное воздаяние надежды нет.

– Женщину? – повторил он, видимо подразумевая, что если пират твердо стоит на ногах, то и прочие его члены должны быть в порядке, его «небесное копьё» укутали перед сном, все приготовления сделаны.

– Нет! – Блэкторн хотел только спать. Но, зная, что должен склонить японца на свою сторону, заставил себя улыбнуться и указал на распятие: – Вы христианин?

Мура кивнул.

– И я христианин.

– Священник говорит, что нет. Не христианин.

– Я христианин. Не католик. Но тем не менее христианин.

Этого Мура понять не мог. И Блэкторн не нашел способа объяснить, как ни старался.

– Хотите *онна*?

– *Димё* когда приедет?

– *Димё*? Не понимаю.

– Димё... Ах да! Даймё.

– А, даймё! Хай, даймё! – Мура пожал плечами. – Даймё придет, когда придет. Спи. Сначала помойтесь, пожалуйста.

– Что?

– Помойтесь. Примите ванну, пожалуйста.

– Я не понимаю.

Мура подошел ближе и брезгливо поморщился:

– Воняет. Плохо. Как от португальцев. Вымойтесь. У нас чистый дом.

– Я буду мыться когда захочу, и от меня не пахнет! – Блэкторн разозлился. – Каждый знает, что ванны опасны. Хочешь, чтобы я схватил простуду? Ты думаешь, я Богом проклятый глупец? Убирайся отсюда и дай мне поспать!

– Вымойтесь! – приказал Мура, пораженный гневом варвара: разве можно так ронять себя?

Не то чтобы от варвара действительно воняло, но, по сведениям Муры, тот не мылся целых три дня, и никакая женщина не ляжет с ним, сколько ни заплати. «Эти ужасные иноземцы, – подумал Мура, – их не поймешь. Что за мерзкие привычки! Ну ничего. Я отвечаю за тебя. Ты научишься достойному поведению. Будешь мыться в ванне по-человечески, и госпожа, моя мать, узнает то, что ее так занимало».

– Помойтесь!

– А теперь убирайся, не то я разорву тебя на куски! – Блэкторн обжег японца свирепым взглядом, указывая на дверь.

Наступила короткая пауза, появились еще три японца и три японки. Мура коротко объяснил им, в чем дело, потом обратился к Блэкторну:

– Ванна. Пожалуйста.

– Убирайся!

Мура один вошел в комнату. Блэкторн оттолкнул его, не желая причинить вреда – только отпихнуть. И взвыл. Мура ударил его по локтю ребром ладони, и рука Блэкторна повисла плетью, онемев. Разозленный, он попытался атаковать. Но комната закружилась, и он упал ничком. Тут его спину пронзила парализующая боль, он больше уже не мог двигаться.

– Боже мой...

Он попытался встать, но ноги подгибались. Мура спокойно протянул маленький, но твердый, как железо, палец и дотронулся до

шеи Блэкторна. У того в глазах потемнело.

– Боже мой...

– Ванну? Пожалуйста?

– Да-да, – выдохнул Блэкторн, ошеломленный тем, что его так легко одолел этот маленький человек и он лежит теперь беспомощный как ребенок, готовый к тому, что ему перережут горло.

Много лет назад Мура обучился искусству карате и дзюдо, так же как владению мечом и копьем. Это было, когда он воевал за Накамуру, крестьянского военачальника, тайко – задолго до того, как тот стал тайко, – когда крестьяне могли быть самураями и самураи могли быть крестьянами, или лодочниками, или даже презренными купцами и снова воинами. «Странно, – подумал Мура, отсутствующе глядя на упавшего гиганта, – едва ли не первое, что сделал тайко, когда приобрел такую силу, – это приказал всем крестьянам вернуться к мирным занятиям и сразу же сдать все оружие. Тайко навсегда запретил им иметь оружие и установил жесткую сословную систему, которая теперь определяет все в жизни страны: самураи выше всех, ниже их крестьяне, затем лодочники, купцы, за ними актеры, парии и разбойники и, наконец, в самом низу – *эта*, нелюди, те, кто имеет дело с мертвыми телами, обработкой кожи и мертвыми животными, а также исполняет работу палачей, клеймовщиков и заплечных дел мастеров. Конечно, любой варвар ниже всех на этой лестнице».

– Пожалуйста, извините меня, капитан-сан, – сказал Мура, низко кланяясь, стыдясь того, что варвар потерял лицо, упал, стеноя, как грудной ребенок.

«Да, я очень сожалею, – подумал он, – но это должно было произойти. Ты испытывал мое терпение своим бессмысленным упорством, чрезмерным даже для варвара. Ты кричал как безумный, вывел из равновесия мою мать, лишил мой дом покоя, обижал слуг, и моя жена должна была поменять сломанное тобой сёдзи. Нельзя было оставить без внимания столь явный недостаток манер. Или позволить тебе поступать в моем доме против моих желаний. Это сделано для твоего же блага. Даже вы, варвары, не должны терять лицо. За исключением священников – они совсем другое дело. Все ужасно пахнут, но помазаны Богом Отцом, так что имеют великое лицо. Но ты... ты лжец, ты пират, лишенный чести. Как удивительно! Заявить, что он – христианин. К сожалению, это тебе совсем не поможет. Наш

даймё ненавидит истинную веру и варваров и терпит их только поневоле. Но ты не португалец и не христианин, следовательно, не защищен законом, да? Так что, хотя ты, можно считать, и мертвый человек – или, по крайней мере, увечный, – моя обязанность следить, чтобы ты встретил свою судьбу чистым. Мыться очень хорошо!»

Он помог остальным мужчинам перенести все еще находящегося в полубессознательном состоянии Блэкторна через весь дом в сад вдоль крытого перехода, которым очень гордился, в баню. Женщины шли за ним.

Это стало одним из самых больших событий в его жизни. Он знал, что ему придется рассказывать и пересказывать эту историю недоверчивым друзьям за согретым sake, рыбакам, сельским жителям, своим детям, которые не сразу поверят ему. Они же в свою очередь будут потчевать этой байкой своих детей, и имя Муры, рыбака, будет вечно жить в деревне Андзиро, расположенной в провинции Идзу на юго-восточном побережье главного острова Хонсю. Все потому, что он, рыбак Мура, имел счастье быть старостой в первый год после смерти тайко и временно отвечал за вождя незнакомых варваров, которые приплыли с востока.

Глава 2

– Даймё Касиги Ябу, повелитель Идзу, хочет знать, кто вы, откуда прибыли, как оказались здесь и какие акты пиратства совершили, – сказал отец Себастио.

– Я продолжаю утверждать, что мы не пираты.

Утро было ясное и теплое. Блэкторн стоял на коленях перед помостом на деревенской площади, его голова все еще болела от удара. «Успокойся и заставь свои мозги работать, – внушал он себе. – Сейчас на карту поставлены ваши жизни. Ты адвокат, и все. Иезуит – твой враг, и он единственный имеющийся здесь переводчик, а ты не способен узнать, как он переводит твои слова, но можешь быть уверен, что он тебе не поможет... „Собери все свои мозги, – он почти слышал голос старого Альбана Карадока. – Когда море несет смерть и штормы свирепствуют, нужны все твои знания. Вот что сохранит тебе жизнь и удержит твой корабль на плаву – если ты капитан. Собери все свои знания и выжми сок из каждого дня...“ Сок сегодняшнего дня – это желчь, – мрачно подумал Блэкторн. – Почему я так отчетливо слышу голос Альбана?»

– Сначала скажите даймё, что мы с вами враги, что мы в состоянии войны, – потребовал он. – Скажите ему, что Англия и Нидерланды воюют с Испанией и Португалией.

– Я снова предупреждаю вас, чтобы вы говорили просто и не извращали истину. Нидерланды, или Голландия, или Соединенные провинции, как бы ни называли их вы, мерзкие мятежники, не более чем маленькая мятежная провинция великой испанской империи. Вы вождь изменников, которые подняли мятеж против своего законного короля.

– Англия находится в состоянии войны, и Нидерланды... – Блэкторн не стал продолжать, потому что священник больше не слушал его, а переводил.

Даймё был на помосте, невысокий, плотный и очень важный. Он сидел, поджав под себя согнутые в коленях ноги, пятки были аккуратно подобраны; по бокам стояли четыре помощника – одним из них был Касиги Оми, его племянник и вассал. Все они носили шелковые кимоно, а поверх них – разукрашенные накидки,

перехваченные выше талии широкими поясами. С огромными, как крылья, накрахмаленными плечами. И конечно, у каждого имелись мечи.

Мура стоял на коленях в грязи. Он был тут единственным из деревенских жителей, а остальные – самураи – пришли с даймё. Они сидели безмолвные, правильными рядами. Команда парусника располагалась позади Блэкторна и, как и он, стояла на коленях, сбоку маячила стража. Им пришлось принести генерал-капитана, хотя тот и был очень болен. Ему, едва сознававшему, что происходит, позволили лечь в грязь. Блэкторн поклонился вместе с остальными, когда они подошли к даймё, но этого оказалось недостаточно. Самураи пинками заставили их встать на колени и уткнуться лбом в грязь, как крестьян. Блэкторн пытался сопротивляться и крикнул священнику, что это противно обычаям его страны, что он командир и посланец своей державы и с ним должны обращаться соответственно. Но тычок рукояткой меча заставил его подчиниться. Его люди сгрудились в мгновенном порыве, но он приказал им остановиться и встать на колени. К счастью, они послушались. Даймё издал какой-то гортанный звук, и священник перевел это как предупреждение говорить правду и не мешкать с ответом. Блэкторн попросил стул, но священник сообщил, что японцы не пользуются стульями – во всей Японии не сыщешь ни одного.

Блэкторн сосредоточил все свое внимание на священнике, который говорил с даймё. Как найти подход к японцу, как преодолеть опасность?

«В лице даймё чувствуются высокомерие и жестокость, – подумал он. – Держу пари, что он настоящий негодяй. Священник не очень хорошо говорит по-японски. О, видишь это? Возбуждение и нетерпение. Даймё потребовал уточнений. Думаю, что так. Почему иезуит носит оранжевые одежды? Даймё – католик! Смотри, иезуит изменился в лице, его пот прошиб. Держу пари, даймё не католик. Будь осторожнее! Может быть, он не католик. В любом случае пощады не жди. Как использовать этого негодяя? Как поговорить с ним напрямую? Как переиграть священника? Как опорочить его? На что он клюнет? Ну же, думай! Ты достаточно знаешь об иезуитах».

– Даймё говорит, чтобы вы поторопились с ответом.

– Да, конечно. Прошу прощения. Мое имя Джон Блэкторн. Я англичанин, главный штурман нидерландской флотилии и капитан одного из кораблей. Наш порт – Амстердам.

– Флотилии? Какой флотилии? Вы лжете. Никакой флотилии нет. Откуда взялся английский капитан на голландском корабле?

– Все в свое время. Пожалуйста, переведите, что я сказал.

– Почему вы стали капитаном голландского капера? Быстрее!

Блэкторн решил блефовать. Его голос внезапно стал твердым – он так и прорезал теплый утренний воздух:

– Дьявол! Сначала переведи, что я сказал, испанец! Ну!

Священник вспыхнул:

– Я португалец. Я уже говорил об этом. Отвечайте на вопросы.

– Я здесь, чтобы говорить с даймё, а не с вами. Переводи то, что я сказал, безродное отребье!

Блэкторн видел, что священник покраснел еще больше и это не ускользнуло от внимания даймё. «Будь осторожен, – предупредил он себя. – Этот желтолицый негодяй разорвет тебя на кусочки быстрее, чем стая акул, если выйдешь из себя».

– Скажите господину даймё!

Блэкторн умышленно низко поклонился в сторону помоста и почувствовал, как холодный пот начал собираться в капли. Теперь он определился с тем, что делать.

Отец Себастио знал, что неуязвим для оскорблений пирата. Он твердо решил очернить англичанина перед даймё. Но это не сработало, и он растерялся. Когда посланец от Муры принес ему в миссию в соседней провинции известие о корабле, он мучился в догадках. «Это не может быть голландский или английский корабль! – думал он. – В Тихом океане еще не бывало кораблей еретиков, за исключением этого архидьявола пирата Дрейка, и никогда ни один не навевывался в Азию. Морские пути держат в секрете и стерегут». Он сразу приготовился к отъезду и отправил с почтовым голубем весточку в Осаку своему настоятелю, с которым собирался посоветоваться, зная, что сам еще молод, неопытен. В Японии он новичок, пробыл здесь всего два года, еще даже не посвящен в духовный сан^[21] и несведущ в таком опасном деле. Он бросился в Андзиро, надеясь и молясь, чтобы новость оказалась ложной. Но судно было голландским, и капитан – англичанином, и все отвращение отца Себастио к сатанинским

еретикам Лютеру, Кальвину, Генриху VIII и чертовой Елизавете, его незаконнорожденной дочери, всколыхнулось в нем. И поглотило разум.

– Священник, переведи то, что говорит пират, – услышал он приказ даймё.

«О благословенная Матерь Божия, помоги мне выполнить Твою волю! Помоги не обнаружить слабость перед даймё и дай мне способности к языкам, дай мне обратиться их в истинную веру!»

Отец Себастио собрал все свои силы и заговорил более уверенно.

Блэкторн слушал внимательно, пытаясь вникнуть в смысл слов. Священник упомянул Англию и Блэкторна и указал на корабль, который спокойно стоял на якоре в гавани.

– Как вы попали сюда? – спросил отец Себастио.

– Через Магелланов пролив. Это в ста тридцати шести днях пути отсюда. Скажите даймё...

– Вы лжете. Магелланов пролив секретный. Вы прошли вокруг Африки и Индии. Вы должны сейчас же сказать правду. Они будут вас пытаться.

– Проллив был секретным. Португалец продал нам рутгер. Один из ваших собственных людей продал нам его за золото, как Иуда. Вы все дерьмо! Теперь все английские и нидерландские военные суда знают путь через Тихий океан. Эскадра из двадцати шестидесятипушечных английских линейных кораблей сейчас атакует Манилу. Вашему господству конец.

– Ты врешь!

«Да, – подумал Блэкторн, – но есть только один способ доказать, что это ложь, – сплавать в Манилу».

– Эта эскадра будет нападать на ваши торговые пути и захватывать ваши колонии. Еще один флот уже на подходе. Испано-португальская свинья опять в своем свинарнике, и член главы вашего иезуитского ордена, вашего генерала, у нее в заднице, где ему и место! – Он отвернулся и низко поклонился даймё.

– Бог проклянет тебя и твой недостойный род.

– *Ано моно ва нани и имаситэ ору?*^[22] – нетерпеливо бросил даймё.

Священник заговорил быстрее и тверже, помянув Магеллана и Манилу, но Блэкторн подумал, что даймё и его приближенные не очень хорошо понимают иезуита.

Ябу устал от разбирательства. Он глянул на гавань, на корабль, который занимал его мысли с тех пор, как он получил тайное послание от Оми, и подумал, не подарок ли это богов, как он надеялся.

– Ты уже осмотрел груз, Оми-сан? – спросил он этим утром, как только прибыл, забрызганный грязью и усталый.

– Нет, господин. Я подумал, что лучше всего опечатать корабль до вашего приезда, но трюмы забиты ящиками и тюками. Надеюсь, я поступил правильно. Вот все их ключи. Я их изъяс.

– Хорошо. – Ябу приехал из Эдо, столицы Торанаги, расположенной более чем в ста милях отсюда, в крайней спешке, тайком и с большим риском для себя, и это было очень важно, что он добрался так быстро. Путешествие по отвратительным дорогам, через разлившиеся весной ручьи, частью верхом, частью в паланкине, заняло два дня. – Я сразу поеду на корабль.

– Вам следовало бы повидать иноземцев, господин, – сказал Оми со смехом. – Они невозможны. У большинства голубые глаза, как у сиамских кошек, золотистые волосы. Но лучшая новость из всех – то, что они пираты...

Оми пересказал ему все, что священник сообщил о морских разбойниках, и что сказал пират, и что случилось, и возбуждение Ябу утроилось. Он подавил нетерпеливое желание подняться на борт корабля и сорвать печати. Вместо этого он помылся, переоделся и приказал привести к нему варваров.

– Ты, священник, – проговорил он, его голос был резок, и смысл едва доходил до отца Себастио, плохо знающего язык, – почему он так зол на тебя?

– Он дьявол. Пират. Он поклоняется Сатане.

Ябу наклонился к Оми, сидящему слева:

– Можешь ты понять, что он говорит, племянник? Он врет? Что ты думаешь?

– Я не знаю, господин. Кто знает, во что на самом деле верят варвары? Я допускаю, что священник думает, будто пират действительно поклонник дьявола. Конечно, все это вздор.

Ябу снова повернулся к священнику, которого ненавидел. Будь его воля, он сегодня же распял бы иезуита и уничтожил христианство в подвластных ему землях раз и навсегда. Но он не мог. Хотя дайме имели полную власть над своими провинциями, они подчинялись

Совету регентов, которому тайко официально передал все полномочия до совершеннолетия своего сына, и следовали указам, которые тот издал в свое правление и которые еще оставались в силе. Один из них, выпущенный много лет назад, касался португальских варваров и указывал, что в пределах разумного к их религии надо проявлять терпимость и не препятствовать тому, чтобы их священники обращали людей в свою веру.

– Ты, священник! Что еще говорит пират? Что он сказал тебе? Быстрее! Ты проглотил язык?

– Пират принес плохие новости. Плохие. О том, что сюда плывут другие пиратские корабли – и много.

– О чем он толкует?

– Извините, господин, я не понял.

– Пират говорит, другие военные корабли подошли к Маниле, на Филиппинах.

– Оми-сан, ты понимаешь, о чем он говорит?

– Нет, господин. Его выговор ужасен, это почти непонятная речь. Он говорил, восточнее Японии есть еще пиратские корабли?

– Да, священник! Есть еще пиратские корабли в море? Восточнее? А?

– Да, господин. Но я думаю, он врет. Он говорит, в Маниле.

– Я не понимаю, где находится Манила?

– На востоке. Много дней пути.

– Если какие-то пиратские корабли придут сюда, мы устроим им приятную встречу, где бы ни была эта Манила.

– Пожалуйста, извините меня. Я не понимаю.

– Не важно, – сказал Ябу.

Его терпение истощилось, он уже решил, что варвары должны умереть, и наслаждался предстоящим. Очевидно, что эти люди не подпадали под указ тайко, который упоминал «португальских варваров», и к тому же они были пираты. Сколько себя помнил, он ненавидел этих дикарей, их зловоние и грязь, их омерзительную привычку есть мясо, их глупую религию, высокомерие и отвратительные манеры. Еще более его, как каждого даймё, раздражала их одержимость Землей богов. Китай и Япония столетиями оставались в состоянии войны. Китай не хотел торговать. Китайская шелковая одежда была жизненно необходима для того, чтобы

перенести длинное, жаркое и влажное японское лето. В Японию ее попадало крайне мало, и за нее запрашивали огромную цену. Потом, шестьдесят с чем-то лет назад, впервые появились варвары. Китайский император в Пекине позволил им обосноваться в Макао, на юге Китая, и согласился продавать шелк за серебро. Япония была богата серебром. Вскоре торговля стала процветать. Обе страны благоденствовали. Посредники, португальцы, становились богачами, и их священники – преимущественно иезуиты – сделались необходимы для торговли. Только священники могли выучиться говорить по-китайски и по-японски и, следовательно, выступать как комиссионеры и переводчики. По мере того как торговля шла в гору, священники становились все нужнее и нужнее. Теперь годовой торговый оборот был огромен и отражался на жизни каждого самурая. Поэтому приходилось терпеть священников и распространение их религии, иначе варвары могли уплыть и торговля бы прекратилась.

Вот почему к настоящему времени в Японии уже имелось несколько влиятельных христианских даймё и сотни тысяч новообращенных, большинство которых жили на Кюсю, южном, ближайшем к Китаю, острове, где находился облюбованный португальцами порт Нагасаки. «Да, – подумал Ябу, – мы должны терпеть священников и португальцев, но не этих новых варваров, золотоволосых и голубоглазых». Его охватило возбуждение. Наконец он удовлетворит свое любопытство, узнает, как будут умирать варвары после мучений. Он замучил одиннадцать человек, испробовал одиннадцать разных пыток. Он никогда не задавался вопросом, почему чужая агония так его радует. Радует, и все, а значит, к этому надо стремиться, наслаждаться этим.

Ябу сказал:

– Это судно не португальское, пиратское, оно отходит мне со всем его содержимым. Все пираты приговорены к немедленной смерти.

Едва последнее слово сорвалось с его языка, как пиратский вождь внезапно прыгнул на священника, сорвал деревянное распятие с его пояса, разбил на куски, бросил на землю и выкрикнул что-то. После этого пират тут же упал на колени и низко поклонился даймё, а стража кинулась вперед, подняв мечи.

– Стойте! Не убивайте его! – Ябу был удивлен, что кто-то мог столь нагло вести себя перед ним, проявляя такие плохие манеры. – Эти

варвары непостижимы!

– Да, – подхватил Оми, недоумевая, что могла бы означать эта сцена.

Священник все еще стоял на коленях, пристально глядя на обломки креста. Все смотрели, как он трясущейся рукой подобрал оскверненную святыню. Он что-то сказал пирату тихим голосом, почти мягко. Его глаза закрылись, он сложил пальцы в пригоршню, губы медленно задвигались. Пиратский вожак стоял не двигаясь перед сбившейся в кучку командой, его бледно-голубые глаза смотрели не мигая, как у кошки.

Ябу изрек:

– Оми-сан, сначала я хочу пойти на корабль. Потом мы начнем. – Его голос стал хриплым, когда он представил удовольствие, которое пообещал себе. – Я хочу начать с того низенького рыжеголового в конце строя.

Оми наклонился ближе и понизил свой возбужденный голос:

– Пожалуйста, извините меня, но этого раньше никогда не бывало, господин. Ни разу с тех пор, как сюда пришли португальцы. Разве распятие не их священный символ? Разве они не были всегда особо почтительны со священниками? Разве они не преклонялись перед ними в открытую? Совсем как наши христиане. Разве священники не имеют над ними абсолютной власти?

– Давай о главном.

– Мы все не любим португальцев, господин. За исключением наших христиан, а? Может быть, эти новые варвары большего стоят живыми, а не мертвыми?

– Почему?

– Они особенные. Они противники христиан! Может быть, умный человек найдет способ использовать их ненависть – или неверие – к нашей выгоде. Они ваша собственность, делайте с ними что хотите. Да?

«Да. И я хочу их пытаться, – подумал Ябу. – Но это удовольствие можно получить в любой миг. Слушайся Оми. Он хороший советчик. Но можно ли ему доверять? Нет ли у него тайной причины так говорить? Подумай».

– Икава Дзю – христианин, – услышал он голос племянника, произнесшего имя его ненавистного врага – одного из родственников и

союзников Исидо, – который властвовал к западу от него. – Разве этот мерзкий священник не живет там? Может быть, эти варвары дадут вам ключ ко всей провинции Икавы? Или, может быть, Исидо. Может быть, даже к господству над Торанагой, – добавил Оми деликатно.

Ябу внимательно изучал лицо Оми, пытаюсь определить, что скрывается за непроницаемой миной. Потом его глаза вернулись к кораблю. Он не сомневался теперь, что корабль послан ему богами. Но был ли это дар или наказание?

Он отложил удовольствие ради безопасности своего клана:

– Я согласен. Но сначала освободи этих пиратов. Научи их достойному поведению. Особенно вожака.

– Хорошенькая смерть для Иисуса! – пробормотал Винк.

– Нам следовало бы помолиться, – сказал ван Некк.

– Мы только что прочитали одну молитву.

– Может быть, нам лучше вознести другую. Великий Боже на небесах, я бы мог выпить пинту бренди.

Их запихнули в глубокий погреб, один из многих, где рыбаки хранили высушенную на солнце рыбу. Самураи прогнали их толпой через площадь, потом вниз по приставной лестнице, и теперь они были заперты под землей. Погреб с земляными полом и стенами имел пять шагов в длину, пять в ширину и четыре в высоту. Потолок был из досок, перекрыт футом земли и имел один люк.

– Слезь с моей ноги, проклятая обезьяна!

– Отодвинь свою рожу, собиратель дерьма! – огрызнулся Питерзон добродушно. – Эй, Винк, отодвинься немного, ты, старая задница, ты и так захватил места больше всех остальных! Боже мой, я бы выпил холодного пива! Отодвинься!

– Не могу, Питерзон. Теснимся тут, как сельди в бочке.

– Это генерал-капитан. Он занял все пространство. Дайте ему пинка. Разбудите его, – зудел Матсьюккер.

– А? В чем дело? Оставьте меня. Что вы хотите? Я болен. Я лежу. Где мы?

– Оставьте его. Он болен. Ну, Матсьюккер, ради Бога, встань! – Винк сердито поднял Матсьюккера и оттолкнул его к стене.

Места в узилище было слишком мало, чтобы лечь или просто удобно сесть. Генерал-капитан Паулюс Спилберген лежал,

вытянувшись во всю длину, под люком, где было больше воздуха, его голова покоилась на свернутом плаще. Блэкторн прислонился к стене в углу и глядел на люк. Команда с трудом, но очистила для него место, зная по опыту, какая взрывная сила скрывается за внешне спокойным обликом.

Матсьюккер потерял терпение и ударил Винка кулаком в пах.

– Отвали или я убью тебя, ублюдок!

Винк бросился на него, но Блэкторн схватил обоих за грудки и расшвырял в разные стороны так, что они ударились головами о стенки.

– Заткнитесь вы все! – приказал он повелительно, но мягко. Они послушались. – Мы разделимся на вахты. Одна вахта ложится и спит, вторая сидит, третья стоит. Спилберген лежит до тех пор, пока не сможет сидеть. В углу будет галльюн.

Он разбил моряков на вахты. Сразу стало удобнее.

«Мы должны выбраться отсюда в течение дня или же совсем ослабеем, – подумал Блэкторн. – Надо сделать это, когда принесут еду или воду. Сегодня вечером или завтра ночью. Почему они поместили нас сюда? Мы не опасны для них. Мы могли бы помочь даймё. Поймет он это? У меня был один-единственный способ показать ему, что настоящий враг – священник. Поймет ли он? Священник понял».

– Может быть, Бог простит тебе богохульство, но я нет, – сказал отец Себастио почти бесстрастно. – Я не успокоюсь, пока ты и твой Сатана не будут повергнуты в прах.

Пот каплями сбегал по щекам и подбородку. Блэкторн вытер его, рассеянно прислушиваясь к происходящему в погребке, как прислушивался, когда был на судне и спал или отдыхал, свободный от вахты, пытаясь предугадать опасность.

«Мы должны вырваться и захватить корабль. Знать бы, что делает Фелисити. И дети. Посчитаем-ка: Тюдору теперь семь лет, а Лисбет... Вот уже год, одиннадцать месяцев и шесть дней, как мы отплыли из Амстердама, тридцать семь дней снаряжались и шли туда из Чатема, добавим одиннадцать дней от ее рождения до начала погрузки в Чатеме. Это ее точный возраст – если все нормально. Все должно быть хорошо. Фелисити будет готовить и ухаживать за детьми, убираться и разговаривать с ними, и дети вырастут такими же сильными и бесстрашными, как их мать. Прекрасно было бы вернуться домой,

гулять с ними по берегу, лесам и полям – вся эта красота и есть Англия».

Годами он учился думать о тех, кого любил и за которых отдал бы жизнь, как о героях пьесы, что никогда не кончится. Иначе боль от расставания была бы невыносимой. Он мог сосчитать все дни, которые провел дома за те одиннадцать лет, что был женат. «Их набралось мало, – подумал он, – слишком мало».

– Это трудная жизнь для женщины, Фелисити, – говорил он ей.

А она отвечала:

– Любая жизнь для женщины трудная.

Ей тогда стукнуло семнадцать, она была высокая, с длинными волосами...

Слух предупредил его об опасности.

Люди сидели или стояли, прислонившись к стене, кто-то пытался уснуть. Винк и Питерзон, два закадычных приятеля, тихо переговаривались. Ван Некк и другие смотрели в пространство. Спилберген полуспал-полубодрствовал, и Блэкторн подумал, что он сильнее, чем им казалось.

Внезапно все смолкли, услышав шаги над головой. Шаги стихли. Раздались приглушенные звуки грубой, странно звучащей речи. Блэкторну показалось, что он узнал голос самурая – как там его, Оми-сана? Да, именно так, но он не был уверен. Через мгновение голоса смолкли и шаги удалились.

– Думаете, они дадут нам поесть, капитан? – спросил Сонк.

– Да.

– Я бы выпил холодного пива. О Боже, – простонал Питерзон.

– Заткнись! – буркнул Винк. – Тут и без пива отливать некуда.

Блэкторн чувствовал, что его рубашка вся пропиталась потом. И этот запах! «Ей-богу, мне бы надо принять ванну», – подумал он и внезапно улыбнулся, вспоминая.

Мура и остальные отнесли его в теплую комнату и положили на каменную скамью, его конечности, все еще онемевшие, двигались очень медленно. Три женщины под руководством старшей начали раздевать его, он пытался остановить их, но стоило ему пошевелиться, как один из мужчин давал ему легкий тычок – и он становился недвижим. Сколько он их ни обзывал, сколько ни клял, они продолжали раздевать его, пока он не остался совсем голым. Не то

чтобы он стыдился обнажаться перед женщинами, просто привык делать это в иной обстановке, таков был обычай. И ему не нравилось, что его раздевают, пусть даже нецивилизованные люди, дикари. Его раздели прилюдно, как маленького, беспомощного ребенка, и вымыли, как малыша, в теплой мыльной душистой воде, и при этом тараторили и улыбались, а он лежал на спине – это уж слишком! Его детородная плоть набухла, и чем больше он пытался противиться этому, тем становилось хуже. По крайней мере, так думал он, но не женщины. Глаза их расширились, а он покраснел. «Боже милостивый, я не должен краснеть!» Но он заливался краской, и казалось, из-за этого член увеличивается в размерах, и вот уже старуха захлопала в ладоши от удивления и сказала что-то, все закивали, а она покачала головой с благоговением и еще что-то изрекла – все закивали еще старательнее.

Мура проговорил с большой серьезностью:

– Капитан-сан, мама-сан благодарит вас. Это самое лучшее, что она видела в жизни, теперь она может умереть счастливой! – Все они поклонились как один.

И тут Блэкторн понял, как смешно все это, и захохотал. Они вздрогнули, потом тоже засмеялись. Смех отнял у него последние силы. Старуха немного опечалилась и сказала об этом, и тут снова все вместе расхохотались. Затем его осторожно положили в большую ванну, где было много горячей воды, и вскоре он уже не мог больше выдерживать жара, и его, задыхающегося, снова положили на скамью. Женщины вытерли его, а потом пришел слепой старик. Блэкторн не знал, что такое массаж. Сначала он пытался сопротивляться ощупывающим его пальцам, но потом их волшебная сила покорила его, и вскоре он чуть ли не мурлыкал, как кошка, когда пальцы нашли узелки на перетруженных мышцах и разогнали кровь, этот эликсир, который скрывался под кожей, мускулами и жилами.

После его, слабого, полусонного, отнесли в постель, там ждала девушка. Она была терпелива с ним, и после сна, когда к нему вернулись силы, он овладел ею очень осторожно, хотя долго воздерживался.

Он не спросил ее имени, и утром, когда Мура, напряженный и очень испуганный, с трудом разбудил его, она ушла.

...Блэкторн вздохнул. «Жизнь удивительна», – подумал он.

В погребке опять разворчался Спилберген. Матсюккер обхватил голову и стонал – не от боли, а от страха, юный Крок был почти в обмороке, а Ян Ропер окрысился:

– Что вас развеселило, капитан?

– Пошел ты к черту!

– Кстати, капитан, – начал ван Некк, осторожно подбираясь к тому, что было у всех на уме, – вы поступили неразумно, накинувшись на священника перед этим желтолицым негодяем.

Таково было общее, хотя и робко высказанное мнение.

– Если бы не это, думаю, мы не оказались бы здесь, в грязной норе.

Ван Некк стоял поодаль от Блэкторна.

– Всего-то и требовалось – ткнуться лбом в грязь перед этим негодяем, и они стали бы кроткими как овечки.

Он подождал ответа, но Блэкторн молчал, повернувшись к люку. Никто не проронил ни слова, но напряжение усиливалось.

Паулюс Спилберген с трудом поднялся на одном локте:

– О чем вы толкуете, Баккус?

Ван Некк подошел к нему и объяснил все про священника и распятие, что случилось и почему они здесь. Его глаза болели сегодня больше обычного.

– Да, это был опрометчивый шаг, капитан, – согласился Спилберген. – Я бы сказал, совершенно неправильный... Передайте мне немного воды. Теперь иезуиты не оставят нас в покое.

– Вам бы следовало сломать ему шею, капитан. Иезуиты все равно не оставят нас в покое, – добавил Ян Ропер. – Они докучливее вшей, а то, что мы здесь, в этой вонючей дыре, наказание Божье.

– Это чушь, Ропер! – отрезал Спилберген. – Мы здесь потому...

– Это Божья кара! Нам нужно было сжечь все церкви в Санта-Магдалене, а не только те две.

Спилберген слабо отмахнулся, как от мухи:

– Испанские войска перестроились, и нас было много меньше – хорошо, если один против пятнадцати. Дайте мне воды! Мы разграбили город, и захватили добычу, и ткнули их носами в грязь. Если бы мы остались, а не отступили, нас бы убили.

– Какое это имеет значение, когда выполняешь волю Бога? Он оставил нас.

– Может быть, мы здесь, чтобы выполнять Божью волю, – заметил ван Некк примирительно – Ропер был по-своему хорошим, хотя и слишком религиозным человеком, умелым купцом и сыном его партнера. – Может быть, мы сможем показать этим туземцам всю ложность папизма? Может быть, мы обратим их в свою, истинную веру?

– Совершенно верно, – прохрипел Спилберген. Он все еще чувствовал слабость, но силы к нему возвращались. – Думаю, тебе следовало посоветоваться с Баккусом, капитан. В конце концов, он старший над купцами. Он очень умел в переговорах с дикарями. Дайте воды, я сказал!

– Ее нет, Паулюс. – Ван Некк помрачнел. – Они не дают нам ни воды, ни пищи. У нас нет даже параши.

– Ну, попросите, чтобы ее вам дали! И немного воды! Боже, я хочу пить! Попроси воды! Ты!

– Я? – удивился Винк.

– Да, ты!

Винк посмотрел на Блэкторна, но тот, не обращая на них внимания, не сводил глаз с люка. Тогда Винк встал под крышку и закричал:

– Эй! Вы, там! Ради Бога, дайте нам воды. Мы хотим есть и пить!

Ответа не было. Он закричал опять. Нет ответа. К Винку присоединились остальные. Все, за исключением Блэкторна. Голод, жажда, теснота давали себя знать, и они завывали, как волки. Люк открылся. Оми смотрел вниз, на них. Рядом стояли Мура и священник.

– Воды! И пищи, ради Бога! Выпустите нас отсюда! – завопили моряки.

Оми приказал что-то Муре, который кивнул и ушел. Минутой позже Мура вернулся с другим рыбаком – они тащили большую бочку. На головы узников хлынула тухлая вода с ошметками гнилой рыбы.

Люди в погребе бросились врассыпную, пытаясь уклониться от вонючей жижи, но не всем это удалось. Спилберген едва не захлебнулся. Блэкторн не двинулся из своего угла. Только с ненавистью посмотрел на Оми.

А тот заговорил. Подавленную тишину нарушал только кашель Спилбергена. Когда Оми закончил говорить, к люку с опаской подошел священник:

– Вот приказ Касиги Оми. Вы будете вести себя как приличные люди. Вы больше не станете шуметь. Если поднимете шум, в следующий раз в погреб выльют пять бочонков. Потом десять, а дальше двадцать. Вам будут давать пищу и воду два раза в день. Когда научитесь вести себя, вам будет позволено выйти в общество людей. Господин Ябу милостиво сохранил ваши жизни, позволив вам верно служить ему. Всем, за исключением одного. Один из вас умрет. Вечером. Вы должны выбрать, кто это будет. Но выбор не может пасть на него. – Он указал на Блэкторна. Чувствуя себя неловко, священник тяжело вздохнул, отвесил полупоклон самураю и отступил назад.

Оми посмотрел вниз, в яму. Он видел глаза Блэкторна и чувствовал его ненависть. «Потребуется многое, чтобы сломить дух этого человека, – подумал он. – Ничего. Времени достаточно». Крышка люка с шумом захлопнулась.

Глава 3

Ябу лежал в горячей ванне, более сосредоточенный, более уверенный в себе, чем когда-либо в жизни. Корабль открыл ему свои богатства, наделив властью, о какой он мог только мечтать...

– Я хочу завтра перевезти все на берег, – сказал он. – Сложи мушкеты в ящики. Замаскируй все сетью или мешками.

«Пять сотен мушкетов, – подумал он радостно. – И еще порох и пули, больше того, что имеет Торанага во всех Восьми Провинциях. И двадцать пушек, пять тысяч пушечных ядер с большим количеством снаряжения. Пороховые заряды к пушкам разложены по мешкам. Все лучшего варварского качества».

– Мура, ты обеспечишь носильщиков. Игураси-сан, я хочу, чтобы все вооружение, включая пушки, немедленно перевезли в мой замок в Мисиме тайно. Ты будешь отвечать за это.

– Да, господин.

Они находились в главном трюме корабля, и каждый во все глаза глядел на него: Игураси, высокий, гибкий, одноглазый, его главный вассал; Дзукимото, ведающий его воинским хозяйством, и десять крестьян, с которых семь потов сошло, пока они открывали ящики под присмотром Муры и личной охраны Ябу из четырех самураев. Он знал, что никто не понял причин его радостного возбуждения и необходимости соблюдать тайну. «Хорошо», – подумал он.

Когда португальцы в 1542 году открыли Японию, они привезли мушкеты и порох. Через восемнадцать месяцев японцы научились делать ружья. По качеству те уступали европейским образцам, но это не имело значения, так как ружья считались просто забавной новинкой и долгое время использовались только для охоты – и даже здесь лук был более метким оружием. К тому же, что более важно, ведение войны у японцев почти приближалось к ритуалу, и в поединках самым важным и почетным оружием оставался меч. Использование ружей приравнивалось к трусости и бесчестию и полностью шло вразрез с кодексом самураев, бусидо, «путем воина», который обязывал воевать и умереть честно, всю жизнь хранить безоговорочную верность одному феодалу, не бояться смерти, даже стремиться к ней на службе, гордиться своим именем и сохранять его незапятнанным.

Несколько лет Ябу лелеял тайный замысел. «Со временем, – думал он радостно, – можно будет развить его и воплотить: пятьсот избранных самураев, вооруженных мушкетами и обученных так, чтобы они составляли единое целое, головной отряд двенадцатитысячного обычного войска, поддерживаемый двадцатью пушками, которые обслуживают специально подготовленные люди, также действующие слаженно, как пальцы одной руки. Новая стратегия для новой эры. Исход будущей войны, возможно, решит такое оружие!»

«А как же бусидо?» – всегда спрашивали его духи предков.

«А что бусидо?» – в свою очередь спрашивал он их.

Они никогда не отвечали.

Даже в самых буйных мечтаниях он и предполагать не смел, что когда-нибудь сможет завладеть пятью сотнями ружей. Теперь они достались ему даром, и он один знает, как пользоваться ими. Но чью сторону ему принять? Торанаги или Исидо? Или он должен подождать – и, может быть, тогда станет победителем?

– Игураси-сан, ты поедешь ночью с хорошей охраной.

– Да, господин.

– Это должно остаться в тайне, Мура, или деревня будет уничтожена.

– Никто ничего не скажет, господин. Я могу поручиться за свою деревню. Я не смогу поручиться за дорогу или за другие деревни. Кто знает, где шныряют шпионы? Но мы ничего не скажем.

После этого Ябу пошел в кладовую. Там хранилось то, что он принял за пиратскую добычу: серебряные и золотые тарелки, кубки, подсвечники и украшения, несколько картин религиозного содержания в богатых, выложенных камнями рамах. В шкафу – женские платья, искусно расшитые золотыми нитями и цветными камнями.

– Я расплавлю серебро и золото и положу слитки в сокровищницу, – сказал Дзукимото.

Этот аккуратный, педантичный японец лет сорока не принадлежал к военному сословию. Много лет назад он был буддийским монахом-воином, но тайко уничтожил его монастырь, когда повел борьбу против буддийских священнослужителей, не признававших его абсолютным сюзереном. Дзукимото выкупил свою жизнь и стал

мелким купцом, бродячим торговцем рисом. Десять лет назад он поступил на службу к Ябу и стал незаменим.

– Что касается одежды, возможно, золотое шитье и камни имеют большую цену. С вашего разрешения я упакую их и пошлю в Нагасаки. – (В порту Нагасаки, на самом южном берегу южного острова Кюсю, располагались торговые фактории португальцев.) – Варвары могут хорошо заплатить за эти диковины и безделушки.

– А что в тюках в другом трюме?

– Там теплая одежда. Совершенно бесполезная для нас, господин, вовсе не имеющая рыночной цены. Но это порадует вас. – Дзукимото открыл сундук.

Там хранилось двадцать тысяч чеканных кусочков серебра. Испанские дублоны. Высшего качества.

...Ябу забарахтался в ванне. Он вытер пот с лица и шеи маленьким белым полотенцем и глубже погрузился в горячую ароматную воду. «Если бы три дня назад, – сказал он себе, – прорицатель предрек нечто подобное, ему скормили бы его собственный язык, чтобы врал да не завирался...»

Три дня назад он был в Эдо, столице Торанаги. Послание Оми попало туда к вечеру. Очевидно, что корабль нужно было обыскать сразу же, но Торанага отлучился в Осаку, чтобы окончательно объясниться с Исидо, и предложил Ябу и всем дружественным соседям-даймё дожидаться его возвращения. Отказ от такого приглашения грозил самыми ужасными последствиями. Ябу знал, что он и другие даймё, а также их семьи служили заложниками безопасности Торанаги и – хотя об этом не говорилось вслух – благополучного его возвращения из неприступной вражеской Осацкой крепости, где проходила встреча. Торанага возглавлял Совет регентов, который тайко назначил на смертном ложе, повелев ему управлять страной до достижения совершеннолетия его сыном Яэмоном, которому сейчас было семь лет. Из пяти регентов, сплошь даймё, только Торанага и Исидо имели реальную власть.

Ябу тщательно взвесил все резоны в пользу поездки в Андзиро, связанные с ней опасности и неотложные дела, требующие его присутствия. Потом послал за женой и любимой наложницей.

Мужчина мог иметь сколько угодно наложниц, но только одну жену одновременно.

– Я только что получил от моего племянника Оми секретное послание: корабль варваров прибился к берегу в Андзиро.

– Один из «черных кораблей»? – Его жена пришла в большое волнение. Речь шла об огромных, невероятно богатых торговых кораблях, которые ежегодно в сезон муссонов плавали между Нагасаки и португальской колонией в Макао, которая лежала почти в тысяче миль к югу от китайского берега.

– Нет. Но он может быть богатым. Я уезжаю немедленно. Вы скажете, что я заболел и меня нельзя беспокоить некоторое время ни под каким предлогом. Вернусь через пять дней.

– Это очень опасно, – предупредила его жена. – Господин Торанага приказал нам всем оставаться. Я уверена, он добьется согласия с Исидо, и он слишком силен, чтобы его сердить. Господин, мы не можем поручиться, что кто-нибудь не догадается, в чем дело. Здесь повсюду шпионы. Если Торанага вернется и обнаружит, что вы уехали, ваше отсутствие будет неправильно понято. Ваши враги настроят его против вас.

– Да, – добавила наложница. – Пожалуйста, извините меня, но вы должны послушать госпожу, вашу жену. Она права. Господин Торанага никогда не поверит, что вы ослушались его только для того, чтобы поглядеть на корабль варваров. Пожалуйста, пошлите кого-нибудь другого.

– Но это не обычный чужеземный корабль. Это не португальское судно. Слушайте меня. Оми говорит, что эти люди из другой страны. Эти люди говорят между собой на языке, звучащем совсем иначе, у них голубые глаза и золотые волосы.

– Оми-сан сошел с ума. Или выпил слишком много саке, – заявила его жена.

– Это слишком важно, чтобы шутить... для него и для тебя.

Его жена с поклоном извинилась и признала, что он совершенно прав, но что ее замечание не обидная насмешка. Это была маленькая, тоненькая женщина, на десять лет старше его, в течение восьми лет она приносила ему по ребенку в год, пока чрево ее не усохло, и пятеро из них были сыновья. Трое стали воинами, храбро сражались в войне против Китая и приняли достойную смерть. Еще один стал буддийским монахом, а последнего, которому сейчас было девятнадцать, он презирал.

Его жена, госпожа Юрико, была единственной женщиной, которую он когда-либо боялся, и единственной, которую он ценил, за исключением покойной матери, она правила его домом мягко и осмотрительно.

– Еще раз, пожалуйста, извините меня, – произнесла она. – Оми-сан написал, что за груз?

– Нет. Он не осмотрел его, Юрико-сан. Он сообщает, что сразу же опечатал корабль, настолько тот необычен. До сих пор здесь не видели ни одного судна, не принадлежащего португальцам. Он также доводит до нашего сведения, что это военный корабль. С двадцатью пушками на палубах.

– А! Тогда кто-то должен поехать туда немедленно.

– Я собираюсь сам.

– Пожалуйста, откажитесь от этого решения. Пошлите Мидзуно. Ваш брат умен и осмотрителен. Я умоляю вас не ехать.

– Мидзуно слаб для такого дела, и я ему не доверяю.

– Тогда прикажите ему сделать сэппуку, – отрезала она.

Сэппуку, иногда называемое харакири, – ритуальное самоубийство путем испаривания живота с удалением внутренностей – было единственным способом, позволяющим самураю искупить позор, грех или бесчестье, и составляло привилегию самурайского сословия. Все самураи – включая женщин – с детства готовились либо совершить харакири, либо участвовать в нем в качестве помощника. Женщины совершали сэппуку только одним способом – вонзая нож в горло.

– Позже, не теперь, – возразил Ябу жене.

– Тогда пошлите Дзукимото. Ему наверняка можно доверять.

– Если бы Торанага не приказал своим женщинам оставаться здесь, я бы послал тебя. Но это слишком опасно. Я должен ехать, у меня нет выбора. Юрико-сан, ты все твердишь мне, что моя казна пуста, что я не имею кредита у этих мерзких ростовщиков. Дзукимото говорит, что мы собираем предельно большой налог с крестьян. Мне нужно больше лошадей, оружия, снаряжения, самураев. Может быть, корабль даст мне все это.

– Приказы господина Торанаги звучали ясно, господин. Если он вернется и обнаружит...

– Да. Если он вернется, госпожа. Я думаю, он сам попал в ловушку. Господин Исидо имеет восемьдесят тысяч самураев только вокруг

Осаки и в самой крепости. Для Торанаги безумием было ехать туда с несколькими сотнями человек.

– Он слишком хитер, чтобы рисковать собой без необходимости, – заявила она уверенно.

– Если бы я был Исидо и он оказался в моих руках, я бы убил его сразу.

– Да, – согласилась Юрико. – Но мать наследника остается заложницей в Эдо, пока Торанага не вернется. Господин Исидо не осмелится тронуть Торанагу, пока она не окажется в Осаке.

– Я убил бы его. Жива госпожа Отиба или мертва, не имеет значения. Безопасность наследника зависит от Осаки. Если Торанага умрет, дела пойдут вполне определенным образом. Торанага – единственная настоящая угроза наследнику, единственный, кто может, используя Совет регентов, узурпировать власть тайко и убить мальчика.

– Пожалуйста, извините меня, господин, но, может быть, господин Исидо способен привлечь на свою сторону трех других регентов, объявить Торанагу изменником и это станет концом Торанаги, а? – спросила наложница.

– Да, госпожа, если бы Исидо мог, он бы так и сделал, но я думаю, это не по силам ни ему, ни даже Торанаге. Тайко очень хитро подобрал регентов. Они презирают друг друга так сильно, что не способны хоть в чем-то найти общий язык. Прежде чем принять власть, пять великих даймё поклялись перед умирающим тайко в вечной верности его сыну и его семье. И они прилюдно дали священную клятву править единодушно и передать государство в целостности Яэмону, когда тот достигнет пятнадцати лет. Единодушное правление означает, что ничего не изменится, пока Яэмон не получит власть.

– Но однажды, господин, четыре регента объединятся против одного из ревности, страха или тщеславия. Четверо решат, что приказов тайко достаточно для войны, так?

– Да, но это окажется маленькая война, госпожа, и один будет непременно разбит, и его земли разделят победители, которые затем назначат пятого регента, и через какое-то время один снова встанет против четверых, и опять одного победят, и его земли поделят – все как тайко задумал. Моя единственная задача – решить, кто будет этим одним на сей раз – Исидо или Торанага.

– Им будет Торанага.

– Почему?

– Остальные слишком боятся его, потому что знают: он хочет стать сёгуном, хотя и отрицает это.

Титул сёгуна был высшим из всех, которых мог достичь простой смертный в Японии. Слово «сёгун» представляет собой сокращение от «сэйн тай-сёгун», что означает «великий полководец, покоряющий варваров». Два даймё одновременно не могли носить этот титул. И только его императорское величество, правящий император, божественный Сын Неба, живущий в уединении с семьей в Киото, волен был даровать его.

Титул сёгуна давал абсолютную власть: императорскую печать и полномочия. Сёгун правил от имени императора. Вся власть исходила от императора, потому что он вел свой род от богов. Всякий даймё, противостоящий сёгуну, признавался мятежником, врагом трона, парией, и его земли отходили государству.

Правящего императора почитали как божество, так как он был наследником по прямой линии солнечной богини Аматэрасу Омиками, одной из дочерей богов Идзанаги и Идзанами, которые создали острова Японии из тверди земной. В силу божественного происхождения правящий император владел и управлял всей землей, и ему повиновались беспрекословно. Но на самом деле вот уже более шести веков восседавшие на троне не пользовались действительной властью.

Шесть столетий назад в стране произошел раскол, когда две из трех великих соперничающих, родственных императорскому дому самурайских семей: Миновара, Фудзимото и Такасима – заявили претензии на трон и ввергли страну в пучину междоусобиц. После шестидесяти лет войны род Миновара одержал верх над родом Такасима, а семейство Фудзимото, которое оставалось нейтральным, пережило это страшное время.

С тех пор, ревностно охраняя свои права, сёгуны Миновара правили страной. Они объявили сёгунат наследственным и начали выдавать своих дочерей за членов императорской семьи. Император и весь его двор жили полностью обособленные от мира во дворцах за высокими стенами и садами на маленькой территории в Киото. Они сильно нуждались, а их занятия ограничивались наблюдением за

ритуалами синто – древней анимистической религии Японии – и интеллектуальными изысками, такими как упражнения в искусстве каллиграфии, живописи, философии и поэзии.

Управлять двором Сына Неба было легко, потому что он хотя и обладал всей землей, но доходов не получал. Только даймё и самураи имели доходы и право взимать налоги. Получалось, что, хотя все члены императорского двора были по рангу выше самураев, существовали они на содержание, выделяемое двору по решению сёгуна, или кампаку – канцлера, – или правящей военной верхушки. А великодушных среди последней попадалось мало. Некоторые императоры иногда соглашались ставить свою подпись под указами ради пропитания. Бывали случаи, когда денег не хватало даже для коронации.

Со временем сёгуны рода Миновара потеряли преимущество перед потомками Такасима и Фудзимото. И поскольку междоусобные распри продолжались столетиями, император все больше и больше становился креатурой того даймё, который был достаточно силен, чтобы захватить Киото. Как только новый завоеватель Киото уничтожал правящего сёгуна и его род, он мог – если принадлежал к роду Миновара, Фудзимото или Такасима – смиренно поклясться в преданности трону и нижайше просить бессильного императора пожаловать ему освободившееся место сёгуна. Потом, как и его предшественники, он пытался простереть свою власть за пределы Киото, пока его, в свою очередь, не проглатывал еще кто-нибудь. Императоры женились, отрекались от трона или восходили на него по желанию сёгуната. Но всегда правящая императорская семья была неприкосновенна.

Такое положение сохранялось, пока сёгун был в силе. До тех пор, пока его не свергали.

В течение столетий многое менялось, страну дробили на все более мелкие части. За последнее столетие ни один даймё не обладал достаточным могуществом, чтобы стать сёгуном. Двенадцать лет назад военачальник из крестьян Накамура захватил власть и склонил на свою сторону тогдашнего императора, Го-Нидзё. Но Накамура не мог стать сёгуном, как бы сильно того ни хотел, потому что по рождению был крестьянином. Ему пришлось удовлетвориться гораздо более скромным титулом кампаку, канцлера, а позже, когда Накамура передал этот титул своему малолетнему сыну Яэмону – хотя и оставил

за собой всю власть, что было совершенно обычным делом, – он поневоле вынужден был удовольствоваться положением тайко. Согласно традиции только потомки вырождающихся древних семей Миновара, Такасима и Фудзимото могли получить титул сёгуна.

Торанага происходил из рода Миновара. Ябу мог проследить свою генеалогию до мелкой и незначительной ветви семьи Такасима, и этого было достаточно, чтобы он когда-нибудь мог стать верховным правителем.

– Э-э-э, госпожа, – сказал Ябу, – конечно, Торанага метит в сёгуны, но он никогда им не станет. Другие регенты презирают и боятся его. Они не способны связать ему руки, как задумал тайко. – Он наклонился вперед и внимательно поглядел на жену. – Ты говоришь, Исидо возьмет верх над Торанагой?

– Да, Торанага останется в одиночестве. Но я не думаю, что в конце концов он проиграет, господин. Я прошу вас, не нарушайте приказ господина Торанаги и не выезжайте из Эдо, чтобы посмотреть на этот варварский корабль, как бы ни расписывал его Оми-сан. Пожалуйста, пошлите Дзукимото в Андзиро.

– А что, если на корабле слитки? Серебро или золото? Ты доверишь его Дзукимото или кому-нибудь еще?

– Нет, – ответила его жена.

Поэтому он и улизнул из Эдо этой ночью, взяв только пятьдесят человек, и теперь был богат и силен, как ему и не мечталось, и имел пленных, один из которых должен был умереть сегодня вечером. А еще он распорядился, чтобы позже к нему привели куртизанку и мальчика. Завтра на закате он вернется в Эдо. Завтра вечером пушки и слитки начнут свое тайное путешествие.

«О пушки! – подумал он радостно. – Пушки и хорошо продуманный план действий позволят мне победить Исидо или Торанагу – кого выберу. Потом я стану регентом вместо проигравшего. Теперь уже самым сильным регентом. А почему бы и не сёгуном? Да. Теперь это возможно».

Он позволил себе расслабиться. Как использовать двадцать тысяч серебряных монет? Можно перестроить замок. И купить тягловых лошадей для орудий. И расширить шпионскую сеть. А что насчет Икавы Дзикю? Хватит ли тысячи монет, чтобы подкупить его поваров

и отравить Икаву Дзикю? Более чем! Пяти сотен, даже одной нужному человеку будет вполне достаточно. Кому?

Послеполуденное солнце бросало косые лучи через маленькое окно. Вода в ванне была очень горячей – она подогревалась дровяной печью, вделанной в каменную стену. Это был дом Оми, он стоял на маленьком холме, откуда открывался вид на всю деревню и гавань. Его окружал обнесенный стенами сад – аккуратный, объятый безмятежным покоем, великолепный.

Дверь бани открылась. Вошел слепой, поклонился:

– Касиги Оми-сан послал меня, господин. Я Суво, его массажист. – Он был высокий и очень худой, лицо морщинистое.

– Хорошо.

Ябу всегда боялся ослепнуть. Сколько он себя помнил, ему снилось, что он просыпается в темноте, зная, что солнце светит, чувствуя его тепло, открывает рот, чтобы закричать; кричать стыдно, но он кричит. Потом наступало реальное пробуждение, и пот тек ручьями.

Но этот ужас перед слепотой, казалось, увеличивал его удовольствие от массажа, который ему делал слепец.

Он мог видеть рваный шрам на правой щеке Суво и глубокий рубец на скуле пониже. «Это след от удара меча, – сказал себе Ябу. – Отчего он ослеп? Был когда-то самураем? И кому служил? Он шпион?»

Ябу знал, что его телохранители тщательно обыскали слепого, прежде чем разрешили ему войти, поэтому не боялся спрятанного оружия. Его собственный трофейный меч был под рукой. Древний клинок выковал кузнечный мастер Мурасама. Ябу смотрел, как старик снимает свое кимоно и вешает, как зрячий, на колышек. На груди у слепого тоже остались следы от ударов меча. Набедренная повязка была очень чистой. Он встал на колени, терпеливо ожидая приказаний.

Ябу вышел из ванны и лег на каменную скамью. Старик аккуратно вытер его, вылил на руки пахучее масло и начал массировать мускулы на шее и спине даймё.

Напряжение проходило, по мере того как сильные пальцы двигались по спине Ябу, с удивительным искусством растирая и глубоко разминая мышцы.

– Хорошо. Очень хорошо, – простонал он некоторое время спустя.

– Спасибо, Ябу-сама, – отозвался Суво. («Сама» означает «господин», это обращение обязательно при разговоре со старшими.)

– Ты давно служишь у Оми-сана?

– Три года, господин. Он очень добр к старику.

– А до этого?

– Я странствовал от деревни к деревне. Несколько дней здесь, полгода там, как бабочка на летнем ветру.

Голос Суво обволакивал и нежил, как его руки. Он решил, что даймё хочет, чтобы он разговорился, но терпеливо ждал вопроса – надо будет, ответит. Он всегда чувствовал, что и когда делать, – это было частью его искусства. Иногда уши подсказывали ему, что на уме у мужчины или женщины, но чаще секреты открывали пальцы. Сейчас они говорили, что надо остерегаться этого человека, что он опасен и непостоянен, что его возраст около сорока, что он хороший наездник и превосходно владеет мечом. А также что у него плохая печень и что он умрет через два года. Саке и, возможно, снадобья, повышающие половую силу, убьют его.

– Вы сильный человек для своих лет, Ябу-сама.

– Так же как и ты. Сколько тебе лет, Суво?

Старик засмеялся, но его пальцы не прекращали движения.

– Я самый старый человек в мире – в моем мире. Все, кого я когда-либо знал, давно уже мертвы. Я служил господину Ёси Тикитаде, деду господина Торанаги, когда его владения были не больше этой деревни. Я даже был в лагере в тот день, когда его убили.

Ябу приложил немалые усилия, чтобы тело оставалось расслабленным, но мозг его напрягся, и он ловил каждое слово.

– Это был трудный день, Ябу-сама. Уж и не помню, сколько мне тогда было лет, но мой голос еще не ломался. Господина убил Обата Хиро, сын самого могущественного из его союзников. Может быть, вы знаете эту историю – как юноша снес голову господину Тикитаде одним ударом своего меча? Это был клинок работы Мурасама, и отсюда пошло поверье, что все клинки Мурасама приносят несчастье роду Ёси.

«Он говорит это потому, что мой собственный меч работы Мурасама? – спросил себя Ябу. – Многие знают, что у меня есть такой меч. Или старик просто вспоминает самый необычный день своей долгой жизни?»

– А каков был дед Торанаги? – с напускным безразличием спросил он, проверяя Суво.

– Высокий, Ябу-сама. Выше, чем вы, и много тоньше, когда я знал его. Ему было двадцать пять, когда он погиб. – Голос Суво потеплел. – О, Ябу-сама, в двенадцать лет он был уже воин и наш сюзерен в пятнадцать, когда его отца убили в стычке. К этому времени господин Тикитада уже женился, и у него родился сын. Жаль, что он умер. Обата Хиро был его другом и вассалом, семнадцати лет, но кто-то отравил ум Обаты, сказав, что Тикитада замышляет вероломное убийство его отца. Конечно, это все были враки, но мы лишились хозяина. Молодой Обата стал перед телом на колени и трижды поклонился. Он сказал, что пролил кровь из уважения к отцу и теперь хочет искупить оскорбление, нанесенное нам и нашему клану, совершив сэппуку. Ему разрешили. Сначала он собственными руками омыл голову Тикитады и с почестями положил ее на место. Потом вскрыл себе живот и умер мужественно, как велит обычай. Один из наших людей вызвался помочь ему и отделил его голову одним ударом. Потом пришел его отец, чтобы забрать голову и меч Мурасама. Для нас наступило плохое время. Единственный сын господина Тикитады был взят в заложники. Это было...

– Ты лжешь, старик. Тебя там не было. – Ябу впился взглядом в слепого, который замер в испуге. – Меч был сломан и уничтожен после смерти Обаты.

– Нет, Ябу-сама. Это легенда. Я видел, как отец пришел и забрал голову и меч. Кто бы захотел сломать такое произведение искусства? Это было бы святотатством. Отец Обаты забрал его.

– А что он сделал с головой?

– Никто не знает. Некоторые говорят, что он бросил ее в море, потому что любил и почитал нашего господина Тикитаду как брата. Другие говорят, что он закопал ее и прячет в ожидании внука, Ёси Торанаги.

– А ты что думаешь, куда он дел ее?

– Выбросил в море.

– Ты видел это?

– Нет.

Ябу лег на спину, и пальцы слепого продолжили свою работу. Мысль о том, что кто-то еще знает: меч не уничтожен, – странно

поразила Ябу. «Надо убить этого Суво, – сказал он себе. – Как мог слепой человек узнать клинок? Он похож на любой другой меч Мурасамы, а рукоять и ножны за эти годы несколько раз поменялись. Никто не мог знать, что твой меч – тот самый, что таинственным образом переходит из рук в руки по мере того, как растет мощь Торанаги. Зачем убивать Суво? То, что он жив, только добавляет пикантности всему этому делу. Даже бодрит. Оставь его в живых – убить никогда не поздно. Тем же мечом».

Эта мысль обрадовала Ябу, и он снова отдался мечтам, чувствуя безмятежное спокойствие. «Скоро, – пообещал он себе, – я стану достаточно могучим, чтобы носить меч в присутствии Торанаги. Однажды, может быть, я расскажу ему историю моего меча».

– Что случилось дальше? – спросил он, желая, чтобы голос старика снова убаюкивал его.

– Наступили тяжелые времена, год большого голода, и теперь, когда мой господин был мертв, я стал ронином.

Ронинами звались безземельные, а также не имеющие хозяина крестьяне-воины либо самураи, потерявшие честь или господина, которые были вынуждены скитаться по стране, пока новый повелитель не соглашался принять их на службу. Ронину было трудно найти нового сюзерена. Пищи не хватало, воевать умел едва ли не каждый, и незнакомцам редко когда доверялись. Большинство разбойников, наводнивших глубинные земли и побережье, вышли из ронинов.

– Этот год был очень плохой, и следующий тоже. Я воевал на чьей угодно стороне – битва здесь, стычка там. Мне платили едой. Потом я услышал, что на Кюсю много еды, и тронулся на запад. Той зимой я набрел на буддийский монастырь. Сговорился, что стану там стражником. Полгода защищал монастырь и его рисовые поля от разбойников. Монастырь находился около Осаки, и в то время – задолго до того, как тайко повывел их, – разбойников развелось больше, чем гнуса. Однажды мы попали в засаду, я был тяжело ранен и оставлен умирать. Меня нашли монахи и залечили раны. Но они не могли вернуть мне зрение.

Его пальцы погружались все глубже и глубже.

– Они поселили меня со слепым монахом, от которого я научился делать массаж и видеть пальцами. Теперь мои пальцы видят больше, чем раньше открывалось глазам. Последнее, что я видел, как мне

помнится, – это распахнутый рот разбойника, его гнилые зубы, сверкающую дугу меча и после удара – *запах цветов*. Я видел запах во всех его оттенках, Ябу-сама. Это было очень давно, но я видел цвета запаха. Я видел нирвану, я думаю, и только на одно мгновение – лицо Будды. Слепота – небольшая плата за такой подарок, да?

Ответа не последовало. Суво и не ожидал его. Ябу спал, как и было задумано. «Понравился ли вам мой рассказ, Ябу-сама? – Суво спросил это молча, забавляясь про себя, как и следует старому человеку. – Все верно, кроме одного. Монастырь был не возле Осаки, а за вашей западной границей. Имя монаха? Су, дядя вашего врага, Икавы Дзикю.

Я могу так легко сломать вам шею, – думал он. – Это бы понравилось Оми-сану... И пошло бы на пользу деревне. И это была бы расплата – небольшой подарок моему хозяину. Сделать это сейчас? Или позже?»

Спилберген поднял кустистые стебли рисовой соломы, его лицо вытянулось.

– Кто хочет тянуть первым?

Никто не ответил, Блэкторн, казалось, дремал, привалясь к стене в углу, из которого он не выходил. Это было на заходе солнца.

– Кто-то должен вытащить первым, – бросил Спилберген. – Давайте, осталось не так много времени.

Им принесли поесть, и бочонок воды, и еще один бочонок – под парашу. Но ничего, чтобы смыть с себя вонючие помои или почиститься. И налетели мухи. Воздух был зловонный, земля – в грязи и навозе. Большинство моряков разделись до пояса, потея от жары и страха.

Спилберген вглядывался в лица. Он повернулся к Блэкторну:

– Почему, почему они не трогают тебя? А? Почему?

Глаза открылись, они были холодны как лед.

– Говорю в последний раз: не знаю.

– Это нечестно. Нечестно.

Блэкторн вернулся к своим мыслям: «Должен быть способ вырваться отсюда. Должен быть способ попасть на корабль. Этот негодяй убьет нас всех в конце концов. Это так же верно, как то, что Полярная звезда существует. Времени немного, и меня решили не трогать, потому что они что-то замышляют против меня».

Когда закрылся лаз в погреб, все посмотрели на него и кто-то сказал:

– Что мы будем делать?

– Я не знаю.

– Почему вас оставили в покое?

– Не знаю.

– Бог помогает нам, – простонал кто-то.

– Надо навести здесь порядок, – приказал он. – Уберите грязь.

– Но нет даже веника и...

– Убирай руками!

Все подчинились его приказу, а он помогал и как мог почистил генерал-капитана.

– Вот теперь вам будет лучше.

– Как? Как мы должны кого-то выбрать? – спросил Спилберген.

– Не будем выбирать. Мы будем драться с ними.

– Чем драться?

– А вы собираетесь покорно идти на заклятие? Да?

– Не будьте глупцами – я им не нужен.

– Почему? – спросил Винк.

– Я генерал-капитан.

– Мое почтение, господин, – ухмыльнулся Винк. – Может быть, вам следует вызваться добровольно? Вот место для добровольца.

– Очень хорошее предложение, – подхватил Питерзон. – Я буду вторым, ради бога.

Все сразу согласились, и каждый подумал: «Господи Боже, кто-нибудь, кроме меня».

Спилберген уже был готов взорваться и отдать приказ, но умолк под суровыми взглядами и потупился, чувствуя тошноту. Потом выдал из себя:

– Нет. Это будет неправильно... по отношению к добровольцу. У каждого должен быть шанс. Соломинки, одна короче остальных. Мы отдадим себя в руки Божьи. Капитан, держи соломинки.

– Я не собираюсь в этом участвовать. Говорю, мы должны бороться.

– Они убьют нас всех. Вы слышали, что сказал самурай: нам сохранили жизнь – всем, за исключением одного. – Спилберген вытер

пот с лица, согнав рой мух, который тут же уселся обратно. – Дайте мне воды. Лучше умереть кому-нибудь одному, чем нам всем.

Ван Некк опустил тыквенную фляжку в бочку и подал ее Спилбергену.

– Нас десять человек. Включая тебя, Паулюс. Хорошие шансы.

– Очень хорошие, если ты не участвуешь. – Винк взглянул на Блэкторна. – Что мы можем против мечей?

– Ты кротко пойдешь в лапы к палачу, если вытащишь короткую соломинку?

– Не знаю.

Ван Некк сказал:

– Мы будем тащить жребий. Пусть нас рассудит Бог.

– Бедный Бог! – вспыхнул Блэкторн. – Должен нести ответ за людскую глупость.

– Как еще выбрать? – крикнул кто-то.

– Мы не можем!

– Мы сделаем, как говорит Паулюс. Он генерал-капитан, – подвел итог ван Некк. – Мы будем тащить соломинки. Так лучше для большинства. Давайте проголосуем. Кто «за»?

Все согласились. За исключением Винка:

– Я согласен с капитаном. К дьяволу вас с этими гребаными ведьмиными соломинками!

В конце концов и Винка убедили. Ян Ропер, кальвинист, прочитал молитвы. Спилберген очень точно отломил десять соломинок. Потом одну из них разломил надвое.

Ван Некк, Питерзон, Сонк, Матсуккер, Гинсель, Ян Ропер, Соломон, Максимилиан Крок и Винк.

Он сказал:

– Кто хочет тянуть первым?

– Как он узнает – тот, кто первым тянет жребий, – что вышла короткая соломинка? Как узнает? – Голос Матсуккера был полон ужаса.

– Мы не узнаем. Не наверняка. Нам бы следовало знать наверняка, – заметил юнга Крок.

– Это легко, – успокоил Ян Ропер. – Давайте поклянемся, что мы сделаем это во имя Бога. Его именем. Умереть за других во имя Бога.

Тогда не о чем беспокоиться. Избранник Божий заслужил вечную славу.

Все согласились.

– Ну, Винк. Делай, как говорит Ропер.

– Хорошо. – Губы Винка запеклись. – Если... если это выпадет мне, я клянусь Господом Богом, что пойду с ними, если... если я вытащу жребий. Именем Бога.

Все последовали его примеру. Матсюккер был так напуган, что ему пришлось подсказывать, прежде чем он понял всю глубину кошмара.

Сонк тащил первым. Питерзон был следующим, затем Ян Ропер и после него Соломон и Крок. Спилберген чувствовал, что стремительными шагами движется к смерти, потому что все согласились, чтобы он не выбирал – ему должна была достаться последняя соломинка, и теперь шансы его таяли.

Гинселю повезло. Остались четверо.

Матсюккер плакал не таясь, но оттолкнул Винка, взял соломинку и никак не мог поверить, что жребий выпал не ему.

Рука Спилбергена дрожала, и Крок поддерживал ее. Моча стекала по его ногам.

«Какую выбрать? – отчаянно спрашивал себя ван Некк. – О Боже, помоги мне! – Его близоруким глазам соломинки виделись как сквозь туман. – Если бы я только мог видеть, может быть, понял, какую выбрать. Какую же выбрать?»

Он вытянул соломинку и поднес к самым глазам, чтобы прочитать свой приговор. Но соломинка была длинной.

Винк уставился на свои пальцы, ухватившие предпоследнюю соломинку, он уронил ее, но каждый разглядел, что она самая короткая. Спилберген раскрыл сжатую в кулак руку, и все увидели, что последняя соломинка была длинной. Генерал-капитан потерял сознание.

Все уставились на Винка. Он беспомощно смотрел перед собой, не видя никого. Чуть пожал плечами и полуулыбнулся, рассеянно отмахиваясь от мух. Потом сел. Ему освободили место, сторонясь его как прокаженного.

Блэкторн опустился на колени сбоку от Спилбергена.

– Он умер? – спросил ван Некк, его голос был едва слышен.

Винк пронзительно засмеялся, нервируя всех, но неожиданно смолк.

– Я – единственный мертвец, – изрек он. – Я мертв!

– Не бойся. Ты избран Богом. Ты в руках Бога, – увещевал Ян Ропер, его голос звучал уверенно.

– Да, – поддержал ван Некк. – Не бойся.

– Теперь легко, да? – Глаза Винка перебегали от лица к лицу, никто не мог выдержать его взгляда. Только Блэкторн не отвернулся.

– Дай мне воды, Винк, – спокойно попросил он. – Подойди к бочонку и налей мне воды. Ну же!

Винк смотрел на него. Потом взял тыквенную бутылку, наполнил водой и подал ему.

– Боже ты мой, капитан, – пробормотал он, – что же мне делать?

– Сначала помоги мне с Паулюсом, Винк! Делай, что я говорю! Ты хочешь, чтобы все было хорошо?

Винк справился с истерикой, ему помогло спокойствие Блэкторна. Пульс Спилбергена был слабый. Винк послушал его сердце, отвел веки и некоторое время изучал глазные яблоки.

– Я не знаю, капитан, Господи Боже. Я не могу нормально соображать. Думаю, с его сердцем все в порядке. Ему нужно сделать кровопускание. Но я не могу – не могу сосредоточиться... Дайте мне время. – Он устало замолчал, сел, привалясь спиной к стене. Его начало трясти.

Крышка люка открылась.

Лучи заходящего солнца с особенной резкостью очертили силуэт Оми на фоне неба, окрасив его кимоно в цвет крови.

Глава 4

Винк попытался заставить ноги идти, но не смог. Он много раз в своей жизни сталкивался лицом к лицу со смертью, но никогда это не было так беспросветно. Все определилось соломинками. «Почему я? – кричал его мозг. – Я не хуже других и лучше многих. Господи Боже на небесах, почему я?»

В погреб спустили приставную лестницу. Оми показал жестами, чтобы подошел один человек, и быстро.

– *Исогу!* (Поторопись!)

Ван Некк и Ян Ропер молча молились, их глаза были закрыты. Питерзон не мог смотреть. Блэкторн наблюдал за Оми и его человеком.

– *Исогу!* – пролаял опять Оми.

Еще раз Винк попытался встать.

– Кто-нибудь, помогите мне. Помогите мне встать!

Питерзон, который был ближе всех, наклонился, просунул руку Винку под мышку и помог ему, тут Блэкторн встал у лестницы, утвердив ноги в грязи.

– *Киндзиру!* – крикнул он, используя слово, услышанное на корабле.

Сдавленный крик раздался по всему погребу. Рука Оми сжала меч, он двинулся к лестнице. Блэкторн тут же повернул ее, подстрекая Оми поставить туда ногу.

– *Киндзиру!* – повторил он.

Оми остановился.

– Что происходит? – спросил Спилберген, напуганный, как и все остальные.

– Я сказал ему, что это запрещено! Никто из моей команды не пойдет на смерть без боя.

– Но мы согласились!

– Я – нет.

– Ты сошел с ума!

– Все правильно, капитан, – прошептал Винк. – Я... Мы согласились, и это было честно. Это Божья воля. Я собираюсь... то есть... – Он ошупью пробирался к лестнице, но Блэкторн стеной стоял на его пути, обратив лицо к Оми.

– Ты не пойдешь без боя. Никто из вас.

– Отойди от лестницы, капитан! Тебе приказали убраться! – Спилберген, шатаясь, стоял в своем углу, как можно дальше от лестницы. Его голос сорвался на визг. – Капитан!

Но Блэкторн не слушал.

– Приготовься!

Оми отступил на шаг и что-то прорычал своему человеку. Сразу же самурай, за которым следовали два других, начал спускаться по ступенькам, они вынимали мечи из ножен. Блэкторн повернул лестницу и схватился с первым, уклонясь от мощного удара мечом и ухватив врага за горло.

– Помогите мне! Ну давайте! Ради спасения ваших же жизней!

Блэкторн изменил захват, чтобы стащить самурая со ступенек, напрягаясь до боли, в то время как второй японец тыкал вниз мечом. Винк вышел из каталепсии и бесстрашно бросился на самурая. Он помешал удару, который грозил отсечь Блэкторну запястье, удержал размахивающую мечом руку и ударил японца кулаком в пах. Самурай, хватая воздух ртом, отчаянно лягался. Винк, казалось, почти не заметил удара. Он вскарабкался по ступенькам и рванулся к японцу, стремясь отнять у него меч, – его ногти рвали врагу глаза. Два других самурая были стеснены в движениях ограниченным пространством и Блэкторном, но удар одного из них пришелся Винку в лицо, и тот отшатнулся в сторону. Самурай ударил Блэкторна мечом, промахнулся, после чего вся команда бросилась к лестнице.

Крок молотил кулаком по подъему стопы самурая и чувствовал, что косточка подается. Японец успел выкинуть свой меч наружу, не желая, чтобы клинок достался врагу, и тяжело упал в грязь. Винк и Питерзон навалились на него. Он яростно защищался, а остальные накиннулись на другого самурая. Блэкторн поднял японский зазубренный короткий меч и полез по лестнице. Крок, Ян Ропер и Соломон последовали за ним. Оба самурая отступили и стояли у входа с мечами наготове. Блэкторн знал, что его клинок бесполезен против мечей. Даже когда за спиной такая подмога. В тот момент, когда его голова появилась над землей, один из мечей рассек воздух над его макушкой в доле дюйма. Сильный удар невидимого ему самурая опять сбросил его в яму.

Он отпрянул назад, прочь от корчащейся массы дерущихся людей, которые пытались окунуть самурая в вонючую грязь. Винк ударил

японца ногой сзади по шее, и тот обмяк. Винк продолжал пинать врага, пока Блэкторн не оттащил его.

– Не убивай! Мы можем использовать его как заложника! – крикнул он и сильно дернул за лестницу, пытаясь стащить ее в погреб. Но она была слишком длинна. Наверху еще один самурай и Оми бесстрастно ждали у люка.

– Ради Бога, капитан, прекрати это! – задыхаясь, вопил Спилберген. – Они убьют нас всех! Ты убьешь нас всех! Остановите его кто-нибудь!

Оми бросил еще несколько приказов, и сильные руки наверху не дали Блэкторну загородить вход лестницей.

– Берегись! – прокричал он.

Еще три самурая, с короткими клинками, в одних набедренных повязках, быстро прыгнули в погреб. Первые два сразу набросились на Блэкторна, повалили его на пол, пренебрегая собственной безопасностью, потом яростно атаковали.

Блэкторн уступил нечеловеческой силе. Он не мог пользоваться своим оружием, чувствовал, что его воля к борьбе иссякает, и сожалел, что не владеет искусством рукопашного боя, какое ему показал Мура. Он знал, что продержится недолго, но все-таки сделал последнюю попытку и выдернул руку. Жестокий удар пришелся ему в голову, а еще один разорвался в мозгу разноцветными звездами, но он все еще дрался.

Винк молотил кулаками самурая, когда другой упал на него сверху из люка. Матсюккер вскрикнул – меч вспорол ему руку. Ван Некк попытался вслепую замахнуться и ударить, а Питерзон умолял: «Ради Бога, бейте его, а не меня», но купец не слышал, охваченный ужасом.

Блэкторн схватил одного японца за горло, но пальцы скользили по грязной и потной коже. Он почти вскочил, как бешеный бык, пытаясь стряхнуть с себя противников, когда последний удар погрузил его в темноту. Три самурая пробивались вверх, и команда, оставшись без вожака, отступила перед описывающими дуги и рассекающими плоть мечами. Самураи овладели погребом, теперь он был во власти их стремительных, как вихри, клинков. Они не пытались убить или покалечить, а только хотели оттеснить пыхтящих, напуганных людей к стенам, подальше от лестницы, туда, где неподвижно лежали Блэкторн и первым вступивший в бой самурай.

Оми, сохраняя высокомерную мину, спустился в погреб и схватил ближайшего к нему пленника – им оказался Питерзон. Японец толкнул его по направлению к лестнице.

Питерзон вскрикнул и попытался вырваться, однако лезвие скользнуло по его запястью, а другое полоснуло выше. Пронзительно вопящий моряк был прижат спиной к лестнице.

– Боже, помоги мне, это не я! Не я должен идти! Это не я, не я! – Питерзон поставил обе ноги на перекладину и все отступал назад и вверх от мелькающих клинков. Потом, крикнув в последний раз: – Помогите, ради Бога! – повернулся и, бессвязно мыча, выскочил на воздух.

Оми, не торопясь, следовал за ним.

Один самурай отступил, потом другой. Третий поднял клинок, которым завладел Блэкторн. Он презрительно повернулся спиной к чужеземцам, наступил на распростертое тело поверженного товарища и поднялся наверх.

Лестницу убрали. Вольный воздух, небо и свет исчезли. Болты, грохоча, заняли свои места. Остались только уныние и хрипы, рвущиеся из бешено вздымающейся грудной клетки, неровное сердцебиение, пот ручьем и зловоние. Вернулись мухи.

Какое-то время никто не двигался. Ян Ропер отделался небольшим порезом на щеке, рана Матсюккера сильно кровоточила, другие пребывали в шоке. За исключением Соломона. Он ощупью добрался до Блэкторна, стащил его с лежащего без сознания самурая. Капитан издал какой-то гортанный звук и показал на воду. Крок принес немного в тыквенной бутылке, помог усадить Блэкторна, все еще не пришедшего в сознание, спиной к стене. Вместе они начали счищать с его лица грязь.

– Когда эти негодяи... когда они навалились на него, мне послышался треск – будто сломались его шея или плечо, – сказал юноша, его грудь вздымалась. – Он выглядит как мертвец, Боже мой!

Сонк заставил себя встать на ноги и подошел к ним. Аккуратно подвигав голову Блэкторна из стороны в сторону, он ощупал плечи:

– Кажется, все нормально. Подождем, пока он придет в себя и заговорит.

– О Боже мой, – скулил Винк. – Питерзон, бедняга, будь я проклят, будь я проклят...

– Ты собирался пойти. Капитан тебя остановил. Ты собирался идти, как обещал, я видел, клянусь. – Сонк потряс Винка, но тот не обращал внимания. – Я видел, Винк. – Он повернулся к Спилбергену, отмахиваясь от мух. – Разве не так?

– Да, он собирался. Винк, перестань реветь! Это вина капитана. Дай мне немного воды.

Ян Ропер зачерпнул воды тыквенной бутылкой, напился и обмыл рану на щеке.

– Винк должен был идти. Бог избрал его жертвой. Он был обречен. И теперь его душа погибла. О Господи, прояви к нему милосердие, он будет гореть в аду целую вечность.

– Дайте мне воды, – простонал генерал-капитан.

Ван Некк взял бутылку у Яна Ропера и передал ее Спилбергену.

– Винк не виноват, – сказал ван Некк устало. – Он не мог встать, разве вы не помните? Он просил кого-нибудь помочь ему подняться. Я был так напуган, что не мог не то что подойти – двинуться.

– Винк не виноват, – твердил Спилберген. – Нет. Виноват он! – Все поглядели на Блэкторна. – Он сумасшедший.

– Все англичане сумасшедшие, – буркнул Сонк. – Вы знали хоть одного нормального? Поскреби любого из них – и обнаружишь маньяка и пирата.

– Все они негодяи! – согласился Гинсель.

– Нет, не все, – возразил ван Некк. – Капитан сделал то, что считал правильным. Он защищал нас и вел через чужие моря десять тысяч лиг.

– Защищал нас? Иди ты знаешь куда? Нас было пятьсот, когда мы отплывали, и пять кораблей. Теперь нас всего девять!

– Это не его вина, что флот разметало по сторонам. Это не его вина, что штормы...

– Если бы не он, мы бы остались в Новом Свете. Это он сказал, что мы можем добраться до Японии. О Боже, посмотрите, где мы теперь!

– Мы все согласились, что попробуем доплыть до Японии. Мы все согласились, – устало напомнил ван Некк. – Мы все проголосовали.

– Да. Но это он нас убедил.

– Смотрите! – Гинсель указал на самурая, который ворочался и стонал.

Сонк быстро скользнул к нему, ударил кулаком в челюсть. Японец опять потерял сознание.

– Боже мой! Зачем эти негодяи оставили его здесь? Могли же без особого труда вынести отсюда. И мы ничего не можем сделать.

– Думаешь, приняли за мертвого?

– Не знаю! Не слепые же они? Боже мой, как бы я хотел выпить холодного пива, – вздохнул Сонк.

– Оставь его, Сонк, не убивай. Он заложник. – Крок поглядел на Винка, который сидел согнувшись у стенки, погруженный в самобичевание. – Бог поможет нам. Что они сделают с Питерзоном? Что они сделают с нами?

– Это капитан виноват, – бормотал Ян Ропер. – Один он.

Ван Некк взгляделся в Блэкторна:

– Теперь это не имеет значения. Понимаете? Чья бы это вина ни была.

Матсюккера пошатывало, кровь все еще текла с предплечья.

– Я ранен. Помогите мне кто-нибудь.

Соломон оторвал кусок от рубашки, сделал жгут и остановил кровь. Рана на бицепсе Матсюккера оказалась глубокой, но ни вена, ни артерия не были задеты. Мухи слетались на кровь.

– Проклятые твари! И Бог отправит капитана в преисподнюю, – ворчал Матсюккер. – Договорились же, так нет! Он должен был спасти Винка! Теперь на его совести кровь Питерзона, и мы все из-за него страдаем.

– Заткнись! Он сказал, никто из его команды...

Наверху раздались шаги. Открылся люк. Крестьяне начали опорожнять бочки с помоями в погреб. Когда они остановились, пол был затоплен на шесть дюймов.

Вопли прорезали ночной воздух, когда луна поднялась высоко.

Ябу сидел, подобрав под себя ноги, во внутреннем садике дома Оми. Без движения. Он созерцал лунный свет, заблудившийся в кроне цветущего дерева, – ветви взметнулись на фоне светлеющего неба, соцветия были слегка окрашены. Лепесток падал кружась, а Ябу думал, как он прекрасен.

Упал еще один лепесток. Ветер вздохнул и сдул другой. Дерево едва ли достигало человеческого роста; его корни терялись между

двумя замшелыми камнями, которые, казалось, росли из земли – так искусно они были размещены.

Вся воля Ябу ушла на то, чтобы сосредоточиться на дереве и цветах, море и ночи, почувствовать мягкое прикосновение ветра, ловить запах морской свежести, думать о стихах – и все-таки держать сознание открытым для звуков смертельной муки. Он ощущал слабость в позвоночнике, и только воля делала его крепким как камень. Сознание этого обостряло его слух, ставший тоньше, чем нужно, чтобы слышать речь человека. И сегодня вечером его воля была сильнее и яростнее, чем когда-либо.

– Оми-сан, сколько времени еще пробудет у нас господин? – донесся из дома испуганный шепот матери Оми.

– Не знаю, – сказал Оми.

– Эти крики так ужасны. Когда они прекратятся?

– Не знаю.

Они сидели за перегородкой во второй парадной комнате. Первая – комната матери – была отдана Ябу, и обе выходили в сад, который был устроен с таким тщанием. Они могли видеть Ябу через решетку, дерево бросало красивые узорные тени на его лицо, лунный свет играл отблесками на рукоятях его мечей. Он надел черную куртку хаори поверх темного кимоно.

– Я хочу пойти спать, – пролепетала женщина, вздрогнув. – Но глаз не смогу сомкнуть от этих звуков. Когда они прекратятся?

– Я не знаю. Потерпите, мама, – мягко уговаривал Оми. – Скоро все стихнет. Завтра господин Ябу вернется в Эдо. Пожалуйста, будьте терпеливой. – Но Оми знал, что пытки продлятся до рассвета. Так было задумано.

Он попробовал сосредоточиться. Его господин медитировал под вопли, и он опять попробовал последовать его примеру. Однако новый пронзительный крик вернул его к действительности, и он подумал: «Я не могу. Пока еще не могу. У меня нет его власти над собой и энергии. Или дело не в энергии?»

Он мог ясно видеть лицо Ябу. Пытался разгадать странное выражение на лице даймё: слабый изгиб полных дряблых губ, пятна слюны в уголках рта, глаза, утопленные в темных щелях, которые двигались только вслед за падающими лепестками. Ябу словно только

что достиг любовного экстаза – почти достиг, – не дотрагиваясь до себя. Возможно ли это?

Впервые Оми оказался так близко от своего дяди – он считался мелким звеном в цепочке клана, его владения в Андзиро и окрестностях не сулили ни богатства, ни власти. Оми был младшим из троих сыновей своего отца, Мидзуно, имевшего шестерых братьев. Ябу, старший брат, возглавлял клан Касиги, отец Оми был вторым по старшинству. Оми исполнился двадцать один год, и у него имелся сын.

– Где твоя несчастная жена? – недовольно заныла старуха. – Я хочу, чтобы она растерла мне спину и плечи.

– Она должна была навестить отца, вы разве не помните? Он очень болен, мама. Давайте я это сделаю.

– Нет. Ты можешь послать потом за служанкой. Твоя жена очень невнимательна. Она могла подождать несколько дней. Я проделала такой путь из Эдо, чтобы навестить тебя. Две недели по ужасной дороге, и что же? Я прожила только неделю, и она уезжает. Она должна была подождать! Бездельница – вот она кто. Твой отец сделал очень большую ошибку, устроив твою женитьбу на ней. Тебе следовало бы потребовать, чтобы она уехала, – развестись с лентяйкой раз и навсегда. Она даже не может хорошо помассировать мне спину. В самом крайнем случае ты должен был задать ей хорошую взбучку. Эти ужасные вопли! Почему они не прекращаются?

– Они кончатся. Очень скоро.

– Тебе бы следовало задать ей хорошую порку.

– Да. – Оми подумал о своей жене Мидори, и его сердце подпрыгнуло. «Она такая красивая, изящная, мягкая и умная, ее голос так чист, а в музыке она искусней лучшей куртизанки в Идзу».

– Мидори-сан, ты должна немедленно уехать, – шепнул он ей тайком.

– Оми-сан, мой отец не так болен, а мое место здесь, мой долг – ухаживать за вашей матерью, разве не так? – ответила она. – Если приедет господин даймё, нужно будет подготовить дом. О, Оми-сан, это так важно, самый важный момент во всей вашей службе, да? Если господину Ябу понравится, может быть, он даст вам владения получше. Вы заслуживаете намного лучшего! Если что-нибудь случится, пока меня не будет, я никогда не прощу себе. Первый раз вы

имеете возможность отличиться, и это должно произойти. Он должен приехать. Пожалуйста, нужно так много сделать!

– Да, но мне бы хотелось, чтобы ты уехала сразу, Мидори-сан. Останься там на два дня, потом поторопись опять домой.

Она просила, но он настаивал, и она уехала. Он хотел, чтобы жена уехала из Андзиро до прибытия Ябу на все то время, что дядя будет гостем в его доме. Не то чтобы даймё рискнул бы без разрешения тронуть его жену. Это было бы неразумно, потому что он, Оми, по закону имел бы право, честь и обязанность убить даймё. Но он заметил, как Ябу следил за Мидори сразу после того, как они поженились в Эдо, и хотел убрать возможный источник раздражения, все, что могло вывести из себя или смутить его господина, пока он здесь. Это было так важно – поразить Ябу-сама сыновней преданностью, предусмотрительностью и советами. И во всем он превзошел все возможное. Корабль оказался сокровищем, и команда тоже. Все было совершенно.

– Я просила нашего домашнего *ками* присмотреть за вами, – сказала Мидори перед отъездом, имея в виду особого духа, который, согласно верованиям синто, заботится о доме, – и послала в буддийский монастырь за монахами – читать молитвы. Я сказала Суво, чтобы он постарался, и отправила письмо Кику-сан. О, Оми-сан, пожалуйста, позвольте мне остаться!

Он улыбнулся и отправил ее к отцу – слезы портили краску на лице.

Оми было грустно без нее, но он радовался, что жена уехала. Вопли причинили бы ей еще больше страданий.

Мать его морщилась на ветру, как под пыткой, поводила плечами, чтобы облегчить боль в суставах – сегодня вечером они разболелись. «Это морской бриз с запада, – подумала она. – И все-таки здесь лучше, чем в Эдо. Там слишком болотистая местность и слишком много moskitov».

Ей были видны мягкие очертания фигуры Ябу в саду. Втайне она ненавидела его и желала ему смерти. Если бы Ябу умер, Мидзуно, ее муж, стал бы главой клана и даймё Идзу. Это было бы очень хорошо. Остальные братья, их жены и дети раболепствовали бы перед ней, и, конечно, Мидзуно-сан сделал бы Оми своим наследником после смерти Ябу.

Боль в шее заставила ее пошевелиться.

– Я позову Кику-сан, – сказал Оми, имея в виду куртизанку, которая терпеливо дожидалась Ябу в соседней комнате, вместе с мальчиком. – Она очень умелая.

– Я в порядке, только немного устала. Ну хорошо. Она может сделать мне массаж.

Оми вошел в соседнюю комнату. Постель – два тюфяка-футона, нижний и верхний, – лежала на циновках татами. Кику поклонилась, попыталась улыбнуться и пробормотала, что польщена предложением показать свое скромное искусство на самой заслуженной матери семейства. Она была бледнее обычного, и Оми видел, что вопли действовали и на нее тоже. Мальчик пытался не показывать страха.

Когда послышались первые крики, Оми пришлось приложить огромные усилия, чтобы убедить ее остаться.

– О, Оми-сан, я не могу вынести – это ужасно. Извините, пожалуйста, позвольте мне уйти. Я пыталась заткнуть уши, но не помогло. Бедный человек – это ужасно.

– Пожалуйста, Кику-сан, пожалуйста, потерпите. Так приказал Ябу-сама, понимаете? Ничего нельзя сделать. Это скоро кончится.

– Это слишком, Оми-сан. Я не могу этого вынести.

По сохранившемуся обычаю деньги ничего не значили, если девушка или ее хозяйка хотели отказать клиенту, кто бы он ни был. Кику была куртизанкой первого класса, самой известной в Идзу. Оми признавал, что она не может соперничать с куртизанками, даже второго класса, из Эдо, Осаки или Киото, но здесь она была на высоте, законно гордилась собой и считала себя исключительным существом. И хотя Оми согласился уплатить ее хозяйке, мама-сан Гёко, в пять раз больше обычной цены, он все еще не был уверен, что Кику останется.

Теперь он смотрел, как ее проворные пальцы бегают по шее его матери. Кику была красива, миниатюрная, с прозрачной кожей, такая нежная. Обычно в ней ключом била жизнь, в ней была своя изюминка. «Но как может такая игрушка сохранять веселость под гнетом стенаний?» – спросил он себя. Ему радостно было следить за ней, радостно представлять ее тело и ее тепло...

Внезапно вопли прекратились.

Оми слушал с полуоткрытым ртом, напряженно ловя малейший шум, он ждал. Он заметил, что пальцы Кику остановились, его мать

перестала жаловаться, старательно прислушиваясь. Он взглянул через решетку на Ябу. Даймё оставался недвижим, как статуя.

– Оми-сан! – позвал наконец Ябу.

Оми встал, вышел на веранду из полированного дерева и поклонился:

– Да, господин.

– Пойди и посмотри, что случилось.

Оми опять поклонился и зашагал через сад наружу, на аккуратно выложенную булыжником дорогу, которая вела с холма вниз в деревню и на берег. Далеко у подножия он мог разглядеть огонь около пристани и мужчин возле него. На площади, которая выходила к морю, он видел люк погреба и четырех стражников.

Подходя к деревне, он узрел корабль, надежно стоящий на якоре, масляные лампы на палубах и на привязанных к нему лодках. Жители деревни – мужчины, женщины и дети – все еще выгружали содержимое трюма, и рыбацкие лодки и шлюпки сновали вперед-назад, как множество светлячков. Аккуратные кучки тюков и мешков росли на берегу. Семь пушек уже были там, и еще одну на веревках спускали с лодки на мол и оттуда – на песок.

Оми передернул плечами, хотя не было намека на ветер. Обычно жители деревни во время своих работ пели, и от хорошего настроения, и потому, что это помогало действовать в лад. Но сегодня вечером деревня необычно притихла, хотя каждый дом бодрствовал и каждый работал, даже больные. Люди юркали то туда, то сюда. Молча. Даже собаки молчали.

«Раньше так никогда не было, – подумал он, его рука без всякой на то нужды сжала меч. – Похоже, деревенские Kami оставили нас».

Мура подошел с берега, чтобы встретить его, предупреждая момент, когда Оми откроет калитку. Староста поклонился:

– Добрый вечер, Оми-сама. Корабль будет разгружен к полудню.

– Варвар умер?

– Не знаю, Оми-сама. Я пойду и посмотрю сейчас же.

– Ты можешь пойти со мной.

Мура послушно направился за ним, отстав на полшага. Оми, к своему удивлению, был рад его компании.

– К полудню, говоришь? – спросил Оми, которому не нравилась тишина.

– Да. Все идет хорошо.

– А чем прикроем груз?

Мура показал на группы старух и детей, которые плели толстые маты возле навеса для сетей. Среди них был Суво.

– Мы можем снять пушки с лафетов и завернуть их. Нам нужно по крайней мере по десять человек на каждую для переноски. К Игураси-сану уже послали за дополнительными носильщиками в соседнюю деревню.

– Хорошо.

– Я забочусь о том, чтобы была сохранена тайна, господин.

– Игураси-сан будет удивлен тем, что понадобились носильщики, да?

– Оми-сама, мы останемся без мешков для риса, без бечевы, без сетей, без соломы для матов.

– Ну и что?

– Как потом станем ловить рыбу и в чем хранить урожай?

– Ты найдешь выход. – Голос Оми стал строже. – Ваша подать увеличивается наполовину. Ябу-сан приказал сегодня ночью.

– Мы уже заплатили подать за этот год и за следующий.

– Такова обязанность крестьян, Мура, ловить рыбу и пахать, собирать урожай и платить подать. Не так ли?

Мура сказал спокойно:

– Да, Оми-сама.

– Староста, который не может управлять своей деревней, не нужен, да?

– Да, Оми-сама.

– Тот рыбак, он был глуп и непочтителен. Еще есть такие?

– Никого, Оми-сама.

– Надеюсь, что так. Плохие манеры непростительны. Его семья облагается податью, равноценной одному коку риса, – пусть платят рыбой, рисом, зерном, чем угодно. В течение трех месяцев.

– Да, Оми-сама.

Оба – и Мура, и самурай Оми – знали, что этот налог не по силам семье. Она владела рыбачьей лодкой и рисовым полем в полгектара, с которого кормились трое братьев Тамадзаки – теперь двое, – их жены, четверо сыновей, три дочери и вдова Тамадзаки с тремя детьми. Коку риса семье хватило бы для пропитания в течение года. Эта мера

объема равнялась пяти бушелям. Почти триста пятьдесят фунтов риса. Весь доход государства измерялся коку. И все налоги.

– Куда придет Земля богов, если мы забудем о вежливости? – спросил Оми. – И те, что над нами, и те, что под нами?

– Да, Оми-сама. – Мура прикидывал, где взять этот один коку, потому что если не могла платить семья, то должна была заплатить деревня.

«И где взять мешки, веревки и сети? Кое-что можно придержать. Деньги одолжить. Староста соседней деревни мне обязан. А! Разве старшая дочка Тамадзаки не шестилетняя красotka и разве шесть лет не самый подходящий возраст, чтобы продать девочку? И разве не самый лучший перекупщик детей в Идзу – двоюродный брат сестры матери, жадный до денег, лысый, отвратительный старый хрыч?» Мура вздохнул, зная, что ему предстоит яростный торг. «Не беспокойся, – подумал он, – за девочку можно получить даже два коку. Она, конечно, стоит гораздо больше».

– Я приношу извинения за недостойное поведение Тамадзаки, – произнес он.

– Это была его вина, не твоя, – вежливо ответил Оми.

Но оба они знали: за каждого в деревне отвечает Мура и всем лучше, что Тамадзаки больше нет. Тем не менее оба были удовлетворены. Извинение принесено и принято к сведению, но отклонено. Таким образом, честь обоих мужчин сохранена.

Они повернули за угол пристани и остановились. Оми колебался, потом показал Муре, что тот может уйти. Староста отвесил поклон и с благодарностью удалился.

– Он мертв, Дзукимото?

– Нет, Оми-сан. Только без сознания.

Оми подошел к большому железному котлу. Жители деревни использовали его для вытапливания ворвани, когда добывали китов далеко в море зимой, или для варки рыбьего клея, что было типичным деревенским промыслом.

Варвар по плечи был погружен в кипящую воду. Его лицо побагровело, рот исказился в гримасе, обнажившей гнилые зубы.

На закате Оми видел, как Дзукимото, надувшись от важности, наблюдал за приготовлениями. Варвара связали, как цыпленка, так что руки обхватывали подтянутые к груди колени, а кисти свободно висели

у стоп, и опустили в холодную воду. Все это время маленький красноголовый варвар, с которого Ябу хотел начать, что-то бормотал, смеялся и всхлипывал, а христианский священник читал свои проклятые молитвы.

Потом под котлом развели огонь и стали подкладывать дрова. Ябу на берегу не было, но его приказы доходили немедленно и тут же исполнялись. Варвар кричал, бредил, потом попробовал биться головой о край котла, пытаясь размозжить ее, но в этом ему воспрепятствовали. И опять молитвы, рыдания, обмороки, возвращение к жизни, панические крики – еще до того, как боль заявила о себе. Оми пытался следить за происходящим, как вы бы следили за принесением в жертву мухи, стараясь не видеть человека. Но он не смог и ушел при первой же возможности. Он обнаружил, что не получает удовольствия от чужих мучений. «В этом нет достоинства, – решил он, радуясь случаю узнать правду о том, чего никогда не видел раньше. – В этом нет чести ни для жертвы, ни для мучителя. Смерть лишили достоинства, а без достоинства что есть конечная точка жизни?»

Дзукимото спокойно потыкал в оголенное кипятком мясо на ноге палочкой, как делают, когда хотят убедиться, готова ли вареная рыба.

– Он скоро придет в себя. Удивительно, какой он живучий. Я не думаю, что они устроены так же, как и мы. Очень интересно, да? – спросил Дзукимото.

– Нет, – отрезал Оми, ненавидя его.

Дзукимото постоянно был настороже, и его вкрадчивость вернулась.

– Я ничего такого не имел в виду, Оми-сан, – заметил он с глубоким поклоном. – Вовсе ничего.

– Конечно. Господин Ябу доволен, что вы так хорошо все устроили. Необходимо большое искусство, чтобы огонь не слишком разгорался, но и не затухал.

– Вы слишком добры, Оми-сан.

– Вы занимались этим раньше?

– Не совсем этим. Но господин Ябу удостоил меня доверием. Я только пытаюсь порадовать его.

– Он хочет знать, сколько еще протянет этот человек.

– Не доживет до рассвета. При большой осторожности с моей стороны.

Оми задумчиво осмотрел котел. Потом поднялся на берег к площади. Все самураи встали и поклонились.

– Здесь все успокоилось, Оми-сан, – сообщил один из них со смехом, ткнув большим пальцем в сторону люка. – Сначала они переговаривались, голоса были сердитые, и несколько раз слышались звуки ударов. Двое, а может и больше, плакали, как испуганные дети. Но после этого давно уже тихо.

Оми прислушался. Он мог слышать глухой плеск воды и отдаленное бормотание. Случайный стон.

– А Масидзиро? – спросил он о самурае, который, выполняя его приказ, остался внизу.

– Мы не знаем, Оми-сан. Он не отзывается. Возможно, умер.

«Как мог Масидзиро оказаться таким беспомощным? – подумал Оми. – Поддаться беззащитным людям, большинство которых больны! Позор! Лучше бы он умер».

– Завтра не давайте ни воды, ни пищи. В полдень поднимите трупы, понятно? И я хочу, чтобы привели их главаря. Одного.

– Да, Оми-сан.

Оми вернулся к огню и дождался, когда варвар откроет глаза. После этого он направился в сад и доложил, что, по словам Дзукимото, пытка еще мучительней на ветру.

– Ты посмотрел в глаза варвара?

– Да, Ябу-сама.

Оми встал на колени позади даймё в десяти шагах. Ябу оставался неподвижным. Лунный свет затушевал его кимоно и высветил рукоятку меча, похожую на фаллос.

– Что, что ты увидел?

– Безумие. Сущность безумия, я никогда не видел таких глаз. И беспредельный ужас.

Мягко упали еще три лепестка.

– Сложи о нем стихи.

Оми пытался заставить свой мозг работать. Потом, желая быть точным, продекламировал:

Его глаза
У края преисподней —
Вся боль
Заговорила в них.

Крики неслись вверх, они стали слабее, но расстояние, казалось,
делало их пронзительнее.

Ябу произнес нараспев:

Если вы позволите
Их холоду достичь
Больших глубин,
То станете единым целым
В неизреченной тайне.

Оми долго думал об этом среди ночной красоты.

Глава 5

Как раз перед первым лучом солнца крики прекратились.

Теперь мать Оми уснула. И Ябу.

Деревня на рассвете по-прежнему бодрствовала. Еще нужно было доставить на берег четыре пушки, пятьдесят бочонков пороха, тысячу пушечных ядер.

Кику лежала под одеялом, следя за тенями на стене. Она не спала, хотя и была утомлена более, чем когда-либо. Тяжелый храп старухи в соседней комнате заглушал мягкое глубокое дыхание даймё рядом с ней. Мальчик беззвучно спал на других одеялах, одна его рука лежала на глазах, закрывая их от света.

Слабая дрожь пробежала по телу Ябу, и Кику задержала дыхание. Но он не проснулся, и это обрадовало ее: она поняла, что очень скоро сможет уйти, не беспокоя его. Терпеливо ожидая, она заставила себя думать о приятном. «Всегда помни, дитя, – внушала ей первая учительница, – что думать о плохом действительно легче всего. Чем больше о нем думаешь, тем больше накликаешь на себя несчастья. Думать о хорошем, однако, непросто, это требует усилий. Это одна из тех вещей, которые учат владеть собой. Так что приучай свой мозг задерживаться на аромате духов, прикосновении шелка, ударах капель дождя о сёдзи, изгибах цветочного лепестка, спокойствию рассвета. Потом, по прошествии времени, тебе не придется делать больших усилий и ты будешь ценить себя, ценить наше ремесло и славить наш мир – „мир ив“».

Она предвкушала удовольствие, с каким скоро примет ванну, – оно сотрет эту ночь, – думала о предупредительной ласке рук Суво. Она думала о том, как будет смеяться с другими девушками и мама-сан Гёко, как они обменяются сплетнями, слухами и забавными историями, о чистом, таком чистом кимоно, которое она наденет сегодня вечером, золотом, в желтых и зеленых цветах и подобранной в тон ленте для волос. После ванны она уберет волосы, а из денег, полученных за прошедшую ночь, она сможет покрыть часть долга хозяйке, Гёко-сан, послать немного денег своему отцу-крестьянину через менялу и кое-что оставить себе. Потом она увидится с возлюбленным, и это будет прекрасный вечер.

«Жизнь очень хороша, – подумала она. – Да. Но очень трудно забыть об этих криках. Невозможно. Другие девушки будут так же несчастны, и бедная Гёко-сан! Но не думай об этом. Завтра мы все уедем из Андзиро и отправимся домой, в наш милый чайный домик в Мисиме, самом большом городе Идзу, который вырос вокруг самого большого замка даймё в Идзу. Я сожалею, что госпожа Мидори послала за мной.

Не глупи, Кику, – сказала она себе строго. – Тебе следовало бы извиниться. Ты не сожалеешь, да? Было честью служить нашему господину. Теперь, когда ты удостоена такой чести, твоя цена у Гёко-сан станет выше, чем когда-либо, не так ли? Это был опыт, и теперь ты будешь известна как госпожа ночи рыданий, и, если тебе повезет, кто-нибудь напишет песню о тебе, – может быть, песню исполнят в самом Эдо. О, это будет хорошо! Тогда, конечно, твой возлюбленный выкупит твой контракт, и ты будешь жить в безопасности и довольстве и родишь сыновей».

Она улыбнулась своим мыслям. «О, какие песни сложат о сегодняшнем вечере во всех чайных домиках по всему Идзу! О господине даймё, который сидел без движения и, слушая вопли, истекал потом. И всем захочется узнать, что он делал в постели. Зачем понадобился мальчик. И было ли хорошо. Что говорила и делала госпожа Кику, что делал и говорил господин Ябу. Был ли его „несравненный пест“ небольшой или полный. Было ли это один раз, или дважды, или вообще ни разу. Не случилось ли чего».

Тысяча вопросов. Но никто никогда прямо не ответит. «Это мудро, – подумала Кику. – Первое и последнее правило „мира ив“ – хранить тайну, никогда не говорить о том, с кем ложишься, его привычках или о том, сколько он платит, быть надежной. Если кто-то еще расскажет, что ж, это его дело. Когда стены из бумаги и дома такие маленькие, а люди верны своей природе, происходящее в постели порождает толки и песни – в них не все правда, есть преувеличения, потому что люди есть люди, не так ли? Но ни слова от самой госпожи. Можно изогнуть бровь или нерешительно пожать плечами, коснуться совершенной прически или складки кимоно – вот и все, что позволено. Этого всегда достаточно, если девушка умна».

Когда крики прекратились, Ябу остался неподвижным, как вечность в лунном свете, но потом он встал. Она сразу же

заторопилась в другую комнату, ее кимоно шуршало, как морские волны на песке ночью. Мальчик был испуган, но пытался не показать этого и вытирал слезы, наворачнувшиеся на глаза во время пытки. Она ободряюще улыбнулась ему, силясь казаться спокойной, хотя спокойствия не чувствовала.

Потом в дверях появился Ябу. Он был весь в поту, лицо строгое, глаза полузакрыты. Кику помогла ему снять мечи, пропитанные потом кимоно и набедренную повязку. Она вытерла его, подала просушенное на солнце кимоно и повязала шелковый пояс. Попробовала заговорить с ним, но он прижал к ее губам мягкий палец.

Потом он подошел к окну и взглянул на заходящий диск луны, словно пребывал в трансе, покачиваясь на ногах. Она оставалась спокойной, страха не было – чего ей бояться? Он мужчина, она женщина, обученная быть женщиной, приносить мужчинам удовольствие всеми возможными способами. Но не причинять или терпеть боль. Существовали другие девушки, искушенные в подобных забавах. Легкие шлепки для остроты любовных ощущений, получаемые и отвешиваемые ею, не в счет – они всегда были в пределах разумного и достойного, ведь она госпожа, принадлежащая к «миру ив», первого класса, с ней нельзя обращаться пренебрежительно – только с уважением. Ее учили держать мужчину в повиновении, до известных пределов. Иногда он становился неуправляемым, и это было ужасно, так как девушка была одна. И не имела никаких прав.

Ее прическа выглядела безупречно, но несколько аккуратных прядей были выпущены так искусно, что, спадая на уши, наводили на мысль о любовном беспорядке и тем не менее подчеркивали ее чистоту. Черно-красный перемежающийся узор на верхнем кимоно был окаймлен зеленым, что подчеркивало белизну ее кожи, широкий жесткий пояс оби радужно-зеленого цвета туго стягивал его на тонкой талии. Она могла слышать морской прибой и легкий ветерок, шелестящий листвой в саду.

Наконец Ябу повернулся и посмотрел на нее, потом на мальчика.

Мальчик, пятнадцатилетний сын местного рыбака, обучался в соседнем буддийском монастыре у монаха-художника раскрашивать и разрисовывать книги. Он зарабатывал деньги на пристрастиях мужчин, предпочитающих мальчиков женщинам.

Ябу подошел к нему. Мальчик послушно, все еще полный страха, распустил пояс своего кимоно, двигаясь с заученным изяществом. Он не носил набедренной повязки – только женскую нижнюю юбку до пола. Его тело было гладким, гибким и почти без волос.

Кику помнила, какая цепенящая тишина сковала комнату, когда безмолвие и отзвучавшие крики сомкнулись вокруг них троих. Она и мальчик ждали, чтобы Ябу решил, кто из них ему требуется, а Ябу стоял между ними, слегка покачиваясь, переводя взгляд с одного на другую.

Потом он указал на нее. Она изящными движениями развязала оби, размотала его и дала упасть. Складки трех легких кимоно разошлись, полы распахнулись и обнажили прозрачную нижнюю юбку, которая подчеркивала бедра. Он лежал на постели, по его знаку они легли по бокам от него. Он положил себе на грудь их руки и удерживал их в одном положении. Он быстро распалился, показывая им, как они должны впиваться ногтями в его бока, торопя их; его лицо превратилось в маску. Быстрее, быстрее... Тут он испустил дикий крик боли. Некоторое время лежал, часто и тяжело дыша, с плотно закрытыми глазами, потом перевернулся и почти мгновенно уснул.

Они затаили дыхание, пытаясь скрыть удивление. Все случилось так быстро.

Мальчик изогнул брови:

– Мы сделали что-то не так, Кику-сан? Все кончилось так скоро.

– Мы сделали все, что он хотел, – ответила она.

– Он, конечно, достиг «облаков» и «дождя», – сказал мальчик. – Думаю, в доме теперь все собираются уснуть.

Она улыбнулась:

– Да.

– Я рад. Сначала я был очень напуган. Это очень хорошо, что удалось ему угодить.

Они вдвоем вытерли Ябу и укрыли стеганым одеялом. Мальчик устало откинулся на спину, полуопершись на один локоть, и зевнул.

– Почему бы тебе тоже не поспать? – предложила она.

Он плотнее запахнул кимоно и подвинул к ней колени. Она сидела сбоку от Ябу, ее правая рука мягко поглаживала руку даймё, облегчая его тревожный сон.

– Мне никогда не приходилось раньше быть вместе с мужчиной и женщиной, Кику-сан, – прошептал мальчик.

– Мне тоже.

Мальчик нахмурился:

– Я никогда раньше не был и с девушкой. Я имею в виду, что никогда не имел дела ни с одной женщиной.

– А тебе не хотелось бы попробовать со мной? – спросила она вежливо. – Если немного подождать, уверена, наш господин не проснется.

Мальчик свел брови к переносице:

– Да, пожалуй. – А потом, когда все кончилось, произнес: – Это было очень странно, госпожа Кику.

Она снова улыбнулась:

– Кого же ты предпочитаешь?

Мальчик задумался. Они лежали, наслаждаясь покоем в объятиях друг друга.

– Это была довольно трудная работа.

Она спрятала голову у него на плече и поцеловала в затылок, чтобы скрыть улыбку.

– Ты изумительный любовник, – прошептала она. – Теперь ты должен поспать после такой трудной работы.

Она ласкала его, пока он не заснул, потом перешла на другую постель. Там было холодно, но она не хотела придвигаться к Ябу и беспокоить его. Вскоре ее сторона постели также согрелась.

Тени от сѣдзи становились острее. «Мужчины – такие дети, – подумала она. – Настолько переполнены глупой гордостью. Все муки нынешней ночи преходящи. И сама страсть только иллюзия, не так ли?»

Мальчик заворочался во сне. «Почему ты предложила ему себя? – задалась вопросом Кику. – Для его удовольствия – ради него, а не для себя, хотя это меня и позабавило, помогло убить время. Это принесло ему спокойствие, в котором он так нуждался. Почему бы тебе немного не поспать? Позднее. Я посплю позднее».

Когда подошло время, она выскользнула из мягкого тепла и встала. Ее кимоно лежали в стороне, и воздух охладил кожу. Она быстро и аккуратно оделась, повязала пояс. Привычно поправила прическу и краску на лице.

Она не произвела ни малейшего шума, выходя из комнаты.

Самурай, стоявший на посту на веранде, поклонился, и она ответила поклоном и шагнула на свет занимающегося дня. Служанка уже дожидалась ее:

– Доброе утро, Кику-сан.

– Доброе утро.

Солнце было очень ласковое, и оно заслонило все события ночи. «Хорошо быть живой, жить», – подумалось ей.

Она сунула ноги в сандалии, открыла свой малиновый зонтик, прошла через сад к тропинке, которая вела вниз, к деревне, через площадь, к чайному домику, который был ее временным жилищем. Служанка шла за ней.

– Доброе утро, Кику-сан, – сказал Мура, кланяясь.

Он только-только устроился отдохнуть на веранде своего дома и пил чай, бледно-зеленый японский чай. Его мать ухаживала за ним.

– Доброе утро, Кику-сан, – повторил он.

– Доброе утро, Мура-сан. Доброе утро, Сэйко-сан. Как хорошо вы выглядите, – ответила Кику.

– А как вы? – спросила мать Муры. Ее старые глаза так и ощупывали девушку. – Что за ужасная ночь! Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, попейте чаю. Что-то вы бледная.

– Спасибо, но, пожалуйста, извините меня, я должна сейчас идти домой. Вы и так оказали мне много чести. Может быть, позднее.

– Конечно, Кику-сан. Вы оказали честь нашей деревне, посетив нас.

Кику улыбнулась и сделала вид, что не замечает настойчивых, испытующих взглядов. И чтобы внести капельку пряной остроты в их день и свой, она притворилась, что ее беспокоит легкая боль в низу живота.

«Это пойдет гулять по деревне», – подумала она счастливо, кланяясь и морщась, как если бы стоически скрывала сильную боль. Складки ее кимоно покачивались очень изящно, солнце, притененное зонтиком, самым выгодным образом освещало ее лицо. Как удачно, что на ней именно это верхнее кимоно. И зонтик... В пасмурный день это не было бы так эффектно.

– О, бедное, бедное дитя! Она так красива, правда? Что за позор! Ужасно! – изрекла мать Муры с душераздирающим вздохом.

– Что ужасного, Сэйко-сан? – спросила жена Муры, выходя на веранду.

– Ты не видишь, что эта бедная девушка на пределе? Ты не видишь, как мужественно она пытается скрыть это? Бедное дитя. Ей только семнадцать лет, и пройти через все это!

– Ей восемнадцать, – сухо поправил Мура.

– Через что – это? – спросила служанка очень почтительно, присоединяясь к ним.

Старуха огляделась, чтобы убедиться, что все ее слушают, и громко прошептала:

– Я слышала, – она понизила голос, – я слышала, что ей придется оставить свои занятия... на три месяца.

– Ой, не может быть! Бедная Кику-сан! Ой! Но почему же?

– Он пустил в ход зубы. Я слышала это от надежных людей.

– Ой!

– Ой!

– Но зачем он взял еще и мальчика, госпожа? Конечно, он не...

– А! Разойдитесь! Беритесь за работу, бездельники! Это не для ваших ушей! Уходите, все вы! Мне нужно поговорить с хозяином.

Она прогнала всех с веранды. Даже жену Муры. И потягивала свой чай, милостивая, очень довольная и напыщенная. Мура нарушил молчание:

– Зубы?

– Зубы. Ходит слух, что крики заставляют его возбуждаться, потому что он был напуган драконом в детстве, – выпалила она поспешно. – Он всегда держит при себе мальчика – как напоминание о том, что и он был маленьким, оцепеневшим от страха. На самом деле мальчик нужен только для того, чтобы уложить его в постель, истощить себя, иначе он все откусит. Бедная девочка.

Мура вздохнул. Он зашел в маленький домик во дворе перед главными воротами и непроизвольно пукнул, когда стал облегчаться в ведро. «Хотел бы я знать, что же случилось на самом деле, – сказал он себе, мастурбируя. – Почему Кику-сан больна? Может быть, даймё и правда действовал зубами? Как необычно!»

Он вышел и, удостоверясь, что не испачкал набедренную повязку, зашагал через площадь в глубокой задумчивости.

«О, как бы мне хотелось провести ночь с госпожой Кику! Почему бы нет? Сколько Оми-сан должен заплатить ее хозяйке? Точнее, сколько нам придется заплатить? Два коку? Говорят, Гёко-сан потребовала и получила в десять раз больше обычной платы. Неужели она выторговала пять коку за одну ночь? Кику-сан, конечно, стоит этого. Ходят слухи, что в свои восемнадцать лет она столь же опытна, как женщина вдвое старше. Она, видимо, может продлить... О, ее счастье! Если бы мне довелось – как бы я начал?»

Он рассеянно поправил набедренную повязку, а ноги сами вели его по утоптанной тропинке на площадь к месту погребения.

Костер был приготовлен. Пятеро деревенских жителей уже собрались там.

Это было самое приятное место в деревне: летом здесь гулял прохладный морской бриз и вид отсюда открывался самый красивый. Поблизости стоял синтоистский храм, аккуратная соломенная крыша на пьедестале для ками – духа, который жил или мог жить там, если бы захотел. Узловатый тис, который вырос здесь раньше, чем появилась деревня, клонился вбок, согбенный ветрами.

Позднее по тропинке поднялся Оми в сопровождении Дзукимото и четырех самураев. Он встал в стороне. Отдавая дань традиции, поклонился костру и завернутому в саван, полурасчлененному телу, которое лежало на дровах, и все поклонились вместе с ним, чтобы почтить варвара, умершего, чтобы могли жить его товарищи.

По сигналу Оми Дзукимото вышел вперед и зажег огонь. Дзукимото специально просил Оми об этой чести. Он поклонился в последний раз. И потом, когда костер разгорелся, все ушли.

Блэкторн наклонился ко дну бочки, аккуратно отмерил полчашки воды и отдал ее Сонку. Сонк пытался цедить влагу, чтобы растянуть утоление жажды, руки его дрожали, и он не смог. Он опрокинул в себя тепловатую жидкость, пожалев, что выпил ее залпом, в тот самый миг, когда она миновала пересохшее горло. Он ощупью пробирался к своему месту у стены, перешагивая через тех, кому пришел черед ложиться. Под ногами чавкала грязь, в погребе стояло зловоние, и мух поналетело больше прежнего. Слабый солнечный свет проникал сквозь дощатую крышку люка.

Винк был следующим. Он взял чашку и устался на нее, сидя около бочонка. Спилберген сидел с другой стороны.

– Спасибо, – протянул он уныло.

– Поторопись! – сказал Ян Ропер, рана на его щеке уже нагнаивалась. Его очередь была последней, и он изнывал, чувствуя, как саднит горло. – Поторопись, Винк, ради Бога.

– Извини, вот возьми, – пробормотал Винк, протягивая чашку и забыв о мухах, которые пятнами облепили его.

– Пей, дурак! Это все, что ты получишь до захода солнца. Пей! – Ян Ропер толкнул чашку обратно ему в руки. Винк не взглянул на него, но послушался с несчастным видом и ускользнул обратно в свой личный ад.

Ян Ропер принял свою порцию воды от Блэкторна, закрыл глаза и молча поблагодарил. Настала его очередь стоять, и мускулы ног ныли. Содержимого чашки едва хватило на два глотка.

Когда все получили свою пайку, Блэкторн зачерпнул воды для себя и с удовольствием выпил. Шершавый язык и рот горели, казалось, на них осел налет пыли. Мухи облепили потное и грязное тело. Грудь и спина ныли от ушибов.

Он наблюдал за самураем, оставленным в погребке. Японец приткнулся у стены, между Сонком и Кроком, стараясь занимать как можно меньше места, и не двигался часами. Он мрачно смотрел в пространство, обнаженный, если не считать набедренной повязки, весь покрытый синяками, с багровой, опухшей шеей.

Когда Блэкторн впервые пришел в сознание, погреб был погружен в темноту. Крики заполняли яму, и он подумал, что мертв и находится в ужасных глубинах преисподней. Его словно засасывало в грязь, липкую и текучую сверх всякой меры. Он закричал, забился в панике, неспособный дышать, и услышал: «Все нормально, капитан, ты не умер, все нормально. Очнись, очнись, ради Бога, это не ад, хотя разница невелика. О Господи, помоги нам!»

Когда он полностью пришел в себя, ему рассказали о Питерзоне и купании в помоях.

– О Боже, заведи нас отсюда, – простонал кто-то.

– Что они делают с бедным старым Питерзоном? Что они сделали с ним? Господь Всемогущий, помоги нам! Я не могу выдержать эти крики!

– Господи, пусть бедняга умрет. Пошли ему смерть!

– Боже, прекрати эти крики! Пожалуйста, останови эти вопли!

Сидение в яме и вопли Питерзона стали для них суровой проверкой, вынудили глубже заглянуть в себя. И ни одному не понравилось то, что он там увидел.

«Темнота все усугубляет», – подумал Блэкторн.

Сидящим в яме ночь казалась бесконечной.

На заре вопли прекратились. Когда рассвет просочился в погреб, они увидели забытого самурая.

– Что мы будем с ним делать? – спросил ван Некк.

– Не знаю. Он выглядит таким же испуганным, как и мы, – сказал Блэкторн, его сердце забилося сильнее.

– Лучше ему ничего не затевать.

– О Боже мой, вытащи меня отсюда! – Голос Крока достиг крещендо. – Помоги!

Ван Некк, который был рядом, тряхнул его за плечо и успокоил:

– Все нормально, парень. Мы в руках Бога. Он смотрит на нас.

– Погляди на мою руку, – простонал Матсюккер. – Рана уже нагноилась.

Блэкторн стоял шатаясь.

– Мы ополоумеем, если не выберемся отсюда через день-два, – объявил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Воды почти нет, – заметил ван Некк.

– Мы установим норму на то, что есть. Немного сейчас – немного в полдень. Если повезет, этого хватит на три раза. Чертовы мухи!

После этого Блэкторн нашел чашку и раздал всем по мере воды. Теперь он пил сам, стараясь делать это помедленнее.

– Так что насчет японца? – спросил Спилберген.

Генерал-капитан лучше остальных перенес ночь, потому что залепил уши комочками грязи, когда раздались первые вопли, и, располагаясь около бочки, украдкой утолял жажду.

– Что нам делать с ним?

– Ему надо дать воды, – предложил ван Некк.

– Черта с два он получит воды! – огрызнулся Сонк.

Они проголосовали и сошлись на том, что воды самурай не получит.

– Я не согласен, – заявил Блэкторн.

– Вы не согласны со всем, что мы говорим, – окрысился Ян Ропер. – Он враг. Он варвар, и он чуть не убил вас.

– Ты сам чуть не убил меня. Полдюжины раз. Если бы твой мушкет выстрелил тогда, в Санта-Магдалене, ты разнес бы мне всю голову.

– Я в вас не целился. Я целился в этих проклятых прихвостней Сатаны.

– Это были безоружные священники.

– Я в вас не целился.

– Ты чуть не убил меня. Все из-за твоей Богом проклятой вспыльчивости, фанатизма и глупости.

– Богохульство – смертный грех. Поминание имени Бога всеу – грех. Мы в Его руках – не в ваших. Вы не король, и здесь не корабль. Вы не наш командир...

– Но ты будешь исполнять то, что я скажу!

Ян Ропер огляделся, напрасно ища поддержки у сидящих в погребке.

– Делайте что хотите, – протянул он уныло.

– И буду.

Самурай хотел пить не меньше моряков, но замотал головой, когда ему предложили воды. Блэкторн заколебался, приложил чашку к распухшим губам японца, но тот оттолкнул сосуд, разлив воду, и что-то хрипло произнес. Блэкторн приготовился отбить удар, но его не последовало. Японец не делал больше ни одного движения, глядя в пространство.

– Он сумасшедший. Они все сумасшедшие, – поджал губы Спилберген.

– Тем больше воды останется для нас. Хорошо, – порадовался Ян Ропер. – Пусть катится ко всем чертям, как он того заслуживает!

– Как твое имя? *Наму?* – допытывался Блэкторн. Он произнес это еще несколько раз на разные лады, но самурай, казалось, не слышал.

Его оставили в покое. Но следили за ним, как если бы это был скорпион. Он не смотрел ни на кого. Блэкторну показалось, что он пытается что-то решить для себя, но что – кто ж его знает...

«Что у него на уме? – задумался Блэкторн. – Почему он отказался от воды? Почему остался здесь? Это ошибка Оми? Не похоже. Тайный умысел? Вряд ли. Нельзя ли нам использовать его, чтобы выбраться отсюда? Этот мир – сплошная загадка, за исключением того, что мы,

может быть, останемся здесь, пока нам не позволят выйти отсюда... если когда-нибудь позволят. А если позволят, что дальше? Что случилось с Питерзоном?»

По мере того как становилось теплее, появлялись новые рои мух.

«О Боже, я хочу лечь, хочу опять в ту ванну – теперь бы им не пришлось нести меня. Я никогда не понимал, как важна ванна. И этот старый слепец со стальными пальцами... Я мог бы час или два блаженствовать под его руками.

Что за нелепость! Снарядить корабли, набрать людей, приложить столько усилий – и все для чего? Кругом неудачи. Ну, почти. Некоторые из нас пока еще живы».

– Капитан! – Ван Некк тряс его. – Вы спите. Вот этот уже минуту или больше кланяется вам.

Блэкторн потер глаза, прогоняя усталость. Он сделал усилие над собой и поклонился в ответ.

– *Хай?* – произнес он коротко, вспомнив японское слово, означающее «да».

Самурай снял пояс со своего изорванного кимоно и обмотал вокруг шеи. Все еще стоя на коленях, он дал один конец Блэкторну, другой – Сонку, наклонил голову и показал им жестами, что надо сильно тянуть.

– Он боится, что мы задушим его, – предположил Сонк.

– Боже мой, сдастся мне, он хочет, чтобы мы сделали это. – Блэкторн отбросил конец пояса и покачал головой. – *Киндзиру*, – отрезал он, думая, каким полезным оказалось это слово. Как объяснить малому, который не говорит на твоём языке, что это против твоих правил – убивать безоружного человека, что ты не палач, что убийство – преступление перед Богом?

Самурай заговорил снова, явно настаивая на своем, но Блэкторн снова покачал головой:

– *Киндзиру*.

Японец огляделся с диким видом. Встал на ноги и окунул голову глубоко в парашу, явно пытаясь утопиться. Ян Ропер и Сонк тут же оттащили его, как он ни сопротивлялся.

– Пустите его! – приказал Блэкторн. Они послушались. Он указал на парашу: – Хочешь этого, тогда давай!

Самурая тошнило, но он все понял. Он поглядел на полную бадью: нет, у него не хватит сил удерживать голову в зловонной жиже

достаточно долго. Вконец уничтоженный, самурай вернулся на свое место у стены.

– Боже, – пробормотал кто-то.

Блэкторн зачерпнул полчашки воды из бочки, встал – его суставы плохо сгибались, – подошел к японцу и предложил ему. Самурай глядел мимо чашки.

– Хотел бы я знать, сколько он так выдержит, – протянул Блэкторн.

– Вечность, – изрек Ян Ропер. – Они животные. Не люди.

– Боже мой, сколько они продержат нас здесь? – спросил Гинсель.

– Столько, сколько захотят.

– Нам следует делать все, чего они требуют, – вставил ван Некк. – Если мы хотим остаться в живых и выйти из этой адовой дыры. Разве не так, капитан?

– Да. – Блэкторн измерял тень от солнца. – Самый полдень, часовые сменяются.

Спилберген, Матсюккер и Сонк начали жаловаться, но он обругал их, заставил подняться на ноги и, когда все поменялись местами, с удовольствием растянулся на полу. Пусть грязь, пусть мухи, но какое наслаждение вытянуться во весь рост!

«Что они сделали с Питерзоном? – спросил он себя, чувствуя смутную тревогу. – Боже, помоги нам выбраться отсюда! Я так беспокоюсь».

Наверху раздались шаги. Открылась крышка люка. Около нее стоял священник, сбоку от него – самурай.

– Капитан! Поднимайтесь. Вы должны идти. Один, – сказал иезуит.

Глава 6

Взоры всех, кто сидел в яме, устремились на Блэкторна.

– Чего они хотят от меня?

– Я не знаю, – серьезно сказал отец Себастио. – Но вы должны сразу же подняться.

Блэкторн знал, что у него нет выбора, но не оставлял спасительной стены, пытаясь собраться с силами.

– Что случилось с Питерзоном?

Священник рассказал ему. Блэкторн перевел тем, кто не говорил по-португальски.

– Бог смилостивился над ним, – прошептал ван Некк после жуткого молчания. – Бедняга. Бедняга.

– Я сожалею. Я ничего не мог сделать, – священник говорил с большой печалью в голосе. – Не думаю, что он узнал меня или мог узнать хоть кого-нибудь, когда его опускали в воду. Он потерял разум. Я дал ему отпущение грехов и молился за него. Может быть, с Божьей милостью... Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь! – Он перекрестил погреб. – Я прошу вас всех отказаться от ваших ересей и вернуться в лоно истинной веры. Капитан, вы должны подняться.

– Не покидайте нас, капитан, ради Бога! – выкрикнул Крок.

Винк, спотыкаясь, подошел к лестнице и начал взбираться по ней.

– Они могут взять меня – не капитана. Меня, а не его. Скажите ему! – Он остановился, обеими ногами упираясь в перекладину. Острие длинного копья замерло в дюйме от его сердца. Он пытался перехватить древко, но самурай был готов к этому и, если бы Винк не отпрыгнул обратно, проткнул бы его без колебаний.

Указав на Блэкторна, страж сделал знак, чтобы тот поднимался. Очень грубо. Блэкторн не двигался. Другой самурай всунул в погреб длинный колючий шест и попытался подогнать его к лестнице.

Никто не шелохнулся, чтобы помочь Блэкторну, кроме японца, оставленного в погребе. Он быстро схватился за острие шеста и что-то резко сказал стражу наверху, тот поколебался, потом поглядел на Блэкторна, пожал плечами и что-то произнес.

– Что он говорит?

Священник ответил:

– Этот японец говорит: судьба есть судьба, а жизнь – только иллюзия.

Блэкторн кивнул самураю, подошел к лестнице и, не оглядываясь, поднялся по ней. Болезненно-яркий свет заставил его сощуриться, колени подогнулись, и он упал на песок.

Рядом с собой он увидел Оми. Священник и Мура стояли около четырех самураев. В стороне топталось несколько крестьян, они посмотрели на Блэкторна и отвернулись.

Никто ему не помог.

«О Боже, дай мне силы, – взмолился Блэкторн. – Я должен встать на ноги и делать вид, что силен. Это единственная вещь, которую они уважают. Быть сильным. Не показывать страха. Пожалуйста, помоги мне».

Он заскрежетал зубами, оттолкнулся от земли и встал, слегка качаясь.

– Какого дьявола вы от меня хотите, грязный маленький негодяй? – сказал он, обращаясь к Оми. Потом добавил для священника: – Скажите этому негодяю: я даймё в моей собственной стране. И что это за обращение? Скажите, что мы с ним не ссорились. Скажите, пусть выпустит нас или ему будет хуже. Скажите, что я даймё, честное слово. Я наследник сэра Уильяма Миклхейвена, – может, этот ублюдок уже отдал Богу душу. Скажите ему!

Ночь была ужасной для отца Себастио. Но во время ночного бдения он ощущал присутствие Бога, почувствовал озарение, которого никогда не испытывал раньше. Теперь он знал, что может послужить орудием Бога против язычников и пиратского коварства. Он знал, что эта ночь подводит его к чему-то важному, что он на распутье.

– Скажите же ему!

Священник произнес по-японски:

– Пират говорит, что он господин в своей стране. – И, выслушав ответ Оми, сообщил: – Оми-сан говорит: его не интересует, кем вы были в своей стране – хотя бы и королем. Здесь вы живете по воле господина Ябу – вы и все ваши люди.

– Скажите ему, что он мерзавец.

– Старайтесь не оскорблять его.

Оми снова заговорил.

– Оми-сан обещает, что вам дадут вымыться, будут кормить и поить. Если вы будете себя хорошо вести, вас не посадят обратно в яму.

– А что с моими людьми?

Священник спросил Оми и перевел:

– Они останутся там.

– Тогда пусть отправляется к черту! – Блэкторн пошел к лестнице, чтобы спуститься вниз. Двое самураев преградили ему путь и, хотя он сопротивлялся, легко удержали его.

Оми потолковал со священником, потом со своими людьми. Они отпустили Блэкторна, и тот чуть не упал.

– Оми-сан предупреждает: если вы не будете осторожней, они заберут еще одного человека. У них много дров и много воды.

«Если я соглашусь, – подумал Блэкторн, – они найдут способ управлять мной и я окажусь в их власти, отныне и навсегда. Я буду плясать под их дудку. Ван Некк был прав, я должен что-то сделать».

– Чего он от меня хочет? Что значит «быть осторожней»?

– Оми-сан говорит: это означает повиноваться ему. Делать, что они вам скажут. Есть дерьмо, если они велют.

– Скажите ему, пусть идет к черту. Скажите, я срать хотел на него и на всю его страну – и на его дймё.

– Я рекомендую вам согласиться с тем...

– Скажите ему, слово в слово, ради Бога!

– Очень хорошо, но я предупреждал вас, капитан.

Оми выслушал священника. Костяшки на его руке, держащей меч, побелели. Все его люди тяжело переминались, испепеляя взглядом Блэкторна.

Потом Оми спокойным голосом отдал распоряжение.

Два самурая мгновенно спустились в яму и вытащили Крока. Они подволокли его к котлу, связали ему руки и ноги, пока другие носили дрова и воду. Затолкали оцепеневшего юношу в котел и подожгли дрова.

Блэкторн следил за беззвучными гримасами Крока, и ужас переполнял его.

«Жизнь совсем не имеет цены для этих людей, – подумал он. – Бог проклял их, они наверняка сварят Крока, это так же верно, как то, что я стою на покинутой Богом земле».

Дым волнами стелился над песком. Чайки, издавая пронзительные крики, носились над рыбацкими лодками. Головня выпала из костра, но самурай пинком зашвырнул ее обратно.

– Скажите ему, пусть перестанут, – не выдержал Блэкторн. – Попросите его прекратить это.

– Оми-сан спрашивает: вы согласны хорошо себя вести?

– Да.

– Он спрашивает: вы будете выполнять все его приказы?

– Насколько смогу – да.

– Он хочет, чтобы вы ответили непосредственно ему. В японском языке слово «да» звучит как *хай*. Он спрашивает: вы будете выполнять все приказы?

– Насколько я смогу – *хай*.

Огонь начал нагревать воду, и ужасный вопль вырвался изо рта юноши. Языки пламени лизали металл. Дров добавили.

– Оми-сан говорит: ложитесь! Немедленно.

Блэкторн сделал, как ему приказали.

– Оми-сан говорит, что не оскорблял вас лично и не давал повода оскорблять его. Поскольку вы варвар и не знаете, как себя вести, вас не убьют. Но поучат хорошему поведению. Вы понимаете? Он хочет, чтобы вы отвечали непосредственно ему.

Послышались рыдания. Они терзали слух, пока юноша не потерял сознание. Один из самураев держал его голову над водой.

Блэкторн посмотрел на Оми. «Помни, – приказал он себе, – помни, что жизнь мальчика только в твоих руках. Да, жизнь всей твоей команды в твоих руках. Да, началась ужасная полоса в твоей жизни, но кто поручится, что у негодя хватит совести соблюдать условия сделки?»

– Вы понимаете?

– *Хай*.

Он увидел, как Оми подтянул вверх полы кимоно и освободил пенис из набедренной повязки. Он ожидал, что японец помочится ему в лицо. Но Оми этого не сделал, а помочился на его спину. «Господи, – поклялся себе Блэкторн, – я запомню этот день, и когда-нибудь Оми заплатит за это».

– Оми-сан полагает, это плохие манеры – говорить, что ты будешь ссать на кого-нибудь. Очень плохие. И очень глупо говорить, что ты

будешь ссать на кого-нибудь, когда ты безоружен, слаб и не готов позволить своим друзьям или родственникам погибнуть первыми.

Блэкторн ничего не сказал. Он не сводил глаз с Оми.

– *Вакаримас ка?* – пролаял Оми.

– Он говорит: вы поняли?

– *Хай.*

– *Окиро!*

– Он говорит, чтобы вы встали.

Блэкторн встал, кровь стучала в висках. Он смотрел на Оми, и тот, обернувшись, посмотрел на него.

– Вы пойдете с Мурой и будете выполнять его приказание.

Блэкторн не ответил.

– *Вакаримас ка?* – резко сказал Оми.

– *Хай.* – Блэкторн взглядом измерил расстояние между собой и Оми. Представил, как его пальцы сойдутся на горле японца, и молился, чтобы хватило времени вырвать ему глаза, прежде чем кто-нибудь сумеет оттащить его от этого человека.

– Что с мальчиком? – спросил он.

Священник, запинаясь, что-то сказал Оми.

Оми глянул на котел. Вода еще не успела нагреться. Юноша был в обмороке, но невредим.

– Выньте его оттуда, – приказал Оми. – Приведите лекаря, если надо.

Его люди выполнили приказание. Блэкторн подошел к юнге и приник ухом к его груди.

Оми поманил священника:

– Скажи главарю, что юноша тоже может сегодня остаться наверху. Если главарь и юноша будут вести себя хорошо, еще один варвар выйдет завтра из ямы. Потом другой. Может быть. Или не только один. Может быть. Это зависит от того, как поведут себя те, что наверху. Но ты, – он глянул прямо на Блэкторна, – ты отвечаешь за малейшее нарушение любого правила или приказа. Ты понимаешь?

После того как священник перевел все это, Оми услышал, как варвар говорит «да», и увидел, что часть ледящегоо кровь гнева уходит у того из глаз. Но ненависть осталась. «Как глупо, – подумал Оми, – и как наивно быть столь открытым. Хотел бы я знать, что он

сделает, если я буду играть с ним дальше – притворюсь, что нарушаю соглашение».

– Священник, как его имя? Говори медленно.

Он послушал, как священник несколько раз произнес имя, но оно все еще звучало тарабарщиной.

– Ты можешь произнести это? – спросил он одного из своих людей.

– Нет, Оми-сан.

– Священник, скажи ему, что с этого времени его имя будет Андзин, что значит «капитан». Когда он заслужит, будет называться Андзин-сан. Объясни ему, что в нашем языке нет звуков, позволяющих правильно произнести его имя. – Оми сухо добавил: – Объясни ему, что это не будет звучать оскорбительно. До свидания, Андзин, пока.

Все поклонились ему. Он вежливо ответил на поклон и ушел. Удостоверившись, что за ним никто не наблюдает, он позволил себе широко улыбнуться. Так быстро приручить главаря варваров! Сразу раскусить, как управлять им!

«Как необычны эти варвары, – подумал он. – И чем скорее Андзин заговорит на нашем языке, тем лучше. Тогда мы узнаем, как сокрушить христианских варваров раз и навсегда!»

– Почему ты не помочился ему в лицо? – спросил Ябу.

– Сначала я так и хотел сделать, господин, но главарь варваров все еще неприрученное животное, вообще опасное. А в лицо... ну, для нас трогать лицо человека – самое сильное оскорбление, не так ли? Поэтому я подумал, что могу слишком глубоко оскорбить его и он потеряет власть над собой. Поэтому я помочился ему на спину – решил, что этого будет достаточно.

Они сидели на веранде его дома, на шелковых подушках. Мать Оми приготовила им чай, в точности исполнив церемонию, которой была обучена в молодости. Она с поклоном поднесла чай Ябу. Тот поклонился и вежливо предложил его Оми, который, конечно, отказался, отвесив глубокий поклон. Лишь тогда Ябу принял напиток и потягивал его с наслаждением, чувствуя полное довольство.

– Я очень доволен тобой, Оми-сан, – сказал он. – Твоя рассудительность исключительна. Твоя подготовка и руководство этим делом превосходны.

– Вы слишком добры, господин. Мои усилия могли быть много больше, много больше.

– Откуда ты столько узнал про варваров и их характер?

– В четырнадцать лет я целый год состоял в учении у монаха по имени Дзиро. Когда-то он был христианским священником, по крайней мере учеником священника, но, к счастью, понял, что это ошибка. Я не забыл одну вещь, которую узнал от него. Он сказал, что христианская религия уязвима, потому что их главный бог, Иисус, велел всем людям возлюбить друг друга. Он ничего не говорил о чести или долге – только о любви. А также о том, что жизнь священна: «Не убий!» Каково? И другие глупости. Эти новые варвары заявили, что они тоже христиане, хотя священник и отрицал это. Как я понял, они, наверное, из другой секты, и они враждуют друг с другом совсем как буддийские секты. Я подумал, что, если они «возлюбили» друг друга, мы сможем управлять их вожаком, убив – или угрожая убить – одного из его людей.

Оми знал, что этот разговор опасен из-за той мучительной, оскверняющей смерти. Он чувствовал, как мать его напряглась, словно желая и не смея предостеречь.

– Хотите еще чая, Ябу-сама? – спросила мать.

– Спасибо, – поблагодарил Ябу. – Все очень, очень хорошо.

– Спасибо, господин. Так что, Оми-сан, вожака варваров удалось склонить к покорности? – спросила мать, переводя разговор на другое. – Может быть, тебе следует высказать нашему господину свое мнение – надолго это или нет?

Оми поколебался:

– Ненадолго. Но я думаю, его следует обучить нашему языку как можно быстрее. Это очень важно для вас, господин. Возможно, придется убить одного или двух, чтобы держать его и остальных в повиновении, но к этому времени он поймет, как нужно вести себя. Как только можно будет разговаривать с ним напрямую, Ябу-сама, вы извлечете пользу из его знания. Если верно то, что сказал священник, – будто он вел корабль десять тысяч ри, – он должен быть больше чем просто умелец.

– Ты сам больше чем просто умелец, – засмеялся Ябу. – Ты обучаешь животных. Оми-сан – укротитель людей.

Оми засмеялся вместе с ним:

– Я попытаюсь, господин.

– Твой доход увеличивается с пятисот коку до трех тысяч. Ты будешь управлять землями, лежащими в пределах двадцати ри. – Ри называлась мера длины, равная примерно одной миле. – В знак моего расположения я, когда вернусь в Эдо, пошлю тебе двух лошадей, двадцать шелковых кимоно, броню, два меча и достаточно оружия, чтобы хватило еще на сто самураев, которых ты наберешь. В случае войны ты немедленно становишься моим хатамото.

Ябу ощутил наплыв откровения. Хатамото – приближенный даймё – имел право доступа к господину и мог носить мечи в его присутствии. Ябу был доволен Оми и чувствовал себя отдохнувшим, как бы заново рожденным. Спал он хорошо. Проснулся в одиночестве, как и ожидал, потому что не приказывал девушке или мальчику остаться. Он выпил чая и съел немного рисовой каши. Потом ванна и массаж Суво.

«Это был изумительный опыт, – подумал он. – Никогда я не испытывал такой близости к природе, деревьям, горам и земле, неизмеримой печали жизни и ее мимолетности. Вопли придавали всему совершенство».

– Оми-сан, в моем саду в Мисиме есть один камень. Я бы хотел, чтобы ты принял его в дар как память об этом событии, этой чудной ночи, – сказал он. – Камень привезен с Кюсю. Я пошлю его тебе с другими вещами. Я назвал его Ждущий камень, потому что мы ждали приказа тайко, чтобы перейти в наступление, когда я его нашел. Это было... пятнадцать лет назад. Я состоял в войске тайко, когда мы разгромили мятежников и подчинили себе весь остров.

– Вы оказываете мне большую честь.

– Почему бы не поместить его здесь, в твоём саду, и не дать ему новое имя? Почему бы не назвать его Камень мира с варварами – в память о ночи и бесконечном ожидании мира.

– Может быть, вы позволите назвать его Камнем счастья, чтобы он напоминал мне и моим потомкам о почестях, которыми вы одарили меня, дядюшка?

– Нет, лучше просто назови его Ожидающий варвар. Да, мне нравится такое название. Это соединит нас – его и меня. Он ждал, как я ждал. Я жив, он умер. – Ябу посмотрел в сад, наслаждаясь. – Хорошо. Ожидающий варвар! Это мне нравится. На камне есть

интересные пятна с одной стороны, которые вызывают в памяти слезы, и жилки голубого цвета с примесью красноватого кварца, которые напоминают мне плоть – бренность ее! – Ябу вздохнул, наслаждаясь своей меланхолией. Потом добавил: – Это хорошо для мужчины – поставить камень и назвать его. Варвару потребовалось много времени, чтобы умереть, правда? Может быть, он родится заново японцем – это вознаградит его за страдания. Разве это не удивительно? Потом однажды его потомки, возможно, увидят камень и будут довольны.

Оми излил сердечную благодарность и возразил, что не заслуживает такого щедрого подарка. Ябу знал, что в щедрости своей зашел не далее, чем того заслуживал племянник. Он легко мог дать больше, но помнил старую поговорку: легко увеличить владение, но уменьшение его вызывает вражду. И предательство.

– Оку-сан, – обратился он к женщине, величая ее достопочтенной матерью, – мой брат должен был раньше рассказать мне о дарованиях вашего младшего сына. Тогда Оми-сан намного больше преуспел бы к настоящему времени. Мой брат слишком скромн, слишком легкомыслен.

– Мой муж слишком много думает о вашем благе, мой господин, слишком заботится о вас, – ответила она, отдавая себе отчет в скрытом смысле слов. – Я рада, что мой сын имел возможность порадовать вас. Ведь он только выполнял свои обязанности, не так ли? Это обязанность Мидзуно-сана и всех нас – служить.

Послышался стук копыт. Игураси, главный вассал Ябу, торопливо прошел через сад:

– Все готово, господин. Если вы хотите быстро вернуться в Эдо, мы должны сейчас выехать.

– Хорошо. Оми-сан, ты и твои люди сопровождают груз в замок и помогут Игураси-сану проследить, чтобы все было доставлено в сохранности. – Ябу заметил, как по лицу Оми прошла тень. – В чем дело?

– Я просто думаю, как быть с варварами.

– Оставь несколько человек охранять их. По сравнению с грузом они не так важны. Делай с ними что хочешь – брось опять в яму, если так удобней. Если получишь от них что-нибудь полезное, извести меня.

– Да, господин, – ответил Оми. – Я оставлю десять самураев и особые распоряжения для Муры – они не смогут причинить никому вреда за пять или шесть дней. Что вы думаете делать с самим кораблем?

– Храни его здесь. Ты отвечаешь за него, конечно. Дзукимото послал письмо продавцу в Нагасаки, предложив ему сбить судно португальцам. Те могут приехать и забрать его.

Оми колебался:

– Может быть, вам следует придержать корабль, господин, и пусть варвары обучат наших моряков обращаться с ним?

– Зачем мне варварское судно? – засмеялся Ябу. – Разве я буду грязным торговцем?

– Конечно нет, господин, – быстро сказал Оми. – Я только подумал, что Дзукимото может найти применение для такого корабля.

– Зачем мне торговый корабль?

– Священник сказал, что это военный корабль, господин. Он, кажется, боится его. Когда начнется война, военный корабль может...

– Наша война будет идти на суше. Море для торговцев, все они презренные ростовщики, пираты или рыбаки.

Ябу встал и начал спускаться по ступеням к садовой калитке, возле которой самурай держал под уздцы его лошадь. Он остановился и посмотрел на море. Колени его ослабли.

Проследив за направлением его взгляда, Оми увидел корабль, который огибал мыс. Это была большая многовесельная галера, самое быстрое из японских прибрежных судов, потому что оно не зависело от ветра или прилива. Флаг на вершине мачты нес изображение герба Торанаги.

Глава 7

Тода Хиромацу, верховный владыка провинций Сагами и Кодзукэ, самый доверенный военачальник Торанаги и его советник, а также верховный главнокомандующий всеми его армиями, первым спустился по сходням на причал. Он был высок для японца – под шесть футов, бычьего облика человек с тяжелым подбородком, который с трудом носил свое шестидесятилетнее тело. Его боевое кимоно из коричневого шелка украшали пять гербов Торанаги – три сцепленных бамбуковых побега. Он носил блестящую нагрудную пластину и стальные защитные на́ручи. У его пояса висел только короткий меч. Другой, длинный меч он держал в руке и постоянно был готов его обнажить для защиты своего господина. Таковы были его привычки с пятнадцати лет.

Никто, даже тайко, не мог изменить Хиромацу.

Год назад, когда тайко умер, Хиромацу стал вассалом Торанаги. Торанага отдал ему во владение Сагами и Кодзукэ – две из восьми своих провинций с годовым доходом в пять тысяч коку, а также сохранил за ним его ремесло: Хиромацу достиг высот в искусстве убивать.

Берег заполнили выстроившиеся в линию деревенские жители – мужчины, женщины, дети, – все они пали на колени и низко склонили головы. Самураи встали плотными рядами. Ябу со своими помощниками занял место перед ними.

Если бы Ябу был женщиной или более слабым мужчиной, он бы сейчас бил себя в грудь, вопил, плакал и рвал на себе волосы – слишком много совпадений. Коль скоро сегодня знаменитый Тода Хиромацу появился в Андзиро, значит Ябу предал кто-то из его домашних в Эдо, или Оми, или один из его людей, или один из деревенских жителей. Он был пойман на непослушании. Враг имел преимущество, зная о его интересе к кораблю варваров.

Он встал на колени и поклонился, все его самураи последовали примеру господина, а он про себя проклял этот корабль и всех, кто плывал на нем.

– А, Ябу-сама, – услышал он голос Хиромацу, увидел колени гостя на подстилке, положенной для него, и убедился, что тот ответил на

поклон. Но глубина поклона была меньше положенной, и Хиромаци не подождал, пока Ябу поклонится опять, а стало быть, этому последнему грозила большая опасность. Он видел, что военачальник снова перенес тяжесть на пятки. За спиной Хиромаци звали Железный Кулак. Только сам Торанага или один из трех его советников пользовались привилегией поднимать родовой флаг. «Зачем посылать такую важную персону, чтобы поймать меня на отлучке из Эдо?»

– Вы оказали мне честь, приехав в одну из моих бедных деревень, Хиромаци-сама, – сказал Ябу.

– Мой господин приказал мне прибыть сюда. – Хиромаци был известен своей прямоотой. Ни хитрости, ни коварства – только абсолютная преданность господину.

– Я польщен и очень рад, – залебезил Ябу. – Я поспешил сюда из Эдо из-за этого корабля варваров.

– Господин Торанага просил всех дружественных ему даймё подождать в Эдо, пока он не вернется из Осаки.

– Как наш господин? Я надеюсь, с ним все хорошо?

– Чем скорее господин Торанага окажется в своем замке в Эдо, тем лучше. Чем скорее начнется война с Исидо, а мы выведем наши армии, отрежем дорогу к замку в Осаке и разнесем его до последнего камня, тем лучше.

Щеки старого вояки побурели: он тревожился за Торанагу и не любил уезжать от него. Возводя крепость в Осаке, тайко постарался сделать ее неуязвимой. Она была самой большой в стране, с башнями, рвами, наполненными водой, подъемными мостами, и могла вместить восемьдесят тысяч солдат в своих стенах. И вокруг стен огромного города размещались другие армии, одинаково дисциплинированные и хорошо вооруженные, фанатически преданные наследнику Яэмону.

– Я сто раз говорил ему, что он сумасшедший, если отдал себя во власть Исидо. Сумасшедший.

– Господин Торанага должен был ехать, не так ли? У него не было выбора. Тайко приказал, чтобы Совет регентов, который правит от имени Яэмона, собирался на десять дней по крайней мере дважды в год и всегда в главной башне крепости Осаки, приводя с собой за крепостные стены не более пятисот слуг. И все другие даймё также должны посещать крепость со своими семьями, чтобы отдать дань уважения наследнику, и тоже дважды в год. Таким образом ежегодно в

течение некоторого времени все были под контролем и беззащитные. Встречи обязательны, не правда ли? Если кто-то не являлся, это считалось изменой.

– Изменой кому? – Щеки Хиромацу еще больше побурели. – Исидо пытается изолировать нашего господина. Слушайте, если бы Исидо оказался в моей власти, как в его власти оказался Торанага, я бы не колебался ни мгновения – чем бы это ни грозило. Голова Исидо сразу бы слетела с плеч, и его дух ожидал бы перерождения... – Военачальник по привычке крутил ножны меча, который держал в левой руке. Его правая рука, грубая и мозолистая, лежала на колене. Он рассматривал «Эразм». – Где пушки?

– Я отправил их на берег. Для безопасности. Придет ли Торанага-сама к согласию с Исидо?

– Когда я покидал Осаку, все было спокойно. Совет должен был собраться через три дня.

– Будет ли столкновение открытым?

– Я бы хотел, чтобы оно было открытым. Но мой господин? Если он хочет мира, будет мир. – Хиромацу оглянулся на Ябу. – Он приказал всем дружественным даймё дожидаться его в Эдо. Пока не вернется. Это не Эдо.

– Да. Я чувствовал, что корабль очень важен для нас и требуется осмотреть его немедленно.

– В этом не было необходимости, Ябу-сан. Вам следовало быть послушнее. Ничего не происходит без ведома нашего господина. Он послал бы кого-нибудь осмотреть судно. Случилось так, что он отправил меня. Сколько времени вы здесь?

– День и ночь.

– Тогда вы два дня ехали из Эдо?

– Да.

– Вы добрались очень быстро. Вас следует поздравить.

Чтобы выиграть время, Ябу начал рассказывать о своем форсированном марше. Но его мозг был занят более важными проблемами. Кто шпион? Каким образом Торанага узнал о корабле так же быстро, как и он сам? И кто донес Торанаге о его отъезде? Как ему следовало вести себя теперь и что делать с Хиромацу?

Хиромацу выслушал его, потом сказал твердо:

– Корабль и все его содержимое отходит господину Торанаге.

Все на берегу были потрясены, но молчали. Это была Идзу, владение Ябу, и Торанага не имел здесь власти. И Хиромацу не имел права приказывать что-нибудь. Рука Ябу сжала рукоять меча.

Хиромацу ждал с нарочитым спокойствием. Он сделал все точно так, как приказал Торанага, и выполнил свою миссию. Теперь предстояло убить или быть убитым.

Ябу понял, что должен как-то проявить себя. Ждать больше нечего. Если он откажется отдать корабль, ему придется убить Хиромацу – Железного Кулака, потому что Железный Кулак ни за что не уедет без судна. С ним, наверное, около двухсот отборных самураев. Они также должны будут умереть. Он может пригласить их на берег и обмануть, призвать в Андзиро своих самураев – несколько часов, и они будут здесь – и уничтожить людей Хиромацу, ведь он, Ябу, мастер засад. Но тогда Торанага пошлет против Идзу свои войска.

«Ты должен проглотить это, – сказал он себе, – если Исидо не придет тебе на помощь. А зачем Исидо выручать тебя, если твой враг Икава Дзикю – родственник Исидо и хочет забрать себе Идзу? Убийство Хиромацу будет началом военных действий, так как Торанага из чувства долга будет вынужден выступить против тебя, это развяжет руки Исидо, и Идзу станет полем битвы.

А что с моими ружьями? Мои прекрасные ружья и мои красивые замыслы? Я потеряю свой шанс навеки, если пойду против Торанаги».

Его рука была на мече Мурасама, он чувствовал, как стучит кровь в висках и поднимается слепящая волна гнева. Он сразу отбросил мысль умолчать о мушкетах. «Если известили о корабле, то, конечно, сразу же сказали и о грузе. Но как Торанаге удалось так быстро получить известие? Голубиная почта! Это единственный ответ. Из Эдо или отсюда? Кто здесь имеет почтовых голубей? Почему у меня нет таких голубей? Это вина Дзукимото – он должен был подумать об этом. Итак, война или мир?»

Ябу призвал злую волю Будды, всех ками, всех богов, которые когда-либо существовали или могли бы быть придуманы, на человека или людей, которые выдали его, на их родителей и их потомков в десяти тысячах поколений. И уступил.

– Господин Торанага не может забрать корабль, потому что он уже подарен ему. Я отправил ему письмо, сообщающее об этом. Не так ли, Дзукимото?

– Да, господин.

– Конечно, если господин Торанага хочет считать, что забрал его, он волен так думать. Но корабль должен быть подарком. – Ябу порадовался, что его голос звучит так обыденно. – Он будет счастлив, получив такой подарок.

– Благодарю вас от имени моего господина.

Хиромациу опять поразился предвидению Торанаги. Тот предсказал, что именно так все и произойдет, – схватки не будет.

– Я не верю, – сказал тогда Хиромациу. – Ни один даймё не снесет такого попрания его прав. Ябу не стерпит. Я бы, конечно, не стерпел. Даже от вас, господин.

– Но разве он не должен был сообщить нам о корабле? Ябу следует наказать. Он нужен мне из-за его силы и хитрости – он связывает руки Икаве Дзикю и охраняет мои фланги.

Здесь, на берегу, под ярким и горячим солнцем, Хиромациу вынудил себя отвесить вежливый поклон, ненавидя собственное двуличие:

– Господин Торанага будет тронут вашим великодушием.

Ябу пристально следил за ним:

– Это не португальский корабль.

– Да, мы слышали об этом.

– И он пиратский. – Ябу заметил, как сузились глаза военачальника.

– Что?!

Передавая то, что ему поведал священник, Ябу лихорадочно соображал. Если для Хиромациу это оказалось такой же новостью, какой было для него, не следует ли отсюда, что Торанага получил сведения из того же самого источника, что и он, Ябу? Но если он знает о содержимом трюма, тогда шпион – Оми, один из его самураев или житель деревни.

– Там куча одежды. Драгоценности. Мушкетеры, порох, пули.

Хиромациу заколебался. Потом он сказал:

– Одежда из китайского шелка?

– Нет, Хиромациу-сан, – сказал Ябу. Они оба были даймё. И теперь, когда он великодушно «подарил» корабль, Ябу посчитал, что может использовать уравнивающее их обращение «сан». Он был доволен, увидев, что это не прошло незамеченным. «Я как-никак даймё Идзу, клянусь солнцем, луной и звездами!» – Это очень необычная, толстая,

тяжелая одежда, в целом для нас бесполезная, – пояснил он. – Все годное для нас я перенес на берег.

– Хорошо. Пожалуйста, переправьте все на борт моего корабля.

– Что? – Ябу чуть не взорвался.

– Все, сейчас же!

– Сейчас?

– Да, извините, но вы, конечно, понимаете, что я хочу вернуться в Осаку как можно скорее.

– Да. Но хватит ли там места для всего?

– Верните пушки на корабль варваров и опечатайте его. В течение трех дней придут лодки, чтобы отвезти их в Эдо. Что касается мушкетов, пороха и пуль, то... – Хиромацу остановился, избегая ловушки, которая, как он понял, может быть устроена для него.

– Там достаточно места для пяти сотен мушкетов, – сказал ему Торанага. – И для всего пороха, и для двадцати тысяч серебряных дублонов. Оставьте пушки на палубе корабля и одежду в трюмах. Пусть Ябу болтает и распоряжается, не давай ему только думать. Но не раздражай и не проявляй нетерпения в разговорах с ним. Он мне нужен, но я хочу иметь эти ружья и этот корабль. Берегись, Ябу попытается поймать тебя в ловушку, поняв, что мы знаем точное количество груза, а он не должен догадаться, кто наш шпион.

Хиромацу проклял свою неспособность играть в эти игры.

– Что касается необходимого места, – проворчал он, – может быть, вам следует сказать мне, что именно представляет собой груз? Сколько мушкетов, пуль и так далее? А драгоценные металлы, в слитках или в монетах, это серебро или золото?

– Дзукимото!

– Да, Ябу-сама.

– Составь опись всего груза.

«Я разберусь с тобой позднее», – подумал Ябу.

Дзукимото поспешно ушел.

– Вы, должно быть, устали, Хиромацу-сан. Может быть, немного чая? Для вас все приготовлено. Баня здесь не очень хорошая, но, возможно, она вас освежит.

– Спасибо, вы очень внимательны. Немного чая и баня – это превосходно. Позже. Сначала расскажите мне обо всем, что случилось с того момента, как сюда прибыл этот корабль.

Ябу изложил все события, не упомянув Кику-сан и мальчика – это было не важно. Потом по распоряжению Ябу отчитался Оми – обо всем, кроме своего тайного разговора с Ябу. И Мура тоже поведал собственную историю, пропустив только эпизод с купанием Андзина и эрекцией, поскольку подумал, что это хотя и интересно, но может обидеть Хиромацу, у которого желание-то есть, а вот сил, наверное, не хватает.

Хиромацу посмотрел на облако дыма, которое все еще поднималось над погребальным костром.

– Сколько пиратов осталось?

– Десять, господин, включая их вожака, – отчеканил Оми.

– Где сейчас вожак?

– В доме Муры.

– Что он делает? Что он сделал сразу же после выхода из ямы?

– Он сразу же пошел в баню, господин, – поспешил с ответом Мура. – Сейчас спит мертвецким сном.

– Вам не пришлось нести его на этот раз?

– Нет, господин.

– Он, видимо, быстро учится. – Хиромацу оглянулся назад, на Оми. – Ты думаешь, их можно обучить достойному поведению?

– Не до конца, Хиромацу-сама.

– Мог бы ты стереть вражескую мочу со своей спины?

– Нет, господин.

– Я бы тоже не смог. Никогда. Варвары очень странные. – Хиромацу опять вспомнил о корабле. – Кто будет следить за погрузкой?

– Мой племянник. Оми-сан.

– Хорошо. Оми-сан, я хочу выехать до сумерек. Мой капитан поможет тебе быстро погрузиться. За три стика. – Эта мера соответствовала времени сгорания одного стандартного фитиля, на что уходил примерно час.

– Да, господин.

– Почему бы вам не поехать с нами в Осаку, Ябу-сан? – Хиромацу сделал вид, будто это только что пришло ему в голову. – Господин Торанага будет доволен, если получит все эти вещи из ваших рук. Лично. Пожалуйста, поедemте, места достаточно. – Когда Ябу начал протестовать, он позволил ему потянуть время, а потом сказал, как

велел Торанага: – Я настаиваю. От имени господина Торанаги. Ваше гостеприимство необходимо вознаградить.

«Моей головой и моими землями?» – спросил себя Ябу с горечью, зная, что не имеет иного выбора, кроме как принять с благодарностью это предложение.

– Спасибо. Я буду польщен.

– Хорошо. Ну, тогда все улажено, – произнес Железный Кулак с видимым облегчением. – Теперь немного чая. И ванну.

Ябу проводил его на холм к дому Оми. Старик вымылся и полежал с удовольствием в горячей, курящейся паром воде. После этого руки Суво оживили его. Немного риса и сырой рыбы с маринованными овощами он съел в одиночестве. Чай пил из хорошего фарфора. Малость подремал.

После трех стиков сёдзи приоткрылись. Личный телохранитель знал, что это лучше, чем войти в комнату без вызова. Хиромацу уже проснулся. Меч был наполовину в ножнах и приготовлен.

– Ябу-сама ждет на улице, господин. Он говорит, корабль загружен.

– Превосходно.

Хиромацу вышел на веранду и облегчился в ведро.

– Ваши люди хорошо работают, Ябу-сан.

– Помогли ваши люди, Хиромацу-сан. Они более чем хорошо работают.

«Да, и к рассвету они будут работать еще лучше», – подумал Хиромацу, потом сказал весело:

– Нет ничего приятнее, чем облегчить полный мочевой пузырь, когда в струе столько энергии. Правда ведь? Чувствуешь себя молодым. В моем возрасте необходимо чувствовать себя молодым... – Он поправил набедренную повязку, ожидая, что Ябу сделает вежливое замечание, соглашаясь с ним, но тот ничего не сказал. В нем начало расти раздражение, но он подавил его. – Возьмите пиратского вожака с собой на корабль.

– Что?

– Вы были настолько великодушны, что подарили корабль и груз. Команда тоже его груз. Поэтому я заберу вожака пиратов в Осаку. Господин Торанага хочет видеть его. Естественно, вы можете делать с остальными все, что захотите. Но на время вашего отсутствия... Пожалуйста, удостоверьтесь, что ваши слуги поняли: чужеземцы –

собственность моего хозяина и лучше, чтобы их осталось девять, живых и в добром здравии, и чтобы они были здесь, когда ему потребуются.

Ябу заторопился на пристань, где должен был находиться Оми...

Перед этим, препроводив Хиромацу в баню, он прошел по дорожке, петлявшей за погребальной землей. Там он коротко поклонился погребальному костру и направился вдоль границы расположенных террасами полей, выходящей на небольшое плато высоко над деревней. Уютный храм ками охранял это живописное место. Древнее дерево давало тень и спокойствие. Он пришел сюда, чтобы успокоить ярость и подумать. Он не осмелился подойти к кораблю или к Оми и его людям, так как знал: ему надлежало приказать большинству из них, если не всем, совершить сэппуку, что не принесло бы никакой пользы; ему следовало уничтожить деревню, что было бы глупо, ибо только крестьяне ловили рыбу и растили рис, обеспечивая благосостояние самураев.

Пока он сидел один, и злился, и пытался напрячь свой мозг, солнце опустилось и рассеяло туман на море. Облака, которые закрывали отдаленные горы на западе, на мгновение расступились, и он узрел красоту парящих в воздухе заснеженных пиков. Вид их успокоил его, он стал расслабляться, размышлять, строить замыслы.

«Найди шпиона, – сказал он себе. – Ничто из сказанного Хиромацу не позволяет понять, где затаился предатель: здесь или в Эдо. В Осаке у тебя влиятельные друзья, среди них сам господин Исидо. Может быть, один из них обнаружит дьявола. Но отправь тайное послание жене на случай, если доносчик скрывается там. А что насчет Оми? Поручить ему поиски шпиона здесь? А если он и есть доносчик? Непохоже, но возможно. Более чем вероятно, что предатель в Эдо. Все упирается во время. Если бы Торанага в Осаке узнал о корабле, как только тот прибыл, тогда Хиромацу поспел бы сюда первым. У тебя есть верные люди в Эдо. Пусть докажут, чего они стоят.

А чужеземцы? Теперь они единственный твой приросток от корабля. Как ты можешь их использовать? Ждать, пока Оми подскажет? Ты можешь обменять их как людей, знающих море и корабли, на ружья у Торанаги. Не так ли?

Другая возможность – полностью сделаться вассалом Торанаги. Открыть ему свой замысел. Предложить ему, чтобы он создал ружейный полк – для его же славы. Но *вассал никогда не ожидает от господина воздаяния за службу или даже признания заслуг. Служить – это долг самурая, а быть самураем – это путь к бессмертию. Это было бы самым лучшим выходом, самым лучшим, – подумал Ябу. – Могу ли я действительно стать его вассалом? Или Исидо?*

Нет, это неблагоразумно. Союзником – да, вассалом – нет.

Хорошо, тогда, в конце концов, чужеземцы – твое единственное достояние. Оми опять прав».

Он почувствовал, что успокоился, а потом, когда пришло время и посыльный принес известие, что корабль загружен, он явился к Хиромасу и узнал, что потерял и чужеземцев.

...Он весь кипел, когда пришел на пристань.

– Оми-сан!

– Да, Ябу-сама?

– Приведи сюда вожака чужеземцев. Я беру его в Осаку. Что касается остальных, позаботься, чтобы они были под присмотром на время моего отсутствия. Я хочу, чтобы с ними ничего не стряслось и чтобы они хорошо себя вели. Сажай их в яму, если сочтешь нужным.

С того самого момента, как появилась галера, ум Оми пребывал в смятении, исполненный беспокойства о безопасности Ябу.

– Позвольте мне поехать с вами, господин. Может быть, я в силах помочь.

– Нет-нет, сейчас я хочу, чтобы ты присмотрел за чужеземцами.

– Ну пожалуйста, может быть, я хотя бы чем-нибудь малым смогу отплатить за вашу доброту ко мне.

– В этом нет необходимости, – сказал Ябу с большей теплотой, чем ему бы хотелось.

Он помнил, что увеличил доход и владения Оми из-за драгоценных металлов и ружей. Которые теперь исчезли. Но он видел, как озабочен юноша, и чувствовал невольную приязнь к нему.

«С такими подданными я вырежу всю страну, – пообещал он себе. – Оми будет начальником одного из моих войск, когда я верну себе ружья».

– Когда война начнется... тогда для тебя будет очень важная работа, Оми-сан. Теперь иди и приведи чужеземца.

Оми взял с собой четырех стражников и Муру как переводчика.

Блэкторн был вырван из сна. Ему потребовалась целая минута, чтобы голова прояснилась. Когда туман отступил, он увидел, что на него смотрит Оми.

Один из самураев тащил с него одеяло, другой тряс его, пока он не проснулся, два других несли тонкие, устрашающие на вид бамбуковые палки. Мура держал короткий моток веревки.

Староста встал на колени и поклонился.

– *Коннити ва*. (Добрый день.)

– *Коннити ва*. – Блэкторн вынудил себя опуститься на колени и, хотя был голый, поклонился с такой же учтивостью.

«Это только вежливость, – успокоил себя Блэкторн. – Это их обычай, их понимание хороших манер, так что в этих поклонах нет никакого позора. На наготу не обращают внимания, и это тоже их обычай, и в этом тоже нет никакого стыда».

– Андзин, пожалуйста, одевайся, – сказал Мура.

«Андзин? А-а, теперь вспомнил. Священник говорил, что они дадут мне имя Андзин, что значит „капитан“, и в этом нет ничего оскорбительного. И меня станут называть Андзин-сан – господин капитан, – когда я заслужу это. Не гляди на Оми, – предупредил он себя. – Пока. Не вспоминай деревенскую площадь, Оми, Крока и Питерзона. Всему свое время. Ты поклялся в этом перед Богом: каждому делу свое время. Возмездие за мной».

Блэкторн увидел, что его одежда опять вычищена, и благословил того, кто сделал это. Он скинул грязные отрепья в банном домике, словно они были зачумлены. Он заставил три раза тереть себе спину. Самой грубой губкой и пемзой. Но все еще чувствовал жжение мочи.

Он отвел глаза от Муры и посмотрел на Оми. И почувствовал странную радость оттого, что его враг жив и находится рядом.

Он поклонился в ответ на такие же поклоны и не спешил поднять склоненную голову.

– *Коннити ва*, Оми-сан, – произнес он. Не было позора в том, чтобы говорить на их языке, не было стыдно сказать «добрый день» или поклониться первым по их обычаю.

Оми отвесил ответный поклон.

Не совсем такой же, но и этого пока было достаточно.

– *Коннити ва*, Андзин, – довольно вежливо произнес Оми.

– Андзин-сан! – Блэкторн глядел прямо на него. Коса нашла на камень. «Где ваши манеры?»

– *Коннити ва*, Андзин-сан, – произнес Оми наконец с легкой улыбкой.

Блэкторн быстро оделся: свободные панталоны с гульфиком, носки, рубашка и куртка. Его длинные волосы заплели в тугую косичку, а бороду подровняли ножницами.

– *Хай*, Оми-сан? – спросил Блэкторн, когда оделся и почувствовал себя лучше, хотя его и стерегли. Он жалел только, что запас известных ему японских слов пока невелик.

– Пожалуйста, руки, – распорядился Мура.

Блэкторн не понял и показал знаками. Мура вытянул свои руки и изобразил, что их связывают вместе.

– Руки, пожалуйста.

– Нет. – Блэкторн адресовал это непосредственно Оми и покачал головой. – В этом нет необходимости, – заметил он по-английски, – совсем нет необходимости. Я дал слово. – Он старался, чтобы голос его звучал мягко и увещевающе, потом добавил грубо, копируя Оми: – *Вакаримас ка*, Оми-сан? Вы поняли?

Оми засмеялся. Потом бросил:

– *Хай*, Андзин-сан. *Вакаримас*. – Он вдруг повернулся и исчез.

Мура и другие воззрились ему вслед, удивленные. Блэкторн вышел за Оми на солнце. Его башмаки были вычищены. Прежде чем он смог надеть их, служанка «Онна» опустилась на колени и помогла ему.

– Спасибо, Хаку-сан, – сказал он, вспомнив ее настоящее имя.

«Как будет по-японски „спасибо тебе“?» – подумал он.

Они прошли через ворота, Оми шагал впереди.

«Я у тебя за спиной, проклятый негодяй... Подожди-ка! Вспомни, что обещал себе? Он не клялся себе. Клятва для слабых или глупцов. Разве не так? Всеу свое время. Хватит того, что ты у него за спиной. Ты знаешь это, и он знает. Не заблуждайся, он знает это очень хорошо».

Четыре самурая шагали по бокам от Блэкторна; когда он спускался с холма, пристань еще не открылась его взгляду, Мура держался поодаль, на расстоянии десяти шагов, Оми – впереди.

«Они собираются упрятать меня обратно под землю? – спрашивал себя Блэкторн. – Почему хотели связать мне руки? Разве Оми забыл, что сказал вчера? Боже мой, неужели это было вчера? „Если ты будешь хорошо себя вести, можешь не сидеть в яме. Если ты поведешь себя плохо, завтра из ямы возьмем еще одного“. Может быть. Еще может быть. Разве он не говорил этого? Я себя плохо вел? Интересно, что с Кроком? Парень был жив, когда его относили в дом, где раньше жила команда».

Блэкторн чувствовал себя сегодня лучше. Баня, сон и свежая еда благотворно сказались на нем. Он знал, что если будет аккуратен и сможет отдыхать, высыпаться и есть вволю, то через месяц сумеет пробегать и проплывать милю, командовать кораблем во время битвы и вести его вокруг света.

«Не думай пока об этом! Просто береги сегодня свои силы. Месяц не так много для надежды».

Спуск с холма и путь через деревню утомили его.

«Ты слабее, чем думал... Нет, ты сильнее, чем думал!» – внушал он себе.

Мачты «Эразма» возвышались над черепичными крышами, и его сердце забилось чаще. Улица впереди делала изгиб, повторяя форму холма, выходила на площадь и там кончалась. Зашторенный паланкин стоял на солнце. Четыре носильщика в коротких набедренных повязках сидели на корточках рядом с ним, рассеянно ковыряя в зубах. Едва увидев Оми, они встали на колени и принялись кланяться.

Оми едва кивнул им, проходя мимо быстрым шагом, но тут из красивых ворот вышла девушка и направилась к паланкину. Оми остановился.

Блэкторн задержал дыхание и тоже остановился.

Появилась молоденькая служанка с зеленым зонтиком, спешащая укрыть от солнца свою хозяйку. Оми поклонился, девушка поклонилась в ответ, и они весело заговорили – гордое высокомерие тут же слетело с Оми.

На девушке было кимоно персикового цвета, широкий золотой пояс и туфли из позолоченной кожи. Блэкторн видел, как она взглянула на него. Очевидно, речь шла о нем. Он не знал, как реагировать, поэтому решил терпеливо ждать, наслаждаясь ее видом, чистотой и теплом. Он

ломал голову, что связывает ее с Оми: любовники они или это его жена?

Оми спросил что-то. Она ответила и погладила свой зеленый зонтик, который мерцал и приплясывал в ее руке. Смех девушки был музыкален, а фигурка необыкновенно стройна. Оми ответил ей улыбкой, потом повернулся и широко зашагал, снова став самураем.

Блэкторн последовал за ним. Глаза девушки остановились на нем, когда он проходил; и Блэкторн сказал:

– *Коннити ва.*

– *Коннити ва*, Андзин-сан, – ответила она, и ее голос тронул его: так миниатюрна, едва пяти футов ростом, и так изящна. Когда она слегка поклонилась, шелковая пола верхнего кимоно отошла, открыв розовое нижнее, что показалось ему удивительно волнующим.

Аромат девушки все еще преследовал его, когда он завернул за угол. Но вот он увидел люк погреба, «Эразм» и галеру, и девушка сразу же вылетела у него из головы.

«Почему зияют дырами пушечные порты? Где наши пушки, и что, ради Бога, делает здесь галера, и что случилось с теми, кто в яме?»

Всему свое время.

Сначала «Эразм»: на месте фок-мачты, которую снес шторм, торчит уродливый обломок. «Не важно, – подумал он. – Мы можем легко вывести судно в море – ночной бриз и отлив помогут нам ускользнуть, не наделав шума, и завтра мы будем уже у дальней оконечности острова. Полдня уйдет на установку запасной мачты, потом ставим все паруса и полным ходом в открытое море. Может быть, лучше сразу уйти в безопасные воды? Но кто уцелел из команды? Мы не сможем вывести корабль без посторонней помощи. Откуда пришла галера? И почему?»

Он видел группы самураев и моряков на пристани. Шестидесятивесельный корабль – по тридцать весел с каждого борта – выглядел ухоженным и опрятным и готов был отплыть каждую минуту, и Блэкторн невольно вздрогнул. Последний раз он видел галеру недалеко от Золотого Берега два года назад, когда вся его флотилия была еще цела, все пять кораблей. То судно – богатый португальский торговый корабль, плавающий в прибрежных водах, – улизнуло от него, направившись против ветра. «Эразм» не смог догнать, захватить или потопить его.

Блэкторн хорошо знал побережье Африки. Как штурман и капитан, он десять лет служил Берберийской компании, созданной лондонскими купцами и снаряжавшей каперские корабли для прорыва испанской блокады и торговли с Берберийским побережьем. Он водил корабли в Западную и Северную Африку, на юг до Лагоса, на север и восток через коварный Гибралтарский пролив – даже когда тот патрулировался испанцами – до Салерно в Неаполитанском королевстве. Средиземноморье было опасно для английских и нидерландских судов. Там хозяйничали военные корабли враждебных Испании и Португалии, и, что еще хуже, Османская империя заполонила все моря своими галерами и военными кораблями.

Эти плавания оказались очень выгодными для него, и он купил собственный корабль, сорокапятитонный бриг, для торговли на свой страх и риск. Но корабль затонул, и все пропало. В полный штиль у берегов Сардинии к ним подкралась турецкая галера. Бой был жестоким, и потом, перед закатом солнца, их взяли на абордаж. Он никогда не забудет этот воющий крик «Алла-а-а», когда пираты, вооруженные шпагами и мушкетами, перелезали через планшир. Он бросил в бой своих людей, и те отбили первую атаку, но вторая смела их, и он отдал приказ взорвать пороховые погреба. Его корабль был весь объят пламенем, и он решил, что лучше умереть, чем стать гребцом на галере. Он всегда испытывал смертельный ужас перед возможностью уцелеть в схватке и стать галерным гребцом – обычная судьба для попавшего в рабство моряка.

Когда пороховой погреб взлетел на воздух, взрыв проломил днище его судна и разрушил часть пиратской галеры. В суматохе он смог доплыть до баркаса и спастись с четырьмя членами своей команды. Тех же, кто доплыть не смог, он вынужден был оставить и до сих пор слышал их крики о помощи. Бог отвернулся от этих людей в тот день, и они либо погибли, либо сели за весла галеры. Бог обратил свое лицо к Блэкторну и еще четверым морякам. Они сумели добраться до Кальяри на Сардинии и оттуда без единого пенни отплыли домой.

Это было восемь лет назад – в тот год на Лондон опять обрушилась чума. Мор, голод и смута. Его младший брат и вся семья погибли. Но зимой чума отступила, и он легко получил новый корабль и ушел в море, чтобы поправить свое состояние. Сначала работал на Берберийскую компанию. Потом отправился в Вест-Индию охотиться

за испанскими сокровищами. Немного разбогатев, стал плавать на кораблях Кеса Вермана, голландца, и был с ним, когда тот во второй раз отправился на поиски легендарного Северо-Восточного прохода, открывающего путь в Китай, к островам Пряностей в Азии, который, как считалось, пролегает через Ледяные моря к северу от Московии – страны, где правит царь. Они искали два года, потом Кес Верман умер в арктических пустынях, и с ним почти вся команда, а Блэкторн повернул обратно и привел оставшуюся часть экипажа домой. Затем, три года назад, он явился во вновь создаваемую голландскую Ост-Индскую компанию и попросил взять его капитаном в первую экспедицию в Новый Свет. Ему по секрету сообщили, что за большие деньги куплен португальский корабельный журнал, который, как предполагается, открывает секреты Магелланова пролива, и компания хочет проверить это. Конечно, голландские купцы предпочли бы воспользоваться услугами своих капитанов, но те не могли тягаться с английскими, обученными в Тринити-Хаус, и огромная стоимость руттера вынудила их поставить на Блэкторна. Это был идеальный выбор: он считался лучшим среди капитанов-протестантов и, поскольку мать его была голландкой, в совершенстве владел ее родным языком. Блэкторн с радостью согласился принять в качестве вознаграждения за труды пятнадцать процентов прибыли. Он перед Богом поклялся в верности компании и в том, что поведет ее флотилию.

«Клянусь небом, я приведу „Эразм“ домой! – подумал Блэкторн. – И верну на родину всех, кто остался в живых».

Они пересекли площадь. Оторвав взгляд от галеры, Блэкторн увидел трех самураев, охранявших вход в погреб. Они ели, ловко орудуя деревянными палочками. Блэкторн много раз наблюдал, как это делают, но сам так и не научился.

– Оми-сан! – Знаками он показал, что хотел бы подойти к погребу и поговорить с друзьями. Только на минуту. Но Оми покачал головой, сказал что-то, чего он не понял, и продолжил двигаться через площадь, вниз к берегу, мимо котла, к пристани. Блэкторн послушно шел за ним. «Всему свое время, – подумал он. – Будь терпелив».

Выйдя на пристань, Оми повернулся и позвал часовых от погреба. Блэкторн увидел, как они открыли люк и заглянули туда. Один из них обратился к крестьянам, которые сходили за лестницей, бочкой свежей

воды и спустили все это вниз. Пустую бочку подняли наверх. И парашу.

«Они там! Если ты наберешься терпения и будешь играть по правилам, сможешь помочь своей команде», – подумал он с удовлетворением.

Около галеры собрались группы самураев. В стороне стоял высокий старик. По тому, какое уважение оказывал ему даймё Ябу и все остальные, бросавшиеся бежать по первому его знаку, Блэкторн сразу понял, что это значительная персона. Ему стало интересно, не верховный ли это правитель.

Оми покорно склонился. Старик сделал полупоклон, переведя взгляд на Блэкторна.

Стараясь не терять достоинства, Блэкторн опустился на колени и, опершись ладонями о песок, по примеру Оми, поклонился так же низко, как он.

– *Коннити ва, сама*, – сказал он вежливо.

Старик опять ответил полупоклоном.

Между Ябу и стариком завязался разговор, потом старик заговорил с Оми. Ябу потолковал с Мурой.

Староста показал на галеру:

– Андзин-сан, пожалуйста, туда.

– Почему?

– Идите! Сейчас же. Туда!

Блэкторн почувствовал, как его охватывает паника.

– Почему?

– *Исогу!* – скомандовал Оми, махнув рукой по направлению к галере.

– Нет, я не пойду на...

Тут же последовал приказ Оми. Четыре самурая навалились на Блэкторна и зажали ему руки, Мура достал веревку и начал связывать запястья за спиной.

– Сукины вы дети! – закричал Блэкторн. – Я не собираюсь идти на этот проклятый Богом невольничий корабль!

– Мадонна! Отпустите его! Эй, вы, дерьмоеды, обезьяны, отпустите этого негодяя! *Киндзиру*, так? Это капитан? *Андзин*, да?

Блэкторн едва мог поверить своим ушам: шумная брань на португальском неслась с палубы галеры. Потом он увидел, как по

сходням спускается человек. Высокий, как и он, примерно его возраста, но чернобородый и черноглазый, небрежно одетый, в моряцком платье, с рапирой на боку и пистолетами за поясом. Украшенный драгоценными камнями крестик на шее. Яркая шапочка, на лице сияет улыбка.

– Ты капитан? Голландский капитан?

– Да, – услышал Блэкторн свой ответ.

– Хорошо. Хорошо. Я Васко Родригес, капитан этой галеры. – Он повернулся к старику и заговорил на смеси японского с португальским, называл его Манки-сама^[23], а иногда Тоди-сама, но выговаривал так, что получалось скорее Тоуди-сама^[24]. Дважды он вытаскивал пистолет, злобно указывал дулом на Блэкторна и снова запихивал оружие за пояс; его японский был сильно сдобрен португальской бранью, которую понимали только моряки.

Хиромациу отвечал коротко, и самураи отпустили Блэкторна, а Мура развязал его.

– Вот так лучше. Слушай, капитан, этот человек здесь вроде князя. Я сказал ему, что отвечаю за тебя и прострелю тебе голову так же легко, как и выпью с тобой. – Родригес поклонился Хиромациу, потом улыбнулся Блэкторну: – Поклонись Негодяю-сама.

Двигаясь как во сне, Блэкторн последовал его совету.

– Ты делаешь это совсем как японец, – заметил Родригес с ухмылкой. – Ты действительно капитан?

– Да.

– Широта Лизарда?^[25]

– Сорок девять градусов пятьдесят шесть минут северной широты. Следует остерегаться рифов на южной и юго-западной стороне.

– Ты не врешь, ей-богу! – Родригес тепло пожал Блэкторну руку. – Пошли на борт. Там имеется что поесть и выпить, вино и грог. Все капитаны должны любить друг друга, мы – соль земли. Аминь. Правильно?

– Да, – слабо подтвердил Блэкторн.

– Когда я услышал, что мы заберем с собой капитана, я сказал: хорошо. Прошли годы с тех пор, как я мог поговорить с настоящим капитаном. Пошли на борт. Как ты проскользнул Малакку? Как пробрался мимо патрулей в Индийском океане? Чей корабельный журнал ты украл?

– Куда вы повезете меня?

– В Осаку. Великий господин – Его Высочество Палач – сам хочет посмотреть на тебя.

Блэкторн почувствовал, что паника опять охватывает его.

– Кто?

– Торанага! Господин Восьми Провинций, в какой бы преисподней они ни были! Главный даймё Японии. Даймё – это тот же князь или верховный правитель, но еще важнее. Они все тираны.

– Что он хочет сделать со мной?

– Я не знаю, но мы приплыли сюда за этим, если Торанага хочет посмотреть на тебя, он тебя увидит. Говорят, у него миллион таких косоглазых фанатиков, которые умрут за честь вытереть ему зад – только бы доставить удовольствие! «Торанага хочет, чтобы вы привезли сюда капитана, Васко, – сказал мне его переводчик. – Привезите капитана и груз с его корабля. Возьми старого Хиромацу, чтобы осмотреть корабль». Да, капитан, это все конфисковано, как я слышал, твой корабль и все, что было на нем!

– Конфисковано?

– Это могут быть слухи. Японцы иногда конфискуют одной рукой, а другой отдают обратно или притворяются, что никогда не было такого приказа. Трудно понять этих маленьких сифилитичных негодяев.

Блэкторн почувствовал, что холодные глаза японца вонзились в него, и попытался спрятать свой страх. Родригес проследил за его взглядом:

– Да, они забеспокоились. Времени поговорить достаточно. Пошли на борт.

Он повернулся, но Блэкторн остановил его:

– А что с моими друзьями, с моей командой?

– Что?

Блэкторн коротко рассказал ему о погребке. Родригес расспросил Оми на ломаном японском.

– Он говорит, с ними все будет хорошо. Слушай, ни ты, ни я не можем ничего сделать. Ты должен ждать – ты никогда не сможешь договориться с японцами. У них шесть ликов и по три сердца. – Родригес поклонился Хиромацу, как европейский придворный. – Как

будто мы при дворе проклятого Филиппа Второго, заberi Бог этого испанца пораньше.

Он направился на корабль. К удивлению Блэкторна, там не было ни рабов, ни цепей.

– В чем дело? Ты болен? – спросил Родригес.

– Нет. Я думал, здесь на веслах сидят рабы.

– В Японии их нет. Даже на коях. Сумасшедшие, и мы среди них. Никогда не видел таких сумасшедших, а я обогнул земной шар три раза. У нас гребцами самураи. Они солдаты – солдаты этого старого хрыча, – и ты нигде не найдешь рабов, которые гребли бы лучше, или солдат, воюющих более упорно. – Родригес рассмеялся. – Они никогда не утомляются. Мы весь путь из Осаки – триста с лишним морских миль – проделали за сорок часов. Пошли вниз. Мы скоро отдадим швартовы. Ты уверен, что у тебя все в порядке?

– Да, спасибо, думаю, что так. – Блэкторн глядел на «Эразм». Корабль стоял в сотне ярдов. – Капитан, нельзя ли мне подняться на борт моей посудыны? Может, они позволят? Мне нечего надеть: всю одежду опечатали, когда мы сюда приплыли. Ну пожалуйста!

Родригес долго разглядывал корабль:

– Когда вы потеряли мачту?

– Как раз перед тем, как прибились к здешнему берегу.

– На борту еще есть запасная?

– Да.

– Какой у вас порт приписки?

– Роттердам.

– Корабль там построен?

– Да.

– Я там был. Отмели – из-за них не причалишь к берегу. У него хорошие обводы, у твоего корабля. Новый – я не видел прежде кораблей такого класса. Мадонна, он быстроходный, очень быстроходный. Очень трудный в управлении. – Родригес смотрел на Блэкторна. – Ты можешь быстро поставить всю оснастку? – Он повернулся к получасовым песочным часам, прикрепленным к нактоузу.

– Да. – Блэкторн пытался подавить в себе растущую надежду, не выдать ее.

– Тогда такие условия, капитан. Никакого оружия в рукаве или где еще. Под твое честное слово капитана. Я сказал этим обезьянам, что отвечаю за тебя.

– Согласен. – Блэкторн смотрел, как песок медленно сыплется через горлышко песочных часов.

– Я размозжу тебе голову при малейшем намеке на обман или перережу глотку. Если соглашусь.

– Даю тебе слово как капитан капитану! И порази чума всех испанцев!

Родригес улыбнулся и дружески хлопнул его по спине:

– Ты начинаешь мне нравиться, англичанин.

– Откуда ты знаешь, что я англичанин? – удивился Блэкторн, зная, что прекрасно говорит по-португальски и не сказал ничего, что помогло бы распознать в нем уроженца Англии.

– Я ясновидящий. Разве не все капитаны таковы? – Родригес засмеялся.

– Ты говорил со священником? Тебе сказал отец Себастио?

– Я не говорю со священниками, если могу обойтись без этого. Для любого человека более чем достаточно одного раза в неделю. – Родригес молча плюнул в шпигат и подошел к сходням, которые вели на пристань. – Тоуди-сама! *Икимасё ка?*^[26]

– *Икимасё*, Родригу-сан. *Има!*^[27]

– *Има*. – Родригес задумчиво посмотрел на Блэкторна. – *Има* значит «теперь», «сразу же». Мы отплываем сейчас, англичанин.

Песок уже образовал маленькую аккуратную кучку на дне склянки.

– Спроси его, пожалуйста, нельзя ли мне подняться на мой корабль?

– Нет, англичанин. Я не буду спрашивать о таком безнадежном деле.

Блэкторн внезапно почувствовал, что опустошен. И очень стар. Он наблюдал, как Родригес идет к ограждению на юте и кричит невысокому моряку, стоящему на носу:

– Эй, капитан-сан! *Икимасё?* Прими самураев на борт, *има! Има, вакаримас ка?*

– *Хай*, Андзин-сан.

Родригес тут же позвонил шесть раз в судовой колокол. Капитан начал отдавать приказы морякам и самураям на берегу и на борту.

Моряки из трюма поднялись бегом на палубу, чтобы подготовиться к отплытию, и в этой привычной им обоим суматохе Родригес спокойно взял Блэкторна за руку и потянул его в направлении сходней на правом борту, противоположном берегу.

– Там, внизу, лодка, англичанин. Не торопись, не оглядывайся и не обращай внимания ни на кого, кроме меня. Если я велю тебе возвращаться, поторопись.

Блэкторн прошел по палубе, спустился по сходням к маленькому японскому ялику. Он слышал сердитые голоса позади и почувствовал, как волосы у него на затылке шевелятся: наверху, на корабле, было много самураев, вооруженных луками, а некоторые – мушкетами.

– Ты не должен беспокоиться о нем, капитан-сан, я отвечаю за него. Я, Родригу-сан, *ити бан Андзин-сан*^[28], клянусь Святой Девой. *Вакаримас ка?* – перекрыл все голоса португалец, но те становились все злее.

Блэкторн уже почти был в лодке и тут увидел, что она не имеет уключин.

«Я не могу грести как они, – сказал он себе. – Я не могу воспользоваться лодкой. И плыть слишком далеко. Или поплыть?»

Он колебался, оценивая расстояние. Если бы он был здоров, не медлил бы ни минуты. А теперь?

Послышались шаги: кто-то спускался по сходням. Он поборол в себе желание обернуться.

– Садись на корму! – услышал он повелительный голос Родригеса. – Поторопись!

Он сделал, как ему было сказано, и тут же Родригес прыгнул в лодку, схватил весла и, все еще стоя, с большой ловкостью оттолкнулся от корабля.

У входа на трап стоял самурай, очень возмущенный, по бокам маячили двое других, с луками наготове. Командир самураев позвал их – несомненно, приказал отойти.

Когда лодка удалилась на несколько ярдов от корабля, Родригес обернулся.

– Идем прямо туда! – прокричал он, указывая на «Эразм». – Следи за самураями на борту! – Он повернулся спиной к галере и продолжал грести, работая веслами по японскому обычаю, стоя посреди лодки. –

Скажи мне, если они изготоятся к стрельбе, англичанин! Смотри за ними внимательно. Что они делают сейчас?

– Их капитан очень сердит. Ты ищешь неприятностей, да?

– Если мы не обернемся ко времени, старина Тоуди получит повод для недовольства. Что делают лучники?

– Ничего. Ждут приказа. Он, кажется, не может решиться. Нет. Один из лучников вынул стрелу.

Родригес приготовился остановиться.

– Мадонна, они слишком метко стреляют, чтобы рисковать. Он наложил стрелу на тетиву?

– Да, но подожди! К капитану кто-то подошел, думаю, моряк. Похоже, он что-то спрашивает у него о корабле. Капитан смотрит на нас. Он что-то говорит лучнику. Тот убирает стрелу. Моряк указывает на что-то на палубе.

Родригес бросил быстрый взгляд через плечо, чтобы самому удостовериться, и вздохнул с облегчением:

– Это один из моих людей. Он займет капитана на добрых полчаса – попросит указаний, как разместить гребцов.

Блэкторн подождал, дистанция увеличивалась.

– Капитан опять смотрит на нас. Нет, все в порядке. Он уходит. Но один из самураев следит за нами.

– Пусть следит. – Родригес расслабился, но не сбавил темпа и не смотрел назад. – Не нравится мне поворачиваться спиной к самураю, особенно когда у него в руках оружие. Впрочем, я еще ни разу не видел хотя бы одного из этих негодяев без оружия. Они все мерзавцы!

– Почему?

– Они любят убивать, англичанин. Это их обычай, они даже спят с мечами. Это великая страна, но самураи опаснее змеи и с виду еще омерзительнее.

– Почему?

– Я не знаю почему, англичанин, но они таковы, – ответил Родригес, радуясь, что может поговорить с равным себе. – Конечно, все японцы отличаются от нас: они не чувствуют боли или холода так, как мы, – но самураи намного хуже. Они ничего не боятся, по крайней мере не боятся смерти. Почему? Один Бог знает, но это правда. Если господин говорит: убей – они убивают; если он говорит: умри – они падают на мечи или вспарывают себе животы. Для них убить или

умереть так же легко, как для нас помочиться. Женщины тоже бывают самураями, англичанин. Они убивают, чтобы защитить своего господина – так здесь называют мужей, – или убивают себя, если им прикажут. Вонзают нож себе в горло. Самурай может приказать жене покончить с собой, и она по закону обязана это сделать. О Мадонна, это такие женщины, нечто совершенно особенное, англичанин, ничего подобного не найдешь на земле, но мужчины... Самураи – это пресмыкающиеся, и самое безопасное – обращаться с ними как с ядовитыми змеями. Ты в порядке теперь?

– Да, благодарю. Немного слаб, но все нормально.

– Как проходило ваше плавание?

– Плохо. А самураи – как стать одним из них? Просто заполучить два меча и выбрить волосы, как они?

– Ты должен родиться самураем. Конечно, самураи бывают разных рангов – от даймё на верху этой кучи дерьма до того, что мы называем пехотинцами, в ее основании. Как правило, эти титулы наследуются, как у нас. В старые времена, как мне говорили, здесь, как сейчас в Европе, крестьяне могли становиться солдатами, а солдаты – крестьянами, наследными князьями, дворянами. Некоторые солдаты из крестьян поднимались до самых высот. Тайко был одним из них.

– Кто он?

– Великий деспот, правитель всей Японии, величайший убийца всех времен. Я расскажу тебе о нем когда-нибудь. Он умер год назад и теперь горит где-нибудь в аду... – Родригес сплюнул за борт. – Сегодня самураем можно только родиться. Это все наследуется, англичанин. Мадонна, ты не представляешь, какое значение они придают наследственным правам, происхождению, рангу и тому подобному. Ты посмотри, как Оми кланяется этому дьяволу Ябу и как оба они пресмыкаются перед старым Тоуди-сама. «Самурай» происходит от японского слова, означающего «служить». Но они, хотя и кланяются, раболепствуют перед вышестоящим, все самураи, равные между собой, пользующиеся особыми самурайскими привилегиями. Что там происходит на борту?

– Капитан что-то говорит другому самураю и указывает на нас. Что такое с ними?

– Здесь самурай управляет и владеет всем, у них есть собственный кодекс чести и свой свод правил. Высокомерные? Мадонна, ты и не представляешь! Самый ничтожный из самураев может на законных основаниях убить любого несамурая, любого мужчину, любую женщину или ребенка, по любому поводу или без повода. Просто чтобы проверить остроту своего поганого меча – я видел подобное, – а они делают лучшие в мире мечи. Лучше дамасских клинков. Чем этот негодяй занят теперь?

– Просто наблюдает за нами. Его лук за спиной. – Блэкторн передернул плечами. – Я ненавижу этих ублюдков даже больше, чем испанцев.

Родригес опять рассмеялся, не переставая грести:

– По правде говоря, у меня от них моча свертывается! Но если ты хочешь быстро разбогатеть, должен повиноваться, потому что они владеют всем. Ты уверен, что у тебя все нормально?

– Да, спасибо. Что ты говоришь? Самураи владеют всем?

– Да, вся страна разделена на касты, как в Индии. Самураи наверху, крестьяне следующие в иерархии. – Родригес сплюнул за борт. – Только крестьяне могут владеть землей. Понимаешь? Но самурай владеет всем, что тот выращивает. Он владеет всем рисом – а ничего важнее тут не растят – и возвращает часть крестьянам. Только самураю позволено носить оружие. Только он может напасть на другого самурая – всем прочим это грозит немедленной смертью. И каждый, кто стал свидетелем подобного преступления и не донес о нем сразу же, отвечает за это вместе с женой и даже детьми. Всю семью приговаривают к смерти, если кто-то не донес. Клянусь Мадонной, они все сатанинское отродье, эти самураи! Я видел детей, изрубленных на куски. – Родригес откашлялся и сплюнул за борт. – При всем том, если ты кой-чего смыслишь, это место – рай на земле. – Он оглянулся на галеру, чтобы посмотреть, что там происходит, потом ухмыльнулся. – Ну, англичанин, ничего себе прогулочка по гавани на лодке, да?

Блэкторн рассмеялся. Груз лет упал с плеч, едва он почувствовал, как лодку покачивает на волнах, вдохнул запах морской соли, услышал крики чаек над головой, ощутил свободу и чувство, какое рождает близость земли после долгого отсутствия.

– Я думал, ты не хочешь помочь мне попасть на «Эразм».

– Ох и зануды эти англичане! Никакого терпения. Слушай, не проси японцев ни о чем, самураев или еще кого – они все одинаковые. Если попросишь, они начнут колебаться, обратятся к вышестоящему. Здесь ты должен действовать. Конечно, – его сердечный смех разнесся над волнами, – кое-кто попытается тебя прикончить, если ты сделаешь что-то не так.

– Ты очень хорошо гребешь. Я как раз ломал голову, как пользоваться этими веслами, когда ты пришел.

– Не думал же ты, что я позволю тебе улизнуть одному. Как твое имя?

– Блэкторн. Джон Блэкторн.

– Ты когда-нибудь бывал на Севере, англичанин? На Крайнем Севере?

– Я был с Кесом Верманом на «Лифле». Восемь лет назад. Это было его второе путешествие в поисках Северо-Восточного прохода. А

что?

– Хотелось бы послушать об этом – и о всех местах, где ты был. Думаешь, этот проход когда-нибудь найдут? Северный путь в Азию, с востока или запада?

– Да. Вы и испанцы перекрыли южные пути, поэтому мы пройдем там. Или голландцы. А что?

– Ты был капитаном на судах, плавающих у берегов Берберии? А?

– Да. А что?

– И знаешь Триполи?

– Многие капитаны там побывали. Ну и что?

– Сдается мне, я тебя уже где-то видел. Да, это было в Триполи. Мне тебя показывали. Известный английский капитан. Ходил с Кесом Верманом в полярные моря, был капитаном у Дрейка, да? Во времена Непобедимой армады? Сколько тебе тогда было лет?

– Двадцать четыре. Что ты делал в Триполи?

– Служил тогда штурманом на английском капере. Мой корабль был захвачен в Вест-Индии этим пиратом, Морроу, Генри Морроу – его имя. Он сжег нашу посудину до ватерлинии. Морроу предложил мне плавать с ним штурманом – от его собственного толку было мало, так он говорил, – ты знаешь, как это бывает. Он хотел двинуться от Эспаньолы, где захватил нас, на юг, вдоль Мейна, потом назад, через Атлантику, чтобы перехватить испанский золотой галион около Канарских островов. Затем, если мы его пропустим, взять курс на Триполи и там поискать другую добычу, а после уж плыть на север в Англию. Он пообещал освободить моих товарищей, дать им еду и лодку, если я присоединюсь к нему. Я сказал: «Конечно, почему бы и нет? При условии, что мы не будем нападать на португальские суда и вы высадите меня на берег у Лиссабона и не украдете мои руттеры». Мы долго с ним препирались – ты знаешь, как это бывает. Потом я поклялся Мадонной – мы оба поклялись на кресте, и вот что вышло. Удача сопутствовала нам, мы захватили несколько испанских «купцов». Когда мы оказались возле Лиссабона, он попросил меня остаться – показал письмо королевы Бесс, где она обещает заплатить целое состояние любому португальскому штурману, который примет ее подданство и возьмется обучать других своему искусству в Тринити-Хаус, она сулила также пять тысяч гиней за руттер, описывающий путь через Магелланов пролив или мимо мыса Доброй

Надежды. – У него была широкая улыбка, обнажавшая крепкие белые зубы, черные усы и смоляная, аккуратно подстриженная борода. – У меня не было руттеров. По крайней мере, я ему так сказал. Морроу сдержал слово, как это водится у пиратов. Он высадил меня на берег вместе с моими руттерами – конечно, он их скопировал, хотя сам не умел ни читать, ни писать, – и даже выделил долю из добычи. Ты когда-нибудь плавал с ним, англичанин?

– Нет. Королева несколько лет назад посвятила его в рыцари. Я никогда не служил ни на одном из его кораблей. Я рад, что он был честен с тобой.

Они приблизились к «Эразму». Самурай насмешливо смотрел на них сверху.

– Это был второй раз, когда я служил у еретиков. Первый раз оказался не так удачен.

– Да?

Родригес положил весла в лодку, и она вплотную подошла к борту. Он повис на причальном канате.

– Поднимайся на борт, а разговаривать предоставь мне.

Блэкторн начал карабкаться вверх, пока другой капитан привязывал лодку. Родригес первым оказался на палубе. Он поклонился с изяществом придворного:

– *Коннити ва* всем земледам-сама!

На палубе было четыре самурая. Блэкторн узнал одного из них, сторожившего погреб. Японцы невозмутимо поклонились Родригесу. Блэкторн последовал примеру португальца, чувствуя себя неуютно.

Родригес направился прямо к трапу, ведущему на другую палубу. Печати оставались на своих местах. Один из самураев остановил его:

– *Киндзиру, гомэн насай.* (Запрещено, извините.)

– *Киндзиру, да?* – сказал Родригес, судя по виду несколько не напуганный. – Я Родригу-сан, капитан Тода Хиромацу-сама. Эта печать, – сказал он, показывая на красный отпечаток со странной надписью, – Тода Хиромацу-сама, да?

– Нет, – ответил самурай, покачав головой, – Касиги Ябу-сама!

– Нет? – переспросил Родригес. – Касиги Ябу-сама? Я от Тода Хиромацу-сама, который будет поважнее вашего мужеложца и лизоблюда Касиги Ябу-сама, который самый большой содомит-сама во

всем мире. Понял? – Он сорвал печать с двери, опустил руку на один из своих пистолетов.

Мечи были наполовину вынуты из ножен, и он спокойно сказал Блэкторну:

– Готовься покинуть корабль. – И грубо самураю: – Торанага-сама! – Он указал левой рукой на флаг, который развевался на фок-мачте галеры. – *Вакаримас ка?*

Самураи колебались, мечи их были наготове. Блэкторн уже собрался нырять с борта.

– Торанага-сама! – Родригес ударил ногой в дверь, планка сломалась, и дверь распахнулась. – *ВАКАРИМАС КА?*

– *Вакаримас*, Андзин-сан. – Самураи быстро убрали мечи в ножны, поклонились, принесли извинения и снова поклонились.

Родригес сказал хрипло:

– Так-то лучше, – и спустился вниз.

– Боже мой, Родригес, – проговорил Блэкторн, когда они оказались на нижней палубе. – Ты каждый раз так делаешь и выкручиваешься?

– Я делаю так редко, – признался португалец, утирая пот со лба. – И даже тогда жалею, что это затеял.

Блэкторн прислонился к переборке:

– Такое чувство, будто меня лягнули в живот.

– Это единственный путь. Ты должен действовать как король. И даже так никогда не сможешь предугадать действия самурая. Они опасны, как сраный священник, которому воткнули горящую свечу в зад и усадили на полупустую пороховую бочку.

– Что ты сказал им?

– Тода Хиромацу – главный советник Торанаги, он важнее местного даймё. Вот почему они позволили войти.

– Каков он, этот Торанага?

– Долго рассказывать, англичанин. – Родригес сел на ступеньку, вытянул ногу в сапоге и растер колено. – Я чуть не сломал ногу о вашу вшивую дверь.

– Она не была заперта. Ты мог просто открыть ее.

– Я знаю. Но это было бы не так картинно. Клянусь Святой Девой, тебе еще много чему надо учиться!

– Ты будешь учить меня?

Родригес убрал ногу.

– Посмотрим.

– От чего это зависит?

– Посмотрим, да? Я много всего рассказал честно – пока я, не ты. Скоро будет твоя очередь. Где твоя каюта?

Блэкторн на мгновение задержал на нем взгляд. Воздух под палубой был густым и влажным.

– Спасибо, что помог мне попасть на борт.

Он пошел на корму. Его дверь была не заперта. Каюта носила следы обыска, все было сдвинуто с места, что можно унести – исчезло. Не осталось книг, одежды, инструментов, даже гусиных перьев для письма. Его рундук также был открыт. И пуст.

Побелев от гнева, он прошел в кают-компанию. Родригес внимательно наблюдал за ним. Тайник был вскрыт и опустошен.

– Они забрали все. Чертовы отродья!

– Чего ты ожидал?

– Не знаю. – Блэкторн прошел в каюту с денежными сундуками. Она была пуста. Так же как и кладовая. В трюмах остались только тюки с шерстяной одеждой. – Проклятые Богом японцы! – Он вернулся в свою каюту и захлопнул рундук.

– Где они? – спросил Родригес.

– Что?

– Твои бумаги? Где твои журналы? – (Блэкторн внимательно посмотрел на него.) – Ни один капитан не будет волноваться из-за одежды. Ты пришел за руттером. Так ведь? Почему ты удивлен, англичанин? Зачем, по-твоему, я поднялся на борт? Помочь тебе вернуть свои тряпки? Они изношены, и тебе потребуются другие. У меня их много. Но где твои журналы?

– Они исчезли. Они были в моем рундуке.

– Я не собираюсь красть их, англичанин. Я только хотел прочитать их и скопировать, если потребуется. Я бы берег их, как свои собственные, так что тебе нечего беспокоиться. – Его голос стал тверже. – Пожалуйста, забери их, англичанин, у нас осталось мало времени.

– Не могу. Их нет. Они были в моем рундуке.

– Тебе не следовало оставлять их там, входя в иностранный порт. Тебе не следовало забывать главное правило капитанов: надежно прятать их и оставлять на виду только фальшивые. Поторопись!

– Они украдены!

– Я тебе не верю. Но допускаю, что ты спрятал их очень хорошо. Я искал здесь целых два часа – никаких следов.

– Что?

– Почему ты так удивлен, англичанин? У тебя голова на месте? Конечно, я прибыл сюда из Осаки, чтобы посмотреть твои бортовые журналы.

– Ты уже был на борту?

– Мадонна! – выпалил Родригес нетерпеливо. – Да конечно, два или три часа назад, с Хиромацу, который хотел сам посмотреть. Он сломал печати, и потом, когда уезжал, этот местный даймё запечатал все снова. Поторопись, ради бога, – добавил он. – Время идет.

– Они украдены! – Блэкторн рассказал ему, как «Эразм» прибило к острову и как он очнулся на берегу. Потом он пнул свой рундук, проклиная того, кто разграбил его корабль. – Они украли! Все мои карты! Все мои журналы! У меня в Англии есть несколько копий, но журнал этого плавания пропал.

– А португальский? Давай, англичанин, признавайся, должен быть еще и португальский.

– Португальский... Он тоже исчез.

«Осторожнее, – подумал он про себя. – Они исчезли, и это конец. У кого они? У японцев? Или их отдали священнику? Без бортового журнала и карт ты не сможешь проложить путь домой. Ты никогда не вернешься домой... Это неправда. Ты сможешь найти дорогу домой, если будешь осторожен и если очень сильно повезет... Не глупи! Ты прошел половину пути вокруг света, через враждебные моря и земли, и вот у тебя нет ни бортового журнала, ни карт. О Боже, дай мне силы!»

Родригес внимательно следил за ним. Через какое-то время он сказал:

– Извини, англичанин. Я знаю, что ты чувствуешь. Со мной такое тоже однажды случилось. Он был англичанин, как и ты, тот вор. Может быть, его корабль разбился и он горит в аду и будет гореть вечно. Давай вернемся обратно.

Оми и остальные ждали на пристани, пока галера обогнет мыс и исчезнет. На западе ночные облака уже заволакивали малиновое небо.

На востоке ночь соединила небо и море, горизонт исчез.

– Мура, сколько времени займет погрузка всех пушек обратно на корабль?

– Если работать всю ночь, закончим завтра к середине дня, Оми-сан. Если начнем на рассвете, кончим до захода солнца. Безопасней работать днем.

– Работайте ночью. Сейчас приведи священника к погребу.

Оми глянул на Игураси, главного приспешника Ябу. Тот все еще смотрел в сторону мыса, его лицо вытянулось, синевато-багровый шрам в пустой глазнице мрачно темнел.

– Мы рады, что вы остались, Игураси-сан. Мой дом беден, но, может быть, мы сможем сделать его удобным для вас.

– Спасибо, – сказал Игураси, отворачиваясь, – но мой господин приказал вернуться сразу же в Эдо, поэтому я так и сделаю. – Заметно было, что он озабочен. – Хотел бы я быть на галере...

– Да.

– Мне не нравится мысль о том, что Ябу-сама сопровождают только двое его людей. Мне это очень не нравится.

– Да.

Он показал на «Эразм»:

– Проклятый корабль, вот что это! Правда, много сокровищ.

– Конечно. Разве господин Торанага не обрадуется подарку господина Ябу?

– Этот одержимый деньгами грабитель провинций так переполнен сознанием собственной важности, что даже не заметит того серебра, которое отнял у нашего господина. Где ваши мозги?

– Я надеюсь, что только тревога за господина вынудила вас сделать такое замечание.

– Вы правы, Оми-сан. Я не хотел вас обидеть. Вы очень умны и здорово помогли нашему господину. Может быть, вы правы и в том, что касается Торанаги, – вздохнул Игураси, а сам подумал: «Наслаждайся своим вновь обретенным богатством, бедный глупец. Я знаю господина лучше, чем ты. То, что владения твои увеличились, не принесет тебе добра. Твоя удача была платой за корабль, драгоценности и оружие. Но теперь их нет – уплыли. А господин из-за тебя оказался в опасности. Ты послал письмо, и ты сказал: „Прежде посмотрите на чужеземцев“, введя его в искушение. Мы должны были

уехать вчера. Случись так, господин был бы в безопасности сейчас, при деньгах и оружии. Ты предатель? Стараешься для себя, или своего глупого отца, или для врагов? Для Торанаги, может быть? Это не важно. Уж поверь мне, Оми, глупый ты молокосос, твоя ветвь клана Касиги не приживется на этой земле. Мне бы следовало сказать тебе это прямо в лицо, но тогда я должен был бы убить тебя и лишиться доверия моего господина. Он сам решит, когда это сделать, не я».

– Спасибо за гостеприимство, Оми-сан, – произнес он. – Я загляну вас повидать, но сейчас у меня свои дела.

– Вы не могли бы оказать мне услугу? Пожалуйста, передайте привет моему отцу. Я был бы очень благодарен.

– Буду счастлив сделать это. Он прекрасный человек. И я не поздравил еще вас с увеличением ваших владений.

– Вы слишком добры.

– Еще раз благодарю вас, Оми-сан. – Он поднял руку в дружеском приветствии, подозвал своих людей и во главе отряда всадников направился прочь из деревни.

Оми подошел к погребу. Священник уже стоял возле ямы. Оми мог видеть, что иезуит в гневе, и втайне надеялся, что тот сорвется, даст повод избить его.

– Священник, скажи чужеземцам, чтобы они вышли из ямы. Скажи им, что господин Ябу разрешил им опять жить среди людей. – Оми говорил намеренно простым языком. – Но при малейшем нарушении правил двое из них будут снова отправлены в яму. Они должны хорошо вести себя и выполнять все приказы. Ясно?

– Да.

Оми заставил священника повторить сказанное слово в слово, как делал и раньше. Удостоверившись, что отец Себастио все понял правильно, он приказал ему говорить с моряками.

Люди выходили один за другим. Все были испуганы. Некоторые помогали друг другу. Один был плох и стонал, стоило кому-нибудь коснуться его руки.

– Их должно быть девять.

– Один мертв. Его тело лежит внизу, в яме, – объявил священник.

Оми минуту размышлял.

– Мура, сожги труп и держи золу вместе с прахом другого чужеземца. Размести варваров в том же доме, что и прежде. Дай им

много овощей и рыбы. И ячневый суп, и фрукты. Вымойте их. Они воняют. Священник, скажи им, что, если они будут себя хорошо вести и слушаться, их станут и дальше кормить.

Оми присматривался и прислушивался. Он видел, что все варвары полны благодарности, и с презрением подумал: «Какие глупцы! Я освободил их только на два дня, потом верну их обратно, и тогда они будут есть дерьмо, действительно будут есть дерьмо».

– Мура, научи их правильно кланяться, а потом убери отсюда. – Он повернулся к священнику: – Ну?

– Теперь я уйду. Поеду домой, прочь из Андзиро.

– Уезжай и не возвращайся никогда. Лучше здесь не показываться ни тебе, ни другим таким, как ты. Может, вы оттого навеваетесь в мои владения, что некоторые из моих крестьян или вассалов-христиан замышляют измену, – процедил он со скрытой угрозой, используя классический прием, который самураи, настроенные против христианства, применяли, дабы воспрепятствовать распространению чуждых религиозных догм в своих владениях: в отличие от иноземных священников новообращенные японцы не были защищены законом.

– Христиане – добрые японцы. Всегда. Хорошие вассалы. Никаких черных мыслей.

– Я рад это слышать. Не забудь, мои владения теперь простираются на двадцать ри во всех направлениях. Ты понял?

– Я понимаю.

Оми зорко следил за тем, как священник кланяется с усилием, – даже чужеземные священники должны иметь хорошие манеры – и ушел.

– Оми-сан, – обратился к нему один из самураев, молодой и очень красивый.

– Да?

– Пожалуйста, извините меня, я знаю, что вы не забыли, но Масидзиро-сан все еще в яме.

Оми подошел к погребу и посмотрел вниз, на самурая. Тот упал на колени, уважительно кланяясь.

Два прошедших дня состарили его. Оми взвесил его прошлые заслуги и будущую судьбу. После этого он вытащил из-за пояса молодого самурая короткий меч и бросил в яму.

У подножия лестницы Масидзиро с недоверием смотрел на клинок. Слезы потекли по его щекам.

– Я не заслужил такой чести, Оми-сан, – сказал он жалко.

– Да.

– Благодарю вас.

Молодой самурай рядом с Оми сказал:

– Пожалуйста, позвольте ему совершить сэппуку здесь, на берегу!

– Он провинился. Он останется в яме. Прикажите крестьянам засыпать ее. Уничтожьте все следы. Чужеземцы осквернили это место.

Кику засмеялась и покачала головой:

– Нет, Оми-сан, извините, пожалуйста, но не надо мне больше sake, а то волосы растреплются, я упаду, и что тогда будет?

– Мы упадем вместе и будем любить друг друга, – с удовольствием сказал Оми, его голова кружилась от выпитого.

– Но я бы стала храпеть, а вы не сможете любить храпящую, противную, пьяную девушку. Поэтому извините. Ой нет, Оми-сама, хозяин нового огромного владения заслуживает большего! – Она налила еще теплого sake – не более наперстка – в изящную фарфоровую чашку и протянула ее обеими руками: указательный и большой пальцы левой руки аккуратно держали сосуд, указательный палец правой руки касался доньшка. – Вот, потому что вы великолепны!

Он принял чашку и выпил, наслаждаясь теплотой и вкусом выдержанного напитка.

– Я так рад, что смог убедить вас остаться еще на день. Вы так красивы, Кику-сан.

– Вы тоже красивы и нравитесь мне. – Ее глаза мерцали в свете свечи, которую поместили в бумажный фонарь среди цветов, свисающих с кедровой балки.

Это была лучшая из комнат в чайном домике у площади. Кику наклонилась, чтобы помочь ему взять еще риса из простой деревянной мисочки, что стояла перед ним на низком столике, покрытом черным лаком, но он покачал головой:

– Нет-нет, спасибо.

– Такому сильному человеку, как вы, нужно больше есть.

– Я сыт, правда.

Он не предлагал ей ничего, потому что она едва притронулась к салату – тонко нарезанному огурцу и изящно нашинкованной редиске, маринованной в уксусе, – это все, что она съела за ужином. Были еще ломтики сырой рыбы на шариках, слепленных из риса, суп, салат и немного свежих овощей, приготовленных с пикантным соусом из сои и имбиря.

Она мягко хлопнула в ладоши, сёдзи тут же раздвинула ее личная служанка:

– Да, госпожа?

– Суйсэн, убери все это и принеси еще sake и новый чайник зеленого чая. И фрукты. Sake должно быть теплее, чем в прошлый раз. Торопись, бездельница! – Она постаралась, чтобы это звучало строго.

Суйсэн было четырнадцать. Эта милая, старающаяся угодить девушка вот уже два года перенимала у Кику секреты ремесла.

Кику с трудом отвела глаза от чистого белого риса, до которого была большая охотница, и подавила позыв голода. «Ты ела до прихода сюда и поешь позже, – напомнила она себе. – Да, но даже тогда было слишком мало».

«Госпожа должна иметь умеренный аппетит, очень умеренный аппетит, – говорила обычно ее учительница. – Гости едят и пьют – чем больше, тем лучше. Госпожа так не делает и, конечно, никогда не делает этого с гостями. Как госпожа может говорить или развлекать гостей, играть на сямисэне или танцевать, если у нее набит рот? Ты поешь позднее, будь терпелива. Сосредоточься на своем госте».

Следя за Суйсэн, придирчиво оценивая ее искусство, она рассказывала Оми истории, которые заставили его смеяться и забыть про все на свете. Суйсэн встала на колени сбоку от Оми, расставила маленькие мисочки и положила палочки для еды на лаковом подносе в том порядке, как ее учили. Потом взяла пустую бутылку из-под sake, наклонила горлышко над чашкой, чтобы убедиться, что бутылка пуста, – встряхивать ее считалось дурным тоном, – затем поднялась с подносом, бесшумно подошла к двери, опустилась на колени, поставила поднос, открыла сёдзи, встала, прошла через дверь, опять встала на колени, подняла поднос и перенесла через порог, так же бесшумно положила его и закрыла за собой дверь.

– Мне, правда, скоро придется искать другую служанку, – заметила Кику, не очень расстроившись. «Этот цвет ей идет, – подумала она. –

Надо еще послать в Эдо за шелком. Что за стыд думать, что это дорого! Гёко-сан заплатят за прошлую ночь и сегодняшнюю достаточно, чтобы купить маленькой Суйсэн двадцать кимоно. Она такой приятный ребенок и действительно очень грациозная». – Она такая шумная – извините.

– Я не заметил ее, только вас, – заявил Оми, допивая sake.

Кику обмахивалась веером, улыбка осветила ее лицо.

– Вы заставляете меня почувствовать себя счастливой, Оми-сан. И любимой.

Суйсэн принесла sake. И зеленый чай. Ее хозяйка налила Оми хмельного напитка и подала ему. Суйсэн, встав на колени, беззвучно наполнила чашки. Она не пролила ни капли и подумала, что звук, который издает жидкость, льющаяся в чашку, напоминает тихий звон колокольчика, после чего вздохнула задумчиво, но с огромным облегчением, опустилась на пятки и стала ждать.

Кику поведала занимательную историю, которую слышала от одной из подруг в Мисиме, и Оми рассмеялся. Рассказывая, она взяла маленький апельсин и с помощью своих длинных ногтей раскрыла его, как цветок: дольки плода напоминали лепестки, а сегменты кожуры – чашелистики.

– Вам нравится апельсин, Оми-сан?

Первым порывом Оми было сказать: «Я не могу разрушить такую красоту». «Но это было бы неуместно, – подумал он, пораженный ее артистизмом. – Как мне похвалить Кику и ее безымянного учителя? Как могу я вернуть счастье, которое она дала мне, позволив следить за ее пальцами, создающими нечто столь же прекрасное, сколь и эфемерное?»

Он подержал цветок в руках, потом быстро отделил четыре дольки и съел их с наслаждением. Образовался новый цветок. Он удалил еще четыре дольки, получилась третья конфигурация. Тогда он взял одну дольку и отодвинул вторую, так что оставшиеся три опять превратились в цветок.

После этого он взял две дольки, а оставшуюся положил набок в центре оранжевой чаши из кожуры, словно полумесяц в солнце.

Одну он съел смакуя. Вторую дольку положил на ладонь и сказал:

– Эту должны съесть вы, потому что она предпоследняя. Это мой подарок вам.

Суйсэн затаила дыхание. Для чего же последняя? Кику взяла дольку и съела. Ничего вкуснее она никогда не пробовала.

– Эта последняя, – объявил Оми серьезно, кладя весь цветок на ладонь своей правой руки, – мой дар богам, что бы и где бы они ни были. Я никогда не вкушу этой дольки – разве что из ваших рук.

– Это слишком, Оми-сама, – произнесла Кику. – Я освобождаю вас от обета! Это было сказано под влиянием ками, который живет во всех бутылках с саке.

– Я не откажусь от обета.

Они были очень счастливы вместе.

– Суйсэн, – распорядилась Кику, – теперь оставь нас. И пожалуйста, пожалуйста, дитя, сделай это грациозно.

– Да, госпожа. – Девушка выскользнула в соседнюю комнату, проверила, удобны ли футоны, на месте ли орудия удовольствия, в порядке ли цветы. Разгладила незаметную складку на безупречном одеяле. Села удовлетворенная, вздохнула с облегчением, обмахнула пылающее лицо сиреневым веером и стала ждать.

В соседней комнате, самой приятной из всех в чайном домике, потому что только там имелся выход в сад, Кику взяла сямисэн – трехструнный, похожий на гитару инструмент с длинным грифом, и первая парящая нота заполнила комнату. Потом она запела. Сначала мягко, затем возбуждающе, снова мягко. Сладко вздыхая, она пела о взаимной и неразделенной любви, о счастье и печали.

– Госпожа? – Шепот не разбудил бы и чутко спящего, но Суйсэн знала, что госпожа предпочитает не спать после «облаков» и «дождя», как бы сильны они ни были. Она склонна отдыхать в спокойной полудреме.

– Да, Суй-тян? – спокойно прошептала Кику, используя обращение «тян», которое обычно адресуют любимому ребенку.

– Вернулась жена Оми-сана. Ее паланкин только что пронесли по дорожке к его дому.

Кику взглянула на Оми. Его шея удобно покоилась на обитом войлоком деревянном валике, руки были переплетены. Тело Оми было сильным, без рубцов и отметин, кожа – упругой, матово-золотой, а местами лоснилась. Она нежно приласкала его – так, чтобы он

почувствовал это сквозь сон, но не пробудился. Потом выскользнула из-под стеганого одеяла, собирая свои раскиданные вокруг кимоно.

Кику потребовалось немного времени, чтобы обновить макияж, пока Суйсэн причесывала и укладывала ей волосы в стиле симода. После этого хозяйка и служанка бесшумно проскользнули по коридору, вышли на веранду, а затем, через сад, на площадь. Лодки, как светлячки, сновали от корабля чужеземцев к пристани, где оставалось семь пушек. Все еще стояла глубокая ночь, до рассвета было далеко.

Две женщины просеменили вдоль узкой улочки между скоплением домов и начали подниматься по тропинке.

Потные усталые носильщики стояли вокруг паланкина на вершине холма у дома Оми. Кику не постучала в садовую калитку. В доме горели свечи, слуги бегали туда и сюда. Она сделала знак Суйсэн, и та сразу же подошла к веранде около парадной двери и постучала. Через мгновение дверь открылась.

Кровать матери Оми еще не была разобрана. Она сидела, неподвижно прямая, около маленькой ниши. Окно было открыто в сад. Мидори, жена Оми, сидела напротив свекрови.

Кику встала на колени. Неужели всего лишь вчера она была здесь, напуганная «ночью стонов»? Она поклонилась сначала матери Оми, потом его жене, чувствуя напряжение между этими двумя женщинами, и спросила себя: «Почему столь неизбежна эта неприязнь между свекровью и невесткой? Разве невестка в свое время не станет свекровью? Почему, став ею, она всегда обращается с женой сына так же зло и отравляет ей жизнь? А эта девочка потом делает то же самое?»

– Сожалею, что беспокою вас, госпожа-сан.

– Милости просим, Кику-сан, – ответила старуха. – Ничего не случилось, я надеюсь?

– О нет, я просто не знала, хотите вы или нет, чтобы я разбудила вашего сына, – пояснила она, уже зная ответ. – Я подумала, что лучше спросить, поскольку вы, Мидори-сан, – она повернулась и с улыбкой поклонилась Мидори, которая ей очень нравилась, – уже вернулись.

Старуха проговорила:

– Вы очень добры, Кику-сан, и очень предусмотрительны. Нет, не стоит тревожить его сон.

– Очень хорошо. Пожалуйста, извините меня за то, что надоедаю, но я подумала: лучше всего спросить. Мидори-сан, надеюсь, ваше путешествие было не очень тяжелым?

– Прошу прощения, но оно было ужасно, – произнесла Мидори. – Я рада, что вернулась. Не люблю уезжать. С моим мужем все в порядке?

– Да, все хорошо. Он много смеялся в этот вечер и казался счастливым. Он ел и пил умеренно и крепко спит.

– Госпожа-сан начала рассказывать мне об ужасных вещах, которые произошли в мое отсутствие...

– Тебе не следовало уезжать. Ты была нужна здесь, – прервала ее старуха с ядом в голосе. – Или, может быть, нет. Может, лучше бы тебя здесь вообще не было. Может быть, ты принесла к нам в дом плохого ками вместе со своим постельным бельем.

– Я ничего такого не делала, госпожа-сан, – возразила Мидори терпеливо. – Пожалуйста, поверьте, я скорее бы покончила с собой, чем бросила тень на ваше доброе имя. Пожалуйста, простите мне мое отсутствие и мои ошибки. Простите меня.

– С того времени как сюда пришел этот чертов корабль, у нас одни неприятности. Это все злой ками. Очень плохой. А где ты была, когда мы так нуждались в тебе? Прохлаждалась в Мисиме – сплетничала, обедалась и пила саке?

– Умер мой отец, госпожа-сан. За день до моего приезда.

– Ну, тебе даже не хватило почтительности или чуткости, чтобы вовремя прибыть к смертному одру собственного отца. Чем скорее ты навсегда покинешь наш дом, тем будет лучше для всех нас. Я хочу чая. У нас здесь гостя, а ты даже не предложила ей освежиться!

– Я велела подать чай сразу же, как только она...

– Так где же он?

Сёдзи открылись. Служанка внесла зеленый чай и сладкие лепешки. Сначала Мидори подала чашку старухе, которая резко обругала служанку и стала жевать лепешки беззубым ртом, шумно чавкая и прихлебывая чай.

– Вы должны извинить нас, Кику-сан, – брюзжала старуха. – Чай безвкусный. Безвкусный! И слишком горячий. Чего еще можно ожидать в этом доме.

– Вот, пожалуйста, возьмите мой. – Мидори аккуратно подула на чай, чтобы охладить его.

Старуха недовольно взяла его.

– Почему нельзя было сразу дать хороший чай?

– Что вы думаете обо всем этом? – спросила Мидори Кику. – О корабле, и Ябу-сама, и Хиромацу-сама?

– Не знаю, что и думать. Что касается чужеземцев, кто знает? Это, конечно, сборище очень необычных людей. И этот великий даймё, Железный Кулак. Очень интересно, что он приехал почти в то же время, что и господин Ябу, да? Ну, вы должны извинить меня. Пожалуй, мне пора идти.

– О нет, Кику-сан, я не могу и слышать об этом.

– Но ты же видишь, Мидори-сан, – старуха вновь нетерпеливо прервала ее, – нашей гостье неудобно, и чай ужасный.

– О нет, чай мне понравился, хозяйка-сан, правда. Вы извините меня, я ведь немного устала. Может быть, завтра, перед отъездом, вы позволите навестить вас? Мне так приятно беседовать с вами.

Старуха позволила обмануть себя, и Кику с Мидори вышли на веранду, а оттуда – в сад.

– Кику-сан, вы такая предусмотрительная, – восхитилась Мидори, держа ее за руку и любуясь ее красотой. – Это очень мило с вашей стороны, спасибо.

Кику на мгновение оглянулась на дом и вздрогнула:

– Она всегда такая?

– Сегодня вечером она еще была вежлива. Не то что в другие дни. Если бы не Оми и мой сын, клянусь, я отряхнула бы пыль этого дома с моих ног, обрила голову и стала монахиней. Но у меня есть Оми и мой сын, и я все терплю. Я только благодарю всех kami за это. К счастью, она предпочитает Эдо и не может долго оставаться здесь. – Мидори печально улыбнулась. – Ты просто привыкаешь не слушать. – Она вздохнула, очень красивая в лунном свете. – Но это все пустяки. Расскажите мне, что произошло здесь с тех пор, как я уехала.

Именно для того Кику и поторопилась прийти в дом Оми, так как было очевидно, что ни мать, ни жена не захотят, чтобы его разбудили. Она рассказала милой госпоже Мидори все, что могло помочь той защитить Касиги Оми, так же как она сама пыталась защищать его. Она открыла ей все, что знала, за исключением того, что происходило

наедине с Ябу. Прибавила слухи и рассказы, которые слышала от других девушек. И все, чем с ней поделился Оми, его надежды, страхи и замыслы, умолчав лишь о том, что произошло между ними сегодня вечером. Она знала, что это не важно для его жены.

– Я боюсь, Кику-сан, боюсь за моего мужа.

– Все, что он советовал, было разумно, госпожа. Думаю, он все делал правильно. Господин Ябу не слишком щедр на награды, и Оми-сан заслужил прибавку в три тысячи коку к доходу.

– Но корабль отошел господину Торанаге, и все деньги тоже.

– Да, но, преподнеся корабль в дар, Ябу-сама с достоинством вышел из положения. И эту мысль подал ему Оми-сан. Разве не достаточная плата? Оми-сан должен был выказать себя преданным вассалом. – Кику немного искажила правду. Она знала, что Оми-сан в большой опасности, а с ним и его близкие. «Что будет, то будет, – напомнила она себе. – Зачем этой милой женщине терзаться опасениями?»

– Да, это так, – признала Мидори. «Пусть это будет правдой! – молилась она. – Пожалуйста, пусть это будет правдой!» Она обняла девушку, ее глаза наполнились слезами. – Спасибо. Вы так добры, Кику-сан, так добры. – Ей было семнадцать лет.

Глава 8

– О чем ты думаешь, англичанин?

– Я думаю, будет шторм.

– Когда?

– Перед закатом.

Дело было около полудня, они стояли на юте галеры под серыми облаками. Шел второй день с отплытия.

– Если бы это был твой корабль, что бы ты сделал?

– Как далеко до места? – спросил Блэкторн.

– Прибудем после заката.

– Как далеко до ближайшей земли?

– Четыре или пять часов, англичанин. Но, укрывшись в тихой гавани, мы потеряем полдня, и я не могу решиться на это. Что бы ты сделал?

Блэкторн подумал минуту. Первую ночь галера шла на юг, к восточному берегу полуострова Идзу, под большим парусом, поднятым на центральной мачте. Когда они вышли на траверз самого южного мыса, мыса Ито, Родригес взял курс запад-юго-запад и удалился от безопасного берега в открытое море, направляясь к мысу Синто, что лежал в двухстах милях.

– Обычно, плавая на таких галерах, мы держимся побережья – для безопасности, – пояснил Родригес, – но это занимает слишком много времени, а время важно. Торанага просил меня свозить Тоуди в Андзиро и обратно. Быстро. Меня ждет награда, если мы поторопимся. Один из их капитанов успешно ходит на короткие расстояния, но бедный сукин сын не посмел бы везти такого важного даямё, как Тоуди, особенно в открытом море. Они не привыкли плавать в океане, эти японцы – великие пираты и воины, но только не мореплаватели. Глубина их пугает. Старик-тайко издал закон, чтобы на тех немногих океанских кораблях, которыми владеют япошки, всегда служил португальский капитан. Этот закон действует и поныне.

– Зачем он издал такой закон?

Родригес пожал плечами:

– Может быть, кто-нибудь надоумил его.

– Кто?

– Твой краденый бортовой журнал, англичанин, был португальский. Чей именно?

– Не знаю. На нем не имелось ни подписи, ни имени.

– Где ты его взял?

– У главного купца голландской Ост-Индской компании.

– А он где?

Блэкторн пожал плечами.

Родригес засмеялся, но невесело:

– Ну, я и не ожидал, что ты скажешь, но, кто бы ни украл его, надеюсь, он горит в аду!

– Торанага тебя нанял, Родригес?

– Нет, мы просто приплыли в Осаку. Весьма кстати для Торанаги. Мой командир предложил меня. Я ведь служил на... – Родригес замолчал. – Я забыл, что ты враг, англичанин.

– Португальцы и англичане были союзниками много веков.

– Это в прошлом. Пошли вниз, англичанин. Ты устал, и я устал, а усталые люди ошибаются. Поднимемся на палубу, когда отдохнешь.

Так Блэкторн оказался внизу, в каюте кормчего, на его койке. Бортовой журнал Родригеса с описанием маршрута лежал на столе, прикрепленном к переборке, как капитанское кресло на юте. Блэкторн не стал заглядывать внутрь кожаного потрепанного переплета.

– Почему ты оставил его на виду? – спросил он.

– Не оставил бы, ты бы тут все перерыл. А так не тронул – даже не поглядел без приглашения. Ты ведь капитан, а не какой-нибудь продажный, вороватый купец со свиным брюхом или солдат.

– Я посмотрю его, если позволишь.

– Но не без разрешения, англичанин. Капитан так не сделает. Даже я бы не сделал!

Блэкторн мгновение смотрел на книгу, а потом закрыл глаза. Он спал крепко весь этот день и часть ночи и проснулся перед рассветом, как всегда. Потребовалось время, чтобы приспособиться к непривычному ходу галеры и дроби барабана, который заставлял множество весел двигаться как одно. Он лежал в темноте, удобно устроившись на спине, заложив руки за голову. Блэкторн думал о своем корабле. Он прогнал беспокойство о том, что случится, когда они достигнут берега и придут в Осаку. «Всему свое время. Думай о Фелисити и детях, о доме. Нет, не сейчас. Думай о том, что, если

другие португальцы похожи на Родригеса, у тебя есть шанс. Ты получишь корабль. Моряки не враги друг другу, и к черту всех остальных! Но ты не можешь сказать этого, парень. Ты англичанин, ненавистный еретик и антихрист. Католики владеют этим миром. Пока. Мы и голландцы собираемся разгромить их.

Ну что за вздор все это! Католики и протестанты, кальвинисты и лютеране, прочее дерьмо. Ты должен был родиться католиком. Просто судьба привела твоего отца в Голландию, где он встретил женщину, Аннеке ван Дросте, которая стала его женой, и он впервые увидел испанских католиков, простых священников и инквизиторов. Я рад, что у него открылись глаза. Я рад, что у меня они тоже открылись».

Когда Блэкторн вышел на палубу, Родригес сидел в своем кресле, его глаза покраснели после бессонной ночи. У штурвала, как и прежде, стояли два японских моряка.

– Можно я постою эту вахту за тебя?

– Как ты себя чувствуешь, англичанин?

– Отдохнул. Могу я постоять на вахте вместо тебя? – Блэкторн видел, что Родригес рассматривает его. – Я разбужу тебя, если ветер изменится или еще что.

– Спасибо, англичанин. Да, я немного посплю. Держись этого курса. При повороте бери на четыре градуса западней, а при следующем – еще на шесть градусов западней. Ты показывай рулевому новый курс на компасе. *Вакаримас ка?*

– *Хай!* – Блэкторн ухмыльнулся. – Четыре градуса западней. Спускайся вниз, капитан, твоя койка очень удобная.

Но Васко Родригес не пошел вниз. Он только завернулся поплотнее в свой плащ и уселся поудобнее. Как раз перед следующим переворотом песочных часов – склянок – он мгновенно проснулся, проверил курс, не тронувшись с места, и сразу опять заснул. Снова открыл глаза, когда ветер переменял направление, и, увидев, что нет никакой опасности, забылся сном.

Хиромачу и Ябу вышли на палубу утром. Блэкторн заметил их удивление, когда они поняли, что он ведет корабль, а Родригес спит. Они не заговорили с ним, а продолжили свою беседу и позже снова ушли вниз.

Около полудня Родригес поднялся со своего кресла, посмотрел на северо-восток, проверил направление ветра, и все его чувства

обострились. Оба капитана с тревогой вглядывались в море, небо и несущиеся облака.

– Что бы ты делал, англичанин, если бы это был твой корабль? – снова спросил Родригес.

– Я бы поплыл к берегу, если бы знал, где он, – к ближайшей точке. У этого судна небольшая осадка, и все бы обошлось. Шторм начнется через четыре часа.

– *Тайфуна* не будет, – пробормотал Родригес.

– Чего?

– *Тайфуна*. Это штормовой ветер небывалой силы – самый мощный из всех, что мне и тебе когда-либо доводилось наблюдать. Но сейчас не сезон *тайфунов*.

– Когда же он наступит?

– Не теперь, противник. – Родригес засмеялся. – Нет, не теперь, поэтому я не воспользуюсь твоим хреновым советом. Правь на северо-восток.

Как только Блэкторн указал новый курс и рулевой аккуратно повернул судно, Родригес подошел к поручням и прокричал японскому капитану:

– *Исогу!* Капитан-сан. *Вакаримас ка?*

– *Исогу, хай!*

– Что это значит? «Скорее»?

Родригес прищурился от удовольствия.

– Тебе не помешает поучить японский язык, как думаешь? Конечно, англичанин, *исогу* значит «скорее». Всего-то и нужно знать около десятка слов, и тогда ты можешь заставить этих содомитов обоссаться, если захочешь. Если сумеешь найти нужные слова, конечно, и если они в настроении. Я спущусь и поем.

– Ты сам стряпаешь?

– В Японии каждому цивилизованному человеку приходится либо готовить самому, либо лично обучить этому одну из здешних обезьян, либо умереть с голоду. Они все едят сырую рыбу и сырые овощи в сладком уксусном маринаде. Но жизнь здесь такая хреновина, что нужно знать, что к чему.

– Хреновина – это хорошо или плохо?

– В основном очень хорошо, но иногда ужасно плохо. Все зависит от того, как себя чувствуешь. Ты задаешь слишком много вопросов.

Родригес спустился вниз. Он закрыл дверь своей каюты на засов и тщательно проверил замки на рундуке. Волос, который он положил на крышку, все еще был на месте. И другой такой же, невидимый для всех, кроме него самого, и лежащий на обложке журнала, также не был тронут.

«Нельзя быть слишком осторожным в этом мире, – думал Родригес. – Велика ли была бы беда, если бы он узнал, что ты капитан „Нао дель Трато“ – самого большого „черного корабля“ этого года из Макао? Может, и велика, потому что тогда пришлось бы объяснить, что это настоящий левиафан, одно из самых богатых и крупных судов в мире – больше тысячи шестисот тонн. Ты мог не устоять перед искушением и выболтать все о своем грузе, торговле, Макао и ином прочем, проливающим свет на многое, очень и очень личное, очень и очень секретное. Но мы воюем, мы воюем против Англии и Голландии».

Он открыл хорошо смазанный замок и вынул личный руттер, чтобы проверить некоторые азимуты на ближайшую гавань. Его глаза наткнулись на запечатанный пакет, который священник, отец Себастио, вручил ему перед тем, как он покинул Андзиро.

«А не в нем ли бумаги англичанина?» – спросил он себя опять.

Родригес взвесил пакет и поглядел на печати иезуита, борясь с соблазном сломать их и посмотреть самому. Блэкторн сказал ему, что голландская эскадра прошла через Магелланов пролив, и ни слова больше. «Англичанин задает уйму вопросов, а сам не торопится отвечать, – подумал Родригес. – Он проникателен, умен и опасен. Его ли это бумаги или нет? Если да, зачем они святым отцам?»

Он пожал плечами, размышляя об иезуитах, францисканцах и прочей братии, священниках и инквизиторах. «Есть хорошие священники и плохие священники. Плохих больше, но все же они слуги Божьи. Церковь должна иметь слуг. Как же без них? Кто бы вступался перед Богом за нас, заблудших овец в этом сатанинском мире? О Мадонна, защити меня от дьявола и плохих священников!»

Тогда, в Андзиро, перед отплытием Родригес сидел в своей каюте с Блэкторном. Дверь открылась, и, не дожидаясь приглашения, вошел отец Себастио. Он кинул осуждающий взгляд на остатки еды.

– Ты преломляешь хлеб с еретиком? – спросил священник. – Есть с ними опасно. Они хуже чумных. Ты знаешь, что он пират?

– Христианин должен быть великодушен к врагам, отец. Когда я был в их руках, они вели себя благородно со мной. Я только возвращаю долг. – Он встал на колени и поцеловал крест священника. Потом поднялся и, предложив вино, полюбопытствовал: – Чем я могу помочь вам?

– Я хочу попасть в Осаку. С вашим кораблем.

– Пойду спрошу. – Он отправился к японскому капитану, и просьба пошла по инстанциям, пока не достигла ушей Тоды Хиромасу, который ответил, что Торанага ничего не говорил о доставке чужеземного священника из Андзиро, поэтому он, к сожалению, не может взять иезуита на борт.

Отец Себастио пожелал переговорить с Родригесом наедине, поэтому отослал англичанина на палубу и потом в тишине каюты вынул запечатанный пакет:

– Мне хотелось бы, чтобы ты передал этот пакет отцу-инспектору.

– Я не знаю, будет ли еще его преосвященство в Осаке, когда я попаду туда. – Родригесу не хотелось быть носителем иезуитских секретов. – Я, может быть, вернусь обратно в Нагасаки. Мой генерал-капитан может оставить для меня приказы.

– Тогда отдай его отцу Алвито. Но только ему лично, в собственные руки.

– Непременно, – пообещал Родригес.

– Когда ты в последний раз был на исповеди, сын мой?

– В воскресенье, отец.

– Не хотел бы исповедаться мне сейчас?

– Да, благодарю вас. – Он был благодарен священнику, что тот спросил его об этом: жизнь на море опасна, не знаешь, когда предстанешь перед Создателем, а после исповеди на душе всегда легче.

Теперь Родригес убрал пакет обратно, чувствуя большое искушение. «Почему отец Алвито?» Отец Мартин Алвито был главным торговым посредником и личным переводчиком тайко в течение многих лет и пользовался доверием большинства влиятельных даймё. Он курсировал между Нагасаки и Осакой и принадлежал к числу тех немногих людей, что имели доступ к тайко в любое время. Среди европейцев только он и пользовался этой привилегией. Человек большого ума, он в совершенстве владел японским и знал о японцах и

их образе жизни больше кого-либо в Азии. Сейчас он считался самым влиятельным португальским посредником Совета регентов вообще и Исидо и Торанаги в частности.

«Довериться иезуитам настолько, чтобы поставить на такой важный пост одного из их людей, – думал Родригес со страхом. – Конечно, если бы не Общество Иисуса, ересь затопила бы весь мир. Португальцы и испанцы могли бы стать протестантами, и мы навсегда погубили бы свои бессмертные души. Мадонна!»

– Почему ты все время думаешь о священниках? – вслух спросил себя Родригес. – Ты знаешь, это нервирует тебя!

«Даже если так, то почему отец Алвито? Если в пакете лежат корабельные журналы, значит ли это, что пакет предназначен одному из даймё-христиан, Исидо или Торанаге? А может, его преосвященству отцу-инспектору? Или моему генерал-капитану? Или его отправят в Рим для передачи испанцам? Почему отец Алвито? Отец Себастио легко мог адресовать пакет любому другому иезуиту.

И зачем Торанаге нужен англичанин?

В глубине души я знаю, что мне нужно бы убить Блэкторна. Он враг, он еретик. Но есть и еще кое-что. Я чувствую, что этот англичанин опасен для нас всех. Почему я так думаю? Он капитан, и отличный капитан. Сильный. Умный. Хороший человек. Здесь не о чем беспокоиться. Так почему же я боюсь? Он дьявол? Он мне очень нравится, но я чувствую, что следует убить его, и чем скорее, тем лучше. Не из ненависти. Просто ради блага других. Зачем?

Я боюсь его.

Что же мне делать? Оставить все на волю Бога? Идет шторм, и он будет сильным.

Боже, покарай меня за мою глупость! Почему я не знаю, как поступить?»

Шторм настиг их еще до захода солнца и застал в море. Земля лежала в десяти милях. Укромная бухта, куда они так стремились, виднелась далеко впереди, когда они рассматривали горизонт. Между ними и безопасной бухтой не было отмелей или рифов, которые надо огибать, но десять миль есть десять миль, а волны росли все быстрее и выше, вздымаемые ветром, который нес с собой дождь.

Шторм шел с северо-востока, с правого борта, и часто менял направление: шквал налетал то с востока, то с севера – не угадаешь, откуда ждать, волны были зловещими. Путь галеры лежал на северо-запад, так что шла она правым бортом к волне, сильно качаясь, то попадая в яму, то – вот ужас! – взлетая на гребень. Это судно с мелкой осадкой предназначалось для плавания в спокойных водах, и хотя гребцы обнаруживали редкое мужество и выучку, им было трудно удерживать весла в воде и грести с полной отдачей.

– Надо поднять весла и плыть по ветру, – прокричал Блэкторн.

– Может быть, но не сейчас. Что, кишка тонка, англичанин?

– Не люблю глупого риска.

Оба понимали, что, если бы они повернули против ветра, никогда бы не выплыли – прилив и шквал отнесли бы их от укрытия в море. А если бы они плыли по ветру, случилось бы то же самое, но только быстрее. Южнее были большие глубины. И ни клочка земли на тысячи миль, а если не повезет – то и на тысячу лиг.

Они были привязаны к нактоузу страховочными концами, и слава Богу, потому что галеру качало с кормы на нос и с боку на бок. Им приходилось то и дело цепляться за планшир.

Пока что вода не перехлестывала через борт. Корабль был сильно нагружен и осел довольно глубоко. Родригес подготовился должным образом в часы ожидания. Все было задраено, люди предупреждены. Хиромаци и Ябу сказали, что они побудут внизу, а потом поднимутся на палубу. Родригес пожал плечами и напрямик заявил им, что это будет очень опасно. Он был уверен, что они не поняли.

– Что они собираются делать? – спросил Блэкторн.

– Кто знает, англичанин? Вопить от страха не станут – в этом можешь быть уверен.

На скамьях главной палубы с усилием трудились гребцы. Обычно на каждое весло их приходилось по двое, но Родригес приказал посадить троих, чтобы увеличить по приказу скорость. Остальные ждали в трюме, готовясь сменить товарищей. На фордеке старший над гребцами был опытный, он отбивал такт медленно, сообразуясь с волнами.

Галера все еще двигалась вперед, хотя бортовая качка становилась все сильнее и судно все медленнее возвращалось в исходное

положение. Потом шквалы, сделавшись неравномернее, сбили старшину гребцов с ритма.

– Смотреть вперед! – Блэкторн и Родригес прокричали это в одно и то же мгновение. Галера сильно накренилась, двадцать весел ударились о воздух вместо волн, и на борту начался хаос. Налетела первая сильная волна, и по левому борту планшир был смыт.

– Идем вперед, – приказал Родригес. – Пусть уберут половину весел с каждой стороны. Мадонна, быстрее, быстрее!

Блэкторн знал, что без спасательных концов его бы легко смыло за борт. Но весла необходимо было убрать, иначе их запросто можно лишиться.

Он развязал узел и устремился по вздымающейся грязной палубе к короткому трапу, ведущему на главную палубу. Галера резко отклонилась от курса, и его пронесло вниз, ноги его отпихивали гребцы, которые также развязали страховочные узлы и пытались, следуя приказу, убрать весла. Планшир был под водой, и одного моряка несло за борт. Блэкторн понял, что его тоже сносит. Он схватился рукой за планшир, почувствовал, как растягиваются сухожилия, но держался, потом другой рукой уцепился за поручень и, оглушенный, подтянулся обратно. Ноги ощутили твердь палубы, он встряхнулся, в душе благодаря Бога, и подумал, что ушла его седьмая жизнь. Альбан Карадок всегда говорил, что хороший капитан похож на кошку, только он проживает по крайней мере десять жизней, в то время как кошка удовлетворяется девятью.

Моряк барахтался у его ног, и Блэкторн вырвал его из объятий моря и держал, пока тот не оказался в безопасности, а потом помог ему занять его место. Он обернулся на ют, чтобы обругать Родригеса, который выпустил штурвал из рук. Родригес махнул рукой, указал на что-то и крикнул, но крик был поглощен шквалом. Блэкторн заметил, что их курс изменился. Теперь они шли почти против ветра, и он знал, что это отклонение было намеренным. «Мудро, – подумал он. – Это даст нам время собраться, но этот негодяй мог бы предупредить меня. Мне не нравится без необходимости терять людей».

Он махнул рукой в ответ и бросился к гребцам.

Гребли только моряки, сидевшие на двух веслах впереди, что позволяло судну держаться строго против ветра. Знаками и воплями Блэкторн заставил убрать весла, удвоил число гребцов на работающих

веслах и опять перешел на корму. Люди держались стойко, и даже те, кто очень ослаб, оставались на местах и ждали приказов.

Бухта была близко, но все еще казалось, что до нее миллион лиг. На северо-востоке небо оставалось темным. Дождь хлестал, порывы ветра усилились. Будь это «Эразм», Блэкторн не имел бы оснований для беспокойства. Они легко добрались бы до гавани и могли спокойно повернуть на нужный курс. Его корабль строили с таким расчетом, чтобы он мог пережить любую бурю. А эту галеру нет.

– Что ты думаешь делать, англичанин?

– Какая разница? Ты все равно поступишь по-своему, – прокричал он против ветра. – Но корабль не выдержит, и мы пойдем ко дну как камень. И в следующий раз, когда я пойду вперед, предупреди, если соберешься поставить корабль против ветра. А лучше ставь корабль по ветру, пока я привязан, и тогда мы оба доберемся до порта.

– Это была рука Бога, англичанин. Волны бросили корму задом наперед.

– Это чуть не отправило меня за борт.

– Я видел.

Блэкторн измерил их дрейф.

– Если мы не сменим курс, никогда не попадем в бухту. Мы пройдем в миле или более от мыса.

– Я хочу идти против ветра. Потом, когда настанет нужный момент, мы попытаемся добраться до берега. Ты умеешь плавать?

– Да.

– Хорошо. А я никогда не учился. Слишком опасно. Лучше утонуть быстро, чем медленно, да? – Родригес непроизвольно поежился. – Святая Мадонна, защити меня от водной могилы! Этот сучий потрох, эта проститутка в облинии галеры собирается попасть в гавань сегодня вечером. Ты тоже. Мой нюх говорит, если мы повернем и поднажмем, то будем сбиваться с курса. Мы к тому же слишком перегружены.

– Нужно облегчить корабль. Сбрось груз за борт.

– Князь Лизоблюд никогда не согласится. Он должен прибыть с грузом или вообще не показываться.

– Спроси его.

– Мадонна, разве ты глухой? Я же тебе сказал! Я знаю, что он не согласится. – Родригес подошел поближе к рулевому и проверил, понял ли тот, что нужно держать точно против ветра. – Следи за ними,

англичанин. Ты должен вести судно. – Он развязал свой страховочный линь и спустился по трапу, уверенно ступая.

Гребцы внимательно следили за ним, пока он шел к капитану на палубу полуюта, чтобы объяснить знаками и словами план, который наметил. Хирромацу и Ябу поднялись на палубу. Капитан-сан объяснил этот план им. Оба они были бледны, но спокойны, их не тошнило. Они посмотрели сквозь дождь в сторону берега, пожали плечами и спустились обратно вниз.

Блэкторн разглядывал вход в бухту. Он знал, что план опасен. Они должны были ждать, пока не пройдут точно за ближайший мыс, чтобы потом уйти от ветра, повернуть к северу и бороться за свою жизнь. Парус им не поможет. Они должны рассчитывать только на свои силы. Южная сторона бухты была вся в рифах. Если они не рассчитают время, кораблекрушения не миновать – их выбросит на берег.

– Англичанин, иди вперед! – Родригес поманил его к себе, и он прошел вперед. – Как думаешь, может, поставить парус? – прокричал Родригес.

– Нет. Это больше навредит, чем поможет.

– Тогда оставайся здесь. Если их капитан не справится с барабаном или мы его лишимся, ты займешь его место. Хорошо?

– Я никогда не плавал на таких кораблях, никогда не командовал гребцами. Но я попытаюсь.

Родригес посмотрел в сторону земли. Мыс появлялся и исчезал в пелене дождя. Волны становились все больше, и уже появились пенистые буруны, указывающие на близость рифов и отмелей. Течение между мысами казалось дьявольски быстрым. «Здесь не пройти», – подумал он и решил.

– Ступай на корму, англичанин. Становись у штурвала. Когда я посигналю, иди на запад-северо-запад к этой точке. Ты видишь ее?

– Да.

– Не мешкай и держи этот курс. Внимательно следи за мной. Этот знак обозначает «круто на левый борт», этот – «круто на правый», а этот – «так держать».

– Очень хорошо.

– Поклянись Святой Девой, что будешь ждать моих приказов и выполнять их!

– Ты хочешь, чтобы я встал к штурвалу, или нет?

Родригес знал, что он в западне.

– Я вынужден довериться тебе, англичанин, хоть мне этого и не хочется. Иди на корму, – сказал португалец. И увидел: Блэкторн понял, что у него на уме, но пошел. Родригес передумал и позвал его: – Эй, ты, надменный пират! С Богом!

Блэкторн оглянулся и с благодарностью произнес:

– Тебе того же, испанец!

– Ссать я хотел на всех испанцев, и да здравствует Португалия!

– Так держать!

Они пришли в гавань, но без Родригеса. Его смыло за борт, когда порвался страховочный линь.

Корабль был близок к спасению, но тут с севера налетела огромная волна. Еще до этого они начерпали много воды и потеряли японского капитана, сейчас же их захлестнуло и отбросило к скалистому берегу.

Блэкторн видел, как унесло Родригеса, как он захлебывался и боролся со вспененным морем. Шторм и прилив отнесли корабль далеко в южную часть бухты, к рифам, и все на борту знали, что судно обречено.

Как только Родригеса смыло, Блэкторн бросил ему деревянный спасательный круг. Португалец поплыл к нему, молотя руками по воде, но круг был недосыгаем. Сломанное весло ткнулось в Родригеса, и он вцепился в него. Дождь хлынул стеной. Последнее, что заметил Блэкторн: рука Родригеса сжимает обломок, а прямо впереди прибой обрушивается на изрезанный берег. Он мог нырнуть с борта, поплыть к португальцу и спасти его, может быть, он успел бы, но первой и последней его обязанностью было оставаться на корабле, а кораблю угрожала опасность.

Поэтому он повернулся к Родригесу спиной.

Волна смыла нескольких гребцов, другие пытались занять их места за веслами. Помощник капитана смело отвязал свой страховочный линь. Он прыгнул на бак, привязался, и вновь грянула барабанная дробь. Запевала затянул песню, задавая ритм, гребцы пытались возродить порядок из хаоса.

– *Исогу!* – закричал Блэкторн, вспомнив нужное слово. Он всем весом навалился на штурвал, ставя нос против ветра, потом подошел к

поручням и, чтобы ободрить команду, начал отбивать такт, выкрикивая: – Раз-два, раз-два. Ну, вы, мерзавцы, давай!

Галера целила на рифы, – по крайней мере, верхушки их торчали за кормой, по левому и правому борту. Весла погружались в воду, но галера не двигалась, ветер и прилив заметно оттаскивали ее назад.

– Ну, давай, мерзавцы! – снова прокричал Блэкторн – его руки отбивали такт.

Сначала они противостояли морю, потом победили его.

Корабль миновал рифы. Блэкторн держал курс на подветренный берег. Скоро они достигли относительно спокойного места. И хотя ветер тут все еще был сильным, с ним уже можно было справиться. И здесь свирепствовала буря, но они уже были не в море.

– Отдать правый якорь!

Никто не понял его слов, но все моряки сообразили, что от них требуется. И бросились выполнять приказание. Якорь с плеском погрузился в воду. Блэкторн дал кораблю немного пройти, чтобы проверить, тверд ли морской грунт. Команда поняла его маневр.

– Отдать левый якорь!

Когда корабль оказался в безопасности, он оглянулся на корму.

Резко очерченная береговая линия была едва видна сквозь дождь. Он оглядел море и оценил свои возможности.

«Португальский журнал внизу, в полузатопленном трюме. Я могу довести судно до Осаки. Могу привести его обратно в Андзиро. Но прав ли я был, когда ослушался Родригеса? Я не ослушался. Я был на юте. Один».

– Правь на юг! – прокричал Родригес, когда ветер и прилив несли их к рифам. – Поворачивай и иди по ветру!

– Нет! – прокричал Блэкторн в ответ, веря, что их единственный шанс – попытаться попасть в гавань и что в открытом море они пойдут ко дну. – Мы можем пройти туда!

– Разрази тебя Господь, ты погубишь всех нас!

«Но я никого не погубил, – подумал Блэкторн. – Родригес, ты знал, и я знал, что мне надо принять решение, если вообще было время решать. Я оказался прав. Корабль спасен. Остальное не имеет значения».

Он поманил к себе помощника капитана, и тот бросился к нему с бака. Оба рулевых были ранены, их руки и ноги почти вырвало из

суставов. Гребцы, полуживые от усталости, беспомощно повалились на весла. Другие с трудом поднимались снизу на палубу, чтобы помочь им. Хиромацу и Ябу, сильно пострадавших, вывели на палубу, но, ступив на нее, оба даймё сразу приосанились.

– *Хай*, Андзин-сан? – спросил помощник капитана.

Он был среднего возраста, с крепкими белыми зубами и широким обветренным лицом. Свежий синяк красовался у него на скуле – волна швырнула его на планшир.

– Ты вел себя очень хорошо, – сказал Блэкторн, не заботясь о том, что его слова не будут поняты. Он знал, что тон говорит сам за себя, так же как и его улыбка. – Да, очень хорошо. Ты теперь капитан-сан. *Вакаримас?* Ты! Капитан-сан!

Японец уставился на него, разинув рот, потом поклонился, чтобы скрыть удивление и радость:

– *Вакаримас*, Андзин-сан. *Хай. Аригато годзаймасита.* (Спасибо.)

– Слушай, капитан-сан, – продолжал Блэкторн, – дай команде поесть и выпить. Горячей еды. Мы останемся здесь на ночь. – Знаками Блэкторн донес до японца смысл своих слов.

Вновь назначенный капитан тут же начал распоряжаться. И его слушались. Полный гордости, он оглянулся на ют. «Жаль, что я не говорю на языке варвара, – подумал он с удовольствием. – Тогда я мог бы поблагодарить вас, Андзин-сан, за спасение корабля и жизни нашего господина Хиромацу. Ваше могущество вливает в нас всех новые силы. Без вашего искусства мы бы погибли. Вы, может быть, и пират, но великий моряк, и пока вы распоряжаетесь на борту, я буду слушаться вас во всем. Я недостойн быть капитаном, но попытаюсь заслужить ваше доверие».

– Что вы хотите, чтобы я делал дальше? – спросил он.

Блэкторн огляделся по сторонам. Морского дна не было видно. Он мысленно определил положение судна и, когда убедился, что якоря держат и море неопасно, распорядился:

– Спусти ялик. И возьми хорошего гребца.

Перемежая слова жестами, Блэкторн добился, чтобы его поняли.

Ялик был спущен и подготовлен мгновенно.

Блэкторн подошел к планширу и собирался спуститься с борта в шлюпку, но хриплый голос остановил его. Он оглянулся. Позади стоял Хиромацу, а сбоку от него – Ябу. Старик сильно расшиб шею и плечи,

но все равно не выпустил из рук свой длинный меч. У Ябу лицо было в синяках, кимоно в бурых пятнах – из носа текла кровь, и он пытался остановить ее небольшим куском ткани. Оба оставались бесстрастными, словно бы нечувствительными к боли и холоду.

Блэкторн вежливо поклонился:

– *Хай*, Тода-сама?

Снова раздалась хрипая речь, старик указал на ялик мечом и покачал головой.

– Там Родригу-сан! – ответил Блэкторн, махнув рукой в сторону южного берега. – Я поеду искать!

– *Иэ!* – Хиромацу опять покачал головой и долго говорил, очевидно не давая своего позволения из-за опасности.

– Сейчас я капитан этого сучьего корабля, и если хочу сойти на берег, то так и сделаю. – Блэкторн продолжал говорить очень вежливо, но твердо, и было очевидно, что он подразумевает. – Я знаю, что ялик долго не продержится на такой волне! *Хай!* Но я собираюсь попасть на берег – вон туда. Тода Хиромацу, вы видите это место? К той маленькой скале. Потом я намерен обойти вокруг полуострова. Я не тороплюсь умереть, и мне некуда бежать. Я хочу найти тело Родригу-сана. – Он занес ногу над бортом. Меч немного выдвинулся из ножен. Блэкторн тут же замер. Но глаз не опустил, и ни единый мускул не дрогнул на его лице.

Хиромацу стоял перед дилеммой. Он мог понять желание пирата найти тело Родригеса, но плыть было опасно – опасно было даже идти пешком, а господин Торанага велел привезти чужеземца в целостности и сохранности, что он, Тода, и собирался сделать. Но было столь же ясно, что чужеземец не отступит от своего намерения.

Старик наблюдал за варваром во время шторма, когда тот стоял посреди кренящейся палубы, подобный грозному морскому каму, бесстрашный, и мрачно думал: «Лучше мериться силами с этим чужеземцем и прочими подобными ему на земле, где можно иметь с ними дело на равных. На море они не в нашей власти».

Он видел, что пират теряет терпение. «Как они неучтивы, – сказал себе Хиромацу. – При всем том мне следует благодарить его. Все говорят, он один привел судно в эту бухту, что Родригу-сан растерялся и повел нас от земли, что мы бы наверняка утонули. Случись такое, я

бы провинился перед моим господином. О Будда, защити меня от этого!»

Все его суставы болели, геморроидальные шишки воспалились. Он был измучен необходимостью стоически держаться перед своими людьми, Ябу, командой, даже перед этим чужеземцем. «О Будда, я так устал. Я хочу лечь в ванну и отмокать, отмокать, хотя бы на день избавиться от боли. Только на один день. Довольно! Что за глупые, женские мысли? Ты все время испытываешь боль. Вот уже почти шестьдесят лет. Что такое боль для мужчины? Привилегия! Скрывающий боль доказывает тем свое мужество. Спасибо Будде, ты пока еще жив, чтобы защитить своего господина, хотя мог бы уже сто раз умереть. Я должен благодарить Будду. Но я ненавижу море. Я ненавижу холод. И я ненавижу боль».

– Стой где стоишь, Андзин-сан, – бросил он, подкрепляя слова движением меча, мрачно наслаждаясь вспышками холодного голубого пламени в глазах чужака. Уверившись, что моряк его понял, он взглянул на помощника капитана. – Где мы? Чье это владение?

– Не знаю, господин. Думаю, мы где-то в провинции Идзу. Мы могли бы послать кого-нибудь на берег в ближайшую деревню.

– Ты сможешь привести корабль в Осаку?

– При условии, что мы будем плыть близко к берегу, господин, медленно и с большой осторожностью. Я не знаю этих вод и не могу поручиться за вашу безопасность. У меня нет нужных знаний, и на борту не сыскать никого, кто бы их имел, господин. За исключением этого чужеземца. Если бы это зависело от меня, я бы посоветовал вам сойти на берег. Мы бы достали для вас лошадей или паланкин.

Хиромацу раздраженно покачал головой. Предложение сойти на берег его никак не устраивало. Он потерял бы слишком много времени – пришлось бы пробираться через горы, где дорог по пальцам сосчитать, а значит никак не минуешь земель, подвластных сторонникам Исидо, врага. Была и другая опасность: бесчисленные шайки разбойников, которые занимали перевалы. Даже прихватив всех своих людей, Хиромацу хотя и пробился бы через территории, занятые разбойниками, но никогда не преодолел бы заслоны Исидо или его союзников, надумай те чинить ему препятствия. Все это задержало бы его, а он получил приказ доставить груз, чужеземца и Ябу быстро, в целостности и сохранности.

– Если мы пойдем вдоль берега, сколько это займет времени?

– Не знаю, господин. Четыре или пять дней, может, и больше. Я не уверен в себе, я не капитан, так что прошу прощения.

«Это значит, – подумал Хиромацу, – что я должен сговориться с чужеземцем. Чтобы не дать ему сойти на берег, я должен был бы связать его. И кто знает, согласится ли он вести корабль, если его связать?»

– Сколько времени мы должны оставаться здесь?

– Новый капитан сказал: до утра.

– Шторм к тому времени закончится?

– Наверное, господин, но этого никто и никогда не знает.

Хиромацу посмотрел на гористый берег, потом на чужеземца.

– Могу я высказать предположение, Хиромацу-сан? – спросил Ябу.

– Да-да. Конечно, – проворчал тот.

– Как мы видим, для того чтобы попасть в Осаку, нам нужна помощь пирата. Так почему бы не отпустить его на берег? Пошлем с ним человека, чтобы защищал его, и прикажем им вернуться до темноты. Что касается пути по суше, я полагаю, это было бы слишком опасно для вас. Я бы никогда себе не простил, случись с вами какая беда. Безопаснее плыть на корабле, как только шторм закончится. И вы окажетесь в Осаке намного быстрее, так ведь? Наверняка к завтрашнему вечеру.

Хиромацу неохотно кивнул:

– Очень хорошо. – Он подозвал самурая: – Такатаси-сан! Возьми шесть человек и отправляйся с капитаном. Привези тело португальца, если вы его найдете. Но если хоть волос упадет с головы *этого* чужеземца, ты и твои люди немедленно совершите сэппуку.

– Да, господин.

– Пошли двух человек в ближайшую деревню и узнай точно, где мы и на чьих землях.

– Да, господин.

– С вашего позволения, Хиромацу-сан, я поведу на берег этот отряд, – встрял Ябу. – Если мы прибудем в Осаку без пирата, я, дабы смыть позор, буду вынужден покончить с собой. Мне хотелось бы удостоиться чести выполнять ваши приказы.

Хиромацу кивнул, удивленный, что Ябу сам сунулся в такое опасное дело. Он спустился в трюм.

Когда Блэкторн понял, что Ябу собирается с ним на берег, сердце его забилось чаще. «Я никогда не забуду Питерзона, и мою команду, и этот погреб – ни крики, ни Оми, ничего. Опасайся за свою жизнь, ублюдок».

Глава 9

Они быстро достигли земли. Блэкторн собирался править лодкой, но Ябу занял место рулевого и задал быстрый темп, который англичанин выдерживал с трудом. Другие шесть самураев внимательно следили за ним. «Я никуда не сбегу, глупцы», – думал он, не понимая их сосредоточенности, в то время как глаза его непроизвольно оглядывали бухту, выискивая мели или спрятанные под водой рифы, измеряя азимуты, а ум фиксировал детали, достойные того, чтобы занести их в судовой журнал.

Их путь сначала пролегал вдоль усыпанного галькой берега, потом вверх по сглаженным морем скалам к тропинке, которая окаймляла утес и причудливо тянулась вокруг мыса на юг. Дождь прекратился, но ветер продолжал дуть. Чем ближе они подходили к открытому участку, тем выше был прибой, обрушивавшийся вниз на скалы, воздух насыщала водяная взвесь. Вскоре они вымокли до нитки.

Блэкторн продрог, а Ябу и остальные словно не чувствовали холода и сырости в своих легких, свободно перепоясанных кимоно. Он подумал, что Родригес говорил правду, и его страх вернулся. «Японцы устроены не так. Они не чувствуют холода или голода, ран или ударов. Они больше похожи на животных, их ощущения притуплены по сравнению с нашими».

Утес вздымался на двести футов над ними. Берег лежал в пятидесяти футах внизу. Вокруг были одни горы. Никакого жилья не видать. Прибрежная галька переходила в утесы – гранитные скалы с редкими деревьями на вершинах.

Тропинка нырнула вниз и устремилась вверх по передней части утеса – очень опасный путь, с предательски ровной, скользкой поверхностью. Блэкторн карабкался, наклоняясь, потому что ветер дул в лицо, и невольно отмечая, как сильны и мускулисты ноги Ябу. «Поскользнись, сукин сын, – мысленно пожелал он. – Хоть бы ты оступися и сверзился вниз, на скалы. Заставит ли хоть это тебя закричать? Что вырвет из тебя крик?»

Усилием воли он отвел глаза от Ябу и вернулся к обследованию берега. Каждой трещины и расщелины. Ветер, несущий морскую пену, налетал порывами, заставляя глаза слезиться. Волны мчались, кружа и

завихряясь водоворотами. Он знал, что почти нет надежды найти Родригеса: слишком много пещер и укромных мест, которые никогда не удастся осмотреть. Но он сошел на берег, чтобы попытаться. Он должен хотя бы попробовать. Ради Родригеса. Все капитаны усердно молят Бога о том, чтобы умереть и упокоиться на берегу. Ибо видели в море слишком много раздутых, полуобъеденных крабами трупов.

Отряд обогнул мыс и охотно остановился в укрытом от ветра месте. Идти дальше не было необходимости. Если тело не прибилось к подветренному берегу, его уже не найдешь: оно или ушло под воду, или было унесено в открытое море, на глубину. Впереди, в полумиле, на берегу, очерченном белой пенистой кромкой, приютилась рыбацкая деревушка. Ябу отдал распоряжение двум самураям. Они тут же поклонились и со всех ног бросились в сторону деревни. Обозрев окрестности, Ябу вытер влагу с лица, взглянул на Блэкторна и знаком показал, что пора возвращаться. Блэкторн кивнул, и они двинулись в обратный путь.

И вот, пройдя половину дороги, они увидели Родригеса.

Тело застряло в расщелине между большими камнями, выше полосы прибоя, но волны, набегаая, лизали его. Одна рука была вытянута вперед. Другая все еще сжимала обломок весла, который колыхался, послушный прибою и течению. Это движение и привлекло внимание Блэкторна, когда он боролся с ветром, устало тащась вслед за Ябу.

Единственный путь вниз проходил по невысокому утесу. Всего-то пять-шесть десятков футов, но точно по прямой вниз, и никаких уступов или выщербин, чтобы поставить ногу или уцепиться.

«И как на грех прилив, – досадовал Блэкторн. – Вода поднимается. Его опять вынесет в море. Боже, это, кажется, уж слишком подло. Как быть?»

Он двинулся к краю, но Ябу немедленно встал у него на дороге, качая головой, и другой самурай тоже шагнул к нему.

– Я только попробую разглядеть, ради Бога, – сказал он. – Я не пытаюсь убежать. Куда, к черту, я могу здесь убежать?

Он отступил немного и наклонился. Проследив за его взглядом, японцы затараторили. Ябу говорил больше всех.

«Надежды никакой, – решил он. – Это слишком опасно. На рассвете мы вернемся сюда с веревками. Если он будет здесь, я

похороню его на берегу». Блэкторн нехотя повернулся, но в то же самое мгновение край утеса обрушился и увлек бы его за собой, если бы не Ябу и остальные, которые тут же схватили его и вытащили. Он понял, что японцы думали только о его безопасности. «Они пытались защитить меня! Почему? Из-за Тора... как его там? Торанаги? Из-за него? Да, но также, может, и потому, что некому было бы вести корабль. Вот поэтому они дали мне сойти на берег. Да, это, должно быть, так. Значит, теперь я имею власть над судном, старым даймё и этим негодяем. Как мне это использовать?»

Он высвободился и поблагодарил всех, его глаза устремились вниз.

– Мы должны попробовать достать его, Ябу-сан. Единственный путь – здесь. Через этот утес. Я достану его, Ябу-сан, сам, я, Андзин-сан! – Он снова подался вперед, как если бы собирался спуститься вниз, и опять они удержали его, и он произнес с притворной обеспокоенностью: – Мы должны достать Родригу-сана. Смотрите! Времени мало, темнеет.

– *Иэ*, Андзин-сан, – сказал Ябу.

Блэкторн стоял, нависая над Ябу:

– Если вы не позволяете мне идти, Ябу-сан, тогда пошлите одного из своих людей. Или идите сами. Вы!

Ветер с воем метался вокруг них. Он увидел, что Ябу глядит вниз, прикидывая, как спуститься и сколько еще будет светло, и понял, что тот поддается. «Ты попался, негодяй, твое чванство погубило тебя. Полезешь вниз и покалечишься. Но лучше бы ты не свернул шею, а сломал лодыжку или колено, а потом утонул».

Один из самураев начал спускаться вниз, но Ябу велел ему вернуться.

– Возвращайся на корабль. Принеси немедленно несколько веревок, – приказал он, и самурай умчался. Ябу скинул свои сандалии, снял оружие и надежно укрыл его. – Следи за ним и чужеземцем. Если что-нибудь случится, я посажу тебя на твои собственные мечи.

– Пожалуйста, позволь мне спуститься, Ябу-сама, – молил Такатаси. – Если вы пострадаете или потеряетесь, я буду...

– Ты думаешь, что сможешь преуспеть там, где я потерплю неудачу?

– Нет, господин, конечно нет.

– Хорошо.

– Пожалуйста, подождите хотя бы, пока не принесут веревки. Я никогда не прощу себе, если с вами что-то случится, – упрасивал Такатаси, низенький, полный, с густой бородой.

«Почему не подождать веревки? – спросил себя Ябу. – Это было бы благоразумно. Но не умно. – Он взглянул на чужеземца и коротко кивнул. Ябу знал, что ему брошен вызов. Он ожидал и надеялся, что это произойдет. – Вот почему я вызвался идти на берег, Андзин-сан, – сказал он про себя, усмехаясь своим мыслям. – Вы действительно очень просты, Оми был прав».

Ябу скинул промокшее кимоно и, оставшись в одной набедренной повязке, подошел к краю утеса, пощупал его подошвами своих хлопчатобумажных таби. «Лучше не снимать их», – подумал он. Его воля и тело, закаленные суровой выучкой, которую проходят самураи, преодолевали холод. «Таби не дадут стопе соскальзывать – какое-то время. Тебе потребуются все твои силы и искусство, чтобы спуститься вниз. Стоит ли?»

Во время шторма, когда судно пыталось пробиться в бухту, он выходил на палубу и, не замеченный Блэкторном, занимал место на веслах. Он с радостью работал наравне с гребцами, ненавидя запах, стоявший внизу, и боль, которую чувствовал. Он решил, что лучше умереть на воздухе, чем задохнуться в трюме.

Налегая на весло вместе с другими, подгоняемыми холодом, он следил за чужеземцами. Он ясно увидел, что на море корабль и все на его борту находятся во власти этих двух людей. Варвары оказались в своей стихии и расхаживали по качающейся палубе с той же уверенной небрежностью, с какой сам он держался в седле, когда лошадь неслась галопом. Ни один японец на борту не смог бы того, что легко давалось им. Не хватило бы умения, мужества и знаний. И постепенно в голове созрела удивительная мысль: современный корабль чужеземной постройки, перевозящий самураев, управляемый ими, с капитаном-самураем и моряками-самураями. Его самураями.

«Если я для начала заполучу три корабля чужеземцев, то легко сумею подчинить своей власти морские пути между Эдо и Осакой. Из Идзу я смогу управлять всем судоходством. Почти всеми перевозками риса и шелка. Не буду ли я тогда судьей между Торанагой и Исидо? Или, на худой конец, противовесом им?»

Ни один даймё никогда не выходил в море.

Ни один даймё не имел своих судов или капитанов.

За исключением меня.

Я имею судно, точнее, имел, и оно снова станет моим, снова – если хватит ума. У меня есть капитан и, следовательно, учитель будущих капитанов – надо только забрать его у Торанаги. И подчинить своей воле.

Став моим вассалом по доброй воле, он согласится учить моих людей. И строить корабли.

Но как сделать из него преданного вассала? Яма не сломила его дух.

Сначала отделить его от остальных и держать одного – разве не так советовал Оми? Тогда он научится вести себя достойно и говорить по-японски. Да. Оми – умный человек. Может быть, даже слишком умный – я подумаю об Оми позже. А сейчас сосредоточусь на капитане. Как управлять этим чужеземцем, этим христианином-дерьмоедом?

Что сказал Оми? Они ценят жизнь. Верховное божество христиан, Иисус Христос, учит их любить друг друга и ценить жизнь. Могу я подарить ему жизнь? Спасти ее? Да, это будет очень хорошо. Как сломить его?»

Поглощенный своими мыслями, Ябу почти не замечал движения корабля и волн. Стена воды обрушилась на него. Она накрыла и капитана. Но тот не обнаружил и тени страха. Ябу был поражен. Как мог человек, который смиренно позволил врагу мочиться себе на спину ради спасения жизни мелкого вассала, как мог этот человек найти в себе силы, чтобы забыть такое страшное бесчестие и, бросив вызов всем богам моря, подобно легендарному герою, спасти своих оскорбителей, своих врагов? И потом, когда громадная волна смыла португальца и они попали в беду, Андзин-сан посмеялся над смертью и помог им вызволить судно из плена скал.

«Я никогда не пойму их», – подумал он.

На краю утеса Ябу оглянулся в последний раз.

«Ах, Андзин-сан, я знаю, ты думаешь, что я иду на смерть, что ты подловил меня. Я знаю, ты бы сам туда не полез. Я внимательно следил за тобой. Но я вырос в горах, здесь, в Японии, мы лазим по горам ради удовольствия, из гордости. Так что я играю в свою игру, а не в твою. Я попытаюсь, и если умру – невелика беда. Но коли мне

повезет, я возьму верх над тобой, ты поймешь, что я сильнее тебя. Ты будешь у меня в долгу, если мне удастся поднять тело португальца.

Ты будешь моим вассалом, Андзин-сан!»

Он с большим искусством спускался вниз по скале. На полпути поскользнулся. Его левая рука зацепилась за выступ. Это остановило падение, и он повис между жизнью и смертью. Чувствуя, что захват слабеет, он пытался пальцами ног нащупать опору. И когда его левая рука соскочила, пальцы ноги нашли расщелину и внедрились в нее, он приник к утесу, силясь сохранить равновесие, прижимаясь к камню, ища зацепку. Потом и нога оторвалась от опоры. Он сумел ухватиться обеими руками за другой выступ десятью футами ниже и на мгновение повис на нем, но не удержался и остальные двадцать футов падал.

Он приготовился к падению, насколько мог, и приземлился на ноги, как кошка, кувыряясь по наклонной поверхности скалы, чтобы смягчить удар. Он обхватил ободранными руками голову, защищаясь от каменной лавины, которая могла последовать за ним. Но камни не посыпались. Он покачал головой, отряхиваясь, и встал. Одно колено было вывихнуто. Жгучая боль прострелила Ябу от пяток до пояса, его прошиб пот. Подошвы и ногти кровоточили, но к этому он был готов.

«Боли нет. Ты не будешь чувствовать боли. Стой прямо. Чужеземец наблюдает за тобой».

Брызги окатили его, холод помог одолеть боль. С большой осторожностью он проскользнул по облепленным морскими водорослями камням, пробрался через расщелины к телу.

Внезапно Ябу понял, что человек, лежащий перед ним, все еще жив. Он подошел поближе, желая удостовериться в этом, потом на мгновение отодвинулся. «Нужен он мне живым или же мертвым? Что лучше?»

Краб поспешно выскочил из-под камня и бултыхнулся в воду. Волны обрушились на Ябу. Он чувствовал, что соль разъедает раны. «Что лучше, живой или мертвый?»

Он осторожно поднялся и прокричал:

– Такатаси-сан! Португалец все еще жив! Отправляйся на корабль за носилками и лекарем, если там есть хоть один!

Ветер почти заглушил ответ Такатаси:

– Да, господин.

Ябу посмотрел на галеру, мягко покачивающуюся на якорях. Другой самурай, которого он послал за веревками, уже достиг яликов. Вот он прыгнул в лодку и отплыл. Ябу улыбнулся, довольный, и повернул голову на крик. Блэкторн подошел к краю обрыва и что-то настойчиво втолковывал ему.

«Что он пытается сказать?» – спросил себя Ябу. Он увидел, что капитан указывает на море, но не понял значение жеста. Волны были крутые и очень высокие, но не больше прежнего.

В конце концов Ябу оставил попытки понять Блэкторна и переключил внимание на Родригеса. Приложив немалые усилия, он вытащил португальца на скалы, подальше от прибоя. Дыхание спасенного было затруднено, но сердце билось ровно. Ушибов набиралось много. Расщепленная кость торчала из левой икры. Правое плечо казалось смещенным. Ябу искал, нет ли где кровоточащих ран, но не нашел. «Если внутренности не отбиты, он, возможно, выживет», – подумал японец.

Даймё не раз бывал ранен сам и видел много умирающих и раненых, так что имел опыт в подобных вещах. «Если Родригеса поместить в тепло, – решил он, – напоить sake и отваром лекарственных трав, положить теплые припарки, он выживет. Ходить не сможет, но выкарабкается. Да. Я хочу, чтобы этот человек выжил. Сможет он ходить или нет, не важно. Может, это даже к лучшему. У меня будет запасной капитан – человек, обязанный мне жизнью. Если пират не захочет покориться, я смогу использовать этого человека. А не притвориться ли мне христианином – вдруг это привлечет их?

А что бы сделал Оми?

Этот малый умен – Оми. Да. Чересчур умен? Оми слишком многое и слишком быстро подмечает. Если он дальновидный, должен сообразить: его отец станет главой клана, стоит мне исчезнуть – мой сын неопытен пока, чтобы выжить одному, – а после отца Оми сам возглавит клан. Так?

Что делать с Оми?

Отдать чужеземцам? Как игрушку?

Что тогда?»

Сверху донеслись тревожные крики. Ябу наконец понял, о чем предупреждает чужеземец. Прилив! Прилив наступал очень быстро. Он уже захватывал скалу. Ябу вскарабкался повыше и поморщился –

боль молнией пронзила колено. Он увидел, что отметки прибоя над основанием скалы выше человеческого роста.

Ябу посмотрел на ялик. Тот был около корабля. Такатаси бежал по берегу. «Они не успеют принести веревки», – сказал себе Ябу.

Его глаза внимательно осмотрели местность. Вверх на утес пути не было. Убежища в скалах тоже. Никаких пещер. До рифов, торчащих над поверхностью моря, не добраться. Плавать он не умел и не видел ничего, что помогло бы ему удержаться на плаву.

Люди наверху следили за ним. Чужеземец показал на рифы и развел руки движением пловца, но он покачал головой. И снова все внимательно осмотрел. Ничего.

«Выхода нет, – подумал он. – Теперь ты умрешь. Готовься».

«Карма», – сказал он себе и отвернулся от людей, устраиваясь удобнее, чтобы насладиться великой истиной, открывшейся ему. Последний день, последнее море, последний свет, последняя радость, последнее все. Как красивы море и небо, холод и соль! Он обдумывал слова предсмертного стихотворения, которое сочинял, следуя обычаю. Он чувствовал себя счастливым. У него было время все хорошо обдумать.

Блэкторн кричал:

– Слушай, ты, сукин сын! Найди уступ – там должен быть где-нибудь уступ!

Самураи оттеснили чужеземца от края, глядя на него как на сумасшедшего. Им было ясно, что выхода нет и что Ябу просто готовится достойно встретить смерть, как сделали бы и они на его месте. И относились к буйству чужеземца так же, как, они знали, отнесся бы к нему сам Ябу.

– Смотрите вниз, все вы! Может быть, там есть какой-нибудь выступ!

Один из самураев подошел к краю обрыва, поглядел вниз, пожал плечами и заговорил с товарищами, те тоже пожали плечами. Каждый раз, когда Блэкторн пытался подобраться к краю обрыва, чтобы найти способ спасти Ябу, его останавливали. Он легко мог столкнуть одного из них вниз и обречь на смерть, ему хотелось этого. Но он понимал их. «Думай, как помочь этому негодяю! Ты должен спасти его, чтобы спасти Родригеса!»

– Эй, вы, дрянь, поганые япошки! Эй, Касиги Ябу! Не сдавайся. Сдаются только труссы! Ты человек или баран?

Но Ябу не обращал внимания. Он был неподвижен, как скала, на которой сидел.

Блэкторн поднял камень и с силой бросил в него. Не причинив вреда Ябу, камень ушел в воду, а самурай сердито закричал на Блэкторна. Капитан знал, что в любую минуту люди даймё могут навалиться на него и связать. Хотя как? У них нет веревок.

«Веревки! Нужны веревки! Ты можешь их раздобыть?»

Его глаза наткнулись на кимоно, которое Ябу снял и оставил на камнях. Блэкторн начал рвать кимоно, пробуя полосы на прочность: то, что надо.

– Давайте! – приказал он самураям, скидывая собственную рубашку. – Делайте веревки, ну?!

Они поняли, быстро развязали пояса, сняли кимоно и последовали его примеру. Он начал связывать концы полос, используя также и пояса.

Пока они возились с тряпьем, Блэкторн осторожно лег на землю и подвинулся к краю, заставив двух самураев держать его за лодыжки. Он не нуждался в помощи, просто хотел успокоить их.

Он высунул голову, насколько мог, не рискуя своей безопасностью, потому что понимал их беспокойство. Потом стал осматриваться, как если бы озирали море. Участок за участком.

Все гладко. Ничего.

Еще раз.

Ничего.

Снова.

Что это? Как раз выше линии прилива? Трещина в утесе? Или тень? Блэкторн передвинулся, остро осознавая, что море почти покрыло скалу, на которой сидел Ябу, и едва ли не все скалы за ним, и основание утеса. Теперь он мог видеть лучше.

– Там! Что это?

Самурай встал на четвереньки и устремил взгляд туда, куда указывал Блэкторн, но ничего не увидел.

– Там! Это не выступ?

Он выставил перед собой ладонь и утвердил на ней два пальца, изобразив человека, стоящего на уступе.

– Быстро! *Исогу!* Объясните это ему – Касиги Ябу-сама! *Вакаримас ка!*

Самурай вскочил, быстро заговорил с другими. Теперь, посмотрев вниз, они все увидели выступ. И закричали. Ябу не откликнулся. Он словно уподобился камню. Они продолжали надирать глотку, и Блэкторн – с ними заодно, но казалось, никто не издавал ни звука.

Один из самураев коротко переговорил с другими, они все кивнули и поклонились. Внезапно с криком «*Банса-а-ай!*» он бросился с утеса и полетел навстречу смерти. Ябу с усилием вырвался из транса, повернулся и встал.

Другой самурай кричал и что-то показывал, но Блэкторн уже ничего не слышал и не видел, кроме тела внизу, увлекаемого морем. «Что это за люди? – думал он беспомощно. – Было ли это мужество или помешательство? Этот человек пошел на самоубийство, не имея ни малейшего шанса спастись, чтобы привлечь внимание другого, который уже отказался от борьбы за жизнь. Это не имело смысла! Они не признают здравый смысл».

Он увидел, как Ябу, шатаясь, поднимается. Блэкторн ожидал, что японец полезет вверх, оставив Родригеса. «А что бы сделал я? Не знаю». Но Ябу наполовину полз, наполовину скользил, таща бесчувственное тело через мелкие места, на которые накатывал прибой, к подножию утеса. Он нашел уступ, всего-то в фут шириной. Чувствуя сильную боль, он втолкнул Родригеса на уступ и чуть не упал при этом, потом взгромоздился сам.

Веревка получилась на двадцать футов короче, чем нужно. Самураи тут же надставили ее, пустив в ход набедренные повязки. Теперь, стоя, Ябу должен был достать конец.

Несмотря на всю свою ненависть, Блэкторн восхищался мужеством Ябу. Полдюжины раз волны почти поглощали японца. Дважды Родригес срывался, но каждый раз Ябу вытаскивал его. «Где ты берешь мужество, Ябу? Или ты просто дьявол? Как и все вы?»

Чтобы спуститься вниз, требовалось мужество. Сначала Блэкторн думал, что Ябу движим одной бравадой, но вскоре понял: этот человек бросил вызов скале и почти выиграл. Потом Ябу сильно расшибся при падении – а кто бы не расшибся? И с достоинством отказался от борьбы.

«Боже мой! Я восхищаюсь этим негодяем и ненавижу его».

Почти час Ябу боролся с морем и собственным обессиленным телом. В сумерках вернулся Такатаси с веревками. Они сделали люльку и спустились с утеса с искусством, о котором Блэкторн и не подозревал.

Тут же был поднят Родригес. Блэкторн попытался помочь ему, но японец с густыми волосами уже опустился около португальца на колени. Блэкторн смотрел, как этот человек, очевидно лекарь, осматривал сломанную ногу. По приказу врачевателя самураи придержали Родригеса за плечи, пока лекарь всем весом налег на ногу, и кость скользнула обратно в тело. Пальцы лекаря ощупали и правильно поставили ее, после чего привязали сломанную конечность к шине. Врачеватель обертывал рану травами, когда вытащили Ябу.

Даймё отказался от помощи, махнул рукой лекарю, отсылая его назад к Родригесу, сел и стал ждать.

Блэкторн глядел на него. Ябу почувствовал этот взгляд. Два человека смотрели друг на друга.

– Спасибо, – сказал наконец Блэкторн, указывая на Родригеса. – Спасибо, что ты спас ему жизнь. Спасибо, Ябу-сан. – Он почтительно поклонился. – Это за твое мужество, ты, черноглазый сын дерьмовой проститутки.

Ябу чопорно ответил на поклон. Но в глубине души он улыбался.

Часть вторая

Глава 10

Их переход от бухты до Осаки выдался спокойным. Бортовые журналы Родригеса были полными и очень точными. В первую ночь Родригес пришел в себя. Сначала он подумал, что умер, но боль сразу вернула его к реальности.

– Они вправили ногу и перебинтовали ее, – сказал Блэкторн. – И стянули ремнем плечо. Оно было вывихнуто. Они не делали кровопускания, как я ни настаивал.

– Подождем до Осаки, это могут сделать иезуиты. – Измученный взгляд Родригеса вонзился в него. – Как я оказался здесь, англичанин? Я помню, что меня смыло за борт, а больше ничего. – (Блэкторн рассказал все как было.) – Так теперь я обязан тебе жизнью. Черт тебя побери!

– С юта было видно, что мы можем войти в бухту. С носа под твоим углом зрения все выглядело иначе – разница в несколько градусов. С волной нам не повезло.

– Не беспокойся обо мне, англичанин. Ты был на юте, у руля. Мы оба знали это. Нет, я проклинаю тебя за то, что теперь обязан тебе жизнью! Мадонна, моя нога!

От боли у него хлынули слезы. Блэкторн дал ему кружку грога и присматривал за ним всю ночь. Шторм тем временем закончился. Несколько раз приходил японский лекарь и заставлял Родригеса выпить горячее лекарство, клал ему на лоб припарки и открывал иллюминаторы. И каждый раз, когда лекарь уходил, Блэкторн закрывал иллюминаторы, так как всем известно, что лихорадка бывает от сквозняка и чем плотнее закрыта каюта, тем лучше для больного, особенно такого тяжелого, как Родригес.

Наконец врачеватель накричал на него и поставил у иллюминаторов самурая, так что они оставались открытыми.

На рассвете Блэкторн вышел на палубу. Хиромацу и Ябу оба были там. Он поклонился, словно придворный:

– *Коннитива Осака?*

Даймё поклонились в ответ.

– Осака. *Хай*, Андзин-сан, – произнес Хиромацу.

– *Хай! Исогу*, Хиромацу-сама. Капитан-сан! Поднять якорь!

– *Хай*, Андзин-сан!

Он непроизвольно улыбнулся Ябу. Ябу улыбнулся в ответ, потом, хромя, отошел, а Блэкторн задумался, кого он только что приветствовал, ведь это сущий дьявол, убийца. «А разве сам ты не убивал? Да, но не таким способом», – сказал он себе.

Блэкторн с легкостью довел корабль до цели. Переход занял день и ночь, и вскоре после рассвета следующего дня они были около Осаки. На борт поднялся японский лоцман, чтобы провести судно к пристани, и, освободившись от ответственности, Блэкторн с радостью спустился вниз, чтобы выспаться.

Позднее капитан растолкал его, поклонился и знаками показал, что Блэкторну предстоит отправиться с Хиромацу, как только они причалят.

– *Вакаримас ка*, Андзин-сан?

– *Хай*.

Моряк ушел. Блэкторн снова растянулся на койке, чувствуя боль во всем теле, потом заметил, что Родригес следит за ним.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, англичанин. Учитывая, что моя нога в огне, голова разрывается, мочевого пузыря скоро лопнет, а язык как будто в бочке со свиным дерьмом.

Блэкторн подал ему ночной горшок, потом опорожнил его в иллюминатор и налил кружку грога.

– Ты ходишь за мной, как сиделка, англичанин. Что, совесть нечиста? – Родригес засмеялся, и было приятно снова услышать его смех. Взгляд португальца упал на бортовой журнал, который лежал открытым на столе, перебежал на рундук – тот был открыт. – Я давал тебе ключ?

– Нет. Я обыскал тебя. Мне нужен был настоящий журнал. Я сказал тебе, когда ты очнулся в первую ночь.

– Прекрасно. Я не помню, но это честно. Слушай, англичанин, спроси любого иезуита в Осаке, где Васко Родригес, и тебя приведут ко мне. Приходи навестить меня – тогда ты сможешь скопировать мой журнал, если захочешь.

– Спасибо. Я уже скопировал один. По крайней мере, скопировал что мог и очень внимательно прочитал остальное.

– Твою мать! – выругался Родригес по-испански.

– И твою.

Родригес снова вернулся к португальскому:

– Разговор на испанском вызывает у меня рвоту, хотя ругаться на этом языке лучше, чем на каком-либо другом. Там, в моем рундуке, пакет. Дай его мне, пожалуйста.

– Тот, с иезуитскими печатями?

– Да.

Блэкторн подал пакет Родригесу. Тот изучил его, ощупал нетронутые печати, потом, видимо, передумал и положил пакет на грубое одеяло, под которым лежал, откинув голову на подушку.

– Эх, англичанин, жизнь такая странная.

– Почему?

– Если я жив, так это по милости Божьей, подкрепленной стараниями еретика и японца. Пошли сюда этого землееда, чтобы я мог поблагодарить его.

– Сейчас?

– Попозже.

– Хорошо.

– Эта история про вашу эскадру, ту, которая напала на Манилу, – ты рассказал о ней святому отцу – это правда, англичанин?

– Про то, что эскадра наших военных кораблей разбила силы вашей империи в Азии?

– Там эскадра?

– Конечно.

– Сколько кораблей было в твоей эскадре?

– Пять. Мы потеряли друг друга в море неделю или около того назад. Я двинулся вперед в поисках Японии и попал в шторм.

– Ври больше, англичанин. Хотя я не возражаю – сам плел с три короба тем, кто брал меня в плен. Нет никаких кораблей и эскадр.

– Подожди и увидишь.

– Подожду. – Родригес сделал большой глоток.

Блэкторн потянулся и подошел к иллюминатору, желая прекратить этот разговор, и выглянул, рассматривая город и берег:

– Я думал, Лондон – самый большой город в мире, но по сравнению с Осакой он захолустный городишко.

– У них есть дюжины городов типа этого, – сообщил Родригес, также радуясь возможности сменить тему, прекратить игру в кошки-

мышки, которая никогда не приносит плодов. – Столица – Мияко, или, как ее иногда называют, Киото, – самый большой город в империи, вдвое больше Осаки, так говорят. Дальше идет Эдо, стольный город Торанаги. Ни я, ни кто-либо из священников, вообще никто из португальцев никогда не был там. Торанага держит свою цитадель на замке – это запретный город. Пока, – добавил Родригес, вытягиваясь на койке и закрывая глаза; его лицо искривилось от боли. – Пока они не отличаются друг от друга. Вся Япония официально закрыта для нас, за исключением портов Нагасаки и Хирадо. Наши священники попросту не обращают внимания на приказы и ходят куда пожелают. Но мы, моряки или торговцы, не можем, если нет специального приказа от регентов или великого даймё, например Торанаги. Любой из даймё может захватить один из наших кораблей – как Торанага завладел вашим – за пределами Нагасаки или Хирадо. Таков их закон.

– Не хочешь ли ты отдохнуть?

– Нет, англичанин. Разговаривать лучше. Разговор помогает отогнать боль. Мадонна, как у меня болит голова! Я не могу нормально думать. Давай потолкуем, пока ты не сошел на берег. Возвращайся и навести меня – очень тебя прошу. Дай мне еще грогу. Спасибо, спасибо, англичанин.

– Почему тебе запрещено ходить куда пожелаешь?

– Что? А, здесь, в Японии? Это сделал тайко – он заварил всю эту кашу. Когда мы впервые прибыли сюда в тысяча пятьсот сорок втором году, чтобы принести японцам истинную веру и цивилизацию, нам и нашим священникам дозволялось свободно странствовать по стране, но едва тайко получил полную власть, как он начал вводить свои запреты. Многие верят... Ты не мог бы подвинуть мне ногу? Сними с нее одеяло – она горит... Да... О Мадонна, осторожней! Спасибо, англичанин. Да, на чем я остановился? Многие верят, что тайко был пенисом Сатаны. Десять лет назад он выпустил эдикты относительно святых отцов, англичанин и всех, кто хотел нести слово Господа. Он изгнал всех, кроме торговцев, десять или двенадцать лет назад. Это случилось еще до того, как я пришел в эти воды, – я был здесь семь лет назад и с тех пор приходил и уходил. Святые отцы говорят, что это случилось из-за языческих жрецов – буддистов, – отвратительных, ревностных идолопоклонников. Они настроили тайко против святых отцов, совратили его с пути истинного, когда он был уже почти

обращен. Да, великий убийца почти спас душу. Но упустил свой шанс на спасение. Да... Как бы то ни было, он приказал всем нашим священникам покинуть Японию... Я сказал тебе, что это было десять лет назад?

Блэкторн кивнул, радуясь тому, что португалец говорит, пусть и перескакивая с одного на другое. Он ни за что не упустил бы возможности узнать новое.

– Тайко собрал всех святых отцов в Нагасаки, где был готов корабль, чтобы отправить их в Макао с письменными приказами никогда не возвращаться под страхом смерти. Потом, так же внезапно, он оставил их в покое и больше не трогал. Я рассказывал тебе, что у всех японцев мозги набекрень? Да, он оставил их в покое, и скоро все стало как раньше, за исключением того, что большинство святых отцов осело на Кюсю, где к нам хорошо относятся. Я говорил, что Япония состоит из трех больших островов: Кюсю, Сикоку и Хонсю? И тысяч мелких островков. Есть еще один остров далеко на севере – некоторые называют его материком – Хоккайдо, но там живут только волосатые туземцы.

Япония – перевернутый мир, англичанин. Отец Алвито рассказывал мне, что все вернулось на круги своя, как будто ничего не случилось. Тайко стал дружелюбен, как и прежде, хотя так и не обратился в нашу веру. Он закрыл церковь и прогнал двух или трех христианских даймё, но для того только, чтобы получить их земли, и никогда не вводил в действие свои эдикты об изгнании священников. Потом, три года назад, он сошел с ума еще раз и казнил двадцать шесть отцов. Распял их в Нагасаки. Без причин. Он был маньяк, англичанин. Но после убийства тех двадцати шести он больше ничего не сделал. А вскоре умер. Это была кара небесная, англичанин. Проклятие Господа на нем и его семени. Я уверен.

– Здесь много новообращенных?

Но Родригес, казалось, не слышал, погрузившись в беспамятство.

– Они все звери, эти японцы. Я не рассказывал тебе об отце Алвито? Он переводчик – Цукку-сан, называют они его, господин переводчик. Он состоял на службе у тайко, англичанин, а теперь он служит Совету регентов. По-японски говорит лучше большинства японцев и знает о них намного больше любого живущего здесь человека. Он сказал мне, что в Мияко, в столице, англичанин, есть

холм высотой пятьдесят футов. Тайко отрубал носы и уши всем корейцам, убитым на войне, и закапывал там – Корея находится на материке, к западу от Кюсю. Это правда, англичанин! Клянусь Святой Девой, не было убийц, способных тягаться с ним, – а они все такие. – Глаза Родригеса были закрыты, лоб пылал.

– Тут много новообращенных? – снова спросил Блэкторн, осторожно пытаясь выведать, сколько здесь врагов.

К его удивлению, Родригес ответил:

– Сотни тысяч, и с каждым годом становится все больше. После смерти тайко наши дела пошли в гору, и те, кто скрывал свою принадлежность к христианской вере, теперь открыто ходят в церковь. Значительная часть острова Кюсю сейчас католическая. Большинство даймё на Кюсю новообращенные. Нагасаки – католический город, иезуиты владеют им, ездят туда и ведут всю торговлю. Вся торговля идет через Нагасаки. Мы имеем там собор и дюжину церквей, и еще десятки разбросаны по всему Кюсю, но здесь, на главном острове, Хонсю, их еще немного и... – Боль снова не дала ему говорить, но через мгновение он продолжал: – На одном Кюсю три или четыре миллиона человек – скоро они все будут католиками. На других островах еще двадцать с лишним миллионов японцев, и скоро...

– Это невозможно! – Блэкторн тут же обругал себя: зачем влез, почему не узнал побольше?

– Зачем бы мне врать? Десять лет назад была перепись. Отец Алвито сказал, что тайко приказал провести ее, а уж ему точно известно, из первых рук. Зачем отцу Алвито врать? – Глаза Родригеса вспыхнули яростью. – Это больше, чем население всей Португалии, Испании, Франции, Нидерландов и Англии, вместе взятых, и ты можешь для ровного счета добавить сюда всю Священную Римскую империю!

«Боже мой, – подумал Блэкторн, – во всей Англии не наберется больше трех миллионов. И это с Уэльсом. Если японцев так много, как мы сможем иметь дело с ними? Если их и впрямь двадцать миллионов, они запросто соберут армию большей численности, чем все наше население, стоит только захотеть. А коли все они такие одержимые, как те, кого я видел, – а почему бы им не быть такими? – клянусь ранами Христа, они непобедимы! Наконец, если они уже частично католики и если иезуиты здесь набрали силу, число новообращенных

будет увеличиваться, а нет фанатиков истовее, чем неофиты, так какой шанс у нас и голландцев проникнуть в Азию? Вовсе никакого».

– Считаешь, это много? Подожди, вот попадешь в Китай! Там все желтые, все с черными волосами и глазами. О, англичанин, я скажу тебе, ты еще много чего узнаешь. Я был в прошлом году в Кантоне, на шелковой ярмарке. Кантон – город-крепость в Южном Китае, на Жемчужной реке, к северу от Макао. Там, в стенах этого города, миллион питающихся собаками язычников. В Китае больше людей, чем во всем остальном мире. Должно быть, больше. Подумай об этом! – Волна боли прошла по телу Родригеса, его здоровая рука легла на желудок. – У меня не было кровотечения? Ниоткуда?

– Нет. Я проверил. Только нога и плечо. У тебя нет внутренних повреждений, Родригес, по крайней мере, я не думаю, что есть.

– А насколько плохо с ногой?

– Она промыта и очищена морем. Перелом был чист, и кожа.

– Ты промыл рану бренди, прижег ее?

– Нет, мне не позволили – они меня прогнали. Но их лекарь, похоже, знает, что делает. Твои люди сразу же придут на борт?

– Да. Как только мы причалим. Наверняка.

– Хорошо. Расскажешь еще о Китае и Кантоне?

– Я, наверное, и так сказал слишком много. Будет еще время поговорить о них.

Блэкторн видел, что здоровая рука Родригеса играет запечатанным пакетом, и задумался: что бы это могло значить?

– С твоей ногой все будет нормально. Вот увидишь.

– Да, англичанин.

– Я не думаю, что будет нагноение, – гноя нет. Ты соображаешь, так что с головой тоже все в порядке. Ты поправишься, Родригес.

– Тем не менее я обязан тебе жизнью. – Дрожь прошла по телу португальца. – Когда я тонул, только и мог думать что о крабах, ползающих в моих глазницах. Я чувствовал, как они копошатся во мне, англичанин. Третий раз я попадаю за борт, и с каждым разом это все хуже и хуже.

– Со мной это было четыре раза. Трижды меня топили испанцы.

Дверь каюты открылась, и капитан, кланяясь, позвал Блэкторна вверх.

– *Хай!* – Блэкторн встал. – Ты ничем мне не обязан, Родригес, – сказал он мягко. – Ты помог мне, когда я был в отчаянии, и я благодарю тебя за это. Мы расквитались.

– Может быть, но послушай, англичанин, вот тебе немного правды взамен: никогда не забывай, что у японцев шесть лиц и три сердца. Говорят, они считают, будто человек имеет одно фальшивое сердце во рту – его видит весь мир, другое в груди – чтобы показывать особо близким друзьям и семье, и настоящее сердце, потаенное, которое скрыто от всех, за исключением его обладателя, спрятано Бог знает где. Они вероломны настолько, что в это верится с трудом, норовисты без надежды на исправление.

– Почему Торанага хочет видеть меня?

– Не знаю. Клянусь Святой Девой! Не знаю. Возвращайся проведать меня, если сможешь.

– Да. Желаю удачи, испанец!

– Ты кашалот! И все равно, иди с Богом.

Блэкторн улыбнулся в ответ, обескураженный, и вышел на палубу. Голова закружилась, когда он увидел Осаку, ее просторы, толпы людей и огромный замок, который царил над городом.

Над громадой замка парила главная башня – поражающее красотой центральное здание в семь или восемь этажей, определяемых по стрельчатым фронтонам с изогнутыми скатами крыши; черепица сияла позолотой, а стены были голубыми.

«Вот где живет Торанага», – подумал он, и ледяная колючка вонзилась в его кишки.

В закрытом паланкине его принесли в большой дом. Там он принял ванну, отведал неизменного рыбного супа, сырой и паровой рыбы, немного маринованных овощей, выпил горячего травяного настоя. Вместо ячневой каши в этом доме ему дали чашку риса, виденного им однажды в Неаполе. Рис был белый, недробленный, и ему показался безвкусным. Его желудок жаждал мяса и хлеба, окорока, пирогов, цыплят, пива и яиц.

На следующий день за ним пришла служанка. Белье, которым снабдил его Родригес, выстирали. Она следила за тем, как одевается чужеземец, помогла ему надеть свежие таби. Снаружи стояла пара новеньких сандалий. Башмаков не было. Угадав причину его замешательства, служанка покачала головой и показала на нехитрую

обувку, которая удерживалась на ноге двумя ремешками, потом на зашторенный паланкин. Группа самураев сопровождала носилки. Старший сделал ему знак поторопиться и тоже сел в паланкин.

Они немедленно тронулись. Занавеси были плотно закрыты. После долгого перехода паланкин остановился.

– Ты не должен бояться, – громко сказал старший и вышел.

Перед ними были гигантские каменные ворота. Они открывали доступ за тридцатифутовую зубчатую стену с бастионами и внешними укреплениями. Огромные, окованные железом створы были открыты, кованая решетка поднята. За ней начинался деревянный мост, двадцать шагов в ширину и двести в длину, проходивший надо рвом с водой и кончавшийся у огромного подъемного моста и других ворот, во второй стене, такой же циклопической.

Повсюду толпились сотни самураев. Все они носили одинаковое серое, мрачное одеяние – перехваченное поясом кимоно с пятью небольшими круглыми гербами – по одному на каждой руке, на каждой стороне груди и один в центре спины. Гербы были голубые и напоминали цветок или цветки.

– Андзин-сан!

Хиромаци сидел, прямой как палка, в открытом паланкине, который несли четыре носильщика в длинных одеждах. Его аккуратное кимоно было коричневым, а пояс – черным, как и у пятидесяти самураев, окружавших даймё. Их кимоно также имели пять гербов, но только алых, как флаг на мачте, – гербов Торанаги. Этим самураям оружием служили длинные блестящие пики с маленькими флажками у наконечников.

Блэкторн поклонился не раздумывая, восхищенный величием Хиромаци. Старик, на коленях которого лежал длинный меч, ответил холодным поклоном и сделал знак следовать за ним.

У ворот вперед вышел офицер. Начались долгие церемонии: чтение бумаг, предъявленных Хиромаци, поклоны и разглядывание Блэкторна, после чего их допустили на мост, по бокам как эскорт шли самураи в сером.

Полный воды ров глубиной был не меньше пятидесяти футов и тянулся шагов на триста в каждую сторону, а дальше повторял изгибы стен, которые делали поворот на север, и Блэкторн подумал: «Боже мой, не хотел бы я брать приступом здешнюю крепость. Даже если

перебить всех защитников наружной стены, засевшим дальше достаточно будет поджечь мост, чтобы чувствовать себя в безопасности. Господи Иисусе, наружные стены, должно быть, охватывают площадь в квадратную милю и в толщину, видимо, достигают двадцати-тридцати футов, и внутренняя стена такая же. И она сложена из огромных каменных блоков. Каждый десять на десять футов! По крайней мере! Вырезаны очень точно и не скреплены раствором. Они должны весить самое меньшее пятьдесят тонн. Это лучше всего, что могли бы сделать мы. Осадные орудия? Конечно, они проделали бы брешь в наружных стенах, если бы их разместили в нужном месте. Но и гарнизон крепости, должно быть, располагает лучшими пушками, какие только можно получить. К тому же орудия было бы трудно доставить, и поблизости нет достаточно высокой точки для бомбардировки крепости зажигательными снарядами. Даже сдав врагу наружную стену, защитники крепости могли бы обстреливать атакующих с зубчатой внутренней стены. И даже если бы эти последние изловчились затащить осадные орудия за внешний оборонительный рубеж и направить их на внутреннюю стену, они не разрушили бы ее. Самое большее, разнесли бы дальние ворота, а что потом? Как пересечь ров с водой? Он слишком большой, чтобы форсировать его обычным способом. Замок должен быть неприступен, пока гарнизон его достаточно велик. Сколько здесь солдат? Сколько горожан найдут убежище внутри?

В сравнении с ним лондонский Тауэр – убогий свинарник. И весь Хэмптон-Корт уместится в одном углу!»

У следующих ворот повторилась процедура проверки бумаг. Оттуда двинулись налево и вниз по широкой улице, образованной рядами укрепленных домов за стенами разной высоты. Далее улица терялась в лабиринте лестниц и дорожек. И снова ворота, проверка бумаг, подъемная решетка, огромный ров с водой, и снова изгибы и повороты, до тех пор пока Блэкторн, при всей его наблюдательности, цепкой памяти и чувстве направления, не потерялся в этом сознательно устроенном хитросплетении. И все время бесчисленное серое воинство следило за ними с эскарпов, валов и зубчатых стен, парапетов и бастионов. А также несло караул внизу, маршировало, упражнялось с оружием или ухаживало за лошадьми в открытых

стойлах. Самураи повсюду, тысячами. Все были вооружены и тщательно экипированы.

Он проклял себя, что не хватило ума побольше выпросить у Родригеса. Поделившись сведениями о тайко и новообращенных, слишком ненадежными, Родригес предпочел помалкивать – как и сам Блэкторн, избегающий его вопросов.

«Сосредоточься. Ищи ключи. Что особенного в этом замке? Он очень большой. Нет, что-то другое. Что? Серые враждебны по отношению к коричневым? Не могу сказать, они все так серьезны».

Блэкторн тщательно наблюдал за ними, фокусируясь на деталях. Слева радовал глаз возделанный сад с небольшими мостиками, перекинутыми через ручей. Стены здесь стояли ближе друг к другу, улицы стали *уже*. Они приближались к главной башне замка. Внутри сновали слуги. *Здесь не было пушек!* Вот в чем разница!

«Ты не видел ни одной пушки. Ни одной.

Отец Небесный, здесь нет пушек, следовательно, нет осадных орудий! Если бы у тебя имелись современные орудия, а у защитников замка – нет, мог бы ты взорвать стены, выбить двери, обрушить дождь зажигательных снарядов на замок и захватить его, когда он займется огнем?

Ты не смог бы преодолеть первый ров с водой.

Имея осадные орудия, ты причинил бы много неприятностей защитникам, но они сумели бы вечно держать оборону – лишь бы в гарнизоне хватало бойцов, еды, воды и вооружения.

Как преодолеть рвы? На лодках? На плотках?»

Он пытался мысленно составить план замка. Паланкин остановился, Хиромацу встал с носилок. Отряд очутился в узком тупике. Огромные, окованные железом деревянные ворота перекрывали проем в двадцатифутовой стене, которая перетекала в наружные укрепления линии обороны, все еще далеко отстоящие от главной башни замка, которая отсюда была почти не видна. В отличие от всех других ворот, эти охранялись коричневыми, которых Блэкторн не заметил нигде больше в крепости. Было очевидно, что они совсем не рады видеть Хиромацу.

Серые повернулись и ушли. Блэкторн заметил, какими враждебными взглядами проводили их коричневые.

«Так они враги!»

Ворота открылись, и он проследовал за стариком внутрь. Один. Самураи остались снаружи.

Внутренний двор охранялся коричневыми, позади него был устроен сад. Они пересекли сад и вошли в крепость. Хиромацу скинул обувь, и Блэкторн сделал то же самое.

Коридор внутри был устлан татами – камышовыми матами, чистыми и очень приятными. Такие татами прикрывали пол во всех японских домах, кроме самых бедных. Блэкторн еще раньше заметил, что все татами одинакового размера, около шести футов на три. «Подумай об этом, – сказал он себе, – ты ни разу еще не видел фигурных матов или обрезанных до другого размера. И комнат другой формы! Неужели в Японии все комнаты прямоугольные или квадратные? Конечно! Это значит, что все дома – или комнаты – рассчитаны на точное число матов. Все построены по одному образцу! До чего же странно!»

Они поднимались по винтовой, удобной для обороны лестнице, шли коридорами, переходя с этажа на этаж. Всюду было много охраны – всегда коричневые. Лучи солнечного света, просачиваясь в амбразуры, рисовали причудливые узоры на полу и стенах. Блэкторн мог видеть, что теперь они забрались высоко над тремя главными, окружающими замок стенами. Город и гавань, как нарисованные, лежали под ними.

Коридор повернул под острым углом и закончился через пятьдесят шагов.

Блэкторн почувствовал во рту вкус желчи. «Не беспокойся, – внушал он себе, – ты решил, что делать. Ты уже начал».

Впереди толпа самураев, отданных под начало молодому командиру, защищала последнюю дверь – каждый правой рукой держался за рукоятку меча, левая лежала на ножнах, все они смотрели на приближающихся людей, недвижимые и готовые к нападению.

Хиромацу был доволен. Он лично отбирал стражей. Он ненавидел это место и в который уже раз подумал, как опасен замок для Торанаги, отдавшего во власть врага. Вчера, едва сойдя на берег, он поспешил к своему господину, чтобы рассказать тому об исходе миссии и узнать, не случилось ли чего в его отсутствие. Но пока все было спокойно, хотя шпионы и доносили о том, что враг возводит подозрительные укрепления на севере и востоке, и о том, что основные

союзники, регенты Оноси и Кияма, самые крупные из христианских даймё, собираются перейти на сторону Исидо. Он переменял стражу и пароли и снова просил Торанагу уехать, не подвергать себя опасности.

В десяти шагах от командира стражи он остановился.

Глава 11

Ёси Нага, командир стражи, был вспыльчивый, опасный юноша семнадцати лет.

– Доброе утро, господин. Я рад вашему возвращению.

– Спасибо. Господин Торанага ожидает меня?

– Да. – Даже если бы Хиромацу и не ожидали, Нага тем не менее пропустил бы его.

Хиромацу был одним из трех людей, которые допускались к Торанаге в любое время дня и ночи без предварительной договоренности.

– Обыщите чужеземца, – приказал Нага.

Он был пятым сыном Торанаги от одной из его наложниц и боготворил отца.

Блэкторн спокойно отнесся к тому, что, как он понял, собираются делать стражники. Два самурая оказались очень опытными в таких делах. От них ничего не ускользнуло бы.

Нага дал знак остальным своим людям, и те отодвинулись в сторону. Он сам открыл толстую дверь.

Хиромацу вошел в огромный зал для аудиенций. Сразу около двери встал на колени, положил свои мечи на пол перед собой, упер ладони в пол по бокам и низко наклонил голову, ожидая в таком униженном положении.

Нага, весь настороженный, знаком приказал Блэкторну сделать то же самое.

Блэкторн вошел. Комната была квадратной, сорок шагов в ширину и десять в высоту. Пол покрывали безупречные татами самого высокого качества, толщиной в четыре пальца. В дальней стене было две двери. У помоста, в нише, стояла маленькая глиняная ваза с веткой цветущей вишни, которая заполняла комнату приятным ароматом.

Обе двери охранялись. В десяти шагах от помоста, окружая его, располагались еще двадцать самураев, сидевшие со скрещенными ногами спиной к помосту.

Торанага восседал на единственной подушке на помосте. С искусством и терпением опытного костоправа он колдовал над

сломанным пером в крыле ловчего сокола, голову которого скрывал колпачок.

Ни он, ни остальные не приветствовали Хиромацу и не обратили внимания на Блэкторна, когда тот вошел и остановился около старика. Но, в отличие от Хиромацу, Блэкторн поклонился, как учил Родригес, потом с глубоким вздохом сел, скрестив ноги, и воззрился на Торанагу.

Все взгляды обратились на Блэкторна.

Рука Наги, застывшего в дверном проходе, уже опустилась на меч. Хиромацу схватился за свой, хотя и не поднял головы.

Блэкторн почувствовал себя голым, но теперь, когда он заявил о себе, оставалось только ждать. Родригес сказал: «С японцами ты должен вести себя как король». И хотя он повел себя отнюдь не по-королевски, этого было более чем достаточно.

Торанага медленно поднял взгляд.

Капля пота выступила на виске Блэкторна: все, что Родригес говорил о самураях, казалось, воплотилось в одном этом человеке. Блэкторн ощутил, как тонкая струйка пота сбегает со щеки на подбородок. И заставил свои голубые глаза смотреть твердо и не мигая, лицо его оставалось спокойным.

Взгляд Торанаги также был неподвижен.

Блэкторн почувствовал посыл почти ошеломительной энергии, исходящей от этого человека. Он принудил себя медленно досчитать до шести, потом пригнул голову и слегка поклонился опять, спокойно улыбнувшись.

Торанага мельком посмотрел на него, сохраняя ту же бесстрастную мину, потом опустил глаза и опять сосредоточился на своей работе. Напряжение в комнате спало.

Старый сутулый самурай стоял перед Торанагой на коленях и держал птицу – молодую самку сапсана – бережно, как будто она была стеклянной. Торанага срезал сломанное перо, вставил тонкий бамбуковый стержень, смазанный клеем, в черенок пера, потом осторожно надел обрезаки на другой конец стержня. Он выравнивал угол поворота пера до тех пор, пока тот не стал совершенным, потом перевязал перо шелковой ниткой. Маленькие колокольчики на лапах птицы звякнули, и хозяин ее успокоил.

Ёси Торанага, господин Канто, повелитель Восьми Провинций, старший в клане Ёси, главнокомандующий армиями Востока, глава

Совета регентов, был невысоким мужчиной с большим животом, крупным носом, густыми темными бровями; в жидких усах и бороде его пробивалась седина. На лице особенно выделялись глаза. Для своих пятидесяти восьми лет он был силен. Коричневое кимоно простого покроя перехватывал хлопчатобумажный пояс. Но мечи у него были каких поискать.

– Ну, моя красавица, – сказал он с нежностью. – Теперь ты опять здорова. – Он погладил пером свою любимицу, сидевшую на одетом в рукавицу кулаке самурая. Та вздрогнула и принялась чистить перья. – Мы пустим ее полетать через неделю.

Старый сокольник поклонился и ушел.

Торанага обратил свой взор на двух человек у дверей.

– Добро пожаловать, Железный Кулак. Я рад видеть тебя, – обронил он. – Так это твой знаменитый чужеземец?

– Да, господин. – Хиромасу переместился поближе, оставив свои мечи у дверей, как требовал обычай, но Торанага настоял, чтобы он прихватил клинки с собой.

– Я чувствую себя неуютно, если их нет у тебя в руках, – объявил он.

Хиромасу поблагодарил его. При всем этом он устроился в пяти шагах от помоста. По обычаю ни один вооруженный человек не мог безнаказанно приблизиться к Торанаге на меньшее расстояние. В переднем ряду часовых стоял Усаги, муж любимой внучки Хиромасу, и старик коротко ему кивнул. Юноша низко поклонился, польщенный и обрадованный, что его заметили.

«Может быть, мне следовало его усыновить?» – спросил себя Хиромасу, согретый мыслью о любимой внучке и первом правнуке, которого молодая чета подарила ему в прошлом году.

– Как вы доплыли обратно? – заботливо спросил Торанага.

– Все хорошо, благодарю вас, господин. Но должен сказать, что был рад, когда сошел с корабля на землю.

– Я слышал, у тебя теперь есть новая игрушка, чтобы занять часы праздности, да?

Старик грубо захохотал:

– Я могу только сказать вам, господин, что часы были не праздные. Я так не уставал уже многие годы.

Торанага посмеялся вместе с ним:

– Тогда нам следует вознаградить ее. Твое здоровье очень важно для меня. Могу я послать ей подарок в знак моей благодарности?

– Ах, Торанага-сама, вы так добры. – Хиромацу стал серьезным. – Вы могли бы вознаградить нас всех, господин, немедля покинув это осиное гнездо и вернувшись в свой замок в Эдо, где ваши вассалы могут защитить вас. Здесь вы открыты для удара. В любой миг Исидо может напасть на вас.

– Я уеду. Сразу же, как закончатся собрания Совета регентов. – Торанага повернулся к португальцу аскетической наружности, который терпеливо сидел рядом с ним. – Вы переведете мне слова чужеземца, мой друг?

– Конечно, господин. – Священник, на макушке которого была выбрита тонзура, вышел вперед, с привычной грацией на японский манер встал на колени около помоста. Его лицо было худощавым, как и вся фигура, глаза – темными и блестящими, весь облик его излучал спокойствие и сосредоточенность. Таби и просторное кимоно вполне естественно смотрелись на нем. У пояса висели четки и гравированный золотой крест. Он приветствовал Хиромацу как равный, потом с удовольствием поглядел на Блэкторна. – Мое имя Мартин Алвито из Общества Иисуса, капитан. Господин Торанага просил меня переводить для него.

– Сначала скажите ему, что мы враги и что...

– Все в свое время, – спокойно прервал отец Алвито, а затем добавил: – Мы можем говорить по-португальски, по-испански или, конечно, на латыни, как вы пожелаете.

Блэкторн не видел священника, пока тот не выступил вперед. Португальца заслоняли помост и самураи. Но Блэкторн ждал его появления, памятуя о словах Родригеса, и то, что он увидел, ему не понравилось: изящество, легкость, сила и природная властность иезуитов. Он думал, что священник много старше, учитывая его высокое положение и то, как говорил о нем Родригес. Но они оказались практически ровесниками, он и иезуит. Может быть, священник был несколькими годами старше.

– На португальском, – сказал он, надеясь, что этот язык даст ему некоторое преимущество. – Вы португалец?

– Я имею честь быть им.

– Вы моложе, чем я ожидал.

– Сеньор Родригес очень добр. Он оказал мне больше доверия, чем я заслуживаю. Вас он описал очень точно. Так же как и вашу смелость.

Блэкторн наблюдал, как иезуит повернулся, как бегло и любезно он заговорил с Торанагой, и это еще больше расстроило его. Хиромацу, единственный из всех в комнате, слушал и следил за происходящим, как ястреб. Остальные словно каменные уставились в пространство.

– Итак, начнем. Будьте любезны слушать все, что говорит господин Торанага, не прерывая, – начал отец Алвито. – Потом отвечайте. С этого момента я буду переводить почти одновременно с тем, как вы произнесете фразу, так что, пожалуйста, отвечайте с большой осторожностью.

– С какой стати? Я не доверяю вам.

Отец Алвито немедленно перевел все, что он сказал, Торанаге, и тот заметно рассердился.

«Осторожней, – подумал Блэкторн, – он играет с тобой, как кошка с мышкой! Три золотые гинеи против ломаного фартинга, что он может подловить тебя, когда захочет. Независимо от того, правильно или нет он переводит, ты должен произвести хорошее впечатление на Торанагу. Это, возможно, твой единственный шанс».

– Вы можете быть уверены, что я переведу все сказанное вами с предельной точностью. – Голос священника звучал мягко, но уверенно. – Это двор господина Торанаги. Я переводчик Совета регентов, верховного правителя Торанаги и верховного правителя Исидо. Господин Торанага многие годы доверяет мне. Я предполагаю, что вы будете отвечать правдиво, потому что производите впечатление очень пронизательного человека. И я не отец Себастио, который, возможно, чересчур ревностен, не очень хорошо говорит по-японски и к тому же не имеет большого опыта жизни в Японии. Ваш внезапный приезд лишил его Божьего милосердия, он позволил прошлому возобладать: его родители, братья и сестры были вырезаны самым жестоким образом в Нидерландах вашими соотечественниками – людьми принца Оранского. Я прошу прощения за него и взываю к вашему состраданию. – Он по-доброму улыбнулся. – По-японски слово «враг» звучит как *тэки*. Вы можете пользоваться им, если хотите. Если вы, указав на меня, употребите это слово, господин Торанага точно поймет, что вы имеете в виду. Да, я ваш враг, Джон

Блэкторн. Решительно и бесповоротно. Но не убийца. Вы погубите себя сами.

Блэкторн видел, как иезуит передает свои слова Торанаге, и, услышав слово *тэки*, произнесенное несколько раз, задумался: действительно ли оно значит «враг»? «Ну разумеется, – сказал он себе. – Этот священник не похож на того».

– Пожалуйста, на время забудьте, что я существую, – продолжал отец Алвито. – Я только переводчик, не более. – Отец Алвито сел, повернулся к Торанаге, вежливо поклонился.

Торанага выпалил какую-то короткую фразу. Священник начал переводить одновременно, на несколько слов запаздывая, голосом точно передавая модуляции и подтекст.

– Почему ты считаешь врагом Цукку-сана, моего друга и переводчика, который не имеет врагов? – Отец Алвито добавил, объясняя: – Цукку-сан – мое прозвище. Японцы не могут произнести мое имя. Цукку – переиначенное японское слово «цуюку», что значит «переводить». Пожалуйста, ответьте на вопрос.

– Мы враги, потому что наши страны воюют.

– Да? А из какой вы страны?

– Из Англии.

– Где это?

– Это островное королевство, в тысяче миль к северу от Португалии. Португалия – часть полуострова в Европе.

– Сколько времени вы воюете с Португалией?

– С тех пор как король Португалии стал вассалом испанской короны. Это случилось в тысяча пятьсот восьмидесятом году, двадцать лет назад. Испания завоевала Португалию, а мы воюем с Испанией почти тридцать лет.

Блэкторн заметил удивление Торанаги и вопросительный взгляд, который тот бросил на отца Алвито, спокойно смотревшего в пространство.

– Что он говорит? – резко спросил Блэкторн.

Отец Алвито не ответил, а продолжал переводить, как и раньше.

– Ты говоришь, Португалия – часть Испании?

– Да, господин Торанага. Вассальное государство. Испания завоевала Португалию, и теперь это, по сути, одна страна с одним

королем. Но португальцы служат испанцам по всему земному шару, а те с ними не считаются.

Наступило долгое молчание. Потом Торанага обратился прямо к иезуиту, который улыбался и отвечал в пространство.

– Что он говорит? – потребовал разъяснений Блэкторн.

Отец Алвито не ответил, но переводил, как и прежде, почти одновременно, виртуозно копируя интонации.

Торанага ответил прямо Блэкторну, его голос был суров:

– Что я сказал, тебя не касается. Когда я захочу, чтобы ты что-то знал, я тебе скажу.

– Прошу прощения, господин Торанага, я не хотел быть грубым. Позвольте сказать, что мы пришли с миром...

– Ты не можешь ничего мне говорить сейчас. Придержи свой язык до тех пор, пока я не потребую ответа. Понял?

– Да.

«Ошибка номер один. Следи за собой. Ты не можешь себе позволить ошибки», – подумал Блэкторн.

– Почему вы воюете с Испанией? И Португалией?

– Отчасти потому, что Испания стремится захватить весь мир, а мы, англичане, и наши союзники голландцы отказались покориться. Отчасти из-за веры.

– А! Религиозная война? Какая у вас религия?

– Я христианин. Наша Церковь...

– Португальцы и испанцы тоже христиане! Ты сказал, что исповедуешь другую веру. Какую?

– Я христианин, это не объяснить в двух словах, господин Торанага. Они все...

– Нет необходимости торопиться. У меня масса времени. Я очень терпелив. Ты человек ученый – видно, что не из крестьян, – так что объясняй, просто или сложно, как хочешь, объясняй сколько нужно, чтобы тебя можно было понять. Если будешь крутить, я отошлю тебя обратно. Ты будешь говорить?

– Моя религия христианская. Есть две основные христианские религии – протестантская и католическая. Большинство англичан – протестанты.

– Ты молишься тому же Богу, Мадонне и Младенцу?

– Да, господин. Но не так, как это делают католики.

«Что он хочет узнать? – спросил себя Блэкторн. – Он католик? Следует ли отвечать то, что, как ты думаешь, он хочет услышать, или то, что ты считаешь правдой? Он против христиан? Но разве не он называл иезуита своим другом? Симпатизирует ли Торанага католикам или собирается перейти в католичество?»

– Ты веришь, что Иисус – Бог?

– Я верю в Бога, – сказал Блэкторн осторожно.

– Не уходи от ответа. Ты веришь, что Иисус есть Бог? Да или нет?

Блэкторн знал, что любой католический суд давно бы признал его еретиком. И большинство протестантских судов, если не все. Малейшее промедление с ответом на такой вопрос посчитали бы признаком сомнения. А сомнение уже ересь.

– Человек не может, отвечая на вопрос о Боге, отделаться простым «да» или «нет». Должны быть оттенки «да» или «нет». Ты ничего не знаешь о Боге наверняка, пока не умер. Да, я верю, что Иисус был Бог, но я не узнаю этого наверняка, пока не умру.

– Почему ты разбил крест священника, когда впервые появился в Японии?

Блэкторн не ожидал такого вопроса. «Неужели Торанага знает все, что случилось с тех пор, как я прибыл сюда?»

– Я хотел показать даймё Ябу, что иезуит отец Себастио, единственный в тех краях переводчик, мой враг, что ему нельзя доверять, по крайней мере на мой взгляд. И потом, я не был уверен, что он точно переведет мои слова, как это делает сейчас дон Алвито. Он проклинал нас, объявил пиратами. Мы не пираты, мы пришли с миром.

– Ах да! Пираты. Я вернусь к пиратству в свое время. Ты говоришь, что вы оба принадлежите к христианским сектам, оба почитаете Иисуса Христа? Разве это не главная его заповедь – «возлюбите друг друга»?

– Да.

– Тогда как вы можете враждовать?

– Их вера, их понимание христианства извращают Священное Писание.

– А! Наконец-то мы до чего-то добрались. Так вы воюете из-за разницы во мнениях относительно того, что есть Бог и что не Бог?

– Да.

– Это очень глупая причина для войн.

Блэкторн кивнул:

– Согласен. – Он поглядел на священника. – Согласен всем своим сердцем.

– Сколько кораблей в твоей флотилии?

– Пять.

– И ты вел ее?

– Да.

– Где остальные?

– В море, – произнес Блэкторн осторожно, продолжая держаться за свою ложь, – наверняка Торанага сначала задал несколько вопросов Алвито. – Мы потеряли друг друга во время шторма. Где точно, я не знаю, господин.

– Ваши корабли были английские?

– Нет, господин, из Голландии.

– Почему англичан нанимают на голландские суда?

– В этом нет ничего необычного, господин. Мы союзники. Португальские капитаны тоже иногда водят испанские корабли и эскадры. Я так понимаю, они водят и ваши океанские суда, согласно вашим законам.

– А что, нет голландских капитанов?

– Много, господин. Но у англичан больше опыта дальних путешествий.

– Но почему? Почему они захотели, чтобы ты повел их корабли?

– Возможно, потому, что моя мать – голландка, я бегло говорю на их языке, и у меня большой опыт. Я был рад такому случаю.

– Почему?

– Мне прежде не доводилось плавать в этих водах, это была первая возможность. Ни один английский корабль не собирался плыть так далеко. Мне выпал шанс совершить кругосветное путешествие.

– А может, ты, капитан, присоединился к флотилии из-за своей религии? Чтобы воевать против ваших врагов, Испании и Португалии?

– Я моряк, господин, прежде всего. Ни один англичанин или голландец не бывал в этих местах. Мы первая торговая флотилия, хотя и выправили каперские свидетельства, позволяющие нападать на врагов в Новом Свете. В Японию мы прибыли торговать.

– Что такое каперское свидетельство?

– Законное разрешение воевать с врагом, выдаваемое королем или правительством.

– А ваши враги здесь. Так вы собираетесь воевать с ними здесь?

– Мы не знали, что нас ожидает тут, господин. Мы пришли только торговать. О вашей стране почти ничего не известно, о ней ходят легенды. Португальцы и испанцы держат в секрете то, что узнали об этих местах.

– Отвечай на вопрос: твои враги здесь? Ты собираешься воевать с ними здесь?

– Если они будут воевать со мной.

Торанага недовольно зашевелился:

– Что ты делал на море или в других странах – это твое дело. Но здесь один закон для всех, чужеземцы могут находиться на нашей земле только с нашего разрешения. Любые публичные возмущения или стычки караются немедленной смертью. Наши законы ясны и должны выполняться. Ты понял?

– Да, господин. Но мы пришли с миром. Мы прибыли сюда торговать. Могли бы мы потолковать о торговле, господин? Мне нужно килевать судно и кое-что починить – мы за все заплатим. Тогда у меня вопрос...

– Когда я захочу поговорить с тобой о торговле или еще о чем-нибудь, я тебе скажу. Пока будь добр отвечать на мои вопросы. Так ты отправился в экспедицию, чтобы торговать, для заработка, а не по обязанности или долгу? Ради денег?

– Да. Такой у нас обычай, господин. За плату и долю во всех доходах – от торговли и захваченных вражеских товаров.

– Так ты наемник?

– Я был нанят главным штурманом и капитаном, чтобы вести экспедицию. – Блэкторн чувствовал враждебность Торанаги, но не понимал, чем она вызвана. «Что я сказал плохого? Не опорочил ли меня священник?» – Такой у нас обычай, Торанага-сан, – повторил он.

Торанага начал что-то обсуждать с Хиромацу. Они обменялись мнениями, очевидно соглашаясь друг с другом. Блэкторн подумал, что на их лицах написано недовольство. Почему? «Вероятно, это как-то связано с тем, что я наемник, – предположил он. – Что здесь такого? Разве не за все платят? Как еще раздобыть денег на жизнь? Даже если наследуешь земли, все равно...»

– Ты сказал, что прибыл сюда мирно торговать, – вернулся к расспросам Торанага. – Почему тогда ты прихватил столько пушек, пороха, мушкетов и пуль?

– Наши испанские и португальские враги очень сильны, господин Торанага. Мы должны защищаться и...

– Ты говоришь, что ваше вооружение только оборонительное?

– Нет. Мы используем его не только для защиты, но и для того, чтобы атаковать своих врагов. И мы в большом количестве производим его на продажу, наше оружие – лучшее в мире. Может быть, мы могли бы снабжать вас этими или другими товарами, которые привезли.

– Кто такой пират?

– Человек вне закона, который насилует, убивает или грабит для личной выгоды.

– Это не то же самое, что наемник? Разве ты не таков? Пират и вожак пиратов.

– Нет. Правда, мои корабли получили от законных властей Голландии каперские свидетельства, разрешающие нам вести войну на всех морях и во всех землях, которые принадлежат нашим врагам. И искать рынки для наших товаров. Для испанцев и большинства португальцев – да, мы пираты и еретики, но, повторяю, на самом деле это не так.

Отец Алвито закончил переводить, потом принялся спокойно, но твердо излагать что-то Торанаге.

«Как бы я хотел вот так, напрямую, объясниться с ними», – подумал Блэкторн, мысленно чертыхаясь. Торанага взглянул на Хиромацу, и старик задал иезуиту несколько вопросов, на которые тот долго отвечал. Потом Торанага повернулся к Блэкторну, и его голос стал еще жестче:

– Цукку-сан утверждает, что эта твоя Голландия была вассальным владением испанского короля несколько лет назад. Это верно?

– Да.

– Следовательно, Голландия, ваш союзник, восстала против своего законного правителя?

– Она воюет с испанцами, да. Но...

– Разве это не мятеж? Да или нет?

– Да, но есть смягчающие обстоятельства.

– Нет «смягчающих обстоятельств», когда речь идет о мятеже против своего суверена.

– Если только вы не победите.

Торанага внимательно поглядел на него. Потом громко рассмеялся. Он что-то сказал Хиромациу сквозь смех, и тот кивнул.

– Да, господин чужеземец с невозможным именем, да. Ты назвал одно «смягчающее обстоятельство». – Он еще раз хихикнул, а потом веселости как не бывало. – Вы выиграте?

– *Хай.*

Торанага опять заговорил, но священник не переводил синхронно, как раньше. Странная улыбка кривила его губы, глаза задержались на Блэкторне. Он вздохнул и сказал:

– Ты уверен?

– Это он говорит или вы?

– Это сказал господин Торанага. Он сказал это мне.

– Да, скажите ему, да. Я совершенно уверен. Могу я объяснить почему?

Отец Алвито объяснялся с Торанагой намного дольше, чем требовал перевод столь простого вопроса. «Так ли ты спокоен, как кажешься? – хотел спросить его Блэкторн. – Как же тебя достать? Как мне справиться с тобой?»

Торанага ответил и вынул веер из рукава.

Отец Алвито начал опять переводить с той же самой жуткой недружелюбностью, с мрачной иронией:

– Да, капитан, ты можешь мне сказать, почему думаешь, что вы выиграте эту войну.

Блэкторн попытался сохранить уверенность, понимая, что священник берет над ним верх.

– В настоящее время мы главенствуем на всех морях в Европе – на большинстве морей Европы, – поправился он. «Не давай отвлечь себя. Говори правду. Изворачивайся, как это делают иезуиты, но говори правду». – Мы, англичане, разгромили на море две огромные армады – испанскую и португальскую, и непохоже, чтобы они смогли собрать другие. Наши маленькие острова представляют собой крепости, и мы там теперь в безопасности. Наши морские силы господствуют на море. Наши корабли быстрее, современнее и лучше вооружены. Испанцы не побеждали после пятидесяти с лишним лет террора, инквизиции и

кровопролитий. Наши союзники сильны, более того, они обескровят испанскую империю и приведут ее к концу. Мы победим, потому что владеем морями и потому что надменный испанский король не дает воли другим народам.

– Вы владеете морями? Нашими морями тоже? Морями вокруг наших берегов?

– Нет, конечно нет, Торанага-сама. Я не хотел вас обидеть. Я, разумеется, имел в виду европейские моря, хотя...

– Хорошо, я рад, что это прояснилось. Что ты хотел сказать? Хотя...

– Хотя на всех высоких широтах мы скоро сметем врагов. – Это Блэкторн произнес очень четко.

– Ты говоришь «враг». Может быть, мы тоже враги? Что тогда? Вы попытаетесь потопить наши корабли и опустошить наши берега?

– Я не могу и представить себе, чтобы мы враждовали.

– Думаю, это очень легко представить. Что тогда?

– Если вы выступите против моей страны, мне придется атаковать и попытаться разбить вас, – признался Блэкторн.

– А если ваш господин прикажет вам напасть на нас здесь?

– Я бы отсоветовал ему. Наша королева бы послушалась. Она...

– Вами управляет королева, а не король?

– Да, господин Торанага. Наша королева мудра. Она бы не отдала такой неразумный приказ.

– А если бы отдала? Или если бы ваш законный командир приказал?

– Тогда бы я доверил свою душу Богу, ибо я наверняка погиб бы. Так или иначе.

– Да. Ты бы погиб. Ты и все твои войска. – Торанага выждал немного, потом спросил: – Сколько времени вы плыли сюда?

– Почти два года. Точнее, один год одиннадцать месяцев и два дня. Примерно четыре тысячи морских лиг, каждая лига – три мили.

Отец Алвито перевел, потом добавил краткое уточнение. Торанага задумчиво обмахивался веером.

– Я перевел время и расстояние, Блэкторн, в их меры, – вежливо пояснил священник.

– Спасибо.

Торанага опять заговорил, обращаясь непосредственно к Блэкторну:

– Как ты добрался сюда? По какому маршруту?

– Через Магелланов пролив. Если бы у меня были мои карты и бортовой журнал, я мог бы вам показать, но их украли – взяли у меня с корабля вместе с каперским свидетельством и всеми моими бумагами. Если вы...

Блэкторн остановился, так как Торанага внезапно заговорил с Хиромаци, который тоже был удивлен.

– Ты заявляешь, что твои бумаги были взяты – украдены?

– Да.

– Это ужасно, если так. Мы ненавидим воровство в Ниппон – Японии. Наказание за воровство – смерть. Это дело будет немедленно расследовано. Кажется невероятным, чтобы кто-то из японцев мог совершить такое, хотя грязные пираты и разбойники есть повсюду.

– Может быть, их переложили в другое место, – позволил себе догадку Блэкторн. – Какое-нибудь укромное место. Но это большая ценность, господин Торанага. Без моих морских карт я подобен слепцу в лабиринте. Вы хотите, чтобы я объяснил вам мой маршрут?

– Да, но позднее. Сначала расскажи, зачем ты проплыл все это расстояние.

– Мы прибыли с миром, чтобы торговать, – повторил Блэкторн, сдерживая нетерпение. – Торговать и вернуться домой. Сделать богаче вас и нас. И попытаться...

– Вас или нас? Что здесь важнее?

– Оба партнера должны иметь выгоду, конечно, и торговле надлежит быть честной. Мы стремимся к долгосрочным торговым отношениям. Мы предложим вам лучшие условия, чем португальцы или испанцы, и окажем больше услуг. Наши купцы... – Блэкторн остановился, так как снаружи в зал донеслись громкие голоса.

Хиромаци и половина часовых сразу же оказались около входа, а другие образовали тесное кольцо, заслоняя помост. Самураи у внутренних дверей также приготовились.

Торанага не двинулся. Он разговаривал с отцом Алвито.

– Вы уйдете отсюда, капитан Блэкторн, через эту дверь. – Отец Алвито сказал это с тщательно скрываемой настойчивостью. – Если вы

цените вашу жизнь, не делайте резких движений и не говорите ничего. – Он подошел к левой внутренней двери и сел около нее.

Блэкторн неловко поклонился Торанаге, который игнорировал его, и потихоньку подошел к священнику, полностью отдавая себе отчет в том, что этот разговор для него закончился провалом.

– Что происходит? – прошептал он, садясь.

Самураи по соседству тут же угрожающе напряглись, и священник быстро что-то сказал им, чтобы успокоить.

– Вы погибнете, если еще раз заговорите, – объявил он Блэкторну, а сам подумал: «Чем скорее, тем лучше».

С нарочитой медлительностью он вынул платок из рукава и вытер вспотевшие ладони. Ему потребовались весь его опыт и сила духа, чтобы оставаться спокойным и доброжелательным во время этой беседы с еретиком, который оказался даже хуже, чем предполагали они с отцом-инспектором.

– Вы будете присутствовать? – спросил его отец-инспектор прошлым вечером.

– Торанага специально просил меня об этом.

– Я думаю, это очень опасно для вас и всех нас. Мне кажется, вы могли бы сослаться на болезнь. Если вы там будете, вам придется переводить то, что говорит пират, а судя по тому, что пишет отец Себастио, это дьявол во плоти, коварный, как иудей.

– Много лучше будет мне там побывать, ваше преосвященство. По меньшей мере, я смогу развенчать наиболее очевидную ложь Блэкторна.

– Зачем он приехал сюда? Именно сейчас, когда все опять стало так хорошо? У них действительно есть другие корабли в Тихом океане? Разве возможно, чтобы они послали эскадру против испанской Манилы? Не то чтобы меня заботила судьба этого отвратительного города или какой-либо другой колонии испанцев на Филиппинах, но вражеская эскадра в Тихом океане! Это ужасное осложнение для нас в Азии. И если он сможет столкнуться с Торанагой, или Исидо, или с любым другим из влиятельных даймё, нам не миновать огромных затруднений, и это еще мягко сказано.

– Блэкторн – наверняка. К счастью, мы можем управлять им.

– Бог мне судья, но я знаю, а лучше сказать, убежден, что испанцы или, вернее, их презренные лакеи, францисканцы и бенедиктинцы,

направили его сюда, чтобы навредить нам.

– Может быть, и так, ваше преосвященство. Нет ничего, на что бы они ни решились, дабы победить нас. Но это просто ревность, потому что мы добиваемся успеха там, где они терпят неудачу. Конечно, Бог укажет им на их ошибки! Может быть, англичанин сам «уйдет», прежде чем наделает нам вреда. Его журналы покажут, кто он есть на самом деле. Пират и главарь пиратов!

– Прочитайте их Торанаге, Мартин. Те места, где он описывает разграбление незащищенных поселений от Африки до Чили, и перечни награбленного и всех жертв.

– Может быть, нам следует подождать, ваше преосвященство? Мы всегда успеем предъявить их. Давайте надеяться, что он сам погубит себя неосторожным поведением.

Отец Алвито опять вытер ладони. Он чувствовал на себе взгляд Блэкторна. «Боже, смилуйся над ним! – подумал иезуит. – После того, что он сказал сегодня Торанаге, его жизнь не стоит и фальшивого сентаво, а душа не найдет спасения. Он будет распят – не понадобится даже его записей. Может быть, послать бумаги обратно отцу Себастио, чтобы тот вернул их Муре? Что сделает Торанага, если бумаги не будут найдены? Нет, это слишком опасно для Муры».

Дверь в дальнем конце комнаты открылась.

– Господин Исидо здесь, в коридоре, господин, – возвестил Нага. – Он желает видеть вас. Прямо сейчас.

– Все вы, возвращайтесь на свои места! – приказал Торанага своим людям. Ему тут же повиновались. Но самураи сели лицом к двери, Хиромацу – во главе их, меч в ножнах наготове. – Нага-сан, скажи господину Исидо, что мы готовы его приветствовать. Проси его войти.

Высокий японец крупными шагами вошел в комнату. Десять его самураев – серые – вошли с ним, но по сигналу господина они остались у входа и сели, скрестив ноги.

Торанага поклонился с формальной вежливостью, и поклон был возвращен.

Отец Алвито радовался, что ему посчастливилось присутствовать при встрече. Предстоящее столкновение между двумя противоборствующими верховными правителями сильно влияло на дела в стране и будущее Матери-Церкви в Японии, поэтому любые косвенные или прямые сведения, которые могли подсказать иезуитам,

куда направить свое влияние, имели громадное значение. Дзен-буддист Исидо слыл ярким ненавистником христиан, Торанага же им открыто симпатизировал, хотя и был единоверцем своего врага. Но большинство христианских даймё поддерживали Исидо, опасаясь – и весьма обоснованно, как считал отец Алвито, – возвышения Торанаги. Христианские даймё чувствовали, что, лишив Исидо влияния в Совете регентов, Торанага захватит всю власть. И тогда, считали они, он введет в действие указы тайко об изгнании сторонников истинной веры. Если, однако, Торанага будет удален с политической арены, появится слабая надежда на преемственность и процветание Матери-Церкви.

Вместе с христианскими даймё из стороны в сторону метались и другие, и равновесие между двумя лагерями постоянно нарушалось, так что никто не ведал доподлинно, на чьей стороне сила. Даже отец Алвито, самый осведомленный из европейцев, не мог сказать наверняка, кто из христианских даймё кого поддержит при открытом столкновении или какая группировка возьмет верх.

Он смотрел, как Торанага спускается с помоста, пробираясь через кольцо стражей.

– Добро пожаловать, господин Исидо. Пожалуйста, садитесь сюда. – Торанага показал на единственную подушку на помосте. – Мне хотелось бы, чтобы вам было удобно.

– Спасибо, не беспокойтесь, господин Торанага.

Исидо Кадзунари, худой, смуглый и очень сильный, был на год моложе Торанаги. Они враждовали давно. Восемьдесят тысяч самураев вокруг замка и в самой Осаке делали Исидо очень важной персоной, ибо под его началом состоял гарнизон и, следовательно, охрана наследника. Он был главнокомандующим армиями Запада, завоевателем Кореи, членом Совета регентов и формально (после тайко) главным инспектором войск всех даймё в стране.

– Спасибо, не беспокойтесь, – повторил он. – Мне было бы неловко устроиться с удобствами, когда вы терпите неудобства. Конечно, когда-нибудь я воспользуюсь вашей подушкой, но не сегодня.

Волна гнева прошла по рядам коричневых, когда они услышали эту скрытую угрозу, но Торанага ответил вполне дружелюбно:

– Вы пришли в подходящий момент. Я только что закончил разговаривать с чужеземцем. Цукку-сан, пожалуйста, скажите ему,

чтобы он встал.

Священник выполнил приказание. Он чувствовал враждебность Исидо даже на расстоянии. Тот не только был противником христианства, но и презирал все европейское, хотел полностью оградить от него страну.

Исидо посмотрел на Блэкторна с заметным отвращением:

– Я слышал, что он безобразен, но не понимал насколько. Ходят слухи, что он пират. Это так?

– Без сомнения. И к тому же лжец.

– Тогда, прежде чем казнить, пожалуйста, отдайте его мне на полдня. Наследник, может быть, развлечется, увидев его голову. – Исидо грубо расхохотался. – Или обучит варвара танцевать, как медведя, тогда его можно будет выставлять напоказ – чудище с востока.

Хотя это было верно, что Блэкторн, на диво всем, прибыл с востока – в отличие от португальцев, которые всегда приплывали с юга и поэтому назывались южными чужеземцами, – Исидо недвусмысленно намекал, что Торанага, который правит восточными провинциями, настоящее чудовище.

Но Торанага только улыбнулся, как будто не понял.

– Вы большой забавник, господин Исидо, – заметил он. – Я согласен: чем скорее будет уничтожен чужеземец, тем лучше. Он скучен, высокомерен, громогласен, со странностями, не представляет никакой ценности и плохо воспитан. Нага-сан, вели кому-нибудь отвести его в тюрьму к обычным преступникам. Цукку-сан, скажите ему, чтобы шел с ними.

– Капитан, вам следует пойти с этими людьми.

– Куда?

Отец Алвито заколебался. Он радовался, что победил, но его противник был смел и обладал бессмертной душой, которую все-таки следовало спасти.

– Вы будете находиться под стражей, – сообщил иезуит.

– Сколько времени?

– Не знаю, сын мой. Пока господин Торанага не решит, что делать с вами.

Глава 12

Проводив взглядом чужеземца, покидающего комнату, Торанага с сожалением переключился на более насущную проблему – Исидо.

Торанага решил не отпускать священника, зная, что это разозлит Исидо, хотя и был уверен, что дальнейшее присутствие иезуита представляет опасность. «Чем меньше знают чужеземцы, тем лучше, – думал он. – Использует ли Цукку-сан свое влияние на христианских даймё против меня или в моих интересах? До сегодняшнего дня я полностью доверял ему. Но в ходе беседы с этим капитаном возникали некоторые странности, которых я до конца не понял».

Исидо, умышленно не соблюдая обычных любезностей, сразу перешел к делу:

– Я снова должен спросить, каким будет ваш ответ Совету регентов?

– А я снова повторяю: как глава Совета регентов я не вижу необходимости в каком-либо ответе. Произошло несколько незначительных семейных изменений, и все. Никакого ответа не требуется.

– Вы обручили вашего сына Нага-сана с дочерью господина Масамунэ, выдали одну вашу внучку за сына и наследника господина Дзатаки, а другую – за отпрыска господина Киямы. Все браки между правителями феодалов или их близкими родственниками имеют огромную важность и противоречат указам нашего господина.

– Наш покойный господин, тайко, вот уже год как умер. К несчастью. Да. Я сожалею о смерти моего шурина и предпочел бы, чтобы он был жив и все еще правил страной. – Торанага с удовольствием добавил, проворачивая нож в незажившей ране: – Если бы мой шурина был жив, без сомнения, он одобрил бы эти семейные узы. Его указы касались браков, которые угрожали его семье. Я не представляю угрозы для его семьи или семьи моего племянника Яэмона, наследника. Я удовлетворен своим положением властителя Канто. Я не ищу новых земель. Живу в мире с соседями и хочу сохранить согласие. Клянусь Буддой, я не нарушу мира первым!

В течение шести столетий государство обескровливали бесконечные междоусобицы. Тридцать пять лет назад мелкий даймё по имени Города овладел Киото, подстрекаемый Торанагой. За

следующие два десятилетия этот воитель захватил половину Японии, нагромоздил горы трупов и провозгласил себя диктатором, хотя и не обрел могущества, достаточного, чтобы просить правящего императора пожаловать ему, состоящему в отдаленном родстве с кланом Фудзимото, титул сёгуна. Потом, шестнадцать лет назад, Города был убит одним из своих военачальников, и власть перешла в руки его главного вассала и блестящего полководца крестьянского происхождения Накамуры.

За четыре неполных года Накамура, которому помогали Торанага, Исидо и другие, уничтожил потомков Города и распространил свою власть на всю Японию, впервые в истории подчинив себе целое государство. Во всем блеске славы он отправился в Киото поклониться императору Го-Нидзё, Сыну Неба. Как человек крестьянского рода, Накамура принял менее почетную, в сравнении с сёгуном, должность кампаку, канцлера, которую позднее передал сыну, став тайко. Но каждый даймё кланялся ему, даже Торанага. Невероятно, но на двенадцать лет наступил полный мир. И вот в прошлом году тайко умер.

– Клянусь Буддой, – повторил Торанага, – я не нарушу мира первым!

– Но отправитесь на войну?

– Мудрый человек всегда остерегается предательства, не так ли? Злонамеренные люди есть в каждой провинции. Некоторые из них занимают высокие посты. Мы оба знаем, сколь безраздельно предательство может воцариться в сердцах людей. – Торанага выпрямился. – Тайко оставил нам единое целое, но оно расколосось на мой Восток и ваш Запад. Совет регентов разделился. Даймё оказались лишними. Совет не в состоянии править даже полной слухами деревней, не говоря уже о целой стране. Чем скорее вырастет сын тайко, тем лучше. Чем скорее появится новый кампаку, тем лучше.

– Или, может быть, сёгун? – с намеком спросил Исидо.

– Кампаку, или сёгун, или тайко, власть все одна и та же, – возразил Торанага. – Какую ценность имеет титул? Власть – вот что единственно важно. Города никогда не стал бы сёгуном. Накамура был больше чем кампаку или тайко. Он правил страной, и это было главным. Что из того, что мой шурина происходил из крестьян? Что из

того, что моя семья очень древняя? Вы военачальник, правитель, даже член Совета регентов.

«Это много значит, – подумал Исидо. – Ты знаешь это. Я знаю это. Каждый даймё знает это. Даже тайко знал».

– Яэмону семь лет. Через семь лет он станет кампаку. До того времени...

– Через восемь лет, господин Исидо. Таков наш древний закон. Когда моему племяннику исполнится пятнадцать, он станет взрослым и наследует титул. До этого срока мы, пять регентов, правим от его имени. Такова последняя воля нашего господина.

– Да. И он также приказал, чтобы регенты не брали заложников, строя козни друг против друга. Госпожа Отиба, мать наследника, находится в вашем замке в Эдо как залог вашей безопасности здесь, и это также нарушает его волю. Вы согласились выполнять его заветы, как все регенты. Даже подписали соглашение своей кровью.

Торанага вздохнул:

– Госпожа Отиба посетила Эдо, чтобы присутствовать при родах ее единственной сестры. Ее сестра замужем за моим единственным сыном и наследником. Место моего сына, пока я здесь, – в Эдо. Что может быть естественней, чем посетить сестру в такое время? Разве она не стоит того? Может быть, у меня появится первый внук, а?

– Мать наследника – первая госпожа в стране. Она не должна находиться... – Исидо собирался сказать «во вражеских руках», но передумал, – ...в неподобающем месте. – Он подождал, а потом добавил недвусмысленно: – Совет хотел бы, чтобы вы попросили ее вернуться домой сегодня же.

Торанага избежал ловушки:

– Я повторяю, госпожа Отиба не заложница и, следовательно, не выполняет мои приказы, и никогда не выполняла.

– Тогда позвольте мне поставить вопрос по-другому. Совет требует, чтобы она немедленно прибыла в Осаку.

– Кто этого требует?

– Я. Господин Сугияма, господин Оноси и господин Кияма. И мы все уговорились ждать ее возвращения в Осаку прямо здесь. Вот их подписи.

Торанага побагровел. До сих пор он настолько ловко манипулировал Советом, что голоса всегда разделялись в отношении

два к трем. Он никогда не выигрывал у Исидо со счетом четыре к одному голосу, но и Исидо никогда не выигрывал у него. Четыре к одному означали изоляцию и гибель. Почему Оноси предал? И Кияма? Оба были непримиримыми врагами, даже до того, как перешли в чужеземную веру. И чем теперь их держит Исидо?

Исидо знал, что победил врага. Но для того чтобы победа была полной, требовалось сделать еще один шаг. Для этого он измыслил план, с которым согласился Оноси.

– Мы, регенты, согласны с тем, что пора покончить с желающими узурпировать верховную власть и убить наследника. Предатели должны быть приговорены. Они и все их потомки будут выставлены на всеобщее обозрение как презренные преступники, а после казнены. Фудзимото или Такасима, низкие родом или высокорожденные – не имеет значения. Даже Миновара!

Все самураи Торанаги задохнулись от гнева, оскорбленные неслыханным поруганием знатных фамилий, состоящих в родстве с императорским домом. Молодой самурай Усаги, сводный внук Хиромасу, вскочил на ноги, покраснев от злости. Он вытащил свой боевой меч и бросился на Исидо, занеся обнаженное лезвие над головой двумя руками.

Исидо приготовился к смерти и не сделал ни одного движения, чтобы защититься. Именно это он и задумал, надеялся, что так и произойдет, даже приказал своим людям не вмешиваться, пока его не убьют. Если он, Исидо, будет зарублен здесь, сейчас самураем Торанаги, весь гарнизон Осаки сможет с полным основанием напасть на Торанагу и убить его, позабыв про заложницу. Тогда госпожа Отиба будет уничтожена в отместку сыновьями Торанаги, и регентам придется всем вместе выступить против клана Ёси, который, оставшись один на один с врагами, погибнет. Только тогда появится надежда, что наследник и его потомки уцелеют и он, Исидо, выполнит свой долг перед тайко.

Но удара не последовало. В последнее мгновение Усаги пришел в себя и, весь дрожа, вложил меч в ножны.

– Прошу прощения, господин Торанага, – сказал он, низко кланяясь. – Я не мог вынести позора, который был нанесен вам такими оскорблениями. Я прошу разрешения немедленно совершить сэппуку, так как не могу жить с этим бесчестьем.

Хотя Торанага остался неподвижен, он был готов помешать удару и знал, что Хиромаци готов к этому, что другие готовы тоже и что Исидо, возможно, будет только ранен. Он понимал также, почему Исидо повел себя так оскорбительно и вызывающе. «Я отплачу тебе за это, и сполна, Исидо», – про себя пообещал он.

Торанага обратил внимание на коленопреклоненного юношу:

– Как ты осмелился предположить, что слова какого-то господина Исидо могут хоть в какой-то мере оскорбить меня?! Конечно, ему не следовало быть таким невежливым. Как осмелился ты подслушать разговоры, которые тебя не касаются! Нет, тебе не дозволяется совершить сэппуку. Это честь. У тебя нет чести, нет власти над собой. Ты будешь распят как обычный преступник сегодня же. Твой меч сломают и заруют в деревне *эта*. Твоего сына похоронят в деревне *эта*. Твою голову насадят на пику, чтобы каждый мог посмеяться, читая надпись: «Этот человек был рожден самураем по ошибке. Его имени больше не существует!»

Огромным усилием воли Усаги сдерживал дыхание, но капли пота падали непрерывно, его мучил стыд. Он поклонился Торанаге, принимая свою судьбу с внешним спокойствием.

Хиромаци вышел вперед и сорвал оба меча с пояса родственника.

– Господин Торанага, – произнес он мрачно, – с вашего разрешения, я лично прослежу, чтобы эти приказы были выполнены.

Торанага кивнул.

Юноша поклонился в последний раз, потом хотел встать, но Хиромаци толкнул его обратно на пол.

– Ходят самураи, – прорычал он. – Так делают мужчины. Но ты не мужчина. Ты будешь ползти к своей смерти.

Усаги молча повиновался.

Все были тронуты самообладанием юноши и его мужеством. «Он снова родится самураем», – сказали они про себя, довольные им.

Глава 13

В ту ночь Торанага не мог спать. С ним такое бывало редко, ибо обычно он умел отложить самые насущные заботы до завтра, зная, что если встретит живым следующий день, то сможет справиться с ними лучшим образом. Он уже давно установил, что спокойный сон способен дать ключ к самой сложной головоломке, а если нет, то чего беспокоиться? Разве жизнь – это не капля росы в капле росы?

Но сегодня ночью нужно было обдумать многое.

Что делать с Исидо?

Почему Оноси перешел на сторону врага?

Как быть с Советом?

Не вмешиваются ли опять христианские священники в чужие дела?

Откуда будет исходить следующая попытка убийства?

Когда разделаться с Ябу?

Как поступить с чужеземцем?

Сказал ли он правду?

Любопытно, что чужеземец приплыл с востока именно теперь. Это предзнаменование? Или такова его *карма* – стать искрой, которая подожжет пороховую бочку?

Индийское слово «карма», воспринятое японцами вместе с буддийской философией, означало земной путь человека, его судьбу, которая зависела от поступков, совершенных в предыдущем рождении: хорошие дела позволяли подняться на более высокий уровень бытия, плохие – толкали вниз. И так в каждом последующем воплощении. Человек заново рождался в этом мире слез, пока, терпеливо снося страдания, не становился совершенным и сходил в *нирвану* – идеальный мир, чтобы уже не претерпевать мук нового воплощения.

«Странно, что Будда, или другой бог, или, может быть, просто карма привели Андзин-сана во владения Ябу. Странно, что корабль прибило к берегу возле той деревни, где Мура, глава тайной шпионской сети в Идзу, осел много лет назад под самым носом тайко и сифилитичного отца Ябу. Странно, что здесь, в Осаке, оказался Цуккусан, переводчик, который обычно живет в Нагасаки. А также главный священник христиан и португальский генерал-капитан. Странно, что капитан Родригес с готовностью вызвался плыть с Хиромацу в

Андзиро – как раз вовремя, чтобы захватить чужеземца живым и заполучить ружья. Теперь там Касиги Оми, сын человека, который принесет мне голову Ябу, если только я пошевелю пальцем.

Как красива жизнь и как печальна! Как быстротечна – ни прошлого, ни будущего, одно бесконечное *сейчас*».

Торанага вздохнул. Одно очевидно: чужеземец никогда отсюда не уедет. Ни живым, ни мертвым. Он теперь навеки часть государства.

Уловив приближение почти беззвучных шагов, Торанага потянулся к мечу. Каждую ночь в произвольном порядке он менял спальню, охрану и пароли, пытаясь обезопасить себя от убийц, которых все время ожидал. Шаги затихли перед сѣдзи с наружной стороны. Он услышал голос Хиромацу и начало пароля:

– «Если истина уже открылась, какая польза в медитации?»

– «А если истина скрыта?» – спросил Торанага.

– «Она уже ясна», – ответил Хиромацу как положено. Это было изречение древнего буддийского учителя Сарахи.

– Войди.

Только убедившись, что пожаловал и правда его советник, Торанага опустил меч.

– Садись.

– Я слышал, что вы не спите. И подумал, вам может что-то потребоваться.

– Нет. Спасибо. – Торанага заметил, как углубились морщины вокруг глаз старика. – Я рад, что ты здесь, старый друг, – сказал он.

– Вы уверены, что все нормально?

– О да.

– Тогда я оставлю вас. Извините, что побеспокоил, господин.

– Нет, пожалуйста, войди. Я рад, что ты здесь. Садись.

Старик сел около двери, выпрямив спину:

– Я удвоил охрану.

– Хорошо.

Немного помолчав, Хиромацу продолжал:

– Относительно этого сумасшедшего – все сделано, как вы приказали. Все.

– Спасибо.

– Его жена, моя внучка, как только услышала приговор, попросила разрешения покончить с собой, чтобы сопровождать своего мужа и ее

сына в «великую пустоту». Я отказал и велел ей дожидаться вашего разрешения. – Душа Хиромацу истекала кровью. Как ужасна жизнь!

– Ты поступил правильно.

– Я прошу разрешения покончить с жизнью. В том, что он подверг вас смертельной опасности, есть и моя вина. Я должен был предвидеть, что он не годится для такой службы. Это моя вина.

– Ты можешь не совершать сэппуку.

– Пожалуйста. Я прошу.

– Нет, ты нужен мне живым.

– Я повинуюсь вам. Но пожалуйста, примите мои извинения.

– Твои извинения приняты.

Через некоторое время Торанага спросил:

– Что с этим чужеземцем?

– Много чего, господин. Во-первых, если бы вы не ждали его, то сегодня выехали бы с рассветом и Исидо никогда бы не загнал вас в ловушку. Теперь у вас нет иного выбора, кроме как объявить Исидо войну – если вы сможете выбраться из замка и вернуться в Эдо.

– Во-вторых?

– И в-третьих, и в-сорок-третьих, и в-сто-сорок-третьих? Я не так умен, как вы, господин Торанага, но даже я догадался, что все, в чем нас хоть отчасти убедили южные варвары, неверно. – Хиромацу был рад поговорить: это помогало унять боль. – Но если есть две христианские религии, враждебные друг другу, и если Португалия подвластна более крупной испанской нации, и если страна этого нового чужеземца воюет с ними двумя и побеждает их, и если это такое же островное государство, как наше, и, самое главное, если он говорит правду, и если священник точно переводил все слова чужеземца... Ну, вы можете сложить все эти «если», оценить их и составить план. Я не могу, так что простите. Я знаю только то, что видел в Андзиро и на борту корабля. Этот Андзин-сан очень крепок умом и духом, хотя и слаб телом – пока, из-за длительного путешествия, – и в море он командир. Я совершенно его не понимаю. Как можно быть таким человеком и позволить кому-то мочиться себе на спину? Почему он пришел на выручку Ябу после того, что тот сделал с ним, почему спас жизнь другому своему врагу, этому португальцу Родригу? Голова идет кругом от такого количества вопросов, словно я пьян. – Хиромацу умолк: он очень устал. – Думаю,

нам следует держать на берегу его и ему подобных, если они приплывут, а потом убить их всех без промедления.

– А что с Ябу?

– Прикажите ему совершить сэппуку сегодня вечером.

– Почему?

– Он плохо воспитан. Вы предсказали, как он поведет себя, когда я приеду в Андзиро. Он собирался украсть вашу собственность. И он лжец. Не встречайтесь с ним завтра, как хотели. Позвольте мне сейчас же передать ему этот приказ. Вам придется убить его рано или поздно. Лучше теперь, когда он рядом, без своих вассалов. Я советую не медлить.

Раздался тихий стук во внутреннюю дверь.

– Тора-тян?

Торанага улыбнулся, как улыбался всегда при звуках этого совершенно особого голоса, звучащего так успокаивающе.

– Да, Кири-сан?

– Я взяла на себя смелость, господин, принести зеленого чая вам и вашему гостю. Пожалуйста, разрешите мне войти.

– Да.

Мужчины ответили на ее поклон. Кири закрыла дверь и занялась разливанием чая. Пятидесятитрехлетняя Кирицубо-но Тосико, а попросту Кири, была кем-то вроде первой статс-дамы при дворе Торанаги, самой старшей из всех. Ее волосы уже седели, талия расплнела, но лицо сияло вечной радостью.

– Вам не следовало просыпаться, особенно в это время ночи, Тора-тян! Скоро уже рассвет, и, полагаю, вы поедете на охоту в горы с вашими соколами, не так ли? Вам нужно поспать!

– Да, Кири-тян! – Торанага с чувством похлопал ее по широкой спине.

– Пожалуйста, не зовите меня Кири-тян! – засмеялась Кири. – Я старая женщина и заслуживаю того, чтобы мне оказывали уважение. Мало мне хлопот с другими вашими дамами. Кирицубо-Тосико-сан, если вы будете так добры, господин мой Ёси Торанага-но Тикитада!

– Вот видишь, Хиромачу. И спустя двадцать лет она все еще пытается командовать мной.

– Извините, но минуло уже более тридцати лет, Тора-сама, – поправила она гордо. – И вы тогда были такой же послушный, как и

теперь!

В двадцать лет Торанага оказался в заложниках у деспотического правителя Икавы Тададзаки, господина Суруги и Тотоми, отца Икавы Дзикю, врага Ябу. Самурай, который приглядывал за Торанагой, только что взял вторую жену – Кирицубо. Ей было тогда семнадцать лет. И этот самурай, и Кири, его жена, с большим уважением относились к Торанаге, давали ему мудрые советы, и потом, когда тот восстал против Тададзаки и присоединился к Городе, недавний надзиратель примкнул к ним с большим войском и смело сражался на их стороне. Позже в сражении за столицу муж Кири был убит. Торанага спросил ее, не станет ли она одной из его наложниц, и Кири с радостью приняла это предложение. В те годы она еще не расплылась, но была такой же заботливой и умной. Ей тогда исполнилось девятнадцать, ему – двадцать четыре, и она стала душой его дома. Очень проникательная и способная, Кири многие годы вела его хозяйство, храня своего господина от бед и огорчений.

«Настолько, насколько это по силам женщине», – подумал Торанага.

– Ты толстеешь, – заметил он, словно для нее это была новость.

– Господин Торанага! Перед господином Тодой! О, простите, я должна совершить сэппуку – или, по крайней мере, обрить голову и уйти в монастырь. А я-то думала, что по-прежнему молоденькая и стройная! – Она расхохоталась. – Ну ладно, я толстозадая, но что поделаешь? Просто я люблю поесть – такова воля Будды и моя карма, не так ли? – Она подала чай. – Вот. Теперь я ухожу. Может, прислать госпожу Садзуку?

– Нет, моя предусмотрительная Кири-сан, нет, спасибо тебе. Мы немного поговорим, и я лягу спать.

– Спокойной ночи, Тора-сама! Приятного сна без сновидений. – Она поклонилась ему и Хиромацу и вышла.

Они попробовали чай. Торанага сказал:

– Я частенько жалею, что у нас нет сына, у Кири-сан и меня. Однажды она забеременела, но не выносила. Это было в пору битвы при Нагакудэ.

– Ах вот оно что!

– Да.

Это случилось как раз после того, как диктатор Города был умерщвлен, а Накамура – будущий тайко – пытался прибрать к рукам всю власть. Какой поворот примут события, представлялось неясным, ибо Торанага поддержал одного из сыновей Города, законного наследника. Накамура атаковал Торанагу около деревушки Нагакудэ и нанес ему поражение. Преследуемый армией Накамуры, которой командовал Хиромацу, Торанага с большим искусством отступил и сумел избежать новой ловушки. Уйдя в родные провинции, он сохранил армию, готовую к новой битве. У Нагакудэ погибло пятьдесят тысяч человек, и людей Торанаги среди них оказалось немного. К чести будущего тайко, надо сказать, что он прекратил войну против Торанаги, хотя и мог ее выиграть. Битва при Нагакудэ была единственной, которую проиграл тайко, а Торанага, единственный из военачальников, сумел победить его.

– Я рад, что мы никогда не встречались в битве, господин, – произнес Хиромацу.

– Да.

– Вы бы победили.

– Нет. Тайко был самым великим из полководцев и мудрейшим, искуснейшим из всех.

Хиромацу улыбнулся:

– Да. За исключением вас.

– Нет. Ты не прав. Вот поэтому я и стал его вассалом.

– Я сожалею, что он умер.

– Да.

– И Города – он был прекрасным человеком, не так ли? Столько хороших людей погибло. – Хиромацу непроизвольно повернулся и покрутил свои потертые ножны. – Вы должны выступить против Исида. Это вынудит каждого даймё выбрать, на чьей стороне воевать, раз и навсегда. Мы быстро победим. Тогда вы сможете разогнать Совет и стать сёгуном.

– Я не стремлюсь к этой чести, – отрезал Торанага. – Сколько раз тебе говорить?

– Прошу прощения, господин. Но я чувствую, что так было бы лучше всего для Японии.

– Это измена.

– Кому, господин? Измена тайко? Он мертв. Его последней воле? Это только кусок бумаги. Мальчишке Яэмону? Яэмон – сын крестьянина, узурпировавшего власть, присвоившего наследство военачальника, которого он погубил. Мы были союзниками Городы, потом – вассалами тайко. Да. Но они оба мертвы.

– Ты бы посоветовал подобное, если бы был одним из регентов?

– Нет. Но я не один из регентов и очень этому рад. Я только ваш вассал. Я выбрал свое место год назад. И сделал это свободно.

– Почему? – Торанага никогда раньше не спрашивал об этом.

– Потому что вы – человек, потому что вы – Миновара и потому что вы поступаете умно. То, что вы сказали Исидо, правда: не такой мы народ, чтобы нами управлял Совет. Нам нужен вождь. Кому из пяти регентов мог я служить? Господину Оноси? Да, он очень мудрый человек и хороший воин. Но он христианин, и он болен проказой, гниет заживо, так что смрад распространяется на пятьдесят шагов. Господину Сугияме? Он самый богатый даймё в стране и такого же древнего рода, как и вы. Но он трусливый ренегат, изменник – уж мы-то знаем. Господину Кияме? Умный, смелый, искушенный в делах войны и старый товарищ. Но он тоже христианин, а у нас, на Земле богов, я думаю, достаточно своих небожителей, чтобы поклоняться одному чужому. Исидо? Я не люблю эту подлую крестьянскую падаль, с тех пор как узнал его, и если до сих пор не убил его, так только потому, что он был верным псом тайко. – Его жесткое лицо расплылось в улыбке. – Так что вы видите, Ёси Торанага-но Миновара, у меня не было другого выбора.

– А если я не последую твоему совету? Если я заставлю плясать под свою дудку Совет регентов, даже Исидо, и приведу Яэмона к власти?

– Что бы вы ни сделали, это будет разумно. Но все регенты хотят вашей смерти. Это верно. Я выступаю за немедленную войну. Немедленную. Прежде чем они отступятся. Или, что более вероятно, убьют вас.

Торанага задумался о своих врагах. Они были сильны и многочисленны.

Возвращение в Эдо заняло бы у него три недели, если бы он двинулся по Токайдо, главному тракту, тянувшемуся вдоль побережья между Эдо и Осакой. Плыть на корабле было опаснее и, может быть,

дольше, при условии, что он не воспользуется галерой, которая способна идти против ветра и приливов.

Торанага мысленно опять обратился к плану, который уже продумал. Он не мог найти в нем изъянов.

– Вчера мне сообщили по секрету, что мать Исидо посетила своего внука в Нагое, – сказал он, и Хиромацу сразу обратился в слух. Нагоя – огромный город-государство – еще не присоединился ни к одной стороне. – Необходимо, чтобы настоятель храма Дзёдзи пригласил госпожу полюбоваться цветением вишни.

– Немедленно, – подхватил Хиромацу. – Голубиной почтой. – Храм Дзёдзи был известен тремя вещами: аллеей вишневых деревьев, воинственностью своих монахов, исповедующих дзен-буддизм, и открытой, неумирающей верностью Торанаге, который много лет назад оплатил строительство храма и с тех пор следил за его содержанием. – Самый разгар цветения прошел, но она будет там завтра. Я не сомневаюсь, что почтенная госпожа захочет остаться при храме на несколько дней, – это так успокаивает. Ее внук должен отправиться с ней, да?

– Нет, только она. Иначе приглашение настоятеля покажется подозрительным. Дальше: отправь тайное послание моему сыну Сударе, что я покину Осаку, как только Совет регентов закончит свою работу, – через четыре дня. Пошли весточку с гонцом, а завтра – еще и с почтовым голубем.

Недовольство Хиромацу было очевидным.

– Тогда не стоит ли мне собрать сразу десять тысяч человек? В Осаке?

– Нет. Людей здесь достаточно. Спасибо, старый друг. Думаю, я теперь сосну.

Хиромацу встал и расправил плечи. Потом, уже от дверей, спросил:

– Я могу передать Фудзико, моей внучке, разрешение покончить с собой?

– Нет.

– Но Фудзико – самурай, господин, и вы знаете, как матери относятся к своим детям. Ребенок был ее первенцем.

– Фудзико может иметь еще много детей. Сколько ей лет? Восемнадцать – только что исполнилось девятнадцать? Я найду ей другого мужа.

Хиромацу покачал головой:

– Она его не примет. Я слишком хорошо ее знаю. Это ее сокровеннейшее желание – покончить с жизнью. Пожалуйста!

– Скажи своей внучке, что я не одобряю бесполезную смерть. В прощении отказано.

Через некоторое время Хиромацу поклонился и собрался уходить.

– Сколько времени протянет этот чужеземец в тюрьме? – спросил Торанага.

Хиромацу не обернулся.

– Это зависит от того, насколько он свирепый боец.

– Благодарю тебя. Спокойной ночи, Хиромацу! – Удостоверившись, что остался один, он тихо произнес: – Кири-сан?

Внутренняя дверь открылась, она вошла и встала на колени.

– Немедленно пошли сообщение Сударе: «Все хорошо». Пошли с самыми быстрыми почтовыми голубями. Выпусти трех на рассвете одновременно. И еще трех – в полдень.

– Да, господин. – Она ушла.

«Один пробьется, – подумал он. – По крайней мере четыре станут жертвой стрел, шпионов, ястребов. Но если Исидо не разгадал значения условных слов, послание ничего ему не скажет».

Условные слова держались в секрете. Их знали всего четыре человека: старший сын Торанаги, Нобору, его второй сын и наследник Судара, Кири и сам Торанага. Послание означало: «Не обращать внимания на все остальные сообщения. Действовать по уговору пять». Это подразумевало, что надо немедленно собрать всех предводителей клана Ёси и их самых доверенных тайных советников в столице Торанаги Эдо и готовить войско к войне. Условными словами для войны были «малиновое небо». Убийство или пленение Торанаги делали неминуемым «малиновое небо», а стало быть, внезапное нападение на Киото всех его войск под водительством Судары, который должен был захватить город и марионетку-императора. Предполагалось, что одновременно в пятидесяти провинциях вспыхнут втайне подготовленные восстания, замысел которых лелеялся годами. Все цели: перевалы, города, замки, мосты – были давно выбраны. Не ощущалось недостатка в оружии, людях и планах, как это лучше сделать.

«Это хороший замысел, – думал Торанага. – Но он не удастся, если реализовывать его буду не я. Судара проиграет. Не из-за бесшабашности, недостатка мужества, ума или из-за измены. Просто Сударе не хватит опыта и знаний, он не сможет увлечь за собой тех даймё, что еще колеблются. А также потому, что на его пути станут Осацкий замок и наследник Яэмон – хороший повод для вражды и ревности, которые накопились за пятьдесят два года войны».

Война для Торанаги началась, когда его, шестилетнего, взяли в заложники. Несколько раз его захватывали и выпускали, выпускали и захватывали – и так до двенадцати лет. В двенадцать он повел свой первый отряд и выиграл первый бой.

Так много битв, ни одной не проиграно. Но сколько врагов... И теперь они объединились.

«Судара проиграет. Возможно, ты единственный, кто может победить после объявления „малинового неба“. Тайко смог бы, конечно. Но лучше не доводить дело до „малинового неба“».

Глава 14

Для Блэкторна это был адский рассвет. Ему пришлось сойтись в смертельной схватке с заключеными. Бой шел за миску каши. Оба противника были обнажены. Когда арестанта помещали в огромную одноэтажную деревянную ячейку-блок, его одежду отбирали. Одетый человек занимал больше места и мог скрыть оружие под платьем.

Мрачное и душное помещение – пятьдесят шагов в длину и десять в ширину – было набито голыми потными японцами. Слабый свет сочился в щели между досками и балками, из которых сколотили стены и низкий потолок.

Блэкторн едва мог стоять прямо. Его кожа была исполосована сломанными ногтями соперника и усажена занозами. Вконец осатанев, он боднул врага в переносицу, схватил за горло и стал бить его головой о балки, пока тот не потерял сознание. Тогда он отбросил тело в сторону и, протиснувшись через потную людскую массу к месту в углу, которое наметил для себя, приготовился отразить новые атаки.

На рассвете наступило время кормежки, и стража начала передавать миски с кашей и водой через маленькое отверстие. Впервые с тех пор, как он попал сюда на исходе прошлого дня, заключенным дали еду и питье. Выстроившиеся для получения пайки были необычно спокойны. Любое нарушение порядка грозило отказом в пище. Потом обезьяноподобный субъект – небритый, грязный, завшивленный – оттолкнул Блэкторна и забрал его порцию, пока другие ждали, что произойдет. Но за плечами у Блэкторна было слишком много матросских драк, чтобы его удалось одолеть одним предательским ударом. Изобразив на мгновение беспомощность, он яростно лягнул японца, и бой начался. Теперь, сидя в углу, Блэкторн, к своему удивлению, обнаружил, что один из товарищей по несчастью предлагает ему кашу и воду, которые он посчитал уже безвозвратно потерянными. Он принял миски и поблагодарил доброхота.

Углы считались в узилище самым удобным местом. Балки, проложенные вдоль земляного пола, делили темницу на две части. В каждой части умещалось по три ряда людей: два лицом друг к другу, а спинами к стене или брусу; еще один – между ними. В центральном ряду сидели только слабые и больные. Когда узники поздоровее в

наружных рядах хотели вытянуть ноги, они клали их на бедолаг в середине.

Блэкторн заметил два трупа, раздутых и засиженных мухами, в одном из средних рядов. Но ослабевшие и умирающие люди вокруг, казалось, не видели их.

Он не мог разглядеть ничего в дальних концах мрачного тюремного барака, где застоялся спертый, удушливый воздух. Солнце уже вовсю пекло дерево. Запах стоял ужасный – не столько из-за параш, сколько из-за того, что больные испражнялись под себя или там, где сидели в согбенном положении.

Время от времени стража открывала железную дверь и выкликала имена. Люди кланялись товарищам, уходили, но вскоре на их место приводили других. Все узники, казалось, смирились со своей участью и пытались, как могли, жить в мире с ближайшими соседями.

Одного японца около стены начало тошнить. Он быстро был вытолкнут в средний ряд, где сидел согнувшись, наполовину задавленный положенными на него ногами.

Блэкторн закрыл глаза и попытался преодолеть ужас и клаустрофобию. «Негодяй Торанага! Затащить бы тебя в такое место на денек! И эти ублюдки-стражники!» Прошлой ночью, когда ему было приказано раздеться, он дрался с ними вопреки горькому сознанию беспомощности, понимая, что его избьют, дрался только потому, что не привык сдаваться. И в конце концов его силой забросили в эту дверь.

Четыре тюремных блока-ячейки располагались на краю города, на мощеном участке земли, обнесенном высокими каменными стенами. За стенами на огороженной канатами утрамбованной площадке около реки высилось пять крестов. Обнаженные мужчины и одна женщина были привязаны к крестам за запястья и щиколотки, и, шагая по периметру за самураями-часовыми, Блэкторн увидел, как палач под смех толпы наискось втыкает длинные пики в грудные клетки казнимых. Потом этих пятерых сняли с крестов, а на их место подвесили других. Вышел самурай и мечом изрубил трупы на куски, заходясь хриплым хохотом.

«Кровавые подонки, гнусные негодяи!»

Между тем японец, с которым подрался Блэкторн, пришел в сознание. Он лежал в среднем ряду. На одной стороне лица запеклась

кровь, нос был раздроблен. Внезапно он прыгнул на Блэкторна, ничего не замечая на своем пути.

Блэкторн, застигнутый врасплох, с большим усилием отбил бешеную атаку и свалил здоровяка. Заключенные, на которых тот упал, закричали, возмущаясь, а один из них, огромный, бульдожьего сложения, рубанул возмутителя спокойствия по шее ребром ладони. Раздался сухой щелчок, и голова обезьяноподобного свесилась набок.

Похожий на бульдога человек поднял полуобритую голову за жидкий, усеянный гнидами чуб и отпустил. Взглянув на Блэкторна, он произнес что-то гортанное, улыбнулся, показав беззубые десны, и пожал плечами.

– Спасибо, – сказал Блэкторн, успокаивая дыхание и как никогда сожалея, что не владеет искусством рукопашного боя, подобно Муре. – Мое имя Андзин-сан, – добавил он, указывая на себя. – А твое?

– *А, со дэс!* Андзин-сан. – Бульдог ткнул себя в грудь и вдохнул воздух. – Миникуй.

– Миникуй-сан?

– *Хай*, – произнес японец и завернул длинную фразу на родном языке.

Блэкторн устало пожал плечами:

– *Вакаримасэн*. Я не понял.

– *А, со дэс!* – Бульдог кратко и быстро переговорил с соседями. Потом опять пожал плечами, как и Блэкторн. Они подняли мертвеца и положили его рядом с другими. Когда они вернулись в свой угол, их места были не заняты.

Большинство заключенных спало или отчаянно пыталось уснуть.

Блэкторн изнывал от грязи, ужаса и близости смерти. «Не беспокойся, тебе еще далеко до смерти... Нет, я долго не продержусь в этой адской яме. Здесь слишком много народу. О Боже, помоги мне выйти отсюда! Почему все плывет вверх и вниз, и Родригес выныривает из глубины с клешнями вместо глаз? Я не могу дышать, не могу... Я должен выбраться отсюда. Пожалуйста, пожалуйста, не подкидывайте больше дров в огонь! Что ты делаешь здесь, Крок, приятель? Я думал, они освободили тебя и ты вернулся в деревню, а теперь мы оба в деревне. А как я оказался здесь? Здесь так прохладно. И что это за девушка, такая хорошенькая, внизу под досками? Почему они тащат ее к берегу, голые самураи? Там еще этот Оми... смеется...

Почему на песке внизу кровавые отметки? Все голые... я голый... ведьмы... крестьяне... дети... котел, и мы в котле... О нет, не надо больше дров! Не надо больше дров! Я утону в жидкой грязи. О Боже, о Боже, о Боже, я умираю, умираю, умираю... „Во имя Отца, Сына и Святого Духа“. Это последнее причастие, ты католик, мы все католики, и ты сгоришь или утонешь в моче и сгоришь в огне, в огне, в огне...»

Он вытащил себя из кошмара, его слух уловил слова последнего напутствия. Какое-то время Джон не мог понять, бодрствует он или спит, потому что не поверил своим ушам, снова услышав благословение на латыни, и тут его недоверчивому взгляду предстало морщинистое, дряхлое пугало – старик европейской наружности брел по среднему ряду в пятнадцати шагах от Блэкторна. Беззубый, в грязной, поношенной хламиде, с длинной сальной гривой, спутанной бородой и сломанными ногтями. Он поднял тощую длань, больше похожую на когтистую лапу хищника, и вознес деревянный крест над мертвецом, погребенным под телами. Луч солнца осветил его на мгновение. Закрыв усопшему глаза, он пробормотал молитву, осмотрелся и увидел, что Блэкторн таращится на него.

– Мать Божья, это мне чудится? – прокаркал он, крестясь, на корявом, грубом испанском, выдававшем в нем выходца из крестьянской среды.

– Нет, – успокоил Блэкторн по-испански. – Кто вы?

Старик ощупью пробирался дальше, бормоча что-то себе под нос. Заключение давали ему пройти, ни словом, ни жестом не протестуя, когда он наступал на кого-нибудь или перешагивал через них. Слезающиеся глаза воззрились на Блэкторна с изможденного, усаженного бородавками лица.

– О Святая Дева, живой. Кто вы? Я... Я брат... брат Доминго... Доминго... Доминго из священного... священного ордена святого Франциска... ордена... – В его речи японские слова мешались с латынью и испанским. Голова подергивалась, и он все время вытирал струйку слюны, которая сбегала из уголка рта по подбородку. – Сеньор действительно живой?

– Да, я живой на самом деле. – Блэкторн поднялся.

Монах еще раз помянул Святую Деву, слезы текли по его щекам. Он снова поцеловал свой крест и завертел головой, высматривая, куда бы опуститься на колени. «Бульдог» потряс своего соседа, заставляя

его проснуться. Оба сели на корточки, освободив место для священника.

– Клянусь благословенным святым Франциском, мои молитвы услышаны. Ты, ты, ты... я думал, что у меня видения, сеньор, что вы призрак. Да, дьявольский дух. Я видел так много, так много... Сколько вы здесь, сеньор? Здесь трудно что-либо рассмотреть в темноте, и мои глаза не так хороши... Сколько времени вы здесь?

– Со вчерашнего дня, а вы?

– Я не знаю, сеньор. Давно. Меня посадили сюда в сентябре, в тысяча пятьсот девяносто восьмом году от рождения нашего Господа.

– Сейчас май. Тысяча шестисотый год.

– Тысяча шестисотый?

Стон отвлек внимание монаха. Он встал и двинулся через тела как паук, ободряя одного там, трогая другого здесь, бегло утешая их по-японски. Он не мог найти умирающего, поэтому исполнил весь ритуал в той части узилища и благословил всех, и никто не возражал.

– Иди со мной, сын мой.

Не дожидаясь, монах захромал дальше сквозь массу людей в темноту. Блэкторн поколебался, не желая оставлять свое место. Потом встал и последовал за испанцем. Через десять шагов он оглянулся. Его место уже заняли. Казалось невероятным, что он когда-то сидел там.

Он продолжал идти по бараку. В дальнем углу нашлось, как ни странно, свободное место. Как раз достаточно для того, чтобы улечься небольшому человеку. Там было несколько горшков, чашек и старый соломенный мат.

Окружающие японцы молча наблюдали за ними, дав пройти Блэкторну.

– Это моя паства, сеньор. Они все дети благословенного Господа нашего Иисуса. Я их так много здесь обратил – это Хуан, а здесь Марк и Мафусаил... – Священник остановился перевести дыхание. – Я так устал. Устал. Я... должен, я должен... – Его голос затих, и он уснул.

В сумерках принесли еду. Когда Блэкторн собрался встать, один из японцев сделал ему знак оставаться на месте и принес доверху наполненную чашку. Другой человек мягко потряс священника, чтобы тот проснулся и поел.

– *Иэ*, – сказал старик и, качая головой и улыбаясь, протянул миску обратно.

– *Иэ, Фарддах-сама.*

Священник дал себя уговорить и поел немного, потом встал, его суставы хрустнули. Он протянул свою миску одному из тех, кто был в среднем ряду. Этот человек приложил руку священника к своему лбу, и тот его благословил.

– Я так рад повидать хоть кого-то из своих, – произнес священник, садясь опять около Блэкторна, его крестьянский голос был низким и сиплым. Он с усилием показал рукой в дальний угол камеры. – Кто-то из моей паствы сказал, что сеньора называют «капитан», «андзин». Сеньор – капитан?

– Да.

– Здесь есть кто-нибудь еще из команды сеньора?

– Нет. Я один. Почему вы здесь?

– Если сеньор один – он прибыл из Манилы?

– Нет. Я никогда не бывал в Азии, – проговорил Блэкторн. Его испанский был превосходен. – Это мое первое плавание в эти края. Я... Я был на чужбине. Почему вы здесь?

– Иезуиты заточили меня сюда, сын мой. Иезуиты и их мерзкая ложь. Сеньор был в чужих краях? Вы не испанец, нет, и не португалец... – Монах подозрительно всмотрелся в него, и Блэкторна обдало зловонным дыханием. – Корабль был португальским? Скажите мне правду, ради Бога!

– Нет, отец. Корабль был не португальский. Богом клянусь!

– О Благословенная Дева, благодарю тебя! Пожалуйста, простите меня, сеньор. Я боюсь – я старый человек, глупый и больной. Ваш корабль был испанский, откуда? Я так рад! Откуда вы, сеньор? Из испанской Фландрии? Или из герцогства Бранденбургского, может быть? Откуда-нибудь из наших доминионов в Германии? О, так хорошо поговорить наконец на языке моей благословенной матери! Сеньор, так же как и мы, потерпел кораблекрушение? А потом был подло брошен в тюрьму, оклеветанный этими дьявольскими иезуитами? Мой Бог проклинает их за грех измены! – Его глаза вспыхнули яростью. – Сеньор сказал, что он никогда не был в Азии раньше?

– Нет.

– Если сеньор никогда не был в Азии раньше, то он тут как ребенок в дремучем лесу. Да, об этих краях много чего можно порассказать!

Сеньор знает, что иезуиты – только торговцы, незаконно ввозящие оружие и занимающиеся ростовщичеством? Что они заправляют здесь всей торговлей шелком, всей торговлей с Китаем? Что ежегодно отправляемый черный корабль стоит миллион золотом? Что они вынудили его святейшество папу отдать им всю власть над Азией – им и их псам, португальцам? Что все другие монашеские ордена здесь запрещены? Что иезуиты имеют здесь дело только с золотом, покупая и продавая ради наживы – своей и варваров – против прямых приказов его святейшества папы Климента, короля Филиппа и против законов этой страны? Что они контрабандой ввозят оружие в Японию для христианских князей, подстрекая их к мятежу? Что они вмешиваются в политику и сводничают для князей, лгут и мошенничают, лжесвидетельствуют против нас? Что их настоятель отправил секретное послание испанскому вице-королю на Лусон с просьбой прислать конкистадоров для завоевания страны – они просили о вторжении, чтобы исправить свои просчеты. Все наши несчастья могут быть отнесены на их счет, сеньор. Иезуиты лгут, мошенничают и вредят нашему любимому королю Филиппу! Их ложь привела меня сюда и обрекла на казнь двадцать шесть святых отцов. Они думают, что если я вышел из крестьян, то ничего не понимаю... но я могу читать и писать, сеньор, я могу читать и писать! Я был одним из секретарей его превосходительства, вице-короля. Они думают, что мы, францисканцы, не понимаем... – Он вдруг опять перешел на напыщенную смесь испанского и латыни.

Настроение у Блэкторна поднялось, его любопытство возросло с каждым словом священника. Что за оружие? Что за золото? Какая торговля? Какой еще черный корабль? Миллион? Что за вторжение? Какие христианские князья?

«А хорошо ли ты делаешь, что обманываешь бедного больного старика? – спросил он себя. – Он думает, что ты его друг, а не враг. Я не лгал ему. Но разве не дал понять, что ты его друг? Я отвечал ему прямо. Но ты ничего не предложил? Нет. Это честно? Когда хочешь выжить во враждебных водах, первое правило – ничего не предлагать».

Безумный гнев, обуявший монаха, нарастал. Японцы, лежавшие рядом, с трудом подвинулись. Один из них встал, мягко потряс священника и заговорил с ним. Отец Доминго постепенно пришел в

себя, глаза прояснились. Он посмотрел на Блэкторна, узнавая его, ответил японцу и успокоил остальных.

– Извините меня, сеньор, – пробормотал он, задыхаясь. – Они... они думают, я рассердился на сеньора. Бог простит мне мой глупый гнев! Это было затмение, иезуиты приходят из ада, вместе с еретиками и язычниками. Я много могу рассказать вам о них. – Монах вытер слюну с подбородка и попытался успокоиться. Он надавил себе на грудь, чтобы облегчить боль. – Сеньор что-то сказал? Ваш корабль, он причалил к берегу?

– Да. В некотором роде. Мы доплыли до земли, – ответил Блэкторн. Он осторожно вытянул ноги. Люди кругом, которые смотрели на него и слушали разговор, подвинулись. – Спасибо, – сказал он, – да, как вы их благодарите, святой отец?

– *Домо*. Иногда вы можете сказать *аригато*. Женщина должна быть особенно вежлива, сеньор. Она говорит: *аригато годзаймасита*.

– Спасибо. Как его имя? – Блэкторн показал на человека, который встал.

– Это Гонсалес.

– А какое у него японское имя?

– Ах да! Он Акабо. Но это значит «носильщик», сеньор. У них нет имен. Имена дозволено иметь только самураям.

– Что?

– Только самураи имеют имена и фамилии. Таков их закон, сеньор. Простолюдины должны обходиться прозвищем, которое показывает род занятий: Носильщик, Рыбак, Повар, Палач, Крестьянин и так далее. Сыновья и дочери зовутся просто Первая Дочь, Вторая Дочь, Первый Сын и так далее. Иногда они величают человека Рыбак-который-живет-у-вяза или Рыбак-с-больными-глазами. – Монах пожал плечами и подавил зевок. – Простым японцам не разрешают иметь имена. Проститутки называют себя именами типа Карп или Лепесток, Угорь или Звезда. Это странно, сеньор, но таков их закон. Мы даем им христианские имена, настоящие имена, когда крестим их, даем им спасение и слово Божье... – Слова замерли на его устах, и он уснул.

– *Домо*, Акабо-сан, – поблагодарил Блэкторн носильщика. Тот застенчиво улыбнулся, поклонился и вздохнул.

Позднее монах открыл глаза и произнес краткую молитву.

– Только вчера, вы сказали, сеньор? Сеньор попал сюда только вчера? Что случилось с сеньором?

– Когда мы пристали, на берегу был иезуит, – сообщил Блэкторн. – А что насчет вас, святой отец? Вы говорите, они обвиняют вас? Что случилось с вами и вашим кораблем?

– Наш корабль? Сеньор говорит о нашем корабле? Сеньор прибыл из Манилы, как мы? О, как я глуп! Я вспомнил теперь, сеньор был в чужих краях и никогда не навещивался в Азию раньше. Клянусь благословенным телом Христовым, хорошо опять поговорить с ученым человеком на языке моей блаженной матери! Это было так давно. Моя голова болит, болит, сеньор. Наш корабль? Мы давно собирались домой. Домой из Манилы в Акапулько, в страну Кортеса, в Мексику, оттуда сушей до Веракруса. А там на другом корабле через Атлантику, длинный-длинный путь домой. Моя деревня находится под Мадридом, сеньор, в горах. Она называется Санта-Вероника. Сорок лет я был на чужбине, сеньор. В Новом Свете, в Мексике и на Филиппинах. Всегда с нашими славными конкистадорами, да хранит их Пресвятая Дева! Я был на Лусоне, когда мы одержали верх над королем местных язычников Лумалонем, завоевали остров и таким образом принесли слово Божье на Филиппины. Много новообращенных японцев сражалось с нами бок о бок тогда, сеньор. Такие бойцы! Это было в тысяча пятьсот семьдесят пятом году. Мать-Церковь хорошо укрепилась там, сын мой, и нигде не было видно грязных иезуитов или португальцев. Я приехал в Японию почти два года назад и должен был вернуться в Манилу, когда иезуиты выдали нас.

Монах замолчал и прикрыл глаза, засыпая. Позднее он проснулся и, как это иногда бывает со старыми людьми, продолжил, как будто и не спал:

– Наш корабль – большая галера «Сан-Фелипе» – вез специи, золото, серебро и звонкую монету стоимостью в полтора миллиона серебряных песо. Сильный шторм выбросил нас на берега Сикоку. Корабль повредил киль на песчаной отмели – на третий день, – к этому времени мы выгрузили драгоценные металлы и большую часть груза. Тут прошел слух, что все конфисковано, конфисковано самим тайко, что мы пираты и... – Он умолк, настороженный внезапной тишиной.

Железная дверь задрожала, открываясь.

Стражники начали выкликать имена из списка. Человек-бульдог, с которым успел подружиться Блэкторн, оказался в числе вызванных. Он вышел не оглядываясь. Был также вызван один из людей, сидевших неподалеку, – Акабо. Он встал на колени перед монахом, который благословил его и перекрестил, отпуская ему грехи. Акабо поцеловал крест и ушел.

Дверь опять закрылась.

– Они собираются казнить этого несчастного? – спросил Блэкторн.

– Да, его Голгофа за дверь. Пресвятая Дева заберет его и даст ему вечное блаженство.

– Что он сделал?

– Он нарушил закон, их закон, сеньор. Японцы – люди простые. И очень жестокие. Они знают одно наказание – смертную казнь. На кресте, виселице или обезглавливанием. За такое преступление, как поджог, полагается смерть в огне. Они почти не прибегают к другим карам, разве что приговаривают к изгнанию иногда, а женщин – к отрезанию волос. Но, – старик вздохнул, – чаще всего за преступление отнимают жизнь.

– Вы забыли тюремное заключение.

Монах задумчиво ковырял струпья на ладони.

– Это не наказание у них, сын мой. В тюрьме людей держат, пока не решат, что с ними делать. Сюда отправляют только виновных. И только на короткое время.

– Это вздор. А что с вами? Вы же здесь уже год, почти два.

– Когда-нибудь придут и за мной, как за всеми остальными. Это только место передышки между земным адом и великолепием вечной жизни.

– Я не верю вам.

– Не бойся, сын мой. На все воля Божья. Я здесь и могу выслушать исповедь сеньора, дать ему отпущение грехов и успокоить – великолепие вечной жизни всего лишь в ста шагах, начинающихся от этой двери. Сеньор не хотел бы, чтобы я выслушал его исповедь прямо сейчас?

– Нет-нет... спасибо. Не сейчас. – Блэкторн посмотрел на железную дверь. – Кто-нибудь пытался выбраться отсюда?

– Зачем? Бежать некуда, спрятаться негде. Власти очень строгие. Каждый, кто поможет осужденному, признаётся виновным,

преступником. – Он слабо махнул рукой в сторону двери. – Гонсалес... Акабо... Человек, который сейчас... ушел. Он *кага*. Он сказал мне...

– Что такое «кага»?

– О, это носильщики, сеньор, люди, которые носят паланкины или кага – эти поменьше, для двух носильщиков, напоминают гамак, подвешенный на шесте. Он рассказал нам, что его товарищ украл шелковый шарф у господина, которого они несли, и поскольку сам Акаба, бедный малый, не сообщил о краже, его также лишат жизни. Сеньор может верить мне, тот, кто пытается бежать, или тот, кто помогает кому-то бежать, обрекает на смерть себя и всю свою семью. Они очень строги, сеньор.

– Ну так что, каждый покорно идет на убой, как овца?

– Другого выбора нет. Такова воля Божья.

«Не злись и не паникуй, – одернул себя Блэкторн. – Будь терпелив. Ты найдешь выход. Не все, что говорит монах, верно. Кто бы выдержал столько времени?»

– Эти тюрьмы у них новые, сеньор, – сказал монах. – Говорят, их устроил тайко несколько лет назад. До него ничего подобного не было. Если человека ловили, он признавался в своем преступлении, и его казнили.

– А если не признавался?

– Все признавались – чем скорее, тем лучше, сеньор. У нас так же, если поймают.

Монах уснул на некоторое время, почесываясь и бормоча во сне. Когда он проснулся, Блэкторн спросил:

– Скажите мне, пожалуйста, святой отец, как проклятые иезуиты смогли упрятать божьего человека в эту отвратительную дыру?

– Не о чем и говорить. После того как тайко забрал все сокровища и товары, наш капитан настоял на том, чтобы мы отправились в столицу и протестовали против этого. Причин для конфискации не имелось. Разве мы не служили самому могущественному католическому государю, королю Филиппу Испанскому, императору Священной Римской империи, самой большой и богатой в мире? Самому могущественному монарху в мире? Разве мы не были друзьями? Разве не тайко просил испанскую Манилу торговать напрямую с Японией? Конфискация была ошибкой. Я отправился с нашим капитаном, потому что умел говорить по-японски – немного в

то время. Сеньор, «Сан-Фелипе» потерпел крушение и был выброшен на берег в октябре тысяча пятьсот девяносто седьмого года. Иезуиты – один из них, по имени отец Мартин Алвито, – они осмелились предложить нам свое посредничество, там, в Киото, в столице. Какая наглость! Наш францисканский настоятель, брат Браганса, был в столице, он состоял послом – настоящим послом Испании – при дворе тайко! Блаженный брат Браганса провел в столице, в Киото, пять лет, сеньор. Сам тайко просил вице-короля в Маниле прислать францисканских монахов и посла в Японию. Тогда и приехал блаженный брат Браганса. И мы, сеньор, мы на «Сан-Фелипе» знали, что он верный человек, не то что иезуиты. После многих-многих дней ожидания мы добились аудиенции у тайко – он был небольшого роста, маленький уродец, сеньор, – попросили вернуть наши товары и дать нам корабль или отправить нас на другом судне. За все это наш капитан пообещал щедро заплатить. Аудиенция прошла хорошо, как нам показалось, и тайко отпустил нас. Мы пошли в свой монастырь в Киото и несколько следующих месяцев, пока ждали его решения, продолжали нести язычникам слово Божье. Мы открыто проводили свои службы, а не как воры в ночи, по обычаю иезуитов. – Голос отца Доминго исполнился крайним презрением. – Мы сохранили свои обряды и облачения, а не скрывались, как делают местные священники. Мы несли слово Божье страждущим, больным и бедным не как иезуиты, которые имеют дело только с князьями. Наша конгрегация разрасталась. Мы построили лечебницу для прокаженных, свою собственную церковь, и наша паства процветала, сеньор. Она сильно увеличилась. Мы собрались обратить в нашу веру многих их князей, и тогда нас предали. Однажды в январе нас, францисканцев, собрали перед магистратом и зачитали нам бумагу с печатью самого тайко, где нас обвиняли в нарушении их законов, нарушении мира и приговаривали к смерти через распятие. Нас было сорок три. Наши церкви по всей Японии разрушили, все наши конгрегации запретили – францисканские, сеньор, не иезуитские. Только наши, сеньор. Мы были ложно обвинены. Иезуиты обманули тайко, сказав, что мы конкистадоры, что мы хотим вторгнуться на берега Японии, когда на самом деле это иезуиты просили его превосходительство, нашего вице-короля, прислать армию из Манилы. Я видел это письмо сам! От их настоятеля! Они дьяволы, которые притворились слугами Церкви и

Христа, но служат только себе. Они страстно желают власти, власти любой ценой. Они прячутся за личиной нищеты и благочестия, а сами скапливают состояния. Правда, сеньор, состоит в том, что мы ревностно относимся к нашей пастве, ревностны в нашей вере, ревностны в служении нашей Церкви, ревностны в нашей правде и образе жизни. Даймё Хидзэна, Дом Франсиско – его японское имя Харима Тадао, но при крещении он был наречен Домом Франсиско, – вступился за нас. Он вроде князя, все даймё – те же князья, он францисканец, и он вступился за нас, но не добился толку. В конце концов казнили двадцать шесть человек. Шесть испанцев, семнадцать наших новообращенных японцев и еще троих. Одним из них оказался блаженный Браганса, среди новообращенных было трое юношей. О сеньор, в этот день вера проникла в души тысяч японцев. Пятьдесят, сто тысяч человек наблюдали, как христиане приняли мученичество в Нагасаки, как мне говорили. Это был горький день, холодный февральский день, и горький год. Год землетрясений, тайфунов, наводнений, ураганов и пожаров, когда десница Господня тяжело опустилась на великого убийцу и даже разрушила его большой замок Фусими, сотрясши земную твердь. Это было грозное, но поучительное зрелище. Перст Божий наказывал язычников и грешников. Их казнили, сеньор, шесть добрых испанцев. Наша паства и наша церковь были уничтожены, лечебница закрыта. – Лицо старика было мокро. – Я стал одним из выбранных для мученичества, но не удостоился такой чести. Они отправили нас пешком из Киото и, когда мы пришли в Осаку, поместили в одну из наших миссий, а остальным – остальным отрезали по одному уху, потом выставили их на улицах, как обычных преступников. После святую братаю отправили на запад. На месяц. Их благословенное путешествие закончилось на горе Нисидзаки, возвышающейся над большим заливом Нагасаки. Я просил самурая позволить мне пойти с ними, но, сеньор, он приказал мне вернуться в миссию здесь, в Осаке. Без всякой причины. А потом, через несколько месяцев, нас бросили в тюрьму. Нас было трое – думаю, нас было трое, но только я один испанец. Другие были новообращенные, наши братья, японцы. Несколько дней спустя их вызвала стража. Но меня ни разу не выкликали. Может быть, такова воля Бога, сеньор, или эти грязные иезуиты оставили меня в живых, чтобы подольше мучить, –

те, кто не дал мне принять мученичество среди своих. Трудно терпеть, сеньор. Так трудно...

Старый монах закрыл глаза, помолился и плакал, пока не заснул.

Как ни хотелось Блэкторну забыться, он не мог заснуть, хотя наступила ночь. Его тело чесалось от укусов вшей. Голова наполнилась страшными мыслями.

Он понимал с жуткой ясностью, что выбраться из тюрьмы невозможно, чувствовал, что находится на краю гибели. Глубокой ночью ужас охватил его, и впервые в жизни он сдался и заплакал.

– Да, сын мой? – пробормотал монах. – В чем дело?

– Ничего-ничего, – сказал Блэкторн, сердце его оглушительно забилося. – Спите!

– Не надо бояться. Мы все в руках Господа, – утешил монах и снова уснул.

Невыносимый ужас оставил Блэкторна. Его сменил другой ужас, с которым уже можно было жить. «Я выберусь отсюда как-нибудь», – внушал себе Блэкторн, пытаясь поверить в эту ложь.

На рассвете принесли еду и воду. Блэкторн уже овладел собой. «Глупо вести себя так, – твердил он мысленно. – Глупо и опасно. Не паникуй больше или сломаешься, сойдешь с ума и наверняка умрешь. Тебя положат в средний ряд, и ты умрешь. Будь аккуратен и терпелив, следи за собой».

– Как вы сегодня, сеньор?

– Прекрасно, спасибо, святой отец. А вы?

– Спасибо, совсем хорошо.

– Как мне сказать это по-японски?

– *Домо, гэнки дэсу.*

– *Домо, гэнки дэсу.* Вы говорили вчера, отец, о португальских черных кораблях – на что они похожи? Вы видели такой корабль?

– О да, сеньор. Это самые большие корабли в мире, почти на две тысячи тонн. На каждом таком плавают около двухсот матросов и юнг, а с пассажирами он вмещает до тысячи человек. Мне говорили, что эти каракки хорошо ходят под парусами при попутном ветре, но тяжелы в управлении при боковых ветрах.

– Сколько на них пушек?

– Иногда по двадцать или тридцать на трех палубах.

Отец Доминго был рад отвечать на вопросы, разговаривать и учить, а Блэкторн – слушать и учиться. Знания монаха, пусть и отрывочные, оказались бесценны и неисчерпаемы.

– Нет, сеньор, – говорил он теперь. – *Домо* значит «благодарю вас», а *додзо* – «пожалуйста». «Вода» – *мидзу*. Всегда помните, что японцы придают большое значение манерам и вежливости. Один раз, когда я был в Нагасаки, – о, мне бы чернила и бумагу с пером! А, знаю... Вот, пишите слова на земле, это поможет вам запоминать их...

– *Домо*, – сказал Блэкторн. Потом, затвердив еще нескольких слов, он спросил: – Сколько времени здесь португальцы?

– О, эти земли были открыты в тысяча пятьсот сорок втором году, сеньор, в тот год, когда я родился. Их было трое: да Мота, Пейшоту и еще один – его имени я не помню. Они были португальскими торговцами, имевшими дела с китайским побережьем и плавающие на китайских джонках из порта в Сиаме. Сеньор был когда-нибудь в Сиаме?

– Нет.

– О, в Азии есть что посмотреть! Эти люди были торговцами. Сильный шторм, тайфун, захватил их и вынес к Танэгасиме у Кюсю. Тогда европейцы впервые ступили на землю Японии, с этого времени началась торговля. Спустя несколько лет Франциск Ксаверий, один из основателей ордена иезуитов, тоже приехал сюда. Это случилось в тысяча пятьсот сорок девятом году... плохом году для Японии, сеньор. Первым был один из наших, и мы должны были бы иметь дела с этим государством, а не португальцы. Франциск Ксаверий умер через три года в Китае, одинокий и всеми покинутый... Я сказал сеньору, что иезуиты уже обосновались при дворе императора Китая в месте, называемом Пекином? О, вам следовало бы повидать Манилу, сеньор, и Филиппины! Четыре собора, и почти три тысячи конкистадоров, и около шести тысяч японских солдат было размещено на островах, и триста братьев...

Голова Блэкторна наполнилась фактами, японскими словами и фразами. Он спрашивал о жизни в Японии, даймё, самураях и торговле, Нагасаки, войне, мире, иезуитах, францисканцах и португальцах в Азии и об испанской Маниле, и более всего о черном корабле, который приплывал раз в год из Макао. Три дня и три ночи Блэкторн сидел с отцом Доминго и спрашивал, слушал, учился,

метался в кошмарах, открывал глаза и задавал новые вопросы, узнавая что-то еще.

Потом, на четвертый день, выкрикнули его имя.

– Андзин-сан!

Глава 15

В полном молчании Блэкторн встал на ноги.

– Исповедуйся, сын мой, говори побыстрее!

– Я не думаю... Я... – Блэкторн с запозданием понял, что произнес это по-английски, плотно сжал губы и пошел.

Монах встал, думая, что он говорил по-голландски или по-немецки, схватил его за руку и захромал вслед за ним.

– Скорее, сеньор! Я дам вам отпущение грехов. Скорее, ради вашей бессмертной души. Говорите быстро, только то, в чем сеньор признается перед Богом – обо всем в прошлом и настоящем...

Они приближались уже к железным дверям, монах сжимал руку Блэкторна с удивительной силой.

– Говорите! Святая Дева смотрит на вас!

Блэкторн вырвал руку и хрипло сказал по-испански:

– Идите с Богом, отец.

Дверь захлопнулась.

День был невероятно холодный и яркий, облака причудливо извивались под легким юго-восточным ветром. Блэкторн глубоко вдохнул чистый, удивительно вкусный воздух, и кровь быстрее побежала по жилам. Радость жизни охватила его. Во дворе перед чиновником, тюремщиками с пиками и группой самураев стояло несколько обнаженных арестантов. Судейский, в темном кимоно, накидке с накрахмаленными, похожими на крылья плечами и маленькой черной шапочке, вставал перед заключенным и зачитывал ему приговор по тонкому бумажному свитку. Когда он заканчивал, осужденный отправлялся за тюремщиками к большим воротам. Блэкторн был последним. В отличие от других ему выдали набедренную повязку, хлопчатобумажное кимоно и сандалии на деревянной подошве. И сторожили его самураи.

Он решил бежать при выходе из ворот, но, когда приблизился к ним, самураи еще плотнее окружили его, лишив всякой возможности в бежать. Ворот они достигли вместе. На них глазела большая толпа чистых, щеголевато одетых людей, прятавшихся от солнца под малиновыми, желтыми и золотистыми зонтиками. Одного приговоренного уже привязали к кресту и подняли крест вертикально.

У каждого креста ждали два палача-*эта*; их длинные пики блестели на солнце.

Блэкторн замедлил шаг. Самураи подошли совсем близко, торопя его. Ошеломленный, он подумал, что лучше избавиться себя от долгой агонии, и примерился выхватить меч у ближайшего к нему стража. Но и это ему не удалось, так как самураи повернули от лобного места и двинулись по периметру двора на улицу, которая вела в город и замок.

Блэкторн затаил дыхание, напряженно выжидая, боясь дать волю надежде. Они прошагали через толпу, которая отпрянула назад, кланяясь, вышли на улицу, и теперь сомнения отступили.

Блэкторн почувствовал себя заново родившимся.

Вновь обретя способность говорить, он спросил по-английски: «Куда мы идем?» – не беспокоясь о том, что его слова не будут поняты. Блэкторн ощущал необыкновенную легкость. Его ноги словно ступали по облакам, ремешки сандалий не терли, непривычное прикосновение кимоно было приятным. «Надо же, как мне хорошо! – удивился он. – Может быть, немного прохладно, но так бывало только на юте корабля!»

– Ей-богу, до чего славно снова поговорить по-английски, – поделился он с самураем. – Боже мой, я думал, что уже умер. Это ушла моя восьмая жизнь. Понимаешь, старина? Теперь в запасе осталась всего одна. Ну ничего! У капитана самое меньшее десять жизней – так утверждал Альбан Карадок.

Самураи становились все недовольней, похоже раздраженные звуками незнакомой речи.

«Держи себя в руках, – велел себе Блэкторн. – Не зли их».

Только теперь он заметил, что все самураи в сером. Люди Исидо. Он спросил у отца Алвито имя противника Торанаги. Алвито сказал: «Исидо». Это произошло как раз перед тем, как иезуит перевел приказ встать и идти. Все ли серые – люди Исидо? Все ли коричневые – люди Торанаги?

– Куда мы идем? Туда? – Он показал на замок, который нависал над городом. – Туда, *хай*?

– *Хай*, – кивнул серобородый командир самураев.

«Что хочет от меня Исидо?» – спросил себя Блэкторн.

Предводитель самураев повернул на другую улицу, удаляясь от гавани. И Блэкторн увидел судно – небольшой португальский бриг, на

мачте которого развевался по ветру бело-голубой флаг. Десять пушек на главной палубе, считая кормовые и носовые двадцатифунтовые орудия.

«„Эразм“ легко бы справился с ним, – сказал себе Блэкторн. – А что с моей командой? Что они делают там, в деревне? Клянусь Богом, мне хотелось бы видеть их! Я был так рад, когда расстался с ними в тот день и вернулся обратно в дом, где были *онна* и хозяин – как его имя? Ах да, Мура-сан. А что случилось с той девушкой, которая оказалась в моей постели на полу, и другой, ангельски красивой, которая разговаривала с Оми-саном в тот день? Той, что в моем кошмаре угодила в котел?

Но зачем вспоминать этот вздор? Он ослабляет мозг. „Нужно иметь очень сильную голову, чтобы выжить в море“, – говорил Альбан Карадок. Бедный Альбан...»

Альбан Карадок всегда казался таким огромным, богоподобным, всевидящим и всезнающим многие-многие годы. Но умер в страхе. Это произошло на седьмой день сражения с Непобедимой армадой. Блэкторн командовал стотонным кечем – двухмачтовым парусником с гафельными парусами, отправленным из Портсмута с грузом оружия, пороха, ядер и съестных припасов для боевых галеонов Дрейка. Выйдя из Дувра, те вступили в схватку с вражеским флотом, который стремился к Дюнкерку, где испанское воинство ожидало, когда его переправят через Па-де-Кале, Дуврский пролив, завоевывать Англию.

Огромный испанский флот был потрепан и рассеян штормами, а затем воинственными, превосходившими их скоростью хода и маневренностью военными кораблями Дрейка и Говарда.

Блэкторн участвовал в стремительной атаке рядом с флагманским кораблем адмирала Говарда «Слава», когда ветер внезапно переменился и стал штормовым; его шквальные порывы были ужасны, и требовалось решать: пробиваться ли против ветра, чтобы спастись от бортовых залпов крупного галеона «Санта-Крус», маячившего впереди, или в одиночку уходить по ветру сквозь вражеский строй – остальные корабли Говарда уже повернули кругом и располагались дальше к северу.

– Давай на север против ветра! – кричал Альбан Карадок.

Он считался на корабле вторым после капитана. Первым был Блэкторн – капитан и штурман. Альбан Карадок настаивал на

вступлении в бой, хотя не имел права находиться на борту – только обязанность, долг, призывавший каждого англичанина сражаться в это самое роковое для страны время, привели его на корабль.

– Стоп! – приказал Блэкторн и повернул румпель к югу, направляясь в самое сердце вражеской флотилии, ибо знал, что другой путь приведет их под пушки галеона, который возвышался сейчас над ними.

Поэтому они и направились на юг, по ветру, мимо галеонов. Ядра, выпущенные с трех палуб «Санта-Круса», пронеслись над их головами, не причинив вреда. Блэкторн тоже сделал два залпа всем бортом – блошинные укусы для такого огромного судна, и его корабль пронесся через центр вражеской эскадры. Галеоны поостереглись стрелять, опасаясь попасть друг в друга, поэтому пушки молчали. Судно Блэкторна было уже близко к тому, чтобы ускользнуть и спастись, когда пушечный огонь с трех палуб «Мадре де Диос» обрушился на них. Обе их мачты улетели, как стрелы, люди запутались в такелаже. Исчезла половина главной палубы с правого борта, повсюду валялись мертвые и умирающие.

Он увидел Альбана Карадока, лежащего у разбитой вдребезги пушки, такого невероятно маленького без ног. Он баюкал старого моряка, глаза которого почти вылезли из орбит, ужасающие крики раздирали рот: «О Боже мой, я не хочу умирать, не хочу умирать, помогите мне, помогите мне, помогите мне... О Боже, больно, помогите!» Блэкторн знал, что лишь одно может сделать для Альбана Карадока. Он поднял лежащую рядом пику и с силой вогнал наконечник в грудь умирающего.

Потом, много недель спустя, ему пришлось сообщить Фелисити, что ее отец погиб. Он сказал только, что Альбан Карадок принял мгновенную смерть. Но не обмолвился, что на его руках кровь, которую никогда не смоешь...

Блэкторн и самураи шли теперь по широкой извилистой улице. Лавок тут не попадалось – только дома бок о бок, каждый со своим садиком за высокими заборами; дома, заборы и сама дорога – все поразительно чистое.

Эта чистота удивила Блэкторна: в Лондоне и других городах Англии, как и во всей Европе, отбросы и содержимое ночных горшков выкидывали прямо на улицы, на поживу падальщикам, и они копились

до тех пор, пока не начинали мешать пешеходам, повозкам и лошадям. Только тогда большинство приходов приступало к уборке. Роль уборщиков Лондона отводилась стадам свиней, которые ночами паслись на главных улицах города. А еще полчища крыс, стаи собак и кошек, пожары. И мухи.

Но Осака была совсем другой. «Как они добиваются этого? – спрашивал себя Блэкторн. – Никаких выгребных ям, куч конского навоза, ни выбоин от колес, ни грязи, ни отбросов. Только хорошо утоптанная земля, подметенная и чистая. Стены деревянные, и дома деревянные, чистые и опрятные. И где толпы нищих калек, которые заполняют каждый христианский город? Где разбойничьи шайки и ватаги молодых буянов, что обязательно прячутся в темных закоулках?»

Люди, мимо которых они проходили, вежливо кланялись, некоторые вставали на колени. То и дело попадались носильщики, проворно тащившие паланкины или одноместные носилки – кага. Группы самураев в сером – ни разу он не увидел коричневых – вальяжно прогуливались.

Они шли торговой улицей, где сплошь тянулись лавки, когда у Блэкторна отказали ноги. Он тяжело рухнул и приземлился на четвереньки.

Самураи помогли ему встать, но через мгновение силы совсем оставили его. Он не мог идти.

– *Гомэн насай, додзо го мацу* (Извините, подождите, пожалуйста), – сказал он.

Мышцы ног свело судорогой. Он потер икры, благодаря про себя отца Доминго за бесценные уроки, которые тот преподавал ему.

Главный самурай поглядел на него и что-то произнес.

– *Гомэн насай, нихон го га ханасэ-масэн* (Извините, я не говорю по-японски), – произнес Блэкторн медленно, но четко. – *Додзо го мацу*.

– *А! Со дэс, Андзин-сан. Вакаримас*, – откликнулся начальник, поняв его.

Он отдал короткую команду, и один из самураев куда-то убежал. Через некоторое время Блэкторн встал, попытался идти хромя, но главный самурай сделал ему знак подождать.

Посланный быстро возвратился с четырьмя полуобнаженными носильщиками и носилками. Блэкторну показали, как сесть в них и

держаться за ремень, свисающий с центрального шеста.

Отряд опять тронулся в путь. Скоро Блэкторн почувствовал, что к нему вернулись силы. Он предпочел бы идти, но сознавал, что все еще слаб. «Я должен немного отдохнуть, – подумал он. – Я слишком истощен. Мне нужно вымыться и поесть. Какой-нибудь человеческой еды».

Теперь они поднимались по широкой лестнице, которая соединяла одну улицу с другой и вела в новый жилой квартал, выросший по окраинам обширного высокого леса, через который тянулись тропинки. Блэкторну понравилось, что они покинули улицу и шли по ухоженной мягкой земле между деревьями.

Когда они уже углубились довольно далеко в лес, из-за поворота появился другой отряд – тридцать с лишним одетых в серое самураев. После обычного обмена приветствиями между командирами все взгляды обратились на Блэкторна. Последовал поток вопросов и ответов, и встречные уже вроде бы собрались уходить, когда их вожак вытащил меч и зарубил предводителя самураев, сопровождавших Блэкторна. Одновременно подручные убийцы напали на стражей. Нападение было столь внезапным и так хорошо спланированным, что все десять серых погибли почти в одно мгновение. Никто не успел даже вытащить меч.

Перепуганные носильщики упали на колени, уткнувшись лбом в траву. Блэкторн встал рядом с ними. Вожак самураев, плотный мужчина с большим животом, выставил дозорных в обоих концах тропинки. Остальные подбирали мечи погибших. Самураи не обращали на Блэкторна никакого внимания, пока тот не собрался уходить. Немедленно раздалась резкая команда вожака, которая ясно дала понять, что он должен оставаться на месте.

По следующей команде весь отряд скинул серые кимоно, которые скрывали лохмотья и старую, поношенную одежду. Все натянули маски, которые висели на шее. Один самурай подобрал серые кимоно и исчез с ними в кустах.

«Они, наверное, разбойники, – подумал Блэкторн. – Зачем еще эти маски? Что они хотят от меня?»

Странные люди спокойно разговаривали между собой, наблюдая за ним и вытирая свои мечи об одежду мертвых самураев.

– Андзин-сан? *Хай?* – Глаза вожака над тряпичной маской были круглыми, черными и пронзительными.

– *Хай*, – ответил Блэкторн, по коже у него побежали мурашки.

Человек указал на землю, явно запрещая ему двигаться:

– *Вакаримас ка?*

– *Хай*.

Они огляделись. Потом один из дозорных, стоявших в отдалении – уже не в сером, но в маске, – на мгновение вышел из кустов в ста шагах от них, помахал рукой и снова исчез.

Самураи немедленно окружили Блэкторна, готовясь покинуть место схватки. Их предводитель посмотрел на носильщиков, которые дрожали, как собаки перед жестоким хозяином, и еще глубже вдавили головы в траву.

Тогда вожак пролаял приказ. Четверка, не веря своему счастью, медленно подняла головы. Опять прозвучала та же самая команда, носильщики поклонились до земли и выпрямились, потом как один вскочили и исчезли в кустах.

Главарь презрительно улыбнулся и сделал Блэкторну знак идти обратно в город.

Тот беспомощно поплелся за японцами. О том, чтобы бежать, нечего было и думать.

Они почти достигли края леса, когда вдруг остановились. Впереди раздался шум, и еще одна партия из тридцати самураев окружила их на повороте дороги. Коричневые и серые, коричневые впереди, их вожак в паланкине, несколько вьючных лошадей около него. Группы сближались, двигаясь боевым порядком, не сводя друг с друга враждебных взглядов. Их разделяло около семидесяти шагов. Вожак разбойников вышел вперед, встал между ними, его движения были резкими, он сердито закричал на другого самурая, показывая на Блэкторна и туда, где произошла схватка. Выхватил свой меч и, угрожая, занес его над головой – очевидно, требовал, чтобы другой отряд уступил дорогу.

Все его люди выхватили мечи из ножен. По приказу один из разбойников встал позади Блэкторна, поднял меч и приготовился. Вожак опять запротестовал.

Какое-то время ничего не происходило, потом Блэкторн увидел, что из паланкина выходит человек, и мгновенно узнал его. Это был Касиги

Ябу. Ябу крикнул что-то вожаку, но тот угрожающе замахал мечом, приказывая уйти с дороги. Когда его тирада закончилась, Ябу отдал короткий приказ и испустил боевой клич. Слегка хромя, он ринулся в битву с мечом на изготовку. Его люди последовали за ним – серые были недалеко.

Блэкторн бросился наземь, спасаясь от меча, который рассек бы его пополам, не запоздай удар чуть-чуть. Вожак разбойников повернулся и утек в кусты, его люди кинулись за ним.

Коричневые и серые быстро оказались около Блэкторна, который встал на ноги. Несколько самураев погнались за разбойниками, другие побежали по тропе, остальные заняли оборону вокруг него. Ябу остановился у границы кустарника, властно прокричал несколько распоряжений, потом медленно вернулся – его хромота стала более заметна.

– *Со дэс*, Андзин-сан, – сказал он, тяжело дыша после такого напряжения.

– *Со дэс*, Касиги Ябу-сан, – ответил Блэкторн, используя ту же самую фразу, которая обозначает что-то вроде «хорошо», или «действительно», или «это верно». Он показал в том направлении, куда бежали разбойники. – *Домо*. – Вежливо поклонившись, как равный равному, он заговорил снова, благодаря про себя брата Доминго: – *Гомэн насай, нихон го га ханасэ-масэн*. (Извините, я не могу говорить по-японски.)

– *Хай*, – отозвался Ябу, несколько не удивленный, и добавил что-то, чего Блэкторн не понял.

– *Цуаки га имасу ка?* (У вас нет переводчика?) – спросил Блэкторн.

– *Иэ*, Андзин-сан. *Гомэн насай*.

Блэкторн почувствовал некоторое облегчение. Теперь он мог общаться напрямую. Конечно, его словарный запас бедноват, но начало положено.

«Э, мне нужен переводчик, – подумал Ябу с воодушевлением. – Клянусь Буддой!

Хотел бы я знать, что случилось, когда ты встретил Торанагу, Андзин-сан, какие вопросы он задавал и что ты отвечал, что сказал ему о деревне, ружьях и грузе, корабле и галере, о Родригесе. Мне хотелось бы знать в подробностях, что было сказано и как, куда тебя отправили и почему ты оказался здесь. Тогда я понял бы, что на уме у

Торанаги, как и о чем он думает. Тогда я бы сообразил, что сказать ему сегодня. Пока я беспомощен.

Почему, сразу как мы прибыли, Торанага захотел увидеть тебя, именно тебя, а не меня? Почему до сегодняшнего дня от него нет ни слова, ни приказа, кроме обычных вежливых приветствий и фразы: „Я очень хочу повидаться с вами как можно скорее“? Почему он послал за мной сегодня? Почему наша встреча дважды откладывалась? Не из-за того ли, что ты сказал? Или из-за Хиромацу? Или это нормальная отсрочка, вызванная другими неотложными делами?

О да, Торанага, перед тобой почти неразрешимая проблема. Влияние Исидо распространяется со скоростью пожара. А ты уже знаешь о предательстве господина Оноси? Ты знаешь, что Исидо предлагал мне голову Икавы Дзикю и его провинции, если я присоединюсь к нему?

Почему ты собрался именно сегодня послать за мной? Какой добрый ками направил меня сюда, чтобы спасти жизнь Андзин-сану, словно в насмешку надо мной, потому что я не могу разговаривать с ним напрямую или даже через кого-нибудь еще, чтобы найти ключ к твоему секрету? Почему ты заключил его в тюрьму для смертников? Почему Исидо хочет освободить его из тюрьмы? Почему разбойники пытались захватить его? Ради выкупа? Выкупа от кого? И почему Андзин-сан еще жив? Вожак шайки легко мог разрубить его надвое».

Ябу заметил глубоко врезавшиеся морщины, которых не было на лице Блэкторна, когда тот впервые предстал перед ним. «Он выглядит оголодавшим, – подумал Ябу. – Словно дикий пес. Но не один из стаи, а вожак, а?

О да, капитан, я дал бы тысячу коку за надежного переводчика, прямо сейчас.

Я собираюсь стать твоим господином. Ты будешь строить мне корабли и учить моих людей. Я должен как-то уладить дело с Торанагой. А если не смогу, что ж, это не имеет значения. В следующей своей жизни я буду лучше подготовлен».

– Хорошая собака! – сказал Ябу вслух Блэкторну и слегка улыбнулся. – Все, что нужно, это твердая рука, несколько костей и немного плетей. Сначала я передам тебя господину Торанаге – после того как вымою в бане. От тебя воняет, господин капитан!

Блэкторн не понял сказанного, но уловил дружелюбие в голосе, увидел улыбку Ябу и улыбнулся в ответ:

– *Вакаримасэн.* (Я не понял.)

– *Хай,* Андзин-сан.

Даймё отвернулся и взглянул в ту сторону, где скрылись разбойники. Сложив руки рупором, он крикнул. Мгновенно все коричневые вернулись к нему. Командир самураев в сером, стоявший в центре дорожки, также окликнул преследователей. Ни одного из разбойников схватить не удалось.

Предводитель серых подошел к Ябу. Они долго спорили, указывая на город и замок. Между ними явно не было согласия.

Наконец Ябу переубедил собеседника – рука даймё так и лежала на рукояти меча. Он сделал Блэкторну знак садиться в паланкин.

– *Иэ,* – произнес командир серых.

Спорщики опять приняли боевую стойку, серые и коричневые нервно задвигались.

– Андзин-сан *дэс сандзин* Торанага-сама...

Блэкторн схватывал то одно, то другое слово. *Ватаси* означает «я», *ватаситэти* – «мы», *сандзин* – «заключенный». И потом, он помнил, что говорил Родригес, поэтому покачал головой и резко прервал их:

– *Сандзин иэ! Ватаси ва* Андзин-сан!

Оба уставились на него.

Блэкторн нарушил молчание и добавил на ломаном японском, зная, что фразы построены неправильно и звучат по-детски, но надеясь, что они будут поняты:

– Я друг. Не пленный. Поймите, пожалуйста. Друг. Так что извините, друг хочет в баню. Баню, понятно? Устал. Голоден. Баня. – Он показал на главную башню замка. – Идти туда! Сейчас, пожалуйста. Во-первых, господин Торанага, во-вторых, господин Исидо. Идти сейчас!

И, с напускной властностью сделав ударение на последнем *има*, он неуклюже залез в паланкин и лег на подушки так, что его ноги, как палки, торчали наружу.

Ябу рассмеялся, и все присоединились к нему.

– Ах так! Андзин-сама! – передразнил Ябу с насмешливым поклоном.

– *Иэ*, Ябу-сама. Андзин-сан, – поправил его удовлетворенный Блэкторн. – Да, ты негодяй. Я знаю теперь кое-что. Но ничего не забыл. И скоро я приду на твою могилу.

Глава 16

– Может быть, стоило посоветоваться со мной, прежде чем забирать у меня пленного, господин Исидо? – осведомился Торанага.

– Чужеземец содержался в обычной тюрьме вместе с обычными преступниками. Естественно, я посчитал, что вы больше им не интересуетесь, иначе бы не забрал его оттуда. Конечно, я не собирался вмешиваться в ваши дела. – Исидо был внешне спокоен и уважителен, но внутри весь кипел. Он знал, что по неосторожности попал в ловушку. Разумеется, он должен был сперва спросить Торанагу. Этого требовала обычная вежливость. Тем не менее все дело не стоило выведенного яйца, окажись чужеземец в его власти, в его доме. Он просто передал бы чужестранца Торанаге, если бы тот попросил. Теперь же несколько его людей захвачены и с позором убиты, даймё Ябу и люди Торанаги отбили чужеземца у его, Исидо, людей. И вот это уже полностью меняло положение. Он потерял лицо, вместо того чтобы, следуя избранной им стратегии уничтожения врага, покрыть позором Торанагу. – Я еще раз приношу вам свои извинения.

Торанага глянул на Хиромацу. Извинения звучали для их ушей слаще самой прекрасной музыки. Оба знали, сколько крови стоило это Исидо. Объяснение происходило в большом зале для аудиенций. По уговору каждого из противников охраняло только пять самых надежных самураев. Остальные ждали снаружи. Ябу тоже. И чужеземец, которого основательно почистили. «Хорошо», – подумал Торанага, чувствуя глубокое удовлетворение. Он бегло поразмыслил о Ябу и решил не встречаться с ним сегодня вовсе. Почему бы не поиграть с ним еще, как кошка с мышью? Поэтому он попросил Хиромацу отослать Ябу и опять повернулся к Исидо:

– Конечно, ваши извинения принимаются. К счастью, никакого вреда нанесено не было.

– Тогда могу я показать чужеземца наследнику, как только варвар будет доставлен?

– Я пришлю его сразу после того, как кончу с ним.

– Могу я спросить, когда это будет? Наследник ждет его этим утром.

– Нам не следует уж очень об этом беспокоиться, вам и мне, не правда ли? Яэмону только семь лет. Я уверен, что семилетний мальчик может заpastись терпением. Ведь так? Терпение учит владеть собой и требует практики, да? Я объясню Яэмону это недоразумение сам. Я дам ему этим утром еще один урок плавания.

– Да?

– Да. Вам также следовало бы научиться плавать, господин Исидо. Это превосходное упражнение и навык, который может оказаться очень полезным во время войны. Все мои самураи умеют плавать. Я настаиваю, чтобы все учились этому искусству.

– Я требую от них упражнений в стрельбе из лука и ружей, сражении на мечах и верховой езде.

– Я бы добавил к этому поэзию, каллиграфию, составление букета, чайную церемонию. Самурай должен быть сведущ в мирных искусствах, чтобы постичь в совершенстве искусство войны.

– Большинство моих людей уже более чем искусны в таких вещах, – возразил Исидо, сознавая, что пишет плохо и познания его ограничены. – Самураи рождены для войны. Я хорошо разбираюсь в военном искусстве. Пока этого с меня достаточно. Этого и повиновения воле господина.

– Яэмон учится плавать в час лошади. – (Сутки у японцев делились на шесть равных частей. День начинался с часа зайца (с пяти до семи часов до полудня), за ним следовали часы дракона (с семи до девяти часов), змеи, лошади, козы, обезьяны, петуха, собаки, свиньи, крысы и быка. Цикл заканчивался часом тигра – между тремя и пятью часами пополуночи.) – Вы не хотели бы присоединиться к нашему уроку?

– Спасибо, нет. Я слишком стар, чтобы менять свои привычки, – объявил Исидо с намеком.

– Я слышал, командир вашей охраны получил приказ совершить сэппуку.

– Конечно. Разбойников следовало поймать. По крайней мере одного из них надлежало взять живым. Тогда мы бы нашли остальных.

– Я удивлен, что подобная шайка могла орудовать так близко от замка.

– Согласен. Может быть, чужестранец опишет их нам.

– Что может знать чужеземец? – Торанага засмеялся. – Что касается разбойников, они были ронины, не так ли? Таких много среди ваших

людей. Не исключено, что дознание даст интересные результаты, правда?

– Дознание проводится. И во многих направлениях. – Исидо пропустил мимо ушей язвительное упоминание ронинов, не имеющих господина, почти отверженных наемных самураев, которые тысячами собрались под знаменем Яэмона, когда Исидо пустил слух, будто по поручению наследника и его матери принимает их на службу и, что совсем уж невероятно, готов простить и предать забвению все их провинности, их прошлое, а со временем воздаст за преданность с щедростью, которая была свойственна тайко. Исидо знал, что это блестящий ход. Он заполучил несметную рать опытных воинов и заручился гарантиями их верности, ибо ронины знали: другого такого шанса им не выпадет. Это привело в его лагерь множество недовольных, ставших ронинами из-за войн Торанаги и его союзников. И наконец, приостановило рост разбойничьих полчищ в стране, где перед неудачливым самураем открывалось всего два пути: в монахи или в разбойники.

– Я многого не понимаю в этой истории, – заметил Исидо, его голос был полон яда. – Да. Почему, например, разбойники пытались схватить этого чужеземца? Чтобы получить за него выкуп? В городе много других, гораздо более важных персон. Но разве не о выкупе говорил вожак шайки? Он требовал выкуп. От кого? Чего стоит этот чужеземец? Ничего. И как они узнали, где он? Я только вчера отдал приказ привести его к наследнику, думая, что это развлечет мальчика. Очень любопытно.

– Очень, – подтвердил Торанага.

– Потом это совпадение... То, что господин Ябу оказался рядом. В одно время с вашими и моими людьми. Очень любопытно.

– Очень. Конечно, он очутился там, потому что я послал за ним. А ваши люди были там, потому что мы договорились – по вашему предложению, – что это хороший способ разрешать разногласия между нами: вашим людям сопровождать моих повсюду, пока я здесь.

– Странно также, что разбойники, которые достаточно смелы и привычны к слаженным действиям, чтобы убить первую десятку воинов без борьбы, повели себя как корейцы, когда к месту засады прибыли наши люди. Обе стороны были одинаково вооружены. Почему разбойники не сражались или не увели варвара с собой в

горы? И не глупо ли было с их стороны оставаться на главной дороге к замку? Очень любопытно.

– Очень. Теперь я, конечно, возьму с собой двойную охрану, когда поеду завтра на охоту с ловчими птицами. Неприятно знать, что разбойники хозяйничают так близко к крепости. Может быть, вам тоже хотелось бы поохотиться? Выпустите одного из ваших соколов против моих? Я собираюсь охотиться на холмах с северной стороны замка.

– Спасибо, нет. Завтра я буду занят. Может быть, послезавтра? Я прикажу, чтобы двадцать тысяч человек прочесали все леса, рощи и поляны вокруг Осаки. Через десять дней на двадцать ри вокруг не останется ни одного злодея. Это я вам могу обещать.

Торанага знал, что Исидо использует разбойников как повод, чтобы расставить побольше своих ловушек в окрестностях. Если он говорит двадцать, это значит тысяч пятьдесят. «Вход в западню захлопывается, – сказал он себе. – Почему так быстро? Какое новое предательство произошло? Почему Исидо так уверен?»

– Хорошо. Тогда послезавтра, господин Исидо. Надеюсь, вы не станете отражать своих людей в мои охотничьи угодья? Я бы не хотел, чтобы они помешали охоте, – добавил он с намеком.

– Конечно. А чужестранец?

– Он был и остается моей собственностью. Как и его корабль. Но вы можете забрать варвара, когда я кончу с ним. А потом отправить на казнь, если захотите.

– Спасибо. Я так и сделаю. – Исидо сложил свой веер и спрятал его в рукав. – Он не представляет никакой важности. А что важно и что привело меня к вам... О, кстати, мне доложили, что госпожа, моя мать, гостит в монастыре Дзёдзи.

– Да? Я думал, что любоваться цветущей сакурой уже поздно.

– Согласен. Но если ей захотелось взглянуть на деревья, почему нет? Что мы можем сказать про стариков? У них своя голова. Они по-другому смотрят на вещи, не так ли? Но у нее неважно со здоровьем. Я беспокоюсь о ней. Ей надо быть очень осторожной, она легко простужается.

– То же самое с моей матерью. Надо следить за здоровьем стариков. – Торанага отметил про себя, что должен послать срочное письмо настоятелю, напомнить, чтобы тот тщательно следил за здоровьем старой женщины. Если она умрет в монастыре, впечатление

будет ужасное. Позор на всю страну. Все даймё поймут, что в сложной игре за власть он использовал беспомощную старуху, женщину, мать своего врага, как заложницу и не справился с возложенной на него ответственностью. Брать заложников – опасная игра.

Исидо почти ослеп от ярости, когда узнал, что почитаемая им мать удерживается Торанагой в Нагое. Полетели головы. Немедленно был приведен в действие план войны с Торанагой и принято важное решение – осадить Нагою и уничтожить даймё Кадзамаки, на чьем попечении находилась старуха. Началось противостояние. Наконец через посредников настоятелю было послано частное письмо, предупреждающее, что, если госпожу не выпустят из монастыря целой и невредимой через сутки, Нага, единственный сын Торанаги, которого легко захватить, и любая из его женщин отправятся в деревню прокаженных, где их будут кормить, поить и делить с ними ложе больные лепрой. Исидо знал, что, пока его мать находится во власти Торанаги, он должен выверять каждый свой шаг. Но он дал также понять, что, если его мать не отпустят, он ввергнет страну в ад.

– Как поживает госпожа, ваша мать, господин Торанага? – вежливо спросил он.

– У нее все очень хорошо, благодарю вас. – Торанага позволил себе показать, какое счастье доставляют ему мысли о матери и бессильной ярости Исидо. – Она замечательно выглядит для своих семидесяти четырех лет. Я только надеюсь, что буду так же силен в ее возрасте.

«Тебе пятьдесят восемь, Торанага, но ты не доживешь до пятидесяти девяти», – мысленно пообещал Исидо.

– Пожалуйста, передайте ей мои пожелания долгой счастливой жизни. Спасибо и извините, что я был так навязчив. – Он поклонился с величайшей учтивостью, а потом, с трудом сдерживая рвущуюся наружу радость, добавил: – Ах да! Важная вещь, из-за которой я хотел повидать вас: последнее собрание регентов откладывается. Мы не встретимся сегодня вечером.

Торанага, сохраняя улыбку на лице, внутри окаменел:

– О? Почему?

– Господин Кияма болен. Господин Сугияма и господин Оноси согласились с отсрочкой. Я тоже. Несколько дней не играют роли, не так ли, когда надо принять такое важное решение?

– Мы можем встретиться без господина Киямы.

– Мы согласились с тем, что нам не следует делать этого. – В глазах Исидо таилась насмешка.

– Официально?

– Вот бумага с нашими печатями.

Торанага закипал. Любая отсрочка представляла для него огромную опасность. Мог ли он добиться согласия на немедленную встречу, вернув Исидо мать? Нет, потому что отправка приказов потребовала бы слишком много времени и он потерял бы большое преимущество из-за пустяка.

– Когда состоится встреча?

– Я так понял, что господин Кияма поправится к завтрашнему дню или, может быть, на следующий день.

– Хорошо. Я пришлю моего личного лекаря осмотреть его.

– Я уверен, что господин Кияма примет его. Но личный лекарь запрещает ему принимать посетителей. Болезнь может быть заразной.

– А что за болезнь?

– Не знаю, мой господин. Мне не сказали.

– Лекарь – чужеземец?

– Да. Я так понял, что он лечит христиан. Христианский врачеватель-священник для даймё-христианина. Наши недостаточно хороши для такого... такого важного даймё, – усмехнулся Исидо.

Беспокойство Торанаги возросло. Если бы лекарь был японец, даймё мог бы сделать многое. Но если врачеватель – христианин (несомненно, иезуит), что ж, идти против такого или даже связываться с таким – значит еще больше восстановить против себя даймё-христиан, а он не мог допустить подобного риска. Он знал, что дружба с Цукку-саном не поможет ему в борьбе с христианскими даймё, Оноси или Киямой. В интересах христиан выступать заодно. Скоро он должен будет сблизиться с христианскими священниками, найти к ним подход, установить цену их сотрудничеству. «Если Исидо действительно объединится с Оноси и Киямой – и все даймё-христиане пойдут за этими двумя, согласятся действовать вместе, – тогда я останусь в одиночестве, – подумал он. – Тогда мне не представится иного выбора, кроме „малинового неба“».

– Я навещу господина Кияму послезавтра, – пообещал он, называя крайний срок.

– А зараза? Я никогда бы не простил себе, если бы с вами что-нибудь случилось, пока вы здесь, в Осаке, мой господин. Вы наш гость. Я вынужден настаивать, чтобы вы не ходили.

– Вы можете успокоиться, мой господин Исидо. Зараза, которая свалит меня, еще не появилась на свет. Вы забыли предсказание провидца.

В китайском посольстве, которое приезжало к тайко восемь лет назад, пытаясь положить конец японско-корейско-китайской войне, был известный астролог. Этот китаец предсказал много вещей, которые впоследствии подтвердились. На одном из роскошных званых ужинов тайко попросил предсказателя назвать время смерти нескольких своих советников. Астролог предрек, что Торанага падет от меча в среднем возрасте. Исидо, знаменитый завоеватель Кореи, или Чосэна, как называли эту страну китайцы, мирно упокоится в глубокой старости, человеком, чьи ноги твердо стоят на земле, самой известной фигурой своего времени. А сам тайко почит в своей постели, уважаемым, почитаемым, в преклонных летах, оставив здорового сына и наследника. Это так обрадовало тайко, тогда еще бездетного, что он решил отпустить посольство с миром обратно в Китай, а не убивать, как собирался сначала, за оскорбления, нанесенные в первую встречу: вместо того чтобы торговаться за мир, китайский император через свое посольство предложил ни больше ни меньше как «провозгласить его повелителем государства Ва», как китайцы именовали Японию. Итак, послы вернулись домой живыми, а не в маленьких ящиках, которые уже приготовил тайко, а этот последний возобновил войну против Кореи и Китая.

– Нет, господин Торанага, я не забыл, – возразил Исидо, очень хорошо помнивший ту историю. – Но заразный недуг может быть очень обременительным. Зачем доставлять себе неудобства? Вдруг вы подцепите сифилис, как ваш сын Нобору – такая жалость! – или проказу, как господин Оноси. Он еще молод, но так страдает. О да, так страдает!

Торанага был моментально выведен из равновесия. Он очень хорошо знал, какой вред причиняют эти болезни. Нобору, старший из его оставшихся в живых сыновей, занедужил в семнадцать – десять лет назад, – и все усилия врачей, японских, китайских, корейских и христианских, не изгнали болезнь, которая уже отразилась на нем, хотя

и не убила. «Если я захвачу всю власть, – пообещал себе Торанага, – постараюсь искоренить эту хворь. Неужели она действительно идет от женщин? Как женщины получают ее? Как она лечится? Бедный Нобору, если бы не сифилис, ты был бы моим наследником, потому что ты лучший воин, лучший правитель и очень умный, чего нельзя сказать о Сударе. Ты должен был сделать много плохого в прошлой жизни, чтобы нести такую тяжкую ношу в этой».

– Клянусь Буддой, я никому бы не пожелал такого, – проговорил он.

– Согласен с вами, – поддержал Исидо, зная, что Торанага наслал бы на него обе болезни, если бы только мог. С тем он и откланялся.

Торанага первым нарушил молчание:

– Ну?

Хиромацу изрек:

– Останетесь вы или уедете, все плохо, потому что вас предали и покинули, господин. Если вы станете ждать встречи – ее будут откладывать целую неделю, Исидо стянет свои войска к Осаке, и вы никогда не уедете отсюда, что бы ни случилось с госпожой Отибой в Эдо. Очевидно, что четыре регента пойдут против вас. Четыре голоса против одного – и они обвинят вас в государственной измене. Если вы уедете, они издадут любой указ, какой только пожелает Исидо. Эти четыре голоса против одного свяжут вас по рукам и ногам. Как регент вы не сможете сказать ни слова против.

– Согласен.

Вновь наступило молчание.

Хиромацу ждал с растущим беспокойством.

– Что вы собираетесь делать?

– Сначала я собираюсь пойти поплавать, – объявил Торанага с удивившей старика веселостью. – Потом посмотрю на чужеземца.

Женщина спокойно шла через личный сад Торанаги в замке, направляясь к маленькой хижине под соломенной крышей, которая уютно расположилась на полянке среди кленов. Ее шелковое кимоно и оби были самыми простыми и тем не менее самыми элегантными из тех, что могли изготовить искуснейшие мастера Китая. Волосы по самой последней киотской моде были собраны в высокую прическу и скреплены длинными серебряными шпильками. Цветной зонтик

защищал от солнца нежную кожу. Она была тоненькая, всего пяти футов ростом, но очень пропорционального сложения. И носила на шее тонкую золотую цепочку с маленьким золотым распятием.

Кири ждала на веранде домика. Она сидела в тени, тучные ягодицы нависали над подушкой. Кири следила, как женщина ступает по камням дорожки, столь аккуратно выложенной во мху, что, казалось, камни росли из него.

– Вы прекрасны и молоды, как никогда, Тода Марико-сан, – произнесла Кири без ревности, отвечая на поклон.

– Хотела бы я, чтобы так оно и было, Кирицубо-сан, – ответила Марико, улыбаясь. Она преклонила колени на подушку, машинально расправляя кимоно.

– Это правда. Когда мы встречались в последний раз? Два-три года назад? Вы совсем не изменились за то время, что я вас знаю. Должно быть, прошло двадцать лет с тех пор, как мы впервые встретились. Вы помните? Это было на празднике, который устроил господин Города. Вам исполнилось четырнадцать, вы только что вышли замуж и были очень красивы.

– И напугана.

– Нет, что вы, не напуганы!

– Это случилось шестнадцать лет назад, Кирицубо-сан, не двадцать. Да, я помню все очень хорошо.

«Слишком хорошо, – подумала она с болью в сердце. – В тот день брат прошептал мне, что, по его предположению, наш уважаемый отец собирается отомстить своему законному господину Городе и убить его. *Своего законного господина!*

О да, Кири-сан, я помню тот год, и день, и даже час. Именно тогда начался весь этот ужас. Я никогда никому не давала повода подумать, что заранее знала о том, что должно было случиться. Я не предупредила ни своего мужа, ни Хиромацу, его отца, – преданных вассалов своего господина, – что предательство готовилось одним из его самых важных военачальников. Хуже того, я не предупредила Города, своего законного господина. Так я нарушила свои обязанности по отношению к господину, своему мужу, его семье, которые после замужества стали моей единственной семьей. О Мадонна, прости мне мой грех, помоги мне очиститься. Я продолжала молчать, чтобы защитить любимого отца, который обесчестил себя на тысячу лет. О

мой Боже, Иисус Назаретянин, спаси этого грешника от вечного проклятия...»

– Это было шестнадцать лет назад, – спокойно повторила Марико.

– В тот год я вынашивала ребенка господина Торанаги, – промолвила Кири и подумала, что, если бы господин Города не был подло предан и убит отцом Марико, господину Торанаге никогда бы не пришлось сражаться при Нагакудэ, она никогда бы не простудилась там и ее ребенок был бы доношен.

«Может быть, так, – рассудила она про себя. – А может быть, иначе. Это была просто карма, моя карма, все, что случилось».

– Ах, Марико-сан, – продолжала она без злобы, – это приключилось так давно, как будто в другой жизни. Но вы без возраста. Почему я не могу иметь вашу фигуру и красивые волосы и ходить так изящно? – Кири засмеялась. – Ответ простой: потому что я слишком много ем!

– Ну и что из того? Вы пользуетесь расположением господина Торанаги, не правда ли? И вполне удовлетворены. Вы мудры, добросердечны и довольны собой.

– Я бы хотела быть изящной, и много есть, и быть любимой, – вздохнула Кири. – Но вы? Вы недовольны собой?

– Я только инструмент моего господина Бунтаро, на котором он играет. Если господин, мой муж, счастлив, тогда, конечно, я счастлива. Его радость – моя радость. То же самое и с вами, – заключила Марико.

– Да. Но не совсем. – Кири обмахнулась веером, золотистый шелк которого поймал отблеск послеполуденного солнца.

«Не хотела бы я быть вами, Марико, со всей вашей красотой и блеском, мужеством и просвещенностью. Нет! Я бы дня не вынесла рядом с таким ненавистным, безобразным, невежественным грубияном, пусть даже и осталась бы одна в семнадцать лет. Он так не похож на своего отца, господина Хиромацу. Тот замечательный человек. Но Бунтаро? Как достойные отцы могут иметь таких ужасных сыновей? Я хотела бы иметь сына, о, как хотела бы! Но вы, Марико, как вы можете терпеть плохое обращение все эти годы? Как вы вынесли ваши несчастья? Кажется невозможным, что они не отбросили тени ни на ваше лицо, ни на душу».

– Вы удивительная женщина, Тода Бунтаро Марико-сан.

– Благодарю вас, Кирицубо Тосико-сан. О, Кири-сан, так приятно снова встретить вас.

– И вас. Как ваш сын?

– Красивый-красивый. Сарудзи теперь пятнадцать лет, можете представить? Высокий и сильный, очень похож на своего отца. Господин Хиромацу дал ему свой надел земли. И вы знаете, он собирается жениться!

– Нет. На ком?

– На внучке господина Киямы. Господин Торанага так хорошо все устроил. Очень хорошая партия для нашей семьи. Я только хочу, чтобы девушка была внимательнее к моему сыну, достойна его. Вы знаете, она... – Марико засмеялась немного застенчиво. – Ну, я заговорила, как все свекрови. Однако, думаю, вы согласитесь, что она еще не готова к браку.

– У вас будет время подготовить ее.

– О, надеюсь, что это так. Мне повезло, что у меня не было свекрови. Я не знаю, что должна делать.

– Вы получите ее ребенком и научите всему, как учите всех в доме.

– О, хорошо бы, чтоб все так и было. – Руки Марико-сан без движения лежали на колене. Она наблюдала за стаей стрекоз, пока те не улетели. – Мой муж направил меня сюда. Господин Торанага хочет меня видеть?

– Да. Он пожелал, чтобы вы переводили для него, помогли объясниться.

Марико вздрогнула:

– С кем?

– Новым чужестранцем.

– О, а как же отец Цукку-сан? Он болен?!

– Нет. – Кири играла веером. – Нам остается только гадать, почему господин Торанага хочет, чтобы переводили вы, а не священник, как было при первом разговоре. Почему так получается, Марико-сан, что мы должны следить за тем, как расходуются деньги, платить по счетам, обучать слуг, покупать еду и все прочее для дома – даже одежду для наших господ, – а они никогда ничего не открывают нам?

– Может быть, из-за нашей догадливости.

– Возможно. – Взгляд Кири был ровен и дружелюбен. – Но я думаю, что эта встреча будет носить очень личный характер. Так что

поклонитесь своим христианским Богом, что не разгласите тайну. Никому.

Марико похолодела и с трудом произнесла:

– Конечно.

Она хорошо поняла Кири: не говорить ничего ни мужу, ни его отцу, ни священнику. Если супруг приказал ей прийти сюда, очевидно по требованию господина Торанаги, то допустимо ли, чтобы ее долг перед сюзереном, господином Торанагой, возобладал над долгом перед священником? И почему переводить должна она, а не отец Цукку-сан? Она поняла, что снова против воли втянута в интригу, которая испортит ей жизнь, и снова захотела, чтобы ее семья не была древней и не звалась Фудзимото, чтобы она не родилась со способностями к языкам, которые позволили ей выучить португальский и латынь, чтобы она никогда не рождалась вовсе. «Но тогда, – подумала она, – я бы никогда не увидела моего сына, не узнала о Младенце Христе, Его вере и о вечной жизни. Это твоя карма, Марико, – сказала она себе печально, – просто карма».

– Очень хорошо, Кири-сан. – А затем она добавила, предчувствуя нехорошее: – Я клянусь Господом Богом, что не разглашу ничего из сказанного здесь сегодня или в любое время, когда буду переводить для моего сюзерена.

– Мне думается также, что вам придется скрывать ваши чувства, чтобы точно переводить сказанное. Этот новый чужеземец – странный человек и говорит необычные вещи. Я уверена, что, если мой господин выбрал вас, на то имелись особые причины.

– Я буду делать то, что скажет господин Торанага. Он не должен сомневаться в моей преданности.

– Она никогда не подвергалась сомнению, госпожа.

Прошел весенний дождь, усеял каплями лепестки, мох, листья и закончился, сделав все еще прекраснее.

– Я попросила бы вас об одолжении, Марико-сан. Не будете ли вы так любезны спрятать ваше распятие под кимоно?

Пальцы Марико протестующе взметнулись.

– Почему? Господин Торанага никогда не возражал против моего перехода в эту веру, также и господин Хиромацу, глава нашего клана! И мой муж позволяет мне держать и носить распятие.

– Да, но распятия приводят в бешенство чужеземца, а мой господин Торанага хочет, чтобы варвар сохранял спокойствие.

Блэкторн никогда не видел таких маленьких людей.

– *Коннити ва*, – сказал он. – *Коннити*, Торанага-сама.

Он поклонился, словно придворный, кивнул мальчику, который стоял на коленях, широко раскрыв глаза, сбоку от Торанаги, и полной женщине, которая была за ним. Эти трое расположились на веранде, опоясывающей маленький домик. Строение состояло из одной небольшой комнаты с грубо сработанными ширмами и тесаными балками под соломенной крышей и кухонного уголка позади. Оно стояло на сваях из дерева, возвышаясь на фут или около того над ковром из чистого белого песка. Домик предназначался для проведения чайной церемонии и был построен только для этой цели за большие деньги из дерева редких пород. Впрочем, иногда эти уединенные постройки, возведенные на укромных полянках, использовались для свиданий и тайных переговоров.

Блэкторн подобрал кимоно и сел на подушку, которая лежала внизу на песке перед ними.

– *Гомэн насай*, Торанага-сама, *нихон го га ханасэ-масэн. Цуаки го имас ка?*

– Я ваш переводчик, сеньор, – сообщила Мариико сразу, на почти безупречном португальском. – Но вы говорите по-японски?

– Нет, сеньорита, только несколько слов или фраз. – Блэкторн был захвачен врасплох.

Он ожидал, что переводчиком выступит отец Алвито, а Торанага появится в сопровождении самураев и, может быть, даймё Ябу. Но самураев поблизости не наблюдалось, хотя вокруг сада их присутствовало великое множество.

– Мой господин Торанага спрашивает: может быть, вы предпочитаете говорить по-латыни?

– Как пожелаете, сеньорита. – Подобно любому образованному человеку своего времени, Блэкторн мог читать, писать и говорить по-латыни, потому что в Европе латынь была единственным языком, на котором велось обучение.

«Кто эта женщина? Где она выучилась так хорошо говорить на португальском? И латыни! Где еще, как не у иезуитов, – подумал он. –

В одной из их школ. О, они хитры! Первое, что делают, – строят школы».

Всего каких-то семьдесят лет назад Игнатий Лойола организовал Общество Иисуса, и теперь школы иезуитов, лучшие в христианском мире, распространились по всему свету, их влияние возводило на трон или низвергало королей. К ним прислушивался папа римский. Они сдержали волну Реформации и теперь отвоевывали обратно огромные вотчины для своей Церкви.

– Тогда будем говорить по-португальски, – решила она. – Мой господин хочет знать, где вы научились «нескольким словам и фразам»?

– В тюрьме был монах, сеньорита, францисканец, и он учил меня. Таким словам, как «еда», «друг», «ванна», «идти», «истинный», «фальшивый», «здесь», «там», «я», «вы», «пожалуйста», «спасибо», «хотеть», «не хотеть», «заключенный», «да», «нет» и прочим. Это только начало, к сожалению. Не будете ли вы так любезны сказать господину Торанаге, что я сейчас лучше подготовлен к его вопросам и более чем рад, что вышел из тюрьмы. За это я ему благодарен.

Блэкторн смотрел, как она повернулась и заговорила с Торанагой. Он знал, что ему следует изъясняться просто, желательно короткими предложениями и быть осторожнее, ибо, в отличие от священника, который переводил синхронно, женщина ждала, пока он закончит фразу, потом сжато излагала сказанное им или свою версию того, что было сказано. Так поступают все переводчики, кроме самых опытных, хотя и эти последние, как было с иезуитом, позволяют своим личным пристрастиям влиять на передачу чужих речей, вольно или невольно.

Ванна, массаж, еда и два часа сна освежили Блэкторна. Банная прислуга, сплошь женщины, крупные и сильные, сделали ему массаж кулаками, вымыли голову, заплели волосы в тугую косичку, а брадобрей подстриг ему бороду. Блэкторну дали чистую набедренную повязку, кимоно и пояс, а также таби и сандалии. Футоны, на которых он спал, были такими же чистыми, как и комната. Казалось, что все это ему грезится, и, пробудившись после крепкого сна без сновидений, он некоторое время гадал, что же было грезой, настоящее или тюрьма.

Он нетерпеливо ждал, когда его снова поведут к Торанаге, обдумывая, что сказать и что открыть из тайного, как перехитрить отца Алвито и как взять верх над ним. И над Торанагой. После всего, что

рассказал ему брат Доминго о португальцах, японских князьях и торговле, он твердо знал, что может оказаться полезен Торанаге, а тот в свою очередь способен дать ему богатства, о которых он мечтает.

И теперь, избавленный от необходимости противостоять священнику, он чувствовал себя еще более уверенно. Ему нужны были только небольшая удача и терпение.

Торанага внимательно слушал похожую на куклу переводчицу.

Блэкторн подумал: «Я мог бы поднять ее одной рукой, а если бы обхватил ладонями ее талию, мои пальцы сомкнулись бы. Сколько ей лет? Прекрасна! Замужем? Обручального кольца нет. О, это интересно. Она не носит никаких драгоценностей. Кроме серебряных шпилек в волосах. Других женщин здесь нет, только толстуха».

Он напряг память. Японки, виденные им в деревне, не носили драгоценностей, и он не заметил ничего такого на женщинах в доме Муры. Почему?

«Кто эта тучная женщина? Жена Торанаги? Или нянька мальчика? А парнишка? Сын Торанаги? Или, может быть, внук? Брат Доминго говорил, что японцы вправе иметь только одну жену одновременно, зато наложниц – узаконенных фавориток – сколько пожелают.

Может, женщина, переводящая Торанаге, его наложница?

Каково было бы с ней в постели? Боюсь, я бы сломал ее. Нет, она бы не сломалась. Женщины в Англии почти такие же маленькие. Но не похожи на нее».

Мальчик был маленьким и прямым, круглоглазым, густые черные волосы заплетены в короткую косичку, макушка не выбрита. Любопытство его казалось безмерным.

Не задумываясь, Блэкторн подмигнул. Мальчик подпрыгнул, потом засмеялся, прервал Марико, показал на Блэкторна и заговорил, его терпеливо выслушали, и никто не поторопил. Когда он закончил, Торанага коротко сказал что-то Блэкторну.

– Господин Торанага спрашивает, почему вы сделали это, сеньор?

– О, просто чтобы повеселить паренька. Он такой же ребенок, как и все, а дети в моей стране обычно смеются, когда так сделаешь. Мой сын должен быть примерно такого же возраста. Ему семь лет.

– Наследнику семь лет, – произнесла Марико после паузы, потом перевела, что он сказал.

– Наследник? Значит, этот мальчик – единственный сын господина Торанаги? – спросил Блэкторн.

– Господин Торанага велел мне сказать, что сейчас вы должны ограничиться ответами на вопросы. – Потом она добавила: – Я уверена, если вы будете терпеливы, капитан Блэкторн, вам предоставят возможность в конце спросить о том, что вас заинтересовало.

– Очень хорошо.

– Поскольку ваше имя трудно произносить, сеньор, – ведь в нашем языке нет многих звуков, которые вы употребляете, – могу ли я для господина Торанаги использовать ваше японское имя, Андзин-сан?

– Конечно. – Блэкторн собирался спросить ее имя, но вспомнил о предупреждении и решил быть терпеливым.

– Спасибо. Мой господин спрашивает, есть ли у вас другие дети.

– Дочь. Она родилась как раз перед тем, как я покинул свой дом в Англии. Так что теперь ей около двух лет.

– У вас одна жена или несколько?

– Одна. У нас такой обычай. Как у португальцев и испанцев. Мы не имеем наложниц – законных, по крайней мере.

– Это ваша первая жена, сеньор?

– Да.

– Скажите, пожалуйста, сколько вам лет?

– Тридцать шесть.

– Где в Англии вы живете?

– На окраине Чатема. Это небольшой порт около Лондона.

– Лондон – ваша столица?

– Да.

– Он спрашивает, на каких языках вы говорите.

– Английский, португальский, испанский, голландский и, конечно, латынь.

– Что значит «голландский»?

– Это язык, на котором говорят в Европе, в Нидерландах. Он очень похож на немецкий.

Она нахмурилась:

– На голландском изъясняются язычники? И на немецком тоже?

– Обе эти нации – не католические, – пояснил он осторожно.

– Извините меня, разве это не то же самое, что языческие?

– Нет, сеньорита. Христианство разделяется на две самостоятельные и заметно различающиеся ветви. Католицизм и протестантизм. Есть две разновидности христианства. В Японии обосновались служители Католической церкви. В настоящее время две Христианские церкви враждуют. – Он отметил ее удивление и нетерпение Торанаги, не участвующего в разговоре. «Будь осторожен, – предупредил он себя. – Она, конечно, католичка. Переходи к примерам. Выражайся проще». – Может быть, господин Торанага не желает обсуждать религиозные вопросы, сеньорита, поскольку мы уже говорили о них при первой встрече?

– Вы христианин-протестант?

– Да.

– А католики – ваши враги?

– Да, большинство считает меня еретиком и недругом.

Поколебавшись, она обернулась к Торанаге и подробно все ему объяснила.

Вокруг, по периметру сада, стояло много часовых – все на довольно большом расстоянии, и все коричневые. Потом Блэкторн заметил десять серых, сидевших плотной группой в тени и не спускавших глаз с мальчика. «Что все это значит?» – ломал он голову.

Торанага, расспросив Марико, вновь заговорил с Блэкторном.

– Мой господин желает знать о вас и вашей семье, – начала Марико. – О вашей стране, ее королеве и прежних правителях, привычках, обычаях, истории и обо всех других странах, особенно Португалии и Испании. Все о мире, в котором вы живете. О ваших кораблях, оружии, пище, торговле. О ваших войнах и сражениях, о том, как управлять кораблем, как вы ведете его и что случается в пути. Он хочет понять... Извините меня, почему вы смеетесь?

– Только потому, сеньорита, что это, видимо, исчерпывает все, что я знаю.

– Это точно то, чего хочет мой хозяин. «Точно» – правильное слово?

– Да, сеньорита. Могу ли я сделать комплимент вашему португальскому языку? Он безупречен.

Ее веер слегка дрогнул.

– Спасибо, сеньор. Да, мой хозяин хочет узнать правду обо всем – обо всех этих вещах и вашем к ним отношении.

– Я буду рад рассказать ему. Но это может занять некоторое время.

– Мой хозяин говорит, что время у него есть.

Блэкторн взглянул на Торанагу:

– *Вакаримас.*

– Извините меня, сеньор, но господин велел мне сказать, что ваш выговор не совсем правильный. – Мариико показала ему, как надо правильно произносить это слово, он повторил и поблагодарил ее. – Я сеньора Мариико Бунтаро, не сеньорита.

– Да, сеньора. – Блэкторн взглянул на Торанагу. – С чего бы он хотел, чтобы я начал?

Она перевела вопрос. Мимолетная улыбка прошла по властному лицу Торанаги.

– Господин говорит: «С начала».

Блэкторн знал, что это еще одна проверка. «С чего из всего перечисленного следует начать? Кому рассказывать? Торанаге, мальчику или женщинам? Очевидно, если присутствует только один мужчина, надо рассказывать Торанаге. Почему здесь эта женщина и мальчик? Это должно что-то значить».

Он решил сосредоточиться на мальчике и женщине.

– В древние времена моей страной правил великий король, который имел волшебный меч под названием Экскалибур. Его королева была самой красивой женщиной на земле. В главных советниках у него ходил колдун Мерлин, а короля звали Артур, – завел он легенду, которую так хорошо рассказывал его отец в далеком туманном детстве. – Столица короля Артура называлась Камелот. Это было счастливое время, когда люди не вели войн, собирали хорошие урожаи и... – Внезапно он понял, какую огромную ошибку совершает. Он выбрал историю о Гиневере и Ланселоте, распутной королеве и неверном вассале, о Модреде, незаконном сыне короля Артура, который в результате предательства втягивается в войну с отцом, и об отце, который в битве убивает сына, чтобы пасть от его руки. О боже, как он мог так сглупить? Разве Торанага не похож на великого короля? Разве это не его женщина? Разве это не его сын?

– Вы больны, сеньор?

– Нет-нет, прошу прощения, это было только...

– Вы говорили, сеньор, о короле и хороших урожаях?

– Да. Это... Наше прошлое, как у множества стран, скрыто в тумане легенд, большинство из которых не имеют значения, – сказал он неуверенно, пытаясь выиграть время.

Она уставилась на него в недоумении. Глаза Торанаги стали строже, а мальчик зевнул.

– Вы рассказываете, сеньор?

– Да... О да! – Его охватило воодушевление. – Может быть, самое лучшее, что я могу сделать, – это нарисовать карту мира, сеньора, каким мы его знаем, – выпалил он. – Вам не хотелось бы, чтобы я сделал это?

Она перевела, и он отметил проблеск интереса в глазах Торанаги и полное равнодушие женщины и мальчика. «Как они связаны между собой?»

– Мой господин согласен. Я пошлю за бумагой.

– Спасибо. Но это займет всего минуту. Позднее, если вы дадите мне письменные принадлежности, я могу начертить точную карту.

Блэкторн встал со своей подушки и опустился на колени. Пальцем он начал чертить на песке примитивную карту, вверх ногами, чтобы они могли лучше видеть.

– Земля круглая, как апельсин, а эта карта похожа на его кожуру, вырезанную сегментами, с севера на юг, уложенную на плоскость и вытянутую немного вверх и вниз. Голландец по фамилии Меркатор изобрел такой способ изображения ровно двадцать лет назад. Это первая точная карта мира. Мы можем даже плавать, пользуясь ею, или глобусом. – Он смело набросал континенты. – Это север и юг, восток и запад. Япония – здесь, моя страна – на другой стороне мира, там. Тут все неизвестно и не исследовано... – Его рука очертила часть Северной Америки, лежащую выше линии, которая соединяет Мексику и Ньюфаундленд, всю Южную Америку, кроме Перу и узкой полосы побережья, окаймляющей континент, потом все к северу и востоку от Норвегии, все восточнее Московии, всю Азию, всю Центральную Африку, все к югу от Явы и южной оконечности Южной Америки. – Мы знаем побережье, но еще мало. Внутренние части Африки, Америки и Азии почти полностью остаются загадкой. – Он замолчал, давая женщине возможность перевести.

Теперь перевод давался ей легче, и он чувствовал, что интерес к его словам возрастает. Мальчик зашевелился и придвинулся ближе.

– Наследник хочет знать, где мы на этой карте.

– Здесь. Это Катай, или Китай, я думаю. Я не знаю, как далеко мы находимся от берега. У меня ушло два года на то, чтобы доплыть отсюда досюда. – Торанага и толстая женщина вытянули шею, пытаюсь лучше разглядеть.

– Наследник спрашивает, почему мы такие маленькие на вашей карте?

– Все дело в масштабе, сеньора. На этом континенте от Ньюфаундленда до Мексики почти тысяча лиг, каждая из них равна трем милям. Отсюда до Эдо около сотни лиг.

Наступило молчание, потом сидевшие на веранде заговорили между собой.

– Господин Торанага хочет, чтобы вы показали ему по карте, как пришли в Японию.

– Этим путем. Вот Магелланов пролив – или проход – здесь, у оконечности Южной Америки. Он назван так по имени португальского навигатора, который открыл его восемьдесят лет назад. С тех пор португальцы и испанцы держали этот путь в тайне, исключительно для своего пользования. Мы стали первыми чужаками, прошедшими через пролив. У меня была одна из их секретных карт, и все равно пришлось ждать целых шесть месяцев, чтобы пройти, потому что дули встречные ветры.

Она перевела. Торанага воззрился на него недоверчиво.

– Мой господин говорит, что вы ошибаетесь. Все португальцы пришли с юга. Это их путь, единственный путь.

– Да. Это верно, что португальцы предпочитают южный путь – мимо мыса Доброй Надежды – так мы называем его, – потому что владеют фортами-крепостями на побережье Африки, Индии и на островах Пряностей, где пополняют запасы продуктов, зимуют. Их галеоны – военные корабли – сторожат все морские пути, которые они захватили. Однако испанцы используют Магелланов пролив, чтобы попасть в свои колонии на Тихоокеанском побережье Америки и на Филиппины, или вот здесь пересекают узкий Панамский перешеек, чтобы не плыть несколько месяцев по морю. Для нас безопасней было пройти Магеллановым проливом, иначе нам было бы не миновать вражеских португальских крепостей. Пожалуйста, скажите господину Торанаге, что теперь я знаю расположение многих из них. Кстати,

португальцы охотно нанимают на службу японских воинов, – подчеркнул он. – Монах, который многое рассказал мне в тюрьме, был испанец, враждебно относящийся к португальцам, особенно иезуитам.

Блэкторн заметил мгновенную реакцию у нее на лице, а когда она перевела, и на лице Торанаги. «Дай ей время и говори попроще», – предупредил он себя.

– Японских воинов? Вы имеете в виду самураев?

– Их следовало бы назвать ронинами, я думаю.

– Вы сказали «секретная карта»? Мой господин хочет знать, как вы получили ее.

– Голландец по имени Питер Сюдерхоф служил личным секретарем у примаса Гоа. Примас – это титул главного католического священника, а Гоа – столица португальской Индии. Вы знаете, конечно, что португальцы пытались завоевать эти земли. Как личный секретарь архиепископа, который в то время был также португальским вице-королем, Сюдерхоф просматривал все бумаги. За много лет через его руки прошло несколько корабельных журналов и карт, которые он скопировал. Эти документы открыли ему секреты пути через Магелланов пролив и вокруг мыса Доброй Надежды, а также отмелей и рифов от Гоа до Японии через Макао. У меня имелось описание Магелланова пролива. Я хранил его среди остальных документов, которых лишился вместе с кораблем. Они необходимы мне и могут иметь огромное значение и для господина Торанаги.

– Мой господин говорит, что отдал приказ найти их. Продолжайте, пожалуйста.

– Когда Сюдерхоф вернулся в Голландию, он продал бумаги торговой Ост-Индской компании, которая владеет монополией на освоение Дальнего Востока.

Она холодно посмотрела на него:

– Этот человек был шпион на жалованье?

– Ему заплатили за карты. Да. Таков обычай голландцев, так они награждают человека. Не титулом или землей, только деньгами. Голландия – республика. Конечно, сеньора, моя страна и наш союзник, Голландия, находятся в состоянии войны с Испанией и Португалией, и борьба продолжается уже годы. Вы понимаете, сеньора, на войне жизненно важно проникнуть в секреты врагов.

Марико повернулась и долго переводила.

– Мой господин спрашивает, почему архиепископ нанял на службу врага?

– Говорят, архиепископ, иезуит, прежде всего интересовался торговлей. Сюдехоф удвоил доходы, так что его услуги ценились высоко. Он был исключительно искусен в торговле – голландцы обычно превосходят в этом португальцев, – поэтому его рекомендательные письма проверяли не слишком придирчиво. И потом, немало голубоглазых и светловолосых людей – немцев и других европейцев – исповедуют католичество. – Блэкторн подождал, пока она переведет, и добавил осторожно: – Он был главный шпион Голландии в Азии, солдат этой страны, и устроил несколько своих людей на португальские суда. Пожалуйста, скажите господину Торанаге, что без торговли с Японией португальская Индия не долго протянет.

Торанага смотрел на карту, пока Мариико говорила. Никакого отклика с его стороны не последовало. Блэкторн усомнился, все ли она перевела.

– Мой господин хотел бы как можно скорее получить детальную карту мира на бумаге, где были бы отмечены все португальские форты и указано число ронинов в каждом. Он говорит: пожалуйста, продолжайте.

Блэкторн знал, что сделал колоссальный шаг вперед. Но мальчик зевнул, поэтому он решил изменить линию поведения, преследуя ту же цель.

– Наш мир не всегда такой, каким он кажется. Например, южнее этой линии – мы называем ее экватором – сезоны обратны тем, что у нас. Когда у нас лето, там зима, когда у нас тепло, они мерзнут.

– Почему это?

– Я не знаю, но так оно и есть. Теперь путь в Японию лежит через эти два южных прохода. Мы, англичане, надеемся проложить северный путь, либо на северо-восток мимо Сибири, либо на северо-запад вдоль Америки. Я доходил на север до этих мест. Там вся земля покрыта вечным льдом и снегом и так холодно большую часть года, что не обойтись без меховых рукавиц. Людей, которые живут в тех краях, называют лапландцами. Их одежды шьются из кожи с мехом. Мужчины охотятся, а женщины делают всю остальную работу. Именно

они и шьют всю эту одежду. Только сначала им приходится долго жевать кожу, чтобы размягчить ее – иначе игла не возьмет.

Марико рассмеялась.

Блэкторн позволил себе улыбнуться, преисполняясь уверенности.

– Это правда, сеньора. *Хонто*.

– *Сорэва хонто дэс ка?* (Что верно?) – нетерпеливо спросил Торанага.

Сквозь смех она перевела, и остальные также начали смеяться.

– Я жил среди них почти год. Мы были захвачены в плен льдами и вынуждены ждать, когда они оттают. Лапландцы питаются рыбой, тюлениной, иногда мясом белых медведей и китов, которое едят сырым. А величайшим лакомством у них считается сырая китовая ворвань.

– О, полно вам, Андзин-сан!

– Это правда. И они живут в маленьких круглых домах, сделанных целиком из снега, и никогда не моются.

– Что? Никогда? – вспыхнула она.

Он покачал головой и решил не рассказывать ей, что бани – редкость и в Англии, даже бóльшая редкость, чем в Испании и Португалии, где теплее.

Она перевела последнюю фразу. Торанага покачал головой, явно не веря.

– Мой господин говорит, что вы преувеличиваете. Никто не может прожить без мытья. Даже дикари.

– Это правда. *Хонто*, – сказал он спокойно и поднял руку. – Клянусь Иисусом из Назарета и моей душой, что это правда.

Она наблюдала за ним в молчании.

– Все?

– Да. Господин Торанага хотел правды. Зачем мне лгать? Моя жизнь в его руках. Правду доказать легко – хотя нет, честно говоря, доказать то, что я сказал, очень трудно: вам нужно поехать туда и посмотреть самим. Конечно, португальцы и испанцы, мои враги, не поддержат меня. Но господин Торанага просил рассказать ему правду. Он может верить тому, что я сообщил.

Марико задумалась на мгновение. Потом тщательно перевела все, что он сказал. Наконец произнесла:

– Господин Торанага говорит, это невероятно, чтобы кто-нибудь мог обходиться без мытья.

– Да. Но тамошние края холодные. И привычки народов, населяющих их, отличаются от ваших и моих. Например, в моей стране все считают, что ванны опасны для здоровья. Моя бабушка Джейкоба говорила: «Одна ванна – когда рождаешься, и другая – когда тебя кладут на стол, чтобы препроводить в жемчужные врата, врата рая».

– В это очень трудно поверить.

– В некоторые из ваших обычаев тоже очень трудно поверить. Но это правда, что за недолгое время, которое я провел в вашей стране, мне довелось побывать в бане чаще, чем за многие годы до того. Охотно допускаю, что это пошло на пользу здоровью. – Он ухмыльнулся. – Я больше не считаю, что ванны опасны. Так что я выиграл, приехав сюда, не правда ли?

После паузы Марико подтвердила:

– Да, – и перевела.

Кири воскликнула:

– Он удивителен, удивителен!

– Каково ваше мнение о нем, Марико-сан? – спросил Торанага.

– Я допускаю, что он говорит правду или верит, что говорит правду. Очевидно, что он может быть очень полезен для вас, мой господин. Нам так мало известно о том, что находится за пределами нашей страны. Это важно для вас? Я не знаю. Такое чувство, словно он спустился со звезд или вышел из моря. Коль скоро он враг португальцам и испанцам, тогда его сведения, если им можно доверять, могут оказаться очень важными для вас, да?

– Я согласна, – поддержала Кири.

– А что вы думаете, Яэмон-сама?

– Я, дядя? О, я думаю, он безобразен. Мне не нравятся его золотистые волосы и кошачьи глаза, и он вовсе не похож на человека, – выпалил мальчик, задыхаясь. – Я рад, что рожден не чужестранцем, как он, а самураем, как мой отец. Можно мы пойдём ещё поплаваем?

– Завтра, Яэмон, – поморщился Торанага, раздраженный тем, что не может напрямую разговаривать с капитаном.

Пока они переговаривались между собой, Блэкторн решил, что время вышло. Тут Марико опять повернулась к нему:

– Мой господин спрашивает, почему выплыли на север?

– В ту пору я служил штурманом. Мы пытались найти Северо-Восточный проход, сеньора. Я знаю, что многие вещи, о которых я вам рассказываю, звучат смешно, – начал он. – Например, семьдесят лет назад короли Испании и Португалии подписали важный договор, который разделил земли в Новом Свете, весь неоткрытый мир, между ними. Так как ваша страна попадает на португальскую половину, по этому договору она принадлежит Португалии, господин Торанага. Все вы, этот замок и все в нем отданы Португалии.

– О, пожалуйста, Андзин-сан, извините меня, но это же вздор!

– Я согласен, что их высокомерие невероятно. Но это правда.

Она тут же стала переводить, и Торанага издевательски рассмеялся.

– Господин Торанага говорит, что и он мог бы разделить небеса между ним самим и императором Китая, не так ли?

– Пожалуйста, объясните господину Торанаге, что это не одно и то же, – попросил Блэкторн, сознавая, что встал на опасный путь. – Это записано в официальных документах, которые дают королю право объявить любую вновь открытую землю, если она не католическая, своей собственностью, низложить существующее правительство и заменить его своим наместником. – Он провел на карте с севера на юг линию, которая разделила Бразилию. – Все, что лежит к востоку от этой границы, – португальское, все, что к западу, – испанское. Педру Кабрал открыл Бразилию в тысяча пятисотом году, поэтому теперь Португалия владеет Бразилией. Она искоренила местные обычаи, сместила законных властителей и обогатилась благодаря золоту и серебру, добываемым в тамошних рудниках и награбленным в храмах. Все остальные земли в Америках, открытые к настоящему времени, отошли Испании: Мексика, Перу, почти весь южный континент. Испанцы истребили народ инков, уничтожили их культуру, поработили

сотни тысяч местных жителей. Конкистадоры имеют современное оружие, туземцы – нет. С конкистадорами пришли священники. Скоро некоторые местные владыки были обращены в христианство, завоеватели умело стравливали их, пользуясь давней враждой. Один властитель шел войной на другого, их государства были захвачены по кускам. Теперь Испания – богатейшая страна в нашем мире, и основа этого богатства – сокровища инков и Мексики, которые испанцы прибрали к рукам и переправили за океан, на родину.

Марико сразу сосредоточилась. Она быстро уловила значение сообщенных Блэкторном сведений. Торанага тоже.

– Мой господин говорит, что это очень важный разговор. Как они могли присвоить себе такие права?

– Они ничего не присвоили, – мрачно заявил Блэкторн. – Папа даровал им эти права – как наместник Христа на земле. В благодарность за распространение слова Божьего.

– Я не верю! – воскликнула Марико.

– Пожалуйста, переведите, что я сказал, сеньора. Это правда.
Хонто.

Она повиновалась и долго говорила, явно неуверенно. Потом объявила:

– Мой господин считает, что вы просто пытаетесь настроить его против своих врагов. Это верно? Речь идет о вашей жизни, сеньор.

– Папа Александр Четвертый провел первую разделительную линию в тысяча четыреста девяносто третьем году, – начал Блэкторн, благословляя про себя Альбана Карадока, который вложил в него столько сведений, когда он был молод, и отца Доминго, поведавшего о гордости японцев и давшего ключи к японскому образу мыслей. – В тысяча пятьсот шестом году папа Юлий Второй одобрил поправки к Тордесильясскому договору, подписанному Испанией и Португалией в тысяча четыреста девяносто четвертом году, который немного изменил границы. Папа Климент Седьмой санкционировал Сарагосский договор тысяча пятьсот двадцать девятого года, который почти семьдесят лет назад установил еще одну границу. – Его палец провел по песку линию меридиана, которая отрезала южную оконечность Японии. – Это дает Португалии исключительное право на вашу страну, все эти земли – от Японии и Китая до Африки – так, как я сказал. Исключительное право использовать их – *любыми способами* – в

обмен на распространение католицизма. – Он снова подождал. Женщина колебалась, мучимая нерешительностью. Он почувствовал растущее раздражение Торанаги, которому пришлось ждать перевода.

Марико вынудила себя передать сказанное. Потом она опять слушала Блэкторна, и ей было неприятно то, что она слышала. «Разве такое возможно? Как мог его святейшество сделать подобное? Отдать нашу страну Португалии? Это должно быть ложью. Но он клянется Господом нашим Иисусом».

– Капитан говорит, господин, – начала она, – что в то время, когда его святейшеством папой были приняты эти решения, весь их мир – даже страна Андзин-сана – был католическим. Раскола еще не произошло, поскольку решения папы способствовали объединению наций. При всем том, добавляет он, несмотря на исключительное право португальцев эксплуатировать Японию, Испания и Португалия непрерывно ссорятся из-за права владения, так как наша торговля с Китаем приносит большие прибыли.

– А каково твое мнение, Кири-сан? – спросил Торанага, шокированный, как и остальные. Только мальчик остался равнодушным и играл своим веером.

– Он считает, что говорит правду, – изрекла Кири. – Да, думаю, это так. Но как проверить его слова или хотя бы часть?

– Как проверить это, Марико-сан? – спросил Торанага, более всего пораженный реакцией Марико, но довольный тем, что согласился использовать ее как переводчицу.

– Я бы спросила отца Цукку-сана, – ответила она. – Потом послала бы какого-нибудь доверенного вассала в те страны, чтобы проверить все это. Может быть, с Андзин-саном.

Кири ввернула:

– Если священник не подтвердит заявления чужеземца, это не обязательно будет означать, что Андзин-сан лжет, ведь так?

Кири была рада, что предложила взять Марико в переводчицы, когда Торанага искал замену Цукку-сану. Она знала, что Марико вполне надежна и, после того как поклялась своим чужеземным Богом, будет молчать, сколько бы ни допытывался ее христианский священник. «Чем меньше знают эти дьяволы, тем лучше, – думала Кири. – А как много известно чужестранцу!»

Кири тоже заметила, что мальчик зевает, и порадовалась этому. «Чем меньше поймет ребенок, тем лучше», – сказала она себе. Потом спросила:

– А почему бы не послать за главой христианских священников и не порасспросить его? Посмотрим, что он скажет. Их лица открыты, они почти не умеют хитрить.

Торанага кивнул, его взгляд остановился на Марико.

– Из того, что вам известно о южных варварах, Марико-сан, следует ли, что приказы папы будут выполняться? Что скажете?

– Без сомнения.

– Его приказы исполняются, как если бы это был голос Бога?

– Да.

– Даже здесь, нашими христианами?

– Думаю, да.

– И даже вами?

– Да, господин. Если я получу прямой приказ от его святейшества, да. Ради спасения моей души. – Ее взгляд был тверд. – Но до того я буду повиноваться только моему законному господину, главе нашего рода или моему мужу. Я – японка, христианка, да, но прежде всего самурай.

– Думаю, тогда было бы хорошо, чтобы его святейшество держался подальше от наших берегов. – Торанага на мгновение задумался, решая, что делать с чужеземцем, Андзин-саном. – Скажи ему... – Он не договорил.

Все глаза устремились на тропинку и приближающуюся по ней пожилую женщину. Она была в накидке с капюшоном, какие носят буддийские монахини. Четверо серых сопровождали ее. Они остановились, и женщина подошла уже одна.

Глава 17

Все низко поклонились. Торанага заметил, что чужеземец, подражая им, не встал, не посмотрел на неожиданную гостью, как сделали бы все чужеземцы, за исключением Цукку-сана, как это принято у них. «Он быстро обучается», – подумал Торанага, все еще ошеломленный тем, что услышал. Десять тысяч вопросов роились в голове, но, следуя своим правилам, он временно отключился, чтобы сосредоточиться на непосредственной опасности.

Кири поторопилась отдать старой женщине свою подушку и помогла ей сесть, потом встала рядом на колени, готовая услужить.

– Спасибо, Кирицубо-сан, – поблагодарила старуха, отвечая на поклон. Она звалась Ёдоко и была вдовой тайко, после его смерти ставшей буддийской монахиней. – Извините, что я пришла без приглашения и помешала вам, господин Торанага.

– Вы никогда не бываете незваной или нежеланной, Ёдоко-сама.

– Спасибо, спасибо. – Она взглянула на Блэкторна и прищурилась, чтобы лучше разглядеть. – Но я думаю, что все-таки помешала. Не могу разобрать, кто это? Он чужеземец? Мои глаза становятся все хуже и хуже. Это не Цукку-сан, да?

– Нет. Это новый чужеземец, – подсказал Торанага.

– Ах так! – Ёдоко посмотрела с более близкого расстояния. – Пожалуйста, объясните ему, что я плохо вижу, отсюда и эта моя невежливость.

Марико выполнила ее просьбу.

– Он говорит, что в его стране многие люди страдают близорукостью, Ёдоко-сама, но они носят очки. Он спросил, есть ли очки у нас. Я сказала, что да, некоторые из нас имеют очки – достали их у южных чужеземцев. Что раньше вы носили очки.

– Да. Я предпочитаю туман, который окружает меня. Да, мне не нравится многое из того, что я вижу теперь. – Ёдоко отвернулась и посмотрела на мальчика, сделав вид, будто только что увидела его. – О! Сын мой! Так вот ты где. Я тебя ищу. Как хорошо, что я встретила кампаку! – Она почтительно поклонилась.

– Спасибо, первая мама. – Яэмон просиял и поклонился в ответ. – О, если бы вы послушали этого варвара! Он нарисовал нам карту мира

и рассказал смешные истории про людей, которые не моются! Никогда в жизни! И они живут в снежных домах и носят шкуры, как злые ками.

Старая госпожа фыркнула:

– Чем меньше их прибывает сюда, тем лучше, так мне думается, сын мой. Я никогда не понимала их, и они всегда отвратительно пахли. Я никогда не могла взять в толк, как господин тайко, твой отец, их терпит. Но он был мужчиной, и ты мужчина, а значит, наделен бóльшим терпением, чем слабые женщины. У тебя хороший учитель, Яэмон-сама. – Взгляд ее старческих глаз перебежал на Торанагу. – Господин Торанага – самый терпеливый человек в стране.

– Терпение важно для мужчины и необходимо для вождя, – изрек Торанага. – И жажда знаний также хорошее качество, да, Яэмон-сама? А знания порой приходят из незнакомых мест.

– Да, дядя. О да, – подхватил Яэмон. – Он прав, не так ли, первая мама?

– Да-да, я согласна. Но я рада, что мне, женщине, не нужно беспокоиться о таких вещах, не правда ли? – Ёдоко обняла мальчика, который перебрался к ней поближе. – Да, сын мой. Почему я здесь? Я пришла за кампаку. Потому что поздно, кампаку пора есть и заняться письмом.

– Я не люблю писать, и я хотел поплавать!

Торанага произнес с напускной важностью:

– В твоём возрасте я тоже ненавидел письмо. Но потом, когда мне было уже двадцать лет, я должен был бросить воевать и вернуться в школу. И возненавидел его еще больше.

– Вернулись в школу, дядя? После того, как ушли из нее? О, как ужасно!

– Вождь должен уметь хорошо писать, Яэмон-сама. Не только понятно, но и красиво, а кампаку – лучше кого бы то ни было. Как еще можно писать его императорскому величеству или великим даймё? Вождь должен уметь делать много трудных вещей!

– Да, дядя. Очень трудно быть кампаку. – Яэмон важно нахмурился. – Думаю, лучше мне учиться сейчас, а не в двадцать лет, потому что тогда у меня будут более важные государственные дела.

Они все очень гордились им.

– Ты очень умный, сын мой, – похвалила Ёдоко.

– Да, первая мама. Я мудр, как мой отец, так говорит моя мать. Когда она вернется домой?

Ёдоко подняла глаза на Торанагу:

– Скоро.

– Надеюсь, что очень скоро, – подхватил Торанага. Он знал, что Ёдоко прислал за мальчиком Исидо. Торанага привел наследника и его охрану прямо в сад, чтобы еще больше разозлить врага. А также чтобы первым показать мальчику иностранного капитана, лишив Исидо этого удовольствия.

– Очень тяжело нести ответственность за моего сына, – вздохнула Ёдоко. – Вот если бы госпожа Отиба была снова дома, в Осаке, тогда я могла бы вернуться в храм, правда? Как она и госпожа Гэндзико?

– Они обе в добром здравии, – сообщил Торанага, ликуя в душе.

Девять лет назад тайко в неожиданном приступе дружеских чувств предложил ему жениться на госпоже Гэндзико, младшей сестре госпожи Отибы, его любимой наложницы. «Тогда наши дома навеки объединятся, правда?» – сказал тайко. «Да, господин. Я повинуюсь, хотя и не заслужил такой чести», – ответил Торанага с почтением. Он хотел породниться с тайко, но знал, что если Ёдоко, жена тайко, может, и одобрит этот союз, то госпожа Отиба, ненавидящая его, Торанагу, использует все свое огромное влияние на тайко, чтобы воспрепятствовать браку. Было бы разумней избежать женитьбы на сестре госпожи Отибы еще и потому, что это дало бы ей огромную власть над ним и – не последнее дело – доступ к его состоянию. Но если бы она была отдана замуж за его сына Судару, тогда Торанага как глава рода сохранил бы в своих руках всю власть. Потребовалось все его искусство, чтобы свести дело к женитьбе Судары на Гэндзико, и, когда это произошло, Гэндзико оказалась для него бесценным даром как защита от госпожи Отибы, потому что та обожала сестру.

– Моя невестка еще не разродилась. Ожидалось, что роды начнутся вчера, но я думаю, что, как только опасность пройдет, госпожа Отиба немедленно вернется.

– После трех девочек Гэндзико пора бы подарить вам внука, не так ли? Я буду молиться о его рождении.

– Благодарю вас, – отозвался Торанага, симпатизируя ей, как всегда, зная, что она говорит искренно, хотя он не представлял ничего, кроме угрозы, ее дому.

– Я слышала, ваша госпожа Садзуко беременна?

– Да. Я очень счастлив. – Торанага почувствовал, как радостно стало на душе при мысли о его последней наложнице, ее молодости, силе и теплоте. «Я надеюсь, у нас родится сын, – сказал он себе. – Да, это было бы очень хорошо. Семнадцать лет – прекрасный возраст для того, чтобы родить первого ребенка, тем более с ее здоровьем». – Да, я очень счастлив.

– Будда благословил вас. – Ёдоко почувствовала укол зависти. Казалось нечестным, что у Торанаги пять взрослых сыновей, четыре дочери и уже пять внуков, да еще ребенок Садзуко вот-вот появится на свет. Имея несколько наложниц, он успеет обзавестись множеством сыновей, ведь ему предстоит прожить еще немало полноценных лет. А все ее надежды сосредоточились на единственном семилетнем мальчике, ее ребенке наравне с госпожой Отибой. «Да, он также и мой сын, – подумала она. – Как я ненавидела Отибу вначале...»

Она увидела, что все смотрят на нее, и вздрогнула:

– Да?

Яэмон нахмурился:

– Я спросил, можем ли мы пойти делать уроки, первая мама? Я два раза вас спросил.

– Извини, сын мой, я отвлеклась. Вот что случается, когда стареешь. Да, тогда пошли.

Кири помогла ей подняться, Яэмон побежал впереди. Серые уже встали, один из них поймал наследника и заботливо посадил себе на плечи. Четверо самураев, которые сопровождали Ёдоко, ждали отдельно.

– Пройдитесь со мной немного, господин Торанага, пожалуйста. Мне нужно опереться на чью-нибудь сильную руку.

Торанага с удивительной живостью вскочил на ноги. Она взяла его за руку, но не оперлась на нее.

– Да, мне нужна сильная рука, Яэмону тоже. Да и стране.

– Я всегда готов служить вам, – отозвался Торанага.

Когда они удалились от остальных, Ёдоко спокойно произнесла:

– Становитесь единовластным регентом. Возьмите власть и правьте сами. До тех пор, пока Яэмон не вырастет.

– Завещание тайко запрещает это, даже если бы я и хотел, чего на самом деле нет. Ограничения, которые он наложил в завещании,

исключают захват власти одним регентом. Я не стремлюсь к единовластию. Я никогда не стану единственным регентом.

– Тора-тян, – начала она, используя прозвище, которое дал ему тайко много лет назад, – между нами мало секретов. Вы можете сделать это, если пожелаете. Я говорю и за госпожу Отибу. Возьмите власть до конца своей жизни. Станьте сёгуном и делайте...

– Госпожа, то, что вы говорите, – это измена. Я не стремлюсь стать сёгуном.

– Конечно, но, пожалуйста, послушайте меня в последний раз. Станьте сёгуном и сделайте Яэмона единственным наследником – вашим единственным наследником. Он может быть сёгуном после вас. Разве он не ведет свое происхождение от Фудзимото – через госпожу Отибу назад до ее деда Города и через него еще дальше в древность? Фудзимото!

Торанага посмотрел на нее в сомнении:

– Вы думаете, даймё согласится с подобным и его императорское величество, Сын Неба, может утвердить назначение?

– Нет. Не для самого Яэмона. Но если бы вы стали сёгуном и усыновили его, то смогли бы убедить их, всех их. Мы поддержим вас, госпожа Отиба и я.

– Она согласна? – удивился Торанага.

– Нет. Мы никогда не обсуждали этого. Это моя идея. Но она согласится. Я отвечаю за нее. Заранее.

– Это невозможно, госпожа.

– Вы можете управлять Исидо и всеми ими. Вы всегда могли. Я боюсь, Тора-тян, того, что слышала. Поговаривают о войне, о расколе и начале новых темных веков. Стоит огню войны вспыхнуть, как он будет полыхать вечно и поглотит Яэмона.

– Да, я тоже так считаю. Да, если война начнется, она будет последней и нескончаемой.

– Тогда возьмите власть! Делайте что хотите, с кем хотите и как хотите. Яэмон – хороший мальчик. Я знаю, вы любите его. У него ум отца, и, если вы станете направлять его, мы все только выиграем. Он должен получить свое наследство.

– Я не возражаю против него или его преемников. Сколько раз я это должен говорить?

– Наследник будет уничтожен, если вы его не поддержите самым решительным образом.

– Я поддерживаю его! – проворчал Торанага. – Всеми силами. В этом я согласен с тайко, вашим последним мужем.

Ёдоко вздохнула и плотнее запахнула свое одеяние:

– Эти старые кости простужены. Так много тайн, войн, предательств, смертей и побед, Тора-тян. Я только женщина, и очень одинокая. Я рада, что посвятила себя Будде и своей следующей жизни. Но в этой я должна защитить своего сына и сказать вам это. Надеюсь, вы простите мою дерзость.

– Я всегда радуюсь вашим советам и ищу их.

– Спасибо. – Ее спина немного распрямилась. – Послушайте, пока я жива, ни наследник, ни госпожа Отиба не пойдут против вас.

– Да.

– Вы учтете мое предложение?

– Последняя воля моего господина запрещает это. Я не могу идти против священных клятв, которые принес как регент.

Они шли в молчании. Потом Ёдоко вздохнула:

– Почему бы вам не взять ее в жены?

Торанага остановился:

– Отибу?

– Почему нет? Это был бы вполне достойный выбор. Совершенный выбор для вас. Она красива, молода, крепка, благородной крови – в родстве с Фудзимото и Миновара, она полна солнца и очень жизнерадостна. У вас сейчас не имеется законной жены – так почему нет? Это обеспечит преемственность власти и предотвратит раскол в стране. От нее у вас наверняка будут еще сыновья. Яэмон унаследует титул после вас, за ним – его сыновья или другие ее сыновья. Вы можете стать сёгуном. Вы обретете власть над страной и власть отца, так что сумеете подготовить Яэмона к выбранному вами пути. Вы усыновите его законным порядком, и он станет одним из ваших детей. Почему вам не жениться на госпоже Отибе?

«Потому что она дикая кошка, вероломная тигрица с лицом и телом богини, которая думает, что она супруга императора, и ведет себя соответственно, – признался себе Торанага. – Ты никогда не сможешь доверять ей в постели. Она была бы хуже иголки в глазу. Разве уснешь спокойно, когда такая лелеет твой сон? О нет, только не она! Даже если

жениться на ней ради одного имени, на что она никогда не согласится. О нет! Это невозможно! По многим причинам, не последняя из которых – то, что она ненавидит меня и ждет моего поражения, моего и моего дома, все время с тех пор, как родила первый раз, одиннадцать лет назад.

Даже тогда, в семнадцать лет, она пожертвовала собой, чтобы погубить меня. Да, такая мягкая внешне, как первый летний персик, и столь же душистая. Но внутри – это сталь, какая идет на боевые мечи. У нее мозг игрока в го. Она пускает в ход все свое обаяние, быстро сведшее с ума тайко и отвратившее его от всех остальных женщин. Да, она сразу покорила тайко – ей было тогда пятнадцать, и он впервые ввел ее в свой дом. Да, и не забывай, что на самом деле это она соблазнила его, а не он ее, хотя тайко очень верил в себя. Да, даже в пятнадцать Отиба знала, чего хочет и как этого добиться. Потом случилось чудо, подарившее наконец сына тайко. Именно ей, одной из всех женщин, которых он имел в своей жизни, удалось родить ему сына. Скольких женщин он имел? По крайней мере сто. Этот удалец оросил своим отрадным соком больше „божественных палат“, чем десять обычных мужчин! Да. И ни одна из этих женщин всех возрастов и сословий, жен или наложниц, начиная с принцессы Фудзимото и кончая куртизанками четвертого класса, не понесла, хотя позже те, кого он выгнал, с кем расторг брак, кто снова вышел замуж после его смерти, беременели от других мужчин. Ни одна, кроме госпожи Отибы.

Она родила ему сына, когда тайко было пятьдесят три года, бедное маленькое существо, быстро заболевшее и умершее. Тайко рвал на себе одежды, чуть не сошел с ума от горя, проклинал себя, но не ее. Потом, спустя четыре года, она чудесным образом снова разрешилась от бремени, и, что удивительно, снова сыном, на сей раз здоровым, ей тогда шел двадцать первый год. Отиба Бесподобная называл ее тайко.

Отец ли тайко Яэмону или нет? О, я много бы отдал, чтобы знать правду. Узнаем ли мы когда-нибудь? Возможно, нет, но чего бы я только ни отдал за доказательство того или иного.

Странно, что тайко, такой проникательный во всем остальном, лишился этого качества рядом с Отибой, любя ее и Яэмона до безумия. Странно, что из всех женщин матерью его наследника должна была стать именно она, она, чей отец, отчим и мать погибли по вине тайко.

Неужели ей хватило ума переспать с другим мужчиной, зачать от него, а потом уничтожить любовника, чтобы обезопасить себя? И не один раз, а дважды?

Могла ли она быть так вероломна? О да.

Жениться на Отибе? Никогда!»

– Я польщен тем, что вы сделали мне такое предложение, – поклонился Торанага.

– Вы мужчина, Тора-тян. Вы с легкостью управитесь с такой женщиной. Вы единственный мужчина в стране, который способен на такое, правда? Она удивительная партия для вас. Посмотрите, как она, беззащитная женщина, борется за интересы своего сына. Она достойная жена для вас.

– Не думаю, что она когда-нибудь думала о таком.

– А если думала?

– Я бы хотел знать это. Тайно. Да, это была бы безмерная честь для меня.

– Многие люди считают, что только вы стоите между Яэмоном и его будущим.

– Многие люди глупы.

– Да. Но не вы, Торанага-сама. И не госпожа Отиба.

«И не вы, моя госпожа», – подумал он.

Глава 18

В самое темное время ночи через стену в сад проник убийца. Облегающая тело черная одежда, черные таби, черный капюшон и черная маска делали его почти невидимкой. Этот человек небольшого роста бесшумно пробежал к каменному укреплению внутри сада и остановился около отвесной стены. В пятидесяти ярдах от него двое коричневых охраняли главный вход. Очень ловко убийца метнул вверх обмотанный тряпками крюк, от которого тянулась тонкая шелковая веревка. Крюк зацепился за каменный карниз амбразуры. Убийца поднялся по веревке, протиснулся в щель амбразуры и исчез внутри.

Пустынный коридор освещался свечами. Убийца бесшумно спустился вниз, открыл наружную дверь и вышел на зубчатую стену. Еще один искусный бросок, стремительное восхождение по стене – и он оказался в коридоре наверху. Часовые, которые стояли на углах зубчатой стены, не услышали его, хотя и были настороже.

Когда мимо проходили стражи в коричневых кимоно, он плотно вжался в нишу. После этого убийца проскользнул по переходу. У угла он остановился. Молча огляделся. Дальняя дверь охранялась самураем. Пламя свечей колебалось в тишине. Часовой сидел, скрестив ноги, вот он зевнул, привалился к стене и вытянулся. Его глаза на минуту закрылись. Убийца мгновенно кинулся вперед. Беззвучно. Сделав петлю из шелковой веревки, которая все еще была у него в руках, он накинул удавку на шею часового и резко затянул. Пальцы часового попытались схватить и оттянуть петлю, но он уже умирал. Короткий удар ножом между ребер, нанесенный с искусством хирурга, – и часовой замер.

Убийца открыл дверь. Зал для аудиенций был пуст, внутренние двери не охранялись. Он втоптал труп внутрь и закрыл за собой дверь. Без колебаний пересек комнату, выбрал левую внутреннюю дверь. Она была сделана из дерева и хорошо укреплена. В его правую руку словно сам собой скользнул изогнутый нож. Он тихонько постучал.

– «В дни императора Сиракавы...» – произнес он первую часть пароля.

С другой стороны двери донесся лязг обнажаемого меча и ответ:

– «...жил мудрец по имени Энряку-дзи...»

– «...который написал тридцать пятую сутру». У меня срочные послания для господина Торанаги.

Дверь распахнулась, и убийца нанес удар. Нож взметнулся вверх, вонзился в горло первого самурая ниже подбородка, выскользнул из раны и молниеносно поразил в гортань второго стража. Легкий поворот – и нож снова на свободе. Оба часовых умерли, еще не успев упасть. Убийца подхватил одного и дал ему мягко опуститься на пол. Другой упал, но бесшумно. Возле распростертых тел растекалась кровь.

Убийца заторопился вниз по внутреннему, плохо освещенному переходу. В это время открылись сёдзи. Он замер, медленно оглядываясь.

На него удивленно смотрела Кири, застывшая в десяти шагах с подносом в руках.

Он заметил, что две чашки на подносе полные, еда в них не тронута. Из чайника шел пар. Сбоку потрескивала свеча. Тут поднос упал, рука женщины скользнула за оби и выхватила оттуда кинжал, рот ее открывался, но не издавал ни звука, и убийца бросился в угол. Открылась дальняя дверь, выглянул заспанный самурай.

Убийца метнулся к нему и рванул сёдзи справа, куда и стремился. Кири закричала, поднялась тревога, а он уверенно неся в темноте, через переднюю, мимо просыпающихся женщин и их служанок, во внутренний коридор в дальнем конце дома.

Здесь была тьма крошечная, но он ощупью продвигался вперед, безошибочно находя нужную дверь в воцарившейся суматохе. Он открыл дверь и прыгнул на человека, лежавшего на футоне. Но его руку, державшую нож, сжало, словно тисками, и он был вынужден схватиться врукопашную на полу. Он дрался очень умело, вырвался, опять занес нож для удара, но промахнулся, запутавшись в одеяле. Убийца откинул толстый стеганный покров и бросился на жертву, изготовившись для смертельного удара. Но жертва развернулась с неожиданной ловкостью и сильно пнула его в пах. Боль взорвалась в убийце, а тот, на кого он покушался, отскочил на безопасное расстояние.

К тому времени в дверях уже столпились самураи, некоторые с фонарями. Нага, в одной набедренной повязке, с взъерошенными волосами, прыгнул между убийцей и Блэкторном, высоко подняв меч:

– Сдавайся!

Убийца отскочил назад, крикнул:

– *Наму Амида Буцу!* (Во имя Будды Амиды!) – повернул нож острием к себе и обеими руками вогнал его в свое горло ниже подбородка. Хлынула кровь, он опустился на колени. Нага сразу нанес удар. Его меч, пронесшись вихрем, описал дугу, и голова убийцы покатилась по полу.

В наступившей тишине Нага поднял голову и сорвал с нее маску. Лицо было обычным, глаза еще мигали. Волосы были уложены как у самурая, и Нага держал голову за узел на макушке.

– Кто-нибудь знает его?

Никто не ответил. Нага плюнул в мертвое лицо, сердито бросил голову одному из своих людей, сорвал с убийцы одежду, поднял его правую руку и нашел то, что искал. Маленькая татуировка – китайский иероглиф, обозначающий Амиду, особую ипостась Будды, – была наколота под мышкой.

– Кто командир стражи?

– Я, господин. – Сказавший это был смертельно бледен.

Нага прыгнул на него, остальные расступились. Командир часовых не сделал попытки уклониться от яростного удара меча, который отрубил ему голову, часть плеча и одну руку...

– Хаябуса-сан, прикажи всем самураям этого караула спуститься во двор, – бросил Нага одному из начальников. – Удвой караулы. Убери отсюда тела. Все остальные... – Он не договорил – к двери подошла Кири, все еще с кинжалом в руке. Она взглянула на труп, потом на Блэкторна.

– Андзин-сан не пострадал? – спросила она.

Нага взглянул на человека, который возвышался над ним, тяжело дыша. На чужеземце не было видно ни ран, ни крови. Просто заспанный человек, которого едва не убили. Лицо бледное, но внешне спокойное, не искаженное страхом.

– Вы не пострадали, капитан?

– Я не понимаю.

Нага подошел и стянул с капитана ночное кимоно, чтобы посмотреть, не ранен ли тот.

– А, теперь понял. Нет. Не ранен, – услышал он слова гиганта и увидел, как тот качает головой.

– Хорошо, – произнес Нага. – Кажется, он не пострадал, Кирицубо-сан.

Он увидел, как Андзин-сан показывает на труп и что-то говорит.

– Я не понимаю вас, – ответил Нага. – Андзин-сан, вы останетесь здесь. – И он приказал одному из своих людей: – Принеси ему еды и воды, если захочет.

– У этого убийцы татуировка Амиды, да? – спросила Кири.

– Да, госпожа Кирицубо.

– Дьяволы, дьяволы.

– Да. – Нага поклонился ей, потом посмотрел на одного из испуганных самураев. – Пойдешь со мной. Возьми голову! – И он направился прочь, гадая, что скажет отцу. «О Будда, благодарю тебя за то, что хранишь моего отца!»

– Он был ронин, – бросил Торанага. – Ты никогда не узнаешь, откуда он, Хиромацу-сан.

– Да. Но за этим стоит Исидо. У него нет чести, раз пошел на такое. Использовать эти отбросы, наемных убийц! Пожалуйста, я прошу вас, позвольте мне прямо сейчас вызвать наши войска. Я прекращу это раз и навсегда.

– Нет. – Торанага повернулся к Наге. – Ты уверен, что Андзин-сан не пострадал?

– Уверен, господин.

– Хиромацу-сан! Ты разжалуешь всех часовых из этого караула за невыполнение ими своих обязанностей. Им запрещено совершать сэппуку. Пусть живут с клеймом позора на глазах всех моих людей как воины самого низкого ранга. Мертвых часовых протащите за ноги через замок и весь город до места казней. Пусть их едят собаки.

Отдав распоряжения, он посмотрел на своего сына Нагу. Несколько часов раньше в тот вечер пришло срочное сообщение из монастыря Дзёдзи в Нагое об угрозе Исидо относительно Наги. Торанага сразу приказал сыну не выходить из дома и приставил к нему стражу, а заодно и к другим членам семьи, сопровождавшим его в Осаку, – Кири и Садзуко. В своем послании настоятель советовал немедленно освободить мать Исидо и отослать ее обратно со служанками: «Я не осмеливаюсь подвергать опасности жизнь ваших славных

сыновей таким глупым образом. Хуже того, госпожа нездорова. Она простужена. Лучше ей умереть в своем собственном доме, а не здесь».

– Нага-сан, ты в равной мере ответствен за то, что убийца проник сюда, – объявил Торанага, его голос был холоден и горек. – Каждый самурай ответствен, независимо от того, стоял ли он на страже, спал или проснулся. Ты лишен половины годового дохода.

– Да, господин, – ответил юноша, удивленный, что ему хоть что-то оставили, в том числе и голову. – Пожалуйста, понизьте в звании и меня, – попросил он. – Я не могу жить с таким позором. Я не заслуживаю ничего, кроме презрения, за мою провинность, господин.

– Если бы я хотел этого, так бы и сделал. Приказываю тебе немедленно выехать в Эдо. Ты отправишься с двадцатью людьми сегодня же ночью и сообщишь все своему брату. Поторопись! – Нага поклонился и вышел, побледнев. Хиромацу Торанага велел так же грубо: – Увеличь в четыре раза мою охрану. Отмени охоту, назначенную на сегодня и завтра. После встречи регентов я в тот же день покидаю Осаку. Ты сделаешь все приготовления, а до того времени я останусь здесь. Не буду встречаться ни с кем без приглашения. Ни с кем. – Он сердито махнул рукой, отсылая всех. – Ступайте! Хиромацу, а ты останься.

Комната опустела. Хиромацу был рад, что его решили не наказывать прилюдно, хотя он, как командир охраны, провинился больше всех.

– Мне нет прощения, господин. Никакого.

Торанага задумался. Гнев угас.

– Если бы ты хотел нанять секретным образом кого-нибудь из секты Амиды Тонга, как бы стал искать этих людей? Как бы ты вышел на них?

– Не знаю, господин.

– Кто знает?

– Касиги Ябу.

Торанага выглянул в амбразуру. Слабые проблески рассвета обозначились в темноте на востоке.

– Приведи его сюда на заре.

– Думаете, он виноват?

Торанага не ответил, он снова о чем-то размышлял.

Старый воин наконец не выдержал молчания:

– Пожалуйста, господин, позвольте мне уйти. Я так виноват!

– Такую попытку почти невозможно предотвратить, – заметил Торанага.

– Да. Но нам следовало поймать его снаружи, а не около вас.

– Согласен. Но я не считаю тебя ответственным.

– Я сам считаю себя виноватым. Вот что я должен сказать, господин, ибо я отвечаю за вашу безопасность, пока вы не вернетесь в Эдо. Покушения повторятся, все наши лазутчики сообщают о передвижениях войск. Исидо собирает силы.

– Да, – признал Торанага небрежно. – После Ябу я хочу поговорить с Цукку-саном, потом с Марико-сан. Удвой охрану Андзин-сана.

– Ночью пришло сообщение, что господин Оноси отрядил сто тысяч человек на ремонт укреплений на Кюсю, – известил Хиромацу, поглощенный тревогами о безопасности Торанаги.

– Я спрошу его об этом, когда мы встретимся.

Терпение Хиромацу лопнуло.

– Я совсем не понимаю вас. Должен сказать, что вы глупо рискуете. Да, глупо. Я не беспокоюсь о том, отрубите ли вы мне голову за такие слова, но это правда. Если Кияма и Оноси примкнут к Исидо, вам будет предъявлено обвинение! Вы мертвец, вы рискуете всем, вы погибли! Уезжайте, пока можете! По крайней мере, сохраните голову на плечах!

– Я пока еще вне опасности.

– Разве это нападение сегодня ночью ничего не значит? Если вы не поменяете комнату, считайте себя убитым.

– Может, ты и прав, а может, нет, – возразил Торанага. – Сегодняшней ночью, да и прошлой, мои двери стерегло много часовых. И ты также был на страже. Ни один убийца не мог оказаться около меня. Даже этот, хотя он был хорошо подготовлен. Он знал дорогу и условные слова. Кири-сан слышала, как он называл их. Так что, думаю, он знал, в какой я комнате. Но не я был ему нужен. Ему понадобился Андзин-сан.

– Чужеземец?

– Да.

Торанага считал, что варвару после всех необычных происшествий этого утра все еще угрожает опасность. Очевидно, Андзин-сан слишком мешал кому-то, чтобы оставить его в живых. Но Торанага не

предполагал, что нападение произойдет так быстро и под его кровом. «Кто предал меня?» Он отбросил возможность того, что сведения ушли через Кири или Марико. «Нет, в замках и садах всегда устраивают особые места для подслушивания, – подумал он. – Я в центре вражеской крепости, и там, где у меня один шпион, Исидо и другие имеют двадцать. Может быть, это был просто лазутчик».

– Удвой охрану Андзин-сана. Он стоит дороже десяти тысяч других людей.

После ухода госпожи Ёдоко в то утро он вернулся в сад, к чайному домику, и сразу заметил, как слаб Андзин-сан, как лихорадочно блестят его глаза, какой измученный у него вид. Поэтому Торанага подавил нетерпение, побуждавшее его расспрашивать дальше, и отпустил Блэкторна, сказав, что завтра они продолжат. Андзин-сан был отдан на попечение Кири с наказом отвести его к лекарю, чтобы восстановил силы, дать ему пищу чужеземцев, если захочет, и даже пустить его в спальню, которой пользовался сам Торанага.

– Дай ему все, что ты сочтешь нужным, Кири-сан, – прошептал он. – Он мне скоро понадобится, в добром здравии и крепкий рассудком.

Андзин-сан попросил выпустить из тюрьмы монаха, сегодня же, ибо тот стар и болен. Торанага ответил, что подумает, и отослал чужеземца, не сказав, что уже отправил самураев за францисканцем, который, может быть, в равной мере нужен и ему, и Исидо.

Торанага давно знал об испанском священнике, повздорившем с португальцами. Но монах оказался в тюрьме по приказу тайко и был узником тайко, а Торанага не имел права судить и миловать в Осаке. Отправляя Андзин-сана в тюрьму, он не только преследовал цель внушить Исидо, что чужеземец не имеет для него никакого значения, но и надеялся, что любознательный мореплаватель получит от монаха какие-нибудь сведения.

Первая неудачная попытка убить Андзин-сана в тюрьме была отбита, и сразу же вокруг него выставили защиту. Торанага наградил своего вассала, шпиона Минукуя, носильщика-кага, выручив его из тюрьмы, отдав под его начало четырех своих кага и пожаловав наследственное право зарабатывать переноской грузов на Токайдо, тракте, соединяющем Эдо и Осаку, между второй и третьей станциями^[29], которые находились в вотчине Торанаги, около Эдо, и

тайно отослал его из Осаки в тот же день. В последующие дни другие шпионы сообщили, что варвары подружились, монах разговорился, а Андзин-сан задает вопросы и слушает. То обстоятельство, что Исидо, возможно, тоже имеет шпионов в тюрьме, не беспокоило Торанагу. Андзин-сан под защитой и в безопасности. И тут Исидо неожиданно попытался похитить капитана по совету своих союзников.

Торанага вспомнил, с каким удовольствием он и Хиромацу готовили «нападение разбойников». Эти «ронины» принадлежали к числу его собственных отборных самураев, небольшие отряды которых тайно проникли в Осаку и ее окрестности. Они удачно подгадали время появления Ябу, который, сам того не подозревая, сыграл роль «спасителя». То-то посмеялись Торанага и Хиромацу над Ябу, которого снова использовали как марионетку, чтобы утереть нос Исидо его собственным дерьмом.

Все шло хорошо. До сегодняшнего дня.

Сегодня самурай, посланный за монахом, вернулся ни с чем.

– Священник мертв, – сказал он. – Когда назвали его имя, он не вышел, господин Торанага. Я отправился за ним, но он уже испустил дух. Заключенные сказали, что, когда тюремщик выкликнул его имя, он еще был в агонии. Но когда я перевернул его, он не выказал признаков жизни. Пожалуйста, извините меня, я был послан за ним, но не смог выполнить ваш приказ. Я не знал, нужна ли будет его голова или голова вместе с телом, учитывая, что он чужеземец, поэтому принес тело с головой. Некоторые из преступников обращены им в христианство. Они не хотели отдавать труп, поэтому мне пришлось убить несколько человек. Он воняет и завшивлен, но я положил его во дворе, господин.

«Почему умер монах?» – спрашивал себя Торанага снова и снова. Потом заметил, что Хиромацу вопрошающе смотрит на него.

– Да?

– Я только спросил, кто желает смерти капитана.

– Христиане.

На рассвете Касиги Ябу шел за Хиромацу по коридору в самом приподнятом состоянии духа. Приятный солоноватый запах, который примешивался к дыханию бриза, напомнил ему родной город Мисиму. Он был рад, что наконец встретится с Торанагой, что ожидание

закончилось. Ябу вымылся и оделся с большой тщательностью. Написал прощальные письма жене и матери, положил на видном месте запечатанное завещание на случай, если разговор с Торанагой окончится для него плохо. Сегодня он прихватил клинок Мурасама в побитых, прошедших несколько сражений ножнах.

Они повернули в другой коридор. Хиромацу неожиданно открыл окованную железом дверь и стал подниматься по каменным ступеням в наиболее удаленную и укрепленную часть башни, призванную служить последним убежищем для осажденных. Здесь часовые попадались чуть ли не на каждом шагу, и Ябу почуял опасность.

Витки лестницы вывели их наверх, в неприступную цитадель. Часовые открыли железную дверь. Он вышел на зубчатую стену. «Хиромацу велел, чтобы меня сбросили, или мне прикажут прыгнуть самому?» – спросил он себя без страха.

К удивлению Ябу, Торанага встречал его наверху и, что невероятно, поднялся, чтобы приветствовать гостя, радостно и уважительно, чего он, Ябу, никак не мог ожидать, ибо Торанага был господином Восьми Провинций, а он – всего лишь хозяином Идзу. Заботливая рука разложила подушки на камне. Под шелковой салфеткой стоял чайник. Богато одетая молодая женщина с квадратным лицом, не очень красивая, низко поклонилась. Это была Садзуко, седьмая законная наложница Торанаги, самая молодая, на позднем сроке беременности.

– Как приятно видеть вас, Касиги Ябу-сан. Извините, что заставил ждать.

Ябу окончательно уверился, что Торанага решил отрубить ему голову, ведь каждому известно: враг никогда не бывает учтивее, чем когда замышляет или уже замыслил ваше убийство. Он снял оба своих меча, положил на каменные плиты, позволил увести себя от них и усадить на почетное место.

– Я думал, вам будет приятно полюбоваться рассветом, Ябу-сан. Мне кажется, вид здесь исключительный – даже лучше, чем с главной башни наследника. Не так ли?

– Да, красиво, – сказал Ябу без заминки. Он еще никогда не был в замке на такой высоте и воспринял замечание Торанаги о наследнике как намек на то, что его тайные сношения с Исидо известны. – Я горжусь, что мне позволено разделить это зрелище с вами.

Перед ними лежали спящий город, и гавань, и остров Авадзи на западе; на востоке береговая линия понижалась, здесь небо светилось ярче, окрашивая подбрюшья облаков в малиновый цвет.

– Это моя госпожа Садзуко. Садзуко, это мой союзник, знаменитый господин Касиги Ябу из Идзу, даймё, который преподнес нам чужестранца и корабль с сокровищами!

Она поклонилась и произнесла обычные слова приветствия. Ябу ответил поклоном, а она снова согнула стан. Садзуко предложила гостю чашку чая, но тот вежливо отклонил эту честь, начиная ритуал, и попросил отдать чашку Торанаге, который отказался, настаивая, чтобы ее принял Ябу. В конце концов, продолжая церемонию, гость позволил убедить себя. Хиромацу взял вторую чашку, его шишковатые, заскорузлые пальцы с трудом держали хрупкий фарфор, другая рука обхватывала рукоятку меча, лежащего на колене. Торанага взял третью чашку и выпил свой зеленый чай, после чего они все вместе предались созерцанию природы и наблюдали рассвет. В молчании неба.

Чайки подняли крик. Зашумел, пробуждаясь, город. Рождался день.

Госпожа Садзуко вздохнула, ее глаза наполнились слезами.

– Я чувствую себя богиней на этой высоте, откуда открывается столько прекрасного. Печально, что все это проходит безвозвратно, господин. Так печально, да?

– Да, – признал Торанага.

Когда солнце наполовину показалось над горизонтом, она поклонилась и ушла. К удивлению Ябу, охрана также покинула их. Теперь они остались втроем.

– Я рад, что получил от вас такой подарок, Ябу-сан. Это было очень великодушно – подарить мне корабль и все его содержимое, – изрек Торанага.

– Что бы я ни имел, все это ваше, – произнес Ябу, еще находившийся под впечатлением рассвета. «Хотел бы я иметь побольше времени, – подумал он. – Какой изящный замысел – сделать мне такой подарок, показать конечность безмерного». – Благодарю вас за этот рассвет.

– Да, – подтвердил Торанага, – это мой подарок. Я рад, что он доставил вам такое же удовольствие, какое я получил от вашего дара.

Наступило молчание.

– Ябу-сан, что вы знаете о секте Амиды Тонга?

– Только то, что знает большинство людей. Это секретное общество десяти, ячейки из десяти человек – вожак и девять, не более, последователей в одной местности, женщин и мужчин. Они приносят самые святые и сокровенные обеты Будде Амиде, проповеднику вечной любви, клянясь в послушании, целомудрии и смерти, и всю свою жизнь готовятся послужить совершенным орудием одного убийства, чтобы отнять жизнь по приказу своего руководителя. А если терпят неудачу – если им не удастся убить выбранного человека, будь то мужчина, женщина или ребенок, – они сразу отдают свою собственную жизнь. Они религиозные фанатики, которые уверены, что из этой жизни прямиком отправятся в царство Будды. Ни один из них не был пойман живым. – Ябу слышал о покушении на жизнь Торанаги. К этому времени уже вся Осака знала, что господин Канто, Восьми Провинций, надежно заперся в клетке из стали. – Они убивают редко и умеют хранить тайну. Нет никакой возможности им отомстить, потому что никто не ведает, кто они, где живут или где проходят обучение.

– Если бы вы хотели нанять одного из них, как бы вышли на него?

– Я бы шепнул словечко кому-нибудь в трех местах – в Хэйнанском монастыре, у ворот храма Амиды и в монастыре Дзёдзи. Если вы будете признаны приемлемым заказчиком, в течение десяти дней на вас выйдут через посредников. Это все так засекречено и умно устроено, что вы при всем желании не сможете их выдать или поймать. На десятый день они запросят деньги, серебро. Сумма зависит от того, какого человека нужно убить. Они не торгуются, вы платите то, что они запросят, сразу. Они обещают только, что один из членов их ячейки попытается убить нужного вам человека в течение десяти дней. Существует легенда, если покушение проходит удачно, убийца возвращается в храм и там в ходе большой церемонии совершает ритуальное самоубийство.

– Вы думаете, мы никогда не найдем тех, кто заплатил за сегодняшнее покушение?

– Нет.

– Вы полагаете, возможно другое?

– Может быть. А может быть, и нет. Они берутся совершить одно покушение, так? Но вы благоразумно позаботились о своей безопасности – как среди ваших самураев, так и среди ваших женщин

нет предателей. Женщины из секты Амиды учатся пользоваться ядами, а также ножом и удавкой, как говорят.

– Вы когда-нибудь нанимали их?

– Нет.

– А ваш отец?

– Я не знаю, не наверняка. Мне говорили, что тайко просил его однажды связаться с ними.

– Покушение было успешным?

– Все, что делал тайко, удавалось. Так или иначе.

Ябу почувствовал, что кто-то стоит за ним, и предположил, что это тайно вернулась стража. Он прикинул расстояние до своих мечей. «Попытаться убить Торанагу? – спросил он себя. – Я было решился, а теперь не знаю. Я уже не тот. Почему?»

– Сколько бы вам пришлось заплатить им за мою голову? – осведомился Торанага.

– Все серебро Азии не соблазнило бы меня нанять их на такое дело.

– А что должен был бы заплатить кто-то другой?

– Двадцать тысяч коку, пятьдесят тысяч, сто, может быть, и больше – я не знаю.

– Вы бы заплатили сто тысяч коку, чтобы стать сёгуном? Ваша родословная восходит к клану Такасима, так ведь?

Ябу гордо парировал:

– Я бы не заплатил ничего. Деньги – грязь, игрушка для женщин или полных дерьма торгашей. Но если бы было возможно невозможное, то я бы отдал собственную жизнь и жизни жены, матери и всех детей, за исключением моего единственного сына, а также жизни всех моих самураев в Идзу и всех их женщин и детей, чтобы побыть сёгуном один день.

– А что бы вы отдали за Восемь Провинций?

– Все то же, кроме жизни моей жены, матери и сына.

– А за провинцию Суруга?

– Ничего, – процедил Ябу с презрением. – Икава Дзикю ничего не стоит. Если я не получу его голову и головы всего его потомства в этой жизни, я добьюсь этого в другой.

– А если бы я отдал его вам? И всю провинцию Суруга, а может быть, и еще одну – Тотоми?

Ябу внезапно устал от этой игры в кошки-мышки и разговора об Амиде.

– Вы решили взять мою голову, господин Торанага? Очень хорошо, я готов. Благодарю вас за рассвет. Но я не хочу портить такой красивый жест дальнейшим разговором, так что давайте приступим к делу.

– Но я не решил взять вашу голову, Ябу-сан, – возразил Торанага. – Откуда у вас такая мысль? Враг влил вам яд в уши? Может быть, Исидо? Разве вы не мой самый близкий союзник? Полагаете, я бы остался с вами здесь без охраны, если бы думал, что вы мне враг?

Ябу медленно повернулся. Он ожидал увидеть позади себя самурая с мечом наготове. Но за спиной никого не было. Он оглянулся на Торанагу:

– Я не понял.

– Я пригласил вас сюда, чтобы мы могли поговорить с глазу на глаз. И полюбоваться на восход. Вам хотелось бы управлять провинциями Идзу, Суруга и Тотоми, если я не проиграю эту войну?

– Да. Очень, – сказал Ябу, его надежды снова ожили.

– Вы будете моим вассалом? Признаете меня своим господином?

Ябу не колебался:

– Никогда. Союзником – да. Предводителем – да. Моя жизнь и все, чем я обладаю, – ваше. Но Идзу – мое владение. Я дамё Идзу, и я никогда не отдам власть над Идзу никому. Я поклялся в этом отцу и тайко, который подтвердил право владения, сначала моему отцу, потом мне. Тайко подтвердил, что Идзу принадлежит моим потомкам навсегда. Он был нашим сюзереном, и я поклялся никогда не иметь другого, пока его наследник не достигнет совершеннолетия.

Хиромацу слегка покрутил рукоять меча. «Почему Торанага не даст мне покончить с этим раз и навсегда? Ведь уже договорились. Зачем все эти утомительные разговоры? Я болен, мне нужно справиться малую нужду, я хочу лечь».

Торанага почесал в паху.

– Что Исидо предлагал вам?

– Голову Дзикю в тот день, когда вы падете. И его провинции.

– В обмен на что?

– Поддержку, когда начнется война. Атаковать ваш южный фланг.

– Вы согласились?

– Вы знаете, что я выше этого.

Шпионы Торанаги в доме Исидо сообщили: велись переговоры о том, что в случае измены последует убийство его трех сыновей: Нобору, Судары и Наги.

– Больше ничего? Только поддержку?

– Любыми средствами, которые будут в моем распоряжении, – уточнил Ябу осторожно.

– Включая убийство?

– Я намеревался вести войну, когда она начнется, всеми моими силами. На стороне моего союзника. В любом случае я мог поручиться за его успех. Нам нужен один регент, пока Яэмон не достиг совершеннолетия. Война между вами и Исидо неизбежна. Это единственно возможный исход.

Ябу пытался понять, что на уме у Торанаги, презирая его нерешительность, зная, что сам он сильнее, что Торанага нуждается в его поддержке и что в конце концов он победит Торанагу. «Но как поступить сейчас?» – спрашивал он себя и жалел, что с ним нет Юрико, его жены. Она бы подсказала самый правильный путь.

– Я способен сослужить вам хорошую службу. Помочь стать единственным регентом, – сказал он, решив вести игру.

– С чего бы мне стремиться стать единственным регентом?

– Когда Исидо нападет, я помогу вам победить его. Когда он нарушит мир, – пояснил Ябу.

– Как?

Ябу изложил свой замысел насчет ружей.

– Полк из пятисот самураев с ружьями?! – взорвался Хиромацу.

– Да. Подумайте об огневой мощи. Все отборные воины, обученные действовать как один человек. Двадцать пушек, также собранных вместе.

– Это плохая мысль. Отвратительная! – прорычал Хиромацу. – Вы не сможете держать все в тайне. Если мы начнем, враг последует нашему примеру. И этому ужасу никогда не будет конца. Во всем этом нет ни чести, ни будущего.

– Разве в грядущей войне будем участвовать только мы, господин Хиромацу? – ответил Ябу. – Разве мы не заботимся о безопасности господина Торанаги? Разве это не обязанность его союзников и вассалов?

– Да.

– Все, что должен сделать господин Торанага, – выиграть одно большое сражение. Он получит головы всех своих врагов – и власть. Я говорю, что такая стратегия принесет ему победу.

– А я говорю: нет! Это плохой, подлый замысел.

Ябу повернулся к Торанаге:

– Новая эра требует переосмысления понятий о чести.

Чайка парила у них над головами.

– Что сказал о вашем плане Исидо? – поинтересовался Торанага.

– Я не обсуждал с ним этого.

– Почему? Если, по-вашему, план ценен для меня, он одинаково ценен и для него. Может быть, даже больше.

– Вы подарили мне рассвет. Вы не крестьянин, как Исидо. Вы самый мудрый, самый опытный вождь в стране.

«Какова же настоящая причина? – спрашивал себя Торанага. – Или то же самое он сказал Исидо?»

– Если мы примем ваш план, то половину отряда составят ваши люди, а другую половину – мои?

– Согласен. Я буду командовать ими.

– А мой человек станет вторым после вас.

– Согласен. Мне нужен Андзин-сан, чтобы обучать моих людей обращаться с ружьями и пушками.

– Но он останется моей собственностью, и вы будете беречь его, как наследника? Вы готовы полностью отвечать за него и обращаться с ним точно так, как я скажу?

– Готов.

Торанага мгновение наблюдал за розовыми облаками. «Эта затея – чистый вздор, – подумал он. – Мне придется объявить „малиновое небо“ и нанести удар по Киото силами всех моих войск. Сто тысяч с моей стороны и в десять раз больше у врага».

– Кто будет переводчиком? Я не могу навсегда отдать в ваше распоряжение Тода Марико-сан.

– На несколько недель, господин. Я вижу, что чужеземец усваивает наш язык.

– Это займет годы. Единственные чужеземцы, которым удавалось овладеть языком, – христианские священники, не так ли? У них ушли на это годы. Цукку-сан провел здесь тридцать лет, правда? А этот не

научится говорить достаточно быстро, и еще меньше надежды, что мы выучим их противные языки.

– Да. Но я обещаю вам, Андзин-сан выучится очень быстро. – Ябу пересказал им замысел Оми, выдав его за собственный.

– Это может быть слишком опасно.

– Это заставит его быстро выучить язык. И потом он приручен.

После паузы Торанага осведомился:

– Как вы надеетесь держать приготовления в тайне?

– Идзу – полуостров, самое подходящее место для того, чтобы сохранить все в секрете. Я обоснуюсь около Андзиро, южнее, в стороне от Мисимы и границы, для большей безопасности.

– Хорошо. Мы сразу же установим сообщение между Андзиро и Осакой и Эдо с помощью голубиной почты.

– Превосходно. Мне нужно всего пять-шесть месяцев.

– Счастье, если у нас будет шесть дней! – фыркнул Хиромацу. – Уж не хотите ли вы сказать, что ваша знаменитая шпионская сеть распалась, Ябу-сан? Конечно, вы получали донесения. Разве Исидо не собирает силы? И Оноси? Разве мы не заперты здесь?

Ябу не ответил.

– Ну? – не отставал Торанага.

– Мои люди доносят, что так оно и есть, и даже более того, – ответил Ябу. – Что ж, шесть дней так шесть дней, такова, значит, карма. Но я верю, вы много умнее и не попадетесь в ловушку. Не позволяйте втянуть вас в войну так быстро.

– Если я соглашусь с вашим планом, вы признаете меня своим вождем?

– Да. И когда вы победите, почту за честь принять Суругу и Тотоми навечно в свое владение.

– Что касается Тотоми – это будет зависеть от успеха вашей затеи.

– Согласен.

– Вы будете повиноваться мне? При всей вашей гордости?

– Да. Клянусь бусидо, властелином Буддой, жизнью моей матери и моим потомством.

– Хорошо, – согласился Торанага. – Давайте помочимся в знак заключения договора.

Он подошел к краю зубчатой стены, шагнул на край амбразуры, потом на сам парапет. В семидесяти футах под ним находился

внутренний садик. Хиромасу затаил дыхание, пораженный бравадой господина. Он видел, как тот повернулся и жестом пригласил Ябу встать рядом. Ябу повиновался. Одно неосторожное движение – и они полетели бы кувыркаясь навстречу смерти.

Торанага отвел в сторону полу кимоно и набедренную повязку, Ябу сделал то же. Они вместе помочились, смешивая струи и следя, как те изливаются на садик внизу.

– Последний раз я скреплял договор подобным образом с самим тайко, – поведал Торанага, очень обрадованный тем, что облегчил свой мочевого пузырь. – Это было, когда он решил отдать мне во владение Канто, Восемь Провинций. Конечно, враждебный ему Ходзё еще владел ими, и сначала я должен был их завоевать. Только там еще и оставались противники тайко. И конечно, мне пришлось сразу же отдать свои наследственные владения Имагава, Овари и Исэ из уважения. Но я все равно согласился, и мы помочились, скрепляя договор. – Он уверенно стоял на парапете, широко расставив ноги и расправляя набедренную повязку, как если бы расположился у себя в саду, а не на высоте, какая пристала скорее орлам. – Это была хорошая сделка для нас обоих. Мы захватили Ходзё и отрубили пять тысяч голов в течение года. Уничтожили врагов и все их отродье. Может быть, вы и правы, Касиги Ябу-сан. Может быть, вы пособите мне, как я – тайко. Без меня он никогда бы не стал тайко.

– В моих силах помочь вам стать единовластным регентом, Торанага-сама. Но не сёгуном.

– Конечно. Это та единственная честь, к которой я не стремлюсь, что бы ни утверждали мои враги. – Торанага спрыгнул на безопасную твердь каменных плит. Он оглянулся на Ябу, который все еще стоял на узком парапете, поправляя пояс. Ему до боли хотелось дать пинка высокомерному ублюдку. Вместо этого он присел и с шумом выпустил ветры. – Вот так-то лучше! Как твой мочевого пузырь, Железный Кулак?

– Измучен, господин, очень измучен. – Старик отошел в сторону и с благодарностью опорожнил мочевого пузырь, пустив струю через зубчатую стену, но не с того места, где стояли Торанага и Ябу. Он был очень рад, что не участвовал в скреплении договора с Ябу. «Этой сделкой я не буду гордиться. Никогда».

– Ябу-сан, все это должно держаться в секрете. Думаю, вам следует уехать в течение двух-трех дней, – объявил Торанага.

– Да. С ружьями и чужеземцем, Торанага-сама?

– Да. Вы отправитесь морем. – Торанага посмотрел на Хиромацу. – Приготовь галеру.

– Корабль готов. Ружья и порох все еще в трюмах, – отозвался Хиромацу, его лицо выражало неодобрение.

– Хорошо.

«Ты сделаешь это! – хотел крикнуть Ябу. – Ты получишь ружья, Андзин-сан, все. Ты получишь свои шесть месяцев. Торанага ни за что не начнет войну сразу. Даже если Исидо убьет его через несколько дней, ты все равно получишь все. О Будда, храни Торанагу, пока я не выйду в море!»

– Спасибо, – поблагодарил он вполне искренно. – Вы никогда не имели более верного союзника.

Едва Ябу ушел, Хиромацу повернулся к Торанаге:

– Это плохой план. Мне стыдно за ваш уговор. За то, что с моими советами так мало считаются. Очевидно, от меня уже нет никакой пользы, и я очень устал. Это маленькое надутое ничтожество, этот даймё обращается с вами как с марионеткой. У него даже хватает наглости носить меч Мурасама в вашем присутствии.

– Я заметил, – согласился Торанага.

– Думаю, боги помрачили ваш разум, господин. Вы открыто допускаете такое оскорбление и позволяете Исидо позорить вас перед всеми. Вы не разрешаете мне и всем нам защищать вас. Вы отказываете моей внучке, жене самурая, в чести принять смерть и упокоиться с миром. Вы потеряли власть над Советом, ваши враги командуют вами, и вы скрепляете мочой важный договор, самый позорный из всех, о которых я когда-либо слышал, договор с человеком, который покрыл себя бесчестьем, повинен в отравлении и измене, как и его отец. – Хиромацу трясло от гнева. Торанага не отвечал – просто спокойно смотрел на него, как будто он не издал ни звука. – Клянусь всеми ками, живыми и мертвыми, вы околдованы! – Хиромацу взорвался: – Я спрашиваю вас, кричу, оскорбляю, а вы только смотрите на меня! Кто-то один из нас сошел с ума. Я прошу разрешения совершить сэппуку, а если не позволите, обрею голову и стану монахом – все, что угодно, только позвольте мне уйти.

– Ты ничего такого не сделаешь. Но пошлешь за чужеземным священником Цукку-саном.

Глава 19

Отец Алвито пустил коня вниз по склону от замка. Он скакал во главе небольшой кавалькады, обычного своего сопровождения из верховых-иезуитов. Все они были одеты как буддийские священники, если не считать висящих на поясе четок и распятий. Всадников насчитывалось сорок человек, сплошь законнорожденные сыновья самураев-христиан, студенты семинарии, сопровождавшие святого отца в Осаку. Юноши восседали на хороших лошадях под чепраками и обнаруживали ту же безусловную готовность к служению, что и свита любого даймё.

Отец Алвито ехал резвой рысью, безразличный к теплу солнца, через рощи и городские улицы к миссии иезуитов, большому каменному дому в европейском стиле, который стоял около причалов, возвышаясь над теснотой служебных построек, складов и лавок, где сбывали – за натуральный продукт или звонкую монету – все осакские шелка.

Кортеж миновал высокие железные ворота и, оказавшись в мощеном центральном дворе, остановился около главного входа. Слуги уже ждали, чтобы помочь спешиться отцу Алвито. Он соскользнул с седла и бросил им поводья. Звеня шпорами, святой отец прошагал по крытой галерее главного здания, завернул за угол, прошел мимо небольшой часовни и через арки попал во внутренний дворик, где посреди уютного садика бил фонтан. Дверь в прихожую была открыта. Святой отец отогнал тревогу, успокоился и вошел.

– Он один? – спросил Алвито.

– Нет-нет, не один, Мартин, – сказал отец Сольди, маленький, с добродушной рябой физиономией неаполитанец, почти тридцать лет служивший секретарем отца-инспектора. В Азии он провел двадцать пять лет. – У его преосвященства генерал-капитан Феррьера. Да, этот павлин там. Но его преосвященство сказал, чтобы вы сразу заходили. Что-нибудь случилось, Мартин?

– Ничего.

Сольди что-то промычал и продолжил очинивать гусиное перо.

– Ничего, – хмыкнул он. – Что ж, все равно я скоро узнаю.

– Да, – подтвердил Алвито, любивший старика, и прошел к дальней двери.

За каминной решеткой горел огонь, бросая отсветы на прекрасную старинную мебель, потемневшую от времени, хорошо отполированную и ухоженную. Небольшая «Мадонна с Младенцем» Тинторетто, которую отец-инспектор привез с собой из Рима и которая всегда радовала взор Алвито, висела над камином.

– Вы опять встречались с англичанином? – окликнул его отец Сольди.

Алвито не ответил – он стучался в дверь.

– Войдите.

Карло дель Акуа, отец-инспектор Азии, личный представитель генерала – главы ордена иезуитов, самый главный иезуит и, таким образом, самый важный человек в Азии, был также и самым высоким: шести футов трех дюймов и соответствующей комплекции, в одеянии оранжевого цвета, с крестом изысканной красоты и тонзурой в седых волосах. Ему исполнился шестьдесят один год; родился он в Неаполе.

– А, Мартин, входите-входите. Немного вина? – проговорил он, привнося в португальскую речь плавность итальянской. – Вы видели англичанина?

– Нет, ваше преосвященство, только Торанагу.

– Дело плохо?

– Да.

– Ну так вина?

– Спасибо.

– Насколько плохо? – спросил Феррьера.

Этот воинственный мореплаватель восседал у огня на обитом кожей стуле с высокой спинкой, гордый, как сокол, и столь же живописный – капитан «Нао дель Трато», черного корабля этого года. Ему было около тридцати пяти лет.

– Я думаю, очень плохо, генерал-капитан. Например, Торанага сказал, что в этом году торговля может подождать.

– Всякому ясно, что торговля не может ждать, да и я тоже, – вспыхнул Феррьера. – Я отплываю, когда начнется прилив.

– У вас нет разрешений таможни. Боюсь, придется подождать.

– Я думал, все было оговорено месяцы тому назад. – Феррьера уже в который раз проклял японские правила, которые требовали, чтобы

для каждого груза, даже местного, имелось разрешение на ввоз и вывоз. – Мы связаны глупыми правилами туземцев. Вы говорили, что эта встреча будет только формальностью – сбором документов.

– Так и должно было быть, но я ошибся. Может быть, мне лучше объяснить...

– Я должен немедленно вернуться в Макао, чтобы приготовить черный корабль. Мы уже закупили лучшие шелка на миллион дукатов на февральской ярмарке в Кантоне и повезем по крайней мере сто тысяч унций китайского золота. Я, кажется, ясно сказал, что каждый крусадо^[30], вырученный в Макао, Малакке и Гоа, каждый крусадо, одолженный у торговцев Макао и отцов города, вложен в это важнейшее предприятие. И каждый ваш крусадо.

– Мы, так же как и вы, осознаем его важность, – наставительно изрек дель Акуа.

– Извините, генерал-капитан, но Торанага – глава Совета регентов, и принято являться к нему, – напомнил Алвито. – Он не пожелал говорить о разрешениях на вывоз или торговле в этом году. Он заявил, что не одобряет убийств.

– А кто одобряет, святой отец? – удивился Феррьера.

– Что имел в виду Торанага, Мартин? – спросил дель Акуа. – Это какая-то хитрость? Убийство? При чем тут мы?

– Он сказал: «Почему вы, христиане, хотите убить моего пленника, капитана?»

– Что?!

– Торанага считает, что прошлой ночью покушались на англичанина, а не на него. Он также утверждает, что было другое покушение, в тюрьме. – Алвито не сводил глаз с генерал-капитана.

– В чем вы обвиняете меня, святой отец? – взвился Феррьера. – Покушение на убийство? Я? В Осацком замке? Я первый раз в Японии!

– Вы отрицаете, что вам что-либо известно?

– Я не отрицаю, что чем раньше умрет этот еретик, тем лучше, – холодно произнес Феррьера. – Если англичане и голландцы начнут распространять свою ересь в Азии, это доставит много неприятностей всем нам.

– У нас уже неприятности, – заявил Алвито. – Торанага завел речь о том, что узнал от англичанина, какие невероятные доходы приносит

Португалии монопольное право на торговлю с Китаем, что португальцы завышают цену на шелк, которые только они могут покупать в Китае, расплачиваясь единственным товаром, принимаемым китайцами в обмен, – японским серебром, которое португальцы покупают по смехотворно низким ценам. Торанага сказал: «Поскольку отношения между Китаем и Японией враждебные и прямая торговля между нами невозможна, а португальцы одни имеют разрешение на торговлю, они должны дать ответ на выдвинутое капитаном обвинение в „злоупотреблениях“, причем письменно». Он «приглашает» вас, ваше преосвященство, отчитаться перед регентами об обменном курсе – шелк на шелк, шелк на серебро, золото на серебро. Он добавил, что, конечно, не возражает против того, чтобы мы получали большие прибыли за счет Китая.

– Вы, разумеется, отвергнете это возмутительное требование, – сказал Феррьера.

– Это будет трудно.

– Тогда дайте фальшивый отчет.

– Это подорвет все наши позиции, которые основываются на доверии, – заметил дель Акуа.

– Вы можете доверять японцам? Конечно нет. Наши доходы должны оставаться в тайне. Ох, этот проклятый Богом еретик!

– Я, к сожалению, должен сказать вам, что Блэкторн, кажется, на редкость хорошо осведомлен. – Алвито непроизвольно посмотрел на дель Акуа, на миг потеряв самообладание.

Отец-инспектор ничего не сказал.

– Что еще говорил японец? – пожелал знать Феррьера, притворяясь, что не видел, как иезуиты обменялись взглядами.

– Торанага просил меня завтра к полудню представить ему карту земного шара, показывающую линии раздела заморских владений Португалии и Испании, назвать имена пап, которые утвердили договоры об этих границах, и даты заключения договоров. Он требует в течение трех дней дать письменное объяснение относительно всех наших «завоеваний» в Новом Свете и «исключительно в моих собственных интересах» – это были его точные слова – относительно количества золота и серебра, вывезенного – или, как он выразился, повторяя слова Блэкторна, «награбленного» – Испанией и Португалией. Еще он требует другую карту, отображающую границы

Испании и Португалии сто лет назад и сегодня, а также точное положение основных фортов от Малакки до Гоа – он назвал их все по порядку, сверяясь с записями на листке бумаги, – и число японских наемников, несущих службу в каждом из наших фортов.

Дель Акуа и Феррьеера пришли в смятение.

– В этом ему должно быть отказано наотрез! – рявкнул генерал-капитан.

– Вы не можете отказать Торанаге, – возразил дель Акуа.

– Я думаю, ваше преосвященство, вы слишком преувеличиваете его роль, – поморщился Феррьеера. – Мне кажется, этот Торанага только один из множества деспотов, обычный убийца-язычник, которого не стоит бояться. Откажите ему. Без наших черных кораблей рухнет все их хозяйство. Они носят шелка, которые мы привозим из Китая. Без шелков у них не будет кимоно. Они должны вести торговлю с нами. Я говорю: чума на этого Торанагу! Мы можем торговать с христианскими правителями – как их там? – Оноси и Киямой и другими, с Кюсю. В конце концов, там Нагасаки, там мы в силе, и вся торговля происходит там.

– Мы не можем, капитан, – разочаровал его дель Акуа. – Вы первый раз в Японии, поэтому не имеете никакого представления о наших трудностях. Да, они нуждаются в нас, но мы в них нуждаемся еще больше. Лишившись расположения Торанаги и Исидо, мы потеряем влияние на христианских правителей. Мы потеряем Нагасаки и все, что создали за пятьдесят лет. Сознаться, это вы поторопились с покушением на еретика-капитана?

– Я открыто заявил Родригесу и всем, кто мог слышать меня, что англичанин – опасный пират, который плохо влияет на всех, с кем ни соприкоснется, которого надо убрать любым возможным способом. Вы сказали то же самое, но другими словами, ваше преосвященство. И вы, отец Алвито. Не к тому ли привело и наше совещание с Оноси и Киямой два дня назад? Разве вы не говорили, что пират опасен?

– Да, но...

– Святой отец, извините меня, но иногда работу Бога приходится делать солдатам, и у них получается лучше. Должен сказать, я очень зол на Родригеса, который не подстроил какую-нибудь «несчастную случайность» во время шторма. Он должен был сообразить скорее всех нас! Ей-богу, смотрите, что этот дьявольский англичанин сотворил с

самим Родригесом! Бедный глупец благодарен ему за спасение жизни! А ведь это была просто уловка, чтобы завоевать его расположение. Разве Родригес не впал в заблуждение, когда позволил еретику-капитану занять свое место на юте, что чуть не привело к гибели? Что касается покушения в замке, кто знает, что случилось? Это японские штучки. Покушение, должно быть, замыслили туземцы. Если я возьмусь устроить его убийство, будьте уверены: его уберут.

Алвито, потягивая вино, обронил:

– Торанага упомянул, что отправляет Блэкторна в Идзу.

– Полуостров на востоке? – уточнил Феррье́ра.

– Да.

– По суше или морем?

– На корабле.

– Хорошо. Тогда я с сожалением должен вас известить, что на море в ужасный шторм вся команда может погибнуть.

Алвито холодно произнес:

– И я вынужден огорчить вас, генерал-капитан: Торанага сказал, слово в слово: «Я приставлю к капитану личную охрану, Цукку-сан, и если с ним произойдет какое-либо несчастье, к дознанию будут привлечены все мои силы и силы всех регентов. И если окажется, что к нему хоть каким-то боком причастны христиане или кто-то, хотя бы отдаленно связанный с ними, возможно, будут пересмотрены указы об изгнании, и может статься, что все христианские церкви, школы и прочее немедленно закроются».

Дель Акуа вымолвил:

– Упаси Бог, чтобы это случилось.

– Блеф! – отмахнулся Феррье́ра.

– Нет, вы не правы, генерал-капитан. Торанага умен, как Макиавелли, и вероломен, как царь гуннов Аттила. – Алвито оглянулся на дель Акуа. – Нас будет легко обвинить, если что-то случится с англичанином.

– Да.

– Может быть, нам стоит обратиться к первоисточнику наших бед? – предложил Феррье́ра. – Избавиться от Торанаги?

– Не время для шуток, – нахмурился отец-инспектор.

– Почему нет? Это прекрасно сходило в Индии, Малайе, Бразилии, Перу, Мексике, Африке, Мейне – везде. Сойдет и здесь. Я сам

проворачивал подобные дела в Малакке и Гоа дюжину раз с помощью японских наемников, а у меня не было и капли вашего влияния и опыта. Мы используем правителей-христиан. Поможем одному из них разделаться с Торанагой, если тот и впрямь представляет опасность. Хватит и нескольких сотен конкистадоров. Разделяй и властвуй. Я свяжусь с Киямой. Отец Алвито, если вы будете переводчиком...

– Напрасно вы равняете японцев с индийцами или другими безграмотными дикарями вроде инков. Вы не сможете разделять и властвовать здесь. Японцы не похожи на другие нации. Совсем не похожи, – устало изрек дель Акуа. – Я должен официально просить вас, генерал-капитан, не вмешиваться в дела этой страны.

– Согласен. Пожалуйста, забудьте, что я сказал. Неделикатно и наивно быть таким открытым. К счастью, штормы обычны в это время года.

– Если разразится шторм, то будет воля Божья. Но вы не атакуете корабль этого капитана.

– Ой ли?

– Нет. И не прикажете кому-либо сделать это.

– Я должен уничтожить врагов моего короля. Англичане – враждебная нация. Паразиты, пираты, еретики. Если я решу, что еретика надо уничтожить, это будет мое дело. В этом году я – генерал-капитан черного корабля, а значит, губернатор Макао с вице-королевскими полномочиями в здешних водах. И если я захочу уничтожить его, или Торанагу, или еще кого-нибудь, то так и сделаю.

– Тогда вы сделаете это вопреки моим приказам, рискуя немедленным отлучением от Церкви.

– Это вне вашей юрисдикции. Это светский вопрос, а не духовный.

– Положение Церкви здесь, к сожалению, так связано с политикой и с торговлей шелком, что все затрагивает ее безопасность. И пока я жив, клянусь надеждой на спасение, никто здесь не подвергнет опасности будущее Матери-Церкви!

– Спасибо, что так откровенно высказались, ваше преосвященство. Я поставлю себе цель получше разобраться в японских делах.

– Надеюсь, вы так и сделаете для нашей общей пользы. Христиан здесь терпят только потому, что все даймё абсолютно уверены: если они выгонят нас и искоренят нашу веру, черные корабли никогда не вернуться. Если нам, иезуитам, и удастся чего-то добиться здесь,

приобрести влияние, так только потому, что мы одни говорим по-японски и по-португальски и можем переводить и посредничать в торговых делах. К сожалению для Церкви, они не веруют по-настоящему. Я убежден, что торговля будет продолжаться независимо от положения Церкви, ибо португальские торговцы усердно служат своим корыстным интересам, мамоне, а не Господу.

– Может быть, корыстные интересы церковников, которые хотят заставить нас – и даже испрашивают на то официальные полномочия у его святейшества папы – плавать в любые порты по их выбору и торговать с любым угодным им даймё, какими бы опасностями это ни грозило, так же очевидны!

– Вы забываетесь, генерал-капитан!

– Я не забываю, что в прошлом году черный корабль с двумястами тоннами золота на борту и слитками серебра на пятьсот тысяч крусадо пропал со всей командой между Японией и Малаккой, после того как был без необходимости, по вашему личному требованию, задержан, пока не испортилась погода. И что это почти разорило всех отсюда до Гоа.

– Это было необходимо из-за смерти тайко и особых соображений, связанных с передачей власти.

– Я не забыл, как три года назад вы просили вице-короля Гоа посылать черный корабль только в указанные вами порты. Но он отклонил этот приказ как грубое вмешательство в его дела.

– Это был способ повлиять на тайко, поистощить его казну в разгар затеянной им войны с Кореей и Китаем, наказать за казни, которые он учинил в Нагасаки, за его безумные нападки на Церковь и указы об изгнании, предписавшие выдворить нас всех из Японии. Если бы вы послушались нас, последовали нашим советам, вся Япония стала бы христианской через одно поколение! Что важнее: торговля или спасение душ?

– Мой ответ – спасение душ. Но теперь, когда вы просветили меня относительно японских дел, дайте мне изложить японский вопрос в правильной перспективе. Только серебро Японии дает доступ к китайскому шелку и китайскому золоту. Громадные доходы, которые мы здесь получаем и переправляем затем в Малакку и Гоа, а оттуда – в Лиссабон, позволяют нам сохранять за собой владения в Азии, содержать форты и миссии, снаряжать экспедиции и всех

миссионеров, открывать новые земли и оплачивать если не все, то большинство начинаний в Европе. Они не дают еретикам победить нас, не пускают их в Азию, способную дать им средства для того, чтобы погубить нас и нашу веру на родине. Что важнее, святой отец: сохранение истинной веры в Испании, Португалии и Италии или утверждение ее здесь?

Дель Акуа смерил его презрительным взглядом:

– Раз и навсегда предупреждаю: не вмешивайтесь в здешние дела!

Из очага выпал уголек и затрещал на ковре. Феррьера, оказавшийся ближе всех, отпихнул его носком сапога в безопасное место.

– А если я соглашусь, что вы предполагаете делать с еретиком? Или Торанагой?

Дель Акуа сел, посчитав, что выиграл:

– Пока не знаю. Но даже думать об устранении Торанаги смешно. Он очень симпатизирует нам и приветствует расширение торговли. – В его голосе зазвучали язвительные нотки. – И, следовательно, увеличение ваших доходов.

– И ваших доходов, – добавил Феррьера, возвращая удар.

– Наши доходы идут на служение во славу Господа. Как вы хорошо знаете. – Дель Акуа плеснул еще вина в кубки и предложил выпить примирительным жестом. – Ну, Феррьера, давайте не будем ссориться. Эта история с еретиком ужасна, да. Но ссоры бесполезны. Нам нужны ваш совет, и ваш ум, и ваша сила. И можете поверить, Торанага необходим нам. Если он не будет сдерживать других регентов, вся эта страна опять вернется к анархии.

– Да, это верно, – подтвердил Алвито. – Но я не понимаю, почему он еще в замке и согласился отложить совещание. Невероятно, чтобы его перехитрили. Он, конечно, должен знать, что Осака заперта надежнее, чем пояс целомудрия, надетый ревнивым крестоносцем на свою супругу. Он должен был уже уехать.

Феррьера полюбопытствовал:

– Если он так важен, зачем поддерживать Оноси и Кияму? Разве эти двое не объединились с Исидо против него? Почему вы им не отсоветуете? Это обсуждалось только два дня назад.

– Они сообщили нам о своем решении, генерал-капитан. Мы не обсуждали его.

– Тогда, может быть, вам следовало бы это сделать, ваше преосвященство. Если это так важно, почему не запретить им? Под страхом смерти.

Дель Акуа вздохнул:

– Хотел бы я, чтобы все было так просто. Такие вещи в Японии не делаются. Японцы ненавидят всякое вмешательство в их дела. Любое предложение с нашей стороны должно преподноситься с чрезвычайной деликатностью.

Феррьеера осушил свой серебряный кубок, налил еще вина и успокоился, зная, что нуждается в иезуитах, что без них в роли переводчиков окажется беспомощен. «Твое дело – успешно совершить плавание, – сказал он себе. – Ты одиннадцать лет тянул лямку на службе у короля и двадцать раз заслужил за преданность самый богатый приз, который он в силах даровать, – командование черным кораблем на один год и то, что это дает: десятую часть всего шелка, золота, серебра и доходов от каждой сделки. Этого тебе хватит на всю жизнь, на тридцать жизней, если они у тебя будут, и все за одно плавание. Если ты его сдюжишь».

Рука Феррьеера опустилась на рукоять рапиры, на крест посреди серебряной филигрании.

– Клянусь кровью Христа, мой черный корабль вовремя отплывет из Макао в Нагасаки и потом, с самым богатым грузом сокровищ, который знала история, в ноябре с муссонами отправится на юг, в Гоа, и оттуда домой! Христос мне судья, я собираюсь это сделать. – И добавил про себя: «Даже если должен буду для этого сжечь всю Японию, и весь Макао, и весь Китай, клянусь Мадонной!»

– Мы с вами в своих молитвах, конечно, – ответил дель Акуа, не кривя душой. – Мы знаем, сколь важно ваше плавание.

– Тогда что вы предлагаете? Отсутствие таможенных документов и разрешения на торговлю связывает мне руки. Мы не можем действовать в обход регентов? Может быть, есть другой путь?

Дель Акуа в задумчивости покрутил головой:

– Что скажете, Мартин? Вы больше нашего смыслите в торговле.

– Извините, но это невозможно, – отрезал Алвито. Он слушал с еле сдерживаемым негодованием. «Дурно воспитанный, высокомерный, безродный кретин, – думал он и тут же: – О Боже, дай мне терпения! Без этого человека и других таких же Церковь здесь погибнет». – Я

уверен, еще день-два, генерал-капитан, и все будет готово. Неделя в крайнем случае. У Торанаги в настоящий момент очень серьезные трудности. Все будет хорошо, я убежден.

– Я подожду неделю, но не больше. – В голосе Феррьеры слышалась скрытая угроза. – Хотел бы я добраться до этого еретика. Уж я бы вырвал из него правду. Торанага не говорил ничего о предполагаемом приходе эскадры? Вражеской эскадры?

– Нет.

– Мне хотелось бы знать истинное положение вещей. В обратный путь мой корабль пустится грузным и неуклюжим, как жирная свинья. В его трюмы шелку набьют больше, чем когда-либо раньше посылали за один раз. Это один из самых больших кораблей в мире, но мы пойдем без эскорта, и если хоть один вражеский фрегат застигнет нас в море – или хотя бы эта голландская шлюха «Эразм», – мы окажемся в его власти. Меня без труда заставят спустить португальский флаг. Англичанину лучше бы оставаться подальше от своего судна с его канонирами, пушками и бортовыми залпами.

– E vero, è solamente vero^[31], – пробормотал дель Акуа.

Феррьера допил свое вино:

– Когда Блэкторна отправляют в Идзу?

– Торанага не сказал, – ответил Алвито. – У меня создалось впечатление, что скоро.

– Сегодня?

– Не знаю. Теперь регенты встретятся через четыре дня. Я решил, что после этого.

Дель Акуа произнес со значением:

– Блэкторна трогать нельзя. Ни его, ни Торанагу.

Феррьера встал:

– Я вернусь на корабль. Поужинаете с нами, вы оба? Вечером? Есть прекрасный каплун, мясо и вино с Мадейры, даже немного свежего хлеба.

– Спасибо, вы очень любезны. – Дель Акуа несколько оживился. – Да, немного хорошей еды не помешало бы. Вы очень добры.

– Вы будете сразу же осведомлены, как только я что-то узнаю от Торанаги, генерал-капитан, – добавил Алвито.

– Спасибо.

Когда Феррьера ушел и отец-инспектор удостоверился, что никто не подслушивает, он осведомился тревожно:

– Мартин, что еще говорит Торанага?

– Он хотел объяснения, в письменном виде, насчет инцидента с переправкой ружей и по поводу просьбы о присылке конкистадоров.

– Мамма mia...

– Торанага был дружелюбен, даже мягок, но... но я никогда не видел его таким раньше.

– Что точно он сказал?

– «Я понимаю так, Цукку-сан, что предыдущий глава вашего ордена в Японии, отец да Кунья, отправил губернаторам Макао, Гоа и испанскому вице-королю в Маниле, дону Сиско-и-Вивера, в июле тысяча пятьсот восемьдесят восьмого года по вашему летосчислению письма с просьбой прислать несколько сотен испанских солдат с огнестрельным оружием, чтобы поддержать даймё-христиан в мятеже против их законного сюзерена, моего покойного господина тайко, который пытался устроить главный христианский священник. Кто были эти даймё? Это правда, что солдат не послали, но в Нагасаки из Макао тайно переправили большое количество ружей с вашими христианскими клеймами? Верно ли, что потом глава вашего ордена в Азии тайно завладел этими ружьями, когда прибыл в Японию как посол Гоа, в марте или апреле тысяча пятьсот девяностого года по вашему летосчислению, и тайно переправил их из Нагасаки обратно в Макао на португальском корабле „Санта-Крус“?» – Алвито вытер потные ладони об одежду.

– Что-нибудь еще?

– Ничего важного, ваше преосвященство. Мне не представилось возможности объяснить – он сразу же отпустил меня. Расставание было вежливым, но все-таки он меня выставил.

– От кого этот проклятый англичанин получил сведения?

– Хотел бы я это знать...

– Эти даты и имена... Вы не ошибаетесь? Он произнес их именно так?

– Нет, ваше преосвященство. Имена были написаны на листе бумаги. Он показал его мне.

– Писал Блэкторн?

– Нет. Имена были воспроизведены фонетически на японском, с использованием азбуки хирагана.

– Мы должны установить, кто переводил для Торанаги. Это очень хороший переводчик. Конечно, ни один из нас... Это не может быть брат Мануэль, нет? – спросил он с горечью, называя христианское имя Масаману Дзиро.

Дзиро, сын самурая-христианина, с детства воспитывался иезуитами. Умного и набожного юношу приняли в семинарию, чтобы подготовить его к рукоположению в священнический сан на самом высоком уровне – с принесением четырех обетов, честь, которой японцы еще не достаивались. Отдав Обществу Иисуса двадцать лет, Дзиро совершенно неожиданно оставил его перед посвящением в духовный сан и теперь сделался неистовым противником Церкви.

– Нет. Мануэль все еще на Кюсю, гореть ему в аду веки вечные. Он по-прежнему ярый враг Торанаги и никогда не станет помогать ему. К счастью, он никогда не участвовал ни в каких политических делах. Переводчицей была госпожа Мария, – сообщил Алвито, используя христианское имя Тода Марико.

– Вам это сказал Торанага?

– Нет, ваше преосвященство. Я случайно узнал, что она посещала замок и ее видели с англичанином.

– Вы уверены?

– Эти сведения абсолютно точны.

– Хорошо, – кивнул дель Акуа. – Может быть, Бог поможет нам одним из своих неисповедимых способов. Пошлите за ней сейчас же.

– Я уже видел ее. Постарался встретиться с ней как бы случайно. Она была, по обыкновению, великолепна, почтительна и благочестива, как всегда, но решительно все опровергла, прежде чем я успел спросить ее. Конечно, Япония – очень закрытая страна, святой отец, и некоторые вещи по обычаю должны оставаться в тайне. Как водится и у нас, в Португалии, а также в Обществе Иисуса, не так ли?

– Вы ее исповедник?

– Да. Но она не сказала больше ничего.

– Почему?

– Очевидно, ее предупреждали, запретив обсуждать то, что случилось и о чем говорили. Я знаю их слишком хорошо. Влияние на нее Торанаги сильнее нашего.

– Ее вера так слаба? Или мы что-то упустили, стараясь обратить эту женщину в истинную веру? Конечно нет. Она такая же добрая христианка, как многие женщины, которых я встречал. Однажды она станет монахиней, может быть, даже первой японской настоятельницей монастыря.

– Да. Но она ничего не скажет.

– Церковь в опасности. Это важно, может быть, слишком важно, – не отступал дель Акуа. – Она должна понять это. Она слишком умна, чтобы не понять.

– Я прошу вас не подвергать ее веру такому испытанию. Мы должны простить это. Она предупредила меня. Сказала так же ясно, как если бы написала.

– Может быть, стоит устроить ей испытание? Для спасения ее души?

– Вам решать. Но боюсь, она должна повиноваться Торанаге, а не нам.

– Я подумаю о Марии, да, – пробормотал дель Акуа и опустил взгляд на огонь, словно ощущая давление массивных стен кабинета.

«Бедная Мария... Этот проклятый еретик! Как нам избежать ловушки? Как скрыть правду о ружьях? Как мог да Кунья, настоятель и вице-провинциал, хорошо подготовленный, имевший за плечами семилетний опыт подвижнической деятельности в Макао и Японии, как мог он совершить такую ужасную ошибку? Как? – мысленно спросил он пламя и сказал себе: – Я могу ответить. Несложно догадаться.

Ты впадаешь в панику, или забываешь о славе Божьей, или переполняешься гордыней и высокомерием, или теряешься. А кто бы не потерял головы? На закате тебя принимает тайко, принимает с особой благосклонностью, с триумфом, с помпой и всеми церемониями – это почти акт раскаяния со стороны правителя, который явно склонялся к тому, чтобы перейти в христианство. А потом среди ночи, той же самой, тебя будят, чтобы зачитать указ тайко, объявляющий, что все религиозные ордены должны быть высланы из Японии в течение двадцати дней под страхом смерти, никогда не возвращаться в страну и, того хуже, что все новообращенные в стране должны сразу же отречься или они подлежат высылке либо смертной казни.

Движимый отчаянием, настоятель дал дикий совет даймё-христианам на острове Кюсю – Оноси, Мисаки, Кияме и Хариме в Нагасаки – поднять восстание, чтобы спасти Церковь, а также отправил безумные письма, прося прислать конкистадоров, чтобы устроить переворот».

Огонь потрескивал и плясал за железной решеткой.

«Да, все верно, – подумал дель Акуа. – Если бы только я знал, если бы да Кунья сначала посоветовался со мной. Но как он мог? Шесть месяцев шло письмо в Гоа, и, может быть, еще шесть месяцев шел ответ. Да Кунья написал немедленно, но он как настоятель должен был сразу же искать выход».

Дель Акуа тогда немедля по получении письма спешно выправил мандат от вице-короля Гоа и отправился в путь, но ему потребовалось несколько месяцев, чтобы доплыть до Макао, и там он узнал, что да Кунья мертв и всем святым отцам запрещено появляться в Японии под страхом смерти.

А ружья уже привезли.

Потом, через десять недель, пришла весть, что церкви в Японии не уничтожены, что тайко не ввел в действие свой указ. Огню предали только пятьдесят храмов. И просочилось известие, что, хотя указ не отменен, тайко готов оставить все как есть при условии, что святые отцы будут менее ревностны в распространении своей веры, что новообращенных станет поменьше и что они не будут устраивать шумных общественных молений, шествий или пытаться в порыве фанатизма поджигать буддийские храмы.

Позднее, когда тяжелые испытания, казалось, пришли к концу, дель Акуа вспомнил, что ружья для да Куньи доставлены всего несколько недель назад и все еще лежат на складе иезуитов в Нагасаки.

Последовало еще несколько недель бешеных усилий, пока ружья не были тайно переправлены обратно в Макао. «Да, с моей печатью на сей раз, – напомнил себе дель Акуа, надеясь, что тайна похоронена навеки. – Но такие тайны никогда не оставляют вас, как бы вы того ни хотели и сколько бы ни молились. Как много знает этот еретик?»

Более часа его преосвященство сидел без движения на стуле с высокой спинкой, глядя невидящими глазами в огонь. Алвито терпеливо ждал около книжных полок, сложив руки на коленях. Померкли солнечные блики на серебряном распятии за спиной отца-

инспектора. На другой стене висела маленькая картина, писанная маслом венецианским художником Тицианом, которую молодой дель Акуа купил в Падуе, куда отец послал его учиться юриспруденции. Еще одну стену занимали полки, уставленные книгами: Библиями, сочинениями на латыни, португальском, итальянском и испанском. Две полки были отведены под книги и брошюры, отпечатанные в Нагасаки, на станке Общества, который дель Акуа заказал и привез за бешеные деньги из Гоа десять лет назад. Тут имелись церковные книги и разнообразные катехизисы, плод тяжкого труда иезуитов, переводивших их на японский; переводы с японского на латынь, помогавшие японским последователям христианства выучить этот язык, и, наконец, две небольшие книжечки, которые не имели цены, – первая португальско-японская грамматика, итог труда всей жизни отца Санчо Альвареса, отпечатанная шесть лет назад, и бесподобный португальско-латинско-японский словарь, оттиснутый в прошлом году с использованием латинского алфавита и хираганы. Работа над словарем началась двадцать лет назад по приказу дель Акуа, и это был первый когда-либо составлявшийся японский лексикон.

Отец Алвито взял с полки книгу и любовно погладил ее. Он знал, что это уникальное произведение искусства. Восемнадцать лет он сам корпел над подобным трудом и еще не завершил его. Он составлял словарь с развернутыми толкованиями, намного более детальными, – почти введение в японский язык и Японию – и сознавал без лишнего тщеславия, что, если сможет его закончить, это будет творение мастера, сравнимое с работой отца Альвареса. Если его имя когда и вспомнят, то лишь в связи с его книгой и отцом-инспектором, единственным отцом, которого он знал.

– Ты хочешь покинуть Португалию, сын мой, и присоединиться к тем, кто служит Богу? – спросил его дель Акуа в их первую встречу.

– О да, пожалуйста, святой отец, – ответил Алвито, взирая на него с отчаянной мольбой.

– Сколько тебе лет, сын мой?

– Не знаю, святой отец. Может быть, десять, а может, одиннадцать, но я умею читать и писать, священник научил меня. Я сирота, у меня нет родных. Я ничего не имею...

Дель Акуа взял его в Гоа, оттуда – в Нагасаки, где Алвито поступил в семинарию Общества Иисуса, – самый молодой европеец в Азии,

наконец-то нашедший свое пристанище. Потом у него обнаружился чудесный дар к языкам, и он приобрел репутацию хорошего переводчика и торгового советника, сперва при Хариме Тадао, даймё провинции Хидзэн на Кюсю, где располагается Нагасаки, а через какое-то время – и при самом тайко. Он был посвящен в духовный сан и позже даже добился привилегии принести четвертый обет. Этот особый обет, который ставился выше обычных (бедности, целомудрия и послушания), разрешалось приносить только элите иезуитов. Он обязывал к беспрекословному подчинению папе. Давший четвертый обет становился его личным орудием для свершений во славу Божью и должен был идти, куда укажет папа, делать то, что он велит, стать, по примеру основателя Общества баскского дворянина Лойолы, посвященным, одним из членов *Regimini Militantis Ecclesiae*^[32], тайных солдат Господа на службе у Его избранника – заместника Иисуса Христа на земле.

«Мне так повезло, – подумал Алвито. – О Боже, помоги мне выдержать!»

Наконец дель Акуа встал, расправил затекшие члены и подошел к окну. Солнце играло на позолоченной черепице устремленной ввысь центральной башни замка. Изящество этой постройки скрадывало ее массивную прочность. «Замок дьявола, – пришло ему в голову. – Сколько времени он простоит, напоминая каждому о нас? Только пятнадцать – нет, семнадцать – лет назад тайко согнал сюда четыреста тысяч солдат рыть землю и строить, обескровил страну, чтобы оплатить возведение этого памятника ему, и через два года Осацкий замок был воздвигнут. Невероятный человек! Невероятный народ! И вот замок стоит, неприступный. Для всего, исключая перст Божий. Если пожелает, Он повергнет твердыню в прах. О Боже, помоги мне выполнить Твою волю!»

– Ну, Мартин, у нас, кажется, появилась работа. – Дель Акуа принялся ходить взад-вперед, голос его стал твердым, как и походка. – Об английском капитане: если мы не защитим его, он будет убит, что лишит нас расположения Торанаги. Если мы сумеем защитить его, он скоро повесится сам. Но вправе ли мы ждать? Его существование угрожает нам, и не стоит говорить, сколько вреда он способен принести до этого счастливого дня. Что остается? Помочь Торанаге удалить его. Или наконец обратить капитана в свою веру.

Алвито вспыхнул:

– Что?

– Он умен, очень много знает о католицизме. Разве большинство англичан не католики в душе? Ответ – да, если на троне католик, и нет, если протестант. Англичане довольно-таки безразличны к вопросам религии. Они питают к нам ярую ненависть, но не из-за Армады ли? Может быть, Блэкторна удастся обратить в нашу веру. Это было бы идеальным решением, к славе Божьей, и спасло бы его еретическую душу. Дальше Торанага. Мы представим ему карты. Дадим объяснение относительно «сфер влияния». Разве демаркационные линии не были проведены, чтобы разделить влияние Португалии и дружественной ей Испании? Скажите ему, что я почту за честь лично подготовить отчет касательно других важных материй и передать ему как можно скорее. Но поскольку мне придется проверить обстоятельства, относящиеся к Макао, не будет ли он любезен дать достаточно большую отсрочку? И тут же, на одном дыхании, скажите: вы рады сообщить ему, что черный корабль отплывет на три недели раньше с самым большим грузом шелка и золота, который когда-либо перевозили, что наша часть груза и... – он задумался на мгновение, – ...и по крайней мере еще треть его будут проданы через назначенного Торанагой купца.

– Ваше преосвященство, генерал-капитан не обрадуется тому, что сроки выхода в море перенесены, и ему не понравится...

– Ваше дело – немедленно получить от Торанаги разрешения, которые позволят Феррьере отплыть. Ступайте и навестите Торанагу тотчас же, передайте ему мой ответ. Пусть он поразится нашей деловитости, готовности исполнить просьбу. Разве это не одно из качеств, которыми он восхищается? Получив разрешение на выход в море, Феррьера простит небольшой перенос сроков. А что касается купца, какое дело генерал-капитану до этих туземцев? Он все равно получит свою долю прибыли.

– Но господа Оноси, Кияма и Харима обычно делят между собой комиссионные за совершение сделок. Даже не знаю, согласятся ли они.

– Так уговорите их. На таких условиях Торанага согласится дать отсрочку. Единственные уступки, в которых он нуждается, – это уступки в части влияния и денег. Что мы можем дать ему? Не в нашей власти склонить на его сторону даймё-христиан.

– Да, – согласился Алвито.

– Даже если бы это было в наших силах, я не уверен, должны ли мы, хотим ли пойти на такой шаг. Оноси и Кияма – злейшие враги, но они объединились против Торанаги, потому что уверены: он уничтожит Церковь и их, если когда-нибудь приберет к рукам Совет.

– Торанага поддержит Церковь. Наш реальный враг – Исидо.

– Я не разделяю вашей уверенности, Мартин. Мы не должны забывать, что в силу принадлежности Оноси и Киямы к Христианской церкви, все их сторонники – христиане, а это десятки тысяч людей. Мы не можем обидеть их. Единственное, в чем мы вольны уступить Торанаге, – торговля. Он просто помешан на торговле, но никогда не будет заниматься ею сам. Так что предлагаемая мною уступка поможет выторговать у него отсрочку, которую, я надеюсь, удастся продлевать вновь и вновь. Вы знаете, как японцы любят этот образ действий – большая дубинка занесена, а обе стороны этого как бы не замечают, не так ли?

– На мой взгляд, неразумно господам Оноси и Кияме идти сейчас против Торанаги. Они должны помнить старую мудрость и не жечь за собой мосты, правда? Что, если мы предложим Торанаге четверть? Тогда все: Оноси, Кияма, Харима и Торанага – получают равные доли. Это хотя бы отчасти примирит их, сгладит эффект «временного» объединения даймё с Исидо против Торанаги.

– Тогда Исидо перестанет доверять им и возненавидит нас пуще прежнего, когда все выйдет наружу.

– Исидо и теперь ненавидит нас безмерно. И питает к ним еще меньше доверия, чем они к нему. Мы не знаем, почему они приняли его сторону. Заручившись согласием Оноси и Киямы, мы можем формально сделать предложение, как если бы просто намеревались сохранять беспристрастность в отношении Исидо и Торанаги. Мы можем тайно сообщить Торанаге об их великодушии.

Дель Акуа рассмотрел все достоинства и недостатки плана.

– Превосходно! – воскликнул он наконец. – Давайте действовать. Теперь вернемся к еретику. Сегодня же отдайте его морские журналы Торанаге. Ступайте к нему сейчас же. Скажите, что журналы прислали нам по секретным каналам.

– Как объяснить ему задержку с возвращением?

– Просто скажите правду: запечатанный пакет был доставлен Родригесом, но никто из нас не понял, что в нем лежат пропавшие

бумаги. Действительно, мы не спешили вскрыть пакет. Просто забыли про него в суматохе, возникшей из-за появления этого еретика. Журналы доказывают, что Блэкторн – пират, грабитель и убийца. Его собственные слова раз и навсегда откроют, кто он такой и что по нему плачет веревка. Скажите Торанаге правду: Мура отдал бумаги отцу Себастио, как это и было, а тот послал их сюда, посчитав, что нам лучше знать, как ими распорядиться. Это обезопасит Муру, отца Себастио, всех. Мы сообщим Муре голубиной почтой, что произошло. Я уверен, Торанага поймет, что мы блюли его интересы, а не Ябу. Он знает, что Ябу заключил соглашение с Исидо?

– Я бы сказал: наверняка, ваше преосвященство. Но ходят слухи, что Торанага и Ябу теперь подружились.

– Я не доверяю этому сатанинскому отродью.

– Уверен, Торанага тоже. Никто не строил ему козни чаще Ябу.

Их отвлек шум: за дверью препирались. Она отворилась, и в комнату, отмахиваясь от отца Сольди, вошел босой монах, лицо которого скрывал низко надвинутый капюшон.

– Благословение Иисуса Христа на вас, – сказал он прерывающимся от злости голосом. – Пусть он простит вам ваши грехи.

– Брат Перес, что вы здесь делаете? – взорвался дель Акуа.

– Я вернулся в эту помойную яму, чтобы снова нести неверным слово Божье.

– Но вам запрещено возвращаться сюда под угрозой немедленной смертной казни за подготовку мятежа. Вы чудом избежали казни в Нагасаки, и вам было предписано...

– На все есть Божья воля, и мерзкий языческий эдикт мертвого маньяка не указ для меня, – проворчал монах, низенький, худой испанец с длинной неопрятной бородой. – Я здесь, чтобы продолжить дело Божье. – Он взглянул на отца Алвито. – Как идет торговля, святой отец?

– К счастью для Испании, очень хорошо, – холодно ответил Алвито.

– Я не трачу время на подсчет доходов, святой отец. Я трачу его на свою паству.

– Это похвально, – резко сказал дель Акуа. – Но тратьте его там, где предписал папа, за пределами Японии. Это исключительно наша

провинция. И это португальская, а не испанская территория. Должен ли я напомнить вам, что три папы приказали верующим всех конфессий покинуть Японию, кроме нас? Король Филипп также издал такой указ.

– Поберегите легкие, ваше преосвященство. Дело Бога выше земных приказов. Я вернулся, и я распахну двери церковей и буду призывать толпы народа подняться против безбожников.

– Сколько раз вас можно предупреждать? Нельзя вести себя в Японии как в стране инков, населенной дикарями из джунглей, у которых не было ни истории, ни культуры. Я запрещаю вам проповедовать и настаиваю, чтобы вы повиновались указам его святейшества.

– Мы будем обращать неверных. Слушайте, ваше преосвященство, в Маниле еще сотня моих братьев ожидает отправки сюда, все добрые испанцы, и много наших славных конкистадоров, готовых защищать нас, если потребуется. Мы открыто проповедуем и открыто носим наши рясы, не рядимся в идолопоклоннические шелковые одежды, как иезуиты!

– Вы не должны призывать к выступлениям против властей или вы разрушите Мать-Церковь!

– Я заявляю вам в лицо, что мы вернемся в Японию и останемся здесь. Мы будем проповедовать миру, несмотря на вас – прелатов, епископов, королей или даже папу, во славу Бога! – Монах хлопнул дверью, уходя.

Покраснев от ярости, дель Акуа налил себе мадеры. Несколько капель вина пролилось на полированную поверхность стола. «Эти испанцы погубят нас всех». Дель Акуа медленно осушил кубок, пытаясь успокоиться. Наконец он произнес:

– Мартин, пошлите наших людей проследить за ним. И предупредите Кияму и Оноси сразу же. Не стоит говорить, что случится, если этот глупец станет появляться на публике.

– Да, ваше преосвященство. – У двери Алвито остановился. – Сначала Блэкторн, теперь Перес. Не слишком ли много для совпадения? Может быть, испанцы в Маниле знали о Блэкторне и пустили его сюда, чтобы досадить нам?

– Может, так, а может, и нет. – Дель Акуа аккуратно поставил кубок. – В любом случае мы, с Божьей помощью, не позволим ни

одному из них повредить Святой Матери-Церкви – чего бы это ни стоило.

Глава 20

«Пусть я стану проклятым испанцем, если это не жизнь!»

Блэкторн лежал ничком, испытывая ангельское блаженство, на толстом футоне, частично закутанный в хлопчатобумажное кимоно, уложив голову на руки. Девичьи пальцы скользили по его спине, иногда разминая мускулы, размягчая тело и душу, заставляя чуть ли не мурлыкать от удовольствия. Другая девушка наливала sake в тонкую фарфоровую чашку. Третья держала лаковый поднос с бамбуковой корзинкой, наполненной жареной рыбой по-португальски, еще одной бутылкой sake и палочками для еды.

– *Нан дэс ка*, Андзин-сан? (Что вы сказали, Андзин-сан?)

– Я не могу сказать этого на *нихон-го*, Рако-сан. – Он улыбнулся девушке, которая поднесла ему sake, и указал на чашку. – Как это называется? *Намаэ ка?*

– *Сабадзуки*. – Она произнесла это три раза, после чего другая девушка, Аса, предложила рыбы, но он покачал головой:

– *Иэ, домо*. – Он не знал, как сказать: «Я уже сыт», поэтому попытался выстроить фразу: «Я больше не голоден».

– *А! Има хара хэттэ ва орани*, – объяснила Аса, поправляя его. Он повторил фразу несколько раз, а девушки дружно смеялись над его произношением, но в конце концов он добился, что это звучало правильно.

«Я никогда не выучу этот язык», – подумал он. Ничто не связывало непривычные звуки ни с английским, ни даже с латынью или португальским.

– Андзин-сан? – Аса опять протянула ему поднос.

Он покачал головой и с сокрушенным видом положил руку на живот, но взял sake и выпил. Соно, девушка, которая массировала ему спину, остановилась, тогда он взял ее руку и положил себе на шею, издав стон удовольствия. Она сразу поняла и продолжила массаж.

Каждый раз, когда он допивал чашку, ее немедленно наполняли снова. «Давай полегче, – подумал он, – это же третья бутылка, и я уже чувствую тепло в пальцах ног».

Эти три девушки, Аса, Соно и Рако, пришли на рассвете, принесли зеленый чай – брат Доминго рассказывал, что китайцы иногда его

называют *тэ* и это национальный напиток в Китае и Японии. После покушения сон стал тревожным и неглубоким, но горячее пряное питье восстанавливало силы. Они прихватили и небольшие скатанные полотенца, горячие и душистые. Поскольку Блэкторн не знал, что с ними делать, Рако, старшая из девушек, показала, как ими пользоваться, на собственном лице и руках.

После этого девушки и стража из четырех самураев проводили его в парные в дальнем конце этой части замка и передали банщикам. Четыре стражника стоически потели, пока его парили и мыли, подстригали бороду, приводили в порядок волосы.

Блэкторн почувствовал себя чудесным образом обновленным. Ему дали новое, длиной до колен, кимоно из хлопка, новые таби; затем девушки провели его в другую комнату, где ожидали Кири и Марико. Марико сказала, что господин Торанага решил послать Андзин-сана в одну из своих провинций, на поправку, что господин Торанага очень доволен им и что ему не о чем беспокоиться, так как теперь он на попечении слуг господина Торанаги. Не будет ли Андзин-сан так любезен подготовить карты, которые она должна передать? Вскоре последует новая встреча с господином, и господин пообещал, что скоро она, Марико-сан, будет приставлена к Андзин-сану, чтобы отвечать на вопросы, которые могут у него возникнуть. Господин Торанага очень заинтересован в том, чтобы Блэкторн побольше узнал о Японии, ибо сам стремится побольше узнать о том, что находится за ее границами, о навигации и морских путях. Затем Блэкторна провели к лекарю. В отличие от самураев, врачеватель был коротко острижен и не носил пучка.

Блэкторн не любил врачей и боялся их. Но этот показался ему другим: очень вежливый и невероятно чистый. Европейские врачеватели были прежде всего цирюльниками – неотесанными, вшивыми и грязными, как и те, кого они пользовали. Этот целитель трогал пациента очень аккуратно, вежливо держал руку Блэкторна, щупая пульс, заглянул в глаза, рот и уши, мягко похлопал по спине, коленям, пяткам – все это в спокойной манере. Самое большее, что мог европейский врач, – это посмотреть язык, спросить, где болит, пустить кровь, чтобы вместе с ней вышла вся зараза, и дать лошадиную дозу рвотного, чтобы очистить от грязи внутренности.

Кровопускания и промывание желудка Блэкторн ненавидел, каждый раз после таких процедур ему становилось хуже прежнего. Но этот лекарь не подступался к нему со скальпелем и тазиком, дабы отворить кровь, вокруг него не витал противный запах лекарств, поэтому сердце Блэкторна стало биться ровнее, и он немного расслабился.

Пальцы врача коснулись шрамов на бедре Блэкторна. Тот издал звук, напоминающий хлопок выстрела, – много лет назад здесь сквозь его плоть прошла пуля. Доктор сказал: «*A, со дэс?*» – и кивнул. Прощупал глубоко, но безболезненно, пах и живот. Наконец заговорил с Рако, та кивнула, поклонилась и поблагодарила его.

– *Ити бан?* – спросил Блэкторн, желая знать, все ли нормально.

– *Хай*, Андзин-сан.

– *Хонто ка?*

– *Хонто*.

«Какое полезное слово *хонто*», – подумал Блэкторн.

– *Домо*, доктор-сан.

– *До итасимаситэ* (заходите еще, не думайте о той ране), – произнес врач, кланяясь.

Блэкторн поклонился в ответ. Девушки повели его дальше, и вот наконец он лежит на футоне, в распахнутом хлопчатобумажном кимоно, а Соно растирает ему спину. Он вспомнил, как стоял голый перед девушками и самураем, словно так и нужно, и не чувствовал стыда.

– *Нан дэс ка* (в чем дело), Андзин-сан? Почему вы смеетесь? – спросила Рако. Ее белые зубы сверкали, а брови были выщипаны и подведены в виде дуги. Свои черные волосы она носила высоко подобранными, на ней было кимоно в розовых цветах с серо-зеленым поясом.

«Потому что я счастлив, Рако-сан. Но как сказать это тебе? Как могу я сказать, что смеюсь, потому что счастлив, сбросил всю тяжесть с души впервые с тех пор, как оставил дом. Потому что моя спина чувствует себя прекрасно и все во мне прекрасно. Потому что я поговорил с Торанагой и дал три полных бортовых залпа по проклятым Богом иезуитам и шесть по этим сифилитикам-португальцам!» Тут он вскочил, плотно запахнул кимоно, затянул пояс

и пустился в пляс. Выделывая коленца матросского танца, он напевал, чтобы поддерживать темп.

Рако и другие девушки пришли в возбуждение. Сёдзи тут же открылись, и теперь еще стража дивилась на него. Блэкторн танцевал и горланил матросскую песню, пока не обессилел, расхохотался и рухнул. Девушки захлопали. Рако попыталась повторить движения, но не смогла: мешало волочащееся по полу кимоно. Другие уговаривали его показать, как это делается. Он попытался. Три девушки встали в ряд, следя за его ногами и придерживая кимоно. Но они не преуспели, и скоро все принялись болтать, хихикать и передразнивать друг друга.

Стража внезапно сделалась очень серьезной и низко поклонилась. В дверях показался Торанага, по бокам его стояли Марико, Кири и обычная охрана. Девушки опустились на колени, положили руки на пол, чтобы отбить поклон, но лица их еще дышали смехом, и не было на них страха. Блэкторн поклонился вежливо, но не так низко, как женщины.

– *Коннити ва*, Торанага-сама, – произнес Блэкторн.

– *Коннити ва*, Андзин-сан, – ответил Торанага. Потом задал вопрос.

– Мой господин спрашивает, что вы делали, сеньор? – перевела Марико.

– Просто танцевал, Марико-сан, – пояснил Блэкторн, чувствуя себя глупо. – Это хорнпайп, матросский танец. Его пляшут поодиночке и при этом поют шанти – такие моряцкие песни. Я был просто счастлив, может быть из-за sake. Извините, надеюсь, я не огорчил Торанага-сама.

Она передала его слова.

– Мой господин говорит, что хотел бы посмотреть танец и послушать песню.

– Сейчас?

– Конечно сейчас.

Торанага сел, скрестив ноги, его маленькая свита разместилась в разных углах комнаты. Все выжидательно смотрели на Блэкторна.

«Ну ты и глупец, – обругал себя Блэкторн. – Вот что бывает, когда расслабишься. Теперь ты должен дать представление. А знаешь ведь, что голос у тебя хуже некуда и в танце ты неуклюж».

Тем не менее он потуже затянул пояс кимоно и начал с удовольствием скакать, поворачиваться, дрыгать ногами, вертеться,

подпрыгивать, и в его голосе звучала страсть.

Все молчали.

– Мой господин говорит, что не видел ничего подобного за всю свою жизнь.

– *Аригато годзаймасита!* – выдохнул Блэкторн, потев – отчасти от усилий, отчасти от смущения.

Тут Торанага снял свои мечи, отложил их в сторону, подоткнул кимоно повыше и встал рядом с ним.

– Господин Торанага хочет станцевать ваш танец, – пояснила Марико.

– Да?

– Он просит научить его.

И Блэкторн начал. Он показал основные па, повторил их снова и снова. Торанага быстро овладел ими. Блэкторн был удивлен ловкостью этого пузатого, вислозадого пожилого человека.

Блэкторн снова начал петь и танцевать. Торанага присоединился к нему, поначалу робко, подбадриваемый зрителями. Потом Торанага сбросил кимоно, сложил руки и пошел плясать с той же живостью, что и Блэкторн, который тоже скинул кимоно, запел громче и поймал нужный темп, почти преодолев смущение от гротескности происходящего, захваченный комизмом ситуации. Наконец Блэкторн сделал последний скачок и, подпрыгнув на месте, остановился. Захлопал в ладоши и поклонился Торанаге, все остальные тоже захлопали господину, который лучился счастьем.

Торанага сел в центре комнаты, его дыхание было очень ровным. Рако тут же поспешила к нему с веером, другие подбежали с его кимоно. Но Торанага отбросил свое кимоно в сторону Блэкторна и взял его простое кимоно.

Марико пояснила:

– Мой господин говорит, что был бы рад, если бы вы приняли это в подарок. – От себя она добавила: – У нас считается большой честью, когда жалуют кимоно сюзерена, даже старое.

– *Аригато годзаймасита*, Торанага-сама. – Блэкторн низко поклонился, потом сказал Марико: – Да, я понимаю, какая честь мне оказана, Марико-сан. Пожалуйста, поблагодарите господина Торанагу по всем правилам, так как я, к несчастью, еще их не знаю, и скажите

ему, что я буду хранить его подарок. Более того, я очень ценю то, что он сделал для меня, протанцевав со мной наш танец.

Торанага обрадовался еще больше.

С поклонами Кири и служанки помогли Блэкторну надеть коричневое, с пятью красными гербами кимоно господина и показали, как завязать пояс белого шелка.

– Господин Торанага говорит, что доволен танцем. Когда-нибудь он, возможно, покажет вам некоторые из наших танцев. Ему хотелось бы, чтобы вы как можно быстрее научились говорить по-японски.

«Мне бы тоже хотелось этого. Но гораздо больше, – признался себе Блэкторн, – я бы хотел надеть свое платье, поесть привычной пищи в своей каюте, на моем собственном корабле. И чтобы пушки были заряжены, и пистолеты заткнуты за пояс, и ют наклонялся под давлением ветра, наполняющего паруса...»

– Вы не могли бы спросить господина Торанагу, когда я смогу вернуться на свой корабль?

– Сеньор?

– На свой корабль, сеньора. Пожалуйста, спросите его, когда я получу обратно свой корабль. И команду тоже. Весь наш груз забрали – там было двадцать тысяч монет в восьми сундуках. Я уверен, что он понял: мы купцы и, хотя счастливы пользоваться его гостеприимством, хотели бы сбыть товары, которые привезли, и потом вернуться домой. Нам плыть восемнадцать месяцев.

– Мой господин говорит, что вам нет нужды беспокоиться. Все будет сделано как можно скорее. Сначала вы должны поправиться. Вы выезжаете вечером.

– Простите, я не совсем понял, сеньора.

– Господин Торанага говорит, что вы должны выехать в сумерках, сеньор. Что-нибудь не так?

– Нет-нет, вовсе нет, Марико-сан. Но час или около того назад вы упомянули, что я должен выехать через несколько дней.

– Да, но теперь он говорит, что вы выезжаете сегодня вечером. – Она перевела все это Торанаге, который что-то снова возразил. – Мой господин говорит, что лучше и удобней для вас выехать сегодня вечером. Не стоит беспокоиться, Андзин-сан, о вас позаботятся особо. Он посылает госпожу Кирицубо в Эдо, чтобы приготовить там все к его возвращению. Вы едете с ней.

– Пожалуйста, поблагодарите его от моего имени. Могу я спросить, нельзя ли освободить брата Доминго? Этот человек обладает большими познаниями.

Она перевела.

– Мой господин говорит: этот человек мертв. За ним послали сразу после того, как вы вчера попросили об этом, но он уже был мертв.

Блэкторн ужаснулся:

– Как он умер?

– Мой господин говорит, что он умер, когда его вызвала стража.

– О! Бедняга!

– Мой господин говорит, что смерть и жизнь – это одно и то же. Душа священника будет ждать сорокового дня, а потом воплотится снова. Зачем печалиться? Это неизменный закон природы. – Она о чем-то заговорила, но передумала, и только добавила: – Буддисты считают, что мы переживаем много рождений, или воплощений, Андзин-сан. До тех пор, пока наконец не станем совершенными и не достигнем нирваны – неба.

Блэкторн на миг прогнал печаль и сосредоточился на Торанаге и присутствующих:

– Можно ли мне спросить, что с моей командой?

Он остановился, так как Торанага отвел взгляд. Молодой самурай поспешно вошел в комнату, поклонился Торанаге и замер в ожидании.

Торанага сказал:

– *Нан дзя?*

Блэкторн ничего не понял из разговора, кроме того, что, как ему показалось, разобрал прозвище отца Алвито – Цукку-сан. Он заметил, что глаза Торанаги скользнули по нему, заметил тень улыбки и подумал, не послал ли Торанага за священником из-за того, что он, Блэкторн, рассказал. «Надеюсь, что это так и что Алвито в дерьме по самые уши. Он это или не он?» Блэкторн решил не спрашивать Торанагу, хотя ему очень хотелось.

– *Карэ ни мацу ёни*^[33], – бросил Торанага.

– *Дзёи*^[34]. – Самурай поклонился и быстро ушел.

Торанага повернулся к Блэкторну:

– *Нан дзя*, Андзин-сан?

– Вы что-то говорили, капитан? – спросила Марико. – О вашей команде?

– Да. Не мог бы Торанага-сама взять ее под свою защиту тоже? Проследить, чтобы о ней заботились? Ее тоже пошлют в Эдо?

Она спросила Торанагу. Тот заткнул мечи за пояс своего короткого кимоно.

– Мой господин говорит: конечно, распоряжения уже сделаны. Вам не стоит беспокоиться. И о корабле тоже.

Торанага встал. Все начали кланяться, но Блэкторн неожиданно вмешался:

– Одна последняя вещь. – Он остановился и обругал себя, поняв, что был невежлив.

Торанага явно завершил беседу, все начали раскланиваться, но были остановлены словами Блэкторна и теперь растерялись, не зная, закончить ли поклоны или подождать и начать кланяться снова.

– *Нан дзя*, Андзин-сан? – Голос Торанаги прозвучал резко и недружелюбно, потому что и он был мгновенно выведен из равновесия.

– *Гомэн насай*, извините, Торанага-сама. Я не хотел вас обидеть. Я только хотел спросить, будет ли госпоже Марико позволено поговорить со мной до того, как я уеду? Это поможет мне.

Она спросила Торанагу.

Торанага только буркнул что-то властно-утвердительное и ушел, сопровождаемый Кири и личной охраной.

«Обидчивые вы все, негодяи, – подумал Блэкторн. – Боже мой, ты должен быть аккуратней». Он вытер лоб рукавом и тут же заметил огорчение на лице Марико. Рако торопливо предложила маленький носовой платочек, которые, похоже, держала наготове в неистощимых количествах за оби. С запозданием Блэкторн вспомнил, что на нем кимоно «господина». Очевидно, это неучтиво – вытирать вспотевший лоб рукавом господского одеяния. «Похоже, ты совершил еще одно кощунство! Я никогда не научусь их церемониям – разве что на небе!»

– Андзин-сан? – Рако предлагала sake.

Он поблагодарил ее и выпил. Она тут же наполнила чашку. Блэкторн заметил, что у всех на лбу блестит пот.

– *Гомэн насай*, – сказал он всем, извиняясь, взял чашку и в шутку предложил ее Марико. – Я не знаю, вежливо это или нет, но вам не хотелось бы sake? Это можно? Или я должен разбить себе голову об пол?

Она засмеялась:

– О да, это достаточно вежливо, и не надо, не разбивайте голову. Не надо извиняться передо мной, капитан. Мужчина не должен извиняться перед женщиной. Что бы он ни сделал, все правильно. По крайней мере, в это верим мы, женщины. – Она перевела свои слова девушкам, и те кивнули очень серьезно, но глаза их смеялись. – Вы не могли знать, Андзин-сан, – продолжала Марико, потом пригубила саке и вернула чашку. – Спасибо, но я больше не хочу, спасибо вам. Саке сразу бьет мне в голову и в колени. Но вы быстро учитесь. Это, наверное, очень трудно для вас. Не беспокойтесь, господин Торанага сказал мне, что нашел ваши способности исключительными. Он никогда бы не подарил вам свое кимоно, если бы не был вами очень доволен.

– Он послал за Цукку-саном?

– Отцом Алвито?

– Да.

– Вам следовало бы спросить его самого, капитан. Мне он ничего не говорил. Эти премудрости для него – не для женщин. Женщины ничего не смыслят в политике.

– *А, со дэс ка?* Хотел бы я, чтобы все наши женщины были такими же мудрыми.

Марико обмахивалась веером, удобно устроившись на коленях и подобрав под себя ноги.

– Ваш танец был превосходен, Андзин-сан. Ваши дамы танцуют так же?

– Нет, только мужчины. Это мужской танец. Танец моряков.

– Вы хотели задать мне вопросы, но можно сначала я вас спрошу?

– Конечно.

– Какая у вас жена?

– Ей двадцать девять лет. Высокая по сравнению с вами. По нашим меркам, во мне шесть футов два дюйма, а в ней около пяти футов восьми дюймов, а в вас около пяти футов, так что она на голову выше, чем вы, и вообще крупнее – я имею в виду, пропорционально. Ее волосы цвета... – он указал на полированные кедровые брусья, и все взгляды обратились в ту сторону, а потом снова на него, – ...вот такого цвета. Белокурые с рыжеватым оттенком. Глаза у нее голубые, более

голубые, чем мои, голубовато-зеленые. Она носит длинные волосы в основном распущенными.

Марико перевела это другим, и все вздохнули, разглядывая кедровые брусья, а потом его самураи-часовые так же внимательно слушали. Следующий вопрос задала Рако.

– Рако-сан спрашивает: у нее такое же тело, как у нас?

– Да. Но ягодицы больше и более выпуклые, талия длиннее и... ну, наши женщины вообще более округлые и имеют более тяжелые груди.

– И все ваши женщины – и мужчины – настолько выше нас?

– В целом да. Но есть и такие же маленькие, как и вы. Я думаю, что ваша миниатюрность восхитительна. Очень приятна.

Аса спросила что-то, заинтересовавшее всех.

– Аса желает знать: в постельных делах ваши женщины похожи на наших?

– Извините, не понял.

– О, пожалуйста, простите меня. Это такое выражение для физического соединения мужчины и женщины. Это звучит лучше, чем блуд, правда?

Блэкторн справился со смущением:

– Я имел... э-э... я имел только один... э-э... случай сравнить. Это было... э-э... в деревне. И я не помню всего ясно, потому что... э-э... был истощен путешествием. Наполовину спал, наполовину бодрствовал. Но, как мне показалось, это было вполне удовлетворительно.

Марико нахмурилась:

– Вы любили только один раз с тех пор, как приплыли сюда?

– Да.

– Вы должны чувствовать себя очень напряженным, да? Одна из этих женщин будет рада отдаться вам, Андзин-сан. Или все они, если вы пожелаете.

– Что?

– Конечно. Если вы не хотите никого из них, не стоит беспокоиться. Они, конечно, не будут обижены. Только скажите мне, какого типа женщину вы хотели бы, и мы распорядимся.

– Спасибо, – замылся Блэкторн. – Но не теперь.

– Вы уверены? Пожалуйста, извините меня, но Кирицубо-сан дала четкие указания о том, чтобы о вашем здоровье заботились. Как можно

быть здоровым без любви? Это очень важно для мужчины, правда? О, конечно да.

– Спасибо, но, может быть, позднее.

– У нас много времени. Я с удовольствием зайду позднее. У нас будет масса времени для разговоров, если вы пожелаете. У вас в запасе еще четыре стика, – сообщила она ободряюще. – Вам не надо уезжать до захода солнца.

– Спасибо. Но не теперь, – пробормотал Блэкторн, пораженный такой прямоотой и неделикатностью.

– Им действительно будет приятно угодить вам, Андзин-сан. О! Может быть, вы предпочитаете мальчиков?

– Что?!

– Мальчика. Вам стоит только сказать, если это то, чего вы хотите. – Ее улыбка была бесхитростна, голос деловит.

– Что это значит? Вы серьезно предлагаете мне мальчика?

– Ну да, Андзин-сан. В чем дело? Я только сказала, что мы пришлем сюда мальчика, если вы хотите этого.

– Я не хочу этого! – Блэкторн почувствовал, как кровь прилила к лицу. – Разве я похож на проклятого Богом содомита?

Его слова разнеслись по комнате. Все уставились на него ошеломленно. Марико низко поклонилась, задержав голову у пола:

– Пожалуйста, простите меня, я совершила ужасную ошибку. О, я вас обидела, тогда как пыталась сделать приятное. Я никогда не разговаривала с иностранцами – только со святыми отцами, поэтому не могла узнать ваших... ваших обычаев. Меня никогда им не учили, Андзин-сан, – святые отцы не обсуждали их. Здесь несколько человек иногда хотят мальчиков. Священники время от времени имеют мальчиков, наши и некоторые из ваших. Я по глупости предположила, что ваши обычаи такие же, как и наши.

– Я не священник, и это не наш обычай.

Командир самураев Кадзу Оан наблюдал за всем этим с неудовольствием. Его заботам были вверены безопасность чужеземца и его здоровье, и он видел собственными глазами, какое невероятное благорасположение господин Торанага выказывал Андзин-сану, а теперь Андзин-сан был в ярости.

– В чем дело? – спросил самурай вызывающе, так как было очевидно: глупая женщина сказала что-то, обидевшее его очень

важного подопечного.

Марико объяснила, что она сказала и что ответил Андзин-сан.

– Я правда не понимаю, что так обидело его, Оан-сан.

Оан недоверчиво поскреб голову:

– Он взъярился как бешеный бык только потому, что вы предложили ему мальчика?

– Да.

– Тогда извините, но, может быть, вы были невежливы? Может, сказали что-то не то?

– О нет, Оан-сан. Я совершенно уверена. Я чувствую себя ужасно. Я совершенно точно провинилась.

– Здесь должно быть что-то еще. Что?

– Нет, Оан-сан. Только это.

– Я никогда не пойму этих чужеземцев, – рассердился Оан. – Ради всех нас, пожалуйста, успокойте его, Марико-сан. Видимо, это из-за того, что он так долго не имел женщину. Вы, – приказал он Соно, – дайте еще саке, горячего саке и горячих полотенец! Вы, Рако, погладьте шею этому дьяволу. – Служанки бросились выполнять его указания. Внезапно его осенило. – Хотел бы я знать, не в том ли дело, что он бессилён. Его история о приключении в деревне была довольно туманной, правда? Может, бедняга взбесился, потому что ни на что не способен и вы затронули больное место?

– Извините, но я так не думаю. Доктор сказал, он очень силен.

– Странно... Это бы все объясняло, правда? Случись со мной такое, я бы сам раскричался. Да! Спросите его.

Марико немедленно исполнила приказание, и Оан ужаснулся: кровь снова бросилась чужеземцу в лицо, поток омерзительно звучащей чужеземной речи заполнил комнату.

– Он... он сказал: нет. – Марико перешла почти на шепот.

– И все это означало только «нет»?

– Они... они используют много разных длинных проклятий, когда возбуждены.

Оан взопреп от беспокойства, ведь он отвечал за чужеземца.

– Успокойте его!

Еще один самурай, постарше, произнес с надеждой:

– Оан-сан, может быть, он из тех, кому нравятся собаки, а? Мы слышали странные истории в Корее о поедающих чеснок. Да, они

любили собак и... Я вспоминаю теперь, да, собак и уток. Может, эти золотоголовые похожи на тех, поедающих чеснок? Они так же пахнут, правда? Может быть, он хочет утку?

Оан велел:

– Марико-сан, спросите его! Нет, может быть, лучше не надо. Пусть успокоится... – Он замолчал. К двери приближался Хиромацу. – Приветствую вас, – сказал Оан отрывисто, надеясь, что голос его не дрожит.

Железный Кулак, и прежде помешанный на дисциплине, в последнюю неделю стал похож на тигра с ошпаренным задом, а сегодня был и того хуже. Десятерых понизил в звании за неопрятность. Вся ночная стража с позором маршировала по замку. Двум самураям старик предложил совершить сэппуку, так как они с опозданием заступили на пост. Четыре ночных уборщика были сброшены со стены за то, что рассыпали содержимое мусорного ящика в саду замка.

– Как он ведет себя, Марико-сан? – услышал Оан возбужденный вопрос Железного Кулака. И вздрогнул, уверенный, что глупая женщина, вызвавшая переполох, собирается выболтать всю правду, за которую с них снимут голову.

К своему облегчению, он услышал:

– Все прекрасно, господин, спасибо.

– Вам приказано отправляться к Кирицубо-сан.

– Да, господин.

Когда Хиромацу двинулся дальше с патрулем, Марико задумалась, зачем ее отправляют. «Только ли для того, чтобы переводить разговоры Кири с чужеземцем во время плавания? Едут ли другие женщины Торанаги? Госпожа Садзуко? Не опасно ли для Садзуко в ее положении плыть морем? Я одна поеду с Кири или мой муж едет тоже? Если он останется – а его обязанность быть с господином, – кто будет присматривать за домом? Почему мы должны плыть на корабле? Наверняка Токайдо еще безопасен. Исидо не помешает нам? Да, он мог бы, если учесть ценность как заложников госпожи Садзуко, Кирицубо и остальных. Не потому ли нас посылают морем?»

Марико никогда не любила море. От одного его вида чувствовала себя больной. «Но если я должна ехать, я поеду, и там все закончится. Карма». Она перенеслась мыслями от неизбежного к сиюминутным

сложностям с этим непонятным чужеземцем, который не вызывал у нее ничего, кроме огорчения.

Оан, едва Железный Кулак исчез за углом, поднял голову, и все вздохнули с облегчением. Аса торопливо шла по коридору с саке, Соно – сразу за ней, с горячими полотенцами.

Все наблюдали за тем, как обслуживают чужеземца. Изучали его недовольное лицо и то, как он принял саке и горячие полотенца с холодной благодарностью.

– Оан-сан, почему не послать одну из женщин за уткой? – прошептал старый самурай. – Мы просто положим ее около него. Если он захочет, все будет прекрасно, если нет, сделает вид, что не видит ее.

Марико покачала головой:

– Наверное, нам не надо так рисковать. Мне кажется, Оан-сан, этому чужеземцу неприятны всякие разговоры о постели. Он первый такой из всех, прибывавших к нам. Мы должны найти к нему подход.

– Я тоже так думаю, – согласился Оан. – Он был совершенно спокоен, пока не упомянули об этом. – Он сердито взглянул на Асу.

– Извините, Оан-сан. Вы совершенно правы, это полностью моя вина, – признала Аса, кланяясь почти до полу.

– Да. Я пошлю отчет Кирицубо-сан.

– Ой!

– Я действительно думаю, что госпоже следует сообщить, чтобы с ним осторожнее обсуждали постельные дела, – заметила Марико дипломатично. – Вы очень мудры, Оан-сан. Но может быть, Аса оказалась смышленной и избавила госпожу Кирицубо и даже господина Торанагу от ужасного неудобства. Просто подумайте, что бы случилось, если бы Кирицубо-сан сама задала этот вопрос вчера при господине Торанаге! Если бы чужеземец повел себя так же и перед ним...

Оан вздрогнул:

– Пролилась бы кровь! Вы совершенно правы, Марико-сан, Асу следует поблагодарить. Я объясню Кирицубо-сан, как ей повезло.

Марико предложила Блэкторну еще саке.

– Нет, благодарю вас.

– Я еще раз приношу извинения за мою глупость. Вы хотели у меня что-то спросить?

Блэкторн видел, как они говорили между собой, досадуя, что не может понять их, обругать за оскорбления или стукнуть часовых головами.

– Да. Вы сказали, что здесь содомия – это нормально?

– О, извините меня. Может быть, мы обсудим какие-нибудь другие вещи, пожалуйста?

– Конечно, сеньора. Но сначала давайте закончим с этим. Сodomия здесь считается нормальным делом, вы сказали?

– Все, что связано с телесной близостью, нормально, – заявила она вызывающе, раздраженная его невоспитанностью и очевидной глупостью, вспомнив, что Торанага велел осведомлять чужеземца обо всех вещах, не связанных с политикой, но потом пересказать ему, Торанаге, все, о чем они говорили. И почему она должна терпеть всякий вздор от чужеземца, возможно пирата, осужденного на смерть, пусть даже приговор временно отменили, к удовольствию Торанаги? – Сношение совершенно нормально. И если мужчина предпочитает совокупляться с другим мужчиной или мальчиком, какое кому дело до этого, кроме них самих? Какой от этого вред им или другим – мне либо вам?

«Что это я? – подумала она. – Глупая пария. Безмозглая торговка откровенничает с чужеземцем. Нет. Я из касты самураев! Да, это так, Мариико, но ты также скудоумна. Ты женщина и должна обращаться с ним как с любым другим человеком, которому надо льстить, поддакивать, которого надо задабривать. Ты забыла о своих приемах. Почему в его присутствии ты ведешь себя как двенадцатилетняя девочка?»

Она умышленно смягчила тон:

– Но если вы думаете...

– Сodomия – ужасный грех, дьявольский, проклятая Богом мерзость, и негодяи, которые занимаются этим, – отбросы земли! – Блэкторн не слушал ее, все еще страдая от оскорбления.

«Как могла она вообразить, что я один из этих? Христова кровь, как она могла?! Успокойся! – одернул он себя. – Ты говоришь как изъеденный сифилисом фанатичный пуританин-кальвинист! И почему ты так настроен против содомитов? Не потому ли, что они есть на каждом корабле, что большинство моряков испробовали этот путь, ибо как еще могли они остаться в здравом уме, проводя столько месяцев в

море? Не потому ли, что ты сам был соблазнен и ненавидел себя за это? Не потому ли, что, когда ты был молод, тебе пришлось защищаться? Однажды тебя повалили и чуть не изнасиловали, но ты вырвался и убил одного из этих негодяев. Нож попал в горло. Тебе было двенадцать, и эта смерть стала первой в твоём длинном списке смертей».

– Это Богом про́клятый грех – и абсолютно против законов Бога и человека! – воскликнул он.

– Конечно, это слова христианина, которые относятся к другим вещам! – ответила она ледяным тоном, вопреки себе охваченная желанием сказать грубость. – Грех? В чём здесь грех?

– Вам следовало бы знать. Вы ведь католичка. Вы были обращены иезуитами?

– Святой отец научил меня говорить по-латыни и по-португальски и писать на этих языках. Я не понимаю, какое значение вы вкладываете в слово «католичка», но я христианка, уже почти десять лет, и нет, они ни разу не говорили с нами о физической близости. Я никогда не читала ваших книг о ней – только религиозные книги. Телесная близость – грех? Как это может быть? Как может что-то, что даёт людям радость, быть грешным?

– Спросите отца Алвито!

«Не думаю, чтобы я решилась», – призналась она себе в смятении.

– Мне приказали не обсуждать ничего, что здесь говорится, ни с кем, кроме Кири и моего господина Торанаги. Я просила Бога и Мадонну помочь мне, но они не ответили. Я только знаю, что вы с тех пор, как прибыли сюда, не принесли с собой ничего, кроме горя. Если это грех, как вы говорите, почему так много наших священников занимаются этим и всегда занимались? Некоторые буддийские секты даже рекомендуют это как одну из форм поклонения Богу. Надо ограничивать себя только в сезон дождей. Священники не дьяволы, не все из них. И некоторые из святых отцов, как известно, не чуждаются физической близости, и такой тоже. Разве они дьяволы? Конечно нет! Почему они должны быть лишены обычного удовольствия, если им запрещено иметь дело с женщинами? Глупо говорить, что все связанное с совокуплением – грех и проклято Богом!

– Содомия отвратительна, против всех законов! Спросите вашего духовника!

«Ты сам отвратителен, ты! – хотелось крикнуть Мариико. – Как осмеливаешься ты быть таким грубым? Как можешь быть таким глупым? Против Бога, ты говоришь? Что за глупость! Против твоего дьявольского Бога, может быть. Ты называешь себя христианином. Нет, ты явный лжец и мошенник. Может быть, ты и знаешь немало необычных вещей и бывал в диковинных местах, но ты не христианин – богохульник. Ты послан Сатаной? Грехи? Какая ерунда!

Ты говоришь так напыщенно об обычных вещах и ведешь себя как сумасшедший. Ты выводишь из терпения святых отцов, расстраиваешь Торанагу, сеешь раздор между нами, расшатываешь нашу веру и мучаешь нас сомнениями в том, что верно, а что нет, зная, что мы не можем немедленно доказать тебе свою правоту.

Я хочу сказать, что презираю и тебя, и всех варваров. Да, варвары вокруг меня. Не они ли ненавидели моего отца, потому что тот, не доверяя им, открыто просил Городу выбросить их всех с нашей земли? Разве не чужеземцы отравили ум Города, так что он возненавидел моего отца, своего самого верного военачальника, человека, который помогал ему даже больше, чем Накамура или Торанага? Разве не чужеземцы виновны в том, что Города оскорбил моего отца и тем свел его с ума, заставив поступать необдуманно, сделаться причиной всех моих несчастий?

Да, они сотворили все это, и даже больше того. Но именно они принесли бесподобное слово Божье, и в темные часы моей нужды, когда я вернулась из ужасной ссылки в еще более ужасную жизнь, отец-инспектор показал мне путь, открыл мне глаза и душу и крестил меня. Это дало мне силы выдержать, наполнило мое сердце безграничным миром, освободило меня от вечных мук и осчастливило обещанием вечного спасения.

Что бы ни случилось, я в руках Бога. О Мадонна, пошли мне мир и помощи этому бедному грешнику преодолеть твоего врага!»

– Извините меня за грубость, – произнесла она. – Вы правы, что рассердились. Я только глупая женщина. Пожалуйста, будьте терпеливы и простите меня, Андзин-сан.

Гнев Блэкторна сразу стал стихать. Какой мужчина может долго сердиться на женщину, если она открыто признается, что была не права, а он прав?

– Я тоже прошу прощения, Марико-сан, – сказал он, немного смягчаясь, – но у нас предположить, что мужчина – содомит, самое сильное из оскорблений.

«Тогда вы все незрелы и глупы настолько же, насколько подлы, грубы и невоспитанны. Но чего еще ожидать от чужеземцев?» – сказала она себе и произнесла с покаянным видом:

– Конечно, вы правы... Я не имела в виду ничего плохого. Пожалуйста, примите мои извинения. О да... – вздохнула она. Голос Марико был так медоточив, что даже ее муж сразу бы успокоился, пребывая он в самом плохом расположении духа. – О да, это была полностью моя ошибка.

Солнце уже достигло горизонта, а отец Алвито все еще ждал в зале для аудиенций, судовые журналы оттягивали ему руки.

«Проклятый Блэкторн!» – думал он.

Первый раз Торанага заставил его ждать, первый раз за многие годы. Он, Мартин Алвито, не ждал никого из даймё, даже тайко. В последние восемь лет правления тайко предоставил ему невероятную привилегию немедленного доступа, и так же сделал Торанага. Но тайко даровал эту милость из уважения к тому весу, который приобрел в Японии отец Алвито, и к его дальновидности в делах. Знание тайных пружин международной торговли помогло Мартину увеличить и без того невероятно большое состояние тайко. Будучи почти неграмотным, тайко обладал удивительными способностями к языкам и безмерным знанием политики. Так Алвито посчастливилось сесть в ногах у деспота, чтобы учить и учиться и, если на то будет воля Божья, обратить в свою веру. Это была особая работа, которой он дотошно овладевал под руководством дель Акуа, находившего ему лучших учителей из числа иезуитов и португальских купцов, что торговали в Азии. Алвито стал наперсником тайко, одним из четырех человек – и единственным иностранцем, – допущенных в личную сокровищницу тайко.

В нескольких сотнях шагов была главная башня замка, хранилище. Она возвышалась на семь этажей, защищенная множеством стен и укреплений. На четвертом этаже имелось семь комнат с железными дверьми. Каждая была забита золотыми слитками и ящиками с золотыми монетами. Этажом выше располагались серебряные

кладовые, а еще выше – вместилища редких шелков и керамики, а также арсенал, где хранились мечи и другое вооружение.

«В нашем современном исчислении, – думал Алвито, – стоимость всего этого должна составлять по крайней мере пятьдесят миллионов дукатов, больше годового дохода всей испанской и всей португальской империи, а также остальной Европы, вместе взятых. Самое большое личное состояние на земном шаре, воплощенное в сокровищах. Разве это не огромное достижение? – размышлял он. – Разве тот, кто распоряжается в Осакском замке, не имеет власти над всем этим немислимым состоянием? И разве это состояние не дает ему власти над всей страной? Не для того ли Осаку сделали неприступной, чтобы защитить богатство? Не за тем ли страну залили кровью, чтобы в этой неприступной цитадели надежно хранить золото до того времени, когда вырастет Яэмон? Имея сотую часть этих сокровищ, мы могли бы построить собор в каждом городе, церковь в каждом селении, миссию в каждой деревне по всей стране. Если бы мы только могли получить его, чтобы использовать во славу Бога!»

Тайко любил власть. И любил золото за ту власть, которую оно дает над людьми. Сокровища были собраны за шестнадцать лет единовластного правления и складывались из огромных обязательных подношений всех даймё, которых по обычаю ожидали от них ежегодно, и из доходов от собственных владений. По праву завоевателя тайко владел четвертой частью всей земли. Его годовой доход превышал пять миллионов коку. И как Господин Всей Японии с императорским мандатом он мог притязать на все доходы всех поместий. Он никому не платил налогов. Но все даймё, все самураи, все крестьяне, все ремесленники, все купцы, все грабители, все парии, все чужеземцы, даже *эта* платили налоги ему, добровольно и немалые. Для собственной безопасности.

«Пока Осака стоит нерушимо и наследство тайко недоступно, – сказал себе Алвито, – а Яэмон де-факто остается хранителем сокровища, есть шанс, что он будет править, когда вырастет, несмотря на Торанагу, Исидо и прочих. Жаль, что тайко умер. При всех его недостатках мы знали этого дьявола и могли ладить с ним. Жаль, что убили Города, который был нашим настоящим другом. Но он мертв, так же как и тайко, и теперь нам надо искать подход к новым язычникам – Торанаге и Исидо».

Алвито вспомнил ночь смерти тайко. Португалец был призван к ложу умирающего вместе с Ёдоко, женой тайко, и госпожой Отибой, его наложницей и матерью наследника. Они долго ждали в спокойствии бесконечной летней ночи.

Агония началась и подошла к концу.

– Его дух уходит. Теперь он в руках Бога, – сказал Алвито тихо, когда убедился в этом. Он перекрестил и благословил тело.

– Может быть, Будда заберет к себе моего господина и в новом воплощении он еще раз возьмет страну в свои руки, – произнесла Ёдоко, тихо плача.

Эта милостивая женщина из знатного самурайского рода была тайко верной женой и советчицей сорок четыре года из своих пятидесяти девяти лет. Она закрыла умершему глаза и придала его телу достойный вид, что было ее привилегией, печально поклонилась три раза и оставила его и госпожу Отибу.

Смерть тайко была легкой. Он болел несколько месяцев, и конец ожидался этим вечером. Несколько часов назад он открыл глаза, улыбнулся Отибе и Ёдоко и прошептал – его голос прерывался, подобно тонкой нити: «Слушайте, это мое предсмертное стихотворение!

Как капля я рожден,
Как капля я исчезну.
Осакский замок и все, чего я достиг,
Лишь только сон...
В таком же точно сне
Пред шагом в эту бездну».

Последняя улыбка деспота, такая нежная, досталась женщинам и ему.

«Берегите моего сына, вы все». И глаза его закрылись навеки.

Отец Алвито вспомнил, как тронут был последним стихотворением, передающим самую суть тайко. Будучи призван к одру, святой отец надеялся, что на пороге смерти властелин Японии одумается и примет истинную веру и причастие, над которыми смеялся столько раз. Но этого не случилось.

– Ты навсегда потерял Царство Божие, бедняга, – печально пробормотал иезуит, так как всегда восхищался тайко, этим гением

войны и политики.

– А что, если ваше Царство Божие помещается в заднем проходе дикаря? – спросила госпожа Отиба.

– Что? – Он не был уверен, что правильно расслышал, обиженный ее неожиданной и неприличной недоброжелательностью.

Он знал госпожу Отибу почти двенадцать лет, с тех пор как ей исполнилось пятнадцать и тайко взял ее в наложницы. Она всегда была послушной, свехуслужливой и безгласной, улыбка счастья не сходила с ее лица. Но сейчас...

– Я сказала: «А что, если ваше Царство Божие находится в заднем проходе дикаря?»

– Помилуй вас Бог! Ваш властелин умер всего несколько минут назад.

– Мой властелин умер, а с ним и все ваше влияние, не так ли? Он хотел, чтобы вы бдели у смертного ложа, очень хорошо, это было его право. Но теперь он в «великой пустоте» и больше не командует. Теперь командую я. Священник, от вас воняет, от вас всегда воняло, и ваша вонь отравляет воздух. Сейчас же покиньте мой замок и оставьте нас с нашим горем!

Спокойное пламя свечи вдруг метнулось вверх, озарив ее лицо. Она была одной из самых красивых женщин в стране. Непроизвольно он осенил себя крестом, как бы защищаясь от овладевшего ею дьявола.

Смех ее был холоден.

– Уходите, священник, и никогда не возвращайтесь. Ваши дни сочтены!

– Не более, чем ваши. Я в руках Бога, госпожа. Лучше бы вы подумали о Нем. Вечное спасение можете обрести и вы, если уверуете.

– Что? Вы в руках Бога? Христианского Бога, да? Может быть, а может, и нет. Что вы будете делать, священник, когда, испустив дух, узнаете, что там нет никакого Бога, что нет преисподней и ваше вечное спасение только сон во сне?

– Я верую! Я верую в Господа, и в Воскресение, и в Святого Духа, – провозгласил он. – Христианская вера не дает ложных обещаний. Они сбудутся, сбудутся – я верю!

– Цукку-сан!

Какое-то время он слушал японскую речь и не понимал ее.

В дверном проходе стоял Торанага, окруженный стражей.

Отец Алвито поклонился, приходя в себя, спина его и лицо были мокры от пота.

– Прошу простить, что пришел без приглашения. Я просто грезил наяву. Вспоминал множество вещей, свидетелем которых мне посчастливилось стать в Японии. Кажется, вся моя жизнь прошла здесь.

– Вам повезло, Цукку-сан.

Торанага устало подошел к помосту и сел на простую подушку. Охрана молча расположилась вокруг него живым заслоном.

– Вы приехали сюда на третий год Тэнсё, не так ли?

– Нет, господин, это был четвертый год, год крысы, – ответил он, пользуясь японским календарем, на усвоение которого у него ушли месяцы.

Летосчисление шло от определенного года, выбранного правящим императором. Катастрофа или доброе предзнаменование могли стать концом или началом эры по его прихоти. Мудрецы получали приказ выбрать название для новой эры, способное послужить благоприятным предвозвестием, из древних китайских книг. Эра могла длиться год или пятьдесят лет. *Тэнсё* означало «Праведность неба». Наступлению этой эры предшествовал год катастрофических приливов, когда погибло двести тысяч человек. Каждому году присваивались имя и номер, одна и та же последовательность, как и у часов дня: заяц, дракон, змея, лошадь, коза, обезьяна, петух, собака, свинья, крыса, бык и тигр. Первый год Тэнсё был годом петуха, так это и продолжалось, и 1576 год оказался годом крысы и четвертым годом Тэнсё.

– Много всего произошло за это время, не правда ли, старина?

– Да, господин.

– Да, возвышение и смерть Города, возвышение тайко и его смерть. А теперь? – Слова отражались от стен.

– Все в руках Бесконечности. – Алвито использовал слово, которое одинаково могло означать и Бога, и Будду.

– Ни господин Города, ни тайко не верили ни в богов, ни в вечность.

– Разве Будда не сказал, что есть много путей в нирвану, господин?

– О, Цукку-сан, вы мудрый человек. Как это можно быть таким мудрым в вашем возрасте?

– Я искренне хочу, чтобы так и было, господин. Тогда я мог бы принести вам больше пользы.

– Вы хотели видеть меня?

– Да. Я думал, это достаточно важно, чтобы явиться без приглашения.

Алвито вынул судовые журналы Блэкторна и положил их на пол перед Торанагой, дав объяснение, которое предложил ему дель Акуа. Он видел, как лицо Торанаги окаменело, и обрадовался этому.

– Доказательства того, что он – пират?

– Да, господин. В журналах есть даже точные слова приказов, которые они получили: «При необходимости приставать к берегу и силой заявлять свои права на любую достигнутую или открытую территорию». Если хотите, я могу сделать точный перевод всех таких мест.

– Переведите все. И побыстрее, – потребовал Торанага.

– Есть и еще кое-что, что отец-инспектор считает нужным сообщить вам.

Алвито повел речь о картах, отчетах, черном корабле, как договаривались, и с радостью отметил положительный отклик.

– Превосходно! – одобрил Торанага. – Вы уверены, что черный корабль выйдет так рано? Абсолютно уверены?

– Да, – твердо заявил отец Алвито. «О Боже, пусть все произойдет, как мы хотим!»

– Хорошо. Скажите вашему сеньору, что я хочу прочитывать его отчеты, да, думаю, ему потребуется несколько месяцев, чтобы проверить все.

– Он сказал, что приготовит отчеты как можно скорее. Мы пришлем вам карты, как вы хотели. Нельзя ли генерал-капитану побыстрее получить таможенные бумаги? Это будет очень ценно, если черный корабль придет пораньше, господин Торанага.

– Вы готовы поручиться, что корабль придет рано?

– Ни один человек не может ручаться за ветры и бури. Но корабль рано выйдет из Макао.

– Вы получите бумаги до захода солнца. Что-нибудь еще? Меня не будет три дня до тех пор, пока Совет регентов не примет решения.

– Нет, господин. Благодарю вас. Я молюсь, чтобы Вечность хранила вас, как всегда. – Алвито поклонился и ждал, когда его

отпустят, но вместо этого Торанага отпустил своих стражей.

Впервые Алвито видел даймё без свиты.

– Подойдите и сядьте здесь, Цукку-сан. – Торанага указал место на помосте около себя.

Алвито никогда раньше не приглашали на помост. «Что это – знак доверия или приговор?»

– Война приближается, – сообщил Торанага.

– Да, – ответил иезуит и подумал, что война никогда не кончится.

– Христианские правители Оноси и Кияма непонятно почему идут против моей воли.

– Я не могу отвечать ни за кого из даймё, господин.

– Ходят плохие слухи, не так ли? О них и других даймё-христианах.

– Мудрые люди всегда держат в сердце интересы страны.

– Да. Но тем временем против моей воли страна разделяется на два лагеря – мой и Исидо. И поэтому интересы каждого лежат по ту или другую сторону. Середины нет. Где лежат интересы христиан?

– На стороне мира. Христианство – религия, господин, она вне политики.

– Ваш святой отец – глава вашей Церкви здесь, в Азии. Я слышал, вы заявили, что можете говорить от имени папы.

– Нам запрещено вмешиваться в политику, господин.

– Вы думаете, Исидо симпатизирует вам? – Голос Торанаги стал строже. – Он вообще против вашей религии. Я всегда выказывал вам свою симпатию. Исидо хочет сразу же ввести в действие указы тайко об изгнании и закрыть страну для всех иностранцев. Я хочу расширить торговлю.

– Мы не имеем влияния на даймё-христиан.

– А как мне повлиять на них?

– Я мало что могу посоветовать вам.

– Вы знаете достаточно, старина, чтобы понять: если Кияма и Оноси пойдут против меня вместе с Исидо и остальными, все прочие даймё-христиане вскоре последуют за ними. Тогда против каждого моего воина встанет по двадцать человек.

– Если начнется война, я буду молиться за вашу победу.

– Мне потребуется нечто большее, чем молитвы, если против одного моего человека встанет двадцать.

– А нет способа избежать войны? Она никогда не кончится, если однажды начнется.

– Я тоже так считаю. Проиграют все: и мы, и чужеземцы, и Христианская церковь. Но если все даймё-христиане сейчас пойдут за мной открыто, войны не будет. Исидо удастся обуздать. Даже если он поднимет знамя и восстанет, регенты смогут уничтожить его, как вредителей на рисовых всходах.

Алвито чувствовал, что вокруг его шеи захлестывается петля.

– Мы здесь только для того, чтобы распространять слово Божье. А не вмешиваться в ваши дела, господин.

– Ваш предыдущий глава предлагал тайко помощь даймё-христиан Кюсю, перед тем как мы покорили эту часть страны.

– С его стороны это была ошибка. Он не имел разрешения Церкви или самих даймё.

– Он предлагал отдать тайко корабли, португальские корабли, чтобы перевезти наши войска на Кюсю, предлагал португальских солдат с ружьями, чтобы помочь нам. Даже против Кореи и против Китая.

– Опять-таки, господин, он заблуждался, действовал без всякого разрешения.

– Скоро каждый должен будет выбрать, Цукку-сан. Да. Очень скоро.

Алвито физически почувствовал, что ему угрожают.

– Я всегда готов служить вам.

– Если я проиграю, вы умрете вместе со мной? Вы совершите *дзэнси* – последуете за мной или пойдете со мной на смерть, как верный слуга?

– Моя жизнь в руках Бога. И смерть тоже.

– Ах да, вашего христианского Бога! – Торанага слегка передвинул свои мечи, потом наклонился вперед. – Оноси и Кияма переходят на мою сторону в течение сорока дней, а Совет регентов отменяет указы тайко.

«Как далеко я могу зайти? – беспомощно спрашивал себя Алвито. – Как далеко?»

– Мы не можем влиять на них, как вы думаете.

– Может быть, ваш руководитель сумеет приказать им. *Прикажите им!* Исидо предаст и вас, и их. Я знаю, почему он так сделает. Такова воля госпожи Отибы. Разве она уже не настраивает наследника против вас?

«Да! – хотел крикнуть Алвито. – Но Оноси и Кияма тайно получили в письменном виде клятвенное обязательство Исидо, позволяющее им назначать воспитателей наследника, один из которых будет христианином. И Оноси, и Кияма принесли священную клятву, что убеждены: вы предадите Церковь, как только уничтожите Исидо».

– Отец-инспектор не может приказать им, господин. Это было бы непростительным вмешательством в ваши дела.

– Оноси и Кияма. Через сорок дней. Указы тайко отменяются, и больше никаких грязных священников. Регенты запретят им появляться в Японии.

– Что?

– Только вы и ваши священники. Никого больше – никаких вонючих попрошайек в черных одеждах, босоногих волосатиков. Тех, кто выкрикивает глупые угрозы и не приносит ничего, кроме несчастий. Вы получите их головы, если захотите. Всех, кто здесь.

Все существо Алвито кричало об опасности. Никогда Торанага не говорил так открыто. «Один неверный шаг – и ты обидишь его, навсегда сделаешь врагом Церкви. Подумать только, что предлагает Торанага! Исключительное право для Церкви по всей стране! Единственное, что хранит чистоту веры и ее безопасность, пока она

набирает силу. Единственная вещь, которая не имеет цены. Единственная вещь, которой никто не может дать – даже папа! Никто – за исключением Торанаги. При открытой поддержке Киямы и Оноси Торанага разгромит Исидо и станет управлять Советом регентов».

Отец Алвито и помыслить не смел, что Торанага удостоит его такой откровенностью. Или предложит так много. Могли ли Оноси и Кияма перекинуться обратно? Эти двое ненавидели друг друга. По причинам, лишь им известным, они объединились против Торанаги. Почему? Что заставит их предать Исидо?

– Я недостаточно подготовлен, чтобы ответить на ваш вопрос, господин, или рассуждать о таких вещах. Я только говорю, что наша цель – спасти души, – произнес он.

– Я слышал, мой сын Нага заинтересовался вашей христианской верой.

«Угрожает ли Торанага или предлагает? – спросил себя Алвито. – Если он предлагает разрешить Наге принять нашу веру, что за удачный это был бы ход. Или он дает понять, что, если мы не пойдём ему навстречу, он прикажет сыну хранить веру прежним богам?»

– Господин, ваш сын один из многих благородных людей, которые обращаются к религии.

Алвито внезапно понял весь масштаб дилеммы, которую поставил перед ним Торанага. «Он угодил в ловушку и вынужден идти на сделку с нами, – подумал святой отец в радостном возбуждении. – Надо попытаться! Чего бы мы ни захотели, он даст это, если мы решим ударить по рукам. Наконец он открыто признал, что даймё-христиане поддерживают равновесие сил! Все, что мы захотим! Что еще нам надо? Ничего, за исключением...»

Он умышленно опустил глаза на судовые журналы, которые положил перед Торанагой, и увидел, как рука даймё потянулась к ним и надёжно упрятала в рукав кимоно.

– Ах да, Цукку-сан, – произнес Торанага мрачно. – Этот новый чужеземец, пират, враг вашей страны... Их скоро много приплывет сюда, не так ли? Они могут встретить хороший прием – или плохой. Как этот пират, правда?

Отец Алвито понял, что они получают все. «Попросить, что ли, голову Блэкторна на серебряном блюде, чтобы она, как голова Иоанна Крестителя, скрепила сделку? Или потребовать разрешения построить

собор в Эдо либо в Осацком замке?» Впервые в жизни он чувствовал себя беспомощным, не способным дать единственно правильный ответ.

«Мы не хотим больше того, что предложено! О, если бы я мог сейчас же заключить сделку! Если бы это зависело от меня одного, я бы рискнул. Я знаю Торанагу и поставил бы на него. Я бы согласился попытаться и поклялся священной клятвой. Да, я бы отлучил от Церкви Оноси или Кияму, если бы они не согласились, чтобы добиться преимущества для Матери-Церкви. Две души против десятков тысяч, сотен тысяч, миллионов. Это честно! Я бы сказал – да, да, да, во славу Господа Бога. Но я ничего не решаю, как вы знаете. Я только посланец, и часть моего сообщения...»

– Мне нужна помощь, Цукку-сан. Она нужна мне теперь.

– Все, что я могу сделать, будет сделано, Торанага-сама. Я вам обещаю.

Тогда Торанага подвел черту:

– Я буду ждать сорок дней. Да. Сорок дней.

Алвито поклонился. Он заметил, что ответный поклон Торанаги был ниже и чопорнее, чем раньше, почти как если бы он кланялся самому тайко. Священник встал покачиваясь, вышел из комнаты, в коридоре прибавил шагу. Он торопился.

Торанага наблюдал за иезуитом из амбразуры, видел, как тот далеко внизу пересек сад. Край сѣдзи опять отодвинулся, но он обругал самурая и приказал страже под страхом смерти оставить его одного. Глаза Торанаги напряженно следили за Алвито, миновавшим крепостные ворота, и так до тех пор, пока священник не затерялся в лабиринте замковых построек.

Затем Торанага, оставшийся в безмолвном уединении, заулыбался. Подобрал кимоно, он начал пританцовывать. Это был хорнпайп.

Глава 21

Сразу же после наступления сумерек Кири, тяжело переваливаясь, спустилась по ступенькам, сопровождаемая двумя служанками. Она направилась к паланкину с задернутыми занавесками, стоявшему около чайного домика. Просторный плащ, надетый поверх дорожного кимоно, делал ее еще толще – просто необъятной, тесемки широкополой шляпы были завязаны под подбородком.

Госпожа Садзуко, заметно отяжелевшая в ожидании родов, терпеливо ждала ее на веранде. Марико стояла рядом. Блэкторн, в коричневом кимоно с поясом, таби и сандалиях, прислонился к стене у крепостных ворот. На переднем дворе, за воротами, плотным строем стоял эскорт из шестидесяти хорошо вооруженных самураев, каждый третий был с факелом. Неподалеку Ябу разговаривал с Бунтаро, мужем Марико, низеньким толстяком, почти не имевшим шеи. Оба были в кольчугах с луками и колчанами через плечо, а Бунтаро надел еще рогатый стальной шлем. Носильщики паланкина и те, кто должен был тащить груз, в полной тишине покорно сидели на корточках около многочисленного багажа.

Слабый бриз принес обещание лета, но, кроме Блэкторна, этого никто не заметил, и даже он чувствовал напряжение, охватившее всех. Он к тому же остро ощущал, что единственный не имеет оружия.

Кири взобралась на веранду.

– Вам не следовало ждать на холоде, Садзуко-сан. Вы можете простудиться! Сейчас необходимо помнить о ребенке. Эти весенние вечера такие промозглые.

– Мне не холодно, Кири-сан. Вечер приятный, для меня это только в удовольствие.

– Все нормально?

– О да. Все в порядке.

– Я бы не хотела уезжать. Ненавижу отъезды.

– Нет нужды тревожиться, – успокоила Марико, присоединяясь к ним. На ней тоже была шляпа с широкими полями, но поярче, чем у Кири. – Радуйтесь, что возвращаетесь в Эдо. Наш господин через несколько дней последует за нами.

– Кто знает, что будет завтра, Марико-сан?

– Будущее в руках Господа.

– Завтра будет приятный день, а если нет, так что ж... – подхватила Садзуко. – Кто думает о завтра? Сегодня хорошо. Вы красивы, и нам будет не хватать вас, Кири-сан, и вас, Мариико-сан! – Она глянула в сторону ворот, отвлеченная криком Бунтаро, который распекал самурая, уронившего факел.

Ябу, старший над Бунтаро, номинально считался командиром. Он увидел, что пришла Кири, и прошествовал обратно через ворота. Бунтаро шел с ним.

– О, господин Ябу, господин Бунтаро, – затараторила Кири с суетливым поклоном. – Извините, что заставила вас ждать. Господин Торанага собирался спуститься, но потом решил не ходить. «Вы можете ехать», – сказал он. Пожалуйста, извините меня.

– Не стоит извиняться. – Ябу хотел покинуть замок как можно скорее. Оставить Осаку и вернуться в Идзу. Он все еще с трудом верил, что уезжает живым, с чужеземцем, ружьями и всем остальным. Он отправил срочные послания голубиной почтой своей жене в Эдо, чтобы быть уверенным, что все приготовят в Мисиме, его столице, и Оми, в деревню Андзиро. – Вы готовы?

В глазах Кири заблестели слезы.

– Только дайте мне перевести дух, и я спущусь к носилкам. О как мне не хочется уезжать! – Она огляделась кругом, ища Блэкторна, и наконец увидела его в тени. – Кто отвечает за Андзин-сана? Пока мы не погрузимся на корабль?

Бунтаро пробурчал:

– Я приказал ему идти около носилок моей жены. Если она не сможет с ним управиться, я смогу.

– Может быть, господин Ябу, вам следовало бы сопровождать госпожу Садзуко?

– Стража!

Предупреждающий крик раздался с переднего двора. Бунтаро и Ябу поспешили к воротам в крепость, а за ними – и все сопровождающие, и еще больше людей хлынуло из внутренних помещений.

Исидо шествовал по проходу между стенами замка во главе двухсот самураев в сером. Он остановился на переднем дворе у ворот, и, хотя никто ни с той, ни с другой стороны не проявлял враждебности

и ни у кого не было в руках меча или лука со стрелами, все приготовились к бою.

Исидо поклонился с большим искусством:

– Прекрасный вечер, господин Ябу.

– Да, действительно.

Исидо небрежно кивнул Бунтаро, который ответил небрежно, насколько допускала вежливость. Оба пользовались расположением тайко. Бунтаро командовал полком в Корее, когда Исидо был главнокомандующим. Каждый обвинял другого в измене. Только личное вмешательство тайко предотвратило кровопролитие и кровную месть.

Исидо рассматривал коричневых. Потом на глаза ему попался Блэкторн. Он заметил, что чужеземец отвесил полупоклон, и кивнул в ответ. Сквозь ворота он мог видеть трех женщин и паланкин. Его глаза опять остановились на Ябу.

– Такое впечатление, что вы собрались воевать, Ябу-сан, а не сопровождать госпожу Кирицубо.

– Хиромацу так распорядился из-за этого убийцы из секты Амиды...

Ябу умолк, поскольку Бунтаро воинственно протопал вперед и, расставив свои слоновьи ноги, встал посреди ворот:

– Мы всегда готовы к битве, с оружием или без него. Каждый из нас способен выстоять против десяти самураев и против пятидесяти поедателей чеснока. Мы никогда не показываем врагу спину и не бежим, как сопливые трусы, оставляя товарищей на погибель!

Улыбка Исидо была исполнена презрения, его голос звучал раздраженно:

– Да? Может быть, вам скоро представится возможность противостоять настоящим мужчинам, а не поедателям чеснока!

– Как скоро? Почему не сегодня вечером? Почему не здесь?

Ябу осторожно встал между ними. Он тоже был в Корее и знал, что каждый по-своему прав и что доверять нельзя никому, Бунтаро еще меньше, чем Исидо.

– Не сегодня, потому что мы среди друзей, Бунтаро-сан, – проговорил он умиротворяюще, отчаянно желая избежать схватки, которая навсегда удержит их в замке. – Мы среди друзей, Бунтаро-сан.

– Каких друзей? Я знаю друзей, и я знаю врагов! – Бунтаро повернулся к Исидо. – Где мужчина, тот настоящий мужчина, о котором вы говорили, Исидо-сан? А? Или просто мужчина? Дайте мне его, пусть они все выползают из своих нор и становятся передо мной – Тодой Бунтаро, господином Сакуры, если кто-нибудь из них наделен мужеством!

Все приготовились.

Исидо зло оглянулся.

Ябу увещевал:

– Сейчас не время, Бунтаро-сан. Друзья или вра...

– Друзья? Где? В этой навозной куче? – Бунтаро плюнул в пыль.

Рука одного из людей в сером метнулась к рукояти меча, десять коричневых сделали то же, пятьдесят серых отстали только на долю секунды, и теперь все ждали, когда меч Исидо подаст сигнал к атаке.

В это время из тени сада показался Хиромацу, прошел через ворота в передний двор. Свой боевой меч он держал в руках, наполовину вынув из ножен.

– Друзей можно найти и в навозе, сын мой, – сказал он спокойно. Руки выпустили рукоятки мечей. Самураи на противоположных стенах – серые и коричневые – ослабили натяжение тетивы. – Мы имеем друзей во всем этом замке. Во всей Осаке. Наш господин Торанага все время говорит нам об этом. – Он стоял как скала перед своим сыном, единственным, что остался в живых, и видел жажду крови в его глазах. Как только был замечен подходящий Исидо, Хиромацу занял боевую позицию у внутренних ворот. Потом, когда миновала первая опасность, он со спокойствием кошки отошел в тень. Теперь он смотрел в глаза Бунтаро. – Разве это не так, сын мой?

С огромным усилием Бунтаро кивнул и отступил на шаг. Но он все еще закрывал путь в сад.

Хиромацу перенес внимание на Исидо:

– Мы не ожидали вас сегодня вечером, Исидо-сан.

– Я пришел засвидетельствовать свое почтение госпоже Кирицубо. Мне только-только сообщили, что кто-то уезжает.

– Мой сын прав. Нам следовало поинтересоваться, среди друзей ли мы? Или мы заложники, которые должны просить о милости?

– Нет. Но господин Торанага и я согласовали протокол на время его визита. Меня должны уведомлять за день о прибытии и отъезде

высоких гостей, чтобы я мог засвидетельствовать соответствующие чувства.

– Решение господина Торанаги было внезапным. Он не считал, что отъезд одной из его женщин в Эдо – настолько важное дело, чтобы докучать вам, – ответил Хиромацу. – Да, господин Торанага готовится к своему отъезду.

– Это решено?

– Да. Отъезд назначен на тот день, когда будет принято решение на Совете регентов. Вам сообщат точное время согласно протоколу.

– Хорошо. Правда, встреча может быть опять отложена. Господину Кияме становится все хуже.

– Отложена? Или не состоится?

– Я только упомянул о том, что это может быть. Мы надеемся иметь удовольствие видеться с господином Торанагой долгое время, не так ли? Он поедет со мной завтра на охоту?

– Я потребовал, чтобы он отказался от охоты до собрания. Я не считаю это безопасным. Я не считаю, что какое-либо из здешних мест можно назвать надежным. Если грязный убийца способен так легко пройти через ваши кордоны, то с какой же легкостью измена может настичь нас за стенами замка?

Исидо пропустил мимо ушей это оскорбление. Оно еще больше разгорячило его людей, но сейчас это его не устраивало. Он был рад вмешательству Хиромацу, так как сам почти потерял контроль над собой. Мысль о голове Бунтаро, валяющейся в пыли, о его раздробленных зубах захватила Исидо.

– Как вы хорошо знаете, все командовавшие охраной в ту ночь уже отправились в «великую пустоту». К несчастью, члены секты Амиды живут по своим законам. Но они скоро будут уничтожены. Регентов попросят разделаться с ними раз и навсегда. А теперь, может быть, мне будет позволено высказать свои чувства Кирицубо-сан?

Исидо вышел вперед. Его личные телохранители в сером шли за господином. Внезапно все они вздрогнули и остановились. Бунтаро изготовился к стрельбе, и, хотя стрела целилась в землю, тетива была натянута до предела.

– Серым запрещено проходить через эти ворота. Это записано в протоколе!

– Я комендант Осацкого замка и командир охраны наследника! У меня есть право ходить куда угодно!

Хиромасу сразу же овладел ситуацией:

– Верно, вы командир охраны наследника, и вы имеете право ходить куда захочется. Но через эти ворота с вами может пройти только пять человек сопровождения. Разве это не согласовано вами и моим хозяином на время его пребывания здесь?

– Пять или пятьдесят, не имеет значения! Это оскорбление...

– Оскорбление? Мой сын не хотел оскорбить вас. Он следует приказам, согласованным его господином и вами. Пять человек. Пять! – Это прозвучало приказом, и Хиромасу, повернувшись спиной к Исидо, посмотрел на сына. – Господин Исидо оказывает нам честь, желая изъяснить уважение госпоже Кирицубо.

Меч старика на два дюйма выдвинулся из ножен, и никто не знал, обрушится ли клинок на Исидо, если начнется схватка, или на голову его сына, если тот выпустит стрелу. Все знали, что между отцом и сыном нет никакой привязанности – только взаимное уважение к свирепому нраву друг друга.

– Ну, сын мой, что ты скажешь командиру охраны наследника?

Пот стекал по лицу Бунтаро. Мгновение – и он сделал шаг в сторону, ослабил натяжение лука, но держал его наготове.

Много раз Исидо видел Бунтаро среди соревнующихся в стрельбе из лука. В двухстах шагах от цели он выпускал стрелу и, пока та летела, – еще пять. Все они попадали в одну точку. Исидо с радостью приказал бы атаковать и уничтожить и этих двоих, отца и сына, и остальных. Но знал, что будет верхом глупости начать с них, а не с Торанаги. И не известно, не удастся ли, когда начнется война, переманить Хиромасу в свой стан и воевать с ним против Торанаги? Госпожа Отиба сказала, что найдет подход к Железному Кулаку, когда наступит время. Она клялась, что старик никогда не оставит наследника, что она склонит Железного Кулака на свою сторону, отвратит его от Торанаги, а может быть, даже добьется, чтобы он убил своего господина, и таким образом предотвратит столкновение. «Какая тайна, какое знание позволяют ей думать, что она одержит верх над стариком?» – снова и снова спрашивал себя Исидо. Он приказал госпоже Отибе уехать из Эдо, если удастся, до встречи регентов. Ее жизнь не будет стоить рисового зерна после отставки Торанаги, на

которую согласились все остальные регенты. Отставка и сэппуку по принуждению, в случае чего. Если она спасется – хорошо. Если нет – не важно. Наследник будет править через восемь лет.

Исидо вошел через ворота в сад, Хиромацу и Ябу сопровождали его. За ними шли пятеро охранников. Он вежливо поклонился и пожелал счастья Кирицубо. Затем, удовлетворенный, что все идет как надо, повернулся и отбыл со своими людьми.

Хиромацу облегченно вздохнул:

– Теперь вам лучше трогаться, Ябу-сан. Этот рисовый червяк больше не причинит нам беспокойства.

– Да. Сразу же.

Кири вытирала платком пот со лба:

– Это злой kami! Я боюсь за нашего господина. – Из глаз ее потекли слезы. – Я не хочу уезжать!

– Господину Торанаге не причинят вреда, я обещаю вам, госпожа, – утешал Хиромацу. – Вы должны ехать. Сейчас!

Кири попыталась подавить рыдания и опустила на лицо густую вуаль, которая свисала с полей ее широкой шляпы.

– О, Ябу-сама, вы не проводите госпожу Садзуко внутрь? Пожалуйста!

– Конечно.

Госпожа Садзуко поклонилась и торопливо ушла. Ябу двинулся за ней. Женщина побежала вверх по ступеням. Она уже почти достигла верха, как вдруг споткнулась и упала.

– Ребенок! – крикнула Кири. – Она не пострадала?

Все глаза устремились на распростертое тело. Марико кинулась к ней, но первым подскочил Ябу. Он поднял Садзуко, которая была сильно напугана, но не ушиблась.

– Со мной все в порядке, – проговорила она, немного задыхаясь. – Не беспокойтесь, со мной совершенно все в порядке. Это было так глупо с моей стороны.

Убедившись, что она не пострадала, Ябу направился на передний двор, чтобы приготовиться к немедленному отправлению.

Марико вернулась к воротам, очень обрадованная. Блэкторн всматривался в сад.

– Что там? – спросила она.

– Ничего, – ответил он после паузы. – Что там кричала госпожа Кирицубо?

– Ребенок! Она не пострадала. Госпожа Садзуко беременна, – объяснила она. – Мы все боялись, что падение может повредить ей.

– Ребенок Торанага-сама?

– Да, – сказала Марико, оглядываясь на носилки.

Кири сидела внутри за прозрачными занавесками, вуаль была опущена. «Бедная женщина, – подумала Марико, зная, что Кири пытается скрыть свои слезы. – Я бы так же была напугана, если бы расставалась со своим господином».

Ее глаза обратились к Садзуко, которая еще раз махнула им с верхней ступеньки, а потом вошла внутрь. Железная дверь лязгнула за ней. «Это звучит как похоронный звон, – подумала Марико. – Увидим ли мы их снова?»

– Что хотел Исидо? – спросил Блэкторн.

– Он... не подберу точного слова. Он осматривал... проводил инспекцию без предупреждения.

– Почему?

– Он комендант замка, – пояснила она, не желая упоминать настоящую причину.

Ябу выкрикнул команду в голове колонны, и она тронулась. Марико села в свой паланкин, оставив занавески полуоткрытыми. Бунтаро знаками показал Блэкторну, чтобы тот шел сбоку. Капитан повиновался.

Все ждали, когда проследует паланкин Кири. Блэкторн смотрел на еле видную, закутанную фигуру, слышал сдавленные рыдания. Сбоку шли две испуганные служанки, Аса и Соно. Он оглянулся в последний раз. Хиромасу стоял один у маленького чайного домика, опираясь на меч. Теперь сад скрылся из виду – самураи закрыли огромные крепостные ворота. Большой деревянный брус лег на свое место. Охраны на переднем дворе не было. Все стояли на зубчатой стене.

– Что происходит? – насторожился Блэкторн.

– Простите, что вы сказали, Андзин-сан?

– Все выглядит так, как будто мы под наблюдением. Коричневые против серых. Ожидаются какие-то неприятности? Большие неприятности?

– О, извините. Это обычное дело – закрывать ворота на ночь, – сказала Марико.

Он пошел рядом с ней; когда паланкин тронулся, Бунтаро и его самураи заняли свое место позади него. Блэкторн рассеянно разглядывал паланкин впереди, вихляющие фигуры носильщиков и туманный силуэт за занавесками. Он чувствовал острый приступ тревоги, хотя и пытался успокоиться. Когда Кирицубо внезапно вскрикнула, Блэкторн невольно обратил свой взгляд на нее. Все смотрели на распростертую на ступенях Садзуко. Он тоже хотел взглянуть, но увидел, что Кирицубо опрометью бросилась в домик. На мгновение он подумал, что ему изменяют глаза, так как ночью темное одеяние, шляпа и вуаль делали ее почти невидимой. Он заметил, как сумрачная фигура исчезла, тут же появилась вновь, кинулась в паланкин – и там рывком задернули шторы. На секунду глаза человека в носилках встретились с глазами Блэкторна. Это был Торанага.

Глава 22

Маленький кортеж, окружающий два паланкина, медленно двигался через лабиринт замковых строений, проходя бесконечные проверки. Всякий раз новая группа серых отвешивала формальные поклоны, дотошно изучала бумаги и пропускала их. На каждом посту Блэкторн с растущим беспокойством следил, как командир охраны подходит поближе, чтобы рассмотреть через задернутые занавески Кирицубо. Каждый раз страж кланялся еле видимой фигуре, слушал сдавленные рыдания и через какое-то время давал знак проходить.

«Кто еще знает? – безуспешно гадал Блэкторн. – Служанки должны знать: уж очень они напуганы. Хиромацу, конечно. И госпожа Садзуко, отвлекшая всех. Марико? Не думаю. Ябу? Может ли ему доверять Торанага? Этот короткошей маньяк Бунтаро? Видимо, нет.

Очевидно, это попытка тайного бегства. Но зачем Торанаге рисковать жизнью за пределами замка? Разве не безопасней внутри? Почему такая секретность? От кого он бежит? От Исидо? От убийц? Или от кого-то еще в замке? Возможно, от всех них, – подумал Блэкторн, желая поскорее добраться до галеры и выйти в море. – Если Торанагу обнаружат, дело будет совсем плохо, бой пойдет смертельный, и пощады ждать не придется. Я безоружен, но даже если бы имел пару пистолетов или двадцать орудий и сотню отчаянных ребят, серые смяли бы нас. Тебе некуда бежать и негде спрятаться. Ты вляпался в дерьмо!»

– Вы устали, Андзин-сан? – участливо спросила Марико. – Если устали, я пойду пешком, а вы можете проехаться в паланкине.

– Спасибо, – ответил он угрюмо, вздыхая по своим башмакам – он так и не привык к сандалиям. – С ногами у меня все в порядке. Просто хотелось бы, чтобы мы поскорее оказались в безопасности, на море, только и всего.

– А на море безопасно?

– Иногда, сеньора. Нечасто. – Блэкторн едва слышал ее.

Он думал: «Боже мой, надеюсь, я не выдам Торанагу. Это было бы ужасно! Насколько проще все было бы, если бы я не видел его. Мне не повезло, это одна из тех несчастных случайностей, которые могут разрушить самый хитрый план. А старуха Кирицубо – хорошая

актриса, и эта молодая тоже. Я не поддался на уловку только потому, что не понял, что́ она кричит. Мне чертовски не повезло, что я так ясно увидел Торанагу, в парике, накрашенного, в кимоно и плаще, как у Кирицубо. Тем не менее это был он».

Во время очередной проверки командир серых подошел совсем близко. Служанки, кланяясь со слезами, встали у него на дороге и явно не собирались уступить путь. Самурай всмотрелся в Блэкторна и отошел. Он заговорил с Мариико, которая покачала головой и что-то ответила. Страж что-то буркнул, вернулся к Ябу, отдал ему бумаги и махнул рукой в знак того, что процессия может двигаться дальше.

– Что он сказал? – спросил Блэкторн.

– Поинтересовался, откуда вы родом, где ваш дом.

– Но вы покачали головой. Почему?

– О, извините, он спросил, не были ли отдаленные предки вашего народа связаны с ками – духом, который обитает на севере, на окраинах Китая. До недавнего времени мы думали, что Китай – единственная цивилизованная страна на свете, за исключением Японии. Китай такой большой, что похож на целый мир, – заметила она и закрыла на этом тему. На самом деле самурай спросил ее, не думает ли она, что чужеземец – потомок Харимвакари, ками, который присматривает за кошками, добавив, что варвар воняет, как течный хорек, так, должно быть, смердят ками.

Она ответила, что считает иначе, внутренне стыдясь грубости стража, ибо Андзин-сан не распространял запаха, характерного для Цукку-сана, отца-инспектора и других варваров. Его запах теперь был почти незаметен.

Блэкторн знал, что она не сказала ему правды. «Хотел бы я понимать их тарабарщину, – подумал он. – А еще лучше – убраться с этого проклятого острова, назад на „Эразм“, с нормальной командой и большим запасом пищи, грога, пороха, пуль и ядер, продать товары и плыть опять домой. Когда это будет? Торанага сказал: скоро. Можно ли ему доверять? Как корабль доставили в Эдо? На буксире? Или его привел португалец? Хотел бы я знать, как он поживает. Не загноилась ли у него нога? Теперь ему наверняка известно, останется он с двумя конечностями или с одной, если его не доконает ампутация. Или он близок к смерти? Боже, защити меня от ран, а пуще – от лекарей. И от священников».

Еще одна проверка. Блэкторн не мог понять, как японцы умудряются оставаться такими вежливыми и спокойными, все время кланяться, вручать бумаги, получать их обратно и постоянно улыбаться, не выказывая ни малейшего раздражения. «Они так не похожи на нас...»

Он взглянул в лицо Мариико, частично скрытое вуалью и полями шляпы, и подумал, что она выглядит очень хорошенькой. И порадовался, что все прояснил с ней насчет той ее ошибки. «По крайней мере, ко мне больше не станут приставать с этим вздором, – сказал он себе. – Ублюдки, какие они все кровавые ублюдки!»

Утром, приняв ее извинения, он стал расспрашивать об Эдо и японских обычаях, об Исидо и о замке, старательно избегая темы физической любви. Она отвечала подробно, но уклонялась от каких-либо экскурсов в политику. Ее ответы были познавательны, но безобидны. Скоро она и служанки ушли, чтобы подготовиться к отъезду, и он остался один со стражей.

Его раздражало постоянное присутствие множества людей вокруг. «Все время кто-нибудь отирается около тебя, – подумал он. – Их слишком много. Как муравьев. Мне хотелось бы для разнообразия побыть в одиночестве, за закрытой дубовой дверью, и чтобы запор был с моей стороны, а не с их. Я не могу дождаться, когда попаду на борт, на воздух, на море, даже на эту выматывающую всю душу галеру, похожую на брюхо свиньи».

Сейчас, шагая через Осацкий замок, он понял, что столкнется с Торанагой на своей территории, в море, где он, Блэкторн, царь и бог. «Нам представится достаточно времени, чтобы потолковать, Мариико будет переводить, и я все утрясу. Торговые соглашения, корабль, возвращение нашего серебра, цены, если он захочет купить мушкетеры и порох. Я добьюсь позволения вернуться на следующий год с грузом шелка. Ужасная история произошла с братом Доминго, но я использую его сведения для добрых дел. Я возьму „Эразм“ и поплыву к Жемчужной реке, в Кантон и прорву португальскую и китайскую блокаду. Верните мне мой корабль, и я разбогатею! Стану богаче, чем Дрейк! А по возвращении домой созову всех морских волков от Плимута до Зейдерзее, и мы возьмем в свои руки всю торговлю с Азией. Дрейк только подпалил Филиппу бороду – я отрежу ему яйца. Без шелка Макао погибнет. Без Макао умрет Малакка, затем Гоа! Мы

можем свернуть португальскую империю, как ковер. „Вы хотите торговать с Индией, ваше величество? С Азией? Африкой? Японией? Так вы можете получить их через пять лет!“ – „Встаньте, сэр Джон!“

Да, рыцарский титул легко достигим. А может быть, и кой-какой повыше. Мореплаватели становятся адмиралами, рыцарями, лордами, даже графами. Для простого англичанина, человека из народа, единственный путь к безопасности, истинной безопасности, лежит через милость королевы, через служение ей. И снискать ее расположение можно лишь одним способом – пополнить казну сокровищами, покрыть хотя бы часть расходов на войну против вонючей Испании и этого негодяя папы.

За три года я совершу три путешествия, – мечтал Блэкторн. – О, я теперь знаю о муссонах и штормах. „Эразм“ пойдет в крутой бейдевинд, и мы возьмем меньше груза. Минуточку... а почему не сделать все как следует и забыть о небольшом грузе? Почему не захватить черный корабль этого года? Тогда у нас будет все!

Как?

Легко – если он не имеет эскорта и мы нападём неожиданно. Но у меня мало народу. Подожди-ка, в Нагасаки есть моряки! Разве не там обретаются все португальцы? Разве брат Доминго не говорил, что Нагасаки почти что португальский порт? Родригес утверждал то же самое! Разве на их кораблях нет моряков, которых вынудили пойти в рейс, которые готовы сбежать с корабля, чтобы хорошенько нажиться – не важно, с каким капитаном и под каким флагом? Вернув наше серебро, я смогу нанять команду. Уверен, что смогу. Мне не нужны три года. Достаточно будет и двух. Еще два года со своим судном и командой, потом домой. Я буду богат и знаменит. И мы наконец расстанемся, море и я. Навсегда.

Главное – Торанага. Как вести себя с ним?»

Они прошли еще одну проверку и повернули за угол. Впереди была последняя решетка и, соответственно, последние ворота замка, а за ними – последний подъемный мост и последний ров с водой. В дальнем конце маячила башня. Многочисленные факелы превращали ночь в день, заливая все вокруг красноватым свечением.

Тут из тени выступил Исидо.

Коричневые увидели его в то же мгновение. Их захлестнула враждебность. Бунтаро скачками пронесся мимо Блэкторна, спеша к

голове колонны.

– Этот ублюдок накличет беду, – проворчал Блэкторн.

– Да, сеньор? Извините, вы что-то сказали?

– Я сказал, что Исидо, кажется, злит вашего мужа, очень злит.

Она не ответила.

Ябу остановился. С безразличным видом он протянул бумаги стражу у ворот и неспешной походкой подошел к Исидо.

– Не ожидал снова увидеть вас. Ваша охрана очень строга.

– Спасибо, – обронил Исидо, следя за Бунтаро и занавешенным паланкином за ним.

– Достаточно было один раз проверить наши бумаги, – прорычал Бунтаро, его оружие зловеще звякало. – Самое большее дважды. Мы что, военный отряд? Это оскорбительно.

– Ничего оскорбительного, Бунтаро-сан. Из-за того покушения я приказал усилить охрану. – Исидо мельком взглянул на Блэкторна и задумался в очередной раз, отпустить ли чужеземца или задержать, как того хотели Оноси и Кияма. Потом он снова посмотрел на Бунтаро. «Пададь, – подумал Исидо. – Скоро твоя голова будет болтаться на колу. Как могла такая прелестная женщина, как Мариико, выйти замуж за обезьяну вроде тебя?»

Новый страж скрупулезно проверял каждого, убеждаясь, все ли соответствуют списку.

– Все в порядке, Ябу-сама, – сказал он, вернувшись к голове колонны. – Пропуск вам больше не нужен. Мы оставили его у себя.

– Хорошо, – согласился Ябу и повернулся к Исидо. – Мы скоро встретимся.

Исидо вынул из рукава свиток пергамента:

– Я хотел спросить госпожу Кирицубо, не возьмет ли она вот это с собой в Эдо. Для моей племянницы. Видимо, я не скоро попаду в Эдо.

– Конечно. – Ябу протянул руку.

– Не беспокойтесь, Ябу-сан. Я сам спрошу ее. – Исидо направился в сторону паланкина.

Служанки подобострастно перехватили его. Аса потянулась к свитку:

– Могу я взять ваше послание, господин? Моя го...

– Нет.

К удивлению Исидо и всех вокруг, девушки не уступили ему дорогу.

– Но моя госпо...

– Отойдите! – прорычал Бунтаро.

Обе служанки отступили с рабской покорностью, очень испуганные.

Исидо наклонился к занавескам:

– Кирицубо-сан, я хотел бы знать, не будете ли вы так добры передать мое письмо в Эдо? Моей племяннице?

Между рыданиями обозначилась легкая заминка, и фигура утвердительно кивнула.

– Спасибо. – Исидо протянул тонкий свиток пергамента к занавеске.

Рыдания прекратились. Блэкторн понял, что Торанага в ловушке. Вежливость предписывала, чтобы «Кири» взяла свиток, а для этого требовалось протянуть руку.

Все ждали, когда из-за штор появится рука.

– Кирицубо-сан?

Рука все еще не показывалась. Тогда Исидо сделал быстрый шаг вперед, отдернул занавеску, и в то же самое мгновение Блэкторн подскочил и начал прыгать вверх-вниз как сумасшедший. Исидо и остальные повернулись к нему, ошарашенные.

В какой-то момент Торанага был хорошо виден за спиной у Исидо. Блэкторн подумал, что даймё еще может сойти за Кирицубо в двадцати шагах, но не в пяти, как сейчас, даже если лицо и скрыто вуалью. И в ту бесконечную секунду, пока Торанага не задернул занавеску, Блэкторн понял: Ябу узнал его, и Марико наверняка, возможно, и Бунтаро, и, вероятно, кое-кто из самураев. Он бросился вперед, схватил свиток и сунул его сквозь щель в занавесках, после чего повернулся, бормоча:

– В моей стране считается плохой приметой, чтобы князь сам отдавал послания, как обычный простолюдин... плохая примета...

Все это случилось так неожиданно и быстро, что Исидо не успел вытащить меч, а Блэкторн уже кланялся и буйствовал перед ним, как чертик из табакерки. Тут Исидо опомнился и взмахнул мечом, целя в горло.

Отчаянные глаза Блэкторна нашли Марико.

– Ради бога, помогите, плохая примета... плохая примета!

Она выкрикнула что-то. Лезвие меча остановилось на волосок от шеи.

Марико кинулась объяснять, о чем говорит Блэкторн. Исидо опустил меч, секунду вслушивался в ее яростную скороговорку, потом закричал с нарастающей злобой и ударил Блэкторна по лицу тыльной стороной руки.

Блэкторн пришел в неистовство. Он поднял свои громадные кулаки и бросился на Исидо.

Если бы Ябу не успел перехватить руку с мечом, голова Блэкторна уже катилась бы в пыли. Бунтаро долей секунды позже схватил Блэкторна, который уже тянул руки к горлу Исидо. Потребовалось четверо коричневых самураев, чтобы оттащить капитана от Исидо, после чего Бунтаро оглушил смутьяна, стукнув сзади по шее. Серые бросились на защиту господина, но коричневые уже окружили Блэкторна и паланкины, и через минуту все отступили. Марико и служанки умышленно громко вопили и причитали, помогая усугубить хаос и неразбериху.

Ябу заговорил, стараясь умаслить Исидо, Марико со слезами твердила, что сумасшедший чужеземец считает, будто пытался спасти великого полководца, которого принял за князя, от злого kami.

– И у них, совсем как у нас, считается самым страшным оскорблением, если кто-то тронет твое лицо. Это и привело его в такое бешенство. Он ничего не понимает, он чужеземец, хотя и даймё в своей стране, и он только пытался помочь вам, господин!

Исидо выругался и пнул Блэкторна, который только еще приходил в себя. Капитан с большим удовлетворением слушал весь этот гвалт. Глаза его прояснились. Серые окружали кортеж, по двадцать на одного коричневого, мечи были обнажены, но пока никто не погиб и все послушно ждали приказа.

Блэкторн заметил, что все внимание сфокусировалось на нем. И теперь он знал, что у него есть союзники.

Исидо опять повернулся к нему и подошел ближе, что-то крича. Он чувствовал, что коричневые крепче вцепились в него, и знал, что сейчас его ударят, но на сей раз, вместо того чтобы попытаться стряхнуть с себя их руки, как того ожидали, он стал падать, потом внезапно выпрямился, вырвался, смеясь как безумный, и принялся

выплясывать хорнпайп. Брат Доминго сказал ему, что в Японии все верят: сумасшествие насылается ками, а потому все безумцы, подобно детям и старикам, не отвечают за себя и пользуются иногда особыми привилегиями. Поэтому он скакал, как повредившийся рассудком, иногда напевая так, чтобы его поняла Марико: «Помогите... Мне нужна помощь, ради бога... я долго не могу...» – отчаянно изображая помешательство, ибо это был единственный способ спастись.

– Он сумасшедший, он одержимый! – крикнула Марико, сразу поняв игру Блэкторна.

– Да, – сказал Ябу, все еще пытаюсь оправиться от шока, после того как увидел Торанагу, и не зная, играет ли Андзин-сан или действительно сошел с ума.

Марико была на грани срыва. Она не понимала, что делать. «Андзин-сан спас господина Торанагу, но как он узнал?» – бессмысленно повторяла она про себя.

В лице Блэкторна не было ни кровинки, если не считать кровавых рубцов от удара. Он прыгал и прыгал, отчаянно ожидая помощи, но никто не спешил ему помочь. Тогда, отчаянно проклиная Ябу и Бунтаро, безродных трусов, и Марико, эту глупую суку, он внезапно прекратил свой дикий танец, поклонился Исидо, дергаясь, как марионетка, и то ли пошел, то ли протанцевал к воротам. «За мной, идите за мной!» – кричал он, его голос почти прервался, он пробовал идти, как Гамельнский Крысолов.

Серые преградили ему путь. Он закричал на них с наигранной яростью и властно приказал уйти с дороги, немедленно разразившись истерическим смехом.

Исидо схватил лук и стрелы. Серые бросились врассыпную. Блэкторн был уже почти в воротах. Он повернул к бухте, зная, что бежать некуда. В отчаянии Блэкторн снова начал свой бешеный танец.

– Он сумасшедший, бешеный пес! Бешеных собак нужно кончать! – Голос Исидо был полон ярости. Он достал стрелу и прицелился.

Марико сразу бросилась вперед, покинув безопасное место у паланкина Торанаги, и пошла в сторону Блэкторна.

– Не беспокойтесь, господин Исидо! – крикнула она. – Не стоит беспокоиться, это мгновенное помрачение рассудка. Может быть, вы позволите... – Подойдя ближе, она увидела, как устал Блэкторн,

сколько отчаяния в его сумасшедшей улыбке, и испугалась неожиданно для себя. – Я могу помочь, Андзин-сан, – торопливо сказала она. – Мы должны попробовать выбраться отсюда. Я провожу вас. Не беспокойтесь, он нас не застрелит. Только перестаньте прыгать.

Блэкторн сразу остановился, повернулся и спокойно пошел на мост. Она следовала по пятам, отстав на шаг, как того требовал обычай, ожидая, что сзади полетят стрелы, слыша их.

Тысячи глаз следили за полоумным гигантом и хрупкой женщиной на мосту.

Ябу почувствовал, что возвращается к жизни.

– Если вы хотите покончить с ним, позвольте это сделать мне, Исидо-сама. Не подобает вам лишать его жизни. Полководец не убивает собственными руками. За него это делают другие. – Он подошел ближе и понизил голос: – Пусть чужеземец живет. Безумие нашло на него после вашего удара. Он даймё в своей стране, и вдруг такой удар – так говорит Марико-сан, правда? Доверьтесь мне, он пригодится нам живым.

– Что?

– Он пригодится нам живым. Поверьте мне. Мы можем покончить с ним в любой момент. Но он нужен нам живым.

Исидо прочитал на лице Ябу отчаянную убежденность и опустил лук:

– Очень хорошо. Но однажды он потребует и мне живым. Я повешу его за пятки над ямой.

Ябу сглотнул и сделал полупоклон. Он нервно махнул кортежу, чтобы трогался, боясь, что Исидо вспомнит про паланкин «Кирицубо».

Бунтаро, притворяясь услужливым, взял инициативу в свои руки и дал команду двигаться. Он не задавался вопросом, каким это волшебным образом Торанага появился, будто ками, среди них, только понял, что господин в опасности и почти беззащитен. Он видел, что Исидо не спускает глаз с Марико и Андзин-сана, но вежливо поклонился ему и встал позади паланкина Торанаги, чтобы защитить господина от стрел, если начнется бой.

Колонна приближалась к воротам. Ябу занял место стражника сзади. Он ожидал, что в любой момент кортеж остановят. «Наверняка кто-нибудь из серых видел Торанагу, – думал он. – Сколько времени

пройдет, прежде чем об этом сообщат Исидо? Не решит ли он, что я способствую попытке бегства? Не погубит ли это меня?»

На полпути через мост Марико на мгновение оглянулась:

– Они идут за нами, Андзин-сан, оба паланкина прошли через ворота и сейчас уже на мосту!

Блэкторн не ответил и не обернулся. Он прилагал невероятные усилия, чтобы держаться прямо. Он потерял сандалии, лицо горело от удара, боль стучала в висках. Стражники пропустили его под опускающейся решеткой и дальше. Они разрешили пройти и Марико. А потом носильщики пронесли паланкины.

Блэкторн направился вниз по склону пологого холма, прошел поляну и дальний мост. Только оказавшись в роще, не просматриваемой из замка, он опустился на землю.

Глава 23

– Андзин-сан, Андзин-сан!

Пребывая в полубессознательном состоянии, он позволил Марико напоить себя sake. Колонна остановилась, коричневые плотной стеной обступили зашторенный паланкин, сопровождающие кортеж серые топтались впереди и сзади. Бунтаро крикнул одной из служанок, чтобы немедленно достала бутылку из корзины, приказал своей личной страже не подпускать никого к паланкину Кирицубо-сан и заторопился к Марико:

– С Андзин-саном все в порядке?

– Да-да, думаю, что да, – ответила Марико.

Ябу присоединился к ним и, стараясь избавиться от серых, сказал небрежно их командиру:

– Мы можем двигаться дальше. Оставим здесь несколько человек и Марико-сан. Когда чужеземец придет в себя, она и остальные догонят нас.

– При всем уважении, Ябу-сан, мы должны подождать. Мне поручено сопроводить вас на галеру в целости и сохранности. Всех вместе, – возразил предводитель серых.

Все посмотрели на Блэкторна, поперхнувшегося sake.

– Спасибо, – прохрипел он, едва ворочая языком. – Мы в безопасности? Кто еще знает, что...

– Мы в безопасности! – умышленно прервала его Марико. За ней стоял командир серых, и она не доверяла ему. – Андзин-сан, вы теперь в безопасности, и нет нужды беспокоиться. Понимаете? У вас был своего рода припадок. Только поглядите вокруг – вы в безопасности!

Блэкторн сделал, как она велела. Увидел серых и все понял. К нему быстро возвращались силы – помогло sake.

– Извините, сеньора. Это был приступ паники. Я, видимо, старею. Временами теряю рассудок, а потом не могу вспомнить, что случилось. Разговаривать на португальском так утомительно, правда? – Он перешел на латынь: – Они не поймут?

– Наверняка.

– Этот язык легче?

– Возможно, – согласилась она, радуясь, что он помнил об осторожности, даже изъясняясь на латыни, которая плохо давалась японцам, за исключением нескольких человек в стране – их обучали иезуиты, готовя к карьере священника. Она была единственной японкой, умевшей говорить, читать и писать на португальском и латыни.

– Оба языка трудны, в каждом есть свои подвохи.

– Кто еще знает о «подвохах»?

– Мой муж и тот, кто руководит нами.

– Вы уверены?

– Все указывает на это.

Вожак серых беспокойно задвигался и что-то сказал Марико.

– Он спрашивает, здоровы ли вы, не пострадали ли руки и ноги. Я сказала, что нет. Они вас вылечат.

– Да, – подтвердил он, переходя на португальский. – У меня часто бывают приступы. Стоит кому-нибудь ударить меня по лицу, как я схожу с ума. Извините. Никогда не помню, что при этом происходит. Это перст Божий. – Он увидел, что самурай сосредоточенно смотрит на их губы, и подумал: «Попался, негодяй, бьюсь об заклад, ты понимаешь португальский!»

Соно, служанка, наклонилась к занавеске паланкина, выслушала то, что ей сказали, и вернулась к Марико:

– Извините, Марико-сан, но моя госпожа спрашивает, если этому сумасшедшему лучше, может, мы пойдем дальше? Она спрашивает, не уступите ли вы ему свой паланкин, а то госпожа беспокоится, успеем ли мы до прилива. Вся эта суматоха с полоумным еще больше ее расстроила. Но, зная, что этот несчастный наказан богами, она будет молиться, чтобы рассудок вернулся к нему, и лично даст целебные снадобья, чтобы вылечить его, как только мы окажемся на борту.

Марико перевела.

– Да, я уже поправился. – Блэкторн встал шатаясь.

Ябу прокричал команду.

– Ябу-сан говорит, что вы поедете в паланкине, Андзин-сан. – Марико улыбнулась, когда он начал протестовать. – Я действительно очень сильна, и вам не стоит беспокоиться. Я пойду около вас, и мы сможем поговорить, если вам захочется.

Он позволил отнести себя в паланкин. Кортёж сразу же тронулся дальше. Покачивание паланкина успокаивало, и он утомленно откинулся на спину. Дождавшись, когда командир серых уйдет во главу колонны, он прошептал на латыни, предупреждая:

– Этот центурион понимает чужой язык.

– Да. И я думаю, знает кое-что на латыни тоже, – ответила она шепотом, так же спокойно. Минуту она шла молча. – Если говорить серьезно, вы смелый человек. Благодарю вас за то, что спасли его.

– Вы еще смелее.

– Нет, Господь Бог поставил меня на эту стезю и позволил быть немного полезной. Я еще раз благодарю вас.

Город ночью был прекрасен. Над воротами богатых домов и в садах горело множество цветных фонариков, масляных ламп и свечей; сѣдзи, подсвеченные изнутри, изучали восхитительное приглушенное сияние. Даже бедные дома хорошели от этого свечения. Фонари освещали путь пешеходам, носильщикам и самураям, едущим верхом.

– Мы заправляем наши лампы маслом, а также используем свечи, но с наступлением ночи многие ложатся спать, – объяснила Марико, пока они двигались по городским улицам, извилистым и неровным. Пешеходы кланялись, самые бедные вставали на колени и стояли так, дожидаясь, когда кортеж пройдет. Море блестело в лунном свете.

– У нас то же самое. Как вы готовите? На дровах? – Блэкторн быстро приходил в себя, его ноги уже не казались ватными и трясущимися, как желе.

Марико отказалась сесть обратно в паланкин, поэтому Блэкторн лежал, наслаждаясь свежим воздухом и приятной беседой.

– Мы пользуемся жаровнями на древесном угле. Наша пища не похожа на вашу – готовить ее гораздо проще. Рис и немного рыбы, в основном сырой или отварной, с острым соусом и маринованными овощами, может быть, немного супа. Никакого мяса. Мы умеренные люди, должны быть такими, ибо здесь мало земли, и только пятую часть ее можно возделывать, а нас очень много. Среди японцев считается достоинством быть умеренным в еде.

– Вы смелая. Я благодарю вас. Стрелы не полетели потому, что вы закрыли меня собой.

– Нет, капитан. Это произошло по воле Бога.

– Вы смелая и красивая.

С минуту она шла молча. «Никто и никогда не называл меня раньше красивой, никто», – подумала она.

– Я не смелая и не красивая. Мечи красивы, честь красива.

– Мужество красиво, и вы имеете его в избытке.

Марико не ответила. Она вспоминала утро и все дьявольские слова и дьявольские мысли. Как человек может быть таким смелым и таким глупым, таким мягким и таким жестоким, таким сердечным и таким отвратительным – все в одно и то же время? Андзин-сан обнаружил безграничную смелость, когда отвлекал внимание Исидо от паланкина, и незаурядный ум, когда притворился сумасшедшим, чтобы вызволить Торанагу из западни. Как умно со стороны Торанаги скрыться таким образом! «Но будь осторожна, Марико, – предупредила она себя. – Думай о Торанаге, а не об этом незнакомце. Помни, что он дьявол. Нельзя допускать, чтобы это влажное тепло разливалось между бедер. С тобою такого никогда не было, но именно об этом тепле рассказывают куртизанки и пишут в книжках об искусстве любить».

– Да, – повторила она. – Мужество красиво, и вы имеете его в избытке. – Тут она опять перешла на португальский. – Латынь такой утомительный язык.

– Вы учили его в школе?

– Нет, Андзин-сан, это было позднее. После замужества я жила далеко на севере довольно долгое время. Я была одна, если не считать служанок и крестьян. И единственные книги, которые у меня имелись, были на португальском и латыни – грамматика и религиозные трактаты, а также Библия. За изучением языков очень быстро проходит время, оно хорошо занимало ум. Я была очень счастлива.

– А где был ваш муж?

– На войне.

– Сколько времени вы провели в одиночестве?

– Мы говорим, что время не имеет единой меры, что оно может быть подобно заморозку, или молнии, или слезе, или осаде, или шторму, или заходу солнца, или даже скале.

– Это очень умно сказано, – заметил он. Потом добавил: – Ваш португальский очень хорош, сеньора. И ваша латынь. Лучше, чем у меня.

– У вас медоточивый язык, Андзин-сан!

– Это *хонто*!

– *Хонто* – хорошее слово. *Хонто* – это то, что однажды в деревню забрел святой отец. Мы были похожи на две потерявшиеся души. Он остался на четыре года и очень помог мне. Я рада, что могу свободно говорить, – объявила она без жеманства. – Мой отец хотел, чтобы я выучила языки. Он считал, что мы должны знать дьявола, с которым нам придется иметь дело.

– Он был мудрым человеком.

– Нет. Не мудрый.

– Почему?

– Когда-нибудь я расскажу вам его историю. Она печальная.

– Почему вы были одна целую скалу времени?

– Почему вы не отдыхаете? Нам еще предстоит долгий путь.

– А вы не хотите сесть в паланкин? – Он снова собрался встать, но она покачала головой:

– Нет, спасибо. Пожалуйста, оставайтесь где сидите. Мне нравится идти пешком.

– Хорошо. Но вы не хотите больше поговорить?

– Если вам хочется, мы можем поговорить. Что бы вы желали узнать?

– Почему вы были одна целую скалу времени?

– Меня отослал мой муж. Мое присутствие раздражало его. Он имел полное право так сделать. Он оказал мне честь, не разведясь со мной. Потом он оказал мне еще большую честь, приняв обратно меня и моего сына. – Марико взглянула на него. – Моему сыну уже пятнадцать лет. Я уже старая дама.

– Я не верю вам, сеньора.

– Это *хонто*.

– Сколько вам было лет, когда вы вышли замуж?

– Много, Андзин-сан. Очень много. Мы говорим: возраст подобен заморозку, или осаде, или заходу солнца, иногда даже скале. – Она засмеялась.

«В ней все так изящно», – подумал Блэкторн, очарованный ею.

– О, почтенная госпожа, старость красит человека.

– Женщин, Андзин-сан, возраст никогда не красит.

– Вы мудры так же, как и красивы. – Латынь пришла легко, и хотя она звучала более формально и возвышенно, в нее вкрадывалась интимность. «Следи за собой», – подумал он.

«Никто не называл меня красивой раньше, – повторила она про себя. – Я хотела бы, чтобы это было правдой».

– Здесь не принято обращать внимание на женщин, принадлежащих другим мужчинам, – предостерегла она. – Наши обычаи очень строги. Например, если замужнюю женщину застанут наедине с мужчиной за закрытыми дверями, а тем более если они одни ведут интимную беседу, по закону ее муж или его брат либо отец имеют право сразу же убить ее. Если девушка незамужняя, отец может в любой момент сделать с ней все, что захочет.

– Это нечестно и нецивилизованно, – заявил он, но тут же пожалел об этом.

– Мы считаем себя вполне цивилизованными, Андзин-сан. – Марико была рада, что ее обидели: это рассеивало охватившее ее очарование и возникшую между ними теплоту. – Наши законы очень мудры. Вполне достаточно свободных, незанятых женщин, которые встречаются повсюду, чтобы мужчина выбрал себе подругу по вкусу. Это защита для женщин. Жена несет обязанности только по отношению к мужу. Будьте терпеливы, и вы увидите, как мы цивилизованны и развиты. У женщин свое место, у мужчин – свое. Мужчина может иметь только одну законную жену одновременно и, конечно, много наложниц, но женщины у нас пользуются гораздо большей свободой, чем испанские или португальские дамы – судя по тому, что мне рассказывали. Мы можем свободно ходить, куда захотим и когда захотим. Мы можем оставить наших мужей и, если захотим, развестись с ними. Мы можем отказаться выйти замуж, если пожелаем. Мы владеем собственным состоянием и имуществом, нашими телами и нашим духом. Мы имеем большие полномочия, если нам это нужно. Кто следит за вашим состоянием, за деньгами в вашем доме?

– Я, естественно.

– А здесь жена присматривает за всем. Деньги для самурая ничто. Настоящий мужчина их презирает. Я веду все дела моего мужа. Он принимает все решения. Я только выполняю его желания и оплачиваю его счета. Это освобождает его для выполнения долга перед господином, что является его единственной обязанностью. О да, Андзин-сан, вы должны быть очень терпеливы и не выносить поспешных суждений.

– Я не хотел никого судить, сеньора. Просто мы верим в святость жизни: никто не может отнять ее у человека, если на то нет решения законного суда – суда по законам королевы.

Она не позволила себе смягчиться:

– Вы говорите много вещей, которых я не понимаю, Андзин-сан. Разве вы не сказали «нечестно и нецивилизованно»?

– Да.

– Это как раз и есть осуждение, не так ли? Господин Торанага просил меня сказать вам, что нехорошо судить, не зная. Вы должны помнить, что нашей цивилизации, нашей культуре тысячи лет. Три тысячи наверняка – это подтверждают документы. О да, мы древний народ. Такой же древний, как тот, что населяет Китай. На сколько веков назад уходит ваша культура?

– Не так много, сеньора.

– Наш император, Го-Нидзё, сто седьмой представитель одной непрерывной династии, прямо восходит к Дзимму-тэнно, первому обитателю земли, который был потомком пяти поколений земных духов, произошедших от семи поколений небесных духов, что, в свою очередь, произошли от Куни-токотати-но Микото – самого первого духа, который появился, когда небо откололось от небес. Даже Китай не может похвастать такой историей. Сколько поколений нынешние ваши короли правят вами?

– Наша королева третья в династии Тюдоров, сеньора. Но она старая и бездетная, так что эта династия прекращается.

– Сто семь поколений до богов, Андзин-сан, – гордо повторила она.

– Если вы верите в это, как можете называть себя католичкой?

Она вскинула голову, потом пожала плечами:

– Я только десять лет христианка и, следовательно, неофит, хотя и верю в христианского Бога, Отца, Сына и Святого Духа всем своим сердцем, но наш император выше всего. Да, я христианка, но прежде всего я японка.

«Не ключ ли это ко всем вам? То, что прежде всего вы японцы? – спросил он себя, потрясенный тем, что услышал. – Их обычаи безумны! Деньги ничего не значат для *настоящего мужчины*? Это объясняет, почему Торанага заговорил так презрительно, едва я упомянул о деньгах при первой встрече. Сто семь поколений? Невозможно! Немедленная смерть только за то, что ты без всяких

задних мыслей побыл в закрытой комнате с женщиной? Это варварство – открытое приглашение к убийству. Они защищают убийц и восхищаются ими! Разве это не то, о чем рассказал Родригес? А что сделал Оми-сан? Разве он не убил за просто так того крестьянина? Клянусь кровью Христа, я не вспоминал Оми все эти дни! Равно как деревню, и погреб, и то, как я стоял перед ним на коленях. Забыть, послушаться ее, быть терпеливым, как она сказала, спрашивать ее. Она поможет найти, чем привлечь Торанагу для исполнения твоего плана. Теперь Торанага у тебя в долгу. Ты спас его. Он знает это, все знают это. Разве она не благодарила тебя за его спасение, не за свое?»

Колонна двигалась к морю через город. Наблюдая, как шагает Ябу, он моментально вспомнил крики Питерзона. «Всему свое время», – пробормотал он, больше для себя.

– Да, – говорила Мариико. – Вам, должно быть, очень трудно. Наш мир так отличается от вашего. Очень отличается, но очень мудро устроен.

Она смутно видела фигуру Торанаги в паланкине и снова поблагодарила Бога за его спасение. Как объяснить чужеземцу, как поблагодарить его за мужество? Торанага приказал ей объясниться, но как?

– Позвольте мне рассказать вам свою историю, Андзин-сан. Когда я была молодой, мой отец служил военачальником у даймё по имени Города. В то время господин Города еще не стал великим диктатором, а только боролся за власть. Мой отец пригласил Города и его главных вассалов на пиршество. Ему не пришло в голову, что в доме нет денег для покупки продуктов, sake, лаковой посуды и татами, необходимых, чтобы принять гостей согласно обычаю. Если вы думаете, что моя мать была плохой хозяйкой, то ошибаетесь. Каждая крупинка отцовских доходов шла на его вассальных самураев, и, хотя официально ему полагалось содержать всего лишь четыре тысячи самураев, мать, ужимаясь и изворачиваясь, добивалась того, что он выставлял на войну пять тысяч триста воинов, к славе своего господина. Мы, его семья: мать, наложницы отца, братья и сестры, питались очень скудно. Но что из того? Мой отец и его люди имели самое лучшее оружие и самых лучших лошадей и наилучшим образом служили своему господину. Так вот, для пиршества не хватало денег, поэтому моя мать поехала в Киото и продала свои волосы цирюльникам, которые делают парики. Я

помню, что они, как расплавленная черная лава, лились чуть не до колен. Но она продала их. Цирюльники тут же срезали все волосы, а ей дали дешевый парик, и она купила все необходимое и спасла честь моего отца. Ее обязанностью было оплачивать счета, и она платила. Она выполнила свой долг. Для нас наш долг очень важен.

– А что сказал он, ваш отец, когда обнаружил это?

– Что он мог сказать, кроме слов благодарности? Ее обязанность была найти деньги. Спасти его честь.

– Она, видимо, очень любила его.

– Любовь – христианское слово, Андзин-сан. Любовь – христианское понятие, христианский идеал. У нас нет слова, которое обозначало бы любовь в вашем понимании. Обязанность, верность, честь, уважение, желание – это то, о чем мы говорим и думаем, единственное, в чем мы нуждаемся. – Она взглянула на него и вопреки своим желаниям снова представила тот момент, когда он спас Торанагу, а вместе с ним и ее мужа. «Никогда не забуду, что они попали в ловушку и погибли бы, если бы не этот человек».

Она огляделась, чтобы убедиться, что вокруг никого нет.

– Почему вы это сделали?

– Не знаю. Может быть, потому... – Он запнулся. Так много можно было бы сказать. «Может быть, потому, что Торанага был беспомощен, а я не хотел, чтобы меня изрубили на куски... Потому, что, если бы его обнаружили, нам бы всем не поздоровилось. Потому, что я знал то, чего не знал никто, кроме меня, и должен был вести игру... Потому, что я не хотел умереть – слишком много еще нужно сделать, чтобы проститься с жизнью, – а Торанага единственный, кто может вернуть мне корабль и свободу». Вместо этого он ответил по-латыни: – Потому, что Он сказал: «Кесарю – кесарево».

– А... – протянула она и добавила на том же языке: – Именно это я и пыталась выразить. Кесарю – кесарево, а Богу – Богово. То же с нами. Бог есть Бог, и наш император – от Бога. А кесарь есть кесарь, и его надо почитать как кесаря. – Затем, тронутая его восприимчивостью и нежностью в его голосе, признала: – Ты мудр. Иногда мне кажется, что ты понимаешь больше, чем говоришь.

«А не делаешь ли ты того, чего клялся никогда не делать? – спросил себя Блэкторн. – Разыгрываешь лицемера? И да и нет. Я им ничем не обязан. Я пленник. Они украли мой корабль и мои товары,

убили одного моего человека. Они варвары – ну, часть из них варвары, а остальные католики. Я ничем не обязан варварам и католикам. Но тебе хотелось бы лечь с ней в постель, и ты говорил ей комплименты, не так ли? А впрочем, к черту всякие мысли!»

Теперь море было уже гораздо ближе, в полумиле. Он мог видеть много кораблей, среди них был и португальский фрегат, на котором горели якорные огни. «Идеальная добыча. С двадцатью отчаянными ребятами я бы мог захватить его». Он повернулся к Мариико. «Странная женщина из странной семьи. Чем она провинилась перед Бунтаро, этим павианом? Как могла лечь с ним в постель или выйти за него замуж?»

– Сеньора, – сказал он, придав своему голосу нежность, – ваша мать, должно быть, редкая женщина. Совершить такое!

– Да. Но за то, что сделала, она будет жить вечно. Теперь она – легенда. Она была самураем, как мой отец был самураем.

– Я думал, что самураем может быть только мужчина.

– О нет, Андзин-сан. И мужчины, и женщины могут быть самураями, воинами, исполняющими долг перед своим господином. Моя мать была настоящим самураем, долг перед мужем она ставила превыше всего.

– Она теперь в вашем доме?

– Нет. Давно уже нет ни ее, ни моего отца, никого из моих братьев, сестер или другой родни... Я последняя в моем роду.

– Какое-то несчастье?

Мариико внезапно почувствовала усталость. «Мне надоело говорить по-латыни и на этом мерзко звучащем португальском языке. Меня утомила роль учителя, – сказала она себе. – Я не учитель. Я только женщина, которая знает свои обязанности и хочет мирно их выполнять. Я не хочу больше этого тепла в лоне и этого мужчины, который так сильно выводит меня из равновесия. Я не хочу его».

– В некотором роде это была катастрофа, Андзин-сан. Когда-нибудь я расскажу вам о ней. – Она немного ускорила шаг и отошла от него к другому паланкину. Обе служанки нервно улыбнулись ей.

– Нам еще далеко, Мариико-сан? – спросила Соно.

– Надеюсь, что не очень, – ответила она успокаивающе.

Командир серых внезапно появился из темноты с другой стороны паланкина. Она прикинула, что из сказанного ею Андзин-сану он смог

подслушать.

– Вам не хочется сесть в паланкин, Мариико-сан? Вы не устали? – спросил он.

– Нет-нет, спасибо. – Она умышленно замедлила шаг, отвлекая его от паланкина Торанаги. – Я вовсе не устала.

– Как себя ведет чужеземец? Он не надоел вам?

– О нет, он вроде бы успокоился.

– О чем вы говорили?

– О разных вещах. Я пыталась объяснить ему наши законы и обычаи. – Она обернулась в сторону главной башни замка, которая высилась над ними. – Господин Торанага просил меня попытаться вразумить его.

– Ах да, господин Торанага. – Самурай взглянул на замок, потом снова на Блэкторна. – Почему господин Торанага так заинтересован в нем, госпожа?

– Не знаю. Думаю, из-за его необычности.

Они завернули за угол, вышли на другую улицу, где дома стояли среди садов, обнесенных стенами. Народу кругом попадалось мало. За домами лежали пристань и море. Мачты вырастали над крышами, воздух обдавал густым запахом морских водорослей.

– А о чем вы еще говорили?

– У них есть очень странные идеи. Они все время думают о деньгах.

– Говорят, весь их народ состоит только из пиратов-торговцев. Среди них нет самураев. А что от него хочет господин Торанага?

– Извините, но я не знаю.

– Ходят слухи, что он христианин. Так он говорит. Это правда?

– Но он не такой христианин, каких мы знаем. Вы христианин?

– Мой хозяин христианин, поэтому и я христианин. Мой хозяин – господин Кияма.

– Я имею счастье хорошо его знать. Он оказал честь моему мужу, обручив одну из своих внучек с моим сыном.

– Да, я слышал об этом, госпожа Тода.

– Господину Кияме уже лучше? Я так поняла, что лекари не позволяют ему ни с кем видеться?

– Мы не видели его уже неделю. Никто из нас. Может быть, это китайский сифилис. Спаси его, Боже, от этого и прокляни всех

китайцев! – Он зло посмотрел в сторону Блэкторна. – Врачеватели говорят, что именно чужеземцы принесли эту заразу в Китай, в Макао и оттуда к нашим берегам.

– Sumus omnes in manu Dei^[35], – сказала она.

– Amen, – бездумно ответил самурай и выдал себя.

Блэкторн тоже заметил этот его промах, уловил вспышку гнева на лице и услышал, как японец что-то сквозь зубы говорит Марико. Блэкторн вылез из паланкина и подошел к ним сзади.

– Если ты говоришь по-латыни, центурион, было бы очень любезно с твоей стороны немного потолковать и со мной. Я хочу побольше узнать о твоей великой стране.

– Да, я могу говорить на твоём языке, чужеземец.

– Это не мой язык, центурион, но язык Церкви и всех образованных людей в мире. Ты хорошо говоришь на нём. Как и когда ты научился?

Кортеж обогнал их. Все самураи – и серые, и коричневые – следили за ними. Бунтаро, шедший около паланкина Торанаги, притормозил и повернулся. Командир серых поколебался, потом зашагал дальше, и Марико обрадовалась, что Блэкторн присоединился к ним. Какое-то время они шли молча.

– Центурион бегло говорит по-латыни, очень хорошо, ведь так? – сказал Марико Блэкторн.

– Да, действительно. Ты учил его в семинарии, центурион?

– Ты тоже, чужеземец, – процедил самурай с холодком, не обращая внимания на Марико. Он не любил вспоминать семинарию в Макао, куда его отправили ребенком по распоряжению Киямы учиться языкам. – Теперь, когда мы говорим напрямую, скажи мне откровенно, почему ты спросил у госпожи: «Кто еще знает...» Кто еще знает – что?

– Не могу вспомнить. Я отвлекся.

– А, отвлекся? Да? Тогда почему ты сказал: «Кесарю – кесарево»?

– Это была шутка. Я обсуждал с госпожой, кто сочиняет притчи, которые иногда трудно понять.

– Да, тут есть над чем поразмыслить. Что погнало тебя, потерявшего рассудок, к воротам? И почему ты так быстро оправился от припадка?

– Это произошло с Божьей помощью.

Они шли рядом с паланкином. Самурай был взбешен тем, что так легко попался. Господин Кияма предупредил, что эта женщина очень умна: «Не забывай, что у нее есть склонность к измене, а пират – отродье Сатаны. Следи, слушай и запоминай. Может быть, она выдаст себя и в дальнейшем станет свидетелем против Торанаги перед регентами. Убей пирата, как только начнется стычка».

Стрелы вылетели из ночи, и первая же вонзилась в горло самураю. Чувствуя, как легкие наполняются кровью, как на него надвигается смерть, он с удивлением успел подумать: «Почему засада оказалась здесь, а не на следующей улице, ближе к пристани? И почему метили в меня, а не в пирата?..»

Другая стрела попала в стойку паланкина в дюйме от головы Блэкторна. Две стрелы пропоролы закрытые занавеси носилок Кирицубо впереди, а другая угодила в грудь служанке Асе. Девушка вскрикнула, носильщики бросили паланкины и присели в темноте. Блэкторн повернулся, ища укрытия, и увлек Марику за собой под опрокинувшиеся носилки. Серые и коричневые рассыпались. Град стрел накрыл оба паланкина. Одна воткнулась в землю там, где только что была Марики. Бунтаро закрывал паланкин Торанаги своим телом, стрела ударила его со спины в доспехи из кожи, стальных колец и бамбука. После того как град стрел иссяк, он кинулся вперед и сорвал занавески. В грудь и бок Торанаги впились две стрелы, но, не причинив ему вреда, застряли в панцире, который он надел под кимоно. Вытащив стрелы, даймё сорвал широкополую шляпу и парик. Бунтаро осматривался вокруг, ища противника, весь настороже, готовый спустить тетиву, пока Торанага не выпутался из занавесок и, вытащив меч из-под покрывала, не вскочил на ноги. Марики пыталась помочь Торанаге, но Блэкторн оттолкнул ее назад, криком предупреждая об опасности. Стрелы вновь осыпали оба паланкина, уложив двух коричневых и одного серого. Еще одна прошла так близко от Блэкторна, что содрала кожу со щеки. Следующая пришила его к земле. Служанка Соно суетилась около другой девушки, корчащейся от боли, но мужественно сдерживающей рыдания. Тут Ябу рывкнул и махнул рукой, отдавая приказ. На одной из черепичных крыш с трудом просматривались несколько фигур. Последний залп стрел, со свистом вылетевших из темноты, был вновь направлен на паланкины. Бунтаро и остальные коричневые закрыли собой Торанагу.

Один из коричневых погиб. Острие прошло сквозь шов в доспехах Бунтаро, и он зарычал от боли. Ябу, коричневые и серые уже были около стены, но нападавшие растворились в темноте, и, хотя дюжина самураев бросилась за угол, чтобы настичь их, всем было ясно, что это бесполезная затея. Блэкторн поднялся на ноги и помог встать Марико. Она дрожала, еще не отойдя от потрясения, но была невредима.

– Спасибо, – сказала она и заторопилась к Торанаге, чтобы помочь ему не попасться на глаза серым.

Бунтаро кричал, приказывая своим людям потушить факелы у паланкина. Тут один из серых выдохнул: «Торанага!» – и, хотя это было сказано негромко, его услышали все.

При мерцающем свете факелов Торанага в гриме, попорченном потеками пота, выглядел карикатурно.

Один из серых торопливо поклонился. Враг его господина вырвался на свободу за стены замка.

– Подождите здесь, господин Торанага. Ты, – он указал на одного из своих людей, – сообщи господину Исидо немедленно. – Самурай тут же убежал.

– Остановите его, – спокойно сказал Торанага.

Бунтаро выпустил две стрелы. Гонец упал замертво. Пославший его выхватил свой двуручный меч и бросился к Торанаге с устрашающим боевым кличем, но Бунтаро уже был наготове и парировал удар. Серые и коричневые одновременно обнажили клинки, сбились в кучу и ринулись в бой. На улице образовался водоворот из сражающихся людей. Бунтаро и его противник оказались хорошими фехтовальщиками, они делали ложные выпады и обменивались ударами. Внезапно один из серых, прорвав охрану Торанаги, напал на него, но Марико тут же подняла факел, метнулась вперед и ткнула им в лицо врага. Бунтаро разрубил своего противника пополам, повернулся, ударом меча сбил в сторону другого и рассек еще одного, который пытался достать Торанагу. Марико стрелой полетела назад, уже с мечом в руках, – ее глаза не отрывались от Торанаги и Бунтаро, его уродливого телохранителя.

Четверо серых, держась плотной кучкой, двинулись к Блэкторну, который как прикованный стоял около паланкина. Он беспомощно смотрел, на приближающихся врагов. Ябу и другие коричневые устремились наперехват, сражаясь как черти. Блэкторн отпрыгнул,

схватил факел и, вращая его, как булаву, моментально расстроил всю атаку. Ябу убил одного, ранил другого, а четверо коричневых отогнали оставшихся двух серых. Не мешкая Ябу и раненый коричневый еще раз ринулись в атаку, защищая Торанагу. Блэкторн прыгнул вперед, поднял длинный полумеч-полупику и подбежал к Торанаге. Тот один стоял среди этой шумной битвы, не трогаясь с места и даже не вынув меча из ножен.

Серые бились с удивительной отвагой. Четверо из них объединились для самоубийственной атаки на Торанагу. Коричневые отбили ее и перехватили инициативу. Серые перегруппировались и атаковали еще раз. После этого старший по званию отдал приказ троим отправиться за помощью, а остальным прикрывать отступление. Трое серых вырвались из схватки, и, хотя их преследовали, а Бунтаро даже застрелил одного, двое серых смогли скрыться.

Остальные погибли.

Глава 24

Они торопливо шли по пустынным окраинным улицам, направляясь к гавани. Их было десять: Торанага, который шагал первым, Ябу, Марико, Блэкторн и шесть самураев. Остальные под началом Бунтаро с паланкинами и багажом отправились к галерее обычной дорогой. Тело служанки Асы лежало в одном из паланкинов. Когда в схватке наступило затишье, Блэкторн извлек из раны обломок стрелы с зазубренным наконечником. Торанага видел, как хлынула черная кровь, и следил за капитаном, недоумевая, зачем тот нянчится со служанкой, вместо того чтобы дать ей умереть достойно. Затем, когда схватка угасла, он наблюдал, как осторожно чужеземец укладывал Асу в паланкин. Девушка вела себя очень мужественно, совсем не стонала, только смотрела на него, пока не наступила смерть. Торанага оставил ее как приманку в занавешенном паланкине, в другие носилки, также в качестве приманки, уложили раненого.

Из пятидесяти коричневых, которые составляли эскорт, пятнадцать были убиты, одиннадцать смертельно ранены – эти быстро и с почетом отправились в «великую пустоту»: трое покончили с собой, восьмерым помог Бунтаро по их требованию. После этого Бунтаро собрал оставшихся вокруг закрытых паланкинов, и они тронулись в путь. В пыли остались лежать сорок восемь серых.

Торанага знал, что не защищен и это опасно, но был доволен. «Все сошло хорошо, – думал он, делая скидку на превратности судьбы. – Как интересна жизнь! Сначала я думал: какое плохое предзнаменование, что капитан увидел, как мы с Кири поменялись местами. Потом этот варвар спас меня, разыграв безумие, очень правдоподобно, и благодаря ему мы спаслись от Исидо. Я не предусмотрел, что Исидо может появиться у главных ворот, думал, что он встретит нас только в главном дворе. Это была моя оплошность. Почему Исидо оказался там? Это не похоже на него – проявлять подобную осторожность. Кто ему посоветовал? Кияма? Оноси? Или Ёдоко? Женщин, которые столь практичны, можно подозревать в такой изощренности».

Это был хороший план – бежать тайком, и он разрабатывался несколько недель, ибо представлялось очевидным: Исидо попытается

запереть его в замке, настроить против него остальных регентов, умышленно пожертвует заложницей в Эдо – госпожой Отибой, использует любые средства, чтобы держать врага под стражей до последнего заседания Совета регентов, где тот будет загнан в угол, признан виновным и умерщвлен.

– Но вам предъявят обвинение! – недоумевал Хиромацу, когда Торанага послал за ним, сразу после захода солнца прошлым вечером, чтобы объяснить, что попытается сделать и почему колеблется. – Даже если вы улизнете, регенты признают вас виновным за вашей спиной, как сделали бы в вашем присутствии. Вы будете обязаны совершить сэппуку, когда они прикажут, а они непременно прикажут.

– Да, – подтвердил Торанага, – как глава Совета регентов я обязан сделать это, если четверо выступят против меня. Но здесь, – он вынул свиток пергамента из рукава, – здесь мое формальное заявление о выходе из Совета регентов. Ты передашь это Исидо, когда станет известно о моем отъезде.

– Что?!

– Отказавшись от должности, я больше не буду связан клятвой регента, не так ли? Тайко никогда не запрещал мне отказаться от регентства, правда? Отдай Исидо также и это. – Он протянул Хиромацу клеймо – печать его канцелярии.

– Но теперь вы остались в полном одиночестве. Вы обречены!

– Ты не прав. Послушай, по завещанию тайко в Совет должно входить пять регентов. Теперь осталось четыре. Чтобы Совет снова стал законным органом и мог выполнять указы императора, они должны выбрать или назначить нового регента, правда? Исидо, Кияма, Оноси и Судзияма вынуждены будут искать согласия, так? Ведь новый регент должен устраивать их всех. Конечно! Теперь, старина, с кем согласятся разделить власть эти четверо, заклятые враги, а? И пока они станут спорить, решения не будет и...

– ...мы подготовимся к войне. Вы больше не будете связаны и сможете здесь капнуть меду, там пролить немного желчи. Эти мерзавцы сожрут сами себя! – выпалил Хиромацу. – Ах, Ёси Торанага-но Миновара, вы настоящий мужчина. Я съем свой зад, если вы не самый мудрый на земле!

«Да, это был хороший план, – подумал Торанага. – И все хорошо сыграли свои роли: Хиромацу, Кири и моя любимая Садзуко. А теперь

они заперты в замке и останутся там или их отпустят. Я думаю, им никогда не позволят уехать. Мне будет жаль потерять их».

Он уверенно вел отряд, двигаясь быстрым, но размеренным шагом, как на охоте. При необходимости он мог непрерывно держать такой темп в течение двух дней и ночи. На нем все еще были плащ и кимоно Кири, и, подпернутые кверху, они выглядели довольно комично.

Их небольшой отряд пересек еще одну пустынную улицу и начал спускаться по проулку. Он знал, что тревожное сообщение скоро достигнет Исидо и пойдет нешуточная охота.

«Времени достаточно, – успокоил он себя. – Да, это был хороший план. Но я не ожидал засады. Это стоило мне трех дней безопасности. Кири была уверена, что сможет три дня скрывать обман. Но теперь все обнаружилось, и я не смогу проскользнуть на корабль и выйти в море. На кого устроили засаду? На меня или на капитана? Конечно, на капитана. Но разве стрелы не летели в оба паланкина? Да, но лучники засели далеко. Попробуй разбери, кто где, с такого расстояния. Было разумнее и безопаснее расстрелять оба паланкина, просто на всякий случай.

Кто приказал устроить нападение? Кияма или Оноси? А может, португальцы? Или священники-христиане?»

Торанага повернулся проверить, где капитан. Тот не выглядел усталым, как и женщина, шедшая с ним рядом, хотя обоим и досталось. На горизонте Торанага видел огромную приземистую громаду замка и фаллический силуэт главной башни. «Сегодня уже второй раз я был на волосок от гибели, – подумал он. – Действительно ли замок собирается покарать меня? Тайко частенько говорил мне: „Пока цел Осацкий замок, мой род не прекратится, и твоя эпитафия, Торанага Миновара, будет написана на его стенах. Осака погубит тебя, мой верный слуга!“ И сопровождал эти слова неизменным свистящим издевательским смехом, который выводил из себя.

Есть ли кровь тайко в Яэмонэ? Так или нет, Яэмон – его законный наследник».

Торанага с трудом отвел глаза от замка, повернул за угол и скользнул в лабиринт улиц. Вскоре он остановился у стареньких ворот. На столбах была изображена рыба. Он постучался условным стуком, дверь сразу же открылась. Через мгновение ему уже кланялся всклокоченный самурай:

– Господин?

– Собери своих людей и следуй за мной, – велел Торанага и вышел.

– С радостью.

Этот самурай не носил коричневого кимоно, но только пестрые лохмотья ронина, поскольку входил в один из секретных отрядов отборных бойцов, которые Торанага тайком переправил в Осаку на случай непредвиденных событий. Пятнадцать человек, одинаково одетых и одинаково хорошо вооруженных, тронулись за ним следом, быстро заняв места впереди и сзади него, а другие побежали поднимать по тревоге остальные отряды. Вскоре Торанагу уже сопровождало пятьдесят человек. Еще сто прикрывали его с флангов. А целая тысяча должна была приготовиться, чтобы выступить на рассвете, если в них возникнет необходимость. Он расслабился и замедлил шаг, опасаясь, что капитан и женщина слишком быстро устанут. Они были нужны ему сильными.

Торанага стоял в тени склада, разглядывая пристань, галеру и берег в полосе прилива. Ябу и самурай стояли около него. Другие, сгрудившись, ожидали в ста шагах дальше по проулку.

Отряд из ста серых сторожил подступы к галере, в нескольких сотнях шагов от них, с другой стороны утоптанной пустой площади, что исключало возможность внезапной атаки. Галера была пришвартована у каменного мола, который на сотню ярдов вдавался в море. Весла были вставлены в уключины, на палубе можно было с трудом разобрать фигуры нескольких моряков и воинов.

– Это наши или нет? – спокойно спросил Торанага.

– Слишком далеко, чтобы сказать наверняка, – ответил Ябу.

Прилив был высокий. Позади галеры сновали рыбацьи лодки, вышедшие на ночной лов с зажженными фонарями, которые приманивали рыбу. Дальше, к северу, на берегу лежали ряды вытасненных из воды рыбацких посудин разного размера, вокруг них возилось несколько рыбаков. В пятистах шагах, к югу, около другого каменного мола, стоял португальский фрегат «Санта-Тереза». При свете факелов толпы носильщиков торопливо загружали его тюками и бочонками. Около них, приняв небрежные позы, расположилась еще одна группа самураев. Это было в порядке вещей, так как все португальские и другие иностранные корабли согласно закону

загружались под постоянным наблюдением. Только в Нагасаки никто не надзирал за погрузкой и разгрузкой.

«Если охрана здесь будет усилена, мы сможем спать спокойней, – сказал себе Торанага. – Да, но удастся ли нам держать их под строгим надзором и расширять торговлю с Китаем? Чужеземцы с юга поймали нас в ловушку, из которой мы не выберемся, пока даймё-христиане управляют Кюсю, и священники еще нужны. Лучшее, что мы можем сделать, – это действовать как тайко. Понемногу уступать, притворяясь, что собираемся все отобрать, прибегать к блефу, зная, что без торговли с Китаем нам не прожить».

– С вашего разрешения, господин, я бы атаковал немедленно, – прошептал самурай.

– Я против, – возразил Ябу, – мы не знаем, наши ли люди на борту... И здесь кругом может быть спрятана тысяча человек. Эти люди, – он указал на серых около португальского корабля, – поднимут тревогу. Мы не сможем захватить корабль и выйти в море, прежде чем нас отрежут. Нам нужно в десять раз больше народу, чем есть сейчас.

– Господин Исидо скоро узнает обо всем, – сказал самурай, – тогда вся Осака наводнится врагами, которые стекутся на новое поле битвы. У меня сто пятьдесят человек с теми, что на флангах. Этого будет достаточно.

– Не для полной уверенности. Нет, если наши моряки не готовы сесть на весла. Лучше устроить тревогу, чтобы отвлечь серых – и всех тех, кто сидит в засаде. Этим тоже. – Ябу снова указал на людей около фрегата.

– Какую тревогу? – спросил Торанага.

– Поджечь улицу.

– Это невозможно! – запротестовал самурай в ужасе.

Поджог карался публичным сжиганием всей семьи виновного, от мала до велика. Наказание оттого было таким жестоким, что пожар угрожал любой деревне, селению или городу. Дерево и бумага служили единственными строительными материалами, за исключением черепицы на некоторых крышах. Каждый дом, каждый сарай, каждый навес и каждый дворец могли заняться в считанные минуты.

– Мы не можем поджечь улицу!

– Что важнее, – осведомился Ябу, – разрушение нескольких улиц или смерть нашего хозяина?

– Огонь распространится, Ябу-сан. Мы не можем сжечь всю Осаку. Здесь живет море народу – миллион и даже больше. – Мертвенно-бледный самурай повернулся к Торанаге. – Господин, я сделаю все, что вы скажете. Вы хотите, чтобы я так поступил?

Торанага только поглядел на Ябу. Тот презрительно ткнул пальцем в сторону города:

– Два года назад он выгорел наполовину, а посмотрите на него сейчас. Пять лет назад был великий пожар. Сколько сотен тысяч сгнуло тогда? Ну и что? Они же просто лавочники, торгошники, ремесленники и *эта*. Осака не деревня, заселенная крестьянами.

Торанага долго молчал, определяя силу и направление ветра. Он был слабым – такой не раздует сильного пламени. Может быть. Но пламя способно уничтожить весь город. За исключением замка. «Ах, если бы оно могло уничтожить один замок, я бы не колебался ни мгновения».

Он повернулся и подошел к остальным:

– Марико-сан, возьмите шесть самураев, капитана и отправляйтесь на галеру. Притворитесь, что вы в панике. Скажите серым, что на вас была устроена засада – разбойниками или ронинами, вы не уверены, кем именно. Скажите им, где это случилось, и поясните, что вы спешно посланы вперед командиром сопровождающих вас серых, чтобы позвать на помощь, что битва все еще продолжается, что, как вам кажется, Кирицубо убита или ранена. Пожалуйста, поторопитесь. Если вы их убедите в этом, большинство серых уйдет отсюда.

– Я вас поняла, господин.

– Затем, независимо от того, что будут делать серые, поднимайтесь на борт вместе с капитаном. Если наши моряки там и корабль в порядке, возвращайтесь к сходням и притворитесь, что падаете в обморок. Это будет сигнал нам. Сделайте это точно в начале лестницы. – Торанага посмотрел на Блэкторна. – Скажите ему, что вы собираетесь делать, но не упоминайте, что намерены падать в обморок. – Он отвернулся, чтобы отдать приказы остальным своим людям, причем шесть самураев получили специальные секретные инструкции.

Когда Торанага закончил, Ябу увлек его в сторону:

– Зачем посылать чужеземца? Разве не безопаснее оставить его здесь? Безопаснее для вас?

– Безопаснее для него, Ябу-сан, но не для меня. Он полезная приманка.

– Поджечь улицу будет даже безопаснее.

– Да. – Торанага подумал, что лучше иметь Ябу на своей стороне, чем на стороне Исидо. «Хорошо, что я не заставил его вчера прыгнуть с башни».

– Господин?

– Да, Мариико-сан?

– Извините, но Андзин-сан спрашивает, что делать, если корабль занят врагами?

– Скажите, что ему необязательно идти с вами, если он недостаточно силен.

Блэкторн едва сдержался, когда она передала ему слова Торанаги.

– Скажите господину Торанаге, что его план опасен для вас, что вам следует остаться здесь. Если все будет хорошо, я дам сигнал.

– Я не могу сделать этого, Андзин-сан, – отрезала Мариико. – Любой план господина отличается большой мудростью.

Блэкторн понял, что спорить не о чем. «Боже, покарай их за это кровожадное, ослиное высокомерие, – подумал он. – Но ей-богу, каково мужество! И у него, и у этой женщины».

Он следил за ней во время схватки, когда она вооружилась мечом такой длины, что он был почти вровень с ней, готовой сражаться насмерть за Торанагу. Он видел, как умело она пользуется оружием, и, хотя нападавшего убил Бунтаро, она облегчила ему задачу, заставив врага отступить. Ее кимоно было запачкано кровью и разорвано в нескольких местах, грязь осталась на лице.

– Где вы научились так орудовать мечом? – спросил он, пока они бежали к молу.

– Вам следует знать, что все женщины-самураи сызмальства учатся владеть ножом, чтобы защищать свою честь и честь своего господина, – пояснила она сухо и показала, где прячет стилет, готовый к немедленному действию, – но некоторые из нас, немногие, учатся сражаться мечом и пикой, Андзин-сан. Некоторые отцы считают, что их дочери, так же как и сыновья, должны быть готовы к битве за господина. Конечно, есть женщины, которые воинственнее других и

рады выйти на битву вместе со своими мужьями и отцами. Мои отец и мать решили, что я должна владеть мечом и пикой.

– Если бы не подвернулся тот капитан серых, первая стрела попала бы прямо в вас, – сказал он.

– В вас, Андзин-сан, – уверенно поправила она, – но вы спасли меня, оттащив в безопасное место.

Теперь, глядя на нее, он понимал: ему не хочется, чтобы с ней что-нибудь случилось.

– Давайте я пойду с самураями, Марико-сан, а вы оставайтесь здесь. Пожалуйста.

– Это невозможно, Андзин-сан.

– Тогда мне нужен нож. А лучше два.

Она передала это требование Торанаге, который согласился. Блэкторн засунул один нож под пояс, внутрь кимоно. Другой привязал вниз рукояткой, к руке под рукавом, используя для этого полоску шелка, оторванную от манжеты кимоно.

– Мой господин спрашивает, все ли англичане носят ножи в рукаве, как вы?

– Нет. Но большинство моряков делают именно так.

– Это необычно – не как у португальцев, – заметила она.

– Лучшее место для запасного ножа – в сапоге. Тогда вы можете нанести хороший удар очень быстро. Если это необходимо.

Она перевела его слова, и Блэкторн заметил, как внимательно поглядели на него Торанага и Ябу, и понял: им не понравилось то, что он вооружается. «Хорошо, – подумал он. – Возможно, мне удастся остаться вооруженным».

Он опять вернулся мыслями к Торанаге. После того как серые были перебиты, Торанага через Марико перед всеми коричневыми поблагодарил его за «верность». И больше ничего – ни обещаний, ни соглашений, ни наград. Но Блэкторн знал, что это придет позднее. Старый монах сказал ему, что верность – единственное, что японцы считают достойным награды. «Верность и долг, сеньор, – говорил он. – Это их культ, это *бусидо*. Мы отдаем наши жизни за Бога, Его сына Иисуса и Марию, Матерь Божью. Эти животные жертвуют собой ради своих хозяев и умирают как собаки. Ради спасения своей души помните, сеньор: они животные».

«Они не животные, – подумал Блэкторн. – И многое другое из того, что вы сказали, святой отец, неправда, преувеличение фанатика».

Он обратился к Мариико:

– Мне нужно знать сигнал – свободен корабль или нет.

Она перевела его слова Торанаге, на этот раз реакция была спокойной.

– Господин Торанага говорит, что один из наших солдат сделает это.

– Я считаю, это трусость – поручать женщине мужскую работу.

– Пожалуйста, будьте терпеливы с нами, Андзин-сан. Нет различий между мужчиной и женщиной. Женщины такие же самураи. В этом отношении женщина может быть много лучше, чем мужчина.

Торанага коротко спросил ее о чем-то.

– Вы готовы, Андзин-сан? Мы сейчас выходим.

– План плохой и опасный, и я устал быть ощипанной жертвенной уткой, но я готов.

Она засмеялась, поклонилась Торанаге и побежала. Блэкторн и шесть самураев последовали за ней.

Она бежала очень быстро, и он нагнал ее, лишь когда они завернули за угол и попали на открытое пространство. В тот же миг, как они появились, серые заметили их и бросились вперед. Вскоре люди Торанаги были окружены. Мариико лихорадочно затараторила, объясняясь с серыми. Потом и Блэкторн внес свою лепту в пеструю многоязычную речь, пересыпав ее португальскими, английскими и немецкими словами, жестами прося поторопиться, и схватился за поручни сходней, непритворно запыхавшись. Он пытался разглядеть, что происходит внутри корабля, но ничего не видел достаточно отчетливо – только многочисленные головы, появляющиеся у планшира. Он различал бритые макушки многочисленных самураев и не менее многочисленных моряков. Цвета кимоно разобрать не удавалось.

Один из серых за спиной быстро заговорил с ним, он повернулся, объясняя, что не понимает, и призывая жестами: бегите туда, быстро, вверх по улице, где продолжается эта проклятая битва.

– *Вакаримас ка?* Уноси отсюда к черту свой зад с поджатым хвостом! *Вакаримас ка?* Там бой идет!

Марико с безумным видом что-то рассказывала командиру серых. Тот отошел к кораблю и прокричал приказы. Сразу же более сотни самураев, сплошь серых, высыпало на берег. Предводитель послал нескольких человек на север вдоль берега, чтобы встретить раненых и помочь им при необходимости. Один был спешно отряжен за подмогой к серым, топтавшимся около португальского фрегата. Оставив десять человек охранять сходни, командир быстрым шагом повел остальных по улице, которая, извиваясь, поднималась от пристани к городу.

Марико подошла к Блэкторну.

– Как вам кажется, с кораблем все в порядке? – спросила она.

– Он на плаву.

С большим усилием Блэкторн уцепился за канаты сходней и втянул себя на палубу. Марико последовала за ним. За ней поднялись двое коричневых.

Моряки, толпившиеся у планшира по левому борту, уступили им дорогу. Четверо серых охраняли ют, еще двое маячили на полуяоте. Все они были вооружены луками и мечами.

Марико принялась расспрашивать одного из моряков. Тот отвечал ей с большой любезностью.

– Это все люди, нанятые, чтобы доставить Кирицубо-сан в Эдо, – пояснила она Блэкторну.

– Спросите его... – Блэкторн не договорил, так как заметил низенького, приземистого моряка, которого назначил капитаном галеры после шторма. – *Конбанва* (добрый вечер), капитан-сан!

– *Конбанва*, Андзин-сан. *Ватаси изэ*, капитан-сан, *има*, – ответил моряк с ухмылкой, качая головой. Он указал на гибкого субъекта с серо-стальной торчащей косичкой, который один стоял на юте: – *Имасу* капитан-сан!

– *А, со дэс? Хэллоа*, капитан-сан! – крикнул Блэкторн и поклонился, потом сказал, понизив голос: – Марико-сан, проверьте, есть ли еще серые внизу.

Прежде чем она успела что-либо сказать, капитан ответил на поклон и прокричал что-то помощнику. Тот кивнул и ответил очень подробно. Некоторые из матросов поспешили выразить свое согласие криками. Капитан и все остальные на борту были поражены.

– *А, со дэс*, Андзин-сан! – После этого капитан гаркнул: – *Кэйрэй!* (Салют!) – Все на борту, кроме самураев, приветственно поклонились

Блэкторну.

Марико растолковала:

– Помощник поведал капитану, что вы спасли корабль во время шторма, Андзин-сан. Вы не рассказывали нам о шторме и вашем плавании.

– Нечего рассказывать. Просто еще один шторм. Пожалуйста, поблагодарите капитана и скажите, что я счастлив снова оказаться на борту. Спросите его, готовы ли мы отплыть сразу же, как придут остальные. – И тихонько добавил: – Проверьте, есть ли еще серые внизу.

Она исполнила просьбу.

Подошел капитан, Марико расспросила его, потом, уловив намеки капитана на важность пребывания чужеземца на борту, она поклонилась Блэкторну:

– Андзин-сан, он благодарит вас за спасение корабля и говорит, что они готовы. – И добавила тихонько: – Об остальном он не знает.

Блэкторн взглянул на берег: ни намек на то, что вот-вот появится Бунтаро. Самурай, посланный к «Санта-Терезе», не добежал еще сотни ярдов до цели и пока не был замечен.

– Что теперь? – осведомился он, когда уже не мог больше ждать.

Марико спросила себя: «Корабль в безопасности? Решай».

– Этот человек скоро доберется до места, – проворчал Блэкторн, глядя на фрегат.

– Что?

Он показал:

– Этот, самурай!

– Что «самурай»? Извините, я не могу разобрать на таком расстоянии, Андзин-сан. Я вижу все, что на корабле, кроме серых перед ним – они как в тумане. Кто этот человек?

Он объяснил, добавив на латыни:

– Теперь он всего в пятидесяти шагах. Его хорошо видно. Нам очень нужна помощь. Кто подаст знак? В таком положении нельзя медлить.

– А мой муж? Его нигде не видно? – спросила она по-португальски.

Он покачал головой.

«Шестнадцать серых стоят между моим господином и его спасением, – сказала она себе. – О Мадонна, защити его!»

Потом, поручив свою душу Господу, но опасаясь, что принимает неверное решение, она прошла к началу лестницы и рухнула, сделав вид, что лишилась сознания.

Блэкторн, оставленный в неведении, увидел, что голова ее ударилась о деревянные ступеньки. Моряки сгрудились около нее, от пристани и с палуб спешили серые, Блэкторн подбежал к ней, поднял и понес обратно на ют.

– Принесите немного воды... воды, *хай*?

Моряки уставились на него, не понимая. Он отчаянно искал в уме японское слово. Старый монах говорил ему раз пятьдесят. «Боже, да как же это?»

– *О, мидзу, мидзу, хай?*

– *А, мидзу! Хай*, Андзин-сан. – Японец кинулся за водой. Внезапно раздался тревожный крик.

На берегу из проулка выбежали тридцать самураев Торанаги, переодетые ронинами. Серые, устремившиеся было с корабля на берег, столпились у сходней. Те, что находились на полуюте и юте, вытягивали шею, стараясь лучше разглядеть происходящее. Неожиданно один из них начал выкрикивать приказы. Лучники приготовились к стрельбе. Все самураи – и коричневые, и серые – выхватили мечи, большая часть их метнулась в гавань.

– Разбойники! – крикнул один из коричневых.

А двое других на палубе сразу же разделились: один бросился к носу, другой на корму. Четверо на берегу метнулись вперед, смешавшись с ожидающими серыми.

– Стойте!

Переодетые ронинами самураи Торанаги пошли в атаку. Один грузно упал на землю, сраженный стрелой в грудь. Тут же коричневый на носу убил серого лучника и напал на другого, но тот оказался проворнее, и скрестились мечи, серый издал вопль, предупреждая соратников об измене. Коричневый на юте ранил одного из серых, но трое других быстро расправились с ним и побежали к сходням, моряки рассыпались кто куда. Внизу, на пристани, отчаянно сражались, серые яростно атаковали четырех коричневых, зная, что их предали и в любой момент они будут смяты нападающими. Командир серых на палубе, крупный, плотный японец с седой бородой, ринулся на Блэкторна и Марико.

– Убейте предателей! – проревел он и напал на них с боевым кличем.

Блэкторн видел, как на Марико, все еще лежащую в обмороке, устремились свирепые взгляды, и знал: если он не решится на что-нибудь как можно быстрее, скоро они оба будут мертвы. От моряков помощи ждать нечего, потому что только самурай может сражаться с самураем.

Блэкторн вытащил нож и, с силой метнув его, попал в горло самураю. Два других бросились на Блэкторна, высоко подняв боевые мечи. Он сжал второй нож и встал около Марико, зная, что не сможет бросить ее беззащитной. Краем глаза он видел, что битва у сходней почти выиграна. Трап удерживали трое серых, не дававших захватить корабль. Если он сможет продержаться хотя бы минуту, спасется сам и спасет ее. Убить их, убить негодяев!

Он скорее почувствовал, чем увидел, клинок, несущийся к его горлу, и отскочил в сторону. Один из серых устремился за ним, другой замер над лежащей Марико, воздев меч. Блэкторн увидел, что Марико приходит в сознание. Она бросилась под ноги ничего не подозревавшему врагу, свалив его на палубу. Затем, подобравшись к убитому серому, вырвала меч, все еще зажатый в мертвой руке, и с криком бросилась на стражника. Сваленный ею серый вскочил на ноги и, яростно взыв, пошел на нее. Она отступила и храбро отбивалась мечом, но Блэкторн знал, что она обречена: противник был слишком силен. Каким-то чудом Блэкторн избежал смерти во время очередной атаки, оттолкнул врага ногой и бросил нож в самурая, наседавшего на Марико. Нож угодил в спину, смазав удар мечом, зато Блэкторн оказался в безвыходном положении: один серый наступал ему на пятки, другой, только что вышедший победителем из схватки на полуюте, бежал к нему на ют. Он прыгнул к планширу, надеясь найти спасение в море, но поскользнулся на залитой кровью палубе.

Марико, побледнев, посмотрела вверх, на огромного самурая, который, шатаясь, все еще удерживал ее в углу, – жизнь покидала колосса, но все-таки недостаточно быстро. Марико нанесла удар, вложив в него все свои силы, но самурай парировал его и, захватив меч, вырвал его из ее рук. Он собрался с духом и ударил, когда переодетые ронинами воины ворвались на сходни по трупам серых.

Один напал на противника Марико, другой пустил стрелу в сторону юта.

Наконечник ужалил спину серого, тот потерял равновесие, и его меч пронесся мимо Блэкторна к планширу. Блэкторн пытался отползти в сторону, но самурай схватил его, припечатал к палубе и потянулся к глазам. Другая стрела ударила серого в плечо, и он выронил меч, вскричав от боли и злости, тщетно пытаясь выдернуть древко. Третья стрела заставила его скорчиться. Кровь хлынула изо рта, серый задыхался, глаза его стекленели, но он все тянулся к Блэкторну и упал на него в тот момент, когда последний из серых подбежал, чтобы нанести смертельный удар коротким клинком. Он занес его над беспомощным Блэкторном, но дружеская рука перехватила меч. Голова противника отделилась от шеи, вверх брызнул фонтан крови. Блэкторна вытащили из-под трупов, поставили на ноги. Вытирая кровь с лица, он с трудом разглядел, что Марико распростерта на палубе, а вокруг нее суетится одетый ронином самурай. Блэкторн оттолкнул своих спасителей, спотыкаясь, побрел по направлению к ней, но колени его подогнулись, и он рухнул на палубу.

Глава 25

Потребовалось добрых десять минут, чтобы Блэкторн собрался с силами и мог стоять без посторонней помощи. Тем временем самурай, ряженный ронином, прикончил тяжелораненых и выбросил в море трупы. Погибло шестеро коричневых и все серые. На корабле навели порядок и приготовили его к немедленному отплытию, усадив гребцов за весла и велев команде по первому приказанию поднимать якоря. Факелы погасили, нескольких самураев послали на берег к северу, чтобы они перехватили Бунтаро. Большой отряд людей Торанаги отправился к югу, в сторону каменного волнолома, расположенного в двухстах шагах, где занял выгодную оборонительную позицию, чтобы сдерживать натиск сотни серых, которые, увидев, что на галере разгорелся бой, приближались со стороны фрегата.

Когда все на борту было проверено и перепроверено, предводитель коричневых сложил руки рупором и крикнул что-то людям на берегу. Из ночной тьмы тут же вынырнули новые самураи, одетые как ронины, – ими командовал Ябу. Они образовали две шеренги, загородив проход с южной и северной сторон. Появился Торанага и медленно пошел к сходням. Он уже снял женское кимоно и дорожный плащ, смыл краску с лица. Теперь на нем были доспехи, поверх них – простое коричневое кимоно, из-за пояса торчали мечи. Пространство за ним заслонили остатки его охраны, вся фаланга мерной поступью направилась к гавани.

«Негодяй, – подумал Блэкторн. – Какой же ты жестокий, хладнокровный, бессердечный негодяй, но в тебе есть величие, без сомнения».

Перед этим он видел, как Мариико снесли вниз, возле нее хлопотала молодая женщина, и он предположил, что Мариико ранена, но несильно: получивших смертельную рану самураев тут же добивали, если они не могли сделать этого сами, а она была самураем.

Руки Блэкторна еще дрожали от слабости, но он взялся за штурвал и подтянулся вверх – ему помог один из моряков. Слабый бриз избавил его от тошноты, он почувствовал себя лучше. Шатаясь и все еще плохо соображая, он следил за Торанагой.

В главной башне замка вспыхнул свет, оттуда донеслись слабые звуки набата. Потом со стен замка полетели в небо огни. Сигнальные огни.

«Боже мой, они, должно быть, получили сообщение, узнали о бегстве Торанаги!»

В воцарившейся мертвой тишине он наблюдал, как Торанага оглянулся, а затем посмотрел вверх. Огни засветились по всему городу. Без лишней спешки Торанага повернулся и взошел на борт.

Ветер с севера донес отдаленные крики. «Бунтаро! Это должен быть он с остатками колонны». Блэкторн всматривался в темноту, но ничего не мог различить. На юге расстояние между атакующими серыми и обороняющимися коричневыми быстро сокращалось. Он прикинул соотношение сил: пока примерно поровну, но надолго ли?

– *Кэйрэй!*

Все на борту встали на колени и низко поклонились, как только Торанага ступил на палубу. Торанага сделал знак Ябу, который сопровождал его. Ябу тут же отдал команду отчаливать. Пятьдесят самураев из фаланги подбежали к сходням и заняли оборонительную позицию, лицом к берегу, с луками на изготовку.

Блэкторн почувствовал, что кто-то тянет его за рукав.

– Андзин-сан!

– *Хай?*

Он посмотрел вниз, на капитана. Тот разразился потоком слов, указывая на штурвал. Блэкторн понял: капитан уверен, что он поведет судно, и спрашивает разрешения отдать концы.

– *Хай*, капитан-сан, – ответил он, – отчаливай! *Исоги!* – «Да, очень быстро», – сказал он себе, удивляясь тому, что так легко запомнил это слово.

Галера отошла от пристани, подгоняемая ветром, гребцы налегали на весла. Блэкторн увидел, что волна серых докатилась до волнолома и началась суматошная схватка. Тут за рядами лежащих на берегу лодок из темноты выскочили трое мужчин и девушка, на бегу отбивающиеся от девяти серых. Блэкторн узнал Бунтаро и служанку Соно.

Бунтаро руководил отступлением к пристани, его меч был окровавлен, стрелы торчали из доспехов на груди и спине. Девушку, вооруженную пикой, шатало, она задыхалась. Один из коричневых остановился, чтобы прикрыть отступление, но серые тут же смяли его.

Бунтаро взлетел по ступеням. Девушка и последний из коричневых держались около него. Тут он развернулся и, как дикий буйвол, обрушился на серых. Первые два свалились с десятифутовой пристани, один сломал позвоночник о камни внизу, другой падал с ужасным воплем – его правая рука была отрублена. Серые, замешкавшись, дали девушке время направить на них копье, но все на берегу знали, что это только жест. Последний коричневый проскочил мимо своего командира и очертя голову бросился на врага. Серые зарубили его, потом нахлынули всем скопом.

Лучники с корабля, стреляя залпами, уложили или покалечили всех серых, кроме двух. Меч отскочил от шлема Бунтаро, ударив его по доспехам на плече. Бунтаро двинул противника ниже подбородка закованной в сталь рукой, сломал ему шею и оттолкнул испустившего дух врага.

Девушка упала на колени, пытаясь отдышаться. Бунтаро не терял времени на то, чтобы удостовериться, все ли серые мертвы, – он просто отрубал им головы одним мастерским ударом и, когда окончательно убедился, что пристань безопасна, повернулся к морю и махнул Торанаге рукой, обессиленный, но счастливый. Торанага махнул в ответ, тоже очень довольный.

Корабль был в двадцати ярдах от пристани, и расстояние до него увеличивалось.

– Капитан-сан, – позвал Блэкторн, жестами давая понять, что дело срочное, – вернитесь к пристани! *Исогу!*

Капитан послушно прокричал команды. Весла сразу замерли и начали грести в обратную сторону. Ябу поспешил на ют и коршуном налетел на капитана. Приказ был ясен: не возвращаться.

– Ради бога, ведь еще полно времени. Смотрите! – Блэкторн показал на пустую вытопанную площадку и волнолом, где «ронины» сдерживали натиск серых перед входом на пристань.

Но Ябу покачал головой.

Расстояние уже увеличилось до тридцати ярдов, и в мозгу Блэкторна все кричало: «Да что же с вами, ведь там Бунтаро, ее муж!»

– Вы не можете дать ему погибнуть, ведь он один из вас! – крикнул он Ябу и всему кораблю. – Ему! Бунтаро! – Он повернулся к капитану: – Вернись туда! *Исогу!*

Но на этот раз капитан беспомощно замотал головой, и галера осталась на прежнем курсе, а главный над гребцами продолжал отбивать ритм на большом барабане.

Блэкторн кинулся к Торанаге, который стоял спиной к нему, разглядывая берег и пристань. На пути у капитана сразу же выросли четыре телохранителя, подняв мечи. Он окликнул:

– Торанага-сама! *Додзо!* Прикажите кораблю вернуться! Туда! *Додзо!* Пожалуйста! Вернитесь!

– *Иэ*, Андзин-сан. – Торанага указал на огни в замке и у волнолома и отвернулся.

– Ну вы и трусы, дерьмовые трусы... – начал Блэкторн и замолчал. Он бросился к плану и наклонился над ним. – Вплавь! – закричал он, показывая жестами. – Плывите же, ради бога!

Бунтаро понял. Он поднял девушку на ноги и заговорил с ней, подталкивая к краю причала, но она закричала и кинулась перед ним на колени. Очевидно, она не умела плавать.

Блэкторн в отчаянии оглядел палубу. Спускать лодку поздно. И слишком далеко, чтобы бросить канат. Не хватит сил, чтобы доплыть туда и обратно. Нет спасательных кругов. Не желая сдаваться, он подбежал к ближайшей паре гребцов, сидевших за одним веслом, и остановил их. Все гребцы по левому борту сразу же сбились с ритма, весло задевало за весло. Галера неуклюже замедлила ход, барабанная дробь смолкла, и Блэкторн показал гребцам, чего добивается.

Два самурая направились к нему, чтобы остановить, но Торанага приказал им отойти и не вмешиваться.

Блэкторн вместе с четырьмя моряками бросил весло, как дротик, с борта галеры. Оно пролетело какое-то расстояние, потом аккуратно легло на воду и по инерции подплыло к пристани.

В это время со стороны волнолома раздался победный клич. Из города к серым спешило подкрепление, и, хотя переодетые ронинами самурай еще сдерживали врага, их поражение было только вопросом времени.

– Ну! – крикнул Блэкторн. – *Исогу-у-у!*

Бунтаро поднял девушку, показал на весло и на корабль. Она слабо поклонилась. Бунтаро отвернулся от нее и стал следить за сражением, его огромные ноги твердо стояли на пристани.

Девушка что-то прокричала, обращаясь к кому-то на корабле. Ей ответил женский голос, и она прыгнула в воду. Вынырнув, она подплыла, молотя руками и ногами по воде, к веслу и ухватилась за него. Весло легко выдержало ее вес, и она двинулась к судну. Девушка удержалась, когда ее накрыла небольшая волна, и подплывала к галере. Но вдруг ее охватил страх, она ослабила хватку, весло выскользнуло из рук. Какое-то мгновение она барахталась, потом скрылась под водой. И больше не появилась.

Теперь на пристани остался один Бунтаро, он стоял, наблюдая, как то разгорается, то снова затихает сражение. С юга на помощь серым прибывало и прибывало подкрепление, среди пеших затесалось несколько конников, и Бунтаро знал, что скоро весь волнолом будет затоплен морем людей. Он внимательно посмотрел на север, запад и юг. Потом повернулся спиной к битве и пошел к дальнему концу пристани. Галера была в безопасности, в семидесяти ярдах от наиболее выдающихся в море причалов. Все рыбацкие лодки ушли подальше и ждали на безопасном расстоянии с обеих сторон гавани, их якорные огни светились в темноте, словно многочисленные кошачьи глаза.

Достигнув конца пристани, Бунтаро снял свой шлем, лук с колчаном и латы, положив их рядом с ножнами. Два обнаженных клинка, длинный и короткий, он поместил рядом. Потом, раздевшись по пояс, поднял доспехи, лук и выбросил в море. Длинный меч он окинул долгим любовным взглядом и лишь затем метнул со всей силы далеко на глубину. Сверкающая полоса погрузилась в воду с громким плеском.

Бунтаро церемонно поклонился галере, Торанаге, который сразу же прошел на ют, откуда ему было лучше видно происходящее, и поклонился в ответ.

Встав на колени, Бунтаро аккуратно положил короткий меч на камни рядом с собой – лунный свет блеснул на лезвии – и застыл, словно молясь, лицом к галере.

– Чего он ждет? – пробормотал Блэкторн в жуткой тишине, не оглашаемой барабанным боем. – Почему он не прыгает и не плывет?

– Он готовится совершить сэппуку.

Марико стояла рядом, опираясь на плечо молодой женщины.

– Боже мой, Марико, как вы?

– Все хорошо, – проговорила она, едва слыша его. Ее лицо было измучено, но не менее прекрасно.

Он увидел свежую повязку на ее левой руке около плеча, рукав там был отодран, и рука покоилась на перевязи – полосе шелка, оторванной от ее кимоно. Повязка напиталась кровью, капли которой стекали вниз по руке.

– Я так рад... – Тут только до него дошло, о чем она говорила. – Сэппуку? Он собирается убить себя? Почему? У него достаточно времени, чтобы добраться сюда! Если он не умеет плавать, смотрите – вот весло, которое легко выдержит его. Там, около пристани, видите? Вам не видно?

– Мой муж умеет плавать, Андзин-сан, – сообщила она. – Как все воины господина Торанаги. Но он решил не плыть.

– Ради бога, почему?

Внезапный дикий рев донесся с берега, выстрелило несколько мушкетов, стена обороны была пробита, самураи в одежде ронинов падали замертво, но вскоре атака захлебнулась, встретив на пути отдельные очаги упорного сопротивления. Авангард противника задержали и отбросили назад.

– Скажите ему, пусть плывет!

– Он не поплывет, Андзин-сан. Он готовится умереть.

– Если он хочет умереть, то объясните мне, ради бога, почему он не идет туда? – Блэкторн показал в том направлении, где кипел бой. – Почему он не поможет своим людям? Если он хочет умереть, почему не умрет в бою, как мужчина?

Марико не сводила глаз с пристани:

– Потому что может быть захвачен в плен. Даже если он поплывет, его могут взять в плен, и тогда враг выставит его напоказ перед простоллюдинами, опозорит, станет измышлять другие ужасные вещи. Самурай, захваченный в плен, не может остаться самураем. Это самый большой позор – попасть в руки врага, поэтому мой муж собирается сделать то, что должен сделать мужчина, самурай. Самурай умирает с достоинством. Что самураю жизнь? Ничто. Вся жизнь – страдание, не так ли? Это его право и обязанность – умереть с честью, перед свидетелями.

– Что за глупая потеря, – процедил Блэкторн сквозь зубы.

– Будьте терпимее к нам, Андзин-сан.

– Терпимее к чему? К новому вранью? Почему вы не доверяете мне? Разве я не заслужил доверия? Вы лжете мне, не так ли? Вы притворились, что упали в обморок, а это был сигнал. Разве не так? Я спрашивал вас, а вы мне солгали.

– Мне приказали... так было приказано, чтобы защитить вас. Конечно, я вам доверяю.

– Вы лжете! – прорычал он, зная, что не прав, но не заботясь об этом, ненавидя весь этот вздор о жизни и смерти, страстно желая покоя и сна, тоскуя по привычной пище и питью, по кораблю и своей семье. – Вы все животные, – произнес он по-английски, сознавая, что это не так, и отошел в сторону.

– Что он сказал, Марико-сан? – спросила молодая женщина, Усаги Фудзико, племянница Марико, с трудом скрывая раздражение. Она была на полголовы выше Марико, шире в кости, с квадратным лицом и маленькими острыми зубами. Ей исполнилось девятнадцать.

Марико объяснила ей.

– Что за ужасный человек! Что за отвратительные манеры! Противный, правда? Как вы можете терпеть его около себя?

– Он спас честь нашего господина. Если бы не его отчаянная смелость, я уверена, господин Торанага был бы схвачен – мы все были бы схвачены. – Обе женщины вздрогнули.

– Боги спасли нас от такого позора! – Фудзико взглянула на Блэкторна, который, облокотившись на планшир, озирает берег. Она какое-то время изучала чужеземца. – Он похож на золотую обезьяну с голубыми глазами – словно создан, чтобы пугать детей. Ужасно, правда? – Фудзико вздрогнула и отвела свой взгляд от него, перенесла внимание на Бунтаро. Через какое-то время она сказала: – Я завидую вашему мужу, Марико-сан.

– Да, – печально откликнулась Марико, – но как бы мне хотелось, чтобы кто-нибудь помог ему.

По обычаю в совершении сэппуку всегда участвовал второй самурай, он вставал за спиной у коленапреклоненного и отрубал ему голову одним ударом, до того как агония становилась невыносимой и унижающей достоинство человека в этот высокий миг его жизни. Без помощника достойно умереть могли немногие.

– Карма, – вздохнула Фудзико.

– Да. Мне очень жаль. Единственное, чего он боялся, – остаться без помощника в такой момент.

– Нам повезло больше, чем мужчинам, правда?

Женщины-самураи совершали сэппуку, вонзая нож в горло, и, следовательно, не нуждались в помощнике.

– Да, – признала Марико.

Ветер донес до них стоны и боевые кличи, отвлекая внимание. Оборона на волноломе снова была нарушена. Небольшой отряд из пятидесяти самураев Торанаги, одетых как ронины, подоспел с севера, среди них было несколько конников. Прорыв снова ликвидировали с помощью яростного натиска, ни та ни другая сторона не уступали ни пяди земли, но атакующие были отброшены, так что людям Торанаги удалось выиграть какое-то время.

«Время для чего? – горько подумал Блэкторн. – Торанага уже в безопасности. Он отплыл. Он предал вас всех».

Опять загремел барабан.

Весла ударили по воде, нос наклонился, разрезая волны, опять потянулась полоса за кормой. На стенах замка еще горели огни. Почти весь город проснулся.

Главные силы серых обрушились на волнорез. Глаза Блэкторна вновь обратились к Бунтаро.

– Ты несчастный ублюдок, – выбранился он по-английски, – несчастный, глупый ублюдок!

Блэкторн повернулся, сошел вниз, на главную палубу, и направился к носу корабля, опасаясь, как бы судно не попало на мель. Никто, кроме Фудзико и капитана, не заметил, что он ушел с юта.

Гребцы работали веслами очень слаженно, и корабль набирал скорость. Море было тихим, ветер – очень легким. Блэкторн ощутил вкус соли и обрадовался ему. Потом обратил внимание на корабли, сгрудившиеся у выхода из гавани в половине лиги впереди. Это, несомненно, были рыбацкие суденышки, но битком набитые самураями.

– Мы в ловушке! – крикнул он, зная, что это могли быть только враги.

По судну прошло какое-то движение. Все, кто следил за битвой на берегу, одновременно вздрогнули.

Блэкторн оглянулся. Серые спокойно очищали волнолом от коричневых, часть их неторопливо направилась на пристань к Бунтаро. И тут четверо конников – коричневые – галопом ворвались на площадку перед пристанью с северной стороны, а их командир вел в поводу пятую лошадь без седока. Копыта застучали по широким каменным ступеням, всадник вместе с запасной лошадей взлетел по лестнице на пристань и помчался по ней, пока остальные трое преградили путь приближающимся серым. Бунтаро оглянулся, но не встал с колен, а когда конник подъехал к нему сзади, отмахнулся, схватил клинок обеими руками, направив острие на себя. Торанага тут же сложил руки рупором и прокричал:

– Бунтаро-сан! Уезжай с ними – попытайся спастись!

Крик пронесся над волнами и несколько раз был повторен, пока Бунтаро не услышал его явственно. Он поколебался, пораженный, все еще целя себе в живот коротким мечом. Снова раздался крик, настойчивый и повелительный.

С усилием Бунтаро переключил мысли со смерти на жизнь и холодно обдумал, сумеет ли спастись, как ему приказывали. Риск был велик. «Лучше умереть здесь, – сказал он себе. – Разве Торанага не знает этого? Здесь меня ждет почетная смерть. Там почти наверняка плен. Бежать триста ри до Эдо? Да меня наверняка схватят!»

Он почувствовал силу в руках, увидел, что приставленное к обнаженному животу лезвие не дрожит, и страстно возжелал приближения смерти, которая освободит его, искупит все: позор отца, преклонившего колени перед знаменем Торанаги, когда они должны были хранить верность Яэмону, наследнику тайко, которому присягали, позор уничтожения стольких людей, которые честно служили делу тайко против узурпатора Торанаги; позор его жены Марико и единственного сына, обесчещенных навек – сын из-за матери, а она из-за своего отца, чудовищного убийцы Акэти Дзинсая. И позор от сознания того, что из-за них до скончания веков осквернено его собственное имя.

«Сколько тысяч мук я вынес из-за нее?»

Его душа молила о прощении. Сейчас это было так близко, так легко и так почетно. Следующая жизнь будет гораздо лучше. Как она может быть хуже?

Однако он опустил клинок и повиновался, снова бросив себя в пучину жизни. Сюзерен приказал ему и дальше терпеть страдания, не позволил обрести покой. Что еще остается самураю, кроме повиновения?

Он вскочил, бросился в седло, сжал пятками конские бока и вместе со вторым всадником ускакал. Другие конники, одетые ронинами, возникли из мрака, чтобы прикрыть их отступление, уничтожить командиров серых. Вскоре они тоже исчезли, преследуемые серыми на лошадях.

Корабль взорвался смехом.

Торанага, ликуя, стучал кулаком по планширу, Ябу и самураи ревели. Даже Марико смеялась.

– Один убежал, а что с остальными? – кричал Блэкторн в ярости. – Посмотрите на берег – там, должно быть, три-четыре сотни трупов. Посмотрите на них, ради бога!

Но его голос не был слышен за смехом.

Потом с носа раздался тревожный крик впередсмотрящего. И смех умолк.

Глава 26

– Капитан, мы сможем пробиться? – спокойно спросил Торанага, следя за группой рыбацких лодок в пятистах ярдах впереди и соблазнительным проходом, который был оставлен между ними.

– Нет, господин.

– Нам больше ничего не остается, – изрек Ябу. – У нас нет выбора.

Он посмотрел назад, на берег и пристань, где толпились серые и откуда ветер доносил еле слышимые насмешки и оскорбления.

Торанага и Ябу стояли теперь на полуяоте. Барабан молчал, галера покачивалась на легкой волне. Все на борту ждали решения своей судьбы. Они знали, что надежно заперты в гавани. Опасность сторожит на берегу и впереди, ждать тоже опасно. Кольцо будет сомкнуто, и тогда их возьмут в плен. Если потребуется, Исидо будет ждать несколько дней.

Ябу весь кипел. «Если бы мы сразу покинули гавань, уже прорвались бы. Зачем мы ждали, теряя время, этого Бунтаро? Мы бы теперь были в безопасности в море, – твердил он себе. – Торанага теряет разум. Исидо поверит, что я предал его. Я ничего не смогу поделаться, если мы не прорвемся сейчас, и даже тогда я должен буду воевать на стороне Торанаги против Исидо. Я ничего не смогу поделаться. Разве что принести Исидо голову Торанаги. А что? Это сделает меня регентом и отдаст в мою власть Канто, не так ли? А потом, через шесть месяцев, вооружив мушкетами самураев, неужели я не добьюсь главенства в Совете регентов? Чем не удача! Уничтожить Исидо и стать верховным главнокомандующим при наследнике, комендантом Осацкого замка, военачальником, распоряжающимся всеми богатствами главной башни, обладающим властью над всей страной до совершеннолетия Яэмона, а потом – вторым после него лицом в государстве. Почему бы нет? А может, мне посчастливится и того больше. Выпадет удача уничтожить Яэмона и стать сёгуном. И все за одну голову при добром расположении богов!»

– Прикажи атаковать посты! – скомандовал наконец Торанага.

Когда Ябу отдал приказания и самураи начали готовиться, Торанага переключил свое внимание на чужеземца, который все еще маячил у

полуюта, где остановился, когда была поднята тревога, прислонившись к короткой грот-мачте.

«Хотел бы я понять его, – подумал Торанага, – то безоглядно смелый, то такой слабый. То очень нужный, то совершенно бесполезный. В какое-то мгновение убийца, в другое – трус. То послушный, то непокорный. Он и мужчина, и женщина. Ян и инь. Он противоречив и непредсказуем».

Торанага внимательно наблюдал за чужеземцем во время бегства из замка и позже, когда кортеж обстреляли из засады. От Марики, капитана и других он слышал, что произошло на борту. Он был свидетелем удивительных вспышек гнева несколько минут назад и, когда Бунтаро ускакал, слышал крики и видел вполглаза отвращение на лице варвара, а после, когда все смеялись, только злость.

«А почему не посмеяться, когда враг повержен? Почему не посмеяться, когда нужно выплеснуть горе, когда карма вмешивается, отказывая в красивой смерти настоящему самураю, и обрекает на бесполезную смерть красивую девушку? Разве смех не единственное, что ставит нас вровень с богами, помогает сносить жизнь, преодолеть весь ее ужас, потери и страдания на этой земле? Как сегодня ночью, когда мы наблюдали за всеми этими храбрецами, встретившими свою судьбу на этом берегу, в этой мягкой тьме. Через карму, распорядившуюся тысячами жизней или только одной.

Разве смех не есть то единственное, что позволит нам оставаться людьми?

Почему капитан не поймет, что его направляет карма, как и меня, как всех нас, даже этого Иисуса Христа. Если все, что про него говорят, – правда, только карма заставила его принять на кресте позорную смерть обычного преступника, вместе со злодеями, на горе, как рассказывал чужеземный священник.

Всё карма.

Как это дико – прибывать человека к куску дерева и дожидаться, пока он умрет! Они хуже китайцев, которые наслаждаются пытками».

– Спросите его, Ябу-сан! – распорядился Торанага.

– Господин?

– Спросите его, что делать. Капитана... Разве нам не предстоит морское сражение? Разве вы не говорили мне, что этот капитан – гений

на море? Хорошо, давайте проверим, правы ли вы. Пусть он докажет это.

Рот Ябу сжался в тонкую линию. Торанага чувствовал его страх и забавлялся им.

– Марико-сан, – пролаял Ябу, – спросите капитана, как нам выбраться – как пробиться через эти корабли.

Марико послушно отошла от планшира. Племянница все еще поддерживала ее.

– Не надо, со мной все нормально, Фудзико-сан, – сказала она, – спасибо.

Фудзико отпустила ее, неодобрительно посмотрев на Блэкторна.

Ответ капитана был коротким.

– Он говорит: с помощью пушек, Ябу-сан, – перевела Марико.

– Скажите ему, чтобы придумал что-нибудь получше, если хочет сохранить голову!

– Мы должны быть терпеливыми с ним, Ябу-сан, – прервал Торанага. – Марико-сан, скажите ему вежливо: «К сожалению, у нас нет пушек. Нет ли другого способа выбраться? По земле невозможно». Точно переведите, что он ответит. Точно.

Марико так и сделала.

– Извините, господин, но он говорит: нет. Только это: нет. Невежливо.

Торанага сдвинул пояс и поскреб болячку под доспехами.

– Ну, – изрек он добродушно, – раз Андзин-сан говорит: пушки, а он знает, что говорит, пушки мы добудем. Капитан, давай туда! – Его жесткий, мозолистый палец со злобой нацелился на португальский фрегат. – Приготовьте людей, Ябу-сан. Если южные чужеземцы не одолжат мне пушки, возьмем силой. Правильно?

– С большим удовольствием, – поклонился Ябу.

– Вы были правы, он гений.

– Но выход нашли вы, Торанага-сан.

– Легко найти решение, когда тебе его подскажут, так? В чем заключается решение, когда речь идет об Осакском замке, союзник?

– Эта задача не имеет решений. Тайко был силен на такие штуки.

– Да. Какое решение вытекает из предательства?

– Конечно, позорная смерть. Но я не понимаю, почему вы спрашиваете об этом.

– Просто пришла такая мысль, союзник. – Торанага взглянул на Блэкторна. – Да, он умен. Мне очень нужны умные люди. Марико-сан, эти чужеземцы отдадут мне свои пушки?

– Конечно. Почему бы им не отдать? – Ей даже в голову не пришло, что они могут послушаться.

Сейчас она больше беспокоилась о Бунтаро. Было бы намного лучше, если бы ему позволили умереть. Зачем ставить под угрозу его честь? Она ломала голову, почему в самый последний момент Торанага приказал Бунтаро уходить по суше. С той же легкостью он мог отдать приказ плыть к кораблю. Это было бы намного безопасней, и времени хватило бы. Он мог приказать, когда Бунтаро только пробился к пристани. Зачем было ждать? Что-то потаенное в глубинах ее души подсказало: господин имел веские причины медлить и потом отдать такой приказ.

– А если не отдадут? Вы готовы убивать христиан, Марико-сан? – спросил Торанага. – Разве это не противоречит их заповеди: не убий?

– Да, это так. Но ради вас, господин, мы с радостью пойдём в ад, мой муж, мой сын и я.

– Да, вы настоящий самурай, и я не забуду, как вы подняли меч, чтобы защитить меня.

– Пожалуйста, не благодарите меня. Если я сколько-нибудь помогла, то это был мой долг. Если кого-то и нужно вспомнить, так это моего мужа и моего сына. Они для меня очень много значат.

– Сейчас вы для меня более ценны. А можете оказаться еще ценнее.

– Скажите как, господин. И все будет сделано.

– Забудьте вашего чужеземного Бога.

– Господин? – Ее лицо окаменело.

– Забудьте вашего Бога. У вас слишком много обязанностей.

– Вы предлагаете мне стать отступницей, господин? Отречься от христианства?

– Да, если вы не можете отправить вашего Бога туда, где ему надлежит быть, – на задворки вашей души.

– Пожалуйста, извините меня, господин, – пролепетала она, колеблясь, – но моя религия никогда не вступала в противоречие с моей верностью вам. Я всегда считала религию моим личным делом. Я в чем-то провинилась перед вами?

- Пока еще нет. Но можете.
- Скажите мне, что я должна сделать, чтобы угодить вам.
- Христиане могут стать моими врагами, да?
- Ваши враги – мои враги, господин.
- Священники сейчас противостоят мне. Не исключено, что они прикажут всем христианам воевать со мной.
- Они не могут, господин. Они мирные люди.
- А если они продолжают противостоят мне? Если христиане воюют со мной?
- Вы никогда не должны сомневаться в моей верности. Никогда.
- Это Андзин-сан может говорить правду, а у ваших священников лживые языки.
- Есть хорошие священники и плохие священники, господин. Но вы мой сюзерен.

– Очень хорошо, Марико-сан, – сказал Торанага. – Я учту это. Вам приказано подружиться с чужеземцем, перенять все, что он знает, сообщать обо всем, что он говорит, научиться думать, как он, не «исповедоваться» в том, что вы делаете, с подозрением относиться ко всем священникам, доносить обо всем, что спрашивают священники или что они говорят. Ваш Бог должен быть в стороне от всего этого – или не быть вовсе.

Марико отбросила прядь волос со лба:

- Я могу делать все это, господин, и все-таки оставаться христианкой, клянусь вам!
- Хорошо. Поклянитесь в этом вашим христианским Богом.
- Богом клянусь вам в этом.
- Хорошо. – Торанага повернулся и позвал: – Фудзико-сан!
- Да, господин?
- Вас сопровождает кто-нибудь из служанок?
- Да, господин, две.
- Отдайте одну Марико-сан, а другую пошлите за зеленым чаем.
- Там есть sake, если хотите. Чай. Зеленый. Ябу-сан, вам подать sake или зеленого чая?
- Чая, пожалуйста.
- Принесите sake для Андзин-сана.

Свет упал на маленькое золотое распятие, висевшее на шее у Марико. Она увидела, что Торанага внимательно смотрит на него.

– Вы... вы хотите, чтобы я не носила его, господин? Снять его?

– Нет, – ответил он, – пусть оно напоминает вам о клятве.

Все следили за фрегатом. Торанага почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. Он увидел жесткое лицо и холодные голубые глаза, в которых читалась ненависть. Нет, не ненависть – подозрение. «Как смеет чужеземец подозревать меня?» – подумал он.

– Спросите Андзин-сана, почему он сразу не сказал, что там, на корабле чужеземцев, много пушек? Не посоветовал взять их, чтобы выбраться из ловушки?

Марико перевела. Блэкторн ответил.

– Он говорит... – Марико заколебалась, потом торопливо проговорила: – Пожалуйста, извините меня, он говорит, что вам хорошо бы пользоваться своей головой.

Торанага рассмеялся:

– Поблагодарите Андзин-сана за его голову. Так будет правильнее всего. Я надеюсь, она останется у него на плечах. Скажите ему, что теперь мы равны.

– Он говорит: «Нет, мы не равны, Торанага-сама. Но дайте мне мой корабль и команду, и я очищу весь океан. От любых врагов».

– Марико-сан, вы думаете, он имеет в виду и меня наряду с южными чужеземцами? – Вопрос был задан беспечно.

Бриз опять бросил прядь ей на глаза. Она устало откинула волосы:

– Не знаю, извините меня. Может быть, так, а может быть, нет. Хотите, я спрошу его? Извините, но он... он очень странный. Боюсь, я не понимаю его. Не во всем.

– У нас достаточно времени. Рано или поздно он объяснится с нами.

Блэкторн видел, как фрегат спокойно поднял якоря сразу после того, как приставленные к нему серые в спешке высадились на берег, следил за тем, как с корабля спустили баркас, который быстро отбуксировал «Санта-Терезу» от места стоянки у пристани на быстрину. Теперь фрегат находился в нескольких кабельтовых от берега, в глубоких водах, в безопасности, легкий носовой якорь удерживал его на месте, бортом к берегу. Это был обычный маневр европейских кораблей во вражеских или иностранных портах, когда с берега могла угрожать опасность. Он знал также, что, хотя на палубе

не наблюдалось никакой суеты, все пушки уже заряжены, мушкеты приготовлены к стрельбе, шрапнель, ядра – обычные и цепные – наличествуют в изобилии, абордажные сабли ждут своего часа в стойках, а вооруженные люди засели наверху на вантах. Глаза озирают горизонт во всех направлениях. Галера наверняка привлекла внимание в тот момент, когда изменила курс. Два тридцатифунтовых кормовых орудия, направленных прямо на них, уже готовы палить. Португальские канониры – самые лучшие в мире после англичан.

«И они все знают про Торанагу, – признал он с горечью, – потому что умны и как пить дать расспросили грузчиков или серых о том, из-за чего поднялся весь этот переполох. Или же проклятые иезуиты, от которых ничто не скроется, послали им сообщение о бегстве Торанаги и обо мне».

Он почувствовал, как зашевелились его волосы. «Любая из этих пушек может отправить нас в преисподнюю. Да, но мы в безопасности, так как на борту с нами Торанага. Возблагодарим Господа за Торанагу!»

Марико обратилась к нему:

– Мой господин спрашивает: каких обычаев вы придерживаетесь, когда хотите подойти к военному кораблю?

– Если на борту есть пушки, салютуем. Или сигналим флажками, прося разрешения встать рядом.

– Мой господин спрашивает: а что, если флажков нет?

Галера еще оставалась вне досягаемости пушечных выстрелов, но у Блэкторна возникло ощущение, будто он лезет на пороховую бочку, хотя пушечные порты еще были закрыты. Фрегат имел по восемь пушек с каждого борта на главной палубе, две на корме и две на носу. «„Эразм“ мог бы захватить его, – решил Блэкторн, – без сомнения, если бы я имел нужную команду. Я бы не прочь захватить этот корабль... Проснись, оставь мечтания! Мы не на борту „Эразма“, и этот свинячий потрох, галера, и тот португальский корабль – единственная наша надежда. Под прицелом пушек мы в безопасности. Дай Бог удачи Торанаге».

– Скажите капитану, пусть поднимет на мачте штандарт Торанаги. Этого будет достаточно, сеньора. Создайте видимость, что не происходит ничего необычного, и объясните им, кто на борту, но я думаю, они уже знают, кто здесь.

Флаг был поднят очень быстро. Все на галере, казалось, почувствовали себя уверенней. Блэкторн отметил это изменение. Даже ему полегчало.

– Мой господин спрашивает, как сообщить им, что мы хотим стать рядом с ними.

– Скажите ему, что без сигнальных флажков он имеет две возможности: оставаться за пределами досягаемости пушечного выстрела, отправив к ним несколько людей в маленькой лодке, или сближаться, пока мы не сможем с ними перекинуться.

– Мой господин спрашивает, что вы посоветуете.

– Идти прямо к ним. Нет причин осторожничать. Господин Торанага на борту. Он самый важный даймё в стране. Конечно, они помогут нам... О боже мой!

– Сеньор!

Он не ответил, тогда она быстро перевела то, что он сказал, и выслушала следующий вопрос Торанаги.

– Мой господин спрашивает: помогут и что?.. Пожалуйста, объясните вашу мысль. Почему вы остановились?

– Я внезапно понял, что господин Торанага теперь в состоянии войны с Исидо. Разве не так? Поэтому люди на фрегате, может быть, не станут помогать ему.

– Конечно, они помогут нам.

– Нет. Кто сейчас нужнее португальцам: господин Торанага или господин Исидо? Если они посчитают, что Исидо, одним выстрелом отправят нас в преисподнюю.

– Не может быть, чтобы португальцы стреляли по японскому кораблю, – усомнилась Марико.

– Поверьте мне, выстрелят, сеньора. И держу пари, что фрегат не даст нам встать рядом с ним. Я бы не дал, если бы был на нем капитаном. Боже мой! – Блэкторн посмотрел на корабль.

Серые, отпускаая язвительные замечания, ушли с пристани и рассеялись по суше вдоль берега. «Теперь шансов нет», – подумал он. Рыбацкие лодки перекрывали выход из гавани. «И тут никаких шансов».

– Скажите Торанаге, что есть только одна надежда выбраться из гавани. Это шторм. Может быть, мы проскочим там, где не пройдут рыбацкие лодки. Только так нам удастся ускользнуть из ловушки.

Торанага задал вопрос капитану, который долго что-то отвечал, потом Марико повернулась к Блэкторну:

– Мой господин спрашивает: считаете ли вы, что будет шторм?

– Мой нюх подсказывает, что да. Но не сегодня. Дня через два-три. Сможем ли мы ждать так долго?

– Ваш нюх? Разве у шторма есть запах?

– Нет, сеньора, это такое выражение.

Торанага подумал и принял решение:

– Мы подойдем к ним на такое расстояние, чтобы можно было поговорить, Андзин-сан.

– Тогда скажите ему, что заходить надо с кормы. Так у них будут самые плохие условия для прицеливания. Скажите ему, что они вероломны. Я знаю, на какое вероломство они способны, когда затронуты их интересы. Почисте голландцев! Если команда этого корабля поможет Торанаге спастись, Исидо выгонит отсюда всех португальцев. Они не станут этим рисковать.

– Мой господин говорит: скоро мы узнаем ответ.

– Мы голые, сеньора. У нас нет никаких шансов против этих пушек. Если люди на корабле настроены враждебно – или даже намерены держать нейтралитет, – считайте, что мы потоплены.

– Мой господин говорит: вы должны добиться их любезности.

– Как я могу? Я их враг.

– Мой хозяин говорит: на войне, да и в мирное время, хороший враг может быть ценнее плохого союзника. Он говорит: вы знаете, что у них в голове, и придумаете, как их убедить.

– Единственный надежный аргумент – сила.

– Хорошо. «Я согласен», – говорит мой господин. Пожалуйста, скажите, как атаковать этот корабль?

– Что?

– Он говорит, что согласен. Как бы вы напали на этот корабль? Как бы вы захватили его? Нам нужны их пушки. Простите, я непонятно выражаюсь?

– А я повторяю, что намерен разнести ее вдребезги, – заявил генерал-капитан Феррьера.

– Нет, – ответил дель Акуа, наблюдая за галерой с юта.

– Канонир, она уже в пределах пушечного выстрела?

– Нет, дон Феррьера, – отозвался главный канонир, – еще нет.

– Зачем она идет к нам, если не с враждебными намерениями, ваше преосвященство? Почему просто не уходит? Дело понятное.

Фрегат был слишком далеко от входа в гавань, поэтому никто на борту не видел приготовившихся к нападению рыбацких лодок.

– Мы ничем не рискуем, ваше преосвященство, и выигрываем все, – уговаривал Феррьера. – Мы делаем вид, будто не знаем, что на борту Торанага. Будто уверены, что это разбойники – разбойники, которых ведет пират-еретик и которые собираются напасть на нас. Не беспокойтесь, будет легко спровоцировать их, когда они окажутся на расстоянии выстрела.

– Нет! – отрезал дель Акуа.

Отец Алвито повернулся спиной к планширу:

– Галера подняла штандарт Торанаги, генерал-капитан.

– Фальшивый штандарт! – сардонически усмехнулся Феррьера. – Это старый морской трюк. Мы не видим Торанаги. Может быть, его и нет на борту.

– Есть.

– Боже мой, война будет катастрофой! Это повредит отправке черного корабля, если вообще не расстроит наши планы в этом году. Я не могу допустить подобного! Чтобы что-то помешало плаванию!

– Наши финансы в еще более плачевном состоянии, чем ваши, генерал-капитан, – бросил дель Акуа. – Если сорвутся сделки этого года, Церковь обанкротится, вам понятно? Мы три года не получали ничего из Гоа и Лиссабона, и потеря доходов за прошлый год... Боже, дай мне терпения! Я лучше вас знаю, чем мы рискуем. Ответ: нет!

Родригес, мучаясь болями, устроился в кресле, а ногу в лубках уложил на мягкий табурет, стоявший около нактоуза.

– Генерал-капитан прав, ваше преосвященство. Зачем он приближается к нам, если не в целях нападения? Почему не уходит, а? Ваше преосвященство, мы очень рискуем.

– Да, и решение должны принимать военные, – вставил Феррьера.

Алвито резко повернулся к нему:

– Нет, решать его преосвященству, генерал-капитан. Мы не должны вредить Торанаге. Мы должны помочь ему.

Родригес хмыкнул:

– Вы мне дюжину раз говорили, что, если война когда-нибудь начнется, она будет длиться очень долго. Война началась, не так ли? Мы видим ее начало. Она наносит вред торговле. Со смертью Торанаги война закончится, и мы сохраним наши позиции. Я говорю: нужно ударить по кораблю и отправить его в преисподнюю.

– И мы избавимся от еретика, – добавил Феррье́ра, следя за Родригесом. – Мы прекратим войну во славу Бога, и еще один еретик попадет в ад на муки вечные.

– Это будет незаконное вмешательство в их внутренние дела, – возразил дель Акуа, избегая называть настоящую причину.

– Мы вмешиваемся все время. Общество Иисуса тем и славится. Мы не какие-нибудь простодушные, туповатые крестьяне!

– Я ничего подобного и не предполагал. Но пока я на борту, вы не потопите этот корабль.

– Тогда будьте добры сойти на берег.

– Чем скорее этот архиубийца погибнет, тем лучше, ваше преосвященство, – настаивал Родригес. – Он или Исидо, какая разница? Они оба язычники, и вы не можете доверять ни одному из них. Генерал-капитан прав: мы никогда не получим другой такой возможности. А что с черным кораблем?

Родригес, нанимаясь капитаном, добился оплаты в пятнадцатую часть прибыли. Прежний капитан черного корабля умер от сифилиса в Макао три месяца назад, и Родригесу, служившему на «Санта-Терезе», достался новый пост, к его большой радости.

«Про сифилис толковали для отвода глаз, – мрачно напомнил себе Родригес. – Многие говорили, что тот капитан получил нож в спину, затеяв драку с ронином в публичном доме. Боже мой, это такая удача! И ничто не должно мне помешать!»

– Я принимаю на себя всю ответственность, – объявил Феррье́ра. – Это военное решение. Мы втянуты в войну между туземцами. Мой корабль в опасности. – Он повернулся к главному канониру. – Они уже подошли на расстояние пушечного выстрела?

– Ну, дон Феррье́ра, это зависит от того, что вы хотите. – Главный канонир подул на конец фитиля, от чего тот покраснел и заискрился. – Я мог бы хоть сейчас попасть в нос, или корму, или в середину галеры. Но если вы желаете накрыть определенного человека, тогда надо еще немного подождать.

– Я хочу, чтобы вы разнесли в клочья Торанагу. И этого еретика.

– Вы имеете в виду англичанина, капитана?

– Да.

– Кто-нибудь должен показать мне японца. Капитана я, несомненно, узнаю.

Родригес сказал:

– Если капитана накроет выстрел, сделанный по Торанаге, и это прекратит войну, тогда я согласен, генерал-капитан. Если нет, его нужно оставить в живых.

– Он еретик, враг нашей страны, мерзавец. Он уже причинил больше неприятностей, чем гнездо гадюк.

– Я уже говорил вам, что, во-первых, англичанин – капитан и, в-последних, он капитан, один из лучших в мире.

– А что, капитаны имеют какие-то особые преимущества? Даже еретики?

– Да, клянусь Богом! Мы используем его, как они используют нас. Это будет великое расточительство, если мы убьем такого опытного капитана. Без капитанов нет этой вонючей империи, нет торговли, нет ничего. Без меня, ей-богу, нет ни черного корабля, ни доходов, ни пути домой, так что мое мнение чертовски важно.

С верхушки мачты донесся крик:

– Эй, на юте, галера меняет курс!

Галера направлялась к ним, но теперь забирала на несколько румбов влево, глубже в гавань.

Родригес тут же закричал:

– Тревога! Правый борт, смотреть в оба! Эй, на парусах! Внимание! Поднять якорь!

Все на корабле бросились выполнять его приказания.

– Что случилось, Родригес?

– Я не знаю, генерал-капитан, но нам надо выйти в открытое море. Эта толстопузая проститутка заходит с наветренной стороны.

– Ну и что? Мы можем потопить их в любой момент, – отмахнулся Феррьера. – Нам еще надо погрузить на борт товары, и святым отцам пора бы вернуться в Осаку.

– Да. Но я не позволю ни одному вражескому судну подойти ко мне с наветренной стороны. Эта шлюха способна идти против ветра. Она

может обойти кругом и напасть на нас с носа, где стоит только одна пушка.

Феррьеера презрительно рассмеялся:

– У нас двадцать пушек на борту! А у них ни одной! Ты думаешь, эти грязные языческие свиньи осмелятся атаковать нас? Ты просто не в своем уме!

– Да, генерал-капитан, поэтому я все еще и плаваю. «Санта-Тереза» выходит в море!

Паруса освободили, и ветер начал наполнять их, рангоут потрескивал. Обе вахты были на палубе у боевых постов. Фрегат тронулся, но его ход был еще очень медленным.

– Ну, давай, сука! – торопил Родригес.

– Мы готовы, дон Феррьеера, – отрапортовал главный канонир. – Я вижу его через прицел. Но это ненадолго. Который там Торанага? Укажите мне его!

На борту галеры не горели факелы; ее озарял только лунный свет. Галера все еще была за кормой, в ста ярдах, но повернула влево и направлялась к дальнему берегу, весла двигались в одном и том же темпе.

– Это капитан? Высокий мужчина на юте?

– Да, – подтвердил Родригес.

– Мануэль и Педрито! Возьмите на прицел его и ют! – Ближайший к ним канонир внес небольшие поправки в наводку. – Который из них Торанага? Быстро! Рулевой, два румба вправо!

– Есть два румба вправо, канонир!

Помня о песчаном дне и отмелях вокруг, Родригес следил за парусами, готовый в любую секунду передать управление кораблем главному канониру, который по обычаю вел судно во время стрельбы всем бортом.

– Эй, на правом борту! – крикнул канонир. – Сразу после выстрела дадим кораблю уйти из-под ветра. Готовьтесь стрелять всем бортом!

Орудийная прислуга выполнила приказание, все смотрели на офицеров на юте. И священников.

– Ради бога, дон Феррьеера, кто из них Торанага?

– Кто из них Торанага, святой отец? – Феррьеера никогда не видел даймё.

Родригес ясно видел Торанагу на баке в кольце самураев, но не хотел показывать его. «Пусть это сделают священники, – подумал он. – Ну, святой отец, сыграй роль Иуды. Почему мы всегда должны делать всю грязную работу? Я не собираюсь помогать этому сукину сыну даже за ломаный грош».

Оба священника молчали.

– Быстро, кто из них Торанага? – спросил опять канонир.

Родригес в досаде показал на Торанагу:

– Вот он, на полуоте. Низенький толстый негодяй среди других негодяев-язычников.

– Я вижу его, сеньор капитан.

Орудийная команда сделала последние приготовления. Феррьера взял фитиль из рук канонира.

– Вы нацелились на еретика?

– Да, генерал-капитан, вы готовы? Когда махну рукой, это будет сигнал к выстрелу!

– Хорошо.

– Не убий! – Это был дель Акуа.

Феррьера повернулся к нему:

– Они все язычники и еретики!

– Среди них есть христиане, и даже если они не были бы...

– Не обращайтесь на него внимания, канонир! – бросил генерал-капитан. – Мы выстрелим, как только вы будете готовы!

Дель Акуа подошел к пушке и встал перед ней. Его массивная фигура возвышалась над ютом и вооруженными моряками, которые залегли у борта. Его рука покоилась на распятии.

– Я говорю: *не убий!*

– Мы убиваем все время, отец, – поморщился Феррьера.

– Я знаю, но стыжусь этого и прошу прощения у Бога. – Дель Акуа никогда прежде не был на юте военного корабля да еще в такой миг, когда в пушки вставлены запалы и пальцы лежат на спусковых крючках мушкетов, готовых изрыгнуть смерть. – Пока я здесь, убийства не будет, и я не прощу убийства исподтишка!

– А если они атакуют нас? Попытаются захватить корабль?

– Я буду просить Бога, чтобы помог нам победить!

– Какая разница, сейчас или чуть позже?

Дель Акуа не ответил. «Не убий, – про себя повторил он. – Торанага обещал все, а Исидо ничего».

– Что делать, генерал-капитан? Сейчас самое время! – крикнул главный канонир. – Сейчас!

Феррьера с горечью повернулся спиной к священникам, бросил фитиль и подошел к поручням.

– Приготовьтесь отразить атаку! – прокричал он. – Если они без разрешения подплывут на пятьдесят ярдов, вам всем будет приказано стрелять, что бы ни говорили священники!

Родригес также был разъярен, но знал, что, как и генерал-капитан, бессилён против священника. «Не убий? Боже мой, а вы сами? – хотелось крикнуть ему. – А как же аутодафе? А инквизиция? А ваши священники, которые выносили приговоры: „виновен“, „колдунья“, „слуга Сатаны“, „еретик“? Помните: две тысячи ведьм было сожжено в одной только Португалии в тот год, когда я отплыл в Азию! Почти в каждой португальской деревне, в каждом городе, да и в доминионах, куда приезжали Божьи каратели, как гордо именуют себя инквизиторы в капюшонах, следом за ними тянулся запах горелого мяса».

Он отбросил страх и ненависть, сосредоточась на галере. Теперь он ясно различал Блэкторна и думал: «Эх, англичанин, приятно видеть тебя стоящим там и ведущим судно, такого высокого и самоуверенного. Я боялся, тебя казнят, и рад, что ты спасся, но на этом твоё везение кончается: ты не имеешь на борту ни одной самой маленькой пушки, и я отправлю тебя в преисподнюю, что бы ни говорили священники. О Мадонна, защити меня от всех плохих священников!»

– Эй, на «Санта-Терезе»!

– Эй, англичанин!

– Это ты, Родригес?

– Ага!

– Как твоя нога?

– А, черт бы её побрал!

Родригес очень обрадовался, услышав добродушный смех, донесшийся через разделявшее их море.

В течение получаса два судна маневрировали, выбирая подходящую позицию, гонясь друг за другом, поворачиваясь и уходя. Галера пыталась зайти с наветренной стороны и прижать фрегат к подветренному берегу. Фрегат норовил выйти на свободное пространство, чтобы покинуть гавань, если потребуется. Но никто не мог добиться значительного преимущества, и, пока все это происходило, на фрегате наконец увидели рыбацкие лодки, сгрудившиеся у входа в гавань, и поняли, что это значит.

– Вот почему он идет на нас! Ему нужна защита!

– Тем больше причин пустить его ко дну сейчас, когда он в ловушке. Исидо будет вечно нам благодарен, – высказал мнение Феррьера.

Но дель Акуа оставался непреклонен:

– Торанага намного важнее. Я настаиваю на том, что сначала мы должны поговорить с Торанагой. Вы всегда успеете потопить галеру. У них нет пушек. Даже я знаю, что пушки можно победить только пушками.

Так и вышло, что Родригес позволил затянуться этому безвыходному положению, давая себе и противнику временную передышку. Оба корабля находились в центре гавани, недостижимые для рыбацких лодок и друг для друга, фрегат подрагивал на ветру, готовый в любой момент сорваться с места; галера, с поднятыми на палубу веслами, дрейфовала рядом в пределах слышимости. И только когда Родригес увидел, что на галере подняли весла и она разворачивается бортом к его пушкам, он стал под ветер, позволяя ей подойти до предела слышимости, а сам приготовился действовать. «Спасибо Богу, благословенному Иисусу, Деве Марии и Иосифу за то, что у нас есть пушки, а у этого мерзавца их нет, – подумал Родригес снова. – Англичанин слишком умен. Но хорошо, когда против тебя выступает знающий человек. Намного безопасней. Никто не делает глупых ошибок и не причиняет зла без необходимости».

– Можно подняться на борт?

– Кому, англичанин?

– Господину Торанаге, его переводчице и телохранителям.

Феррьера сказал спокойно:

– Без охраны.

Алвито не согласился:

– Он не может явиться сюда без самураев. Это вопрос престижа.

– Черт с ним, с престижем! Без телохранителей.

– Я бы не хотел, чтобы на борт поднимались самураи, – поддержал Родригес.

– Может быть, все-таки пустить пятерых? – спросил Алвито. – Только его личную охрану? Вы же понимаете, в чем дело, Родригес.

Родригес подумал и кивнул:

– Пять человек будет нормально, генерал-капитан. Мы приставим к вам пять человек, «личную охрану» с парой пистолетов на каждого. Святой отец, продумайте все до мелочей. Лучше предоставить это святому отцу, генерал-капитан, он знает как. Ну, святой отец, давайте! Но рассказывайте нам, о чем идет речь.

Алвито подошел к планширу и крикнул:

– Вы ничего не добьетесь этой ложью! Готовьте свои души к адским мукам – вы и ваши разбойники. У вас десять минут. Потом генерал-капитан прикажет стрелять и отправит вас на вечные мучения!

– Мы плаваем под флагом господина Торанаги, клянусь Богом!

– Это фальшивый флаг, пират!

Феррьеера сделал шаг вперед:

– Что за игру вы ведете, отец?

– Пожалуйста, наберитесь терпения, генерал-капитан, – попросил Алвито. – Это только для проформы. Иначе Торанага навсегда затаит обиду, что мы оскорбили его флаг, – а так оно и было. Ведь Торанага не простой даймё! Может быть, вам лучше вспомнить, что он имеет больше войска, чем король Испании!

Ветер вздыхал в снастях, рангоуты нервно поскрипывали. На юте зажгли факелы, и стало хорошо видно Торанагу. Над волнами разнесся его голос:

– Цукку-сан! Как осмелился ты убежать от моей галеры! Здесь нет пиратов – только те, что караулят вход в гавань на рыбачьих лодках. Я хочу немедленно подойти к борту!

Алвито закричал в ответ по-японски, разыгрывая удивление:

– Но, господин Торанага, простите, у нас и мысли не было, что это вы! Мы думали, это только ловкий трюк. Серые сказали, что ронины силой захватили галеру! Мы решили, что разбойники под предводительством английского пирата плавают под фальшивым флагом. Я немедленно поднимусь к вам.

– Нет. Я сейчас сам пожалуйю к вам.

– Прошу вас, господин Торанага, позвольте мне подняться, чтобы сопровождать вас! Мой господин, отец-инспектор, здесь вместе с генерал-капитаном. Они настаивают, чтобы мы исправили ошибку. Пожалуйста, примите наши извинения! – Алвито снова перешел на португальский и громко прокричал боцману: – Спусти баркас! – И опять Торанаге по-японски: – Баркас будет спущен сейчас же, мой господин.

Родригес слушал, как униженно звучит голос Алвито, и думал о том, насколько труднее иметь дело с японцами, чем с китайцами. Китайцы понимают искусство переговоров, компромисса и уступок, вознаграждений. Но японцы переполнены гордостью, а когда задета гордость любого японца, необязательно самурая, смерть считается лишь малой ценой, заплаченной за оскорбление. «Ну идите же, давайте покончим с этим!» – хотелось крикнуть ему.

– Генерал-капитан, я сейчас же отправлюсь к ним, – объявил отец Алвито. – Ваше преосвященство, если вы тоже поедете, это очень поможет убогаторить его.

– Я согласен.

– Это не опасно? – насторожился Феррьера. – Вас двоих могут использовать как заложников.

Дель Акуа успокоил:

– Как только обнаружатся признаки вероломного умысла, я прикажу вам именем Божьим уничтожить этот корабль и всех, кто на нем плавает, независимо от того, будем мы на борту или нет.

Он спустился с юта на главную палубу, прошел мимо пушек – складки его одеяния величественно развевались. В начале трапа он оглянулся и сотворил крестное знамение. После этого сошел по трапу на баркас.

Боцман отчалил. Все моряки были вооружены пистолетами, под своим сиденьем боцман припрятал бочонок пороха.

Феррьера перевесился через планшир и тихо произнес:

– Ваше преосвященство, привезите с собой еретика.

– Что? Что вы сказали? – Дель Акуа нравилось играть с генерал-капитаном, чье высокомерие смертельно оскорбляло иезуита. Конечно же, он сам давно решил захватить Блэкторна при первой же

возможности и достаточно хорошо слышал. «Какая глупость», – подумал он.

– Привезите с собой еретика, а? – повторил Феррье́ра.

На юте Родригес услышал глухое: «Да, генерал-капитан» – и подумал: «Какое злодейство ты задумал, Феррье́ра?»

Он с трудом повернулся в кресле, его лицо побледнело. Боль в ноге изматывала, требовалось очень много усилий, чтобы терпеть ее. Кости срастались хорошо, и, слава Мадонне, рана была чистой. Но все же увечье было таким тяжелым, что даже малейшее покачивание судна становилось тяжелым испытанием. Он глотнул грога из полупустого морского меха, свисающего с колышка на нактоузе.

Феррье́ра наблюдал за ним:

– Нога еще болит?

– Нет – грог ослабил боль.

– Хватит ли вам сил проплыть отсюда до Макао?

– Да. И все время воевать с морем. И вернуться летом, если вы это имеете в виду.

– Да, именно это я имею в виду, капитан. – Губы Феррье́ры сложились в насмешливую улыбку. – Мне нужен здоровый капитан.

– Я здоров. Нога хорошо заживает. – Родригес забыл про боль. – Англичанин не поднимется на борт по доброй воле. Я не думаю, что он придет.

– Ставлю сто дукатов, что вы не правы.

– Это больше, чем я зарабатываю за год.

– Заплатите, когда прибудем в Лиссабон, из доходов от черного корабля.

– Согласен. Ничто не заставит его подняться на борт добровольно. Я стану на сто дукатов богаче, ей-богу!

– Беднее! Вы забыли, что иезуиты еще больше моего хотят залучить его сюда.

– Почему?

Феррье́ра оценивающе оглядел своего капитана и не ответил, все так же криво ухмыляясь. Потом, поддразнивая, сказал:

– Я выведу Торанагу из гавани, если он отдаст мне еретика.

– Я рад, что числюсь в ваших союзниках и необходим вам и черному кораблю, – сказал Родригес. – Не хотел бы я быть вашим врагом.

– А я рад, что мы понимаем друг друга, капитан. Наконец.

– Я требую вывести меня из гавани. И как можно скорее, – передал Торанага через переводчика Алвито и дель Акуа. Кроме них, присутствовали еще Марико и Ябу. Торанага стоял на полуюте, дель Акуа – ниже, на главной палубе, вместе с Алвито, при всем том их глаза были на одном уровне. – Или, если вам так удобней, ваш боевой корабль может убрать эти рыбацьи лодки с моего пути.

– Простите меня, но это будет недопустимый враждебный акт, которого вы не должны... не можете ожидать от фрегата, господин Торанага, – произнес дель Акуа, обращаясь непосредственно к нему. – Он считал, что Алвито переводит синхронно, как всегда. – Это невозможно – неприкрытый акт насилия.

– Тогда что вы предлагаете?

– Пожалуйста, давайте поднимемся на фрегат. Спросим генерал-капитана. Он примет решение теперь, когда мы знаем ваше желание. Он военный человек, мы нет.

– Пригласите его сюда.

– Быстрее будет, если вы пожелаете к нам, господин. Не говоря, конечно, о чести, которую вы нам окажете.

Торанага знал, что иезуит прав. Несколько мгновений назад он видел, как от южного берега отчалило еще несколько лодок с лучниками, и, хотя пока галере ничего не угрожало, было ясно, что в течение часа неприятель окончательно перекроет выход из гавани.

И он сознавал, что выбора у него нет.

– Извините, господин, – объяснил ему Андзин-сан ранее, во время неудачной погони, – я не могу приблизиться к фрегату, Родригес – слишком искусный капитан. Я сумею пресечь его бегство, если ветер будет держаться, но вряд ли загоню в ловушку, если он не сделает ошибки. Мы должны договориться.

– А он допустит ошибку и ветер продержится? – спросил Торанага через Марико.

Она ответила:

– Андзин-сан говорит, что мудрый человек никогда не бьется об заклад относительно ветра, если это не пассат и вы не в море. Мы находимся в гавани, окруженной горами, которые порождают вихри и воздушные потоки. А капитан Родригес не допустит ошибки.

Торанага видел, как два капитана применяли разные уловки, стараясь перехитрить друг друга, и знал наверняка: оба мастера своего дела. Ему открылось также, что ни он, ни его земли, ни вся страна не будут в безопасности, пока не заполучат корабли чужеземцев и с помощью этих кораблей – власть над своими морями. Эта мысль поразила его.

«Но как я могу договариваться с ними? Чем извинить то, что они открыто проявили враждебность ко мне? Теперь моя обязанность – похоронить их за оскорбление моей чести».

Потом Андзин-сан объяснил ему уловку с фальшивыми флагами: все корабли прибегают к ней, чтобы сблизиться с врагом или избежать сближения, и Торанага обрадовался тому, что нашлось спасующее его честь решение.

Теперь Алвито увещевал:

– Я думаю, нам следует отправиться сразу же, господин.

– Хорошо, – согласился Торанага. – Ябу-сан, примите командование кораблем. Марико-сан, скажите Андзин-сану, чтобы он оставался на юте за штурвалом, а вы пойдете со мной.

– Да, господин.

Окинув взглядом баркас, Торанага сообразил, что с ним сумеют отправиться только пять телохранителей, как он и ожидал. Его замысел был прост: если он не сможет добиться помощи, надо убить генерал-капитана, португальского капитана, священников и запереться в одной из кают. Одновременно галера нападет на фрегат с носа, как предложил Андзин-сан, чтобы попытаться взять его штурмом. Возьмут они его, нет ли, в любом случае все решится очень быстро.

– Это хороший план, Ябу-сан, – заключил он.

– Пожалуйста, разрешите мне пойти вместо вас на переговоры.

– Они не согласятся.

– Очень хорошо, но, пожалуйста, сразу же, как только мы выберемся из этой западни, выдворите всех чужестранцев из страны. Поступив так, вы привлечете на свою сторону больше даймё, чем оттолкнете.

– Я подумаю об этом, – пообещал Торанага, зная, что это вздор, что он должен перетянуть в свой стан Оноси и Кияму и, следовательно, других даймё-христиан. Не выполнив своих обязательств, он будет

съеден. Почему Ябу хочет попасть на фрегат? Какую измену он замышляет на тот случай, если португальцы не помогут?

– Господин, – обратился тем временем Алвито к дель Акуа, – можно я приглашу Андзин-сана сопровождать нас?

– Зачем?

– Мне кажется, он захочет поприветствовать товарища по ремеслу, капитана Родригеса. Этот бедняга сломал ногу и не может навеститься сюда. Родригес не прочь бы снова повидать англичанина, поблагодарить его за спасение, если вы не возражаете.

Торанага не видел причины, почему бы Андзин-сану не отправиться на фрегат. Он под защитой, следовательно, ему нечего опасаться.

– Если он пожелает, пусть сопровождает нас. Марико-сан, проводите Цукку-сана.

Марико поклонилась. Она знала, что ее работа состояла в том, чтобы слушать и сообщать об услышанном, следить за тем, чтобы все сказанное было передано правильно, без искажений. Она чувствовала себя лучше, ее прическа и лицо вновь выглядели превосходно, госпожа Фудзико одолжила ей свежее кимоно, левая рука покоилась в удобной перевязи. Один из матросов, ученик лекаря, перевязал ее рану. Клинок, рассекший верх предплечья, не затронул сухожилий, и рана была чистой. Ванна помогла бы ей еще больше, но где ее взять на галере?

Она проводила отца Алвито на ют. Иезуиту сразу бросился в глаза нож за поясом Блэкторна и то, как ладно сидело на англичанине грязное кимоно. «Насколько он завоевал доверие Торанаги?» – спросил Алвито сам себя.

– Приятно повидаться, капитан Блэкторн.

– Проваливайте в ад, отец! – любезно ответил Блэкторн.

– Может быть, мы еще и встретимся там, Андзин-сан. Может быть, мы там будем. Торанага сказал, что разрешает вам подняться на борт фрегата.

– Это его приказ?

– Решение оставлено за вами.

– Я не хочу.

– Родригес желал бы еще раз поблагодарить вас и повидаться.

– Передайте ему мое почтение и скажите, что мы увидимся в аду.

Или здесь.

– Его нога тому помеха.

– Как у него с ногой?

– Заживает. С вашей помощью и милостью Божьей. Через несколько недель, если Господь того пожелает, он будет ходить, хотя уже не избавится от хромоты.

– Передайте, что я желаю ему всего хорошего. Вам лучше отправляться, отец, время уходит.

– Жаль... Родригес так хотел повидать вас. Там есть грог и прекрасный жареный каплун со свежей зеленью и подливкой, свежий хлеб и масло. Будет обидно, капитан, если пропадет такая еда.

– Что?

– Мягкий белый хлеб, капитан. Галеты, масло и коровий бок. Свежие апельсины из Гоа и даже галлон вина из Мадейры, чтобы запить все это, или бренди, если вы его предпочитаете. А также пиво. Потом каплун из Макао, горячий и сочный. Наш генерал-капитан – эпикуреец.

– Черт бы вас побрал!

– Приберет, когда это будет угодно Ему. Я только сказал, чего вы себя лишаете.

– Что значит «эпикуреец»? – спросила Марико.

– Это человек, который наслаждается вкусной пищей за красивым столом, сеньора Мария, – пояснил Алвито, называя ее христианским именем.

Он заметил, как неожиданно изменилось лицо Блэкторна. Он ясно представлял, как у еретика потекли слюнки, а желудок взбунтовался. Когда сегодня вечером Алвито увидел накрытый к ужину стол в кают-компании, узрел блеск серебра, белые скатерти и стулья, настоящие кожаные стулья, почуял запах свежего хлеба, и масла, и сочного мяса, он сам ощутил слабость от голода, а иезуит отнюдь не страдал без пищи и успел попривыкнуть к японской кухне.

«Как просто поймать человека, – сказал он себе. – Все, что надо, – подобрать правильно приманку».

– Прощайте, капитан! – Алвито повернулся и зашагал к трапу. Блэкторн пошел за ним.

– В чем дело, англичанин? – спросил Родригес.

– Где еда? Поговорить можем после. Сначала еда, которую вы обещали, – отрезал Блэкторн, нетвердо стоя на главной палубе.

– Пожалуйста, пройдемте со мной, – пригласил Алвито.

– Куда вы ведете его, отец?

– В кают-компанию, конечно. Блэкторн может поесть, пока господин Торанага и генерал-капитан побеседуют.

– Нет. Он поест в моей каюте.

– Не проще ли пойти туда, где накрыт стол?

– Боцман! Проследи, чтобы капитану немедленно принесли все, что он захочет, в мою каюту, все со стола. Англичанин, ты хочешь грога, вина или пива?

– Сначала пива, потом грога.

– Боцман, проследи за этим и отведи его вниз. И послушай, Пезаро, дай ему из моего рундука одежду и сапоги – все, что нужно. И оставайся с ним, пока я не позову тебя.

Блэкторн молча пошел за могучим здоровяком Пезаро вниз по лестнице на другую палубу. Алвито двинулся было обратно к дель Акуа и Торанаге, которые разговаривали через Мариико около лестницы, но Родригес остановил его:

– Святой отец! На минутку. Что вы сказали ему?

– Только то, что вам хотелось бы повидать его и что у нас на борту много еды.

– Но вы не предлагали ему поесть?

– Нет, Родригес, я не говорил этого. Но разве вы не предложили бы поесть капитану, если он голоден?

– Этот бедняга не голоден – он голодал. И если теперь набьет брюхо, будет блевать, как обожравшийся волк, и вопить, как перепившаяся шлюха. Так вот, мне не хотелось бы, чтобы один из нас, даже еретик, накинулся на еду, как животное, и вопил, как дикий зверь перед Торанагой, понимаете, святой отец? Не перед этим ссаным сукиным сыном, таким же чистым в своих помыслах, как промежность сифилитической проститутки!

– Вы должны научиться сдерживать ваш язык, сын мой, – укорил Алвито. – Иначе он приведет вас в ад. Прочитайте тысячу раз «Аве Мария» и поститесь два дня. Только хлеб и вода. Епитимья напомнит вам о Его милосердии.

– Спасибо, святой отец, я так и сделаю. С радостью. И если бы я мог встать на колени, поцеловал бы крест. Да, святой отец, бедный грешник благодарит вас за Богом данное терпение. Я должен придерживать свой язык.

Феррье́ра окликнул с лестницы:

– Родригес, вы спуститесь?

– Я не уйду с палубы, пока эта сучья галера стоит здесь, генерал-капитан. Если потребуюсь, я буду здесь. – Алвито собрался уходить. Родригес заметил Марико. – Подождите минуту, святой отец. Кто эта женщина?

– Донна Мария Тода. Одна из переводчиц Торанаги.

Родригес присвистнул:

– Она хорошенькая?

– Очень хорошенькая.

– Глупо было позволять ей подняться на борт. Почему вы говорите «Тода»? Она одна из наложниц старого Тода Хиромацу?

– Нет. Она жена его сына.

– Глупо было приводить ее на борт. – Родригес подозвал одного из матросов. – Скажи всем, что на корабле женщина, говорящая по-португальски.

– Да, сеньор.

Моряк заторопился исполнить приказ, а Родригес снова повернулся к отцу Алвито. Священника ни в коей мере не смутило его очевидное недовольство.

– Госпожа Мария говорит и по-латыни – так же хорошо. Что-нибудь еще, капитан?

– Нет, спасибо. Может быть, мне лучше пойти прочитать «Аве Мария»?

– Да, конечно.

Священник перекрестился и ушел. Родригес сплюнул в шпигат, а один из рулевых вздрогнул и перекрестился.

– Ступай приберей себя к мачте за свою гнилую крайнюю плоть, – прошипел Родригес.

– Извините, сеньор капитан. Но меня всегда пробивает дрожь в присутствии святого отца. Я не имел в виду ничего плохого.

Юноша увидел, что из верхней чаши песочных часов высыпались последние песчинки, и перевернул их.

– Через полчаса спустись вниз, возьми это проклятое ведро с водой и щетку, отдрай мою каюту. Только сначала скажи боцману, чтобы привел англичанина наверх. И для тебя будет лучше, если хорошо приберешься в каюте, иначе я пущу твои кишки на подвязки. И пока ты будешь делать это, читай «Аве Мария» для спасения твоей Богом проклятой души.

– Есть, сеньор капитан, – тихо сказал юноша.

Родригес был помешан на чистоте, и за его каютой ухаживали, словно она была Святым Граалем. Нигде ни пятнышка, независимо от погоды.

Глава 27

– Но ведь должен быть какой-то выход, генерал-капитан, – терпеливо сказал дель Акуа.

– Вы хотите совершить открытый акт войны против дружественной нации?

– Конечно нет.

Каждый находившийся в кают-компании понимал, что португальцы оказались в одной ловушке с Торанагой. Любой открытый акт делал их союзниками Торанаги против Исидо, чего они хотели избежать на тот случай, если в конце концов победит последний. В настоящее время Исидо держал в своих руках Осаку, столицу Киото и большинство регентов. А теперь через даймё Оноси и Кияму Исидо простер свою власть почти на весь южный остров Кюсю, а вместе с ним – на порт Нагасаки, главный торговый центр, и, таким образом, всю торговлю и черный корабль этого года.

Торанага передал через отца Алвито:

– Какие вы видите трудности? Я только хочу, чтобы вы очистили от пиратов выход из гавани.

Торанага сидел на неудобном для него почетном месте – стуле с высокой спинкой – за большим столом. Алвито устроился рядом с ним, генерал-капитан – напротив, дель Акуа – сбоку от генерал-капитана. Марико стояла за Торанагой, телохранители-самураи ждали около дверей, напротив вооруженных моряков. Европейцы понимали: хотя Алвито и переводит все, что говорится в комнате, Марико оказалась здесь не случайно. Она присутствовала для того, чтобы между ними ничего не было сказано открыто против интересов ее господина и чтобы перевод был полным и точным.

Дель Акуа наклонился вперед:

– Может быть, вам, господин, направить на берег посланника к господину Исидо? Может быть, стоит начать в переговоры? Мы могли бы предложить этот корабль как нейтральное место для переговоров и, возможно, таким путем предотвратить войну.

Торанага презрительно рассмеялся:

– Какая война? Мы не воюем, Исидо и я.

– Но, господин, мы видели битву на берегу.

– Не будьте наивными! Кого убили? Несколько нищих ронинов. Кто атаковал? Только ронины, разбойники и несколько фанатиков.

– А засада? Мы так поняли, что коричневые сражались с серыми.

– Разбойники атаковали нас всех, и серых, и коричневых. Мои люди сражались только для того, чтобы защитить меня. В ночных стычках ошибки бывают часто. Если коричневые и убили кого из серых или серые – кого-то из коричневых – это досадная ошибка. Что такое несколько человек для любого из нас? Ничего. Мы не на войне. – Прочитав недоверие на лицах, Торанага добавил: – Скажите им, Цукку-сан, что в Японии войны ведут армии. Эти нелепые стычки и покушения на убийство только проба сил, которая не имеет продолжения, если не удастся. Война началась не сегодня вечером. Она началась, когда умер тайко. Даже раньше – когда он умирал, не имея взрослого наследника. А может, и того прежде – когда Города, наш верховный правитель, был убит. Сегодняшний вечер не имеет значения. Никто из вас не понимает нашего государства или наших дел. Как вы можете понять? Конечно, Исидо пытается убить меня. Как и многие другие даймё. Так было и будет. Кияма и Оноси – и друзья, и враги. Поймите, если бы меня убили, это бы многое упростило для Исидо, настоящего моего врага, но только на время. Я сейчас в ловушке, и если ему повезет, он получит преимущество, но только временное. Если же мне удастся выбраться, ловушки больше никогда не будет. Но поймите меня правильно, все вы: моя смерть не отменит войны и не предотвратит дальнейшие междоусобицы. Распри утихнут, только если умрет Исидо. А сейчас нет открытой войны, ни с кем. – Он заерзал на стуле, пытаясь устроиться поудобнее. Ему не нравился запах пищи, приготовленной на масле, и немых тел. – Но у нас возникло досадное затруднение, которое надо разрешить срочно. Мне нужны ваши пушки. Они нужны мне сейчас. Пираты перекрыли мне выход из гавани. Я говорил уже Цукку-сану, что скоро каждый должен будет выбрать, на чьей он стороне. Где сейчас окажетесь вы, глава вашего ордена и вся Христианская церковь? А мои португальские друзья со мной или против меня?

Дель Акуа заверил:

– Вы можете не сомневаться, господин Торанага, мы все поддерживаем вас.

– Хорошо. Тогда скорей разгоните пиратов.

– Это можно было бы расценить как военные действия, не сулящие нам никакой выгоды.

– Возможно, мы могли бы как-то сторговаться, а? – включился в разговор Феррье́ра.

Алвито не перевел этого, но сказал:

– Генерал-капитан говорит, мы только пытаемся избежать вмешательства в ваши дела, господин Торанага. Мы торговцы.

Марико обратилась к Торанаге по-японски:

– Простите, господин, это неправильный перевод. Генерал-капитан сказал иначе.

Алвито вздохнул:

– Я только заменил некоторые слова, господин. Генерал-капитан не соблюдает некоторых правил приличия, ибо он чужеземец. Он не понимает, что такое Япония.

– А вы соблюдаете, Цукку-сан? – спросил Торанага.

– Я пытаюсь, господин.

– Что на самом деле он сказал?

Алвито перевел.

После паузы Торанага изрек:

– Андзин-сан говорил мне, что для португальцев торговля – это все, что, торгуясь, они забывают правила хорошего тона и теряют чувство юмора. Я понимаю и приму ваши объяснения, Цукку-сан. Но, пожалуйста, дальше переводите все слово в слово.

– Да, господин.

– Скажите генерал-капитану следующее: «Когда распри уйдут в прошлое, я расширю торговлю. Я хорошо отношусь к торговле. Исидо – нет».

Дель Акуа отметил перемену и понадеялся, что Алвито загладил глупость Феррье́ры.

– Мы не государственные мужи, господин, мы слуги Божьи и представляем веру и верующих... Мы поддерживаем вас, да.

– Согласен. Я подумываю... – Алвито запнулся, его лицо осветилось, и он позволил Торанаге опередить его. – Извините, ваше преосвященство, господин Торанага сказал: «Я подумываю, не попросить ли вас построить в Эдо храм, большую церковь, как доказательство моего доверия к вам».

Много лет, с тех пор как Торанага стал господином Восьми Провинций, дель Акуа прилагал все усилия, чтобы получить такое разрешение. И, позволив возвести храм в третьем по величине городе страны, Торанага пошел бы на уступку. Отец-инспектор знал, что пришло время вернуться к разговору о пушках.

– Поблагодарите его, Мартин Цукку-сан, – произнес он условную фразу, которую предварительно согласовал с Алвито, договариваясь о том, как держаться, – этот уговор отводил Алвито роль застрельщика, – и скажите, что мы всегда будем к его услугам. О да, и спросите его, что он имел в виду, говоря о соборе, – добавил он для генерал-капитана.

– Может быть, я могу говорить напрямую, господин? Одну минуту! – начал Алвито, обращаясь к Торанаге. – Мой господин благодарит вас. То, о чем вы просили, видимо, возможно. Он всегда старается помочь вам.

– Стараться – туманное слово. Этого недостаточно.

– Да, господин. – Алвито взглянул на телохранителей, которые, конечно, слушали, не подавая виду. – Но я помню, что вы раньше говорили: иногда бывает разумным подпустить тумана.

Торанага сразу понял его и махнул рукой, отпуская свою стражу:

– Подождите снаружи, вы все.

Самураи неохотно повиновались. Алвито повернулся к Феррьере:

– Нам пока не нужны ваши люди, генерал-капитан.

Когда самураи ушли, Феррьера отпустил своих людей и взглянул на Марико. У него за пояс были заткнуты пистолеты, а еще один он держал в сапоге.

Алвито поинтересовался у Торанаги:

– Может быть, господин, вам бы хотелось, чтобы госпожа Марико присела?

Торанага снова понял все с полуслова, подумал мгновение, потом коротко кивнул и произнес не оборачиваясь:

– Марико-сан, возьмите одного из моих телохранителей и найдите Андзин-сана. Оставайтесь с ним, пока я не пришлю за вами.

– Да, господин.

Дверь за ней закрылась.

Теперь в кают-компании их осталось четверо.

Феррьера выпалил:

– Что предлагается? Что он предлагает?

– Будьте терпеливы, генерал-капитан, – охладил его нетерпение дель Акуа. Пальцы иезуита, касавшиеся распятия, дрожали – он молился об успехе.

– Господин, – завел Алвито, адресуясь к Торанаге, – господин, отец-инспектор говорит, что попытается сделать все, о чем вы просите. В течение сорока дней. Он известит вас секретной почтой об успехах в этом деле. Я буду курьером, с вашего позволения.

– А если он ничего не добьется?

– Это произойдет не из-за нежелания помочь, а из-за намерения обдумать. Он дает вам свое слово.

– Перед христианским Богом?

– Да, перед Богом.

– Хорошо. Я хочу получить это обязательство в письменном виде. С его печатью.

– Иногда подобные соглашения, деликатные соглашения, не следует сводить к письменным обязательствам, господин.

– Вы хотите сказать, что, если я не дам письменного согласия, вы тоже не дадите?

– Я только напоминаю, что вы сами говорили: самурайская честь важнее куска бумаги. Отец-инспектор дает вам слово перед Богом, свое слово чести, как это делает самурай. Вашей чести вполне достаточно для отца-инспектора. Я только подумал, что он будет расстроен, если вы ему не поверите. Вы хотите, чтобы я просил его что-то подписать?

Торанага, помолчав, произнес:

– Очень хорошо. Его слово перед Иисусом Христом, да? Его слово перед Богом?

– Я даю его по поручению отца-инспектора. Он клянется на святом кресте, что попытается.

– И вы тоже, Цукку-сан?

– Я тоже даю вам свое слово перед моим Богом на святом кресте, что сделаю все возможное, чтобы помочь ему убедить господ Оноси и Кияму быть вашими союзниками.

– В свою очередь я сделаю то, что обещал раньше. На сорок первый день вы можете заложить камень в основание самого большого христианского собора в стране.

– А возможно ли, господин, выделить нам эту землю сейчас же?

– Как только я прибуду в Эдо. А теперь что насчет пиратов? Вы прогоните их сразу же, сейчас?

– Если бы вы имели пушки, справились бы с этим сами, господин?

– Конечно, Цукку-сан.

– Прошу прощения за такую дотошность, господин, но мы должны выработать план. Пушки не принадлежат нам. Пожалуйста, дайте мне минуту. – Алвито повернулся к дель Акуа. – С собором все улажено, ваше преосвященство. – Потом он добавил для Феррьеры, начиная выполнять согласованный план: – Вам следует радоваться тому, что вы не потопили его, генерал-капитан. Господин Торанага спрашивает, не возьмете ли вы десять тысяч дукатов золотом, когда отправитесь на черном корабле в Гоа, чтобы вложить их в золотой рынок Индии? Мы были бы рады помочь совершению этой сделки с помощью наших людей там, поместив это золото для вас. Господин Торанага говорит: половина доходов – ваша. – И Алвито, и дель Акуа считали, что к тому времени, как черный корабль вернется через шесть месяцев, Торанага или снова возглавит Совет регентов и, следовательно, более чем обрадуется такой выгодной сделке, или будет мертв. – Вы получите четыре тысячи дукатов чистой прибыли и без всякого риска.

– А что взамен? Это больше, чем вся годовая субсидия короля Испании всем азиатским миссиям Общества Иисуса. В обмен на что?

– Господин Торанага говорит: пираты не дают галере выйти из гавани. Ему лучше знать, пираты это или нет.

Феррьера ответил тем же самым непререкаемым тоном, который, как знали оба иезуита, только играл на руку Торанаге:

– Это плохой совет – поверить такому человеку. У его врагов на руках все выигрышные карты. Христиане-даймё против него. Два самых главных уж точно – я слышал это собственными ушами. Они говорят, этот япошка – истинный враг. Я верю им, а не этому безродному кретину.

– Я уверен, господин Торанага лучше нас знает, кто пираты, а кто нет, – невозмутимо отозвался дель Акуа, догадываясь, каким будет решение, как знал это и Алвито. – Думаю, вы не возражаете, чтобы господин Торанага сам разделался с пиратами?

– Конечно нет.

– У вас на борту много свободных пушек, – продолжал отец-инспектор. – Почему не дать их ему негласно? Продайте на самом

деле. Вы все время торгуете оружием. Он покупает оружие. Четыре пушки будет более чем достаточно. Их легко перевезти на баркасе, с запасом пороха и ядер, украдкой. Тогда дело будет решено.

Феррьера вздохнул:

– Пушки, ваше преосвященство, бесполезны на борту галеры. У нее нет пушечных портов, нет пушечного такелажа, нет пушечных пиллерсов. Они не смогли бы воспользоваться пушками, даже если бы у них имелись канониры, которых нет.

Оба священника были поражены.

– Бесполезны?

– Абсолютно.

– Но, конечно, дон Феррьера, они могут приспособить...

– Эта галера непригодна для применения пушек без переделки, которая займет по крайней мере неделю.

– Что такое? – спросил Торанага подозрительно, сообразив: что-то не так, однако это пытаются от него скрыть.

– Он спрашивает, в чем дело, – сказал Алвито.

Дель Акуа понял, что почва уходит у них из-под ног.

– Генерал-капитан, пожалуйста, помогите нам. Пожалуйста! Я прошу вас. Мы добились больших уступок для нашей веры. Вы должны поверить мне. Доверьтесь мне! Вы обязаны помочь господину Торанаге как-то выбраться из гавани. Я прошу вас от имени Церкви. Один собор – огромная уступка делу веры. Пожалуйста!

Феррьера не позволил себе выказать торжества. Он даже добавил мрачной значительности своему голосу:

– Так вы просите помощи от имени Церкви, ваше преосвященство? Конечно, я сделаю все, что вы просите. Я выведу его из западни. Но в свою очередь, требую, чтобы меня назначили генерал-капитаном черного корабля на следующий год независимо от того, будет удачным этот год или нет.

– Это прерогатива короля Испании, его одного. Я не вправе назначать кого-либо на этот пост.

– Второе: я принимаю ваше предложение относительно золота, но требую вашего ручательства, что у меня не будет сложностей в Гоа с вице-королем или здесь с золотом или с черным кораблем.

– Вы осмеливаетесь использовать меня и Церковь как поручителей?

- Это только деловое соглашение между нами и этой обезьяной.
- Он не обезьяна, генерал-капитан. Вам лучше помнить это.
- Третье: пятнадцать процентов груза этого года вместо десяти.
- Это невозможно.

– Четвертое: поклянитесь, ваше преосвященство, перед Богом, что ни вы, ни один из священников, находящихся в вашем подчинении, никогда не будете угрожать мне отлучением от Церкви, если я совершу в будущем акт святотатства, каких еще не было. Пятое: дайте слово, что вы и ваши святые отцы БУДУТ МЕНЯ поддерживать и помогать этим двум ЧЕРНЫМ кораблям, – также перед Богом.

– Что еще, генерал-капитан? Конечно, это не все? Наверняка есть что-то еще?

- Последнее: мне нужен этот еретик.

Марико, стоя в дверях каюты, смотрела вниз, на Блэкторна. Он лежал в полубеспамятстве на полу, пытаясь выблевать свои внутренности. Боцман привалился к койке. Он с вожделением разглядывал Марико и скалился, показывая пеньки желтых зубов.

– Он отравлен или пьян? – спросила она Тотоми Кану, самурая, который стоял рядом, безуспешно пытаясь не втягивать ноздрями смрад варварской пищи, рвоты, этого уродливого моряка и застоявшихся трюмных вод, который пропитал весь корабль. – Похоже, он был отравлен, да?

– Может быть, и отравлен, Марико-сан. Посмотрите на эту мерзость! – Самурай брезгливо махнул рукой в сторону стола. На деревянной тарелке лежали искромсанные остатки ростбифа с кровью; на другой – половинка зажаренного на вертеле каплуна, рядом валялись наломанные куски хлеба и сыра в луже пива; плашка масла соседствовала с блюдом холодного мяса в жирной подливке и наполовину опустошенной бутылкой бренди.

Ни один из двоих японцев никогда не видел раньше мяса на столе.

– Что вам надо? – окрысился боцман. – Здесь нет обезьян, вакаримасу? В каюте нет обезьян-сан! – Он поглядел на самурая и отмахнулся от него: – Уходи! Проваливай! – Его взгляд обратился на Марико: – Как тебя зовут? Имя, а?

- Что говорит этот чужеземец, Марико-сан? – спросил самурай.

Марико отвела ошеломленный взор от стола и сосредоточилась на боцмане:

– Простите, сеньор, я не поняла вас. Что вы сказали?

– А? – Рот боцмана открылся еще шире. Это был разжиревший верзила, со слишком близко посаженными глазами и большими ушами, волосы его были заплетены в жалкую крысиную косичку. На толстой шее болталось распятие, за пояс были заткнуты два пистолета. – О, вы можете говорить по-португальски? Японка, которая может говорить на хорошем португальском языке? Где вы научились говорить на цивилизованном языке?

– Меня научил христианский священник.

– Да будь я Богом проклятым сыном проститутки! Мадонна, этот цветок-сан может говорить на нормальном языке!

Блэкторна опять вырвало. Он попытался встать.

– Вы не могли бы... Пожалуйста, вы не могли бы положить его сюда? – Она показала на койку.

– Ага. Если эта обезьяна поможет.

– Кто? Извините, что вы сказали? Кто?

– Он. Этот япошка.

Слова больно ранили ее. Она прилагала немалые усилия, чтобы оставаться спокойной. Марико сделала знак самураю:

– Кана-сан, будьте любезны, помогите этому чужеземцу. Андзин-сана надо положить вот сюда.

– С удовольствием, госпожа.

Двое мужчин подняли Блэкторна. Он плюхнулся на койку, мало что соображая и глупо гримасничая.

– Его нужно помыть, – произнесла Марико по-японски, все еще ошеломленная тем, как боцман назвал Кану.

– Да, Марико-сан. Прикажите чужеземцу послать за слугами.

– Да. – Ее глаза недоверчиво покосились на стол. – Они действительно ели это?

Боцман посмотрел туда же, наклонился над столом и, оторвав ножку цыпленка, предложил ее Марико:

– Вы голодны? Вот, маленькая цветок-сан, это хорошая вещь. Свежая. Каплун из Макао.

Она покачала головой.

Медвежья рожа боцмана расплылась в ухмылке. Он обмакнул ногу цыпленка в густую подливку и сунул ей под нос:

– Подливка делает его еще вкуснее. Эй, это здорово, когда можешь разговаривать на человеческом языке, да? Никогда прежде мне этого не удавалось. Ну давайте, это подкрепит вас, чего тут считаться! Это каплун из Макао, я же сказал.

– Нет-нет, спасибо. Есть мясо... есть мясо запрещено. Это против наших законов – законов буддизма и синто.

– Надо же, а в Нагасаки не так! – хрюкнул боцман. – Многие япошки лопают мясо все время. Всякий раз, когда удается достать, и грог лакают. Вы христианка, да? Ну, попробуйте, маленькая донна. Как узнать, если не попробовать?

– Нет-нет, спасибо.

– Человек не может жить без мяса. Это настоящая еда. Делает вас сильным, так что вы можете прыгать, как горностай... Вот, – он предложил ножку цыпленка Кане, – хочешь?

Кана с отвращением покачал головой:

– *Иэ!*

Боцман пожал плечами и небрежно отбросил ее обратно на стол:

– *Иэ так иэ.* Что у вас с рукой? Повредили в бою?

– Да. Но несильно. – Марико подвигала ею немного, чтобы показать это, и с трудом вытерпела боль.

– Бедняжка! Что вам здесь понадобилось, донна сеньорита, а?

– Повидать Ан... встретиться с этим капитаном. За ним послал господин Торанага. Он пьян?

– Да, это еще и еда. Бедняга слишком быстро ел и так же быстро пил. Осушил полбутылки одним глотком. Англичане все такие. Не могут переносить грог. Кишка тонка. – Его глаза ощупывали Марико. – Я никогда не видел такого маленького цветочка, как вы. И никогда не встречал япошек, которые могут говорить на нормальном языке.

– Вы всех японских дам и самураев называете япошками и обезьянами?

Моряк коротко хохотнул:

– Эх, сеньорита, это сорвалось с языка. Так именуют сводников и проституток в Нагасаки. Здесь нет ничего обидного. Я никогда не разговаривал с ученой сеньоритой, даже не знал, что такие бывают, ей-богу.

– Я тоже, сеньор. Я никогда не разговаривала с цивилизованными португальцами раньше, только со святыми отцами. Мы японцы – не япошки, понятно? А обезьяны – это животные, правильно?

– Конечно. – Боцман показал щербатую пасть. – Вы говорите как донна. Да. Не обижайтесь, донна сеньорита.

Блэкторн что-то пробормотал. Она подошла к койке и осторожно потрясла его за плечо:

– Андзин-сан! Андзин-сан!

– Да-да? – Блэкторн открыл глаза. – О, привет, я сожалею, я... – Но боль и головокружение пригвоздили его к койке.

– Пожалуйста, пошлите за слугой, сеньор, его надо помыть.

– Есть рабы, но не для этого, донна сеньорита. Оставьте англичанина – что такое рвота для еретика?

– Нет слуг? – переспросила она, пораженная.

– У нас есть рабы, черные негодяи, но они ленивы – им никто не доверяет мыть себя, – заявил он с кривой ухмылкой.

Марико знала, что у нее нет выбора. Господин Торанага может потребовать Андзин-сана тотчас же, и это ее обязанность.

– Тогда мне нужно немного воды, – пролепетала она, – помыть его.

– Есть бочка воды. На лестнице. Палубой ниже.

– Пожалуйста, принесите мне воды, сеньор.

– Пошлите его. – Боцман ткнул пальцем в Кану.

– Нет. Будьте любезны, сходите вы. Сейчас.

Боцман оглянулся на Блэкторна:

– Вы его возлюбленная?

– Что?

– Вы возлюбленная этого англичанина?

– Что такое возлюбленная, сеньор?

– Его женщина. Его подруга. Понимаете, сеньорита? Его девушка, этого капитана, его любовница, возлюбленная.

– Нет, сеньор, нет. Я не его возлюбленная.

– Да? Тогда чья же? Этого оран... этого самурая? Или, может быть, того князя, который только что поднялся на борт? Тора... что-то? Вы одна из его?..

– Нет.

– Ни одного из тех, что на борту?

Она покачала головой:

– Пожалуйста, принесите воды.

Боцман кивнул и вышел.

– Это самый безобразный, дурно пахнущий мужчина, которого я когда-либо видел около себя, – скривился самурай. – Что он говорил?

– Он думал, что я одна из наложниц капитана.

Самурай направился к двери.

– Кана-сан!

– Я требую права по поручению вашего мужа отомстить за оскорбление. Сразу же! Как он посмел хотя бы подумать, что вы прелюбодействовали с чужеземцем!

– Кана-сан! Пожалуйста, закройте дверь.

– Вы Тогда Марико-сан! Как он осмелился оскорбить вас? Оскорбление должно быть отомщено!

– Оно будет отомщено, Кана-сан, и я благодарю вас. Да. Я даю вам это право. Но мы здесь по приказу господина Торанаги. Пока он не даст своего одобрения, было бы неправильно сделать это.

Кана неохотно закрыл дверь:

– Я согласен. Но я прошу вас обратиться к господину Торанаге до того, как мы уедем отсюда.

– Да. Благодарю вас за то, что заботитесь о моей чести. – «Что бы сделал Кана, если бы знал все, о чем мы здесь говорили? – спросила она себя, ужаснувшись. – Что бы сделал господин Торанага? Или Хиромацу? Или мой муж? Обезьяны? О Мадонна, помоги мне выдержать все и сохрани мой разум». Чтобы унять гнев Каны, она быстро переменила тему: – Андзин-сан выглядит таким беспомощным. Прямо как ребенок. Видимо, чужеземцы не могут пить вино из-за желудка. Совсем как некоторые из наших мужчин.

– Да. Но это не из-за вина. Не может быть. Это из-за того, что он съел.

Блэкторн тяжело завозился, приходя в сознание.

– У них нет слуг на корабле, Кана-сан, так что я должна буду заменить одну из служанок Андзин-сана. – Она начала раздевать его, довольно неуклюже – у нее еще болела рука.

– Ну-ка, позвольте мне помочь вам. – Кана оказался более ловок. – Я привык делать это для моего отца, который часто страдал от саке.

– Для мужчины хорошо иногда напиться. Это освобождает его от всяческих дьявольских духов.

– Да, но мой отец сильно страдал на следующий день.

– Мой муж тоже сильно потом болеет. По несколько дней.

Через минуту Кана сказал:

– Может быть, это сам Будда позволил господину Бунтаро спастись.

– Да. – Марико огляделась. – Я не понимаю, как они могут жить в такой грязи? Хуже, чем последние бедняки у нас. Я чуть не упала в обморок от вони.

– Это возмутительно. Я никогда не был на борту чужеземного корабля раньше.

– А я никогда не была раньше на море.

Открылась дверь – боцман принес ведро. Он был потрясен тем, что Блэкторн лежит голый, и, выдернув из-под него одеяло, прикрыл его наготу.

– Он схватит смертельную простуду. Кроме того, стыдно так поступать с человеком, даже с ним.

– Что?

– Ничего. Как ваше имя, донна сеньорита? – Его глаза сверкнули.

Марико не ответила. Она сбросила в сторону одеяло и обмыла Блэкторна, довольная, что есть чем занять себя, ненавидя каюту и вонючего боцмана, гадая, о чем говорят в другой каюте. «В безопасности ли мой господин?»

Кончив, она связала в узел кимоно и грязную набедренную повязку.

– Можно это постирать, сеньор?

– А?

– Это надо бы сразу выстирать. Может, вы пошлете за рабом, будьте так любезны!

– Это кучка ленивых негодяев, я же говорил. Провозятся неделю или больше. Выбросьте это тряпье, донна сеньорита, оно никому не нужно. Наш капитан Родригес сказал, чтобы я дал ему человеческую одежду. Вот! – Он открыл рундук. – Велел взять отсюда.

– Я не знаю, как одеть мужчину во все это...

– Ему нужны рубашка, штаны, гультфик, носки, сапоги, куртка. – Боцман вынул вещи и показал ей.

С помощью самурая она начала одевать Блэкторна, все еще пребывающего в полузабытьи.

– Как носят это? – Она держала в руках гульфик – мешочек с пришитыми к нему тесемками.

– Мадонна, это носят спереди, вот так. – Боцман, смутившись, показал свой собственный. – Надеваете на его стручок и привязываете поперх штанов, как я показал.

Она посмотрела на боцмана. Под ее изучающим взглядом он смешался.

Марико надела гульфик на Блэкторна, уложила поудобней. Вместе с самураем они пропустили тесемки между ног и завязали их вокруг талии. Марико спокойно сказала самураю:

– Это самый нелепый способ одеваться, который я когда-либо видела.

– Это, должно быть, очень неудобно, – ответил Кана, – а священники тоже их носят, Марико-сан? Под своими рясами?

– Я не знаю.

Она отбросила прядь волос с глаз.

– Сеньор, теперь Андзин-сан одет как надо?

– Ага, кроме сапог. Они там вон. Но с ними можно подождать. – Боцман подошел к ней, и у нее засвербело в ноздрях от вони. Он понизил голос, став спиной к самураю: – Не хотите ли быстренько?

– Что?

– Я схожу по вас с ума, сеньорита, видите ли. Что вы скажете? Там, в соседней каюте, есть койка. Отправьте вашего друга наверх. Англичанин будет в отключке еще час. Я заплачу как обычно.

– Что?

– Вы заработаете монету, даже три, если вам нравится попрыгать, и вы сядете на лучший член отсюда до Лиссабона, а? Что скажете?

Самурай заметил ее ужас:

– В чем дело, Марико-сан?

Марико оттолкнула боцмана подальше от койки. Ее речь была прерывистой:

– Он... он сказал...

Кана мгновенно выхватил меч, но его взгляд натолкнулся на стволы двух заряженных пистолетов. Тем не менее он замахнулся для удара.

– Стойте, Кана-сан! – Марико задыхалась. – Господин Торанага запретил всякие стычки до его приказа.

– Ну, обезьяна, иди ко мне, ты, вонючий, обоссанный, дерьмовый дурак! Ты! Скажи этой обезьяне, чтобы поднял свой меч, или будет безголовым сукиным сыном прежде, чем сможет пернуть!

Марико стояла в одном футе от боцмана. Ее правая рука все еще была засунута за пояс, ручка стилета по-прежнему лежала у нее в ладони. Но она помнила свой долг и отдернула руку.

– Кана-сан, уберите меч. Пожалуйста. Мы должны выполнять приказания господина Торанаги. Мы должны повиноваться ему.

Громадным усилием Кана заставил себя сделать то, о чем она его просила.

– Я собираюсь отправить тебя в ад, япошка!

– Пожалуйста, извините его, сеньор, и меня тоже, – выдавила из себя Марико, пытаясь говорить как можно вежливее. – Это ошибка...

– Этот негодяй с обезьяньей мордой обнажил меч. Это не ошибка, ей-богу!

– Пожалуйста, извините, сеньор, я очень сожалею.

Боцман облизал губы:

– Я забуду об этом, если ты будешь хорошо себя вести, маленький цветок. Пошли в соседнюю каюту. Скажи этой обезьяне, чтобы оставалась здесь, и я забуду об этом.

– Как ваше имя, сеньор?

– Пезаро, Мануэль Пезаро, а что?

– Ничего. Пожалуйста, извините нас за это недоразумение, сеньор Пезаро.

– Пошли в соседнюю каюту. Сейчас.

– Что здесь происходит? Что это... – Блэкторн не понимал, проснулся он уже или все еще видит кошмары, но чувствовал опасность. – Что здесь происходит? Скажите, ради Бога!

– Этот вонючий япошка бросился на меня!

– Это была ошибка, Андзин-сан, – поспешила объяснить Марико. – Я извинилась перед сеньором Пезаро.

– Марико? Это вы, Марико-сан?

– *Хай*, Андзин-сан. *Хонто. Хонто.*

Она подошла ближе. Боцман держал на мушке Кану. Она была вынуждена задеть португальца, протискиваясь мимо, и ей потребовалось приложить еще больше усилий, чтобы не выхватить стилет и не выпустить ему кишки. Дверь открылась. Молодой

штурвальный вошел в каюту с ведром воды, удивленно глянул на пистолеты и выскочил.

– Где Родригес? – прохрипел Блэкторн, пытаясь заставить голову работать.

– Наверху, где и следует быть хорошему капитану, – буркнул боцман, его голос звучал раздраженно. – Этот япошка хотел меня зарубить, ей-богу!

– Помоги мне выйти на палубу. – Блэкторн ухватился за борта койки. Марико взяла его за руку, но не смогла поднять.

Боцман махнул пистолетом на Кану:

– Скажи ему, чтобы он помог. Скажи ему, что, если на небесах есть Бог, он повиснет на нок-рее до конца вахты.

Первый помощник капитана Сантьяго отошел от глазка в стенке кают-компания. Заключительное «Ну, тогда все решено», сказанное дель Акуа, все еще звучало в его голове. Бесшумно он проскочил через темную каюту, вышел в коридор и тихонько закрыл дверь. Этот высокий, сухощавый португалец с живым лицом носил напوماженную косицу, одевался опрятно и, как большинство моряков, ходил босиком. В спешке он взлетел по лестнице на главную палубу, бегом пересек ее и поднялся на ют, где Родригес беседовал с Марико. Он извинился и, наклонясь, припал ртом к уху Родригеса, дабы выложить все, что услышал, – затем и был послан, – да так, чтобы никто на юте ничего не понял.

Блэкторн сидел прямо на палубе на корме, привалясь к планширу, голова его лежала на согнутых коленях. Марико сидела прямо, лицом к Родригесу, как это принято у японцев, а мрачный Кана стоял сбоку. Вооруженные моряки толпились на палубах, засели в «вороньем гнезде» наверху, двое расположились у штурвала. Корабль все еще был поставлен против ветра, воздух был чист, ночь ясна, ореол вокруг луны погас, недавно закончился дождь. В ста ярдах борт о борт с фрегатом, под прицелом его пушек, стояла галера, весла были убраны, кроме двух с каждой стороны, которые удерживали ее на месте; слабое приливное течение относило ее в сторону. Рыбацкие лодки с неприятельскими лучниками-самураями приблизились, но еще не нападали.

Марико следила за Родригесом и помощником капитана. Она не могла слышать, о чем они говорят, но даже если бы и могла, воспитание заставило бы ее не вслушиваться. Цивилизованная жизнь невозможна без интимности, а интимность в бумажных домах невозможна без вежливости и предупредительности, поэтому всех японцев учили слушать и не слышать. Для общего блага.

Когда они с Блэкторном поднялись на палубу, Родригес выслушал боцмана, потом ее сбивчивое объяснение: это ее ошибка, она неправильно поняла слова Пезаро-сана, что заставило Кану обнажить меч, чтобы защитить ее честь. Боцман слушал, ухмыляясь, его пистолеты все еще были направлены в спину самурая.

– Я только спросил, не была ли она любовницей англичанина. Ей-богу, она так спокойно обмывала его и запихивала в гульфик его сокровища.

– Убери свои пистолеты, боцман!

– Он опасен, говорю я вам. Его надо связать!

– Я прослежу за ним. Иди на нос.

– Эта обезьяна убила бы меня, не будь я попроворней. Вздернуть его на нок-рее! Вот что мы сделали бы в Нагасаки!

– Мы не в Нагасаки – иди отсюда! Живо!

Когда боцман ушел, Родригес спросил:

– Что он сказал вам, сеньора? На самом деле?

– Э... ничего особенного. Извините.

– Я извиняюсь за неучтивость этого человека перед вами и перед самураем. Пожалуйста, передайте самураю, что я извиняюсь перед ним, прошу прощения. И я прошу вас забыть все оскорбления, нанесенные боцманом. Вашему сюзерену или мне не поможет, если на борту произойдут неприятности. Я обещаю вам, что разберусь с ним по-своему и в более удобное время.

Она поговорила с Каной, и под ее нажимом он сдался.

– Кана-сан говорит: очень хорошо, но, если он когда-нибудь увидит боцмана Пезаро на берегу, он отрубит ему голову.

– Это честно, ей-богу. Да. *Домо аригато*, Кана-сан, – сказал Родригес с улыбкой. – И *домо аригато годзаймасита*, Марико-сан.

– Вы говорите по-японски?

– О нет, только слово или два. У меня жена в Нагасаки.

– А вы давно в Японии?

– Это мое второе плавание сюда из Лиссабона. Я провел семь лет в этих водах, как говорят, то сюда, то туда, в Макао и Гоа. – Родригес добавил: – Не обращайтесь внимания на боцмана. Он *эта*. Но Будда говорит, даже *эта* имеют право жить. Правда?

– Конечно, – согласилась Марико, имя и лицо мерзавца врезались в ее память навсегда.

– Моя жена говорит немного на португальском. Теперь почти так же хорошо, как и вы. Вы христианка, конечно?

– Да.

– Моя жена новообращенная. Ее отец самурай, хотя и небогатый. Его сюзерен – господин Кияма.

– Ей повезло иметь такого мужа, – вежливо заметила Марико, но про себя подумала, содрогаясь: «Как можно выйти замуж за чужеземца и жить с ним?» – И даже хорошие манеры не удержали ее от вопроса: – А госпожа, ваша супруга, ест мясо, как то, что было в каюте?

– Нет, – усмехнулся Родригес, обнажив в улыбке белые, красивые и крепкие зубы. – И я в моем доме в Нагасаки не ем мяса. В море ем и в Европе. Таков наш обычай. Тысячу лет назад, до Будды, у вас тоже был такой обычай, правда? До Будды люди жили по дао, что значит «путь», и ели мясо. Даже здесь, сеньора. Даже здесь. Теперь, конечно, мы стали осмотрительнее, некоторые из нас, да?

Марико задумалась, потом сказала:

– Все португальцы называют нас обезьянами? И япошками? За нашей спиной?

Родригес подергал серьгу, которую носил в ухе:

– Вы же называете нас варварами. Даже в лицо. Мы культурные люди, по крайней мере, считаем себя таковыми, сеньора. В Индии, на земле Будды, японцев именуют восточными дьяволами и не позволяют им сойти с корабля, если они вооружены. Вы браните индийцев черными и нелюдями. Как китайцы обзывают японцев? Как вы обзываете китайцев? Или корейцев? Поедателями чеснока?

– Не думаю, что господину Торанаге такое понравится. Или господину Хиромацу, или даже отцу вашей жены.

– Блаженный Иисус сказал: «Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

Она снова задумалась о том, что первый помощник горячо шептал на ухо капитану Родригесу. «Это верно, мы насмехаемся над другими

народами. Но мы рождены на Земле богов, избраны богами. Мы одни из всех народов имеем защиту в лице божественного императора. А потому разве мы не особые, не выше всех других? А если ты японец и христианин? Я не знаю. О Мадонна, помоги мне понять! Этот Родригес такой же странный, как английский капитан. Почему они такие особенные? Из-за воспитания? Это ведь невероятно, то, что они делают. Как могут они плыть вокруг Земли и ходить по морю, как мы ходим посуху? Знает ли ответ жена Родригеса? Хотела бы я с ней встретиться и поговорить».

Помощник капитана еще больше понизил голос.

– Что он сказал?! – воскликнул Родригес, изрыгнув невольное проклятие.

И вопреки себе Марико попыталась прислушаться, но не расслышала, что говорил помощник. Потом она увидела, что оба португальца посмотрели на Блэкторна, и эти их взгляды ее встревожили.

– Что еще случилось, Сантьяго? – осторожно спросил Родригес, опасаясь Марико.

Помощник капитана ответил ему шепотом на ухо.

– Сколько времени они останутся внизу?

– Собирались пить за здоровье друг друга. И за сделку.

– Негодяи! – Родригес схватил помощника капитана за рубашку. – Ни слова об этом, ради Бога. Головой отвечаешь!

– Об этом не стоит и говорить, капитан.

– Всегда стоит напомнить. – Родригес посмотрел на Блэкторна. – Разбуди его!

Помощник капитана подошел и грубо растолкал англичанина.

– В чем дело, а?

– Дай ему оплеуху!

Сантьяго отвесил Блэкторну пощечину.

– Боже мой, да я тебя... – Блэкторн вскочил на ноги, его лицо пылало, но тут же он зашатался и упал.

– Черт бы тебя побрал, англичанин! – Родригес бешено ткнул пальцем в двух рулевых. – Бросьте его за борт!

– Что?

– Быстрее, боже мой!

Пока двое моряков торопливо поднимали Блэкторна, Марико сказала:

– Капитан Родригес, вы не должны...

Но прежде чем она или Кана смогли вмешаться, двое португальцев бросили Блэкторна за борт. Он пролетел футов двадцать и, хлопнувшись животом о воду, исчез в облаке брызг. Через мгновение он появился на поверхности, ошарашенный, молотящий руками по воде, – ледяной холод освежил его голову.

Родригес попытался выбраться из своего кресла:

– Мадонна, дайте мне руку!

Один из рулевых подбежал ему помочь, первый помощник капитана подхватил его под мышки.

– Боже мой, поосторожнее! Помните о моей ноге, вы, дерьмоголовые увальни!

Его подвели к борту. Блэкторн все еще кашлял и отплевывался, плывя к кораблю, он выкрикивал проклятия тем, кто бросил его за борт.

– Два румба вправо! – приказал Родригес рулевым. Корабль немного ушел от ветра и удалился от Блэкторна. Родригес крикнул ему: – Держись подальше от моего корабля! – Потом он приказал первому помощнику: – Возьми баркас, вылови англичанина и отправь его на борт галеры. Быстро! Скажи ему... – Он понизил голос.

Марико была рада, что Блэкторн не утонул.

– Капитан! Андзин-сан находится под защитой Торанаги. Я требую, чтобы вы немедленно подняли его!

– Одну минуточку, Марико-сан! – Родригес пошептался с Сантьяго, который кивнул и умчался. – Извините, Марико-сан, *гомэн кудасай*, но это было срочно. Англичанина требовалось разбудить. Я знал, что он умеет плавать. Он должен прийти в форму, и быстро!

– Почему?

– Я его друг. Он когда-нибудь говорил вам об этом?

– Да, но Англия и Португалия находятся в состоянии войны. И Испания.

– Да, но наши с ним отношения выше войны.

– Тогда кому же вы служите?

– Флагу.

– А не вашему королю?

– И да и нет, сеньора. Я обязан англичанину жизнью. – Родригес следил за баркасом. – Держите на курсе, а теперь приводите к ветру, – приказал он рулевому.

– Да, сеньор.

Он подождал, проверяя и перепроверяя ветер, и мели, и дальний берег. Лотовой выкрикивал глубины.

– Извините, сеньора, что вы сказали? – Родригес бросил на нее мимолетный взгляд, потом отвернулся, чтобы проверить положение корабля и баркаса.

Она тоже следила за баркасом. Люди, которые вытащили Блэкторна из воды, теперь быстро гребли к галере, работая веслами сидя, а не стоя. Андзин-сана было не разглядеть за человеком, что сидел близко к нему, тем, что шептался с Родригесом.

– Что вы сказали ему, сеньор?

– Кому?

– Ему. Сеньору, которого вы послали с Андзин-саном.

– Попросил пожелать англичанину всего хорошего и успехов. – Ответ был невыразителен.

Она перевела Кане сказанное Родригесом.

Когда Родригес увидел баркас рядом с галерой, он опять оживился:

– Святая Мария, Матерь Божья...

Генерал-капитан и иезуиты поднялись наверх. За ними шли Торанага и его телохранители.

– Родригес! Спусти баркас! Святые отцы собираются на берег, – сказал Феррьеера.

– А потом?

– А потом мы выходим в море. Пойдем в Эдо.

– Почему туда? Мы собирались в Макао, – ответил Родригес, изображая невинность.

– Мы отвезем господина Торанагу в Эдо. Сначала.

– Мы? А что с галерой?

– Она останется или пробьется одна.

Родригес прикинулся еще более удивленным, посмотрел на галеру, потом на Марико. Он прочитал укор на ее лице.

– *Мацу*, – спокойно сказал ей капитан.

– Что? – удивился отец Алвито. – Терпение? При чем тут терпение?

– Я читал «Аве Мария», отец. Я говорил госпоже, что это учит нас терпению.

Феррье́ра посмотрел на галеру:

– Что там делает наш баркас?

– Я отправил еретика обратно.

– Что вы сделали?

– Я отправил англичанина обратно. Что за вопрос, генерал-капитан? Англичанин оскорбил меня, и я вышвырнул этого содомита за борт. Надеялся утопить его, но он умеет плавать, поэтому я послал старшего помощника вытащить его и отвезти на галеру, ибо он, видимо, пользуется благосклонностью господина Торанаги. Что здесь такого?

– Везите его обратно!

– Мне придется послать абордажную команду, генерал-капитан. Вы этого хотите? Он ругался и призывал на нас геенну огненную. На этот раз он по доброй воле сюда не явится.

– Я хочу, чтобы он снова был на борту.

– Чего ради? Разве вы не сказали, что галера останется и будет сражаться, или что там еще они придумают? Так что англичанин по пояс в дерьме. Вот и славно. Кому нужен этот мужеложец? Конечно, святые отцы предпочли бы, чтобы он скрылся с глаз. Да, святые отцы?

Дель Акуа не ответил. Алвито тоже. Это нарушало замыслы Феррье́ры, принятые ими и Торанагой: священники сразу же отправятся на берег, чтобы уладить дело с Исидо, Киямой и Оноси, делая вид, что поверили рассказу Торанаги о пиратах и ничего не знали о его бегстве из замка. Тем временем фрегат двинется к выходу из гавани, предоставив галере пробиваться сквозь заслон из рыбачьих лодок. Если люди Исидо решатся атаковать фрегат, нападение будет отбито пушками и огнем мушкетов.

– Но лодки не станут атаковать нас, – доказывал Феррье́ра. – Им приказано захватить галеру. Вам, ваше преосвященство, надлежит убедить Исидо, что мы не имели другого выбора. В конце концов, Торанага – глава Совета регентов. А еретик должен остаться на борту.

Ни один из священников не спросил почему. А Феррье́ра не стал объяснять.

Сейчас отец-инспектор положил свою мягкую руку на плечо генерал-капитана и отвернулся от галеры.

– Может быть, это и к лучшему, что еретик там, – произнес он и подумал, как неисповедимы пути Господни.

«Нет! – хотелось крикнуть Феррье. – Я мечтал поглядеть, как он будет тонуть». Человек за бортом в море на рассвете – так просто, ни следов, ни свидетелей. Торанага никогда не догадается – просто трагическая случайность. И это было то, что заслужил Блэкторн. Генерал-капитан знал, какой ужас таит в себе смерть в море для капитана.

– *Нан дзя?* – спросил Торанага.

Отец Алвито объяснил, что капитан на галере и почему. Торанага повернулся к Марико, которая кивнула и подтвердила то, что раньше сказал Родригес.

Торанага подошел к борту и вперился в темноту пристальным взглядом. От северного берега отплыли новые рыбацьи лодки, скоро подойдут и другие... Он понимал, что Андзин-сан представляет собой помеху и боги подсказывают простой способ избавиться от нее, если он, Торанага, того желает. «Хочу ли я этого? Конечно, священники-христиане будут безмерно рады, если Андзин-сан сгинет, – подумал он. – А также Оноси и Кияма, которые так боятся этого человека, что кто-то из них или оба пытались подослать к нему убийцу. Откуда такой страх?

Это карма, что Андзин-сан теперь на галере, а не здесь, в безопасности. Так ли? То, что Андзин-сан отправится на дно вместе с кораблем, вместе с Ябу и другими, вместе с ружьями, – это также карма. Ружья я могу потерять. Ябу тоже. Но Андзин-сана? Да. Потому что у меня есть еще пока в запасе восемь чужеземных варваров. Может быть, их общее знание равно тому, которым обладает один этот человек, или даже превосходит ведомое ему. Очень важно как можно быстрее вернуться в Эдо, чтобы подготовиться к войне, которой никак не избежать. Кияма и Оноси? Кто знает, поддержат ли они меня? Может быть, поддержат, может быть, нет. Но кусок земли и некоторые посулы – пустяк по сравнению с тем, что будут значить христиане, если они перейдут на мою сторону через сорок дней».

– Это карма, Цукку-сан. Так ведь?

– Да, господин. – Алвито посмотрел на генерал-капитана очень довольный. – Господин Торанага считает, что ничего не поделаешь. Это воля Бога.

– Да?

На галере внезапно забил барабан. Весла с силой ударили о воду.

– Что он делает, боже мой?! – взревел Феррье́ра.

Наблюдая за галерой, уходящей прочь, они вдруг увидели: флаг Торанаги пополз вниз с вершины мачты. Родригес заметил:

– Похоже, они извещают эти проклятые рыбацкие лодки в гавани, что господина Торанаги на борту больше нет.

– Что он собирается делать?

– Я не знаю.

– Не знаете? – не поверил Феррье́ра.

– Нет. Но я бы на его месте вышел в море и оставил нас в этой помойной яме или, по крайней мере, попытался так сделать. Англичанин попал в точку. Что будем делать?

– Вам приказано идти в Эдо. – Генерал-капитан хотел добавить: «Если протараните галеру, тем лучше», но удержался, так как их разговор слушала Марико.

Священники отправились на берег в баркасе.

– Поднять все паруса! – крикнул Родригес. В сломанной ноге его пульсировала боль. – Зюйд-зюйд-вест! Всем наверх!

– Сеньора, пожалуйста, скажите господину Торанаге, что ему лучше бы спуститься вниз. Так будет безопасней, – попросил Феррье́ра.

– Он благодарит и говорит, что останется здесь.

Феррье́ра пожал плечами и подошел к краю юта.

– Зарядить все пушки. Крупной картечью! По местам!

Глава 28

– *Исогу!* – кричал Блэкторн, заставляя старшего над гребцами увеличить темп.

Он оглянулся на фрегат, который надвигался на них, идя в крутой бейдевинд под всеми парусами, потом снова посмотрел вперед, прикидывая, каким будет следующий галс. Он решал, правильным ли был его расчет: здесь очень мало пространства для маневра, совсем близко утесы, так что от удачи до несчастья всего несколько ярдов. Зависимый от ветра парусник, чтобы приблизиться ко входу в гавань, должен был идти галсами, в то время как галера могла двигаться как заблагорассудится. Но фрегат имел преимущество в скорости. На последнем галсе Родригес дал понять, что галере лучше бы уйти с дороги: «Санта-Терезе» потребуется свободное пространство.

Ябу опять что-то залопотал, но Блэкторн отмахнулся:

– Не понимаю. *Вакаримасэн*, Ябу-сан! Слушайте, Торанага-сама сказал: ты, Андзин-сан, *ити-бан има!* Я теперь главный капитан! *Вакаримас ка*, Ябу-сан? – Он указал курс по компасу японскому капитану, который пытался жестами привлечь его внимание к фрегату всего в пятидесяти ярдах за кормой, быстро догонявшему их на другом курсе, грозящем столкновением.

– Держи курс, ради Бога! – рявкнул Блэкторн.

Бриз заставлял его ежиться в мокрой одежде – это было неприятно, но проясняло голову. Он поднял взгляд на небо: луна яркая, вокруг ни облачка, ветер благоприятный. «Отсюда опасностей ждать не приходится, – подумал он. – Боже, пусть луна светит, пока мы не проскочим!»

– Эй, капитан! – позвал он по-английски. Какая разница, говорит он по-английски, по-португальски, по-голландски или на латыни? – Пошли кого-нибудь за sake! Sake! *Вакаримас ка?*

– *Хай*, Андзин-сан.

Срочно послали моряка. Убегая, тот посмотрел через плечо, испуганный размерами приближающегося фрегата и его скоростью. Блэкторн держал тот же курс, пытаясь вынудить фрегат повернуть, прежде чем тот захватит все пространство с наветренной стороны. Но парусник шел прямо на него. В последнюю секунду фрегат свернул с

пути галеры, и, когда его бушприт почти навис над кормой гребного судна, Блэкторн услышал приказ Родригеса:

– Держись на левом галсе! Освободить стаксели и оставаться так! – Потом португалец крикнул ему по-испански: – Твой язык у дьявола в зад, англичанин!

– Твоя мать побывала там раньше целиком!

После этого фрегат отошел к дальнему берегу гавани, где вынужден был повернуть, чтобы поймать ветер, и идти галсом к этому берегу еще раз, чтобы повернуть в последний раз и направиться в открытое море.

В какой-то миг суда сблизилась настолько, что почти касались бортами. Родригес, Торанага, Марико и генерал-капитан, стоявшие на юте, даже отшатнулись. Потом фрегат умчался, и галеру чуть не затянуло его кильватерной струей.

– *Исогу, исогу*, ради Бога!

Гребцы удвоили усилия. Блэкторн знаками потребовал увеличить количество сидящих на веслах, пока в запасе никого не осталось. Он должен был попасть к выходу из гавани раньше, чем фрегат, иначе галера пропала.

Галера сокращала расстояние. Но и фрегат тоже. В дальнем конце гавани он повернулся, словно танцор, и Блэкторн увидел, что Родригес поставил еще и топсели, и брамсели.

– Он такой же хитрый негодяй, как все эти португальцы!

Принесли sake, молодая женщина, которая помогала Марико, взяла его у моряка и поднесла Блэкторну. Она мужественно оставалась на палубе, хотя было ясно, что это не ее стихия. У нее были сильные руки, затейливая прическа и очень дорогое кимоно, выбранное с большим вкусом и опрятное. Галера накренилась от удара волны. Девушка, покачнувшись, выронила чашку. Ее лицо не дрогнуло, но залилось краской стыда.

– Ничего страшного, – успокоил он, когда она бросилась поднимать чашку. – *Намаэ каи?*

– Усаги Фудзико, Андзин-сан.

– Фудзико-сан. Сюда, дайте-ка это мне! *Додзо*. – Он протянул руку, взял бутылку и глотнул sake прямо из нее, стремясь скорее согреться изнутри.

Блэкторн сконцентрировал внимание на новом курсе, ведь вокруг скрывались мели – о них ему по приказу Родригеса рассказал Сантьяго. Он перепроверил азимут на мыс, который открывал им свободный, безопасный проход к устью гавани, допивая подогретое саке и гадая, почему его подают теплым, и в таких небольших количествах, и как умудряются подогреть.

В голове у него прояснилось, и он чувствовал себя достаточно сильным – надо было только соблюдать осторожность. Однако он знал, что у него нет никаких резервов, чтобы выбраться, как и у его корабля.

– Саке, *додзо*, Фудзико-сан. – Он протянул бутылку и забыл о ней.

На наветренном курсе фрегат шел быстро, в ста ярдах перед ним, направляясь к берегу. Он слышал ругань, несущуюся по ветру, и не ответил – берег силы.

– *Исогу*, Боже мой! Мы погибли!

Возбуждение гонки и ощущение того, что он свободен и опять командует – больше благодаря силе своей воли, чем положению, – а также сознание того, что Ябу в его власти, наполнили Блэкторна бесовским весельем.

«Если мы не проскочим, я выброшу корабль на скалы, чтобы только посмотреть, как ты утонешь, засранец Ябу! За старого Питерсона! Но разве не Ябу спас Родригеса, когда ты не смог? Разве не он справился с разбойниками, когда ты попал в засаду? И он храбро вел себя сегодня вечером. Да, он засранец, но храбрый засранец, и это верно».

Ему снова предложили бутылочку саке.

– *Додзо*, – буркнул он.

Фрегат резко остановился, развернулся в крутой бейдевинд, и это сильно обрадовало его.

– Я бы не смог сделать лучше, – сказал он ветру. – Но на их месте я бы пробился сквозь лодки, вышел в море и никогда не возвращался. Я бы увел корабль домой и оставил Японию японцам и этим гнусным португальцам. – Он заметил, что Ябу и капитан смотрят на него, но притворяются, что он им совершенно безразличен. – Нужно захватить черный корабль и все, что он везет. И отомстить, а, Ябу-сан?

– *Нан дэс ка*, Андзин-сан? *Нан дзя?*

– *Ити-бан!* Первым! – ответил он, махнув рукой в сторону фрегата, и осушил бутылочку. Фудзико тут же приняла ее.

– Саке, Андзин-сан?

– *Домо, из!*

Оба корабля теперь очень близко подошли к скоплению рыбачьих лодок, галера направлялась прямо в проход, специально оставленный между ними, фрегат выполнял последний галс и поворачивал к выходу из гавани. Ветер здесь посвежел, так как защищавшие гавань горы отодвинулись, открытое море лежало в полумиле впереди. Порывы ветра надували паруса фрегата, ванты издавали треск, похожий на пистолетные выстрелы, у носа и в кильватере появилась пена.

Гребцы обливались потом и явно устали. Один свалился. Потом упал другой. Пятьдесят с лишним ронинов заняли боевые посты. Впереди, по обеим сторонам прохода, лучники в рыбацких лодках уже прицеливались. В большинстве лодок Блэкторн заметил небольшие жаровни и заключил, что стрелы будут в основном зажигательными.

Он как мог приготовился к битве. Ябу понял, что предстоит схватка, и сразу же сообразил про зажигательные стрелы. Вокруг штурвала Блэкторн установил защитные деревянные стенки. Он вскрыл несколько ящиков с мушкетами и поставил возле них тех, кто умел заряжать оружие, принес на ют несколько бочонков с порохом и вставил в них запалы.

На баркасе Сантьяго, первый помощник капитана, сказал Блэкторну, что Родригес собирается помочь ему, если на то будет милость Божья.

– Мой капитан велел: «Скажи ему, что я бросил его за борт, чтобы он протрезвел».

– Зачем?

– Потому, просил он передать вам, что на борту «Санта-Терезы» было опасно, опасно для вас.

– Чем опасно?

– Вы должны сами пробиваться, велел он передать. Если сможете. Но он поможет.

– Почему?

– Ради Святой Мадонны, придержите свой еретический язык и слушайте – у меня мало времени.

После этого первый помощник рассказал ему о мелях и азимутах, пути через проход и их плане. И дал два пистолета.

– Мой кормчий спросил, хорошо ли вы стреляете.

- Плохо, – соврал он.
- С Богом – вот что просил сказать вам мой капитан напоследок.
- А вы?
- Что касается меня, я бы отправил тебя в ад!
- И твою сестру!

Блэкторн зарядил бочонки на случай, если начнут стрелять пушки и нет никакого плана или план ложный, а также на случай нападения. Даже такой маленький бочонок, подплывший к борту фрегата с зажженным запалом, потопит его столь же верно, как залп из семидесяти бортовых пушек. «Не важно, что бочонок маленький, – подумал он, – важно, что в нем».

– *Исогу*, если хотите жить! – крикнул он и взялся за штурвал, благодаря Бога за Родригеса и за то, что светит яркая луна.

Здесь, на выходе, гавань сужалась до четырехсот ярдов. Глубина была большой почти от берега до берега, скальные массивы отвесной стеной вставали из моря.

Просвет между изготовившимися к бою рыбацкими лодками составлял всего сто ярдов.

«Санта-Тереза» закусила удила – ветер позади траверса с правого борта, сильная кильватерная струя, – она быстро нагоняла галеру. Блэкторн держался середины прохода и сделал Ябу знак приготовиться. Все ронины-самураи, повинувшись приказу, сидели на корточках ниже планшира, невидимые, и ждали, когда Блэкторн отдаст команду, чтобы с мушкетом или мечом кинуться к правому или левому борту – куда потребуется. Ябу должен был командовать ими. Японский капитан знал, что его гребцы должны работать веслами в такт барабану, а старший из гребцов знал, что должен слушаться Андзин-сана. И Андзин-сан один вел корабль.

Фрегат был в пятидесяти ярдах за кормой, в середине прохода, и направлялся прямо на них, явно давая понять, что требует уступить ему место.

На борту фрегата Феррьеера негромко велел Родригесу:

– Протарань его! – Он покосился на Мариико, которая стояла шагах в десяти от него, у поручней, рядом с Торанагой.

– Я не могу – не при Торанаге же и этой бабе!

– Сеньора! – окликнул Феррьера. – Сеньора, вам лучше спуститься вниз – вам и вашему господину. Там, на пушечной палубе, ему будет безопасней.

Марико перевела Торанаге, который, немного подумав, спустился по трапу на пушечную палубу.

– Черт бы побрал мои глаза! – сказал главный канонир, ни к кому не обращаясь. – Я бы не прочь дать залп всем бортом и потопить кого-нибудь. Проклятый год: мы не потопили ни одного чертова пирата.

– Да. Эти обезьяны заслуживают хорошей бани.

На юте Феррьера повторил:

– Протарань галеру, Родригес!

– Зачем убивать вашего врага, когда за вас это сделают другие?

– Мадонна! Ты совсем как священник! В тебе нет ни капли горячей крови! – Это было сказано по-испански.

– Да, у меня нет настроения убивать, – ответил Родригес также на испанском, – а как ты? В тебе много бойцовой крови, да? А может быть, испанской?

– Ты собираешься его протаранить или нет? – выпалил Феррьера на португальском, близость чужой смерти возбудила его.

– Если галера останется там, где сейчас, то да.

– О Мадонна, пусть она останется там, где есть!

– Что вы придумали для этого англичанина? Почему так разозлились, что его нет на борту?

– Ты мне не нравишься. Я не доверяю тебе теперь, Родригес. Дважды ты шел или казалось, что шел, против меня, против нас, заодно с еретиком. Если где-нибудь в Азии найдется подходящий капитан, я спишу тебя на берег, Родригес, и уплыву на черном корабле.

– Тогда вы утонете. От вас веет запахом смерти, и только я могу защитить вас.

Феррьера суеверно перекрестился:

– Мадонна, какой у тебя мерзкий язык! Какое право ты имеешь так говорить со мной?

– Моя мать была цыганка и седьмым ребенком в семье, я тоже седьмой.

– Врешь!

Родригес улыбнулся:

– Ах, мой генерал-капитан, может, и вру. – Он сложил руки рупором и закричал: – Приготовиться! – А затем обратился к рулевому: – Держи прямо за галерой и, если эта пузатая проститутка не уйдет в сторону, потопаи ее!

Блэкторн твердо держал руль, ноги и руки у него болели. Старший над гребцами бил в барабан, его подначальные старались из последних сил.

Теперь фрегат отделяло от кормы галеры двадцать ярдов. Пятнадцать. Десять. Блэкторн круто повернул влево. Фрегат чуть не врезался в галеру, повернул за ней и оказался рядом. Блэкторн резко взял вправо, чтобы идти параллельно фрегату, в десяти ярдах от него. И вот так-то вот – вместе, борт о борт – они приготовились проскользнуть сквозь два ряда врагов.

– Давай-давай, негодяи! – кричал Блэкторн, стремясь остаться под прикрытием всей громады фрегата и его парусов. Грянули мушкетные выстрелы, потом на галеру обрушился град зажигательных стрел, не причинив ей серьезного вреда, но зато подпалив нижние паруса фрегата, где вспыхнул пожар.

Все командиры самураев в лодках, объятые ужасом, остановили своих лучников. Никто никогда еще не атаковал корабли южных чужеземцев. Разве не они одни привозили шелка, которые делали терпимыми самую лютую летнюю жару или зимний холод и радостными каждую весну и осень? Разве не чужеземцы с юга защищены императорскими указами? Не разозлит ли их поджог корабля так сильно, что они попросту никогда больше не явятся снова?

Когда стрельба прекратилась, Блэкторн перевел дух. Родригес тоже. План сработал. Родригес предположил, что, следуя под прикрытием фрегата, галера получит шанс, только шанс.

«Но мой капитан сказал, что вы должны подготовиться к неожиданностям, англичанин», – передал ему Сантьяго.

– Оттесни этого негодяя в сторону! – бушевал Феррьеера. – Черт возьми, я приказал тебе оттеснить его к обезьянам!

– Пять румбов влево! – поспешно приказал Родригес.

– Есть пять румбов влево! – откликнулся рулевой.

Блэкторн услышал команду. Мгновенно он взял на пять градусов влево и начал молиться. Если Родригес и дальше будет держаться этого

курса, галера врежется в рыбацкие лодки и погибнет. Если он, Блэкторн, замедлит ход и окажется сзади фрегата, вражеские лодки окружают его и захватят судно независимо от того, верят люди Исидо или нет, что Торанага на борту. Он должен идти борт о борт с фрегатом.

– Пять делений вправо! – отдал приказ Родригес, как раз вовремя. Он не хотел, чтобы в него снова летели зажигательные стрелы: на палубе было слишком много пороха. – Ну, ты, грязный сводник, – пробормотал он, обращаясь к ветру, – давай дуй в мои паруса и вытащи нас отсюда, ко всем чертям!

Блэкторн повернул на пять градусов вправо, чтобы поддерживать прежнее положение относительно фрегата, и два корабля неслись бок о бок, весла по правому борту галеры почти касались фрегата, весла левого борта едва не опрокидывали рыбацкие лодки. Теперь капитан все понял, понял и старший над гребцами, и сами гребцы. Они вкладывали в греблю последние силы. Ябу прокричал команду, и его ронины-самураи, побросав луки, кинулись помогать, сам Ябу тоже исчез внизу.

Борт о борт. Оставалось пройти несколько сот ярдов.

Тут несколько рыбацких лодок с серыми, поотчаяннее остальных, выскочили наперерез галере, чтобы пустить в ход абордажные крючья. Нос галеры протаранил и потопил эти лодки. Абордажные крюки были выброшены за борт еще до того, как успели зацепиться. Самураи, державшие их, утонули. И ритм гребли на галере не изменился.

– Еще левее!

– Я остерегаюсь, генерал-капитан. Торанага не дурак, и посмотрите: там впереди риф!

Феррьера разглядел каменные гребни около последней из рыбацких лодок.

– Мадонна, загони его туда!

– Два румба влево!

Фрегат снова повернул, и Блэкторн сделал то же самое. Оба корабля направились на скопление рыбацких лодок. Блэкторн тоже видел торчащие из воды скалы. Потонула еще одна лодка, на галеру обрушился новый залп стрел. Он держал курс сколько мог, потом рявкнул:

– Пять градусов вправо! – чтобы предупредить Родригеса, и повернул штурвал.

Родригес провел маневр отклонения и отошел в сторону. Но на этот раз он держал курс на сближение, не предусмотренный их планом.

– Ну, давай, ублюдок! – бормотал Родригес, раззадоренный преследованием. – Покажи, на что ты способен!

Блэкторн должен был мгновенно выбрать между скалами и фрегатом. Он мысленно поблагодарил гребцов, которые все еще оставались на веслах, команду и всех, кто был на борту и своей готовностью следовать приказу дал ему право выбора. И он выбрал.

Он взял еще правее, вытащил пистолет и прицелился:

– С дороги, ей-богу! – крикнул он и спустил курок. Пуля просвистела как раз между генерал-капитаном и Родригесом.

Когда генерал-капитан шарахнулся от пули, Родригес поморщился: «Ты, англичанин, сын безмозглой проститутки! Тебе повезло, это был удачный выстрел, или ты целился, чтобы убить?»

Он увидел второй пистолет в руке у Блэкторна и смотрящего на него Торанагу. Он выбросил из головы Торанагу, не имеющего сейчас значения.

«Благословенная Матерь Божья, что же мне делать? Придерживаться плана или изменить его? Не лучше ли убить этого англичанина? Для общего блага? Скажи мне, да или нет?»

Отвечай сам, Родригес, ради спасения своей вечной души! Или ты не мужчина?

Тогда слушай: следом за этим англичанином явятся другие еретики, как вши, независимо от того, убью я его или нет. Я обязан ему жизнью и клялся, что во мне нет крови убийцы. Я не убью этого капитана».

– Право руля! – приказал он и дал дорогу галере.

– Мой господин спрашивает, почему вы чуть не протаранили его галеру?

– Это была только игра, сеньора, игра, в которую играют капитаны. Проверить крепость нервов друг друга.

– А зачем стрелял капитан?

– Тоже игра – проверить, крепки ли мои нервы. Рифы были слишком близко, а я чересчур теснил англичанина. Мы друзья, правда?

– Мой господин говорит, что глупо играть в такие игры.

– Пожалуйста, принесите ему мои извинения. Важно лишь то, что он теперь в безопасности и галера тоже, и я этому очень рад. *Хонто*.

– Вы придумали это бегство, эту хитрость, вместе с Андзин-саном?

– Так случилось, что он очень умен и точно рассчитывает время. Луна освещала его путь, море благоприятствовало, и никто не допустил ошибок. Но почему неприятель не потопил его, я не знаю. На то была воля Господа.

– Воля Господа? – скривился Феррьера. Он смотрел на галеру за кормой и не поворачивался.

Они отошли достаточно далеко от выхода из гавани, отклонясь от пути на Осаку, галера держалась в нескольких кабельтовых сзади, вокруг не было видно ни одного корабля. Большинство весел на галере были на время убраны, лишь несколько пар поддерживали спокойный ход, пока основная часть гребцов восстанавливала силы.

Родригес не обращал внимания на генерал-капитана Феррьера. Он был занят Торанагой. «Хорошо, что мы на стороне Торанаги», – сказал себе Родригес. Во время гонки он внимательно рассмотрел даймё, радуясь такой редкой возможности. Глаза Торанаги видели все, он наблюдал за канонирами, за парусами, за стрелками с ненасытным любопытством, задавая через Марико вопросы морякам или помощнику капитана: «Зачем это? Как заряжается пушка? Сколько нужно пороха? Как вы стреляете? Зачем эти канаты?»

– Мой хозяин говорит: может быть, это была просто карма. Вы знаете, что такое карма, капитан?

– Да.

– Он благодарит вас за то, что воспользовался вашим судном. Теперь он вернется на свое собственное.

– Что? – Феррьера тут же повернулся к ним. – Мы прибудем в Эдо задолго до галеры. Мы будем рады, если господин Торанага останется на борту.

– Мой господин говорит, что вам больше не стоит беспокоиться. Он вернется на своем собственном корабле.

– Пожалуйста, попросите его остаться. Я рад его обществу.

– Господин Торанага благодарит вас, но желает сразу же перейти на свой корабль.

– Очень хорошо, делайте, как он говорит, Родригес. Посигнальте им и спустите баркас. – Феррьера был разочарован. Он хотел

посмотреть Эдо и поближе познакомиться с Торанагой, так как связывал с ним большие надежды. Он не верил в то, что Торанага говорил о возможностях избежать войны. «Мы на стороне этих обезьян против Исидо, хотим мы того или нет. И мне это не нравится». – Мне жаль, что я лишаюсь общества господина Торанаги. – Феррьеера вежливо поклонился.

Торанага поклонился в ответ и произнес что-то коротко.

– Мой господин благодарит вас.

Родригесу Марико адресовала слова:

– Мой господин сказал, что вознаградит вас за галеру, когда вы вернетесь с черным кораблем.

– Я не заслужил. Это была моя обязанность. Простите, пожалуйста, что я не встаю со своего кресла – нога болит, понимаете? – ответил Родригес, кланяясь. – Да будет с вами благословение Божье, сеньора.

– Спасибо, капитан. И с вами.

Ощупью спускаясь по лестнице за Торанагой, она увидела, что баркасом командует боцман Пезаро. По коже побежали мурашки, ее чуть не вытошнило. Она усилием воли сдержала позыв к рвоте, благодарная Торанаге за то, что он велел им всем покинуть этот корабль.

– Хорошей погоды и счастливого пути! – пожелал Феррьеера.

Он помахал рукой, приветствие было возвращено, и баркас спустили на воду.

– Уйдешь вниз, только когда вернется баркас, а эта сучья галера скроется из виду, – приказал он главному канониру.

На юте он остановился перед Родригесом и указал на галеру:

– Ты всю жизнь будешь жалеть, что оставил его живым.

– Все в руках Господа. Англичанин недурной капитан, если вы сможете переступить через свою религию, мой генерал-капитан.

– Я учел это.

– И?..

– Чем скорее мы будем в Макао, тем лучше. Засеки время, Родригес. – Феррьеера спустился вниз.

Нога Родригеса заныла, ее дергало. Он глотнул грога из меха. «Феррьеера может отправляться в ад, – сказал он себе. – Но, ради Бога, только после того, как мы доберемся до Лиссабона».

Ветер слегка изменил направление, облака достигли лунного нимба, недалеко шел дождь, рассвет расцветил небо. Он все внимание отдал своему кораблю, его парусам и положению. Полностью успокоившись, посмотрел на баркас. И наконец на галеру.

Родригес выпил еще грогу, довольный, что его план сработал так хорошо. Пистолет и тот выстрелил, что и решило все дело. И он был доволен своим поступком.

«Я должен был это сделать, и я это сделал. Тем не менее, англичанин, – вздохнул он, – генерал-капитан прав. С тобой в рай пришла ересь».

Глава 29

– Андзин-сан?

– *Хай?* – Блэкторн выбирался из глубокого сна.

– Вот еда. И чай.

Какое-то мгновение капитан не мог вспомнить, кто он и где. Потом узнал свою каюту на борту галеры. Столб света пронизывал темноту. Он чувствовал себя отдохнувшим. Барабанный бой стих, и даже в глубоком сне чувства подсказали ему, что якорь брошен, корабль в безопасности, недалеко от берега, а море спокойно.

Он увидел служанку с подносом и Марико рядом с ней – рука ее уже не висела на перевязи. Блэкторн лежал на капитанской койке, той же самой, которую он делил с Родригесом во время плавания из Андзиро в Осаку; теперь она казалась почти такой же привычной, как его собственная койка в каюте «Эразма». «Эразм»! Было бы прекрасно снова вернуться на него и повидаться с командой.

Он с наслаждением потянулся и принял чашку зеленого чая из рук Марико.

– Спасибо. Это прекрасно. Как ваша рука?

– Намного лучше, спасибо. – Марико согнула руку, чтобы показать, как та работает. – Задета была только мышца.

– Вы выглядите гораздо лучше, Марико-сан.

– Да, мне и в самом деле лучше.

На рассвете, возвращаясь с Торанагой на галеру, она была близка к обмороку.

– Лучше оставайтесь наверху, – сказал он ей. – Болезнь пройдет быстрее.

– Мой господин спрашивает: почему выстрелил пистолет?

– Это была шутка, игра двух капитанов, – отговорился он.

– Мой господин выражает восхищение вашим искусством в морском деле.

– Нам повезло. Луна помогла. И команда была изумительная. Марико-сан, вы не могли бы спросить капитана, знает ли он эти воды. Извините, но не скажете ли вы Торанага-сама, что я не могу больше без сна. Или может быть, нам лечь в дрейф на часок или около того? Я должен поспать.

Он смутно помнил, как она передала ему ответ Торанаги: да, он может пойти вниз, капитан-сан вполне справится, потому что они поплывут в прибрежных водах и не будут выходить в открытое море.

Блэкторн опять потянулся и открыл иллюминатор. Скалистый берег лежал в двухстах ярдах с небольшим.

– Где мы?

– У берегов провинции Тотоми, Андзин-сан. Господин Торанага хотел поплавать и дать отдых гребцам на несколько часов. Завтра мы будем в Андзиро.

– Рыбацкой деревне? Это невозможно. Сейчас полдень, а на рассвете мы вышли из Осаки. Это невозможно!

– О, это было вчера, Андзин-сан. Вы проспали день, ночь и еще половину дня, – ответила она. – Господин Торанага велел, чтобы вам не мешали спать. Теперь он думает, что вам, чтобы окончательно проснуться, надо хорошо поплавать. После еды.

Еда состояла из двух чашек риса и поджаренной на углях рыбы с темным, уксусно-сладким соусом, который, по ее словам, делали из перебродивших бобов.

– Спасибо. Да, я хотел бы поплавать. Почти тридцать шесть часов? Неудивительно, что я так хорошо себя чувствую. – Он с жадностью взял поднос у служанки, но есть стал не сразу. – Почему она так испугана? – спросил он.

– Она не испугана, Андзин-сан. Просто немного переживает. Пожалуйста, извините ее. Она никогда не видела до этого так близко чужеземцев.

– Скажите ей, что в полнолуние у чужеземцев вырастают рога, а изо рта вылетает огонь, как у драконов.

Марико засмеялась:

– Конечно, я этого не скажу. – Она указала на стол. – Тут зубной порошок, щетка, вода и свежие полотенца. – Потом добавила полатыни: – Я рада, что вы уцелели. А что касается нашего путешествия – вы вели себя очень смело.

Их глаза встретились и разошлись не сразу. Она вежливо поклонилась, служанка тоже, и дверь за ними закрылась.

«Не думай о ней! – приказал он себе. – Думай о Торанаге или Андзиро. Почему мы завтра останавливаемся в Андзиро? Высадить Ябу? Тем лучше!

В Андзиро будет Оми. Так что насчет него?

Почему не попросить у Торанаги голову Оми? Он задолжал мне одну-две награды. Или попросить разрешения на поединок с Оми-саном? Как? На пистолетах или мечях? Если выбрать мечи, у меня, считай, нет шансов, если взять пистолет, это будет убийство. Лучше ничего не делать и ждать. Тебе еще представится случай отомстить им обоим. Ты сейчас наслаждаешься милостями Торанаги. Будь терпелив. Спроси себя, что тебе от него нужно. Скоро мы будем в Эдо, так что у тебя не так много времени. А что с Торанагой?»

Блэкторн пользовался палочками для еды, как это делали заключенные в тюрьме: поднимая чашку с рисом ко рту и заталкивая слипшиеся комочки с края чашки в свой рот палочками. С кусками рыбы было труднее. Он еще не наловчился подцеплять их, поэтому пользовался пальцами, радуясь, что ест один, ибо есть руками перед Марико или Торанагой – перед любым японцем – было бы верхом неприличия.

Последний кусочек был поглощен, а он все еще не насытился.

– Пойти, что ли, попросить еще еды? – сказал он вслух. – Боже мой на небесах, как бы мне хотелось свежего хлеба, яичницы, масла и сыру...

Он вышел на палубу и обнаружил, что почти все на ней разгуливают нагишом. Кто обсыхал после купания, кто грелся на солнышке, несколько человек стояли, перегнувшись через борт и наблюдая, как самураи и моряки плещутся словно дети.

– *Коннити ва*, Андзин-сан.

– *Коннити ва*, Торанага-сама, – отозвался он.

Торанага, совершенно голый, поднимался по лестнице, которая вела в воду.

– *Соно ата ва ёдзи ва до ка?*^[36] – сказал он, показывая на море, плеская водой себе на живот и плечи, разогревшиеся на ярком солнце.

– *Хай*, Торанага-сама, *домо*, – ответил Блэкторн, думая, что у него спрашивают, не хочет ли он поплавать.

Торанага опять указал на море и что-то коротко сказал, потом подозвал Марико, чтобы та перевела. Марико спустилась с полуяота, закрывая голову малиновым зонтиком, ее домашнее белое хлопковое кимоно было небрежно подпоясано.

– Торанага-сама говорит, что вы выглядите отдохнувшим, Андзинсан. Вода бодрячая.

– Бодрячая, – поправил он вежливо, – да.

– Ах, спасибо! Бодрячая. Он говорит: поплавайте.

Торанага небрежно наклонился над планширом, давая воде вылиться из ушей и промокая ее маленьким полотенцем. Из левого уха вода никак не выливалась, и он, опустив голову, запрыгал на левой ноге. Блэкторн заметил, что Торанага мускулист и подтянут, несмотря на изрядный живот. Чувствуя неловкость из-за присутствия Мариико, Блэкторн снял рубашку, гульфик, штаны и остался совсем голым.

– Господин Торанага спрашивает: все ли англичане такие волосатые, как вы? И волосы у них такие же светлые?

– Некоторые да, – ответил он.

– Мы... Наши мужчины не имеют волос на груди, руках. Не так много. Он говорит, что вы хорошо сложены.

– Он тоже. Пожалуйста, поблагодарите его.

Блэкторн отошел к началу трапа, стесняясь Мариико и молодой женщины, Фудзико, которая сидела, подсунув под себя ноги, на полуяте под желтым зонтиком. Служанка, устроившаяся рядом с ней, также наблюдала за чужеземцем. Чувствуя, что не сможет долго сохранять достоинство, если так пойдет дальше, он нырнул с борта в бледно-голубую воду. Это был прекрасный прыжок. Холод моря подействовал на него опьяняюще. Песчаное дно оказалось в трех саженьях – перед ним колыхались водоросли, проплывали многочисленные стаи рыб, не боявшиеся пловцов. У дна его погружение замедлилось, он перевернулся и поиграл с рыбкой, потом вынырнул и поплыл к берегу ленивым, легким, но очень быстрым оверармом^[37], которому его научил Альбан Карадок.

Маленькая бухта была пустынной: нагромождения скал, узкая полоса гальки и никаких признаков жизни. Горы возносились на тысячу футов в голубое бездонное небо.

Он лежал на камнях, загорал. К нему подплыли четыре самурая и расположились поблизости. Они улыбались и махали ему рукой. Когда некоторое время спустя он поплыл обратно, самураи последовали за ним. Торанага все еще не хотел выпускать его из виду.

Он поднялся на палубу. Его платье исчезло. Фудзико и Мариико с двумя служанками по-прежнему сидели на палубе. Одна из служанок с

поклоном предложила ему маленькое полотенце. Блэкторн взял его и начал вытираться, отвернувшись к планширу.

«Успокойся! – приказал он себе. – Ты спокойно чувствуешь себя голым в запертой комнате с Фелисити, не так ли? Смущение одолевает тебя только на публике, когда вокруг женщины... когда рядом она. Почему? Они не замечают наготы, и это, в общем, разумно. Ты в Японии. Ты должен вести себя так же, как они. Ты будешь похож на них. И держись как король».

– Господин Торанага говорит: вы плаваете очень хорошо. Вы научите его такому же способу? – поинтересовалась Марико.

– Я буду рад, – буркнул он и заставил себя повернуться и прислониться к борту, как Торанага. Марико улыбалась. «Она выглядит такой хорошенькой», – подумал он.

– А как вы ныряете в море? Мы никогда не видели такого раньше. Мы всегда прыгаем. Он хочет научиться нырять, как вы.

– Сейчас?

– Да. Пожалуйста.

– Я могу научить его – по крайней мере, могу попытаться.

Служанка держала наготове кимоно для Блэкторна, он с благодарностью скользнул в него, сразу завязав пояс. Теперь, полностью успокоившись, он объяснил, как нырять, как зажимать голову между руками, распрямляться и выныривать, остерегаться удара животом о воду.

– Лучше начинать с низа лестницы и сперва как будто бы падать головой вниз, не прыгая и не разбегаясь. Мы так учим детей.

Торанага слушал и задавал вопросы, а потом, когда все уяснил, передал через Марико:

– Хорошо. Думаю, я понял.

Он поднялся на лестницу. Прежде чем Блэкторн смог остановить его, Торанага уже летел в воду в пятнадцати футах под ним. Живот шлепнул о воду с ужасным звуком. Никто не засмеялся. Торанага, отплевываясь, забрался на палубу и попытался снова. И опять шлепнулся животом. Другим самураям тоже не повезло.

– Это нелегко, – утешил Блэкторн, – у меня ушло много времени, чтобы научиться. Давайте отдохнем и попробуем завтра снова.

– Господин Торанага говорит: завтра есть завтра, а сегодня он будет учиться нырять.

Блэкторн сбросил кимоно и показал снова. Самураи попробовали последовать его примеру. И опять у них не получилось. У Торанаги тоже. И так шесть раз.

После очередной демонстрации Блэкторн, забираясь на лестницу, увидел среди остальных Марико, раздетую и готовящуюся прыгать. Ее тело было превосходно, повязка на предплечье свежая.

– Подождите, Марико-сан! Лучше попробуйте отсюда. Для первого раза.

– Очень хорошо, Андзин-сан.

Она спустилась к нему, миниатюрное распятие подчеркивало ее наготу. Он показал, как наклоняться и нырять в море, и, взяв ее за талию, повернул так, чтобы она вошла в воду головой.

Теперь Торанага попытался прыгнуть с уровня ватерлинии, и довольно успешно. Марико попробовала снова, и прикосновение ее кожи распалило его. Блэкторн моментально последовал за ней и прыгнул в воду, откуда командовал ныряльщиками, пока не охладился. Потом снова взобрался на палубу, встал на планшир и показал им прыжок мертвеца, полагая, что его проще освоить, и зная, что для Торанаги жизненно важно добиться успеха.

– Но вы держитесь прямо, *хай?* Как меч. Тогда у вас не может не получиться.

У самого Блэкторна прыжок получился чистым, он выбрался из воды и стал ждать.

Прыгать собрались несколько самураев, но Торанага махнул им, чтобы отошли в сторону. Он крепко сцепил руки вверху, выпрямил позвоночник. Грудь и бедра у него покраснели от ударов о воду. Как и учил Блэкторн, он упал вперед. Голова первой вошла в воду, ноги немного закинуло, но все-таки это был прыжок, и первый успешный прыжок у всей компании. Когда он вынырнул, его приветствовали одобрителем ревом. Он повторил попытку, на этот раз намного лучше. За ним стали прыгать остальные мужчины, одни удачно, другие нет. После них попробовала Марико.

Блэкторн во все глаза смотрел на тугие маленькие груди, тонкую талию, плоский живот и округлые бедра. Гримаса боли прошла по ее лицу, когда она подняла руки над головой. Но она, прямая как стрела, смело прыгнула и чисто вошла в воду. Кроме него, почти никто, казалось, этого не заметил.

– Это был прекрасный прыжок. Действительно прекрасный, – оценил он, подавая ей руку, чтобы помочь подняться на площадку у трапа. – Теперь вам стоит остановиться. Может открыться порез на руке.

– Да, спасибо, Андзин-сан. – Она стояла рядом, слегка касаясь его плеча, очень довольная собой. – Это редкое ощущение – падение вперед, в таком прямом положении можно побороть страх. Да, это действительно очень редкое ощущение. – Она поднялась палубой выше, накинула кимоно, которое ей приготовила служанка, и сошла вниз, аккуратно вытирая лицо.

«Боже мой, что за женщина!» – подумал он.

В тот же день на закате Торанага послал за Блэкторном. Даймё сидел на полуяте на чистых футонах около маленькой жаровни, где поверх древесных углей дымились кусочки ароматного дерева. Его использовали как благовоние и средство для отпугивания налетающих к сумеркам комаров и москитов. Кимоно Торанаги было выглажено и вычищено, огромные крылообразные плечи крахмаленной накидки придавали ему угрожающий вид. Ябу тоже был одет официально. Присутствовали также Марико и Фудзико. Охрану несли двадцать молчаливых самураев. В специальных держателях горели факелы, галера все еще спокойно покачивалась, стоя на якоре в заливчике.

– Саке, Андзин-сан?

– *Домо*, Торанага-сама. – Блэкторн поклонился и принял от Фудзико маленькую чашечку, поднял ее, приветствуя Торанагу, и выпил.

Чашку немедленно наполнили снова. На Блэкторне было кимоно коричневых, он чувствовал себя в нем легче и свободнее, чем в европейском платье.

– Господин Торанага говорит, что мы останемся здесь на вечер. Завтра придем в Андзиро. Ему хотелось бы услышать еще о вашей стране и вообще о других странах.

– Конечно. Что бы ему хотелось узнать? Прекрасный вечер, не правда ли? – Блэкторн устроился поудобнее, остро ощущая женственность Марико. Слишком остро. «Странно, сейчас, когда она одета, я чувствую это сильнее, чем когда она была голышом».

– Да. Скоро будет жарко, Андзин-сан. Лето – плохое время. – Она передала Торанаге то, что он сказал. – Мой господин говорит, что в

Эдо много болот, москиты летом ужасны, но весна и осень красивы. Да, действительно, те времена года, когда происходит рождение и умирание, очень красивы.

– В Англии климат умеренный. Плохие зимы случаются редко – раз в семь лет. И плохое лето тоже. Неурожаи бывают примерно один раз в шесть лет, хотя иногда выпадает два плохих года подряд.

– У нас тоже не обходится без неурожаев. Неурожайные годы всегда тяжелые. А как сейчас обстоят дела в вашей стране?

– В последние десять лет было три голодных года – не хватало солнца, чтобы созрело зерно. Но это в руках Всевышнего. Англия сейчас очень могущественна. Мы процветаем. Наш народ трудится очень много. Мы производим всю одежду, все оружие, большую часть шерсти в Европе. Немного шелка поступает из Франции, но качество его плохое, и шелк покупают только очень богатые.

Блэкторн решил не говорить о чуме или бунтах, вызванных огораживанием общинных земель, которые отошли в частную собственность, и оттоком крестьян в города и поселки. Вместо этого он рассказывал о добрых королях и королевах, знаменитых ораторах и мудрых парламентариях, об успешных войнах.

– Господин Торанага хочет знать, чтобы окончательно убедиться. Вы говорите, что только морское могущество защищает вас от Испании и Португалии?

– Да. Только это. Владычество на морях обеспечивает нам свободу. Не имеющий превосходства на морях беззащитен перед внешними врагами.

– Мой господин согласен с вами.

– А на вас тоже нападали? – Блэкторн заметил, что она слегка нахмурилась, поворачиваясь к Торанаге, и напомнил себе, что надо ограничиваться ответами.

Заговорив вновь, она взяла более серьезный тон:

– Господин Торанага решил, что мне следует ответить на ваш вопрос, Андзин-сан. Да, на нас нападали. Дважды. Более трехсот лет назад – в тысяча двести семьдесят четвертом году по вашему летосчислению – монголы хана Хубилая, который завоевал Китай и Корею, выступили против нас, когда мы отказались подчиняться им. Несколько тысяч человек высадились на Кюсю, но наши самураи смогли сдержать их продвижение, и через некоторое время они

удалились. Но спустя семь лет явились снова. На сей раз сюда пожаловала почти тысяча китайских и корейских судов, доставившая двести тысяч вражеских воинов: монголов, китайцев, корейцев – в основном конников. В истории Китая это были самые большие силы, которые когда-либо собирали для вторжения в чужие земли. Мы оказались беспомощны против такого громадного войска, Андзин-сан. Они опять начали высаживаться в бухте Хаката на Кюсю, но, прежде чем успели развернуть все свои армии, с юга налетел великий ветер, тайфун, и уничтожил все их суда и всё, что было на них. Тех, кто остался на берегу, быстро перебили. Это был камикадзе, божественный ветер, Андзин-сан, – она сказала это с полной уверенностью, – насланный богами, чтобы защитить Землю богов от чужеземного вторжения. Монголы больше не вернулись, и через восемьдесят или около того лет правления их династия Юань была изгнана из Китая. – И Мариико добавила с большим удовольствием: – Боги снова защитили нас от них. Боги всегда будут защищать нас от вторжений. В конце концов, это же их земля, правда?

Блэкторн представил себе несметное число кораблей и людей, участвовавших во вторжении, и Непобедимая армада, которая выступила против Англии, показалась ему незначительной.

– Нам тоже помог шторм, сеньора, – сообщил он с такой же серьезностью. – Многие считают, что его послал Бог, – конечно, это было чудо, – и кто знает, может, они и правы. – Он взглянул на жаровню, где потрескивали угли и плясало пламя, потом добавил: – Монголы едва не добрались и до нас – поглотили почти всю Европу. – Он рассказал ей, как орды Чингисхана, деда Хубилая, дошли почти до ворот Вены, прежде чем были остановлены и обращены вспять. Они оставляли за собой горы черепов – люди верили, что Чингисхан и его воины посланы Богом, чтобы наказать мир за грехи.

– Господин Торанага говорит, что он был просто дикарем, очень сведущим в военном деле.

– Да. Но мы, в Англии, радуемся тому, что живем на острове. Мы благодарим Бога за это, и за пролив Ла-Манш, и за наши военные корабли. А вы? Китай так близок и так силен, и вы с ним в состоянии войны. Я удивляюсь, что у вас нет большого военного флота. Вы не боитесь новых нападений?

Марико не ответила, но перевела сказанное Торанаге. Когда она закончила, Торанага заговорил с Ябу, который кивнул и что-то ему ответил, также серьезно. Они побеседовали некоторое время. Марико ответила еще на один вопрос Торанаги, потом снова заговорила с Блэкторном:

– Чтобы держать в своей власти ваши моря, сколько требуется кораблей?

– Я не знаю точно, но сейчас у королевы, наверное, сто пятьдесят линейных кораблей. Они построены только для ведения войны.

– Мой господин спрашивает, сколько кораблей в год строит ваша королева?

– От двадцати до тридцати военных кораблей, самых лучших и самых быстроходных в мире. Но корабли обычно строят частные компании купцов, а затем продают их короне.

– Ради прибыли?

Блэкторн вспомнил мнение самураев о прибыли и деньгах:

– Королева великодушно платит больше того, что они стоят на самом деле, чтобы поощрить усовершенствования в строительстве судов. Без королевской милости это было бы невозможно. Например, «Эразм», мой корабль, – нового класса, придуман англичанами, а построен по лицензии в Голландии.

– А вы можете построить здесь такой корабль?

– Да. Если у меня будут плотники, переводчики, все материалы и время. Сначала я построю корабль поменьше. Я никогда сам не строил корабль полностью, так что сначала должен попробовать... Конечно, – добавил он, пытаясь сдержать возбуждение, нараставшее по мере того, как он развивал свою идею, – конечно, если господин Торанага хочет обзавестись кораблем или несколькими судами, можно было бы наладить торговлю. Не исключено, что он сможет заказать несколько военных кораблей в Англии. Мы могли бы сплавить за ними отсюда – оснастить и вооружить их по его желанию.

Марико перевела. Интерес Торанаги увеличился. Ябу тоже.

– Он спрашивает: могут наши моряки научиться плавать на таких кораблях?

– Конечно, дайте только время. Мы могли бы договориться, чтобы сведущие в морском деле люди – или один из них – остались у вас на год. Потом они научили бы вас, как подготовить моряков. Через

несколько лет вы бы могли иметь военный флот. Ничуть не хуже других.

Марико переводила некоторое время. Торанага задал ей вопрос, чем-то заинтересовавшись особо, потом Ябу.

– Ябу-сан спрашивает: правда, ничем не хуже других?

– Да. Лучше, чем у испанцев. Или у португальцев.

Воцарилось молчание. Торанага, очевидно, был увлечен идеей, хотя и пытался это скрыть.

– Мой господин спрашивает: вы уверены, что это можно будет устроить?

– Да.

– Сколько это займет времени?

– Два года, чтобы доплыть домой, еще два – на постройку корабля или кораблей и два – на обратный путь. Половина стоимости должна быть уплачена вперед, остальное – при передаче кораблей.

Торанага задумчиво наклонился вперед и подложил ароматических поленьев в жаровню. Все следили за ним и ждали. Он довольно долго говорил с Ябу. Марико не переводила, о чем был разговор, а Блэкторн знал, что лучше не спрашивать, как бы ему ни хотелось принять участие в беседе. Он наблюдал за ними всеми, даже за девушкой Фудзико, которая также внимательно слушала, но ничего не мог понять. Он знал: это была блестящая идея, которая могла принести огромный доход и сулила ему безопасное возвращение в Англию.

– Андзин-сан, сколько кораблей вы могли бы привести?

– Флотилию из пяти кораблей – это было бы самым лучшим. Не поручусь, что мы не потеряли бы один корабль в бурю или в результате нападения испанцев или португальцев, так как уверен, что они всеми силами будут стараться помешать вам завести свои военные суда. Через десять лет господин Торанага мог бы иметь флот из пятнадцати-двадцати кораблей. – Он дал Марико перевести это, потом медленно продолжил: – Первая флотилия доставила бы судовых плотников, канониров, моряков и капитанов. Через десять-пятнадцать лет Англия поставила бы вам, господин Торанага, тридцать новейших военных кораблей – более чем достаточно, чтобы главенствовать в ваших внутренних водах. И к тому времени вы, если бы пожелали, могли бы, видимо, строить корабли сами здесь. Мы будем... – Он хотел сказать «продавать», но вовремя спохватился. – Моя королева почтет за честь

помочь вам в создании вашего собственного военного флота. Если вы пожелаете, мы обучим моряков и будем снабжать их снаряжением.

«О да! – ликовал он. – Конечно же, мы будем управлять им и снабжать его. Адмиралтейство и королева предложат прочный союз, выгодный вам и выгодный нам, отчасти и торговый. А потом вместе, друг Торанага, мы выгоним испанских и португальских собак из этих морей и будем владеть ими вечно. Это может быть самый большой торговый пакт, который когда-либо заключали две нации, – подумал он. – И с помощью англо-японского флота, расчистившего эти моря, мы, англичане, будем заправлять японо-китайской шелковой торговлей. Это даст миллионы ежегодно!»

Если удастся протащить это, я поверну ход истории. У меня будут богатства и слава, о каких я и не мечтал. Я стану основателем династии. А стать основателем династии – это самая лучшая вещь, на которую способен человек, хотя это мало кому удается».

– Мой хозяин говорит: очень жаль, что вы не изъясняетесь на нашем языке.

– Да, но я уверен, что вы переводите прекрасно.

– Он сказал это не в порицание мне, Андзин-сан, а просто выражая сожаление. Это верно. Для моего господина было бы намного лучше беседовать напрямую, как я могу беседовать с вами.

– У вас есть словари, Мариико-сан? И грамматики – португальско-японские или латино-японские грамматики? Если бы господин Торанага помог мне с книгами и учителями, я бы попытался выучить ваш язык.

– У нас нет таких книг.

– Но у иезуитов есть. Вы сами сказали.

– Ах! – Она потолковала с Торанагой, и Блэкторн увидел, как у того и у Ябу тоже загорелись глаза, как расплылись в улыбках лица.

– Мой господин говорит: вам надо помочь, Андзин-сан.

По приказу Торанаги Фудзико подала Блэкторну и Ябу еще sake.

Сам Торанага пил только зеленый чай, как и Мариико. Не удержавшись, Блэкторн спросил:

– Что он сказал на мое предложение? Каков его ответ?

– Андзин-сан, лучше проявить терпение. Он ответит, когда захочет.

– Пожалуйста, спросите его сейчас.

Мариико неохотно повернулась к Торанаге:

– Пожалуйста, извините меня, господин, но Андзин-сан с большим почтением спрашивает, что вы думаете о его плане. Он очень скромно и очень вежливо просит дать ответ.

– Он получит ответ в надлежащее время.

Марико сказала Блэкторну:

– Мой господин говорит: он рассмотрит ваш план и тщательно обдумает все, что вы сказали. Он просит вас быть терпеливым.

– *Домо*, Торанага-сама.

– Сейчас я собираюсь лечь спать. Мы отплываем на рассвете. – Торанага встал.

Все проводили его вниз, остался только Блэкторн. Наедине с ночью.

При первых признаках рассвета Торанага выпустил четырех почтовых голубей, которые были присланы на борт вместе с багажом, когда корабль готовился в плавание. Птицы описали два круга, потом разделились: две направились домой, в Осаку, две – в Эдо. В послании Кирицубо, написанном с использованием условных слов, содержался приказ Хиромасу предпринять все возможное для того, чтобы не мешкая с миром покинуть замок. Если этого им сделать не дадут, они должны запереться в своих покоях и при первой же попытке взломать двери поджечь ту часть замка и совершить сэппуку.

В письме сыну Сударе в Эдо Торанага сообщал, что бежал и находится в безопасности, и приказывал продолжать секретные приготовления к войне.

– Выходите в море, капитан.

– Да, господин.

К полудню они пересекли границу между провинциями Тотоми и Идзу и оказались напротив мыса Ито, самой южной точки полуострова Идзу. Ветер был попутный, качка умеренная, единственный грот прибавлял скорости.

Потом, ближе к земле, в глубоком проливе между полуостровом и маленькими скалистыми островками, когда они повернули к северу, их настиг долетевший с берега зловещий грохот.

Все весла остановились.

– Что это, Господи... – Глаза Блэкторна метнулись к суше.

Внезапно в утесах образовалась громадная трещина, и миллионы тонн горной породы лавиной обрушились в море. Вода, казалось, на миг вскипела. Небольшая волна дошла до галеры, потом вернулась. Сход лавины прекратился. Снова послышался грохот, теперь более низкий и раскатистый, но отдаленный. С утесов посыпались обломки. Все напряженно вслушивались и ждали, следя за скалами. Крики чаек, шум прибоя и ветра. Потом Торанага сделал знак старшему над гребцами, который сразу же поднял колотушку. Заработали весла. Жизнь на корабле опять вошла в нормальное русло.

– Что это? – спросил Блэкторн.

– Просто землетрясение. – Марико недоумевала: – У вас не бывает землетрясений?

– Нет. Никогда. Я не видел подобного раньше.

– О, у нас они бывают часто, Андзин-сан. Это еще ничего, маленькое. Главные толчки произошли не здесь, может быть, далеко в море. Или здесь, но толчок был слабый, вот и все. Вам повезло увидеть маленькое землетрясение.

– Мне почудилось, будто трясется вся земля. Могу поклясться, что я видел... Мне доводилось слышать о землетрясениях. В Святой земле и в Турции они иногда случаются. Боже мой! – Он судорожно вздохнул, его сердце все еще бешено колотилось. – Могу поклясться, что видел, как качался весь утес!

– О да, Андзин-сан. Когда вы на земле, это самое ужасное чувство, какое только переживаешь в этом мире. Оно начинается без предупреждения, Андзин-сан. Землетрясения идут волнами – иногда боковыми, иногда вверх-вниз, иногда быстро следуют три или четыре удара. Порой за маленьким землетрясением через день следует большое. Здесь нет определенной системы. Самое сильное землетрясение, которое я пережила, произошло ночью, шесть лет назад, близ Осаки, на третий день месяца падающих листьев. Дом обрушился на нас, Андзин-сан. Мы не пострадали, ни я, ни мой сын. Мы откопали себя. Толчки продолжались неделю или больше, некоторые достигали значительной силы, некоторые – чрезвычайной. Новый замок тайко в Фусими был разрушен полностью. Сотни тысяч людей пропали во время землетрясения и пожаров, которые начались после него. Это самая грозная опасность, Андзин-сан, – пожары, которые бушуют после землетрясения. Наши города и селения так

легко исчезают с лица земли. Иногда сильные землетрясения происходят далеко в море, и есть поверье, что они порождают великие волны – в десять или двадцать футов высотой. Они возникают без предупреждения в разные времена года. Большая волна приходит из моря, обрушивается на наши берега и мчится вглубь суши. Могут пропасть целые города. Несколько лет назад такой волной был частично разрушен Эдо.

– Это у вас обычное явление? Каждый год?

– О да. Каждый год на Земле богов случаются землетрясения на суше. И пожары, и наводнения, и большие волны, и ужасные штормы – тайфуны. Природа очень жестока к нам. – На глаза ее навернулись слезы. – Может быть, именно поэтому мы так любим жизнь, Андзин-сан. Видите ли, мы так живем. Смерть разлита в нашем воздухе, скрывается в море и в земле. Вам следует знать, Андзин-сан, в этой Стране слез смерть неотрывна от жизни.

Часть третья

Глава 30

– У тебя все готово, Мура?

– Да, Оми-сан, думаю, да. Мы выполнили все ваши приказания очень точно. И то, что приказал Игураси-сан.

– Надеюсь, а то вечером здесь уже будет другой староста, – пригрозил Игураси, главный приспешник Ябу.

От недосыпа у Игураси покраснел, налившись кровью, единственный глаз. Он вчера прибыл из Эдо с первым отрядом самураев и специальными наставлениями.

Мура не ответил – только кивнул, не поднимая глаз.

Они стояли на берегу, возле пристани, перед безмолвными рядами насмерть перепуганных и уставших крестьян. Все жители деревни, от мала до велика, за исключением больных и младенцев, ждали прибытия галеры, одетые в лучшее свое платье. Улицы вылизали и вычистили, наведя порядок, какой бывал только перед Новым годом, когда, следуя древнему обычаю, вся страна наводила чистоту. Рыбачьи лодки расположили правильными рядами, сети тщательно свернули, канаты смотали в ровные бухты. Даже песок на побережье залива аккуратно разрыхлили граблями.

– Ничего не случится, Игураси-сан, – успокаивающе произнес Оми.

Он почти не спал последнюю неделю, с того самого момента, как из Осаки с почтовым голубем Торанаги прибыли приказы от Ябу. Сразу же отрядил всю деревню, всех трудоспособных жителей на двадцать ри вокруг, готовить Андзиро к приезду самураев и Ябу. И теперь, когда Игураси сообщил ему на ухо, по большому секрету, что великий даймё Торанага и его, Оми, дядя успешно избежали ловушки Исидо, он был доволен, что не поспешил.

– Не стоит так беспокоиться, Игураси-сан. Это мой надел, и за него отвечаю я.

– Да, конечно. – Игураси презрительным взмахом отослал Муру и уже спокойно добавил: – Отвечаете вы. Но не обижайтесь, я бы никому не пожелал увидеть нашего господина в гневе. Если мы что-нибудь упустили или эти говноеды что-то сделали не так, наш господин еще до конца завтрашнего дня превратит весь ваш надел в громадные

навозные кучи. – Широким шагом он направился к начальнику своего отряда.

В это утро с севера, из Мисимы, вотчины Ябу, прибыли последние отряды самураев. Теперь они расположились на берегу, на деревенской площади и склоне горы, вооруженные сверкающими пиками, и ветер трепал знамена над их головами. Три тысячи отборных самураев из войска Ябу. Пятьсот всадников.

Оми не тревожился. Он сделал все возможное и лично проверил все, что можно было проверить. А если что-то забыл, это карма. «Но все шло нормально, и затруднений не предвиделось», – думал он возбужденно. Было израсходовано пятьсот коку – больше всего годового дохода Оми до того, как Ябу увеличил надел племянника. Оми колебался, решая, сколько потратить, но жена Мидори убедила его не скупиться, ибо расходы – ничто в сравнении с той честью, которую господин Ябу оказывает им. «А когда придет господин Торанага, кто знает, какие новые возможности могут открыться перед вами?» – шептала она.

«Мидори была права», – подумал Оми, гордясь женой.

Он еще раз осмотрел берег и деревенскую площадь: вроде все в полном порядке. Мидори и его мать ждали под навесом, сооруженным к прибытию Ябу и его гостя, Торанаги. Оми заметил, что мать не закрывает рта, и пожелал Мидори терпеливо сносить бесконечные упреки. Он разгладил складки на своем безупречном кимоно, поправил мечи и посмотрел на море.

– Слушайте, Мура-сан, – прошептал с опаской рыбак Уо, один из четырех деревенских старейшин, стоявших на коленях рядом со старостой перед остальными, – я так боюсь, знаете. Как бы не обмочиться прямо на песок.

– Потерпи, старина. – Мура сдержал улыбку.

Лицо Уо, широкоплечего человека-горы с огромными руками и сломанным носом, приняло болезненное выражение.

– Потерплю, но, кажется, сейчас немножко испорчу воздух. – Уо был известен любовью к соленым шуткам, силой и способностью пускать ветры.

– Э-э, может быть, лучше не надо, – хихикнул невысокий сухопарый рыбак Хару. – Один из этих дерьмоголовых может обидеться.

Мура прошипел:

– Вам же приказали не называть так самураев, пока хоть один остается около деревни.

«Ох-хо-хо, – подумал он устало, – надеюсь, все сделали, ничего не забыли». Мура взглянул на склон горы, на бамбуковый частокол вокруг временного укрепления, которое крестьяне соорудили с такой скоростью и с таким трудом. Триста человек копали, носили, строили. Куда проще оказалось возвести еще один дом. Он располагался на холме, сразу под домом Оми, и сейчас Мура видел это строение, уступавшее размерами жилищу самурая, но крытое черепицей, с наспех разбитым садом и баннным домиком. «Видимо, сюда переедет Оми, а свой дом отдаст господину Ябу», – заключил про себя Мура.

Он оглянулся на мыс, из-за которого в любой миг могла показаться галера. «Скоро на берег вступит Ябу, и все мы окажемся в руках богов, ками, Бога Отца, Его Сына и Мадонны, ох-хо-хо! Святая Мадонна, защити нас! Не оставь своей милостью. Всего несколько следующих дней. Оборони нас, нашего господина и повелителя! Я зажгу пятьдесят свечей, а мои сыновья обязательно примут истинную веру», – пообещал Мура.

Сегодня Мура искренне радовался тому, что он христианин и может ходатайствовать перед единым Богом за свою деревню. Он стал христианином в молодости из-за своего сюзерена, который перешел в новую веру и сразу же приказал всем своим людям сделать то же. И когда двадцать лет назад его господин пал в битве, сражаясь на стороне Торанаги с войсками тайко, Мура остался христианином в память о нем. «Хороший воин имеет только одного повелителя, – думал он, – одного настоящего повелителя».

Ниндзина, круглолицего крестьянина с крепкими зубами, особенно заботило присутствие множества самураев.

– Мура-сан, прошу прощения, но вы совершаете ошибку. Этим утром было небольшое землетрясение, это знак богов, предзнаменование. Вы совершаете ужасную ошибку, Мура-сан.

– Что сделано, то сделано, Ниндзин. Забудь об этом.

– Как я могу? Когда в моем погребе...

– Кое-что есть и в моем погребу. У меня самого полно всякого, – вмешался Уо, больше уже не улыбаясь.

– Нигде ничего нет. Ничего, друзья, – предупредил Мура осторожно. – Нет и не было.

По его приказу тридцать коку риса, украденных у самураев, были припрятаны по всей деревне вместе с другими припасами, снаряжением – и оружием...

– Не надо оружия! – убеждал его тогда Уо. – Рис – да, конечно, но не оружие!

– Надвигается война.

– Нам не разрешается иметь оружие! – кричал Ниндзин.

Мура фыркнул:

– Это новый закон, ему всего двадцать лет. Прежде у нас имелось какое угодно оружие, и мы не были привязаны к деревне. Могли ходить куда захотим и делать что хотим. Крестьяне становились ратниками, рыбаками, торговцами, даже самураями. Некоторым это удавалось. Вы знаете, что я говорю правду.

– Да, но теперь другое время, Мура-сан, совсем другое. Тайко приказал, чтобы все стало по-иному!

– Скоро будет по-прежнему. Мы снова пойдем воевать.

– Тогда давайте подождем, – просил Ниндзин, – ну пожалуйста! Пока это противозаконно. Если закон изменится – другое дело. Значит, такова карма. Тайко издал указ: не иметь оружия. Никакого. Под страхом немедленной казни.

– Да откройте вы все глаза! Тайко умер! И я вам говорю, скоро Оми-сан придется готовить людей к войне. Большинство из нас должны будут воевать, понимаете? Мы ловим рыбу и воюем, все в свое время. Разве не так?

– Да, Мура-сан, – согласился Уо, подавляя страх. – До тайко мы не были так привязаны к одному месту.

– Нас поймают, они нас поймают. – Ниндзин даже вспотел. – Они не пощадят нас. Сварят в кипятке, как того чужеземца.

– Помалкивай о чужеземце!

– Послушайте, друзья, – произнес Мура, – у нас больше никогда не будет такой возможности. Это послано нам Богом. Или богами. Мы должны припрятать каждый нож, меч, мушкет, щит, лук, каждую стрелу или пику, какие только сможем раздобыть. Самураи подумают, что их украли другие самураи – разве мало их съехалось сюда со всей провинции Идзу? И разве один самурай поверит другому? Мы должны

отобрать у них исключительное право на войну. Мой отец был убит в бою – как и твой, и вот его. Ниндзин, в скольких битвах ты участвовал – в десяти, да? Уо, а ты? В двадцати? Тридцати?

– Берите больше. Разве я не служил тайко? Чтоб ему было пусто в другой жизни! Да, прежде чем стать тайко, он был человеком. Это точно! Потом что-то изменило его, правда? Ниндзин, не забывай, что Мура-сан – староста! И его отец тоже был старостой! Если староста говорит: вооружайтесь, значит нужно вооружаться.

...И теперь Мура убедился, что поступил правильно. Новая война продлится очень долго, их мир опять станет таким, каким был всегда. Деревня никуда не денется, вместе с ее лодками и жителями. Потому что все люди: крестьяне, даймё, самураи и даже *эта* – должны есть, а в море можно ловить рыбу. Так что, как и прежде, воины-поселяне будут время от времени отвлекаться от войны, чтобы спустить на воду свои лодки...

– Смотрите! – вскрикнул Уо, непроизвольно взмахнув рукой, и наступила тишина.

Галера огибала мыс.

Фудзико смиренно стояла перед Торанагой на коленях в самой большой каюте, где даймё расположился на время плавания. Они были одни.

– Я прошу вас, господин, – умоляла она, – не склоняйте меня к такому.

– Это приказ.

– Я повинуюсь, конечно, но я... я не могу...

– Не можете? – вспыхнул Торанага. – Как вы осмеливаетесь спорить! Я приказал вам стать наложницей капитана, а вы осмеливаетесь спорить со мной?

– Извините, господин, простите великодушно, – заторопилась Фудзико – слова прямо хлынули из нее. – Я не смею спорить с вами. Я только хотела сказать, что не могу исполнить ваш приказ надлежащим образом. Прошу вас, поймите меня! Простите меня, господин, но это невозможно для меня – быть счастливой или изображать счастье. – Она склонила голову, уткнувшись лбом в футон. – Я смиренно прошу дозволения совершить сэппуку.

– Я уже говорил, что не одобряю бессмысленной смерти. Вы мне нужны.

– Но пожалуйста, господин. Я хочу умереть. Смиренно прошу вас. Я хочу соединиться с мужем и сыном.

Голос Торанаги обрушился на нее, перекрыв все звуки на галере:

– Я уже отказал вам в этой чести. Вы не стоите ее. Только ради вашего деда, моего старого друга Хиромаци, я терпеливо выслушиваю ваши неприличные отговорки. Достаточно нести вздор, женщина!

– Я почтительно прошу разрешения стать монахиней. Будда...

– Нет! Я отдал другой приказ. Выполняйте его!

– Выполнять? – спросила она, не поднимая головы, лицо ее окаменело. Потом еле слышно она пробормотала: – Я думала, мне будет приказано возвратиться в Эдо.

– Вам приказано быть здесь, на корабле! Вы забыли свое положение, свой род, свои обязанности! Я недоволен вами. Идите и готовьтесь!

– Я хочу умереть. Пожалуйста, позвольте мне присоединиться к ним, господин!

– Ваш муж родился самураем по ошибке. Он был ничтожен, как и его потомство. Этот глупец чуть не погубил меня. Присоединиться к ним? Что за вздор! Вам запрещено совершать сэппуку! А теперь ступайте! – (Но она не двигалась.) – Может быть, мне лучше отправить вас к *эма*? В один из их домов. Может быть, там вы вспомните о достойном поведении и долге?

Дрожь охватила ее, однако она вызывающе бросила:

– По крайней мере, они японцы!

– Я – ваш сюзерен. Вы должны выполнять мои приказы.

Фудзико заколебалась. Потом пожала плечами:

– Да, господин, прошу прощения за мои плохие манеры. – Она положила руки на футон, низко склонила голову, голос ее звучал покаянно. Но в глубине души Фудзико не смирилась, и оба знали, что она собирается сделать. – Господин, я искренне извиняюсь, что обеспокоила вас, разрушила *ва*, вашу гармонию. Простите мое недостойное поведение. Вы были правы, а я нет. – Она встала и тихонько направилась к двери.

– Если я исполню ваше желание, – закинул крючок Торанага, – исполните ли вы мое, но искренне, всем сердцем?

Она медленно оглянулась:

– Но сколько это продлится, господин? Дозволено ли мне будет узнать, сколько времени я должна оставаться наложницей чужеземца?

– Год.

Она отвернулась и взялась за ручку двери.

Торанага уступил:

– Полгода.

Рука Фудзико замерла. Дрожа, она уткнулась лбом в дверь.

– Да. Благодарю вас, господин. Спасибо.

Торанага встал и подошел к двери. Фудзико открыла ее перед господином, поклонилась ему через порог и закрыла за ним дверь. И только тогда заплакала.

Она тоже была самураем.

Торанага вышел на палубу, очень довольный собой. Он достиг желаемого малыми усилиями. «Нажми я слишком сильно, эта женщина взбунтовалась бы и покончила с собой без разрешения. Но теперь она попытается угодить. Очень важно, чтобы она по своей воле стала наложницей капитана, хотя бы на посторонний взгляд. А шести месяцев будет более чем достаточно. Иметь дело с женщинами намного легче, чем с мужчинами, – подумал он удовлетворенно. – В определенных вещах, конечно».

Тут он увидел самураев Ябу, столпившихся вокруг бухты, и его хорошее настроение улетучилось.

– Добро пожаловать в Идзу, господин Торанага! – воскликнул Ябу. – Я вызвал сюда несколько человек, чтобы они сопровождали вас.

– Хорошо.

Еще двести ярдов отделяло галеру, плавно подходившую к берегу, от пристани, но уже можно было разглядеть Оми и Игураси, навес и футоны.

– Все сделано так, как мы договаривались в Осаке, – доложил Ябу. – И почему бы вам не погостить у меня несколько дней? Вы оказали бы мне большую честь и провели время с пользой. Отобрали бы двести пятьдесят человек для мушкетного полка и встретились бы с их предводителем.

– Ничего приятнее и представить не могу, но я должен оказаться в Эдо как можно быстрее, Ябу-сан.

– Два или три дня? Оставайтесь! Отдых, хорошая еда, охота.

Торанага отчаянно искал выход. Оставаться здесь с пятьюдесятью самураями охраны было бы неразумно. Тем самым он целиком отдал бы себя во власть Ябу. «Исидо, по крайней мере, предсказуем и связан определенными правилами. Но Ябу? Ябу вероломен, как акула. Нельзя искушать акул, – сказал он себе. – Особенно когда они шныряют в родных водах. И тем более искушать своей жизнью». Он знал, что сделка, заключенная с Ябу в Осаке, не стоит даже их мочи, пролившейся на землю. Ябу надеется гораздо больше получить от Исидо. И преподнесет тому голову Торанаги на деревянном блюде, как только поймет, что выгадает от этого намного больше, чем готов предложить Торанага. Убить его или сойти на берег – иного не дано.

– Вы слишком добры, – произнес он. – Но я должен как можно быстрее попасть в Эдо.

«Никогда бы не подумал, что Ябу за это время успеет собрать столько воинов. Неужели он сумел разгадать наши условные слова?»

– Пожалуйста, разрешите мне проявить настойчивость, Торанага-сама. Здесь в окрестностях очень хорошая охота. У меня есть ловчие соколы. Немного поохотиться после заточения в Осаке было бы неплохо, правда?

– Да, заманчивое предложение. Очень жаль, что мои соколы остались там.

– Но они ведь не пропали. Хиромацу, конечно же, привезет их с собой в Эдо?

– Я приказал ему выпустить птиц сразу же, как только нам удастся уехать. Боюсь, они, пока летят в Эдо, растеряют все навыки и будут неспособны к охоте. Одно из немногих моих правил: выпускать соколов, которых я сам натаскивал, а не отдавать другим хозяевам. Так они повторяют лишь мои ошибки.

– Это хорошее правило. Мне хотелось бы узнать и другие. Может быть, сегодня вечером, за ужином?

«Мне нужна эта акула, – с горечью подумал Торанага. – Убивать ее сейчас рано».

На пристань бросили два каната со ставшей к ней бортом галеры. Весла убрали. Спустили трап, и Ябу взошел на верхнюю ступеньку.

Самураи, стоявшие плотными рядами, издали свой боевой клич: «Касиги! Касиги!» Их рев спугнул всех чаек, которые, пронзительно

гомоня, взмыли в небо. Самураи все как один поклонились.

Ябу поклонился в ответ, повернулся к Торанаге и широко повел рукой:

– Прошу на берег!

Торанага глянул на стену воинов, на жителей деревни, расprostертых на песке, и в голове его пронеслось: «Неужели я умру от меча, как предсказывал китаец? Ведь первая часть пророчества исполнилась: мое имя начертано на стенах Осаки».

Он отогнал прочь эту мысль. Сходя по трапу, громко и повелительно крикнул своим пятидесяти самураям, облаченным в коричневое, как и он сам:

– Всем оставаться здесь. Команде быть готовой к немедленному отплытию! Марико-сан, вы проведете в Андзиро три дня. Сойдите на берег с капитаном и Фудзико-сан сейчас же и ждите меня на площади. – Тут он, к удивлению Ябу, еще больше повысил голос: – Готовьтесь, Ябу-сан, сейчас я проведу смотр вашим полкам! – Он ступал вслед за Ябу по ступенькам трапа со всем высокомерием бывалого вояки, каким и являлся.

Ни один военачальник в стране не выиграл больше битв, ни один не был столь искусен в ратном деле. За исключением тайко, но тайко умер. Никто из полководцев не прошел столько сражений, не выказал такой выносливости, не положил столько людей на поле брани. Торанага не знал поражений.

По берегу разнесся удивленный гул – его узнали. Появление великого даймё стало полной неожиданностью. Его имя передавалось из уст в уста, и этот шепот, страх, который он внушал, радовали его. Он слышал шаги Ябу за собой, но не оглядывался.

– А-а, Игураси-сан! – протянул он с добродушием, которого не чувствовал. – Рад повидаться с тобой. Давай пойдем вместе посмотрим твоих молодцов.

– Да, господин.

– А ты, должно быть, Касиги Оми-сан. Твой отец – мой старый товарищ по оружию. Ты тоже пойдешь со мной.

– Да, господин, – ответил Оми, вырастая на глазах от оказанной ему чести. – Благодарю вас.

Торанага резко ускорил шаг. Он увлек за собой встречающих, чтобы не дать им украдкой переговорить с Ябу, ибо жизнь его зависит

от того, удержит ли он инициативу в своих руках.

– Ты был с нами в битве при Одаваре, Игураси-сан? – спросил он, уже зная, что именно там самурай потерял глаз.

– Да, господин. Имел такую честь. Я был с господином Ябу, на правом крыле войска тайко.

– О, вы занимали почетное место – там было самое пекло.

– Мы разгромили врага, господин. Единственные выполнили свой долг. – Игураси, ненавидевший Торанагу, испытал невольную благодарность.

Тем временем они оказались перед строем первого полка. Голос Торанаги гремел:

– Да, вы и люди Идзу очень помогли нам тогда. Может быть, если бы не вы, мы бы не одолели Канто! А, Ябу-сама? – добавил он, внезапно останавливаясь и этим обращением удостаивая Ябу прилюдных почестей.

Неожиданная лесть вывела Ябу из равновесия. Он уже сожалел, что столь необдуманно предложил Торанаге проинспектировать свое войско.

– Может быть, но я сомневаюсь. Тайко приказал уничтожить клан Бэппу. Поэтому тот был уничтожен, – заметил он...

Это было десять лет назад, когда один только могучий и древний род Бэппу, возглавляемый Бэппу Гэндзаэмоном, противостоял объединенным силам Накамуры, будущего тайко, и Торанаги, являя собой последнее и главное препятствие на пути Накамуры к полному владычеству над страной. Столетиями Бэппу владели Восемью Провинциями, Канто. Сто пятьдесят тысяч человек осаждали их оплот – город-крепость Одавара, который сторожил перевал, ведущий через горы в невероятно богатые и плодородные равнины, где растили рис. Противостояние длилось одиннадцать месяцев. Новая наложница Накамуры, высокородная госпожа Отиба, юная красавица, едва достигшая восемнадцати лет, прибыла в лагерь своего господина, разбитый у крепостных стен, с младенцем на руках, и Накамура едва не впал в детство, радуясь рождению своего первенца. Госпожу Отибу сопровождала ее младшая сестра Гэндзико, которую Накамура прочил в жены Торанаге.

«Господин, – сказал тогда Торанага, – я, конечно, буду польщен, если наши дома еще больше сблизятся, но пусть лучше на госпоже

Гэндзико женится мой сын и наследник Судара».

Ушло немало времени на то, чтобы убедить Накамуру. Когда же о его решении сообщили госпоже Отибе, та сразу встала на дыбы:

– При всем моем уважении, господин, я возражаю против этого брака.

Накамура рассмеялся:

– Я тоже. Сударе только десять, а Гэндзико тринадцать. Тем не менее они помолвлены и поженятся на его пятнадцатилетие.

– Но, господин, Торанага уже ваш зять, не так ли? Разве недостаточно этой родственной связи? Вы желаете более тесного родства с Фудзимото и Такасима и далее императорским двором?

– Они там все дерьмоголовые при дворе, и все в заложниках, – пробасил Накамура своим грубым крестьянским голосом. – Слушай, О-тян, у Торанаги семьдесят тысяч самураев. Когда мы разгромим Бэппу, он получит Канто и народу у него еще прибавится. Моему сыну потребуются такие вожди, как Ёси Торанага, недаром даже я нуждаюсь в нем. А в один прекрасный день моему сыну потребуется Ёси Судара. Лучше пусть Судара будет дядей моему сыну. Твоя сестра помолвлена с Сударой, и он некоторое время поживет с нами, ладно?

Торанага охотно отдавал своего сына и наследника в заложники.

– Но сначала ты и Судара поклянетесь в вечной преданности моему сыну, – предупредил его Накамура.

Так и случилось. Потом на десятый месяц осады первый ребенок Накамуры умер от лихорадки или заражения крови, а может, от чар злых ками.

– Видно, все боги прокляли Одавару и Торанагу, – бушевала Отиба. – Это Торанага виноват, что мы здесь, – он хочет завладеть Канто. Это его вина, что наш сын мертв. Он ваш враг. Он желает вашей и моей смерти! Отправьте его на тот свет или прикажите пошевеливаться. Пусть он ведет войска в бой и заплатит своей жизнью за жизнь нашего сына! Я требую возмездия...

Так Торанага пошел в наступление. Он взял Одавару, заложив мину под стену и проведя лобовую атаку. Убитый горем Накамура поверг цитадель в прах. После падения крепости и истребления всех Бэппу страна покорила Накамуру, который стал первым кампаку, а потом тайко. Но в боях за Одавару погибли очень многие.

«Слишком многие», – подумал Торанага, вернувшись мыслями из Одавары в сегодняшний день. Он посмотрел на Ябу:

– Жаль, что тайко умер, не правда ли?

– Да.

– Мой шурин был великим вождем. И хорошим учителем. Как и он, я никогда не забываю друзей. И врагов тоже.

– Скоро и господин Яэмон станет взрослым. Он унаследовал дух тайко. Господин Тора... – Но прежде чем Ябу смог остановить инспекцию, Торанага уже двинулся дальше, и Ябу ничего не оставалось, как следовать за ним.

Торанага шел вдоль рядов, источая добродушие, обращаясь то к одному, то к другому, узнавая некоторых. Его глаза не оставались безучастными, когда он извлекал из памяти лица и имена. Он умел каждому дать почувствовать, хотя бы и на мгновение, что великий военачальник смотрит на него одного, разговаривает как с одним из своих друзей. Торанага делал то, что должен был делать, что проделывал тысячу раз, – подчинял людей своей воле.

К тому времени как они обошли весь строй, Ябу, Игураси и Оми успели взмокнуть. Но Торанага выглядел неутомимым, и, прежде чем Ябу смог остановить его, он взшел на самую удобную точку и встал там один, высоко над всеми.

– Самураи Идзу, вассалы моего друга и союзника, Касиги Ябу-сама! – выкрикнул он своим зычным голосом. – Для меня честь быть здесь с вами. Я удостоен чести лицезреть воинство Идзу, часть войск моего могучего союзника. Слушайте, самураи! Черные тучи собираются над страной и угрожают миру тайко. Мы должны защитить то, что он нам оставил, пресечь измену на самом верху! Пусть каждый будет готов! Точите мечи! Вместе мы будем защищать его волю! И мы одолеем! Боги Японии помогут нам! Они безжалостно уничтожат всех, кто противостоит наказам тайко! – Здесь он поднял обе руки, издав боевой клич: – Касиги! – и – невероятно – поклонился войску и замер.

Все смотрели на него. Потом общий рев: «Торанага!» – донесся до него и накатывался снова и снова. Все самураи поклонились в ответ.

Даже Ябу поклонился, захваченный силой общих переживаний.

Прежде чем Ябу успел выпрямиться, Торанага стал спускаться с холма, все убыстряя шаг.

– Иди с ним, Оми-сан! – приказал Ябу. Самому ему не подобало бежать за Торанагой.

– Да, господин.

Когда Оми ушел, Ябу спросил Игураси:

– Какие новости из Эдо?

– Госпожа Юрико, ваша жена, в первую голову просила сказать вам, что по всему Канто собирают войска. Внешне все спокойно, но внутри кипит. Она считает, что Торанага готовится к войне – внезапному выступлению, может быть, против самой Осаки.

– А что ты слышал об Исидо?

– Ничего до самого нашего отъезда пять дней назад. Никаких слухов о бегстве Торанаги. Я узнал об этом только вчера из письма, которое ваша госпожа отправила с почтовым голубем из Эдо.

– А Дзукимото уже наладил связь?

– Да, господин.

– Хорошо.

– Его послание гласило: «Торанага успешно бежал из Осаки на галере с нашим господином. Готовьтесь принять их в Андзиро». Я решил, что это лучше держать в секрете ото всех, кроме Оми-сана, но мы подготовились.

– Как?

– Я объявил о «военных учениях», господин, по всей провинции Идзу. В течение трех дней будут перекрыты все дороги и перевалы, если вы того хотите. На севере собран флот – якобы пиратский, – который готов перехватить любое судно, идущее без сопровождения, днем или ночью, если на то будет ваша воля. Для вас и гостя, какой бы он ни был важный, приготовлено жилье на тот случай, коли вы надумаете остановиться здесь.

– Хорошо. Что еще? Есть другие новости?

Игураси не хотелось говорить о новостях, которых он не понимал.

– Мы приготовились ко всему. Но этим утром из Осаки пришло тайное сообщение: «Торанага отказался от должности в Совете регентов».

– Невероятно! Почему он это сделал?

– Я не знаю. Не могу поверить. Но это должно быть правдой, потому что прежде мы никогда не получали неверных сведений из того источника, господин.

– Госпожа Садзуко? – осторожно спросил Ябу, упомянув самую молодую наложницу Торанаги, чья служанка была его платной осведомительницей.

Игураси кивнул:

– Да. Но я сбит с толку. Теперь регенты выразят Торанаге недоверие, да? Они прикажут ему покончить с собой. Это было сумасшествием – подать в отставку, да?

– Должно быть, Исидо вынудил его. Но как? Об этом не было никаких разговоров. Торанага никогда не подписал бы подобного сам! Ты прав: это поступок сумасшедшего. Он погиб, если сделал такое. Это, видимо, фальшивка.

Ябу в смятении сошел с холма и смотрел, как Торанага пересекает площадь, направляясь к Марико и чужеземцу, которых сопровождала Фудзико. Потом Марико пошла куда-то вместе с Торанагой, остальные ждали на площади. Торанага шагал быстро и решительно. Затем Ябу заметил, как великий даймё вручил Марико маленький пергаментный свиток, и страшно заинтересовался, что в нем и что при этом говорилось. «Какую еще уловку измыслил Торанага?» – спросил он себя, жалея, что с ним нет Юрико, готовой помочь мудрыми советами.

У пристани Торанага остановился. Он не поднялся на корабль, под защиту своих людей, зная, что окончательное решение должно быть принято на берегу. Бежать ему не позволят. Еще ничего не решилось. Он смотрел, как подходят Ябу и Игураси. То, как плохо Ябу давалось спокойствие, о многом сказало Торанаге.

– Да, Ябу-сан?

– Вы останетесь здесь на несколько дней, господин Торанага?

– Мне лучше сразу уехать.

Ябу сделал знак всем отойти так, чтобы их не было слышно. Через мгновение лишь они двое остались на дороге.

– У меня плохие новости из Осаки. Вы отказались и дальше возглавлять Совет регентов?

– Да. Я подал в отставку.

– Тогда вы убили себя. Вы погубили ваше дело, всех ваших вассалов, союзников! Вы похоронили Идзу и убили меня!

– Совет регентов, конечно, может при желании отобрать ваши земли и вашу жизнь.

– Клянусь всеми богами, живыми, мертвыми и теми, что должны родиться... – Ябу с усилием сдерживал свои чувства. – Извините меня за плохие манеры, но вы... вы заняли странную позицию... Да, я извиняюсь. – Не было веской причины обнаруживать эмоции. Это считалось неприличием, потерей лица. – Тогда вам лучше остаться здесь, господин Торанага.

– Я предпочел бы уехать немедленно.

– Здесь вы или в Эдо, какая разница? Приказ регентов придет немедленно. Я думаю, вы захотите сразу же совершить сэппуку. Я почел бы за честь помочь вам.

– Благодарю вас. Но пока приказа нет, я, пожалуй, проживу еще.

– Какое значение имеют день или два? Приказ придет неизбежно. Я сделаю все приготовления, все будет безупречно. Вы можете положиться на меня.

– Спасибо. Да, я понимаю, зачем вам понадобилась моя жизнь.

– Мою жизнь отнимут тоже. Если я отправлю вашу голову Исидо или убью вас и покаюсь, это может задобрить его, но надежды мало.

– Доведись мне оказаться на вашем месте, я бы мог потребовать награды за такую голову. Но, к сожалению, моя голова вам не поможет.

– Я склонен согласиться. Хотя стоит попробовать. – Ябу со злостью сплюнул в пыль. – Я заслуживаю смерти за то, что был глуп и втянулся в эти дерьмовые игры вокруг власти.

– Исидо не раздумывая возьмет вашу жизнь. Но сначала он возьмет Идзу. О да, Идзу пропадет, если он получит власть.

– Не смейтесь надо мной. Я знал, что подобное должно было случиться!

– Я не смеюсь над вами, мой друг, – отозвался Торанага, радуясь, что Ябу ведет себя так недостойно. – Я только сказал, что, если к власти придет Исидо, Идзу получит его родственник Икава Дзукю. Но, Ябу-сан, Исидо не имеет власти. Пока. – И он рассказал Ябу «как другу», почему отказался от регентства.

– Совет обезглавлен! – не мог поверить Ябу.

– *Нет никакого Совета.* Он не сможет править, пока не изберут пятого регента, – улыбнулся Торанага. – Подумайте об этом, Ябу-сан. Сейчас я сильнее, чем когда-либо. Исидо обезврежен, и Дзукю тоже. Вы получите столько времени, сколько вам нужно, чтобы подготовить ваших стрелков. Сейчас у вас есть Суруга и Тотоми. Через несколько

месяцев вы увидите голову Дзикю на острие копья, как и головы всех его родственников, вступите во владение новыми землями. – Он резко повернулся и крикнул: – Игураси-сан! – Пятьсот человек слышали его команду. Игураси припустил к ним, но не успел сделать и трех шагов, как Торанага приказал: – Приведи сюда почетный караул! Пятьдесят человек! Немедленно!

Он не хотел давать Ябу передышку, чтобы тот не обнаружил огромных изъянов в его доводах. Коли уж Исидо бессилён и не имеет власти, голова Торанаги на деревянном блюде становится поистине бесценным даром для него, а значит, и для Ябу. Более того, связанный по рукам и ногам, как презренный преступник, и доставленный живым к воротам Осацкого замка, Торанага послужит для Ябу ключами к Канто.

Пока строился почетный караул, Торанага громко провозгласил:

– По этому случаю, Ябу-сама, не примете ли вы от меня этот знак дружбы? – Он вынул из ножен свой боевой меч и, уложив его плашмя на ладони, преподнес Ябу.

Ябу принял клинок как во сне. Это был бесценный дар. Родовое наследие Миновара, известное всей стране оружие, которым Торанага владел уже пятнадцать лет. Он получил его в дар от Накамуры перед собравшимися со всей страны даймё, кроме Бэппу Гэндзаэмона, как часть платы по тайному соглашению...

Это случилось вскоре после битвы при Нагакудэ, задолго до появления госпожи Отибы. Торанага недавно победил Накамуру, будущего тайко, который еще только рвался наверх. Без императорской грамоты, формальных полномочий или официального титула достижение абсолютной власти все еще оставалось под вопросом. Вместо того чтобы собрать громадное войско и разделаться с Торанагой, следуя обычной своей тактике, Накамура решил с ним примириться. Он предложил Торанаге заключить договор о дружбе и тесном союзничестве и – для скрепления уз – взять в жены его сводную сестру. То, что бедняжка уже состояла в браке и давно вышла из юного возраста, не волновало ни Накамуру, ни Торанагу. Этот последний согласился на договор. Муж сосватанной женщины, один из вассалов Накамуры, благодарный богам за то, что ему предложили развод, а не сэппуку, с радостью отослал супругу обратно к сводному брату. Торанага немедленно женился на ней со всеми подобающими

почестями и церемониями, но в тот же день заключил тайный пакт с враждебным Накамура кланом Бэппу, который в то время еще крепко сидел в Канто, угрожая незащищенным тылам Торанаги.

После этого Торанага выехал на соколиную охоту, ожидая неминуемой атаки Накамуры. Но ее не последовало. Вместо этого, сколь ни удивительно, Накамура послал свою уважаемую и любимую мать в лагерь Торанаги – якобы навестить новобрачную, ее падчерицу, а на деле как заложницу, – а затем пригласил Торанагу на большую встречу всех даймё, которую устраивал в Осаке. Торанага думал долго и мучительно, но все-таки принял приглашение, дав знать своему союзнику Бэппу Гэндзаэмону, что неразумно было бы ехать им обоим. Он тайно заслал шестьдесят тысяч самураев в Осаку на случай предполагаемой измены Накамуры и оставил своего старшего сына Нобору на попечение своей новой жены и ее мачехи. Нобору сразу же наташил громадную кучу сухого, как трут, хвороста к стенам резиденции и прямо объявил, что подожжет все это, если с его отцом что-нибудь случится.

Торанага улыбнулся, вспоминая. В ночь перед тем, как он должен был приехать в Осаку, Накамура, что было совершенно необычно, нанес ему тайный визит, один и без оружия.

– Хорошая встреча, Тора-сан.

– Рад вас видеть, господин Накамура.

– Слушайте, мы слишком долго воевали, знаем слишком много тайн и слишком много раз мочились в один горшок, чтобы нам хотелось обрызгать свои ноги или ноги друг друга.

– Согласен, – осторожно произнес Торанага.

– Тогда слушайте: я в двух шагах от того, чтобы захватить всю страну. Дабы получить полную власть, я должен завоевать доверие древних кланов, хозяев наследственных наделов, современных наследников Фудзимото, Такасима и Миновара. Как только я приберу к рукам власть, любой даймё или сразу три станут мочиться кровью, если я только этого пожелаю.

– Я всегда уважал вас.

Маленький обезьянолицый человек от всей души расхохотался:

– Вы честно выиграли битву при Нагакудэ. Вы лучший военачальник, какого я когда-либо знал, и величайший даймё в государстве. Но сейчас нам пора прекратить все эти игры. Слушайте:

я хочу, чтобы завтра вы поклонились мне перед всеми даймё как вассал. Я хочу заполучить вас, Ёси Торанага-но Миновара, в качестве добровольного вассала. Публично. Нет нужды целовать мне зад – достаточно держаться вежливо, скромно и почтительно. Если вы признаете себя моим вассалом, остальные будут давить друг друга, чтобы ткнуться лбом в пыль. Ну а те немногие, которые побрезгуют, пусть остерегаются.

– Это сделает вас властелином всей Японии?

– Да. Впервые в истории. Думаю, без вас мне это не удастся. Но послушайте: если вы мне поможете, вы будете первым в государстве после меня. Любые почести. Все, что хотите. Для нас двоих всего хватит.

– Да?

– Да. Сначала я получу Японию. Потом Китай. А после вы будете владельцем Японии – провинции моего Китая!

– Ну а сейчас, господин Накамура? Я в вашей власти, не так ли? Вы с огромными силами передо мной, а Бэппу угрожает мне сзади.

– Я с ними скоро посчитаюсь, – пообещал крестьянин-воитель. – Эта высокомерная падаль не захотела приехать. Мой пергамент с приглашением прислали обратно, измазанный птичьим дерьмом. Вы хотите их земли? Всё Канто?

– Мне ничего не надо ни от них, ни от кого-нибудь еще, – изрек Торанага.

– Лжец, – добродушно ухмыльнулся Накамура. – Слушайте, Тора-сан. Мне почти пятьдесят. Ни одна из моих женщин ни разу не рожала. Я купаюсь в роскоши, у меня есть все, и за свою жизнь я переспал с сотней, двумя сотнями бабенок разного разбора и разных возрастов всеми возможными способами, но ни одна из них никогда не рожала, даже мертвого. У меня нет сыновей и никогда не будет. Такова моя карма. У вас четверо живых сыновей и прорва дочерей. Вам сорок три года, так что вы наплодите еще дюжину мальчишек с такой же легкостью, с какой лошадь кладет кучу навоза, и это ваша карма. Вы к тому же Миновара, и это тоже ваша карма. А что, если я усыновлю одного из ваших сыновей и сделаю его моим наследником?

– Сейчас?

– Вскоре. Скажем, в течение трех лет. Раньше это не было важно, но теперь другое дело. Наш последний повелитель, господин Города,

был настолько глуп, что дал себя убить. Теперь земли мои, то есть могут быть моими. Ну, соглашайтесь.

– Вы законным порядком усыновите моего сына через два года?

– Да. Доверьтесь мне – наши интересы сходятся. Послушайте: через два года я публично объявлю одного из ваших сыновей своим официальным наследником. Таким образом, мы разделим все. Наша соединенная династия обретет могущество на века. Выигрыш будет огромным. Сначала Канто, да?

– Может быть, Бэппу Гэндзаэмон позволит мне признать вас сюзереном.

– Я не соглашусь на это, Тора-сан. Вы ведь хотите получить его земли.

– Мне ничего не нужно.

Смех Накамуры звучал очень весело.

– Бросьте! Канто необходим вам. Эти земли защищены горами, их легко оборонять. С тылу их защищает море. Владея дельтой, вы распространите свою власть на самые богатые рисовые поля в стране. Доход в два миллиона коку вам обеспечен. Только не делайте своей столицей Камакуру. Или Одавату.

– Камакура всегда была столицей Канто.

– Почему вы не домогаетесь Камакуры, Тора-сан? Разве не там вот уже шесть веков находятся святилища ками, хранящих ваш род? Разве Хатиман, ками войны, не божество Миновара? Это было мудро со стороны ваших предков – поклоняться ками войны.

– Храм – это только храм, и ками войны, как известно, никогда не остаются навечно ни в одном из святилищ.

– Я рад, что вам ничего не надо, Тора-сан. Значит, вас не постигнет разочарование. В этом вы похожи на меня. Но Камакура не годится в столицы. К ней ведут семь перевалов, ее трудно будет оборонять. И она расположена далеко от побережья. Послушайте, вам лучше и безопасней забраться дальше в горы. И вам нужен морской порт. Я уже сейчас могу назвать один – Эдо. Пока это рыбацкая деревушка, но вы превратите ее в большой город. Удобно для обороны и для торговли. Что касается Одавары, мы сметем эту крепость с лица земли в назидание остальным.

– Это будет нелегко.

– Да, но послужит хорошим уроком для всех других даймё.

– Взять крепость штурмом будет очень трудно.

Опять веселый смех.

– Вам необходимо объединиться со мной. Я бы прошел через ваши нынешние владения – вы же знаете, что они составляют передовую линию обороны Бэппу. Вместе с вами они могли бы продержаться против меня год, два, даже три. И я все равно покончил бы с ними. Но зачем на них тратить столько времени? Они все мертвы, кроме вашего зятя, если вам так будет угодно. Я знаю, вы заключили с ними союз, но он не стоит кучи конского навоза. Так каков ваш ответ? Выигрыш будет огромным. Сначала земли Канто, потом вся Япония. После Корея – это будет легко. Дальше Китай – тяжело, но не сказать, что невозможно. Я знаю, крестьянин не сможет стать сёгуном, но *наш* сын будет сёгуном, он сядет на драконовый трон Китая – он или его сын. Теперь закончим этот разговор. Каков ваш ответ, Ёси Торанага-но Миновара? Вы мой вассал или нет? Все остальное мне не важно.

– Давайте помочимся в знак совершения сделки, – предложил Торанага, поняв, что выигрывает все, о чем мечтал.

И на следующий день перед ошарашенным сборищем надменных даймё он смиренно предложил свой меч, свои земли, свою честь и свое наследство рвущемуся к власти крестьянину-военачальнику. Он просил позволения Накамуры стать его вассалом. И он, непобедимый Торанага, униженно склонил голову в пыль. Будущий тайко сразу же проявил великодушие и подарил ему Канто, как будто эти земли уже были завоеваны, объявив войну Бэппу за оскорбление императора. К тому же он передал Торанаге меч из императорской сокровищницы, выкованный мастером кузнечного дела Миёси-Го несколько веков назад и когда-то принадлежавший самому знаменитому воину в истории – Миновара Ёситомо, первому сёгуну.

...Нет, Торанага не забыл тот день. Он припомнил и другие: тот, в который несколькими годами позже госпожа Отиба разрешилась от бремени мальчиком, и еще один, когда – невероятное дело – после смерти первенца у тайко родился второй сын, Яэмон. И весь план рухнул. Это карма.

Он видел, с каким почтением держит Ябу меч его предка.

– Он такой острый, как о нем говорят? – спросил Ябу.

– Да.

– Вы оказываете мне великую честь. Я буду беречь ваш бесценный дар. – Ябу поклонился, понимая, что подобное подношение делает его первым в стране после Торанаги.

Торанага поклонился в ответ, а затем, безоружный, пошел к трапу. Он напряг всю свою волю, чтобы скрыть ярость и не споткнуться, и молился, чтобы алчность еще несколько мгновений не давала Ябу опомниться.

– Отчаливайте! – приказал он, поднимаясь на палубу, повернулся к берегу и бодро помахал рукой.

Кто-то нарушил молчание, выкрикнув его имя, остальные подхватили этот крик. Слышался общий гул одобрения той чести, которой был удостоен их господин. Умелые руки вывели корабль в море. Гребцы налегли на весла. Галера уходила.

– Капитан, прямым ходом в Эдо!

– Да, господин.

Торанага оглянулся, его глаза шарили по берегу, каждую секунду ожидая опасности. Ябу застыл около пристани, все еще ошеломленный подарком. Марико и Фудзико стояли под навесом рядом с другими женщинами. Андзин-сан торчал на краю площади, где ему было приказано дожидаться, прямой, огромный и, конечно же, взбешенный. Их глаза встретились. Торанага улыбнулся и помахал рукой. Ему ответили, но холодно, и это очень развеселило Торанагу.

Блэкторн уныло подошел к пристани.

– Когда он вернется, Марико-сан?

– Я не знаю, Андзин-сан.

– Как мы попадем в Эдо?

– Мы останемся здесь. По крайней мере, я останусь здесь на три дня. Потом мне приказано выехать в Эдо.

– Морем?

– Сушей.

– А я?

– Вам придется остаться.

– Почему?

– Вы интересовались нашим языком. И здесь для вас есть работа.

– Какая работа?

– Извините, я не знаю. Господин Ябу скажет вам. Мой господин оставил меня здесь на три дня, чтобы переводить.

Блэкторна охватили мрачные предчувствия. Пистолеты все еще были у него за поясом, но ножи, порох и пули остались в каюте на борту галеры.

– Почему вы не предупредили, что мы останемся? – спросил он. – Просто сказали, что сойдем на берег.

– Я не знала, что вы не вернетесь на галеру, – ответила она. – Господин Торанага сообщил мне об этом всего минуту назад, на площади.

– Почему он не известил меня лично?

– Не знаю.

– Я думал, что еду в Эдо. Там моя команда, мой корабль. А что с ними?

– Он только упомянул, что вы останетесь здесь.

– Как долго?

– Неизвестно, Андзин-сан. Может быть, господин Ябу знает. Пожалуйста, потерпите, скоро все выяснится.

Блэкторн видел Торанагу, который стоял на юте и наблюдал за берегом.

«Как он ребячлив, – решила Марико, – говорит все, что думает. И как необыкновенно умен Торанага. До чего ловко он избежал западни».

Фудзико с двумя служанками стояла около нее в тени навеса рядом с матерью и женой Оми, которых немного знала. Сейчас все они глядели на галеру. Та быстро набирала скорость, но оставалась еще в пределах полета стрелы. Марико не вправе была пропустить опасное мгновение. «О Мадонна, пошли мне силы!» – молилась она, сосредоточив все внимание на Ябу и одновременно продолжая разговаривать с Блэкторном.

– Господин Торанага очень мудр. Какова бы ни была причина, это хороший поступок. – Она посмотрела в суровые голубые глаза, зная, что Блэкторн не понимает сути происходящего. – Пожалуйста, будьте терпеливей, Андзин-сан. Вам нечего бояться. Вы его любимый вассал и находитесь под его...

– Я не боюсь, Марико-сан. Я просто устал быть заложником. И ничей я не вассал.

– «Слуга» лучше? Или как назвать человека, который работает на кого-то, служит... – Тут она увидела, что лицо Ябу налилось кровью.

– Ружья, ружья все еще на галере! – крикнул он.

Марико поняла, что настал решающий момент.

– Прошу прощения, господин Ябу, – вмешалась она, не обращая внимания на его гнев, – нет необходимости беспокоиться о ружьях. Господин Торанага просил извиниться за поспешность его отъезда. Его ждут неотложные дела в Эдо в связи с вашим общим планом. Он пообещал, что вернет галеру тотчас же. С пушками и дополнительным запасом пороха. А также с двумястами пятьюдесятью людьми, которых вы просили у него. Они будут здесь через пять-шесть дней.

– Что?!

Марико терпеливо и вежливо объяснила все, что велел сказать Торанага. Потом, когда Ябу наконец ее понял, вынула из рукава свиток пергамента.

– Мой господин просил вас прочитать это. Оно касается Андзин-сана. – И Марико церемонно подала ему свиток.

Но Ябу не взял пергамент. Его глаза снова обратились к галере. Теперь она уже была далеко, вне пределов досягаемости, и двигалась очень быстро. «Но какое это имеет значение? – подумал он удовлетворенно, теперь уже не беспокоясь. – Ружья быстро вернуться ко мне, я избежал ловушки Исидо, у меня самый знаменитый меч Торанаги, и скоро все даймё в государстве признают мое новое положение в армиях востока – второго человека после самого Торанаги!» Ябу еще мог видеть Торанагу и снова махнул ему, а тот ответил. Затем Торанага ушел с юта.

Ябу взял свиток и вернулся мыслями в настоящее. И к Андзин-сану.

Блэкторн, стоявший в тридцати шагах, почувствовал, как волосы на затылке шевелятся от пронизывающего взгляда Ябу. Он слышал, как Марико что-то весело говорит даймё, но это его не успокоило. Рука Блэкторна украдкой сжала пистолет.

– Андзин-сан, – окликнула его Марико, – подойдите, пожалуйста, сюда!

Когда Блэкторн приблизился, Ябу взглянул на него, оторвавшись от пергамента, и кивнул довольно дружелюбно. Кончив читать, он протянул свиток обратно Марико и что-то коротко сказал, обращаясь к ним обоим.

Марико почтительно предложила пергамент Блэкторну. Он взял свиток и подивился непостижимости их характеров.

– Господин Торанага говорит: «Добро пожаловать в деревню!» Эта бумага за печатью господина Торанаги, Андзин-сан. Храните ее. Он оказывает вам большую честь. Господин Торанага назначил вас хатамото. Это особо доверенное лицо из его личного штата. Вы находитесь под его абсолютной защитой. Господин Ябу, конечно, признает это. Я объясню вам позже ваши права. Господин Торанага дает вам жалованье – двадцать коку в месяц. Это около...

Ябу прервал ее, широким жестом показав в сторону Блэкторна, потом деревни, и долго что-то говорил. Марико перевела:

– Господин Ябу повторяет, что вам здесь рады. Он надеется, что ваше пребывание здесь будет приятным. Вам предоставят дом. И учителей. Он просит вас как можно быстрее выучить японский язык. Сегодня вечером он задаст вам несколько вопросов и просветит насчет одной особой работы.

– Пожалуйста, спросите, что за работа?

– Я советую вам проявить побольше терпения, Андзин-сан. Сейчас не время, правда.

– Хорошо.

– *Вакаримас ка*, Андзин-сан? – спросил Ябу.

– *Хай*, Ябу-сан. *Домо*.

Ябу отдал приказ Игураси распустить войско, потом направился к жителям деревни, которые все еще лежали, распростерты на песке.

В этот теплый прекрасный весенний полдень он воздвигся над ними с мечом Торанаги в руках. Его слова обрушились на крестьян ударами хлыста. Ябу указал мечом на Блэкторна и еще несколько мгновений бичевал жителей деревни гневными словами, потом внезапно умолк. Среди крестьян послышался ропот. Мура поклонился и несколько раз сказал Блэкторну: «Хай», затем повернулся и задал какой-то вопрос обитателям Андзиро, и все взгляды сошлись на чужеземце.

– *Вакаримас ка?* – спросил Мура, и все ответили:

– *Хай*. – И голоса их смешались с шумом волн, бьющих о берег.

– Что происходит? – спросил Блэкторн Марико, но Мура прокричал:

– *Кэйрэй!*

Жители деревни низко поклонились – сначала Ябу, потом Блэкторну. Даймё зашагал прочь не оглядываясь.

– Что здесь происходит, Марико-сан?

– Господин Ябу пояснил им, что вы почетный гость, облеченный особым доверием Торанаги, что вы находитесь тут главным образом для того, чтобы выучить наш язык. Деревня отвечает, Андзин-сан, за ваше обучение. Все здесь должны помогать вам. Он сказал им, что, если в течение шести месяцев они не научат вас хорошо говорить по-японски, деревню сожгут, а перед этим все мужчины, женщины и дети будут распяты.

Глава 31

День клонился к закату, тени удлиннились, море окрасилось пурпуром заходящего солнца, дул легкий ветерок.

Блэкторн поднимался по тропинке от деревни к дому, который Марико еще раньше показала ему, сообщив, что именно там он будет жить. Она собиралась проводить его, но Блэкторн поблагодарил и отказался. Он направился мимо коленопреклоненных крестьян на мыс, чтобы побыть в одиночестве и подумать.

Капитан быстро обнаружил, что умственные усилия сейчас слишком тяжелы для него. Он облил голову морской водой, надеясь, что в мыслях прояснится, но и это не помогло. Тогда он встал и побрел назад по берегу, мимо пристани, через площадь и деревню, вверх к дому, где теперь ему предстояло жить и которого, насколько он помнил, раньше не было. Выше, доминируя над противоположным склоном холма, тянулось другое строение, крытое частично соломой, частично черепицей, за высоким частоколом, с многочисленными часовыми возле укрепленных ворот.

Самураи группами расхаживали по деревне или стояли и разговаривали. Большинство их уже последовали стройными вереницами за командирами вверх по тропинкам и через холм к местам стоянок. Те самураи, которых встретил Блэкторн, отвечали на его рассеянное приветствие. Жителей деревни он не видел.

Блэкторн остановился перед воротами в изгороди. Перекладины были расписаны довольно-таки своеобразными знаками, а створки украшали сквозные узоры, призванные отчасти скрывать, а отчасти приоткрывать взгляду небольшой ухоженный садик за ней.

Прежде чем он успел открыть ворота, створки распахнулись внутрь, и из-за них Блэкторну поклонился испуганный старик.

– *Конбан ва* (добрый вечер), Андзин-сан. – Его голос жалобно дрожал.

– *Конбан ва*, – ответил он. – Слушай, старик, э... *о намаэ ка?*

– *Намаэ ватаси ва*, Андзин-сан? *А, ватаси Ёки-я... Ёки-я.* – Старик чуть не пустил слюну от облегчения.

Блэкторн несколько раз повторил имя, чтобы запомнить его, и добавил «сан», но старик энергично замотал головой:

– *Иэ, гомэн насай! Иэ сан, Андзин-сама. Ёки-я! Ёки-я!*

– Хорошо, Ёки-я, – согласился Блэкторн, но озадачился: «Почему не „сан“, как все остальные?»

Он махнул рукой, отпуская старика, и тот быстро захромал прочь.

– Мне следует быть внимательнее. Я должен помочь им, – сказал Блэкторн вслух.

На веранду через открытые сёдзи нерешительно вышла служанка и низко поклонилась:

– *Конбан ва, Андзин-сан.*

– *Конбан ва,* – ответил он, смутно узнавая девушку, которую видел где-то на корабле.

Он отослал ее.

Раздался шелест шелка. Из глубин дома появились Фудзико и Марико.

– Удалась ли прогулка, Андзин-сан?

– Да, Марико-сан. – Его взгляд, не останавливаясь ни на чем, перебежал от предмета к предмету.

– Не хотите ли чая? Или может быть, sake? Ванну? Вода горячая. – Марико нервно засмеялась, смущаясь его взгляда. – Банный домик еще не совсем отделан, но мы надеемся, что вам будет удобно.

– Sake, пожалуйста. Для начала немного sake, Марико-сан.

Марико пошептала с Фудзико, которая исчезла в доме. Служанка молча принесла три подушки и удалилась. Марико изящно устроилась на одной из них.

– Садитесь, Андзин-сан. Вы, наверное, устали.

– Спасибо.

Он присел на ступеньки веранды, не сняв сандалий. Фудзико принесла две бутылочки sake и, как приказала Марико, чайную чашку, а не тот крохотный фарфоровый сосуд, которым они обычно пользовались. «Лучше дать ему сразу много sake, – вынесла решение Марико. – Напоить бы его хорошенько, да господин Ябу хочет видеть его сегодня вечером. Ванна и sake немного успокоят Андзин-сана».

Блэкторн опрокинул предложенную ему чашку подогретого напитка, не чувствуя вкуса. Потом другую, третью...

Женщины следили, как он поднимался на холм, через щель в сёдзи.

– Что с ним? – спросила Фудзико, встревожившись.

– Он расстроен тем, что сказал господин Ябу насчет деревни.

– Почему это его должно беспокоить? Его жизнь вне опасности.

– Чужеземцы думают не так, как мы, Фудзико-сан. Например, Андзин-сан считает, что жители деревни такие же люди, как любые другие, как самураи, а некоторые из них даже лучше самураев.

Фудзико рассмеялась:

– Что за вздор? Как крестьян можно равнять с самураями?

Марико не ответила. Она продолжала наблюдать за Андзин-саном.

– Бедный человек, – вздохнула она.

– Бедная деревня! – Верхняя губа Фудзико презрительно изогнулась. – Глупо жертвовать крестьянами и рыбаками. Касиги Ябусан – глупец. Как может чужеземец выучить наш язык за полгода? Сколько времени потратил Цукку-сан? Более двадцати лет, не так ли? А разве это не единственный чужеземец, который может свободно изъясняться на японском?

– Нет, не единственный, хотя он и говорит лучше всех, кого я когда-либо слышала. Да, для них это трудно. Но Андзин-сан – умный человек. Господин Торанага уверен, что за полгода вынужденного пребывания вдали от варваров, в гуще нашей жизни, привыкнув есть нашу пищу, пить чай, ходить в баню каждый день, он скоро станет похож на одного из нас.

Лицо Фудзико оставалось неподвижным.

– Посмотрите на него, Марико-сан! Такой некрасивый. Такой чудовищно чужой. Странно, я не выношу варваров, но этот, стоит ему войти в ворота, станет моим супругом и повелителем.

– Он очень смелый человек, Фудзико. Он спас жизнь господину Торанаге и нужен ему.

– Да, я знаю, и это должно бы уменьшить мою неприязнь, но, увы, не уменьшает. Тем не менее я приложу все усилия, чтобы он стал похож на нас. Я молюсь, чтобы Будда помог мне.

«В чем причина такой внезапной перемены? – хотелось спросить Марико. – Почему ты согласилась служить Андзин-сану и безоговорочно подчиняться господину Торанаге? Еще сегодня утром ты отказывалась повиноваться, клялась, что покончишь с собой или убьешь чужеземца, как только он уснет. Что же пообещал тебе Торанага, если ты так резко изменила себе, Фудзико?»

Но Марико знала, что лучше не спрашивать. Торанага не считал нужным ничего рассказывать. От Фудзико тоже ничего не узнаешь.

Девушка хорошо воспитана своей матерью, сестрой Бунтаро, которая, в свою очередь, получила достойное воспитание от отца, Хиромацу.

«Интересно, удастся ли господину Хиромацу покинуть Осаку? – задумалась Марико, с большим теплом относившаяся к старому военачальнику, своему свекру. – И что с Кири-сан? С госпожой Садзуко? Где Бунтаро, мой муж? Схватили его или он успел покончить с собой?»

...Марико смотрела, как Фудзико наливает остатки sake. И эта чашка была выпита, как и все остальные, без всякого выражения.

– *Додзо*. Сake, – произнес Блэкторн. Принесли еще sake. И оно закончилось. – *Додзо*. Сake.

– Марико-сан, – всполошилась Фудзико, – господину не следует пить так много. Он опьянеет. Спросите его, пожалуйста, не хочет ли он теперь принять ванну. Я пошлю за Суво.

Но Блэкторн не хотел принимать ванну.

Фудзико приказала принести еще sake, а Марико тихонько попросила служанку:

– Принеси немного жареной рыбы.

Новая бутылочка sake была опустошена с той же молчаливой сосредоточенностью. Рыба не соблазнила его.

Подали еще sake, и содержимого двух бутылочек как не бывало.

– Пожалуйста, принесите Андзин-сану мои извинения, – попросила Фудзико. – В доме больше нет sake. Пусть он извинит меня за такое упущение. Я послала служанку достать еще в деревне.

– Хорошо. Он выпил более чем достаточно, хотя и кажется, что это на него совсем не подействовало. Почему бы вам сейчас не уйти, Фудзико? Самое время поговорить с ним о вас.

Фудзико поклонилась и ушла, благословляя обычай вести важные дела через третьих лиц. Таким образом сохранялось достоинство обеих сторон.

Марико объяснила Блэкторну заминку с sake.

– Сколько времени понадобится, чтобы достать еще?

– Немного. Может быть, вам пока стоит принять ванну? Я прослежу, чтобы sake подали сразу, как принесут.

– Торанага ничего не говорил о своих планах касательно меня перед отъездом? О морских делах?

– Нет. Извините, он ничего не говорил об этом. – Марико искала признаки опьянения. Но, к ее удивлению, оно никак не проявлялось: ни легкого оживления, ни сбивчивой речи. От того количества спиртного, что он выпил за столь короткое время, любой японец давно бы уже был пьян. – Вам не нравится саке, Андзин-сан?

– Слишком слабое. Оно не пьянит.

– Вы стремитесь забыться?

– Нет – решить.

– Все будет сделано.

– Мне нужны книги, бумага и перо.

– Завтра я предоставлю вам все это.

– Нет, сегодня же вечером, Марико-сан. Я должен начать сейчас.

– Господин Торанага сказал, что пришлет вам книгу – как вы называете их? – грамматику и словари, составленные святыми отцами.

– Сколько это займет времени?

– Не знаю. Но я проведу здесь три дня. Возможно, за это время смогу быть вам полезной. И Фудзико-сан здесь, чтобы поддержать вас. – Она улыбнулась, радуясь за него. – Мне выпала честь сказать вам, что она будет вашей наложницей, и...

– Что?

– Господин Торанага просил ее быть вашей наложницей, и она согласилась. Она будет...

– Но я не согласен...

– Что вы говорите? Извините, я не понимаю...

– Она не нужна мне. Ни как наложница, ни в любом другом качестве. Я считаю ее безобразной.

Марико уставилась на него:

– Но что же тогда делать?

– Пусть она уезжает.

– Но, Андзин-сан, вы не можете отказаться! Это будет ужасным оскорблением для господина Торанаги, для нее, для всех! Что она вам сделала плохого? Ничего! Усаги Фудзико...

– Слушайте меня! – Слова Блэкторна эхом разносились по веранде и всему дому. – Скажите ей, чтобы уезжала!

– Простите, Андзин-сан, вы не правы, что сердитесь. Вы...

– Я не сержусь, – холодно произнес Блэкторн. – Как вы не можете взять в толк, что я устал быть марионеткой? Я не хочу этой женщины.

Я хочу получить обратно мой корабль, команду и забыть все это! Я не останусь здесь на шесть месяцев. Мне не нравятся ваши обычаи. Это ужасно, что один человек угрожает похоронить всю деревню, если я не научусь японскому языку. А что касается наложницы – это хуже, чем рабство. Это чертово оскорбление – замыслить такое, не спросив моего согласия!

«Что же теперь делать? – беспомощно спрашивала себя Марико. – При чем тут безобразие, если речь идет о наложнице? И Фудзико вовсе не безобразна. Как он не понимает?» Потом она вспомнила предупреждение Торанаги: «Марико-сан, вы лично отвечаете за то, чтобы, во-первых, Ябу не помешал моему отъезду, после того как я отдам ему свой меч, и, во-вторых, Андзин-сан согласился остаться в Андзиро». – «Я сделаю все, что смогу, господин. Но боюсь, Андзин-сан доставит мне хлопот». – «Обращайтесь с ним как с соколом. Это ключ к нему. Я приручаю сокола за два дня. Вам даю три».

Она отвернулась от Блэкторна и напрягла весь свой ум. «А он действительно похож на сокола, – подумала она. – Тот же пронзительный клекот, бессмысленная ярость, а когда спокоен – то же высокомерие, тот же немигающий взгляд, та же самоуглубленность и непреходящая, внезапно прорывающаяся злобность».

– Я согласна. С вами обошлись ужасно, и вы вправе рассердиться, – произнесла она примирительно. – Да, конечно же, господину Торанаге следовало спросить вас, но он ведь не знает ваших обычаев. Он только пытался оказать вам честь, как поступил бы в отношении любого заслужившего награды самурая. Он сделал вас хатамото – это почти что рыцарь, Андзин-сан. Во всем Канто их не более тысячи. А что касается госпожи Усаги Фудзико, он только пытался услужить вам. У нас, Андзин-сан, это рассматривается как большая честь.

– Почему?

– Потому что ее род очень древний, и она весьма образованна. Ее отец и ее дед – даймё. Конечно, она из самураев, но, – деликатно добавила Марико, – вы окажете ей большую честь, взяв ее в наложницы. Ведь она нуждается в новом доме и новой жизни.

– По какой причине?

– Она недавно овдовела. Ей только девятнадцать лет, Андзин-сан, но она потеряла мужа и сына и переполнена угрызениями совести. Ей

необходимо начать новую жизнь.

– Что случилось с ее мужем и ребенком?

Марико колебалась, огорченная невежливой прямотой Блэкторна. Но она понимала, что это его обычная манера поведения.

– Их приговорили к смерти. Пока вы здесь, кто-то должен вести дом. Госпожа Фудзико будет...

– Почему их приговорили к смерти?

– Ее муж чуть не обрек на гибель господина Торанагу. Пожалуйста...

– Торанага приговорил их к смерти?

– Да, но он был прав. Спросите ее. Она того же мнения, Андзин-сан.

– Сколько лет было ребенку?

– Несколько месяцев, Андзин-сан.

– Торанага приговорил младенца к смерти за то, что сделал его отец?

– Да. Таков наш обычай. Пожалуйста, будьте терпимей к нам. В некоторых вещах мы не свободны. Наши порядки отличаются от ваших. Видите ли, по закону наша жизнь принадлежит нашему сюзерену. Глава семьи распоряжается жизнью своих детей, жены и наложниц, а также слуг. Его собственная жизнь в руках сюзерена. Таков наш обычай.

– Так что, глава семьи может убить любого в доме?

– Да.

– Тогда вы – нация убийц.

– Нет.

– Но ваш обычай прощает убийство. Я думал, вы христианка.

– Я христианка, Андзин-сан.

– А как же заповеди?

– Я не могу этого объяснить, правда. Но я христианка, и самурай, и японка, и одно не противоречит другому. Пожалуйста, постарайтесь нас понять.

– Вы отдадите своих детей на смерть, если Торанага прикажет?

– Да. У меня только один сын, но я думаю, что да. Мой долг так поступить. Таков закон – если мой муж с этим согласится.

– Надеюсь, Бог сможет простить всех вас.

– Бог понимает, Андзин-сан. Он нас поймет. Может быть, Он и вам откроет глаза. Извините, я не могу объяснить толком. – Она обеспокоенно посмотрела на Блэкторна. – Андзин-сан, вы для меня загадка. Ваши обычаи мне непонятны. Может быть, нам обоим следует проявить больше терпимости и тогда мы лучше пойдем друг друга? В отношении госпожи Фудзико, например. Она будет присматривать за вашим домом и слугами. Исполнять ваши прихоти – все, что захотите. Ведь кто-то должен делать это. Вам не обязательно спать с ней, если вас это волнует, если вы не находите ее привлекательной. Нет необходимости даже быть вежливым с ней. Она будет служить вам как захотите, любым способом, какой вас устроит.

– Я могу обращаться с ней, как мне вздумается?

– Да.

– Я волен спать с ней или не спать?

– Конечно. Она найдет кого-нибудь приятного вам для удовлетворения телесных нужд, если пожелаете, или не будет в это вмешиваться вообще.

– Я вправе обходиться с ней как со слугой? Как с рабой?

– Да. Но она заслуживает лучшего.

– Могу я прогнать ее? Приказать ей уйти?

– Если она оскорбит вас – да.

– А что тогда будет с ней?

– Обычно в таких случаях женщина с позором возвращается в дом родителей, которые могут или принять ее обратно, или не принять. Кто-то, подобно госпоже Фудзико, предпочтет убить себя, а не терпеть такой стыд. Но она... Вам следует знать, что настоящий самурай не может покончить с собой без разрешения его господина. Некоторые, конечно, совершают самоубийство, но они нарушают свой долг и не могут считаться самураями. Я бы не убила себя, несмотря ни на какой стыд, если бы мне не разрешил мой господин Торанага или мой муж. Господин Торанага запретил ей покончить с жизнью. Если вы отошлете ее, она станет неприкасаемой – *эта*.

– Но почему? Почему семья не примет ее обратно?

Марико вздохнула:

– Извините, Андзин-сан, но, если вы отошлете Фудзико назад, позор будет столь велик, что ее никто не примет.

– Из-за того, что она осквернена? Потому что была около чужеземца?

– О нет, Андзин-сан, только потому, что она не справилась со своими обязанностями, – поторопилась с ответом Марико. – Она теперь ваша наложница – ей приказал господин Торанага, и она согласилась. Вы теперь хозяин дома.

– Я?

– Да, вы, Андзин-сан. Вы теперь хатамото. У вас есть состояние. Господин Торанага дал вам жалованье – двадцать коку в месяц. На эти деньги самурай обычно содержит, кроме себя, еще двух самураев: кормит, снабжает оружием и лошадьми, заботится об их семьях. Но вам этого делать не нужно. Я прошу вас, пожалейте Фудзико! Проявите христианское милосердие. Она хорошая женщина. Простите бедняжке ее уродство. Она будет хорошей наложницей.

– У нее нет дома?

– Ее дом здесь. – Марико сдерживала себя. – Пожалуйста, примите ее. Она может многому научить вас. Если вам так удобнее, смотрите на нее как на вещь: деревянный столб, сёдзи, камень в вашем саду – что угодно, только позвольте ей остаться. Если не хотите делить с ней ложе, просто пожалейте ее. Примите Фудзико и потом, как глава дома, в согласии с нашим законом убейте ее.

– У вас на все один ответ, да? Убить!

– Вовсе нет, Андзин-сан. Но жизнь и смерть – это ведь одно и то же. Кто знает, может быть, вы окажете Фудзико большую услугу, лишив ее жизни. Это теперь *ваше* право перед законом. Ваше право также сделать ее неприкасаемой.

– Итак, я опять пойман в ловушку, – заключил Блэкторн. – В любом случае она погибнет. Если я не выучу вашего языка, будет казнена вся деревня. Когда я иду против ваших желаний, убивают кого-нибудь невинного. Выхода нет.

– Есть очень легкое решение, Андзин-сан. Умереть. Вы не должны терпеть то, чего нельзя вынести.

– Самоубийство – безумие и смертный грех. Я думал, вы христианка.

– Я же сказала, что христианка. Но и у вас, Андзин-сан, есть много способов принять почетную смерть, не накладывая на себя рук. Вы насмехались над моим мужем, когда он не хотел умереть в бою, да?

Подобное не принято у нас, а у вас – наверняка. Так почему вы не сделаете этого? У вас есть пистолет. Убейте господина Ябу. Вы ведь считаете его чудовищем. Хотя бы попытайтесь – и сегодня же очутитесь на небесах.

Он посмотрел в ее лицо, ненавидя эти безмятежные черты и любуясь ими против воли.

– Это слабость – умереть вот так, без всякой причины. Лучше сказать, глупость.

– Вы считаете себя христианином. А значит, верите в Младенца Иисуса – в Бога – на небесах. Смерть не должна пугать вас. Что же касается «причины», не нам судить, есть она или нет. Для смерти всегда найдется причина.

– Я в вашей власти. Вы знаете это. Я тоже.

Марико наклонилась к нему и, жалея, дотронулась до плеча:

– Андзин-сан, забудьте о деревне. Миллион вещей может случиться, прежде чем закончатся эти шесть месяцев. Нахлынет приливная волна, или произойдет землетрясение, или вам вернут корабль и позволят уплыть, или Ябу погибнет, или мы все умрем, или что-то еще станется, кто знает? Оставьте Богу Богово, карму – карме. Сегодня вы здесь, и не в ваших силах изменить это. Вы живы и здоровы, окружены почетом, обласканы удачей. Посмотрите на закат. Он прекрасен, не правда ли? Этот закат есть только *сейчас*. Завтра не существует. Посмотрите! Это так красиво и никогда не повторится снова, никогда, только не *этот* закат, никогда в целой вечности. Забудьтесь в этом, станьте единым целым с природой и не беспокойтесь о карме, вашей, моей или всей деревни.

Он почувствовал, что обманут ее безмятежностью, ее словами. Посмотрел на запад. По небу расплывались громадные разводы пурпура и черноты.

Он смотрел на солнце, пока то не исчезло.

– Я хочу, чтобы вы стали моей наложницей, – обронил Блэкторн.

– Я принадлежу господину Бунтаро и, пока он жив, не могу ни думать, ни говорить о том, что прозвучало в ваших словах.

«Карма, – подумал он.

Принимаю ли я карму? Свою? Ее? Их?

Ночь красива.

И она красива, но принадлежит другому.

Красивая. И очень умная. Оставь Богу Богово, карму – карме. Ты пришел сюда без приглашения. Ты в их власти.

И в чем ответ?

Ответ отыщется, – сказал он себе. – Потому что Бог на небесах и Бог везде».

Послышался шум шагов. По тропинке на холм поднимались двадцать самураев с факелами, во главе их шествовал Оми.

– Извините, Андзин-сан, но Оми-сан приказал вам отдать ему пистолеты.

– Скажите, пусть идет к черту!

– Не могу, Андзин-сан, я не осмеливаюсь.

Блэкторн свободно держал одну руку на пистолете, устремив взгляд на Оми. Он умышленно остался сидеть на ступенях веранды. Десять самураев топтались в садике позади Оми, остальные – около ожидающегося их паланкина. Как только Оми без приглашения вошел в ворота, Фудзико появилась откуда-то из дальних комнат и теперь, бледная, стояла на веранде за спиной Блэкторна.

– Господин Торанага не имел ничего против, чтобы я оставался вооруженным рядом с ним и Ябу-саном.

Марико возразила, нервничая:

– Да, Андзин-сан, но, пожалуйста, поймите: Оми-сан прав. Наши обычаи запрещают являться к даймё с оружием. Это не должно задевать вас. Ябу-сан – ваш друг. Вы его гость.

– Скажите Оми-сану, что я не отдам ему мои пистолеты. – Она не стала переводить, и Блэкторн, охваченный гневом, покачал головой: – *Иэ, Оми-сан! Вакаримас ка? Иэ!*

Лицо Оми застыло. Он прорычал приказ. Два самурая выступили вперед. Блэкторн выхватил пистолеты. Самураи остановились. Оба дула были нацелены в лицо Оми.

– *Иэ*, – повторил Блэкторн и велел Марико: – Скажите ему, пусть отменит приказ или я спущу курки.

Она подчинилась, но никто не двинулся с места. Блэкторн медленно поднялся, не теряя прицела. Оми был абсолютно спокоен, словно не ведал страха; его глаза следили за плавными, кошачьими движениями Блэкторна.

– Пожалуйста, Андзин-сан. Это очень опасно. Вы должны встретиться с господином Ябу. Вы не можете идти туда с пистолетами. Вы хатамото, вас охраняют, и к тому же вы гость господина Ябу.

– Скажите Оми-сану, если он или его люди подойдут ко мне ближе чем на десять шагов, я разнесу ему башку.

– Оми-сан в последний раз почтительно предлагает отдать пистолеты.

– *Иэ.*

– Почему не оставить их здесь, Андзин-сан? Бояться нечего. Никто их не тронет...

– Вы считаете меня дураком?

– Тогда отдайте их Фудзико-сан!

– Что она может сделать? Он заберет их у нее – кто угодно заберет, – и я останусь беззащитен.

Голос Мариико стал жестким.

– Почему вы не слушаете, Андзин-сан? Фудзико-сан – ваша наложница. Если вы прикажете, она будет защищать ваши пистолеты, рискуя жизнью. Это ее долг. Я больше не стану вам повторять, но Тода-но Усаги Фудзико – самурай.

Блэкторн, все свое внимание сосредоточивший на Оми, едва понимал, что она говорит.

– Скажите Оми-сану, что мне не нравятся такие приказы. Я гость господина Торанаги. Я гость господина Ябу. Гостей *просят* – им не приказывают и к ним не вламываются без приглашения.

Мариико перевела. Оми бесстрастно выслушал все, потом что-то коротко ответил, глядя на недвижные стволы.

– Он говорит: «Я, Касиги Оми, просил вас отдать мне пистолеты и пойти со мной, потому что Касиги Ябу-сама распорядился доставить вас к нему. Но Касиги Ябу-сама повелел, чтобы прежде я приказал вам сдать оружие. Так что извините, Андзин-сан, я в последний раз приказываю сдать его мне».

Блэкторн почувствовал тяжесть в груди. Он знал, что сейчас подвергнется нападению, и злился на собственную глупость. «Что поделать, настает такая минута, когда больше нет сил терпеть, и ты хватаешься за пистолет или нож, и льется кровь из-за дурацкой гордости. Чаще всего дурацкой. Но если уж мне суждено умереть, Оми испустит дух первым, ей-богу!»

Он чувствовал себя хорошо, хотя немного кружилась голова. Потом в ушах зазвенели слова Марико: «Фудзико – самурай, она ваша наложница!» – и его мозг начал работать. Он нашел выход.

– Подождите-ка! Марико-сан, пожалуйста, скажите Фудзико-сан следующее: «Я отдаю вам свои пистолеты. Вы должны охранять их. Никто, кроме меня, не вправе прикасаться к ним».

Марико выполнила просьбу, и он услышал, как Фудзико откликнулась:

– *Хай.*

– *Вакаримас ка*, Фудзико-сан? – спросил он ее.

– *Вакаримас*, Андзин-сан, – пролепетала она тонким прерывающимся голосом.

– Марико-сан, пожалуйста, скажите Оми-сану, что теперь я пойду с ним. Пусть извинит меня за это недоразумение. Я прошу прощения. – Блэкторн отступил назад, потом повернулся и передал Фудзико пистолеты. Пот бисером выступил у нее на лбу. Он обратился к Оми, радуясь, что все закончилось: – Теперь мы можем идти?

Оми сказал несколько слов Фудзико и протянул руку. Та покачала головой. Оми отдал короткий приказ. Два самурая двинулись к ней. Она тут же засунула один пистолет за пояс, взяла другой обеими руками и направила его на Оми. Курок слегка отошел, и спусковой крючок пришел в движение.

– *Угоканай!*^[38] – приказала она. – *Додзо!*

Самурай послушно остановились.

Оми заговорил быстро и рассерженно, она выслушала, потом ответила мягко и вежливо, но не отвела пистолета от его лица. Спусковой крючок был спущен уже наполовину. Закончила она очень просто:

– *Иэ, гомэн насай* (нет, извините), Оми-сан.

Блэкторн ждал.

Самурай чуть приблизились к ней. Курок отошел уже на опасное расстояние, почти до верхней точки своей дуги. Но рука ее оставалась твердой.

– *Угоканай!* – повторила она.

Никто не сомневался, что Фудзико спустит курок. Даже Блэкторн. Оми выплюнул пару отрывистых слов, адресуясь к ней и своим людям.

Самураи отошли, она опустила пистолет, но все еще держала его наготове.

– Что он сказал? – спросил Блэкторн.

– Только то, что сообщит об этом случае Ябу-сану.

– Хорошо, уведоьте его, что я сделаю то же самое. – Блэкторн повернулся к своей наложнице: – *Домо*, Фудзико-сан. – Потом, вспомнив, как Торанага и Ябу объяснялись с женщинами, повелительно буркнул Марико: – Пойдемте, Марико-сан... *икимасё!* – И он повернулся к воротам.

– Андзин-сан! – окликнула его Фудзико.

– *Хай?* – Блэкторн остановился.

Фудзико поклонилась ему и быстро стала что-то излагать Марико.

Глаза Марико расширились, потом она кивнула и ответила, потолковала с Оми, который также кивнул, явно взбешенный, но вынужденный сдерживаться.

– Что происходит?

– Минуту, Андзин-сан.

Фудзико что-то крикнула, ей ответили из дома. На веранду вышла служанка. В руках она несла два меча. Самурайских меча.

Фудзико с почтением взяла их в руки, с поклоном предложила Блэкторну и что-то тихо произнесла.

Марико перевела:

– Ваша наложница справедливо указала, что хатамото, конечно, должен носить два самурайских меча. Более того, это его долг. Она считает, что вам не пристало являться к господину Ябу без мечей – это будет невежливо. По нашим законам носить мечи – обязанность самурая. Она спрашивает, не согласитесь ли вы пользоваться этими недостойными вас клинками, пока не купите свои собственные.

Блэкторн посмотрел на нее, на Фудзико, потом снова на нее:

– Вы хотите сказать, что я самурай? Что господин Торанага сделал меня самураем?

– Я не знаю, Андзин-сан. Но еще не случалось такого, чтобы хатамото не был самураем. – Марико повернулась и задала вопрос Оми. Тот нетерпеливо покачал головой и что-то ответил. – Оми-сан тоже такого не знает. Конечно, носить мечи во всех случаях, даже в присутствии господина Торанаги, – особая привилегия хатамото. Это его долг, поскольку он – пользующийся безусловным доверием

приближенный. Только хатамото имеет право требовать немедленной аудиенции у господина...

Блэкторн взял короткий меч и заткнул его за пояс, потом проделал то же с другим, длинным клинком, приняв за образец то, как носил мечи Оми. Вооружившись, он почувствовал себя лучше.

– *Аригато годзаймасита*, Фудзико-сан, – поблагодарил он спокойно.

Та опустила глаза и тихонько ответила. Марико перевела:

– Фудзико-сан говорит: «Если разрешите, господин, поскольку вы должны быстро и хорошо выучить наш язык, я хочу почтительно указать, что одного *домо* более чем достаточно для мужчины. *Аригато*, с добавлением или без добавления *годзаймасита*, – излишняя вежливость, это выражение, которое употребляют только женщины».

– *Хай. Домо. Вакаримас*, Фудзико-сан. – Блэкторн впервые внимательно посмотрел на нее, как бы заново узнавая. Он увидел пот на лбу, узкие глаза, квадратное лицо и зубы, как у хорька. – Пожалуйста, скажите моей наложнице, что в данном случае я не считаю *аригато годзаймасита* излишней вежливостью по отношению к ней.

Ябу еще раз взглянул на мечи. Блэкторн сидел скрестив ноги на подушке перед ним, на почетном месте. Сбоку от чужеземца устроилась Марико, сзади него маячил Игураси. Они находились в главной комнате дома-крепости.

Оми закончил рассказывать.

Ябу пожал плечами:

– Ты вел себя неправильно, племянник. Это обязанность наложницы – защищать Андзин-сана и его имущество. Конечно, он теперь имеет право носить мечи. Да, ты неправильно повел это дело. Я ясно дал понять, что Андзин-сан – мой почетный гость. Извинись перед ним.

Оми немедленно опустился перед Блэкторном на колени и поклонился:

– Извините меня за ошибку, Андзин-сан.

Блэкторн слышал, как Марико перевела, что чужеземец принимает извинение. Оми поклонился еще раз и спокойно вернулся назад, на свое место. Но внутренне он не был спокоен. Теперь им полностью овладела идея убить Ябу.

Он замыслил неслыханную вещь – убить сюзерена и главу своего клана.

Причина коренилась не в том, что его вынудили публично извиниться перед чужеземцем. Здесь Ябу был прав. Оми знал, что проявил ненужное рвение, исполняя глупый приказ дяди отобрать пистолеты этим же вечером. Куда проще было бы подождать, чтобы затем украсть или как-нибудь испортить.

И Андзин-сан был совершенно прав, отдав пистолеты своей наложнице. Так же как и она была права, поступив по велению долга. Она, конечно, спустила бы курок, и ясно почему. Ни для кого не составляло секрета, что Усаги Фудзико ищет смерти. Оми также знал, что только намерение убить Ябу остановило его. Если бы не это, он пошел бы на смерть, а потом его люди отобрали бы у нее пистолеты. Он принял бы достойный конец, как и она, и эту горестную историю передавали бы из поколения в поколение. Люди сложили бы песни, стихи, возможно, даже пьесу *но*, возвышенную, трагическую, вселяющую мужество, о них троих: верной наложнице и преданном самурае, которые достойно встретили гибель, постигшую их по вине жестокого чужеземца, что пришел из-за восточных морей.

Нет, решение Оми не имело ничего общего с публичным извинением, хотя эта несправедливость усугубила лютую злобу, снедавшую его. Истинная причина заключалась в том, что сегодня Ябу прилюдно оскорбил мать и жену Оми, заставив их несколько часов томиться на солнце, как простых крестьянок, а потом отпустил, ни словом, ни знаком не выразив почтения...

– Это ничего не значит, сын мой, – увещевала мать, – это его право.

– Он наш сюзерен, – поддержала Мидори, его жена, со слезами стыда на щеках.

– Он не пригласил ни одну из вас приветствовать его и военачальников в крепости, – продолжал Оми, – на пиршестве, которое устроили вы. Только еда и sake стоили коку!

– Это наша обязанность, сын мой. Наш долг – делать все, что пожелает господин Ябу.

– А приказ, касающийся отца?

– Это не приказ пока еще. Только слух.

– В письме отец сообщает, что слышал, будто бы Ябу скоро прикажет ему обрить голову и уйти в монахи или совершить сэппуку.

Жена Ябу тайком хвасталась этим!

– Это нашептал твоему отцу шпион. Нельзя так доверять шпионам. Извини, но твой отец не всегда мудр, сын мой.

– А что будет с вами, мама, если это окажется правдой?

– Все, что ни случится, – карма. Ты должен принимать ее.

– Нет, эти оскорбления невыносимы.

– Пожалуйста, сын мой, прими все как есть.

– Я известил Ябу о корабле, научил его, как вести себя с Андзинсаном и этими новыми варварами, надоумил, как выбраться из ловушки Торанаги. С моей помощью он возвысился. Получив в дар меч, он стал вторым после Торанаги среди военачальников Востока. И что взамен? Одни грязные оскорбления.

– Принимай свою карму.

– Вы должны, муж мой. Прошу, послушайте госпожу, вашу мать.

– Я не смогу жить с таким позором. Я отомщу, а потом убью себя, и эти оскорбления будут смыты.

– Последний раз, сын мой, прошу тебя, принимай свою карму.

– Моя карма – уничтожить Ябу.

Старая госпожа вздохнула:

– Очень хорошо. Ты мужчина. Ты имеешь право решать. Что будет, то будет. Но мало убить самого Ябу. Мы должны все обдумать. Его сын также должен умереть. И еще Игураси. Особенно Игураси. Тогда твой отец станет главой клана – это его право.

– Как это сделать, мама?

– Мы все обдумаем, ты и я. И будем терпеливы. Надо посоветоваться с твоим отцом. Мидори, ты тоже можешь дать совет, но постарайся не болтать глупостей, ладно?

– А как же господин Торанага? Он подарил Ябу свой меч.

– Я думаю, что Торанага хочет одного: чтобы провинция Идзу была сильным вассальным владением. Он больше не желает искать союзников, как это делал тайко. Ябу полагает, что он союзник, но, кажется, Торанаге на этом месте нужен не союзник, а вассал. Наш клан будет процветать, служа Торанаге. Или Исидо. Кого выбрать, а? И как осуществить убийство?

...Оми вспомнил, какая волна радости окатила его, когда было принято окончательное решение.

Он чувствовал ее и сейчас. Но лицо его оставалось непроницаемым. Он следил, как служанки, тщательно подобранные для Ябу в Мисиме, разносят зеленый чай и саке. Оми посмотрел на дядю, Андзин-сана, Мариико, Игураси. Все ждали, когда заговорит даймё.

Комната была достаточно просторной, чтобы здесь могло собираться на пирушку до тридцати военачальников. Имелось немало других комнат и кухонь для охраны и слуг, а также сад, разбитый вокруг дома. И хотя это сооружение возводилось на скорую руку и для временного пользования, устроено все было прекрасно, к сроку и удобно для обороны. Оми ничуть не беспокоило, что расходы он покрыл из своего увеличившегося дохода. Долг есть долг.

Он взглянул через открытые сёдзи на передний двор, где было полно часовых, на конюшню. Крепость окружал ров. Частокол возвели из мощных стволов бамбука, плотно пригнанных друг к другу. Большие центральные столбы поддерживали черепичную крышу. Стены представляли собой легкие раздвижные панели – сёдзи; некоторые из них были прикрыты ставнями, но по большей части их обтягивала, как обычно, промасленная бумага. Добротные доски пола, устланного татами, покоились на сваях, вбитых в утрамбованную землю.

По распоряжению Ябу Оми объехал четыре деревни, собирая материал для строительства форта и дома, а Игураси раздобыл хорошие татами, футоны и прочую утварь, какой не сыщешь в деревне.

Оми гордился своей работой. На плато за холмом был разбит полевой лагерь для трех тысяч самураев, которые стерегли дороги, ведущие в деревню и к берегу моря. Теперь селение было надежно защищено с суши. А если бы опасность подкралась с моря, вовремя предупрежденный сюзерен успел бы скрыться.

«Но у меня нет сюзерена. Кому я буду служить теперь? – спрашивал себя Оми. – Икаве Дзикю? Или непосредственно Торанаге? Даст ли мне Торанага то, чего я хочу? Или *Исидо*? До Исидо так трудно добраться. Но теперь ему многое можно порассказать...»

Сегодня в полдень Ябу вызвал Игураси, Оми, еще четырех командиров и открыл им тайный план подготовки пяти сотен самураев, владеющих огнестрельным оружием. Игураси был назначен старшим, Оми предстояло возглавить одну из сотен. Они обдумали, как

включать людей Торанаги в свои отряды, когда те приедут, и как обезвредить этих чужаков, если они окажутся изменниками.

Оми предложил создать на другой стороне полуострова тайный резерв – соединение из трех отрядов по сто самураев в каждом.

– Кто будет командовать людьми Торанаги? – спросил Игураси.

– Это не имеет значения, – отмахнулся Ябу. – Кто бы то ни был, я приставлю к нему пять своих людей, которым прикажу при необходимости перерезать ему глотку. Сигналом к убийству ставленника Торанаги и всех чужаков будут слова «сливовое дерево». Завтра, Игураси-сан, ты подберешь мне подходящих людей. Я потолкую с каждым, но никто из них не должен быть посвящен в мой план.

Теперь, наблюдая за Ябу, Оми предвкушал экстаз мести. Убить Ябу будет легко, но следует предусмотреть каждую мелочь. Только тогда отец или старший брат смогут подчинить своей власти клан и Идзу.

Ябу перешел к главному:

– Марико-сан, пожалуйста, скажите Андзин-сану, что я хочу, чтобы с завтрашнего дня он начал учить моих людей стрельбе из ружей. И я желаю знать, как воюют чужеземцы.

– Но, простите, ружья будут доставлены только через шесть дней, Ябу-сан, – напомнила Марико.

– Для начала хватит и тех, что имеются у моих людей, – внес ясность Ябу. – Приступить надо завтра.

Марико поговорила с Блэкторном.

– Что он хочет знать о войне? – спросил тот.

– Он сказал: «Всё».

– Что в особенности?

Марико уточнила у Ябу.

– Ябу-сан спрашивает, принимали ли вы участие в сражениях на суше?

– Да. В Нидерландах. Один раз во Франции.

– Ябу-сан говорит: «Превосходно». Он хочет ознакомиться с военной стратегией европейцев, с тем, как ведутся битвы в ваших краях. Во всех подробностях.

Блэкторн на мгновение задумался.

– Скажите Ябу-сану, что я могу обучить любое количество его людей, что мне доподлинно известно все, что его занимает.

В беседах с братом Доминго капитан почерпнул много полезного касательно того, как воюют японцы. Монах был весьма сведущ в делах войны и питал к ним живой интерес. «В конце концов, сеньор, – рассуждал старик, – разве это немаловажно – знать, как ведут войну язычники? Каждый пастырь должен защищать свою паству. И разве наши доблестные конкистадоры не авангард Матери-Церкви? Разве я не был с ними накануне сражений в Новом Свете и на Филиппинах? Я познал войну до тонкостей, сеньор. Это был мой долг, Божья воля – изучать войну. Может быть, Бог послал вас мне, чтобы было кому передать мои познания перед смертью. Слушайте, моя паства здесь, в этой тюрьме, наставляла меня по части военного дела у японцев. Поэтому теперь мне известно, как воюют их армии и как их можно победить. И как они могут победить нас. Запомните, сеньор, то, что я скажу вам по секрету: никогда не соединяйте японскую ярость с современным оружием и современными стратегиями. Или они погубят всех нас».

Блэкторн поручил себя Богу:

– Передайте господину Ябу, что я могу ему помочь. И господину Торанаге. В моих силах сделать их армии непобедимыми.

– Господин Ябу говорит, что, если ваши сведения окажутся полезными, он увеличит жалованье, которое назначил вам господин Торанага, с двухсот сорока до пятисот коку в год через месяц.

– Спасибо. Но предупредите: я сделаю все это при условии, что он отменит свой приказ относительно деревни и через пять месяцев вернет мне корабль и команду.

Марико вздохнула:

– Андзин-сан, вы не можете заключать с ним сделку, как торговец.

– Тогда пусть сделает мне одолжение. Как почетному гостю и будущему благодарному вассалу.

– Ябу-сан говорит, что деревня – это ерунда. Если крестьянам не припекает зад, их не заставишь пошевелиться. Они не стоят вашего беспокойства. Что касается корабля, то здесь волен решать только господин Торанага. Он уверен, вы скоро получите корабль обратно. Он попросил меня передать ваше требование господину Торанаге сразу же, как я приеду в Эдо. Я это исполню, Андзин-сан.

– Пожалуйста, извинитесь перед господином Ябу, но я настаиваю на отмене приказа. Сегодня же вечером.

– Он же только что отказал вам, Андзин-сан. Это будет не очень красиво с вашей стороны.

– Да, я понимаю. Но пожалуйста, повторите ему мои слова. Для меня это очень важно... я прошу.

– Он говорит, что вы должны быть терпеливы. Жители деревни не ваша забота.

Блэкторн кивнул:

– Благодарю вас. Я понял. Пожалуйста, поблагодарите Ябу-сана и скажите ему, что я не могу жить с таким стыдом.

Марико побледнела:

– Что?

– Я не могу жить со спокойной совестью, зная, что деревню ждет такая участь. Я обещен. Это против моих христианских принципов. Я сейчас же совершу самоубийство.

– Самоубийство?

– Да. Я так решил.

Ябу прервал:

– *Нан дзя*, Марико-сан?

Запинаясь, она перевела свой диалог с Блэкторном. Не желая верить услышанному, Ябу переспросил, она терпеливо повторила все. Тогда даймё изрек:

– Если бы не ваше волнение, я бы посчитал это шуткой, Марико-сан. Почему вы так озабочены? Почему вы думаете, что он способен свести счеты с жизнью?

– Я не знаю, господин Ябу. Он кажется... Я не знаю... – Ее голос замер.

– Твое мнение, Оми-сан?

– Самоубийство противно христианскому учению, господин. Они никогда не лишают себя жизни, как мы. Как делают самураи.

– Марико-сан, вы ведь христианка. Это правда?

– Да, господин. Самоубийство – смертный грех. Оно противоречит заповедям Бога.

– Игураси-сан? Что ты думаешь?

– Шельмовство. Он не христианин. Помните первый день, господин? Помните, что он сотворил со священником? И что позволил совершить над собой Оми-сану, чтобы спасти сопляка?

Ябу улыбнулся, припомнив тот день и вечер, который за ним последовал:

– Да, согласен. Он не христианин, Марико-сан.

– Но извините, я не понимаю, господин. Что за история со священником?

Ябу рассказал ей, что случилось в первый день между иезуитом и Блэкторном.

– Он оскорбил крест? – усомнилась она.

– И бросил обломки в пыль, – добавил Игураси. – Это все обман. Допустим, история с деревней в самом деле опозорила его. Как же он может здесь оставаться после бесчестия, которое учинил Оми-сан, помочившись на него?

– Что? Извините меня, господин, – растерялась Марико, – но я снова ничего не понимаю.

Ябу велел Оми:

– Расскажи, что произошло.

Оми так и сделал. История потрясла Марико, но она ничем не выдала своего замешательства.

– После этого Андзин-сан присмирел, Марико-сан, – закончил Оми. – Без оружия он всегда смирный.

Ябу отпил sake:

– Скажите ему следующее, Марико-сан: самоубийство не в обычае чужеземцев. Это против заветов его христианского Бога. Как же он может покончить с собой?

Марико перевела. Ябу внимательно следил за тем, как отвечает Блэкторн.

– Андзин-сан с великим смирением извиняется. Он говорит: «В обычае или нет, позор слишком велик, чтобы его вынести». Андзин-сан говорит, что... что в Японии он хатамото и имеет право жить согласно нашим законам. – Ее руки дрожали. – Вот что он сказал, Ябу-сан. Он имеет право жить по нашим законам.

– Чужеземцы не имеют прав.

Она возразила:

– Господин Торанага назначил его хатамото. Это дает ему право, да?

Бриз тронул сёдзи, они зашуршали.

– Как он может убить себя? А? Спросите его.

Блэкторн вынул короткий, острый как игла меч и аккуратно уложил на татами, острием к себе.

Игураси скривил рот:

– Надувательство! Слыханное ли дело, чтобы варвар поступил как цивилизованный человек?

Ябу нахмурился, от возбуждения у него замедлился ритм сердца.

– Он смелый человек, Игураси-сан. В этом нет сомнения. И странный. Но это? – Ябу овладело нестерпимое желание наблюдать опасное действие, проверить, как далеко зайдет чужеземец, поглядеть, как он умирает, разделить с ним экстаз агонии. Усилием воли он остановил растущую внутри волну вождления. – А ты что посоветуешь, Оми-сан? – спросил он хрипло.

– Вы объявили в деревне, господин: «Если Андзин-сан не научится говорить удовлетворительно». Я советую вам сделать небольшую уступку. Пообещать ему, что все, чему он научится за пять месяцев, будет признано удовлетворительным. Только он должен, в свою очередь, поклясться своим Богом, что никогда не расскажет об этом в деревне.

– Но он не христианин. Разве эта клятва может связать его?

– Я считаю, что он все-таки христианин. В своем роде. Он против иезуитов – вот что важно. Пусть он поклянется именем своего Бога, что приложит все умственные усилия к учению. Поскольку он очень умен, за пять месяцев наверняка сделает большие успехи. Таким образом, ваша честь будет спасена, и его – существует она или нет – тоже. Вы ничего не потеряете, а только выиграете. Очень важно, чтобы он по собственной, свободной воле стал вашим союзником.

– Ты считаешь, он убьет себя?

– Да.

– А вы, Марико-сан?

– Не знаю, Ябу-сан. Извините, я ничего не могу посоветовать вам. Несколько часов назад я бы сказала: нет, он не возьмет греха на душу. Теперь не знаю. Он... С тех пор как сегодня вечером за ним пришел Оми-сан, он стал... другим.

– А как думаешь ты, Игураси-сан?

– Если сейчас вы поддадитесь на его обман и уступите, он будет снова и снова прибегать к той же уловке. Он хитер, как лисица-ками. Мы же все видим, какой это пройдоха. Все равно в один прекрасный

день вам придется сказать «нет», господин. Я бы советовал вам сказать «нет» сейчас. По-моему, он вас морочит.

Оми покачал головой:

– Господин, пожалуйста, извините меня, но я должен повторить: вы очень рискуете. Если мы имеем дело с обманом – что вполне возможно, – этот гордый человек, испытав новое унижение, преисполнится ненависти и не станет помогать вам, как мог бы, в полную меру возможностей. Он выдвигает требования как хатамото, как обладатель законно присвоенного титула. Он говорит, что хочет жить в согласии с нашими обычаями, по законам свободной воли. Разве это не огромный шаг вперед, господин? Я советую проявить осторожность. Используйте его к вашей выгоде.

– Этого я и хочу, – хрипло выдохнул Ябу.

Игураси произнес:

– Да, он необходим нам, мы не обойдемся без его знаний. Но его поведением надо управлять – вы это много раз говорили, Оми-сан. Он варвар. Этим все сказано. Да, я знаю, что он теперь хатамото и с сегодняшнего дня может носить два меча. Но это не делает его самураем. Он не самурай и никогда им не станет.

Марико сознавала, что могла бы понять Андзин-сана лучше всех. Но он был непредсказуем. Его поведение противоречило здравому смыслу и ставило ее в тупик.

Полные муки глаза Блэкторна глядели куда-то вдаль. На лбу блестели капельки пота. «Неужели это от страха? – подумал Ябу. – Страх, что его игра разгадана? Неужели он мошенничает?»

– Марико-сан?

– Да, господин?

– Скажите ему... – Горло Ябу внезапно пересохло, в груди заныло. – Скажите Андзин-сану, что приказ насчет деревни остается в силе.

– Господин, извините меня, пожалуйста, но я бы убедительно просила вас послушаться совета Оми-сана.

Ябу не смотрел на нее, он видел только Блэкторна. Жилка на лбу даймё запульсировала.

– Андзин-сан настаивает на своем. Ну и пусть. Давайте посмотрим, варвар он или хатамото.

Голос Марико был еле слышен.

– Андзин-сан, Ябу-сан говорит, что приказ насчет деревни остается в силе.

Блэкторн слышал слова, но они не трогали его. Он чувствовал себя спокойным и уверенным. Жизнь переполняла его.

Капитан ждал решения, предоставив остальное Богу. Он был погружен в свои мысли, в его голове звучали слова Марико: «Есть легкое решение – умереть. Выжить здесь вы можете, подчиняясь нашим порядкам...»

– ...приказ насчет деревни остается в силе.

«Итак, теперь я должен умереть.

Я должен бояться. Но не боюсь.

Почему?

Не знаю. Страх смерти пропал, едва я решил, что здесь жить по-человечески можно, только следуя их обычаям, рискуя жизнью, обрекая себя на гибель. „Жизнь и смерть – одно и то же... Оставьте карму карме“.

Я не боюсь умереть».

За сёдзи начал капать легкий дождь. Он опустил взгляд на клинок.

«Я прожил хорошую жизнь», – подумал он.

Глаза Блэкторна вернулись к Ябу.

– *Вакаримас*, – выговорил он очень отчетливо, и хотя это слово слетело с его губ, казалось, что его произнес кто-то другой.

Никто не двинулся с места.

Он видел словно со стороны, как его правая рука подняла меч. Потом и левая обхватила рукоятку, лезвие не дрожало и целило точно в сердце. Теперь слышались лишь его последние биения, они становились все громче и громче, пока не превзошли возможности человеческого слуха. Душа возопила о вечной тишине.

Этот вопль смел все защитные рефлексы. Его руки безошибочно направили острие в цель.

Оми был готов остановить Блэкторна, но не ждал от него такого внезапного и яростного замаха. И когда он двумя руками схватился за меч, его пронзила боль, из левой руки брызнула кровь. Оми собрал все силы, чтобы воспрепятствовать последнему рывку. Ему помог Игураси. Вместе они остановили удар. Отвели острие. Тонкая струйка крови бежала по коже Блэкторна в том месте, куда вошел кончик меча.

Марико и Ябу не двигались.

Ябу потребовал:

– Скажите ему, что деревня вне опасности, Марико-сан. Прикажите ему... нет, попросите его поклясться именем своего Бога, как советовал Оми-сан.

Блэкторн медленно приходил в себя. Он смотрел на них непонимающим взглядом. Потом стремительный поток жизни вновь обрушился на него, но он все еще числил себя среди мертвых, а не живых.

– Андзин-сан? Андзин-сан?

Он увидел, как двигаются ее губы, и услышал слова, но все его чувства сосредоточились на дожде и ветре.

– Да? – Он почти не слышал собственного голоса, воспринимая лишь запах дождя, стук капель и вкус морской соли в воздухе.

«Я жив, – сообщил он себе удивленно. – Я жив, и это настоящий дождь на улице, и ветер настоящий, с севера. Вот жаровня с углями, и если я подниму чашку, в ней окажется жидкость и она будет иметь вкус саке. Я не умер. Я жив!»

Остальные сидели молча и терпеливо ждали, отдавая должное его мужеству. Ни один человек в Японии никогда не видел ничего

подобного. Все безмолвно спрашивали себя, что же теперь собирается делать капитан. Сможет ли он сам встать и уйти? Как бы я вел себя на его месте?

Служанка принесла бинты и перевязала глубоко разрезанную лезвием руку Оми, остановив кровотечение. Все было очень чинно. Время от времени Блэкторн слышал, как Марико спокойно произносит его имя, пока остальные потягивают чай и саке, наслаждаясь их вкусом.

Казалось, для Блэкторна это состояние исключенности из жизни продлится вечно. Но потом его глаза обрели способность видеть, а уши – слышать.

– Андзин-сан?

– *Хай?* – отозвался он, преодолевая величайшую усталость, которую когда-либо испытывал.

Марико повторила предложение Оми так, будто оно исходило от Ябу. Она должна была повторить его несколько раз, прежде чем удостоверилась, что он все понял.

Блэкторн собрал остатки сил – победа далась ему нелегко.

– Моего слова было бы достаточно, как для меня достаточно его слова. Тем не менее я поклянусь именем Бога, если он этого хочет. Но лишь после того, как Ябу-сан поклянется своими богами, чтобы скрепить уговор со своей стороны.

– Господин Ябу клянется Буддой.

Блэкторн произнес слова клятвы, которой потребовал от него Ябу, и выпил немного зеленого чая. Никогда этот напиток не казался ему таким вкусным. Только вот чашка – она была до того тяжелой, что он не смог долго держать ее в руках.

– Прекрасно, когда идет дождь, правда? – спросил он, следя за исчезающими капельками дождя, удивленный ясностью своего видения.

– Да, – признала она мягко, понимая, что его чувства воспарили на высоту, непостижимую для того, кто не устремлялся по своему желанию навстречу смерти и не был возвращен к жизни велением неведомой кармы. – Почему бы вам теперь не отдохнуть, Андзин-сан? Господин Ябу благодарит вас и предлагает продолжить разговор завтра. Сейчас вам следует отдохнуть.

– Да. Спасибо, это было бы прекрасно.

– Вы можете встать?

– Думаю, что смогу.

– Ябу-сан спрашивает, не нужен ли вам паланкин?

Блэкторн подумал-подумал и наконец решил, что самурай должен ходить пешком.

– Нет, спасибо, – отказался он, хотя ему так хотелось лечь, закрыть глаза и сразу же уснуть. Однако он опасался, что стоит ему забыться сном, как кошмар вернется, заставляя его пережить все заново.

Он медленно поднял меч и принялся внимательнейшим образом его рассматривать. Потом отправил клинок в ножны, потратив на это немало усилий.

– Простите, что я так медлителен, – пробормотал он.

– Не извиняйтесь, Андзин-сан. Сегодня вечером вы родились заново. Мы знаем, это требует большого присутствия духа. Большинство людей после подобного не имеют сил даже на то, чтобы встать. Можно я вам помогу?

– Нет-нет, благодарю вас.

– В этом нет никакого стыда. Я бы сочла за честь помочь вам.

– Спасибо. Но я хочу попробовать сам.

Но он не смог подняться сразу. Ему пришлось опереться о пол руками, чтобы встать на колени, а потом подождать, пока придут силы. Наконец он встал на ноги.

Все поклонились ему.

Блэкторн пошел, шатаясь как пьяный, ему удалось сделать несколько шагов. Он схватился за столб и мгновение держался за него. Его качало, но он шел сам, без посторонней помощи. Как мужчина. Одну руку он держал на рукояти большого меча, голова его была высоко поднята.

Ябу сделал большой глоток sake. Когда к нему вернулась способность говорить, он обратился к Марико:

– Пожалуйста, проводите его. Проследите, чтобы он благополучно добрался домой.

– Да, господин.

Она ушла, а Ябу повернулся к Игураси:

– Ты глупая кучка дерьма! – (Игураси тут же в раскаянии склонил голову до самой циновки.) – Надувательство, ты говоришь? Твоя

глупость стоила бы мне очень дорого.

– Да, господин, вы правы. Я прошу немедленной отставки до конца моих дней.

– Это будет слишком хорошо для тебя! Ступай и живи на конюшне, пока не позову! Спи вместе с глупыми лошадьми! Ты лошадиноголовый тупица!

– Слушаюсь, господин.

– Убирайся! Оми-сан будет теперь командовать ружейным полком. Пошел вон!

Свечи мерцали и потрескивали. Одна из служанок пролила немного sake на маленький лаковый столик перед Ябу, и он долго ее ругал. Затем выпил еще хмельного.

– Надувательство? Надувательство! – брюзжал он. – Глупец! Почему вокруг меня одни глупцы? – (Оми помалкивал, потешаясь в глубине души.) – Но только не ты, Оми-сан. Твои советы очень хороши. С сегодняшнего дня твой доход удвоен. Шесть тысяч коку. На следующий год присоединишь к своему наделу тридцать ри вокруг Андзиро.

Оми поклонился до полу. «Ябу заслуживает смерти, – подумал он презрительно. – Им так легко вертеть».

– Я ничем этого не заслужил, господин. Я только исполнил свой долг.

– Да, но сюзерен должен вознаграждать за верность долгу. – Ябу носил сегодня меч Ёситомо. Ему доставляло огромное удовольствие дотрагиваться до легендарного оружия. – Судзу, – позвал он одну из служанок, – пришли сюда Дзукимото!

– Как скоро начнется война? – спросил Оми.

– В этом году. Может быть, у нас есть в запасе шесть месяцев, а может, уже нет. А что?

– Возможно, госпоже Марико следует задержаться здесь дольше трех дней. Чтобы помочь вам.

– Зачем?

– Андзин-сан говорит ее устами. За полмесяца с помощью Марико-сан он сможет подготовить двадцать человек, которые обучат сотню, а те – остальных. Тогда будет уже не важно, останется он жить или умрет.

– Почему?

– Вы не упустите случая снова бросить вызов Андзин-сану. И кто знает, каким будет исход в следующий раз. Вдруг вы захотите его смерти? – Оба знали, так же как и Мариико с Игураси, что какими бы богами ни клялся Ябу, клятва для него пустой звук. Конечно же, он не имел намерения держать обещание. – Может статься, что вам потребуется надавить на него. Когда сведения получены, что толку в том, кто их сообщил?

– Никакого.

– Вам нужно освоить военную стратегию чужеземцев, но только быстро. Господин Торанага может прислать за капитаном, поэтому нужно как можно дольше удерживать здесь эту женщину. Полмесяца хватит для того, чтобы выпотрошить из него все знания.

– А Торанага-сан?

– Он согласится, если это правильно ему преподнести, господин. Оружие принадлежит вам обоим. И ее постоянное присутствие здесь важно также с других точек зрения.

– Да, – подтвердил Ябу с удовлетворением. Мысль о том, чтобы задержать Мариико в Андзиро как заложницу, пришла ему в голову еще на корабле, когда он намеревался выдать Торанагу Исидо. – Тогда Мариико должна быть под защитой. Нельзя допустить, чтобы она попала в руки врага.

– Да. И вероятно, ее можно использовать для давления на Хиромацу, Бунтаро и весь их клан, даже на Торанагу.

– Набросай письмо насчет нее.

Оми продолжал, повинуясь наитию:

– Моя мать получила сегодня известие из Эдо, господин. Она просила передать вам, что госпожа Гэндзико подарила Торанаге первого внука.

Ябу сразу же насторожился. «Внук Торанаги! Нельзя ли через него получить власть над великим даймё? Внук – это продолжение династии, наследник. Как бы заполучить мальчишку в заложники?»

– А что с госпожой Отибой? – осведомился он.

– Она выехала из Эдо три дня назад. Сейчас уже в безопасности. Во владениях господина Исидо.

Ябу размышлял об Отибе и ее сестре Гэндзико. Какие же они разные! Отиба, такая живая, красивая, остроумная, безжалостная, самая желанная женщина в стране и мать наследника. Гэндзико, ее

младшая сестра, спокойная, задумчивая, плосколицая и непривлекательная, но столь же беспощадная – ее жестокосердие уже стало легендой. Она унаследовала эту черту от матери, одной из сестер Городы. Сестры любили друг друга, но Отиба терпеть не могла Торанагу и его семью, тогда как Гэндзико ненавидела тайко и Яэмона, его сына. «Действительно ли тайко – отец сына Отибы? – спросил себя Ябу. Этим вопросом втайне задавались все даймё. – Чего бы я ни отдал, чтобы обладать этой женщиной».

– Теперь госпожа Отиба больше не заложница в Эдо. Это имеет хорошую и плохую стороны, – заметил Ябу осторожно. – Правда?

– Хорошую, только хорошую. Теперь Исидо и Торанага очень скоро начнут войну. – Оми умышленно опустил «сама» в этих именах. – Госпожа Марико должна оставаться здесь для вашей защиты.

– Посмотрим. Составь письмо Торанаге.

Судзу, служанка, осторожно постучала и открыла дверь. Вошел Дзукимото.

– Где все те подарки, которые я приказал доставить из Мисимы для Оми-сана?

– Они все в кладовой, господин. Вот список. На конюшне можно выбрать двух лошадей. Хотите, чтобы я сделал это прямо сейчас?

– Нет, Оми-сан выберет их завтра.

Ябу пробежал глазами аккуратные строчки: двадцать кимоно (из недорогих), два меча, доспехи (после починки, но в хорошем состоянии), две лошади, вооружение для сотни самураев – меч, шлем, нагрудник, лук, двадцать стрел и одно копьё на каждого (наивысшего качества). Всего на четыреста двадцать шесть коку. Кроме того, камень под названием «Ожидающий варвар».

– Ах да! – воскликнул он, оживившись при воспоминании о той ночи. – Камень, который я нашел на Кюсю. Ты хочешь дать ему другое название, да? «Ожидающему варвару»?

– Да, господин, если это еще занимает вас, – поддержал беседу Оми. – Но не окажете ли вы мне честь, выбрав завтра место для него в саду? Я пока не нашел подходящего.

– Я решу это завтра.

Ябу отдыхал, вспоминая историю камня, те давние дни, знаменитого властелина, тайко, и последнюю «ночь стонов». Им овладела меланхолия. «Жизнь так коротка, печальна и жестока», –

подумал он и посмотрел на Судзу. Служанка нерешительно улыbnулась в ответ. Она была красавица: тонкий овал лица, стройность и деликатность. Хороша, как и две другие. Их доставили в паланкине из его дома в Мисиме. Сегодня вечером они все разгуливали босиком, в кимоно из лучшего шелка, белизною кожи споря с фарфором. «Любопытно, – подумал он, – что мальчишки так грациозны. Во многих отношениях они более женственны, более чувственны, чем девушки». Потом он вспомнил про Дзукимото:

– Чего ты ждешь? Убирайся!

– Да, господин. Вы просили напомнить о налогах. – Дзукимото поднял с татами потное тело и с радостью поспешил уйти.

– Оми-сан, удвой все налоги, – распорядился Ябу.

– Будет исполнено, господин.

– Грязные крестьяне! Они совсем не хотят работать. Все они лентяи. Я защищаю их от разбойников, которые рыщут по дорогам, от морских пиратов, правлю ими мудро, по справедливости, а что делают они? Дни напролет потягивают зеленый чай, саке и уплетают рис. Моим крестьянам пора жить своим умом!

– Да, господин, – поддержал Оми.

После этого Ябу опять вернулся к теме, которая так интересовала его:

– Андзин-сан удивил меня сегодня вечером. А тебя?

– О да, удивил, господин. Более, чем вас. Но вы поступили очень мудро, заставив его покончить с собой.

– Ты думаешь, Игураси был прав?

– Я только восхищаюсь вашей мудростью, господин. Вам следует иногда говорить ему «нет». Я полагаю, вы правильно сделали, сказав «нет» сегодня вечером.

– В какой-то миг его гибель казалась неизбежной. Рад, что ты был наготове. Я надеялся на твою предусмотрительность. Андзин – необычный чужеземец, да? Жаль, что он варвар и такой наивный.

– Да.

Ябу зевнул и принял у Судзу чашку с саке.

– Полмесяца, ты говоришь? Марико-сан следовало бы остаться здесь хотя бы на это время, Оми-сан. Тогда я решу, как поступить с ним. Ему скоро надо будет преподавать еще один урок. – Он засмеялся, показывая плохие зубы. – Если Андзин-сан станет просвещать нас,

нам следовало бы просветить его, не так ли? Ему надо научиться, как правильно совершать сэпку. На это стоит посмотреть! Я думаю, что дни чужеземца сочтены.

Глава 32

Двенадцать дней спустя после полудня из Осаки прибыл гонец, а с ним десять самураев на взмыленных, еле живых лошадях. На концах пик трепетали флаги, несущие герб всемогущего Совета регентов. Погода выдалась жаркой, облачной, влажной.

Гонец – худой, жилистый самурай высшего ранга – являлся одним из главных военачальников Исидо. Его имя было Нэбара Дзодзэн, и он прославился своей жестокостью. Серое кимоно Нэбары изорвалось, выпачкалось в дорожной грязи, глаза покраснели от усталости. Он грубо отклонил предложение поехать с дороги, попить и потребовал немедленной встречи с Ябу.

– Извините за вторжение, Ябу-сан, но мое дело очень срочное, – заявил он. – Я прошу у вас прощения. Мой господин желает знать, во-первых, почему воины Торанаги обучаются вместе с вашими, а во-вторых, почему они упражняются с таким количеством оружия.

Ябу покраснел, но сдержался, зная, что Дзодзэн имеет особые инструкции и что такие вызывающие манеры говорят прежде всего о шатком положении того, кому адресованы подобные речи. К тому же он был очень расстроен новой утечкой секретных сведений.

– Мы вас приветствуем, Дзодзэн-сан. Вы можете заверить своего господина, что я, как и прежде, стою на страже его интересов, – произнес он с вежливостью, которая не обманула никого из присутствующих.

Они разговаривали на веранде в крепости. Оми сидел за спиной Ябу. Игураси, которого несколько дней назад простили, расположился ближе к Дзодзэну, а тот окружил себя самыми надежными людьми.

– Что еще говорит ваш господин?

Дзодзэн продолжал:

– Мой господин будет рад узнать, что ваши интересы – это его интересы. Теперь о ружьях и обучении самураев: он хотел бы знать, почему сын Торанаги Нага стал вторым командиром. Какие такие важные соображения требуют присутствия здесь сына Торанаги, со всей вежливостью спрашивает мой господин Исидо. Он не оставляет вниманием всех своих союзников. Почему, например, за подготовку самураев отвечает чужеземец? И к чему он их готовит? Да, Ябу-сама,

все это очень любопытно. – Дзодзэн поудобнее расположил мечи, радуясь, что его спину прикрывают верные люди. – Далее: Совет регентов снова собирается в первый день нового месяца. Через двадцать дней. Вы официально приглашены в Осаку подтвердить вашу клятву верности.

Желудок Ябу опустился.

– Я так понял, что Торанага-сама отказался от должности регента?

– Да, Ябу-сан, он действительно подал в отставку. Но его место занял господин Ито Тэрудзуми. Мой господин будет новым главой Совета регентов.

Ябу охватила паника. Торанага уверял его, что четверо регентов никогда не сговорятся насчет пятого. Ито Тэрудзуми был мелкой сошкой – даймё провинции Нэгато на западе острова Хонсю, – но принадлежал к древнему роду, происходившему от династии Фудзимото, так что он вполне мог претендовать на место регента, хотя вряд ли подобное пришло в голову этому слабому, изнеженному человеку, не имеющему своего мнения.

– Я польщен таким приглашением, – пробормотал Ябу, пытаюсь выиграть время, чтобы все обдумать.

– Мой господин считает, что вы захотите выехать сразу. Тогда попадете в Осаку на заседание Совета. Он приказал мне сообщить вам, что все даймё получили такое же приглашение. Так что все они имеют возможность прибыть в нужное время, через двадцать один день. Церемония созерцания цветка будет открыта его императорским величеством, императором Го-Нидзё, оказавшим честь такому событию. – Дзодзэн протянул свиток.

– Разве это печать Совета регентов?

– Мой господин сам послал приглашение, зная, что как верный вассал покойного тайко и Яэмона, его сына и наследника, который станет законным правителем страны после достижения совершеннолетия, вы поймете, что новый Совет, конечно, одобрит его поступок.

– Разумеется, будет очень почетно присутствовать на заседании. – Ябу старался следить за выражением своего лица.

– Хорошо. – Дзодзэн вытащил другой свиток, развернул его и поднял вверх. – Это копия письма о назначении господина Ито, подписанная и заверенная другими регентами, господами Исидо,

Киямой, Оноси и Судзиямой. – Дзодзэн не старался скрыть торжества, зная, что ловушка, в которую угодил Торанага со всеми своими союзниками, захлопнулась и теперь он, Дзодзэн, и его люди неуязвимы.

Ябу взял свиток. Его пальцы дрожали. Сомнений в подлинности не было. На свитке стояла подпись госпожи Ёдоко, вдовы тайко, которая подтверждала, что документ верен и составлен в ее присутствии, что это одна из шести копий, разосланных по стране и адресованных правителям Ивари, Микавы, Тотоми, Суруги, Идзу и Канто. Он был датирован одиннадцатью днями ранее.

– Властелины Ивари, Микавы, Суруги и Тотоми уже оповещены. Вот их печати. Вы предпоследний в моем списке. Последний – господин Торанага.

– Пожалуйста, поблагодарите вашего господина и заверьте его, что я с нетерпением жду нашей встречи и поздравляю его, – залебезил Ябу.

– Хорошо. Я потребую подтверждения в письменном виде. Давайте не будем откладывать.

– Уже вечереет, Дзодзэн-сан. После ужина.

– Очень хорошо. А сейчас мы можем пойти и посмотреть, как упражняются ваши люди.

– Их нет. Все мои люди на форсированном марше, – разочаровал его Ябу. Он был немедленно извещен о прибытии Дзодзэна в Идзу и сразу же приказал прекратить стрельбы, переключившись на подготовку, которой можно без особого шума заниматься подальше от Андзиро. – У вас будет возможность посетить занятия завтра со мной, если захотите.

Дзодзэн посмотрел на небо: уже смеркалось.

– Хорошо, я могу немного поспать. Но я вернусь ближе к ночи, с вашего разрешения. Тогда вы и ваши командиры, Оми-сан и Нага-сан, расскажете мне – для сведения моего господина – о подготовке воинов, об оружии и обо всем остальном. И о том, какая роль в этом отведена чужеземцу.

– Да, само собой. – Ябу сделал знак Игураси: – Распорядитесь о помещении для дорогого гостя и его людей.

– Спасибо, но в этом нет необходимости, – отрезал Дзодзэн. – Земля – вот футон для самурая, с меня довольно будет и седельного

потника. Только ванна, с вашего позволения... Я встану лагерем на гребне холма, если вы не возражаете, конечно.

– Как вам будет угодно.

Дзодзэн чопорно поклонился и ушел, окруженный своими людьми. Все они были вооружены до зубов. Два лучника оставались с лошадьми.

Как только они удалились, лицо Ябу исказила ярость.

– Кто меня предал? Кто? Где шпион?

Мертвенно побледнев, Игураси махнул рукой охране, чтобы отошла и не подслушивала.

– Эдо, господин, – прошептал он, – должно быть, доносчик в Эдо. Здесь все держится в строжайшей тайне.

– О! – взвыл Ябу, чуть не порвав на себе кимоно. – Я предан. Мы окружены. Идзу и Канто тоже. Исидо победил. Он выиграл.

Оми быстро вставил:

– Не за двадцать дней, господин. Пошлите тотчас же письмо господину Торанаге. Сообщите ему, что...

– Глупец! – прошипел Ябу. – Торанага, конечно, уже знает. Там, где у меня один шпион, у него пятьдесят. Он бросил меня в ловушке.

– Я так не думаю, господин, – бесстрашно возразил Оми, – Ивари, Микава, Тотоми и Суруга – его враги, не правда ли? И все, кто в союзе с ними. Они никогда не предупредят его, так что, может быть, он еще не знает. Сообщите ему и предложите...

– Ты разве не слышал? – взревел Ябу. – Все четыре регента согласны с назначением Ито. Совет теперь снова обрел законные права, и он соберется через двадцать дней!

– Ответ на это очень прост, господин. Предложите Торанаге, чтобы он не мешкая подстроил убийство Ито Тэрудзуми или кого-то из остальных регентов.

Ябу разинул рот:

– Что?

– Если вы не хотите сделать этого, пошлите меня, позвольте мне попытаться. Или Игураси-сану. Смерть господина Ито вынудит Исидо начинать сначала.

– Не знаю, сошел ты с ума или еще что, – бурчал Ябу беспомощно. – Ты понимаешь, что сказал сейчас?

– Господин, прошу вас, будьте терпеливы со мной. Андзин-сан передает нам бесценные сведения, не так ли? Гораздо больше того, о чем мы мечтали. Теперь и Торанага знает то же самое благодаря нашим донесениям и, видимо, тайным отчетам Наги. Если мы сможем выиграть достаточно времени, наши пять сотен ружей да еще три сотни запасных дадут нам абсолютный перевес в битве, но только в одной. Увидев, как можно использовать людей и огневую мощь, наши враги, кто бы они ни были, быстро переймут опыт. Но они проиграют первую битву. Одна битва – если правильно выбрать место и время – принесет Торанаге окончательную победу.

– Исидо не нужна никакая битва. Через двадцать дней у него будет императорская грамота.

– Исидо – сын крестьянина. Он не воин. Ему неизвестно, что такое честь. Он бросает товарищей в бою.

Ябу впился подозрительным взглядом в Оми, лицо даймё пошло пятнами.

– Ты понимаешь, что говоришь?

– Так он поступал в Корее. Я там был. Я видел это, и мой отец видел. Исидо бросил Бунтаро-сана, и мы должны были сами пробиваться к своим. Он просто вероломный крестьянин – верный пес тайко, и не более того. Мы не можем доверять крестьянам. А Торанага из рода Миновара. Ему можно доверять. Я бы советовал вам считаться только с интересами Торанаги.

Ябу недоверчиво покачал головой:

– Ты глухой? Ты не слышал, что сказал Нэбара Дзодзэн? Исидо победил. У Совета будет власть через двадцать дней.

– *Может быть*, он и будет иметь власть.

– Даже если Ито... Как ты смеешь? Это невозможно.

– Конечно, я сам мог бы попытаться, но не успею. Никто из нас не успеет, во всяком случае не за двадцать дней. Но Торанаге такое по силам. – Оми знал, что сует голову в пасть дракона. – Я прошу вас учесть это.

Ябу вытер лицо руками, он весь был мокрый.

– Получив это приглашение, я не могу не явиться на Совет. Иначе обреку на гибель себя и весь мой клан, включая и тебя. Мне нужно по меньшей мере два месяца, чтобы подготовить полк. Даже если бы

он уже был готов, мы с Торанагой никогда бы не выиграли войну против всех остальных. Нет, ты не прав. Я должен поддержать Исидо.

Оми не отступал:

– Вы не должны выезжать в Осаку в течение десяти дней, даже четырнадцати, если потом поторопитесь. Сразу же известите Торанагу о Нэбаре Дзодзэне. Вы спасете Идзу и дом Касиги. Я прошу вас. Исидо обманет вас и уничтожит. Икава Дзикю – его родственник, да?

– А как быть с Дзодзэном? – воскликнул Игураси. – И с ружьями? Большая стратегия? Он хочет узнать об этом всем сегодня вечером.

– Расскажите ему. С подробностями. Он только слуга, – велел Оми, начиная командовать. Он знал, что рискует всем, но должен был удержать Ябу от союза с Исидо и поражения любыми средствами. – Откройте ему все свои планы.

Игураси яростно запротестовал:

– Как только Дзодзэн узнает, чем мы занимаемся, он известит господина Исидо. Разве можно такое допустить? Исидо узнает о наших замыслах, и тогда с нами будет кончено.

– Мы выследим посланца и убьем его.

Ябу вспыхнул:

– Послание подписано представителями верховной власти страны! Ты, должно быть, сошел с ума, если предлагаешь мне такое! Это поставит меня вне закона!

Оми покачал головой, сохраняя уверенную мину:

– Я считаю, Ёдоко-сама и другие обмануты предателем Исидо, как обмануто его императорское величество. Мы должны защищать ружья, господин. Мы должны остановить любого посланца...

– Молчать! Ты сошел с ума!

Оми поклонился, смиренно принимая упреки, но тут же поднял глаза и заявил спокойно:

– Тогда, пожалуйста, разрешите мне совершить сэппуку, господин. Но прежде позвольте закончить. Я нарушу свой долг, если не попытаюсь защитить вас. Я прошу об этом последнем одолжении как преданный вассал.

– Кончай!

– Пока Совет регентов не собрался, ничто не может служить защитой этому дурно воспитанному Дзодзэну и его людям, если не считать не имеющего законной силы документа, который увидел свет

благодаря... – Оми собирался сказать «слабости», но передумал и продолжал спокойным повелительным тоном: – ...благодаря обману, господин. *Совета нет*. Они не могут *приказывать* вам или кому бы то ни было. Когда Совет соберется, да, смогут, и вы должны будете повиноваться. Но сейчас – кто из даймё подчинится, пока не изданы *законные указы*? Только союзники Исидо, ведь так? Разве не его родственники и приспешники правят провинциями Ивари, Мисава, Тотоми и Суруга? Этот документ – объявление войны, но я прошу вас вести ее на своих условиях, а не на условиях Исидо. Он заслуживает только презрения! Торанага не знал поражений в битве, а Исидо бывал побежден. Торанага избежал участия в самоубийственных наскоках тайко на Корею, Исидо – нет. Торанага проявляет интерес к кораблям и торговле, Исидо – нет. Торанага хочет завести военный флот, как у варваров, – и разве вы не помогаете ему в этом? Исидо – нет. Исидо хочет отгородить страну от внешнего мира. Торанага открыт для него. Исидо отдаст Икаве Дзикю ваш наследственный надел Идзу, если победит. Торанага пожалует вам владения Дзикю. Вы главный союзник Торанаги. Разве он не подарил вам свой меч? Разве не вы владеете огнестрельным оружием? Оно обещает нам по крайней мере одну победу с большим преимуществом. Что даст взамен крестьянин Исидо? Он посылает невоспитанного ронина с приказами, нарочно рассчитанными на то, чтобы опозорить вас в вашей собственной провинции! Я говорю: Торанага Миновара – ваш единственный выбор. Вы должны идти с ним. – Он поклонился и ждал в полной тишине.

Ябу взглянул на Игураси:

– Ну?

– Я согласен с Оми-саном, господин. – Лицо Игураси выражало беспокойство. – Что касается убийства посыльного – это опасно, потом уже нельзя будет отступать. Дзодзэн, конечно, пошлет завтра одного или двух человек. Они могут исчезнуть, пасть от руки разбойни... – Он остановился на полуслове. – Почтовые голуби! На вьючных лошадях Дзодзэна было две корзины!

– Мы отравим их сегодня ночью, – успокоил Оми.

– Как? Их наверняка охраняют.

– Не знаю как, но их надо прикончить или покалечить до рассвета.

Ябу распорядился:

– Игураси, сейчас же отправь человека следить за Дзодзэном. Смотри, не выпустит ли он голубей сегодня.

– Я предлагаю послать на восток всех наших сокольничих с ловчими птицами, – быстро добавил Оми.

– Он заподозрит неладное, если увидит, что его птицы погибли или покалечены, – предположил Игураси.

Оми пожал плечами:

– Но они должны быть остановлены.

Игураси взглянул на Ябу.

Ябу кивнул:

– Исполни.

Вернувшись, Игураси объявил:

– Оми-сан, мне в голову пришла одна мысль. Много из того, что вы сказали – о Дзюкю и господине Исидо, – было правильно. Но если уж гонцы должны «исчезнуть», зачем вообще затевать игру с Дзодзэном? Зачем сообщать ему что-то? Почему не убить сразу же?

– А действительно, почему? Вдруг это развлечет Ябу-сама? Я согласен, ваш план лучше, Игураси-сан, – признал Оми.

Теперь оба глядели на Ябу.

– Как я смогу сохранить ружья в тайне? – спросил тот.

– Убив Дзодзэна и его людей, – ответил Оми.

– А больше никак?

Они покачали головой.

– Может быть, я смогу договориться с Исидо, – стоял на своем Ябу, пытаюсь придумать, как выбраться из ловушки. – Ты прав относительно времени. У меня есть десять дней, самое большее четырнадцать. Как разобраться с Дзодзэном и все-таки оставить время для маневра?

– Было бы мудро сделать вид, что вы собираетесь ехать в Осаку, – подсказал Оми. – Но не будет вреда в том, чтобы сразу же поставить в известность Торанагу. Один из наших почтовых голубей мог бы вылететь в Эдо до захода солнца. Возможно. Никакого вреда...

Игураси присовокупил:

– Вы, конечно, можете сообщить господину Торанаге о приезде Дзодзэна и о том, что Совет соберется через двадцать дней. А об остальном – об убийстве господина Ито – слишком опасно писать, даже если... Слишком опасно, правда?

– Я согласен. Об Ито промолчим. Торанага сам догадается. Это ведь очевидно, так?

– Да, господин. Немыслимо, но очевидно.

Оми молча ждал, его мозг отчаянно искал решение. Глаза Ябу остановились на нем, но он не уstraшился. Его совет был обоснован и преследовал единственную цель – защитить клан и Ябу, нынешнего его главу. Решимость убрать Ябу, заменить его другим вождем не мешала Оми давать дядюшке умные советы. И теперь он приготовился умереть. Если Ябу настолько глуп, что не признает очевидную правоту его доводов, скоро некому будет руководить кланом. Карма.

Ябу наклонился вперед, все еще не решаясь:

– Есть ли какой-нибудь способ убрать Дзодзэна и его людей, не подвергая меня опасности, и выиграть десять дней?

– Нага. Надо подловить на какую-нибудь приманку Нагу, – изрек Оми.

В сумерках Блэкторн и Мариико подъехали к воротам капитанского дома, сопровождаемые слугами. Оба устали. Мариико, в широких штанах и накидке с поясом, сидела в седле по-мужски. Широкополая шляпа и перчатки защищали ее от солнца. Даже крестьянки старались прятать лица и руки от палящих лучей. Чем светлее кожа, тем выше происхождение.

Слуги, приняв поводья, увели лошадей. Блэкторн отпустил сопровождающих и на сносном японском приветствовал Фудзико, которая, как обычно, гордо восседала на веранде.

– Может, подать вам чая, Андзин-сан? – по обыкновению, церемонно предложила она, и он, как всегда, обронил:

– Нет. Сначала я приму ванну. Потом sake и немного еды. – И как повелось, ответив поклоном на ее поклон, прошел коридором на заднюю половину дома, оттуда – в садик и дальше по извилистой дорожке к бане, глиняной мазанке. Слуга принял у него одежду, он вошел и сел нагишом. Другой слуга потер его щеткой, намылил, вымыл ему голову и ополоснул водой, чтобы смыть мыльную пену и грязь. Потом, уже совсем чистый, он потихоньку – вода была горячей – опустился в огромную ванну с железными стенками и лег.

– Боже мой, это прекрасно! – ликовал он, позволяя теплу проникать в мускулы; глаза его были закрыты, по лбу обильно бежал пот.

Послышался звук открывающейся двери и голос Суво: «Добрый вечер, хозяин», следом полился поток японских слов, которых он не мог понять. Но сегодня вечером он слишком устал, чтобы разговаривать с Суво. И ванна, как много раз объясняла ему Марико, предназначалась «не только для очистки кожи. Ванна – это дар Бога или богов, наследство, завещанное нам для радости и наслаждения».

– Помолчи, Суво, – попросил он. – Сегодня вечером хочется подумать.

– Да, хозяин, – согласился Суво. – Прошу прощения, но вам следовало сказать: «Сегодня вечером я хочу подумать».

– Сегодня вечером я хочу подумать, – повторил Блэкторн по-японски, пытаясь удержать в голове почти непостижимые звуки, радуясь, что его поправили, но слишком утомленный всем этим...

– Где грамматика и словари? – спросил он Марико первым делом в то утро. – Ябу-сама позаботился об этом?

– Да. Пожалуйста, потерпите, Андзин-сан. Скоро привезут.

– Их обещали прислать с галерой и самураями. Не прислали. Самураи прибыли с ружьями, но без книг. Мне повезло, что вы здесь. Без вас ничего бы не получилось.

– Было бы трудно, но получилось бы, Андзин-сан.

– Как мне сказать: «Нет, вы все делаете неправильно! Вы должны бегать как одна команда, целиться и стрелять как одна команда»?

– С кем вы говорите, Андзин-сан? – спросила она.

Он снова почувствовал, как в нем поднимается досада.

– Это очень трудно, Марико-сан.

– О нет, Андзин-сан, японский очень прост в сравнении с другими языками. Нет артиклей, нет спряжений глаголов и инфинитивов. Все глаголы правильные, кончаются на «мас», и вы можете при желании сказать что угодно, используя одно настоящее время. Чтобы предложение стало вопросительным, достаточно добавить *ка* после глагола. В отрицательном предложении *мас* заменяют на *масэн*. Что может быть легче? *Юкимас* означает «я иду», но также и «вы идете, он, она или оно идет, мы идем, они идут, пойдут» или даже «они могли сходить». Формы множественного и единственного числа у существительных одинаковы. *Цума* означает и «жена», и «жены». Очень просто.

– Хорошо, как узнать, означает ли *юкимас* «я иду» или «они пошли»?

– По интонации, Андзин-сан, по тону. Слушайте!

– Звучит одинаково.

– Ах, Андзин-сан, это потому, что вы думаете на родном языке. Чтобы понимать японский, надо думать по-японски. Не забывайте, что наш язык – неличный. Все очень просто, Андзин-сан. Измените ваше представление о сущем. Японцы не даром отделены от всего мира... Это все так просто.

– Это все дерьмо, – пробормотал он по-английски, и на душе у него полегчало.

– Что вы сказали?

– Ничего. Но то, что вы говорите, не имеет смысла.

– Изучайте письменные знаки, – предложила Марико.

– Не могу. Это слишком долго. Они не имеют смысла.

– Послушайте, они очень просты, Андзин-сан. Китайцы очень умные. Мы позаимствовали у них письмо тысячу лет назад. Смотрите, этот иероглиф, или символ, обозначает «свинья».

– Он не похож на свинью.

– Когда-то был похож, Андзин-сан. Давайте я вам покажу. Вот. Добавьте иероглиф «крыша» над «свиньей», и что мы имеем?

– «Свинью» и «крышу».

– Но что это обозначает? Новый иероглиф?

– Не знаю.

– «Дом». Раньше китайцы считали, что свинья под крышей и есть дом. Они не буддисты, они едят мясо, поэтому свинья для них, крестьян в большинстве своем, представляла богатство, отсюда и образ хорошего дома. Отсюда и иероглиф.

– Но как это прочитать?

– Это зависит от того, китаец вы или японец.

– Ох!

– Действительно, – прыснула она. – Вот еще один иероглиф. Символ «крыша», символ «свинья» и символ «женщина». «Крыша» с двумя «свиньями» под ней обозначает «довольство». «Крыша» с двумя «женщинами» под ней означает «разлад». Понятно?

– Абсолютно нет!

– Конечно, китайцы не очень сведущи во многих вещах, их женщин не воспитывают так, как у нас. В вашем доме нет разлада, верно?..

Блэкторн думал об этом сегодня, на двенадцатый день после своего нового рождения. Нет. Разлада не было. Но разве это дом? Фудзико не более чем преданная домоправительница. Вечерами, когда он шел спать, футоны уже были перестланы. Она стояла на коленях возле них, терпеливая, безмолвная, в спальном кимоно, похожем на дневное, только более мягком и с одним свободным пояском вместо жесткого оби на талии.

– Благодарю вас, госпожа, – говорил он, – спокойной ночи.

Она кланялась и молча уходила в комнату через коридор, рядом с той, где спала Марико. А Блэкторн залезал под тонкую шелковую москитную сетку. Раньше он таких никогда не видел. С удовольствием распростершись на спине, он слушал жужжание насекомых за сеткой и думал о черном корабле, о том, как важен черный корабль для Японии.

Без португальцев не было бы торговли с Китаем. Не было бы шелка для одежды и этих сеток. Уже сейчас, когда влажность только стала повышаться, он оценил их по достоинству.

Если ночью он начинал ворочаться, почти тут же служанка открывала дверь, чтобы спросить, не надо ли ему чего-нибудь. Один раз он не понял. Отмахнулся от служанки, вышел в сад и сел на ступенях, глядя на луну. Через несколько минут Фудзико, взъерошенная и заспанная, выскочила и молча села позади него.

– Могу я чем-нибудь быть вам полезной, господин?

– Нет, спасибо. Пожалуйста, идите в постель.

Она сказала что-то, чего он не понял. Он снова дал ей понять, что она может идти, Фудзико отдала распоряжение служанке, которая как тень ходила за ней. Вскоре пришла Марико.

– С вами все благополучно, Андзин-сан?

– Да. Я не знаю, почему она побеспокоила вас. Боже мой, я только смотрю на луну. Не спится. Хотел немного подышать свежим воздухом.

Фудзико, запинаясь, изливала что-то Марико. Ей было явно не по себе. Должно быть, ее задело раздражение, прозвучавшее в его голосе.

– Она говорит, что вы велели ей идти спать. Она только хотела довести до вашего сведения, что у нас не принято, чтобы жена или

наложница спали, пока не спит их господин, вот и все, Андзин-сан.

– Тогда пусть она изменит свои обычаи. Я часто бодрствую ночью. Просто так. Это морская привычка – я очень плохо сплю на берегу.

– Да, Андзин-сан.

Марико объяснила, и обе женщины ушли. Но Блэкторн знал, что Фудзико не ляжет и не уснет, пока он не спит. Она всегда была на ногах и ждала, когда бы он ни вернулся в дом. Иногда по ночам он бродил в одиночестве по берегу. Впрочем, и тогда он знал, что за ним следуют по пятам, наблюдают, несмотря на все его попытки отстоять право побыть одному. Следуют не из опасения, что он попробует бежать. Просто потому, что у них такой обычай – всегда сопровождать важных гостей. В Андзиро он был важным гостем.

Со временем он примирился с ее присутствием. После того как Марико посоветовала: «Думайте о ней как о скале, сёдзи или стене. Ее долг – служить вам».

С Марико все обстояло по-другому.

Блэкторн был рад, что она осталась. Без нее он никогда не подступился бы к обучению самураев, не смог бы в одиночку растолковать им премудрости военной стратегии. Он не уставал благословлять ее, отца Доминго, Альбана Карадока и других своих учителей.

«Я никогда не считал, что из военного опыта может выйти такой прок», – подумал он уже в который раз. Однажды, когда его корабль прибыл в Антверпен с грузом английской шерсти, испанские войска напали на город. Все горожане вышли на баррикады и дамбы. Вероломная атака была отбита, испанскую пехоту оттеснили, заставили отступить под огнем пушек. Тогда он впервые увидел, как Вильгельм, принц Оранский, перемещает полки словно шахматные фигуры. Они атаковали, ретировались в притворной панике, чтобы перегруппироваться, снова шли в наступление, паля из ружей пробирающимися до печенок, рвущими перепонки залпами, и проделывали бреши в строю непобедимых, оставляя их умирать, исходить криком. Запах крови, пороха, мочи, конского пота и навоза бил в ноздри, дикая безумная радость убийства овладевала людьми, удесятерять силы.

– Боже мой, как прекрасно побеждать, – заключил он вслух, сидя в ванне.

– Что, господин? – окликнул его Суво.

– Ничего, – ответил он по-японски, – я не разговаривал – думал, просто думал вслух.

– Я понимаю, хозяин. Прошу прощения.

Блэкторн позволил себе расслабиться.

«Марико. Да, она бесценная помощница.

Мы ни словом не обмолвились о той первой ночи, когда я чуть не убил себя. Что было говорить?

Я рад, что столько всего нужно сделать, – размышлял капитан. – Нет времени пораскинуть мозгами – лишь эти минуты в ванне. Нет времени, чтобы успеть все. Приказано сосредоточиться на подготовке и обучении войск, а не на собственной учебе, а хочется выучиться, чтобы выполнить обещание, данное Ябу. Времени всегда в обрез. И эта непроходящая усталость – к ночи выматываешься так, что мгновенно засыпаешь на закате, чтобы с рассветом вскочить и ехать на плато. Все утро муштруешь рядовых самураев, питаешься впроголодь, никакого тебе мяса. Ежедневно после полудня и допоздна – иногда далеко за полночь – толкуешь о войне с Ябу, Оми, Игураси, Нагой, Дзукимото и остальными военачальниками, отвечаешь на вопросы о военном деле. Как вести сражение, каковы битвы у чужеземцев и каковы они у японцев. На суше и на море. Слушатели всегда что-то записывают. Много-много записывают.

Иногда беседуешь с одним Ябу.

Но всегда рядом Марико – твоя часть – говорит за тебя. И Ябу. Марико теперь по-другому относится к тебе, ты больше для нее не чужак.

В другие дни японцы перебеливают черновые записи, всегда перепроверяя их, дотошно пересматривая и сличая вновь и вновь. И вот через двенадцать дней и около ста часов подробных, утомительных объяснений они заполучили руководство по военному делу. Точное. И смертельно опасное.

Опасное для кого? Не для нас, англичан или голландцев, которые явятся сюда с мирными намерениями, для торговли. Опасное для недругов Ябу и Торанаги, для наших врагов – испанцев и португальцев, которые наверняка попытаются завоевать Японию. Как они это делали повсеместно. На всех вновь открытых территориях. Сначала приходят священники. Потом конкистадоры.

Но здесь подобное не пройдет, – подумал он с удовлетворением. – Эту страну уже не завоеешь; через несколько лет все, что я рассказал, чему научил их, распространится по всей Японии».

– Андзин-сан? – Она поклонилась ему. – Андзин-сан, *Ябу ко ва кидэн но го усэки но конва о хицутосэну то осэрарэру*.

Слова медленно проступали в его мозгу: «Господин Ябу не хочет видеть вас сегодня вечером».

– *Ити-бан*, – протянул он блаженно. – *Домо*.

– *Гомэн насай*, Андзин-сан. *Аната ва*.

– Да, Марико-сан, – прервал он ее. Тепло воды расслабляло и убаюкивало его. – Я знаю, мне бы надо сказать это по-другому, но я не хочу больше говорить сейчас по-японски. Не сегодня вечером. Сейчас я чувствую себя как школяр, отпущенный на рождественские каникулы. Вы понимаете, что это первые свободные часы с тех пор, как я прибыл сюда?

– Да-да, понимаю, – криво улыбнулась она. – А вы понимаете, сеньор капитан, что и для меня это первые свободные часы после приезда сюда?

Он засмеялся. На ней был толстый хлопчатобумажный купальный халат, повязанный свободно, волосы прикрывал тюрбан из полотенца. Каждый вечер, когда ему начинали делать массаж, она принимала ванну, иногда одна, иногда вместе с Фудзико.

– Ну вот, ваша очередь, – объявил он, намереваясь выбраться из ванны.

– Ой, пожалуйста, я не хотела беспокоить вас.

– Тогда присоединяйтесь! Это будет замечательно.

– Благодарю вас. Я едва могу дождаться, когда можно будет смыть грязь и пот. – Она сняла халат и опустилась на маленькое сиденье. Слуга начал намыливать ее. Суво терпеливо ждал у массажного стола.

– Это действительно напоминает школьные каникулы, – признала она счастливо.

Впервые увидев ее обнаженной – в тот день, когда они купались, – Блэкторн испытал сильное потрясение. Теперь ее нагота сама по себе не трогала его в физическом смысле. Живя бок о бок с Марико в японском доме, где стены из бумаги, а комнаты имеют многоцелевое назначение, он не раз видел ее раздетой и полураздетой. Однажды даже наблюдал, как она присела помочиться.

– Это ведь нормально, Андзин-сан? Тела естественны, различия между мужчинами и женщинами естественны, да?

– Да, только мы... э-э... мы воспитаны по-другому.

– Но теперь вы здесь, и наши обычаи – это ваши обычаи. И естественное естественно, не так ли?

Естественным считалось мочиться или испражняться на открытом месте, если рядом не было уборных или других отхожих мест, просто приподняв полы кимоно или разведя их, сидя на корточках или стоя. Присутствующие при этом вежливо ждали, не пяля на вас глаза, иногда загоразивая для уединения. Впрочем, никто не понимал, почему, собственно, нужно уединяться. Крестьяне тут же собирали испражнения, разводили их водой для удобрения посадок. Человеческие экскременты служили единственным существенным источником плодородия почвы в стране. Лошадей и волов на островах имелось немного, а других животных, способных в изобилии поставлять навоз, не было. Поэтому каждую частицу человеческих фекалий собирали и продавали по всей стране.

И после того как вы лицезрели высокорожденных и простолудинов, задирающих или разводящих полы кимоно, стоящих или присевших на корточки, вас уже мало что могло удивить.

– Хорошо, – промурлыкала она блаженно, – скоро вы полюбите сырую рыбу и свежие водоросли и тогда станете настоящим хатамото.

Служанка облила ее водой. Отмывшись до скрипа, Марико вошла в ванну и легла напротив него, испустив долгий вздох наслаждения. Маленькое распятие качалось у нее между грудей.

– Как вам это удастся? – спросил он.

– Что?

– Так быстро забираться в ванну. Вода слишком горячая.

– Не знаю, Андзин-сан, но я попросила подкинуть дров и подогреть воду. Для вас Фудзико всегда проверяет воду – мы называем ее прохладной.

– Если она прохладная, я голландский дядюшка!

– Что?

– Ничего.

От горячей воды их разморило, и они лежали, лениво развалясь, не меняя позы, не произнося ни слова.

Потом она спросила:

– Чем бы вы хотели заняться сегодня вечером, Андзин-сан?

– Если бы мы были в Лондоне... – Блэкторн осекся. «Мне бы не следовало думать о них, – сказал он себе, – или о Лондоне. Это все кончилось. Этого не существует. Существует только то, что здесь».

– Если? – Она посмотрела на него, сразу заметив, как он переменялся в лице.

– Мы бы пошли в театр и посмотрели пьесу, – закончил он, справившись с собой. – У вас здесь бывают представления?

– О да, Андзин-сан. У нас очень любят всякие представления. Тайко нравилось ставить их для увеселения гостей, даже господину Торанаге они по вкусу. И конечно, у нас есть много бродячих актеров, развлекающих простой люд. Но наши представления не похожи на ваши, как мне кажется. Наши лицедеи носят маски. Мы называем их представления *но*. Там много музыки, много танцев, и это в основном очень печальные, трагические пьесы на сюжеты из истории. Реже – комедии. Мы бы посмотрели с вами комедию или, может быть, религиозную мистерию?

– Нет, мы бы пошли в театр «Глобус» и посмотрели что-нибудь написанное человеком по фамилии Шекспир. Он мне нравится больше, чем Бен Джонсон или Марло. Может быть, мы бы посмотрели «Укрощение строптивой», или «Сон в летнюю ночь», или «Ромео и Джульетту». Я водил свою жену на «Ромео и Джульетту», и ей очень понравилось. – Блэкторн вкратце изложил Марико фабулу этих пьес.

Марико нашла их очень странными:

– По нашим понятиям, очень неразумно для девушки не слушаться родителей. Но так печально. Плохо и для девушки, и для юноши. Ей было только тринадцать? Ваши женщины так рано выходят замуж?

– Нет. Обычно в пятнадцать или шестнадцать лет. Моей жене было семнадцать, когда мы поженились. А сколько было вам?

– Ровно пятнадцать, Андзин-сан. – Тень прошла по ее лицу при этих словах. – А после театра куда бы мы пошли?

– Я бы повел вас поужинать. В заведение Стоуна, где подают отбивные, на Феттер-лейн, или в «Чеширский сыр» на Флит-стрит. Это все гостиницы, где можно отведать особые кушанья.

– А что бы мы ели?

– Я бы не хотел вдаваться в воспоминания, – признался он с ленивой улыбкой, возвращаясь к настоящему. – Я не помню. Мы здесь,

и я рад сырой рыбе. Карма есть карма. – Он глубже опустил в воду. – Великое слово – карма. И хорошая идея. Вы очень помогли мне, Марико-сан.

– Я рада немного помочь вам. – Марико расслабилась в тепле. – Фудзико сегодня вечером раздобыла для вас особенную пищу.

– Да?

– Она купила... Я думаю, у вас это называется фазан. Большая птица. Один из сокольников поймал для нее.

– Фазан? Вы действительно имеете в виду именно его? Хонто?

– *Хонто*, – подтвердила она. – Фудзико просила поймать его. И сообщить вам об этом.

– И как он будет приготовлен?

– Один из самураев видел, как готовят дичь португальцы, и рассказал Фудзико-сан. Она просит вас не огорчаться, если блюдо не очень удастся.

– Но как она это сделает... как повара его приготовят? – Он поправился, так как и готовили, и убрали слуги.

– Ей сказали, что сначала кто-то должен повидергать из него перья, потом вынуть кишки. – Марико с трудом сдерживала брезгливость. – После птицу либо режут на маленькие кусочки и жарят на масле, либо варят с солью и специями. – Она сморщила нос. – Иногда обмазывают ее глиной, кладут на угли и пекут. У нас нет печей, Андзин-сан. Так что ее изжарят. Надеюсь, что все получится.

– Уверен, это будет прекрасно, – проявил он великодушие, убежденный, что хорошего ждать не приходится.

Она рассмеялась:

– Иногда вы так неумело притворяетесь, Андзин-сан.

– Вы не понимаете, как важна еда! – Он непроизвольно улыбнулся. – Вы правы. Мне не следует придавать такое значение еде. Но я не могу не ощущать голода.

– Скоро сможете. Вы даже научитесь пить зеленый чай из пустой чашки.

– Что?

– Сейчас не место и не время объяснять, Андзин-сан. Для этого вы должны быть бодрым и внимательным. Как-нибудь, когда выдастся спокойный закат или рассвет, я покажу вам. Ах, как хорошо лежать здесь, не правда ли? Ванна прямо дар богов.

Блэкторн слышал, как слуги за стеной подбрасывают дрова в печь. Он терпел невыносимый жар, пока мог, потом выбрался из воды с помощью Суво и лег, задыхаясь, на толстое полотенце. Пальцы старика ощупали спину. Блэкторн чуть не закричал от удовольствия. Как хорошо!

– Вы так сильно изменились за последние дни, Андзин-сан.

– Я изменился?

– О да, с вашего нового рождения, очень сильно.

Он пытался воскресить в памяти ту ночь, но мало что припомнил. Каким-то образом ему удалось дотащить до дому. Фудзико и служанки уложили его в постель. После крепкого сна без видений он пробудился на рассвете и пошел поплавать. Потом, обсохнув на солнышке, поблагодарит Бога за то, что тот дал силы, и за лазейку, которую подсказала Марико. Позже, возвращаясь домой, он здоровался с крестьянами, лелея в себе сознание того, что теперь они свободны от возможной кары Ябу и что он тоже свободен от ответственности за них. Потом, когда появилась Марико, он послал за Мурой.

– Марико-сан, пожалуйста, скажите Муре следующее: «У нас есть общая забота, у вас и у меня. Мы решим ее вместе. Я хочу поступить в деревенскую школу. Учиться говорить вместе с детьми».

– У них нет школы, Андзин-сан.

– Нет?

– Нет. Мура говорит, что в нескольких ри к западу отсюда есть монастырь и монахи могут вас научить читать и писать, если вы захотите. Но здесь деревня, Андзин-сан. Здешние дети учатся ловить рыбу, плавать на лодке по морю, вязать сети, сажать и выращивать рис и овощи. И конечно, родители, дедушка с бабушкой сами учат своих детей, как заведено.

– Так как же мне тогда учиться, когда вы уедете?

– Господин Торанага пришлет книги.

– Одних книг мне мало.

– Все будет хорошо, Андзин-сан.

– Да. Может быть. Но растолкуйте старосте: если я сделаю ошибку, все – даже дети – должны поправлять меня, сразу же. Я им приказываю.

– Он благодарит вас, Андзин-сан.

– Здесь кто-нибудь говорит по-португальски?

– Он говорит, что нет.

– А кто-нибудь поблизости?

– *Иэ*, Андзин-сан.

– Марико-сан, мне понадобится кто-то, когда вы уедете.

– Я передам ваши слова Ябу-сану.

– Мура-сан, вы...

– Он говорит, что вы не должны прибавлять «сан», когда обращаетесь к нему или вообще к кому-нибудь из крестьян. Они ниже вас по положению. Неправильно говорить «сан» человеку, который ниже вас.

Фудзико поклонилась ему до земли в тот первый день.

– Фудзико-сан приветствует вас в вашем доме, Андзин-сан. Она говорит, вы сделали ей большую честь, и просит простить ее за грубость, проявленную тогда, на корабле. Она считает честью для себя быть вашей наложницей и управлять вашим домом. Она будет очень рада, если вы согласитесь носить те мечи. Они принадлежали ее покойному отцу. Своему мужу она их не предлагала, ибо у него имелись свои мечи.

– Поблагодарите ее и скажите, что я польщен тем, что она стала моей наложницей, – попросил Блэкторн.

Марико тоже поклонилась ему:

– Андзин-сан, мы смотрим на вас новыми глазами. Наш обычай таков, что мы иногда ведем себя церемонно, очень строго. Вы открыли мне глаза. На многое. До сих пор вы для меня были просто чужеземцем, варваром. Пожалуйста, простите мне мою глупость. Ваш поступок доказывает, что вы самурай.

Блэкторн вырос в собственных глазах в тот день. Но близость добровольной гибели изменила его больше, чем он предполагал. Оставила в душе куда более глубокую отметину, чем весь предшествующий опыт балансирования на грани жизни и смерти.

«Признайся, ты надеялся на Оми? – пытал он себя. – Рассчитывал, что Оми не позволит тебе совершить самоубийство? Разве ты не верил, что до него дойдут твои безмолвные намеки?»

Не знаю. Но я рад, что он был начеку, – честно признался себе Блэкторн. – Наступила другая жизнь».

– Это моя девятая жизнь. Последняя! – провозгласил он вслух.

Пальцы Суво сразу же остановились:

– Что вы сказали, Андзин-сан?

– Ничего. Так, ничего, – смешался он.

– Я не сделал вам больно, господин? – спросил Суво.

– Нет.

Суво произнес что-то еще, чего Блэкторн не разобрал.

– Додзо?

Марико ответила из ванны:

– Он хочет теперь промассировать вам спину.

Блэкторн повернулся на живот, повторил эту фразу по-японски и тут же позабыл ее. Сквозь пар он видел Марико: она глубоко дышала, слегка откинув назад голову, кожа на теле у нее порозовела.

«Как она выдерживает такую жару? – подивился он. – Привычка, я думаю, с самого детства».

Под ласковыми прикосновениями Суво он почти мгновенно задремал.

«О чем я думал?

Ты думал о своей девятой, своей последней жизни. Ты испугался, вспомнив это поверье. Но глупо здесь, на Земле богов, цепляться за поверья. Здесь все другое, и это навсегда. Сегодня – это всегда.

Завтра может случиться очень многое.

Сегодня я буду жить по их законам.

Я буду жить».

Служанка принесла закрытое блюдо. Как полагалось, она держала его высоко над головой, чтобы ее дыхание не загрязняло пищу. Встав на колени, она поставила блюдо на обеденный столик перед Блэкторном. Другой маленький столик был сервирован чашками и палочками для еды, чашками для саке и салфетками, изящным букетом цветов. Фудзико и Марико сидели перед ним, принаряженные. Прически их украшали цветы и серебряные гребни. Фудзико облачилась в белое кимоно с узором из зеленых рыбок и подпоясала его золотистым оби. На Марико кимоно было черно-красное, в серебристых хризантемах, а оби – в красно-серебристую шахматную клетку. Обе, как всегда, источали аромат духов. Для отпугивания ночных насекомых зажгли курильницу с благовониями.

Блэкторн имел достаточно времени, чтобы успокоиться. Он знал, что любое выражение недовольства с его стороны нарушит очарование

вечера. «Если бы можно было ловить фазанов, все пошло бы по-другому», – подумал капитан. Он, имевший лошадь и ружья, мог бы охотиться сам. Но где взять время?

Фудзико наклонилась и сняла крышку. Маленькие кусочки жареной дичи имели весьма привлекательный вид. У Блэкторна потекли слюнки.

Он осторожно взял кусочек мяса палочками для еды, стараясь не уронить, и начал жевать. Кушанье было сухим и жестким, но он так давно обходился без мяса, что и это показалось ему превосходным. Еще один кусок. Он вздохнул с удовольствием:

– *Ити-бан, ити-бан*, честное слово!

Фудзико вспыхнула и налила ему sake, стараясь спрятать лицо. Марико обмахивалась малиновым веером, украшенным изображениями стрекоз. Блэкторн большими глотками выпил sake и съел еще один кусок, наполнил чашку и по обычаю предложил ее Фудзико. Она отказалась, также по обычаю, но сегодня он настоял, поэтому она осушила чашку, слегка поперхнувшись. Марико также отказывалась и также была вынуждена выпить. Потом он опять приступил к фазану, пытаясь поглощать его крохотными кусочками, какие только удавалось отрезать. Его сотрапезницы едва притронулись к своим мизерным порциям овощей и рыбы. Это не удивило Блэкторна, ибо обычай предписывал женщинам насыщаться до или после мужчин, чтобы за ужином все внимание уделялось господину.

Он съел всего фазана, три чашки риса и прихлебывал sake, что считалось признаком хорошего тона. Впервые за несколько месяцев он утолил голод, прикончив за трапезой шесть бутылочек подогретого хмельного напитка. На долю Марико и Фудзико пришлось две. Теперь они раскраснелись и глуповато хихикали.

Марико засмеялась и прикрыла рот ладонью:

– Хотела бы я научиться пить sake, как вы, Андзин-сан. Вы пьете sake лучше всех, кого я знаю. Бьюсь об заклад, что вы могли бы выпить больше всех в Идзу! Я бы выиграла на вас кучу денег!

– Я думал, самураи не любят азартные игры.

– О да, не любят, точно. Они же не купцы или крестьяне. Но не все самураи таковы. Многие держат пари, как южные вар... как португальцы.

– Женщины тоже?

– О да, очень многие. Но только с другими господами, на небольшие суммы и всегда так, чтобы не узнали их мужья! – Она, посмеиваясь, перевела все это Фудзико, которая еще больше покраснелась.

– Ваша наложница спрашивает: англичане тоже заключают пари? Вам нравится спорить?

– Это наше национальное развлечение. – И он рассказал им о скачках, игре в кегли, травле быков собаками, охоте с гончими и ловчими птицами, игре в шары, новых театральных труппах, стрельбе и метании дротиков, лотереях, кулачных боях, картах, борьбе, игре в кости, шашки, домино и ярмарках, где можно поставить фартинг-другой на число, заключив пари с колесом удачи.

– Но где вы берете время на жизнь, на войну, на любовь? – удивилась Фудзико.

– Ну, для этого всегда найдется время. – Их глаза на мгновение встретились, но он не смог прочесть во взгляде своей наложницы ничего, кроме счастья и, может быть, легкого опьянения.

Марико попросила его спеть матросскую песню для Фудзико. Он спел, и они его похвалили, уверяя, будто ничего лучше не слышали.

– Выпейте еще sake!

– О, вы не должны наливать, Андзин-сан. Это женская обязанность, разве я вам не говорила?

– Да. Налейте еще. *Додзо*.

– Я лучше не буду. Думаю, я свалюсь. – Марико усиленно заработала веером, так что несколько прядей выбилось из ее безукоризненной прически.

– У вас красивые уши, – заметил он.

– У вас тоже. Мы с Фудзико-сан думаем, что ваш нос тоже совершенен, достоин даймё.

Он ухмыльнулся и ловко поклонился им. Они поклонились в ответ. У Марико складки кимоно слегка отошли на шее, приоткрыв край алого нижнего одеяния и натянувшись на груди. Это сильно возбудило его.

– Сake, Андзин-сан?

Он протянул чашку, его пальцы не дрожали. Наливая, она сосредоточенно глядела в фарфоровую емкость и от напряжения высунула кончик языка.

Фудзико неохотно приняла свою чашку, сказав, что уже не чувствует под собой ног. Ее тихая меланхолия в этот вечер исчезла, она опять казалась совсем юной. Блэкторн заметил, что она вовсе не так безобразна, как ему представлялось раньше.

Голова Дзодзэна гудела. Не от sake, а от той невероятной военной стратегии, которую так открыто выложили ему Ябу, Оми и Игураси. Только Нага, второй командир, сын заклятого врага, за весь вечер не сказал ни слова, холодный, высокомерный, жестокий. На его худом лице сильно выделялся крупный нос – фамильная черта, характерная для потомства Торанаги.

– Удивительно, Ябу-сама, – сказал Дзодзэн. – Теперь я понимаю причину такой секретности. Мой господин оценит это. Мудро, очень мудро. А вы, Нага-сан, весь вечер молчите. Мне любопытно знать и ваше мнение.

– Мой отец считает, что на войне необходимо использовать все возможности, Дзодзэн-сан, – ответил молодой человек.

– А ваше личное мнение?

– Я послан сюда повиноваться и наблюдать, слушать и учиться. Не высказывая своего мнения.

– Но как второй командир – я бы сказал, командир не из последних, – вы считаете, что опыт удался?

– На это вам могут ответить Ябу-сама или Оми-сан. Или мой отец.

– Но Ябу-сама заверил, что сегодня вечером каждый может говорить свободно. Что здесь скрывать? Мы же все друзья, не так ли? Сын такого знаменитого отца должен иметь собственное мнение. Да?

Глаза Наги насмешливо сузились, но и только.

– Можно говорить свободно, Нага-сан, – поддержал Ябу. – Что вы думаете?

– Я думаю, что, будучи применена неожиданно для противника, эта тактика позволит выиграть одну схватку или, может быть, одну серьезную битву. Благодаря внезапности. Но потом? – Тон Наги стал ледяным. – Потом, когда все стороны освоят эту тактику, бессмысленная гибель постигнет огромное число воинов, подло убитых людьми, которые даже не узнают, кого обрекли на смерть. Сомневаюсь, что мой отец на самом деле одобрит использование ружей в настоящей битве.

– Он так сказал? – вскинулся Ябу, забыв о Дзодзэне.

– Нет, Ябу-сама. Таково мое мнение.

– Значит, вы не одобряете создание мушкетного полка? Он вам не по душе? – мрачно спросил Ябу.

Нага взглянул на него плоскими глазами рептилии:

– При всем моем к вам уважении, раз уж вы спрашиваете мое мнение, да, я нахожу эту затею отвратительной. Наши предки всегда знали, кого убили или кем побеждены. Это бусидо, наш кодекс чести, путь воина, путь истинного самурая. Всегда побеждает настоящий мужчина. А теперь? Как вы докажете господину свою доблесть? Как он сможет наградить за мужество? Стрелять – это смело, но также и глупо. Где здесь особая доблесть? Ружья против кодекса самураев. Так воюют варвары, так воюют крестьяне. Вы понимаете, что даже мерзкие купцы и крестьяне, даже *эта* могут вести такую войну? – Дзодзэн засмеялся, а Нага продолжал еще более напористо: – Несколько сумасшедших крестьян смогут уложить любое количество самураев, располагая достаточным количеством ружей! Да, крестьяне смогут убить любого из нас, даже господина Исидо, который хочет сесть на место моего отца.

Дзодзэн не сдержался:

– Господин Исидо не посягает на земли вашего отца. Он только стремится защитить страну, сохранить ее для законного наследника.

– Мой отец не угрожает господину Яэмону или государству.

– Конечно, но вы говорили о крестьянах. Господин Исидо был когда-то крестьянином. Я тоже был крестьянином. И ронином!

Нага не хотел ссориться. Он знал, что не может противостоять Дзодзэну, который, как всем было известно, блестяще владел мечом и секирой.

– Я не имел намерения оскорбить вас, вашего господина или еще кого-то, Дзодзэн-сан. Я только сказал, что мы, самураи, должны позаботиться, чтобы крестьяне никогда не имели ружей, иначе никто из нас не будет в безопасности.

– Купцы и крестьяне никогда не смогут причинить нам неприятностей, – отмахнулся Дзодзэн.

– Я тоже так думаю, – поддержал Ябу. – Нага-сан, я согласен кое с чем из того, что вы сказали. Но мушкетеры – современное оружие. Скоро все боевые действия будут вестись с использованием ружей. Я согласен, это отвратительно. Но это способ ведения современной войны. И потом все станет как всегда – побеждать будут самые смелые самураи.

– Нет, извините, но вы не правы, Ябу-сама! Чему учил нас этот проклятый варвар? В чем суть их военной стратегии? Он открыто признал, что все их армии состоят из наемников и рекрутов. Наемники! У них нет чувства долга перед господами. Они воюют за плату и долю в военной добыче, за право насиловать и обжираться. Разве он не говорил, что их армии – это армии крестьян? Вот что ружья принесли в их мир и что они принесут нам. Если бы это было в моей власти, я бы сегодня же вечером отсек чужеземцу голову и навсегда объявил все ружья вне закона.

– Так думает ваш отец? – поторопился с вопросом Дзодзэн.

– Мой отец не делится ни со мной, ни с кем-то еще своими мыслями. Оставляет их при себе, как вы наверняка знаете. Я высказываю только свое личное мнение, – ответил Нага, досадуя, что попался в ловушку, позволил-таки втянуть себя в разговор. – Я прислан сюда повиноваться и слушать, а не говорить. Я бы смолчал, если бы вы не спросили. Если я кого-то обидел, прошу прощения.

– Извиняться не стоит. Меня интересовала ваша точка зрения, – изрек Ябу. – Почему кто-то должен обижаться? Это обсуждение, не так ли? Среди командиров. Вы бы объявили ружья вне закона?

– Да, я думаю, было бы разумно держать под присмотром каждое ружье на нашей земле.

– Всем крестьянам запрещено иметь любое оружие.

Дзодзэн посмеивался над щуплым юнцом, в душе презирая его:

– Интересные у вас мысли, Нага-сан. Но вы ошибаетесь относительно крестьян. Для самураев они не более чем кормильцы. Они не опаснее навозных куч.

– Пойдите-ка! – взвился Нага, которого обуяла гордость. – Вот почему я бы теперь же объявил ружья вне закона. Вы правы, Ябу-сан, новая эра требует новых методов ведения войны. Но, послушав Андзин-сана, этого чужеземца, я пришел к убеждению, что наши сегодняшние законы следует ужесточить. Я бы выпустил эдикт, предписывающий казнить вместе со всей семьей каждого, кто, не будучи самураем, будет застигнут с оружием или пойман при торговле им. Далее: я бы запретил изготавливать и ввозить ружья. Я бы отказал чужеземцам в праве носить ружья или привозить их в нашу страну. Будь у меня власть – которой я не желаю и никогда не обрету, – я бы изгнал из страны всех чужеземцев, кроме нескольких священников. Порт, необходимый для торговли с заморскими землями, я бы обнес высоким забором и поставил к нему стражу из самых надежных воинов. И последнее: я бы отправил этого дерьмоголового Андзин-сана на смерть сразу же, чтобы его мерзкое знание не распространилось по стране. Он как зараза.

Дзодзэн ухмыльнулся:

– Ах, Нага-сан, наверное, хорошо быть таким молодым. Вы знаете, мой господин согласен со многим из того, что вы сказали о чужеземцах. Я не раз слышал, как он призывал: «Уберите их, вышвырните, выгоните пинками под зад в Нагасаки и держите там взаперти!» Вы бы убили Андзин-сана, да? Занятно. Моему господину Андзин-сан тоже не нравится. Но для него... – Он осекся. – Ах да, эти ваши соображения насчет ружей очень любопытны! Можно я передам их моему господину? Вашу мысль о новых законах?

– Почему нет? – Нага вспомнил о вежливости, излив все, что копилось в душе под спудом с первого дня пребывания в Андзиро.

– Вы сообщили свое мнение господину Торанаге? – спросил Ябу.

– Господин Торанага не спрашивал моего мнения. Я надеюсь, что он удостоит меня чести и поинтересуется моим мнением, – ответил

Нага сразу же с полной искренностью, гадая, распознан ли его обман.

Оми заметил:

– Поскольку это свободное обсуждение, господин, осмелюсь не согласиться. Этот чужеземец – сокровище. Я считаю, мы должны учиться у чужеземцев. Узнать все о ружьях и военных кораблях. Использовать их знания. Проникнуть в образ их мыслей, чтобы вскоре их перегнать.

Нага поморщился:

– Что они знают, Оми-сан? Ружья и корабли. Что еще? Как они могли бы победить нас? Среди них нет самураев. Разве этот Андзин не заявляет открыто, что даже их короли – убийцы и религиозные фанатики? Нас миллионы – их горсточка. Мы сможем уничтожить их одними голыми руками.

– Андзин-сан на многое открыл мне глаза, Нага-сан. Я вдруг обнаружил, что наша земля и Китай – это еще не весь мир, только очень небольшая его часть. Сначала я решил, что чужеземец смешон, и не более того. Теперь я так не думаю. Я благодарю богов за него. Я думаю, что он спас нас, и знаю, что мы можем многому научиться у него. Он уже дал нам власть над южными чужеземцами... и Китаем.

– Что?

– Тайко проиграл войну потому, что они значительно превосходили нас числом, слишком большой перевес в людской силе, туча стрел. Приняв на вооружение мушкеты и новую военную стратегию, мы можем взять Пекин.

– Приняв на вооружение вероломство чужеземцев, Оми-сан!

– Нет, их знания, Нага-сан. Обладая ими, мы могли бы взять Пекин. Тому, кто завоеует Пекин, подчинится весь Китай. А тот, кто покорит Китай, овладеет всем миром. Мы не должны стыдиться перенимать знания, откуда бы они ни исходили.

– Я уверен, мы не нуждаемся ни в чем со стороны.

– Не обижайтесь, Нага-сан. Я уверен, что мы должны оборонять Землю богов любыми средствами. Наш первейший долг – защищать то единственное в своем роде, божественное место, которое отведено нам под солнцем. Ведь нет иной Земли богов, правда? И только наш император ведет свое происхождение от богов. Я согласен с тем, что чужеземцу нужно заткнуть рот. Но не казнив его, а удерживая здесь, в Андзиро, пока мы не узнаем всего, что он знает.

Дзодзэн задумчиво почесался:

– Мой господин узнает ваши мнения. Я согласен с тем, что чужеземец должен содержаться обособленно. А также с тем, что подготовку нужно немедленно прекратить.

Ябу вынул из рукава свиток:

– Здесь полный отчет для господина Исидо. Как только он пожелает прекратить подготовку стрелков, она, конечно, прекратится.

Дзодзэн принял свиток:

– А господин Торанага? Что с ним? – Его глаза обратились к Наге. Тот помалкивал, разглядывая свиток.

Ябу нашелся:

– Вы можете узнать его мнение от него самого. Ему послан такой же отчет. Я думаю, вы уедете в Эдо завтра? Или вам хотелось бы посмотреть, как мы готовим воинов? К сожалению, должен признаться, что наши люди еще не очень хорошо обучены.

– Мне бы хотелось посмотреть одну атаку.

– Оми-сан, распорядись! Ты поведешь людей.

– Да, господин.

Дзодзэн повернулся к своему помощнику и дал ему свиток:

– Масумото, отвези это немедленно господину Исидо. Выезжай сразу же.

– Слушаюсь, Дзодзэн-сан.

Ябу велел Игураси:

– Дай ему проводников до границы и свежих лошадей.

Игураси с самураем тут же вышли.

Дзодзэн потянулся и зевнул.

– Пожалуйста, простите меня, – извинился он. – Несколько дней не слезал с лошади. Я должен поблагодарить вас за необычный вечер, Ябу-сама. Вы смотрите далеко. И вы, Оми-сан. И вы, Нага-сан. Я не премину сообщить это господину Торанаге и моему господину. Теперь, если вы меня извините, я устал, дорога из Осаки очень длинная.

– Конечно, – подхватил Ябу. – Как там, в Осаке?

– Хорошо. Помните тех разбойников, что преследовали вас на суше и на море?

– Разумеется.

– Мы захватили четыреста пятьдесят человек в ту ночь. Многие носили гербы Торанаги.

– У ронинов нет понятия о чести. Никакого.

– У некоторых есть, – оскорбился Дзодзэн. Его преследовал неизживаемый стыд за то, что когда-то он был ронином. – Кое-кто носил наши гербы. Никто не спасся. Все погибли.

– И Бунтаро-сан?

– Нет. Он... – Дзодзэн запнулся. Это «нет» выскочило случайно, но теперь, когда он его произнес, на попятный идти было поздно. – Нет. Мы не знаем наверняка. Его тела не нашли. Вы ничего не слышали о нем?

– Нет, – сказал Нага.

– Может быть, он и был схвачен. Вдруг они разрезали его на куски и раскидали останки повсюду? Мой господин хотел бы знать, какая судьба постигла его, если вы получите новости. В Осаке сейчас все спокойно. Идут приготовления к встрече регентов. А также к празднованию новой эры и, конечно, чествованию всех даймё.

– А господин Тода Хиромацу? – вежливо осведомился Нага.

– Старина Железный Кулак все так же силен и свиреп.

– Он все еще там?

– Нет. Выехал с людьми вашего отца за несколько дней до моего отъезда.

– А двор моего отца?

– Я слышал, что госпожа Кирицубо и госпожа Садзуко просили разрешения остаться с моим господином. Лекарь посоветовал наложнице господина Торанаги подождать месяц. Он считает, что дорога не пойдет на пользу ребенку, которого она ожидает. – Для Ябу он добавил: – Она ведь упала в ночь вашего отъезда, правда?

– Да.

– Надеюсь, ничего серьезного? – встревожился Нага.

– Нет, Нага-сан, ничего серьезного, – успокоил Дзодзэн, потом опять обратился к Ябу: – Вы известили господина Торанагу о моем приезде?

– Конечно.

– Хорошо.

– Новости, которые вы нам сообщили, очень его заинтересуют.

– Да. Я видел почтового голубя, он сделал круг и улетел на север.

– У меня сейчас налажена такая служба, – пояснил Ябу, не упомянув, что голубь гостя тоже был замечен, что соколы перехватили

его около гор, что послание расшифровано: «В Андзиро все как сообщалось. Ябу, Нага, Оми и чужеземец здесь».

– Я уеду утром, с вашего разрешения, после военных учений. Вы не дадите мне свежих лошадей? Я не должен заставлять ждать господина Торанагу. Поеду повидаться с ним. Так повелел мой господин в Осаке. Я надеюсь, вы проводите меня, Нага-сан.

– Если мне прикажут, я поеду. – Нага потупился, но весь сгорал от подавляемой ярости.

Дзодзэн с телохранителями поднялся на холм к своему лагерю. Поменяв часовых, он приказал своим людям спать, а сам вошел в маленькую палатку посреди кустов, которую поставили на случай дождя. При свечах под москитной сеткой он переписал составленное ранее письмо на тонкий листок рисовой бумаги и добавил: «В наличии пятьсот ружей. Готовится внезапное нападение больших сил. Полный отчет послан с Масумото». После этого он поставил дату и погасил свечи. В темноте выскользнул из-под сетки, вынул из корзины голубя и вложил письмо в маленький патрон у него на лапке. Потом прокрался к одному из своих людей и протянул ему птицу.

– Выпусти его где-нибудь в кустах, – прошептал он. – Спрячь там, где он мог бы безопасно просидеть до рассвета. Будь осторожней: здесь у них везде глаза. Если остановят, скажи, что я приказал прочесать окрестности, но сначала спрячь голубя.

Самурай молча юркнул в темноту, как таракан.

Довольный собой, Дзодзэн поглядел вниз, в сторону деревни. У крепости и на противоположной стороне, в жилище Оми-сана, горели огни. Как и в доме ниже по склону, который занимал чужеземец.

«Этот щенок Нага прав, – подумал Дзодзэн, отмахиваясь от москитов. – Варвар словно мерзкая зараза».

– Спокойной ночи, Фудзико-сан.

– Спокойной ночи, Андзин-сан.

Сёдзи за ней закрылись. Блэкторн скинул кимоно и набедренную повязку, надел более легкое ночное кимоно, залез под москитную сетку и лег.

Он задул свечу. Глубокая темнота окружила его. Дом совсем затих. Маленькие ставни были прикрыты, но он мог слышать прибой. Луну затянули облака.

Хмельное и смех вызвали в нем сонливость и эйфорию, он слушал шум прибоя и словно покачивался на волнах, его мозг затуманился. В деревне внизу вдруг залаяла собака. «Хорошо бы завести собаку, – подумал он, вспомнив своего бультерьера, которого оставил дома. – Интересно, жив ли еще пес? Его кличка была Грог, но Тюдор всегда звал его Ог-Ог.

Ах, Тюдор, мой мальчик. Как давно это было. Хотел бы я повидать вас всех – хотя бы написать письмо и отослать его домой. Ну-ка, – подумал он, – как бы я его начал?

Мои дорогие! Это первое письмо, которое я смог отправить домой, с тех пор как мы высадились в Японии. Теперь у меня все хорошо, ибо я представляю, как жить по их законам. Еда здесь ужасная, но сегодня вечером мне достался фазан. Скоро я получу обратно свой корабль. С чего начать свой рассказ? Сегодня я кто-то вроде феодала в этой незнакомой вам стране. У меня дом, лошадь, восемь служанок, домоправительница, собственный брадобрей и собственная переводчица. Я теперь всегда чисто выбрит, ибо бреют меня каждый день. Стальные лезвия для бритвы у них наверняка самые лучшие в мире. Мне положили огромное жалованье – достаточное, чтобы кормить в течение года двести пятьдесят японских семей. В Англии это была бы почти тысяча гиней в год! В десять раз больше того, что мне платит голландская компания...

Кто-то открывал сёдзи. Он насторожился, его рука нащупала под подушкой пистолет. Потом он уловил почти неслышный шелест шелка и запах духов.

– Андзин-сан? – донесся легчайший шепот, исполненный обещания.

– Хай? – спросил он, вглядываясь в темноту, но ничего не видя.

Шаги приблизились. Блэкторн слышал, как женщина встала на колени, откинула сетку и забралась к нему под полог. Она взяла его руку и подняла к своей груди, потом к губам.

– Марико-сан?

В темноте она сразу же закрыла пальцами его губы, призывая не шуметь. Он кивнул, понимая, как сильно они рискуют. Он держал ее за тонкое запястье и водил по нему губами. В темноте другая его рука

нашла и стала гладить ее лицо. Она один за другим целовала его пальцы. Волосы Марико были распущены и доставали ей до пояса. Его руки скользили по ее телу, он ощущал дивную легкость шелка, под кимоно ничего не было.

На вкус она оказалась изумительна. Он тронул языком ее зубы, потом провел им вокруг глаз, открывая ее для себя. Она распустила пояс накидки и дала ей упасть, дыхание ее стало совсем слабым. Она придвинулась плотнее. Потом начала ласкать его руками и губами. С большей нежностью, страстью и опытом, чем он мог себе представить.

Глава 33

Блэкторн проснулся на рассвете. Один. Сначала он уверил себя, что это был сон, но запах ее духов еще витал вокруг, и он понял: все, что произошло, случилось на самом деле.

Раздался осторожный стук в дверь.

– *Хай?*

– *Охаё*, Андзин-сан, *гомэн насай*. – Служанка открыла сёдзи для Фудзико, потом внесла поднос с зеленым чаем, миску рисовой каши и сладкие рисовые лепешки.

– *Охаё*, Фудзико-сан, *домо*, – поблагодарил он.

Фудзико всегда сама приходила проследить, как ему подадут завтрак, поднимала полог и ждала, пока он поест, а служанка раскладывала свежее кимоно, таби и набедренную повязку.

Он пил зеленый чай, размышляя, знает ли Фудзико о прошедшей ночи. По ее лицу ничего нельзя было понять.

– *Икага дэс ка?* (Как вы?) – спросил Блэкторн.

– *Окагасама дэ гэнки дэс* (очень хорошо, спасибо), Андзин-сан. *Аната ва?* (А вы?)

Служанка вынула чистое белье из встроенного шкафа, аккуратно вписанного в убранство бумажно-решетчатой комнаты, и оставила их одних.

– *Аната ва ёку нэмутта ка?* (Вы хорошо спали?)

– *Хай*, Андзин-сан, *аригато годзаймасита!* – Она улыбнулась, дотронулась рукой до головы, как будто та болела, жестами изобразила, что была пьяна и спала как мертвая. – *Аната ва?*

– *Ватаси ва ёку нэмуру*. (Я спал очень хорошо.)

Она поправила его:

– *Ватаси ва ёку нэмутта*.

– *Домо*. *Ватаси ва ёку нэмутта*.

– *Ёй! Тайхэней!* (Хорошо! Очень хорошо!)

Потом из коридора донесся голос Марико, окликающий:

– Фудзико-сан?

– *Хай*, Марико-сан? – Фудзико подошла к сёдзи и приоткрыла их.

Он не мог видеть Марико и не понял, о чем говорили женщины.

«Надеюсь, никто не знает, – подумал он. – Я буду молиться, чтобы это осталось в секрете, только между нами. Может, было бы лучше, окажись это просто сон».

Блэкторн начал одеваться. Вернулась Фудзико и встала на колени, помогая ему подпоясаться.

– Марико-сан? *Нан дзя?*

– *Нани мо* (ничего важного), Андзин-сан, – ответила она, подошла к *токономе* – декоративной нише, украшенной свитком с каллиграфической надписью и букетом, где всегда лежали его мечи, и принесла их. Он засунул оружие за пояс. Мечи больше не казались ему чем-то нелепым, хотя он еще не привык ходить с ними.

Фудзико сказала ему, что этими клинками ее отца наградили за храбрость после особенно кровавой битвы на дальнем севере Кореи, семь лет назад, во время первого вторжения. Японские армии победоносно прошли через всю страну, тесня корейцев на север. Потом, когда они достигли реки Ялу, через границу хлынули орды китайцев, вступили в войну на стороне корейцев и благодаря своей многочисленности разгромили японцев. Отец Фудзико был в арьергарде, который прикрывал отступление японских войск к горам севернее Сеула, где они повернули и начали безнадежное сражение. Эта и вторая кампания были самыми дорогостоящими военными экспедициями из всех, которые когда-либо затевались. После смерти тайко в прошлом году Торанага от имени Совета регентов сразу же приказал остаткам армий возвращаться домой, к великому облегчению большинства даймё, которым не нравилась военная кампания в Корее.

Блэкторн вышел на веранду. Он надел сандалии и кивнул слугам, собравшимся поклониться ему, как водится.

День был серенький. Небо обложили облака, с моря дул теплый влажный ветер. Каменные ступени, спускающиеся в гравий дорожки, намокли от дождя, шедшего всю ночь.

Около ворот стояли лошади и десять сопровождающих его самураев. И Марико.

Она уже сидела на лошади, в бледно-желтой накидке поверх широких бледно-зеленых штанов, широкополой шляпе с вуалью, прихваченной желтыми лентами, и перчатках. К седлу был приторочен зонтик на случай дождя.

– *Охаё*, – сказал он учтиво, – *охаё*, Марико-сан.

- Охаё, Андзин-сан. Икага дэс ка?
- Окагэсама дэ гэнки дэс. Аната ва?

Она улыбнулась:

- Ёси, аригато годзаймасита.

Она не дала ему никакого намека на то, что между ними что-то изменилось. Впрочем, он ничего и не ожидал, во всяком случае не при посторонних, зная, как это опасно. Он почувствовал запах ее духов, и ему захотелось поцеловать Марико прямо здесь, перед всеми.

– Икимасё! – произнес он и повернулся в седле, делая знак самураям ехать вперед. Он пустил свою лошадь следом, а Марико заняла место рядом с ним. Когда они остались одни, Блэкторн расслабился.

- Марико.
- Хай.

Тогда он признался на латыни:

- Ты прекрасна, и я люблю тебя.
 - Я благодарю тебя, но вчера вечером было выпито столько, что сегодня моя голова чувствует себя не самым прекрасным образом, по правде говоря. И любовь – это христианское слово.
 - Ты прекрасна, ты христианка, и sake на тебя не подействовало.
 - Благодарю за ложь, Андзин-сан, благодарю тебя.
 - Нет, это мне нужно благодарить тебя.
 - О, почему?
 - Просто так. Я от всей души благодарю тебя.
 - Если sake и мясо способны сделать тебя таким добрым, утонченным и галантным, – усмехнулась она, – придется сказать твоей наложнице, чтобы перевернула небо и землю, но каждый вечер угощала тебя ими.
 - Да. Хотел бы я, чтобы все было точно так же.
 - Ты какой-то счастливый сегодня, – заметила она. – Почему?
 - Из-за тебя. Ты знаешь почему.
 - Не представляю, Андзин-сан.
 - Нет? – поддразнивал он.
 - Нет.
- Блэкторн оглянулся: они совсем одни, можно говорить без опаски.
- Почему это «нет» тебя расстроило? – спросила она.

– Глупость! Абсолютная глупость! Я забыл об осторожности. Но только оттого, что мы были одни и я хотел потолковать об этом. И правду сказать, еще кое о чем.

– Ты говоришь загадками. Я не понимаю тебя.

Он снова зашел в тупик:

– Ты не хочешь говорить об этом? Совсем?

– О чем, Андзин-сан?

– О том, что произошло сегодня ночью.

– Я проходила ночью мимо твоей двери, когда с тобой была моя служанка Кой.

– Что?

– Мы – твоя наложница и я – подумали, что Кой будет хорошим подарком. Она понравилась тебе?

Блэкторн пытался прийти в себя. Служанка Мариико походила на госпожу фигурой, но была моложе летами и совсем не так хороша. Да, темень стояла кромешная, и хмель туманил голову, но к нему явилась не служанка.

– Это невозможно, – возразил он по-португальски.

– Что невозможно, сеньор? – спросила она на том же языке.

Он опять перешел на латынь, поскольку сопровождающие теперь уже были недалеко и ветер дул в их направлении:

– Пожалуйста, не шути со мной. Никто же не может подслушать. Я ощутил твое присутствие и запах духов.

– Ты думаешь, это была я? О нет, Андзин-сан. Я польщена, но это никак невозможно... Как бы я того ни хотела. О нет, нет, Андзин-сан. Это была не я, а Кой, моя служанка. Я бы и рада, но, увы, я принадлежу другому, даже если он мертв.

– Да, но это была не твоя служанка. – Он подавил гнев. – Впрочем, считай как хочешь.

– Это была моя служанка, Андзин-сан, – увещевала она. – Мы надушили ее моими духами и велели: ни слова – только прикосновения! Нам и в голову не пришло, что ты примешь ее за меня! Это не обман. Просто мы пытались облегчить твое положение, зная, как тебя смущают разговоры о телесной близости. – Мариико глядела на него широко раскрытыми невинными глазами. – Она понравилась тебе, Андзин-сан? Ты ей очень понравился.

– Разве можно шутить такими важными вещами? Это не смешно.

– Важные вещи заслуживают самого серьезного отношения. Но служанка ночью с мужчиной – что за важность?

– Ты очень важна для меня.

– Благодарю тебя. И могу сказать то же о тебе. Но служанка с мужчиной ночью – это никого не касается и не имеет никакой важности. Маленький подарок от нее ему, иногда от него ей. И больше ничего.

– Никогда?

– Иногда. Но не стоит придавать такую важность любовному походу.

– Никогда?

– Только когда мужчина и женщина соединяются вопреки велениям закона. В этой стране.

Он сдержался, поняв наконец причину ее запертости.

– Извини меня. Да, ты права. Мне не следовало заговаривать об этом. Я извиняюсь.

– Почему извиняешься? За что? Скажи мне, Андзин-сан, на этой девушке было распятие?

– Нет.

– Я всегда ношу его. Всегда.

– Распятие можно снять, – возразил он на португальском. – Это ничего не доказывает. Его можно позаимствовать, как духи.

– Скажи мне последнее: ты действительно видел девушку, разглядел ее черты?

– Конечно. Пожалуйста, давай забудем, что я когда-либо...

– Ночь была очень темная, луну скрыли облака. Скажи правду, Андзин-сан. Подумай! Ты действительно видел девушку?

«Конечно, я видел ее, – возмутился он внутренне. – Черт возьми, поразмысли хорошенько! Ты не видел ее. Твою голову затуманил хмель. Это могла быть служанка, но ты принял ее за Марику, потому что хотел Марику, думал только о ней, вбил себе в голову, что и она хочет тебя. Ты глупец. Проклятый глупец».

– По правде говоря, нет. На самом деле я действительно должен извиниться, – покаялся он. – Как мне заслужить прощение?

– Не надо извиняться, Андзин-сан, – успокоила она. – Я много раз говорила вам, что мужчина не извиняется никогда, даже когда не прав.

Вы были не правы. – Ее глаза подсмеивались над ним. – Моя служанка не нуждается в извинениях.

– Благодарю вас, – ухмыльнулся он. – Неприятно чувствовать себя таким болваном.

– Похоже, вы давно не смеялись. Суровый Андзин-сан опять становится мальчиком.

– Отец говорил, что я родился старым.

– Вы?

– Он так считал.

– А какой он был?

– Прекрасный человек. Владелец корабля, капитан. Испанцы убили его в Антверпене, когда предали огню и мечу этот город. Они сожгли его корабль. Мне было шесть лет, но я помню его: большой, высокий, добродушный человек с золотистыми волосами. Мой старший брат, Артур, ему тогда исполнилось ровно восемь... Со смертью отца для нас настали плохие времена, Марико-сан.

– Почему? Пожалуйста, расскажите мне. Пожалуйста!

– Обычная история. Каждый наш пенни был вложен в корабль, который погиб... и... вскоре после этого умерла моя сестра. Она умерла от голода. Тот год, тысяча пятьсот семьдесят первый, выдался голодным, и снова пришла чума.

– У нас иногда бывает чума. И оспа. Вас было много в семье?

– Трое, – сообщил он, радуясь, что разговор ушел от еще одной неприятной темы. – Виллия, моя сестра – ей было девять, когда она умерла. Артур, следующий по старшинству, хотел стать художником, скульптором, но пошел в ученики к каменщику, чтобы помочь матери вырастить нас. Его убили во время сражения с Непобедимой армадой. Ему стукнуло двадцать пять, бедняга, он только что поступил на корабль, необученный, совсем новичок. Я последний из Блэкторнов. Сейчас жена и дочь Артура живут с моей женой и детьми. Моя мать еще жива, так же как и старая бабушка Джейкоба – ей семьдесят пять, но она крепка, как английский дуб, хотя родом ирландка. По крайней мере, они все были живы, когда я отплывал два года назад.

Снова нахлынула боль. «Я подумаю о них, когда поплыву назад домой, – пообещал он себе, – но не раньше».

– Завтра будет шторм, – объявил он, посмотрев на море, – сильный шторм, Марико-сан. А еще через три дня – хорошая погода.

– Настала пора штормов. Теперь небо надолго затянут облака, зачастят дожди. А в промежутках между ними будет очень влажно. Потом начнутся тайфуны.

«Хотел бы я опять оказаться на море, – подумал он. – А был ли я когда-нибудь на море? Был ли на самом деле корабль? Что такое реальность? Марико или служанка?»

– Вы не очень веселый человек, да, Андзин-сан?

– Я слишком долго был моряком. Моряки – серьезный народ. Мы привыкаем следить за морем. Мы не спускаем глаз с него и ждем несчастья. Отведи взгляд на мгновение – и море подхватит твой корабль, превратит его в щепки.

– Я боюсь моря, – промолвила она.

– Я тоже. Старый рыбак сказал мне однажды: «Человек, который не боится моря, быстро утонет, ибо непременно выйдет из гавани в тот день, когда ему следовало бы остаться на берегу. Но мы, которые боятся моря, будем тонуть снова и снова». – Он взглянул на нее. – Марико-сан...

– Да?

– Несколько минут назад вы убедили меня, что... Ну, скажем, я поверил. Сейчас я не убежден. Так где правда? Хонто. Я должен знать.

– Уши для того, чтобы слышать. Конечно, это была служанка.

– Служанка. Могу я потребовать ее всякий раз, как мне того захочется?

– Конечно. Но умный человек не стал бы.

– Потому что я могу разочароваться? В следующий раз?

– Может быть.

– Я думаю, трудно обладать служанкой и потерять ее. Трудно ничего не говорить...

– Соитие – это удовольствие. Утоление телесного голода. Не о чем говорить.

– Но как я скажу служанке, что она красива? Что я люблю ее? Что она доставила мне неземное удовольствие?

– Такая любовь, видимо, не для служанок. Не в этой стране, Андзин-сан. Подобная страсть даже не для жены или наложницы, – ее взгляд вдруг метнулся в сторону, – но только для кого-нибудь вроде Кику-сан, красавицы-куртизанки.

– Где я могу найти эту девушку?

– В деревне. Я почти за честь поспособствовать вам.

– Ей-богу, я надеялся, что вы это предложите.

– Человек нуждается в утлении страстей разного рода. Эта госпожа достойна любви, если только вы сможете себе ее позволить.

– Что вы хотите сказать?

– Она очень дорогая.

– Любовь не покупается. Продажная любовь не стоит ничего. Любовь не имеет цены.

Она улыбнулась:

– Телесная близость всегда имеет цену. Хотя цена не всегда выражается в деньгах, Андзин-сан. Мужчина платит за постель тем или иным образом. Истинная любовь – мы называем ее долгом – это влечение душ, она не нуждается в физическом выражении, за исключением, может быть, дара смерти.

– Вы не правы. Я хотел бы показать вам мир таким, какой он есть.

– Я знаю мир, какой он есть и каким будет вечно. Так вы хотите эту презренную служанку?

– Да. Вы знаете, чего я хочу...

Марико весело рассмеялась:

– Тогда она придет к вам. На закате. Мы приведем ее, Фудзико и я!

– Черт бы ее побрал! И вас тоже! – Он покотился со смеху вместе с ней.

– Ах, Андзин-сан, как приятно видеть вас смеющимся. Здесь, в Андзиро, вы сильно изменились. Очень сильно изменились.

– Нет. Не так сильно. Но прошлой ночью я видел во сне мечту. Этот сон был совершенством.

– Бог совершенен. Иногда совершенен закат, или восход луны, или цветение первого крокуса.

– Я вас совсем не понимаю.

Она откинула вуаль и посмотрела прямо на него:

– Однажды другой мужчина сказал мне: «Я совсем не понимаю вас», а мой муж произнес: «Прошу прощения, господин, но никто не может понять ее. Ни отец, ни наши боги, ни ее чужеземный Бог, ни даже мать не понимают ее».

– Это был Торанага? Господин Торанага?

– О нет, Андзин-сан. Это был тайко. Господин Торанага понимает меня. Он понимает все.

- Даже меня?
- Вас очень хорошо.
- Вы уверены в этом?
- Да. Совершенно уверена.
- Он выиграет войну?
- Да.
- Я под его особым покровительством?
- Да.
- У него будет флот?
- Да.
- А когда я получу обратно свой корабль?
- Никогда не получите.
- Почему?

Ее серьезность как ветром сдуло.

– Потому, что, ублажая свою «служанку» в Андзиро, вы лишитесь последних сил и не сможете даже уползти на карачках, когда она станет умолять вас убраться на корабль, когда господин Торанага попросит вас подняться на борт и покинуть нас!

– Вот опять вы! То серьезная, то смешливая!

– Это только ответ, он расставляет все по своим местам. Ах, но прежде чем вы оставите нас, вам следует повидать госпожу Кику. Она достойна великой страсти. Такая красивая и талантливая. Для нее вы должны сделать что-то необычное!

– Я склоняюсь к тому, чтобы принять вызов.

– Никакого вызова нет. Но если вы готовитесь стать самураем, если вы согласны воспринимать телесную близость как есть, тогда я буду рада выступить в качестве посредника.

– Что это значит?

– Когда вы будете в хорошем настроении и готовы к совершенно особому удовольствию, скажите вашей наложнице, чтобы попросила меня.

– А при чем здесь Фудзико-сан?

– Потому что это долг вашей наложницы – следить, чтобы вы были всем довольны. Этот обычай упрощает жизнь. Мы восхищаемся простотой, поэтому мужчина и женщина могут относиться к телесной близости, как она того заслуживает. Это важная часть жизни, но мужчину и женщину могут связывать и более важные вещи.

Покорность. Уважение. Долг. Даже эта ваша «любовь». Фудзико «любит» вас.

– Нет, не любит!

– Она отдаст за вас жизнь. Чего уж больше?

Блэкторн наконец отвел от нее глаза и посмотрел на море. Пенистые гребни обрушивались на берег – ветер усилился. Капитан опять повернулся к Марико.

– Так ничего и не сказано? – уточнил он. – Между нами?

– Ничего. И это очень мудро.

– А если я не согласен?

– Вы должны согласиться. Вы здесь. Это ваш дом.

Пять сотен «атакующих» всадников галопом вылетели на гребень холма, держась неровным строем, спустились на каменистое дно долины, где в боевом порядке располагались две тысячи «обороняющихся». Каждый верховой имел за спиной мушкет, а у пояса в патронташе – пули, кресала и пороховницы. Эти самураи, верные обычаям своего сословия, одевались как придется, но оружие признавали только самое лучшее из того, что могли себе позволить. Лишь Торанага, а вслед за ним – Исидо потребовали от своих воинов ношения форменной одежды и опрятности во внешнем облике. Все другие даймё считали это глупым транжирством, ненужным нововведением. Блэкторн был с ними согласен. Даже армии Европы не носили единой формы – какому монарху было по средствам обмундировать целое войско, кроме гвардии?

Блэкторн и Марико стояли на склоне холма с Ябу, Дзодзэном и их людьми. Перед ними разворачивалась первая полномасштабная репетиция атаки. Капитан ждал с нетерпением. Ябу был непривычно напряжен, Оми и Нага только что не бросались друг на друга. Особенно Нага.

– Что это с ними? – спросил Блэкторн Марико.

– Может быть, хотят выслужиться перед своим господином и его гостем.

– Он тоже даймё?

– Он очень важный чин, один из военачальников господина Исидо. Хорошо бы, чтоб сегодня все прошло гладко.

– Жаль, что меня не предупредили о смотре.

– Какое это имеет значение? Вы сделали все, что могли.

«Да, – подумал Блэкторн, наблюдая за самурайскими сотнями. – Но они пока еще не готовы. Конечно, Ябу это знает – все знают. Так что, если возникнет осложнение, это карма», – уверил он себя и нашел в этой мысли некоторое утешение.

«Нападающие» набрали скорость, «защитники позиций» стояли под знаменами своих военачальников, по обыкновению глумясь над «врагом», растянувшись в свободном строю шеренгой в три или четыре ряда. Скоро «атакующим» предстояло спешиться на расстоянии полета стрелы, чтобы самые храбрые воины с обеих сторон, напустив на себя свирепый вид, подступились к противнику и бросили ему вызов, утверждая свое превосходство и благородное происхождение самой оскорбительной бранью. Начало сражению давали отдельные вооруженные стычки, в которые постепенно втягивалось все больше бойцов, пока один из военачальников не отдавал приказа об общей атаке. Тогда уже каждый сражался сам по себе. Обычно сторона, имевшая численное превосходство, брала верх, и тогда в бой вводились свежие силы, чтобы биться, пока один из противников не даст слабину, пока несколько кинувшихся наутек трусов не подтолкнут все войско к паническому массовому бегству, обеспечив победу врагу. Обычным делом была измена. Иногда целые полки по приказу командира принимали сторону противника, приветствуемые как союзники – всегда желанные, но никогда не пользующиеся доверием. Порой побежденные полководцы командовали отступлением, чтобы перегруппировать силы для новой схватки. Случалось, что терпящие поражение рубились до последнего вздоха или со всеми положенными церемониями совершали сэппуку. В плен сдавались редко. Некоторые просились на службу к победителям, и, бывало, их принимали, но чаще им отказывали. Смерть была уделом побежденных: быстрая и почетная – для смельчаков, позорная и долгая – для трусов. Так протекали все сражения в этой стране, даже самые большие битвы. Здешние воины мало чем отличались от чужеземных солдат. Разве что свирепым нравом и небывалой, неведомой остальному миру готовностью сложить голову за своих господ.

Топот копыт разнесся по долине.

– Кто командует атакующими? Где Оми-сан? – спросил Дзодзэн.

– Среди своих солдат, – ответил Ябу.

– Но где его знамя? И почему он не надел доспехи и шлем? Где его знамя? Не воинство, а кучка грязных разбойников!

– Всем воинским начальникам приказано оставаться без знаков различия. Я вам говорил. И пожалуйста, не забывайте, мы делаем вид, что схватка разгорается, что это часть большой битвы, с подтягиванием новых боевых порядков...

Дзодзэн взорвался:

– Где их мечи? Ни один из них не носит мечей! Самураи без мечей? Их перережут!

– Потерпите!

«Атакующие» спешили. Первые воины выдвинулись из рядов «обороняющихся», чтобы показать свою храбрость. Против них вышло равное число вражеских бойцов. Внезапно неуклюжая масса «атакующих» разбилась на пять аккуратных фаланг, каждая из четырех рядов по двадцать пять человек, три фаланги впереди и две в резерве, в сорока шагах за ними. Как один они обрушились на «врага». На расстоянии выстрела остановились по команде, передние ряды дали залп, оглушив всех вокруг. Послышались вопли «умирающих». Дзодзэн и его люди невольно вздрогнули и с ужасом следили за тем, как воины первых рядов упали на одно колено, чтобы перезарядить ружья, а вторые ряды выстрелили над их головами, то же проделали третьи и четвертые. При каждом новом залпе падало все больше «защитников». Долина наполнилась криками и стонами, возникла неразбериха.

– Вы губите своих людей! – рявкнул Дзодзэн, перекрывая гам.

– Это холостые заряды, не настоящие. Они все живы, но вообразите, что это настоящая атака с настоящими пулями! Смотрите!

Оправившись от первого шока, «обороняющиеся» перегруппировались для фронтальной атаки. Но к этому времени передние ряды «наступающих» перезарядили ружья и по команде выпалили с колена, потом настала очередь стрелков второго ряда, тотчас же после выстрела опустившихся на колено для перезарядки, а после – третьих и четвертых. И хотя многие стрелки не успевали за товарищами и ряды смешались, легко было вообразить, какое ужасное опустошение могут произвести в строю противника более подготовленные люди. Контратака захлебнулась и была отбита, «обороняющиеся» отступили в притворном смятении к склону холма,

где стояли наблюдатели. Множество «мертвых» осталось лежать на земле.

Дзодзэн и его люди еще не отошли от потрясения:

– Эти ружья пробьют любую оборону!

– Подождите. Битва еще не окончилась.

«Обороняющиеся» снова перестроились. Теперь их вожаки, призывая к победе, подтянули свежие силы и повели своих людей в последнее, решительное наступление. Самураи, издавая ужасные боевые кличи, кинулись с холма вниз на противника.

– Теперь они победят, – заявил Дзодзэн, захваченный, как и все, этим «потешным сражением».

И оказался прав. Фаланги не удержались на своих позициях. Они рассыпались и обратились в бегство, словно бы устранившись боевыми самурайскими кличей, клинков и пик. Дзодзэн и его люди добавили свои презрительные выкрики в общий победный хор, когда «истинные самураи» надели на «врага». Стрелки, празднующие труса, словно жалкие «поедатели чеснока», пробежали сто шагов, двести, триста. И тут фаланги по команде внезапно образовали новый строй, на сей раз в виде буквы «V». Вновь послышались звуки разящих залпов. «Истинные самураи» заколебались, потом остановились. Ружья продолжали палить, но все на склоне знали, что в реальных условиях две тысячи солдат уже полегли бы.

На поле боя снова воцарилась тишина, «противники» начали строиться. «Убитые» восстали из мертвых, оружие было собрано. Слышались смех, стоны. Многие хромали, а несколько человек были тяжело ранены.

– Я поздравляю вас, Ябу-сама, – произнес Дзодзэн с большой искренностью, – теперь я понимаю, что все вы имели в виду.

– Стрельба велась не очень хорошо, – сказал Ябу, внутренне довольный, – потребуется несколько месяцев, чтобы натаскать их как следует.

Дзодзэн покачал головой:

– Я бы и сейчас не хотел выступить против них. Если, конечно, заряды будут не холостыми. Никакая армия не сможет выдержать огневой удар – никакой строй. Ряды поневоле разомкнутся. Тогда вы сможете кинуть в бреши обычные войска и конницу и прорвать фланги, как старый свиток бумаги. – Он поблагодарил всех Kami за то,

что ему удалось увидеть. – Наблюдать за этим было ужасно. В какое-то мгновение я поверил, что бой идет на самом деле.

– Им было приказано вести себя как в настоящей битве. А сейчас вы можете провести смотр моим стрелкам, если захотите.

– Спасибо. Это было бы большой честью для меня.

«Оборонявшиеся» отошли в свои лагеря на дальней стороне холма. Пять сотен стрелков ожидали внизу, около дороги, которая взбегала вверх по склону, а потом спускалась к деревне. Они разделились на отряды, перед которыми встали Оми и Нага, оба уже с мечами.

– Ябу-сама?

– Да, Андзин-сан?

– Прекрасно, не так ли?

– Да, хорошо.

– Спасибо, Ябу-сама. Я довольствуюсь.

Марико непроизвольно поправила его:

– Я доволен.

– Ах, извините. Я доволен.

Дзодзэн отвел Ябу в сторону:

– Всему этому вас научил Андзин-сан?

– Нет, – солгал Ябу, – но так воюют все чужеземцы. Он только учит наших людей заряжать мушкеты и стрелять из них.

– Почему не сделать, как советует Нага-сан? Вы теперь знаете все, что надо? Зачем дожидаться, пока это чужое знание распространится дальше? Оно хуже чумы. Очень опасно, Ябу-сама. Нага-сан был прав: крестьяне в два счета обучатся воевать таким манером. Избавьтесь от чужеземца немедленно!

– Если господин Исидо хочет его голову, пусть только скажет мне об этом.

– Я прошу. Сейчас! – В голосе Дзодзэна снова зазвучали резкие ноты. – Я говорю от его имени.

– Я подумаю над этим, Дзодзэн-сан.

– И также от его имени я прошу, чтобы все ружья были немедленно отобраны у стрелков.

Ябу нахмурился, потом переключил внимание на отряды, вооруженные мушкетами. Они приближались к холму; что-то нелепое чудилось в этих прямых, аккуратных рядах, но только потому, что такой порядок движения был внове для японцев. В пятидесяти шагах

они остановились. Подошли только Оми и Нага. Они поприветствовали старших.

– Для первого случая все было хорошо, – одобрил Ябу.

– Благодарю вас, господин, – ответил Оми. Он немного хромал, синяки проступали на его лице, перепачканном грязью и пороховой копотью.

Дзодзэн изрек:

– В настоящей битве ваши войска должны носить мечи, Ябу-сан, правда? Что такое самурай без мечей? В конце концов, у них ведь могут выйти все огневые припасы, не так ли?

– Мечи помешают им при наступлении и отступлении. О, они будут носить мечи, как обычно, чтобы избежать всяких неожиданностей, но перед первым же наступлением снимут их.

– Самураю не обойтись без меча. В настоящей битве. Так или иначе, я рад, что вы никогда не будете вести наступление подобным образом и... – Дзодзэн хотел добавить: «И прибегать к столь грязным, недостойным методам ведения войны», но вместо этого присовокупил: – Иначе мы все будем вынуждены отказаться от мечей.

– Может, и откажемся, Дзодзэн-сан, когда пойдем на настоящую войну.

– Вы откажетесь от вашего клинка Мурасама? Или от подарка Торанаги?

– Чтобы победить – да. Но не иначе.

– Тогда вам придется удирать во все лопатки, если заест замок или отсыреет порох. – Дзодзэн засмеялся своей шутке, но Ябу даже не улыбнулся.

– Оми-сан! Покажи! – распорядился он.

Оми отдал приказ. Тотчас же его люди выхватили короткие штыки-ножи из неприметных ножен, подвешенных к поясам сзади, и вставили в гнезда на дулах мушкетов.

– Вперед!

Самураи тут же издали свой боевой клич: «Касиги-и-и!» Лес обнаженной стали замер в шаге от военачальников. Дзодзэн и его люди нервно рассмеялись перед лицом внезапной угрозы.

– Хорошо, очень хорошо, – похвалил Дзодзэн, подошел и потрогал штык, весьма острый. – Может быть, вы и правы, Ябу-сама. Давайте надеяться, что их не придется испробовать в бою.

– Оми-сан! – окликнул Ябу. – Построй своих людей. Дзодзэн-сан собирается провести смотр. Потом возвращайтесь в лагерь. Марико-сан, Андзин-сан, следуйте за мной! – Широкими шагами он двинулся вниз по склону через ряды самураев. Его помощники, Блэкторн и Марико, последовали за ним.

– Постройте их на дороге. Отомкните штыки!

Половина воинов тут же исполнила приказание, развернулась и зашагала вниз по склону. Нага и его двести пятьдесят самураев остались где стояли, все еще держа ружья с примкнутыми штыками наперевес.

Дзодзэн рассвирепел:

– Что здесь происходит?

– Я считаю ваши оскорбления недопустимыми, – прошипел Нага.

– Вздор! Я не оскорблял вас или кого-нибудь еще. Оскорбление нанесено мне, которому угрожают штыками. Ябу-сама!

Ябу повернул назад. Теперь он стоял по другую сторону от людей Торанаги.

– Нага-сан, – холодно начал он, – что все это значит?

– Я не могу простить этому человеку поношений, чернящих моего отца и меня.

– Этот человек под нашей защитой. Вы не можете сводить с ним счеты сейчас! Он прислан сюда Советом регентов!

– Прошу прощения, Ябу-сама, но это наше дело – Дзодзэн-сана и мое.

– Нет. Вы подчиняетесь моим приказам. Я приказываю вам и вашим людям вернуться в лагерь.

Ни один человек не двинулся. Начался дождь.

– Прошу прощения, Ябу-сан, но это наше дело. Что бы ни случилось, я освобождаю вас от ответственности за мои действия и действия моих людей.

За спиной Наги один из людей Дзодзэна выхватил меч и замахнулся, но залп из двадцати мушкетов тут же снес ему голову. Двадцать стрелявших встали на колени и принялись перезаряжать ружья. Второй ряд приготовился стрелять.

– Кто приказал зарядить мушкеты пулями? – взревел Ябу.

– Я, Ёси Нага-но Торанага!

– Нага-сан! Я приказываю вам отпустить с миром Нэбару Дзодзэна и его людей. Отправляйтесь в лагерь и не покидайте его, пока я не получу распоряжений господина Торанаги на ваш счет!

– В свое время вы донесете о случившемся господину Торанаге, карма есть карма. Я сожалею, господин Ябу, но сначала этот человек умрет. Они все умрут. Сегодня!

Дзодзэн пронзительно закричал:

– Я под защитой Совета регентов! Вы ничего не добьетесь, убив меня!

– Я отстою свою честь, верно? – возразил Нага. – Вы расплатитесь за насмешки над моим отцом и оскорбления моей чести. Все равно вы должны были погибнуть, не так ли? Я не мог более ясно выразиться прошлой ночью. Теперь вы видели атаку. Я не могу допустить, чтобы Исидо узнал все это, – его рука указала на поле битвы, – весь этот ужас!

– Он уже знает! – выпалил Дзодзэн, радуясь своей дальновидности. – Он уже знает! Я отправил письмо, тайно, с почтовым голубем, на рассвете! Вы ничего не добьетесь, убив меня, Нага-сан!

Нага сделал знак одному из своих людей, старому самураю, который тут же вышел вперед и швырнул к ногам Дзодзэна задушенного голубя. Следом за птицей на землю была брошена отрубленная голова Масумото – самурая, посланного Дзодзэном вчера к Исидо. Мертвые глаза были открыты, губы растягивала злобная гримаса. Голова покатилась, кувыряясь, по камням, пока не замерла у скалы.

Стон сорвался с губ Дзодзэна. Нага и все его люди засмеялись. Даже Ябу улыбнулся. Еще один самурай Дзодзэна сделал выпад в сторону Наги. Двадцать мушкетов выпалили по нему, и воин, стоявший рядом, который даже не двинулся, тоже упал и забился в агонии.

Смех смолк.

Оми предложил:

– Давайте я прикажу своим людям атаковать, господин? Мы запросто оттесним Нагу.

Ябу вытер капли дождя с лица:

– Нет, этим ты ничего не добьешься. Дзодзэн-сан и его люди уже мертвы, что бы я ни сделал. Это его карма, как и у Наги своя карма. Нага-сан! – окликнул он. – Последний раз приказываю вам отпустить этих людей!

– Пожалуйста, извините меня, но я должен отказаться.

– Очень хорошо. Когда все это закончится, подайте мне объяснение.

– Да. Должны быть свидетели, Ябу-сама. Для господина Торанаги и господина Исидо.

– Оми-сан, останься. Подпишешь свидетельства о смерти и отправишь их. Нага-сан и я также поставим свои подписи.

Нага указал на Блэкторна:

– Пусть он тоже останется. Как свидетель. Он отвечает за их гибель. Он должен быть их свидетелем.

– Андзин-сан, подойдите туда! К Нага-сану! Вы поняли?

– Да, Ябу-сан. Я понял, но почему, простите?

– Будете свидетелем.

– Извините, не понимаю.

– Марико-сан, переведите ему. Он должен засвидетельствовать то, что здесь произойдет. Потом поезжайте за мной. – Пряча удовлетворение, Ябу повернулся и пошел.

Дзодзэн пронзительно взвизгнул:

– Ябу-сама! Пожалуйста! Ябу-сама-а-а!

И Блэкторн наблюдал. Когда все закончилось, он пошел домой. В доме была тишина, над деревней словно опустилась какая-то завеса. Ванна не помогла ему очиститься. Саке не избавило от мерзкого привкуса во рту. Благовония не перебили смрад в ноздрах.

Позже за ним прислал Ябу. Атака была подробно проанализирована, момент за моментом. В обсуждении участвовали Оми, Нага и Марико. Нага, как всегда холодный, внимательный, немногословный, по-прежнему исполнял свои обязанности. Никто, казалось, не был тронут случившимся.

Они беседовали до захода солнца. Ябу предложил ускорить подготовку, создать, и немедленно, второе подразделение из пятисот человек. А через неделю еще одно.

Блэкторн шел домой один и ужинал в одиночестве, захваченный ужасным открытием: они не ведали греха, не имели совести – все, даже Марико.

В ту ночь он не мог спать. Он вышел из дома. Шквальные порывы ветра срывали пену с гребней волн, швыряли мусор в стены деревенских построек. Собаки выли, задрав головы, или рыскали в поисках съестного. Крыши из рисовой соломы шевелились, словно живые. Громыхали ставни, мужчины и женщины, молчаливые, как призраки, старались закрыть их и закрепить. Прилив был высоким. Все рыбацкие лодки стояли выше обычного. Все было задраено.

Он прошелся берегом, потом повернул к своему дому. Ему пришлось пригнуться, чтобы идти против ветра. На дороге никого не было. Хлынул дождь, и он вскоре промок до нитки.

Фудзико ждала его на веранде. Ветер налетал на нее, трепал пламя в масляной лампе с абажуром. Никто не спал. Слуги сносили ценные вещи в низкую глинобитную постройку на заднем дворе.

Шторм пока еще не достиг угрожающей силы.

Черепица на коньке крыши свободно изгибалась под натиском ветра, вся крыша ходила ходуном. Одна кровельная пластинка соскользнула вниз и разбилась. Слуги засуетились, некоторые приготовили ведра с водой, другие пытались починить крышу. Старый садовник Ёки-я с помощью детей подвязывал хрупкие кусты и деревца к бамбуковым кольям.

На дом обрушился новый шквал.

– Похоже, скоро сдует нас всех, Марико-сан.

Она не ответила, ветер трепал одежды на ней и Фудзико, выдувал слезы из глаз. Он посмотрел на деревню. Теперь повсюду летали обломки. Ветер прорвался через щель в бумажных сёдзи жилой комнаты, и вся стена исчезла – остался только решетчатый каркас. Противоположная стена рассыпалась, затем обрушилась крыша.

Блэкторн беспомощно повернулся, и тут ветер уничтожил сёдзи в его комнате. Стены как не бывало, то же произошло с противоположной. Скоро все стены покрылись клочьями бумаги. Дом стал прозрачным, но опоры устояли и черепичная крыша не сдвинулась. Постели, фонари и маты раскидало и понесло в разные стороны, слуги гонялись за ними.

Шторм разрушил стены всех домов в деревне. Некоторые постройки стер с лица земли. Тяжело пострадавших не было. На рассвете буря утихла, и крестьяне взялись восстанавливать свои дома.

К обеду дом Блэкторна обрел прежний вид, как и половина деревенских строений. Легкие решетчатые стены не задали людям большой работы. Не то что черепичные и соломенные крыши. Но Блэкторн видел, что крестьяне помогают друг другу, работают весело и споро. Мура бегал по деревне, советуя, командуя, давая поручения и проверяя. Он поднялся на холм, чтобы посмотреть, как идут дела.

– Мура, вы сделали... – Блэкторн искал слова. – Вы очень легко с этим справляетесь.

– Ах, спасибо, Андзин-сан. Нам повезло, что не было пожаров.

– Вы часто гореть?

– Извините, надо говорить: «У вас часто бывают пожары?»

– У вас часто бывают пожары? – повторил Блэкторн.

– Да. Но я приказал деревне приготовиться. Приготовиться, вы понимаете?

– Да.

– Когда налетают эти бури... – Мура замер, глянув через плечо Блэкторна, потом низко поклонился.

К ним легкой подпрыгивающей походкой направлялся Оми, его дружелюбный взгляд был направлен на Блэкторна. Мура словно не существовал.

– Доброе утро, Андзин-сан, – поприветствовал самурай.

– Доброе утро, Оми-сан. У вас дома все в порядке?

– Все хорошо. Спасибо, – поблагодарил Оми и напустился на Муру: – Люди должны ловить рыбу или работать на полях. Женщины тоже. Ябу-сама увеличил налоги. Вы хотите опозорить меня перед ним своей ленью?

– Нет, Оми-сан. Пожалуйста, извините меня. Я сейчас же распоряжусь.

– Почему я должен напоминать? В следующий раз до разговоров не дойдет!

– Я прошу прощения за мою глупость. – Мура торопливо ушел.

– У вас сегодня все благополучно, – продолжал Оми, обращаясь к Блэкторну. – А ночь прошла спокойно?

– Более или менее, спасибо. А как у вас?

Оми распинался очень долго. Блэкторн не успевал ухватить всего сказанного – только отдельные слова, как при разговоре Оми с Мурой.

– Простите, я не понял.

– Отдыхаете? Как вам вчерашнее? Атака? Учебный бой?

– Ах, понятно. Да, я думаю, все прошло хорошо.

– А свидетельство?

– Простите?

– Выступление в роли свидетеля? Ронин Нэбара Дзодзэн и его люди? Уже забыли? – Оми изобразил удар штыком и засмеялся. – Вы были свидетелем их смерти. Смерти! Вы понимаете?

– Ах да... Честно говоря, Оми-сан, убийства не доставляют мне удовольствия.

– Карма, Андзин-сан.

– Да, карма. Сегодня будут учения?

– Да. Но Ябу-сама хочет поговорить с вами. Позже. Понимаете, Андзин-сан? Только поговорить, – терпеливо повторил Оми.

– Только поговорить. Понял.

– Вы начинаете неплохо изъясняться на нашем языке.

– Спасибо. Трудно. Мало времени.

– Да. Но вы умный человек и очень стараетесь. Это важно. У вас будет время, Андзин-сан, не беспокойтесь, я вам помогу. – Оми видел, что многое из сказанного не доходит до Блэкторна, но не обращал на это внимания, ибо Блэкторн улавливал суть. – Я хочу быть вашим другом. – Потом повторил это более отчетливо. – Вы понимаете?

– Друг? Я понимаю «друг».

Оми показал на себя, потом на Блэкторна:

– Я хочу быть вашим другом.

– Спасибо. Очень польщен.

Оми снова улыбнулся, поклонился как равный равному и ушел.

– Дружить с ним? – пробормотал Блэкторн. – Он забыл? Я не забыл.

– Ах, Андзин-сан, – воскликнула Фудзико, подбегая к нему, – не хотите ли поесть? За вами скоро придет Ябу-сама.

– Да, спасибо. Много разрушать? – спросил он, указывая на дом.

– Извините меня, но вам следует говорить: «Много разрушений?»

– Много разрушений?

– Почти ничего не пострадало, Андзин-сан.

– Хорошо. Много пострадать?

– Извините меня, но нужно сказать: «Много раненых?»

– Спасибо. Раненых много?

– Нет, Андзин-сан. Никто не ранен.

Внезапно Блэкторн устал от необходимости то и дело поправляться.

– Я голод. Давайте есть!

– Да, сейчас. Но извините, вам следует сказать: «Я голоден». – Фудзико дождалась, когда он произнесет эту фразу правильно, и убежала.

Он сел на веранде и стал следить за Ёки-я, старым садовником, собиравшим обломки и опавшие листья. Он видел, как женщины и дети приводят в порядок деревню, как лодки выходят в море. Жители деревни потянулись на поля, хотя ветер и мешал им. «Хотел бы я знать, какие налоги они платят, – сказал он себе. – Не желал бы я очутиться в шкуре здешних крестьян. Да и не только здешних – никаких».

На рассвете он был поражен опустошением, которому подверглась деревня.

– Такой шторм вряд ли повредил бы дома в Англии, – сообщил он Марико. – Конечно, это был сильный шторм, но не самый мощный. Почему вы не строите дома из камня или кирпича?

– Из-за землетрясений, Андзин-сан. Подземные толчки способны обрушить любое каменное здание на головы его обитателей. Наши постройки не могут похоронить и покалечить много людей. Вот посмотрите, как быстро все будет восстановлено.

– Да, но они, должно быть, легко воспламеняются. И что случится, когда задуют ветры посильнее? Тайфуны?

– Тогда будет очень плохо.

Она рассказала о сезоне тайфунов, который обычно длился с июня до сентября, но иногда настаивал раньше или позже. И о других природных катастрофах.

Несколько дней назад произошло небольшое землетрясение. Котелок упал с жаровни и перевернул ее. К счастью, угли сразу потушили. Один дом в деревне был охвачен огнем, но пламя не успело далеко распространиться. Блэкторн никогда не видел такой ожесточенной схватки с огнем. В деревне мало кто обратил внимание

на этот случай. Крестьяне только посмеялись и продолжали заниматься своими делами.

– Почему люди смеялись?

– У нас считается постыдным и невежливым показывать сильные чувства, особенно страх. Так что мы прячем их за смехом или улыбкой, хотя не должны бы делать и этого.

«Некоторые из вас показывают», – мысленно возразил Блэкторн.

Он думал о Нэбаре Дзодзэне. Тот умирал недостойно, скуля от страха, умоляя о помиловании. Убивали его медленно и жестоко. Ему разрешили бежать, потом проткнули штыком под общий хохот, снова погнали как зверя и подрезали поджилки. Позволили уползти, затем медленно вспороли живот, глухие к истошным крикам, и оставили умирать, истекая кровью и слизью.

Покончив с ним, Нага обратил внимание на остальных самураев. Трое людей Дзодзэна тут же рухнули на колени, обнажили животы и положили перед собой короткие мечи, чтобы совершить сэппуку. Трое товарищей, вызвавшиеся помочь, воздвиглись у них за спиной, вынули длинные мечи и ухватились за рукояти обеими руками. Нага и его люди больше не вмешивались. Как только самураи, стоящие на коленях, потянулись за своими мечами, подставив под удар шеи, три клинка обрушились вниз и снесли им головы. От удара о землю клацнули зубы убитых, и все стихло. Тут же налетели мухи.

После этого на колени опустились двое из оставшихся самураев, последний приготовился исполнить роль помощника. Первый из коленопреклоненных был обезглавлен тем же способом, что и его товарищи, как только потянул руку к оружию. Другой сказал:

– Нет. Я, Хирасаки Кэнко, знаю, как надо умирать – как полагается умирать самураю.

Кэнко, гибкий бледнолицый юноша, надушенный и миловидный, с аккуратной прической, благоговейно взялся за меч и частично обмотал лезвие поясом, чтобы удобней было держаться за него.

– Я возражаю против смерти Нэбары Дзодзэн-сана и этих его людей, – твердо заявил он, кланяясь Наге, кинул прощальный взгляд на небо и в последний раз ободряюще улыбнулся своему помощнику: – *Саёнара*, Тадэо. – Затем глубоко вогнал острие меча в живот слева, обеими руками сделал полный разрез поперек, вынул клинок, снова глубоко вонзил его, как раз над пахом, и резко рванул вверх в полном

молчании. Внутренности вывалились из вспоротого живота на колени, и, когда изуродованное агонией лицо качнулось вперед, меч помощника сорвался вниз, описав широкую дугу.

Нага сам поднял за пучок волос голову самурая, отер ее от грязи и закрыл мертвые глаза. Потом приказал своим людям проследить, чтобы голова была вымыта, упакована и отправлена Исидо со всеми почестями, с полным отчетом о мужестве Хирасаки Кэнко.

Последний самурай опустился на колени. Не осталось никого, кто бы помог ему совершить сэппуку. Он тоже был молод. Его пальцы дрожали от страха, охватившего все его существо. Дважды он выполнил свой долг по отношению к товарищам, дважды срубил им головы с большим искусством и тем спас от пытки болью и позорного страха. А потом он ждал смерти любимого друга, который ушел, как полагается самураю, принеся себя в жертву в гордой тишине, и снес ему голову чистым, безукоризненным ударом. Он никогда не убивал до сегодняшнего дня.

Он направил глаза на меч, обнажил живот и обратился к богам с мольбой послать ему мужество его любовника. На глаза навернулись слезы, но усилием воли он превратил лицо в неподвижную улыбающуюся маску, развязал пояс и обмотал им часть лезвия. И поскольку юноша честно выполнял свой долг, Нага сделал знак подручному.

Самурай вышел вперед и поклонился, представившись по всем правилам:

– Осараги Нампо, вассал господина Торанаги. Почту за честь быть вашим помощником.

– Икомо Тадэо, вассал господина Исидо, – ответил юноша. – Спасибо. Я почту за честь принять вашу помощь.

Смерть его была быстрой, безболезненной и почетной.

Головы подобрали. Между тем Дзодзэн вернулся к жизни. Его руки судорожно пытались заправить кишки обратно в живот.

Его оставили собакам, которые прибежали из деревни.

Глава 34

В час лошади, в одиннадцать часов утра, десять дней спустя после смерти Дзодзэна и всех его людей группа из трех галер огибала мыс у Андзиро. Они были набиты воинами. Торанага сошел на берег. Его сопровождал Бунтаро.

– Сначала, Ябу-сан, я хотел бы посмотреть на учебную атаку первых пятисот обучаемых, – сказал Торанага. – Не откладывая, сейчас же.

– Может быть, завтра? Мне потребуется время, чтобы подготовиться, – залебезил Ябу. В душе он был взбешен внезапным появлением Торанаги и зол на своих шпионов, не сумевших вовремя предупредить его. Он едва успел примчаться на берег с почетным караулом. – Вы, наверное, устали...

– Нет, благодарю вас, – отрезал Торанага. – Мне не нужны обороняющиеся, сложные построения, крики, показательные смерти. Вы забыли, старина, я играл в пьесах *но* и достаточно много их поставил, чтобы развить воображение. Я не ронин и не крестьянин. Пожалуйста, прикажите сразу же выступать.

Они стояли на берегу около пристани. Торанагу окружали отборные телохранители, остальные высаживались с причалившей галеры. Еще тысяча самураев с тяжелым вооружением находилась на двух галерах, которые ждали на рейде. День был теплым, небо – безоблачным, море зыбилось невысокими волнами, на горизонте дрожало легкое морево.

– Игураси, распорядись! – Ябу спрятал свой гнев.

После отправки первого донесения о прибытии Дзодзэна одиннадцать дней назад из Эдо поступило только несколько незначительных сообщений от его собственных шпионов и ничего, кроме редких, возмутительно пустых ответов Торанаги на его послания: *«Ваш отчет получен и внимательно изучается», «Удивлен известиями о моем сыне. Пожалуйста, дождитесь дальнейших распоряжений»*. Затем, четыре дня назад: *«Виновные в смерти Дзодзэна будут наказаны. Они должны оставаться на своих постах, но содержаться под арестом, пока я не снесу с господином Исидо»*. И вчера как бомба: *«Сегодня получил приглашение нового Совета*

регентов в Осаку на церемонию созерцания цветка. Когда собираетесь ехать вы? Сообщите немедленно».

– Ведь это не означает, что Торанага действительно поедет? – терялся в догадках Ябу.

– Он вынужден ехать, – ответил Игураси. – Во всяком случае, он испытывает вас.

– Да, вероятно, – поддержал Оми.

– Почему нет новостей из Эдо? Что случилось с нашими шпионами?

– Похоже, что Торанага накрыл Канто густой сетью, – предположил Оми. – Может быть, он знает ваших шпионов наперечет.

– Сегодня десятый день, господин, – напомнил Игураси. – Все готово для вашего отъезда. Вы собираетесь ехать или нет?

Сегодня на берегу Ябу благодарил своих хранителей ками, которые убедили послушаться совета Оми и ждать до последнего, еще три дня.

– Относительно вашего последнего письма, Торанага-сама, того, что пришло вчера, – начал он. – Вы, конечно, не поедете в Осаку?

– А вы?

– Признавая ваше главенство, я ждал вашего решения.

– Мне решить легко, Ябу-сама. Вам трудно. Если вы поедете, регенты наверняка обвинят вас в убийстве Дзодзэна и его людей. Исидо очень сердит, и справедливо. Не так ли?

– Я не виноват в этом, господин Торанага. Дзодзэн принял смерть – впрочем, вполне заслуженную – вопреки моим приказам.

– Это сделал Нага-сан, да? Иначе, разумеется, вам бы самому пришлось потрудиться. Я поговорю с Нага-саном позднее. Пойдемте! Мы можем продолжить разговор по дороге. Не нужно впустую тратить время. – Торанага взял быстрый темп, телохранители держались вплотную к нему. – Да, перед вами стоит действительно нелегкий выбор, старина. Если поедете, потеряете голову, Идзу, и, конечно, всему роду Касиги конец. Если останетесь, итог будет тот же. – Он оглянулся на Ябу. – Может быть, вам стоит последовать собственному совету, который вы дали мне, когда я в последний раз заглянул в Андзиро. Я буду счастлив стать вашим помощником. Вдруг ваша голова умилюстит Исидо, когда я увижу его?

– Моя голова ничего не значит для Исидо.

– Я так не думаю.

Их прервал Бунтаро:

– Простите меня, господин. Где вы хотели разместить моих людей?

– На плато. Устрой там постоянный лагерь. Двести человек охраны останутся со мной в крепости. Когда отдашь все распоряжения, присоединяйся к нам. Я хочу, чтобы ты посмотрел на учения.

Бунтаро торопливо ушел.

– Постоянный лагерь? Вы остаетесь здесь? – изумился Ябу.

– Нет, только мои люди. Если атака так хороша, как я слышал, мы сформируем девять штурмовых отрядов по пятьсот самураев в каждом.

– Что?!

– Да. Я привез с собой еще тысячу отборных самураев. Вы обеспечите другую тысячу.

– Но ружья – их недостаточно, и подготовка...

– Извините, тут вы не правы. Я привез тысячу мушкетов, вдоволь пороха и пуль. Остальное прибудет в течение недели с еще одной тысячей воинов.

– У нас будет девять штурмовых отрядов?

– Да, они составят один полк. Командиром станет Бунтаро.

– Может быть, лучше отдать полк под мое начало? Он будет...

– О, не забывайте, что Совет состоится через несколько дней. Как вы сможете командовать полком, если собираетесь в Осаку? Вы готовы ехать?

Ябу остановился:

– Мы союзники. Я признал ваше старшинство, и мы помочились, скрепляя уговор. Я соблюдал и соблюдаю его. Сейчас я спрашиваю, каковы ваши намерения? Мы воюем или нет?

– Никто не объявлял мне войны. Пока.

Ябу испытал страстное желание выхватить меч Ёситомо и выпустить кровь из Торанаги прямо здесь, на песке, покончить с ним раз и навсегда, чего бы это ни стоило. Он чувствовал, как напряглись телохранители, но сейчас его это не заботило.

– Разве Совет не жаждет и вашей смерти? Вы сами говорили об этом. Как только они встретятся, вы должны будете повинаться. Так?

– Конечно. – Торанага сделал знак телохранителям, чтобы отошли, легонько оперся на свой меч, широко и твердо расставив массивные ноги.

– Тогда каково же ваше решение? Что вы предлагаете?

– Сначала посмотреть атаку.

– Потом?

– Потом поехать поохотиться.

– Вы собираетесь в Осаку?

– Конечно.

– Когда?

– Когда мне захочется.

– То есть не тогда, когда захочется Исидо?

– Когда этого захочется мне.

– Мы останемся в полном одиночестве, – заключил Ябу. – Нам не по силам воевать со всей Японией, даже имея штурмовой полк. И мы, видимо, не сможем подготовить его за десять дней.

– Да.

– Тогда какой у вас план?

– Что на самом деле произошло между Дзодзэном и Нагой?

Ябу рассказал все как было, опустив то обстоятельство, что Нагу подстрекал Оми.

– А мой чужеземец? Как себя вел Андзин-сан?

– Хорошо. Очень хорошо. – Ябу поведал о попытке самоубийства в первый вечер и о том, как он склонил Блэкторна на свою сторону, к общей выгоде.

– Это было умно, – медленно проговорил Торанага. – Я никогда не думал, что он попытается совершить сэппуку. Занятно.

– Счастье, что я приказал Оми быть наготове.

– Да.

Ябу нетерпеливо ждал дальнейшего, но Торанага молчал.

– Эта новость насчет того, что господин Ито станет регентом... – решился наконец Ябу. – Вы знали об этом до моего письма?

Торанага ответил не сразу.

– До меня доходили слухи. Господин Ито – лучший выбор для Исидо. Бедному глупцу всегда нравилось, чтобы его имели, пока он тычется носом в чужой зад. Они составят славную пару.

– Его голос погубит вас тем не менее.

– Если Совет состоится.

– А-а, так у вас есть план?

– У меня всегда есть план – или планы, – разве вы не знаете? Но вот вы – каков ваш план, союзник? Если хотите ехать, поезжайте. Хотите остаться – оставайтесь. Выбирайте! – Он пошел дальше.

Марико протянула Торанаге свиток, плотно исписанный иероглифами.

– Это все? – спросил он.

– Да, господин, – ответила она, недовольная теснотой каюты и тем, что опять находится на борту, даже если корабль и стоит в гавани. – Здесь повторяется многое из того, что есть в военном руководстве, но я записывала каждый вечер все, что происходило. Это почти дневник, запечатлевший все, что случилось или было сказано с того времени, как вы уехали.

– Хорошо. Кто-нибудь еще читал его?

– Нет, насколько я знаю. – Она принялась обмахиваться веером. – Наложница Андзин-сана и слуги видели, как я писала, но мои записи все время хранились под замком.

– И каковы ваши выводы?

Марико заколебалась. Она взглянула на дверь каюты и закрытый иллюминатор.

Торанага успокоил:

– На борту только мои люди.

– Да, господин. Я просто вспомнила, как Андзин-сан говорил, что на борту корабля нет секретов. Так что простите. – Она задумалась на минуту, потом продолжала более уверенно: – Мушкетный полк выиграет одно сражение. Чужеземцы могут победить нас, если высадутся, при помощи ружейного и пушечного огня. У нас должен быть военный флот, как у них. Все знания, которыми обладает Андзин-сан, имеют для вас огромное значение и должны держаться в секрете. В чужих руках эти знания окажутся смертельными для нас.

– Кто еще посвящен в то, что он рассказывает?

– Ябу-сан знает много, но Оми-сан знает больше – он сметливее. Игураси-сан, Нага-сан и рядовые воины, конечно, уяснили стратегию, но не частности. И никто не постиг всего, что знает Андзин-сан о делах войны и мира. Ну, я усвоила больше остальных, поскольку записывала каждое его слово, спрашивала, комментировала. Как могла. Конечно, он рассказывал нам об отдельных вещах, но его познания

огромны и память почти совершенна. При его терпении он способен дать вам точную картину мира, описать его обычаи, опасности... если говорит правду.

– А он говорит правду?

– Я считаю, что да.

– Каково ваше мнение о Ябу?

– Ябу-сан – очень вспыльчивый человек, которому неведомы угрызения совести. Он не ценит ничего, кроме собственных интересов. Долг, верность, традиция ничего для него не значат. Его ум порой испытывает большие озарения, даже вспышки гениальности. Он одинаково опасен и как враг, и как союзник.

– Похвальные качества. А что против него?

– Он дурной правитель. Его крестьяне устроят бунт, если только получат оружие.

– Почему?

– Грабительские, незаконные подати. Он забирает семьдесят пять из ста частей риса, рыбы, всего остального. Он начал взимать налог с головы, с земли, с лодки, с каждой продажи – в Идзу со всего дерут налоги.

– Может, мне нанять Ябу-сана в управители для Канто? Ну, то, как он хозяйничает здесь, его дело. У крестьян Ябу никогда не будет оружия, так что беспокоиться не о чем. Я мог бы все еще использовать Идзу для размещения своих сил, если будет необходимость.

– Но, господин, шестьдесят частей – законный предел.

– Это был законный предел. Тайко узаконил его, но он мертв. Что еще о Ябу?

– Он умерен в еде. Здоровье, видимо, прекрасное, но Суво, массажист, говорит, что у него больная печень. У Ябу-сана есть любопытные привычки.

– Какие?

Она поведала ему о «ночи стонов».

– Кто сказал вам об этом?

– Суво. А также жена и мать Оми-сана.

– Отец Ябу тоже варил своих врагов. Напрасная трата времени. Но я могу понять его потребность иногда проделывать подобное. А его племянник, Оми?

– Очень проницательный. Очень умный. Очень способный. Абсолютно предан своему дяде.

– Семья Оми?

– Его мать сурова с Мидори, его женой. Жена – самурай, мягкая, но сильная и очень хорошенькая. Все преданные вассалы Ябу-сана. В настоящее время у Оми-сана нет наложницы, хотя Кику, самая известная куртизанка в Идзу, стала почти что его наложницей. Если бы он мог выкупить контракт Кику, думаю, он ввел бы ее в свой дом.

– Он поможет мне против Ябу, если потребуется?

Она обдумала эту возможность, потом покачала головой:

– Нет, господин, не думаю. Сдается мне, что он верный вассал своего дяди.

– Нага?

– Как самурай – лучше быть не может. Сразу понял опасность Дзодзэн-сана и его людей для вас и не позволял им шагу ступить свободно, пока не получил ваших распоряжений. Ненавидит стрельбу, мушкеты, но муштрует своих людей так, что они добьются совершенства.

– Я думаю, он был очень глуп, позволив Ябу дергать себя за ниточки.

Она поправила складку на кимоно и промолчала.

Торанага обмахнулся веером.

– Теперь что скажете об Андзин-сане?

Она ожидала этого вопроса, но, когда он прозвучал, все умные фразы, которые она заготовила, вылетели из головы.

– Ну?

– Вы должны судить по свитку, господин. В некоторых вещах он непостижим. Конечно, его воспитание и происхождение ничего общего не имеют с нашими. Он очень сложный – вне моего понимания. Он бывает очень открытым. Но с тех пор как попытался совершить сэппуку, очень изменился. Стал более скрытен. – Она рассказала о том, что сказал и сделал в тот вечер Оми. И про обещание Ябу.

– Ах вот как! Его остановил Оми – не Ябу-сан?

– Да, Оми.

– И Ябу следовал совету Оми?

– Да, господин.

– Так Оми – его советник! Интересно. Но Андзин-сан, конечно, не ожидает, что Ябу сдержит свое обещание?

– Напротив, он уверен в этом.

Торанага засмеялся:

– Как это по-детски!

– Христианская «совесть» очень глубока в его душе, так что извините. Он не может избежать своей кармы. Им движет ненависть к безвинной смерти. Даже гибель Дзодзэна поразила его до глубины души. Несколько ночей он плохо спал и целыми днями почти не разговаривал ни с кем.

– Эта «совесть» есть у всех чужеземцев?

– Нет, хотя она должна быть у каждого чужеземца-христианина.

– Он лишится когда-нибудь этой «совести»?

– Не думаю. И до тех пор будет незащищен, как ребенок.

– А его наложница?

Она изложила ему всю историю с Фудзико.

– Хорошо. – Он был рад, что не ошибся, остановив свой выбор на Фудзико. – Очень хорошо. Она превосходно себя вела в этой истории с пистолетами. А каково его поведение? Какие у него привычки?

– В основном нормальные. За одним исключением: его до странности смущает все, что касается телесной близости. А еще он упорно не желает обсуждать самые обычные потребности человеческого организма. – Она также описала его необычную потребность в уединении и отвратительные пристрастия в еде. – В остальном он внимательный, рассудительный, живой и способный ученик. Очень интересуется нашими обычаями и нами. Я объяснила ему кое-что о нашей жизни, о нашей истории, о тайко и сложностях, возникших сейчас в нашем государстве.

– Вы рассказали ему о наследнике?

– Да, господин. А что, не стоило?

– Нет, я же велел вам осведомлять его обо всем. Как его японский?

– Сравнительно неплохо. Временами он говорит на нашем языке совсем хорошо. Он талантливый ученик, господин.

– А что насчет постели?

– С ним делит ложе одна из наших служанок, – поспешила ответить она.

– Он сам ее выбрал?

– Ее послала ему наложница.

– И?..

– Я так поняла, что в целом все было нормально.

– Вот оно как! И у нее не возникло никаких трудностей?

– Нет, господин.

– Но он пропорционально сложен?

– Девушка сказала: «О да», а еще: «Даже чрезмерно».

– Превосходно. По крайней мере, в этом его карма хороша. Это проклятие многих людей – Ябу, Киямы. Маленькие члены. Большое несчастье – родиться с маленьким членом. – Он взглянул на свиток, потом с треском закрыл свой веер. – А как вы, Марико-сан?

– Хорошо, благодарю вас, господин. Я очень рада, что вы так хорошо выглядите. Могу я поздравить вас с рождением внука?

– Да, благодарю вас. Я доволен. Мальчик хорошо сложен и кажется здоровым.

– А госпожа Гэндзико?

Торанага хмыкнул:

– Сильна, как всегда. – Он поджал губы, задумавшись на минуту. – Может быть, вы посоветуете для ребенка приемную мать? – Согласно обычаю сыновья знатных самураев могли иметь приемных матерей, занимавшихся воспитанием ребенка, его здоровьем, в то время как родная мать отдавала все внимание мужу и ведению дома. – Боюсь, будет нелегко найти нужного человека. Госпожа Гэндзико не слишком приятна в общении, правда?

– Уверена, вы найдете подходящего человека, господин. Я, конечно, подумаю об этом, – ответила Марико, наперед зная, что советовать в таком деле глупо: ни одна женщина не устроит сразу и Торанагу, и его сноху.

– Спасибо. А вы сами, Марико-сан?

– С удовольствием, господин. Благодарю вас.

– А ваша христианская совесть?

– Здесь нет никаких препятствий, господин. Я сделаю все, что вы пожелаете. С большим удовольствием.

– Здесь нет никого из священников?

– Нет, господин.

– А вам не нужен священник?

– Было бы хорошо исповедаться и получить благословение. Действительно, мне бы этого хотелось – исповедаться и получить благословение.

Торанага внимательно посмотрел на нее. Ее глаза были бесхитростны.

– Вы хорошо поработали, Марико-сан. Пожалуйста, продолжайте так же.

– Да, господин, спасибо. Еще одно: Андзин-сану нужны грамматика и словарь.

– Я послал к Цукку-сану за ними. – Он заметил, что Марико нахмурилась. – Вы не уверены, что он их пришлет?

– Он выполнит вашу просьбу, конечно. Может быть, не так быстро, как вам бы хотелось.

– Я скоро узнаю об этом, – добавил Торанага с угрозой. – Осталось только тринадцать дней.

Марико сильно удивилась.

– Что? – спросила она, недоумевая.

– Тринадцать? Ах да... – рассеянно протянул Торанага, пытаясь найти правдоподобное истолкование невольно вырвавшимся у него словам. – Когда мы были на борту португальского судна, он просил разрешения посетить Эдо. Я согласился, поставив ему срок – сорок дней. Осталось тринадцать. Разве не сорок дней провел на горе этот *бонза*, этот пророк, этот Моисей, прежде чем получил от своего Бога заповеди, выбитые на камне?

– Да, господин.

– Вы верите, что это было?

– Да. Но не понимаю как и почему.

– Пустая трата времени – обсуждать дела Бога. Не так ли?

– Если вы стремитесь к точному знанию, да, господин.

– В ожидании словаря вы не пытались сделать свой?

– Да, Торанага-сама. Боюсь, он не так хорош. К сожалению, видимо, для этого было слишком мало времени – столько забот. Здесь... везде, – добавила она подчеркнуто.

Он согласно кивнул, зная, что ей очень хотелось бы спросить о многих вещах: о новом Совете, о назначении господина Ито, о том, какая участь ожидает Нагу, и скоро ли начнется война.

– Вы счастливы, что ваш муж опять с нами? Правда?

Ее веер замер.

– Я не надеялась, что он останется в живых. Каждый день молилась и зажигала курильницу в память о нем.

Бунтаро рассказал ей этим утром, что отряд самураев Торанаги прикрывал его отступление от берега. Ему удалось без особых сложностей выбраться из Осаки через пригороды. Потом, прихватив по дороге пятьдесят человек и запасных лошадей, он в обличье разбойника спешным порядком, через холмы, по нехоженным тропам, устремился в Эдо. Дважды преследователи настигали отряд, но сил для окружения не хватало, и Бунтаро пробивался вперед с боями. Один раз попал в засаду и потерял всех своих людей, кроме четверых, но снова спасся, углубившись в леса, передвигаясь ночью, а днем отсыпаясь. Ягоды и вода из ручьев, немного риса, захваченного в уединенных крестьянских домах, потом снова скачка, когда враг преследовал его по пятам. Двадцать дней он добирался до Эдо. С ним пробилось всего двое.

– Это почти чудо, – произнесла она. – Я думала, что одержима ками, когда увидела его подле вас на берегу.

– Он умен. Очень силен и очень умен.

– Могу я узнать, что известно о господине Хиромацу, господин? Обо всех, оставшихся в Осаке? Госпоже Кирицубо и госпоже Садзуко?

Торанага уклончиво сообщил ей, что Хиромацу прибыл в Эдо за день до его отъезда оттуда, а дамы решили остаться в Осаке. Причиной задержки послужило нездоровье госпожи Садзуко. Он мог бы и не прибегать к подобным ухищрениям. И ему, и Марико было хорошо известно, что это только попытка сохранить лицо, что Исидо никогда не позволит двум таким ценным заложницам ускользнуть, после того как из его рук вырвался Торанага.

– *Сиката га най* (Ничего не поделаешь), – обронил он. – *Карма, нэ?* (Карма, не так ли?)

– Да.

Он поднял ее свиток:

– Сейчас я должен прочитать это. Благодарю вас, Марико-сан. Вы справились превосходно. Пожалуйста, приведите утром в крепость Андзин-сана.

– Господин, теперь, когда мой муж здесь, я должна...

– Ваш муж уже согласился с тем, что, пока я здесь, вы останетесь там, где были, в качестве переводчицы. Ваш первейший долг – оставаться при Андзин-сане следующие несколько дней.

– Но, господин, я должна приготовить дом для моего мужа. Ему понадобятся жилище и слуги.

– Это будет пустой тратой времени, денег и сил. Он остановится в лагере или в доме Андзин-сана – где пожелает. – Он заметил вспышку возмущения. – *Нан дзя?*

– Мое место рядом с моим господином. Чтобы служить ему.

– Ваше место там, куда я вас пошлю. Не так ли?

– Да, пожалуйста, извините меня. Конечно.

Она ушла.

Он внимательно изучил свиток и руководство по военному делу. Потом перечитал отдельные места в записках Марико. Надежно припрятал бумаги, поставил часовых у каюты и вышел на палубу.

Было утро. День обещал быть пасмурным и теплым. Он отменил ранее намеченную встречу с Андзин-саном и поехал на плато с сотней самураев охраны, а оттуда, прихватив сокольничих и трех ловчих птиц, ускакал на охоту за двадцать ри. К полудню добыл трех фазанов, двух крупных вальдшнепов, зайца и пару перепелов. Одного фазана и зайца он послал Андзин-сану, остальное – в крепость. Некоторые из его самураев не были буддистами, и он терпимо относился к их пристрастиям в еде. Сам он съел немного холодного риса с рыбным пюре и маринованных водорослей с ломтиками имбирного корня. Потом свернулся калачиком на земле и уснул.

Был уже конец дня, когда Блэкторн, весело насвистывая, обосновался в кухне. Вокруг него стояли главный повар, помощник повара, резчик овощей, резчик рыбы и их подручные. Все улыбались, но в глубине души таили обиду на то, что здесь, на кухне, хозяйин с хозяйкой, объявившей, что господин окажет им честь, показав, как надо разделывать и готовить пищу его способом. И наконец, из-за зайца.

Фазана Блэкторн повесил снаружи, под скатом крыши, строго-настрога наказав не трогать птицу.

– Вы понимаете, Фудзико-сан? Никакого троганья, кроме мне! – проговорил он с напускной суровостью.

– О да, Андзин-сан. Они всё поняли. Только, простите меня, вам следовало сказать: «Никто не должен трогать, кроме меня».

– Теперь, – сказал он, ни к кому отдельно не обращаясь, – высокое искусство кулинарии. Урок первый.

– *Додзо гомэн насай?* (Простите, что?) – не поняла Фудзико.

– *Миру!* (Смотри!)

Чувствуя себя снова молодым – одной из его первых обязанностей по дому было ощипывать и потрошить дичь, которую они с братом добывали с большой опасностью для себя, браконьерствуя в чужих охотничьих угодьях вокруг Чатема, – Блэкторн выбрал длинный изогнутый нож. Повар, приготовлявший суси, побледнел. Это был его любимый нож, чье отточенное лезвие придавало такое совершенство ломтикам сырой рыбы. Вся кухонная прислуга затаила дыхание, стараясь спрятать смущение за улыбками.

Блэкторн вспорол зайцу брюшко и аккуратно извлек потроха. Молоденькая служанка зажала рот, сдерживая рвотные позывы, и кинулась прочь из кухни. Фудзико решила лишить ее месячного жалованья, жалея в то же время, что не может по примеру этой крестьянской девушки спастись бегством.

Остановившимися глазами вся челядь следила, как господин отрезает заячьи лапы, как проталкивает передние конечности под шкуру, чтобы отодрать кожу от мяса. То же самое он проделал с задними лапами, отделив кругом шкуру, чтобы вывести освежеванные задние ноги в разрез на брюшке, затем ловким рывком стянул шкурку до головы. Он положил почти ободранного зайца на разделочный стол и отрубил голову с остекленевшими, но все еще жалобными глазами. Потом вывернул шкуру мехом наружу, отложил в сторону. По кухне пронесся вздох. Блэкторн не слышал его, поглощенный своим занятием. Еще одна служанка выбежала вон.

– Теперь мне нужен котелок, – объявил Блэкторн с довольной улыбкой.

Никто ему не ответил. Слуги просто таращились на него с теми же застывшими улыбками. Ему попался на глаза большой железный котел. Блэкторн поднял его окровавленными руками, наполнил водой из деревянной бочки, потом повесил над жаровней, которая помещалась внутри облицованного камнем углубления посреди земляного пола. Положив в котел куски мяса, Блэкторн изрек:

– Теперь немного овощей и специй.

– *Додзо?* – хрипло спросила Фудзико.

Не зная, как сказать это по-японски, он огляделся вокруг. В корзинах нашлась морковь и несколько корнеплодов, напоминающих турнепс. Блэкторн почистил их, нарезал и отправил в котел, приправив похлебку солью и темным соевым соусом.

– Сюда бы еще несколько луковиц, чеснок и портвейн.

– *Додзо?* – опять беспомощно откликнулась Фудзико.

– *Котаба сиримасэн.* (Я не знаю слов.)

Она не поправила его, только взяла ложку и протянула ему. Он покачал головой:

– Саке.

Помощник повара, выйдя из оцепенения, подал хозяину маленький деревянный бочонок.

– *Домо.* – Блэкторн налил полную чашку, потом добавил еще одну, для верности. Он с удовольствием угостился бы из бочонка, но знал, что это дурной тон – пить саке холодным, без соблюдения должных церемоний, тем более на кухне.

– Боже мой, как мне хочется пива! – вздохнул он.

– *Додзо годзаймасита,* Андзин-сан?

– *Котаба сиримасэн.* Огонь слишком уж сильный. *Ити-бан, нэ?* –

Он указал на свистящий котелок.

– *Хай,* – согласилась она, по-прежнему ничего не понимая.

– *Окуру цукай аригато* (пошлите кого-нибудь поблагодарить) Торанага-сама, – попросил Блэкторн.

Никто не поправил его плохой японский.

– *Хай.* – Оказавшись на улице, Фудзико поспешила в маленький домик, стоявший уединенно около главного входа в сад. Ей было очень плохо.

– Вы здоровы, хозяйка? – спросила ее служанка, Нигацу, пухлая женщина средних лет, которая присматривала за Фудзико всю ее жизнь.

– Ступай прочь! Но сначала принеси мне немного зеленого чая. Нет, тебе придется идти через кухню... о-хо-хо!

– У меня здесь есть чай, хозяйка. Мы подумали, что вам потребуется чай, и вскипятили воду на другой жаровне. Вот!

– Ох, какая ты у меня умная! – Фудзико ласково ущипнула Нигацу за круглую щеку, другая служанка в это время обмахивала ее веером. Она вытерла рот бумажным полотенцем и, полная благодарности, устроилась посреди веранды на подушках. – Кажется, уже лучше. – Ей действительно стало лучше на открытом воздухе, в тени. Под ярким послеполуденным солнцем тени сгустились, мелькали бабочки, далеко внизу поблескивало безмятежное море.

– Что происходит, хозяйка? Мы даже не осмелились подглядывать.

– Ничего особенного. Хозяин... хозяин... так, ничего особенного. У него странные привычки, но это наша карма.

Взглянув в сторону, она увидела, что к ней через сад чинно шествует главный повар, и ее сердце упало. Этот щуплый человечек, большестопый и кривозубый, церемонно поклонился ей, но прежде чем успел произнести хотя бы слово, Фудзико распорядилась с вымученной улыбкой:

– Закажи в деревне новые ножи. Новый горшок для риса. Новую разделочную доску, новые бочки для воды – всю кухонную утварь. То, что брал хозяин, держи для его личного употребления. Отведи ему отдельное место, построй отдельную кухню, где он сможет готовить по своему вкусу, пока ты не научишься.

– Благодарю вас, Фудзико-сан, – поклонился повар. – Извините, что прерываю, но в соседней деревне есть прекрасный повар. Он не буддист и даже побывал с нашей армией в Корее, так что знает, как готовить для хозяина, намного лучше, чем я.

– Когда мне потребуется другой повар, я тебе скажу. До тех пор ты будешь здесь главным поваром. Ты принят на это место на шесть месяцев, – напомнила Фудзико.

– Да, госпожа, – произнес повар с показным достоинством, хотя внутри у него все бушевало. Фудзико-но Андзин была не из тех, с кем можно своевольничать. – Пожалуйста, извините меня, но я нанимался в повара. И горд тем, что я повар. Я никогда не подряжался в мясники. Разделывать мясо – занятие для *эта*. Конечно, у нас здесь нет и не может быть *эта*, но тот, другой повар не буддист, как я, мой отец, его отец и отец его отца, госпожа, и они никогда, никогда... Извините, но этот новый повар будет...

– Ты станешь готовить здесь, как и прежде. Я нахожу твою стряпню превосходной, достойной поваров из Эдо. Я даже послала

один твой рецепт госпоже Кирицубо в Осаку.

– О? Благодарю вас. Вы оказали мне большую честь. А какой рецепт, госпожа?

– Мелкие свежие угри и медузы с резаными устрицами, приправленные капелькой сои, которых ты так прекрасно готовишь. Превосходно! Лучшее из всего, что я когда-либо пробовала.

– О, благодарю вас за похвалу, хозяйка, – рассыпался он в благодарностях.

– Но твои супы оставляют желать много лучшего.

– О, извините!

– Я поговорю с тобой об этом позднее. Ступай! – бросила она, стараясь от него отделаться.

Но маленький повар держался храбро:

– Пожалуйста, извините меня, хозяйка, но, при всем моем уважении, если хозяин... когда хозяин...

– Когда хозяин прикажет тебе приготовить что-то или разделать, ты постарайся как можно быстрее исполнить его распоряжения. Тотчас же. Как и подобает верному слуге. И поскольку тебе потребуется время, чтобы освоить новые навыки, договорись с тем, другим поваром, чтобы являлся тебе на помощь в тех редких случаях, когда хозяин захочет поесть привычную для него еду.

Удостоверься, что честь его не пострадала, повар с улыбкой поклонился:

– Благодарю вас. Пожалуйста, извините мою назойливость.

– Разумеется, услуги второго повара ты оплатишь из собственного жалованья.

Когда повар убрался восвояси, Нигацу хихикнула, прикрывшись рукой:

– Ох, хозяйка-тян, можно мне высказать похвалу? Главный повар чуть не пустил ветры, когда вы сказали, что он должен еще и платить!

– Спасибо, нянюшка-сан. – Фудзико почуяла запах вареной зайчатины. «Что, если он попросит меня отведать его стряпни? – спросила она себя и чуть не пала духом. – Даже если не попросит, я все равно должна буду прислуживать за столом. Как подавить тошноту? Ты не почувствуешь никакой тошноты, – внушала она себе. – Это твоя карма. Ты, должно быть, натворила много зла в предыдущей жизни, да. Но помни: теперь все прекрасно. Осталось всего пять

месяцев и шесть дней. Не думай об этом, думай только о своем господине. Он смелый и сильный мужчина, хотя у него и отвратительные привычки в еде...»

У ворот процокали копыта. Бунтаро слез с коня и махнул рукой, отпуская своих людей. Потом, взяв с собой одного личного телохранителя, размашистыми шагами прошел через сад. Он был весь пыльный и потный. В руках нес огромный лук, за спиной у него висел колчан. Фудзико и ее служанка приветливо поклонились гостю, хотя и ненавидели его. Дядя Фудзико был известен дикими, необузданными приступами ярости, во время которых он мог обругать любого без всякого повода, затеять ссору. В большинстве случаев страдали его слуги и женщины.

– Пожалуйста, проходите, дядя. Как мило, что вы сразу навестили нас, – сказала Фудзико.

– Здравствуй, Фудзико-сан. Слушай, что это за смрад?

– Мой господин готовит дичь, которую прислал ему господин Торанага, – показывает моим несчастным слугам, как стряпать.

– Если ему взбрело в голову готовить, я полагаю, он может... Хотя... – Бунтаро брезгливо сморщил нос. – Да, хозяин может делать что хочет в своем доме, если не мешает соседям.

По закону неприятный запах мог вызвать жалобы и принести немалые неприятности, если соседи попадутся несговорчивые. Люди простого звания опасались беспокоить знатных соседей. Но если тяжба шла между равными, могли даже полететь головы. Вот почему по всей стране люди старались по возможности селиться рядом с представителями своего сословия: крестьяне рядом с крестьянами, купцы возле купцов, а *эта* жили обособленно от всех. Ближайшим соседом капитана был Оми. «Он выше рангом», – встревожилась Фудзико.

– От всей души надеюсь, что мы никому не причинили беспокойства, – с усилием выговорила она, гадая, какое новое зло замыслил Бунтаро. – Вы хотите видеть хозяина? – Она собралась встать, но дядя остановил ее.

– Нет, пожалуйста, не мешай ему. Я подожду, – объявил он церемонно, и ее сердце упало: Бунтаро никогда не соблюдал правил хорошего тона, и его вежливость наводила на подозрения. – Прости, что приехал так вот запросто, не дожидаясь приглашения, – извинился

он, – но господин Торанага сказал, что мне, возможно, разрешат пользоваться вашей баней и останавливаться в вашем доме. Время от времени. Не спросишь ли ты потом дозволения у Андзин-сана?

– Непременно, – откликнулась Фудзико, соблюдая этикет. Ее коробило от одной мысли, что придется делить кров с Бунтаро. – Уверена, он почтет это за честь, дядя. Можно мне пока предложить вам зеленого чая или саке?

– Саке, пожалуйста.

Нигацу поспешно принесла на веранду подушку и убежала за саке, хотя ей до ужаса хотелось остаться.

Бунтаро протянул лук и колчан телохранителю, сбросил пыльные сандалии и протопал на веранду. Сел, скрестив ноги, и положил на колени вынутый из-за пояса длинный меч.

– Где моя жена? С Андзин-саном?

– Нет, Бунтаро-сан, извините. Ей было приказано явиться в крепость, где...

– *Приказано?* Кем приказано? Касиги Ябу?

– Нет, господином Торанагой, когда тот вернулся с охоты после обеда.

– Господином Торанагой? – Бунтаро сдержался и сердито посмотрел через бухту на крепость. Рядом со знаменем Ябу развевался флаг Торанаги.

– Может быть, послать кого-нибудь за ней?

Он покачал головой:

– Для нее еще будет время. – Бунтаро вздохнул, глядя на племянницу, дочь младшей сестры. – Мне повезло, что у меня такая образованная жена, не так ли?

– Да, господин. Ее устами говорит Андзин-сан, чьи знания нам столь необходимы.

Бунтаро смотрел на крепость, когда ветер опять донес запах с кухни.

– Напоминает Нагасаки или Корею. Они там все время готовят мясо, варят или жарят. Вонь стоит несусветная... Ты никогда не нюхала ничего подобного. Корейцы – животные, те же людоеды. Запах чеснока пропитывает одежду, волосы.

– Это должно быть ужасно.

– Война хорошо начиналась. Мы легко могли победить, дойти до Китая и принести цивилизацию в обе страны. – Бунтаро раскраснелся, голос его стал прерывистым. – Но не сумели. Мы проиграли и вернулись с позором, потому что нас предали. Предали грязные изменники, сидящие наверху.

– Да, как ни печально, вы правы, Бунтаро-сама, – прожурчала она успокоительную ложь, уверенная, что ни один народ на земле не смог бы завоевать, а тем более цивилизовать Китай, который издревле обладал развитой культурой.

Вена на лбу Бунтаро запульсировала, он уже не беседовал, а изливал вслух накипевшее на душе:

– Они расплатятся. Все эти изменники. Надо только подождать. Если долго сидеть около реки, труп врага рано или поздно проплывет мимо тебя, не так ли? Я буду ждать. Я скоро плюну на их головы, очень скоро. Я пообещал это себе. – Он воззрился на Фудзико. – Я ненавижу предателей и изменников. И всяких лжецов!

– Да, я согласна. Истинная правда, Бунтаро-сама, – пролепетала она, холодея, ибо знала, что ярость его не знает предела.

В шестнадцать лет Бунтаро казнил собственную мать, одну из младших наложниц Хиромаци, заподозрив, что та изменила его отцу, который в то время воевал под знаменами господина Городы. Годом позже он убил своего младенца-сына в отместку за якобы оскорбительное для него поведение его первой жены, а жену отослал в родительский дом, где она наложила на себя руки, не вынеся позора. Он творил ужасные вещи со своими наложницами и Марико. Во время неистовой ссоры Бунтаро обвинил отца Фудзико в том, что тот показал себя трусом в Корее, очернил его перед тайко, который велел несчастному обрить голову и уйти в монахи. Вскоре отец Фудзико допился до смерти, снедаемый стыдом.

Фудзико пришлось напрячь всю свою волю, чтобы казаться спокойной.

– Мы были рады услышать, что вы спаслись от врага, – заметила она.

Принесли sake, и Бунтаро приналег на спиртное. Спустя некоторое время Фудзико встала:

– Пожалуйста, простите меня, я отлучусь ненадолго. – Она пошла на кухню – известить Блэкторна, что Бунтаро просит разрешения

расположиться в их доме, предупредить капитана и слуг, что нужно делать.

– Почему здесь? – проворчал Блэкторн. – Почему он остановится здесь? Это необходимо?

Фудзико попыталась объяснить ему, что Бунтаро нельзя отказать в гостеприимстве. Блэкторн мрачно вернулся к стряпне, а она со стесненным сердцем возвратилась к Бунтаро.

– Мой господин говорит, что польщен честью принять вас в своем доме. Его дом – ваш дом.

– Каково это – быть наложницей чужеземца?

– Я поначалу напридумывала себе всякие ужасы. Но что касается Андзин-сана, он хатамото, а следовательно, самурай. Я первый раз стала наложницей. Положение жены кажется мне более предпочтительным. Андзин-сан такой же, как все люди, хотя некоторые его привычки удивительны для нас.

– Кто бы мог подумать, что женщина из нашего рода станет наложницей чужеземца – даже и хатамото.

– У меня не было выбора. Я повиновалась господину Торанаге и деду, главе нашего клана. Удел женщины – повиновение.

– Да. – Бунтаро допил sake, и она снова наполнила чашку. – Послушание важно для женщин. И Марико-сан послушная, не так ли?

– Да, господин. – Она взглянула в его безобразное, обезьянье лицо. – Она не принесла вам ничего, кроме чести, господин. Без госпожи, вашей жены, господин Торанага ничего не узнал бы от Андзин-сана.

Он криво усмехнулся:

– Я слышал, ты наставила пистолеты прямо в лицо Оми-сана.

– Я только выполняла свой долг, господин.

– Где же ты выучилась пользоваться пистолетом?

– Я никогда до того не имела дела с оружием. Не знала даже, заряжены ли пистолеты. Но я бы спустила курки.

Бунтаро засмеялся:

– Оми-сан так и подумал.

Она снова наполнила его чашку.

– Я не понимала, почему Оми-сан не пытается отнять у меня пистолеты. Господин Ябу приказал отобрать их, а он даже не попытался.

– Я бы отобрал.

– Да, дядя. Я знаю. Но, извините меня, я бы все-таки спустила курки.

– Ты бы промахнулась!

– Возможно. С тех пор я научилась стрелять.

– Он научил тебя?

– Нет. Один из людей господина Наги.

– Зачем?

– Мой отец никогда не позволял своим дочерям учиться владеть мечом или пикой. Он думал – и я считаю это правильным, – что нам следует тратить время на изучение более деликатных вещей. Но иногда женщине приходится защищать своего господина и свой дом. Пистолеты – хорошее оружие для женщины. Они не требуют силы и большой подготовки. Так что теперь я могу оказаться гораздо полезнее моему господину, ибо наверняка сумею снести голову любому, чтобы защитить его и честь своего дома.

Бунтаро осушил чашку.

– Я испытал гордость, когда услышал, что ты самым решительным образом выступила против Оми. Ты была права. Господину Хиромацу понравится твой поступок.

– Благодарю вас, дядя. Но я только выполняла свой долг. – Она церемонно поклонилась. – Мой господин спрашивает, не окажете ли вы ему честь, поговорив с ним сейчас, если вам будет угодно.

Он поддержал ритуал:

– Пожалуйста, поблагодари его, но нельзя ли мне сначала принять ванну? Если его это устроит, я повидаюсь с ним, когда вернется моя жена.

Глава 35

Блэкторн ждал в саду. Он надел коричневое кимоно, подаренное Торанагой, засунул за пояс мечи, заряженный пистолет спрятал под кимоно. Из торопливых объяснений Фудзико и слуг капитан понял, что должен принять Бунтаро со всеми церемониями, потому что этот самурай – важный военачальник, хатамото и вообще первый гость в доме. Поэтому Блэкторн принял ванну, быстро переоделся и явился на оговоренное место.

Бунтаро он видел вчера, мельком, когда тот только приехал. Гость был занят с Торанагой, Ябу и Марико целый день. Блэкторн, предоставленный себе, готовил учебную атаку с Оми и Нагой. Усилия их увенчались полным успехом.

Марико вернулась домой очень поздно. Она коротко рассказала ему о спасении Бунтаро, о том, как несколько дней за ним охотились люди Исидо, как он ускользнул от преследователей и прорвался сквозь враждебные провинции в Канто.

– Это было очень трудно, но ему удалось, Андзин-сан. Мой муж – очень сильный и смелый человек.

– А что будет теперь? Вы уедете?

– Господин Торанага приказал, чтобы все оставалось по-прежнему. Ничего не должно измениться.

– Вы изменились, Марико. Искра потухла.

– Это ваше воображение, Андзин-сан. Я просто почувствовала облегчение, узнав, что он жив. Ведь я уже была уверена, что он погиб.

– Да. Но теперь все по-другому, так ведь?

– Конечно. Я благодарю Бога, что мой супруг не попал в плен, что он жив, чтобы служить господину Торанаге. Извините меня, Андзин-сан. Я сегодня устала. Прошу прощения, я очень-очень устала.

– Я ничем не могу помочь?

– Что вы можете сделать, Андзин-сан? Кроме того, что порадоваться за меня и за него. На самом деле ничего не изменилось. Ничего не кончилось, потому что ничего не начиналось. Все идет, как и шло. Мой муж жив.

«Ты хочешь, чтобы он умер? – спросил себя Блэкторн в саду. – Нет.

Тогда для чего тебе этот спрятанный пистолет? Ты чувствуешь вину?

Нет. Ничего не начиналось.

Разве?

Нет.

Ты думаешь, что овладел ею. Это не то же самое, что овладеть на самом деле?»

Он увидел Марико, выходящую из дома в сад. Она казалась ожившей фарфоровой статуэткой, когда шла вот так следом за Бунтаро, который выглядел еще слоноподобнее рядом с женой. Ее сопровождали Фудзико и служанки.

Капитан поклонился:

– *Ёкосо ойдэ кудасарэта* (добро пожаловать в мой дом), Бунтаро-сан.

Все стали кланяться. Бунтаро и Марико опустились на подушки напротив него. Фудзико уселась за его спиной. Нигацу и другая служанка, Кои, начали разносить чай и саке. Бунтаро принял чашку хмельного напитка, Блэкторн тоже.

– *Домо*, Андзин-сан. *Икага дэс ка?*

– *Иэ. Икага дэс ка?*

– *Иэ. Кова дзо суго сябэрэру ёку натта на!* (Надо же, как хорошо вы стали болтать!)

Блэкторн вскоре потерял нить разговора, так как Бунтаро глотал слова, говорил быстро и неразборчиво.

– Извините, Марико-сан, я не понял.

– Мой муж хочет поблагодарить вас за попытку спасти его. С тем веслом. Вы помните? Когда мы бежали из Осаки.

– *А, со дэс! Домо.* Пожалуйста, скажите ему, что мы, как я думаю, все-таки должны были пристать к берегу. Времени оставалось достаточно. Служанка могла спастись.

– Он говорит, что это была карма.

– Это была напрасная смерть, – отрезал Блэкторн и тут же пожалел о своей несдержанности. Он заметил, что Марико не перевела его слов.

– Мой муж говорит, что наступательная стратегия хороша. Действительно превосходна. На самом деле.

– *Домо*. Скажите ему, я рад, что он спасся. И командует полком. И конечно, мне приятно принимать его здесь.

– *Домо*, Андзин-сан. Бунтаро-сан говорит: «Да, план наступления хорош». Тем не менее он не намерен расставаться с луком и мечами. Он пошлет стрелу дальше, точнее и быстрее, чем пулю из мушкета.

– Я готов состязаться с ним в стрельбе завтра, если он пожелает. Тогда и посмотрим.

– Вы проиграете, Андзин-сан. Мой долг предупредить вас, что не стоит даже пытаться, – предостерегла она.

Блэкторн заметил, что взгляд Бунтаро метнулся от Мариико к нему и обратно.

– Спасибо, Мариико-сан. Скажите вашему супругу, что я хотел бы посмотреть, как он стреляет.

– Он спрашивает, умеете ли вы обращаться с луком?

– Да, но не как заправский лучник. Луки у нас довольно давно вышли из употребления. Кроме арбалетов. А в морском бою мы применяем только пушки, мушкеты или абордажные сабли. Иногда используем зажигательные стрелы, но только если вражеский парусник подошел совсем близко.

– Он спрашивает, как вы ими пользуетесь, как изготавливаете зажигательные стрелы. Они отличаются от наших? От тех, которые применили против галеры в Осаке?

Блэкторн пустился в объяснения, начались обычные утомительные расспросы и уточнения. Он уже привык, что японцы невероятно дотошны, когда речь заходит о войне, но эти объяснения через переводчика его порядком раздражали. При всем недюжинном знании языков Мариико редко удавалось точно донести смысл сказанного. Длинный ответ всегда сокращался, кое-что слегка искажалось, и возникало непонимание. Приходилось повторять все сизнова.

Но без Мариико, чувствовал Блэкторн, он никогда бы не стал столь ценным для японцев человеком. «Только благодаря своим познаниям ты все еще здесь, а не в яме, – напомнил он себе. – Но ничего, тебе еще многое надо рассказать им, и выиграть сражение, настоящее сражение, и победить. До тех пор ты в безопасности. И ты вернешь свой корабль. И возвратишься домой. Целым и невредимым».

Он взглянул на мечи Бунтаро и его телохранителя, потрогал свои, почувствовал теплоту пистолета и понял, что никогда не обретет

безопасности в этой стране. Ни он, ни кто-нибудь другой не может здесь чувствовать себя в безопасности, даже Торанага.

– Андзин-сан, Бунтаро-сан спрашивает, сможете ли вы завтра показать людям, которых он пришлет, как делаются эти стрелы.

– Где мы возьмем смолу?

– Не знаю.

Марико допросила его с пристрастием, выясняя, где обычно встречается смола, на что она похожа, как пахнет и чем ее можно заменить. Потом долго толковала с Бунтаро. Фудзико хранила молчание, внимательно следя за происходящим, не пропуская ни движения, ни звука. Служанки, послушные взмахам ее веера, постоянно меняли пустые бутылочки саке на полные.

– Мой муж говорит, что обсудит это с господином Торанагой. Может быть, где-нибудь в Канто и есть смола. Прежде мы никогда не слышали о ней. Если же смолы не найдется, то у нас есть густой китовый жир, который может заменить ее. Он спрашивает, пользуетесь ли вы пороховыми зажигательными ракетами, как китайцы?

– Да. Но это слишком дорогое оружие, если речь не идет об осаде. Турки применяли его против рыцарей Мальтийского ордена, иоаннитов. Ракеты используют обычно для того, чтобы вызвать пожар и посеять панику.

– Он просит рассказать подробнее об этой битве.

– Это произошло сорок лет тому назад на самом обширном... – Блэкторн запнулся – его мозг лихорадочно заработал.

Это была крупнейшая осада, которую знала Европа. Шестидесят тысяч мусульман, турок, отборных воинов Османской империи, выступили против шести сотен христианских рыцарей, поддерживаемых несколькими тысячами союзников-островитян, в заливе у крепости Святого Эльма на небольшом средиземноморском островке Мальта. Рыцари успешно противостояли шестимесячной осаде и – невероятное дело! – вынудили врага с позором отойти. Эта победа спасла все Средиземноморское побережье и христианство от орд неверных.

Блэкторн внезапно понял: та битва дает ему ключ к Осацкому замку, к тому, как осадить его, как идти на приступ, как прорваться через ворота и захватить твердыню.

– Вы продолжаете, сеньор?

– Это случилось сорок лет назад на самом обширном внутреннем море у нас в Европе, Мариико-сан, на Средиземном море. Обычная осада, ничем не примечательнее многих других, не о чем говорить, – соврал он. *Это* его знание не имело цены. Не стоило отдавать его вот так – запросто, задаром. Время еще не пришло. Мариико много раз объясняла, что Осацкий замок стоит между Торанагой и победой. Блэкторн был уверен, что, подсказав даймё, как овладеть Осакой, получит обратный пропуск в Европу и богатства, о каких только может мечтать смертный.

Он заметил, что Мариико обеспокоена.

– В чем дело, сеньора?

– Ничего, сеньор. – Она начала переводить сказанное, но, по ощущению Блэкторна, явно догадалась, что чужеземец что-то скрывает. Тут его отвлек запах тушеного мяса.

– Фудзико-сан?

– *Хай*, Андзин-сан?

– *Сёкудзи ва мада ка? Кяку ва... садзо куфуку дэ ору, нэ?* (Когда ужин? Гости проголодались, не так ли?)

– *А, гомэн насай, хи га курэтэ кара ни итасимас.*

Блэкторн увидел, как Фудзико указывает на солнце, и понял, что она сказала: «После заката». Он кивнул и хмыкнул, что японцы сочли за вежливое: «Спасибо, я понял».

Мариико снова повернулась к Блэкторну:

– Моему мужу хотелось бы услышать о битвах, в которых вы участвовали.

– Они все описаны в том руководстве по военному делу, Мариико-сан.

– Он говорит, что прочитал руководство с большим интересом, но там содержатся только краткие данные. В ближайшие дни он хочет узнать обо всех сражениях. А об одном сейчас, если вы не возражаете.

– Они все описаны в военном руководстве. Может быть, завтра, Мариико-сан? – Блэкторну требовалось время, чтобы обдумать осенившую его мысль об Осацком замке и той битве на Средиземноморье; ему надоело разговаривать; он устал от расспросов, но больше всего хотел есть.

– Пожалуйста, Андзин-сан, может быть, вы расскажете снова, еще раз, для моего мужа?

Он услышал в ее голосе осторожный намек, мольбу и сжалился:

– Конечно. Какая из них, по-вашему, ему понравится?

– Та битва в Нидерландах. Около Зеландии^[39] – вы это так называете?

– Да, – подтвердил он.

И он начал рассказывать о битве, похожей на все другие, в которых люди гибли из-за ошибок и глупости военачальников.

– Мой муж говорит, что у нас все иначе, Андзин-сан. Здесь военачальники очень хорошие: плохие быстро гибнут.

– Конечно, мои слова касались только европейских военачальников.

– Бунтаро-сама говорит, что как-нибудь на днях поведает вам о наших войнах и наших полководцах, особенно о тайко. Честная плата за вашу откровенность, – пояснила она уклончиво.

– *Домо*. – Блэкторн отвесил полупоклон, чувствуя, что глаза Бунтаро впиваются в него.

«Что на самом деле хочет от меня этот сукин сын?»

Обед оказался сущим наказанием. Для всех. Еще на выходе из сада, когда они направились к веранде, заявили о себе дурные предзнаменования.

– Извините меня, Андзин-сан, но что это? Мой муж спрашивает, что это такое – вон там.

– Где? Ах это! Фазан, – ответил Блэкторн. – Господин Торанага прислал его мне вместе с зайцем, которого я приготовил по-английски. Мы отобедаем им – по крайней мере, я отобедаю, хотя мяса хватит на всех.

– Спасибо, но... мы с мужем не едим мяса. Но почему фазан висит там? На такой жаре? Не надо ли его убрать и приготовить?

– Именно так и готовят фазана. Подвешивают его, чтобы мясо дошло.

– Что? Таким образом? Извините меня, Андзин-сан, – вспыхнула она, – извините, но птица быстро сгниет. Тем более она еще в перьях и не... выпотрошена.

– Мясо фазана сухое, Марико-сан. Поэтому его приходится подвешивать на несколько дней, даже на пару недель – в зависимости от погоды. Потом его ощипывают, потрошат и готовят.

– Вы оставляете его на воздухе? Гнить? Прямо так...

– *Нан дзя?* – нетерпеливо вмешался Бунтаро.

Она виновато заговорила с мужем. Тот вздохнул, потом встал, посмотрел на фазана и ткнул в него пальцем. Несколько мух взлетели с жужжанием и снова уселись на тушку. Фудзико нерешительно объяснила что-то Бунтаро, который вспыхнул.

– Ваша наложница говорит, что вы приказали никому не трогать птицу, кроме вас, – перевела Марико.

– Да. Разве вы не подвешиваете дичь? Не все же у вас буддисты?

– Нет, Андзин-сан, не думаю, чтобы кто-нибудь подвешивал.

– Некоторые считают, что фазана нужно подвесить за хвостовые перья и ждать, пока он не упадет, но это бабушкины сказки, – заявил Блэкторн. – Правильнее подвешивать за шею, тогда все соки остаются, где им и положено быть. Некоторые ждут, пока шея не оторвется, но я лично не люблю такое мясо. Мы привыкли... – Он замолчал, так как Марико вдруг позеленела.

– *Нан дэс ка*, Марико-сан? – быстро спросила Фудзико.

Марико объяснила. Они нервно засмеялись. Марико встала, слабым движением смахнула пот со лба:

– Извините, Андзин-сан, вы не разрешите мне отлучиться на минуту...

«Ваша еда такая странная, – хотелось ему сказать. – Ну вот хотя бы этот вчерашний сырой моллюск – белое, слизистое, почти безвкусное, будто пережеванное мясо, без ничего, с одним соевым соусом. Или эти рубленые щупальца осьминога, тоже сырые, с холодным рисом и водорослями. А эта ваша медуза с желто-коричневым *тофу* из заквашенных соевых бобов, которое выглядит как собачья блевотина. О да, подано на хрупком красивом блюде, но выглядит как собачья блевотина! Честно, одного этого достаточно, чтобы человека замутило!»

В конце концов они прошли в комнату, граничившую с верандой, и после традиционных бесконечных поклонов, пустых разговоров, зеленого чая и саке им подали еду. Маленькие подносики с пустым рыбным супом, рисом и сырой рыбой, как всегда. А потом его тушеное мясо.

Блэкторн снял крышку с горшка. Над посудиною поднялось облако ароматного пара, золотистые шарики жира заплясали на блестящей

поверхности. Густая наваристая подливка покрывала куски нежного мяса и жира. Он с гордостью предложил кушанье гостям, но те покачали головой и попросили его наслаждаться блюдом в одиночку.

– *Домо*, – согласился он.

Хороший тон предписывал пить жижу из маленьких лакированных чашечек, а гуцу есть палочками. На подносе лежал черпак. Сглатывая голодную слюну, он наполнил чашку и начал прихлебывать подливку. Потом уловил выражение их глаз.

Они следили за ним, будто зачарованные, безуспешно пытались скрыть тошноту, которую чувствовал почти каждый. Его волчьего аппетита как не бывало. Он пытался не замечать сотрапезников, но не мог, его желудок возражал. Скрывая раздражение, он отставил чашку, закрыл горшок крышкой и грубо проворчал, что кушанье ему не нравится.

– Фудзико спрашивает, не выбросить ли его тогда, – с надеждой произнесла Марико.

– Да.

Фудзико и Бунтаро расслабились.

– Вам не хочется еще рису? – спросила Фудзико.

– Нет, спасибо.

Марико обмахивалась веером, ободряюще улыбаясь. Она снова наполнила его чашку sake, но Блэкторн не смягчился. Он решил на будущее готовить тайком, в горах, и есть в одиночку – только охотиться в открытую.

«Бог с ними, – подумал он. – Если Торанага охотится, значит и я могу. Когда я увижусь с ним? Сколько еще ждать?»

– Черт с ними и с Торанагой! – выбранился он вслух по-английски и почувствовал себя лучше.

– Что, Андзин-сан? – всполошилась Марико.

– Ничего, – ответил он по-португальски, – я только интересуюсь, когда увидаю господина Торанагу.

– Он мне не сказал. Очень скоро, я полагаю.

Бунтаро, по обычаю всех японцев, громко прихлебывал sake и суп, чем изрядно раздражал Блэкторна. Марико оживленно разговаривала с мужем, который бурчал, едва обращая на нее внимание. Она ничего не ела, и это, равно как и то, что обе женщины чуть ли не пресмыкались

перед Бунтаро, а сам он должен был считаться с незванным гостем, бесило Блэкторна.

– Скажите Бунтаро-сама, что в моей стране хозяин произносит тост в честь почетного гостя. – Он поднял чашку со зловещей улыбкой: – Долгих лет жизни и счастья! – и выпил.

Бунтаро выслушал объяснения Марико, кивнул, соглашаясь, поднял свою чашку, недобро ощерился и осушил ее.

– Ваше здоровье! – опять произнес Блэкторн. И так несколько раз.

– Ваше здоровье!

На сей раз Бунтаро даже не пригубил sake. Он поставил полную чашку и посмотрел на Блэкторна своими маленькими глазками. Потом позвал кого-то со двора. Сёдзи тут же раскрылись. Его телохранитель, всегда бывший настороже, поклонился и протянул господину огромный лук и колчан. Бунтаро взял его и пошел сыпать словами.

– Мой муж говорит, вы хотели видеть, как он стреляет, Андзин-сан. Он думает, что завтра будет слишком поздно. Сейчас самое подходящее время. Вот там ворота вашего дома. Он спрашивает, какой столб вы выбираете.

– Не понимаю, – смешался Блэкторн.

Главные ворота находились в сорока шагах через сад, но сейчас их скрывали задвинутые сёдзи правой стены.

– Левый или правый столб? Пожалуйста, выберите! – Она была как-то странно настойчива.

Почуввав неладное, Блэкторн посмотрел на Бунтаро. Тот сидел отрешенно, забыв обо всех, приземистый, грузный, безобразный тролль, смотрящий в пространство.

– Левый, – выбрал Блэкторн, заинтригованный.

– *Хидари!* – перевела она.

Бунтаро тут же выхватил стрелу из колчана, не вставая с подушки, поднял лук на уровень глаз и молниеносно выпустил стрелу с невероятной, почти сказочной плавностью. Стрела пронеслась у лица Марико, тронув прядь волос, и прошла бумагу сёдзи. Просвистела вторая стрела, казалось пущенная до того, как исчезла первая, потом еще одна, и каждая проходила в дюйме от лица Марико. Та оставалась спокойной и неподвижной, как всегда.

Пролетела четвертая, последняя стрела. Молчание нарушала лишь вибрация тетивы. Бунтаро выдохнул и медленно откинулся назад, лук

он положил на колено. Женщины вздохнули, принялись расточать улыбки, кланяться и хвалить Бунтаро, который кивнул им и слегка поклонился. Все посмотрели на Блэкторна. Он знал, что у него на глазах свершилось почти что чудо. Все стрелы прошли через одну пробоину в сѣдзи. Бунтаро вернул лук телохранителю и взял свою чашку. Мгновение он смотрел на нее, потом поднял, повел ею в сторону Блэкторна, выпил и что-то хрипло произнес, снова приняв прежний, грубый тон.

– Мой муж просит, чтобы вы пошли и посмотрели.

Блэкторн несколько мгновений раздумывал, пытаясь успокоиться.

– В этом нет необходимости. Не сомневаюсь, что он поразил цель.

– Ему бы очень хотелось, чтобы вы в этом убедились.

– Я и так уверен.

– Пожалуйста, Андзин-сан! Вы окажете ему честь.

– Мне не надо оказывать ему честь.

– Да. Но могу ли я смиренно присоединиться к его просьбе? –
Снова мольба в ее глазах.

– Как мне сказать: «Это было чудесное зрелище?»

Она подсказала. Блэкторн повторил ее слова и поклонился. Бунтаро ответил небрежным поклоном.

– Попросите его, пожалуйста, пойти со мной.

– Он предпочел бы, чтобы вы сами посмотрели. Он не хочет идти,
Андзин-сан.

– Почему?

– Если он был меток, вам следует самому в этом убедиться. Если нет – тоже. Тогда ни он, ни вы не испытаете смущения.

– А если он промахнулся?

– Он не промахнулся. Но у нас считается, что в подобных, исключительных обстоятельствах меткость – ничто в сравнении с грацией, которую показывает лучник, благородством движений, силой при стрельбе сидя и отрешенностью от победы или поражения.

Все стрелы вошли в середину левого столба, с разбросом в дюйм. Блэкторн оглянулся на дом и увидел с расстояния сорока шагов с лишним маленькое аккуратное отверстие в бумажной стене, сквозь которое в темноту сочился свет.

«Почти невозможная меткость», – подумал он. Бунтаро не мог видеть с того места, где сидел, ни сада, ни ворот; вдобавок снаружи

стояла ночная темень. Блэкторн обернулся к столбу и поднял фонарь повыше. Одной рукой он попытался вытащить стрелу. Стальной наконечник слишком глубоко вонзился в дерево. Он мог вырвать древко, но не стал этого делать.

Блэкторн колебался. Наблюдавший за ним телохранитель подошел, чтобы помочь, но он покачал головой:

– *Иэ, домо*, – и вернулся в дом. – Марико-сан, пожалуйста, скажите моей наложнице, что мне бы хотелось, чтобы стрелы остались в этом столбе навсегда. Все стрелы. Пусть они напоминают мне о великом лучнике. Я никогда не видел такой искусной стрельбы. – Он поклонился Бунтаро.

– Благодарю вас, Андзин-сан. – Она перевела.

Бунтаро поклонился и поблагодарил за похвалу.

– Саке! – приказал Блэкторн.

Они пили еще. Чашки наполнялись куда чаще, чем в начале ужина. Бунтаро теперь прихлебывал саке как-то беззаботно, и хмель сильно действовал на него. Блэкторн украдкой следил за ним, потом отвлекся, думая о том, как можно прицелиться и пустить стрелы с такой невероятной меткостью. «Невозможно, – думал он, – и все-таки я своими глазами видел, как он проделал это. Интересно, чем заняты сейчас Винк и Баккус? – Торанага сказал ему, что команда в Эдо, как и „Эразм“. – Боже мой, как бы мне хотелось повидать их, подняться на борт!»

Он глянул на Марико, которая что-то говорила мужу. Бунтаро слушал, потом, к удивлению Блэкторна, лицо самурая искажилось ненавистью. Не успел капитан отвести взгляд, как Бунтаро взглянул на него.

– *Нан дэс ка?* – Слова Бунтаро прозвучали почти как обвинение.

– *Нани мо*, Бунтаро-сан. Ничего. – Надеясь загладить оплошность, Блэкторн предложил всем саке.

Женщины снова взяли чашки, но пили очень умеренно. Бунтаро сразу же покончил со своей порцией, выражение его лица было ужасно. Он обратился с длинной речью к Марико.

Потеряв терпение, Блэкторн спросил:

– Что с ним? Что он говорит?

– О, извините, Андзин-сан. Мой муж расспрашивает про вас, вашу жену и наложницу. И ваших детей. Про то, что случилось после

нашего отъезда из Осаки. Он... – Она запнулась, подумала и добавила другим тоном: – Он очень интересуется вами и вашими взглядами.

– Меня тоже весьма интересуют он и его взгляды, Марико-сан. Как вы с ним встретились? Когда поженились? Вы...

Бунтаро перебил его нетерпеливым потоком слов.

Марико сразу перевела сказанное капитаном. Бунтаро нагнулся и плеснул sake в две чайные чашки, наполнив их доверху, потом сделал знак женщинам, чтобы те взяли другие чашки.

– Мой муж говорит, что иногда чашечки для sake бывают слишком маленькими. – Марико наполнила доверху остальные чайные чашки. Она пригубила содержимое одной чашки, Фудзико – другой.

Вновь послышалась японская речь, еще более воинственная. Улыбки застыли на лицах женщин.

– *Иэ, додзо гомэн насай*, Бунтаро-сама, – начала Марико.

– *Има!* – приказал Бунтаро.

Фудзико взволнованно залепетала, но Бунтаро одним взглядом заставил ее замолчать.

– *Гомэн насай*, – прошептала Фудзико, извиняясь. – *Додзо, гомэн насай*.

– Что он говорит, Марико-сан?

Она, казалось, не слышала Блэкторна.

– *Додзо гомэн насай*, Бунтаро-сама, *ватаси...*

Лицо ее мужа покраснело.

– *Има!*

– Извините, Андзин-сан, но мой муж велел мне ответить на ваши вопросы – рассказать вам о себе. Я высказала ему мнение, что семейные дела не следует обсуждать вот так, посреди ночи, но он приказывает. Пожалуйста, потерпите, я сейчас начну. – Она сделала большой глоток sake. Потом другой. Пряди волос, свободно свисавшие на глаза, колыхались от слабого движения воздуха, создаваемого веером Фудзико. Она осушила чашку и отставила ее. – Моя девичья фамилия Акэти. Я дочь военачальника Акэти Дзинся, убийцы. Мой отец предательски лишил жизни своего сюзерена, господина Городу.

– Боже мой, почему?

– Какая бы причина ни подвигла его на этот шаг, Андзин-сан, она не имеет значения. Мой отец совершил преступление, которое в нашей

стране считается самым тяжелым. В моих жилах течет кровь преступника, как и в жилах моего сына.

– Тогда почему... – Он остановился.

– Да, Андзин-сан?

– Я только хотел заметить, что понимаю, каково это... убить сюзерена. Я удивлен, что вы остались в живых.

– Мой муж оказал мне честь...

Бунтаро опять злобно прервал ее, она извинилась и объяснила ему суть замечания Блэкторна. Бунтаро презрительно махнул ей рукой, чтобы продолжала.

– Мой муж оказал мне честь, отослав меня, – сказала она тем же спокойным тоном. – Я просила позволения совершить сэппуку, но он лишил меня такой возможности. Это было... Я должна объяснить, что это его право – его или господина Торанаги – разрешить или нет совершить сэппуку. Я почтительно повторяла свою просьбу в каждую годовщину предательства. Но он в мудрости своей всегда отказывал мне. – Ее улыбка была чудесна. – Мой муж оказывает мне честь каждый день, каждый миг, Андзин-сан. Будучи на его месте, я не смогла бы даже разговаривать с такой... опозоренной женщиной.

– Вот почему вы последняя в своем роду? – спросил он, вспомнив, что она рассказывала по пути из Осацкого замка.

Марико перевела вопрос для Бунтаро и вернулась к своей печальной повести.

– *Хай*, Андзин-сан. Только не было никакой катастрофы. Моего отца и его семью захватил в горах Накамура, военачальник, который потом стал тайко. Это Накамура свершил возмездие – привел армии, которые перебили всех воинов отца, двадцать тысяч человек. Мой отец с семьей попал в засаду, но ему хватило времени помочь уйти из жизни всем: четверым моим братьям и трем сестрам, моей матери и двум наложницам. Потом он совершил сэппуку. В этом он был самураем, и все они были самураями, – изрекла Марико. – Они не колеблясь встали перед отцом на колени, один за другим, и он убил их всех. Все умерли достойно. И он умер благородно. Два брата моего отца и его дядя участвовали вместе с ним в заговоре против их сюзерена. Они тоже попали в ловушку и также приняли достойную смерть. Ни один из Акэти не остался в живых, чтобы встретиться лицом к лицу с ненавистью и насмешками врага. Кроме меня.

Простите, Андзин-сан, я не права: настоящими врагами были мой отец, его братья и дядя. Из врагов осталась я одна, живой свидетель подлой измены. Я, Акэти Марико, уцелела, потому что, выйдя замуж, стала частью семьи моего мужа. Мы жили тогда в Киото. Я была в Киото, когда погиб мой отец. Мятеж длился тринадцать дней, Андзин-сан. Но пока живы люди на этих островах, имя Акэти не очистится от позора.

– Сколько времени вы уже были замужем, когда это случилось?

– Два месяца и три дня, Андзин-сан.

– И вам тогда было пятнадцать?

– Мой муж оказал мне честь, не разведясь со мной и не выгнав меня, как следовало бы. Он отослал меня в деревню на север. Там было холодно, Андзин-сан. Это провинция Сёнай – там такой холод.

– Сколько вы там прожили?

– Восемь лет. Господину Городе было сорок девять лет, когда он совершил сэппуку, чтобы не попасть в плен. Это случилось почти шестнадцать лет назад, Андзин-сан, и большинство его потомков...

Бунтаро снова прервал жену, его голос хлестал плеткой.

– Пожалуйста, простите меня, Андзин-сан, – извинилась Марико. – Мой муж справедливо указывает, что длинные объяснения не нужны – достаточно было сказать, что я дочь предателя. Конечно, некоторые уточнения необходимы, – добавила она осторожно. – Пожалуйста, не обращайтесь внимания на плохие манеры моего мужа. И прошу вас, не забывайте об ушах, которые даны нам, чтобы слышать, и при восьмислойном заслоне. Простите меня, Андзин-сан, я отвлеклась. Вы не можете уйти, пока он не поднялся, или не пить. Не усугубляйте положения. – Она поклонилась Фудзико. – *Додзо гомэн насай.*

– *До итасимаситэ.*

Марико поклонилась Бунтаро и вышла. Запах ее духов какое-то время еще витал в воздухе.

– Саке! – приказал Бунтаро и дьявольски улыбнулся.

Фудзико наполнила чайную чашку.

– Ваше здоровье! – пробормотал Блэкторн в смятении.

Больше часа он произносил тосты в честь Бунтаро, пока не почувствовал, что у него кружится голова. Но тут Бунтаро отключился и рухнул на кучу разбитых им вдребезги чашек. Сёдзи мгновенно отодвинулись, вошли телохранитель и Марико. Они подняли Бунтаро с

помощью неизвестно откуда возникших слуг и вынесли его в комнату напротив. Комнату Марико. Вместе со служанкой Кои она начала раздевать мужа. Телохранитель задвинул сёдзи и сел снаружи, взявшись за рукоятку обнаженного меча.

Фудзико ждала, глядя на Блэкторна. Появились служанки и принялись наводить порядок. Блэкторн устало провел рукой по длинным волосам, сняв ленту, которой была перевязана косичка, потом выпрямился и вышел на веранду, сопровождаемый наложницей.

Ночной воздух, напоенный запахами моря, освежил его. Он присел на ступеньку и задумался.

Фудзико села, подобрав под себя ноги, позади него и наклонилась вперед:

– *Гомэн насай*, Андзин-сан, – прошептала она, кивая в сторону дома. – *Вакаримас ка?* (Вы меня поняли?)

– *Вакаримас, сиката га най.* – Заметив плохо скрываемый страх на лице Фудзико, он потрепал ее по волосам.

– *Аригато, аригато*, Андзин-сама.

– *Анатава суймин има* (ложись теперь спать), Фудзико-сан, – произнес он, с трудом находя нужные слова.

– *Додзо гомэн насай*, Андзин-сама, *суймин, нэ?* – сказала она, показывая в сторону его комнаты. Ее глаза молили.

– *Иэ. Ватаси ёгу има.* (Нет. Я плавать сейчас.)

– *Хай*, Андзин-сама. – Она послушно повернулась и позвала кого-то. Прибежали двое слуг, молодые крестьяне, слывшие хорошими пловцами.

Блэкторн не противился, зная, что сегодня вечером все его возражения бессмысленны.

– Ну, во всяком случае, – заключил он громогласно, когда, отупевший от алкоголя, шаткой походкой спускался с холма, впереди двух сопровождающих, – во всяком случае, я свалил его с ног. Теперь он ей ничего не сможет сделать.

Блэкторн проплавал с час и почувствовал себя лучше. Когда он вернулся, Фудзико ждала его на веранде с чайником свежесваренного зеленого чая. Он выпил немного чая, потом пошел спать и мгновенно уснул.

Разбудил его голос Бунтаро, полный злобы. Правая рука Блэкторна сразу сжала рукоятку заряженного пистолета, который он всегда держал под футоном, сердце его грохотало в груди от внезапности пробуждения.

Бунтаро замолчал. Заговорила Марико. Блэкторн понял только несколько слов, но уловил увещевание и просьбу в ее интонациях – не жалкий скулеж, не хныканье, но обычное для нее твердое и безмятежное внушение, попытку вразумить. Снова взорвался Бунтаро.

Блэкторн старался не слушать.

– Не вмешивайтесь, – предупреждала она и была права: у него никаких прав, у Бунтаро – все. – Я прошу вас не забывать об осторожности, Андзин-сан. Помните, что я говорила вам об ушах, которые даны нам, чтобы слышать, и о восьмислойном заслоне.

Его прошиб холодный пот, но он послушно лег на спину и заставил себя думать о тех ее словах.

– Видите ли, Андзин-сан, – сказала Марико в тот необыкновенный вечер, когда они прикончили последнюю из множества последних бутылочек саке и он жаловался на невозможность уединиться: вокруг всегда люди, стены бумажные, всюду глаза и уши. – Здесь вы должны научиться создавать себе уединение. Мы с детства научены укрываться внутри себя, создавать непроницаемые стены, за которыми и живем. Иначе мы бы, конечно, сошли с ума, поубивали друг друга или самих себя.

– Какие стены?

– О, мы владеем бесконечными лабиринтами, где можно спрятаться, Андзин-сан. Ритуалами, обычаями, всевозможными табу. Даже наш язык, в отличие от вашего, имеет нюансы, которые позволяют нам вежливо избегать вопросов, если мы не хотим отвечать на них.

– Но как отгородиться от того, что слышишь, Марико-сан? Это невозможно.

– Напротив, очень легко, если упражняться. Конечно, мы осваиваем это искусство, едва начав говорить, так что для нас оно уже вторая натура. Как еще могли бы мы выжить? Сначала мы учимся очищать сознание от *людей*, помещая себя в другую плоскость. Тут очень помогает созерцание заката или если сосредоточиться на шуме дождя. Андзин-сан, вы замечали, что дождь звучит по-разному? Если вы

действительно *слушаете*, настоящее исчезает, так ведь? *Слушать*, как опадают лепестки с цветов и растут камни, – исключительно полезные упражнения. Конечно, суть не в том, что вы *постигаете* предметы. Они только знаки, послания вашему *хара*, вашей сердцевине, призванные напомнить о бренности бытия, помочь обрести *ва*, гармонию, Андзин-сан, совершенную гармонию, самое сокровенное начало японской жизни, все искусство, все... – Она рассмеялась. – Теперь вы видите, что я выпила слишком много sake. – Кончиком языка она соблазнительно дотронулась до губ. – Я шепну вам по секрету: не обманывайтесь насчет наших улыбок и мягкости, нашего церемониала, поклонов, ласковости и внимания. Мы, скрывающиеся за всем этим, можем быть в миллионах ри, в безопасности и одиночестве. Вот к чему мы стремимся – к забвению. Одна из древнейших наших поэм – она содержится в «Кодзико», первой нашей хронике, которая была составлена около тысячи лет назад, – возможно, объяснит вам, что я имею в виду:

Восемь облаков поднялось,
Чтоб было за чем спрятаться влюбленным.
Восьмислойный заслон в провинции Идзумо
Скрывает эти восьмислойные облака.
О, как чудесен этот восьмислойный заслон!

Мы бы, конечно, сошли с ума, не будь этого восьмислойного заслона, наверняка!

«Помни о восьмислойном заслоне, – твердил он себе, пытаясь отгородиться от клокочущей ярости Бунтаро. – Ты ничего не знаешь о ней... Да и о нем. Думай о мушкетном полке, доме, Фелисити, о том, как вернуть корабль, о Баккусе, Торанаге или Оми-сане. Что делать с Оми? Должен ли ты мстить ему? Он хочет стать твоим другом. Он изменился после той истории с пистолетами...»

Звук удара ворвался в его сознание. Потом донесся голос Мариико, шум второго удара. Блэкторн вскочил на ноги и отодвинул сёдзи. Около прохода в комнату Мариико лицом к нему с мечом наготове застыл телохранитель.

Блэкторн уже собирался броситься на самурая, когда в дальнем конце коридора отъехала в сторону дверь. Фудзико, с распущенными волосами, струящимися по ночному кимоно, подошла, не обращая

внимания на треск рвущейся ткани и звук еще одной оплеухи. Она вежливо поклонилась телохранителю, встала между мужчинами, смиренно поклонилась Блэкторну и взяла его за руку, увлекая обратно в комнату. Непреклонная решимость самурая заставила отступить капитана, который был вооружен одним пистолетом, заряженным единственной пулей. Фудзико прошла за ним и задвинула за собой сёдзи. Затем, страшно напуганная, предостерегающе покачала головой, приложила палец к губам и снова покачала головой, глядя на него умоляюще.

– *Гомэн насай, вакаримас ка?* – выдохнула она.

Но его целиком поглотило происходящее в соседней комнате, за стеной, которую ничего не стоило разломать.

Она тоже посмотрела на стену, потом втиснулась между ним и стеной и села, знаком призывая его сделать то же самое.

Но он не мог сидеть – он стоял, готовый к броску, который грозил погубить их всех, взбешенный стоном, раздавшимся после очередного удара.

– *Иэ!* – Фудзико тряслась в ужасе.

Он махнул ей рукой, чтобы отошла.

– *Иэ, иэ,* – снова взмолилась она.

– *Има!*

Фудзико тут же встала, сделала ему знак подождать и кинулась за мечами, которые лежали перед токономой – маленькой парадной нишей. Подняв длинный меч, она трясущимися руками вытащила его из ножен и уже намеревалась идти за Блэкторном. В это мгновение прозвучал последний удар, завершающий всплеск ярости, затем шум рывком раздвинутых сёдзи, грузная поступь Бунтаро, шаги устремившегося за ним телохранителя. На минуту в доме наступило молчание, потом хлопнула садовая калитка.

Блэкторн подошел к двери. Фудзико кинулась вперед, но он отстранил ее и открыл сёдзи.

Марико застыла на коленях в углу своей комнаты: на щеке багровый рубец, волосы всклокочены, кимоно в лохмотьях, бедра и спина обезображены следами сильных ударов.

Блэкторн кинулся к ней, чтобы поднять, но она закричала:

– Уходите, пожалуйста, уходите, Андзин-сан!

Он увидел, что из уголка ее рта струится кровь.

– Боже мой, как он вас...

– Я прошу вас не вмешиваться. Пожалуйста, уходите, – произнесла она будничным, спокойным голосом, который никак не вязался с яростью, бушевавшей в ее глазах. Потом она увидела Фудзико, которая переминалась в дверях, и заговорила с ней. Фудзико послушно взяла Блэкторна за руку, чтобы увести, но тот вырвался:

– Нет! *Иэ!*

Марико процедила сквозь зубы:

– Ваше присутствие здесь позорит меня, лишает покоя и чести. Уходите!

– Я хочу помочь. Вы понимаете?

– Разве вы не видите? Вы не вправе вмешиваться в ссору между мужем и женой.

– Это не причина для избиения...

– Почему вы не слушаете меня, Андзин-сан? Он может избить меня до смерти, если пожелает. Он имеет на это право, и я хочу, чтобы он так и сделал! Иначе как бы могла я сносить свой стыд? Вы думаете, легко жить с таким позором? Вы не слышали, что я вам открыла? Я дочь Акэти Дзинсяя!

– Это не ваша вина. Вы ничем не провинились!

– Это моя вина, и я дочь своего отца. – Здесь Марико вынуждена была остановиться, однако написанные на его лице жалость, забота, любовь заставили ее, знавшую, как высоко он ставит честность, немного приоткрыться. – Сегодня это была моя вина, Андзин-сан, – призналась она. – Если бы я вопила, как он того добивался, просила прощения, как он хотел, съезжилась, ползала на коленях и пресмыкалась, оправдывая его ожидания, раздвинула свои ноги в притворном ужасе, как мне подобало, – если бы я прибегла ко всем этим женским штучкам, он вел бы себя как ребенок. Но я так не хочу.

– Почему?

– Потому что это моя месть. Способ отплатить ему за то, что он оставил меня в живых после того предательства. Отплатить за то, что отослал меня на восемь лет и заставил жить. Отплатить за то, что приказал мне вернуться к жизни, оставаться живой. – Она откинулась с болезненным стоном и оправила на себе разодранное кимоно. – Я больше никогда ему не отдамся. Лишь однажды я это сделала по доброй воле, хотя он не понравился мне с первого взгляда.

– Тогда почему вы вышли за него замуж? Вы говорили, что у вас женщина имеет право отказаться, что она не должна выходить замуж против своего желания.

– Я стала его женой, чтобы угодить господину Городе и сделать приятное моему отцу. Я была тогда так молода и не знала, каков Города. Если хотите знать правду, Города был самым жестоким, самым злым человеком из всех, что когда-либо рождались на земле. Он толкнул моего отца на измену. Вот в чем правда! Города! – Она выплюнула это имя. – Но мы должны были повиноваться и почитать его. Я молю Бога, чтобы Города попал в ад на вечные времена. – Она осторожно подвинулась, чтобы уменьшить боль в боку. – Между мной и мужем одна только ненависть – это наша карма. Что ему стоило позволить мне укрыться в закутке смерти?

– Почему он не позволяет вам уйти? Почему не разведется? Не разрешит сделать то, что вы хотите?

– Потому что он мужчина. – Волна боли прошла по ней, Марико скривилась. Блэкторн, опустившись перед ней на колени, прижал ее к себе. Она отстранилась, пытаясь овладеть собой. Фудзико, застывшая в дверях, терпеливо наблюдала за ними. – Со мной все хорошо, Андзин-сан. Пожалуйста, оставьте меня. Вам не следовало этого делать. Вы должны быть осторожны.

– Я его не боюсь.

Она устало откинула волосы со лба и посмотрела на него. «Почему не позволить Андзин-сану принять его карму? – спросила себя Марико. – Он не из нашего мира. Бунтаро убьет его запросто. До сих пор Андзин-сана защищало только личное покровительство Торанаги. Ябу, Оми, Нагу, Бунтаро – каждого из них легко подтолкнуть к убийству Блэкторна.

С самого своего появления он не принес ничего, кроме неприятностей. Как и его познания. Нага прав: Андзин-сан способен разрушить наш мир, если его не остановить.

Что, если Бунтаро узнал правду? Или Торанага? О той ночи любви...»

– Вы сошли с ума? – спросила Фудзико в ту первую ночь.

– Нет.

– Тогда зачем вы собираетесь занять место служанки?

– Из-за саке, чтобы развлечься, Фудзико-сан, из любопытства, – солгала она, скрыв настоящую причину: он возбуждал ее, она хотела его, она никогда не имела любовника. Если не сегодня, то никогда, и это должен быть Андзин-сан, и только Андзин-сан.

Она пошла к нему и осталась в восторге, а потом, вчера, когда пришла галера, Фудзико спросила у нее наедине:

– Вы пошли бы, если бы знали, что ваш муж жив?

– Нет, конечно нет, – солгала она.

– Но теперь вы собираетесь сказать Бунтаро-сама, да? О ночи любви с Андзин-саном?

– Почему я должна это сделать?

– Я думала, в этом состоит весь ваш замысел. Признаться в подходящую минуту Бунтаро, чтобы его гнев излился на вас и вы умерли, прежде чем он поймет, что сделал.

– Нет, Фудзико-сан, он никогда не убьет меня. К сожалению. Он отправит меня к *эта*, если получит достаточно оснований и разрешение господина Торанаги, но никогда не убьет.

– Разве измена с Андзин-саном недостаточное основание?

– О, да.

– Что тогда случится с вашим сыном?

– Он унаследует мой позор.

– Пожалуйста, скажите мне, если заметите, что Бунтаро-сама заподозрил измену. Пока я наложница Андзин-сана, мой долг – защищать его.

«Разумеется, Фудзико-сан, – подумала тогда Марико. – И это даст вам повод отомстить человеку, который возвел обвинения на вашего отца, чего вы так хотите. Но ваш отец действительно струсил, уж простите меня, бедная Фудзико. Хирромацу был там. Если бы не это, ваш отец остался бы в живых, а Бунтаро умер, ибо Бунтаро ненавидели больше, чем презирали вашего отца. Даже мечи, которые вы бережно храните, не пожалованы за храбрость, проявленную в битве, а куплены у раненого самурая. Извините, но я никогда не заикнусь об этом, хотя всё – правда».

– Я не боюсь его, – повторил Блэкторн.

– Я знаю, – простонала она – боль разливалась по ее телу. – Но, пожалуйста, остерегайтесь его ради меня.

Блэкторн направился к двери.

Бунтаро ждал его в сотне шагов от дома, на тропинке, ведущей к деревне, – кряжистый, огромный, смертельно опасный. Сбоку от него стоял телохранитель. Занималось облачное утро, рыбацкие лодки уже направлялись к отмелям, море было спокойно.

Блэкторн скользнул взглядом по луку в руках Бунтаро, его мечам, клинкам телохранителя. Бунтаро слегка покачивался, и это внушало надежду, что он даст промах, позволив подобраться к нему поближе. Около тропинки не было никаких укрытий. Не заботясь о дальнейшем, Блэкторн взвел курки обоих пистолетов и наставил оружие на самураев.

«К дьяволу укрытия!» – решил он, страстно желая крови и смутно догадываясь, что совершает глупость, что у него нет шансов против двух самураев и дальнобойного лука и нет права вмешиваться. И вдруг Бунтаро, пока еще недостижимый для пистолетного выстрела, низко поклонился ему, и телохранитель сделал то же самое. Блэкторн остановился, заподозрив ловушку. Он огляделся: никого вокруг. Словно во сне, он наблюдал, как Бунтаро тяжело рухнул на колени, отложил лук в сторону и поклонился ему смиренно, как крестьяне кланяются своему господину. Телохранитель последовал примеру хозяина.

Блэкторн оцепенел. Убедившись, что глаза не обманывают его, он медленно пошел вперед, держа пистолеты наготове, но дулами вниз, поскольку все еще опасался подвоха. На расстоянии пистолетного выстрела он остановился. Бунтаро не двигался. Обычай требовал, чтобы Блэкторн встал на колени и ответил на поклон, ибо они с Бунтаро были равны или почти равны, но капитан не мог понять, почему должен разводить все эти церемонии, когда вот-вот прольется кровь.

– Вставай, сукин сын! – Блэкторн приготовился спустить оба курка.

Бунтаро не издал ни звука, не шелохнулся, не поднял склоненной головы, не оторвал рук от земли. Кимоно его на спине взмокло от пота.

– *Нан дзя?* – Блэкторн умышленно использовал самую оскорбительную форму вопроса «что такое?», рассчитывая, что это заставит Бунтаро вскочить, начать схватку, так как понимал, что не сможет застрелить врага, пока тот стоит на коленях и только что не отбивает лбом поклоны.

Затем, сознавая, что неприлично стоять, пока они на коленях, и что *нан дзя* прозвучало почти невыносимым и, конечно, ненужным оскорблением, Блэкторн опустился на колени, не выпуская пистолетов, положил обе руки на землю и поклонился в ответ.

Потом сел на пятки.

– *Хай?* – спросил он с вынужденной вежливостью.

И сразу же Бунтаро забормотал что-то, жалко извиняясь. За что и почему, Блэкторн до конца не понял. Он уловил отдельные слова, среди них много раз «саке», но, вне всяких сомнений, это были извинения и смиренная просьба о прощении. Бунтаро все говорил и говорил. Потом умолк и опять опустил голову в пыль.

К этому времени ослепившая Блэкторна ярость уже прошла.

– *Сиката га най*, – хрипло произнес он, что могло означать: «Ничем не могу помочь», или «Что тут поделаешь?», или «А что вы могли сделать?». Капитан все еще не знал, как расценивать извинение. Не часть ли это ритуала, предваряющего поединок? – *Сиката га най. Хаккири вакарану га симнай сурукото-га най?* (Чем тут поможешь? Я не совсем понял, что к чему, но не беспокойтесь.)

Бунтаро поднял глаза и снова сел.

– *Аригато-аригато*, Андзин-сан. *Домо гомэн насай*.

– *Сиката га най*, – повторил Блэкторн и, когда стало ясно, что извинение было искренним, возблагодарил Бога за то, что обошлось без дуэли. Он знал, что не имеет никаких прав, что вел себя как безумец и что единственный способ с честью выйти из положения – придерживаться чужих правил. А значит, иметь дело с Торанагой.

«Но почему вдруг извинения? – пытал он себя. – Подумай. Ты должен научиться думать, как они».

Тут его осенило. «Должно быть, потому, что я – хатамото, а Бунтаро – мой гость. Он нарушил мое *ва*, гармонию моего дома, оскорбил меня. Следовательно, он не прав и должен извиняться, что бы ни затаил в душе. Он вынужден принести извинения как самурай самураю, гость хозяину...

Постой-ка! Вспомни: их обычаи позволяют напиваться, это не считается большим грехом, они полагают, что пьяный не несет ответа за свои действия. Не забывай, что, нагрузившись до беспамьятства, ты еще не теряешь лица. Вспомни, как легко на корабле Марико и

Торанага отнеслись к тому, что ты отключился. Они изумлялись, но не брезговали, как водится у нас.

А разве ты не виноват? Разве не ты начал эту попойку? Не ты бросил вызов?»

– Да, – сказал он вслух.

– *Нан дэс ка*, Андзин-сан? – спросил Бунтаро, глядя на него налитыми кровью глазами.

– *Нани мо. Ватаси но касицу дэс.* (Ничего. Это была моя вина.)

Бунтаро покачал головой, отрицая: нет, это была только его вина. И снова извинился с поклоном.

– Саке, – бросил Блэкторн, чтобы покончить с этим, и пожал плечами: – *Сиката га най.* Саке!

Бунтаро поклонился и снова поблагодарил его. Блэкторн встал, вернув поклон. Бунтаро с телохранителем поднялись вслед за ним. Оба поклонились еще раз, и он снова ответил на поклон.

Наконец Бунтаро повернулся и, шатаясь, побрел прочь. Блэкторн не трогался с места, пока тот не удалился на расстояние полета стрелы, и долго ломал голову над тем, действительно ли самурай упился вдрызг, как представлялось со стороны. Потом пошел домой.

Фудзико была на веранде, приветливая и улыбающаяся, как всегда. «О чем она на самом деле думает?» – спросил он себя, здороваясь с ней и выслушивая утренние приветствия.

Дверь в комнату Марико была закрыта. Возле нее стояла служанка.

– Марико-сан?

– Да, Андзин-сан?

Он подождал, но дверь не открывалась.

– У вас все хорошо?

– Да, благодарю вас. – Блэкторн услышал, как она прочищает горло, потом снова раздался ее слабый голос: – Фудзико послала сообщить Ябу-сану и господину Торанаге, что я сегодня нездорова и не смогу переводить.

– Вам лучше бы показаться лекарю.

– О, спасибо, хватит с меня и Суво. Я послала за ним. Я... Я только немного вывихнула бедро. У меня, правда, все хорошо, вам не стоит беспокоиться.

– Слушайте, я немного разбираюсь в искусстве врачевания. Вы не кашляете кровью?

– О нет. Я просто поскользнулась и ударилась щекой. Я действительно совсем здорова.

После паузы он произнес:

– Бунтаро извинился.

– Да, Фудзико видела от ворот. Я покорно благодарю вас за то, что вы приняли его извинения. Андзин-сан, я так сожалею, что мы побеспокоили вас... Это непростительно, что ваш покой... Пожалуйста, примите мои извинения тоже. Мне не следовало быть такой несдержанной. Это очень невежливо. Ссора произошла по моей вине. Пожалуйста, примите мои извинения.

– За то, что вас избили?

– За то, что я не послушалась мужа, не помогла ему спокойно уснуть, подвела его и моего господина.

– Вы уверены, что я ничем не могу вам помочь?

– Нет-нет, благодарю вас, Андзин-сан. Завтра все пройдет.

Но Блэкторн не видел ее целых восемь дней.

Глава 36

– Я пригласил тебя поохотиться, Нага-сан, а не повторять доводы, которые я уже слышал, – сказал Торанага.

– Прошу вас, отец, в последний раз: положите конец этой подготовке, запретите использование ружей, казните чужеземца, объявите опыт неудавшимся и покончите с этим мерзким делом.

– Нет. И это мое последнее слово.

Сидевший на перчатке Торанаги сокол, чья голова скрывалась под колпачком, беспокойно задвигался при непривычно грозных звуках хозяйского голоса и встревоженно вскрикнул. Охотники прятались в кустах, загонщики и охрана находились за пределами слышимости. День был жаркий, влажный и облачный.

Нага вскинул голову:

– Очень хорошо. Но все же мой долг напомнить вам, что здесь вы в опасности, и попросить снова, со всей подобающей вежливостью, уже в последний раз, сегодня же уехать из Андзиро.

– Нет. И это тоже в последний раз.

– Тогда возьмите мою голову.

– Она и так принадлежит мне.

– Тогда возьмите ее сегодня, сейчас или позвольте мне покончить с жизнью, раз вы не следуете добрым советам.

– Научись терпению, щенок!

– Как я могу быть терпеливым, видя, что вы губите себя? Мой долг указать вам на это. Вы здесь охотитесь, теряете попусту время, а ваши враги между тем ополчились на вас всем скопом. Завтра встретятся регенты. Четыре пятых всех даймё уже либо в Осаке, либо на пути туда. Вы единственный из важных правителей отказались приехать. Теперь вам предъявят обвинение в измене. И ничто уже не спасет вас. Вы должны были оставаться дома, в Эдо, окруженный верными войсками. Здесь мы не сможем защитить вас. У нас едва ли наберется тысяча человек, а разве Ябу не собрал под свои знамена всех воинов Идзу? У него уже более восьми тысяч человек в пределах двадцати ри отсюда, еще шесть тысяч прикрывают границы. Вы знаете, наши шпионы доносят, что к северу отсюда он держит суда, готовые потопить вас, если вы попытаетесь спастись на галере! Вы опять его

пленник, разве вы не видите этого? Один почтовый голубь от Исидо – и Ябу погубит вас, когда захочет. Разве вы не понимаете, что он готовит измену?

– Уверен, что он подумывает об этом. Я бы на его месте думал, а ты?

– Нет.

– Тогда ты сгинул бы вскорости, и поделом тебе, но вместе с тобой сгинула бы вся твоя семья, весь твой род, все твои вассалы, что было бы непростительно. Ты глупец, поразительный глупец! Ты не используешь свои мозги, не слушаешь, не рассуждаешь, не сдерживаешь свой язык и нрав! Ты позволяешь другим вертеть тобой, как ребенком. Считаешь, что все можно разрешить с помощью меча. Если я не снес твою глупую голову и не позволил тебе покончить с бесполезной жизнью, так только потому, что ты молод, даровит, что за твоими ошибками не скрывается злой умысел или измена, что твоя преданность бесспорна. Но если ты не научишься владеть собой, не научишься терпению, я лишу тебя звания самурая, так что ты со всеми потомками будешь принадлежать к крестьянскому сословию! – Правый кулак Торанаги стукнул по луке седла, сокол резко и нервно вскрикнул. – Ты понимаешь?

Нага опешил. За всю свою жизнь он никогда не наблюдал, чтобы отец бранился с такой злобой или вообще вышел из себя. Много раз Наге доставалось от него, но всегда заслуженно. Нага знал, что наделал много ошибок, однако отец умел повернуть дело так, что сыновья оплошности не казались такими уж глупыми. Когда Торанага показал сыну, в какую ловушку заманил его Оми (или Ябу), стравив с Дзодзэном, Нагу с трудом удержали от попытки сразу же убить этих двоих. Личная охрана даймё поливала Нагу холодной водой, пока способность рассуждать здраво не вернулась к юноше. Тогда отец спокойно объяснил, что он, Нага, очень помог ему, устранив этого опасного Дзодзэна. «Но было бы гораздо лучше, если бы ты знал, что тебя используют. Будь терпелив, сын мой, все приходит с терпением, – наставлял Торанага. – Скоро ты будешь использовать их. Сделанное тобой пойдет нам на пользу. Но ты должен научиться понимать, что на уме у человека, если собираешься управлять им в своих целях – или в интересах своего господина. Мне нужны вожди. Фанатиков у меня достаточно».

Его отец всегда оставался рассудительным и все прощал, но сегодня... Нага спрыгнул с коня и униженно повалился на колени:

– Пожалуйста, простите меня, отец. Я не хотел рассердить вас... Просто я ужасно беспокоюсь о вашей безопасности. Пожалуйста, простите меня за то, что я нарушил гармонию...

– Придержи язык! – проревел Торанага, испугав свою лошадь.

Торанага безумным усилием сжал колени и натянул поводья правой рукой, лошадь рванулась вперед. Потеряв равновесие, сокол разозлился, начал спрыгивать с кулака, размахивать крыльями, издавать душераздирающее «хек-ек-ек-ек», недовольный непривычной суетой вокруг.

– Ну, моя красавица, ну! – отчаянно пытался успокоить птицу Торанага, стараясь в то же время усмирить лошадь.

Нага подпрыгнул, схватился за уздечку и не дал лошади понести. Сокол яростно закричал. Потом с большой неохотой устроился опять на перчатке Торанаги, удерживаемый его опытной рукой за кожаные ремешки на лапах. Но крылья все еще нервно дрожали, колокольчики побрякивали. «Хек-ек-ек-ееккк!» – раздалось в последний раз.

– Ну-ну, моя красавица! Все хорошо, – успокаивал Торанага, с лица которого еще не сошли красные пятна злости. Он повернулся к Наге, пытаясь не дать злобе прорваться, чтобы не пугать сокола. – Если ты испортишь ей сегодня охоту, я...

В это мгновение донесся предупреждающий крик загонщика. Торанага тут же сдернул колпачок с головы сокола, дал птице время осмотреться, потом выпустил ее.

Длиннокрылая самка сапсана по кличке Тэцуко – Госпожа Сталь – со свистом взмыла в небо; кружа, достигла высоты в шестьсот метров, с которой привыкла озирать окрестности, подождала, пока не вспорхнет вспугнутая дичь, и сразу успокоилась. Потом, планируя к земле с нисходящим потоком, она увидела спущенных со сворки собак и выводок фазанов, которые взметнулись кто куда, заполошно хлопая крыльями. Сокол наметил себе цель, накренился и полетел вниз, сложив крылья и неотвратно пикируя на добычу, уже готовый вонзить в нее когти.

Хищник предвкушал поживу, но облюбованный им старый фазан, вдвое больше его, порскнул в сторону и в панике бросился прямо под спасительную сень деревьев в двухстах шагах от него. Сокол

выправился, распахнул крылья и очертя голову погнался за жертвой. Он набрал высоту и, оказавшись выше фазана, снова устремился вниз с бешеным кхеканьем, однако опять промахнулся. Торанага подбадривал сокола возбужденным криком, предупреждая об опасности впереди и позабыв про Нагу.

Бешено размахивая крыльями, фазан спешил под защиту деревьев. Сокол, вихрем взмыв вверх, стал падать камнем. Но было слишком поздно. Хитрый фазан исчез. С опасностью для себя сокол продирался сквозь листву и трескучие ветки, яростно преследуя фазаньего петуха, потом выскочил из чащи на открытое место и, пронзительно крича, воспарил над деревьями.

В этот миг взлетела стая куропаток и потянулась над самой землей в поисках убежища, искусно следуя очертаниям поверхности. Тэцуко наметила новую жертву, сложила крылья и обрушилась на нее. На этот раз она не промахнулась. Один бешеный удар задних когтей летящего сокола сломал шею куропатке. Она рухнула на землю в разлетающемся облаке перьев. Но вместо того чтобы продолжать преследование на земле, подхватить добычу или приземлиться рядом с ней, Тэцуко с криком взлетела и стала подниматься все выше и выше.

Встревоженный Торанага вытащил приманку – маленькую дохлую пичугу, привязанную к тонкой веревочке, – и покрутил ею над головой. Но Тэцуко не потянуло назад. Она забралась так высоко, что стала крохотным пятнышком в поднебесье. Торанага решил, что потерял птицу, что она надумала покинуть хозяина, вернуться к дикой жизни, убивать по собственному произволу, а не по его прихоти, есть когда захочется, а не когда он решит, и лететь, куда занесут ветры или желание, навеки стать свободной.

Торанага следил за ней, не печалась, но сожалел. Это было дикое создание, и он, как все соколятники, знал, что властен над птицей лишь до поры. Когда-то он забрался на охотничий участок ее родителей в горах Хаконэ и взял ее из гнезда едва оперившимся птенцом, готовил, лелеял, дал возможность убить первую добычу. Теперь, наблюдая за птицей, которая кружилась в вышине, величественно плыла в восходящих потоках теплого воздуха, он хотел, до боли хотел вот так же парить в эмпиреях, вдали от земных печалей.

Но тут старый фазан спокойно снялся с дерева, собираясь кормиться дальше. И Тэцуко низверглась на него, как свинец,

маленькое обтекаемое орудие смерти, изготовившееся к роковому удару.

Фазан испустил дух мгновенно, перья разлетелись от удара. Сокол схватил добычу, падая вместе с ней, крылья рассекали воздух, перед тем как бешено затормозить в последнюю секунду. Потом он сложил крылья и сел на свою жертву.

Держа фазана в когтях, Тэцуко начала его ощипывать, перед тем как приступить к трапезе. Но подъехал Торанага. Птица прервала свое занятие, явно недовольная. Безжалостные коричневые глаза с желтым ободком следили за тем, как хозяин спешивается. Она прислушивалась к тому, как человек воркующим голосом превозносит ее искусство и смелость. И поскольку она была голодна, а Торанага обычно кормил ее, а также потому, что хозяин был терпелив и не делал резких движений, но мягко опустился на колени, Тэцуко позволила ему приблизиться.

Торанага осторожно расхваливал птицу. Вынув охотничий нож, он надрезал фазанью голову, чтобы Тэцуко полакомилась мозгом. Когда сокол, уступая его воле, начал клевать, он отрезал фазану голову и без всяких усилий заманил хищницу на перчатку, где она привыкла принимать корм.

Торанага щедро расточал хвалы, а когда Тэцуко прикончила лакомый кусочек, мягко погладил ее спину и продолжал славословить. Птица раскачивалась и свистом выражала свое удовольствие оттого, что она опять в безопасности, на руке, где можно поесть, ибо с тех пор, как ее забрали из гнезда, лишь так ей позволяли кормиться, и пищу ей всегда давал только сам Торанага. И птица начала чистить перья, готовясь к новой охоте.

Поскольку Тэцуко охотилась столь успешно, Торанага решил позволить ей переварить лакомство и больше в этот день не выпускать. Он вскрыл уже ощипанную пичугу и отдал ее соколу. Когда птица была целиком поглощена, Торанага натянул ей на голову колпачок. Тэцуко продолжала клевать через него. Когда она, насытившись, снова начала охорашиваться, Торанага поднял фазана, положил в мешок и поманил к себе сокольника, который ждал вместе с загонщиками. Опьяненные успехом, они обсуждали и подсчитывали добычу. Им удалось добыть зайца, пару перепелов и фазана. Торанага отпустил

сокольничего и загонщиков в лагерь с ловчими птицами. Телохранители ждали своего господина, укрывшись от ветра.

Теперь он мог опять заняться сыном.

– Ну?

Нага встал на колени около его лошади, поклонился:

– Вы были совершенно правы, господин, насчет меня. Я приношу свои извинения за то, что оскорбил вас.

– А не за то, что дал мне плохой совет?

– Я прошу вас приставить меня к кому-нибудь, кто научит меня не давать вам плохих советов. Я не хотел давать вам плохих советов, никогда.

– Хорошо. Ты будешь проводить часть дня в беседах с Андзин-саном, обучаясь тому, что он знает. Он может быть одним из твоих наставников.

– С ним?

– Да. Это научит тебя дисциплине. И если хоть что-то просочится сквозь камень, который у тебя между ушами, ты узнаешь немало ценного для себя. А может, и для меня. – (Нага угрюмо уставился в землю.) – Я хочу, чтобы ты усвоил все, что он знает о ружьях, пушках и военном снаряжении. Ты будешь моим советником по этой части. И я хочу, чтобы ты стал знающим советником. – (Нага ничего не ответил.) – И я желаю, чтобы ты стал его другом.

– Как я смогу?

– Почему тебе самому не подумать об этом? Почему ты не используешь свою голову?

– Я попытаюсь. Я клянусь, что попытаюсь.

– Этого мало. Я хочу, чтобы ты преуспел. Используй «христианское милосердие». Ты уже должен был разобраться, что это такое, так?

Нага посмотрел на отца сердито:

– Этому невозможно научиться, сколько я ни пытался. Правда! Все, что говорит Цукку-сан, вздор, от которого с души воротит. Христианство для крестьян – не для самурая. Не убий, не возжелай больше одной женщины – и пятьдесят других глупостей. Я тогда послушался вас и теперь послушаюсь – я всегда слушаюсь! Почему вы не позволите мне делать то, что я могу, господин? Я стану христианином, если вы того хотите, но искренне поверить в это

дерьмо... прошу прощения за то, что сорвалось у меня с языка. Я стану другом Андзин-сана. Я хочу этого.

– Хорошо. И помни, что он стоит в двадцать тысяч раз дороже меры шелка-сырца, равной его весу, и знает больше, чем ты узнаешь за двадцать жизней. – (Нага, державший себя в руках, послушно кивнул в знак согласия.) – Хорошо. Ты будешь командовать двумя отрядами, Оми-сан – двумя другими, и один, запасной, будет в подчинении у Бунтаро.

– А еще четыре, господин?

– У нас для них не хватает ружей. Это был обманный ход, чтобы сбить с толку Ябу, – признался Торанага, озадачив сына.

– Что?

– Просто предлог для того, чтобы привезти сюда еще тысячу самураев. Они придут завтра. С двумя тысячами человек я могу перекрыть подступы к Андзиро и уехать, если потребуется. Так?

– Но Ябу-сан может все-таки... – Нага замолчал, опасаясь ляпнуть что-нибудь сгоряча. – Почему я такой глупый? – спросил он с горечью. – Почему я не могу видеть все, как вы? Или как Судара-сан? Я хочу помочь, быть полезным, а не подводить вас все время.

– Тогда научись терпению, сын мой, и обуздывай свой норов. Скоро придет твое время.

– Да?

Торанаге внезапно надоело вразумлять запальчивого юнца. Он поглядел на небо:

– Пожалуй, я немного посплю.

Нага сразу же расседлал коня, снял с него попону и разложил на земле эту постель самурая. Торанага поблагодарил его и отправил расставить часовых. Удостоверившись, что все сделано правильно, что он в безопасности, Торанага лег и закрыл глаза.

На самом деле он не хотел спать – только спокойно подумать. Он вышел из себя, а это был плохой признак. «Тебе повезло, что это случилось в присутствии одного Наги, который многого не знает. Если бы ты взорвался при Оми или Ябу, они бы сразу поняли, что ты сходишь с ума от беспокойства. И это могло легко толкнуть их на измену. На сей раз тебе повезло. Тэцуко помогла тебе опомниться.

Что за полет! Вспомни, как учил ее. С Нагой нужно обращаться как с соколом. Самые лучшие из них кричат и злятся, как он. С ним одна

беда: мальчишку могут втянуть в чужую игру. Его игра – сражения, возможно, внезапная смерть, и скоро этого будет предостаточно».

В душе Торанаги снова поднялось беспокойство. «Что происходит в Осаке? Я сильно ошибся в даймё. Кто примет вызов, а кто отвергнет? Меня предали? Вокруг столько опасностей...

Что с Андзин-саном? Он тоже как сокол. Но еще не готов сесть на кулак, как утверждают Ябу-сан и Марико. Что для него „дичь“? Его дичь – черный корабль, и капитан Родригес, и этот уродливый высокомерный маленький генерал-капитан, которому недолго осталось коптить небо, а также иезуиты и все католические священники, вонючие волосатые монахи, все португальцы, все испанцы, турки, мусульмане и, конечно, Оми, Ябу, Бунтаро, Исидо и я».

Торанага повернулся, устраиваясь поудобнее и улыбаясь своим мыслям. «Нет, Андзин-сан не длиннокрылый сокол, кидающийся на приманку, которую бросают вверх. Он больше похож на короткокрылого ястреба, который срывается с вашего кулака, чтобы убить все, что движется. Ястреб-тетеревятник, который хватает куропатку, зайца в три раза больше себя, крыс, кошек, собак, вальдшнепов, скворцов, грачей, настигая их в непостижимом броске и убивая одним ударом когтей. Ястреб, который не любит колпачка на голове, не принимает его – просто сидит на вашей кисти, надменный, опасный, самодовольный, безжалостный, желтоглазый. Прекрасный товарищ с отвратительным характером, если на него что-то найдет.

Да, Андзин-сан короткокрылый. На кого я напущу его?

На Оми? Нет пока.

Ябу? Тоже рано.

Бунтаро?

Почему на самом деле Андзин-сан пошел против Бунтаро с пистолетами? Из-за Марико, конечно. Они переспали? Возможностей у них было достаточно. Думаю, да. Ничего плохого в их связи не было – Бунтаро считался погибшим, и это обеспечивало полную тайну. Но Андзин-сан глуп, что так рисковал ради замужней женщины. Разве мало других, свободных, ничем не связанных, таких же хорошеньких, хрупких или пышнотелых, знатного происхождения или простолюдинок, которых можно взять, не опасаясь, что они принадлежат еще кому-то? Он вел себя как глупый ревнивый чужеземец. Как этот капитан Родригес. Разве тот не убил на поединке

другого чужеземца, чтобы взять себе дочку мелкого торговца из Нагасаки? Тайко тогда оставил убийство безнаказанным вопреки моему совету, потому что прикончили чужеземца, а не одного из наших. Глупо иметь два закона – один для нас, другой для них. Следует придерживаться одного-единственного.

Нет, я не выпущу Андзин-сана на Бунтаро – мне нужен этот глупец. Переспали эти двое или нет, я надеюсь, Бунтаро останется в неведении. Иначе мне придется убить Бунтаро, ибо никакая сила на земле не удержит его от убийства Андзин-сана и Мариико-сан, которые нужны мне больше. Не следует ли мне уже сейчас уничтожить Бунтаро?..»

Как только Бунтаро протрезвел, Торанага послал за ним.

– Как осмелился ты поставить свои интересы выше моих! Сколько теперь времени Мариико не сможет переводить?

– Лекарь сказал, несколько дней, Торанага-сама. Я прошу прощения за причиненное беспокойство.

– Я же объяснил, что буду нуждаться в ее услугах еще двадцать дней. Ты забыл?

– Да. Прошу прощения. Я очень виноват.

– Если она огорчила тебя, достаточно было нескольких шлепков по ягодицам. Все женщины время от времени нуждаются в этом, но и только. Остальное уже грубость. Ты в угоду своим чувствам поставил под угрозу наши планы и вел себя как тупой крестьянин. Без нее я не смогу разговаривать с Андзин-саном!

– Да. Я знаю, господин, прошу меня извинить. Первый раз я поколотил ее. Просто... иногда она сводит меня с ума настолько, что я не владею собой.

– Почему тогда ты не разведешься с ней? Или не отошлешь ее? Или не убьешь, не прикажешь ей перерезать себе горло, когда она станет не нужна мне?

– Я не могу. Я не могу, господин, – прохрипел Бунтаро. – Она... Я хотел ее с самого первого мгновения, как только увидел. Когда мы поженились, первое время она была всем для меня. Я думал, мне выпало неземное блаженство. Вы помните, каждый даймё в стране хотел ее. Потом... потом, после смуты, я отослал эту женщину ради ее же безопасности, притворился, что она мне противна. Но когда тайко приказал ей вернуться, она разожгла меня еще больше. Честно говоря,

я ожидал благодарности и взял ее, как мне хотелось, не заботясь о чепухе, на которую так падки женщины, вроде стишков и цветочков. Но она изменилась. Она была верной, как всегда, но совершенно ледяной, все время молила о смерти, о том, чтобы я разрешил ей убить себя. Она испортила моего сына и отвратила меня от других женщин, но я не могу от нее избавиться. Я... Я пытался быть с ней добрым, но всегда наталкивался на лед, и это сводило меня с ума. Когда я вернулся из Кореи и узнал, что она перешла в бессмысленную христианскую веру, я удивлялся, к чему ей эта глупая религия. Я хотел подразнить ее, но прежде чем понял, что происходит, приставил ей нож к горлу и поклялся, что зарежу ее, если она не отречется. Конечно, она не отступилась от чужеземного Бога. Какой самурай отступит перед угрозой? Она только поглядела на меня этими своими невозможными глазами и велела продолжать. «Пожалуйста, зарежьте меня, господин, – сказала она, – я подставляю вам горло. Я молюсь Богу, чтобы он благословил меня на смерть». Я не смог зарезать ее, господин. Я взял ее. Но я отрезал волосы и уши некоторым ее служанкам, которые по примеру госпожи стали христианками, и выгнал их из дому. Я сделал то же самое с ее кормилицей и отрезал ей также нос, этой подлой, зловредной ведьме! И тогда Марико объявила, что... в следующий раз, когда я приду к ней в постель без разрешения, она совершит сэппуку, любым способом, как только сможет, сразу же... несмотря на обязанности передо мной, несмотря на долг перед семьей, даже несмотря на заповеди ее христианского Бога! – Он не замечал бегущих по его щекам слез бессильной ярости. – Я не могу убить ее, как бы ни хотел этого. Я не могу убить дочь Акэти Дзинсая, как бы она того ни заслуживала...

Торанага дал Бунтаро выговориться, потом отпустил его, приказав держаться подальше от Марико, пока он, Торанага, не решит, что все закончено. Он послал ей своего лекаря. Отчет врача не внушал тревоги: ушибы, но внутренних повреждений нет.

Чтобы обезопасить себя, Торанага, опасавшийся измены и сознававший, что время утекает, как песок сквозь пальцы, решил усилить давление на всех. Он приказал Марико переселиться в дом Оми, не покидать его пределов, отдыхать и ни под каким видом не встречаться с Андзин-саном. Потом он вызвал капитана, притворился очень недовольным, когда стало ясно, что они едва могут понять друг

друга, и решительно отстранил его от дел. Вся подготовка ускорилась. Людей погнали в форсированные марши. Наге было приказано взять с собой Андзин-сана и погонять его хорошенько, уходить до полусмерти. Но Нага не преуспел в этом.

Тогда Торанага взялся за дело сам. Одиннадцать часов он водил отряд по холмам. Андзин-сан выдержал, шагал не в первых рядах, но все-таки выдержал. Вернувшись в Андзиро, капитан сказал на плохом японском, который едва можно было понять:

– Торанага-сама, моя ходить могу. Моя могу готовить стрелков. Простите, но два дела делать одно и то же время невозможно, правда?

...Торанага лежал и улыбался под облачным небом в ожидании дождя, довольный своей игрой, которая заставит Блэкторна сесть к нему на кулак. «Он, конечно, короткокрылый. Мариико такая же стойкая, такая же умная, но более яркая, и в ней есть преданность, которой у него никогда не будет. Она как сокол, как Тэцуко. Почему самка хищника, сокола, всегда больше, быстрее и сильнее, чем самец, всегда лучше самца?

Они все соколы: Мариико, Бунтаро, Ябу, Оми, Фудзико, Отиба, Нага, все мои сыновья и дочери, мои женщины, мои вассалы, мои враги – все соколы или добыча для соколов.

Я должен заставить Нагу взмыть над добычей и камнем броситься вниз. Кто это будет? Оми или Ябу?»

Сказанное Нагой про Ябу было верно...

– Ну, Ябу-сан, что вы решили? – спросил Торанага на второй день после приезда.

– Я не собираюсь в Осаку, пока не поедете вы, господин. Я приказал собирать войска по всей провинции Идзу.

– Исидо предъявит вам обвинение.

– Он сначала обвинит вас, господин, и если падет Канто, падет и Идзу. Я сделал выбор и заключил сделку с вами. Я на вашей стороне. Касиги соблюдают уговор.

– Я почитаю за честь иметь вас своим союзником, – солгал Торанага, довольный, что Ябу еще раз сделал то, к чему он его подвел.

На следующий день Ябу собрал свое войско, попросил Торанагу устроить смотр и, встав перед ним на колени, церемонно предложил себя в вассалы.

– Вы признаете меня своим сюзереном? – спросил Торанага.

– Да. И все люди Идзу. Господин, пожалуйста, примите это как знак сыновнего почтения. – Не поднимаясь с колен, Ябу протянул ему клинок Мурасама. – Это меч, которым был убит ваш дед.

– Не может быть!

Ябу изложил историю меча, объяснил, каким образом легендарное оружие попало к нему через годы и как совсем недавно он узнал о его происхождении. Он позвал Суво. Старик поведал, чему был свидетелем в пору детства.

– Это правда, господин, – гордо объявил Суво. – Никто не видел, как отец Обаты сломал меч или забросил его в море. Клянусь надеждой родиться самураем в новой жизни, что я служил вашему деду, господину Тикитаде. Служил верой и правдой до того дня, когда он погиб. Я был там, святая истина.

Торанага принял меч, который, казалось, вибрировал в руке от заключенной в нем злой энергии. Великий даймё всегда смеялся над легендами о том, что некоторые мечи наделены стремлением убивать независимо от воли хозяина, что они жаждут выскочить из ножен, чтобы напиться крови, но теперь поверил им.

Торанага содрогнулся, вспомнив тот день. «Почему мечи Мурасама ненавидят нас? Один убил моего деда. Другой чуть не оставил меня без руки в шесть лет – необъяснимое происшествие, никого рядом не было, но все-таки правая моя рука была рассечена и я чуть не истек кровью. Третий обезглавил моего первенца».

– Господин, – провозгласил Ябу, – оскверненный меч не должен оставаться среди людей, правда? Позвольте мне утопить его в море, чтобы по крайней мере этот клинок не угрожал ни вам, ни вашему потомству.

– Да-да, – пробормотал он, благодарный Ябу за предложение. – Сделайте это сейчас же!

И только когда меч канул в морские глубины, сердце Торанаги забилося ровно. Он поблагодарил Ябу, приказал, чтобы шестьдесят долей подати оставалось крестьянам, а сорок уходило их господам, и пожаловал Ябу во владение Идзу. Таким образом, все осталось как прежде, за исключением того, что власть над Идзу теперь принадлежала бы Торанаге, если бы он захотел ее взять.

...Торанага повернулся, чтобы удобнее расположить руку с мечом, наслаждаясь близостью земли, как всегда черпая из нее силу и

бодрость. «Этот клинок исчез и никогда больше не вернется. Хорошо, но вспомни, что предсказал китайский ясновидец, – подумал он. – Ты умрешь от меча. Но чьего? И в чьей руке он будет, чужой или моей собственной?»

В свое время узнаешь, – сказал он себе без страха. – А теперь спать! Карма есть карма. Ты дзен-буддист. Помни, в состоянии покоя абсолют, дао внутри тебя. Никакой священник, никакой культ, никакая догма или книга, никакое слово или учение, никакой учитель не стоят между тобой и этим. Знай, что тут ни при чем добро и зло, я и ты, внешнее и внутреннее, жизнь и смерть. Войди в пространство, где нет страха смерти или надежды на следующую жизнь, где ты свободен от тягот жизни или забот о спасении. Ты сам дао. Стань скалой, о которую разбиваются волны жизни».

Слабый крик вывел медитирующего Торанагу из транса, он вскочил на ноги. Нага возбужденно указывал на небо. Все глаза были обращены ввысь.

С запада к Андзиро летел почтовый голубь. На минуту он затрепетал крыльями у отдаленного дерева, присел отдохнуть, но тут же снялся с места, так как начался дождь.

Далеко на западе, там, откуда он прибыл, располагалась Осака.

Глава 37

Птичник у голубиной клетки держал птицу аккуратно, но крепко, пока Торанага снимал промокшую одежду. Он прискакал обратно под проливным дождем. Нага и остальные самураи тревожно толпились около дверей, не обращая внимания на теплый дождь, который стремительным потоком падал с неба, барабаня по черепичной крыше.

Торанага осторожно вытер руки. Птичник протянул ему голубя. Два маленьких цилиндрика из кованого серебра были привязаны к лапкам. Торанага приложил много усилий, чтобы унять нервную дрожь в пальцах. Он отвязал цилиндрики, поднес их к свету, чтобы посмотреть на маленькие печати, и узнал тайный шифр Кири. Нага и остальные напряженно следили за ним, но лицо Торанаги ничего не выражало.

Он не сломал печати сразу, как ему этого ни хотелось, а терпеливо подождал, когда принесут сухое кимоно. Сопровождаемый слугой, который держал над ним большой зонтик из промасленной бумаги, он прошел в свои покои в крепости, где его уже ждали суп и зеленый чай. Торанага выпил их и послушал, как шумит дождь. Почувствовав, что совершенно успокоился, он расставил часовых и перешел во внутренние комнаты. Там в одиночестве сломал печати. Бумага в четырех рулончиках была очень тонкой, иероглифы – мелкими, сообщение – длинным и зашифрованным, так что времени на расшифровку ушло немало. Когда с ней было покончено, он прочитал послание, затем перечитал еще раз. Потом задумался.

Наступила ночь. Дождь прекратился. «О Будда, пусть урожай будет хорошим!» – молился он. Шла пора, когда рисовые поля стояли под водой и по всей стране в очищенную от сорняков раскисшую почву высаживали рассаду, бледно-зеленые ростки, чтобы через четыре или пять месяцев – в зависимости от погоды – собрать урожай. И по всей стране бедные и богатые, *эта* и император, слуги и самураи – все молились о правильном чередовании дождя и солнца. И каждый человек – мужчина, женщина и ребенок – считал дни до жатвы.

«Нам потребуется хороший урожай в этом году», – подумал Торанага.

– Нага! Нага-сан!

Прибежал сын.

– Да, отец?

– В первый час после восхода позови Ябу и его советников на плато. И Бунтаро с нашими тремя командирами. И Марико-сан. Приведи их всех на плато на рассвете. Пусть Марико-сан приготовит зеленый чай. И я хочу, чтобы у лагеря был Андзин-сан. Охрана должна стоять кольцом на расстоянии двухсот шагов.

– Да, отец. – Нага повернулся, чтобы идти выполнять приказ, но, не в силах сдержаться, выпалил: – Война? Да?

Поскольку Торанаге нужен был вестник, способный заразить всех своим воодушевлением, он не выругал сына за своеволие и нетерпение.

– Да, – подтвердил он, – но на моих условиях.

Нага задвинул сёдзи и выскочил из дому. Торанага знал, что, хотя лицо и поведение Наги останутся внешне спокойными, возбуждение прорвется в его поступи, загоревшемся взгляде. Слухи разносятся по Андзиро и Идзу с окрестностями быстрее, чем если бы их распространяли нарочно.

– Ну вот и началось, – вслух сказал он цветам, которые стояли в токономе, отбрасывая колеблющиеся тени в трепетном мерцании свечей.

Кири писала:

Господин, я молюсь Будде, чтобы Вы были в безопасности и покое. Это наш последний почтовый голубь, поэтому еще я молю Будду, чтобы он благополучно добрался до Вас. Предатели истребили всех других, устроив пожар на голубятне. Только этот и уцелел, потому что был болен и я держала его отдельно, пока выхаживала.

Вчера утром господин Сугияма отказался от должности, как и задумывалось. Но прежде чем он успел скрыться, его захватили на окраине Осаки ронины Исидо. К несчастью, вместе с ним захватили и его родных. Я слышала, что он был предан одним из своих людей. Ходит слух, будто Исидо предложил ему сделку. Если господин Сугияма отложит свою отставку до окончания собрания Совета регентов (до завтра), чтобы Вам вынесли законное обвинение, Совет отдаст Сугияме все провинции Канто и в знак доброй воли Исидо сразу же выпустит на свободу его и его семью.

Сугияма отказался предать Вас. Исидо приказал своим эта немедленно заставить его изменить решение. Они пытали детей, потом наложницу Сугиямы на его глазах, но он тем не менее не отступился от Вас. Все они умерли в муках. Его смерть под самый конец тоже была ужасна.

Свидетелей этого злодеяния, конечно, нет. Только слухи, которым я верю. Разумеется, Исидо отрицает, будто он что-либо знает об убийцах или людях, причастных к злодеянию, клянется, что найдет «злодеев». Сначала Исидо заявил, что Сугияма на самом деле не подавал в отставку и, следовательно, по его мнению, Совет все-таки может состояться. Я послала копии бумаги, в которой Сугияма заявляет об отставке, другим регентам, Кияме, Ито и Оноси, одну открыто отправила Исидо и распространила еще четыре копии среди даймё. (Как мудро Вы, Тора-тян, предположили, что понадобятся дополнительные копии.) Так что со вчерашнего дня, как Вы и задумывали с Сугиямой, Совета больше нет – в этом Вы полностью преуспели.

Хорошие новости: господин Могами благополучно вернулся в город со всем семейством и самураями. Теперь он Ваш явный и несомненный союзник, так что Ваши дальние северные границы в безопасности. Господа Маэда, Кукусима, Асано, Икэда и Окудияра все спокойно выскользнули из Осаки прошлой ночью, а также и христианин господин Ода.

Плохие новости: семьи Маэды, Икэды, Оды и еще дюжины даймё не спаслись, так же как и пятьдесят-шестьдесят менее знатных господ.

Плохие новости: Ваш сводный брат Дзатаки, повелитель Синано, открыто заявил, что выступает на стороне наследника Яэмона против Вас, что Вы в союзе с Сугиямой низвергли Совет регентов, породив хаос в стране, а значит, теперь Ваши северо-восточные границы открыты и Дзатаки с пятьюдесятью тысячами беззаветно преданных ему людей будут воевать с Вами.

Плохие новости: почти каждый даймё принял «императорское приглашение».

Плохие новости: многие Ваши друзья и союзники недовольны, что Вы не сообщили им раньше о Ваших намерениях, чтобы они могли подготовить пути к отступлению. Ваш старый друг,

господин Симадзу, один из них. Я слышала после полудня, что он открыто потребовал, чтобы все даймё получили приказ императора встать на колени перед этим мальчиком Яэмоном.

Плохая новость: госпожа Отиба блестяще плетет свою паутину, обещая надёлы, звания и придворные чины тем, кто еще свободен от обязательств. Тора-тян, очень жаль, что она не на Вашей стороне – это достойный противник. Госпожа Ёдоко одна выступает за примирение, но никто ее не слушает, а госпожа Отиба хочет ускорить начало войны, так как чувствует, что Вы ослаблены и лишены поддержки. Я сожалею, мой господин, но Вас покинули и, я думаю, предали.

Хуже всего то, что сейчас регенты-христиане Кияма и Оноси вместе открыто и ожесточенно нападают на Вас. Сегодня утром они выпустили совместное заявление, где сожалеют об «отступничестве» Сугиямы, которое, по их словам, ввергает государство в смуту. Там говорится: мы все должны быть сильными во имя спасения империи. Регенты несут большую ответственность. Мы должны быть готовы уничтожить любого правителя или правителей феодалов, которые хотят оспорить завещание тайко и лишить власти законного наследника. (Не значит ли это, что они хотят сделать Совет регентов советом четырех?) Один из наших шпионов-христиан в миссии иезуитов шепнул, что священник Цукку-сан тайно покинул Осаку пять дней назад, но мы не знаем, куда он поехал – в Эдо или в Нагасаки, где ждут черный корабль. Вы знаете, в этом году он прибудет очень рано? Дней через двадцать-тридцать?

Господин, я всегда колебалась, прежде чем высказать суждения, основанные на толках, слухах, шпионских донесениях или женском чутье (как видите, Тора-тян, я научилась у Вас кое-чему), но времени мало, и я могу не успеть, поэтому скажу еще раз. Во-первых, здесь попали в ловушку многие семьи. Исидо никогда не позволит им уехать (как он никогда не отпустит нас). Эти заложники таят в себе огромную опасность для Вас. Мало кто из даймё обладает тем же чувством долга и силой духа, что отличали покойного Сугияму. Очень многие, я думаю, пойдут теперь за Исидо, однако неохотно, только из-за заложников. Далее, я полагаю, что Маэда выдаст Вас, так же как, видимо, и Асано. Я

насчитала двести шестьдесят четыре даймё в нашей стране, но только двадцать четыре из них наверняка примкнут к Вам и, возможно, еще пятьдесят. Этого недостаточно. Кияма и Оноси увлекут за собой всех или большинство даймё-христиан, и я считаю, что они теперь к Вам не присоединятся. Господин Мори, самый богатый и крупный из всех, настроен против Вас, как всегда, и он потянет Асано, Кобаякаву и, может быть, Оду в свою сеть. Теперь, когда против Вас ополчился Ваш сводный брат господин Дзатаки, Ваше положение чудовищно ненадежно. Я советую Вам не мешкая объявить «малиновое небо» и напасть на Киото. Это Ваша единственная надежда.

Что касается госпожи Садзуко и меня, то мы здоровы и довольны. Ребенок начинает шевелиться, и если ему суждено родиться, так оно и будет. Мы в безопасности в нашем уголке замка, дверь прочная, заградительная решетка тоже. Наши самураи преданы Вам и Вашему делу, и если наша карма состоит в том, чтобы расстаться с жизнью, мы сделаем это спокойно. Ваша госпожа очень скучает по Вас. Что касается меня, Тора-тян, я страстно хочу увидеть Вас и посмеяться с Вами, увидеть Вашу улыбку. Моим единственным сожалением перед смертью будет то, что я не смогу больше взглянуть на Вас. Если существует загробная жизнь, Бог, Будда или Kami, обещаю, что как-нибудь склоню их на Вашу сторону... хотя, может, сначала попрошу их сделать меня стройнее, моложе и плодовитей для Вас, позволив мне по-прежнему наслаждаться едой. Ах, это действительно был бы рай: есть вволю и все-таки вечно оставаться молодой и тоненькой!

Я посылаю Вам свой смех. Да благословит Будда Вас и Ваших людей.

Торанага прочитал приглашенным письмо, за исключением личной приписки про Кири и госпожу Садзуко. Когда он закончил, все недоверчиво воззрились на него и друг на друга – не только из-за того, что говорилось в послании, но и потому, что впервые Торанага посвятил их в свои тайны.

Они устроились на татами, разложенных посреди плато, без охраны, не боясь чужих ушей. Бунтаро, Ябу, Игураси, Оми, Нага, командиры и Марико. Охрана была расставлена в двухстах шагах.

– Я хочу посоветоваться, – объявил Торанага. – Мои советники в Эдо, а дело срочное, и мне необходимо, чтобы все вы действовали, каждый на своем участке. Что произойдет и что мне, по-вашему, нужно делать. Ябу-сама?

Ябу пребывал в смятении. Каждый путь, казалось ему, вел к опасности.

– Сначала, господин, объясните, что такое «малиновое небо»?

– Это условное название плана окончательной битвы, стремительной переброски к Киото всех моих войск в расчете на внезапность захвата столицы, освобождения ее из-под власти злых сил, которые завладели ею, вызволения императора из грязных лап обманувших его прихлебателей Исидо. Освободив Сына Неба, я тут же попрошу его распустить нынешний Совет – сборище явных предателей или их прихвостней, и облечь меня полномочиями на создание нового Совета, который ценит бы интересы государства и наследника выше личных амбиций. Мне надо будет выставить от восьмидесяти до ста тысяч человек, оставив мои земли незащищенными, фланги неохраемыми и обрекая себя на отступление без прикрытия. – Торанага видел, что все смотрят на него с изумлением. Он не упомянул о самых отборных своих самураях, которые вот уже многие годы пускали корни по всей стране, в разных замках и провинциях, чтобы, восстав одновременно, создать хаос, очень важный для осуществления плана.

Ябу взорвался первым:

– Но вы должны будете пробиваться с боями. Весь Токайдо на сотню ри в руках Икавы Дзикю. В остальных местах полно укреплений Исидо!

– Да. Но я собираюсь двинуться на северо-запад вдоль Косюкайдо, потом ударить по Киото и уходить с побережья.

Многие сразу же закачали головой, заговорили, но Ябу не обратил на них внимания:

– Но, господин, в письме упоминается, что ваш родственник Дзатаки-сан уже перекинулся на сторону врага! Теперь путь на север вам тоже заказан! Дорога Косюкайдо проходит через его владения. Вы должны будете пробиваться через Синано – это горная провинция, дорога очень тяжелая, а люди Дзатаки фанатично ему преданы. В горах вас изрежут на куски.

– Это единственный путь, которым я смогу пройти. Согласен, что на прибрежном тракте нам встретится слишком много врагов.

Ябу взглянул на Оми, жалея, что не может с ним посоветоваться, кляня письмо и всю эту неразбериху в Осаке, сокрушаясь, что заговорил первым, и очень недовольный своим положением вассала, которое принял по подсказке племянника...

– Это единственное, что вам остается, Ябу-сама, – настаивал в тот злополучный день Оми, – единственный способ избежать ловушки Торанаги и сохранить пространство для маневра.

Его яростно прервал Игураси:

– Лучше всего напасть на Торанагу сейчас, пока у него здесь мало людей! Убить и отослать его голову Исидо, пока еще есть время!

– Лучше подождать, потерпеть.

– А что, если Торанага прикажет нашему хозяину отдать Идзу? – закричал Игураси. – Как сюзерен Торанага получит такое право!

– Он никогда не сделает этого. Наш господин сейчас нужен ему больше, чем когда-либо. Идзу – его южные ворота. Он не допустит, чтобы наша провинция выступила на стороне врага! Он должен иметь нашего хозяина на своей...

– Что, если он отправит господина Ябу в изгнание?

– Мы восстанем! Убьем Торанагу, если он окажется здесь, или дадим отпор любой армии, которую он двинет против нас. Однако он никогда не сделает ничего подобного, разве вы не понимаете? Как своего вассала, Торанага должен защищать...

Ябу не прерывал их спора, пока не понял всю хитрость замысла Оми.

– Очень хорошо. Я согласен! И предложу ему меч Мурасама, чтобы закрепить дух нашего соглашения, Оми-сан, – изрек он с тайным злорадством. – Именно дух! Клинок Мурасама более чем пришелся к месту. И конечно, Торанага сейчас нуждается во мне больше, чем когда-либо раньше. Оми прав, Игураси. У меня нет выбора. Я перехожу на сторону Торанаги. Я его вассал!

– До начала войны, – со значением добавил Оми.

– Конечно. Конечно, только до тех пор, пока не начнется война! Тогда я могу перейти на другую сторону – и сделать это дюжину раз. Ты опять прав, Оми-сан!

...И теперь Ябу думал: «Оми лучший из советников, какие у меня когда-либо были, но самый опасный. Оми достаточно умен, чтобы захватить Идзу, если я умру. Но какое это имеет значение? Все мы смертны».

– Вы полностью отрезаны, – изрек Ябу. – Вы отрезаны.

– А есть иной выход? – спросил Торанага.

– Извините меня, господин, – вмешался Оми, – сколько времени займет подготовка к походу?

– Все уже готово.

– В Идзу также все готово, господин, – вставил Ябу. – Ваша сотня, мои шестнадцать тысяч и мушкетный полк – этого достаточно?

– Нет. «Малиновое небо» – отчаянная затея. Все решит штурм.

– Вы должны попробовать, как только прекратятся дожди и можно будет воевать, – настаивал Ябу. – Какой выбор вы сделали? Исидо мигом создаст новый Совет, у них все еще есть полномочия. Так что со дня на день вас обвинят в измене. Зачем ждать, пока вас сожрут? Послушайте, может, полк пробьется с боем через горы? Объявите «малиновое небо»! Бросьте все силы в одно большое наступление. Это путь воина, это достойно самурая, Торанага-сама. Ружья, наши ружья сметут Дзатаки с нашего пути, а повезет вам или нет, какая разница? Память об этой попытке останется в веках!

Нага подхватил:

– Да, но мы победим!

Некоторые из командиров кивнули в знак согласия, довольные, что начнется война. Оми промолчал. Торанага посмотрел на Бунтаро:

– Ну?

– Господин, прошу извинить меня за то, что не высказываю своего мнения. Я и мои люди – мы сделаем то, что вы решите. Это мой единственный долг. Мое мнение не важно, потому что я исполню вашу волю.

– Обычно этого было достаточно, но не сегодня!

– Тогда война. Ябу-сан прав. Давайте выступим на Киото. Сегодня, завтра или когда закончатся дожди. «Малиновое небо»! Я устал ждать.

– Что думает Оми-сан? – осведомился Торанага.

– Ябу-сама прав, господин. Исидо не станет строго придерживаться завещания тайко и соберет новый Совет в самом скором времени. И этот новый Совет будет узаконен императором. Ваши враги

возрадуются, а большинство друзей после некоторого колебания предадут вас. Новый Совет сразу же предъявит вам обвинение. Тогда...

– Тогда «малиновое небо»? – прервал Ябу.

– Если господин Торанага прикажет, то да. Но я не думаю, что обвинение будет иметь законную силу. Вы можете забыть о нем.

– Почему? – заинтересовался Торанага.

Всеобщее внимание обратилось на Оми.

– Я согласен с вами, господин, в том, что Исидо – воплощение зла. И даймё, которые согласились служить ему, такое же зло. Настоящим мужчинам известно, что представляет собой Исидо и что император обманут им. – Оми осторожно пробирался через зыбучие пески, способные поглотить его. – Я думаю, Исидо допустил роковую ошибку, убив господина Сугияму и его семью. Из-за этих грязных убийств все даймё теперь будут ждать от Исидо предательства и очень многие из тех, до кого ему не дотянуться, откажутся исполнять указы Совета. Вы в безопасности. На время.

– На какое время?

– Дожди будут лить еще месяца два. Когда они прекратятся, Исидо пошлет против вас Икаву Дзикю и господина Дзатаки, чтобы их войска взяли вас в клещи. Армия Исидо поддержит их на дороге Токайдо. А пока идут дожди, все даймё, имеющие зуб на соседей, будут обещать Исидо помощь и поддержку, но стоит ему сделать первый шаг, как они, я полагаю, забудут свои посулы и кинутся сводить счеты друг с другом, грабить, захватывать земли, на которые давно зарятся. Страну раздерут на части, как это было до тайко. Но к счастью, у вас, господин, и Ябу-сама достаточно сил, чтобы защитить подходы к Канто и Идзу от первой волны вторжений и отразить их. Я не думаю, что Исидо осилит второе наступление – он не настолько могуч. Когда Исидо и другие ослабят свой напор, ничто не мешает вам с господином Ябу осторожно выйти из-за гор и постепенно прибрать страну к рукам.

– Когда это случится?

– При жизни ваших детей, господин.

– Ты советуешь вести оборонительные сражения? – презрительно поморщился Ябу.

– Я думаю, что вместе вы будете в безопасности за горами. Вы должны выиграть время, Торанага-сама. Вам надо выждать, пока у вас не прибавится союзников. Удерживать перевалы. Это возможно! Исидо – злодей, но не глупец, готовый бросить все силы на одну битву. Он будет отсиживаться в Осаке. Так что какое-то время нам не стоит использовать наш полк. Куда разумнее увеличить охрану и приберечь его как секретное оружие до той поры, когда вы выйдете из-за гор. Я не вижу, какое достойное применение ему можно найти сейчас. – Оми понимал, что все глядят на него. Он поклонился Торанаге. – Пожалуйста, извините меня за многословие, господин.

Торанага внимательно посмотрел на него, потом взглянул на сына. Он видел, что юноша с трудом сдерживает возбуждение, и знал, что пришло время выпустить его на добычу.

– Нага-сан?

– То, что сказал Оми-сан, верно, – сразу же радостно произнес Нага. – Бóльшая часть того, что он сказал. Однако я считаю, что надо использовать эти два месяца для того, чтобы собрать союзников, отвратить даймё от Исидо. Когда же прекратятся дожди, следует напасть без предупреждения – «малиновое небо».

Торанага уточнил:

– Ты не согласен с Оми-саном в том, что касается продолжительности войны?

– Нет. Но разве... – Нага замолчал.

– Продолжай, Нага-сан. Говори прямо!

Нага промолчал, его лицо побледнело.

– Тебе приказано продолжать!

– Хорошо, господин. Мне пришло на ум, что... – Он опять остановился, потом выпалил: – Разве для вас это не шанс стать сёгуном? Если удастся взять Киото и получить нужные полномочия, почему бы не собрать новый Совет? Почему не просить императора назначить вас сёгуном? Так было бы лучше для вас и для всего государства. – Нага попытался изгнать страх из голоса. Сказанное им было крамолой, изменой Яэмону, которому хранили верность большинство присутствующих самураев: Ябу, Оми, Игураси и особенно Бунтаро. – Я считаю, вы должны быть сёгуном! – Он с вызовом посмотрел на остальных. – Если это осуществится... Оми-сан, вы правы в том, что война обещает быть долгой, но я говорю:

господин Торанага должен взять власть, добиться ее! Продолжительная война погубит страну, которую снова растащат на тысячи частей! Кто хочет этого? Господин Торанага должен быть сёгуном. Вручить бразды правления Яэмону... господину Яэмону можно, только обезопасив государство! Другой возможности не представится... – Его голос замер, он постарался встать так, чтобы обезопасить себя от удара в спину, напуганный тем, что сказал, и одновременно обрадованный, что озвучил давние свои мысли.

Торанага вздохнул:

– Я никогда не стремился стать сёгуном. Сколько раз повторять? Я поддерживаю моего племянника Яэмона и уважаю волю его отца, тайко. – Он обвел взглядом окружающих и остановился на Наге. Юноша вздрогнул. Но Торанага проговорил добродушно, снова приманивая свою «ловчую птицу»: – Только усердие и молодость извиняют тебя. К сожалению, множество более зрелых и мудрых воображают, что таковы мои притязания. Они ошибаются. Есть один путь пресечь измышления – привести к власти господина Яэмона. Именно это я и намереваюсь сделать.

– Да, отец. Благодарю вас, – в отчаянии выдохнул Нага.

Торанага перевел взгляд на Игураси:

– Что ты посоветуешь?

Одноглазый самурай почесался.

– Я воин, не советник, но стою за «малиновое небо», если мы не можем сражаться на наших условиях, как говорил Оми-сан. Я воевал в Синано много лет назад. Это скверные места, и тогда господин Дзатаки выступал с нами заодно. Я бы не хотел снова воевать в Синано и никогда бы не стал воевать против Дзатаки. А если господин Маэда под подозрением... Как можно рассчитывать на победу, когда вас готовится предать самый важный союзник? Господин Исидо выставит против вас две-три сотни тысяч воинов, и еще сотня тысяч останется оборонять Осаку. У нас маловато людей для наступления. Тут и ружья не помогут. Зато, укрывшись за горами и используя ружья, мы сможем держаться вечно, коли все пойдет так, как говорит Оми-сан. Мы могли бы держать перевалы. У вас достаточно риса. Разве не Канто снабжает им половину страны? Наконец, мы можем прислать вам сколько угодно рыбы. Вы будете в безопасности. Пусть господин Исидо и этот дьявол Дзикю приходят. Если все сложится, как сказал

Оми-сан, ваши враги скоро будут жрать друг друга. Если нет, настанет черед «малинового неба». Двум смертям не бывать.

– Кто-нибудь хочет добавить? – спросил Торанага. Никто не отозвался. – Мариико-сан?

– Мне не пристало говорить здесь, господин, – ответила она. – Я уверена, сказано все, что должно быть сказано. Но может, мне будет позволено спросить от имени всех ваших советников, которые присутствуют здесь. Как вы думаете, что должно произойти?

Торанага умышленно медлил, подбирая слова:

– Я считаю, произойдет то, что предсказал Оми-сан. За одним исключением: Совет не будет бессилён. У него хватит влияния, чтобы собрать изрядные силы. И когда закончатся дожди, эти силы будут брошены на Канто в обход Идзу. Сначала они проглотят Канто, потом Идзу. Только после моей смерти даймё начнут воевать друг с другом.

– Но почему, господин? – отважился спросить Оми.

– Потому что у меня слишком много врагов. Я владею Канто, я воевал более сорока лет и никогда не проигрывал сражений. Все они боятся меня. Я *знаю*, что сначала падальщики объединятся, чтобы погубить меня. Позже они перебьют друг друга, но сперва объединятся, чтобы покончить со мной, если им это удастся. Запомните, все вы: я один представляю действительную угрозу Яэмону, даже если не угрожаю ему. В этом вся ирония. Они убеждены, что я хочу быть сёгуном. Я – нет. Это другая война, которая мне вовсе не нужна.

Нага нарушил молчание:

– Тогда что вы собираетесь делать, господин?

– Да?

– Что вы собираетесь делать?

– Очевидно, объявлю «малиновое небо».

– Но вы сказали, что они поглотят нас.

– Поглотили бы, дай мы им время. Но я не собираюсь давать им его. Мы начнем войну тотчас же!

– Но дожди...

– Мы придем в Киото мокрыми. Горячими, потными и мокрыми. Внезапность, скорость, отвага и время выигрывают войны, так? Ябу-сан был прав. Ружья проложат нам путь через горы.

В течение часа они обсуждали возможный ход крупной кампании в сезон дождей – неслыханная вещь в военной стратегии. Потом Торанага отпустил всех, за исключением Марико, приказав Наге привести к нему Андзин-сана. Он проводил своих советников внимательным взглядом. Внешне все были воодушевлены, раз уж решение объявлено. Особенно Нага и Бунтаро. Только Оми оставался сдержанным и задумчивым. Торанага не уделил особого внимания Игураси, зная, что старый вояка исполнит все, что прикажет Ябу, потому он отпустил Ябу восвояси – как залог, ненадежный, разумеется, но залог. «Оми – единственный, кто чего-то стоит, – подумал он. – Любопытно, сообразил ли он уже, что я собираюсь делать?»

– Марико-сан, узнайте потихоньку, сколько стоит контракт куртизанки.

Она прищурилась:

– Кику-сан, господин?

– Да.

– Прямо сейчас, господин?

– Хорошо бы сегодня вечером. – Он ласково поглядел на нее. – Это не для меня – для одного из моих командиров. Может быть.

– Я полагаю, цена может зависеть от того, кто это будет.

– Я тоже так думаю. Но установите цену. Госпожа, конечно, имеет право отказаться, если пожелает, когда будет названо имя самурая. Однако передайте мама-сан, ее хозяйке, что я уверен: госпоже хватит воспитания по достоинству оценить мой выбор. Скажите также хозяйке, что Кику сойдет за госпожу первого класса в Мисиме, но не в Эдо, Осаке или Киото, поэтому, надеюсь, мне придется платить по ценам Мисимы, а не Эдо или Осаки.

– Да, господин, конечно.

Торанага двинул плечом, чтобы облегчить боль, и поправил мечи.

– Может быть, сделать вам массаж, господин? Или прислать Суво?

– Нет, спасибо. Я позову Суво позднее. – Торанага встал, с большим удовольствием облегчился, потом снова сел. На нем были короткое легкое шелковое кимоно с голубым рисунком и простые соломенные сандалии. Его голубой веер украшал узор из крестиков.

Солнце стояло низко, небо заволкли дождевые облака.

– Как прекрасно жить! – изрек он с удовольствием. – Я почти слышу, как дождь готовится родиться.

– Да, – согласилась она.

Торанага задумался на миг и прочитал стихотворение:

– Небо,
Опаленное солнцем,
Обильными плачет слезами.

Марико послушно переключилась на популярную среди самураев игру в стихосложение, переставляя слова произнесенных им стихов, переиначивая их, заменяя и придавая им другой смысл. Через минуту она ответила:

– Но лес,
Истерзанный ветром,
Мертвыми плачет листьями.

– Хорошо сказано! Да, очень хорошо сказано! – Торанага окинул ее довольным взглядом, радуясь тому, что увидел.

Она явилась на совет в бледно-зеленом кимоно с узорами в виде стеблей бамбука, темно-зеленом оби и держала в руках оранжевый зонтик от солнца. Чудесный свет исходил от ее иссиня-черных волос, собранных высоко под широкополой шляпой. Он вспомнил с томлением, как все они – даже сам Города – желали ее, тринадцатилетнюю, когда Акэти Дзинсай впервые представил свою старшую дочь ко двору. И как Накамура просил ее у Городы, а тот лишь посмеялся – прилюдно обозвал будущего тайко похотливой мартышкой и сказал ему: «Рвись в бой, крестьянин, а не в благородные щели!» Акэти Дзинсай открыто презирал Накамуру, который соперничал с ним за расположение Городы. Оттого-то Накамура с особенным наслаждением сокрушил врага. И находил удовольствие в том, чтобы наблюдать злоклучения Бунтаро, которому Города отдал девушку для упрочения своего союза с Тодой Хиромацу. «Хотел бы я знать, – мелькнула игривая мысль в уме Торанаги, – хотел бы я знать, станет ли она одной из моих наложниц, если Бунтаро погибнет?» Торанага всегда предпочитал опытных женщин, вдов или разведенных жен, особенно не прельщаясь ни красотой, ни умом, ни молодостью, ни благородным происхождением: от них одни неприятности, больше времени тратишь на ухаживания.

Он усмехнулся про себя: «Я бы и не взял ее, потому что она соединяет в себе все, чего я не ищу в наложницах. Разве что возраст подходящий».

– Господин? – спросила она.

– Я задумался над вашими стихами, Марико-сан, – пояснил он более чем вежливо. Потом продолжил:

– Почему так холодно?

Лето,

Увы, прошло, и осень

Наступает в своем блеске.

Она подхватила:

– Если б я могла использовать слова,

Похожие на падающие листья,

Что за костер

Стихи мои создали б!

Он засмеялся и отвесил поклон с шутливым смирением:

– Победа за вами, Марико-сама. Что вас порадует? Веер? Или шарф – повязывать волосы?

– Благодарю вас, господин, – ответила она. – Все, что доставит радость вам.

– Десять тысяч коку в год для вашего сына.

– О, господин, мы не заслужили такого благодеяния!

– Вы победили. Победа и верность долгу должны вознаграждаться. Сколько лет теперь Сарудзи?

– Пятнадцать. Почти пятнадцать.

– Ах да! Он был недавно помолвлен с одной из внучек господина Киямы, верно?

– Верно, господин. В одиннадцатом месяце прошлого года, месяце белых морозов. Он сейчас в Осаке с господином Киямой.

– Хорошо. Десять тысяч коку, с этого самого мгновения. Я пошлю распоряжение с завтрашней почтой. Но хватит стихов! Пожалуйста, выскажите мне свое мнение.

– Мое мнение, господин, что мы в безопасности, пока остаемся в ваших руках, как и земля в безопасности в ваших руках.

– Я хочу, чтобы вы были серьезны.

– О, я очень серьезна, господин. Я благодарю вас за милость, оказанную моему сыну. Все будет прекрасно. Я верю: что бы вы ни сделали, все будет прекрасно. Клянусь Мадонной, что верю в это.

– Хорошо. Но все-таки я намерен услышать ваше мнение.

Она тут же заговорила без опаски, как равная с равным:

– Во-первых, вам надо тайно склонить господина Дзатаки на вашу сторону. Я догадываюсь, что вы либо уже знаете, как это сделать, либо потихоньку вошли в сговор с вашим сводным братом и его «отступничество» – уловка, призванная в первую очередь одурачить Исидо. Далее: вам ни в коем случае нельзя нападать первым. Вы никогда этого не делали. Вы всегда учили терпению и нападали, только когда были уверены в победе. Объявление «малинового неба» – это еще одна ваша уловка. Теперь о времени. Мое мнение, что вам следует, как вы и собирались, объявив «малиновое небо», никогда к нему не приступать. Это приведет Исидо в смятение. Шпионы здесь и в Эдо сообщат ему о вашем замысле, и он рассеет свои силы, как стаю куропаток в плохую погоду, чтобы подготовиться к угрозе, которой нет. Тем временем вы за два месяца сплотите союзников, перетянете на свою сторону тех, кто примкнул к Исидо, и внесете разлад в ряды его сторонников, чего нужно добиться любыми средствами. И конечно, вы должны выманить Исидо из Осаки, из замка. Если вам не удастся этого сделать, он победит или, по крайней мере, вы потеряете сёгуна. Вы...

– Я изложил свое мнение на сей счет, – выкрикнул Торанага, уже не шутя. – Вы забываетесь!

Марико откликнулась беззаботно:

– Я сегодня вынуждена коснуться самого сокровенного, господин. Из-за заложников. Они – нож в вашем сердце.

– Что с ними?

– Пожалуйста, будьте терпеливы со мной, господин. Возможно, мне больше никогда не представится случай побеседовать с вами вот так. Андзин-сан называет это, как принято у англичан, «поговорить в открытую частным образом». У нас не будет другой подобной возможности. Я прошу вас извинить меня за плохие манеры. – Марико напряглась, но, сколь ни удивительно, продолжила разговор на равных: – Мое искреннее мнение состоит в том, что Нага-сан прав. Вы должны стать сёгуном или не выполните своего долга перед страной и родом Миновара.

– Как осмеливаетесь вы говорить подобное!

Марико осталась совершенно безмятежной. Явный гнев собеседника совершенно не трогал ее.

– Я советовала бы вам жениться на госпоже Отибе. Пройдет еще восемь лет, прежде чем Яэмон достигнет совершеннолетия и сможет законным образом вступить в права наследства, – это вечность! Никто не знает, что может случиться за восемь месяцев, – что уж говорить о восьми годах!

– Все ваше семейство можно уничтожить за восемь дней!

– Да, господин. Но это ничего не даст вам. Нага-сан прав. Вы должны взять власть, чтобы потом передать ее. – С шутовской серьезностью она добавила, чуть дыша: – А теперь ваш верный советник должен совершить сэппуку или я могу сделать это позднее? – Она притворилась, что падает в обморок.

Торанага уставился на нее, ошарашенный невероятной наглостью, потом разразился хохотом и стукнул кулаком о землю. Когда способность говорить вернулась к нему, он выдохнул:

– Я никогда не пойму вас, Марико-сан.

– Ах нет, вы всегда меня понимаете, господин, – возразила она, вытирая пот со лба. – Вы так добры к вашим преданным вассалам, которые смешат вас. Выслушиваете их требования, разрешаете им говорить что вздумается. Простите меня за дерзость, пожалуйста.

– Почему я должен прощать? Почему? – улыбался Торанага, опять обретя добродушие.

– Из-за заложников, господин, – пояснила она просто.

– Ах, из-за них. – Он вдруг стал серьезным.

– Да. Я должна поехать в Осаку.

– Да, – ответил он, – я знаю.

Глава 38

Сопровождаемый Нагой, Блэкторн печально плелся вниз по склону холма по направлению к двум фигурам, сидящим на футонах посреди кольца из телохранителей. Дальше начинались подножия гор, устремленных в облачное небо. День был душный. Блэкторн мучился головной болью – итог напряжения последних дней, беспокойства за Марико и необходимости говорить только по-японски. Теперь он увидел Марико, и на душе у него стало спокойней.

Блэкторн много раз уже подходил к дому Оми в надежде повидать Марико или узнать о ее здоровье. Самураи всегда вежливо, но твердо отказывали ему. Оми сообщил ему как *томодати* (другу), что у нее все нормально.

– Не беспокойтесь, Андзин-сан. Вы понимаете?

– Да, – подтвердил он, понимая только, что не может ее видеть.

Потом его призвали к Торанаге. Блэкторн многое хотел сказать ему, но не смог из-за нехватки слов и только рассердил даймё. Фудзико несколько раз ходила повидать больную. Возвращаясь, она уверяла, что у Марико все прекрасно, добавляя свое неизменное: «*Симпай суруна* (не беспокойтесь), Андзин-сан. *Вакаримас?* (Вы поняли?)»

Бунтаро вел себя так, будто ничего не случилось. Встречаясь в течение дня, они обменивались вежливыми приветствиями. Время от времени Бунтаро пользовался баннным домиком капитана, но в остальном его, как и других самураев в Андзиро, ничто не связывало с Блэкторном: ни дружба, ни вражда.

С рассвета до сумерек Блэкторн занимался ускоренной подготовкой стрелков. Он должен был, подавляя недовольство, учить и учиться – осваивать чужой язык. К ночи им овладевало полное изнеможение. Жара, пот, дождь. И одиночество. Никогда он не чувствовал себя таким одиноким, таким инородным в этом чужом мире.

Потом, три дня назад, его настиг ужас...

На исходе долгого влажного дня он приехал домой усталый и сразу почувствовал беспокойство, охватившее весь его дом. Фудзико поздоровалась с ним очень нервно.

– *Нан дэс ка?*

Она ответила спокойно, обстоятельно, опустив глаза.

– *Вакаримасэн.* (Я не понял.) *Нан дэс ка?* – спросил он опять сердито – усталость делала его раздражительным.

Тогда она попросила его пройти с ней в сад, показала на карниз, но этот жест ему ни о чем не говорил. Последовало еще несколько слов и жестов, и наконец его осенило: она указывает на то место, где он повесил фазана.

– Ах, я и забыл о нем! *Ватаси...* – Он не смог вспомнить нужного слова и только устало пожал плечами: – *Вакаримас. Кидзи ка?* (Я понял. Фазан?)

Слуги глазели на него из дверей и окон, явно чем-то пораженные. Она опять заговорила. Блэкторн сосредоточился, но не уловил смысла.

– *Вакаримасэн* (я не понял), Фудзико-сан.

Она сделала глубокий вдох, потом неуверенно изобразила, как кто-то снимает фазана, уносит и закапывает его.

– *А! Вакаримас, Фудзико-сан. Вакаримас!* Это зашло так далеко? – спросил он. Не зная, как это сказать по-японски, он зажал нос и сморщился, как будто почуял страшное зловоние.

– *Хай, хай,* Андзин-сан. *Додзо гомэн насай, гомэн насай.* – Она издала жужжание, подражая мушиному рою, который пытались изобразить ее руки.

– *А, со дэс! Вакаримас.* – Прежде он сразу бы извинился. Если бы знал нужную фразу. Так и сказал бы: «Извините за причиненное неудобство». Теперь он пожал плечами, пытаясь унять боль в спине, и пробормотал: – *Сиката га най,* – желая ускользнуть от забот к блаженству ванны и массажа, единственным радостям, которые делали жизнь здесь сносной. – Дьявол с ним! – буркнул он по-английски, отворачиваясь. – Если бы я бывал здесь днем, спохватился бы раньше. К черту его!

– *Додзо,* Андзин-сан?

– *Сиката га най,* – повторил он громче.

– *А, со дэс, аригато годзаймасита.*

– *Дарэ тору дэс ка?* (Кто убрал его?)

– Ёки-я.

– О, этот старый мошенник! – (Ёки-я, садовник, добрый беззубый старик, заботливыми руками пестовал растения и делал сад таким красивым.) – *Иэ, моттэ куру* (хорошо, приводить) Ёки-я.

Фудзико покачала головой. Ее лицо стало белым как мел.

– Ёки-я *синда дэс, синда дэс* (умер, умер)! – прошептала она.

– *Га синдато? Дон ёни? Доситэ? Доситэ синданода?* (Умер? Как? Почему? Как он умер?)

Она указала на то место, где висел фазан, и произнесла много мягких непонятных слов. Потом жестами изобразила удар меча.

– Боже мой! Вы приговорили старика к смерти из-за богом проклятого, вонючего фазана?

Все слуги сразу же бросились в сад и упали на колени. Даже дети повара уткнулись лбами в землю.

– Какого черта? Что здесь происходит? – бушевал Блэкторн.

Фудзико стоически ждала, пока не собралась вся челядь, потом тоже встала на колени и поклонилась, но как самурай – не как крестьянка.

– *Гомэн насай, додзо гомэн на...*

– Чума на твои *гомэн насай!* Какое право ты имела так поступить? А? – И он начал грубо ее отчитывать: – Почему, ради бога, ты не спросила сначала меня? А?

Блэкторн старался совладать с собой, сознавая, что всем известно: закон разрешает ему изрубить в капусту Фудзико и всех прочих прямо здесь, в саду, за причинение беспокойства или вовсе без всякой причины, и даже сам Торанага не сможет вмешаться, ведь он, Блэкторн, в своем доме.

Он увидел, как ребенок дрожит от ужаса.

– Боже мой на небесах, дай мне силы... – Он схватился за столб, чтобы успокоиться. – Это не ваша вина, – выдохнул Блэкторн, не понимая, что говорит по-английски. – Это ее вина! Это твоя вина! Ты – убийца, сука!

Фудзико медленно подняла глаза. Увидела указующий перст и ненависть на его лице и шепотом отдала приказ своей служанке Нигацу.

Нигацу покачала головой, умоляя хозяйку о чем-то.

– *Има!*

Служанка убежала и вернулась с длинным мечом. Слезы струились по ее лицу. Фудзико взяла меч двумя руками и подала его Блэкторну. Она что-то лепетала, и, хотя капитан не понимал всех слов, он знал, что она говорит: «Я виновата, пожалуйста, возьми мою жизнь, потому что я огорчила тебя».

– *Иэ!* – Он схватил меч и отбросил его в сторону. – Думаешь, это вернет Ёки-я к жизни?

Потом до него внезапно дошло, что он наделал и что творит сейчас. «О боже мой...»

Блэкторн бежал от них. В отчаянии он направился к скале над деревней около храма ками, сбоку от древнего огромного кипариса, и заплакал.

Он плакал, потому что безвинно погиб хороший человек и убил его он, Блэкторн.

«Боже мой, прости меня! Я виноват, не Фудзико. Я убил его. Я приказал, чтобы никто не трогал фазана, кроме меня. Я спросил ее, все ли поняли, и она сказала, что да. Я отдал приказ шутя, но теперь это не имеет значения. Я отдал приказ, зная их законы и обычаи. Старик нарушил мое глупое распоряжение. Что еще могла сделать Фудзико-сан? Я виноват».

Наконец слезы иссякли. Наступила глубокая ночь, и он вернулся в свой дом.

Фудзико, как всегда, ждала его, но на сей раз одна. На коленях у нее лежал меч, который она опять предложила Блэкторну:

– *Додзо*, Андзин-сан.

– *Иэ*, – буркнул он, принимая меч, как и полагалось. – *Иэ*, Фудзико-сан. *Сиката га най, нэ?* Карма, *нэ?* – Извиняясь, он тронул ее плечо. Блэкторн знал, что она вынуждена терпеливо сносить самые большие его глупости.

Фудзико заплакала.

– *Аригато, аригато го... годзаймасита*, Андзин-сан, – произнесла она, совершенно убитая, – *гомэн насай*.

Он готов был отдать ей свое сердце.

...И теперь Блэкторн подумал с глубокой печалью: «Да, это так, но это тебя не извиняет и не покончит с ее унижением, как и не вернет Ёки-я к жизни. Ты виноват. Должен был предусмотреть...»

– Андзин-сан! – окликнул его Нага.

– Да, Нага-сан? – Он отвлекся от тяжелых дум и оглянулся на юношу, шедшего рядом. – Извините, вы что-то сказали?

– Я сказал, что надеюсь стать вашим другом.

– Благодарю вас.

– Да, и, может быть, вы... – Далее следовал набор слов, которых Блэкторн не понял.

– Простите?

– Учить, так? Понимаете? Учить! Рассказывать о мире.

– Ах да! Извините. Так чему учить?

– Рассказывать про другие страны – заморские страны. Мир, так?

– Теперь понял. Да, попробую.

Они уже подошли к живому кольцу.

– Начнем завтра, Андзин-сан. Друзья, да?

– Да, Нага-сан. Попробуем.

– Хорошо. – Очень довольный, Нага кивнул и, приказав самураям пропустить капитана, сделал Блэкторну знак идти дальше одному. Тот повиновался, чувствуя себя очень одиноким в кругу людей.

– *Охаё* (добрый день), Торанага-сама. *Охаё*, Марико-сан, – сказал он, присоединяясь к ним.

– *Охаё*, Андзин-сан, *додзо сувари* (пожалуйста, садитесь).

Марико улыбнулась ему:

– *Охаё*, Андзин-сан. *Икага дэс ка?*

– *Ё, домо.* – Блэкторн задержал на ней взгляд. Он был очень рад вновь увидеть Марико. – Твое присутствие наполняет меня радостью, большой радостью, – признался он на латыни.

– И твое – меня. Я так рада видеть тебя. Но на тебе какая-то тень. В чем дело?

– *Нан дзя?* – встрял Торанага.

Она передала ему весь диалог. Торанага хмыкнул, потом отпустил реплику.

– Мой господин говорит, вы выглядите озабоченным, Андзин-сан. Я должна согласиться с ним. Он спрашивает, что вас беспокоит.

– Ничего. *Домо*, Торанага-сама. *Нани мо.*

– *Нан дзя?* – настаивал Торанага. – *Нан дзя?*

Блэкторн послушался.

– *Ёки-я*, – выдохнул он беспомощно, – *хай*, *Ёки-я*.

– *А, со дэс!* – Торанага долго что-то втолковывал Марико.

– Мой господин говорит, что нет нужды печалиться о старом садовнике. Он просит сказать вам, что все совершилось законным порядком. Старый садовник полностью сознавал, что делал.

– Я не понимаю.

– Да, вам, должно быть, очень трудно, но, видите ли, Андзин-сан, фазан сгнил на солнце. Собралось ужасно много мух. Под угрозой оказалось ваше здоровье, здоровье вашей наложницы и всех остальных, кто был в доме. А также, извините, последовали жалобы, очень деликатные, от домоправителя Оми-сана и других. Одно из самых важных правил состоит в том, что отдельный человек никогда не должен нарушать общую гармонию, помните? Так что нужно было что-то делать. Вы понимаете, разложение, запах тления выводит нас из себя. Для нас это самый плохой запах в мире, извините меня. Я пыталась вам объяснить. Видите ли, это одна из вещей, которая всех нас немного сводит с ума. Ваш слуга...

– Почему никто не обратился ко мне? Не сказал? – растерялся Блэкторн. – Фазан для меня ничего не значил.

– А что было говорить? Вы отдали приказ. Вы глава дома. Они не знали ваших порядков. Что им оставалось делать, кроме как разрешить затруднение по-своему? – Она перевела Торанаге слова Блэкторна, потом снова повернулась к капитану. – Это расстроило вас? Вы хотите, чтобы я продолжала?

– Да, пожалуйста, Марико-сан.

– Вы уверены?

– Да.

– Хорошо. Потом ваш главный слуга, этот маленький кривоzubый повар, собрал всех слуг, Андзин-сан. Попросили присутствовать Муру как старосту деревни. Решили, что обращаться за помощью к деревенским *эта* не станут. Это было чисто домашнее затруднение. Один из слуг хотел снять птицу и закопать, хотя вы дали строгий приказ ее не трогать. Ваша наложница, понятное дело, должна была следить, чтобы выполнялись все ваши приказы. Старый садовник спросил, позволят ли ему убрать фазана. Последнее время он днем и ночью сильно страдал от болей в животе, работа утомляла его и стала не в радость. Третий помощник повара тоже предлагал свои услуги, говоря, что он очень молод и глуп, а значит, его жизнь ничего не стоит. Наконец старому садовнику оказали честь. Это действительно большая честь, Андзин-сан. Все раскланялись друг с другом, и он с радостью унес фазана и закопал его, чем доставил всем большое облегчение. Вернувшись, он прямо пошел к Фудзико-сан и рассказал ей, что нарушил ваш запрет. Она поблагодарила его и велела ждать, а

сама пошла ко мне за советом. Все дело совершилось законным порядком и требовало законного разбирательства. Я сказала Фудзико-сан, что не знаю, как ей следует поступить, Андзин-сан. Я спросила Бунтаро-сана, но он тоже не знал. Все было очень сложно из-за вас. Тогда он обратился к господину Торанаге. Господин Торанага сам увиделся с вашей наложницей. – Марико повернулась к Торанаге и объяснила, до какого места добралась в этой истории, поскольку он просил держать его в курсе рассказа.

Торанага быстро заговорил. Блэкторн наблюдал за ними – миниатюрной, очаровательной, любезной женщиной и мужчиной, плотным, глыбообразным, с большим брюхом. Торанага при разговоре не жестикулировал, как большинство людей, левая его рука неподвижно лежала на бедре, правую он всегда держал на рукоятке меча.

– *Хай*, Торанага-сама, *хай*. – Марико взглянула на Блэкторна и продолжила, как было велено: – Наш господин просит меня объяснить, что если бы вы были японцем, то никаких трудностей не возникло бы, Андзин-сан. Старый садовник просто пошел бы и сделал это, чтобы получить избавление. Но, извините меня, вы чужеземец, хотя господин Торанага и сделал вас своим хатамото – одним из личных вассалов. Нужно было решить, являетесь ли вы самураем или нет. Я имею честь сказать вам, что вы произведены в самураи и с этого дня имеете все права самурая. Поэтому все разрешилось очень легко. Было совершено преступление. Ваш приказ умышленно нарушили. Закон предусматривает только один исход. – Она сделалась особенно серьезной. – Но господин Торанага знал о вашем особом неприятии убийства, поэтому, чтобы избавить вас от огорчения, он лично приказал одному из своих самураев отправить старого садовника в «великую пустоту».

– Но почему никто не спросил меня? Этот фазан для меня ничего не значил.

– Фазан здесь ни при чем, Андзин-сан, – объяснила она. – Вы глава дома. Закон гласит, что никто из людей, принадлежащих к вашему дому, не вправе слушаться вас. Старый садовник умышленно нарушил закон. Весь мир распадется на кусочки, если люди позволят себе попирать закон. Ваш...

Торанага прервал ее и разразился долгой речью. Она слушала, отвечала на вопросы, потом он сделал ей знак продолжать.

– *Хай*. Господин Торанага попросил меня заверить вас, что он лично проследил за тем, чтобы старый садовник умер быстро, безболезненно и с почетом, как того заслуживал. Господин Торанага даже дал самураю свой собственный, очень острый меч. И мне следует упомянуть, что старый садовник был очень горд: в такие тяжелые для него дни он сумел послужить вашему дому, Андзин-сан, и, прежде всего, помог установить ваш статус самурая. Больше всего он гордился оказанной ему честью. Мы не используем общественных палачей, Андзин-сан. Господин Торанага хочет, чтобы вы поняли это.

– Спасибо, Мариико-сан. Благодарю вас за разъяснения. – Блэкторн повернулся к Торанаге и поклонился ему самым уважительным образом. – *Домо*, Торанага-сама, *домо аригато. Вакаримас. Домо*.

Торанага, довольный, поклонился в ответ:

– *Иэ*, Андзин-сан. *Симпай суру монодзя, нэ? Сиката га най, нэ?* (Хорошо, теперь вы довольны, да? Что еще можно сделать?)

– *Нани мо*. (Ничего.)

Блэкторн отвечал на вопросы Торанаги о стрелковой подготовке, но ничего из того, о чем они говорили, его не трогало. Голова шла кругом. Он оскорбил Фудзико перед всеми слугами, хотя она сделала только то, что принято делать.

«Фудзико не виновата. Никто не виноват. Кроме меня.

Я не могу изменить того, что сделано. Ни в отношении Ёки-я, ни в отношении нее. Никого из них.

Как мне жить дальше с таким стыдом?»

Он сидел скрестив ноги перед Торанагой, легкий ветер с моря трепал полы его кимоно, как всегда, из-за пояса его торчали рукояти мечей. Он уныло слушал и отвечал, все было ему безразлично.

– Скоро война, – сказала она.

– Когда? – спросил он.

– Очень скоро. Вам придется поехать со мной. Вы будете сопровождать меня часть пути, Андзин-сан, потому что я собираюсь в Осаку, а вы отправитесь в Эдо по суше, чтобы приготовить ваш корабль к войне...

Вдруг наступила совершенная тишина.

Земля задрожала.

Он почувствовал, что легкие сейчас лопнут, каждая клеточка его существа возопила от ужаса. Он пытался встать, но не мог и видел, что все самураи тоже совершенно беспомощны. Торанага и Марико отчаянно цеплялись за землю руками и ногами. Невообразимый катастрофический грохот исходил от земли и неба. Он окружил их, заполнил пространство, все нарастая и нарастая до тех пор, пока барабанные перепонки чуть не лопнули. Они стали частью этого безумия. На миг оно прекратилось, но затем толчки возобновились. Он почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота, недоумевающий мозг кричал, ведь вокруг простиралась безопасная земная твердь, а не море, способное обрушиться на тебя в любой миг. Он сплюнул, надеясь избавиться от мерзкого привкуса, уцепился за дрожащую землю, снова и снова подавляя рвотные позывы.

Севернее лавина камней стронулась с горы и скатилась в долину, добавив грохоту. Часть лагеря самураев исчезла. Блэкторн пытался передвигаться на карачках, Торанага и Марико делали то же самое. Он понимал, что кричит, но ни с его, ни с чьих губ, казалось, не сорвалось ни звука.

Дрожь прекратилась.

Земля опять стала твердью, какой была прежде, какой ей и полагалось быть. Руки, ноги, все тело его непроизвольно тряслись.

Но потом земля вновь застонала. Началась вторая волна землетрясения. Она была сильнее. На дальнем конце плато земля раздалась. Трещина, расширяясь, поползла в их сторону с невероятной скоростью, прошла в пяти шагах от них и устремилась дальше. Не веря своим глазам, он смотрел, как Торанага и Марико качаются на краю расщелины, где земле полагалось быть твердой. Как в ночном кошмаре, он видел Торанагу возле самой бездны, даймё уже проваливался в нее. Блэкторн вышел из ступора, кинулся вперед. Правой рукой он ухватил за пояс Торанагу, земля в это время дрожала, как лист на ветру.

Трещина – двадцать шагов в глубину, десять в ширину – грозила гибелью. Грязь и камни сыпались в нее, увлекая за собой людей.

Блэкторн искал опору для рук и ног, отчаянно пытаясь помочь Торанаге. Все еще оглушенный, Торанага упирался пальцами ног в стенку и наполовину выполз, наполовину был вытащен Блэкторном. Задыхаясь, они наконец упали на безопасное место.

В это мгновение произошел новый толчок.

Земля опять раскололась. Мариико закричала. Она пыталась выкарабкаться, но эта новая трещина поглотила ее. Блэкторн в отчаянии подполз к самому краю, последующие толчки сбили его с ног. Он заглянул вниз. Она тряслась от страха на выступе в нескольких футах ниже, земля качалась, небо опустилось еще ниже. Расщелина достигала тридцати шагов в глубину, десяти в ширину. Узкий карниз под ним крошился. Он соскользнул вниз, грязь и камни почти ослепили его. Блэкторн схватил Мариико, стараясь втащить ее на более безопасный выступ. Они вдвоем силились сохранить равновесие. Новый толчок. Выступ под ними почти обрушился, они уже падали. Но тут железная рука Торанаги схватила капитана за пояс, не дав им сползти в этот ад.

– Ради Бога!.. – кричал Блэкторн.

Его руки почти вырывались из суставов, так крепко он держал Мариико, тщаь найти опору для ног и свободной руки. Торанага не ослаблял хватки, пока они снова не оказались на узком уступе, тут пояс не выдержал и лопнул. Секундный перерыв в толчках позволил Блэкторну затащить Мариико на уступ, все это время на них сыпались комья земли. Торанага выскочил на прочный массив, крича, чтобы они поторопились. Бездна угрожала им, ее края начали сходиться. Блэкторн и Мариико все еще находились в провале. Торанага больше ничем не мог помочь. Ужас придал Блэкторну нечеловеческие силы, и он как-то умудрился вырвать Мариико из могилы, вытолкнуть ее наверх. Торанага схватил ее за запястье и втащил на свой выступ. Блэкторн выкарабкался за ней, но пошатнулся, когда под ним обрушилась опора. Дальняя стена трещины угрожающе приближалась. Летели камни и песок. На какой-то миг капитан решил, что погиб, потом вырвался и наполовину выполз из земляной утробы. Он упал на сотрясающемся краю обрыва, не в силах отползти, легкие усиленно хватали воздух, ноги еще свисали в пропасть. Трещина смыкалась. Потом сближение краев прекратилось, когда ширина ее уменьшилась до шести шагов, а глубина – до восьми.

Грохот стих. Земля опять обрела неподвижность. Наступила тишина.

Они стояли на четвереньках и беспомощно ждали, что этот ужас начнется снова. Блэкторн, обливаясь потом, попробовал встать.

– *Иэ*. – Торанага сделал ему знак оставаться в прежней позе. Лицо даймё было в грязи, на виске, которым он ударился о скалу, виднелась глубокая рана.

Все тяжело дышали, грудь вздымалась, во рту скопилась желчь. Охрана приходила в себя. Некоторые самураи побежали в сторону Торанаги.

– *Иэ!* – прокричал он. – *Матэ!* (Ждать!)

Они повиновались и опять опустились на четвереньки. Казалось, ожиданию не будет конца. Но вот на дереве загомонила какая-то птица и наполнила воздух своими криками. Ее поддержала другая. Блэкторн потряс головой, чтобы пот не заливал глаза. Он увидел, что ногти, которые он вонзал в землю, поломаны, из-под них сочится кровь. Потом заметил в траве муравья, еще одного. И еще. Насекомые начали искать пищу.

Все еще напуганный, он сел на пятки:

– Когда это кончится?

Марико не ответила. Она была заморожена пропастью. Блэкторн потряс ее:

– С вами все нормально?

– Да-да, – прохрипела она, едва дыша.

Ее лицо и одежда были в грязи. Кимоно изорвалось. Сандалий и одного носка не было. И зонтика. Он помог ей отойти от края расщелины. Она все еще не могла говорить.

После этого он поглядел на Торанагу:

– *Укага дэс ка?*

Торанага будто онемел, его грудная клетка судорожно поднималась и опускалась, руки и ноги были в кровоточащих царапинах. Он вытянул руку, указывая: трещина, которая чуть не поглотила его, стала узкой канавкой в почве. На севере она снова расходилась до ширины оврага, но была уже не так широка, как раньше, и гораздо менее глубока.

Блэкторн пожал плечами:

– Карма.

Торанага встал, шумно прочистил горло, а затем поток проклятий огласил окрестности. Неистово ругаясь и гримасничая, Торанага бегал вдоль канавки. Он размахивал руками, вопил, плевался, совершая

неописуемые прыжки. И хотя Блэкторн многого не понимал, даймё явно выкрикивал:

– Чума на вашу карму, чума на землетрясение, чума на эту дыру! Я потерял свои мечи, и дьявол с ними!

Трагикомизм ситуации потряс Блэкторна, а нелепый вид Торанаги окончательно добил его. Блэкторн разразился хохотом, он наконец осознал, что остался в живых. Глядя на него, засмеялись Торанага и Марико.

Торанага знаком приказал Блэкторну приблизиться и пошел к расщелине, спуская на ходу набедренную повязку. Смех снова разобрал его. Блэкторн тоже приспустил набедренную повязку, и они вдвоем попытались помочиться в трещину. Но ничего не получилось, не пролилось ни капельки. Они очень старались, и это их еще больше развеселило. Наконец они преуспели, и Блэкторн, собираясь с силами, присел, опираясь на руки. Немного оправившись, он повернулся к Марико:

– Это землетрясение – хороший знак, Марико-сан?

– До следующего удара – да. – Она продолжала счищать грязь с рук и кимоно.

– Это всегда так бывает?

– Нет. Иногда оно бывает еле заметным – просто легкий толчок. Порой толчки следуют один за другим или повторяются через несколько часов или дней. Иной раз все ограничивается одним толчком. Вы никогда не знаете наперед, Андзин-сан. Это карма.

Охрана с каменными лицами, не трогаясь с места, следила за ними – ждала приказа Торанаги. На северной стороне холма, там, где стояли односкатные лагерные временки, бушевал пожар. Самураи боролись с огнем и раскапывали каменную осыпь, ища погребенных под ней. На восточной стороне у дальнего конца трещины топтались Ябу, Оми и Бунтаро со своими людьми, невредимые, если не считать ушибов, и тоже ждали приказаний. Игураси исчез – его поглотила земля.

Блэкторн задумался. Приступ самоуничтожения прошел, и он чувствовал себя довольным и счастливым. Он пытался сосредоточиться на своем самурайстве, поездке в Эдо, «Эразме», войне, черном корабле, снова возвращался к самурайству. Мысли перескакивали с одного на другое. Он взглянул на Торанагу, и ему захотелось задать даймё тысячу вопросов, но тот столь очевидно ушел

в свои думы, что отвлекать его было бы невежливо. Капитан с удовольствием подумал, что для этого еще представится достаточно времени, и посмотрел на Марико. Она приводила в порядок лицо и волосы. Блэкторн деликатно отвернулся, распростерся на земле и стал смотреть в небо. Земля согрела ему спину, он мог спокойно ждать.

Торанага заговорил с ним, на сей раз серьезно:

– *Домо*, Андзин-сан, нэ? *Домо*.

– *Додзо* (пожалуйста), Торанага-сама. *Нани мо. Хомбун, нэ?* (Ничего особенного. Это мой долг, да?) – Потом, не находя нужных слов и желая быть точным, Блэкторн сказал: – Марико-сан, не объясните ли вы мне? Кажется, я понимаю теперь, что вы и господин Торанага подразумеваете, когда говорите о карме и призываете не тревожиться попусту о том, что *есть*, что *существует*. Многое прояснилось. Я не знаю почему – может быть, потому, что я никогда не испытывал такого ужаса, может быть, это прочистило мне мозги, но, кажется, я кое-что понял. Например, старый садовник. Да, это моя ошибка, я на самом деле виноват и, конечно, сожалею, но это ошибка, а не сознательный выбор. Так уж случилось, и с этим ничего не поделаешь. Минуту назад мы все чуть не погибли. И все беспокойство и вся сердечная боль были напрасны, не так ли? Карма. Да, я понимаю теперь, что такое карма.

Она перевела это для Торанаги. Тот сказал:

– Чудесно, Андзин-сан. Карма – начало познания. Дальше идет терпение. Терпение – очень важное качество. Сильные люди терпеливы, Андзин-сан. Терпеть – значит обуздывать в себе семь чувств: ненависть, любовь, радость, беспокойство, гнев, огорчение, страх. Если вы не даете воли этим семи чувствам, вы *терпеливы* и скоро постигнете природу всех вещей, обретете гармонию с вечностью.

– Вы верите в это, Марико-сан?

– Да, еще как. Я также пытаюсь быть терпеливой, но это очень трудно.

– Согласен. Это тоже *ва*, ваша гармония, ваш покой, да?

– Да.

– Передайте ему мою искреннюю благодарность за то, что он сделал для старого садовника. Я уже благодарил, но не от всего сердца. Скажите ему это.

– В этом нет нужды, Андзин-сан. Он знал это до того, как вы стали... таким вежливым.

– Как он узнал?

– Я говорила вам, что он самый мудрый человек в мире.

Блэкторн ухмыльнулся.

– Вот, – порадовалась она, – вы опять кажетесь молодым, – и добавила по-латыни: – Ты опять стал самим собой, даже лучше, чем был прежде!

– А ты красивая, как всегда.

Ее глаза потеплели, и она отвела их от Торанаги. Блэкторн отметил ее осторожность. Он встал на ноги, посмотрел вниз, в извилистую глубину трещины, и вдруг спрыгнул в нее.

Марико вскочила, перепуганная, но Блэкторн быстро показался у поверхности. В руках у него был меч Фудзико. Ножны остались на месте, хотя и в грязи, пообитые, исцарапанные. Короткий меч бесследно исчез.

Капитан встал на колени перед Торанагой и предложил ему свой меч, как полагалось.

– *Додзо* (пожалуйста), Торанага-сама, – сказал он просто. – *Самурай кара самурай ни, нэ?* (От самурая самураю, так?)

– *Домо*, Андзин-сан. – Владыка Канто принял меч и засунул его за пояс. Потом с улыбкой наклонился вперед и сильно хлопнул Блэкторна по плечу: – *Томо, нэ?* (Друг, да?)

– *Домо*. – Блэкторн оглянулся назад. Его улыбка погасла. Облачко дыма плыло над склоном выше деревни. Он попросил у Торанаги разрешения уйти, чтобы узнать, все ли в порядке у Фудзико.

– Он говорит «да», Андзин-сан. И мы должны будем навестить его в крепости перед заходом солнца, чтобы вместе поужинать. Есть несколько вопросов, которые он хочет обсудить с вами.

Блэкторн возвратился в деревню. Она была разрушена, направление дороги изменилось до неузнаваемости, все полотно было раздроблено. Но лодки уцелели. Над тлеющими пожарищами тянулись дымки. Крестьяне таскали ведра с песком и водой. Он завернул за угол. Жилище Оми покосилось на одну сторону. На месте дома Блэкторна чернели обугленные головешки.

Глава 39

Фудзико была ранена. Нигацу, ее служанка, погибла. Первый же толчок обрушил несущие опоры дома, рассыпав по сторонам угли из кухонной жаровни. Фудзико и Нигацу придавило одним из упавших столбов, пламя превратило служанку в живой факел. Фудзико удалось выбраться из-под развалин. Погиб и один из детей повара, остальные отделались ушибами и вывихнутыми конечностями. Все пришли в неопиcуемый восторг при виде живого и невредимого Блэкторна.

Фудзико, которая была в полубреду, лежала на футоне около неповрежденной садовой ограды. Увидев, что Блэкторн жив и здоров, она чуть не расплакалась.

– Я благодарю Будду, что вы не пострадали, Андзин-сан, – едва смогла произнести бедняжка.

Все еще не отойдя от потрясения, она попыталась встать, но Блэкторн приказал ей не двигаться. Ее ноги и низ спины очень сильно пострадали от огня. Около нее уже хлопотал лекарь, накладывая на ожоги примочки, пропитанные чаем и настоями целебных трав, чтобы унять боль. Блэкторн заметил, как сосредоточен врачеватель, и подождал, пока тот не закончит работу, потом, отведя его в сторону, спросил:

– Фудзико-сан *до ка* (поправится)?

Лекарь пожал плечами:

– *Хай*. – Его губы снова раздвинулись, обнажая выступающие вперед зубы. – Карма, понимаете?

– *Хай*. – Блэкторн видел достаточно много обгоревших матросов, чтобы знать, как опасны сильные ожоги. Вздувшаяся пузырем кожа лопалась, оставляя открытые раны, которые почти всегда воспалялись, ибо нечем было остановить заражение. – Я не хочу, чтобы она умерла.

– *Додзо?*

Он повторил свои слова по-японски, и лекарь уверил его, что госпожа наверняка поправится – она молодая и сильная.

– *Сиката га най*, – изрек врачеватель и приказал служанкам следить, чтобы примочки не пересыхали, дал Блэкторну настой трав – смазать его царапины, сообщил, что скоро вернется, а потом поспешно отправился вверх по склону холма к покосившемуся дому Оми.

Блэкторн стоял у главных ворот, которые уцелели. Стрелы Бунтаро все еще торчали из левого столба. Он рассеянно потрогал дровки.

«Это карма, что она обгорела», – мелькнула печальная мысль.

Он вернулся к Фудзико и распорядился, чтобы принесли чая. Блэкторн напоил ее и держал за руку, пока она не заснула или сделала вид, что спит. Вокруг кипела работа, слуги собирали все, что можно было спасти, работали быстро, им помогали жители деревни. Все знали, что скоро должны пойти дожди. Четверо мужчин пытались поставить временный навес.

– *Додзо*, Андзин-сан. – Повар предложил ему свежего чая, пытаюсь стереть скорбь с лица – погибшая девочка была его любимицей.

– *Домо*, – ответил Блэкторн. – *Сумимасэн*. (Я очень сожалею.)

– *Аригато*, Андзин-сан. Карма, да?

Блэкторн кивнул, взял чашку и сделал вид, что не замечает горя повара, чтобы тот не стыдился его. Потом к ним на холм поднялся самурай и передал приглашение Торанаги, предложившего Блэкторну и Фудзико ночевать в крепости, пока их дом не отстроят заново. Прибыло два паланкина. Блэкторн заботливо устроил Фудзико в одном из них и отправил со служанками. Свой паланкин он отпустил, сказав, что скоро придет.

Начался дождь, но Блэкторн не обратил на него внимания. Он смотрел на сад, которым уже привык любоваться. Теперь это ухоженное место выглядело как после побоища. Маленький мостик был сломан, пруд стоял пустой, без воды, ручеек исчез.

– Не важно, – сказал он, ни к кому не обращаясь, – камни целы.

Ёки-я объяснял ему, что сад устраивают вокруг камней, без них он пустой – просто место произрастания.

Один из камней был угловатый, самого обычного вида, но Ёки-я с таким искусством расположил вокруг него цветы и травы, что на закате из скрытых в глубине валуна прожилок и кристаллов начинал литься красноватый свет. Долгому, внимательному взгляду открывался целый горный хребет с манящими долинами и глубокими озерами, а вдали – зеленеющий горизонт, на который надвигалась ночь.

Блэкторн дотронулся до камня.

– Я назову тебя Ёки-я-сама, – пообещал он.

Это обрадовало его, и он понял, что, будь Ёки-я жив, тот тоже порадовался бы. «И даже мертвый, он, может быть, знает, – подумал

Блэкторн. – Наверное, его Kami теперь где-то здесь». Синтоисты верили, что после смерти превратятся в Kami...

– Что такое Kami, Марико-сан?

– Этого не объяснить, Андзин-сан. Kami похож на дух, но это не дух, подобен душе, но это не душа. Может быть, это бесплотная сущность вещи или человека... Вы знаете, человек становится Kami после смерти, но дерево, камень или растение, картина тоже Kami. Они существуют между небом и землей, и навещают Землю богов, и покидают ее в одно и то же время.

– А синто? Что такое синто?

– Ах, это тоже невозможно объяснить. Синто похоже на религию, но это не религия. Сначала это не имело даже имени – всего тысячу лет назад мы называли это синто, путём Kami, чтобы отличать от Буккё, учения Будды. Но хотя синто неопределимо, оно – сущность Японии и японцев. Не имея ни теологии, ни божеств, ни верований, ни собственной этики, оно служит оправданием нашему существованию. Синто – это природный культ мифов и легенд, в которые никто не верит всем сердцем, но которые почитает каждый. Человек есть синто, если рожден японцем.

– И вы синто... так же как и христианка?

– О да, конечно.

...Блэкторн снова тронул валун:

– Пожалуйста, Kami Ёки-я, оставайся в моем саду.

Забыв о дожде, он стал всматриваться и увидел цветущие долины, спокойное озеро и зеленеющий горизонт, где собиралась темнота.

Какой-то шорох заставил его обернуться. Он поднял глаза. За ним наблюдал Оми, спокойно сидящий на корточках. Все еще шел дождь, и новое отглаженное кимоно Оми прикрывал дождевик из рисовой соломы, а вымытые волосы – широкая коническая шляпа из бамбука.

– Карма, Андзин-сан, – сказал он, указывая на тлеющие обломки.

– *Хай. Икага дэс ка?* – Блэкторн вытер дождевую влагу с лица.

– *Ёй.* – Оми показал на свой дом. – *Ватаси но юя ва хакайсарэ-тэ имасэн. Оцукай ни наримасэн-на?* (Моя баня не пострадала. Не хотите воспользоваться?)

– *А, со дэс! Домо, Оми-сан, хай, домо.* – Блэкторн с благодарностью последовал за Оми по извилистой тропинке в его садик. Слуги и

деревенские мастера под надзором Муры что-то приколачивали, пилили, ремонт шел вовсю. Центральные столбы снова были на местах, крышу почти восстановили.

Знаками и простейшими словами с большим терпением Оми объяснил, что его слуги вовремя успели погасить пожар.

– Через день-два, – сообщил он Блэкторну, – дом будет как новый, не стоит беспокоиться. На то, чтобы заново отстроить ваш, уйдет больше времени – неделя, Андзин-сан. Не беспокойтесь, Фудзико-сан – прекрасная хозяйка. Она оговорит с Мурой все расходы, и ваш дом будет лучше прежнего. Я слышал, она обгорела? Ну, это иногда бывает, но не тревожьтесь, наши лекари имеют большой опыт врачевания ожогов. Да, Андзин-сан, это было большое землетрясение, но все закончилось не так уж плохо. Рисовые поля почти не пострадали, и главные оросительные сооружения не повреждены. И лодки целы, а это очень важно. Осыпь погребла под собой сто пятьдесят самураев. Что касается деревни, неделя – и вы не заметите, что здесь произошло землетрясение. Погибло пять взрослых крестьян и несколько детей – всего ничего! Андзиро очень повезло, да? Я слышал, вы спасли Торанага-сама от смертельной опасности. Мы все благодарны вам, Андзин-сан. Очень. Если бы мы потеряли его... Господин Торанага сказал, что принял ваш меч. Вы счастливчик: это большая честь. Да. Ваша карма сильная, могучая. Мы вам очень благодарны. Слушайте, мы поговорим еще, после того как вы примете ванну. Я рад, что вы мой друг. – Оми позвал своих банщиков и распорядился: – *Исогу!* (Поторопитесь!)

Слуги проводили Блэкторна в баню, которая стояла в кленовой рощице и соединялась с домом красивым извилистым переходом, до пожара крытым. Баня была намного роскошней его собственной. В одной стене образовалась глубокая трещина, но крестьяне уже заделали ее. Крыша уцелела, хотя и подтекала в тех местах, где отвалилось несколько черепиц, но это не имело значения.

Блэкторн разделся и сел на скамью. Слуги намылили его и вымыли под дождем. Уже чистым он прошел внутрь и немедленно погрузился в исходящую паром ванну. Все его беды тут же отступили.

«С Фудзико все будет в порядке. Я удачливый человек: мне посчастливилось спасти Торанагу и Марико, а потом Торанаге удалось вызволить нас».

Волшебник Суво, как всегда, ублажил его, перевязал ушибы и порезы. Надев чистую набедренную повязку, кимоно и таби, оставленные для него, Блэкторн вышел. Дождь прекратился.

В углу сада возвели временную односкатную постройку со съемным полом, который был устлан чистыми футонами, здесь имелась даже небольшая ваза с цветочной композицией. Оми ждал его в компании беззубой старухи с жестким лицом.

– Пожалуйста, садитесь, Андзин-сан, – пригласил Оми.

– Благодарю и спасибо за одежду, – ответил он на своем запинаящемся японском.

– Пожалуйста, даже и не упоминайте об этом. Чего бы вам хотелось, чая или саке?

– Чая, – решил Блэкторн, подумав, что разговоры с Торанагой лучше вести на ясную голову. – Большое спасибо.

– Это моя мать, – церемонно представил Оми свою родительницу, которую он явно почитал.

Блэкторн поклонился. Старуха одарила его жеманной улыбкой.

– Это честь для нас, Андзин-сан, – прошамкала она.

– И еще бóльшая честь для меня, – ответил Блэкторн, соблюдая ритуал вежливости, которому его научила Марико.

– Андзин-сан, мы так переживали, когда увидели, что горит ваш дом.

– Что поделать? Это карма.

– Да, карма. – Старуха оглянулась и нахмурилась. – Поторопитесь! Андзин-сан хочет получить свой чай теплым!

При виде молодой женщины, сопровождавшей служанку с подносом, у Блэкторна перехватило дыхание. Потом он вспомнил ее. Не она ли беседовала с Оми, когда его, Блэкторна, вели через деревенскую площадь к галере?

– Это моя жена, – объявил Оми.

– Я польщен, – произнес Блэкторн, когда она опустилась рядом с ними на колени и отвесила поклон.

– Простите ее медлительность, – встряла мать Оми. – Чай достаточно теплый для вас?

– Спасибо, очень хорош. – Блэкторн заметил, что старуха избегает называть жену Оми по имени, как следовало бы. Потом вспомнил, что

Марико говорила ему о главенстве свекрови над невесткой в японском обществе, и уже не удивлялся...

– Слава Богу, что в Европе не так, – сказал он тогда Марико.

– Свекровь не сделает дурного. В конце концов, Андзин-сан, родители выбирают жену сыну, и разве отец может выбрать, не посоветовавшись с женой? Конечно, невестка должна повиноваться, и сын всегда послушен воле матери и отца.

– Всегда?

– Всегда.

– А что, если сын откажется?

– Это невозможно: все должны повиноваться главе дома. Первая обязанность сына – исполнять волю родителей. Ведь матери дают сыновьям все: жизнь, пищу, нежность, защиту. Они помогают им с самого рождения. И это правильно, если сын считается с желаниями матери. Невестка должна повиноваться. Это ее долг.

– У нас не так.

– Трудно быть хорошей невесткой, очень трудно. Тебя поддерживает надежда прожить достаточно долго, чтобы обзавестись множеством сыновей и самой стать свекровью.

– А ваша свекровь?

– Она умерла, Андзин-сан. Она умерла много лет назад. Я никогда не знала ее. Господин Хиромацу, будучи мудрым человеком, никогда больше не женился.

– Бунтаро-сан – единственный его сын?

– Да. У него пять сестер, но ни одного брата. Кстати, – пошутила она, – мы теперь родственники, Андзин-сан. Фудзико – племянница моего мужа. В чем дело, что вас так удивило?

– Я поражен, что вы никогда не упоминали об этом, только и всего.

– Это все очень запутанно, Андзин-сан.

Марико объяснила, что Фудзико – приемная дочь Нуматы Акинори, который женился на младшей сестре Бунтаро, и что настоящий отец Фудзико был внуком Городы по линии его восьмой наложницы, что Фудзико была удочерена Нуматой в детском возрасте по приказу тайко, который хотел теснее связать потомков Хиромацу и Городы.

– Как-как?

Марико рассмеялась и признала, что разобраться в узах родства, связывающих японцев, и впрямь весьма затруднительно, ибо

усыновление в порядке вещей, семьи нередко обмениваются детьми, супруги разводятся, снова вступают в брак. Когда мужчинам позволено иметь много законных наложниц и развод – особенно по приказу сюзерена – совершается легко, между семьями быстро возникают невероятно запутанные взаимосвязи.

– Чтобы разобраться в родственных связях между фамилией господина Торанаги и другими семействами, потребуется несколько дней, Андзин-сан. Только подумайте: в настоящее время он имеет семь законных наложниц, которые родили ему пятерых сыновей и трех дочерей. Некоторые из этих женщин, прежде чем стать его наложницами, состояли в браке, но овдовели или получили развод. У них имелись дети от предыдущих браков – некоторых Торанага усыновил, некоторых нет. В Японии не принято спрашивать, приемный ребенок или нет. Действительно, какое это имеет значение? Наследование всегда определяется волей главы дома, так что не важно, приемный сын или родной. Даже мать Торанаги прошла через развод, снова вышла замуж и родила еще троих сыновей и двух дочерей от второго мужа – все они теперь тоже состоят в браке. Ее старший сын от второго брака – господин Дзатаки, повелитель Синано.

Блэкторн задумался, потом сообщил:

– Развод для нас невозможен. Невозможен.

– Святые отцы говорят то же самое. Извините, но это неразумно, Андзин-сан. Случаются ошибки, люди меняются, это карма, да? Почему мужчина должен терпеть мерзкую жену или жена – неприятного мужа? Глупо связывать навеки мужчину и женщину, правда?

– Да.

– В этом мы мудрее святых отцов. Это одна из двух главных причин, почему тайко не принял христианства. Эта глупость с разводами и шестая заповедь: «Не убий». Отец-инспектор ездил в Рим, хлопотал о том, чтобы для Японии отменили правило о разводах. Но его святейшество папа ответил отказом. Если бы его святейшество дал согласие, я считаю, что тайко крестился бы, даймё приняли бы истинную веру и вся наша земля была бы христианской. Вопрос о шестой заповеди не представлял особенной важности, потому что на самом деле никто ее не соблюдает, по крайней мере христиане. Такая маленькая уступка, так ведь?

– Да, – согласился Блэкторн. Теперь развод казался ему очень разумным выходом. Почему же дома он признавался смертным грехом, который осуждали все христианские священники – и католические, и протестантские – от имени Бога?

– А какая была жена у Торанаги? – спросил он, желая вызвать ее на дальнейшую откровенность. Обычно она избегала говорить о Торанаге и его семейной истории, а Блэкторну важно было знать все.

По лицу Марико пробежала тень.

– Она умерла. Она была его второй женой и умерла десять или одиннадцать лет тому назад. Она приходилась сводной сестрой тайко. Господину Торанаге никогда не везло с женами, Андзин-сан.

– Почему?

– О, его вторая жена была старая, жадная. Безумно любила золото, хотя и притворялась, что оно ее не интересует, как и ее брата, тайко. Бесплодная, сварливая. Это был династический брак, конечно. В то время я состояла при ее дворе. Ничто не радовало ее, и никто из юношей или мужчин не мог распутать узел в ее «золотом павильоне».

– Что?

– Таранить ее «нефритовые ворота», Андзин-сан, своими «черепашьими головками»... своими «кипящими стеблями». Не понимаете? Ее... эту штуку.

– Ах да! Понимаю.

– Никто не мог распутать ее узел... удовлетворить ее.

– И даже Торанага?

– Он никогда не спал с ней, Андзин-сан, – пояснила она, крайне шокированная. – Конечно, после женитьбы ему ничего не оставалось, как отдать в ее распоряжение свой замок и слуг, ключи от сокровищницы – а как иначе? Она была очень стара, успела дважды выйти замуж, но ее брат, тайко, расстроил эти браки. Крайне неприятная женщина – все радовались, когда она ушла в «великую пустоту», даже тайко. Все ее невестки и все наложницы Торанаги потихоньку курили благовония в знак великой радости.

– А первая жена Торанаги?

– Ах, госпожа Татибана... Еще один политический брак. Когда они поженились, господину Торанаге было восемнадцать лет, ей – пятнадцать. Она превратилась в ужасную женщину. Двадцать лет назад Торанага вынужден был обречь ее на смерть, когда обнаружил, что она

готовит убийство их сюзерена, господина Города, которого она ненавидела. Отец часто говорил мне, что им всем – ему, Торанаге, Накамуре и другим военачальникам – чудом удалось сохранить голову на плечах, потому что Города был особенно подозрителен и жесток к ближайшим друзьям. Эта женщина могла погубить всех, даже непричастных к заговору. За козни Татибаны против господина Города поплатился жизнью ее единственный сын, Нобунага, Андзин-сан. Только подумайте: она погубила собственного сына! Это так печально, так ужасно. Бедный Нобунага – он был любимым сыном Торанаги и его законным наследником, смелый, беззаветно преданный. Он был невиновен, но она все-таки втянула его в свой заговор. Нобунаге исполнилось всего девятнадцать, когда отец приказал ему совершить сэппуку.

– Торанага не пощадил собственного сына? И свою жену?

– Да, он велел им сделать это, ибо не имел иного выбора, Андзин-сан. Поступи он иначе, господин Города справедливо решил бы, что Торанага тоже участвует в заговоре, и тут же вынудил бы его вспороть живот. О да, Торанага избежал гнева Города. Ему хватило мудрости приказать жене совершить сэппуку. Когда Татибана умерла, ее невестки и все наложницы Торанаги вздохнули с облегчением. Сын Татибаны вынужден был по ее приказу с позором отослать к родителям свою первую жену, которая будто бы проявила неуважение к свекрови, – после того как несчастная родила ему двух детей. И невестка Татибаны совершила сэппуку. Я говорила вам, что дамы, совершая сэппуку, перерезают себе горло, а не вскрывают живот, как мужчины? Но она пошла на смерть с радостью, довольная, что освобождается от мучений и горя, а следующая жена молила о смерти – свекровь и ее сделала несчастной.

...Сейчас, глядя на свекровь Мидори, которая шумно и неопратно прихлебывала чай, так что брызги летели на подбородок, Блэкторн знал, что старая ведьма имеет власть над жизнью и смертью Мидори, вольна развести ее с сыном, изгнать из его дома, если добьется согласия своего супруга, главы клана. И что бы они ни решили, Оми их послушается.

«Как ужасно!» – подумал он.

Насколько отвратительна была старуха, настолько грациозной и очаровательной казалась юная Мидори: изящный овал лица,

роскошные волосы, гибкая, как папоротник, и тонкая, как паутина. Красотой она превосходила Марико, но не обладала ее огнем и силой.

– А где закуски? Андзин-сан, должно быть, голоден, – брюзжала старуха.

– О, извините! – встрепенулась Мидори. – Сходи за ними сейчас же, – велела она служанке. – Поторопись! Простите, Андзин-сан!

– Простите, Андзин-сан, – повторила старуха.

– Пожалуйста, не извиняйтесь, – сказал Блэкторн Мидори и сразу же понял свою оплошность. Правила хорошего тона требовали обращаться только к свекрови, особенно если та имеет такую дьявольскую репутацию. – Извините, – буркнул он, – я не голоден. Сегодня вечером я приглашен на ужин к господину Торанаге.

– А, со дэс! Мы слышали, вы спасли ему жизнь. Вы должны знать, как вам благодарны все мы, его вассалы! – воскликнула старуха.

– Это был мой долг. Я не сделал ничего особенного.

– Вы совершили все возможное, Андзин-сан. Оми-сан и господин Ябу очень высоко ценят ваш поступок, и все мы – тоже.

Блэкторн заметил, что старуха покосилась на сына. «Хотел бы я засунуть тебя на сажень под воду, старая сука, – подумал он. – Ты такой же дьявол, как и та, другая, Татибана!»

Оми объявил:

– Мама, я счастлив иметь Андзин-сана своим другом.

– Мы все счастливы, – подхватила она.

– Нет, это я счастлив, – возразил Блэкторн, – счастлив найти таких друзей, как семейство Касиги Оми-сана.

«Мы все врем, – пришло в голову Блэкторну. – Но я не понимаю, зачем это делают они. Я лгу в целях самозащиты и потому, что так принято. Но я никогда не забуду... Подожди-ка! Если честно, разве это не карма? Ты бы не сделал того, что сделал Оми? Это случилось очень давно – в предыдущей жизни, не так ли? И сейчас уже не имеет значения».

Послышался цокот копыт – на холм поднимался отряд верховых во главе с Нагой. Юноша спешил и широкими шагами прошел в сад. Крестьяне сразу прекратили работу и повалились на колени. Нага велел им продолжать.

– Мне так неловко беспокоить вас, Оми-сан, но меня прислал господин Торанага.

– Пожалуйста, вы не беспокоили меня вовсе. Присоединяйтесь к нам! – предложил Оми.

Мидори сразу же подала гостю свою подушку, низко поклонившись:

– Не хотите ли чая или sake, Нага-сама?

Нага сел:

– Ничего не надо. Спасибо, я не хочу пить.

Оми вежливо уговаривал, подчиняясь ритуалу, хотя было очевидно, что Нага торопится.

– Как господин Торанага?

– Превосходно. Андзин-сан, вы оказали нам большую услугу. Я лично благодарю вас.

– Это был мой долг, Нага-сан. Но я мало что сделал. Это господин Торанага спас меня – вытащил из трещины.

– Да. Но это было после. Я очень вам благодарен.

– Нага-сан, могу ли я что-нибудь сделать для господина Торанаги? – спросил Оми. Правила этикета наконец позволили ему перейти к делу.

– Он хотел бы встретиться с вами сегодня после ужина. Будет совещание всех командиров.

– Я почту за честь.

– Андзин-сан, вы должны поехать со мной. Сейчас же, если вам это удобно.

– Конечно, для меня это большая честь.

Снова поклоны и приветствия, и вот Блэкторн на лошади, они легким галопом спускаются с холма. Когда кавалькада выехала на площадь, Нага придержал коня:

– Андзин-сан!

– *Хай?*

– Я от всего сердца благодарю вас за спасение господина Торанаги. Позвольте мне быть вашим другом... – Последовал поток слов, непонятных Блэкторну.

– Извините, я не понял. *Каритэ иру?*

– Ах, извините! *Каритэ иру* – один человек *каритэ иру* другому человеку – как долг. Вы понимаете?

«Обязан», – промелькнуло в голове Блэкторна.

– *А, со дэс! Вакаримас.*

- Хорошо. Я только сказал, что обязан вам.
- Это был мой долг, так ведь?
- Да. Но все равно, я обязан вам жизнью.

– Торанага-сама говорит, что весь порох и ядра для пушек были погружены обратно на ваш корабль, Андзин-сан, здесь, в Андзиро, перед его отправкой в Эдо. Он спрашивает вас, сколько времени потребуется, чтобы приготовить корабль к выходу в море?

– Это зависит от состояния судна: килевали его или нет, был ли за ним уход, заменили ли мачту и провели ли все остальные работы. Господин Торанага представляет, в каком оно состоянии?

– Ему показалось, что корабль в порядке, но он не моряк, так что не может сказать с уверенностью. Он не был на судне с тех пор, как его отбуксировали в Эдо. Он дал указания ухаживать за кораблем. Если считать, что корабль готов к плаванию, сколько времени потребуется, чтобы подготовить его к бою?

Сердце Блэкторна дрогнуло.

– С кем я должен воевать, Мариико-сан?

– Он спрашивает, с кем бы вы хотели воевать.

– Я хотел бы захватить черный корабль этого года! – выпалил Блэкторн по наитию, отчаянно надеясь, что настал самый подходящий момент выложить Торанаге план, который он, Блэкторн, тайно вынашивал много дней. Он рискнул, полагая, что случившееся утром дает ему некоторые привилегии и позволит выкрутиться, если он допустит грубую оплошность.

Мариико изумилась:

– Что?!

– Черный корабль. Скажите господину Торанаге, что от него требуется лишь разрешение. Остальное – моя забота. Имея корабль и незначительную поддержку... Мы поделим груз, все шелка и слитки.

Она засмеялась, Торанага – нет.

– Мой господин говорит, что это был бы непростительный враждебный акт, направленный против дружественной нации. Португальцы очень важны для Японии.

– Да, важны – пока. Я считаю, что они враги Японии, так же как и мои. Какие бы услуги они ни оказывали, мы справимся с этим лучше. И запросим меньше.

– Он говорит: «Может быть». Но не верит, что Китай будет торговать с вами. Ни англичане, ни голландцы пока не имеют веса в Азии, а мы нуждаемся в шелках сейчас, и они должны поступать бесперебойно.

– Он прав, конечно. Но через год или два положение дел изменится, и тогда он выгадает. Что ж, есть другое предложение. Я уже нахожусь в состоянии войны с португальцами. За пределами трехмильной границы начинаются ничейные воды. Каперское свидетельство позволяет мне на законных основаниях захватить черный корабль как приз, отогнать его в любой порт и продать вместе с грузом. Если мне вернут «Эразм» и мою команду, я проделаю это с легкостью. Через несколько недель или месяцев я доставлю черный корабль и все его содержимое в Эдо. Я могу продать его в Эдо. Половина стоимости отойдет господину Торанаге – как таможенный сбор.

– Он говорит, что происходящее между вами и вашими врагами на море его не касается. Море принадлежит всем. Но эта земля принадлежит нам, здесь действуют наши законы, и они не могут быть нарушены.

– Да. – Блэкторн знал, что играет с огнем, но интуиция подсказывала ему, что время выбрано удачно и Торанага заглоти наживку. – Это было только предложение. Он спросил меня, с кем бы я хотел воевать. Пожалуйста, простите меня, но иногда нелишне рассмотреть все возможности. Я считаю, что здесь наши интересы совпадают.

Марико перевела. Торанага хмыкнул и выдал короткую реплику.

– Господин Торанага ценит здравые предложения, Андзин-сан, вроде вашей идеи о военном флоте, но это последнее просто смешотворно. Даже если ваши интересы и совпали бы – чего нет на самом деле, – как могли бы вы с девятью моряками захватить огромный корабль, команда которого насчитывает почти тысячу человек?

– У меня и в мыслях такого нет. Я наберу новую команду, Марико-сан. Восемьдесят-девятью человек, опытных моряков и канониров. Я найду их в Нагасаки на португальских кораблях. – Блэкторн сделал вид, что не заметил ее вздоха и того, что она перестала обмахиваться веером. – Там наверняка отыщется несколько французов, пара англичан, а если повезет, немцы и голландцы. Мне необходимо

попасть в Нагасаки. Не помешает некоторая протекция и немного серебра или золота. На вражеском флоте всегда отыщутся люди, готовые переметнуться к вам за большой куш или долю в добыче.

– Мой господин говорит, что командир, способный довериться в бою таким отбросам, – сумасшедший.

Блэкторн кивнул:

– Согласен. Но я должен иметь команду, чтобы выйти в море.

– Он спрашивает, нельзя ли подготовить канониров и прочих членов команды из самураев и наших моряков?

– Можно. Но это займет месяцы. К следующему году они будут готовы наверняка. Однако в этом году черный корабль ускользнет у нас из-под носа.

– Господин Торанага заявляет, что не намерен нападать на португальский черный корабль ни в этом году, ни в следующем. Португальцы ему не враги, и он с ними не воюет.

– Знаю. Зато я воюю. Конечно, это только разговоры, но я все равно должен увеличить команду на несколько человек, чтобы выйти в море по приказу господина Торанаги.

Они сидели в личных покоях Торанаги, выходящих в сад. Землетрясение пощадило крепостные постройки. Ночь была влажная, душная, дым от курильницы ленивыми завитками поднимался вверх, отпугивая москитов.

– Мой господин хочет знать, – продолжала Марико, – если бы у вас был корабль и несколько моряков, которые прибыли с вами, могли бы вы пойти в Нагасаки, чтобы набрать еще людей, которые вам требуются?

– Нет, это было бы слишком опасно. Намного разумнее сначала набрать людей и доставить их в Эдо. Как только я пополню команду и вооружусь, враг ничего не сможет сделать со мной.

– Он не думает, что вы с командой в девяносто человек захватите черный корабль.

– На «Эразме» я смогу догнать и потопить португальцев. Конечно, Марико-сан, я понимаю, что все это предположения, но, если бы мне было позволено, я, собрав команду, сразу же отплыл бы с приливом в Нагасаки. Если бы черный корабль уже стоял в порту, я бы вывесил боевые флаги и перекрыл ему выход из гавани. Позволил бы закончить с торговлей, а потом, когда он, дождавшись попутного ветра,

отправился бы домой, притворился бы, что должен пополнить запасы, и выпустил бы черный корабль из порта. Я бы догнал его через несколько лиг, так как мой «Эразм» быстроходнее; мои пушки сделали бы остальное. Как только они спустили бы флаг, я бы высадил к ним на борт свою команду и привел их обратно в Эдо. На этом судне должно быть больше трех сотен золотых слитков.

– Но даже в случае вашей победы капитан успеет потопить свое судно, прежде чем ваши люди поднимутся на борт.

– Обычно... – Блэкторн собирался сказать: «Обычно команда восстает против капитана-фанатика, но я никогда не видел настолько безумного капитана. В большинстве случаев вы заключаете с капитаном сделку: обещаете небольшую долю, жизнь и безопасное плавание до ближайшего порта. Я столкнуюсь с Родригесом: его нрав мне известен, я могу предугадать его действия». Однако капитан счел за лучшее не выдавать весь план. – Обычно побежденный корабль сдается, Мариико-сан, – пояснил он. – Таков обычай, позволяющий избегать ненужных смертей.

– Господин Торанага говорит, – извините, Андзин-сан, – это отвратительный обычай. Если бы он располагал кораблями, их команды не сдавались бы в плен. – Мариико отпила немного чая, потом продолжала: – А если бы судно еще не пришло в порт?

– Тогда я прочесал бы основные морские пути, чтобы перехватить его в нескольких лигах, в ничейных водах. Тяжело нагруженную тихоходную посудину легче захватить, но гораздо труднее привести в Эдо. Когда ожидается прибытие черного корабля?

– Мой господин не знает. Возможно, в течение тридцати дней, говорит он. Корабль в этом году придет рано.

Блэкторн знал, что близок к цели, очень близок.

– Тогда нужно блокировать и захватить его в конце сезона.

Она перевела, и Блэкторну показалось, что на лице Торанаги промелькнуло разочарование. Капитан подождал, словно перебирая варианты, потом произнес:

– Если бы это была Европа, сгодился бы другой способ. Мы могли бы подплыть ночью и захватить его. Внезапная атака.

Торанага сжал рукоятку меча.

– Он говорит: «Вы осмелились бы воевать на нашей земле против ваших врагов?»

У Блэкторна пересохла губы.

– Нет. Это все предположения. Но если бы господин Торанага находился в состоянии войны с португальцами и хотел повредить им, подобное было бы вполне возможно. Имея на борту две-три сотни дисциплинированных солдат и хорошую команду, «Эразм» мог бы подойти к черному кораблю, взять его на абордаж и вывести в море. Я сумел бы выбрать время для внезапной атаки – если бы это была Европа.

Наступило длительное молчание.

– Господин Торанага говорит, это не Европа и он не воюет и не собирается воевать с Португалией.

– Конечно. Одна последняя подробность, Мариико-сан. Нагасаки не подчиняется господину Торанаге?

– Нет, Андзин-сан. Порт и окрестности принадлежат господину Хариме.

– Вот как! Разве не иезуиты управляют портом и всей торговлей? – Блэкторн отметил, что Мариико переводит неохотно, но продолжал настаивать: – Разве это не *хонто*, Мариико-сан? И разве господин Харима не католик? Разве остров Кюсю не вотчина католиков? И стало быть, разве не иезуиты – в некоторой мере – хозяйева острова?

– Христианство – религия. Даймё управляют своими землями, Андзин-сан, – возразила Мариико от себя.

– Но мне сказали, что на самом деле Нагасаки – португальская земля. Сказали, что португальцы распоряжаются там, как у себя дома. Разве отец господина Харимы не продал эту землю иезуитам?

Голос Мариико стал строже.

– Да. Но тайко забрал ее обратно. Ни одному чужестранцу не дозволено владеть нашей землей.

– Но разве тайко не приостановил действие своих эдиктов? Разве теперь там может что-то произойти без разрешения иезуитов? Разве не они контролируют все перевозки в Нагасаки? Разве не они ведут для вас всю торговлю, действуя в качестве посредников?

– Вы очень хорошо осведомлены о Нагасаки, Андзин-сан, – поддела она.

– Может быть, господину Торанаге следует подчинить порт своей власти? Может быть...

– Они ваши враги – не наши, Андзин-сан, – парировала она. – Иезуиты...

– *Нан дзя?*

Она с виноватым видом повернулась к Торанаге и перевела их пикировку, а когда закончила, даймё заговорил очень строго, явно пеняя ей за что-то.

Марико объяснила:

– Господин Торанага напоминает мне, что мое мнение несущественно и что переводчик должен только переводить. Пожалуйста, простите меня.

Прежде Блэкторн извинился бы за то, что подловил ее. Но сейчас это не пришло ему в голову. Однако, довольный тем, что добился своего, он рассмеялся:

– *Хай, кавай Цукку-сама!* (Да, милая госпожа переводчица!)

Марико криво улыбнулась, злясь, что позволила загнать себя в ловушку; ее сознание разрывалось между верностью религии и даймё.

– *Ёй*, Андзин-сан, – подхватил Торанага, уже более добродушно.

– *Марико-сан кавай дэсу Цукку-сан ёри таносий ка нори масэн, нэ?* (Марико-сан много красивее старого Цукку-сана, не так ли, и намного приятней?)

Торанага хохотнул:

– *Хай.*

Марико вспыхнула и налила чая, немного успокоившись. Потом Торанага заговорил серьезно.

– Мой господин спрашивает, почему вы задаете так много вопросов о господине Хариме и Нагасаки.

– Только чтобы показать, что порт Нагасаки на деле управляется чужестранцами. Португальцами. И по нашим законам я имею право атаковать врага в любом месте.

– Но это не «любое место», говорит он. Это Земля богов, и такое нападение немыслимо.

– Согласен всем сердцем. Но если господин Харима станет его врагом – или иезуиты, которые руководят португальцами, – это может послужить действенным способом борьбы с ними.

– Господин Торанага говорит, что ни он, ни другие даймё не позволят чужестранцам сражаться друг с другом на японской земле или убивать кого-либо из наших людей. Биться против врагов

императора – другое дело. Что касается солдат и команды, то человеку, говорящему по-японски, легко набрать любое их количество. На Кюсю много *вако*.

– Вако, Марико-сан?

– Ах, извините! Мы называем пиратов вако, Андзин-сан. У них много укрытий вокруг Кюсю. Тайко почти покончил с ними, но кое-кто уцелел, к сожалению. Вако наводили ужас на побережье Китая несколько столетий. Это из-за них Китай закрыл для нас свои порты. – Она передала сказанное Торанаге, который заговорил опять, еще эмоциональнее. – Он никогда не позволит вам вынашивать или осуществлять замыслы нападений на нашей земле, хотя признает, что, с вашей точки зрения, было бы вполне справедливо напасть на врагов вашей королевы в наших морях. Он повторяет: «Только не здесь, где-нибудь в другом месте». Это Земля богов. Вы должны быть терпеливы, как он замечал раньше.

– Да. Я намереваюсь быть терпеливым, по вашему обычаю. Я только хочу уничтожать врагов, потому что они *враги*. Я всем сердцем уверен, что они ваши враги тоже.

– Господин Торанага говорит, португалец также считает, что вы *враг*. Цукку-сан и отец-инспектор уверены в этом.

– Если бы мне удалось захватить черный корабль в море и привести его в Эдо как законную добычу, под английским флагом, разрешили бы мне продать его и груз в Эдо?

– Господин Торанага не считает это невозможным.

– Если придется воевать, позволят ли мне атаковать врага, врага господина Торанаги, как я сочту необходимым?

– Он говорит, что это обязанность хатамото. Хатамото выполняет личные приказы господина Торанаги. Мой господин хочет, чтобы я объяснила вам, что все дела в Японии всегда будут вестись по-японски.

– Да. Понимаю. Со всем смирением я желал бы только указать, что чем больше я узнаю про его затруднения, тем больше хочу помочь.

– Он говорит, это долг хатамото – помогать своему господину, Андзин-сан. Он ответит на любые вопросы, которые у вас появятся позже.

– Спасибо. Могу я спросить, хотел бы он иметь собственный военный флот? Как я предложил на галере?

– Он уже сказал, что хотел бы иметь военный флот, современный флот, Андзин-сан, где служили бы его собственные люди. Какой даймё не хотел бы этого?

– Тогда скажите ему, что, если мне удастся захватить вражеское судно, я приведу его в Эдо для ремонта и подсчета добычи. Потом перегружу половину слитков на «Эразм» и пошлю черный корабль обратно португальцам, или предложу его Торанага-сама как подарок, или сожгу – как он пожелает. Потом отправлюсь домой. Через год я вернусь и приведу четыре военных корабля – дар королевы Великобритании господину Торанаге.

– Он спрашивает, какова ваша выгода в этом деле?

– Правда – *хонто* – состоит в том, что мне много чего перепадет, Марико-сан, после того как корабли будут куплены ее величеством. Далее, мне хотелось бы взять с собой самого доверенного из советников господина Торанаги как посла к моей королеве. Господину Торанаге может быть выгоден договор о дружбе между нашими странами.

– Господин Торанага говорит, что это было бы слишком великодушно со стороны вашей королевы. Его интересует также, кто готовил бы его моряков, самураев и капитанов, случись подобное чудо.

– Для начала я, если он не против. Потом могли бы приехать и другие.

– Он спрашивает, что такое «для начала».

– Два года.

Торанага мимолетно улыбнулся.

– Наш господин говорит, что двух лет недостаточно «для начала». Однако, добавляет он, это все иллюзии. Он не воюет с португальцами или господином Харимой, владельцем Нагасаки. Он повторяет: «То, чем вы занимаетесь за пределами японских вод, на собственном корабле со своей командой, ваше дело». – Марико казалась огорченной. – За пределами наших вод вы чужестранец, но здесь вы самурай.

– Да. Я понимаю, какая честь мне оказана. Могу я спросить, где самурай берет в долг деньги, Марико-сан?

– У ростовщиков. Где же еще? У грязных торговцев-ростовщиков. – Она перевела его вопрос Торанаге. – Зачем вам потребовались деньги?

– А есть ростовщики в Эдо?

– О да. Ростовщики есть повсюду. В вашей стране иначе? Спросите вашу наложницу, Андзин-сан, может быть, она вам поспособствует. Это часть ее обязанностей.

– Вы говорите, мы выезжаем в Эдо завтра?

– Да, завтра.

– К сожалению, Фудзико-сан не сможет отправиться с нами.

Марико обсудила это с Торанагой.

– Господин Торанага говорит, что отправит ее галерой, когда она поправится. Он спрашивает, для чего вы решили занять денег.

– Я должен нанять новую команду, Марико-сан. Чтобы плавать всюду, служить господину Торанаге, как он пожелает. Это возможно?

– Команду из Нагасаки?

– Да.

– Он даст вам ответ, когда приедете в Эдо.

– *Домо*, Торанага-сама. Марико-сан, когда я попаду в Эдо, куда я должен идти? Там меня будет кто-нибудь сопровождать?

– О, вы не должны беспокоиться о таких вещах, Андзин-сан. Вы хатамото господина Торанаги.

В это время постучали во внутреннюю дверь.

– Войдите.

Нага отодвинул сёдзи и поклонился:

– Извините меня, отец, но вы приказали сказать, когда соберутся все командиры.

– Спасибо, я скоро буду. – Торанага ненадолго задумался, потом поманил Блэкторна, на этот раз по-дружески. – Андзин-сан, отправляйтесь с Нага-саном. Он покажет вам вашу комнату. Спасибо за ваши советы.

– Благодарю, что выслушали меня. Спасибо за ваши слова. Я постараюсь набраться терпения и стать полезным вам.

– Благодарю вас, Андзин-сан. – Торанага смотрел, как он откланивается, как уходит. Потом повернулся к Марико. – Ну, что вы думаете?

– Две вещи, господин. Во-первых, его ненависть к иезуитам безмерна. Даже сильнее неприязни к португальцам. Это козырь для вас, который можно использовать против кого-нибудь из них или тех и других, если понадобится. Мы знаем, что он смел. Он бесстрашно

отразит любую атаку с моря. Во-вторых, деньги все еще его цель. В оправдание ему могу сказать, что, как я поняла, деньги – единственная вещь, которая дает чужеземцам подлинную, прочную власть. Они покупают земли и положение. Даже их королева прибегает к купеческим приемам – покупает корабли и земли, вероятно. В остальном они не очень отличаются от нас, господин. Только в этом. А также в том, что они не понимают природы власти, не понимают, что война есть жизнь, а жизнь есть смерть.

– Христиане мне враги?

– Я так не считаю.

– А португальцы?

– Я думаю, что их занимает только нажива и распространение слова Божьего.

– Христиане – мои враги?

– Нет, господин. Хотя некоторые из ваших врагов – христиане, католики или протестанты.

– Вы не думаете, что Андзин-сан – мой враг?

– Нет, господин, я считаю, он уважает вас и в свое время станет настоящим вашим вассалом.

– А христиане? Кто из них мои враги?

– Господа Харима, Кияма, Оноси и некоторые другие, что выступили против вас.

Торанага усмехнулся:

– Да, но священники управляют ими, как считает Андзин-сан?

– Мне так не кажется.

– Эти трое выступят против меня?

– Я не знаю, господин. Раньше они были друзьями-противниками по отношению к вам. Но если они станут на сторону Исидо, это кончится очень плохо.

– Вероятно, вы правы. Марико, вы ценный советник. Вам, католичке, трудно быть другом врагу, выслушивать вражеские идеи.

– Да, господин.

– Он поймал вас, да?

– Да. Но по правде говоря, он прав. Я не исполнила того, что вы приказали. Я позволила втянуть себя в спор между вами. Пожалуйста, примите мои извинения.

– Это еще не конец, и дальше вам будет все труднее. Может быть, совсем трудно.

– Да, господин. Но лучше видеть не только лицевую сторону, но и изнанку. Многие из того, что он утверждал, оказалось правдой, например, что мир поделен испанцами и португальцами, что священники занимались контрабандой, хотя в это почти невозможно поверить. Вам не стоит сомневаться в моей верности, господин. Как бы плохо мне ни пришлось, я всегда выполню свой долг по отношению к вам.

– Спасибо. Это очень любопытно – то, что предложил Андзин-сан, хотя и полная чепуха. Благодарю вас, Марико-сан. Я очень дорожу вами как советником. Не следует ли мне приказать вам развестись с Бунтаро?

– Что?

– Ну?

«О, быть свободной! – запела ее душа. – О Мадонна, быть свободной!»

Помни, кто ты, Марико. И не забывай, что „любовь“ – чужеземное слово».

Торанага следил за ней в полном молчании. Москиты устремлялись к спиралям благовонного дыма и тут же спешили отпрянуть и унести в безопасное место.

«Да, она сокол, – думал Торанага, – но на какую „дичь“ мне ее напустить?»

– Нет, господин, – выдохнула Марико. – Благодарю вас, не стоит беспокоиться.

– Андзин-сан – странный человек, не правда ли? Его голова полна несбыточных замыслов. Бессмысленно рассматривать возможность нападения на наших друзей-португальцев или их черный корабль. Кто поверит в этот вздор – что через год у меня будет четыре боевых корабля?

Марико заколебалась:

– Если он говорит, что флот будет, господин, я верю, что это возможно.

– Невероятно! – разгорячился Торанага. – Но вы совершенно правы: он может быть нашим козырем в игре против других, он и его боевой корабль. Немыслимо, но до чего заманчиво! Как сказал Оми,

сейчас нам нужен этот чужестранец, чтобы учиться у него. Мы должны еще многое узнать, особенно от него, да?

– Да.

– Пришло время открыть страну миру, Марико-сан. Исидо закрывает ее так плотно, как устрица смыкает створки. Если бы я снова возглавил Совет регентов, то заключил бы договоры со всеми дружественными государствами. Я бы посылал наших людей учиться у других народов, снаряжал бы посольства. Королева, правящая мужчинами, стала бы хорошим почином. К королеве я отправил бы послом женщину, если бы нашел достаточно умную и хитрую особу.

– Она должна быть очень смелой и очень умной, господин.

– Да. Это будет опасное путешествие.

– Все путешествия опасны, – заметила Марико.

– Да. – Торанага переключился на другую тему: – Если Андзин-сан уплывет на своем корабле, нагруженном золотом, вернется ли обратно? Сам, по своей воле?

Спустя некоторое время она сказала:

– Не знаю.

Торанага решил не давить на нее сейчас.

– Благодарю вас, Марико-сан, – произнес он дружески, отпуская ее. – Я хочу, чтобы вы присутствовали на собрании, переводили то, что я скажу, для Андзин-сана.

– Все, господин?

– Да. И сегодня вечером, когда вы пойдете в чайный домик выкупать Кику, возьмите с собой Андзин-сана. Прикажите его наложнице сделать все, что полагается. Он нуждается в поощрении, так ведь?

– *Хай.*

Когда она уже была у сёдзи, Торанага послал ей вдогонку слова:

– Как только разрешится это дело между мной и Исидо, я прикажу вам развестись.

Ее рука замерла у края сёдзи, она слегка кивнула, благодаря, но не оглянулась. И закрыла за собой дверь.

Торанага несколько мгновений созерцал завитки душистого дыма над курильницей, потом встал и вышел в сад, направившись в уборную. Зажужжали москиты, Торанага рассеянно прихлопнул одного, продолжая думать о соколах и ястребах. Даже самые лучшие

ловчие птицы ошибаются. Вот и Исидо допустил ошибку, и Кири, и Марико, и Оми, даже Андзин-сан.

Сто пятьдесят военачальников расположились ровными рядами. Впереди сидели Ябу, Оми и Бунтаро. Марико устроилась на коленях сбоку, около Блэкторна. Торанага, сопровождаемый личными телохранителями, прошел и опустился на подушку, лицом к остальным. Он ответил на поклоны, потом кратко изложил содержание пришедшего сообщения и – в первый раз при всех – окончательный план военной кампании. Он вновь ни слова не проронил о готовившихся втайне, тщательно продуманных восстаниях и том, что его войска двинутся по северному тракту, а не по южному прибрежному. И к общей радости – ибо все его военачальники были довольны, что наступил конец неопределенности, – он объявил, что, как только прекратятся дожди, он произнесет условные слова – «малиновое небо», которые станут сигналом к наступлению.

– Тем временем, я думаю, Исидо незаконно соберет новый Совет регентов. Я ожидаю, что меня облыжно обвинят в предательстве и объявят мне войну. – Он наклонился, уперев левый кулак в бедро, правая рука вцепилась в рукоятку меча. – Слушайте! Я подтверждаю свою верность завещанию тайко и признаю своего племянника Яэмона как кампаку и наследника тайко. Мне не нужны другие земли, мне не нужны новые посты. Но если изменники нападут на меня, я должен буду защищаться. Если они обманут его императорское величество и попытаются захватить власть в стране, моим долгом будет вступить за императора и изгнать зло. Так?

Раздался одобрителный гул. Эхо разнесло боевые кличи «Касиги!» и «Торанага!» по всей крепости.

– Штурмовой полк должен подготовиться к отправке на галерах в Эдо под командованием Тода Бунтаро-сана и его помощника Касиги Оми-сана в течение пяти дней. Господин Касиги Ябу, призовите к оружию все воинство Идзу и прикажите шести тысячам человек выступить к перевалам на границе на случай, если этот изменник Икава Дзикю устремится на юг, чтобы отрезать нам пути сообщения. Когда закончатся дожди, Исидо нападет на Канто...

Оми, Ябу и Бунтаро молча согласились с мудростью Торанаги, решившего умолчать о принятом в тот день решении начать войну прямо сейчас, в сезон дождей.

«То-то будет шуму», – подумал Оми, и у него заныло под ложечкой при мысли, что придется воевать под дождями среди гор Синано.

– Ружья проложат нам путь, – с воодушевлением провозгласил Ябу в тот день.

– Да, – согласился Оми, вовсе не уверенный в успехе, но не имевший других идей.

«Это сумасшествие, – заключил он мысленно, хотя и был польщен тем, что его назначили помощником командира. – Я не понимаю, откуда Торанага черпает уверенность, что северный путь сулит хоть какой-то шанс на победу. Он не дает нам ни единого шанса». Слушая вполуха энергичные призывы Торанаги, он сосредоточился на планах мести. «Конечно, поход на Синано откроет дюжину возможностей покончить с Ябу без опасности для себя. Война, любая война сыграет на руку – при условии, что не будет проиграна...»

Потом он уловил слова Торанаги:

– Сегодня я чуть не погиб. Спасибо, Андзин-сан вытащил меня из-под земли. Вот уже второй, а может быть, даже третий раз он спасает мне жизнь. Моя жизнь ничего не значит по сравнению с будущим моего рода, и кто скажет, жил бы я или погиб без его помощи? И хотя бусидо состоит в том, что вассал никогда не ожидает награды за службу, долг сюзерена время от времени оказывать ему благодеяния. – Среди общих восклицаний Торанага повелел: – Андзин-сан, сядьте здесь! Марико-сан, вы тоже!

Оми ревниво следил за тем, как долговязый чужеземец поднялся и сел, подобрав под себя ноги, на место, указанное Торанагой, рядом с ним. Во всей комнате не было человека, не мечтавшего оказаться на месте чужака.

– Андзин-сан получает надел близ рыбацкой деревни Йокогама к югу от Эдо, приносящий ежегодный доход две тысячи коку, право набирать двести слуг-самураев, полные права самурая и хатамото дома Ёси Торанага-но Тикитада Миновара. Далее, ему также пожалованы десять лошадей, двадцать кимоно вместе с полным боевым снаряжением для его вассалов и звание командующего военным флотом и адмирала Канто. – Торанага подождал, пока Марико закончит переводить, потом позвал: – Нага-сан!

Нага послушно поднес Торанаге что-то обернутое шелком. Это была пара мечей – короткий и длинный.

– Заметив, что земля поглотила мои мечи и я безоружен, Андзин-сан спустился в трещину, нашел там свой меч и отдал его мне. Андзин-сан, я в свою очередь дарю вам эти. Они сделаны великим мастером Ёри-я. Помните, меч – душа самурая. Если самурай забывает или теряет меч, этому нет прощения.

Под общие восклицания, еще более шумные и завистливые, Блэкторн принял дар, поклонился, заткнул мечи за пояс, снова отвесил поклон:

– Благодарю вас, Торанага-сама. Вы оказали мне большую честь. Благодарю вас.

Он собрался уходить, но Торанага приказал ему остаться:

– Нет, садитесь здесь, рядом со мной, Андзин-сан. – Торанага обвел взглядом воинственные, фанатичные лица своих военачальников.

«Глупцы, – хотелось закричать ему, – неужели вы не понимаете, что война, когда бы она ни началась – прямо сейчас или после окончания дождей, – будет большим бедствием? Любая война с Исидо, Отибой, Яэмоном и их нынешними союзниками неизбежно закончится гибелью всех моих войск, всех вас, уничтожением меня и моего рода? Разве вы не понимаете, что мне остается только ждать и надеяться, что Исидо сам себя погубит?»

Вместо этого он подогревал в соратниках воинственный дух, рассчитывая вывести врага из равновесия.

– Слушайте, самураи! Скоро вы – каждый из вас – сможете доказать вашу преданность, как доказывали ее ваши предки. Я сокрушу Исидо и всех изменников, прежде всего Икаву Дзюкию. А сейчас перед лицом всех вас я заявляю, что отдам все его земли, обе провинции – Суругу и Тотоми, – приносящие годовой доход триста

тысяч коку, моему преданному вассалу господину Касиги Ябу, и подтверждаю его право и право его рода на владение этими землями и Идзу.

Грянули оглушительные приветствия. Ябу вспыхнул от восторга.

Оми молотил кулаком по полу, издавая радостные вопли.

«Теперь твоя награда будет безмерна, ибо, по обычаю, наследник Ябу получит все его земли!

Как убить Ябу, не дожидаясь войны?»

Тут на глаза ему попался Андзин-сан, который бурно выражал свое одобрение.

«Почему бы Андзин-сану не сделать это за тебя?» – пришло ему в голову, и он громко рассмеялся этой нелепой мысли.

Бунтаро наклонился и похлопал его по плечу. Он был в хорошем настроении и посчитал смех Оми проявлением радости за Ябу.

– Скоро вы тоже получите столько земли, сколько заслуживаете! – прокричал Бунтаро, перекрывая шум. – Вы тоже заслуживаете поощрения. Ваши советы и идеи очень ценны.

– Благодарю вас, Бунтаро-сан.

– Не беспокойтесь, мы пробьемся сквозь горы.

– Да.

Бунтаро был отчаянный рубака, и Оми знал, что они хорошо дополняют друг друга: сам он – смелый стратег, Бунтаро – бесстрашный в наступлении военачальник. Если кто-нибудь и сможет провести войска через горы, так это он.

Раздался еще один взрыв ликования – Торанага приказал принести sake, подводя итог совещанию.

Оми выпил свою чашку и наблюдал, как Блэкторн осушил свою. Чужеземец, облаченный в опрятное кимоно, правильно расположивший мечи, спокойно беседовал с Мариико. «Ты сильно переменился, Андзин-сан, с того первого дня, – подумал Оми довольно. – Еще немало бредовых идей сидит в твоей голове, но ты уже стал почти цивилизованным».

– В чем дело, Оми-сан?

– Ничего, так, Бунтаро-сан...

– У вас такой вид, словно *эта* сунул вам свой зад под нос.

– Ничего такого, вовсе нет! Э, совсем наоборот. У меня рождается одна замечательная мысль. Выпьем! Эй, Цветок Персика, принеси еще

саке, чашка господина Бунтаро пуста!

Глава 40

– Мне приказано узнать, свободна ли Кику-сан сегодня вечером, – объявила Марико.

– Ох, простите, госпожа Тода, так сразу и не скажешь, – произнесла Гёко, мама-сан, заискивающе. – Могу я спросить, желает ли уважаемый господин провести с госпожой Кику вечер, часть вечера или остаться с ней до утра, если она еще не занята?

Эта высокая изящная женщина, немногим старше пятидесяти, с обворожительной улыбкой, пила слишком много sake, имела расчетливое сердце и нюх, способный учуять серебряную монетку за пятьдесят ри.

Женщины сидели в отведенной Марико комнате, которая примыкала к личным покоям Торанаги и имела выход в маленький садик у первой, внутренней стены крепости. Опять шел дождь, капли его поблескивали в пламени свечей.

Марико вежливо ответила:

– Это решит сам господин. Но нельзя ли уже сейчас условиться и оговорить все до конца?

– Извините меня, пожалуйста, но я не знаю, насколько она занята сегодня. Кику-сан пользуется большим успехом, госпожа Тода. Вы понимаете меня?

– О да, конечно. Нам действительно очень повезло, что госпожа таких достоинств отыскалась здесь, в Андзиро. – Марико сделала акцент на слове «Андзиро».

Она послала за Гёко, вместо того чтобы нанести ей визит, хотя могла бы поступить иначе. И когда та явилась – потянув время ради утверждения своего достоинства, но не настолько, чтобы показаться грубой, – Марико обрадовалась случаю вступить в борьбу с достойным противником.

– Чайный домик сильно поврежден? – осведомилась она.

– Нет. К счастью, чайная посуда и одежда не пострадали. Хотя починка крыши и прочего обойдется в небольшое состояние. И за скорость придется очень дорого заплатить.

– Да, это весьма трудоемкое дело.

– Так важна спокойная обстановка, правда? Почтит ли господин своим присутствием чайный домик? Или он хочет, чтобы Кику-сан посетила его здесь, если будет свободна?

Марико поджала губы, обдумывая:

– Он посетит чайный домик.

– *А, со дэс!*

На самом деле маму-сан звали Хэйко-ити – Первая Дочь Строителя Стен. Ее отец и дед занимались возведением садовых оград. В течение многих лет она была куртизанкой в Мисиме, столице Идзу, но поднялась лишь до второго класса в своем ремесле. Однако ей улыбнулись боги: благодаря щедрости покровителя и острому деловому чутью она скопила достаточно денег, чтобы заблаговременно выкупить свой контракт, обзавестись собственным чайным домиком и стать хозяйкой нескольких женщин, прежде чем упал спрос на красивое тело и бойкий ум, которыми судьба наградила ее. Теперь она называла себя Гёко-сан – госпожа Удача. Когда она только начинала, в четырнадцать лет, ей дали имя Цукайко – Заклинательница Змей. Хозяйка объяснила ей, что некий орган у мужчин можно уподобить змее, что змея – это удача и что, став умелой заклинательницей, она способна преуспеть. Кроме того, это имя забавляло клиентов, а смех играл не последнюю роль в ее ремесле. Гёко никогда не забывала, сколь важен смех.

– Саке, Гёко-сан?

– Спасибо, госпожа Тода.

Служанка налила саке, и Марико отпустила ее. Некоторое время они молча смаковали напиток, потом Марико снова наполнила чашечки.

– Какая милая керамика! Такая изысканная, – похвалила Гёко.

– Что вы, совсем непритязательная. Я сожалею, что мы вынуждены ею пользоваться.

– Если бы я смогла освободить Кику-сан на этот вечер, вы не пожалели бы пяти кобанов? – Кобаном называли золотую монету, весившую восемнадцать граммов. Один кобан равнялся трем коку риса.

– Извините, может быть, я выразилась недостаточно ясно? Я не хочу покупать весь чайный домик в Мисиме – только один вечер с госпожой.

Гёко прыснула:

– Ах, госпожа Тода, вы, как всегда, остроумны. Но могу ли я напомнить, что Кику-сан – куртизанка первого класса? Гильдия присвоила ей этот ранг в прошлом году.

– И по заслугам, я уверена. Но это было в Мисиме. Да хоть бы и в Киото – вы, конечно, пошутили, уж простите.

Гёко проглотила грубость, готовую сорваться с языка, и добродушно улыбнулась:

– К сожалению, я должна буду дать отступного господам, которые уже сговорились с ней. Бедное дитя, ей испортили четыре кимоно, когда заливали огонь водой. Трудные времена настали, госпожа. Я уверена, вы понимаете. Пять – справедливая цена.

– Конечно нет. Пяти кобанов хватило бы в Киото, чтобы неделю пировать с двумя госпожами первого класса. Но сейчас не обычные времена, и надо делать скидку. Полкобана. Саке, Гёко-сан?

– Спасибо, спасибо. Саке отличного качества. Еще одну чашечку, если можно, и довольно. Если Кику-сан не свободна сегодня вечером, я буду рада предоставить вам другую госпожу. Может быть, Акэко? Или вас устроит другой день? Скажем, послезавтра?

Марико ответила не сразу. Мама-сан запросила лишку. Пять кобанов платили за известных куртизанок первого класса в Эдо. Услуги Кику тянули на полкобана. Марико знала цены, поскольку Бунтаро время от времени пользовался услугами куртизанок и даже выкупил контракт одной из них, а его жена должна была оплачивать счета. Краем глаза Марико следила за Гёко. Мама-сан спокойно потягивала саке, рука ее не дрожала.

– Может быть, – протянула Марико, – но я думаю, что ни другая госпожа, ни следующий вечер не подойдут. Нет, если мы не сговоримся на сегодня, боюсь, послезавтра будет слишком поздно. Что касается других девушек... – Марико улыбнулась и пожала плечами.

Гёко скорбно поставила свою чашку:

– Я слышала, наши славные самураи оставляют нас. Какая жалость! Ночи здесь так приятны. В Мисиме не бывает морского бриза, как тут. Я буду сожалеть, когда уеду отсюда.

– Может быть, один кобан. И если эта встреча удастся, я бы хотела обсудить, сколько может стоить ее контракт.

– Ее контракт?

– Да. Саке?

– Спасибо. Контракт, ее контракт? Ну, это другое дело. Пять тысяч коку.

– Это невозможно!

– Да, – согласилась Гёко, – но Кику-сан мне как дочь, даже больше чем дочь. Я воспитываю ее с шести лет. Она самая искусная госпожа из «мира ив» в Идзу. О, я знаю, в Эдо есть госпожи, превосходящие Кику-сан образованностью, тонкостью обхождения, но только потому, что бедняжка не имела достаточных средств, чтобы общаться с людьми такого уровня. Но даже сейчас никто не может равняться с ней в пении или игре на сямисэне. Клянусь всеми богами! Будь у нее щедрый покровитель и возможность учиться, за какой-нибудь год в Эдо она превзошла бы любую куртизанку в стране. Пять тысяч коку – не великая плата за такой цветок. – Пот бусинками покрыл ее лоб. – Вы должны извинить меня, но я никогда не думала о продаже ее контракта. Ей только восемнадцать лет, само совершенство, единственная госпожа первого класса, которой мне повезло руководить. На самом деле я и не думала о том, чтобы когда-нибудь продать ее контракт, даже за упомянутую цену. Я, наверное, не стану продавать его и за эти деньги, так что извините. Может быть, мы обсудим это завтра. Потерять Кику-сан? Мою маленькую Кику-сан? – Слезы собрались в уголках ее глаз, и Марико подумала: «Если это настоящие слезы, тогда, Гёко, ты никогда не раскроешься навстречу „несравненному песту“».

– Извините. *Сиката га най, нэ?* – вежливо произнесла Марико, предоставив гостье стенать и плакать, но не забывая подливать ей саке.

«Сколько же на самом деле стоит контракт? – спрашивала она себя. – Пять тысяч коку безумно много. Впрочем, все зависит от того, насколько страстно желает выкупа мужчина. Но кто он? Конечно, не сам господин Торанага. Для кого покупают контракт? Для Оми? Возможно. Но зачем Торанага примешал сюда Андзин-сана?» – гадала Марико...

– Вы согласны, Андзин-сан? – спросила она его с нервным смехом среди пьяного галдежа военачальников.

– Вы говорите, господин Торанага нанял для меня даму? Это часть награды?

– Да. Кику-сан. Вам трудно будет отказаться. Я... Мне приказано переводить.

– Приказано?

– О, я буду счастлива переводить для вас. Но, Андзин-сан, вы на самом деле не можете отказаться. Это было бы ужасно невежливо после стольких почестей, правда? – Она подшучивала над ним, не боясь его, такого гордого и восхищенного невероятным великодушием Торанаги. – Пожалуйста, соглашайтесь! Я никогда не заглядывала внутрь чайного домика. Мне самой не терпится побывать там, поговорить с настоящей госпожой из «мира ив».

– Что?

– О, так называют этих дам. Предполагается, что они грациозные и гибкие, как ивы. Иногда употребляют выражение «плавающий мир», потому что они прекрасны, как лилии, плавающие в озере. Ну давайте, Андзин-сан, соглашайтесь!

– А что скажет Бунтаро-сама?

– О, он знает, что я хлопочу для вас по приказу господина Торанаги. Ну давайте! Пожалуйста! – Тут она перешла на латынь, радуясь, что никто, кроме них двоих, в Андзиро не говорит на этом языке. – Есть еще одна причина, о которой я скажу тебе позднее.

– Скажи сейчас!

– Позже. Но согласись с удовольствием. Потому что я прошу тебя.

– Ты... Как я могу отказать тебе?

– С удовольствием. Это должно быть с удовольствием. Обещай!

– Со смехом. Я обещаю. Попытаюсь, по крайней мере. Буду стараться изо всех сил. Ни за что другое поручиться не могу.

После этой шуточной перепалки она удалилась, чтобы обо всем договориться, и вот теперь Гёко стонала:

– Ох, я прямо в смятении при одной мысли о том, чтобы продать контракт моей красавицы. Да, спасибо, еще немного sake. Потом я действительно должна буду покинуть вас. – Она опрокинула в себя очередную порцию спиртного и устало протянула чашку, чтобы ее снова наполнили. – Давайте столкнемся на двух кобанах за вечер. Я уступаю только из желания сделать приятное госпоже ваших достоинств.

– Один. Если вы согласны, мы могли бы продолжить разговор о контракте сегодня вечером, в чайном домике. Извините, что тороплю,

но время уходит, вы понимаете. – Марико неопределенно повела рукой в сторону комнаты, где собрались самураи. – Государственные дела... вы понимаете, Гёко-сан?

– О да, госпожа Тода, конечно. – Гёко начала вставать. – Полтора кобана за вечер, хорошо? Тогда давайте...

– Один.

– О-хо-хо, госпожа, что такое полкобана? Одна видимость. Стоит ли спорить из-за такой малости? – Гёко всхлипнула, благодаря богов за свою сообразительность и сохраняя притворную муку на лице. Полтора кобана втрое превосходили обычную плату. Но гораздо ценнее было то, что впервые услуги Кику-сан понадобились самым высокородным господам, настоящей знати – честь, которой Гёко домогалась давно, ради которой она охотно посоветовала бы своей подопечной вовсе не брать денег. – Клянусь всеми богами, госпожа Тода, я сдаюсь на вашу милость, кобан с половиной. Пожалуйста, подумайте о других моих питомцах, которых требуется кормить, поить, одевать и учить годами. Их услуги ценятся дешевле, чем искусство Кику-сан, но и этих бедняжек надо лелеять.

– Один кобан золотом, завтра. Идет?

Гёко подняла фарфоровую бутылочку и наполнила две чашки. Одну предложила Марико, другую осушила и тут же наполнила вновь.

– Один, – выпалила она, чуть не подавившись.

– Благодарю вас, вы так добры и так заботливы. Да, времена сейчас трудные. – Марико с удовольствием потягивала sake. – Андзин-сан и я скоро придем в чайный домик.

– А? Что вы сказали?

– Что Андзин-сан и я вскоре придем в чайный домик. Я буду переводить для него.

– Чужеземец?! – задохнулась Кику.

– Чужеземец. И он будет здесь очень скоро, если мы его не остановим. С самой жестокой, самой скупой ведьмой, какую я только встречала на своем веку. Может, в прошлой жизни она была шлюхой пятнадцатого класса, которую имели в зад.

Несмотря на свой страх, Кику бурно рассмеялась:

– Ох, мама-сан, пожалуйста, не волнуйтесь так сильно! Она кажется такой приятной госпожой, и к тому же целый кобан. Вы

действительно провернули удачную сделку! Ну-ну, мы теряем время. Сначала немного sake, чтобы смягчить ваши душевные волнения. Ако, быстро, как колибри!

Ако исчезла.

– Да, гость – Андзин-сан. – Гёко снова закашлялась.

Кику и Хана, девочка, взятая в ученицы, обмахивали ее веерами. Малышка поднесла к носу хозяйки пучок душистых трав.

– Я думала, она старалась для господина Бунтаро – или самого господина Торанаги. Конечно, когда госпожа Тода назвала Андзин-сана, я сразу же спросила, почему этим занимается она, а не его наложница госпожа Фудзико, как требуют правила хорошего тона. Она объяснила только, что его госпожа очень страдает от ожогов, а ей приказал переговорить со мной сам господин Торанага.

– О! О, как я была бы счастлива служить самому великому даймё!

– Еще послужишь, дитя мое, если мы хорошенько пошевелим мозгами. Но чужеземец! Что подумают другие наши гости? Что они скажут? Конечно, я оставила дело нерешенным, сказала госпоже Тода, что не знаю, свободна ли ты, так что можно еще отказаться, никого не обидев.

– Что могут сказать другие гости? Это приказ господина Торанаги. Ничего не поделаешь, не так ли? – пролепетала Кику, скрывая страх.

– О, ты можешь легко отказаться. Но поторопись, Кику-тян. О-хо-хо, была бы я поумнее, сразу отказалась бы.

– Не беспокойтесь, Гёко-сама. Все будет хорошо. Но мы должны все взвесить. Это большой риск, ведь так?

– Да. Очень.

– Мы не сможем отказать гостю, если примем его.

– Да, я знаю.

– Посоветуйте мне что-нибудь.

– Не могу, Кику-тян. Я, чувствую, попала в ловушку ками. Тебе решать.

Кику сопоставила все минусы и плюсы:

– Давайте рискнем. Примем его. В конце концов, он самурай, хатамото, любимый вассал господина Торанаги. Не забывайте, что сказал прорицатель: я помогу вам стать богатой и известной на века. Я молюсь о том, чтобы мне выпала возможность хоть чем-то отплатить за вашу доброту.

Гёко ласково потрепала Кику по волосам:

– Ох, дитя, ты так добра, спасибо, спасибо! Да, я думаю, это разумно. Я согласна. Пусть он посетит нас. – Она любовно ущипнула девушку за щеку. – Ты всегда была моей любимицей! Но я бы потребовала двойную плату, если бы знала, что это иноземный моряк, начальник над флотом.

– Но мы и так получили вдвое больше, мама-сан.

– А должны были получить втрое больше!

Кику похлопала Гёко по руке:

– Не беспокойтесь – это начало вашего везения.

– Да, это верно. Андзин-сан не обычный чужеземец, а самурай и хатамото. Госпожа Тода сказала мне, что ему пожалован надел с годовым доходом в две тысячи коку, что он поставлен управлять всеми кораблями господина Торанаги, что он моется каждый день, как цивилизованный человек, и больше не воняет...

Чуть слышно появилась Ако и наполнила чашку, не пролив ни капли. После четырех порций sake Гёко полегчало.

– Сегодняшняя ночь должна быть прекрасной. Разве можем мы послушаться приказа господина Торанаги? Он не отдал бы распоряжения, если бы это не было важно для него самого, да? И Андзин-сан действительно почти даймё. Две тысячи коку в год... Клянусь всеми ками, нам очень повезло! Кику-сан, слушай! – Она придвинулась ближе, Ако тоже и смотрела во все глаза. – Я спросила госпожу Тода, которая понимает их мерзкий язык, не знает ли она привычек Андзин-сана: какие истории, песни и танцы он предпочитает, какие позы, игрушки или возбуждающие средства.

– Ах, это было бы очень полезно, – пискнула Кику, жалея, что согласилась, что не хватило ума отказаться.

– Она не сказала мне ничего! Она говорит на языке варваров, но ничего не знает об их любовных привычках. Я поинтересовалась, не спрашивала ли она об этом Андзин-сана. Она ответила, что да, спрашивала, но ничего хорошего из расспросов не вышло. – Гёко поведала о переполохе в Осацком замке. – Можешь вообразить, каким странным мне это показалось!

– По крайней мере, мы знаем, что ему нельзя предлагать мальчиков – уже что-то.

– Кроме того, во всем его доме только одна служанка имела с ним дело.

– У нас есть время послать за ней?

– Я зашла к ней сама. Прямо из крепости. Даже месячное жалованье не открыло ей рта. Глупая, упрямая маленькая дрянь!

– Она подходит для постели?

– О да, если кому нравятся неумехи, любительницы. Только и вытянула из нее, что господин обладает большой мужской силой, не тяжелый, что любил ее долго в самом обычном положении. И что он весьма одарен в этом смысле.

– Это не очень-то нам помогает, мама-сан.

– Я знаю. Может быть, все приготовить заранее, на всякий случай, да? Все.

– Да. Я должна быть крайне осторожной. Очень важно, чтобы все сошло хорошо. Это будет трудно, если не невозможно, – правильно принять его, если я не смогу разговаривать с ним.

– Госпожа Тода сказала, что будет переводить.

– О, как мило с ее стороны! Это очень поможет, хотя, конечно, не совсем то, что нужно.

– Да-да. Еще саке, Ако! Грациознее, дитя, грациознее! Ну, Кикусан, ты куртизанка первого класса. Призови на помощь чутье и воображение. Этот чужеземец сегодня спас жизнь господину Торанаге и сидел рядом с ним. Наше будущее зависит от тебя! Я знаю, ты все проведешь красиво! Ако!

– Да, хозяйка!

– Проверь, все ли в порядке. О цветах не беспокойся. Я сама займусь цветами. И повар, где повар? – Она потрепала Кикую по колену. – Надень золотое кимоно, а под него зеленое. Сегодня вечером мы должны поразить госпожу Тода. – Она выскочила, чтобы привести дом в порядок.

Все госпожи, служанки и воспитанницы весело суетились, помогая убирать, взбудораженные невероятным событием.

Убедившись, что дом сверкает чистотой, и раздав распоряжения девушкам, Гёко пошла в свою комнату – прилечь на минуту, чтобы собраться с силами. Она даже не заикнулась Кикую о предложении насчет контракта.

«Я посмотрю и подожду, – подумала она. – Если смогу добиться, чего хочу, тогда, может быть, и позволю моей милой Кику уйти. Но не раньше, чем выведаю к кому. Это хорошо, что я догадалась расспросить госпожу Тода. Почему ты плачешь, глупая старуха? Ты опять пьяна? Подумай о себе! Чем тебе плохо?»

– Хана-тян!

– Да, мама-сама? – Ребенок бегом кинулся к ней. Всего шести лет от роду, большие карие глаза, длинные красивые волосы, новое кимоно из ярко-красного шелка. Гёко купила девчушку два дня назад при посредничестве местного торговца детьми и Муры.

– Как тебе нравится твое новое имя, детка?

– О, очень-очень нравится. Я рада, мама-сама!

Имя означало Маленький Цветок. Гёко придумала его в самый первый день. «Я теперь буду твоей матерью», – добродушно, но твердо сказала она девочке, когда расплатилась за нее и вступила в права собственности, удивляясь, как такая красавица уродилась у грубой рыбачки, этой толстухи, жены Тамадзаки. После четырех дней ожесточенного торга она заплатила кобан за то, чтобы девочка оставалась у нее в услужении, пока не достигнет двадцати лет. На эти деньги семья Тамадзаки могла кормиться два года.

– Принеси мне зеленого чая, гребень и немного ароматных чайных листьев, чтобы отбить запах sake.

– Да, мама-сама. – Ребенок, не глядя, почти не дыша, бросился бежать, чтобы угодить хозяйке, и запутался в тончайших юбках Кику, стоящей у дверей.

– О-хо-хо, извините-е-е...

– Ты должна быть осторожней, Хана-тян.

– Извините, извините, старшая сестрица. – Хана-тян чуть не расплакалась.

– Почему ты так печальна, Маленький Цветок? Ну-ну, – проворковала Кику, заботливо вытирая ей слезы. – В этом доме мы отбросили всю печаль. Помни: мы, принадлежащие «миру ив», никогда не грустим, дитя. Зачем нам это? Грусть всегда ходит рука об руку со слезами. Наша обязанность – радовать и быть веселыми. Бегай, дитя, но осторожно, осторожно, будь грациозной! – Кику повертелась перед пожилой женщиной. – Нравится, хозяйка?

Блэкторн посмотрел на нее и пробормотал:

– Аллилуйя!

– Это Кику-сан, – церемонно представила Марико, довольная реакцией Блэкторна.

Девушка вошла в комнату, шурша шелками, встала на колени и поклонилась, сказав что-то, чего Блэкторн не понял.

– Она говорит, что вам здесь рады, что вы оказали честь этому дому.

– *Домо*, – ответил он.

– *До итасимаситэ* (не за что). Саке, Андзин-сан? – предложила Кику.

– *Хай, домо*.

Он следил за тем, как ее изумительные руки безошибочно нашли бутылочку, проверили, достаточно ли та подогрета, потом наполнили чашку, которую он протянул ей, как показывала Марико, причем сделал это с легкостью, удивившей его самого...

– Обещаете вести себя как японец, да? – спросила Марико, когда они вышли из крепости и она села в паланкин, а он зашагал рядом вниз по дороге, которая вела к деревне и площади перед морем. Впереди и позади носилок шествовали факельщики, а в качестве почетной стражи с ними отправились десять самураев.

– Постараюсь, – пообещал Блэкторн. – А что я должен делать?

– Во-первых, забудьте, что должны что-то делать. Помните только, что эта ваша ночь, затеянная единственно для вашего удовольствия.

«Сегодня лучший день в моей жизни, – думал он. – А вечер – что за вечер будет сегодня?» Возбужденный вызовом, он решил примерить на себя роль настоящего японца, вкушать наслаждения и не смущаться.

– А сколько... сколько это стоит? – осведомился он.

– Это вопрос чужеземца, Андзин-сан, – укорила она. – Какая разница? Фудзико-сан согласилась, что цена справедлива.

Он видел Фудзико перед уходом. Лекарь посетил ее, сделал перевязку и дал целебных трав. Она гордилась оказанными Блэкторну почестями и новым наделом, весело щебетала, не показывая боли, порадовалась, что он идет в чайный домик. Конечно, Марико-сан посоветовалась с ней, уверила капитана Фудзико, все оговорила. Такая любезность с ее стороны! Она сожалеет, что из-за ожогов не могла сама обо всем договориться. Он пожал Фудзико руку, довольный ею.

Она поблагодарила его, извинилась еще раз и отпустила, выразив надежду, что он проведет замечательный вечер.

Гёко и ее служанка церемонно встретили важных гостей у ворот чайного домика, чтобы поприветствовать.

– Это Гёко-сан, она здесь мама-сан.

– Я так польщена, Андзин-сан, так польщена!

– Мама-сан? Вы имеете в виду «мама»? Мать? У нас, в Англии, это так же называется, Мариико-сан. Мама, мамочка, мать.

– Да почти одно и то же, но, простите, *мама-сан* означает «мачеха» или «приемная мать», Андзин-сан. Родная мать – *хаха-сан* или *оба-сан*.

Гёко извинилась и убежала. Блэкторн улыбнулся Мариико. Она была похожа на ребенка, жадно разглядывающего что-то новое.

– Ох, Андзин-сан, я всегда мечтала посмотреть изнутри одно из таких мест. Мужчинам везет! Разве здесь не красиво? Разве не изумительно? Даже в такой маленькой деревушке? Гёко-сан должна была все это оговорить с плотниками. Поглядите, какое здесь дерево! О, вы были так добры, что позволили мне пойти с вами. У меня никогда не будет другой такой возможности... Посмотрите на цветы! Как искусно составлен букет! Чудо... Выгляните в сад!

Блэкторн радовался и сожалел, что в комнате вертится служанка и сёдзи открыты. Даже здесь, в чайном домике, Мариико подвергала себя опасности, оставаясь в одной комнате с ним.

– Ты красивая, – сказал он по-латыни.

– И ты. – Ее лицо светилось. – Я очень горжусь тобой, адмирал! И Фудзико... О, она была так горда, что едва смогла остаться на месте!

– Ее ожоги, видимо, очень опасны.

– Не беспокойся. Лекари тут опытные, а она молодая, сильная и жизнестойкая. Сегодня вечером выбрось все из головы! Никаких больше вопросов об Исидо или Икаве Дзикю, битвах, паролях, наделах и кораблях. Сегодня вечером никаких забот – тебя ждут только чудеса.

– Для меня чудо – это ты.

Она стала обмахиваться веером, налила sake в чашки и ничего не сказала. Он наблюдал за ней молча, потом оба одновременно улыбнулись.

– Раз уж мы здесь не одни, стоит помнить об осторожности: языки у людей длинные. Но я так счастлива за тебя! – призналась она.

– Послушай, а о какой другой причине ты говорила? Ты сказала, есть еще причина, чтобы я пришел сюда сегодня вечером.

– Ах да, другая причина! – (Его окутал знакомый запах духов.) – У нас есть древний обычай, Андзин-сан. Когда женщина принадлежит одному, а думает о другом и хочет дать ему то, что запрещено давать, она ищет себе замену – подарок – самую лучшую куртизанку, которую может нанять.

– Ты сказала «думает» – это значит «любит»?

– Да. Но только на этот вечер.

– Ты...

– Я, Андзин-сан.

– Почему ты сказала об этом только сегодня вечером, Марико? Почему не раньше?

– Сегодня волшебная ночь, и kami явились к нам. Я хочу тебя.

В дверях появилась Кику.

– ...Аллилуйя!

Ее поприветствовали и налили саке.

– Как мне сказать, что госпожа очень красива?

Марико объяснила ему, и он повторил незнакомые слова. Девушка весело засмеялась, принимая комплимент, и ответила на него.

– Кику-сан спрашивает, не желаете ли вы, чтобы она спела или станцевала для вас?

– А ты... Что предпочитаешь ты?

– Эта госпожа здесь для твоего удовольствия, самурай, не для моего.

– А ты? Ты здесь также для моего удовольствия?

– Да, некоторым образом, конфиденциально.

– Тогда, пожалуйста, попроси ее спеть.

Кику тихонько хлопнула в ладоши, и Ако принесла сямисэн, напоминающий трехструнную гитару, и подала Кику плектр из слоновой кости.

Кику объявила:

– Госпожа Тода, пожалуйста, скажите нашему почетному гостю, что сначала я спою «Песню стрекозы».

– Кику-сан, я почту за честь, если сегодня вечером вы будете звать меня Марико-сан.

– Вы слишком добры ко мне, госпожа. Пожалуйста, извините меня. Мне не следовало быть такой невежливой.

– Пожалуйста!

– Я постараюсь, если вам будет приятно, хотя... – Ее улыбка была прелестна. – Благодарю вас, Марико-сама.

Она тронула струну. С того мгновения, как гости прошли в ворота чайного домика, все ее чувства обострились. Она тайком следила за ними и когда они беседовали с Гёко-сан, и когда остались одни, думая, как можно угодить ему или поразить госпожу Тода.

Она оказалась не готова к тому, что скоро сделалось очевидным: Андзин-сан явно желал госпожу Тода, хотя и скрывал это, как делал бы любой цивилизованный человек. Не было ничего удивительного в том, что чужеземец пленился госпожой Тода, необыкновенно красивой и утонченной дамой, которая, что еще важнее, одна могла свободно разговаривать с ним. Что удивило Кику, так это то, что госпожа Тода желала его так же, если не больше.

«Чужеземец – самурай, госпожа тоже самурай, дочь родовитого военачальника и убийцы Акэти Дзинся, жена господина Бунтаро! Э-э-э! Бедные мои! Как печально... Конечно, это закончится трагедией».

Кику почувствовала, что готова заплакать при мысли о горести жизни, ее тяготах.

«О, как бы я хотела родиться самураем, а не крестьянкой, чтобы стать хотя бы наложницей Оми-сама, а не просто игрушкой. Я бы с радостью отдала за это надежду на новое воплощение.

Отбрось печаль! Дари людям удовольствие! Это твой долг».

Она тронула вторую струну, чей звук был исполнен меланхолии, и заметила, что Марико увлечена музыкой, а Андзин-сана песня не волнует.

Почему? Кику знала, что дело не в ее игре. Она была уверена, что игра почти совершенна. Мало кто сравнится с ней мастерством.

Взяв третий, еще более красивый аккорд на пробу, она сказала себе: «Ясно, его это не радует», позволила аккорду замереть и запела без аккомпанемента. Ее голос метался, неожиданно меняя темп. Она училась этому годы. Марико опять была поражена, он – нет, и Кику снова остановилась.

– Сегодняшний вечер не для музыки или пения, – заявила она. – Это вечер для счастья. Марико-сан, как мне произнести на их языке:

«Пожалуйста, извините меня»?

– *Пер фавор.*

– *Пер фавор*, Андзин-сан. Сегодня вечером мы должны только смеяться, да?

– *Домо*, Кику-сан. *Хай.*

– Трудно общаться без слов, но не сказать, что невозможно, да? Ах, я знаю! – Она прыжком вскочила на ноги и начала разыгрывать комические пантомимы, изображая даймё, носильщика, рыбака, уличного торговца, чванливого самурая, даже старого крестьянина. И представление оказалось так талантливо и забавно, что Марико и Блэкторн сразу же засмеялись, захлопали в ладоши.

Потом она подняла руку и стала с озорством показывать, как мочится мужчина. Как держит член в руках, отпускает его, схватывает, удивляется его малой величине, недоверчиво взвешивает в руках. Как он делает это во всякую пору жизни – начиная с детства, когда писается в постель и хнычет, и кончая немощной старостью, когда он стонет в экстазе оттого, что наконец удалось пустить струю.

Кику поклонилась в ответ на рукоплескания и отпила чаю, отирая пот со лба. Она заметила, что чужеземец поводит плечами и спиной, пытаясь облегчить боль.

– О, *пер фавор*, сеньор! – Она опустила на колени за спиной Блэкторна и начала растирать ему шею. Ее умелые пальцы сразу нашли нужные точки, доставив мгновенное облегчение.

– О боже мой!.. Это... *Хай*... Как раз там!

Она прошлась пальцами там, куда он указал.

– Вашей шее скоро будет лучше. Слишком много сидели, Андзин-сан!

– Очень хорошо, Кику-сан. Вы почти превзошли Суво!

– Ах, спасибо. Марико-сан, у Андзин-сана такие широкие плечи, вы мне не поможете? Просто поработайте с его левым плечом, пока я займусь правым. Извините, но мои руки недостаточно сильны.

Марико позволила себя уговорить. Кику спрятала улыбку, когда он возбудился от прикосновений Марико, и порадовалась своей изобретательности. Гость доволен благодаря ее искусству и знаниям. Теперь им можно управлять, как это и должно быть.

– Уже лучше, Андзин-сан?

– Хорошо, очень хорошо, спасибо.

– О, я рада за вас. Мне приятно. Но госпожа Тода намного искусней в этом деле, чем я. – Кику чувствовала их взаимную тягу, которую они пытались скрыть. – Теперь, может быть, немного поедим?

Еду тут же принесли.

– Для вас, Андзин-сан, – гордо провозгласила она.

На блюде лежал небольшой фазан, нарезанный на мелкие кусочки и зажаренный на открытом огне. Он был полит сладким соевым соусом. Она положила кусочек Блэкторну.

– Превосходно, превосходно! – воскликнул он, не кривя душой.

– Марико-сан?

– Спасибо. – Марико взяла маленький кусочек, но не стала есть.

Кику подхватила кусочек палочками для еды и с удовольствием сжевала.

– Хорошо, правда?

– Да, Кику-сан, это превосходно! Прекрасно!

– Андзин-сан, угощайтесь, пожалуйста! – Она взяла второй кусок. – Здесь еще много.

– Спасибо. Как это готовится – вот это? – Он указал на густой коричневый соус.

Марико перевела для нее.

– Кику-сан говорит, что это сахар с соей и капелькой имбиря. Она спрашивает, есть ли в вашей стране сахар и соя.

– Сахар из свеклы делают, а сои нет, Кику-сан.

– О, как можно жить без сои? – Кику напустила на себя важность. – Пожалуйста, скажите Андзин-сану, что мы уже тысячу лет употребляем в пищу сахар. Буддийский монах Гандзин привез его к нам из Китая. Все лучшее пришло к нам из Китая, Андзин-сан. Чай мы стали пить около пятисот лет назад. Еще один буддийский монах – Эйсай – принес несколько семян и посадил их в провинции Тикудзэн, где я родилась. Он также дал нам дзен-буддизм.

Марико перевела с такой же важностью. Тут Кику расхохоталась:

– Ох, извините, Марико-сама, но вы оба выглядите такими серьезными. Я и притворилась такой же важной с этим чаем – как будто это имеет значение! Я только хотела развлечь вас.

Они наблюдали, как Блэкторн расправился с фазаном.

– Вкусно, – похвалил он. – Очень вкусно! Пожалуйста, поблагодарите Гёко-сан.

– Она будет польщена. – Кику налила им обоим еще чая. Потом, зная, что наступил удобный момент, невинно осведомилась: – Можно у вас спросить, что случилось сегодня во время землетрясения? Я слышала, Андзин-сан спас жизнь господину Торанаге. Я сочла бы за честь услышать это из первых уст.

Она терпеливо внимала рассказу, позволив Блэкторну и Марику заново пережить все волнующие перипетии, вставляя к месту «ох!» или «а что же дальше?», подливая sake, не прерывая, – идеальный слушатель.

И когда они закончили свою повесть, Кику восхитилась их смелостью и тем, как повезло господину Торанаге. Они поболтали еще немного, потом Блэкторн встал, и служанке велели показать ему дорогу.

Марику нарушила молчание:

– Вы никогда прежде не ели мяса, Кику-сан, правда?

– Это моя обязанность – делать то, что будет приятно гостю, только и всего, правда?

– Я никогда не догадывалась, сколь совершенна может быть госпожа. Теперь я понимаю, почему «плавающий мир», «мир ив» должен существовать всегда, и как счастливы мужчины, и сколь многого не дано мне.

– О, я не ставила себе такой цели, Марику-сама. Мы здесь только для удовольствий, скоротечного наслаждения.

– Пусть так, но я восхищена вами. Мне хотелось бы быть вашей сестрой.

Кику поклонилась:

– Я недостойна такой чести.

Обе женщины ощутили, как между ними зарождаются теплые чувства.

Потом куртизанка тихо сказала:

– Это потаенное место. Нам можно довериться. Здесь нет любопытных глаз. Комната для удовольствий в саду очень темная, если вам желательна темнота. Она скроет все секреты.

– Единственный способ сохранить тайну – это прошептать ее в пересохший колодец глухой полночью, когда луна стоит высоко, – пробормотала Марику, выгадывая время, чтобы принять решение.

– Между сестрами не нужны стены. Я отпустила служанку до утра. Наша комната для удовольствий – очень уединенное место.

– Вы должны быть с ним одна.

– Я всегда могу быть одна, всегда.

– Вы так добры, Кику-сан, так предусмотрительны.

– Это волшебная ночь, да? И совершенно особенная.

– Волшебные ночи слишком скоро кончаются, сестричка. Волшебные ночи для детей, правда? Я не ребенок.

– Кто знает, что случится волшебной ночью? Темнота скрывает все.

Марико печально покачала головой и нежно коснулась плеча Кику:

– Да. Но если она вместит вас, для него этого будет уже достаточно.

Кику отступилась. Потом позволила себе догадку:

– Я – подарок для Андзин-сана? Он не сам желал посетить меня?

– Если он видел вас, как мог не пожелать? Честно говоря, это большая честь для Андзин-сана, что вы принимаете его. Я сейчас это поняла.

– Но он видел меня всего один раз, Марико-сан. Я стояла рядом с Оми-саном, когда Андзин-сан шел к кораблю, чтобы плыть в Осаку.

– О!.. Но Андзин-сан говорил, что видел с Оми-саном Мидори. Так это были вы? Около паланкина?

– Да, на площади. О да, это была я, Марико-сан, а не госпожа Мидори, жена Оми-сама. Андзин-сан еще сказал мне: *Коннити ва*. Но конечно, он не запомнил. Как он мог запомнить? Это было в прошлой жизни, да?

– О, он запомнил красивую девушку с зеленым зонтиком. Он сказал, что никого красивей в жизни не видел. Он говорил мне об этом много раз. – Марико внимательно посмотрела на нее. – Да, Кику-сан, вас легко было спутать с Мидори тогда, под зонтиком.

Кику налила sake, и Марико была очарована ее непринужденной элегантностью.

– Мой зонтик был цвета морской воды, – сообщила Кику, польщенная тем, что он помнил.

– Как тогда выглядел Андзин-сан? Совсем иначе? «Ночь стонов», должно быть, сказала на нем не лучшим образом.

– Да, это так. Он тогда казался старше, лицо осунулось... Но мы слишком серьезны, старшая сестра. Ах, вы не знаете, как я польщена

тем, что мне позволено так вас называть. Сегодня ночь удовольствий. Не надо больше о серьезном, ладно?

– Да, согласна.

– Теперь, возвращаясь к простым вещам, не будете ли вы добры дать мне несколько советов?

– Пожалуйста, – откликнулась Марико дружеским тоном.

– Скажите, может быть, люди его национальности предпочитают использовать в постели какие-нибудь особые приспособления или позы? Вы что-нибудь знаете об этом? Извините меня, пожалуйста, но, может быть, вы могли бы мне что-то подсказать.

Марико потребовалась вся выдержка, чтобы оставаться спокойной.

– Нет, этого я не знаю. Андзин-сан очень стыдлив во всем, что касается телесной близости.

– А нельзя ли выяснить как-нибудь, окольным путем?

– Не думаю, чтобы вам удалось расспросить о подобных вещах чужеземца. Только не Андзин-сана. И извините, я не знаю, что это за приспособления, за исключением, конечно, *харигата*.

– А! – Интуиция Кику снова не подвела ее, и она осведомилась невинно: – А вы не хотели бы взглянуть? Я могла бы показать вам их все. Может быть, вместе с ним. Тогда его не придется ни о чем спрашивать. Мы всё пойдем по его отклику.

Марико заколебалась, любопытство пересилило ее предубеждения.

– Если бы это можно было обставить как шутку...

Они услышали, как возвращается Блэкторн. Кику встретила его и налила sake. Марико осушила свою чашку, радуясь, что уединению пришел конец. Ей было нелегко сознавать, что Кику с легкостью читает ее мысли.

Они болтали, играли в глупые игры, а потом, решив, что наступило подходящее время, Кику спросила, не хотят ли они поглядеть сад и комнаты для удовольствий.

Все трое вышли на воздух в ночь. Дорожка петляла вокруг маленького прудика и журчащего водопада. В конце тропы среди бамбуковой рощицы стоял маленький домик. Он возвышался над ухоженной лужайкой, к окружающей его веранде вели четыре ступеньки. Убранство двухкомнатного жилища было очень изысканным: красное дерево, тонкая работа, мягчайшие татами,

красивые шелковые подушки, самые элегантные драпировки в токономе.

– Так мило, Кику-сан! – восхитилась Марико.

– Чайный домик в Мисиме намного изысканней, Марико-сан. Пожалуйста, располагайтесь поудобнее, Андзин-сан! *Пер фавор*, вам удобно, Андзин-сан?

– Да, очень удобно.

Кику видела, что он захвачен новыми впечатлениями и немного пьян, но поглощен одной Марико. Кику так и подмывало встать, проскользнуть во внутреннюю комнату, где были разложены футоны, оттуда выбраться на веранду и уйти. Но она знала, что, сделав так, нарушит закон. Более того, она сознавала, что такой поступок будет безответственным, ибо в глубине души чувствовала: Марико уже почти приняла решение.

«Нет, – подумала Кику, – я не должна толкать ее на такой трагический, неблагоразумный шаг, как бы важно это ни было для моего будущего. Я предложила, но Марико-сан сама отказалась. Мудро. Они любовники? Не знаю. Это их карма».

Она наклонилась и заговорщицки рассмеялась:

– Послушайте, старшая сестра, пожалуйста, скажите Андзин-сану, что у меня здесь имеются некие штучки. В их стране такие есть?

– Он говорит, что нет, Кику-сан. Извините, он никогда не слышал ни о чем подобном.

– О! Ему не любопытно будет посмотреть на них? Они в соседней комнате, я могу сходить за ними – они действительно очень возбуждают.

– Вам не хотелось бы посмотреть, Андзин-сан? Кику-сан уверяет, что они очень *забавные*. – Марико умышленно изменила слово.

– Почему нет? – буркнул Блэкторн. Его горло сжалось, он весь был напряжен, взволнованный их запахами, их женственностью. – Вы используете какие-то приспособления, когда предаетесь любви? – спросил он.

– Кику-сан говорит: «Иногда». Она поясняет – и это верно, – что мы всегда стараемся продлить краткий миг «облаков» и «дождя», который, как нам кажется, приближает нас, смертных, к богам. – Марико следила за ним. – Ведь это очень важно – растянуть подобные мгновения как можно дольше, правда? Это наш долг, да?

– Да.

– Она знает, что быть наедине с богами очень важно. Это правильное желание и вполне исполнимое, хотя, возможно, вы так не думаете. Ощущение «ливня», хлынувшего из «облаков», такое неземное и божественное. Не так ли? Использовать любые средства, чтобы оставаться с богами как можно дольше, – наш долг, правда?

– Несомненно.

– Не хотите ли sake, Андзин-сан?

– Спасибо.

Она обмахнулась веером.

– «Ливень», «облака» и «дождь», «огонь» и «поток», как мы иногда их называем, это очень по-японски, Андзин-сан. Очень важно быть японцем в любви, да?

К ее облегчению, он ухмыльнулся и поклонился ей церемонно, как придворный:

– Да, конечно. Я – японец, Марико-сан. *Хонто!*

Кику вернулась с ларцом, внутри обитым шелком, открыла его и вынула внушительного размера пенис, вырезанный из слоновой кости, и другой, эластичный, из материала, которого Блэкторн никогда не видел. Она небрежно отложила их в сторону.

– Это обычные *харигата*, Андзин-сан, – пояснила Марико, не задумываясь. Ее глаза были прикованы к другим предметам.

– Это... на самом деле? – растерялся Блэкторн. – Матерь Божья!

– Обычные харигата, Андзин-сан. Конечно, у ваших женщин они тоже есть.

– Конечно нет! Нет, у них такого нет, – добавил он, пытаясь не терять чувства юмора.

Марико не могла поверить его словам. Она перевела их Кику, которая удивилась не меньше. Куртизанка что-то долго говорила, а Марико кивала.

– Кику-сан это кажется очень странным. Я должна согласиться, Андзин-сан. У нас почти каждая женщина пользуется ими, чтобы снять напряжение, без всякой задней мысли. Как еще может она оставаться здоровой, если рядом нет мужчины? Вы уверены, Андзин-сан? Вы нас не обманываете?

– Нет. Я... э... уверен, что наши женщины их не имеют. Это было бы... Боже мой... Ну, мы... Они ничего такого не имеют.

– Без харигата жизнь должна быть невероятно трудной. Мы говорим, что харигата подобны мужчинам, но лучше их, потому что это копия их лучшей части, без всего остального. Не так ли? Они превосходны, потому что не все мужчины имеют силу харигата. Они нам преданы и никогда не пресыщаются нами, как мужчины. Они могут быть любыми – грубыми или мягкими. Андзин-сан, вы обещали, помните? Про юмор!

– Вы правы, – ухмыльнулся Блэкторн. – Конечно, вы правы. Пожалуйста, извините меня. – Он поднял харигата и внимательно рассмотрел, невыразительно насвистывая. – Вы говорили, учительница-сан, они могут быть грубыми?

– Да, – сказала она убежденно. – Они могут быть грубыми или мягкими – какими пожелаете. Кроме того, харигата намного выносливее любого мужчины, никогда не устают!

– О, это занятно!

– Да. Не забывайте: не каждой женщине повезло встретить сильного мужчину. Без помощи одной из таких штучек, удовлетворяющих естественные страсти, женщина быстро теряет физическое равновесие, у нее портится настроение, что идет во вред и ей, и ее окружению. Женщина не имеет той свободы, которой пользуется мужчина – в большей или меньшей степени, – и это правильно, да? Мир принадлежит мужчинам, не так ли?

– Да, – улыбнулся он. – И да и нет.

– Извините, но мне жалко ваших женщин. Они ведь такие же, как и мы. Когда вернетесь домой, вы должны научить их, Андзин-сан. Ах да! Скажите королеве – она поймет. Мы очень чувствительны в вопросах наслаждения.

– Я непременно упомяну об этом ее величеству. – Блэкторн отложил харигата в сторону с наигранным сожалением. – Что еще?

Кику вынула низку из четырех больших круглых бусин белого нефрита, надетых через определенные промежутки на крепкую шелковую нить. Марико внимательно слушала объяснения куртизанки, глаза ее раскрылись широко-широко, веер замелькал. Когда Кику закончила, она с любопытством уставилась на бусы.

– *А, со дэс!* Ну, Андзин-сан, – твердо начала она, – эти бусы называются *кономи-синдзу*, «жемчужины наслаждения». Ими могут пользоваться и сеньор, и сеньора. Саке, Андзин-сан?

– Спасибо.

– И женщина, и мужчина могут прибегать к их помощи. Бусины осторожно помещают в задний проход, а потом, в мгновения «облаков» и «дождя», медленно, одну за другой, вытаскивают.

– Что?!

– Да. – Марико положила бусы перед ним на подушку. – Госпожа Кику говорит, очень важно правильно выбрать время и всегда... Я не знаю, как вы это называете. Ах да! Всегда использовать масляную смазку. Для удобства, Андзин-сан. – Посмотрев на него, она добавила: – Кику-сан сообщила также, что «жемчужины наслаждения» бывают разных размеров и, если их правильно применять, дают очень хороший результат.

Он шумно расхохотался и выпалил по-английски:

– Ставлю бочонок дублонов против кучки свиного дерьма, что в это никто не поверит!

– Извините, я не поняла, Андзин-сан.

Когда способность говорить вернулась к нему, он произнес по-португальски:

– Я ставлю гору золота против травинки, Марико-сан, что результат, должно быть, и впрямь очень хорош. – Он поднял бусы, внимательно их рассмотрел, не замечая, что насвистывает. – «Жемчужины наслаждения», да? – Через минуту он отложил их. – Что там еще?

Кику, радуясь, что опыт удался, продемонстрировала гостям *химицу-кава*, «секретную кожу»:

– Это кольцо наслаждения, Андзин-сан, которое мужчина использует, чтобы поддерживать возбуждение, когда устал. С ним, утверждает Кику-сан, мужчина может удовлетворять женщину, даже когда миновал свой пик или его желание ушло. – Марико следила за ним. – Не так ли?

– Разумеется, – просиял Блэкторн. – Господь Бог хранит меня от этого и от невозможности удовлетворить женщину. Но, пожалуйста, попросите Кику-сан купить мне три штуки – просто на всякий случай!

Затем ему показали *хирогумби*, «снаряжение для усталых», – тонкие высушенные стебли неизвестного растения, которые, будучи смочены и обернуты вокруг «несравненного песта», разбухали и делали его крепким на вид. Далее последовали разного рода

стимуляторы, способные вызывать или усиливать возбуждение, и мази – для увлажнения, увеличения объема, усиления остроты ощущений.

– Никогда не ослабевает? – спросил он с еще большим весельем.

– О нет, Андзин-сан. Это неземное ощущение!

Затем Кику вынула другие кольца, которые используют мужчины: из слоновой кости, эластичные, шелковые с шариками, щетинками, ленточками, расширениями и отростками разных видов, сделанными из слоновой кости, конского волоса и семян, даже с маленькими колокольчиками.

– Кику-сан говорит, что почти каждая из этих вещей превратит самую скромную даму в распутницу.

«О боже, как бы я хотел познать тебя, распутную!» – думал он.

– Но это только для мужчин, да? – уточнил Блэкторн.

– Чем больше возбуждена госпожа, тем острее наслаждение мужчины, – сказала Марико. – Конечно, доставлять радость женщине – долг мужчины. А с такими приспособлениями даже слабый, старый и усталый сумеет ее удовлетворить.

– Вы пользовались ими, Марико-сан?

– Нет, Андзин-сан, я никогда не видела их раньше. Они предназначены не для таких, как я... Жены не для удовольствия, их удел – растить детей, вести дом и хозяйство.

– Жены не ожидают, что их будут удовлетворять?

– Нет. Это было бы необычно. Это для дам из «мира ив». – Марико обмахнулась веером и объяснила Кику, что сказала. – Она спрашивает: «У вас то же самое?» Долг мужчины – доставлять удовольствие женщине, так же как ее долг – доставлять удовольствие мужчине, так?

– Пожалуйста, скажите ей, что, к сожалению, у нас совсем наоборот.

– Она говорит, что это скверно. Еще sake?

– Переведите ей, что мы научены стыдиться наших тел, соития, наготы и... прочим глупостям. Только пребывание здесь заставило меня понять это. Теперь я немного цивилизованнее и знаю больше.

Марико перевела. Он осушил свою чашку. Кику немедленно наполнила ее снова, наклонившись и придерживая длинный правый рукав левой рукой, чтобы не коснуться им низкого лакового столика, пока она наливала sake.

– *Домо.*

– *До итасимаситэ*, Андзин-сан.

– Кикку-сан говорит, что ваше мнение много значит для нас. Я согласна с ней, Андзин-сан. Сегодня вы заставили меня почувствовать гордость за нас, японцев. Но конечно, все совсем не так ужасно, как вы рассказываете.

– Хуже. Это трудно понять, особенно тому, кто никогда не жил там. Видите ли, на самом деле...

Блэкторн запнулся. Как им растолковать? Они смотрят на него, терпеливо ждут. На них яркие, разноцветные одежды, такие милые и чистые, и комната яркая, опрятная, уютная. Он вспомнил свой английский дом: солома на земляном полу; дым из открытого кирпичного очага поднимается к отверстию в потолке – во всем его городишке только три новых очага с дымоходами, и то лишь в самых богатых домах. В коттедже две маленькие спальни и одна большая неопрятная комната, которая служит сразу и кухней, и столовой, и гостиной. Он входит в дом в башмаках, летом и зимой, не замечая, что несет на подошвах грязь, навоз, садится на стул или скамейку. Дубовый стол вечно захламлен, как и вся комната, на полу которой возятся три-четыре собаки и двое детей – его сын и дочь покойного брата Артура ползают, шлепаются, играют. Фелисити стряпает, подол ее длинного платья волочится по грязи и соломе, служанка, шмыгающая носом, путается под ногами. Из соседней комнаты слышится кашель Мэри, жены Артура, – она при смерти, но никак не умрет.

Фелисити, милая Фелисити... Купание раз в месяц, и то летом, в медном корыте. Но лицо, руки и ноги она моет каждый день. Фелисити, всегда прячущая тело до шеи и запястий, закутанная в толстые шерстяные одежды, которые не были в стирке месяцы или годы, воняющая, как все, искусанная вшами, как все, измученная чесоткой.

И эти глупые поверья, что чистота может убить, что вода вызывает простуду и приносит чуму, что открытые окна грозят смертельными хворями, что вши и блохи, мухи и грязь, недуги – все это Божья кара за грехи.

Каждый день – в церковь, а в воскресенье дважды, чтобы внимать Слову, вбиваемому в тебя: ничто не важно, кроме Бога и спасения души.

Дьяволово семя, зачатая в грехе, живущая в стыде, обреченная гореть в аду, вымаливающая прощения и спасения, Фелисити так набожна, исполнена такого трепета перед Богом и такого ужаса перед Сатаной, так отчаянно стремится на небо. После службы она идет домой обедать. Снимает кусок мяса с вертела и, когда он падает на пол, поднимает его, стирает грязь и ест, если собаки не успеют схватить первыми, но всегда кидает им кости. Отбросы валяются на полу, покуда их не выметут и не вышвырнут на дорогу. Спит она чаще всего в том, в чем ходила днем, и чешется, как собака, все время чешется. Старее раньше срока, и безобразна смолоду, и умрет совсем молодой. Фелисити. Сейчас ей двадцать девять, но она поседела, растеряла почти все зубы, изможденная, морщинистая и худая.

– Раньше времени, бедняга. Боже мой, как бессмысленно! – выкрикнул он в ярости. – Все уходит даром!

– *Нан дэс ка*, Андзин-сан? – в один голос воскликнули женщины, выражение их лиц изменилось.

– Извините... просто... вы такие чистые, а мы такие грязные. И все впустую. Бесчисленные миллионы, многие поколения. Я тоже, вся моя жизнь... И только потому, что мы темные и невежественные. Боже мой, как безнадежно! Эти священники – они образованные люди, наши учителя, наставляют всех. Всегда во имя Бога. Грязь во имя Бога... Это правда!

– О да, конечно, – произнесла Марико мягко, тронутая его страданием. – Ради Бога, не расстраивайтесь так сейчас, Андзин-сан. Вот завтра...

Кику улыбалась, но внутренне досадовала на себя. «Тебе следовало быть осторожней, – думала она. – Какая глупость, глупость! Ты нужна Марико-сан! Ты позволила загубить вечер, и все волшебство ушло, ушло, ушло!»

Действительно, тяжелое, почти осязаемое желание, захватившее их всех, исчезло. «Может быть, это и к лучшему, – решила Кику. – По крайней мере, Марико и Андзин-сан будут благоразумны еще одну ночь. Бедные, бедные. Так печально». Она смотрела, как они разговаривали, потом почувствовала, что в их тоне что-то изменилось.

– Сейчас я должна уйти и оставить тебя, – объявила Марико на латыни.

– Давай уйдем вместе.

– Я прошу тебя остаться. Ради тебя и нее. И меня, Андзин-сан.
– Я не хочу этого подарка! – вскипел он. – Я хочу тебя.
– Я принадлежу тебе, Андзин-сан. Пожалуйста, оставайся! Я умоляю тебя. Оставайся и знай, что сегодня ночью я твоя.
Он не настаивал на том, чтобы она осталась.

После ее ухода он лег на спину, заложив руки за голову, и стал смотреть в окно на ночной сад. Дождь хлестал по черепице, с моря порывами долетал легкий ветерок.

Кику неподвижно сидела около него, подобрав под себя ноги, которые немели. Ей тоже хотелось лечь и вытянуться, но она не смела потревожить его неосторожным движением. «Ты не устала. Твои ноги не болят. Слушай дождь и думай о приятных вещах. Думай об Оми-сане и чайном домике в Мисиме, о том, что ты жива, что вчерашнее землетрясение было только одним из многих. Думай о Торанага-сама и невероятно высокой цене, которую осмелилась потребовать за тебя Гёко-сан. Прорицатель был прав: ты – ее счастливая карта, ты принесешь маме-сан богатство, какое ей и не снилось. А если эта часть предсказания верна, почему бы не сбыться всему остальному? В один прекрасный день ты выйдешь замуж за самурая, родишь ему сына, будешь жить долго и умрешь в глубокой старости, в своем доме, окруженная богатством и почетом, и, чудо из чудес, твой сын будет самураем, как и его сыновья».

Кику просияла при мыслях о своем невероятном, замечательном будущем.

Спустя какое-то время Блэкторн с наслаждением потянулся, чувствуя приятную усталость. Он увидел Кику, и улыбка тронула его губы.

– *Нан дэс ка*, Андзин-сан?

Он мягко покачал головой, встал и, отодвинув сёдзи, заглянул в следующую комнату. Служанки там не было. Он и Кику остались одни в роскошном маленьком жилище.

Блэкторн вошел в спальню и начал снимать кимоно. Она поспешила помочь ему. Он полностью разделся, потом надел легкое шелковое спальное кимоно, которое Кику держала перед ним. Она заботливо приподняла для него москитную сетку, под которую он и лег.

После этого переоделась сама Кику. Он смотрел, как она снимает оби, верхнее кимоно, нижнее, бледно-зеленое с ярко-красной каймой, и, наконец, нижнюю рубашку. Потом она облачилась в спальное кимоно персикового цвета, сняла искусно сделанный парик и освободила свои волосы, иссиня-черные и очень длинные.

Она присела около москитной сетки снаружи полога:

– *Додзо*, Андзин-сан?

– *Домо*, – сказал он.

– *Домо аригато годзаймасита*, – прошептала она.

Кику проскользнула под сетку и легла рядом с ним. Ярко горели свечи и масляные лампы. Он радовался свету: она была такая красивая.

Его отчаянное желание иссякло, хотя боль и осталась. «Я не хочу тебя, Кику-сан, – подумал он. – Не захотел бы, даже если бы ты была Марико. Или самой красивой женщиной из всех, что я видел. Лучше Мидори-сан, которая, я думаю, прекраснее любой богини. Я не хочу тебя. Позже, может быть, но не сейчас, извини».

Ее рука вспорхнула и дотронулась до него:

– *Додзо?*

– *Иэ*, – мягко ответил он, покачав головой.

Он подержал ее руку, потом просунул свою ей под плечи. Она послушно устроилась около него, сразу все поняв. Ее духи смешались с ароматом простыней и футонов.

«Так чисто, – подумал он, – такая невероятная чистота.

Что сказал тогда Родригес? „Япония – рай на земле, англичанин, если смыслишь кое в чем“ или „Это рай, англичанин“? Я не помню. Я только знаю, что рай земной не там, за морем, как мне думалось. Рай не там.

Рай на земле здесь».

Глава 41

Гонец галопом пронесся в темноте в сторону спящей деревни. Небо слегка окрасил рассвет, только что возвратились с ночного лова рыбацьи лодки, промышлявшие около отмелей. Вестник мчался без остановки из Мисимы через горные перевалы по плохим дорогам, меняя лошадей при каждой возможности.

Копыта прогрохотали по деревенским улицам – теперь отовсюду за всадником следили настороженные взгляды, – через площадь и вверх по дороге к крепости. На его знамени был герб Торанаги, он знал пароль. Тем не менее его четыре раза останавливали и проверяли, прежде чем разрешили войти и встретиться с начальником охраны.

– Срочное известие из Мисимы, Нага-сан, от господина Хиромацу.

Нага взял свиток и заторопился во внутренние помещения. У сѣдзи, возле которых была выставлена усиленная охрана, он остановился:

– Отец?

– Да?

Нага отодвинул дверь и подождал. Меч Торанаги скользнул обратно в ножны. Один из часовых принес масляную лампу.

Торанага сел под москитной сеткой и сломал печать. Две недели назад он приказал Хиромацу выступить во главе отборного полка к Мисиме, городу-крепости на тракте Токайдо, который охранял путь к перевалам, ведущим через горы к городам Атами и Одавара на восточном побережье Идзу. Атами открывал дорогу на север, к Одаваре, одной из главных твердынь Канто.

Хиромацу писал:

Господин, Ваш сводный брат Дзатаки, властелин Синано, прибыл сюда вчера из Осаки. Он просит обеспечить его безопасный проезд на встречу с Вами в Андзиро. Он прибыл по поручению «нового» Совета регентов в сопровождении сотни самураев и носильщиков. Я должен сказать Вам, что новости госпожи Кирицубо верны. Дзатаки оказался изменником и открыто заявил о своей верности Исидо. Чего она не знала, так это того, что Дзатаки заменил господина Сугияму на посту регента. Он показал мне бумагу о назначении, заверенную по всем правилам Исидо, Киямой, Оноси и Ито. Все, что я мог сделать, – это сдержать

моих людей, взбешенных его заносчивостью, и выполнить ваш приказ пропускать любого посланца Исидо. Я с удовольствием сам бы прикончил этого говноеда. Вместе с ним едет чужеземный священник Цукку-сан, который прибыл морем в порт Нумадзу из Нагасаки. Он просил разрешения повидать Вас, так что я отправил его с этой партией. Их сопровождают две сотни моих людей. Все они через два дня придут в Андзиро. Когда Вы вернетесь в Эдо? Лазутчики доносят, что Дзикю тайно собирает силы, а из Эдо сообщают, что северные кланы готовы принять сторону Исидо теперь, когда против Вас Синано. Я прошу Вас сразу же оставить Андзиро, избрав морской путь. Пусть Дзатаки последует за Вами в Эдо, где Вы сможете оказать ему должный прием.

Торанага ударил кулаком по полу:

– Нага-сан, попроси Бунтаро-сана, Ябу-сана и Оми-сана тотчас же явиться сюда.

Все собрались очень быстро. Торанага зачитал им послание.

– Нам лучше отменить все учения. Пошлите мушкетный полк, всех до одного человека, в горы. Нельзя, чтобы что-то стало известно.

– Прошу извинить меня, господин, – сказал Оми, – но, может, вам стоит встретить посланцев Исидо в горах? Скажем, в Ёкосэ. Пригласите господина Дзатаки, – он осторожно подбирал слова, – полечиться на водах поблизости, но встречу назначьте в Ёкосэ. После того как он передаст письмо, мы сможем препроводить его и сопровождающих обратно до границы или уничтожить – как вам будет угодно.

– Я не знаю Ёкосэ.

Ябу важно пояснил:

– Это красивое место, почти в самом сердце Идзу, господин, среди гор, в долине. Рядом с рекой Кано. Кано течет на север и в конце концов, пронеся свои воды через Мисиму и Нумадзу, впадает в море. Ёкосэ стоит на скрещении дорог, ведущих с севера на юг и с востока на запад. Это хорошее место для встречи, господин. Воды Сюдзэндзи – одни из лучших. Вам следует посетить их, господин. Я думаю, Оми-сан подал превосходную мысль.

– А мы сможем оборонять это место?

Оми быстро ответил:

– Да, господин. Там есть мост. Склон горы очень крутой. Все нападающие вынуждены будут продвигаться по извилистой дороге. Оба перевала легко перекрыть небольшими силами. Засаду против вас устроить невозможно. У нас более чем достаточно бойцов для вашей защиты, и, если дойдет до схватки, их людей поляжет вдесятеро больше.

– Мы перебьем их в любом случае, да? – с презрением изрек Бунтаро. – Но лучше там, чем здесь. Господин, пожалуйста, доверьте оборону этого места мне. Пятьсот лучников, ни одного самурая с мушкетом – все верхом. Вместе с теми, что послал мой отец, нас будет более чем достаточно.

Торанага сверился с датой на письме:

– Когда они доберутся до Ёкосэ?

Ябу посмотрел на Оми:

– Самое раннее – сегодня вечером. Вероятно, завтра до рассвета.

– Бунтаро-сан, выезжайте тотчас же, – приказал Торанага. – Задержите их в Ёкосэ, но не давайте переправиться через реку. Я выеду завтра на рассвете с еще одной сотней людей. Мы будем там к полудню. Ябу-сан, вы берете на себя командование мушкетным полком на это время и обеспечиваете безопасность нашего отъезда. Устройте засаду на дороге Хэйкава у перевала, чтобы мы в случае чего смогли вернуться по ней.

Бунтаро направился к выходу, но остановился, когда Ябу с трудом проговорил:

– Что может случиться, господин? У них только сто человек.

– Я подозреваю подвох. Господин Дзатаки не сунулся бы к нам, рискуя головой, если бы не имел какого-то тайного умысла, ибо я, разумеется, сниму с него голову при первой же возможности, – растолковал Торанага. – Если он не сможет кинуть в бой своих горцев, нам будет намного легче пройти через Синано. Но почему он всем рискует? Почему?

Оми осторожно предположил:

– Может быть, он снова собирается стать вашим союзником?

Все знали о давнем соперничестве между сводными братьями. До сих пор оно было дружеским.

– Нет. Он – нет. Я никогда не доверял ему и раньше. А кто доверится ему теперь?

Все замотали головой. Ябу заметил:

– Конечно, он не представляет для вас никакой угрозы. Господин Дзатаки – регент, да, но он только посланец, так ведь?

«Глупец, – хотел крикнуть ему Торанага, – неужели ты ничего не понимаешь?» Вслух он произнес:

– Мы скоро узнаем. Бунтаро-сан, выезжайте сразу же.

– Да, господин. Я тщательно выберу место для встречи, но не подпущу его ближе чем на десять шагов. Я был с ним в Корее. Он слишком хорошо владеет мечом.

– Действуй!

Бунтаро заторопился. Ябу сказал:

– Может быть, нам удастся склонить Дзатаки на нашу сторону – какими-нибудь посулами? На что он может клюнуть? Горы Синано коварны.

– Предмет его вожделений очевиден, – поморщился Торанага. – Канто. Разве не этого он желает и всегда желал? Разве не этого жаждут все мои враги? И сам Исидо? – Ответа не последовало. Он был не нужен. Торанага серьезно заключил: – Да поможет нам Будда! Мира, которого добился тайко, больше нет. Начинается война.

Чуткий слух моряка помог Блэкторну уловить тревогу в приближающемся цокоте копыт. Опасность! Он мгновенно пробудился, готовый действовать, все его чувства обострились. Копыта простучали мимо дома, потом процокали вверх по холму, в сторону крепости, и снова наступила тишина.

Он ждал. Никто не последовал за всадником. «Возможно, гонец, – подумал Блэкторн. – Откуда? Война?»

Приближался рассвет. Теперь Блэкторн видел кусочек неба. Оно было облачным, набухшим от дождевой влаги, теплый ветерок с привкусом соли колебал полог, за которым слабо жужжали москиты. Он был рад, что отгорожен от них, от тревог, хотя бы на время. «Радуйся миру и покою, пока можно», – сказал он себе.

Кику спала возле него, свернувшись, как котенок. Во сне она казалась еще более красивой. Он осторожно повернулся под стеганым одеялом на татами.

«Так намного лучше, чем на кровати. Лучше, чем на любой койке. Боже мой, намного лучше! Но скоро я снова взойду на борт. Впереди

нападение на черный корабль. Думаю, Торанага согласился, хотя и не сказал впрямую. Разве он не дал согласия на свой, японский манер? „Все дела в Японии всегда будут вестись японскими методами“. Да, это так.

Я хотел знать больше. Разве он не приказал Марико переводить все и посвящать меня в хитросплетения местной политики?

Мне требовались деньги, чтобы нанять новую команду. Разве он не дал мне две тысячи коку?

Я просил двести-триста пиратов. Разве он не дал мне двести самураев, полномочия и звание? Подчинятся ли мне самураи? Конечно. Он сделал меня самураем и хатамото. Так что они будут повиноваться мне до самой смерти. Они поплывут со мной на „Эразме“, как абордажная команда, и я поведу их на приступ.

Как же мне повезло! Невероятно. У меня есть все, что я хочу. Кроме Марико. И даже она. Мне принадлежат ее душа и любовь. Я обладал ее телом прошлой ночью, волшебной ночью, которой никогда не было. Мы любили без физической близости. Это совсем другое.

Между мной и Кику не любовь, просто расцветающее желание. Для меня это было прекрасно. Надеюсь, для нее тоже. Я всеми силами старался быть японцем и выполнить свой долг, угодить ей, как она угодила мне».

Он вспомнил, как неуклюже надевал кольцо наслаждений. Им овладело смущение, заставившее его отвернуться, и страх, что силы иссякнут, но зря. Когда наконец кольцо встало на свое место, они опять занялись любовью. Ее тело дрожало и изгибалось, и эти содрогания вознесли его на такую высоту, о которой он даже не подозревал.

Потом, когда дыхание выровнялось, он разразился хохотом, а она прошептала: «Почему ты смеешься?» Он ответил: «Не знаю, просто ты сделала меня счастливым».

«Я никогда не смеялся в подобные минуты, никогда раньше. Я не любил Кику-сан – я ее ласкал. Я люблю Марико-сан всей душой, и мне очень нравится Фудзико-сан.

А стал бы ты заниматься любовью с Фудзико?

Нет. По крайней мере, думаю, что не мог бы.

Разве это не твой долг? Вместе с привилегиями самурая и уверенностью, что все должны обходиться с тобой как с самураем, ты

принял на себя ответственность и обязанности, не так ли? Это справедливо. И почетно. Твой долг – дать Фудзико сына.

А Фелисити? Что сказала бы она?

А когда ты уплывешь, что будет с Фудзико и Марико? Ты действительно вернешься сюда, несмотря на рыцарский титул и большие почести, которых наверняка удостоишься, если доставишь на родину груз сокровищ? Решишься ли ты вновь преодолеть враждебные глубины и леденящий ужас Магелланова пролива, пройти сквозь штормы, цингу, корабельные бунты, плыть шестьсот девяносто восемь дней, чтобы во второй раз пристать к этому берегу? Выдержишь ли снова подобные испытания? Решай!»

Потом он вспомнил, что сказала ему Марико: «Будьте японцем, Андзин-сан, вы должны, чтобы выжить. Делайте то же, что делаем мы, подчиняйтесь гармонии кармы, не стыдясь этого. Примиритесь с силами, которые вне вашей власти. Раскладывайте все по своим местам и уступите *ва*, гармонии жизни. Не сопротивляйтесь, Андзин-сан, карма есть карма».

«Да, я решу, когда придет время.

Сначала я должен собрать команду. Потом захватить черный корабль. Затем пройти полсвета, чтобы попасть в Англию. После я куплю и снаряжу военные корабли. И тогда уж буду решать. Карма есть карма».

Кику заворочалась, плотнее закуталась в одеяла, придвинувшись к нему поближе. Он почувствовал тепло ее тела через шелк двух кимоно и возбудился.

– Андзин-сан, – пробормотала она, еще не проснувшись. – *Хай?*

Он не стал будить ее. Он довольствовался тем, что баюкал Кику и отдыхал, восхищенный блаженством, которое дало ему обладание ее телом. Но перед тем как заснуть, он благословил Марико за то, чему она научила его.

– Да, Оми-сама, конечно, – кудахтала Гёко. – Я схожу за Андзин-саном сейчас же. Ако, пошли со мной! – Гёко отправила Ако за чаем, а сама заторопилась в сад, соображая, какие такие важные новости доставил прискакавший ночью гонец.

«И почему Оми сегодня такой странный? – спросила она себя. – Такой надменный, грубый? И с чего явился сам из-за такого пустяка?»

Почему не прислал кого-нибудь из самураев? Э-э, кто знает? Оми – мужчина. Кто их разберет, особенно самураев? Нет, что-то не так. Не принес ли гонец объявление войны? Думаю, да. Что ж, война так война, она никогда еще не вредила нашему делу. Даймё и самураи все так же будут нуждаться в наших услугах, даже больше, и на войне деньги значат для них меньше, чем когда-либо. Все хорошо».

Она улыбнулась про себя. «Вспомни военные дни сорокалетней давности, когда тебе было семнадцать, и Мисиму. Сколько было смеху, любовных забав, славных ночей, перетекающих в дни. Вспомни, как ублажала Лысого Старикана, отца Ябу, приятного пожилого господина, который любил варить преступников, как и его сын. Вспомни, как тебе пришлось постараться, чтобы угодить ему, – в отличие от его сына! – Гёко хихикнула. – Мы миловались три дня и три ночи, потом он на год стал моим покровителем. Хорошие времена – отличный мужчина. О, как мы наслаждались!

Война или мир – не важно! *Сиката га най?* Достаточно вложено в дело у ростовщиков, торговцев рисом, немного там, немного здесь. Есть винокурня в Одаваре, чайный домик в Мисиме процветает, а сегодня господин Торанага хотел купить контракт Кику!

Да, наступают занятные времена, и какой захватывающей выдалась прошлая ночь. Кику была прекрасна, вспышка Андзин-сана огорчительна. Но Кику выправила положение, ни одна куртизанка в этой стране не сумела бы лучше. И после, когда госпожа Тода ушла, искусство Кику все скрасило, и ночь прошла в блаженстве.

Ах, мужчины и женщины! Как они предсказуемы. Особенно мужчины.

Вечные дети. Тщеславные, трудные, ужасные, нетерпеливые, слабые, противные, очень редко изумительные, но все рождены с одной все искупающей особенностью, которую мы называем „нефритовым стержнем“, „черепашьей головкой“, „вершиной ян“, „кипящим стеблем“, „поршнем“ или просто „куском мяса“.

Как оскорбительно! И все-таки как правильно!»

Гёко хихикнула и в который уже раз спросила себя: «Во имя всех богов, живых, мертвых и тех, которые еще только должны родиться, что бы мы делали в этом мире без „куска мяса“?»

Она ускорила шаг, стук подошв разносился далеко, предупреждая о ее приходе. Она взошла по отполированным кедровым ступеням, очень

осторожно постучала.

– Андзин-сан, Андзин-сан, извините, но господин Торанага послал за вами. Вам приказано тотчас вернуться в крепость.

– Что? Что вы говорите?

Она произнесла то же самое более простыми словами.

– А! Понятно! Хорошо, я буду там очень скоро, – услышала она. «До чего же смешной выговор!»

– Извините, пожалуйста. Кику-сан?

– Да, мама-сан? – Через мгновение сёдзи отодвинулись, и выглянула Кику, улыбающаяся, в облегающем кимоно, с растрепанными волосами. – Доброе утро, мама-сан, надеюсь, вы видели хорошие сны?

– Да-да, благодарю тебя. Кику-сан, не желаешь ли ты свежего зеленого чая?

– Ох!

Улыбка исчезла с лица Кику. Это была условная фраза, уместная в любой обстановке, которой Гёко извещала подопечную, что пришел ее самый важный гость, Оми-сан. Услышав ее, Кику могла поскорее закончить рассказ, песню или танец, чтобы принять Оми-сана, если ей того хотелось. Кику мало кого допускала до тела, хотя скрашивала досуг многих самураев, если они платили. Только очень и очень немногие могли позволить себе все ее услуги.

– Ну так что? – не отставала Гёко.

– Ничего, мама-сан. Андзин-сан, – весело позвала Кику, – простите, а вы не желаете чаю?

– Да, пожалуй.

– Сейчас принесут, – сказала Гёко. – Ако! Поторопись, деточка.

– Да, хозяйка. – Ако принесла чайник и две чашки на подносе, налила.

Гёко удалилась, снова извинившись за беспокойство.

Кику сама подала чашку Блэкторну. Тот жадно выпил чай, затем она помогла ему одеться. Ако достала свежее кимоно и для нее. Кику была очень внимательна к Блэкторну, но вся поглощена мыслью о том, что скоро ей придется проводить Андзин-сана за ворота и раскланяться с ним, когда он будет уходить. Этого требовали хорошие манеры. Более того, это была ее привилегия и обязанность. Только куртизанкам первого класса разрешалось выходить за порог, чтобы

воспользоваться почетным правом. Госпожам рангом пониже надлежало оставаться во дворе. Казалось немислимым, что она не завершит ночь как полагается – гость мог оскорбиться, и все-таки...

Первый раз в жизни Кику не хотела кланяться гостю, провожая его на глазах у другого гостя.

«Я не могу, только не Андзин-сан и не перед Оми-саном. Почему? – спросила она себя. – Потому что Андзин-сан – чужеземец и ты стыдишься обнаружить перед всем миром, что тобой обладал варвар? Нет. Все в Андзиро уже знают, и один мужчина похож на другого, большей частью. Этот – самурай, хатамото, начальник над флотом господина Торанаги! Нет, дело не в этом.

Тогда в чем?

Наверное, ночью я устыдилась того, что сотворил над ним Оми-сан. Нам всем было стыдно. Оми-сан не должен был так поступать. Андзин-сан заклеял мои пальцы, казалось, чувствовали клеймо сквозь шелк его кимоно. Я сгорала от стыда за него, хорошего человека, с которым нельзя было делать подобного.

И я тоже замарана?

Нет, конечно нет. Просто мне совестно перед ним. И стыдно показать это Оми-сану».

Потом ей вспомнились наставления мама-сан: «Дитя, дитя, оставь мужчинам их мужские дела. Смех – наше лекарство от них, от мира, от богов и даже от старости».

– Кику-сан?

– Да, Андзин-сан?

– Я ухожу.

– Да. Давайте выйдем вместе, – пролепетала она.

Он нежно заключил ее лицо в свои грубые ладони и поцеловал:

– Спасибо тебе. Не хватает слов для благодарности.

– Это мне следует благодарить вас. Пожалуйста, разрешите мне сделать это, Андзин-сан. Давайте сейчас выйдем вместе.

Она позволила Ако в последний раз прикоснуться к своим волосам, оставив их распущенными, повязала пояс на свежем кимоно и вышла вместе с ним.

Кику шагала рядом с ним, что было ее правом, в отличие от жены или наложницы, дочери или служанки, которым предписывалось держаться позади, поотстав на несколько шагов. Он сразу положил

руку ей на плечо, и это Кику не понравилось, поскольку они уже покинули уединенный покой. Потом ее обожгло ужасное предчувствие: он поцелует ее при всех у ворот – таков обычай чужеземцев, как говорила Мариико. «О Будда, пусть этого не случится!» – молила она, едва живая от испуга.

Его мечи лежали в парадной гостиной. По обычаю, все гости оставляли оружие под охраной, за пределами комнаты удовольствий, чтобы избежать кровавых стычек и чтобы какая-нибудь госпожа не попыталась покончить с собой. Не все представительницы «мира ив» были счастливы или удачливы.

Блэкторн заткнул мечи за пояс. Кику с поклоном указала ему путь на веранду, где он надел свои сандалии. Гёко и другие собрались поклониться почетному гостю. За воротами у моря лежала деревенская площадь, по которой слонялось множество самураев, среди них – Бунтаро. Кику не видела Оми, но не сомневалась, что он где-то рядом, наблюдает за ними.

Андзин-сан казался очень высоким рядом с ней, такой маленькой. Они одновременно увидели Оми, когда пересекали двор. Он стоял около ворот.

Блэкторн остановился:

– Доброе утро, Оми-сан, – сказал он дружески, не зная, что Оми и Кику больше чем друзья.

«Откуда ему знать? – подумала она. – Никто не говорил ему. Почему ему должны были сказать? И какое это имеет значение?»

– Доброе утро, Андзин-сан. – Голос Оми тоже звучал дружелюбно, но от Кику не укрылось, что его поклон был холоден – простая дань вежливости. Взгляд угольно-черных глаз перешел на нее, и она поклонилась, просияв своей безукоризненной улыбкой:

– Доброе утро, Оми-сан. Вы оказали честь нашему дому.

– Благодарю вас, Кику-сан.

Она чувствовала его изучающий взгляд, но притворилась, будто ничего не замечает, и скромно опустила глаза. С веранды за ними наблюдали Гёко, служанки и не занятые с гостями госпожи.

– Я иду в крепость, Оми-сан, – сообщил Блэкторн. – Все в порядке?

– Да, господин Торанага послал за вами.

– Надеюсь, мы скоро увидимся.

– Взаимно.

Кику подняла глаза. Оми все еще сверлил ее взглядом. Она подарила ему самую лучезарную свою улыбку и покосилась на Андзин-сана. Чужеземец внимательно следил за Оми, потом, почувствовав ее взгляд, повернулся к ней с улыбкой, несколько напряженной:

– Извините, Кику-сан, Оми-сан, я должен идти.

Андзин-сан поклонился Оми. Тот ответил поклоном. Чужеземец прошел в ворота. Едва дыша, Кику последовала за ним. Движение на площади прекратилось. В полной тишине она увидела, как Андзин-сан поворачивается, и на одно ужасное мгновение вообразила, будто он собирается обнять ее. Но, к огромному облегчению Кику, Андзин-сан не сделал этого, а только остановился, ожидая, как и подобало цивилизованному человеку.

Она поклонилась ему со всей нежностью, на какую была способна. Глаза Оми впились в нее.

– Благодарю вас, Андзин-сан, – произнесла она и улыбнулась ему одному. По площади пронесся вздох. – Благодарю вас. – Потом она добавила, как было принято: – Пожалуйста, навестите нас снова. Я буду считать дни до нашей следующей встречи.

Он поклонился с подобающей небрежностью и зашагал прочь, всем своим видом выказывая высокомерие, приличествующее самураю его ранга. И в благодарность за то, что он обошелся с ней уважительно, а также из желания отплатить Оми за холодный поклон она не вернулась немедленно в дом, но осталась стоять у ворот и проводила Андзин-сана долгим взглядом, оказывая ему еще большее уважение. Она стояла так, пока чужеземец не достиг дальнего угла, и видела, как он оглянулся и махнул ей рукой. Кику поклонилась очень низко, польщенная всеобщим вниманием, но притворяющаяся, что не замечает посторонних глаз. И только когда он действительно скрылся, она вернулась в дом. Гордая и очень элегантная. И пока не закрылись ворота, все мужчины следили за ней, любуясь ее красотой и завидуя Андзин-сану, который должен много значить для нее, если она так его провожает.

– Вы такая хорошенькая, – произнес Оми-сан.

– Хотела бы я, чтобы это было правдой, Оми-сан, – откликнулась она с улыбкой, менее лучистой, чем та, которой удостоился Андзин-сан. – Хотите чая, Оми-сама? Или позавтракать?

– С вами – да.

Гёко тут же спохватилась и завела елеиным голоском:

– Пожалуйста, извините меня за плохие манеры, Оми-сама. Не откушаете ли с нами? Или вы уже завтракали?

– Нет, пока нет, но я не голоден. – Оми взглянул на Кику в упор: – Вы уже ели?

Гёко решительно прервала его:

– Позвольте принести вам что-нибудь не слишком недостойное вас, Оми-сама. Кику-сан, когда переоденешься, присоединяйся к нам, да?

– Конечно, прошу меня извинить, Оми-сама, за появление в таком виде. Извините. – Девушка упорхнула, изображая счастье, которого не чувствовала. Ако последовала за ней.

Оми сказал коротко:

– Сегодняшний вечер за мной, ужин и развлечения.

– Конечно, Оми-сама, – склонилась перед ним Гёко, хотя и знала, что Кику будет занята. – Вы окажете нам большую честь. Кику-сан счастлива, что вы достаиваете ее милости.

– Три тысячи коку? – Торанага был возмущен.

– Да, господин, – подтвердила Марико. Они сидели на уединенной веранде в крепости. Дождь уже начался, но дневная жара еще не спала. Марико чувствовала себя вялой, разбитой и мечтала, чтобы скорее пришла осенняя прохлада. – Извините, я не смогла выторговать лучшей цены у этой женщины. Я говорила с ней почти до вечера. Извините, господин, но вы приказали мне заключить сделку прошлой ночью.

– Но три тысячи коку, Марико-сан! Это грабеж!

На самом деле Торанага был только рад поводу немного отвлечься от новых забот. Христианский священник Цукку-сан путешествует с Дзатаки, новоиспеченным регентом, что рождает беспокойство. Он продумал все маршруты наступления и отхода, каждый путь к бегству, который только можно было вообразить, и пришел к неутешительному выводу: если Исидо будет наступать быстро, он, Торанага, погиб.

«Я должен выиграть время. Но как?»

На месте Исидо я бы выступил сразу, не дожидаясь конца дождей.

Я ставлю людей в определенное положение, как поступили мы с тайко, чтобы разгромить Бэппу. Этот план всегда срабатывает – ведь

он так прост! Исидо не настолько глуп, чтобы не заметить очевидного: защитить Канто можно, только овладев Осакой и всеми землями между Эдо и Осакой. Пока Осака в руках врагов, Канто в опасности. Тайко понимал это. С чего бы еще он отдал мне Восемь Провинций? Без Киямы, Оноси и чужеземных священников...»

Торанага заставил себя отрешиться от завтрашнего дня и целиком сосредоточиться на чудовищной сумме:

– Три тысячи коку! Это выходит за всякие рамки!

– Я согласна, господин. Вы абсолютно правы. Это целиком моя вина. Я думала, что и пяти сотен будет слишком, но эта женщина, Гёко, не снизила цену. Хотя и пошла на одну уступку.

– Какую?

– Гёко молила о чести снизить цену до двух тысяч пятисот коку, если вы окажете ей милость, согласившись повидаться с ней наедине и уделить ей один стик своего драгоценного времени.

– Мама-сан скостит пятьсот коку, только чтобы поговорить со мной?

– Да, господин.

– Почему? – насторожился он.

– Она объяснила мне причину, господин, но покорнейше просила, чтобы ей было дозволено рассказать вам все самой. Я считаю, что ее предложение заинтересует вас, господин. И пять сотен коку... было бы выгадано. Ужасно, что я не смогла добиться лучшего соглашения, пусть даже Кику-сан – куртизанка первого класса и заслуживает этого звания. Я знаю, что подвела вас.

– Согласен, – буркнул Торанага. – Даже тысячи было бы слишком много. Это Идзу, а не Киото!

– Вы совершенно правы, господин. Я заявила этой женщине, что назначенная ею цена слишком высока, что я сама не могу с ней согласиться, хотя вы и дали мне прямые указания завершить сделку в этот вечер. Надеюсь, вы простите мне непослушание, но я сказала, что сначала хотела бы посоветоваться с уважаемой госпожой Касиги, матерью Оми-сана, а уж потом подтвердить сделку.

Торанага просиял, забыв тревоги:

– Ах, так вы еще не ударили по рукам?

– Нет, господин. Ничего не решится, пока я не побеседую с госпожой Касиги. Я сказала, что дам ответ сегодня в полдень.

Пожалуйста, извините мое своеволие.

– Вам следовало заключить сделку, как я приказал! – Однако в глубине души Торанага был доволен, что Марико столь искусно оставила ему возможность согласиться или отказать, не потеряв лица. Немыслимо, чтобы человек его положения пускался в споры из-за каких-то презренных денег. Однако три тысячи коку... – Вы говорите, контракт девушки стоит риса, которым можно три года кормить тысячу семей?

– Тот, кто способен оценить ее достоинства, не постоит за этой горой зерна.

Торанага проницательно посмотрел на нее:

– Даже так? Расскажите мне о ней и о том, что там произошло.

Она рассказала ему все, обойдя молчанием свои чувства к Андзинсану и его чувства к ней. И то, что предложила ей Кику.

– Хорошо. Да, прекрасно. Это было очень умно, – оценил Торанага. – Он, должно быть, ублажил госпожу, если она стояла вот так у ворот, впервые. Едва ли не все в Андзиро ждали этого мгновения, чтобы посмотреть, как поведут себя чужеземец и госпожа первого класса из «мира ив».

– Да.

– Ему стоило потратить три коку. Теперь слава побежит впереди него.

– Да, – согласилась Марико, не слишком довольная успехом Блэкторна. – Это исключительная особа, господин.

Торанагу удивляла уверенность Марико в том, что сделка совершится. Пять сотен коку было бы более чем достаточно. Это больше того, что зарабатывает большинство мама-сан за всю жизнь, а тут одна из них уступает пять сотен...

– Так она стоит этой горы зерна, вы говорите? Мне трудно вам поверить.

– Достойная цена для достойного человека, господин. Я верю в это. Не мне судить, кто будет этим человеком.

Раздался стук в сёдзи.

– Да?

– Андзин-сан у главных ворот, господин.

– Приведи его сюда.

– Слушаюсь, господин.

Торанага обмахнулся веером. Он украдкой следил за Мариико и видел, как сразу же просветлело ее лицо. Он специально не предупредил ее, что послал за капитаном.

«Что делать? Все, что задумывалось, остается в силе. Но теперь мне нужны и Бунтаро, и Андзин-сан, и Оми-сан – даже больше, чем когда-либо. И Мариико очень нужна».

– Доброе утро, Торанага-сама.

Он ответил на поклон Блэкторна, заметив, как тот обрадовался, когда внезапно увидел Мариико. После взаимных приветствий Торанага попросил:

– Мариико-сан, скажите ему, что он выезжает со мной на закате. Вы тоже. Потом двинетесь дальше в Осаку.

Она почувствовала озноб.

– Да, господин.

– Я еду в Осаку, Торанага-сама? – уточнил Блэкторн.

– Нет, Андзин-сан. Мариико-сан, растолкуйте ему, что я собираюсь на день-два в Сюдзэндзи, на воды. Вы оба будете сопровождать меня туда. Затем вы, Мариико-сан, поедете в Осаку. Он продолжит свой путь до границы, потом один направится в Эдо. – Торанага внимательно следил за Блэкторном, который обрушил на Мариико поток поспешных и настойчивых слов.

– Извините, Торанага-сама, но Андзин-сан почтительно просит, чтобы ему разрешили занять меня еще на несколько дней. Он считает, что мое присутствие сильно ускорит дела с кораблем. Потом, если вам будет угодно, он сразу же на одном из ваших небольших судов отвезет меня в Осаку, а сам отправится в Нагасаки. Он считает, что это сэкономит нам время.

– Я еще не решил, как поступить с его кораблем и командой. Может быть, ему не придется ехать в Нагасаки. Объясните ему, что пока ничего не решено. Но я учту его предложение насчет вас и завтра сообщу о своем решении. Сейчас вы можете идти... Ах да, последнее! Мариико-сан, сообщите ему, что меня интересует его генеалогия. Он может написать, а вы переведите, подтвердив ее правильность.

– Да, господин. Это срочно?

– Нет. Терпит до его приезда в Эдо. Там времени у него будет достаточно.

Мариико перевела Блэкторну.

– Зачем ему это? – изумился тот.

Марико смерила его удивленным взглядом:

– У нас ведутся записи смертей и рождений всех самураев, Андзин-сан, так же как учет феодалов и земельных наделов. Как еще сюзерену править ими? Разве у вас не так? В нашей стране по закону каждого человека, даже *эта*, заносят в списки, отмечают рождения, смерти, браки. Каждая деревня или селение, городская улица имеют свой свиток, куда все записывается. Как еще можно поддерживать порядок?

– Мы таких записей не ведем, вернее, ведем их не всегда. И не обязательно официально. Неужели вы каждого переписываете? Каждого?

– О да. Даже *эта*, Андзин-сан. Это весьма важно, правда? Облегчает поиск преступников, не позволяет смошенничать при женитьбе.

Блэкторна не слишком занимал данный предмет. Он решил разыграть другую карту в партии, которую затеял с Торанагой ради захвата черного корабля.

Марико слушала его внимательно, задавая иногда вопросы, потом повернулась к Торанаге:

– Господин, Андзин-сан благодарит вас за благодеяния и милости, которыми вы его осыпали. Он спрашивает, не окажете ли вы ему честь, выбрав для него двести вассалов. Он уверен, ваше руководство в этом деле будет для него очень ценным.

– Стоит ли это тысячу коку? – осведомился Торанага и прочитал удивление на их лицах.

«Я рад, что вы все еще так открыты, Андзин-сан, при всей вашей кажущейся цивилизованности, – подумал он. – Будь я азартен, побился бы об заклад, что это не ваша идея – просить меня выбрать вам вассалов».

– *Хай*, – услышал он уверенный ответ Блэкторна.

– Хорошо, – решительно кивнул он. – Раз Андзин-сан так щедр, я приму его предложение. Тысячу коку. Это поможет другим самураям, которые нуждаются. Скажите ему, что люди будут ждать его в Эдо. Мы увидимся с вами завтра на закате, Андзин-сан.

– Да. Благодарю вас, Торанага-сама.

– Марико-сан, посоветуйтесь с госпожой Касиги сразу же. Как только оговорите цену, я думаю, Гёко согласится с вашим

предложением, как бы ужасно оно ни казалось. Я полагаю, ей надо будет заплатить эту невероятную сумму полностью до завтрашнего вечера. Пошлите кого-нибудь за ней сегодня вечером. Она может прихватить с собой куртизанку. Кику-сан споет, пока мы будем разговаривать, да?

Торанага отпустил их, довольный, что сберег полторы тысячи коку. «Люди такие странные», – подумал он добродушно.

– У меня хватит денег, чтобы нанять команду? – спросил Блэкторн.

– О да, Андзин-сан. Но он пока не соглашается отпустить вас в Нагасаки, – напомнила Марико. – Пятисот коку хватит с избытком, чтобы прожить год, а еще пятьсот дадут вам около ста восьмидесяти кобанов золотом, чтобы набрать команду. Это очень большие деньги.

Фудзико с трудом поднялась и заговорила с Марико.

– Ваша наложница просит вас не беспокоиться, Андзин-сан. Она даст вам рекомендательные письма к ростовщикам, которые предоставят любую требуемую сумму. Она все устроит.

– Да, но смогу ли я расплатиться со слугами? Заплатить за дом, дать денег Фудзико-сан на хозяйство?

Марико была поражена:

– Пожалуйста, извините, но это, конечно, не ваше дело. Ваша наложница заверила, что обо всем побеспокоится. Она...

Фудзико прервала ее, и женщины некоторое время что-то горячо обсуждали.

– *А, со дэс*, Фудзико-сан! – Марико снова повернулась к Блэкторну. – Она говорит, вы не должны ломать голову над такими вещами. Сосредоточьтесь на заботах господина Торанаги. У нее есть собственные деньги, которые она может потратить, если будет нужно.

Блэкторн растерянно заморгал:

– Она одолжит мне свои деньги?

– Да нет, Андзин-сан, она отдаст их вам, если потребуется. Не забывайте, речь идет только об этом годе, – объяснила Марико. – На следующий год вы будете богаты, Андзин-сан. Что касается ваших слуг, то в течение года они получают по два коку каждый. Не забывайте, Торанага-сама дает вам вооружение и лошадей для них. Двух коку достаточно, чтобы прокормить их вместе с лошадьми и семьями. И помните также, что вы отдали господину Торанаге половину своего

годового дохода, чтобы он лично подобрал вам людей. Это большая честь, Андзин-сан.

– Вы так думаете?

– О, конечно. Фудзико-сан всем сердцем согласна с этим. Вы очень предусмотрительны.

– Спасибо. – Блэкторн позволил себе показать, что доволен.

«Ты начинаешь соображать и думать, как они, – похвалил он себя. – Да, это было мудро – поручить отбор людей Торанаге. Теперь у тебя будут лучшие воины, чего бы ты никогда не добился сам. Что такое тысяча коку против черного корабля?» И другую правильную вещь подсказала ему Марико: одна из слабостей Торанаги – его прижимистость. Конечно, она не говорила этого прямо, только отметила, что Торанага изрядно постарался, чтобы приумножить свое огромное богатство, стать состоятельнее любого другого даймё в государстве. Это замечание вместе с собственными наблюдениями Блэкторна, обратившего внимание на то, что великий даймё непритязателен в одежде и пище, что стиль его жизни мало отличается от привычек обычного самурая, дали ему еще один ключ к пониманию Торанаги.

«Благодарение Господу за Марико и старого брата Доминго!»

Память вернула Блэкторна в тюрьму, и он подумал, как близок был к смерти и тогда, и потом, как близок к ней теперь, окруженный почестями. Все, что дает Торанага, он может и отобрать.

«Ты думаешь, он твой друг? Он обрек на смерть собственную жену и любимого сына. Так можешь ли ты вообразить, будто его дружба чего-то стоит? Или твоя жизнь? Нет, не могу, – сказал себе Блэкторн, вспоминая свой обет. – Это карма. Я ничего не могу поделать с кармой. Всю свою жизнь я ощущал близость смерти, так что ничего нового. Я отдался карме во всех ее соблазнах. Я принимаю карму во всем ее могуществе. Я вверяю карме всего себя на следующие полгода. На следующий год в это время я проскочу Магелланов пролив, направляясь в Лондон, ускользя из его рук...»

Фудзико что-то говорила. Он посмотрел на нее. Она, по-прежнему в бинтах, со страдальческим видом лежала на футонах, служанка обмахивала ее веером.

– Она все устроит к утру, Андзин-сан, – пообещала Марико. – Ваша наложница говорит, что вам необходимы две скаковые лошади и одна

вьючная. Один слуга и одна служанка...

– Будет достаточно одного слуги.

– Извините, но служанка должна ехать, чтобы ухаживать за вами. И конечно, повар с помощником.

– Разве там не будет кухни, где нам... где мне приготовят поесть?

– О да. Но вы тем не менее должны иметь своих поваров, Андзин-сан. Вы хатамото.

Он понял, что спорить бесполезно:

– Я поручаю все сборы вам.

– О, это так мудро с вашей стороны, Андзин-сан, очень мудро. Теперь я должна пойти и улечься, пожалуйста, простите меня. – Марико ушла счастливой.

У них было мало времени на разговоры. Они успели только переброситься десятком фраз на латыни, дав понять друг другу, что волшебная ночь никогда не кончится и, подобно другой ночи, навечно запечатлеется в памяти, хотя говорить о них нельзя.

– Ты...

– Я была так горда, когда услышала, что она долго еще стояла у ворот. У тебя такое прекрасное лицо, Андзин-сан.

– На мгновение я почти забыл, что ты сказала мне. Я чуть не поцеловал ее при всех.

– Ох, Андзин-сан, это было бы непростительным промахом!

– Ты права! Если бы не ты, я потерял бы лицо – червяк, извивающийся в пыли.

– А теперь ты велик, прославлен и, без сомнения, очень смел. Тебе доставили удовольствие эти любопытные приспособления?

– Ах, прекрасная госпожа, в моей стране есть старый обычай: мужчина не обсуждает интимные привычки одной дамы с другой.

– У нас тоже есть такой обычай. Я просто хотела узнать, доставили они тебе радость или нет, а не спросила, пользовались ли вы ими. Да, у нас есть точно такой же обычай. Я рада, что вечер тебе понравился. – Она дружески улыбнулась ему. – Это правильно – быть японцем в Японии, да?

– Я никогда не смогу отблагодарить тебя за все, чему ты научила меня, за то, что открыла мне глаза, – произнес он. – За... – Он собирался сказать: «За то, что любишь меня», но вместо этого добавил: – За то, что ты есть.

– Я ничего не сделала. Ты всего добился сам.

– Благодарю тебя за все – и за твой подарок.

– Я рада, что ты получил большое удовольствие.

– А я жалею, что ты не получила удовольствия. Я счастлив, что тебе тоже приказано ехать на воды. Но почему в Осаку?

– О, мне не приказывали ехать в Осаку. Господин Торанага позволил мне съездить туда. У нас там поместье и семейные дела. А еще там мой сын. Кроме того, я могу доставить личные письма Кирицубо-сан и госпоже Садзуко.

– Это не опасно? Помнишь, ты говорила, что приближается война и Исидо – наш враг? Разве господин Торанага не говорил того же?

– Да. Но война пока еще не началась, Андзин-сан. И самураи не воюют с женщинами, если женщины не воюют с ними.

– А как же ты? Помнишь в Осаке мост, перекинутый через ров с водой? Разве ты не пошла тогда со мной, чтобы обмануть Исидо? Разве не взяла в руки меч во время боя на корабле?

– Да, но только для того, чтобы защитить сюзерена и собственную жизнь, когда ей угрожали. Это был мой долг, и ничего больше. Я не подвергну себя опасности. Я была приближенной госпожи Ёдоко, вдовы тайко, и даже госпожи Отибы, матери наследника. Они дарили меня своей дружбой. Я буду там в совершенной безопасности. Потому-то господин Торанага и позволил мне поехать. Но тебе не стоит даже соваться в Осаку. Из-за бегства Торанага-сама и из-за того, как ты вел себя с господином Исидо. Так что никогда не показывайся там. Нагасаки для тебя безопаснее.

– Так он согласился?

– Нет. Пока нет. Но когда согласится, там будет безопаснее. У него есть власть над Нагасаки.

Он хотел спросить: «Больше, чем у иезуитов?» – но проронил только:

– Я молюсь, чтобы он приказал тебе плыть морем в Осаку, – и заметил, как она слегка вздрогнула. – Что тебя тревожит?

– Ничего... за исключением того, что море меня не манит.

– Но он прикажет?

– Я не знаю. Но... – Она снова перешла на игривый тон и португальский язык: – Но для вашего здоровья нам следует взять с

собой Кику-сан, да? Сегодня вечером вы опять войдете в ее «пунцовую палату»?

Блэкторн засмеялся вместе с ней:

– Это было бы прекрасно, хотя... – Он остановился, с внезапной ясностью вспомнив взгляд Оми. – Вы знаете, Марико-сан, прощаясь у ворот, я заметил, что Оми-сан глядит на нее особым образом, как любовник. Ревнивый любовник. Я не знал, что они любовники.

– Я так поняла, что он один из ее гостей, Андзин-сан. Желанный гость, да. Но при чем тут вы?

– Из-за этого особенного взгляда. Очень странного.

– У него нет никаких особых прав на нее, Андзин-сан. Она куртизанка первого класса. Она вольна принимать или отвергать кого захочет.

– Если бы мы были в Европе и я спал с его возлюбленной – вы понимаете, Марико-сан?

– Думаю, да, Андзин-сан, но какое отношение это имеет к вам? Вы не в Европе, и, я повторяю, у него нет на нее никаких законных прав. Она вольна принимать вас или его или отказаться. Зачем приплетать сюда что-то еще?

– Я бы сказал, что он ее любовник в нашем понимании. Так, может, стоит приплетать?

– А как быть с ее ремеслом, с тем, что она бывает вынуждена спать с гостями?

В конце концов он поблагодарил Марико еще раз и оставил скользкую тему. Но разум и сердце предупреждали его: «Все не так просто, как вам представляется, Марико-сан, даже здесь. Оми питает к Кику-сан особые чувства, даже если она не отвечает ему тем же. Жаль, я не знал, что он ее любовник. Оми лучше иметь в друзьях, чем во врагах. Может, Марико права? И у них телесное влечение – это одно, а любовь – другое?»

Боже, помоги, во мне все перемешалось! Теперь я наполовину азиат, наполовину европеец. Я должен научиться поступать, как они, и думать, как они, чтобы выжить. Их мироощущение во многом гармоничней, полней нашего, так что велик соблазн стать до конца одним из них, и все-таки... мой дом там, за морями, где родились мои предки, где живет моя семья, Фелисити, Тюдор и Элизабет».

– Андзин-сан?

– Да, Фудзико-сан?

– Пожалуйста, не беспокойтесь о деньгах. Мне больно видеть вас озабоченным. Простите, что не могу поехать с вами в Эдо.

– Но мы все равно скоро увидимся в Эдо, да?

– Лекарь говорит, что я быстро поправляюсь, и мать Оми с ним согласна.

– Когда к вам придет лекарь?

– На заходе солнца. Еще раз простите, что не смогу поехать с вами завтра.

Он снова задумался о своих обязанностях перед наложницей, но отложил размышления на потом, захваченный новой идеей. Он обдумал ее, нашел прекрасной и не терпящей отлагательства.

– Я сейчас уйду, но скоро вернусь. Вы отдыхайте, ладно?

– Да. Пожалуйста, извините меня за то, что я не встаю и за... извините.

Он прошел в свою комнату, вынул из тайника пистолет, проверил, заряжено ли оружие, и засунул его под кимоно. Потом в одиночку отправился к Оми, но не застал того дома. Его встретила Мидори, предложила чая, от которого он вежливо отказался. На руках у нее сидел двухлетний малыш. Она извинилась:

– Простите, Оми-сан скоро вернется. Не хотите ли подождать?

Она словно ощущала неловкость, хотя была вежлива и внимательна. Он снова отказался, поблагодарил ее, сказав, что заглянет позднее, и пошел вниз, к своему дому.

Крестьяне уже подготовили участок земли под застройку. Кроме кухонной утвари, во время пожара спасти ничего не удалось. Фудзико не сказала ему, во что обойдется восстановление построек.

– Очень дешево, – заверила она. – Пожалуйста, не заботьтесь об этом.

– Карма, Андзин-сама, – сказал один из деревенских жителей. – Да.

– Что поделаешь? Не беспокойтесь, ваш дом скоро будет готов – лучше, чем прежний.

Блэкторн увидел, как Оми поднимается по склону холма, суровый и напряженный, и пошел навстречу. Узрев его, Оми вроде бы несколько расслабился.

– А, Андзин-сан! – воскликнул он сердечно. – Я слышал, вы тоже отправляетесь с Торанага-сама на рассвете. Отлично, мы можем

поехать вместе.

Несмотря на все это кажущееся дружелюбие, Блэкторн оставался настороже.

– Слушайте, Оми-сан, я направляюсь туда. – Он показал в сторону плато. – Не хотите прогуляться со мной, а?

– Но сегодня нет никаких учений.

– Понимаю, но, пожалуйста, пойдете со мной.

Оми увидел, что рука Блэкторна крепко сжимает рукоять длинного меча. Потом его острые глаза ощупали подозрительную выпуклость на поясе и распознали в ней очертания припрятанного пистолета.

– Человек, который имеет право носить два меча, должен уметь ими пользоваться, да? – спросил он с тонким намеком.

– Простите? Я не понял.

Оми повторил это более простыми словами:

– Да, господин Ябу прав: теперь вы самурай, поэтому должны научиться многому, для чего мы предназначены. Как подготовиться к совершению сэппуку, как должен действовать помощник во время этого ритуала. Нам всем надлежит готовиться к подобному. Да, Андзин-сан, вам следует научиться пользоваться мечами.

Блэкторн не понял половины слов. Но знал, что говорит Оми.

«По крайней мере, – с усилием поправил он себя, – я знаю, что он *говорит*».

– Да. Верно. Важно, – согласился он. – Пожалуйста, как-нибудь вы учить... извините, научите меня, может быть? Пожалуйста. Я буду польщен.

– Да, мне хотелось бы поучить вас, Андзин-сан.

Волосы на затылке у Блэкторна встали дыбом от угрозы в голосе Оми.

«Осторожней! – одернул он себя. – Не придумывай».

– Спасибо. А сейчас пойдете, может быть? Времени мало. Вы пойдете со мной? Да?

– Прекрасно, Андзин-сан. Но мы поедем. Я скоро присоединюсь к вам. – Оми направился вверх по склону, во двор своего дома.

Блэкторн приказал слуге оседлать своего коня и неловко сел на него с правой стороны, как это принято в Японии и Китае.

«Не воображай, что он возьмет и научит тебя пользоваться мечом», – сказал он себе, поправляя локтем спрятанный пистолет, чья

тяжесть придавала ему уверенности. Уверенность испарилась, когда снова появился Оми. С ним было четверо самураев на лошадях.

Все вместе они поскакали по разбитой дороге в сторону плато. По пути им попало несколько отрядов в полном боевом снаряжении, при оружии, под началом командиров, флажки трепетали на концах пик. Когда они перевалили подъем, перед ними оказался весь мушкетный полк, отправленный из лагеря походным порядком, каждый рядовой воин стоял у своей лошади, навьюченной оружием, обоз с прочим имуществом размещался в хвосте, Ябу, Нага и другие военачальники – впереди. Хлынул ливень.

– А что, все войска выходят? – спросил удивленный Блэкторн, осадив лошадь.

– Да.

– Вы едете на воды с Торанага-сама, Оми-сан?

– Я не знаю.

Инстинкт самосохранения предупреждал Блэкторна, что не нужно задавать вопросов. Но один все-таки сорвался с языка.

– А Бунтаро-сама, – спросил он безразличным голосом, – он едет с нами завтра, Оми-сан?

– Нет. Он уже уехал. Этим утром он был на площади, когда вы уходили из чайного домика. Вы не видели его там?

Блэкторн не заметил на лице Оми никаких особых чувств.

– Нет. Не видел, извините. Он тоже поехал на воды?

– Думаю, да. Но не уверен. – Дождевые капли срывались с краев конической шляпы Оми, завязанной у него под подбородком. – А теперь скажите, зачем вы позвали меня сюда?

– Показать одно место. – Прежде чем Оми успел спросить еще что-то, Блэкторн прищпорил лошадь и пустил ее вперед. Имея большие навыки в ориентировке на местности, он с легкостью нашел то место, где в земле образовалась трещина.

Там он и спешился, сделав Оми знак подойти:

– Пожалуйста!

– Что это, а? – Голос Оми стал напряженным.

– Пожалуйста, сюда, Оми-сан! Один.

Оми махнул рукой, приказав телохранителям оставаться на месте, и ринулся вперед.

– *Нан дэс ка?* – спросил он. Рука его заметно сжала рукоятку меча.

– На этом месте Торанага-сама... – Блэкторн не смог вспомнить слова, поэтому попробовал объяснить жестами. – Понятно?

– Здесь вы вытащили его из земли, да? Так?

Блэкторн посмотрел на него, потом со значением перевел взгляд на его меч, снова взглянул в упор, не проронив ни слова, стер дождевые капли с лица.

– *Нан дэс ка?* – повторил Оми еще более раздраженно.

Блэкторн не отвечал.

Оми устоялся на трещину, потом на Блэкторна, и тут глаза его вспыхнули.

– *А, со дэс! Вакаримас!* – Оми на мгновение задумался, потом крикнул одному из своих охранников: – Отправляйся за Мурой. Пусть приведет двадцать человек с лопатами!

Самурай ускакал. Оми отослал остальных обратно в деревню, спешился и встал около Блэкторна.

– Да, Андзин-сан, – признал он, – это прекрасная мысль. Хорошая идея.

– Идея? Какая идея? – невинно изумился Блэкторн. – Я только показал вам место. Подумал, может, вам будет любопытно. Я вас не понял, извините.

Оми снизошел до объяснений:

– Торанага здесь потерял свои мечи. Они очень ценные. Он будет счастлив получить их обратно. Очень счастлив, да?

– О! Это не моя идея, – покачал головой Блэкторн, – это идея Оми-сана.

– Конечно. Спасибо, Андзин-сан. Вы хороший товарищ и быстро соображаете. Мне следовало самому подумать об этом. Да, вы настоящий друг, а нам потребуются настоящие друзья в ближайшее время. Война начинается, хотим мы того или нет.

– Пожалуйста, извините. Я не понял, вы слишком быстро говорите. Повторите, пожалуйста.

– Рад, что мы друзья – вы и я. Поняли?

– *Хай*. Вы говорите – война? Война сейчас?

– Скоро. Что мы можем сделать? Ничего. Не беспокойтесь, Торанага-сама победит Исидо и всех изменников. Понятно? Не беспокойтесь, ладно?

– Понял. Я поеду домой. Все в порядке?

– Да. Увидимся на рассвете. Еще раз благодарю вас.

Блэкторн кивнул, но не тронулся с места:

– Она красивая, да?

– Что?

– Кику-сан.

Ноги Блэкторна были слегка расставлены; он готовился отпрыгнуть назад, вытащить пистолет, прицелиться и выстрелить. Слишком хорошо запомнился ему тот невероятный, мгновенный замах, когда Оми снес голову рыбаку. Так неправдоподобно давно. Он был готов ко всему. Он понял, что ради собственного спасения должен уладить дело с Кику. Потому что Оми никогда этого не сделает. Оми сочтет это дурным тоном, недопустимой слабостью. И, устыдившись собственной слабости, упрячет свою столь нетипичную для японца ревность в тайники сознания. И тогда это чуждое, постыдное чувство, эта ревность будет тлеть в нем, пока однажды, в самое неожиданное мгновение, Оми не взорвется, слепо и яростно.

– Кику-сан? – процедил Оми.

– *Хай*. – Блэкторн заметил, что Оми окаменел. И все равно был рад, что нашел время и место.

– Она хорошенькая, да?

– Хорошенькая?

– *Хай*.

Дождь усилился. Тяжелые капли шлепались в грязь. Лошади жалко дрожали. Оба мужчины промокли до нитки. К счастью, дождь был теплым.

– Да, – выдохнул Оми. – Кики-сан очень красивая. – И он разразился стремительным потоком слов, смысла которых Блэкторн не уловил.

– Достаточно, Оми-сан. Все ясно, – остановил Блэкторн. – Поговорим позже. А сейчас не надо. Понятно?

Оми, казалось, не слышал, но потом произнес:

– Будет еще много времени, очень много времени, Андзин-сан, чтобы поговорить о ней, о вас, обо мне и о карме. Но я согласен, сейчас не время.

– Думаю, я вас понял. Вчера я не знал, что Оми-сан и Кики-сан – хорошие друзья, – продолжал он гнуть свое.

– Она не моя собственность.

– Теперь я знаю, что она и вы – хорошие друзья. Сейчас...

– Сейчас хватит. Хватит об этом! Женщина ничего не значит. Ничего.

Но Блэкторн упорно стоял на своем:

– В следующий раз я...

– Этот разговор окончен! Вы слышите? Окончен!

– *Иэ, иэ*, честное слово!

Рука Оми потянулась к мечу. Блэкторн, сам того не заметив, отступил на два шага назад. Но Оми не обнажил клинка, и Блэкторн не достал пистолета. Хотя оба приготовились, никто не хотел начинать первым.

– Что вы хотите сказать, Андзин-сан?

– В следующий раз я сначала спрошу – насчет Кики-сан. Если Оми-сан скажет «да», тогда да. Если «нет» – нет! Понятно? Как друг друга, да?

Оми слегка ослабил хватку на рукоятке меча.

– Я повторяю: она не моя собственность. Спасибо, что показали мне это место, Андзин-сан. До свидания.

Оми подошел к лошади Блэкторна и держал ее под уздцы, пока тот садился.

Блэкторн взглянул на Оми. Капитан знал, что, если бы имелся хоть один шанс уцелеть потом, ему следовало бы тут же прострелить голову

самураю. Так было бы безопаснее всего.

– До свидания, Оми-сан, и благодарю вас.

– До свидания, Андзин-сан. – Оми смотрел, как отъезжал Блэкторн, и не спускал с него глаз, пока тот не одолел весь склон. Он отметил место камнями и в полном смятении чувств уселся ждать на земле, погрузившись в свои мысли.

Вскоре появились Мура и несколько крестьян, все забрызганные грязью.

– Торанага-сама попал в трещину в этом самом месте, Мура. Здесь остались его мечи. Принеси мне их до захода солнца.

– Слушаюсь, Оми-сама.

– Если бы у тебя были мозги и ты пекся о благе своего господина, давно бы уже сам сообразил.

– Пожалуйста, извините меня за глупость.

Оми уехал. Некоторое время крестьяне следили за его удаляющейся фигурой, потом встали вокруг камней и начали копать. Мура распорядился, понизив голос:

– Уо, ты завтра отправишься с обозом.

– Да, Мура-сан, но как это сделать?

– Я предложу тебя Андзину-сану. Ему все равно.

– Но его наложница – она ушлая, – шепнул в ответ Уо.

– Она с ним не поедет. Я слышал, у нее тяжелые ожоги. Она потом отправится в Эдо на корабле. Ты знаешь, что делать?

– С глазу на глаз потолковать со святым отцом, ответить на его вопросы.

– Верно. – Мура расслабился и заговорил в полный голос: – Уо, ты можешь поехать с Андзин-саном. Он хорошо заплатит. Постарайся быть ему полезным, но не слишком, чтобы он не забрал тебя насовсем в Эдо.

Уо прыснул:

– Ой, я слышал, Эдо – богатый город. Там все мочатся в серебряные горшки, даже *эта*. А у женщин кожа как морская пена и на лобке совсем нет волос.

– Это правда, Мура-сан? – заинтересовался другой крестьянин. – У них нет волос на лобке?

– Эдо был вонючей рыбацкой деревушкой, ничем не лучше Андзири, когда я попал туда первый раз, – ответил Мура, не прекращая

копать. – Это случилось, когда мы с Торанага-сама гонялись за Бэппу. Мы тогда отрубили в общей сложности больше трех тысяч голов. Что касается волос на лобке, то у всех девушек, которых я познал, были волосы, кроме одной кореянки, но она сказала, что выщипала их все, волосок за волоском.

– Чего только не сделают женщины, чтобы привлечь нас, да? – изрек кто-то.

– Как бы мне хотелось посмотреть на это, – прошамкал Ниндзин. – Да, хотел бы я посмотреть на «нефритовые врага» без кустиков.

– Ставлю лодку рыбы против ведра навоза, что выдирать эти волосы очень больно, – присвистнул Уо.

– Будь я ками, то непременно посетил бы «небесный павильон» Кику-сан. Говорят, она родилась надушенной и без волос!

Среди общего смеха Уо полюбопытствовал:

– А каково это, Мура-сан, таранить «нефритовые врата» без зарослей? Есть разница?

– Так получается плотней обычного. Э-э-э! Ближе и глубже, чем всегда, а это важно, правда? Я понял, что женщине лучше сводить волосы, хотя некоторые относятся к этому с предубеждением, а другие жалуются на зуд. И все-таки так вы ближе соприкасаетесь, ты и она, и это сближение все меняет.

Все покатались со смеху и поднажали. Яма становилась все глубже и глубже.

– Спорю, Андзин-сан много раз подбирался к ней очень близко, раз она провожала его до ворот! Э-э-э, чего бы я ни отдал, чтобы оказаться на его месте. – Уо вытер пот с бровей. Как и все остальные, он был бос и почти наг – в одной набедренной повязке и бамбуковой конической шляпе.

– Э-э-э! Я был там, Уо, на площади, и все видел. Я видел, как она улыбалась, и меня проняло до кончиков пальцев.

– Да, – вздохнул другой, – думаю, одна ее улыбка сделала бы мое естество твердым, как дуб.

– Но не таким большим, как у Андзин-сана, да, Мура-сан? – хихикнул Уо. – Ну-ка, расскажите нам еще раз эту историю.

Мура обрадовался и снова поведал про первую ночь и баню. Его история раз от разу расцветивалась новыми подробностями, но никто не возражал.

– О, надо же уродиться таким огромным! – Уо изобразил, как несет массивный член перед собой, и зашелся таким безудержным хохотом, что поскользнулся и грохнулся в грязь.

– Кто-нибудь из вас думал, что чужеземец попадет из погребца прямо в рай? – Мура оперся на лопату, переводя дыхание. – Я никогда не поверил бы этому – как древней легенде. Карма, правда?

– Может быть, он был одним из нас – в прежней жизни – и вернулся с тем же разумом, но с другой кожей.

Ниндзин кивнул:

– Возможно. Должно быть. Потому что, послушав святого отца, я решил, что чужеземец будет вечно гореть в адской печи. Разве святой отец не сказал, что наслал на чужеземца особое проклятие? Я слышал, он напустил на Андзин-сана большого иезуитского ками, и, о-хо-хо, был очень напуган. – Он перекрестился, другие не обратили на это внимания. – Но если хотите знать мое мнение, я думаю, что иезуитская Мадонна вряд ли накажет его.

Уо вставил:

– Ну, я не христианин, как вы знаете, но, извините, мне кажется, что Андзин-сан – хороший человек, лучше христианского отца, который воняет, ругается и страшит всех подряд. И он хорошо относится к нам, правда? Он по-доброму ведет себя с людьми. Говорят, он друг господина Торанаги. Его нужно так же уважать, правда? И не забывайте, Кику-сан почтила его своей «золотой щелью».

– Насчет золотой ты прав. Я слышал, ночь стоила ему пять кобанов.

– Пятнадцать коку за одну ночь?! – выпалил Ниндзин. – Э-э-э, как повезло Андзин-сану! Надо же какая карма у этого врага Бога Отца, Сына и Мадонны.

Мура вмешался:

– Он заплатил один кобан – три коку. Но если вы думаете, что это много... – Он не договорил и огляделся, желая удостовериться, что никто не подслушивает, хотя знал, конечно, что не найдется охотников шпионить за крестьянами под проливным дождем, а даже если бы и нашлись, велика ли важность?

Все прекратили работу и придвинулись поближе к нему.

– Да, Мура-сан?

– Мне только что шепнули, что она станет наложницей господина Торанаги. Он купил ее контракт сегодня утром. Три тысячи коку.

Это была умопомрачительная цифра – больше того, что зарабатывала вся деревня на рисе и рыбе за двадцать лет. Их уважение к Кику-сан увеличилось. Как и почтение к Андзин-сану, который последним наслаждался ею как куртизанкой первого класса.

– Э-э-э! – протянул Уо, не находя слов. – Столько денег! Даже не знаю, всплакнуть мне, помочиться или пукнуть.

– Не делай ничего, – лаконично рассудил Мура. – Копай! Давайте отыщем наконец мечи.

Все послушались его, каждый погрузился в свои мысли. Яма быстро углублялась.

Однако вскоре Ниндзин, снедаемый беспокойством, не смог больше сдерживаться и бросил работу.

– Мура-сан, пожалуйста, извините меня, но что вы решили насчет новых податей? – спросил он, и остальные тоже прекратили копать.

Мура продолжал размеренно вгонять лопату в раскисшую землю.

– Что тут решишь? Ябу-сама говорит: «Плати», значит мы и заплатим, правда?

– Но Торанага-сама срезал наши подати на четыре десятых, а теперь он наш сюзерен.

– Верно. Но господину Ябу снова отдали Идзу, а также Суругу и Тотоми – и вновь сделали нашим повелителем. Так кто же наш сюзерен?

– Торанага-сама. Конечно, Мура-сан, Тора...

– Ты хочешь пойти пожаловаться ему, Ниндзин? Да? Проснись! Ябу-сама – наш сюзерен, как было всегда. Ничего не изменилось. И если он обложит нас податью, мы заплатим, само собой.

– Но это истощит все наши запасы. Все. – В голосе Ниндзина прорывалась ярость, но каждый знал, что он говорит правду. – Даже тот рис, что мы украли...

– Рис, который мы спасли, – поправил Уо.

– Даже с ним запасов будет недостаточно, чтобы протянуть зиму. Мы продадим лодку или две...

– Мы не продадим лодки, – объявил Мура, воткнул лопату в грязь, отер пот со лба, ослабил завязки шляпы и снова начал копать. – Работай, Ниндзин! Это займет твои мозги до завтра.

– Как мы протянем зиму, Мура-сан?

– Мы еще должны протянуть лето.

– Да, – с горечью согласился Ниндзин. – Мы заплатили вперед подати больше чем за два года, и этого недостаточно.

– Карма, Ниндзин, – утешил Уо.

– Война идет. Может быть, у нас появится новый хозяин, получше? – предположил кто-то из крестьян.

– Хуже не будет – хуже не придумаешь.

– Я бы не рассчитывал на это, – высказал свое мнение Мура. – Вы живы, а можете стать мертвее мертвых, и очень быстро. Тогда не будет никаких «золотых щелей», ни с зарослями, ни без них. – Его лопата наткнулась на камень, и он остановился. – Дай мне руку, Уо, старый дружище!

Вдвоем они вытащили камень из грязи. Уо шепнул тревожно:

– Мура-сан, что, если святой отец спросит об оружии?

– Скажи ему. И еще добавь, что мы готовы – вся деревня.

Глава 42

Они добрались до Ёкосэ в полдень. Бунтаро уже перехватил Дзатаки накануне вечером и, как и приказал Торанага, встретил его с подчеркнутой официальностью.

– Я просил его стать лагерем за деревней, к северу от нее, господин, пока не будет подготовлено место встречи, – доложил Бунтаро. – Она пройдет здесь после полудня, если вам так захочется. – И он добавил: – Думаю, час козы будет самым удачным.

– Хорошо.

– Он хотел встретиться с вами вечером, но я отказался. Сказал, что вы «почтете за честь» повидаться с ним сегодня или завтра, на его усмотрение, но не после того, как стемнеет.

Торанага что-то буркнул в знак согласия, но не слез со своей взмыленной лошади. Он надел в дорогу нагрудник, шлем и легкие бамбуковые доспехи, как и сопровождавшие его самураи. Великий даймё еще раз внимательно огляделся. Место было выбрано удачно: засаду устроить негде, на значительном удалении ни домов, ни деревьев, способных служить укрытием лучникам или стрелкам с мушкетами. Ровная пустошь к востоку от деревни, на некотором возвышении. Западные, северные и южные подступы защищены домами и деревянным мостом, перекинутым через быструю речку. В узких местах поток изобиловал водоворотами и подводными камнями. Восточнее, за Торанагой и его усталыми, потными спутниками, дорога круто взбиралась к перевалу через хребет, скрытый туманом, в пяти ри отсюда. Повсюду вокруг вставали горы, среди них попадалось немало вулканических пиков, по большей части терявшихся за облаками. В центре пустоши возвели помост на низких столбиках, рассчитанный на двенадцать татами. Над ним устроили высокий тростниковый навес. За всем этим ощущалась добротная, неторопливая работа плотников. На татами друг против друга лежали две парчовые подушки.

– Я поставил людей там, там и там, – продолжал Бунтаро, показывая луком на все скалы, с которых хорошо просматривалась округа. – Вы можете обозревать окрестности на много ри во все стороны, господин. Мост и деревня надежно охраняются. Пути отступления на восток под контролем верных людей. Конечно, мост

перекрыт часовыми, и я оставил «почетную стражу» – сто человек – в его лагере.

– Господин Дзатаки сейчас там?

– Нет, господин. Я выбрал для господина Дзатаки и его приближенных постоянный двор на северной окраине деревни, достойный их ранга, и пригласил понежиться в бане. Это уединенное, безопасное место. Я предполагал, что вы отправитесь на воды в Сюдзэндзи завтра и он будет вашим гостем. А это ваш постоянный двор, господин. – Бунтаро указал на скопление аккуратных одноэтажных построек у края пустоши, откуда открывался самый красивый вид. Рядом из скалы бил горячий источник, наполнявший естественное углубление в камне. Перед приютом странствующих на коленях стояла кучка людей, низко склонивших головы. – Это староста и старейшины деревни. Я подумал, вдруг они потребуются вам сразу же по приезде.

– Позже.

Лошадь Торанаги устало заржала и вздернула голову, звякнув удилами. Он успокоил животное и, окончательно удостоверившись, что место безопасное, сделал знак своим людям, а затем спешился. Один из самураев Бунтаро подхватил поводья – подобно своему предводителю и товарищам, он был в доспехах, вооруженный и готовый к бою.

Торанага с удовольствием потянулся и с хрустом расправил конечности, стараясь унять боль в сведенных судорогой спине и ногах. Весь путь от Андзиро он проделал одним форсированным маршем, останавливаясь только для замены лошадей. Обоз под командой Оми – паланкины и носильщики – все еще плелся далеко позади, петляя по дороге, спускавшейся с перевала. Проселок, выбегавший из Андзиро, сначала змеился вдоль побережья, потом разветвлялся. Они выбрали путь, ведущий вглубь полуострова, и упорно двигались через девственные леса, богатые дичью; справа от них маячила гора Омура, слева – хребет Амаги, вулканические пики которого вздымались почти на пять тысяч футов. Езда взбодрила Торанагу: наконец какое-то дело! Часть пути проходила через места, как нельзя лучше подходящие для соколиной охоты, и он пообещал себе поохотиться по всей Идзу.

– Хорошо, очень хорошо, – одобрил он, наблюдая деловую суету, – ты все прекрасно устроил.

– Если хотите оказать мне милость, господин, позвольте разделаться с господином Дзатаки и его людьми немедленно.

– Он оскорбил тебя?

– Нет, напротив, его манеры достойны придворного, но флаг, под которым он прибыл, – это флаг измены.

– Терпение. Сколько я должен повторять? – произнес Торанага, но не очень сердито.

– Боюсь, всю жизнь, господин, – мрачно ответил Бунтаро. – Прошу вас, извините меня.

– Ты был ему другом.

– Он и у вас ходил в союзниках.

– Он спас тебе жизнь в Одаваре.

– Тогда мы воевали на одной стороне, – уныло возразил Бунтаро, потом взорвался: – Как он мог так поступить с вами, господин?! Ваш собственный брат! Разве вы не любили его, не сражались на одной стороне? Всю жизнь?

– Люди меняются. – Торанага перенес внимание на помост. Со стропил навеса ниспадали изысканные шелковые драпировки, украшавшие сооружение. Кисточки из парчи, в тон подушкам, образовывали нарядный бордюр, кисти покрупнее украшали четыре угловых столба. – Слишком богато и придает нашей встрече излишнюю важность, – заметил даймё. – Сделайте попроще. Долой драпировки, кисти, подушки! Верните их торговцам, а если те не захотят возвращать деньги, продайте все добро сами. Положите четыре подушки – не две, причем простых, набитых соломой!

– Слушаюсь, господин.

Взгляд Торанаги остановился на источнике. Горячая сернистая вода с шипением вырывалась из расщелины в скале. Тело просилось в ванну.

– А христианин? – спросил он.

– Что?

– Цукку-сан, христианский священник?

– А, этот! Он где-то в деревне. Ему запрещено появляться здесь без вашего разрешения. Он сказал что-то о том, что хотел бы повидать вас, когда вам будет удобно. Хотите принять его прямо сейчас?

– Он один?

Бунтаро скривил губы:

– Нет. Его сопровождают двенадцать человек, с тонзурами, как у него. Все с Кюсю, господин, сплошь благородного происхождения, самураи. На хороших лошадях, но без оружия. Я их обыскал. Тщательно.

– И его?

– Конечно. Его тщательнее, чем всех остальных. Среди его клади обнаружилась клетка с четырьмя почтовыми голубями. Я их изъял.

– Хорошо. Прикончи их! Случается, что неумелые самураи сворачивают птицам голову. Нечаянно. Так что извинись, ладно?

– Я понял. Вы хотите, чтобы я послал за ним прямо сейчас?

– Позже. Я увижусь с ним позже.

Бунтаро нахмурился:

– Мне не следовало его обыскивать?

Торанага покачал головой, рассеянно оглянулся на хребет и задумался. Потом велел:

– Пошли пару человек, которым мы можем доверять. Пусть понаблюдают за мушкетным полком.

– Я уже сделал это, господин. – Лицо Бунтаро осветилось довольной улыбкой. – И у господина Ябу в личной охране есть несколько пар наших глаз и ушей. Он не сможет и пукнуть без того, чтобы мы об этом не узнали, если вы захотите.

– Хорошо.

Вдали из-за поворота извилистой дороги показалась головная часть обоза. Торанага разглядел три паланкина. Оми ехал верхом впереди, как и было приказано. Андзин-сан гарцевал рядом с ним, столь же непринужденно держась в седле.

Даймё повернулся к обозу спиной:

– Со мной выехала твоя жена.

– Да, господин.

– Она просила разрешения навеститься в Осаку.

Бунтаро посмотрел на него, но ничего не сказал. Потом оглянулся на едва различимые фигуры.

– Я ей разрешил – при условии, конечно, что ты также дашь согласие.

– Если вы разрешили, господин, я тоже согласен, – объявил Бунтаро.

– Я могу позволить ей ехать сушей из Мисимы или отправиться в Эдо, а оттуда морем до Осаки с Андзин-саном. Он согласился взять на себя такую ответственность, если ты разрешишь.

– Морем было бы безопасней, – вяло отозвался Бунтаро.

– Все зависит от того, что за сообщение привез Дзатаки. Если Исидо объявляет мне войну, я должен буду запретить поездку. Если нет, твоя жена может выехать завтра или через день. При условии, что ты не против.

– Что бы вы ни решили, я согласен.

– Сегодня после обеда передай свои обязанности Нага-сану. У тебя будет время помириться с женой.

– Прошу извинить меня, господин. Я бы хотел остаться с моими людьми. Позвольте мне остаться с ними до вашего отъезда.

– На сегодняшней вечер передай свои обязанности моему сыну. Ты и твоя жена присоединитесь ко мне перед ужином. Вы остановитесь в гостинице. Помиритесь!

Бунтаро потупился, потом выдавил из себя:

– Да, господин.

– Вам приказано помириться, – повторил Торанага. Он хотел добавить: «Почетный мир лучше войны, так ведь?» Но это было неверно и могло втянуть его в длинные философские споры, а он устал и не хотел спорить – только принять ванну и отдохнуть. – А сейчас приведи старосту!

Староста и старейшины деревни кинулись перед ним на колени, приветствуя самым подобострастным образом. Торанага прямо объявил им, что счет, который они представляют его управителю при отъезде, должен быть, конечно, правильным и обоснованным.

– Ясно?

– *Хай*, – хором угодливо подтвердили все, благодаря богов за неожиданную удачу и жирные барыши, которые наверняка принесет им этот визит.

Поминутно кланяясь и повторяя, как они горды и польщены тем, что им позволили служить величайшему даймё в стране, старик-староста проводил важных гостей на постоялый двор.

Торанага осмотрел его весь. Сановного постояльца встречала с поклонами и улыбками стайка служанок всех возрастов – цвет деревни. Десять жилых комнат окружал живописный сад с чайным

домиком посередине, на задах прятались кухни, а на западе лепилась к скалам большая баня – вода поступала в нее прямо из источников. Все это было обнесено аккуратным забором – к бане вел крытый переход – весьма удобно для обороны.

– Мне не нужны все комнаты, Бунтаро-сан, – вынес решение Торанага, остановившись на веранде. – Трех будет достаточно: одна для меня, одна для Андзин-сана и одна для женщины. Ты займешь четвертую. Не стоит платить за все остальные.

– Мой управитель уверяет, что заключил выгодную сделку – снял весь постоянный двор, господин, на все время меньше чем за полцены, потому что в это время года сюда мало кто приезжает. Я утвердил расходы исходя из соображений вашей безопасности.

– Хорошо, – неохотно согласился Торанага, – но пусть представит счет перед отъездом. Не стоит транжирить деньги. Размести-ка в свободных помещениях охрану – по четыре человека на комнату.

– Да, господин. – Бунтаро и сам уже решил сделать это.

Наблюдая, как Торанага в сопровождении двух телохранителей и четырех самых смазливых служанок направляется к своей комнате в восточном крыле, он уныло размышлял, о какой женщине шла речь. Что это за женщина, которой потребовалась комната? Фудзико? «Не важно, – подумал он. – Скоро узнаю».

Мимо него проскочила служанка, просияв радостной улыбкой. Он улыбнулся в ответ, но как-то механически. Она была молодая, хорошенькая, с нежной кожей – Бунтаро спал с ней прошлой ночью. Это не доставило ему удовольствия. Весь ее пыл, все умение, изрядная выучка не воспрепятствовали тому, что вождение его быстро угасло – он не чувствовал никакого желания. Из вежливости он сделал вид, что вкусил полное блаженство, она тоже притворилась, что достигла вершин наслаждения, и вскоре ушла.

Все еще пребывая в задумчивости, он вышел во двор и устался на дорогу.

«Почему в Осаку?»

В час козы часовые на мосту отошли в сторону, уступая дорогу пышной процессии. Сначала прошествовали знаменосцы с флагами, украшенными гербом регентов, потом пронесли богатый паланкин, и под конец промаршировала охрана.

Жители деревни повалились на колени, втайне приятно взбудораженные такой помпой. Староста осторожно выведал, должен ли он по такому случаю собрать весь народ, но Торанага передал, что могут присутствовать те, кто не работает, с согласия господ. Поэтому староста с еще большей осмотрительностью отобрал депутацию, которая включала в основном стариков и самую смиренную молодежь, как раз столько, сколько нужно для приличия. Каждый взрослый хотел бы присутствовать, но разве пойдешь против воли великого даймё? Все, кто мог, наблюдали издали, выглядывая из дверей и окон.

Сайгава Дзатаки, властелин Синано, был выше Торанаги и на пять лет моложе, такой же широкий в плечах, с таким же крупным носом. Но живот его оставался подтянутым, борода – черной и густой, а глаза казались щелочками. Хотя между сводными братьями обнаруживалось удивительное сходство, когда их разглядывали по отдельности, сейчас, стоя рядом, они выглядели совершенно несхожими. Кимоно Дзатаки поражало роскошью, доспехи ослепляли церемониальным блеском, мечи также имели парадный вид.

– Добро пожаловать, брат! – Торанага сошел с помоста и поклонился: простецкое кимоно, скромные соломенные сандалии, какие носят рядовые самураи. И мечи. – Прошу извинить меня, что принимаю вас по-простому, без должных почестей, но я спешил.

– Пожалуйста, извините, что доставил беспокойство. Вы хорошо выглядите, брат. Очень хорошо. – Дзатаки вылез из паланкина и поклонился в ответ, начиная бесконечный ритуал.

– Пожалуйста, садитесь сюда, господин Дзатаки.

– Пожалуйста, извините меня, я был бы счастлив, если бы вы сели первым, господин Торанага.

– Вы так добры. Но, пожалуйста, окажите мне честь, садитесь первым.

Они разыгрывали пьесу, которую, карабкаясь по лестнице власти, представляли в лицах уже много раз. Друг с другом, с союзниками и врагами. Разыгрывали, радуясь тому, что каждое их движение и каждая фраза расписаны, а значит, нет опасности, что будет задета чья-то честь, что кто-то допустит ошибку, поставив под удар себя или свою миссию.

Наконец они опустились друг против друга на подушки, на расстоянии двух мечей. Сзади и чуть левее Торанаги стоял Бунтаро.

Главный помощник Дзатаки, пожилой седовласый самурай, встал позади своего господина, также слева. Вокруг помоста, в двадцати шагах от него, рядами расположились самураи Торанаги, которые, следуя приказу, оставались в дорожном облачении, но навели блеск на оружие. Оми восседал на земле у края помоста, Нага – на противоположной стороне. Люди Дзатаки – в парадных одеждах, очень богатых, в накидках с плечами-крыльями, застегнутых серебряными пряжками, прекрасно вооруженные – также разместились в двадцати шагах от платформы.

Марико угощала полагающимся по ритуалу зеленым чаем двух братьев, между которыми шел безобидный, пустой разговор. В нужный момент она откланялась и ушла. Бунтаро болезненно ощущал присутствие жены и безмерно гордился ее грацией и красотой. Дзатаки произнес, слишком поспешно и резко:

– Я доставил указы Совета регентов.

На площадь упала внезапная тишина. Все, даже люди Дзатаки, были поражены той грубостью, тем высокомерием, с которым он произнес «указы», а не «послания», и тем еще, что не дождался, пока Торанага не спросит: «Чем могу служить?» – как требовал ритуал.

Нага, который не сводил глаз с руки Дзатаки, державшей меч, бросил быстрый взгляд на отца. Он увидел, как к шее Торанаги прилила кровь, что служило безошибочным признаком неминуемой вспышки. Но лицо великого даймё оставалось спокойным, и Нага удивился, услышав сдержанный ответ:

– Извините, у вас есть указы? Для кого, брат? Конечно, у вас послание.

Дзатаки вытащил из рукава два небольших свитка. Рука Бунтаро чуть не выхватила давно ожидающийся своего часа меч, так как согласно ритуалу подобные движения полагалось совершать медленно и обдуманно. Торанага не шелохнулся.

Дзатаки сломал печать на первом свитке и прочитал громким, леденящим душу голосом:

– «По приказу Совета регентов, от имени императора Го-Нидзё, Сына Неба. Мы приветствуем нашего достославного вассала Ёси Торанага-но Миновара, призываем его немедленно предстать перед нами в Осаке и предлагаем ему сообщить нашему уважаемому послу, регенту господину Сайгаве Дзатаки, принято или отвергнуто наше

приглашение, – немедленно». – Он поднял глаза, добавил столь же громогласно: – Подписано всеми регентами и запечатано большой государственной печатью, – и с важностью положил свиток перед собой.

Торанага сделал знак Бунтаро, который тут же вышел вперед, низко поклонился Дзатаки, поднял свиток, повернулся к Торанаге, поклонился еще раз. Тот взял свиток и жестом повелел Бунтаро вернуться на свое место.

Бесконечно долго Торанага изучал свиток.

– Все подписи подлинные, – нарушил молчание Дзатаки. – Вы принимаете приглашение или нет?

Приглушив голос, так, чтобы его слышали только стоявшие на помосте и Оми с Нагой, Торанага произнес:

– Почему бы мне не отрубить вам голову за столь дурные манеры?

– Потому что я сын нашей матери, – ответил Дзатаки.

– Это не защитит вас, если вы и дальше пойдете тем же путем.

– Тогда она умрет раньше времени.

– Что?!

– Госпожа, наша мать, находится в Такато. – Непрístupная крепость Такато располагалась в самом сердце провинции Синано, подвластной Дзатаки. – Очень жаль, если ее тело останется там навеки.

– Пустые угрозы! Вы почитаете ее так же, как я.

– Клянусь ее бессмертной душой, брат, я чту мать не меньше, чем не приемлю то, что вы делаете с государством.

– Я не стараюсь захватить новые земли и не...

– Вы стараетесь прервать династию!

– Опять неверно, я буду всегда защищать моего племянника от предателей.

– Вы стремитесь низложить наследника – вот что я думаю. Поэтому я постараюсь остаться в живых, закрыть границы Синано и отрезать вам путь на север, любой ценой. И не отступлюсь, пока Канто не окажется в дружеских руках – *чего бы то ни стоило*.

– В *ваших* руках, брат?

– В любых надежных руках – только не в ваших, брат.

– Вы доверяете Исидо?

– Я не доверяю никому. Вы научили меня этому. Исидо есть Исидо, но его верность наследнику несомненна. Даже вы признаете это.

– Я признаю, что Исидо пытается погубить меня и расколоть государство, что он узурпировал власть и нарушил последнюю волю тайко.

– Но вы объединились с господином Сугиямой, чтобы развалить Совет регентов. Да? – Вена на лбу Дзатаки дергалась, как черный червяк. – Что вы скажете на это? Один из советников признался в измене: вы сговорились, чтобы Сугияма поддержал избрание регентом вместо вас господина Ито, а затем перед первым собранием Совета сбежал ночью, ввергнув государство в смуту. Я слышал признание, брат.

– Вы были среди убийц?

Дзатаки вспыхнул:

– Сугияму убил чересчур усердный ронин! Ни я, ни один из людей Исидо в этом не участвовали.

– Не странно ли, что вы так быстро заняли его место?

– Нет. Моя родословная такая же древняя, как и ваша. Но я не приказывал убивать, и Исидо тоже. Он поклялся честью, как самурай. И я вслед за ним. Сугияму убил ронин. Впрочем, этот изменник заслуживал смерти.

– Смерти под пытками? В бесчестье? В грязном подвале? После того, как у него на глазах зарубили его детей и наложниц?

– Это слухи, распространяемые подлыми мятежниками, а может быть, вашими шпионами, чтобы очернить господина Исидо, а через него опорочить госпожу Отибу и наследника. Доказательств нет.

– Взгляните на тела.

– Ронины сожгли дом. Тела не сохранились.

– Так удобно, правда? Как можно быть столь доверчивым? Вы же не глупый крестьянин!

– Я не желаю сидеть здесь и выслушивать эту дерьмовую брехню. Дайте мне ответ. Сейчас же! А потом либо забирайте мою голову, либо отпустите. – Дзатаки наклонился вперед. – Едва моя голова расстанется с телом, на север, в Такато, полетят десять почтовых голубей. На севере у меня надежные люди, так же как на востоке и на западе, в одном дневном переходе отсюда. А если им не повезет, найдутся другие, в безопасных местах, за границами ваших владений.

Если я не вернусь живым из Идзу – по любой причине, – госпожа тоже умрет. Так что либо убейте меня, либо давайте покончим с передачей свитков, и я сразу же покину Идзу. Выбирайте!

– Исидо убил господина Сугияму. Со временем у меня будут доказательства. Это важно, правда? Мне только нужно немного...

– У вас нет больше времени! Немедленно – так сказано в письме. Конечно, вы отказываетесь повиноваться. Хорошо, дело сделано. Вот! – Дзатаки положил на татами второй свиток. – Здесь выдвинутое против вас обвинение и приказ совершить сэппуку, которым вы, конечно же, пренебрежете. Может быть, повелитель наш Будда простит вас! Дело сделано. Я уезжаю сразу же. В следующий раз мы встретимся на поле битвы, и, клянусь Буддой, до захода солнца в этот день я увижу вашу голову на острие пики!

Торанага задержал взгляд на своем недруге:

– Господин Сугияма был другом и вам, и мне. Наш товарищ, достойнейший из самураев. Неужели его смерть вас несколько не волнует?

– Ваша смерть волнует меня куда больше, брат.

– Вы присосались к Исидо, как голодный ребенок к материнской груди.

Дзатаки повернулся к своему советнику:

– Скажи по чести, как самурай, отправил ли я гонцов и что в посланиях?

Седой, уважаемый старый самурай, главный советник Дзатаки, хорошо известный Торанаге как человек чести, с болью и стыдом внимал громкой перебранке двух ненавидящих друг друга людей.

– Простите, господин, – произнес он сдавленным шепотом, кланяясь Торанаге, – но мой господин, конечно, говорит правду. Как можно сомневаться в этом? И пожалуйста, извините меня, но это мой долг – со всем уважением смиренно указать вам обоим, что такая... такая удивительная и позорная неучтивость друг к другу не достойна вашего положения или важности события. Если ваши вассалы... если они услышат... не уверен, сумеет ли кто-нибудь из вас удержать их у себя на службе. Вы забываете долг самурая и долг по отношению к вашим людям. Пожалуйста, извините меня, – он поклонился им обоим, – но это должно быть сказано. – Потом он добавил: – Все

послания одинаковы, господин Торанага, и скреплены печатью господина Дзатаки: «Сразу же казнить госпожу, мою мать».

– Как я могу доказать, что не собираюсь свергать наследника? – спросил Торанага своего брата.

– Немедленно отрекитесь от всех титулов и власти в пользу своего сына и наследника господина Судары и сегодня же совершите сэппуку. Тогда я и все мои люди – до последнего – поддержим Судару как властелина Канто.

– Я подумаю над тем, что вы сказали.

– Что?

– Я подумаю над тем, что вы сказали, – повторил Торанага более твердо. – Мы встретимся завтра в это время, если вы не против.

Лицо Дзатаки скривилось.

– Еще одна из ваших уловок? Зачем нам встречаться?

– По поводу того, что вы мне сказали. – Торанага поднял свиток, который держал в руке. – Я дам вам свой ответ завтра.

– Бунтаро-сан! – Дзатаки махнул вторым свитком. – Пожалуйста, передайте это вашему господину.

– Нет! – Голос Торанаги разнесся далеко. Потом, с большими церемониями, он громко провозгласил: – Мне оказали честь, передав послание Совета, и я дам свой ответ достопочтенному послу, моему брату, властелину Синано, завтра в это время.

Дзатаки подозрительно уставился на него:

– Какой еще может быть от...

– Пожалуйста, извините меня, господин, – спокойно, с мрачным достоинством прервал его старый самурай, вновь переводя разговор в конфиденциальные рамки, – извините, но господин Торанага сделал совершенно правильное предложение. Вы поставили его перед важным выбором, о котором ничего не говорится в свитках. Это честно и достойно, что он требует времени на обдумывание, и время должно быть дано.

Дзатаки поднял второй свиток и сунул его в рукав:

– Очень хорошо. Я согласен. Господин Торанага, пожалуйста, извините меня за грубость. И последнее: пожалуйста, скажите мне, где господин Касиги Ябу. У меня есть послание и для него. Для него только одно.

– Я пришлю его вам.

Сокол сложил крылья, упал с вечернего неба на летящего голубя, пустив по ветру его перья, потом зажал в когтях и повлек вниз, все еще падая камнем, пока в нескольких футах от земли не выпустил уже мертвую добычу. Он сумел-таки мастерски опуститься на почву. «Ек-ек-ек-ек-к-к!» – пронзительно кричал сокол, гордо ероша перья на шее, когти в экстазе терзали голубиную голову.

Подскакал Торанага в сопровождении Наги, выступавшего в роли конюшего. Даймё спрыгнул с лошади и осторожно позвал сокола. Тот послушно уселся на перчатку. И сразу же был вознагражден кусочком кровавой плоти предыдущей добычи. Торанага натянул на голову птицы колпачок, закрепив ремни зубами. Нага поднял голубя и положил в наполовину заполненный мешок для дичи, который висел на отцовском седле, потом повернулся и поманил к себе загонщиков и телохранителей.

Торанага снова сел в седло, сокол удобно устроился у него на перчатке, удерживаемый тонкими кожаными путами на лапах. Даймё взглянул в небо, определяя, сколько еще осталось светлого времени.

В самом конце дня сквозь тучи пробилось солнце, и теперь в долине при быстро убывающем свете дня, когда солнечный диск наполовину скрылся за горным хребтом, установилась приятная прохлада. Облака тянулись на север, подгоняемые ветром, проплывая над горными пиками и окутывая большинство из них. На этой высоте, в глубине долины, воздух был чистый и сладкий.

– Завтра будет хороший день, Нага-сан. Думаю, ветер разгонит облака. Наверное, я поохочусь на рассвете.

– Да, отец. – Нага следил за ним, недоумевая, но, как всегда, опасаясь задавать вопросы и мучаясь неизвестностью. Он не мог понять, как отец способен так самозабвенно предаваться любимой забаве, словно напрочь позабыв об ужасной встрече.

Церемонно раскланявшись с Дзатаки, Торанага сразу же послал за ловчими птицами, загонщиками и охраной и отправил их на холмы рядом с лесом, что показалось Наге проявлением сверхъестественного самообладания. От одной мысли о Дзатаки по телу Наги поползли мурашки. Он знал, что старый советник был прав: если бы хоть несколько фраз из разговора были подслушаны, самураям следовало бы броситься на защиту чести своих господ. Когда бы не угроза, нависшая над головой его любимой бабушки, он бы сам бросился на

Дзатаки. «Я полагаю, потому-то мой отец и стал тем, кто он есть», – подумал Нага.

Ему на глаза попались всадники, выскочившие из леса ниже по склону и галопом несущиеся к ним через отроги холмов. На фоне темно-зеленого леса река казалась извилистой черной лентой. Огни постоянных дворов посверкивали светлячками.

– Отец!

– Что? Ах да, вижу! Кто это?

– Ябу-сан, Оми-сан и... восемь самураев.

– Твои глаза зорче моих. Ну вот, теперь и я узнаю.

Нага выпалил:

– Мне не следовало отпускать Ябу-сана одного к Дзатаки без... – Он запнулся. – Отец, простите меня.

– Почему тебе не следовало отпускать Ябу-сана одного?

Нага проклял себя за болтливость:

– Пожалуйста, извините меня. Потому что теперь я никогда не узнаю, какой разговор они вели. Мне не следовало оставлять их наедине. Я не доверяю Ябу-сану.

– Если эти двое намерены сговориться за моей спиной, они сделают это, независимо от того, приставлю я или нет своих людей к Ябу-сану. Иногда мудрее на время дать добыче некоторую свободу – совсем как при ловле рыбы, да?

– Да, пожалуйста, извините меня.

Торанага подумал, что сын ничего не понял и никогда не поймет. Он всегда останется ястребом, бросающимся на врага, быстрым, беспощадным и смертоносным.

– Я рад, что ты понял, сын мой, – тем не менее произнес он, чтобы подбодрить юношу, признавая его достоинства и ценя их. – Ты хороший сын, – добавил он вполне искренне.

– Спасибо, отец. – Нага наполнился гордостью от редкой похвалы. – Я только надеюсь, что вы простите мою глупость и научите меня, как лучше служить вам.

– Ты не глупый. – «Ябу глупый, – чуть не добавил Торанага. – Чем меньше люди знают, тем лучше, и нет необходимости напрягать твой ум, Нага. Ты молод – мой самый младший, не считая твоего единокровного брата, Тадатэру. Сколько же ему? Ах да, семь, ему семь

лет». Некоторое время он смотрел на приближающихся всадников. – Как твоя мать, Нага?

– Как всегда, самая счастливая госпожа в мире. Она все еще позволяет мне видеться с ней только раз в год. Вы не можете переубедить ее?

– Нет, – обронил Торанага, – она никогда не изменит своего решения. – Торанага всегда чувствовал приятное тепло в теле, когда думал о Тяно-Цубонэ, своей восьмой законной наложнице, матери Наги. Он смеялся про себя, вспоминая ее простонародные шутки, ямочки на щеках, ненасытное чрево, то, как она извивалась и какой пыл проявляла в постели.

Он прельстился ею, вдовой крестьянина из-под Эдо, двадцать лет назад. Она оставалась с ним три года, потом попросила разрешения вернуться к себе. Он позволил ей уйти. Теперь она хозяйствовала, получив богатый надел около тех мест, где родилась, дородная и довольная вдовствующая буддийская монахиня, почитаемая всеми и ни от кого не зависящая. Один раз за все время он навестил ее, и они, как старые друзья, весело хохотали без всякой причины.

– О, она хорошая женщина, – произнес Торанага.

Ябу и Оми подъехали и спешились. В десяти шагах они остановились, чтобы отвесить поклон.

– Он всучил мне свиток, – сообщил взбешенный Ябу, размахивая посланием. – «Мы предлагаем вам сегодня же выехать из Идзу в Осаку и явиться в Осацкий замок для аудиенции. В противном случае все ваши земли подлежат изъятию, а их владелец будет объявлен вне закона». – Он смял свиток в кулаке и бросил его на землю. – Сегодня!

– Тогда вам лучше выехать сразу же, – посоветовал Торанага, испытывая недобрую радость при виде взбешенного и такого глупого Ябу.

– Господин, я прошу вас, – поспешил вмешаться Оми, униженно упав на колени. – Господин Ябу – ваш преданный вассал, и я покорнейше прошу не смеяться над ним. Простите, что я так неучтив, но господин Дзатаки... Простите мою грубость.

– Ябу-сан, пожалуйста, извините меня за то замечание – оно проистекало единственно из доброго расположения к вам, – поспешил заверить Торанага, ругая себя за оплошность. – Нам всем следует не терять чувства смешного, когда речь идет о таких посланиях, правда? –

Он подозвал сокольника, передал ему птицу, отпустил его и загонщиков. Потом сделал знак своим самураям, кроме Наги, уйти за пределы слышимости, сел на корточки и жестом призвал собеседников последовать его примеру.

– Может быть, вам лучше рассказать мне все, что случилось.

– Рассказывать почти нечего, – начал Ябу. – Я пошел к нему. Он принял меня не слишком вежливо. Сначала передал «приветствия» господина Исидо, потом прямо предложил заключить союз с ним и способствовать немедленному убийству вас и всех ваших самураев в Идзу. Конечно, я отказался его слушать, и сразу же, сразу – забыв об учтивости, – он протянул мне это! – Палец Ябу воинственно ткнул в сторону свитка. – Если бы не ваш приказ, я бы тут же изрубил его на куски! Я требую, чтобы вы отменили этот приказ. Как жить с таким позором? Я должен отомстить!

– Это все, что произошло?

– Разве недостаточно?

Торанага пропустил мимо ушей грубость Ябу и сердито воззрился на Оми:

– Это ты виноват, не правда ли? Почему тебе не хватило ума защитить твоего господина? Считалось, что ты его советник. Тебе следовало быть его щитом, вывести господина Дзатаки на чистую воду, попытаться выведать, что на уме у Исидо, чем он хочет подкупить господина Ябу, какие у них планы. Ты считался надежным советником. Тебе дали прекрасную возможность, а ты ее упустил, как неопытный олух!

Оми склонил голову:

– Прошу простить меня, господин.

– Я-то прошу, но не уверен, что простит господин Ябу. Твой господин принял свиток. Он сделал ход и должен выбирать.

– Что? – опешил Ябу.

– Почему еще я сделал то, что сделал? Чтобы получить отсрочку, конечно. Выиграть время, – пояснил Торанага.

– Но один день? Какое он имеет значение? – недоумевал Ябу.

– Кто знает? День, выгаданный вами, – это день, отнятый у врага. – Глаза Торанаги метнулись обратно к Оми. – Послание от Исидо было устным или письменным?

Вместо него ответил Ябу:

– Устным, конечно.

Торанага не спускал пронизывающего взгляда с Оми:

– Ты не выполнил своего долга перед твоим господином и мной.

– Пожалуйста, извините...

– Что точно ты сказал? – (Оми не ответил.) – Ты забыл о вежливости? Что ты ответил?

– Ничего, господин. Я ничего не сказал.

– Что?

Ябу вмешался:

– Он ничего не сказал Дзатаки, потому что не присутствовал при беседе. Дзатаки хотел поговорить со мной наедине.

– Да? – Торанага скрыл ликование: Ябу подтвердил его догадку, часть правды вышла наружу. – Пожалуйста, извини меня, Оми-сан. Я считал само собой разумеющимся, что ты присутствовал.

– Это моя ошибка, господин. Я должен был настоять. Вы правы, я не смог защитить своего господина, – каялся Оми. – Мне следовало проявить настойчивость. Пожалуйста, извините меня. Ябу-сама, пожалуйста, простите меня.

Прежде чем Ябу смог ответить, Торанага смиловался:

– Конечно, ты прощен, Оми-сан. Разумеется, это право твоего господина – брать или не брать тебя с собой. Вы не взяли его с собой, Ябу-сама?

– Да, но я не думал, что это так важно. Вы полагаете, я...

– Ну, ничего уже не поправишь. Что вы намерены делать?

– Конечно, оставить указ без внимания, господин. – Ябу выглядел обеспокоенным. – Вы думаете, я мог бы как-то отвертеться и не брать его?

– Конечно. Вы могли поторговаться, вытребовать день. Может быть, и больше. Даже неделю, – добавил Торанага, проворачивая нож в ране, злобно радуясь тому, что глупость Ябу насаживает его на крючок, и вовсе не заботясь о том, что Ябу наверняка подкуплен, обманут, обласкан или запуган. – Извините, но дело уже сделано. Не ломайте голову. Как вы однажды сказали, чем скорее каждый решит, какую сторону ему принять, тем лучше. – Он встал. – Сегодня вечером нет необходимости возвращаться в полк. Вы оба приглашены ко мне на ужин. Я устраиваю пирушку.

«Для всех», – подумал он про себя с большим удовлетворением.

Ловкие пальцы Кику извлекали звуки из струн, прочно удерживая плектр. Потом она запела, и ее чистый голос заполнил молчание ночи. Все сидели как зачарованные в большой комнате, которая выходила на веранду и в сад за нею, пораженные необычным эффектом, который она производила при мерцающем свете факелов; золотые нити в ее кимоно поблескивали всякий раз, как она склонялась над сямисэном.

Торанага быстро огляделся, потревоженный свежими токами ночного воздуха. С одной стороны от него сидела Мариико между Блэкторном и Бунтаро. С другой – Оми и Ябу, бок о бок. Почетное место пустовало: Дзатаки, приглашенный приятно провести вечер, разумеется, с сожалением отклонил приглашение, сославшись на болезнь, хотя видели, как он скакал в горы к северу от деревни, а в настоящее время владетель Синано со всей своей легендарной силой предавался любви. Вокруг Торанаги располагались Нага с тщательно отобранной стражей, где-то внизу ждала Гёко. Кику-сан сидела на веранде лицом к обществу, спиной к саду – маленькая, беззащитная.

«Мариико была права, – подумал Торанага. – Госпожа стоит этих денег». Он увлекся ею, беспокойство, вызванное приездом Дзатаки, ослабло. «Послать за ней сегодня вечером снова или спать одному?» Его мужское естество ожило, когда он вспомнил о минувшей ночи...

– Так вы хотели меня видеть, Гёко-сан? – спросил он в своих покоях в крепости.

– Да, господин.

Он зажег палочку благовоний, которая, стгорая, отмерит один стик его времени.

– Пожалуйста, приступайте.

Гёко поклонилась, но он едва ли заметил ее, так как впервые видел вблизи Кику. Черты юного лица оказались еще прекрасней, поскольку не носили еще отпечатка ее ремесла.

– Пожалуйста, сыграйте нам что-нибудь, пока мы поговорим, – попросил он, удивленный тем, что Гёко собиралась разговаривать при ней.

Кику сразу же послушалась, но музыка, звучащая в прошлый раз, ничего не значила по сравнению с тем, что она исполняла сейчас. Прошлым вечером музыка была успокаивающая, аккомпанемент к деловому разговору. Сегодня вечером она возбуждала, внушала страх и несла обещание.

– Господин, – церемонно начала Гёко, – позвольте мне сначала поблагодарить за честь, которую вы оказали мне, моему бедному дому и Кику-сан, первой из дам «мира ив». Цена, которую я запросила за контракт, чрезмерна, я знаю, невозможна, я уверена, и не будет согласована до завтрашнего утра, когда ее определят госпожа Касиги и госпожа Тода. Если бы дело касалось вас, вы бы уже давно приняли решение, ибо что такое презренные деньги для самурая, тем более величайшего даймё в мире?

Гёко для пущего эффекта выдержала паузу. Он не клюнул на приманку, но слегка взмахнул веером, что могло означать досаду на ее экспансивность, или согласие с комплиментом, или абсолютное неприятие цены – в зависимости от настроения. Оба прекрасно знали, кто действительно определяет цену.

– Что такое деньги? Не более чем средство общения, – продолжила она, – как и музыка Кику-сан. В чем состоит назначение «мира ив», как не в том, чтобы общаться, развлекать, просвещать мужчин, облегчать их ношу?

Ядовитое замечание уже готово было сорваться с языка Торанаги, однако он вспомнил, что эта женщина купила стик его времени за пять сотен коку, а пять сотен коку стоят того, чтобы внимательно ее выслушать. Поэтому он позволил ей продолжать и слушал вполуха, наслаждаясь гармонией совершенной музыки, которая проникала в самые потаенные глубины его существа, успокаивая, погружая в эйфорию. Потом он был грубо возвращен в реальный мир фразой, которую только что произнесла Гёко.

– Что?

– Я предложила вам взять «мир ив» под свою защиту, изменив тем весь ход истории.

– Как?

– Сделав то, что вы всегда делали, господин, заботясь о будущем страны больше, чем о своем собственном.

Он пропустил мимо ушей это смехотворное преувеличение, приказав себе закрыть свой слух для музыки. Он угодил в первую ловушку, когда велел Гёко привести с собой девушку, затем попал во вторую, когда позволил себе наслаждаться ее красотой и благоуханием, и влез в третью, допустив, чтобы она так соблазнительно играла, пока ее хозяйка говорит.

– «Мир ив»? А что с ним?

– Две вещи, господин. Во-первых, в настоящее время «мир ив» слишком тесно соприкасается с обыденным миром, что не идет на пользу ни тому ни другому. Во-вторых, наши госпожи не могут достичь совершенства, которого имеют право ожидать от них все мужчины.

– О?

Его обоняние уловило запах духов Кику, незнакомый ему аромат. Они были очень правильно выбраны. Помимо своей воли Торанага взглянул на нее. На губах девушки играла полуулыбка, предназначенная только для него. Она томно опустила глаза, пальцы порхали над струнами, и он представил, как эти пальцы касаются его тела.

Даймё попытался сосредоточиться:

– Извините, Гёко-сан. Что вы сказали?

– Пожалуйста, извините меня, я говорю не очень ясно, господин. Во-первых, «мир ив» должен быть отделен от остального мира. Мой чайный домик в Мисиме расположен на одной из южных улиц, другие рассеяны по всему городу. То же самое в Киото и Наре – во всей стране. Даже в Эдо. Но я думаю, что Эдо может стать образцом для всего мира.

– Как? – Его сердце пропустило удар, когда прозвучал совершеннейший аккорд.

– Все другие ремесленные гильдии очень мудро поступили, сосредоточив свои заведения и мастерские на особых улицах, в особых кварталах. Нам тоже надо отвести особое место, господин. Эдо – новый город, вы можете выделить участок для «мира ив». Пусть все чайные домики располагаются только в пределах этого участка. Запретите устройство их, даже самых скромных, в других местах.

Теперь он уже полностью сосредоточился на ее предложении, показавшемся ему очень дельным. Мысль была так хороша, что он выругал себя: почему сам недодумался? Все чайные домики, все куртизанки за одним забором. Легко следить за порядком, присматривать и шпионить за гостями, облагать заведения налогом. Простота замысла ошеломила его. Он знал также, каким влиянием пользуются госпожи из «мира ив».

Но лицо Торанаги не выдало его заинтересованности.

– Какие же преимущества это даст, Гёко-сан?

– Мы станем настоящей гильдией, господин, пользующейся защитой закона, реальной силой, не рассредоточенной повсюду, а собранной воедино, которой все должны подчиняться...

– Должны подчиняться?

– Да, господин. Должны подчиняться для общего блага. Гильдия будет отвечать за то, чтобы назначались приемлемые цены и чтобы выдерживались каноны. Чтобы госпожа второго класса из Эдо была не хуже госпожи второго класса из Киото и так далее. Если этот замысел сработает в Эдо, почему не воплотить его в любом городе ваших владений?

– Но владельцы заведений, сосредоточенных в этом квартале, станут заправлять всем. Они приобретут исключительные права. Смогут назначать грабительские цены, закрыть двери перед теми, кто хочет и имеет законное право стать частью «мира ив», не правда ли?

– Да, это возможно, господин. Так и будет происходить в некоторых местах какое-то время. Но что вам стоит издать закон, восстанавливающий справедливость? Уверена, хорошее перевесит плохое для нас и для наших уважаемых гостей. Второе: госпожи...

– Давайте сначала покончим с первым, Гёко-сан, – одернул Торанага. – Значит, ваше предложение имеет изъян, а?

– Да, господин. Возможно. Но любой даймё легко разберется с этим. И должен будет иметь дело только с гильдией, сосредоточенной в одном месте. У вас не будет хлопот, господин. Каждый квартал, конечно, станет отвечать за порядок внутри своих стен. И за уплату налогов.

– Ах да, налоги! Разумеется, так будет гораздо легче собирать налоги. Хороший довод в вашу пользу.

Глаза Гёко остановились на палочке благовоний. Сгорело уже больше половины.

– В вашей власти навсегда освободить «мир ив» от налогов. – Она посмотрела ему прямо в глаза, ее голос звучал бесхитростно. – В конце концов, господин, разве наш мир не называют также «плавающим»? Разве не он единственный предлагает красоту? И разве юность не главная составляющая красоты? Есть ли что-нибудь столь же скоротечное, преходящее, как юность, священный дар богов? И вы,

господин, лучше всех прочих должны понимать, сколь быстролетна юность, особенно у женщин!

Музыка смолкла. Его глаза потянулись к Кику-сан. Она внимательно смотрела на него, слегка нахмутив бровь.

– Да, – признал он честно, – я знаю, как быстро улетает юность. – Он отхлебнул зеленого чая. – Я подумаю над тем, что вы сказали. Второе?

– Второе. – Гёко собралась с мыслями. – Второе, и последнее, господин. В вашей воле изменить весь наш «мир ив». Посмотрите на наших девушек. Кику-сан, например, обучена пению, танцам, игре на сямисэне с шести лет. Каждый свободный миг она усиленно трудится, чтобы совершенствовать свое искусство. За свои незаурядные дарования она заслуженно получила звание госпожи первого класса. Но она еще и куртизанка, и некоторые гости желают наслаждаться не только ее искусством, но и ее телом. Я считаю, что должно существовать две категории девушек. Первую составят куртизанки, приятные в общении, жизнерадостные, желанные. Вторая, новая категория – она может называться *гэйся*^[40] – посвятит себя искусству. В обязанности гэйся не будет входить ублажение гостей в постели. Пусть они услаждают зрение и слух – танцами, пением, игрой на сямисэне – и готовят себя исключительно к такому призванию. Пусть гэйся забавляют, поднимают настроение мужчинам своей красотой, грацией, тонким обаянием, а куртизанки, столь же прекрасные, изящные и обольстительные, удовлетворяют голод тела.

Он снова был поражен простотой и новизной ее идеи.

– Как выбирать гэйся?

– По способностям. Пусть будущее девушки, созревшей для любви, решает хозяин. А гильдия может утвердить его решение или отвергнуть.

– Это необычайная мысль, Гёко-сан.

Женщина поклонилась:

– Пожалуйста, извините меня за многоречивость, господин, но случается, что красота вянет, фигура оплывает, а девушка все еще многого стоит, достойна редкой судьбы. Она не должна вступить на путь, которым сегодня вынуждены идти все куртизанки. Меня заботит участь самых одаренных, моей Кику-сан. Я призываю вас подарить будущее этим редким дарованиям, помочь им занять то положение,

которого они заслуживают. Чтобы достичь совершенства в пении, танцах, игре на музыкальных инструментах, надо учиться долгие годы. А служение любви на ложе требует молодости – ничто не возбуждает желание сильнее. Не правда ли?

– Да. – Торанага внимательно разглядывал ее. – Стало быть, гэйся может обходиться и без постельных игр с гостями?

– Это не будет входить в ее обязанности, какие бы деньги ни предлагали. Гэйся получают право не спать с гостями, господин. Если гэйся сама пожелает снизойти до кого-то – другое дело. Она может осчастливить его с разрешения хозяйки, но цена окажется весьма высокой – какую только в состоянии предложить избранник. Желающие вкушать любви с девушкой, которая посвящена в тайное учение спальни, обратятся к куртизанке; гэйся и ученицы гэйся станут неприкасаемы. Пожалуйста, извините, что я говорю слишком пространно. – Гёко поклонилась, Кику тоже. Палочка с благовониями почти прогорела.

Торанага расспрашивал их вдвое дольше оговоренного времени, радуясь возможности больше узнать о «мире ив», их мыслях, надеждах и страхах. То, что он узнал, привело его в возбуждение. Разложив по полочкам полученные сведения, чтобы использовать их в будущем, он отослал Кику в сад.

– Мне бы хотелось, Гёко-сан, чтобы госпожа осталась здесь до рассвета, если пожелает, конечно, и если свободна. Не будете ли вы так добры спросить ее? Разумеется, я понимаю, что она, наверное, устала. В конце концов, она так долго и так прекрасно играла. Я пойму. Но может быть, она подумает о моей просьбе. Я был бы очень благодарен, если бы вы спросили у нее.

– Само собой, господин. Я уверена, что ей польстит ваше приглашение. Это наша обязанность – всеми силами служить вам, так ведь?

– Да. Но здесь, как вы справедливо указали, особый случай. Я пойму, если она скажет, что слишком устала. Пожалуйста, спросите у нее сейчас. – Он вручил Гёко маленький кожаный мешочек с десятью кобанами, сожалея о широком жесте, но зная, что его положение того требует. – Может быть, это вознаградит вас за утомительный вечер и послужит знаком моей благодарности за ваши идеи.

– Наш долг служить вам, господин, – произнесла Гёко, и Торанага заметил, что она пытается обуздать себя, но пальцы ее против воли нащупывают сквозь мягкую кожу монеты, норовя сосчитать их. – Благодарю вас, господин. Пожалуйста, простите меня, я сейчас спрошу ее. – Станным и неожиданным образом глаза ее наполнились слезами. – Пожалуйста, примите благодарность от простой старой женщины за вашу любезность и за то, что выслушали нас. Единственной наградой за все удовольствия нам служит река слез. Честно говоря, трудно объяснить, что чувствует женщина... Пожалуйста, извините меня...

– Послушайте, Гёко-сан, я понимаю. Не беспокойтесь. Я обдумаю все, что вы сказали. Ах да! Завтра на рассвете вы обе поедете со мной. Несколько дней в горах станут для вас хорошей переменой обстановки. Я думаю, цена контракта к тому времени уже будет установлена, да?

Гёко поклонилась, рассыпавшись в благодарностях, потом отерла слезы и твердо сказала:

– Могу ли я теперь узнать имя благородного человека, для которого выкупается контракт?

– Ёси Торанага-но Миновара.

...Сейчас, ночью под Ёкосэ, в приятной прохладе, когда музыка и голос Кику-сан завладели умами и сердцами, Торанага позволил себе помечтать. Он вспомнил, какой гордостью светилось лицо Гёко, и снова задумался об удивительной доверчивости людей. Не странно ли, что самые умные и хитрые из них зачастую видят только то, что хотят видеть, и крайне редко способны заглянуть за самые тонкие завесы. Они пренебрегают действительностью, гонят ее от себя. И потом, когда мир рассыпается на кусочки, валятся на колени, чтобы вспороть себе живот или горло, рвут на себе волосы, оплакивают свою карму, винят богов или kami, своих господ или мужей, вассалов – что-нибудь или кого-нибудь, но никогда себя. Удивительно.

Он посмотрел на гостей и увидел, что все по-прежнему следят за девушкой, погруженные в мечты, захваченные артистизмом музыкантши. Все, кроме Андзин-сана, который раздражен и обеспокоен.

«Ничего, Андзин-сан, – весело подумал Торанага, – ты еще не обтесался. Со временем все придет, и не так уж это важно, пока ты

повинуешься мне. Настанет день, когда мне потребуются твои обидчивость, гнев и ярость.

Да, вы все здесь. Оми, Ябу, Нага, Бунтаро, Марико, Кику-сан и даже Гёко, мои ловчие птицы, соколы и ястребы Идзу. Все здесь, за исключением одного – христианского священника. И скоро настанет твоя очередь, Цукку-сан. Или, может быть, моя».

Отец Мартин Алвито из Общества Иисуса был взбешен. Сейчас, перед самой встречей с Торанагой, которая потребует от него напряжения всех умственных способностей, он столкнулся с новой мерзостью, и та не могла ждать его решения.

– Что ты скажешь в свое оправдание? – бросил он японцу-послушнику, застывшему перед ним на коленях в униженной позе, склонив повинную голову, скрытую капюшоном. Остальная братия стояла полукругом, заняв всю маленькую комнату.

– Пожалуйста, простите меня, отец. Я согрешил, – сбивчиво покаялся несчастный, – пожалуйста, простите...

– Я повторяю: это всемогущий Бог в мудрости своей прощает, не я. Ты совершил смертный грех. Нарушил священный обет. Понятно?

Ответ прозвучал едва слышно:

– Извините, святой отец... – Грешник, щуплый болезненный человечек лет тридцати, при крещении получил имя Жозеф. Его братьям по ордену, сплошь отпрыскам благородных самурайских фамилий с острова Кюсю, было от восемнадцати до сорока. Все с тонзурами, подготовленные к рукоположению, но еще не посвященные в духовный сан. – Я исповедался, отец, – сказал брат Жозеф, склонив голову.

– Ты думаешь, этого достаточно? – Отец Алвито нетерпеливо отвернулся и подошел к окну.

Комната ему досталась так себе: татами чистые, но бумажные стенки латаные-перелатаные. Отцу Алвито пришлось остановиться в Ёкосэ на захудалом и древнем постоялом дворе – те, что получше, заняли самураи. Он выглянул в сад и услышал вдалеке голос Кику, перекрывавший шум реки. Пока куртизанка не кончит петь, Торанага не пошлет за ним. «Грязная шляха», – выругался он про себя. Вопиющий диссонанс японского пения раздражал его больше обычного, усиливая гнев на отступника Жозефа.

– Вот что я скажу, братья, – изрек Алвито, повернувшись к послушникам. – Мы все осуждаем брата Жозефа, который вчера вечером отправился к непотребной женщине, нарушив обеты целомудрия и послушания, осквернив свою душу, обесчестив звание иезуита, свой орден и все, что за этим скрывается. Перед Богом спрашиваю каждого из вас: совершал ли кто-нибудь еще подобное?

Все замотали головами.

– Ты когда-нибудь совершал подобное?

– Нет, отец.

– Ты грешник! Признаешь ли ты перед Богом, что согрешил?

– Да, отец, я уже ис...

– Отвечай перед Богом, это в первый раз?

– Нет, не в первый, – повинился Жозеф. – Я... я согрешил еще и с другой четыре ночи назад – в Мисиме.

– Но... но вчера мы служили мессу! А как же твоя исповедь вчера, и позавчера, и еще... Ты не покайся. Вчера мы служили мессу! Ради любви к Господу, скажи, ты причащался, не исповедовавшись, полностью сознавая свой смертный грех?

Брат Жозеф посерел от стыда. Иезуиты воспитывали его с восьми лет.

– Это... это случилось в первый раз, отец. Только четыре дня назад. Я был безгрешен всю свою жизнь. Меня опять соблазнили, и – Святая Мадонна, прости меня! – на этот раз я не устоял. Мне тридцать лет. Я мужчина... мы все мужчины. Пожалуйста, господин, Иисус прощал грешников, почему вы не можете простить меня? Мы все мужчины...

– Мы все священники!

– Мы не настоящие священники! Нас не приняли в орден. Мы даже не посвящены в духовный сан! Мы не настоящие иезуиты. Мы не можем принести четвертый обет, как вы, отец, – уныло заявил Жозеф. – Другие ордены посвящают своих братьев, но только не иезуиты. Почему бы не...

– Придержи язык!

– Не буду! – вспыхнул Жозеф. – Пожалуйста, извините меня, отец, но почему бы не удостоить посвящения нескольких из нас? – Он указал на одного из братьев, высокого круглолицего человека, который спокойно наблюдал за происходящим. – Почему не посвятить брата Мигеля? Он обучается у вас с двенадцати лет, сейчас ему тридцать

шесть, и он настоящий христианин, почти священник. Он обратил в нашу веру тысячи людей, но все еще не посвящен, хотя...

– Ради Бога, ты будешь...

– Ради Бога, ответьте мне, отец, почему никто из нас не посвящен! Кто-нибудь должен осмелиться и спросить вас! – Жозеф вскочил. – Я готовился шестнадцать лет, брат Маттеу – двадцать три, Жулиан – еще больше. Мы отдаем ордену всю свою жизнь, бесчисленные годы. Знаем молитвы, службы, псалмы лучше, чем вы. Мы с Мигелем даже говорим на латыни и порту...

– Прекрати!

– ...Португальском. Мы читаем бóльшую часть проповедей и ведем богословские диспуты с буддистами, а также со всеми остальными язычниками. Мы обращаем в нашу веру больше всех остальных. Мы это делаем! Во имя Бога и Мадонны, чем мы плохи? Почему мы недостаточно хороши для иезуитов? Только потому, что мы не португальцы и не испанцы или потому, что не такие круглоглазые и волосатые? Скажите, ради Бога, отец, почему в иезуиты не посвящают японцев?

– Сейчас тебе следует прикусить язык!

– Мы даже побывали в Риме, Мигель, Жулиан и я! – взорвался Жозеф. – Вы никогда не были в Риме, не встречались с генералом ордена или его святейшеством папой римским, как мы...

– Это еще одна причина, почему тебе лучше не пускаться в споры. Ты дал обет целомудрия, бедности и послушания. Тебя выбрали среди многих, оказали милость, а ты погубил свою бессмертную душу...

– Извините, отец, но я не думаю, что нам очень повезло. Мы потратили восемь лет на поездку в Рим и обратно. И после долгих лет обучения, молитв, проповедей и послушания никто из нас даже не удостоился посвящения, хотя нам и обещали. Мне было двенадцать, когда я оставил дом. Жулиану шел одинна...

– Я запрещаю тебе говорить! Я приказываю тебе остановиться! – В наступившем гробовом молчании Алвито оглядел остальных, которые стояли по стенкам, смотрели и внимательно слушали. – Вы все будете посвящены в свое время. Но ты, Жозеф, перед Богом ты будешь...

– Перед Богом?! – взорвался Жозеф. – Когда?

– Когда будет угодно Господу, – парировал Алвито, ошеломленный открытым неповиновением. – На колени!

Брат Жозеф попытался вскинуть голову, но не решился: его порыв прошел. Он вздохнул, встал на колени и склонил голову.

– Может быть, Бог смилостивится над тобой. Ты сам признался в ужасном, смертном грехе, нарушил обет целомудрия, обет послушания. Ты повинен в дьявольской гордыне. Как осмелился ты оспаривать приказы нашего генерала или политику нашей Церкви? Ты рискуешь бессмертной душой. Ты выказал черную неблагодарность своему Богу, нашему ордену, Святой церкви, семье и друзьям. Твой проступок столь тяжек, что будет рассматриваться самим отцом-ревизором. До того времени ты не будешь допущен к причастию и отправлению служб... – Плечи Жозефа, охваченного приступом горестного раскаяния, затряслись. – Для начала я налагаю на тебя епитимью: тебе запрещается разговаривать, вкушать что-либо, кроме риса и воды, тридцать дней; в течение тридцати суток ты каждую ночь проведешь в молитвенных бдениях, вымаливая у Мадонны прощение своего ужасного греха; кроме того, ты получишь тридцать ударов бичом. Сними облачение.

Плечи Жозефа перестали дрожать. Он поднял глаза:

– Я принимаю все, что вы приказали, отец, и прошу прощения чистосердечно, от всей души. Я прошу вашего прощения, как буду просить Божьего. Но я не позволю бичевать меня, как презренного преступника.

– Ты будешь наказан!

– Пожалуйста, извините меня, отец, – продолжал Жозеф. – Ради Святой Мадонны я могу вынести любую боль. Наказание, смерть не страшат меня. Если я проклят и обречен вечно гореть в аду, что ж... Может быть, это моя карма, и я это вынесу. Но я самурай. Я из рода Харима.

– Твоя гордыня ужасает меня. Тебя накажут не для того, чтобы причинить боль, но чтобы смирить гордыню. Презренные преступники? Где твое смирение? Господь наш Иисус Христос вынес все унижения. И умер рядом с преступниками.

– Да. В том-то вся и беда, отец.

– Какая беда?

– Пожалуйста, простите мою прямоту, отец, но если бы Царь Царей не умер как обычный преступник, на кресте, самураи могли бы принять...

– Замолчи!

– ...христианство. Не в пример другим орденам, мы очень мудро избегаем в своих проповедях рассуждений о распятии Христа...

Как ангел мщения, Алвито выставил перед собой крест, словно защищаясь:

– Во имя Бога, молчи и смирись, или будешь отлучен от Церкви! Разденьте его!

Остальные ожили и двинулись к брату Жозефу, но тот вскочил, выхватил нож из-под рясы и прижался спиной к стене. Все замерли. Кроме брата Мигеля, который, медленно и спокойно приблизившись к грешнику, протянул руку:

– Пожалуйста, отдай мне нож, брат!

– Нет. Пожалуйста, прости меня.

– Тогда молись за меня, брат, как я молюсь за тебя. – Мигель спокойно шагнул вперед.

Жозеф отскочил от стены и подался на несколько шагов в сторону, приготовившись к смертельному удару:

– Прости меня, Мигель.

Мигель продолжал наступать.

– Мигель, остановись! Оставь его! – приказал Алвито.

Мигель повиновался и замер в нескольких дюймах от занесенного клинка.

Алвито процедил, мертвенно побледнев:

– Бог с тобой, Жозеф. Ты отлучен. Сатана завладел твоей душой при жизни и будет владеть ею после смерти. Уходи!

– Я отказываюсь от христианского Бога! Я японец. Синто – вот моя вера. Моя душа теперь принадлежит только мне. Я не боюсь! – выкрикнул Жозеф. – Да, у меня есть гордость – в отличие от вас, чужеземцев. Мы – японцы, мы не чужестранцы. Даже наши крестьяне не такие дикари, как вы!

Алвито с торжественным видом осенил себя крестом, как бы защищаясь от них всех, и бесстрашно повернулся спиной к ножу:

– Давайте помолимся все вместе, братья! В наших рядах Сатана.

Остальные тоже отвернулись, кто печалась, кто еще не отойдя от потрясения. Только Мигель остался стоять, где стоял, и глядел на отлученного. Жозеф снял четки и крест, собираясь бросить их, но Мигель удержал его руку:

– Пожалуйста, брат, пожалуйста, отдай их мне – просто как подарок, – попросил он.

Жозеф смерил его долгим взглядом и отдал:

– Пожалуйста, прости меня.

– Я буду молиться за тебя, – произнес Мигель.

– Ты не слышал? Я отрекся от Бога!

– Я буду молиться, чтобы Бог не отрекся от тебя, Урага-но Тадамаса-сан.

– Прости меня, брат, – вздохнул Жозеф, сунул нож за пояс, толкнул дверь и, как слепой, ощупью побрел по коридору на веранду.

Все с любопытством тарасились на него, не исключая рыбака Уо, который терпеливо ждал в тени. Жозеф пересек двор и направился к воротам. Дорогу ему преградил самурай:

– Постойте! – (Жозеф остановился.) – Извините, куда вы направляетесь?

– Простите меня, пожалуйста, я... я не знаю.

– Я служу господину Торанаге. Извините, я не мог не слышать того, что там происходило. Весь постоянный двор поневоле слушал. Поразительно плохие манеры... удивительные для вашего господина. Так кричать и нарушать тишину! И вы тоже. Я здесь на часах. Думаю, вам лучше пойти к начальнику нашей стражи.

– Я полагаю, что отправлюсь другой дорогой. Пожалуйста, извините...

– Вы никуда не пойдете сейчас. Только к нашему начальнику.

– Что? А, да... Да, извините, конечно. – Жозеф пытался собраться с мыслями.

– Хорошо. Спасибо. – Самурай отвернулся, чтобы поприветствовать товарища, подходившего со стороны моста.

– Я пришел за Цукку-саном, чтобы отвести его к господину Торанаге.

– Вас ждут.

Глава 43

Торанага следил за тем, как высокий священник пересекает пустошь. В мигающем свете факелов худое лицо иезуита казалось неподвижнее обычного, и черная борода подчеркивала его сходство с восковой маской. Оранжевая буддистская хламида священника отличалась элегантностью, четки и крест висели на поясе.

В десяти шагах отец Алвито остановился, встал на колени и почтительно поклонился, начиная обычный обмен любезностями.

Торанага сидел на помосте один, охрана полукругом располагалась далеко за пределами слышимости. Только Блэкторн стоял поблизости, облокотившись на помост, как ему и было приказано, его глаза впились в священника. Алвито не заметил его.

– Рад видеть вас, господин, – произнес священник с глубочайшим почтением.

– И я тоже, Цукку-сан. – Торанага пригласил священника усаживаться поудобнее, указав на подушку, которая лежала на циновке перед помостом. – Я давно вас не видел.

– Да, господин, можно так сказать. – Алвито вдруг осознал, что его не пригласили на помост. Он также узрел Блэкторна, отметив щеголеватую небрежность, с которой тот носил при Торанаге самурайские мечи, и всю его вальяжную позу. – Я привез конфиденциальное послание от моего настоятеля, отца-инспектора, который выражает вам свое глубокое почтение.

– Благодарю вас, но сначала расскажите мне о своих делах.

– Хорошо, господин, – кивнул Алвито, зная, что Торанага не мог не заметить ни завладевшего им смятения, ни попыток скрыть его. – Сегодня я слишком хорошо осознал свои неудачи. Этим вечером я желал бы сложить с себя земные обязанности и погрузиться в молитвы, просить Бога о милости. – Он мучился стыдом за то, что ему не хватило смирения. Хотя грех Жозефа был ужасен, он, Алвито, вел дело чересчур поспешно, дав волю своей злобе и глупости. И вот по его вине бессмертная душа лишилась надежды на спасение, погублена навеки. – Господь наш однажды сказал: «Да минет меня чаша сия», но даже Ему пришлось испить чашу до дна. Мы пытаемся в миру

следовать по Его стопам в меру наших слабых сил. Пожалуйста, извините меня, что я позволил заговорить о своих горестях.

– О какой «чаше» вы толкуете, старина?

Алвито рассказал. Он знал, что скрывать случившееся бессмысленно: Торанага все равно докопается, если ему уже не нашептали; много лучше изложить всю историю самому, чтобы даймё не преподнесли искаженную версию.

– Очень жаль потерять брата. Ужасно, что появится еще один отверженный, сколь бы велико ни было его прегрешение. Мне следовало набраться терпения. Это моя ошибка.

– Где он сейчас?

– Не знаю, господин.

Торанага окликнул часового:

– Отыщи этого отступника-христианина. Приведешь его сюда завтра в полдень.

Самурай поклонился.

– Я прошу: будьте милостивы к нему, господин, – произнес Алвито вполне искренне.

Но ему было известно: что бы он ни сказал, это не заставит Торанагу ни на шаг отступить от вынесенного решения. Святой отец в который уже раз пожалел, что Общество не имело в Японии мирского органа, уполномоченного брать под стражу и наказывать отступников, какие имелись во всем мире. Он неоднократно рекомендовал создать подобный карательный институт, но всякий раз предложение отклонялось и высшими чинами в Японии, и главой ордена, генералом, в Риме. «И все-таки, не имея собственной действующей в мире организации, – устало подумал он, – мы никогда не сможем поддерживать настоящего порядка ни среди братии, ни среди паствы».

– Почему в вашем Обществе нет посвященных в духовный сан, Цукку-сан?

– Потому, господин, что послушники еще недостаточно хорошо подготовлены. Например, от них требуется хорошее знание латыни, ибо наша братия должна быть готова по требованию ордена в любое время отправиться в любую точку земли, а латынь, к сожалению, очень трудно выучить. Пока еще никто не подготовлен.

Алвито верил в это всем сердцем. Он последовательно выступал против посвящения японцев в сан, вступая в ожесточенные словесные

баталии с отцом-ревизором. «Ваше преосвященство, – твердил он из раза в раз, – прошу вас простить меня, но не обманывайтесь их скромным и благопристойным видом. Это всё невероятные натуры, и в конце концов их гордыня, их японская природа все равно победят. Они никогда не будут настоящими слугами Общества, надежными солдатами его святейшества, наместника Бога на земле, послушными ему одному. Никогда».

Алвито мельком взглянул на Блэкторна, потом снова на Торанагу, который вставил:

– Но два или три из них – тех, кто готовятся стать священниками, – говорят по-латыни и по-португальски, так? Этот человек сказал правду? Почему их не сделали священниками?

– Извините, но глава нашего ордена, наш генерал, не считает их достаточно подготовленными. Может быть, трагическое падение Жозефа подтверждает его правоту.

– Это скверно – нарушить такую важную клятву, – признал Торанага.

Он вспомнил тот год, когда трое послушников уплыли из Нагасаки на черном корабле, чтобы предстать перед верховным правителем Испании, королем, и главным христианским священником. В тот год погиб Города. Спустя девять лет, в течение которых за ними потихоньку приглядывали, они вернулись. Эти наивные юные новообращенные возвратились домой такими же ограниченными и плохо осведомленными. «Глупая трата времени и сил, – подумал Торанага, – потеря невероятных перспектив, из которых Города отказался извлечь пользу вопреки моим советам».

«Нет, Тора-сан, нам нужно поддержать христиан в пику буддистам, – говорил Города. – Многие буддистские священники и монахи – воины, не правда ли? Большинство их. А христиане нет, так? Пусть этот долговязый священник возьмет с собой трех юношей, которых сам выберет. Они ведь все с Кюсю, эти заблудшие души? Я говорю тебе, что мы должны поддержать христиан. Вместо того чтобы докучать мне со своими затеями, расписанными на десять лет вперед, сожги все буддистские монастыри, какие сможешь. Буддисты как мухи на падали, а христиане – пустое место».

«Теперь уже нет, – подумал Торанага с растущим возмущением. – Теперь они шершни».

– Да, – протянул он, – очень плохо не соблюдать клятвы, кричать и нарушать покой на постоялом дворе.

– Пожалуйста, извините меня, господин, и простите, что докучаю своими заботами. Спасибо, что выслушали, как всегда. Ваше участие так утешительно. Можно мне поздороваться с капитаном?

Торанага разрешил.

– Я должен поздравить вас, капитан, – изрек Алвито по-португальски. – Мечи хорошо смотрятся на вас.

– Благодарю вас, святой отец. Я учусь ими пользоваться, – ответил Блэкторн. – Но к сожалению, пока достиг весьма скромных успехов. Я более привычен к пистолетам, абордажным саблям или пушкам, если уж приходится воевать.

– Я молюсь о том, чтобы вам больше никогда не пришлось сражаться, капитан, и чтобы ваши глаза открылись для бесконечного милосердия Божьего.

– Мои открыты – ваши затуманены.

– Ради спасения собственной души, капитан, откройте ваши глаза и ум. Возможно, вы заблуждаетесь. Но даже если так, я благодарю вас за спасение жизни господина Торанаги.

– Кто вам рассказал?

Алвито не ответил. Он повернулся к Торанаге.

– О чем вы говорили? – нарушил молчание даймё.

Алвито пересказал ему, добавив:

– Хотя капитан – враг моей веры и пират, я рад, что он спас вас, господин. Неисповедимы пути Господни. Вы оказали ему большую честь, сделав его самураем.

– Он также и хатамото. – Торанагу позабавило растущее удивление священника. – Вы привезли словарь?

– Да, господин, и несколько карт, о которых вы просили, где указан ряд португальских фортов на пути из Гоа. Книга осталась среди моих вещей. Может быть, послать кого-нибудь за ней или я сам занесу ее попозже?

– Передадите ее капитану. Сегодня вечером или завтра. Вы принесли отчет?

– О ружьях, которые будто бы доставили из Макао? Отец-инспектор готовит его, господин.

– А о наемниках из Японии, которые несут службу в португальских крепостях?

– Отец-инспектор затребовал последние данные, господин, и представит вам отчет, как только получит их.

– Хорошо. Теперь откройте, откуда вы узнали о моем спасении.

– Разве все, что случается с Торанага-но Миновара, не рождает слухи и легенды? Приехав из Мисимы, мы слышали, что вас чуть не поглотило землетрясение, господин, но «золотоволосый варвар» вытащил вас. А также узнали, что затем вы спасли его и госпожу. Я думаю, госпожу Марико?

Торанага коротко кивнул:

– Да. Она в Ёкосэ. – Немного поразмыслив, он добавил: – Она желала бы исповедаться завтра, согласно вашим обычаям. Но только о том, что не касается государственных дел. Думаю, сюда входит все, что связано со мной и моими хатамото. Ей я это тоже объясню.

Алвито поклонился в знак того, что понял:

– Если позволите, не могу ли я отслужить мессу для всех христиан, которые собрались здесь, господин? Самое обычное богослужение. Может быть, завтра?

– Я подумаю об этом. – Торанага продолжил общий разговор о разных вещах, потом напомнил: – У вас послание для меня? От вашего главного священника?

– Меня почтительно просили передать, что это личное послание.

Торанага сделал вид, что обдумывает сказанное, хотя точно выстроил ход встречи и дал специальные наставления Андзин-сану, как вести себя и что говорить.

– Очень хорошо. – Он повернулся к Блэкторну. – Андзин-сан, ступайте! Мы поговорим потом.

– Да, господин, – ответил Блэкторн. – Только, извините, я хотел справиться о черном корабле. Он прибыл в Нагасаки?

– Ах да! – подхватил даймё, довольный тем, что это прозвучало естественно, а не как заученная реплика. – Ну, Цукку-сан, он уже причалил?

Алвито был поражен и тем, что Блэкторн говорит по-японски, и самим вопросом.

– Да, господин. Он пришвартовался уже четырнадцать дней назад.

– Ах четырнадцать? Вы поняли, Андзин-сан?

– Да, спасибо.

– Хорошо. Если вас заинтересуете еще что-то, спросите у Цукку-сана позднее.

– Да, господин. Пожалуйста, извините меня. – Блэкторн поклонился и зашагал прочь.

Торанага проводил его взглядом:

– Очень занятный человек для пирата. Теперь для начала расскажите мне о черном корабле.

– Он прибыл благополучно с самым большим грузом шелка, который когда-либо доставляли сюда. – Алвито старался, чтобы его голос звучал как можно увереннее. – Соглашение, достигнутое между господами Харимой, Киямой, Оноси и вами, действует. Ваши доходы увеличатся на десять тысяч кобанов в этом году. Качество шелка самое прекрасное. Я привез копию описи судового груза для вашего управителя. Генерал-капитан Феррьера шлет свои поклоны и надеется вскоре увидеться с вами лично. Это и послужило причиной моей задержки. Отец-инспектор спешно отправил меня из Осаки в Нагасаки, чтобы проверить, все ли хорошо. Как раз когда я выезжал из Нагасаки, мы узнали, что вы перебрались из Эдо в Идзу, поэтому я поспешил сюда на самом быстроходном нашем судне, прибыл в порт Нумадзу, а дальше добирался по суше. В Мисиме я встретился с господином Дзатаки и попросил разрешения присоединиться к нему.

– Ваш корабль все еще в Нумадзу?

– Да, господин. Он будет ждать меня там.

– Хорошо. – Торанага подумал, не послать ли Марико в Осаку на этом корабле, потом решил обмозговать все позднее. – Пожалуйста, передайте опись судового груза моему управителю сегодня вечером.

– Да, господин.

– На соглашении о грузе этого года стоит печать?

– Да. Совершенно точно.

– Хорошо. Теперь второй вопрос. Самый важный.

У Алвито взмокли ладони.

– Ни господин Кияма, ни господин Оноси не отступились от Исидо. Я сожалею. Они не согласились встать под ваше знамя, несмотря на все наши настоятельные предложения.

Голос Торанаги сделался низким и жестким.

– Я уже указывал, что требую не только предложений!

– Извините, что принес плохие вести, господин, но они не согласились открыто примкнуть к вам...

– Открыто, говорите? А негласно, втайне?

– Они были так же непреклонны, как и пуб...

– Вы говорили с ними порознь или с обоими сразу?

– Конечно, и вместе, и порознь, самым конфиденциальным образом, но ничего из того, что мы предложили...

– Вы только предложили? Вы не приказали им?

– Отец-ревизор сказал, господин, что мы не можем приказывать никому из даймё, ни...

– Но вы можете приказать своим братьям? Да?

– Да, господин.

– Вы не пригрозили им также отлучением от Церкви?

– Нет, господин.

– Почему?

– Потому что они не совершили смертного греха, – отрезал Алвито, как было решено им вместе с дель Акуа, но сердце его забилося. Он не хотел сообщать такие ужасные вести, усугублявшиеся тем, что господин Харима, владетель Нагасаки, вознамерился использовать все свое огромное богатство и влияние на службу Исидо, о чем и поведал по секрету святому отцу. – Простите меня, господин, пожалуйста, но не я устанавливал заповеди Божьи. Не более, чем вы определяли заветы бусидо, пути воина. Мы... мы должны соблюдать правила...

– Вы отлучаете бедного глупца за такой естественный поступок, как совокупление с женщиной. Когда же двое людей, принадлежащих к вашей вере, замышляют противоестественное предательство, когда я, ваш друг, жду от вас помощи, неотложной помощи, вы «делаете предложения». Разумеется, вы понимаете всю серьезность этого?

– Я прошу прощения, господин. Пожалуйста, извините меня, но...

– Может быть, я бы простил вас, Цукку-сан. Еще раньше было сказано: сейчас каждый должен выбрать свою сторону, – напомнил Торанага.

– Конечно, мы на вашей стороне, господин. Но не в нашей власти приказывать господину Кияме или господину Оноси...

– К счастью, я могу приказать моим христианам.

– Да, господин?

– Я могу освободить Андзин-сана. И отдать ему корабль. Со всеми пушками.

– Опасайтесь его, господин. Капитан дьявольски хитер. Он еретик, пират, ему нельзя доверять...

– Здесь Андзин-сан – самурай и хатамото. На море он, может быть, и пират. И если так, я полагаю, способен стакнуться с другими пиратами. То, что чужеземцы делают на море, это их дело, да? Так всегда считалось у нас. Не правда ли?

Алвито оставался спокойным, пытаюсь осмыслить слова даймё. Никто не мог предположить, что англичанин войдет в такую милость у Торанаги.

– Эти два христианских даймё не сделали никаких шагов, даже секретных?

– Нет, господин. Мы пытались каж...

– Никаких уступок, ничего?

– Нет, господин...

– Никакого обмена, никаких условий, послаблений?

– Нет, господин. Мы пытались и соблазнить, и убедить. Прошу вас, верьте мне. – Алвито знал, что угодил в ловушку, неприкрытое отчаяние проступило на его лице. – Если бы дело касалось меня одного, я бы пригрозил им отлучением, хотя это была бы пустая угроза. Я никогда бы не мог исполнить ее. Только если бы они совершили смертный грех и не признались в содеянном, не понесли кары со смирением. Однако, пригрозив отлучением во имя мирских целей, я совершил бы серьезный проступок, господин, смертный грех. Я рисковал бы навлечь на себя вечное проклятие.

– Вы говорите, если бы они согрешили против вашей веры, тогда бы вы отлучили их?

– Да. Но я не думаю, что это можно использовать, чтобы привлечь их на вашу сторону, господин. Пожалуйста, извините меня, но они... они все против вас теперь. Я сожалею, но это правда. Оба даймё заявили об этом очень ясно, и вместе, и порознь. Клянусь Богом, я молился, чтобы они передумали. Мы дали вам слово, что попробуем, ей-богу, отец-ревизор и я. Мы выполнили наше обещание. Клянусь Богом, мы пытались, но нам не удалось.

– Тогда я проиграл, – подвел итог Торанага. – Вы знаете это, не правда ли? Если они останутся в стане Исидо, все христианские даймё

будут с ним. Тогда я проиграл. Двадцать самураев против одного моего. Ясно?

– Да.

– А какой у них план? Когда они нападут на меня?

– Я не знаю, господин.

– А скажете, если узнаете?

– Да-да, если я буду знать.

«Сомневаюсь, – подумал Торанага и отвел взгляд в ночную темноту, почти раздавленный грузом своих тревог. – Стоит ли объявлять „малиновое небо“ после всего этого? – беспомощно подумал он. – Глупый, обреченный на неудачу удар по Киото?»

Он ненавидел позорную западню, в которую попал. Как прежде тайко и Города, он должен был терпеть христианских священников, неотделимых от португальских торговцев, как мухи от лошади, имевших абсолютную мирскую и светскую власть над непокорной паствой. Без священников не было бы торговли. Их польза состояла в том, что они посредничали в коммерческих сделках, ибо знали языки и пользовались доверием обеих сторон. Их роль становилась особенно важной, когда приходил черный корабль. Изгнание священников грозило тем, что все чужеземцы уплывут и никогда уже не вернуться. Он помнил, как тайко попытался избавиться от священников и сохранить торговлю. Черный корабль не показывался целых два года. Шпионы доносили, что главный священник, плетущий свою паутину из Макао, приказал не торговать с Японией в ответ на указы тайко, зная, что тот рано или поздно вынужден будет смириться. На третий год тайко покорился неизбежному и пригласил священников обратно, забыв про собственные указы, измену и мятежи, которым втайне способствовали слуги Христовы.

«Против рожна не поперешь, – подумал Торанага. – Напрасно Андзин-сан уверяет, будто торговля так важна для южных варваров, что они из одной жажды наживы станут торговать с нами, как бы мы ни поступили со священниками. Риск слишком велик, чтобы пробовать, времени нет, к тому же я не имею власти. Один раз мы попробовали и потерпели неудачу. Кто знает? Может быть, они станут ждать и десять лет, они достаточно бескорыстны. Думаю, если священники запретят торговать, торговли не будет. Мы не сможем ждать десять лет. Даже пять. И если мы прогоним южных варваров,

Англии потребуется двадцать лет, чтобы заполнить нишу. И это при условии, что Андзин-сан говорит правду, а главное, что китайцы согласятся торговать с ними, врагами южных чужеземцев. Я не верю, что китайцы переменят свои привычки. *Они никогда не изменятся.* Двадцать лет слишком много. Даже десять лет – чересчур много.

От реальности никуда не деться. И худшая реальность, навязчивая идея, которая тайно страшила Городу и тайко, вновь оживет. Фанатичные и бесстрашные христианские священники, если их вынудить, обратят все свое влияние, всю торговую мощь, морские силы на помощь одному из самых крупных даймё-христиан. Они призовут войско из одетых в железо фанатичных конкистадоров, вооруженных мушкетами, чтобы поддержать этого даймё-христианина, *как уже едва не произошло в последний раз.* Само по себе вторжение армии чужеземцев и их священников не угрожает огромным объединенным силам. Мы разгромим их, как орды хана Хубилая, как полчища любого захватчика. Но, объединившись с одним из могущественных даймё-христиан, с его самураями, и ввергнув в междоусобицы все государство, они способны в конце концов добиться для такого даймё безраздельной власти над всеми нами.

Кияма или Оноси? Очевидно, иезуиты поставили на одного из них. Время выбрано удачно. Но на кого именно?

Обоим, конечно, помогает Харима в Нагасаки. Но кто поднимет знамя в конце концов? Кияма. Потому что Оноси прокаженный и ему недолго осталось жить на земле. Очевидной наградой Оноси за поддержку ненавистного врага, Киямы, послужит вечное блаженство на христианском небе по правую руку от престола христианского Бога.

У них сейчас четыреста тысяч самураев. Их оплот – остров Кюсю, что защищает их от моего нападения. Вместе эти двое легко захватят весь остров, у них там тьма воинов, горы припасов, целый флот, необходимый для вторжения, все шелка, весь порт Нагасаки. По стране можно набрать еще пять или шесть сотен тысяч христиан. Из них более половины составляют христиане, обращенные иезуитами, самураи; рассеянные среди других воинов, они состоят на службе у разных даймё; таких, готовых предать, шпионить или убивать – *если прикажут священники*, – пропасть. И почему бы им не приказать? Они получают все, чего хотят: безраздельную власть над нашими душами, а тем самым и над душой Земли богов, чтобы завладеть нашей землей и

всем, что она вмещает, как, судя по рассказам Андзин-сана, уже случалось не единожды в Новом Свете... Они обратят в христианство императора, потом используют его против собственного семейства, пока не проглотят всю страну.

Неужели горстка чужеземных священников завоюет нас с такой легкостью? Сколько их наберется во всей Японии? Пять или шесть десятков? Но они имеют власть. И они истово веруют. Они готовы с радостью умереть за веру с именем Бога на устах. Мы видели это в Нагасаки, когда опыт тайко обернулся ужасной ошибкой. Никто из священников не отрекся, десятки тысяч японцев наблюдали за ними, десятки тысяч крестились, и это „мученичество“ принесло столько славы христианской религии, что их священники воспрянули духом.

По мне, священники потерпели поражение, что не заставило их отступить. Это тоже реальность.

Итак, Кияма.

Придумали они уже, как обставить Исидо, госпожу Отибу и Яэмона? А Харима? Он уже втянут в это дело или нет? Не разрешить ли мне Андзин-сану немедленно напасть на черный корабль?

Что мне делать?

Ничего особенного. Быть терпеливым, стремиться к гармонии, отбросить беспокойство, не думать о жизни и смерти, забвении и жизни после смерти, сейчас и потом и ввести в действие новый план. Какой план?! – хотел он крикнуть в отчаянии. – Нет такого плана!»

– Мне очень жаль, что эти двое остаются с нашим врагом.

– Я клянусь, что мы попытались, господин, – с сожалением заверил Алвито, видя, как он расстроен.

– Да, я верю. Я верю, что вы и отец-ревизор сдержали ваше обещание, поэтому я сдержу свое. Вы можете приступить к строительству храма в Эдо прямо сейчас. Земля уже отведена. Не в моей власти запретить другим священникам, «волосатым», появляться в стране, но, по крайней мере, я объявлю их нежеланными гостями в моих владениях. Новые чужеземцы также встретят холодный прием, если когда-либо появятся. Что касается Андзин-сана... – Торанага пожал плечами. – Но как долго все это... Впрочем, такова карма, не правда ли?

Алвито от всей души возблагодарил Бога, который в милости своей дал судьбе столь неожиданный поворот.

– Благодарю вас, господин. – Он с трудом выговаривал слова. – Я знаю, вы не пожалеете об этом. Я молюсь о том, чтобы ваши враги были рассеяны и чтобы вы получили награду на небесах.

– Простите, что говорил резко. Я был в гневе. Есть так много... – Торанага с трудом встал. – Я разрешаю вам завтра утром провести службу, старина.

– Благодарю вас, господин. – Алвито стало жалко этого незаурядного человека. – Благодарю вас от всего сердца. Может быть, вышние силы благословят вас и возьмут под свою защиту.

Торанага, устало шаркая, направился к постоялому двору, охрана шла за ним.

– Нага-сан!

– Да, отец, – откликнулся молодой человек, торопясь на зов.

– Где госпожа Марико?

– Там, господин, с ней Бунтаро-сан. – Нага показал вглубь сада на освещенный фонарями чайный домик, внутри которого виднелись туманные силуэты. – Мне пойти прервать *тя-но-ю*? – Такое название носила парадная, ритуализованная чайная церемония.

– Нет. Этому никто не должен мешать. Где Оми и Ябу-сан?

– Они на своем постоялом дворе, господин. – Нага указал на длинное низкое строение на другой стороне реки, далеко по берегу.

– Кто их там разместил?

– Я, господин. Прошу простить, но вы приказали определить их на постой по другую сторону моста. Я не так понял вас?

– А Андзин-сан?

– Он в своей комнате, господин. Ждет – на случай, если будет нужен вам.

Торанага снова покачал головой:

– Я увижу его завтра. – После паузы он изрек тем же отсутствующим голосом: – Я хочу принять ванну. И пусть никто не беспокоит меня до утра, кроме...

Нага напряженно ждал, следя за отцом, который уставил в пространство невидящий взгляд. Юношу очень обеспокоило его поведение.

– С вами все в порядке, отец?

– Что? Ах да-да, со мной все в порядке. А что?

– Ничего. Пожалуйста, извините меня. Вы не изменили намерения поохотиться на рассвете?

– Поохотиться? Ах да, хорошая мысль. Спасибо, что напомнил, это будет кстати. Посмотрим. Ну, спокойной ночи... Да, Цукку-сан получил разрешение провести завтра службу. Могут пойти все христиане. Ты тоже пойдешь.

– Что?

– В первый день нового года ты станешь христианином.

– Я?!

– Да. По собственной свободной воле. Скажи об этом Цукку-сану наедине.

– Но, господин...

Торанага повернулся к нему:

– Ты глухой? Или больше не понимаешь самых простых вещей?

– Прошу простить меня. Да, отец. Я понял.

– Хорошо. – Торанага опять впал в задумчивость, потом ушел, сопровождаемый телохранителем. Все самураи с уважением поклонились ему, но он словно бы их не заметил.

К Наге подошел военачальник, также очень удивленный:

– Что произошло с нашим господином?

– Я не знаю, Ёсинака-сан. – Нага оглянулся на пустошь. Алвито только что покинул ее, направляясь к мосту, его сопровождал один самурай. – Может быть, из-за этого?

– Никогда не видел, чтобы господин Торанага ходил так тяжело. Никогда. Говорят, этот чужеземный священник – колдун, чародей. Мог он навести порчу на нашего господина?

– Нет. Только не на моего отца.

– Чужеземцы меня сегодня озадачили, Нага-сан. Вы слышали этот гвалт? Цукку-сан и его люди кричали и ссорились, как дурно воспитанные *эта*.

– Да. Отвратительно. Я уверен, именно южный варвар лишил отца внутренней гармонии.

– Если бы спросили меня, я бы сказал, что стрела, пущенная в горло священника, спасет нашего господина от многих неприятностей.

– Да.

– Может быть, сказать Бунтаро-сану о господине Торанаге? Он у нас старший.

– Согласен, но попозже. Мой отец ясно распорядился, чтобы я не прерывал тя-но-ю. Я подожду, пока он не закончит.

В мирном, безмятежном уюте чайного домика Бунтаро с большим изяществом открыл маленькую керамическую чайницу династии Тан и взял бамбуковую ложку, начиная финальную часть церемонии. Он ловко отмерил нужное количество зеленого порошка и пересыпал его в фарфоровую чашку без ручек.

На жаровне кипел старинный литой чайник. С той же спокойной грацией Бунтаро налил пузырящейся воды в чашку, поставил чайник на подставку и аккуратно перемешал содержимое чашки бамбуковой палочкой, добиваясь равномерного распределения заварки в кипятке.

Подлив полную ложку холодной воды, он поклонился Марико, сидевшей на коленях напротив него, и протянул ей чашку. Она поклонилась и приняла ее с таким же утонченным изяществом, наслаждаясь зеленой жидкостью, сделала три глотка, помедлила, потом глотнула снова и, допив чай, предложила чашку ему. Он повторил процедуру приготовления чая и снова поднес ее Марико. Та попросила, чтобы он сам отведал напитка. Бунтаро отхлебнул из чашки, потом еще и постепенно допил чай. Приготовил третью чашку и четвертую. Затем после вежливого отказа Марико согласно ритуалу вымыл чашку, вытер ее тончайшим хлопковым полотенцем и разложил все по своим местам. Супруги обменялись поклонами. Тя-но-ю закончилась.

Бунтаро был доволен тем, что исполнил все наилучшим образом и теперь на какое-то время между ними восстановился мир. В этот день после полудня они остались одни.

Он встретил Марико у паланкина. И сразу же, как всегда, хрупкое совершенство жены заставило его почувствовать себя грубым и неотесанным, как дикие, презренные волосатые айну – племя, которое некогда обитало на земле Японии, но было оттеснено на север, за проливы, на неведомый остров Хоккайдо. Все заранее приготовленные слова вылетели у него из головы, и он мрачно пригласил ее на чайную церемонию, добавив:

– Ведь прошли годы с тех пор, как мы... Я никогда не устраивал ее для вас, но сегодня вечером самое время... – Потом, не зная, что

сказать, догадываясь, что это глупо, невежливо и совсем не к месту, он выпалил: – Господин Торанага считает, что мы должны поговорить.

– Но вы так не считаете, господин?

Несмотря на всю свою решимость, он вспыхнул, голос его зазвучал отрывисто:

– Мне бы хотелось согласия между нами. Я ведь несколько не изменился, да?

– Конечно, господин, зачем вам меняться? Если что-то не так, это не ваша вина, а только моя. Я прошу вас меня простить.

– Я прощаю вас, – буркнул он, возвышаясь горой над ее паланкином и остро осознавая, что все смотрят на них, в том числе Андзин-сан и Оми.

И до чего же прелестна была она: волосы высоко подобраны, потупленные глаза выражают покорность, а для него это лед, черный лед, который всегда рождал в нем ярость, слепое бессильное бешенство, зовущее убивать, вопить, калечить, бить – творить бесчинства, не подобающие самураю.

– Я снял чайный домик на сегодняшний вечер, – сообщил он, – на вечер после ужина. Мы приглашены на ужин к господину Торанаге. Я был бы польщен видеть вас моей гостьей после ужина.

– Это я буду польщена. – Она поклонилась и ждала, не поднимая глаз, так что ему захотелось повалить ее наземь смертельным ударом, потом уйти и вспороть себе живот крест-накрест, чтобы физическая боль заглушила душевную муку.

Он заметил, что Мариико смотрит на него с пониманием.

– Что-нибудь еще, господин? – спросила она заботливо.

Пот бежал у него по спине и бедрам, кимоно потемнело, грудь и голова болели.

– Вы... вы останетесь на постоялом дворе сегодня вечером.

После этого он оставил Мариико и отправился сделать подробные распоряжения относительно всего обоза. Затем он передал свои обязанности Наге и, напустив на себя притворную суровость, быстро зашагал вниз по берегу реки. Достигнув безлюдного места, скинул одежду, бросился в бурный поток, пренебрегая опасностью, и боролся с течением, пока голова не прояснилась и донимавшая его боль не покинула измученное тело.

Приходя в себя, Бунтаро полежал на песке. Теперь, когда она приняла приглашение, он должен был действовать. Времени осталось мало. Он торопливо оделся, собрался с силами и пошел обратно к черному ходу, который вел в сад, постоял там некоторое время, обдумывая свой план. Он хотел, чтобы сегодня вечером все прошло идеально. Очевидно, что сад был несовершенен, как и постройка – грубое провинциальное подобие настоящего чайного домика. «Ничего, – подумал он, поглощенный своей задачей, – все будет хорошо. Ночь спрячет многие недостатки, а фонари дорисуют недостающее».

Слуги уже принесли заказанные им заранее татами, масляные лампы из керамики и чистили посуду – лучшее из того, что нашлось в Ёкосэ, все совершенно новое, но скромное, вполне приличное, без претензий.

Он скинул кимоно, положил мечи и принялся за уборку. Сначала навел порядок в небольшой гостиной, в кухне и на веранде. Потом вылизывал извилистую тропинку и плиты, уложенные во мху, наконец, камни и окружающий их сад. Он тер, мел веником и щетками, пока все не стало безукоризненно чистым, без единого пятнышка, смиренный трудом, который кладет начало тя-но-ю, когда хозяин должен довести все до полного совершенства. Первым проявлением совершенства считалась абсолютная чистота.

К сумеркам он закончил основные приготовления. Тщательно вымылся, высидел как на иголках ужин и пение у Торанаги, второпях переоделся в более темное платье и поспешил в сад, заперев ворота. Прежде всего он поменял фитили в масляных лампах. Потом тщательно увлажнил плитняк и обрызгал водой деревья, чтобы листва их поблескивала то там, то тут в мерцающем свете, пока маленький сад не стал сказочной страной, где росинки танцуют под теплым летним ветром. Бунтаро поменял местами несколько светильников и наконец, удовлетворенный, отпер ворота и прошел в гостиную. Тщательно подобранные и аккуратно уложенные в пирамиду кусочки древесного угля горели на белом песке так, как и было задумано. Цветы в токономе смотрелись как нельзя лучше. Он еще раз перемыл безупречно чистую посуду. Чайник завел свою песню, и он обрадовался этому звуку, который ему удалось довести до совершенства, разместив на дне несколько кусочков железа.

Все было готово. Первым условием совершенства тя-но-ю признавалась чистота, вторым – полная безыскусность. Последним, и самым главным – то, насколько она подходила гостю или гостям.

Он услышал ее шаги по плитам, потом плеск воды – она окунала, следуя ритуалу, руки в сосуд со свежей речной водой и встряхивала их, чтобы просушить. Три осторожных шага на веранду. Еще два шага к занавешенной двери. Даже она должна была наклониться, чтобы пройти через эту дверь, которую сделали низкой умышленно, чтобы смирить каждого. В тя-но-ю все равны, гость и хозяин, самый могущественный даймё и самый скромный самурай. Даже крестьянин, если его пригласили.

Сначала она оглядела составленную мужем композицию. Он выбрал цветок дикой белой розы и, укрепив его между красными камнями, капнул одну капельку воды на зеленый лист. «Приходит осень, – хотел сказать он тем самым. – Не оплакивай время осени, время листопада и умирания, когда земля начинает засыпать. Наслаждайся временем нового начала, познай прекрасную прохладу осеннего воздуха в этот еще летний вечер... Скоро слеза исчезнет, исчезнет роза – останутся только камни. Скоро исчезнем ты и я – только камни останутся».

Он смотрел на нее, забывшись, растворясь в том близком к трансу состоянии, которое иногда удается пережить устройтею чайной церемонии, обретшему полную гармонию со своим окружением. Она почтительно поклонилась цветку, подошла и села напротив мужа. На ней было темно-коричневое кимоно, прошитое нитками обожженного золота и оттенявшее белизну лица и шеи, темно-зеленый оттенок оби гармонировал с цветом нижнего кимоно, волосы она подняла вверх и ничем не украсила.

– Добро пожаловать! – поклонился он, начиная ритуал.

– Вы оказали мне честь, – ответила она, как предписывала ее роль.

Он подал ей легкий ужин на безупречном лаковом подносе. Все было безукоризненно: положение палочек для еды, прихотливый узор, образуемый ломтиками рыбы на рисе, и несколько завершающих картину, разбросанных в совершенном беспорядке диких цветков, которые он сорвал на берегу реки. Когда с едой было покончено, он поднял поднос – каждое его движение имело определенный смысл,

который шел из глубины веков, – и отнес его через низкую дверь в кухню.

Оставшись наконец одна, Марико придирчиво оглядела огонь, угли под треножником возвышались тлеющей горкой в море застывшего белого песка. Слух различал шипение и треск огня, сливавшиеся с почихиванием закипающего чайника, шорохом полотенца, вытирающего фарфор, и плеском воды, которые долетали из кухни. Некоторое время ее глаза блуждали по ряду изогнутых стропил, бамбуку и соломе, устилающих крышу домика. Свет нескольких ламп, которые он расставил в кажущемся беспорядке, делал маленькое большим, обыкновенное – редким, изысканным. Все вместе создавало удивительно гармоничное целое. Рассмотрев все и приняв всей душой, Марико вышла в сад, к маленькой каменной чаше, которую природа веками выдалбливала в скалах, еще раз сполоснула руки и рот прохладной свежей водой, вытерлась свежим полотенцем.

Когда она снова устроилась на своем месте, Бунтаро спросил:

– Не выпьете ли чая?

– Это будет для меня большой честью. Но пожалуйста, не надо так беспокоиться из-за меня.

– Вы окажете мне большую честь. Вы моя гостья.

Так он угощал ее чаем. Но вот все подошло к концу.

В молчании Марико минуту сидела не двигаясь, безмятежная, не желающая сознавать, что все закончилось, или нарушить мир, окружавший ее. Его глаза выдавали растущее напряжение. Тя-но-ю завершилась. Пора было возвращаться к жизни.

– Вы совершили эту церемонию мастерски, – прошептала она. Печаль захватила ее целиком. Из глаз ее выскользнула слеза и в падении своем вырвала сердце из груди.

– Нет-нет. Пожалуйста, извините меня... Это вы так совершенны... А с моей стороны все было так ordinarily, – пробормотал он, вздрогнув от неожиданной похвалы.

– Это лучшее из всего, что я когда-либо видела, – призналась она, тронутая его полнейшей откровенностью.

– Нет, пожалуйста, извините меня, если что-то и было прекрасно, то из-за вас, Марико-сан. Это было просто хорошо – вы сделали бы все гораздо лучше.

– Церемония была безупречна. Вся. Как печально, что другие, более достойные, чем я, не могли видеть этого тоже! – Ее глаза блестели в мерцающем свете ламп.

– Вы видели это. Вот и все. Это предназначалось только вам. Другие бы не поняли.

Она чувствовала, как слезы жгут ей щеки. Обычно Мариико стыдилась их, но сейчас они ее не беспокоили.

– Спасибо, как я могу отблагодарить вас?

Он поднял веточку дикого тимьяна, наклонился и осторожно, дрожащими пальцами подхватил на лист ее слезу. Бунтаро молча смотрел на нее, веточка казалась совсем маленькой в его огромной руке.

– Моя работа – любая работа – не сравнима с этой красотой. Спасибо.

Он смотрел на слезу посреди листа. Кусок угля скатился с горки, он машинально поднял щипцы и вернул его на место. С вершины взлетели в воздух светящиеся искорки, горка превратилась в извергающийся вулкан.

Оба погрузились в сладкую печаль, объединенные простотой, которая заключалась в одной слезе, одинаково довольные покоем, захваченные смирением, знающие, что данное было возвращено чистым.

Потом он сказал:

– Если бы наш долг не запрещал это, я просил бы вас соединиться со мной в смерти. Прямо сейчас.

– Я бы пошла с вами. С радостью, – откликнулась она сразу же. – Давайте умрем.

– Мы не можем. Из-за нашего долга перед господином Торанагой.

Она вынула стилет из-под оби и положила на татами.

– Пожалуйста, позвольте мне подготовиться.

– Нет. Это будет нарушением нашего долга.

– Что будет, то и будет. Вы и я не можем перетянуть чашу весов...

– Да. Но мы не должны уходить раньше нашего повелителя. Ни вы, ни я. Некоторое время он еще будет нуждаться в каждом преданном вассале. Пожалуйста, простите меня, но я должен запретить вам это.

– Я была бы рада уйти сегодня вечером. Я готова. Более того, я желаю уйти в «великую пустоту». Моя душа наполнена радостью. –

Она нерешительно улыбнулась. – Пожалуйста, извините меня за такое себялюбие. Вы совершенно правы, когда говорите о нашем долге.

Острое как бритва лезвие блестело в свете ламп. Они смотрели на него, глубоко задумавшись. Потом он резко нарушил обаяние минуты:

– Почему вы едете в Осаку, Марико-сан?

– Там есть дела, которые могу уладить одна лишь я.

Его угрюмость усиливалась, по мере того как он следил за игрой света на слезе Марико, которая переливалась, как осколок радуги.

– Какие дела?

– Дела, которые касаются будущего нашего дома и должны быть улажены мною.

– В таком случае вы должны ехать. – Он изучающе посмотрел на Марико. – Но вы поедете одна?

– Да. Я хочу удостовериться, все ли оговорено между нами и господином Киямой относительно женитьбы Сарудзи. Относительно денег, приданого, земли и тому подобного. Надо выправить бумаги на увеличение его земельных владений. Господин Хиромацу и господин Торанага требуют этого. Я несу ответственность за дом.

– Да, – медленно признал он, – это ваш долг. – Его глаза смотрели в глаза Марико. – Если господин Торанага вас отпустит, поезжайте, но непохоже, чтобы вас отпустили. Но все равно... вы должны вернуться побыстрее. Очень быстро. Неразумно будет оставаться в Осаке хотя бы на мгновение дольше необходимого.

– Да.

– Добираться морем быстрее, чем сушей. Но вы всегда ненавидели море.

– Я все так же не люблю его.

– Но вы пробудете там недолго?

– Я не думаю, что полмесяца или месяц могут иметь значение. Возможно, я чего-то не знаю. Я просто чувствую, что должна выехать сразу.

– Тогда давайте оставим выбор времени за господином Торанагой – если он вообще позволит вам поехать. После прибытия господина Дзатаки и обнаружения этих двух свитков единственный выход – война. Ехать сейчас будет слишком опасно.

– Да. Благодарю вас.

Радуюсь тому, что все закончилось, он обвел довольным взглядом комнату, не заботясь теперь о том, что его уродливая туша занимает все пространство, что каждое из его бедер шире ее талии, а руки толще ее шеи.

– Это прекрасная комната, лучше, чем я смел надеяться. Я наслаждался здесь, вспомнил, что тело – ничто, только хижина души. Благодарю вас за то, что были здесь. Я так рад, что вы приехали в Ёкосэ, Марико-сан. Если бы не вы, я бы никогда не провел здесь тя-но-ю и никогда бы не прочувствовал до глубины общение с вечностью.

Она поколебалась, потом с опаской подняла чайницу династии Тан. Простой глазурованный сосуд без орнамента. Оранжево-коричневая глазурь покрывала его не полностью, оставляя внизу неровную каемку чистого фарфора, в которой отразились непосредственность гончара и его нежелание скрывать первозданную простоту материала. Бунтаро купил чайницу у Сэн-Накады, самого знаменитого мастера чайных церемоний, за двадцать тысяч коку.

– Это так красиво, – пробормотала она, наслаждаясь прикосновением к фарфору, – так подходит для церемонии.

– Да.

– Вы показали себя настоящим мастером сегодня, Бунтаро-сан. Вы дали мне так много счастья. – В ее низком голосе слышалось напряжение. Она слегка подалась вперед. – Все было прекрасно: и сад, и то, как искусно вы скрыли трещины за счет игры света и тени. И это. – Она опять дотронулась до чайницы. – Все чудесно. Даже то, как вы написали на полотенце *ai* – любовь. Для меня сегодняшним вечером это самое прекрасное слово. – Слезы снова потекли по ее щекам. – Пожалуйста, простите меня, – извинилась она, смахивая соленые капли.

Бунтаро поклонился, смущенный похвалой. Стараясь скрыть свои чувства, он начал заворачивать чайницу в кусок шелковой ткани. Закончив, положил ее в ящик и аккуратно поставил перед ней:

– Марико-сан, если у нас в доме возникли денежные затруднения, возьмите это. Продайте.

– Никогда! – Чайница была единственной вещью, кроме мечей и большого лука, которой он очень дорожил. – Это будет последнее, что я продам.

– Пожалуйста, извините меня, но, если платить за моих вассалов будет нечем, возьмите ее.

– Для них всех денег хватит с лихвой. И на самое лучшее оружие и лошадей. Нет, Бунтаро-сан, эта вещь ваша.

– Нам немного осталось. Кому мне завещать ее? Сарудзи?

Марико посмотрела на угли и огонь, поглощающий миниатюрный вулкан. Это зрелище успокоило ее.

– Нет. Не раньше, чем он станет настоящим мастером чайной церемонии, равным отцу. Я советую вам оставить эту вещьцу господину Торанаге. Пусть он перед смертью решит, достоин ли такого наследства наш сын.

– А если господин Торанага проиграет и погибнет до зимы?

– Что?!

– Здесь, в этом уединенном месте, я могу спокойно сказать вам правду, не кривя душой. Ведь откровенность – важная часть тя-но-ю? Да, он потерпит поражение, если не перетянет на свою сторону Кияму и Оноси, а также Дзатаки.

– В таком случае укажите в завещании, что чайница династии Тан должна быть отправлена под охраной его императорскому величеству с просьбой принять ее. Конечно, она достойна того, чтобы принадлежать Сыну Неба.

– Да. Это замечательный выбор. – Он посмотрел на стилет, потом мрачно добавил: – Ах, Марико-сан, уже ничего нельзя сделать для господина Торанаги. Его карма записана. Он выиграет или проиграет. И что бы ни выпало на его долю – победа или поражение, – нам не избежать большой крови.

– Да.

Задумавшись, он отвел взгляд от стилета и посмотрел на веточку дикого тимьяна: слеза на ней все еще оставалась чистой.

– Если он потерпит поражение, я, прежде чем умереть, убью Андзин-сана. Или это сделает один из моих людей.

В темноте ночи лицо Марико казалось неземным. Мягкий ветерок трепал пряди ее волос, придавая ей еще больше сходства со статуей.

– Пожалуйста, извините меня, можно я спрошу почему?

– Он слишком опасен, чтобы оставлять его в живых. Его знания, его идеи, даже его пятая конечность... он сеет заразу в государстве.

Сам господин Яэмон ее подцепил. Господин Торанага уже попал под его влияние, так ведь?

– Господин Торанага использует его знания, – поправила Марико.

– Смерть господина Торанаги послужит сигналом к уничтожению Андзин-сана. Но я надеюсь, что глаза нашего господина раскроются раньше. – Фитиль в масляной лампе затрещал, догорая, и погас. Бунтаро взглянул на Марико. – Вы тоже им очарованы?

– Он удивительный человек. Но ум его так отличается от нашего... Идеалы Андзин-сана... столь разнятся с нашими, что временами его почти невозможно понять. Один раз я пыталась объяснить ему, что такое тя-но-ю, но это оказалось выше его понимания.

– Видимо, это ужасно – родиться варваром, ужасно, – заключил Бунтаро.

– Да.

Его взгляд упал на лезвие стилета.

– Люди говорят, что Андзин-сан был японцем в предыдущей жизни. Он не похож на других варваров и... очень старается говорить и вести себя, как один из нас, хотя это ему и не удается, да?

– Я хотела бы, чтобы вы видели его в тот вечер, когда он чуть не совершил сэппуку, Бунтаро-сан. Я... Это было очень необычно. Смерть уже коснулась его, но рука Оми ее отвела. Я тому свидетель. Может, он когда-то был японцем. Именно это, я думаю, и объясняет многие вещи. Господин Торанага считает, что он очень полезен для нас именно сейчас.

– Пора вам покончить с его обучением и снова сделаться японкой.

– Что?

– Я считаю, что господин Торанага находится под действием его чар. И вы тоже.

– Пожалуйста, извините меня, но у меня иное мнение.

– В ту ужасную ночь в Андзиро я чувствовал, что вы заодно с ним, против меня. Скверная мысль, конечно, но я это ощущал.

Она оторвала взгляд от лезвия, воззрилась на него и не ответила. Еще одна лампа погасла. Теперь тьму рассеивало пламя единственного светильника.

– Да, я ненавидел его в ту ночь, – продолжал Бунтаро тем же спокойным голосом, – и хотел его смерти, и вашей, и Фудзико-сан. Мой лук подстрекал меня, как это бывает временами, требовал

расправы. И когда на рассвете я увидел, как он спускается с холма с этими недостойными мужчины пистолетами в руках, мои стрелы жаждали напиться его крови. Но я отложил его убийство и смирился, ненавидя себя за неучтивость больше, чем его, стыдясь своего поведения и того, что выпил слишком много sake. – Теперь стало видно, как он устал. – Столько позора пришлось нам вытерпеть – вам и мне. Не так ли?

– Да.

– Вы не хотите, чтобы я убил его?

– Вы должны делать то, что считаете своим долгом, – произнесла она. – Как и я буду делать то, что считаю своим.

– Мы проведем эту ночь вместе на постоялом дворе, – объявил он.

– Да.

И тогда Бунтаро передумал. Она была совершенной гостьей, а нынешняя тя-но-ю – лучшей чайной церемонией из всех, какие он проводил, поэтому он вернул ей покой и время – ту же меру, которую сам получил от нее.

– Ступайте на постоянный двор. Спите спокойно, – вздохнул он, взял стилет и протянул ей. – Когда с кленов опадет листва или когда вы вернетесь из Осаки, мы начнем сначала. Как муж и жена.

– Да. Благодарю вас.

– Вы соглашаетесь по доброй воле, Марико-сан?

– Да.

– Перед вашим Богом?

– Да. Перед Богом.

Марико поклонилась, взяла свое оружие, упрятала его за оби, еще раз поклонилась и ушла.

Ее шаги замерли вдалеке. Бунтаро глянул на веточку, которую по-прежнему держал в руке: слеза еще не скатилась с листочка. Когда он осторожно клал веточку на последний оставшийся уголь, пальцы его тряслись. Чистые зеленые листья изгибались, обугливаясь. Слеза испарилась с тихим шипением.

Через некоторое время он заплакал в тишине от ярости, внезапно почувствовав в глубине души, что она изменяла ему с Андзин-саном.

Блэкторн увидел, как она выходит из калитки и шагает по хорошо освещенному саду. У него перехватило дыхание при виде ее совершенной красоты. Рассвет медленно охватывал восточную часть неба.

– Здравствуйте, Марико-сан.

– О, здравствуйте, Андзин-сан! Извините, вы напугали меня – я не заметила вас. Вы еще на ногах?

– Нет. *Гомэн насай*, не еще, а уже. – Он улыбнулся и показал на небо, предвещавшее наступление утра. – Эту привычку я приобрел на море – просыпаться перед рассветом, чтобы выйти на корму и встречать солнце. – Его улыбка стала еще шире. – Это вы поздно ложитесь.

– Я и не заметила, как... как ночь закончилась. – Самураи, стоявшие на часах у ворот и всех калиток, с любопытством наблюдали за ними. Среди них Нага. Ее голос стал почти неслышим, когда она переключилась на латынь: – Следи за своими глазами, прошу тебя. Даже в темноте ночи скрываются предвестники судьбы.

– Я прошу прощения.

Они оглянулись на стук конских копыт у главных ворот. Прибыли сокольничие, загонщики и стража. На шум вышел понурый Торанага.

– Все готово, господин, – доложил Нага. – Можно мне поехать с вами?

– Нет, благодарю тебя. Отдохни немного. Марико-сан, как прошла тя-но-ю?

– Необычайно красиво, господин. Очень, очень красиво.

– Бунтаро-сан – большой мастер. Вам повезло.

– Да, господин.

– Андзин-сан! Не хотите поехать поохотиться? Я бы поучил вас, как пускать соколов.

– Что?

Марико сразу же перевела.

– Да, благодарю вас, – сказал Блэкторн.

– Хорошо. – Торанага указал ему на лошадь. – Вы поедете со мной.

– Да, господин.

Проводив их, Марико отправилась к себе в комнату. Служанка помогла ей раздеться, снять краску с лица и распустить волосы. Марико велела девушке оставаться в комнате и следить, чтобы ее никто не беспокоил до середины дня.

– Да, госпожа.

Распростершись на стеганом тюфяке, Марико закрыла глаза и позволила телу довериться успокоительной мягкости постели. Она устала, но была в приподнятом настроении. Тя-но-ю помогла ей воспарить до удивительных высот покоя, очистила душу, и оттуда экстатическое, исполненное радости решение пойти на смерть вознесло ее к новым вершинам, доселе неизведанным. Возвращение с этих заоблачных высей к жизни еще раз приоткрыло ей жутковатую, невероятную красоту бытия. Она словно была не в себе, когда терпеливо отвечала Бунтаро, уверенная, что ее слова и поведение безупречны. Она свернулась калачиком в постели, счастливая, что мир еще существует... пока не облетела листва.

«О Мадонна! – исступленно молилась она. – Благодарю тебя за милосердие, за то, что дала мне отсрочку. Благодарю тебя. Я буду почитать тебя всем сердцем, всей душой вечно».

Она прочитала про себя «Аве Мария» в полном смирении и, попросив прощения у Бога, верная своему обычаю и воле сюзерена,

упрятала Его до следующего дня в один из дальних закоулков души.

«А что бы ты стала делать, – подумала она, засыпая, – если бы Бунтаро попросил тебя разделить с ним ложе?»

Я бы отказалась.

А если бы он настаивал? Ведь это его право.

Я бы сдержала обещание. О да. Ничего не изменилось».

Глава 44

В час козы кортеж вновь пересек мост. Все происходило, как и в первую встречу, за исключением того, что Дзатаки и его люди оделись легко, в дорогу... или в бой. Они явились во всеоружии и, хотя ничем не выдавали настороженности, ждали смертельной схватки, которая могла произойти в самом скором времени. Самураи Дзатаки расселись напротив самураев Торанаги, значительно превосходивших их числом. В стороне, среди зрителей, стоял отец Алвито. И Блэкторн.

Торанага приветствовал Дзатаки с той же спокойной, холодной вежливостью. Последовало то же долгое церемонное рассаживание. Только сегодня даймё остались на помосте одни и подушки разделяла значительная дистанция. Над ними нависало низкое небо. Ябу, Оми, Нага и Бунтаро располагались у помоста, за спиной Торанаги, позади Дзатаки сидели четверо его военачальников.

В назначенное время Дзатаки вынул второй свиток.

– Я пришел за ответом.

– Я согласен ехать в Осаку и отдаться на волю Совета регентов, – спокойно ответил Торанага и поклонился.

– Вы собираетесь предстать перед Советом? – Лицо Дзатаки недоверчиво искривилось. – Вы, Торанага-но Миновара, вы собираетесь...

– Послушайте, – прервал его Торанага звучным командирским голосом, который разнесся над пустошью. – Мы должны повиноваться Совету регентов. Даже если он создан незаконным порядком. Ни один даймё не вправе возмущать покой в государстве, сколь бы прав он ни был. Мы уже видели, что из этого получается. Если даймё затевает переворот, долг остальных – уничтожить его. Я поклялся тайко никогда не нарушать мира, даже если в стране воцарится само зло. *Я принимаю приглашение. И выезжаю сегодня.*

Пораженные ужасом, самураи пытались понять, что означает этот невероятный поворот событий. Все с болью в сердце осознавали, что большинство из них, если не всех, ожидает участь ронинов, а значит, неизбежная потеря чести, доходов, семьи, будущего. Бунтаро знал, что будет сопровождать Торанагу в его последней поездке и разделит судьбу господина – вместе со всей своей семьей, всеми ее

поколениями. У Исидо накопился слишком длинный счет к нему, Бунтаро, чтобы простить. Да и какой самурай захочет остаться в живых, когда его господин трусливо отказывается от честной битвы? «Карма, – горько подумал Бунтаро. – Будда, дай мне силы! Теперь я должен буду лишиться жизни Марики и нашего единственного сына, прежде чем покончить с собой. Когда? Как только исполню свой долг и мой господин с почетом отойдет в „великую пустоту“. Ему понадобится преданный помощник, не так ли? Все пропало, как листья осенью, будущее и настоящее, „малиновое небо“ и судьба. Как раз вовремя. Теперь господин Яэмон наверняка унаследует власть. Все-таки господин Торанага тайком, в глубине души, жаждал власти, как бы он того ни отрицал. Может быть, тайко оживет в своем сыне, мы снова будем воевать с Китаем и на этот раз победим, чтобы встать на вершине мира. Это наш божественный долг».

Нага пребывал в недоумении. «Не будет „малинового неба“? Честной войны? Битвы до победного конца в горах Синано или на равнинах Киото? Почетной смерти в бою, при героической попытке отстоять знамя отца? Горы вражеских трупов, попираемых ногами во время последнего, почетного парада после победы? Не будет даже стрельбы из этих презренных ружей? Ничего этого? Только сэппуку. Отрубленная голова на пике, выставленная на потеху простолюдинам. Только смерть и конец династии Ёси, ибо, несомненно, умрут все: отец, братья и сестры, родные, сводные и двоюродные, племянники и племянницы, тети и дяди». Он вперил взгляд в Дзатаки. Жажда крови переполняла Нагу.

Оми следил за Торанагой почти невидящим взглядом, ненависть захватила его. «Наш господин сошел с ума, – думал он. – Как можно быть таким глупым? У нас сто тысяч людей, мушкетный полк и еще пятьдесят тысяч вокруг Осаки! „Малиновое небо“ в миллион раз лучше, чем позорная смерть в одиночку!»

Его рука сжала рукоятку меча, и на одно безумное мгновение он представил, как бросается вперед, чтобы отрубить голову Торанаге, протянуть ее регенту Дзатаки и таким образом покончить с позорной загадкой. Потом умереть от собственной руки, с почетом, здесь, перед всеми. Для чего ему жить теперь? Кики стала недостижимой, ее контракт купил Торанага, который предал всех. Прошлой ночью, когда она пела, он весь сгорал, как в огне, угадывая сердцем, что песня

предназначалась для него одного. Незатухающее пламя – его и ее. «Чего ждать? Почему не покончить с собой вдвоем? Принять красивую смерть и быть вместе целую вечность. О, как это было бы замечательно! Две души соединятся в тот смертный миг, доказав нашу любовь к жизни. Но сначала уйдет изменник Торанага».

Оми стоило больших усилий отогнать от себя эти страшные мысли.

«Все скверно, – размышлял он. – В моем доме нет мира – только злоба и ссоры. Мидори вечно в слезах. Я ни на шаг не приблизился к тому, чтобы отомстить Ябу. Не сумел заключить тайную сделку с Дзатаки, вместе с Ябу или без него. Сплошные неудачи. Ничего хорошего. Даже мечи... Когда Мура нашел их, оказалось, что оба клинка изуродованы силами земли. Я не стал даже показывать их Торанаге: он просто бы меня возненавидел. И наконец, эта трусливая, подлая сдача на милость врага!

Похоже, на меня напустили порчу. Уж не Андзин-сан ли? Может быть. Но все потеряно. Ни мести, ни побега, ни Кику, ни будущего – ничего нет. Надо ждать. Смерть – это и будущее, и прошлое, и настоящее. Она будет почетна и проста...»

– Вы отказываетесь? Вы не собираетесь воевать? – проревел Ябу, осознавая, что обречен, как и весь его род.

– Я принимаю приглашение Совета, – ответил Торанага. – Как поступите и вы.

– Я не собираюсь...

Оми вышел из ступора. Ему хватило присутствия духа, чтобы сообразить: он должен прервать Ябу, защитить его от немедленной смерти, которой чреват любой спор с Торанагой. Однако он не раскрыл рта, ликуя: это дар небес, сейчас Ябу погубит себя.

– Вы не сделаете этого? – спросил Торанага.

Душа Ябу возопила, почуяв опасность. Он едва смог выговорить:

– Я... я, конечно, ваши вассалы должны будут подчиниться. Да... если вы так решили, я... я сделаю.

Оми выругался про себя, сохранив бесстрастное выражение лица. Мозг его все еще работал вяло, оглушенный неожиданной капитуляцией Торанаги.

А тот, рассерженный, не оборвал бессвязных, сбивчивых речей Ябу, усугубляя его замешательство и вынуждая просить прощения. Потом презрительно бросил:

– Хорошо. – Он повернулся к Дзатаки и объявил, не ослабляя напора: – Так что, брат, вы можете убрать второй свиток. – Краем глаза он заметил, как исказилось лицо сына, и повернулся к нему. – Нага!

Юноша чуть не выпрыгнул из кожи, но отпустил рукоятку меча.

– Да, отец? – запинаясь, отозвался он.

– Ступай и принеси мои письменные принадлежности! Живо!

Когда Нага отошел достаточно далеко, Торанага вздохнул с облегчением: ему удалось предотвратить нападение на Дзатаки. Теперь он цепко следил за Бунтаро. И Оми. Решив, что эти трое под контролем и не выкинут какой-нибудь глупости, которая вызовет немедленную стычку и большое кровопролитие, он снова обратился к Дзатаки:

– Я сейчас же вручу вам мой письменный ответ на послание Совета регентов. Это подготовит Совет к тому, что я предстану перед ним. – Он понизил голос так, чтобы его слышал один Дзатаки. – В Идзу вам ничто не угрожает, регент. За пределами провинции ваша безопасность не моя забота. Пока моя мать не вырвется из заточения, вы можете не дрожать за свою жизнь. Но только до тех пор. Наша встреча окончена.

– Хорошо. «Я предстану»? – Дзатаки выказывал явное презрение. – Какое лицемерие! Мог ли я подумать, что наступит день, когда Ёси Торанага-но Миновара будет раболепствовать перед Исидо? Вы просто...

– Что важнее, брат, – спросил Торанага, – будущее моего рода или будущее государства?

На долину опустилось уныние. С неба лило, облака висели совсем низко, едва ли не в трехстах футах от земли, полностью закрывая путь к перевалу. Пустошь и подступы к постоялому двору были заполнены толкающимися, хмурыми самураями. Лошади в возбуждении били копытами. Военачальники с излишней грубостью выкрикивали приказания. Метались испуганные носильщики, готовясь идти с выступающей в путь колонной. До наступления темноты оставался час.

Торанага написал цветистое послание и отправил Дзатаки, невзирая на просьбы, которыми донимали его во время тайного совещания Бунтаро, Оми и Ябу. Он молча выслушал их доводы, а потом подвел черту:

– Я не хочу больше говорить. Я выбрал свой путь. Выполняйте приказы!

Он сообщил им, что немедленно возвращается в Андзиро, чтобы собрать остатки своих людей. А завтра направится вдоль восточного побережья в сторону Атами и Одавара, потом через горные перевалы в Эдо. Бунтаро возглавит сопровождающих его людей. Завтра же мушкетный полк под командой Ябу должен погрузиться на галеры в Андзиро и выйти в море, чтобы ждать его в Эдо. На следующий день Оми выступит к границе по центральной дороге, собрав всех имеющихся в Идзу воинов. Он поступит в распоряжение Хиромасу, который назначен главнокомандующим и обязан следить за тем, чтобы Икава Дзю не помешал нормальному передвижению сил. Самому Оми надлежит обосноваться в Мисиме на какое-то время, чтобы охранять прилегающий участок дороги Токайдо и подготовить паланкины и лошадей для Торанаги и большой свиты, которая отправится с ним.

– Оповести все станции вдоль Токайдо – пусть подготовятся. Понял?

– Да, господин.

– Убедись, что все в полном порядке.

– Да, господин. Вы можете положиться на меня. – Даже Оми вздрогнул под его грозным, пристальным взглядом.

Когда все было готово к отправлению, Торанага вышел из своей комнаты на веранду. Все поклонились. Он знаком велел продолжать занятия и послал за хозяином постоянного двора. Тот услужливо подал счет, встав на колени. Торанага проверил его пункт за пунктом, кивнул и передал управителю для оплаты. Потом позвал Марико и Андзин-сана. Марико получила разрешение ехать в Осаку.

– Но сначала вы двинетесь прямо отсюда в Мисиму. Передадите это письмо Хиромасу-сану, потом поезжайте в Эдо с Андзин-саном. Вы отвечаете за него, пока не приедете туда. Возможно, в Осаку вас доставят морем – это я решу позднее. Андзин-сан! Вы взяли словарь у священника?

– Повторите, пожалуйста. Простите, я не понял.

Марико перевела.

– Извините. Да, книгу я получил.

– Надеюсь, когда мы встретимся в Эдо, вы будете лучше говорить по-японски. *Вакаримас ка?*

– *Хай. Гомэн насай.*

Тяжелой поступью потерявшего всякую надежду человека Торанага вышел за ограду. Самураи прикрывали его от дождя большим зонтом. Все толкавшиеся поблизости – воины, носильщики и крестьяне – еще раз поклонились. Торанага не обратил на них внимания, просто сел в свой паланкин во главе колонны и задернул занавески.

Сразу же семь полуголых носильщиков подняли носилки и припустили вприпрыжку, шлепая по лужам заглубевшими босыми ступнями. Часть сопровождавших колонну верховых ехала впереди, другая держалась возле паланкина. Сменные носильщики и обоз замыкали колонну; все спешили, были напряжены, чувствовался общий упадок духа. Оми вел авангард, Бунтаро командовал арьергардом. Ябу и Нага уже отбыли в расположение мушкетного полка, который затаился в засаде, чтобы охранять дорогу, пока Торанага не перевалит через гребень хребта. Позже они должны были присоединиться к колонне.

– Для чего все это? – ворчал Ябу в те редкие минуты, когда они с Оми оказывались наедине.

Бунтаро подошел к высоким резным воротам постоянного двора, не обращая внимания на дождь:

– Марико-сан!

Она послушно заторопилась навстречу мужу. Тяжелые дождевые капли барабанили по ее оранжевому зонтику из промасленной бумаги.

– Да, господин?

Его глаза скользнули по лицу Марико, выглядывавшему из-под зонта, потом обратились на Блэкторна, наблюдавшего за ними с веранды.

– Скажите ему... – Он запнулся.

– Что?

Он снова пристально посмотрел на нее:

– Скажите, что я считаю его ответственным за вас.

– Да, господин, – кивнула она. – Извините меня, пожалуйста, но я сама отвечаю за себя.

Бунтаро отвернулся и смерил глазами расстояние до вершины горы. Когда он снова обернулся к Марико, следы терзавших его мук по-прежнему проступали на лице.

– Теперь наши глаза никогда не увидят падающих листьев, да?

– Все в руках Бога, господин.

– Нет, все в руках господина Торанаги, – возразил он надменно.

Она, не дрогнув, выдержала его взгляд. Дождь лил и лил. Капли падали с краев ее зонтика, словно завеса слез. Низ ее кимоно был забрызган грязью. Бунтаро наконец выдохнул:

– *Саёнара*. До Осаки.

Она удивилась:

– О, извините, разве мы не увидимся в Эдо? Конечно, вы будете там с господином Торанагой, приедете почти одновременно со мной, да? Там я и увижу вас.

– В Осаке мы начнем все сначала. Вот тогда я по-настоящему и увижу вас, правильно?

– О, я понимаю. Извините.

– *Саёнара*, Марико-сан, – повторил он.

– *Саёнара*, мой господин, – подхватила она и поклонилась.

Последний поклон – и Бунтаро быстро зашагал по грязи к своей лошади, взлетел в седло и поскакал не оглядываясь.

– С Богом! – напутствовала она, проводив его взглядом.

Блэкторн видел, как она смотрит на Бунтаро. Он ждал, стоя под крышей. Дождь ослабевал, голова колонны затерялась в облаках, потом скрылся и паланкин Торанаги. Капитан вздохнул с облегчением, все еще пораженный поведением даймё и всем этим незадавшимся днем...

Соколиная охота начиналась хорошо. Он выбрал небольшого длиннокрылого сокола, похожего на кречета, и напустил его на жаворонка. Ветер отнес стремительно несущуюся ловчую птицу далеко к югу. Следуя за ней, как предписывалось правилами охоты, Блэкторн скакал через лес по хорошо утоптанной дорожке. Изредка навстречу ему попадались пешие крестьяне. И вдруг измученный непогодой продавец масла, ведущий в поводу такую же усталую, взъерошенную лошаденку, перегородил ему дорогу, ворча что-то себе под нос и не желая уступать. В горячке погони Блэкторн рывкнул на

него, приказывая убраться с пути, но тот не двинулся с места, и Блэкторн грубо его обругал. Продавец масла ответил такой же грубостью, что-то прокричав в ответ, но тут рядом оказался Торанага. Указав на своего телохранителя, даймё приказал:

– Андзин-сан, дайте-ка ему свой меч! – и что-то еще, чего Блэкторн не разобрал.

Блэкторн тут же выполнил повеление. И прежде чем понял, что происходит, самурай бросился на торговца. Его удар был так яростен и ловок, что продавец масла успел отступить на шаг, уже перерубленный пополам в талии.

Торанага стукнул кулаком по луке седла, на секунду оживившись, потом снова впал в меланхолию. Другие самураи выражали товарищу шумное одобрение. Телохранитель Торанаги аккуратно отер лезвие о свой шелковый пояс, чтобы не портилась сталь. С удовольствием вложил меч в ножны и вернул его, сопроводив фразой, смысл которой позже объяснила Марико: «Он просто сказал, Андзин-сан, что гордится честью испробовать в деле такой клинок. Господин Торанага предлагает вам назвать меч „Продавец масла“, потому что этот удар будут вспоминать с восхищением многие годы. Ваш меч теперь войдет в легенды, правда?»

Блэкторн припомнил, как кивнул, стараясь спрятать ужас. Он носил теперь «Продавца масла» – за мечом, который ему подарил Торанага, навсегда закрепилось это имя. «Уж лучше бы он никогда не дарил мне меча, – думал капитан. – Но я виноват не меньше их. Я накричал на этого бедолагу, он нагрубил в ответ, а самураю грубить нельзя. Разве могли они поступить иначе?» Блэкторн знал, что иного выхода не было. И все равно кровавое происшествие убило радость от охоты, хотя это приходилось тщательно скрывать, поскольку Торанага весь день был гневлив и мрачен.

Перед самым полуднем они вернулись в Ёкосэ, где произошла встреча Торанаги с Дзатаки. Потом была горячая ванна, массаж, и вдруг перед ним, словно дух мщения, предстал отец Алвито с двумя неприязненно настроенными приспешниками.

– Боже мой, убирайтесь немедленно!

– Нет необходимости пугаться или богохульствовать, – изрек Алвито.

– Проклятье Божье на вас и всех священников! – огрызнулся Блэкторн и попробовал взять себя в руки, сознавая, что он на вражеской территории.

Как раз перед этим через мост прошло с полсотни самураев-христиан; они стекались к постоялому двору, где остановился Алвито и где, по словам Марико, святой отец собрался служить мессу. Рука Блэкторна потянулась к рукоятке меча, но он не носил оружия с купальным халатом, хотя в иных случаях и не расставался с ним. Блэкторн выругал себя за оплошность.

– Пусть Господь простит вам богохульство, капитан. Может быть, Он не только простит вас, но и откроет вам глаза. Я не держу на вас зла. Я принес вам подарок. Дар Божий, капитан.

Блэкторн принял сверток из рук иезуита с большим подозрением. Когда же он вскрыл пакет и увидел португальско-латинско-японский словарь-грамматику, его пробрала дрожь возбуждения. Он перевернул несколько страниц. Печать была, конечно, лучшей из всего, что он видел, качество и обстоятельность сведений поражали.

– Да, это дар Божий, конечно, но дать его вам мне приказал господин Торанага.

– Мы повинемся только велениям Господа.

– Торанага просил вас вручить его мне?

– Да. Это было его требование.

– А «требование» Торанаги вам не указ?

– Это зависит, капитан, от того, кто вы, что вы и как велика ваша вера. – Алвито показал на словарь. – Трое наших братьев потратили двадцать семь лет, составляя эту книгу.

– Почему вы даете ее мне?

– Нас попросили об этом.

– Почему вы послушались Торанагу? Вы достаточно ловки, чтобы не выполнить его просьбу.

Алвито пожал плечами. Блэкторн быстро пролистал словарь: превосходная бумага, очень ясная печать, страницы идут подряд, соответственно номерам.

– Всё на месте, – развеселился Алвито. – Мы не издаем книг, в которых нет половины страниц.

– Это слишком ценная вещь, чтобы вы ее отдали просто так. Что вы хотите взамен?

– Он просил нас дать вам словарь. Отец-инспектор согласился. Вот вы и получили его. Он напечатан в этом году. Красивая книга, да? Мы только просим обходиться с ней бережно. Она стоит хорошего обращения.

– Она стоит того, чтобы за нее отдали жизнь. В ней собраны бесценные знания, как в одном из ваших руттеров. Но она много ценнее. Что вы хотите за нее?

– Мы ничего не просим взамен.

– Я не верю вам. – Блэкторн взвесил том в руке, еще более насторожившись. – Вы должны понимать, что книга ставит меня на одну ногу с вами. Она откроет мне все ваши знания и сбережет нам десять, а может быть, все двадцать лет. Имея ее, я скоро буду говорить не хуже вас и тогда сумею научить других. Это ключ к Японии, не так ли? Через шесть месяцев я смогу говорить с самим Торанага-сама.

– Да, возможно. Если у вас будут эти шесть месяцев.

– Что вы имеете в виду?

– Ничего, кроме того, что вы уже знаете. Господин Торанага умрет задолго до того, как пройдут эти шесть месяцев.

– Почему? Какие новости вы ему принесли? Поговорив с вами, он стал похож на раненого быка. Что вы сказали ему, а?

– Я передал ему частное послание от его преосвященства. Извините, я только посол. Но господин Исидо держит в своих руках Осаку, как вы, конечно, знаете. Как только господин Торанага прибудет туда, для него все кончится. И для вас.

Блэкторн почувствовал мертвенный холод, который пробрал его до костей.

– А почему для меня?

– Вам не уйти от судьбы, капитан. Вы сражались на стороне Торанаги против Исидо. Неужели забыли? Вы приложили руку к этому делу. Вы помогли Торанаге вырваться из осакского порта. Извините, но ни умение говорить по-японски, ни мечи, ни статус самурая вам не помогут. Может быть, это даже обернется против вас. Теперь вам прикажут совершить сэппуку, и если вы откажетесь... – И Алвито прибавил тем же мягким голосом: – Я ведь говорил вам уже, они люди простые.

– Мы, англичане, тоже простые люди, – сказал Блэкторн, несколько не бравирюя. – Коли умер, ничего не попишешь, но пока жив,

полагайся на Бога и держи свой порох сухим. У меня еще осталось кое-что в запасе, не беспокойтесь.

– О, я не боюсь, капитан. Я ничего не боюсь: ни вас, ни вашей ереси, ни ваших ружей. Это им не поможет – как и вам.

– Это карма или промысел Божий – называйте как хотите, – ответил Блэкторн, взбешенный. – Но клянусь Богом, я еще получу обратно свой корабль! А через пару лет приведу сюда целую эскадру и выброшу вас из Азии ко всем чертям.

Алвито продолжал с бесконечным спокойствием:

– Все в руках Бога, капитан. Но смерть уже близка, и ничему из того, о чем вы говорите, не суждено свершиться. Ничему. – Алвито глядел на Блэкторна, как на покойника. – Может быть, Бог смилостивится над вами, но я полагаю, капитан, – Бог мне судья, – что вы никогда не покинете этих островов.

...Блэкторн вздрогнул, вспомнив, с какой убежденностью изрек это Алвито.

– Вам холодно, Андзин-сан? – На веранде рядом с ним показалась Марико, отряхивающая в темноте свой зонтик.

– О, извините, нет, мне не холодно – я только задумался.

Он взглянул на перевал. Колонна уже скрылась за облачной грядой. Дождь немного ослаб, стал более редким и мелким. Несколько крестьян и слуг шлепали по лужам, торопясь домой. Улицы опустели, сад был залит водой. По всей деревне загорелись фонари. У ворот теперь не было часовых, по сторонам моста тоже. Казалось, что в сумерках воцарилась пустота.

– Вечером намного приятнее, не правда ли? – спросила она.

– Да, – ответил он, только теперь осознав, что они остались вдвоем, в безопасности, если будут осторожны и если она хочет того же, чего и он.

Подошла служанка, принесла сухие носки и забрала зонтик. Встав на колени, она начала вытирать ноги Марико полотенцем.

– Завтра на рассвете мы тронемся в путь, Андзин-сан.

– Сколько времени займет дорога?

– Несколько дней, Андзин-сан. Господин Торанага сказал... – Марико оглянулась на Гёко, которая приближалась к ним с подобострастным видом. – Господин Торанага сказал мне, что времени будет достаточно.

Гёко отвесила низкий поклон:

– Добрый вечер, госпожа Тода, прошу прощения, что прерываю ваш разговор.

– Как ваши дела, Гёко-сан?

– Прекрасно, спасибо. Вот только бы дождь прекратился. Не люблю я такую сырость. Хотя, когда закончатся дожди, начнется жара, а это еще хуже. Правда, осень не за горами... О, наше счастье, что бывает осень и такая прекрасная весна, да?

Марико не ответила. Служанка закончила возиться с таби и встала.

– Спасибо, – поблагодарила Марико, отпуская ее. – Так что, Гёко-сан? Я могу что-нибудь сделать для вас?

– Кику-сан спрашивает, не хотите ли вы, чтобы она развлекла вас за ужином, танцевала или пела вечером. Господин Торанага дал ей указание занимать вас, если пожелаете.

– Да, он говорил мне, Гёко-сан. Это было бы очень хорошо. Но, может быть, не сегодня вечером? Мы должны выехать на рассвете, я очень устала. Будут же еще вечера, правда? Пожалуйста, принесите ей мои извинения и передайте, что я очень хотела бы видеть вас и ее моими спутницами в дороге. – Торанага приказал Марико взять с собой обеих женщин, и она поблагодарила даймё, довольная, что те будут ее сопровождать.

– Вы так добры, – произнесла Гёко медоточивым голосом. – Для нас это большая честь. Мы сразу поедem в Эдо?

– Да, конечно. А почему вы спрашиваете?

– Просто так, госпожа Тода. В таком случае не могли бы мы остановиться в Мисиме на денек или два? Кику-сан хотела бы взять кое-что из одежды. Она считает, что недостаточно хорошо одета для господина Торанаги. И я слышала, что в Эдо летом очень душно, много moskitов. Нам надо забрать всю ее одежду, какая есть.

– Договорились. У вас обеих будет достаточно времени.

Гёко не смотрела на Блэкторна, хотя обе женщины ощущали его присутствие.

– Это... это очень печально для нашего господина, да?

– Карма, – ровным голосом откликнулась Марико, а потом добавила со всем сладкоречивым женским коварством: – Но ничего не изменилось, Гёко-сан. Вам заплатят в день приезда, как было оговорено.

– Ох, извините. – Гёко прикинулась обиженной. – Извините, госпожа Тода, но при чем тут деньги? Я меньше всего думала о них. Нисколько! Я только обеспокоена будущим нашего господина.

– Он сам хозяин своего будущего, – легко заявила Марико, больше не веря в это. – И ваше будущее прекрасно, что бы ни случилось, так? Вы теперь богаты. Все ваши невзгоды позади. Скоро вы сделаетесь важной персоной в Эдо, с этой вашей гильдией куртизанок, кто бы ни правил Канто. Вы станете самой важной мама-сан, что бы ни случилось. Кику-сан все равно ваша подопечная. Госпожу не тронут, если только ее карма не состоит в ином.

– Я беспокоюсь о господине Торанаге, – повторила Гёко с хорошо разыгранной печалью. Все ее нутро скручивалось в узел при мысли о двух тысячах пятистах коку, которые были уже почти у нее в кармане. – Если бы я хоть как-нибудь могла помочь ему, я бы...

– Как вы великодушны, Гёко-сан! Я передам ему ваше предложение. Да, если вы сбавите цену на тысячу коку, это очень поможет ему. Я приму уступку от его имени.

Гёко заработала веером, напустив на себя радостный вид, и сумела подавить возглас досады. Как глупо! Она попала в западню, как перебравшая sake деревенская простушка.

– Ох нет, госпожа Тода, как можно помочь деньгами такому великодушному господину? Нет, деньги ему, конечно, не помогут, – забормотала она, пытаясь выкрутиться. – Нет, деньги не помогут. Скорее, полезные сведения, помощь или...

– Пожалуйста, извините меня, какие сведения?

– Нет-нет, не сейчас. Это я сболтнула, не подумав, извините. Но деньги...

– Хорошо, я расскажу ему о вашем предложении. И от его имени благодарю вас.

Гёко с поклоном убралась обратно на постоялый двор.

Марико тихонько рассмеялась.

– Что смешного, Марико-сан?

Она пересказала ему весь разговор.

– Мама-сан, видимо, одинаковы во всем мире. Все мысли о деньгах.

– Господин Торанага заплатит, даже если... – Блэкторн запнулся. Марико молчала, ожидая, что он скажет. Тогда, под ее настойчивым

взглядом, он продолжил: – Отец Алвито сказал, что, как только господин Торанага окажется в Осаке, с ним будет покончено.

– О да, Андзин-сан, это так, – признала Марико с легкостью, которой не чувствовала. Потом она отогнала от себя мысли о Торанаге, Осаке и опять успокоилась. – Но Осака за много лиг отсюда, путь до нее не близкий, и пока суд да дело, кто знает, что случится? Ни Исидо, ни святому отцу, ни нам – никому не дано знать, что произойдет. Кроме Господа Бога. А Он нам не скажет, правда? До тех пор, пока не свершится то, чему суждено свершиться. Да?

– *Хай*. – Он засмеялся вместе с ней. – Вы так мудры.

– Благодарю вас. У меня есть предложение, Андзин-сан. На время путешествия давайте забудем обо всем. Кроме одного.

– Тебя, – домыслил он на латыни. – Так хорошо видеть тебя.

– И тебя. Но мы должны соблюдать крайнюю осторожность при этих двух женщинах.

– Это зависит от вас, госпожа.

– Я постараюсь.

– Сейчас мы почти одни, да? Ты и я.

– Да. Но то, что было, никогда не случилось и не случится впредь.

– Да. Ты опять права. И так красива.

В ворота широкими шагами прошествовал самурай и отсалютовал Марико. Он был в годах, седой, с лицом, сплошь изрытым оспой, и слегка хромотал.

– Пожалуйста, извините меня, госпожа Тода, мы выезжаем на рассвете, да?

– Да, Ёсинака-сан. Но не будет беды, если мы отложим отъезд до полудня. У нас пропасть времени.

– Да. Если вам угодно, мы можем выехать и в полдень. Добрый вечер, Андзин-сан. Разрешите представиться. Я Акира Ёсинака, командир вашей охраны.

– Добрый вечер, командир.

Ёсинака повернулся к Марико:

– Я отвечаю за вас и за него, госпожа. Пожалуйста, скажите Андзин-сану, что двоим моим людям – его личной охране – приказано спать в одной комнате с ним. На часах будут каждую ночь стоять по десять человек. Они все будут около вас. У меня всего сто человек с собой.

– Очень хорошо. Но извините, лучше не ставить пост в комнате Андзин-сана. У них – варваров – принято спать одному или вместе с дамой. Возможно, что с ним будет моя служанка. Пожалуйста, расставляйте часовых кругом, но не очень близко, тогда он не будет обижаться.

Ёсинака поскреб в затылке и нахмурился:

– Слушаюсь, госпожа. Да, я согласен с вами, хотя мой способ охраны более надежен. И потом, пожалуйста, попросите его не совершать ночных прогулок. Пока мы не прибудем в Эдо, я отвечаю за него, а когда на мне лежит ответственность за что-то, например за важных людей, я очень нервничаю. – Он поклонился и ушел.

– Ёсинака-сан просит вас не гулять по ночам во время нашей поездки. Если встанете ночью, всегда берите с собой самурая, Андзин-сан. Он говорит, так ему будет легче выполнить свое задание.

– Хорошо, – согласился Блэкторн, провожая взглядом японца. – Что еще он говорил? Я что-то уловил про сон? Я не очень понял... – Он запнулся.

Из своей комнаты вышла Кику, босая, в купальном халате, с полотенцем, красиво обмотанным вокруг головы. Ленивым шагом она направилась в сторону бани, отвесив им полупоклон и дружески помахав рукой. Они ответили на приветствие.

Взгляд Блэкторна приковался к ее длинным ногам. Завороженный колыханием бедер, он не отрывал взгляда от девушки, пока та не скрылась в бане. Почувствовал, что Мариико внимательно смотрит на него, и оглянулся.

– Нет, – успокаивающе заверил он и покачал головой.

Мариико усмехнулась:

– Я думаю, это будет трудно – оставаться простыми попутчиками после такой замечательной ночи любви.

– Нет, напротив. С меня довольно приятных воспоминаний. Я рад, что теперь она принадлежит господину Торанаге. Это все облегчает – для нее, для него. Для всех. – Он собирался добавить: «Всех, кроме Оми-сана», но передумал. – В конце концов, для меня она была только необычным, удивительным подарком. И ничего больше.

– Она была подарком, да.

Он захотел дотронуться до Мариико, но не дерзнул. Вместо этого он отвернулся и посмотрел на перевал, озадаченный тем, что прочел в ее

глазах. Теперь перевал скрывала ночь. И облака. С крыши с приятным звуком капала вода.

– Что еще сказал командир?

– Ничего интересного, Андзин-сан.

Глава 45

Дорога в Мисиму заняла девять дней, и каждую ночь они тайком проводили вместе. Сам того не желая, им помог Ёсинака. На каждом постоялом дворе он, естественно, выбирал для всех соседние комнаты. «Я надеюсь, вы не будете возражать, госпожа. Так легче обеспечить безопасность», – говорил он каждый раз. Марико соглашалась и занимала центральную комнату, Кику с Гёко селились с одной стороны от нее, Блэкторн – с другой. Потом, под покровом ночи, она оставляла свою служанку Тиммоко и уходила к нему. Смежные комнаты, обычный гвалт, пение и пьяный галдеж других путешественников, бдительность часовых снаружи очень их устраивали. Только Тиммоко была посвящена в тайну.

Марико понимала, что в конце концов Гёко, Кику и все сопровождающие ее женщины догадаются, но несколько не беспокоилась. Она самурай, они – нет. Ей поверят скорее, чем им, если только не поймут с поличным. И ни один страж, даже Ёсинака, не осмелится ночью открыть ее дверь без приглашения. Что касается Блэкторна, все считают, что он делит постель с Тиммоко или одной из служанок. Это его личное дело. Выдать Марико могла только женщина, но, случись подобное, предательница и все женщины, сопровождавшие госпожу Тода, приняли бы гораздо более мучительную и медленную кончину, чем она, за позорную измену. Кроме того, все знали, что в ее власти обречь на смерть любую из них за малейшую провинность, действительную или мнимую, еще до того, как они достигнут Мисимы или Эдо. Марико была уверена, что Торанага не возражал бы. Он только приветствовал бы смерть Гёко и, как считала Марико, в глубине души не скорбел бы о гибели Кику. За две с половиной тысячи коку можно купить много куртизанок первого класса.

Так что она не ждала беды от женщин. Другое дело Блэкторн, как бы сильно она его ни любила. Он не был японцем. Его не учили с рождения возводить внутри себя непроницаемые для других стены, за которыми можно прятаться. Его лицо, голос, поведение могли выдать их. Она боялась не за себя. Только за него.

– Наконец я узнала, что такое любовь, – прошептала Мариико в первую ночь. Теперь, когда она сдалась перед натиском любви, уступила неотвратимому, страх за него захватил ее полностью. – Я люблю тебя и потому боюсь, – шептала она, вцепившись в него, переходя на латынь, язык любовников.

– Я люблю тебя, о, как я люблю тебя!

– Я погубила тебя, моя любовь, с самого начала. Мы обречены. Я погубила тебя – это правда.

– Нет, Мариико, что-то случится, и все образуется.

– Мне не нужно было начинать. Это моя ошибка.

– Не беспокойся, прошу тебя. Карма есть карма.

В конце концов она сделала вид, что ему удалось убедить ее, и расслабилась в его руках. Но не смогла избавиться от опасения, что он способен сам себя погубить. За себя она не боялась.

Ночи были радостными. Одна другой нежнее и прекраснее. Дни давались ему тяжелее. Он постоянно держался настороже, стремясь ради нее не допустить ошибки.

– Никаких ошибок не будет, – внушала она, когда они ехали рядом верхом, на безопасном удалении от остальных, притворяясь уверенной в себе после первой ночи. – Ты сильный. Ты самурай и не сделаешь никаких ошибок.

– А когда мы приедем в Эдо?

– Будь что будет. Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя.

– Тогда почему такая печаль?

– Не печаль, госпожа. Просто эта необходимость скрывать и таиться мучительна. Я хочу кричать о своей любви с вершины горы.

Они наслаждались обществом друг друга, уверенные, что их тайна еще не раскрыта.

– Что будет с ними, Гёко-сан? – тихо спросила Кику у хозяйки в первый день пути, когда они сидели в паланкине.

– Беда, Кику-сан. У них нет будущего. Он хорошо прячет свои чувства, но она... Это лицо кричит о ее чувствах. Погляди на нее! Как юная девушка. О, до чего она глупа!

– Но и красива, правда? Хорошо быть такой красавицей, верно?

– Да, но не хотелось бы мне, чтобы они погибли.

– Что сделает Ёсинака, когда уличит их? – спросила Кику.

– Может быть, он и не узнает. Я молюсь о том, чтобы он не догадался. Мужчины такие глупые. Они иногда не видят дальше своего носа, не замечают самых простых вещей. Слава Будде, будь свято его имя! Давай помолимся о том, чтобы ничего не вышло наружу, пока мы не закончим свои дела в Эдо. Давай помолимся о том, чтобы нам не досталось из-за них. О, конечно! А сегодня после полудня, когда остановимся, в ближайшем же храме я воскурю благовония – десять палочек, чтобы вымолить милость у богов. Клянусь, я буду жертвовать храму по три коку в год в течение десяти лет, если мы спасемся и я получу свои деньги.

– Но они так чудесно смотрятся вместе, правда? Я никогда не видела такой красивой женщины.

– Да, но она увянет, как камелия на сломанном стебле, когда донесут Бунтаро-сану. Их карма – это их карма, и мы ничего не можем сделать для них. Или для господина Торанаги, или для Оми-сана. Не плачь, дитя.

– Бедный Оми-сан...

Оми догнал их на третий день. Он остановился на том же постоялом дворе и после ужина, беседуя с Кику наедине, попросил ее разделить с ним вечность.

– Я бы с охотой, Оми-сан, – ответила она, дав волю слезам, ибо он ей очень нравился, – если бы не мой долг по отношению к господину Торанаге, который так милостив ко мне и к Гёко-сан, которая воспитала меня.

– Но господин Торанага лишился всех прав на вас. Он побежден. Он конченный человек.

– Но его контракт еще действителен, Оми-сан, как бы мне ни хотелось иного. Его контракт законен и налагает обязательства. Пожалуйста, извините меня, я должна отказаться.

– Не отвечайте мне сейчас, Кику-сан. Подумайте. Пожалуйста, я прошу вас. Дайте мне ответ завтра. – С тем он и ушел.

Но на завтра ее ответ сквозь слезы не изменился.

– Я не могу быть такой себялюбивой, Оми-сан. Пожалуйста, простите меня. Мой долг перед Гёко-сан и господином Торанагой не позволяет, как бы мне того ни хотелось. Пожалуйста, простите меня.

Он продолжал настаивать. Слезы хлынули еще обильнее. Они поклялись в вечной любви, после чего она отправила его восвояси с

обещанием:

– Если контракт будет аннулирован или господин Торанага умрет, я сделаю все, что вы хотите, подчинюсь любому вашему приказу.

Он выехал с постоялого двора и направился в Мисиму с недобрыми предчувствиями, а она вытерла слезы и освежила краску на лице. Гёко похвалила ее:

– Ты так мудра, дитя. О, как бы я хотела, чтобы госпожа Тода имела хоть половину твоей мудрости.

Ёсинака неторопливо пролагал путь от одного постоялого двора к другому, следуя по течению реки Кано, которая, извиваясь, несла свои воды на север, к морю. Махнув рукой на время, он охотно мирился с частыми задержками. В разговоре с глазу на глаз Торанага сказал ему, что торопиться нет никакого смысла, главное, чтобы он в целостности и сохранности доставил своих подопечных в Эдо к началу нового месяца. «Скорее позже, чем раньше, Ёсинака-сан. Понимаешь?» – «Да, господин». Теперь он благодарил своих хранителей-ками за передышку. Рано или поздно он должен будет дать отчет, устный и письменный, в Мисиме господину Хиромасу или в Эдо господину Торанаге. И тогда придется решать, рассказывать или нет о том, чего он старался не видеть.

«Э-э, – говорил он себе в смятении, – конечно, я ошибся. Госпожа Тода? Она и какой-то мужчина? Тем более чужеземец.

Разве не твой долг следить, – пытал он себя, – чтобы заручиться доказательствами? Застигнуть их за закрытыми дверями, спящих вместе. Ты будешь презирать себя, если не поймашь их на обмане, не так ли? А подловить их так легко, даже если они очень осторожны.

Да, но только глупец будет сообщать такие известия, – думал он. – Не лучше ли прикинуться тупицей и молить богов, чтобы никто не выдал их, а значит, и тебя? Ее жизнь кончена, мы все обречены, так какая разница? Не обращай внимания. Предоставь этих двоих их карме. Разве это теперь важно?»

Но всем своим сердцем самурай чувствовал, что важно, да еще как.

– А, доброе утро, Марико-сан! Какой сегодня чудесный день! – воскликнул отец Алвито, подходя к ним. Все собрались около постоялого двора, готовые к началу дневного перехода. Он перекрестил Марико. – Боже, благослови ее и поддержи в ней веру!

– Благодарю вас, святой отец.

– Доброе утро, капитан. Как вы себя чувствуете сегодня?

– Хорошо. Спасибо. А вы?

Они часто сталкивались в пути с иезуитами. Иногда останавливались под одной крышей. Иногда проделывали вместе часть пути.

– Не желаете ехать со мной сегодня утром, капитан? Я был бы счастлив продолжить уроки японского, если вы в настроении.

– Спасибо. Да, я не прочь.

В первый же день Алвито предложил учить Блэкторна японскому языку.

– В обмен на что? – насторожился тот.

– Ни на что. Это поможет мне скоротать время, и, правду сказать, иногда меня тяготит моя жизнь, я чувствую себя очень старым. А также, может быть, для того, чтобы извиниться за мои жестокие слова.

– Я не жду извинений. У вас свой путь, у меня свой. Нам не идти одной дорогой.

– Наверное, но раз уж нам довелось путешествовать вместе, мы можем чем-то поделиться, так? Мы просто путники. Мне хотелось бы помочь вам.

– Почему?

– Знание принадлежит Богу. Не человеку. Мне хотелось бы сделать вам подарок – ничего взамен.

– Спасибо, но я не доверяю вам.

– Ну, если настаиваете, взамен вы могли бы рассказать мне о вашем мире, о том, что видели и где бывали. Все, что хотите, но только то, что хотите. Истинную правду. Это действительно интересует меня, и это был бы честный обмен. Я приехал в Японию, когда мне исполнилось тринадцать или четырнадцать лет, и ничего другого на свете не видел. Мы могли бы даже заключить перемирие на время путешествия, если вы не против.

– Но только без разговоров о религии, политике или папских доктринах.

– Меня не изменить, капитан, но я попробую.

Так вышло, что они стали осторожно обмениваться знаниями. Блэкторн находил этот обмен неравноценным: Алвито обладал обширной эрудицией и был прекрасным учителем, в то время как

познания самого Блэкторна, по его собственной оценке, не выходили за рамки того, что должен знать мореплаватель.

– Заблуждение, – возражал Алвито. – Вы уникальный капитан, вы добились невероятных успехов. Таких, как вы, полдюжины наберется на всей земле, правда!

Казалось, они заключили перемирие, и это радовало Марико.

– Это дружба, Андзин-сан, или ее начало.

– Нет, не дружба. Я не доверяю ему, как и он мне. Мы враги навек. Я ничего не забыл, он тоже. Это отсрочка. Возможно, он что-то задумал. Но никогда не скажет что, сколько бы я ни допытывался. Я раскусил его. Большой опасности нет, если держаться настороже.

Пока он коротал время в беседах с Алвито, Марико болтала с Кику и Гёко, которые посвящали госпожу Тода в секретное учение спальни и тайны «мира ив». Она в свою очередь рассказывала о своем мире, о том, чему была свидетельницей, в чем участвовала или о чем слышала. О Городе, тайко и даже о господине Торанаге. Вполне благонамеренные рассказы о великих мира сего, чего никогда не слышали простые смертные.

В нескольких милях к югу от Мисимы река сворачивала на запад, спокойно устремляясь к берегу моря и большому порту Нумадзу. Путники покинули эту овражистую местность и направились через плоские рисовые поля вдоль широкой оживленной дороги, идущей к северу. Эта местность изобиловала ручьями и притоками, которые приходилось преодолевать: мелкие – вброд, глубокие и широкие – на плоскодонных баржах. Мосты попадались редко. Обычно путников переносили на плечах носильщики, которые околачивались возле брода, болтая и ругаясь.

На седьмой день пути они достигли развилки, и отец Алвито объявил, что должен покинуть их. Он собирался отправиться дальше по западной дороге, чтобы вернуться на свой корабль, на день или около того, но был не прочь вновь присоединиться к прежней компании на дороге из Мисимы в Эдо, если ему позволят.

– Конечно, я буду рад, если вы оба пожелаете поехать со мной.

– Спасибо, но, извините, у меня есть дела в Мисиме, – сказала Марико.

– Андзин-сан? Если у госпожи Марико нет времени, мы будем рады вам. У нас очень хороший повар, прекрасные вина. Видит Бог, вы

будете в безопасности и сможете уходить и приходить, когда вам захочется. Родригес сейчас на борту.

Марико видела, что Блэкторн почти готов принять приглашение. «Как он может? – огорчилась она. – Как он может покинуть меня, когда осталось так мало времени?»

– Пожалуйста, Андзин-сан, – произнесла она. – Это будет полезно для вас. И вам, должно быть, хочется повидать Родригеса, правда?

Но Блэкторн не поддался искушению. Он не доверял священнику. Даже из-за Родригеса он не стал совать голову в петлю. Поблагодарил Алвито и отказался.

– Давайте сделаем остановку, Андзин-сан, – предложила Марико, хотя едва наступил полдень. – Давайте не будем торопиться, ладно?

– Прекрасно. Я с удовольствием.

– Святой отец – хороший человек, но я рада, что он уехал.

– Я тоже. И он не хороший человек. Он священник.

Его страстность ошеломила Марико.

– О, извините, Андзин-сан, пожалуйста, извините меня за эти слова...

– Не важно, Марико-сан. Я сказал вам: ничто не забыто. Он все время будет за мной охотиться.

Блэкторн пошел искать Ёсинаку, а Марико, расстроившись, смотрела на западное ответвление дороги. Отец Алвито и его сопровождающие неторопливо направляли своих лошадей в потоке других путников. Кое-кто кланялся маленькой кавалькаде, многие смиренно становились на колени, иные любопытствовали, другие провожали ее недовольным взглядом. Но все вежливо уступали дорогу. Кроме самураев, даже самого низшего ранга. Повстречав самурая, отец Алвито перебирался на другую сторону дороги, и его спутники делали то же самое.

Святой отец был рад оставить Марико и Блэкторна. Требовалось отправить срочные послания отцу-инспектору, которые он не смог отослать раньше, так как все его почтовые голуби погибли в Ёкосэ. Хватало и других забот: Торанага, рыбак Уо, Марико и пират. А еще Жозеф, который продолжал выслеживать его...

– Что он делает здесь, Ёсинака-сан? – выпалил отец Алвито в первый день, заметив среди самураев Жозефа, одетого в кимоно и вооруженного мечами.

– Господин Торанага приказал мне взять его в Мисиму, Цукку-сан. Там я должен направить его к господину Хиромацу. Простите, вам неприятно его видеть?

– Нет-нет, – неубедительно заявил святой отец.

– Вас беспокоят его мечи? Не тревожьтесь. Это только рукоятки, без клинков. Так приказал господин Торанага. Поскольку этот человек с юности воспитывался вашим орденом, не ясно, следует ли давать ему настоящие мечи, имеет ли он на это право. Кажется, он попал к вам еще ребенком, Цукку-сан? Ведь не может быть самурая без мечей, правда? Урага-но Тадамаса, конечно, самурай, хотя и состоял в обучении у чужеземных священников целых двадцать лет. Наш господин принял мудрое решение.

– Что же будет с ним?

– Я передам его господину Хиромацу. Может быть, господин Хиромацу отошлет его обратно к дяде, чтобы тот решил его судьбу. Может быть, он останется с нами. Я только повинуюсь приказам, Цукку-сан. – Отец Алвито хотел поговорить с Жозефом, но Ёсинака вежливо остановил его: – Извините, но мой господин приказал ему держаться одному. Никого рядом. Особенно христиан. До тех пор пока господин Харима не примет решения, сказал мой хозяин. Урага-сан – вассал господина Харимы, правда? Господин Харима тоже христианин, так? Господин Торанага говорит, что с отступниками-христианами должен разбираться даймё-христианин. В конце концов, господин Харима – дядя Урага-сана, глава дома, и это он приказал Урага-сану примкнуть к вам.

Несмотря на запрет, Алвито тем же вечером снова попытался поговорить с Жозефом с глазу на глаз, убедить его покаяться и на коленях просить прощения у отца-инспектора. Однако отступник удалился, не пожелав выслушать его. После этого случая Жозефа всегда отправляли далеко вперед.

«Святая Мадонна, мы должны вернуть его Богу, – мучительно размышлял Алвито. – Что я могу сделать? Может быть, отец-инспектор придумает, как вести себя с Жозефом. Да. И разгадает подоплеку этого невероятного решения Торанаги – подчиниться Совету, решения, которое на тайном совещании было признано невозможным».

– Немыслимо, – сказал тогда дель Акуа. – Это противоречит характеру Торанаги. Он будет воевать. Когда закончатся дожди или даже еще раньше. Если убедит Дзатаки отречься от Исидо и выдать его. Мой прогноз: он будет тянуть время и попытается вынудить Исидо сделать первый шаг – его обычная выжидательная позиция. Так или иначе, пока Кияма и Оноси поддерживают Исидо и Осаку, судьба Канто предreshена, как и участь Торанаги.

– А Кияма и Оноси? Они забудут свою вражду ради общего блага?

– Они все убеждены, что победа Торанаги будет похоронным звоном по Святой церкви. Сейчас, когда Харима принял сторону Исидо, я боюсь, что Торанага – разбитая мечта.

«Опять гражданская война, – думал Алвито. – Брат против брата, отец против сына, деревня против деревни. Андзиро готова к восстанию, вооружена краденными ружьями, как сказал рыбак Уо. И другие страшные новости: тайный мушкетный полк почти готов! Современный, в европейском стиле кавалерийский отряд, более двух тысяч мушкетеров, готовых к войне в японских условиях. О Мадонна, защити истинно верующих и прокляни еретиков!..»

Какая жалость, что у Блэкторна такой неуступчивый нрав. Он мог бы стать ценным союзником. Я никогда не допускал подобного, но это так. Смелый и умный, честный в своей ереси, прямой и бесхитростный. Ему ничего не надо повторять дважды, его память удивительна. Он так много рассказал мне о мире. И о себе самом. Неужели это неправильно? – печально подумал Алвито, повернувшись, чтобы в последний раз махнуть рукой Марико. – Неужели это неправильно – учить врага и учиться у него? Правильно ли закрывать глаза на смертный грех?..»

На третий день после выезда из Ёкосэ брат Мигель поразил его открытием.

– Ты считаешь, что они любовники?

– Что такое Бог, если не любовь? Разве не любви учил Господь наш Иисус? – ответил Мигель. – Я только упомянул, что видел: они ласкают друг друга взглядом, и это прекрасно. Об их телах я ничего не знаю, святой отец, и, честно говоря, меня это не занимает. Но их души касаются друг друга, и через это я, кажется, лучше понял Бога.

– Ты, должно быть, ошибаешься. Она никогда не совершит подобного. Это противоречит ее воспитанию, их законам и законам

Бога. Она истинная христианка. Она знает, что супружеская неверность – страшный грех.

– Да. Но ее брак синтоистский, не освященный перед нашим Господом Богом, так что какая же это супружеская измена?

– И ты сомневаешься в Слове? Ты заражен ересью Жозефа?

– Нет, святой отец, прошу извинить меня, я никогда не сомневался в Слове. Только в том, что сделал человек.

...С тех пор Алвито стал следить за этими двоими. Конечно, они очень нравились друг другу. А почему бы и нет? В этом не было ничего плохого. Почти неразлучные, они учились друг у друга. Женщине велели забыть свою религию, мужчина не знал никакой, кроме налета лютеранской ереси, свойственного, по словам дель Акуа, всем англичанам. Оба сильные, полные жизни люди, однако плохо подходящие друг другу.

На исповеди она не призналась ни в чем. Он не настаивал. Ее глаза сказали ему все и ничего, ничего такого, за что можно было осудить. Он слышал, как объясняет дель Акуа: «Мигель, должно быть, ошибся, ваше преосвященство». – «Но она совершила грех супружеской измены? Были какие-нибудь доказательства?» – «К счастью, никаких доказательств».

Алвито натянул поводья и, мгновенно обернувшись, увидел, что она стоит на пологом склоне, капитан разговаривает с Ёсинойкой, а старая сводня и ее раскрашенная блудница лежат в своем паланкине. Ему мучительно хотелось спросить: «Вы блудили с капитаном, Марико-сан? Еретик обрек вашу душу на вечную муку? Вы, которой предстояло стать монахиней, а может, нашей первой местной аббатисой? Вы живете в мерзком грехе, в позоре, не исповедуетесь, скрывая свои прегрешения от духовника, и тем самым оскверняете себя перед Богом?»

Он видел, как она махнула ему рукой, но на сей раз сделал вид, что не заметил, вонзил шпоры в бока лошади и заторопился прочь.

Той ночью их сон был нарушен.

– Что это, любовь моя?

– Ничего, Марико-сан. Спи.

Но она не уснула, он тоже. Намного раньше обычного она ускользнула обратно в свою комнату, а он встал, оделся, сел во дворе и

читал словарь при свечах до самого рассвета. Когда взошло солнце и потеплело, ночные страхи рассеялись, и они мирно продолжили свое путешествие. Вскоре обоз дотащился до великого прибрежного пути Токайдо, восточнее Мисимы. Движение здесь заметно оживилось. Больше всего, как всегда, попадалось пеших путников с котомками за спиной. Иногда встречались вьючные лошади, и совсем не было повозок.

– О, повозки – это что-то с колесами, да? В Японии ими не пользуются, Андзин-сан. Наши дороги слишком крутые и все время пересекают реки и ручьи. К тому же колеса портят поверхность дороги, так что пользоваться повозками запрещено для всех, кроме императора, да и он проезжает несколько церемониальных ри в Киото по специальной дороге. Нам они не нужны. Как мы поедем на колесах через ручьи и реки? Их много, слишком много, чтобы через каждую перекинуть мосты. По дороге отсюда до Эдо путник должен пересечь шестьдесят речушек и рек, Андзин-сан. Сколько мы уже преодолели? Дюжину, да? Нет, мы все путешествуем пешком или в седле. Конечно, лошадей и особенно паланкины могут иметь только важные люди, даймё и самураи, да еще не всякие самураи.

– Что? Вы не вправе нанять паланкин, даже если имеете деньги?

– Нет, если не позволяет положение в обществе, Андзин-сан. Это очень мудрое правило. Вы так не думаете? На лошади или в паланкине могут путешествовать лекари, а также очень старые или очень больные люди, которые имеют письменное разрешение своего сюзерена. Паланкинами и лошадьми не дозволено пользоваться крестьянам или простолюдинам, Андзин-сан. Это может приучить их к праздности, правда? Им полезнее ходить пешком.

– И знать свое место. Да?

– О да. Но это все делается для поддержания мира, порядка и внутренней гармонии, *ва*. Только купцы могут сорить деньгами, а кто они такие, как не паразиты, которые ничего не создают, ничего не выращивают, ничего не делают, а только кормятся за счет чужого труда? Конечно, они должны ходить пешком. Это очень мудро.

– Я никогда не видел так много людей на дорогах, – поделился Блэкторн.

– О, это пустяки. То ли еще будет, когда мы приблизимся к Эдо. Мы любим путешествовать, Андзин-сан, но редко делаем это в одиночку.

Мы предпочитаем странствовать в обществе других людей.

Но толпы народа не мешали их продвижению. Герб Торанаги на флажках, личный герб Тода Марико и старательность Акиры Ёсинаки, а также гонцы, которых он отправлял вперед, обеспечивали им лучший ночлег на лучших постоянных дворах, а также беспрепятственный проезд. Все другие путники, даже самураи, сразу же с поклоном уступали им путь.

– Они всегда так останавливаются и кланяются?

– О нет, Андзин-сан. Только при появлении даймё и важных персон. И самураев. Да, это мудрый образ действий для простолюдинов. Что случилось бы с законами, с государством, если бы простой народ не уважал самураев и самих себя? И потом, это касается всех. Мы останавливаемся и кланяемся, уступая дорогу посланцу императора, разве не так? Все должны быть вежливыми, правда? Даймё более низкого ранга обязан спешиться и поклониться более важным даймё. Обычай правит всей нашей жизнью.

– А если, скажем, встретятся два даймё одного ранга?

– Тогда оба должны спешиться, одновременно поклониться и следовать дальше своим путем.

– А что, если встретятся господин Торанага и господин Исидо?

Марико незаметно перешла на латынь:

– Кто это, Андзин-сан? Не поминай этих имен. Только не сегодня, между нами.

– Ты права. Пожалуйста, прости меня.

– Послушай, любимый, давай поклянемся, что не покинем нашего тайного мира, пока не достигнем Эдо. До первого моста. Разумеется, если нам улыбнется Мадонна и мы благополучно выберемся из Мисимы. Давай?

– Какая опасность может подстергать нас в Мисиме?

– Там Ёсинака-сан должен подать рапорт господину Хиромацу. Мне также предстоит встреча с ним. Мой свекор – мудрый человек, он всегда настороже. Нам будет очень трудно провести его.

– Мы должны быть осторожны. Давай молить Бога, чтобы твои страхи оказались безосновательными.

– О себе я не беспокоюсь – только о тебе.

– А я о тебе.

– Давай сделаем вид, что наш мир – единственная реальность.

– Вот и Мисима, Андзин-сан, – объявила Марико.

Низкий утренний туман скрывал едва ли не весь вытянутый в длину город-крепость, где проживало почти шестьдесят тысяч человек. Сквозь туман виднелись только несколько крыш и каменный замок. За ним вставали горы, понижающиеся к морю на западе. Далеко на северо-западе вырисовывалась величественная гора Фудзи. На севере и востоке горные хребты возносились почти до неба.

– Что теперь?

– Сейчас Ёсинака найдет самый хороший постоянный двор на расстоянии не более десяти ри, и мы остановимся там на два дня. Это самое большое, что могут потребовать мои дела. Гёко и Кику-сан покинут нас на это время.

– А дальше?

– Дальше мы поедem. Что подсказывает ваше чутье? Не ожидают ли нас бури в Мисиме?

– Никаких бурь, – ответил он. – А что будет потом, после Мисимы?

Она нерешительно показала рукой на северо-восток:

– Потом мы поедem этой дорогой. Там есть извилистый проход, который взбирается через горы к Хаконэ. Это самая тяжелая часть пути. Потом дорога спускается к городу Одавара, который намного больше Мисимы, Андзин-сан. Это уже на побережье. Добраться оттуда до Эдо – только вопрос времени.

– Сколько его у нас?

– Недостаточно.

Глава 46

Тода Хиромаци принял из рук Марико личное послание Торанаги и сломал печати. В свитке коротко сообщалось о произошедшем в Ёкосэ. Торанага подтверждал, что намерен предстать перед Советом регентов. Хиромаци предписывалось до прибытия господина охранять от любого вторжения границы и перевалы, открывающие дорогу в Канто. Но пропускать беспрепятственно любых посланцев Исидо или гонцов с востока и даже оказывать им всяческое содействие. Кроме того, свиток содержал распоряжения относительно отступника-христианина и Андзин-сана.

– А теперь расскажите мне все касающееся господина Торанаги, что видели и слышали в Ёкосэ.

Марико исполнила просьбу.

– Скажите мне, что вы думаете обо всем этом.

Марико опять подчинилась.

– Что случилось между вами и моим сыном во время тя-но-ю?

Она в точности передала, что происходило.

– Мой сын сказал, что наш господин потерпит поражение? *Перед* второй встречей с господином Дзатаки?

– Да, господин.

– Вы так думаете?

– О да, господин.

В комнате на самом верху главной замковой башни, которая господствовала над всем городом, наступило долгое молчание. Хиромаци встал и подошел к бойнице в толстой каменной стене, ему было трудно держать меч – боль в спине и суставах ослабляли хватку Железного Кулака.

– Я не понял.

– Что?

– Ни моего сына, ни нашего господина. Мы можем разбить Исидо, какое бы войско он ни двинул против нас. А что касается решения предстать перед Советом регентов...

Она играла веером, любуясь вечерним, усыпанным звездами небом. Хиромаци внимательно посмотрел на нее:

– Вы очень хорошо выглядите, Марико-сан, будто помолодели. В чем секрет?

– У меня нет никаких секретов, господин, – ответила она хрипло, потому что горло вдруг пересохло.

Она ждала, что мир сейчас разлетится вдребезги, но опасное мгновение миновало, и старик снова обратил свой пронизательный взор на город, раскинувшийся внизу.

– А теперь расскажите мне, что случилось с тех пор, как вы уехали из Осаки. Все, что вы видели, слышали, в чем принимали участие, – потребовал он.

Она закончила свой рассказ далеко за полночь. Изложила все обстоятельно и точно, за исключением того, как далеко зашли ее отношения с Андзин-саном. Даже здесь она была достаточно осторожна, чтобы не скрывать своего восхищения им, его умом и смелостью. Или того, как его ценит Торанага.

Тем временем Хиромацу продолжал расхаживать по комнате – движение облегчало боль. Все совпадало с отчетами Ёсинаки и Оми – даже тирада, которую выдал Дзатаки перед тем, как спешно отбыл в Синано. Теперь Железный Кулак понял многое из того, что раньше было ему неясно, и получил достаточно сведений, чтобы принять обоснованное решение. Кое-что из рассказанного Марико возмутило его и даже заставило еще сильнее невзлюбить сына, он мог понять, что двигало Бунтаро, но не принимал этого в расчет. Что-то возмущало его и в чужеземце, а кое-что заставляло им восхищаться.

– Вы сами видели, как он вытолкнул нашего господина на безопасное место?

– Да. Господин Торанага давно был бы уже мертв, господин, если бы не он. Я совершенно уверена. Он три раза спасал нашего господина: при бегстве из Осацкого замка, на борту галеры в гавани Осаки и во время землетрясения. Я видела мечи, которые выкопал Оми-сан. Они были изогнуты, как лапша, и никуда не годились.

– Вы думаете, Андзин-сан действительно мог совершить сэппуку?

– Да. Клянусь своим христианским Богом, я считаю, что он принял такое решение. Только Оми-сан помешал ему. Господин, я считаю, он достоин звания самурая и хатамото.

– Я не спрашивал вашего мнения.

– Прошу простить меня, господин, конечно, вы не спрашивали. Но этот вопрос все еще крутится у вас в голове.

– Вам мало наставлять этого капитана – вы беретесь читать чужие мысли?

– О нет, пожалуйста, извините меня, господин, конечно нет. – Она постаралась придать самый искренний тон своему голосу. – Я только старалась ответить главе нашего рода в меру моих скромных способностей. Интересы нашего господина для меня на первом месте. Ваши – на втором.

– А это так?

– Пожалуйста, извините меня, но нет необходимости спрашивать. Отдайте приказ, господин, я все выполню.

– Почему вы такая гордая, Мариико-сан? – спросил он испытующе.

– Прошу извинить меня, господин. Я была груба. Я не заслужила такого...

– Я знаю! Никто из женщин не заслужил! – Хиромацу хохотнул. – Но бывают времена, когда мы нуждаемся в вашей женской холодной, жестокой, злобной, изощренной, практичной мудрости. Вы, женщины, намного умнее нас, правда?

– О нет, господин, – пролепетала она, соображая, что у него на уме.

– Я признаю это только потому, что мы сейчас одни. Если повторить такое перед всеми, люди скажут, что Железный Кулак выжил из ума, что ему пора распрощаться с мечами, обрить голову и возносить молитвы Будде, вымаливая прощения за смерть людей, чьи души он отправил в «великую пустоту». И они будут правы.

– Нет, господин. Ваш сын был прав. Пока наш господин не закончил свои дни, вы не можете отступить. Ни вы, ни господин, мой муж. Ни я.

– Да, но все равно я был бы очень рад сложить оружие и молиться, чтобы Будда упокоил меня и всех, кого я убил.

Некоторое время он всматривался в темноту ночи, ощущая груз лет, потом снова взглянул на Мариико. На нее было приятно смотреть, приятней, чем на любую другую женщину из тех, кого он знал.

– Что?

– Ничего, Мариико-сан. Я вспомнил, как впервые увидел вас.

Это случилось, когда Хиромацу тайком заложил душу Городе, чтобы заполучить изящное, неземное существо в жены сыну, тому

самому сыну, что зарубил собственную мать, единственную женщину, которую по-настоящему любил Хиромацу.

«Почему я добивался для него Марико? Потому что хотел досадить тайко, который тоже домогался ее. Досадить противнику, и ничего более. А была ли неверна мне моя наложница? – спросил себя старик, бередя старую рану. – О боги, когда предстану перед вами, я потребую ответа и на этот вопрос. Я хочу знать, да или нет! Я требую правды! Я думаю, это ложь, но Бунтаро сказал, что застал ее наедине с мужчиной, растрепанную, в кимоно без пояса, задолго до моего возвращения. Это могла быть ложь. Или правда? Это должна быть правда. Разве мой сын отрубил бы голову своей матери, если бы не был уверен?»

Марико разглядывала морщины, избородившие лицо Хиромацу, его кожа натянулась, местами шелушилась от возраста. Но в руках, в развороте плеч еще чувствовалась былая сила.

«О чем вы думаете? – вертелось у нее на языке. Ей нравился этот человек. – Вы все-таки видите меня насквозь? Вы знаете обо мне и Андзин-сане? Вы догадались, что я трепещу от любви к нему? Что, если мне придется выбирать между ним, вами и Торанагой, я выберу его?»

Хиромацу стоял у бойницы и смотрел на город, пальцы его поглаживали ножны и рукоятку меча, он совсем забыл о ней. Хиромацу задумался о Торанаге и о том, что несколько дней назад бросил ему в лицо Дзатаки с негодованием, которое он разделял.

– Да, конечно, я хочу завоевать Канто, и вывесить мое знамя на стенах замка в Эдо, и сделать его своим. Я никогда не хотел этого раньше, но теперь хочу, – признался Дзатаки. – Но таким путем? Это не сделает чести ни моему брату, ни вам, ни мне! Никому! Кроме Исидо, крестьянина, который ее не заслуживает.

– Тогда поддержите господина Торанагу. С вашей помощью Тора...

– Зачем? Чтобы мой брат стал сёгуном и уничтожил наследника?

– Он сто раз говорил, что поддерживает наследника. И я ему верю. Нами будет править Миновара, а не выскочка-крестьянин и ведьма Отиба. Если умрет Торанага, эти глупцы будут хозяйничать в стране восемь лет, пока Яэмон не достигнет совершеннолетия. Почему не дать господину Торанаге восемь лет? Он – Миновара! Он тысячу раз говорил, что передаст власть Яэмону. Где у вас мозги, в заднице? Торанага не враг вам или Яэмону!

– Ни один Миновара не преклонял колен перед крестьянином! Он наплевал на честь, свою и всех нас. Вашу и мою!

Они осыпали друг друга бранью, проклятиями и даже чуть не подрались, поскольку беседовали вдали от посторонних глаз.

– Ну давай! – издевался он над Дзатаки. – Вытаскивай свой меч, предатель! Ты предал брата, главу рода!

– Я глава собственного рода. У нас одна мать, а не отец. Отец Торанаги с позором прогнал мою мать. Я не буду помогать Торанаге, но, если он отречется и вспорет себе живот, поддержу Судару...

«В этом нет нужды, – сказал себе нынешней ночью Хиромацу, все еще разъяренный. – Не стоит делать этого, пока я жив, или смиренно покоряться. Я главнокомандующий. Мой долг – защищать честь и дом моего господина, даже от него самого. Так что я решил.

Пожалуйста, извините меня, господин, но на сей раз я ослушаюсь. На сей раз я обману. Я объединюсь с вашим сыном и наследником, господином Сударой, и его женой, госпожой Гэндзико. Вместе мы объявим „малиновое небо“, как только прекратятся дожди, и начнем войну. Я запру вас в замке Эдо и буду защищать, что бы вы ни говорили, чего бы то ни стоило, пока последний человек в Канто не падет в битве с врагом».

Гёко была рада вновь оказаться дома, в Мисиме, среди своих девушек и конторских книг, счетов, долговых расписок, заемных писем.

– Вы хорошо поработали, – похвалила она своего главного счетовода.

Сморщенный человечек благодарно откланялся и захромал домой, а мама-сан с угрожающим видом повернулась к главному повару:

– Тринадцать серебряных *тёгинов*, двести медных *моммэ* за еду на одну неделю?

– О, пожалуйста, извините меня, хозяйка, из-за слухов о войне цены взлетели до небес, – повел наступление толстый повар. – На все: рыбу, рис, овощи. Даже соевый соус вздорожал вдвое за последний месяц, а sake и того больше. А ты работай и работай в душной горячей кухне, которую давно пора перестроить. Дорого! Ха! За одну неделю я накормил сто семьдесят два гостя, десять куртизанок, одиннадцать голодных учениц, четырех поваров, шестнадцать служанок и

четырнадцать слуг! Прошу извинить меня, хозяйка, но моя бабушка очень больна, так что я вынужден взять отпуск на десять дней...

Гёко начала аккуратно рвать на себе волосы – так, чтобы показать всю глубину своего отчаяния, но не испортить внешность. Затем отослала его, сказав, что разорена, уничтожена, что, лишившись такого прекрасного главного повара, принуждена будет закрыть самый известный чайный домик в Мисиме, что по его вине ей придется выкинуть на снег всех этих преданных девушек и честных, но несчастных слуг.

– Не забывай, что надвигается зима! – выкрикнула она напоследок.

Потом, оставшись в одиночестве, сопоставила доходы с расходами, и выяснилось, что доходы вдвое превысили ее ожидания. Саке показалось ей вкуснее обычного. Да, цены на продукты подскочили, но то же случилось и со спиртным. Она сразу же написала сыну в Одаварау, где у нее был винокурный заводик, и приказала удвоить выпуск саке. Потом разобралась в неизбежных ссорах девушек, выгнала трех, четырех наняла, отправила человека за сводней и подписала контракты с семьёй куртизанками, которые ей очень нравились.

– И когда бы вы хотели принять этих почтенных дам, Гёко-сан? – жеманно улыбнулась старуха, радуясь щедрым комиссионным.

– Сейчас же! Ну, давай поторопись!

После этого она позвала застройщика и обсудила с ним планы расширения чайного домика, чтобы было где разместить новых подопечных.

– Наконец-то выставлен на продажу участок на Шестой улице, госпожа. Хотите, чтобы я приобрел его сейчас?

Несколько месяцев Гёко ждала этого, но сейчас замотала головой и велела застройщику подыскать четыре *тё*^[41] пустующих земель на холме к северу от города.

– Но не делай этого сам, используй посредников. Не жадничай. И я не хочу, чтобы стало известно, что земля покупается для меня.

– Но четыре *тё*? Это...

– По меньшей мере четыре, может быть, и пять, через пять месяцев, но только выбери... понимаешь? Их надо будет записать на этих людей.

Она передала ему список доверенных лиц, через которых требовалось совершить сделку, и поспешила выпроводить застройщика, в мыслях своих уже видя обнесенный стенами квартал в пределах процветающего города. От радости Гёко даже рассмеялась.

После этого она побеседовала с каждой куртизанкой, кого похвалила, кого побранила, ругалась и плакала. Некоторых повысила в классе, некоторых понизила, соответственно пересмотрев цены на их услуги. В самый разгар этих хлопот явился Оми.

– Извините, но Кику-сан плохо себя чувствует, – сказала мама-сан. – Ничего серьезного. На ней, бедняжке, плохо сказываются перемены погоды.

– Я настаиваю на том, чтобы увидеться с ней.

– Извините, Оми-сан, но вы, конечно, не настаиваете? Кику-сан принадлежит вашему сюзерену, не так ли?

– Я знаю, кому она принадлежит! – вскричал Оми. – Я хочу видеть ее, только и всего.

– О, извините, разумеется, вы имеете полное право кричать и ругаться. Извините, пожалуйста. Но, простите, она нездорова. Загляните сегодня вечером, или, может быть, позднее, или завтра. Что я могу поделаться, Оми-сан? Если ей станет лучше, может быть, я извещу вас. Если вы скажете, где остановились...

Он назвал ей адрес, поняв, что ничего не добьется, и выскочил из чайного домика, желая разнести в щепки всю Мисиму.

Гёко надолго задумалась об Оми. Потом послала за Кику и сообщила, что наметила для нее на два вечера в Мисиме.

– Может быть, нам удастся убедить нашу госпожу Тода отложить отъезд на четыре-пять дней, дитя. Я знаю с полдюжины мужчин, которые отвалят сказочные деньги за то, чтобы ты скрасила им вечер. Ха! Теперь, когда такой великий даймё выкупил твой контракт, никто не осмелится тронуть тебя, ни разу, так что ты сможешь только петь, танцевать и представлять пантомимы. Ты станешь нашей первой *гэйся*!

– А бедный Оми-сан, хозяйка? Я не помню случая, чтобы он так злился. Уж извините, но он так кричал на вас.

– Ха! Что такое его крики, когда ты теперь наложница великого даймё, наибогатейшего поставщика риса и шелка. Сегодня вечером я сообщу Оми, где ты будешь петь в последний раз, но предупрежу, что ему придется подождать. Я устрою его в соседней комнате. Ожидая, он

выпьет очень много саке, а обслужит его Акико. Потом нелишне будет спеть ему одну-две печальные песни – у нас нет еще полной уверенности насчет Торанага-сама, правда? Мы пока не получили очередного взноса, не говоря уже об окончательном расчете.

– Пожалуйста, извините меня, но, может, лучше выбрать Тёко? Она красивее, моложе и приятнее. Я уверена, он останется доволен.

– Да, дитя, но Акико сильная и очень опытная. Когда мужчинами овладевает безумие такого рода, они все становятся очень грубыми. Грубее, чем ты можешь вообразить. Оми-сан не исключение. Я не хочу, чтобы Тёко пострадала. Акико любит опасность, умеренное насилие ее только подстегивает. Она вынет жало из его «прекрасного шипа». Теперь поторопись, надень свое лучшее кимоно и воспользуйся самыми хорошими духами.

Кику ушла готовиться, а Гёко заторопилась отдать распоряжения по дому. Управившись с этим и всем остальным – даже с официальным приглашением на чай восьми самых влиятельных мамасан в Мисиме для обсуждения одного крайне важного дела, – она с удовольствием окунулась в ванну: «Ах!»

Наконец, в нужное время, прекрасный массаж. Духи, сурьма и белила, прическа, новое просторное кимоно редкого жатого шелка. Потом в назначенный час явился ее любовник. Это был школяр восемнадцати лет, сын обедневшего самурая, по имени Инари.

– О, как вы прекрасны! Я сразу кинулся сюда, как только от вас принесли записку, – сказал он с придыханием. – Удачно ли вы съездили? Я так рад, что вы вернулись! Благодарю вас за подарки – меч прекрасен, кимоно тоже! Как вы добры ко мне!

«Да, я добра», – согласилась она про себя, хотя вслух это отрицала. Скоро она уже лежала рядом с ним, потным и вялым. «Ах, Инари, – дивилась она, – твой „прозрачный пест“ совсем не такой, как у Андзин-сана, но то, что ты недобрал в размере, восполняется ошеломляющей энергией!»

– Почему ты смеешься?! – спросил он сонно.

– Потому что ты сделал меня счастливой, – вздохнула она, радуясь, что ей повезло получить изрядное образование.

Она весело щебетала, осыпая его похвалами и ласками, пока он не уснул; ее руки и голос, привычные к таким вещам, легко помогли им

достичь желаемого. Мыслями она была далеко. Она размышляла о Марико и ее любовнике, обдумывая разные хитрые ходы.

«Какой силы должен быть нажим на госпожу Тода? И кому их можно выдать? Кем пригрозить? Очень осторожно, конечно. Торанагой, Бунтаро или кем-нибудь еще? Христианским священником? Какая в этом выгода? Или господином Киямой? Ведь любой скандал, связывающий благородную госпожу Тода с чужеземцем, расстроит брак ее сына с внучкой Киямы. Сделает ли ее сговорчивой угроза разоблачения? Или оставить все как есть? Может, это сулит какие-то выгоды.

Жаль Марико. Такая красивая женщина! Могла бы стать прекрасной куртизанкой. Жаль и Андзин-сана. О, он так умен – на нем можно было бы неплохо пожить.

Как мне с умом использовать их тайну, чтобы извлечь выгоду до того, как они погибнут?

Будь осторожной, Гёко! – предостерегла она себя. – Осталось совсем немного времени, чтобы с пользой распорядиться новыми секретами. Например, о ружьях и снаряжении, припрятанном крестьянами в Андзиро. Или о мушкетном полку: его численности, командирах, организации и количестве ружей. Или о Торанаге, который той ночью в Ёкосэ от души порезвился с Кику: сто проникновений с силой тридцатилетнего мужчины в классическом ритме – шесть мелких толчков, пять глубоких. Потом он спал как ребенок. Разве так ведет себя человек, которого гложет тревога, а?

А как мучился этот девственник с тонзурой? Голый повалился на колени, чтобы выпросить у христианского Бога прощения за то, что собирался согрешить с девушкой. И замолить другой грех, настоящий, который совершил в Осаке, выдав тайну исповеди прокаженного господину Хариме. Пригодится это Торанаге? Бесконечные излияния о том, что шептали ему на исповеди, затем молитва с плотно закрытыми глазами, прежде чем бедный глупец неумело развел бедра девушки и излился раньше времени, как грязная ночная тварь. Столько ненависти, такие корчи стыда, настоящая агония...

А как быть с тем, что второй повар Оми сболтнул служанке, та – своему любовнику, а этот последний – Акико? Повар подслушал, как Оми и его мать сговаривались убить Касиги Ябу, их сюзерена. Ха! Выдать этот секрет – все равно что выпустить кошку среди голубей

Ябу! Может, эту тайну – про Оми и Ябу – предложить Дзатаки? Или шепнуть Торанаге? А слова Дзатаки, которые тот пробормотал во сне? Девушка запомнила их и пересказала мне на следующий день за целый серебряный тэгин. Оказывается, господин Исидо и госпожа Отиба едят вместе и спят вместе. Дзатаки сам слышал их стоны и крики, как будто ян пронзал инь! – Гёко состроила брезгливую мину. – Удивительно, правда? Такие важные персоны!

И еще одно удивительное обстоятельство: достигая „облаков“ и „дождя“, а также несколько раз до этого господин Дзатаки называл девушку Отибой. Любопытно, правда?

Не запоеет ли столь желанный всем Дзатаки другую песню, если Торанага предложит ему в награду самую Отибу?»

Гёко хихикнула, радуясь тому, что мужчины легко изливают самые поразительные тайны вместе со своим «отрадным соком».

– Он изменится, – пробормотала она уверенно. – О да, очень.

– Что?

– Ничего-ничего, Инари-тян. Сладко ли тебе спалось?

– Что?

Она улыбнулась и позволила ему снова уснуть. Потом, когда он собрался с силами, стала ласкать его руками и губами, доставляя наслаждение и наслаждаясь.

– А где сейчас англичанин, святой отец?

– Я точно не знаю, Родригес. Должно быть, на одном из постоянных дворов к югу от Мисимы. Я послал слугу узнать, где именно. – Алвито подобрал остатки подливки хлебной коркой.

– Когда вы будете знать?

– Завтра наверняка.

– Мне хотелось бы повидать его еще раз. Он в порядке? – спокойно спросил Родригес.

– Да.

Судовой колокол ударил шесть раз. Три часа дня.

– Он рассказывал вам, что случилось с ним после отъезда из Осаки?

– Я узнал кое-что. От него и от других. Это длинная история, есть что порассказать. Сначала разберусь с письмами, а потом поговорим.

Родригес откинулся на спинку стула в своей маленькой каюте на корме.

– Хорошо. Очень хорошо. – Он посмотрел в резко очерченное лицо иезуита, пронзительные карие глаза с желтыми крапинками. Кошачьи глаза. – Послушайте, отец, – начал он, – англичанин спас мне жизнь и корабль. Конечно, он враг, еретик, но это капитан, один из лучших в мире. Ничего нет плохого в том, чтобы уважать врага, особенно такого, как он.

– Господь наш Иисус простил своих врагов, тем не менее они распяли Его. – Алвито спокойно выдержал взгляд капитана. – Но мне он тоже нравится. По крайней мере, я хорошо понимаю его. Давайте пока оставим его на какое-то время.

Родригес кивнул, соглашаясь. Он заметил, что тарелка священника пуста, потянулся через стол и подвинул к нему поближе большое блюдо:

– Отец, здесь осталось еще немного каплуна. Хотите хлеба?

– Спасибо. Не откажусь. Я и не понимал, как голоден. – Священник с удовольствием отломил еще одну ножку каплуна, взял резаного шалфея и лука, а также хлебных крошек, которыми была нафарширована птица, потом полил все это остатками густого соуса.

– Вина?

– Да, спасибо.

– А где остальные ваши люди, отец?

– Я оставил их на постоялом дворе около порта.

Родригес выглянул в иллюминатор, который выходил в сторону Нумадзу, пристани и порта: справа по борту виднелось устье реки Кано, где вода была темнее, чем в море. Взад-вперед сновали рыбацкие лодки.

– Этот ваш слуга, которого вы послали, святой отец, – ему можно доверять? Вы уверены, что он найдет нас?

– О да. Они, конечно, пробудут там по крайней мере два дня. – Алвито решил не говорить о том, что заподозрил, а точнее, о том, что заподозрил брат Мигель, поэтому ограничился тем, что добавил: – Не забывайте: они путешествуют с большой pompой. Тогда Мариико занимает высокое положение, и гербы Торанаги еще чего-то да значат, их везде принимают с почетом. Весть об их прибытии разнесется на четыре мили вокруг – что да как, да где остановились.

Родригес рассмеялся:

– Англичанин в почете? Кто поверит в такое? Как какой-нибудь сифилитичный даймё!

– Не совсем так, капитан. Торанага сделал его самураем и хатамото.

– Что?!

– Теперь капитан Блэкторн носит два меча. И пистолеты. Он теперь доверенное лицо Торанаги, в какой-то мере и его протее.

– Англичанин?

– Да. – Алвито умолк и продолжал есть.

– Вы знаете почему? – не отставал Родригес.

– Да, отчасти. Ему повезло, капитан.

– Расскажите! Хотя бы вкратце, подробности оставим на потом.

– Андзин-сан спас Торанаге жизнь, даже три раза. Дважды во время бегства из Осаки, последний раз в Идзу во время землетрясения. – Алвито с удовольствием обгладывал мясистое бедрышко каплуна. Капли сока стекали по его черной бороде.

Родригес ждал продолжения, но священник больше не проронил ни слова. Взгляд моряка опустился на бокал, который он грел в руках. Поверхность густого красного вина тускло поблескивала. После долгой паузы он произнес:

– Для нас очень плохо, что этот чертов англичанин втерся в доверие к Торанаге. Нам этого совсем не надо. Верно?

– Я с вами согласен.

– И все равно, мне бы хотелось повидаться с ним.

Священник помалкивал. Родригес дал ему подчистить содержимое тарелки, предложил еще, веселость покинула его. Покончив с крылышком, священник выпил еще один бокал вина. Потом достал из буфета бутылку прекрасного французского коньяка и плеснул себе немного.

– Родригес? Не хотите рюмочку?

– Благодарю вас.

Моряк следил за тем, как Алвито наливает орехово-коричневый напиток в хрустальный сосуд. Вино и коньяк прислал святому отцу из личных запасов отец-инспектор, сказавший при этом: «Конечно, Родригес, вы тоже можете отдать им должное вместе с отцом Алвито. Ступайте с Богом! Пусть Он присмотрит за вами и поможет

благополучно вернуться в порт, домой». – «Благодарю вас, ваше преосвященство».

«Да, благодарю, но не за то, – горько подумал Родригес, – что приказали генерал-капитану послать меня на эту проклятую посудину, под команду иезуита, и вырвали из объятий моей дорогой Грасии. Мадонна, жизнь так коротка, слишком коротка и слишком опасна, чтобы тратить ее на сопровождение этих отвратных священников, даже отца Алвито, самого приличного из них и оттого самого опасного. Мадонна, помоги мне!»

«О! Вы уезжаете, Род-сан? Так быстро? Как жаль...» – «Я скоро вернусь, моя дорогая». – «О, извините... Я буду скучать. И я, и дитя».

На миг он задумался, не взять ли ее с собой на борт «Санта-Филипы», но сразу же отбросил эту мысль: слишком опасно – для нее, для него и для корабля.

«Извини, я скоро вернусь». – «Мы будем ждать, Род-сан. Пожалуйста, простите меня, что я так расстроена, извините».

Хотя и с трудом, коверкая слова, она пыталась говорить на португальском и настаивала, чтобы он называл ее христианским именем Грасия, а не японским Нян-нян, которое так мило звучит и означает Кошечка. Оно очень подходит ей, а главное, гораздо больше нравится ему.

Родригес покинул Нагасаки с тяжелым сердцем, проклиная всех священников и генерал-капитанов. Скорей бы, скорей закончились лето и осень! Скорей бы поднял якоря черный корабль, трюмы которого уже ломаются от слитков! Скорей бы отправиться домой, богатым и независимым! А что потом? Проклятый вопрос, полностью завладевший им. Что будет с ней и ребенком? «Мадонна, помоги мне решить!»

– Прекрасный обед, Родригес, – похвалил Алвито, играя хлебным мякишем.

– На доброе здоровье. – Родригес сразу стал серьезным. – Какие у вас намерения, отец? Мне хотелось бы... – Он остановился на середине предложения и выглянул наружу. Потом, не удовлетворясь этим, встал из-за стола, прохромал к иллюминатору, выходящему на берег, и посмотрел в него.

– В чем дело, Родригес?

– Я подумал, что наступает отлив. Хочу проверить со стороны моря. – Он отодвинул занавеску, но так и не смог разглядеть носовой якорь. – Извините меня, я на секунду, отец.

Родригес вышел на палубу. Вода плескалась о якорную цепь, которая углом поднималась из мутной воды. Никакого движения. Потом появился легкий след, и корабль начал слегка смещаться, занимая новое положение по мере отлива. Он проверил, как стоит судно относительно берега, на месте ли вахтенные. Все было в полном порядке. Ни одной лодки поблизости. День прекрасный, туман давно рассеялся. До берега около кабельтова – достаточно далеко, чтобы не допустить внезапного вторжения на борт, и в стороне от морских путей, ведущих к пристаням.

Его корабль «Санта-Филипа», быстроходный двухмачтовый парусник, оснащенный, как шлюп, имел японский корпус, приспособленный под португальские паруса и такелаж. Такие суда называли *лорча*. На нем имелось четыре бортовых орудия и по два маленьких носовых и кормовых. Команда его состояла из тридцати человек.

Родригес осмотрел город и холмы за ним:

– Пезаро!

– Да, сеньор.

– Приготовь баркас. Я собираюсь попасть на берег еще засветло.

– Хорошо. Он будет готов. Когда вы вернетесь?

– На рассвете.

– Ну и отлично! Я возглавлю тех, кто пойдет на берег, – десять человек.

– Не смей соваться на берег, Пезаро. *Киндзиру!* Мадонна, что с твоими мозгами? – Родригес широко расставил ноги и облокотился о планшир.

– Скверно, что все так маются, – канючил боцман Пезаро, опустив крупные мозолистые руки. – Я поведу людей сам и обещаю, что все будет спокойно. Мы уже две недели сидим здесь, как в клетке.

– Портовые власти сказали: *киндзиру*, так что прости. *Киндзиру* есть *киндзиру*, будь оно неладно! Помнишь? Это тебе не Нагасаки.

– Да, клянусь кровью Христа, очень жаль! – Здоровяк-боцман обиделся. – Подумаешь, прикончили одного японца.

– Одного убили, двух тяжело ранили, тьму народу покалечили, изуродовали девушку, прежде чем самураи остановили побоище. Я предупреждал вас перед выходом на берег: Нумадзу не Нагасаки, ведите себя прилично! Мадонна! Вам повезло, что удалось сбежать, потеряв только одного моряка. Они имели законное право убить вас всех пятерых.

– Их закон, капитан, – это не наш закон. Проклятые обезьяны! Обычный скандал в борделе.

– Да, но его начали вы, власти запретили нам сходить на берег, вы все под арестом. Ты в том числе! – Родригес переставил ногу, чтобы облегчить боль. – Потерпи, Пезаро. Как только святой отец уедет, мы уйдем отсюда.

– С приливом? На рассвете? Это приказ?

– Нет. Пока нет. Пока только приготовь баркас. Со мной поедет Гомес.

– Возьмите меня тоже, а? Пожалуйста, капитан. Сил моих нет торчать на этой проклятой посудине.

– Нет. И не вздумайте сойти на берег сегодня вечером, ты или кто-нибудь из наших.

– А если вы не вернетесь на рассвете?

– Вы будете гнить здесь на якоре, пока я не вернусь. Ясно?

Недовольство боцмана усилилось. Он поколебался, потом буркнул:

– Да, ясно, клянусь Богом!

– Хорошо. – Родригес спустился вниз.

Алвито спал, но проснулся сразу же, как только капитан открыл дверь каюты.

– Ну, все нормально? – спросил он.

– Да. Просто прилив сменяется отливом. – Родригес глотнул немного вина, чтобы отбить противный вкус во рту. Бунт на корабле – чертовски неприятная штука. Если бы Пезаро не повиновался, пришлось бы продырявить ему башку, заковать в кандалы, всыпать пятьдесят линьков, протащить под килем или применить еще одно из ста наказаний, предусмотренных морскими уставами для поддержания дисциплины. Без дисциплины корабль погибнет. – Что дальше, отец? Выходим на рассвете?

– А как с почтовыми голубями?

– Они в хорошей форме. У нас их шесть штук – четыре из Нагасаки, два из Осаки.

Священник посмотрел на солнце. До заката еще четыре или пять часов. Времени для отправки птиц с первым шифрованным сообщением достаточно, он долго его обдумывал: *«Торанага подчинился приказу Совета регентов. Собираюсь в Эдо, потом в Осаку. Буду сопровождать Торанагу в Осаку. Он разрешил строить собор в Эдо. Подробное сообщение переищу с Родригесом».*

– Вы не попросите немедленно подготовить двух птиц для Нагасаки и одну для Осаки? – сказал Алвито. – Потом поговорим. Я не поплыву с вами обратно. Я думаю попасть в Эдо сушей. На это уйдет вся ночь и завтрашний день. А сейчас я сажусь писать подробное сообщение, которое вы отвезете отцу-инспектору и вручите только ему лично в руки. Вы сможете отплыть сразу же, как только я закончу письма?

– Да. Если будет слишком поздно, я подожду до рассвета. Здесь на десять лиг кругом полно отмелей и движущихся песков.

Алвито согласился. Еще двенадцать часов ничего не решат. Было бы намного лучше, если бы он смог сообщить новости прямо из Ёкосэ. Покарай Боже того дьявола, который истребил птиц! «Потерпи, – сказал он себе. – К чему такая спешка? Разве терпение не главное правило нашего ордена? Терпение. Все приходит к тому, кто ждет и работает. Что значат двенадцать часов или даже восемь дней? Они не могут изменить ход истории. Смерть была predetermined еще в Ёкосэ».

– Вы поедете вместе с англичанином? – уточнил Родригес. – Как раньше?

– Да. Из Эдо я отправлюсь в Осаку. Буду сопровождать Торанагу. Мне бы хотелось, чтобы вы сделали остановку в Осаке на случай, если отец-инспектор вдруг окажется там, отправится туда из Нагасаки до вашего приезда или едет туда сейчас. Письмо вы можете отдать отцу Сольди, его секретарю, но только ему.

– Хорошо. Я буду рад уехать. Мне здесь не нравится.

– С Божьей помощью мы можем все тут изменить, Родригес. Если на то будет Божья воля, мы обратим в нашу веру всех здешних язычников.

– Аминь. – Родригес переменял положение ноги, уменьшив нагрузку, и пульсирующая боль в ней сразу прекратилась. Он выглянул в окно, потом нетерпеливо встал. – Я схожу за голубями сам. Пишите свое письмо, потом поговорим. Об англичанине.

Родригес вышел на палубу и выбрал голубей в корзинах. Когда он вернулся, священник уже достал особое перо, не толще иглы на конце, чернила и записывал кодированное послание на тонких листочках бумаги. Скатав листочки в трубку, Алвито вложил их в маленькие патрончики, запечатал контейнеры и выпустил птиц. Все три голубя сделали круг над кораблем, потом цепочкой потянулись на запад, к полуденному солнцу.

– Мы поговорим здесь или спустимся ниже?

– Здесь. Тут прохладнее. – Родригес отослал вахтенного с юта на середину корабля, чтобы тот не мог подслушать.

Алвито устроился в морском кресле.

– Сначала о Торанаге.

Он коротко поведал капитану о том, что случилось в Ёкосэ, опустив историю с братом Жозефом и свои подозрения относительно Марико и Блэкторна. Родригес был не менее его ошеломлен известием о том, что Торанага собрался предстать перед Советом регентов.

– Сложил оружие? Это невозможно! Теперь нам ничто не угрожает, черный корабль вне опасности, Церковь станет богаче, мы разбогатеем... Благодарение Господу, всем святым и Мадонне! Это самая лучшая новость, какую вы только могли принести, отец. Мы в безопасности!

– Если так захочет Бог. Торанага обеспокоил меня одним своим заявлением. Он сказал следующее: «Я могу освободить Андзин-сана. И отдать ему корабль. Со всеми пушками».

Хорошее настроение Родригеса сразу испарилось.

– «Эразм» все еще в Эдо? В распоряжении Торанаги?

– Да. Освобождение англичанина может повлечь серьезные последствия?

– Серьезные? Имея на борту пушки и мало-мальски приличную команду с Блэкторном во главе, эта посудина разнесет черный корабль вдребезги, если застигнет его между Японией и Макао. У нас нет судов сопровождения – только маленький фрегат, который не способен

противостоять «Эразму»! Он сможет танцевать вокруг нас, и мы должны будем спустить флаги.

– Вы уверены?

– Да. Богом клянусь, это будет избиение младенцев! – Родригес сердито стукнул кулаком. – Но подождите! Англичанин сказал, что из его команды уцелело двенадцать человек, и не все моряки – многие купцы, к тому же большинство изнурено цингой. Их слишком мало, чтобы управлять кораблем. Команду он может набрать лишь в Нагасаки или Макао. В Нагасаки ему стоит только кинуть клич – и набегит куча голодранцев. Там есть такие... что лучше бы держать его подальше оттуда и от Макао!

– Ну а если, скажем, он наберет команду из местных жителей?

– Вы имеете в виду головорезов Торанаги? Или вако? Думаете, что после капитуляции Торанаги все его люди станут ронинами, да? Если у англичанина будет достаточно времени, он сумеет обучить их. С легкостью. Боже мой... Прошу меня извинить, отец, но если англичанин рекрутирует самураев или вако... Нельзя так рисковать – он слишком опасен. Мы все видели это в Осаке! Дать ему полную свободу в этой проклятой Азии с самурайской командой...

Алвито следил за Родригесом, еще более озабоченный.

– Я думаю, следует послать еще одно сообщение отцу-инспектору. Он должен знать. Вдруг это окажется очень серьезно. Он придумает, что делать.

– Я знаю, что делать! – Родригес с размаху грохнул кулаком по плану, вскочил и повернулся к борту спиной. – Слушайте, отец, слушайте мою исповедь! В первую ночь – самую первую ночь – на галере, когда мы вышли из Андзиро в море, он стоял рядом со мной возле борта. Сердце тогда подсказывало мне, что его нужно убить. И еще раз, во время шторма. Господи Иисусе, помоги мне! Я послал этого сукина сына на нос и умышленно отклонился по ветру без предупреждения, чтобы утопить его, – он не был привязан страховочным концом, но англичанин не упал за борт, как случилось бы с любым другим. Я подумал, это перст Божий, и еще больше укрепился в уверенности, когда позже он выказал себя умелым рулевым и спас мой корабль. И потом, когда судно оказалось в безопасности, а меня смыло волной и я пускал пузыри, моей последней мыслью было, что это Божья кара за попытку его убить.

«Ты не должен был так поступать с капитаном – он никогда бы так не поступил!» Я заслужил это. А после, когда я остался жив, а он склонился надо мной, чтобы дать мне напиток, я был пристыжен, и снова просил прощения у Бога, и клялся, дал священный обет помочь ему. Мадонна! – Он запнулся, испытывая сильнейшие душевные муки. – Этот человек спас меня, несмотря на то что я неоднократно пытался его убить. Я видел это по его глазам. Он спас меня, помог выжить, а сейчас я собираюсь его уничтожить.

– Почему?

– Генерал-капитан был прав: только чудо спасет нас, если англичанин выйдет в море на «Эразме», вооруженный, с мало-мальски приличной командой.

Блэкторн и Мариико спокойно спали в ночной тиши маленького домика, одного из множества строений, составлявших постоялый двор «Камелии» на Девятой Южной улице. В каждом таком домике было по три комнаты. Мариико вместе с Тиммоко занимали одну комнату, Блэкторн – другую, а третья, которая имела выходы на веранду и улицу, пустовала, выполняя роль столовой и гостиной.

– Вы думаете, это безопасно? – тревожился Блэкторн. – Не лучше ли, чтобы здесь спали Ёсинака, служанки или охрана?

– Нет, Андзин-сан. На самом деле нет никакой опасности. Будет приятно побыть одним. Этот постоялый двор считается самым красивым в Идзу. Здесь чудесно, не правда ли?

Это было правдой. Каждый маленький домик на сваях окружала веранда, на которую вели четыре ступени, все из прекрасного дерева, отполированного до блеска. Каждая постройка стояла отдельно, в пятидесяти шагах от других, в окружении собственного ухоженного садика, в пределах большого сада, обнесенного высокой бамбуковой стеной. Здесь были устроены ручейки, маленькие прудики с лилиями и водопады, попадалось много цветущих деревьев; одни сильнее пахли днем, другие – ночью, но все распространяли райское благоухание и радовали глаз. Чистые каменные дорожки, заботливо снабженные навесами, вели к ваннам, холодным, горячим и очень горячим, питаемым природными источниками. Разноцветные фонари, вышколенная прислуга, разговаривающая вполголоса, чтобы не заглушать шум деревьев, журчание воды и пение птиц.

– Конечно, я попросила два домика, Андзин-сан, – один для вас и один для меня. К сожалению, свободен был только один. Ёсинака даже поразился, что ему не придется распылять людей. Он поставил часовых на каждой тропинке, так что мы в безопасности, никто нас не побеспокоит, как бывало в других местах. Что плохого в том, что у нас одна комната здесь, одна там, а Тиммоко делит со мной спальню?

– Действительно, ничего. Я никогда не видел такого красивого места. Как вы умны и как красивы!

– А вы так добры ко мне, Андзин-сан. Примем ванну, потом поужинаем – можно будет выпить sake сколько угодно.

– Прекрасная перспектива на вечер.

– Отложите свой словарь, Андзин-сан, пожалуйста.

– Но вы всегда заставляете меня заниматься.

– Если вы отложите вашу книгу, я... я открою вам одну тайну.

– Какую?

– Я пригласила Ёсинака-сана поужинать с нами. И нескольких дам. Чтобы немного развлечься.

– О!

– Да. После того как я уйду, вы выберете себе одну из них, ладно?

– Но это помешает вам спать.

– Обещаю, что я буду спать крепко, любовь моя. Серьезно говоря, перемена пойдет нам на пользу.

– Да, но на следующий год, не сейчас.

– Будьте серьезны.

– Я и так серьезен.

– Ах, в таком случае, если вдруг передумаете, вежливо отошлите ее – после того как Ёсинака уйдет со своей дамой. Кто знает, какой ночной ками может разыскать вас тогда?

– Что?

– Я сегодня ходила по лавкам.

– Да? И что купили?

– Очень интересные вещицы.

Она приобрела набор приспособлений, которые им показывала Кику, и много позже, когда Ёсинака ушел, а Тиммоко караулила на веранде, преподнесла его Блэкторну с низким поклоном. Он принял дар с напускной церемонностью, и они вдвоем подобрали кольцо удовольствия.

– Это выглядит не очень острым, Андзин-сан, да? Вы уверены, что оно подойдет?

– Да, если вы не против, но перестаньте смеяться или все испортите. Уберите свечи.

– Ох нет, пожалуйста! Я хочу посмотреть.

– Ради бога, перестаньте смеяться, Мариико!

– Но вы тоже смеетесь.

– Не важно, погасите свет или... Ну, теперь гляди, что ты наделала...

– Ох!

– Перестань смеяться! Нехорошо прятать голову в футоны... – Позднее, тревожно: – Мариико...

– Да, мой любимый?

– Я не могу найти его.

– Ох! Дай я помогу тебе.

– А, все нормально, нашел. Я лежал на нем.

– Ох, так ты не против?

– Нет, если только чуть-чуть... Ну, не встает. Все из-за этих разговоров, придется подождать. Ладно?

– О, я не против. Это я виновата, что смеялась. Андзин-сан, я люблю тебя, пожалуйста, извини.

– Я тебя прощаю.

– Мне нравится трогать тебя.

– Я никогда не знал ничего подобного твоим прикосновениям.

– Что ты делаешь, Андзин-сан?

– Надеваю его.

– Это трудно?

– Да, перестань смеяться!

– Ой, прости меня, пожалуйста. Может быть, я...

– Перестань смеяться!

– Пожалуйста, прости меня...

Потом Мариико мгновенно уснула, полностью вымотавшись. А Блэкторн нет. Это было прекрасно, но не совершенно. Поглощенный заботой о ней, он скорее доставил удовольствие, чем получил его.

«Да, это было сделано для Мариико, – подумал он с любовью. – Но одно абсолютно точно: я знаю, что полностью удовлетворил ее. В этот раз я совершенно уверен».

Он заснул. Позднее сквозь сон до него донеслись голоса, перебранка, пересыпанная португальскими словами. Сначала он подумал, что грезит, потом узнал голос: Родригес!

Марико что-то пробормотала во сне.

Послышался шум шагов – кто-то шел по тропинке. Он встал на колени, пошатываясь, борясь с охватившей его паникой, поднял ее, словно куклу, подошел к сёдзи и остановился – дверь открыли снаружи. Это была Тиммоко. Служанка потупилась и закрыла глаза. Блэкторн последовал за ней и осторожно положил Марико, все еще полусонную, на одеяла. Затем тихо пробрался обратно в свою комнату. Его бил озноб, хотя ночь была теплой. Блэкторн ощупью нашел свое кимоно и заторопился на веранду. Ёсинака поднялся уже на вторую ступеньку.

– *Нан дэс ка*, Ёсинака-сан?

– *Гомэн насай*, Андзин-сан, – произнес Ёсинака, указал на огни у дальних садовых ворот и добавил много слов, которых Блэкторн не понял.

Основной смысл их сводился к тому, что у ворот стоит чужеземец, который хочет повидать капитана, что гостю велели подождать, а он повел себя как даймё, хотя и не является таковым, заявил, будто не может ждать, и попытался проложить себе путь силой, но его остановили. Чужеземец утверждает, что он друг Андзин-сана.

– Эй, англичанин, это я, Васко Родригес!

– Эй, Родригес! – радостно вскричал Блэкторн. – Все нормально. *Хай*, Ёсинака-сан. *Карэ ва ватаси но ити юдзин дэс*. (Он мой друг.)

– *А, со дэс!*

– *Хай. Домо*.

Блэкторн сбежал по ступеням и устремился к воротам. Позади он услышал голос Марико:

– *Нан дзя*, Тиммоко? – и ответный шепот. После чего она властно позвала: – Ёсинака-сан!

– *Хай*, Тода-сама!

Блэкторн оглянулся. Самурай подошел к лестнице и направился к комнате Марико. Ее дверь была закрыта. Снаружи стояла Тиммоко. Скомканная постель служанки осталась у хозяйского порога, где Тиммоко обычно и спала, потому что госпожа, конечно, не желала ночевать с ней в одной комнате. Ёсинака поклонился двери и начал

рапортовать. Между тем Блэкторн, босой, шел по дорожке, сияя радостной улыбкой и не сводя глаз с Родригеса. Свет факелов играл на серьгах португальца и пряжке его щегольской шляпы.

– О, Родригес! Как хорошо снова повидать тебя. Как нога? Как ты меня отыскал?

– Мадонна, ты вытянулся, англичанин, похудел! Да, сильный, здоровый и ведешь себя как чертов даймё! – И Родригес стиснул Блэкторна в медвежьих объятиях.

– Как твоя нога?

– Болит, дерьмо проклятое, но работает, а нашел я тебя потому, что расспрашивал всех и каждого, где остановился знаменитый Андзин-сан – важный чужестранец, разбойник и негодяй с голубыми глазами!

Они дружно хохотали, обменивались похабными шуточками, не обращая внимания на самураев и слуг, окруживших их. Блэкторн тут же послал за sake и увлек португальца за собой. Они шли вразвалочку, моряцкой походкой. Правая ладонь Родригеса по привычке обнимала рукоять рапиры; большой палец левой руки он держал за широким поясом, поближе к пистолету. Блэкторн был выше на несколько дюймов, но португалец превосходил его шириной плеч и имел более мощную грудную клетку.

Ёсинака ждал на веранде.

– *Домо аригато*, Ёсинака-сан, – поблагодарил самурая Блэкторн и указал Родригесу на подушку. – Давай потолкуем здесь.

Родригес уже занес ногу над ступенькой, но был остановлен Ёсинакой, который вырос перед ним, указал на рапиру и пистолет и вытянул вперед левую руку ладонью вверх:

– *Додзо!*

Родригес нахмурился:

– *Иэ, самурай-сама, домо ари...*

– *Додзо!*

– *Иэ, самурай-сама, иэ!* – повторил Родригес более резко. – *Ватаси юдзин Андзин-сан, нэ?*

Блэкторн выступил вперед, забавляясь неожиданной стычкой.

– Ёсинака-сан, *сиката га най, нэ?* – спросил он с улыбкой. – Родригес юдзин, вата...

– *Гомэн насай*, Андзин-сан. *Киндзиру!* – Ёсинака крикнул что-то повелительное, самураи мгновенно метнулись вперед и обступили

Родригеса. Ёсинака опять протянул руку. – *Додзо!*

– Эти дерьмом набитые шлюхи очень обидчивы, англичанин, – обронил Родригес, широко улыбаясь. – Отошли их, а? Я еще никогда не отдавал своего оружия.

– Подожди, Родригес! – торопливо произнес Блэкторн, чувствуя неладное, потом обратился к Ёсинаке: – *Домо, гомэн насай*, Родригес юдзин, вата...

– *Гомэн насай*, Андзин-сан. *Киндзиру*. – И грубо к Родригесу: – *Има!*

Родригес рявкнул в ответ:

– *Иэ! Вакаримас ка?*

Блэкторн поспешно встал между ними:

– Ну, Родригес, что тут такого, правда? Пусть Ёсинака возьмет оружие. Ничего не поделаешь. Это из-за госпожи Тода Марико-сама. Она здесь. Ты знаешь, как они щепетильны в отношении оружия, когда дело касается даймё и их жен. Мы так проспорим всю ночь. Какая разница?

Португалец заставил себя улыбнуться:

– Конечно, почему бы и нет? *Хай. Сиката га най, самурай-сама. Со дэс!*

Он поклонился с изяществом придворного, но несколько принужденно, отцепил рапиру в ножнах от пояса, вынул из-за него пистолет и протянул охране. Ёсинака сделал знак самураю, который взял оружие и побежал к воротам, где и положил его, встав рядом, как часовой. Родригес начал подниматься по лестнице, но Ёсинака снова вежливо и твердо попросил его подождать. Другой самурай вышел вперед с намерением обыскать гостя. Взбешенный Родригес отскочил назад:

– *Иэ! Киндзиру*, клянусь Богом! Что за...

Самураи налетели на него, крепко схватили за руки и тщательно обыскали. Они нашли маленькую оловянную фляжку и два ножа за голенищами сапог; еще один был пристегнут ремешком к левой кисти; один маленький пистолет скрывался за подкладкой камзола, другой – под рубашкой.

Блэкторн осмотрел пистолеты. Оба были заряжены.

– А тот пистолет тоже был заряжен?

– Конечно. Это ведь враждебная нам страна, разве ты не заметил, англичанин? Прикажи им отпустить меня!

– Несколько странно для человека, собравшегося навестить друзей ночью, а?

– Я уже сказал тебе, это враждебная нам страна. Я всегда так вооружаюсь. Что тут необычного? Мадонна, вели этим негодьям отпустить меня!

– Это все?

– Разумеется. Пусть они отпустят меня, англичанин!

Отдав пистолеты самураям, Блэкторн подошел к Родригесу и тщательно прощупал обратную сторону широкого кожаного пояса португальца. Из потайного кармана он вытащил стилет, очень тонкий и упругий, сделанный из лучшей дамасской стали. Ёсинака обругал самураев, которые проводили обыск. Те извинились, а Блэкторн воззрился на Родригеса.

– А еще? – спросил он, поигрывая стилетом.

Португалец смотрел на него, сохраняя каменное выражение на лице.

– Я скажу им, где и как смотреть, Родригес. Как это делают испанцы – некоторые из них. А?

– Плевал я на твои угрозы...

– Поторопись! – Не получив ответа, Блэкторн шагнул вперед с ножом в руке. – *Додзо*, Ёсинака-сан. *Ватас...*

Родригес хрипло сказал:

– В шляпе. – И Блэкторн остановился.

– Хорошо, – кивнул он и снял с португальца широкополую шляпу.

– Ты не будешь... не будешь учить их этому?

– Почему бы и нет?

– Поосторожней с перьями, англичанин, я ими дорожу.

Лента на шляпе была широкой и жесткой, перья роскошными, как и сам убор. В ленте скрывался тонкий стилет, специально изготовленный для таких случаев, отменная сталь легко изгибалась. Ёсинака еще раз зло обругал своих самураев.

– Перед Богом спрашиваю, это все, Родригес?

– О Мадонна... Я же сказал тебе.

– Поклянись!

Родригес повиновался.

– Ёсинака-сан, *има ити-бан. Домо*, – бросил Блэкторн. – С ним теперь все нормально. Благодарю вас.

Ёсинака отдал приказ. Его люди освободили Родригеса, тот потер затекшие руки.

– Теперь я могу сесть, англичанин?

– Да.

Родригес вытер пот красным платком, взял свою оловянную флягу и сел по-турецки на подушку. Ёсинака остался неподалеку, на веранде. Все самураи, кроме четверых, вернулись на свои посты.

– Почему вы такие грубые – они и ты, англичанин? Я никогда не сдавал оружия раньше. Разве я убийца?

– Я спросил тебя, все ли оружие ты отдал, и что услышал? Ложь!

– Я тебя не понял. Мадонна! Почему вы обошлись со мной как с преступником? – Родригес был вне себя. – В чем дело, англичанин? Что тут такого? Вечер испорчен... Ну да ладно! Я их прощаю. И тебя, англичанин. Ты был прав, а я нет. Извини. Я рад видеть тебя. – Он отвинтил крышку и предложил Блэкторну флягу. – Угощайся! Прекрасный коньяк.

– Выпей первым.

Лицо Родригеса мертвенно побледнело.

– Мадонна, ты думаешь, я принес тебе яду?

– Нет. Но пей первым.

Родригес выпил.

– Еще!

Португалец повиновался, потом вытер рот тыльной стороной руки.

Блэкторн взял фляжку.

– Салют! – Он наклонил ее и сделал вид, что глотает, украдкой заткнув горлышко фляжки языком, чтобы жидкость не попала в рот, как ни хотелось ему выпить. – Ах! – выдохнул он. – Это было прекрасно.

– Оставь ее себе, англичанин. Это подарок.

– От доброго святого отца? Или от тебя?

– От меня.

– Ей-богу?

– Клянусь Богом, Пресвятой Девой, тобой и ими! – выпалил Родригес. – Это подарок от меня и от святого отца! Ему принадлежат все запасы спиртного на «Санта-Филипе», но его преосвященство сказал, что я могу распоряжаться ими наравне с отцом Алвито. На борту еще дюжина таких фляжек. Это подарок. Где твои хорошие манеры?

Блэкторн притворился, что пьет, и вернул фляжку:

– Вот, хлебни-ка еще.

Родригес чувствовал, как спиртное растекается по жилам, и порадовался, что, получив от Алвито полную фляжку, вылил ее содержимое, тщательно вымыл сосуд и наполнил коньяком из своей бутылки.

«Мадонна, прости меня! – взмолился он. – Прости меня за то, что я усомнился в святом отце. О Мадонна, во имя Господа нашего и твоего сына Иисуса Христа, сойди на землю и сделай так, чтобы мы могли доверять священникам!»

– В чем дело?

– Ничего, англичанин. Я только подумал, что мир – поганая выгребная яма, если нельзя доверять никому. Я пришел к тебе как друг, повидаться, перекинуться парой слов, а теперь мир для меня раскололся.

– Ты пришел с миром?

– Да.

– Прихватив целый арсенал?

– Я не хожу без оружия. Потому и жив еще. Салют! – Здоровяк мрачно поднял свою фляжку и сделал глоток. – Черт бы побрал этот мир! Черт бы побрал все это!

– И меня?

– Англичанин, это я, Васко Родригес, капитан португальского военного флота, не какой-то зачуханный самурай. Я обменялся с тобой многими оскорблениями, но по дружбе. Хотел повидаться с приятелем, и вот потерял его. Это чертовски печально.

– Да.

– Мне не следует горевать, но я горюю. Дружба с тобой очень осложняет мне жизнь. – Родригес встал, пытаясь унять боль в спине, потом снова сел. – Ненавижу сидеть на этих проклятых подушках! Мне нужны стулья. На корабле. Ну, салют, англичанин!

– Когда я был на середине корабля, а ты повернул по ветру, это было сделано нарочно, чтобы сбросить меня за борт. Так?

– Да, – подтвердил Родригес и встал. – Да, и я рад, что ты спросил об этом, ибо меня мучит совесть. Я рад, что представился случай объясниться. Сам я вряд ли открылся бы. Да, англичанин. Я не прошу прощения, понимания или чего-то еще. Но я рад признаться в этом позоре перед тобой.

– Думаешь, я поступил бы так же?

– Нет. Но впоследствии, со временем, кто знает... Никогда не знаешь, как поведешь себя в момент испытаний.

– Ты пришел убить меня?

– Нет. Не думаю. Не это было главной моей мыслью, хотя мы оба знаем, что мой народ, моя страна только выиграют от твоей смерти. Жаль, но это так. Как глупа жизнь, да, англичанин?

– Я не хочу твоей смерти, капитан. Мне нужен только черный корабль.

– Слушай, англичанин, – продолжал Родригес без всякой злобы, – если мы встретимся в море – ты на своем корабле, я на своем, – позаботься сам о своей жизни. Именно это я и пришел сказать тебе, и только. Говорю как другу, ибо мне все-таки хочется остаться твоим другом. Я твой должник навеки везде, кроме моря. Салют!

– Надеюсь, что я захвачу твой черный корабль. Салют, капитан!

Родригес гордо удалился. Ёсианака и самураи проводили его. У ворот португалец получил свое оружие и вскоре исчез в ночной темноте...

Ёсианака подождал, пока часовые не вернуться на свои места, и пошел к себе. Блэкторн так и сидел на подушке. Улыбающаяся служанка, которую он послал за sake, прибежала с подносом. Она наполнила его чашку и приготовилась ухаживать за господином, но Блэкторн ее отпустил. Теперь он остался один. Ночные звуки окружили его: шорохи, плеск водопада, копошение ночных птиц. Все было как раньше, но необратимо изменилось.

Опечаленный, Блэкторн потянулся к бутылки, чтобы налить себе еще sake, но рядом зашуршал шелк, и бутылочку взяла рука Марико. Она плеснула sake в его чашку и не забыла про себя.

– *Домо*, Марико-сан.

– *До итасимаситэ*, Андзин-сан. – Она устроилась на другой подушке, и оба отведали подогретого хмельного напитка.

– Он хотел убить вас, да?

– Не знаю, я не уверен.

– А что значит – обыскивать по-испански?

– Испанцы иногда раздевают пленных догола, потом ищут в самых укромных местах. И не сказать чтобы нежно. Это называется «обыскивать *con significa*», со значением. Иногда они используют ножи.

– Боже... – Она пила и слушала, как вода плещется среди камней. – Здесь то же самое, Андзин-сан. Иногда. Вот почему глупо позволять, чтобы тебя поймали. Если ты попался, это бесчестье, что бы ни сделали с тобой... Лучше не давать себя схватить. Правда?

Он посмотрел на нее при свете фонарей, которые раскачивал легкий прохладный бриз.

– Ёсинака поступил правильно. Обыск был необходим. Это ваша идея, да? Вы приказали Ёсинаке обыскать португальца?

– Пожалуйста, простите меня, Андзин-сан. Надеюсь, это не создало никаких затруднений. Я просто боялась за вас.

– Спасибо тебе, – сказал он, перейдя на латынь, хотя и сожалел о случившемся. Если бы не этот обыск, он все еще имел бы друга. «Может быть», – поправил он себя.

– Ты говоришь так из вежливости, – заметила она, – но это был мой долг.

Марико успела накинуть верхнее голубое кимоно поверх ночного и заплести волосы в косы, спадавшие до пояса. Она оглянулась на дальние ворота, контуры которых проступали сквозь деревья.

– Вы очень умно поступили со спиртным, Андзин-сан. Я чуть не ущипнула себя от злости, сообразив, что забыла предупредить Ёсинаку. Очень умно, что вы заставили его выпить дважды. У вас часто пользуются ядами?

– Иногда. Кое-кто применяет яды. Это грязный прием.

– Да, но очень действенный. У нас такое тоже бывает.

– Ужасно, правда, не доверять никому?

– О нет, Андзин-сан, извините, – не согласилась она. – Это только одно из самых важных жизненных правил – ни больше ни меньше.

Часть четвертая

Глава 47

«Эразм» стоял у пристани в Эдо, сверкая под высоким полуденным солнцем, во всем своем великолепии.

– Боже мой, Мариико, вы только посмотрите на него! Видели вы что-нибудь подобное? Взгляните на обводы!

Доступ к кораблю за сто шагов перекрывали барьеры, он был пришвартован к причалу новенькими канатами. Все подходы усиленно охранялись, еще больше самураев сторожили палубу, повсюду висели надписи, предупреждающие, что войти в запретную зону можно только с личного разрешения Торанаги.

Судно недавно покрасили и осмолили, палуба сияла чистотой – ни пятнышка, корпус проконопатили, такелаж починили. Даже фок-мачту, сломанную и унесенную волнами во время шторма, заменили – нашпи-таки в трюме последнюю из запасных и поставили под правильным углом. Концы канатов аккуратно перевязали, и все пушечные стволы, выглядывавшие из оружейных портов, лоснились от смазки. Над всем этим гордо реял косматый английский лев...

– Эгей! – радостно крикнул капитан, дойдя до ограждения, но ему никто не ответил. Один из часовых объяснил, что чужеземцев сегодня на борту нет.

– *Сиката га най*, – откликнулся Блэкторн. – *Домо*. – Он подавил нетерпеливое желание сразу же подняться на борт и, сияя, обратился к Мариико: – Он словно только что из ремонта в доках Портсмута, Мариико-сан. А пушки-то – парни, должно быть, работали как лошади. Красивое судно, правда? Не дождусь, когда снова увижу Баккуса и Винка, да и остальных... Вот уж не думал увидеть корабль таким... Боже мой, он прекрасен, правда?

Мариико смотрела на него, не на корабль. Она поняла, что забыта, вытеснена другим.

«Не переживай, – сказала она себе. – Наше путешествие окончено».

Утром этого дня они наконец прибыли на заставу в окрестностях Эдо. В очередной раз у них проверили подорожные. Приняли очень вежливо, дали почетный караул.

– Они проводят нас в замок, Андзин-сан. Вы остановитесь там, а сегодня вечером мы встретимся с Торанагой.

– Ну, тогда времени полно. Смотрите, Марико-сан, отсюда до пристани не больше мили, да? Где-то там мой корабль. Вы не спросите Ёсинаку, нельзя ли нам наведаться туда?

– Он говорит, что, к сожалению, не имеет распоряжений на этот счет, Андзин-сан. Он должен доставить нас в замок.

– Пожалуйста, скажите ему... Нет, может быть, лучше мне самому попытаться?.. *Тайтё-сан! Окасира, сукуси но айда ватаси ва икитай дэс. Ватаси но фунэ га асоко ни аримасу.* (Командир, я хочу заглянуть туда на некоторое время. Там мой корабль.)

– *Иэ, Андзин-сан, гомэн насай. Има...*

Марико с довольной усмешкой слушала, как Блэкторн вежливо, но твердо спорил, настаивал на своем, пока наконец раздосадованный Ёсинака не позволил им сделать крюк. («Только ненадолго, да? И лишь потому, что звание хатамото дает Андзин-сану определенные права. И потому еще, что, как он справедливо указал, беглый осмотр в интересах господина Торанаги, он позволит сберечь много времени, столь ценного для нашего господина, и весьма важен ввиду предстоящей встречи сегодня вечером. Да, Андзин-сан может взглянуть на корабль, но – да простит он – подняться на палубу без пропуска, подписанного лично господином Торанагой, никак нельзя. И вообще, следует поторопиться, ибо нас ожидают, прошу прощения».)

– *Домо, Тайтё-сан,* – с жаром ответил Блэкторн, более чем удивленный тем, что все лучше подбирает чужие слова и доводы, которые здесь принимаются в расчет.

Прошлую ночь и значительную часть вчерашнего дня они провели на постоялом дворе не более чем в двух ри к югу вниз по дороге. Ёсинака, как и прежде, сделал им поблажку.

«О, это была прекрасная ночь», – подумала Марико.

Таких прекрасных дней и ночей она могла вспомнить много. Все было хорошо, кроме первого дня после выезда из Мисимы, когда они опять повстречали святого отца, Цукку-сана, и непрочное перемирие между мужчинами закончилось. Их ссора разгорелась внезапно и яростно, и поводом послужил визит Родригеса, к тому же оба слишком много выпили. После обмена угрозами и проклятиями отец Алвито

поспешил вперед, в Эдо. После него осталось смутное недовольство, которое омрачило дальнейшее путешествие.

– Мы не должны были допустить подобного, Андзин-сан.

– Но этот человек не имел права...

– О да, я согласна. Конечно, вы правы. Но пожалуйста... если вы позволите тому, что произошло, разрушить вашу душевную гармонию, то пропадете, и я с вами. Пожалуйста, умоляю вас, будьте японцем! Забудьте этот случай – вот и все! Вы не должны позволять, чтобы нарушалась ваша гармония. Спрячьте его в самый дальний уголок сознания.

– Как? Как мне это сделать? Взгляните на мои руки! Я так чертовски зол, что не могу унять дрожь!

– Посмотрите на этот камень, Андзин-сан! Послушайте, как он растет.

– Что?

– Прислушайтесь к росту камня, Андзин-сан. Сосредоточьте свое внимание на этом – на гармонии камня. Прислушайтесь к ками этого камня. Слушайте мою любовь – ради жизни! И ради меня...

Он постарался и преуспел отчасти, так что на следующий день они опять стали друзьями, опять любовниками, пребывающими в мире и согласии. И она продолжала наставлять его, пытаясь исподволь, незаметно подвести к созданию «восьмислойного заслона», возведению внутренних стен и бастионов, которые одни открывали путь к гармонии и сохранению жизни.

– Я так рада, что священник ушел и не возвращается, Андзин-сан.

– Да.

– Лучше бы не было ссор. Я боюсь за вас.

– Ничего не меняется. Он всегда был моим врагом и всегда будет. Карма есть карма. Но не забывайте: никого и ничего вне нас не существует. Пока не существует. Ни его, ни кого-нибудь еще. И ничего другого. До приезда в Эдо. Да?

– Да. Вы так мудры. И опять правы. Я так счастлива быть с вами...

Из Мисимы дорога быстро вышла на плоские равнины и запетляла по предгорьям к перевалу Хаконэ. Два дня они отдыхали в горах, радостные и довольные. Фудзи блистала перед ними на восходе и закате, вершина ее скрывалась в кольце облаков.

– Горы всегда такие?

– Да, Андзин-сан, бóльшую часть времени они прячутся за облаками. Но тем прекраснее вид Фудзи-сан в ясную погоду, правда? Вы можете подняться до вершины, если хотите.

– Давай сделаем это сейчас!

– Не сейчас, Андзин-сан. Но однажды мы это сделаем – надо ведь что-нибудь оставить на будущее, да? Мы заберемся на Фудзи-сан осенью...

На всем пути через равнины Канто они всегда находили приют на самых красивых и уединенных постоянных дворах. Им постоянно приходилось пересекать реки, речушки, ручьи, стремящиеся к морю, которое сейчас лежало справа от них. Обоз двигался на север по извилистому, оживленному, светливому тракту Токайдо, через самую большую рисовую житницу страны. Плоские аллювиальные равнины изобиловали водой, и каждый дюйм земли здесь возделывался. В воздухе, горячем и влажном, стоял тяжелый смрад человеческих испражнений, которые крестьяне разводили водой, чтобы удобрить посадки.

– Рис служит нам пищей, Андзин-сан, дает татами для сна, сандалии для ходьбы, одежду, укрывающую нас от дождя и холода, солому, чтобы утеплять наши дома, бумагу для письма. Без риса мы не могли бы существовать.

– Но такая вонь, Марико-сан!

– Это не большая цена за щедрость. Просто делайте как мы – открывайте свой слух, зрение и сознание. Слушайте ветер и дождь, насекомых и птиц, слушайте, как растет трава, и мысленно представляйте череду поколений, конец которой теряется в вечности. Научившись этому, Андзин-сан, вы скоро ощутите красоту жизни. Это требует усилий... но вы станете совсем японцем, не так ли?

– Ах, благодарю вас, госпожа моя! Но должен признаться, что я уже начинаю любить рис. Да-да, я, пожалуй, предпочитаю его картофелю... И знаете что еще: я не так скучаю по мясу, как раньше. Разве это не странно? И уже не мучаюсь голодом.

– А я голодна, как никогда в жизни.

– Да я говорю о пище.

– Ах, я тоже...

За три дня до перехода через перевал Хаконэ у нее начались месячные, и она попросила его взять себе на ночь одну из служанок в

гостинице:

– Это будет разумно, Андзин-сан.

– Предпочитаю обойтись без них, извини меня.

– Пожалуйста, прошу тебя! Это для безопасности. Так благоразумней.

– Если вы так хотите, тогда да. Но завтра ночью, не сегодня. Сегодня вечером давайте просто ляжем спать вместе, в мире и спокойствии...

«Да, – думала теперь Марико, – ту ночь мы проспали спокойно, а рассвет был так прекрасен, что я покинула теплую постель, села на веранде с Тиммоко и следила, как рождается новый день...»

– Ах, доброе утро, госпожа Тода. – У входа в сад стояла Гёко, кланяясь ей. – Какой чудесный рассвет!

– Да, красивый.

– Простите, можно я вам помешаю? Могу я поговорить с вами наедине – о делах?

– Конечно. – Марико сошла с веранды, не желая будить Андзин-сана. Она отправила Тиммоко за зеленым чаем и приказала постелить одеяла на траве, поближе к небольшому водопаду.

Когда они остались одни и приличия позволили начать разговор, Гёко сказала:

– Я все думаю, как бы мне помочь Торанага-сама.

– Тысяча коку – более чем великодушно с вашей стороны.

– Еще ценнее могут быть три секрета.

– Даже один, Гёко-сан, если он стоящий.

– Андзин-сан – хороший человек, да? О его будущем тоже надо позаботиться, правда?

– У Андзин-сана своя карма, – ответила она, догадываясь, что придется пойти на сделку. Чем можно поступиться? И надо ли поступаться? – Мы говорим о господине Торанаге, так? Или один из ваших секретов касается Андзин-сана?

– О нет, госпожа. Впрочем, как вы сказали, у Андзин-сана своя карма, так что, я думаю, у него есть и свои секреты. Мне только кажется, что Андзин-сан – один из любимых вассалов господина Торанаги, а то, что пойдет на пользу нашему господину, полезно его вассалам, правда?

– Согласна. Конечно, долг вассала – передавать своему господину любые сведения, которые способны ему помочь.

– Верно, госпожа, очень верно. Ах, это такая честь для меня – служить вам. *Хонто*. Могу я выразить вам, как польщена тем, что мне позволено путешествовать с вами? Разговаривать с вами, делить трапезу, перекинуться шуткой, подать смиренный совет в меру скудного разума моего – уж извините. Ваша мудрость так же безмерна, как ваша красота, а ваше мужество столь же велико, как ваши титулы.

– Ах, Гёко-сан, пожалуйста, извините меня, вы так добры, так заботливы. Я просто супруга одного из военачальников моего господина. Так что вы говорили? Четыре секрета?

– Три, госпожа. Я подумала, не походатайствуете ли вы за меня перед господином Торанагой? Неразумно мне самой шептать ему о том, что я считаю правдой. Это было бы очень дурным тоном. Я не смогу выбрать правильных слов, найти способ изложить перед ним сведения. Ведь в любом случае в деле любой важности наш обычай использовать посредников намного лучше, правда?

– Кику-сан, конечно, больше подошла бы для этого дела. Я не знаю, когда за мной пришлют, скоро ли я удостоюсь аудиенции или даже найдут ли нужным выслушать то, что я хочу сказать.

– Пожалуйста, извините меня, госпожа, но вы подходите куда лучше. Вы можете судить о ценности сведений, она – нет. Вас он слушает, с ней занимается другими вещами.

– Я не советник, Гёко-сан, и не могу оценить ваши тайны.

– Я говорю: эти новости стоят тысячу коку.

– *Со дэс ка?*

Проверив, не подслушивает ли кто, Гёко выложила Марико, что выболтал отлученный христианский священник, исповедовавший господина Оноси и приходящийся племянником господину Хариме, что проведал второй повар Оми о замыслах хозяина и его матери насчет Ябу и, наконец, что она узнала о Дзатаки, о его страсти к госпоже Отибе и отношениях последней с Исидо.

Марико внимательно слушала, не высказывая своего мнения, хотя и была неприятно поражена нарушением тайны исповеди. Ум ее метался, перебирая массу возможностей, открываемых тем, что она

узнала. Потом она устроила Гёко перекрестный допрос, желая удостовериться, все ли правильно поняла и запомнила.

Когда же она убедилась: да, из Гёко вытянуто все, что та готова открыть – ибо, разумеется, у столь искушенной в торговле особы наверняка осталось что-то про запас, – то послала за свежим чаем.

Марико сама наполнила чашку Гёко, и они спокойно потягивали горячий напиток. Обе настороженные, уверенные в себе.

– Не знаю, как определить, насколько ценны эти сведения, Гёко-сан.

– Понятное дело, Марико-сан.

– Думаю, эти новости – и тысяча коку – очень обрадуют господина Торанагу.

Гёко удержала ругательство, готовое сорваться с губ. Она ожидала, что раскрытые ею секреты положат конец торгам.

– Простите, но подобная сумма ничтожна для такого важного даймё, между тем как это целое состояние для крестьянки вроде меня. Тысяча коку сделают меня основоположницей состояния всего рода, правда? Каждый должен знать свое место, госпожа Тода, ведь так? – Ее тон был очень язвительен.

– Да. Хорошо знать, кто вы и что вы, Гёко-сан. Это одно из редких преимуществ, которые мужчина уступил женщине. К счастью, мне известно, кто я. Еще как известно. Пожалуйста, переходите к тому, чего вы хотите.

Гёко не дрогнула от угрозы, но бросилась в атаку с грубой прямоотой:

– А суть сказанного в том, что обе мы знаем жизнь и понимаем смерть, обе считаем, что везде и все зависит от денег – даже в аду.

– Вы так думаете?

– Да. Так что, простите, я считаю, тысяча коку – слишком много.

– Смерть предпочтительнее?

– Я уже написала свои предсмертные стихи, госпожа:

Когда я умру,
Не сжигайте меня,
Не хороните.
Просто бросьте на поле тело мое —
На поживу голодным псам.

– Это можно устроить. Очень просто.

– Да. Но у меня длинные уши и короткий язык, а это может еще не раз пригодиться.

Марико налила еще чая – себе.

– Извините, что вы сказали?

– О да, конечно. Пожалуйста, извините меня, но это не хвастовство. Я хорошо подготовилась, госпожа. К этому и многому другому. Смерти я не боюсь. Завещание написано, сыну оставлены подробные наставления на случай моей неожиданной смерти. Я заключила мир с богами задолго до этого мгновения и на сорок дней после смерти... Я уверена: мне удастся возродиться. А если и нет, – она пожала плечами, – тогда я стану ками... – Веер ее замер. – Так что, я могу рассчитывать на встречу в течение месяца? Пожалуйста, простите, что напоминаю, но я как вы: ничего не боюсь. Но, в отличие от вас, мне в этой жизни нечего терять.

– Так много разговоров об ужасных вещах, Гёко-сан, в такое приятное утро. Ведь оно упоительно, правда? – Марико собралась спрятать коготки. – Я предпочитаю видеть вас живой, процветающей, почтенной дамой, одним из столпов вашей новой гильдии. Ах, это была очень тонкая мысль! Хорошая идея, Гёко-сан.

– Благодарю вас, госпожа. Я тоже желаю вам всяческого благополучия, счастья и преуспевания во всем, чего ни захочется. Со всеми забавами и почестями, которые вам потребны.

– «Забавами»? – повторила Марико, почуяв опасность.

Гёко была похожа на хорошо натасканную собаку, идущую по следу за зверем.

– Я только крестьянка, госпожа, так что не знаю, какие почести, какие забавы доставляют удовольствие вам. *Или вашему сыну.*

Ни та ни другая не заметили, как между пальцами Марико сломалась тонкая деревянная планка веера. Бриз утих. Теперь в саду, который выходил к ленивому, неподвижному морю, повис влажный, горячий воздух. Мухи роями гудели вокруг, усаживались, снова взлетали.

– Ну а каких «забав» и «почестей» хотели бы вы для себя? – Марико с недоброй улыбкой рассматривала пожилую женщину, ясно поняв теперь, что должна ее убрать ради спасения своего сына.

– Для себя – ничего. Господин Торанага оказал мне почести и одарил богатствами, о которых я и не мечтала. Но вот мой сын – о да, господин мог бы помочь ему.

– Чем помочь?

– Двумя мечами.

– Это невозможно.

– Знаю, госпожа. Простите. Это так легко пожаловать, и все-таки нельзя. Но идет война. Потребуется много воинов.

– Сейчас войны не будет. Господин Торанага едет в Осаку.

– Два меча. Не такая уж большая просьба.

– Это невозможно. Извините, решаю не я.

– Простите, но я не прошу вас о чем-нибудь таком. Это единственное, что в силах меня обрадовать. Да. Ничего другого. – Капля пота упала с лица Гёко на колено. – Я хотела бы сбросить пятьсот коку с цены контракта в знак моего уважения к господину Торанаге и из желания помочь в эти трудные времена. Другие пятьсот коку пойдут моему сыну. Самурай нуждается в наследственном состоянии, правда?

– Вы обрекаете своего сына на смерть. Все самураи Торанаги очень скоро погибнут или станут ронинами.

– Карма. У моего сына уже есть сыновья, госпожа. Они расскажут своим сыновьям, что когда-то мы были самураями. В этом все дело.

– Не я жалую звание самурая.

– Конечно. Простите меня. Я просто сказала о том, что могло бы меня удовлетворить.

Торанага раздраженно покачал головой:

– Ее сведения, вероятно, интересны, но не стоят того, чтобы сделать ее сына самураем.

Марико возразила:

– Она кажется преданным вассалом, господин. И будет польщена, если вы еще на пятьсот коку снизите цену контракта, отдав эти деньги нуждающимся самураям.

– Это не благородство. Нет, совсем нет. Это только признание того, что сначала она запросила грабительскую цену.

– Возможно, ее предложение стоит рассмотреть, господин. Идеи Гёко-сан насчет гильдии, гэйся и новых категорий куртизанок будут

иметь далекоидущие последствия.

– Не согласен. Нет. И почему ее следует вознаградить? Нет оснований воздавать ей такие почести. Бессмысленно! Она, конечно, не просила вас об этом, не так ли?

– Для нее это было бы чересчур дерзко, господин. Я просто подумала, что она может быть вам очень полезна.

– Лучше бы она уже это доказала. Не исключено, что ее секреты – сплошное вранье. Меня теперь постоянно кормят враньем. – Торанага позвонил в колокольчик – у дальней двери тут же появился его конюший:

– Господин?

– Где куртизанка Кику?

– В ваших покоях, господин.

– А эта женщина – Гёко – с ней?

– Да, господин.

– Выставьте их обеих из замка. Немедленно! Отправьте обратно в... Нет, разместите их на постоялом дворе – третьеразрядном постоялом дворе – и скажите, чтобы ждали, пока я не пришло за ними. – Когда самурай исчез, Торанага проворчал: – Отвратительно! Сводня, желающая стать матерью самурая! Грязные крестьяне не знают больше, где их место!

Марико смотрела, как он, сидя на подушке, раздраженно обмахивается веером. Ее ошеломили произошедшие в нем изменения: мрачность, брюзжание, капризы вместо обычной жизнерадостной уверенности. Он выслушал все тайны Гёко с интересом, но не выказал возбуждения, которого она ожидала. «Бедняга, – подумала она с сожалением, – он сдался. Что толку для него в этих секретах? Может быть, он достаточно мудр, чтобы отбросить в сторону все мирское и готовиться к неизвестному? Лучше бы и тебе последовать его примеру, – вздохнула она про себя, понемногу умирая в глубине души. – Да, но ты не можешь, не сейчас, – ты должна защитить своего сына!»

Беседа проходила на шестом этаже главной крепостной башни, чьи окна смотрели на три стороны света. Заход солнца был мрачен, тонкий серп месяца висел низко над горизонтом, сырой воздух стоял без движения, хотя здесь, на высоте почти ста футов от основания крепостных стен, улавливалось каждое дуновение ветра. Низкое

помещение, заключенное внутри мощных стен, занимало половину этажа; остальные комнаты выходили на другую сторону.

Торанага поднял с татами письмо Хиромаци, переданное Марико, и еще раз прочитал. Она заметила, что у даймё дрожит рука.

– Зачем он хочет приехать в Эдо? – Торанага нетерпеливо отбросил свиток в сторону.

– Простите, господин, но я не знаю. Он только просил меня передать вам это послание.

– Вы разговаривали с христианином-отступником?

– Нет, господин. Ёсинака сказал, что это запрещено всем.

– Как вел себя в пути Ёсинака?

– Очень деятельно, господин. – Она терпеливо ответила на вопрос во второй раз. – Он очень исполнительен. Прекрасно нас охранял и доставил точно вовремя.

– Почему священник Цукку-сан не вернулся вместе с вами этим путем?

– По дороге из Мисимы, господин, он поссорился с Андзин-саном, – пояснила Марико, не зная, что наговорил отец Алвито, если Торанага уже вызывал его. – Святой отец решил ехать отдельно.

– Из-за чего произошла ссора?

– Отчасти из-за меня, из-за моей души, господин. В основном из-за вражды их религий и потому, что между их правителями идет война.

– Кто начал ссору?

– Они одинаково виноваты. Ссора началась из-за фляжки спиртного. – Марико рассказала про стычку с Родригесом, потом продолжила: – Цукку-сан принес вторую фляжку в подарок, желая, как он выразился, извиниться за Родригес-сана, но Андзин-сан объявил напрямик – чересчур откровенно, – что не хочет никакого «папистского спиртного», предпочитает саке и не доверяет священникам. Святой отец вспыхнул и, тоже не выбирая выражений, заверил, что никогда не имел дела с ядом и впредь не собирается иметь. Поклялся, что в жизни не забудет этого оскорбления.

– Ах яд? Они используют яд как орудие убийства?

– Андзин-сан говорил мне, что некоторые из них применяют яд, господин. Затем последовал поток новых грубостей, и они сцепились из-за религии, спасения моей души, розни между католиками и

протестантами. Я тут же пошла за Ёсинака-саном, чтобы он прекратил ссору.

– Чужеземцы не приносят нам ничего, кроме беспокойства. Христиане не доставляют ничего, кроме обид. Правда?

Она не ответила, расстроенная его раздражительностью. Это было так непохоже на него – потерять свое легендарное самообладание, без всякой видимой причины, как казалось. «Может быть, это поражение так на него подействовало? – гадала Марико. – Без него погибнем мы все, мой сын погибнет, и Канто скоро попадет в чужие руки». Его мрачность оказалась заразительна. Она смотрела на улицы и замок как сквозь пелену, которая, похоже, заслонила весь город, а ведь жители его славились веселым нравом, дерзким зубоскальством и умением наслаждаться жизнью.

– Я родился в тот год, когда у нас появились первые христиане. С тех пор они околдовали всю страну, – произнес Торанага. – Все пятьдесят восемь лет ничего, кроме беспокойства...

– Сожалею, что они оскорбили вас, господин. Что-нибудь еще? С вашего разреше...

– Садитесь. Я еще не закончил. – Торанага опять позвонил в колокольчик – дверь открылась. – Пошлите за Бунтаро-саном.

Вошел Бунтаро. Сохраняя на лице свирепое выражение, он встал на колени и поклонился. Марико поклонилась ему, не вымолвив ни слова, он же, казалось, ее не заметил.

Незадолго перед этим Бунтаро встретил их кортеж у ворот крепости. После краткого приветствия передал приказ сразу же явиться к господину Торанаге, сообщив, что за Андзин-саном пошлют потом.

– Бунтаро-сан, ты просил у меня встречи в присутствии твоей жены, и как можно быстрее.

– Да, господин.

– Чего ты хотел?

– Я смиренно прошу отдать мне голову Андзин-сана, – сказал Бунтаро.

– Почему?

– Пожалуйста, простите меня, но я... Мне не нравится, как он смотрит на мою жену. Я хотел... Я хочу сказать ей это в вашем

присутствии. Кроме того, он оскорбил меня в Андзиро, и я не могу жить с таким позором.

Торанага посмотрел на Марико: та, казалось, окаменела.

– Ты обвиняешь ее в том, что она дала ему повод?

– Я... Я прошу разрешения снять с него голову.

– Ты обвиняешь ее в том, что она его поощряла? Отвечай на вопрос!

– Прошу извинить меня, господин, но если бы я так думал, то был бы обязан тут же отрубить ей голову, – ответил Бунтаро с холодным безразличием, потупившись. – Этот чужеземец постоянно нарушает мой покой. Я считаю, что он дурно влияет и на вас. Разрешите мне отрубить ему голову, прошу вас. – Он поднял взгляд. Его толстые щеки были небриты, глаза ввалились. – Или позвольте мне забрать жену, и сегодня вечером мы уйдем в «великую пустоту» – готовить вам путь.

– Что вы скажете на это, Марико-сан?

– Он мой муж. Все, что он решит, я сделаю, если вы не откажете ему в этом, господин. Это мой долг.

Торанага переводил взгляд с мужчины на женщину. Потом его голос стал тверже – на мгновение он сделался прежним Торанагой.

– Марико-сан, через три дня вы уедете в Осаку. Подготовьте для меня *этот* путь и дождетесь меня там. Бунтаро-сан, ты будешь сопровождать меня как командир эскорта, когда я отправлюсь туда. После того как выполнишь свой долг в качестве моего помощника, ты или один из твоих людей окажете ту же услугу Андзин-сану – с его согласия или без него.

Бунтаро прочистил горло:

– Господин, пожалуйста, объявите «малиновое...»

– Придержи язык! Ты забываешься! Я три раза сказал тебе: «Нет!» В следующий раз, когда у тебя хватит дерзости лезть ко мне с непрошеным советом, ты вскрыешь свой живот над помойкой!

Голова Бунтаро снова коснулась татами.

– Прошу меня извинить, господин. Прошу прощения за дерзость.

Марико, смущенная грубым, постыдным срывом Торанаги больше, чем дерзостью Бунтаро, тоже низко поклонилась, чтобы спрятать смятение. Торанага тут же опомнился:

– Пожалуйста, извините мою несдержанность. Твоя просьба будет удовлетворена, Бунтаро-сан, но только после того, как ты выполнишь

роль моего помощника при сэппуку.

– Благодарю вас, господин. Пожалуйста, извините меня, если я вас оскорбил.

– Приказываю вам обоим помириться. Вы это сделаете?

Бунтаро коротко кивнул. Марико тоже.

– Хорошо. Марико-сан, вы вернетесь сегодня вечером вместе с Андзин-саном, в час собаки. Теперь можете идти.

Она поклонилась и оставила мужчин.

Торанага посмотрел на Бунтаро:

– Ну? Ты обвиняешь ее?

– Это... это невысказано, чтобы она предала меня, господин, – уныло ответил Бунтаро.

– Я согласен. – Торанага взмахнул веером, отгоняя муху; у него был очень усталый вид. – Ну, скоро ты сможешь получить голову Андзин-сана. А пока мне нужно, чтобы еще какое-то время она оставалась у него на плечах.

– Благодарю вас, господин. Еще раз прошу простить, что расстроил вас.

– Такие времена настали. Грязные времена. – Торанага наклонился вперед. – Послушай, я хочу, чтобы ты сразу же выехал на несколько дней в Мисиму – сменить там твоего отца. Он просит разрешения приехать сюда и посоветоваться со мной. Не знаю о чем... В любом случае я должен иметь в Мисиме человека, которому могу доверять. Не мог бы ты выехать на рассвете, но двинуться в Мисиму через Такато?

– Господин? – Бунтаро видел, что Торанага сохраняет спокойствие огромным усилием воли. Вопреки всем стараниям голос даймё дрожал.

– Нужно доставить личное письмо моей матери в Такато. Не говори никому, куда собираешься. Сразу же, как выедешь из города, срезай путь и бери на север.

– Понимаю.

– Господин Дзатаки, возможно, попытается помешать передаче письма. Ты должен отдать его только лично ей в руки. Понимаешь? Ей одной. Возьми двадцать человек и скачи туда. Я пошлю в Такато почтового голубя, чтобы обеспечить тебе беспрепятственный проезд.

– Ваше послание будет на словах или на бумаге?

– Письмо.

– А если я не смогу передать его?

– Ты должен передать, непременно должен... Иначе зачем я поручаю это именно тебе? Но... если ты будешь предан, как я... уничтожь письмо, перед тем как совершить сэппуку. В тот самый миг, как я услышу эти ужасные новости, голова Андзин-сана покинет плечи. И если... что с Марико-сан? Как поступить с твоей женой, если дело пойдет плохо?

– Пожалуйста, отправьте ее в «великую пустоту», господин, прежде чем умрете. Я буду польщен, если... Она заслуживает достойного помощника.

– Она не умрет в бесчестье, это я тебе обещаю. Я прослежу за этим лично. Теперь еще. На рассвете возвращайся за письмом. Не подведи меня – только в руки моей матери!

Бунтаро поблагодарил еще раз. Ему было стыдно, что Торанага выказал свой страх. Оставшись один, Торанага вынул платок и отер пот с лица. Пальцы у него дрожали. Он пытался сдержать дрожь, но не мог. Его лишила сил необходимость вести себя как последний тупица, прятать безграничное волнение, возбужденное в нем тайнами, которые – подумать только! – обещали долгожданные перемены.

– Возможные перемены, только возможные. Если сведения верны... – произнес он вслух, с трудом соображая, потому что поразительные, столь благоприятные для него и нужные новости, которые принесла Марико от этой женщины, Гёко, все еще крутились у него в мозгу.

«Отиба, – злорадно думал он. – Так эта ведьма – та самая приманка, которая способна выманить моего братца из его горного убежища. *Мой брат хочет Отибу*. Но теперь очевидно также, чего он хочет больше ее, больше Канто. Он хочет все государство. Он не любит христиан, ненавидит и ревнует Исидо, чья страсть к Отибе всем известна. Ему не по пути с Исидо, Киямой и Оноси. Потому что на самом деле мой вероломный брат мечтает стать сёгуном. Он – Миновара, достаточно знатный родом, амбициозный, но без императорской грамоты. И без Канто. Он должен сначала завладеть Канто, чтобы потом получить все остальное». Торанага радостно потер руки, соображая, какие прекрасные возможности воздействовать на брата открываются перед ним благодаря новостям.

А тут еще этот прокаженный, Оноси... «Преподнесенное в нужный момент, это известие прозвучит музыкой для ушей Киямы, – соображал он. – А если откровения отступника слегка исказить, немного подправить, Кияма может собрать свои войска и двинуться на Оноси с мечом и огнем. „Гёко совершенно уверена, господин. Новообращенный брат Жозеф сказал: господин Оноси признался на исповеди, что вступил в тайный сговор с Исидо против даймё-христианина, и просил прощения. В обмен на поддержку Исидо обещал Оноси, что в день вашей смерти этому христианину будет предъявлено обвинение в измене и предложено сейчас же отправиться в «великую пустоту» – если надо, то и в принудительном порядке, – а сын Оноси унаследует все его земли. Имя христианина не называлось, господин“.

Кияма или Харима из Нагасаки? – спрашивал себя Торанага. – Не важно. Для меня выгоднее, чтобы это был Кияма».

Он встал шатаясь, несмотря на свое ликование, ощупью подошел к окну, тяжело навалился на деревянный подоконник и посмотрел на небо: звезды выглядели тусклыми в лунном свете, собирались дождевые облака.

– Будда, все боги, любые из богов! Пусть мой брат клюнет на эту приманку и пусть слова этой женщины окажутся правдой!

Но ни одна звезда не сорвалась вниз с ночного неба, подтверждая, что его мольба услышана богами. Не подул ветер, внезапные облака не закрыли месяц. А если бы небеса и подали какой-то знак, он приписал бы его простому совпадению.

«Будь терпелив, считайся только с тем, что достоверно. Сядь и подумай», – велел он себе.

Он знал: начинает сказываться напряжение, зато ни один из близких или подначальных – а значит, ни один из тьмы болтливых глупцов или шпионов в Эдо – ни на миг не заподозрил, что он только прикидывается проигравшим, играет роль потерпевшего поражение. В Ёкосэ он сразу понял, что, если получит из рук брата второе послание, для него грянет похоронный звон. И тогда решил, что его единственный, слабый шанс выжить – убедить всех, даже самого себя, что он смирился с поражением. На самом деле это была только маскировка, способ выиграть время, продолжение его излюбленной тактики: торговаться, тянуть и медлить, отступать для виду, терпеливо

выжидая, а когда противник подставит шею под меч, спокойно, без колебаний нанести решающий удар.

После Ёкосэ он нес в одиночестве бремя ожидания, долгие ночи и дни, и с каждым часом терпеть становилось все труднее... Ни охоты, ни шуток, ни замыслов, ни плавания, ни танцев и пения в пьесах *но* – ничего, что так скрашивало его жизнь. Только одна и та же скучная роль, самая трудная на его памяти: унылый, сдавшийся, нерешительный, явно беспомощный, добровольно обрекший себя на аскетичный, «полуголодный» образ жизни. А чтобы время шло быстрее, он продолжал работать над завещанием. Это был тайный частный свод предписаний для потомков, который он готовил целый год и где расписывалось, как надлежит править после него. Судара уже поклялся соблюдать завещание, как полагалось каждому наследнику. «При таком подходе благополучие клана обеспечено... Может быть обеспечено, – уточнил Торанага, который часто поправлял себя: менял, добавлял или убирал слово, предложение, опуская параграф, формулировал новый, – при условии, что я выберусь из ловушки, в которую попал».

Завещание начиналось словами: *«Долг правителя провинции – обеспечивать мир и безопасность населения, а не прославлять своих предков или обеспечивать потомков»*.

Одна из максим гласила: *«Помните, что везение и невезение должны быть оставлены на волю небес и зависят от законов природы. Они не покупаются молитвами или хитроумными интригами, придуманными людьми или мнимым святым»*.

Торанага подумал и вместо *«людьми или мнимым святым»* написал *«людьми, какими бы они ни были»*.

Обычно он радовался, заставляя себя облекать мысли в ясные и короткие формулы, но в последние дни и ночи все его самообладание уходило на то, чтобы играть столь несвойственную ему роль. То, что это ему удавалось, радовало, но и пугало: как люди могут быть столь доверчивы?

«Слава богам, что это так, – ответил он сам себе в миллионный раз. – Приняв „поражение“, ты дважды избежал войны. Ты все еще в ловушке, но теперь твое терпение принесло плоды и у тебя появился новый шанс.

Нет, возможно, появится шанс, – поправил он себя. – Если только все это правда, если эти секреты не подсунул враг, чтобы совсем тебя запутать».

Боль в груди, слабость и головокружение обрушились на него неожиданно – пришлось сесть и глубоко вдохнуть, как много лет назад показали ему учителя дзен: «Десять глубоких вдохов, десять медленных поверхностных, погрузи свой разум в пустоту... Там нет прошлого и будущего, тепла и холода, боли и радости – из ничего в ничто...» Скоро ясность мысли вернулась к нему. Тогда он встал, подошел к столу и взялся за письмо. Он просил мать выступить посредником между ним и сводным братом и представить ему предложения о будущем клана. Первая просьба, с которой он обращался к брату, – подумать о женитьбе на госпоже Отибе:

...Конечно, с моей стороны это неразумно, брат. Многих даймё разъярят мои «возмутительные амбиции». Но такая связь с Вами упрочит мир в государстве и подтвердит наследование Яэмона – в Вашей лояльности никто не сомневается, хотя некоторые ошибочно ставят под сомнение мою. Вы, несомненно, можете взять и более подходящую жену, но госпоже Отибе вряд ли удастся найти лучшего мужа. После того как будут убраны все изменившие его императорскому величеству, я снова займу свое законное место главы Совета регентов. Тогда я попрошу Сына Неба потребовать этого брака, если Вы согласитесь нести такую ношу. Я всей душой чувствую, что подобная жертва – единственный путь, которым мы можем обеспечить продолжение нашей династии и выполнить наш долг перед тайко. Это первое. Во-вторых, Вам предлагаются все земли христиан-изменников Киямы и Оноси. В настоящее время они вместе с иностранными священниками замышляют предательскую войну против всех даймё-нехристиан; война будет поддержана вторжением вооруженных мушкетами чужеземцев. Подобные замыслы уже вынашивались против нашего сюзерена, тайко. Далее, Вам предлагаются все земли других христиан острова Кюсю, которые встанут на сторону изменника Исидо в последней битве со мной. Известно ли Вам, что этот крестьянин, этот выскочка был столь дерзок – и это уже не секрет, – что намеревался распустить Совет регентов и жениться на матери наследника?

И взамен всего этого, брат, мне нужны тайный договор о союзнничестве сейчас, обеспечивающий безопасный проход моих армий через горы Синано, и совместное выступление под моим руководством против Исидо – выбор времени и образа действий остается за мной.

В знак моего доверия я сразу же посылаю моего сына Судару, его жену, госпожу Гэндзико, и их детей, включая моего единственного внука, к Вам в Такато...

«Это не действия побежденного, – сказал себе Торанага, запечатывая свиток, – что сразу станет ясно Дзатаки. Да, но теперь капкан поставлен. Дорога через Синано – мой единственный путь, и брат – мой первый шаг на пути к равнинам Осаки. Но верно ли, что Дзатаки нужна Отиба? Не слишком ли многим я рискую, полагаясь на глупую болтовню слуг, которые вечно где-то слоняются и что-то подслушивают, на шепот в исповедальне и бормотание отлученного священника? А что, если Гёко, эта пиявка, просто солгала ради каких-то своих выгод? Два меча – вот настоящий ключ ко всем ее секретам. У нее наверняка есть улики против Марико и Андзин-сана. Почему бы еще Марико пришла ко мне с этой просьбой? Тогда Марико и чужеземец! Чужеземец и Бунтаро! Э-э-э, жизнь такая странная вещь...»

Знакомая боль опять подступила к груди. Через несколько минут он написал письмо, которое намеревался отправить с почтовым голубем, и с трудом потащился вверх по лестнице на голубятню. В одной из клеток он тщательно выбрал голубя из Такато и прикрепил ему на ногу маленький цилиндр с посланием. Голубя он посадил в открытой клетке наверху – улетит сразу же, как рассветет.

В послании к матери он просил обеспечить безопасный проезд Бунтаро, который везет важное известие ей и его брату. И подписано оно было, как и само письмо: Ёси Торанага-но Миновара. Этот титул он использовал впервые в жизни.

– Лети спокойно и уверенно, маленькая птичка, – напутствовал он голубя, погладив его оброненным пером. – Ты несешь наследие десяти тысяч лет...

Глаза Торанаги еще раз обозрели расстилающийся внизу город. Узенькая полоска света очерчивала западный горизонт. Внизу у

пристани светились крошечные, с булавочный укол, факелы, что окружали корабль чужеземцев.

«Вот еще один ключ», – подумал он и стал снова и снова обдумывать три секрета. Он знал, что ему чего-то не хватает...

– Хотел бы я, чтобы Кири была здесь, – признался он ночи.

Марико стояла на коленях перед зеркалом из полированного металла. Наконец она отвела взгляд и посмотрела на нож, который держала в руках. Лезвие отражало свет масляной лампы.

– Мне бы надо воспользоваться тобой, – сказала она, охваченная горем.

Ее глаза обратились к Мадонне с Младенцем в нише, украшенной цветущей веткой, и наполнились слезами: «Я знаю, что самоубийство – смертный грех, но что мне делать? Как жить с таким позором? Лучше покончить со всем, пока меня не предали».

Комната была очень тихая, как и весь их семейный дом, построенный внутри кольца укреплений и широкого рва с водой, которые окружали замок. Здесь имели право жить только самые доверенные и надежные хатамото. Через разбитый у дома сад за бамбуковым частоколом бежал маленький ручей, отведенный от одной из многих окружающих замок речек.

Услышав, что заскрипели, открываясь, передние ворота и слуги сбегаются приветствовать хозяина, Марико быстро спрятала нож и вытерла слезы. Раздались шаги. Она открыла дверь и вежливо поклонилась Бунтаро. Он явно был в мрачном расположении духа. Торанага, сообщил он ей, опять передумал и приказал ему отправляться немедленно.

– Я еду на рассвете. Хотел пожелать вам спокойного путешествия... – Он запнулся и взглянул на нее. – Почему вы плачете?

– Прошу извинить меня, господин. Только потому, что я женщина и жизнь кажется мне такой трудной. И из-за Торанага-сама.

– Он ненадежный человек. Мне стыдно это говорить. Ужасно, но вот чем он стал. Мы должны вести войну. Намного лучше начать войну, чем знать, что впереди тебя не ждет ничего, кроме грязной физиономии Исидо, потешающегося над твоей кармой!

– Да, простите. Я желала бы чем-нибудь помочь. Не хотите ли чая или sake?

Бунтаро повернулся и рявкнул на служанку, которая смотрела на них из дверей:

– Принеси sake! Быстро!

Бунтаро вошел в ее комнату. Марико закрыла дверь. Теперь он стоял у окна, откуда видны были стены замка и главная башня за ними.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, господин, – сказала она успокаивающе. – Ванна готова, и я пошлю за вашей любимой наложницей.

Он все смотрел на главную башню замка, стараясь сдержать закипающее раздражение.

– Торанаге следовало бы отказаться в пользу господина Судары, если у него нет сил бороться за власть. Господин Судара – его сын и законный наследник, так ведь?

– Да, господин.

– Или того лучше: послушаться совета Дзатаки и совершить сэппуку. Тогда Дзатаки и вся его армия сражались бы на нашей стороне. Имея их поддержку и мушкеты, мы прорвались бы до Киото – я знаю, что нам бы удалось. А если бы и проиграли – все лучше, чем сдаваться, как грязным, трусливым поедателям чеснока! Наш господин потерял все права! Правда ведь? – налетел он на Марико.

– Пожалуйста, извините меня, но я не могу согласиться. Он наш сюзерен.

Бунтаро стоял задумавшись, не в силах отвести взор от главной башни, словно она излучала гипнотическую силу. На всех этажах светились огни, ярче всего – на шестом.

– На месте его советников я предложил бы ему покончить с собой, а если не захочет – помочь. Примеров тому в истории предостаточно. Многие разделяют мое мнение, господин Судара – пока еще нет. Может быть, господин Судара действует тайно. Кто его знает, что он на самом деле думает? Когда встретите его жену, госпожу Гэндзико, поговорите с ней, убедите. А она убедит его – она водит его, как телка на веревочке. Вы ведь подруги, она вас слушается. Убедите ее.

– По-моему, очень плохо так поступать, господин. Это предательство.

– Я приказываю вам поговорить с ней!

– Я выполню вашу просьбу.

– Да, вы выполните приказ, не так ли? – прорычал он. – Подчинитесь? Почему вы всегда такая холодная и печальная? А? – Он поднял зеркало и протянул его Марико. – Посмотрите на себя!

– Пожалуйста, извините меня, если я огорчила вас, господин, – проговорила она ровным голосом, глядя мимо зеркала ему в лицо. – Я не хотела рассердить вас.

Какое-то время он угрюмо наблюдал за ней, потом положил зеркало на лаковый столик:

– Я не обвиняю вас. Если бы я думал, что... я бы не колебался.

Марико как бы со стороны услышала свои непримиримые слова:

– Не колебались бы, господин? И что бы вы сделали? Убили меня? Или оставили жить с еще большим позором?

– Я не обвиняю вас, только его! – проревел Бунтаро.

– Но я обвиняю вас! – крикнула она в ответ. – И вы *обвинили* меня!

– Придержите язык!

– Вы опозорили меня перед нашим господином! Вы обвинили меня и не выполнили ваш долг. Вы испугались! Вы *трус*! Грязный, пропахший чесноком трус!

Его меч выскользнул из ножен, и она обрадовалась, что наконец-то вывела его из себя. Но меч замер в воздухе.

– Я... Я имею ваше... Вы обещали, клялись своим Богом, в Осаке, прежде чем мы... пойдём на смерть... Вы мне обещали, и я... Я настаиваю!

В ответ раздался ее издевательский смех, пронзительный и злобный.

– О да, могущественный господин! Я стану вашей подстилкой еще раз, но вас ожидает сухой прием, горькое, подпорченное торжество!

Обеими руками Бунтаро изо всех сил рубанул мечом по угловому столбу – лезвие почти перерубило брус из выдержанного дерева толщиной в фут. Он потянул меч на себя, но тот накрепко застрял в дереве. В неистовстве Бунтаро что есть мочи тянул и расшатывал меч, пока не сломал клинок. Выругался в последний раз, метнул рукоятку в бумажную стену и, шатаясь как пьяный, зашагал к двери. Там стоял дрожащий от страха слуга, который принес sake. Бунтаро ударом кулака вышиб поднос из рук несчастного – тот мгновенно упал на колени, уперся головой в пол и замер.

Бунтаро кинулся в разбитую вдребезги дверную раму.

– Подождите!.. Подождите до Осаки! – Слышно было, как он выбежал из дома.

Некоторое время Марико оставалась неподвижной, как бы в трансе... Постепенно смертельная бледность исчезла с ее лица, глаза снова обрели способность ясно видеть все вокруг. Она молча вернулась к зеркалу, минуту изучала в нем свое отражение – и совершенно спокойно стала накладывать краску.

Блэкторн бежал по главной лестнице башни, перескакивая через две ступеньки, за ним торопились охранники. Он был рад, что у него отобрали мечи, – он послушно отдал оружие во дворе первым часовым, которые к тому же и обыскали его, вежливо, но тщательно. Пролеты и площадки лестницы освещались факелами. На четвертой площадке он остановился, чуть ли не разрываясь от сдерживаемого возбуждения, и позвал, обернувшись:

– Марико-сан, как вы, нормально?

– Да-да. Прекрасно, спасибо, Андзин-сан.

Блэкторн начал взбираться дальше, чувствуя себя легким и сильным, пока не достиг последней площадки на шестом этаже. Этот этаж, как и все другие, тщательно охранялся. Сопровождавшие его самураи подошли к тем, что стояли у последней, обитой железом двери, и поклонились. Им ответили и сделали Блэкторну знак подождать.

При возведении замка кузнецы и плотники потрудились на славу. Большие, с тонкими переплетами окна башни могли служить бойницами для лучников, а тяжелые, окованные железом ставни, снабженные приспособлениями для быстрой установки, – отличной защитой.

Марико обогнула последний поворот лестницы, так хорошо оборудованной для обороны, и подошла к Блэкторну.

– Вы в порядке?

– О да, благодарю вас, – ответила она, слегка запыхавшись.

Но он сразу заметил: ею по-прежнему владеет та же безмятежная отстраненность, которая привлекла его внимание, когда они встретились во дворе, – раньше он как-то не наблюдал у нее такого состояния. «Ничего, – подумал он уверенно, – просто вид крепости так

действует, а тут еще Торанага и Бунтаро, да и вообще пребывание здесь, в Эдо. Я знаю, что нужно сделать».

С тех пор как он увидел «Эразм», безграничная радость не оставляла его. Не ожидал он, никак не ожидал найти свой корабль таким прекрасным – ухоженным, чистым, нарядным, надежно охраняемым. «Теперь нет смысла задерживаться в Эдо, – решил он. – Мне только нужно заглянуть в трюм, осмотреть днище, немножко понырять сбоку до киля, потом проверить пушки, пороховой склад, снаряжение, ядра, паруса». По дороге в Эдо он все размышлял, из чего сшить паруса: Марико сказала, что парусины в Японии нет, – придется взять плотный шелк или суровое хлопчатое полотно. «Купим паруса, – буркнул он тогда, – и все, что нужно, и молнией в Нагасаки».

– Андзин-сан! – Это вернулся один из самураев.

– Хай.

– Додзо.

Укрепленная дверь без звука открылась. В дальнем конце квадратной комнаты, на возвышении, устланном татами, сидел Торанага – один.

Блэкторн встал на колени и низко поклонился, положив ладони плашмя на пол.

– *Конбанва, Торанага-сама. Икага дэс ка?*

– *Окагэсама дэ гэнки дэс. Аната ва?*

Капитану показалось, что Торанага сильно похудел, он выглядел старше и бесстрастнее, чем раньше. «*Сиката га най*, – сказал про себя Блэкторн. – Карма Торанаги не затронула „Эразм“. Корабль спасет его, клянусь Богом!» Отвечая на обыденные вопросы Торанаги на примитивном, но правильном японском языке, он использовал упрощенную речь, которой выучился с помощью Алвито. Торанага похвалил его успехи и стал говорить быстрее. Тогда Блэкторн вспомнил одну из главных фраз, которую заучил с помощью Алвито и Марико:

– Пожалуйста, извините меня, господин, мой японский недостаточно хорош. Не могли бы вы говорить медленнее и употреблять простые слова? Простите, пожалуйста, что причиняю вам такое беспокойство.

– Да, конечно. Хорошо. Скажите мне, как вам понравилось в Ёкосэ?

Блэкторн старался не отставать от Торанаги, но ответы его звучали неуверенно, а словарный запас был еще очень ограничен. Но вот Торанага задал очередной вопрос, а он не успел уловить ключевых слов.

– *Додзо? Гомэн насай*, Торанага-сан, – произнес он извиняющимся тоном. – *Вакаримасэн*. (Я не понимаю.)

Торанага повторил сказанное более простыми словами, но Блэкторн опять не все понял и взглянул на Марико:

– Простите, Марико-сан, что такое *сонкэй но субэга умай*?

– Это насчет корабля, Андзин-сан.

– *А, домо*. – Блэкторн опять ухватил нить разговора: даймё спрашивал, сможет ли он быстро определить, в достаточно ли хорошем состоянии его корабль и, если нет, сколько именно времени потребует ремонт.

– Да, господин, смогу, конечно. Это нетрудно. Потребуется всего полдня.

Торанага мгновение подумал, потом приказал провести осмотр завтра утром и дать заключение в полдень, в час козы.

– *Вакаримас?*

– *Хай*.

– Тогда вы сможете встретиться и со своими людьми, – добавил Торанага.

– Простите, господин?

– С вашими вассалами. Я послал за вами, чтобы сказать, что завтра в ваше распоряжение поступят вассалы.

– Ах, простите. Теперь я понял. Самураи, вассалы. Двести человек.

– Да. Спокойной ночи, Андзин-сан. Я увижу вас завтра.

– Прошу меня извинить, господин, могу ли я почтительно спросить у вас о трех вещах?

– Каких?

– Первое: пожалуйста, не разрешите ли вы мне повидать мою команду? Мы сэкономим на этом время, не так ли?

Торанага согласился и коротко приказал одному из самураев сопровождать Блэкторна:

– Возьми десять человек, отведи туда Андзин-сана и сопроводи обратно в замок.

– Да, господин.

– Что еще, Андзин-сан?

– Пожалуйста, нельзя ли нам переговорить наедине? Очень недолго. Прошу простить, если я позволил себе какую-то бестактность. – Блэкторн пытался не выказывать беспокойства, когда Торанага осведомился у Марико, о чем пойдет речь. Она ответила правдиво, сказав, что Андзин-сан хотел поговорить о чем-то личном, но она не спросила его о чем.

– Вы уверены, что мне удобно просить его, Марико-сан? – засомневался Блэкторн, когда они поднимались по лестнице.

– О да. При условии, что вы дождетесь, когда он закончит. Но вы уверены, что точно знаете, о чем собираетесь говорить, Андзин-сан? Он... он не так терпелив, как обычно. – Марико не задала ему никакого вопроса, а он предпочитал умолчать.

– Очень хорошо, – позволил Торанага. – Пожалуйста, подождите снаружи, Марико-сан. – (Она поклонилась и вышла.) – Да?

– Простите, но я слышал, что господин Харима из Нагасаки теперь наш враг.

Торанага был поражен: даже он узнал, что Харима открыто заявил о переходе на сторону Исида, только когда сам попал в Эдо.

– Где вы получили такие сведения?

– Простите?

Торанага повторил вопрос медленнее.

– А! Понятно. Слышал о господине Хариме в Хаконэ, Гёко-сан нам сказала. Гёко-сан слышала в Мисиме.

– Эта женщина хорошо осведомлена. Может быть, даже слишком хорошо.

– Простите, господин?

– Ничего. Продолжайте. Так что насчет господина Харимы?

– Господин, могу я со всем почтением сказать вам: мой «Эразм» намного лучше вооружен, чем черный корабль. Если я быстро захвачу черный корабль, священники будут очень недовольны, ибо христиане ничего не зарабатывают здесь – и в других португальских владениях. В прошлом году черного корабля не было и денег тоже, так ведь? Если сейчас захватить черный корабль, причем очень быстро, и на следующий год тоже, священники очень испугаются. Это правда, господин. Подумайте: священникам придется подчиниться, если перед ними возникнет такая опасность. Священники уступят Торанага-сама! – Блэкторн сжал руку в кулак, подчеркивая сказанное.

Торанага ловил каждое слово, следя за его губами, как делал и сам Блэкторн.

– Я слушаю вас, но куда вы клоните, Андзин-сан?

– Простите, господин?

Торанага заговорил в той же манере, что и Блэкторн, используя всего несколько самых необходимых слов:

– Получить что? Захватить что? Взять что?

– Господина Оноси, господина Кияму и господина Хариму.

– Так вы хотите вмешаться в дела нашего государства, как священники? Думаете, что вы тоже знаете, как управлять нами, Андзин-сан?

– Извините меня... Пожалуйста, извините. Я не понял.

– Не важно. – Торанага долго думал, потом заявил: – Священники утверждают: у них нет такой власти, чтобы приказать даймё-христианам.

– Неверно, господин, пожалуйста, простите меня. Деньги имеют большую власть над священниками. Это правда, господин. Если в этом году не будет черного корабля и на следующий год не будет черного корабля, это верное разорение. Очень, очень плохо для священников. Это правда, господин. Деньги – это власть. Пожалуйста, подумайте: что, если в одно время с «малиновым небом» или до того я нападу на

Нагасаки? Нагасаки сейчас враждебен вам, да? Я возьму черный корабль и атакую морские пути между Кюсю и Хонсю. Может быть, такой угрозы достаточно, чтобы превратить врага в друга?

– Нет. Священники прекратят торговать. Я не воюю со священниками или с Нагасаки. Или с кем-нибудь еще. Я собираюсь в Осаку. «Малинового неба» не будет. *Вакаримасу?*

– *Хай.* – Блэкторн не удивился. Он знал: теперь Торанага точно усвоил – такая тактика возможна, и она, конечно, перетянет большую часть сил Киямы, Оноси и Харимы, которые сосредоточены на Кюсю. И «Эразм», разумеется, нарушит крупномасштабные морские перевозки войск с этого острова на главный остров. «Будь терпелив, – предостерег он себя. – Пусть Торанага обдумает твой план. Возможно, будет так, как сказала Марико: между сейчас и Осакой много времени, и кто знает, что может случиться? Готовься к лучшему, но не страшись худшего».

– Андзин-сан, почему вы не изложили этого при Марико-сан? Боитесь, что она передаст священникам? Вы думали об этом?

– Нет, господин. Просто хотел поговорить напрямую. Война не женское дело. Еще одна, последняя просьба, Торанага-сан. – Блэкторн настроился на выбранный курс. – Бывает, что хатамото просит о милости, иногда. Пожалуйста, простите меня, господин, могу ли я просить о милости?

Торанага перестал обмахиваться веером:

– Какой милости?

– Я знаю, у вас легко развести супругов по приказанию господина. Я прошу вас, помогите мне жениться на Тода Марико-сан. – Торанага был ошарашен, и Блэкторн испугался, что зашел слишком далеко. – Прошу извинить мою дерзость, – добавил он.

Торанага быстро пришел в себя:

– Марико-сан согласна?

– Нет, Торанага-сан. Это мой секрет. Я ничего не говорил ни ей, ни кому-либо другому. Это моя тайна. Тода Марико-сан я ничего не говорил. Никогда. *Киндзиру*, да? Но я знаю, что они между собой очень ругаются. У вас в Японии развод – легкое дело. Я решил просить господина Торанагу. Очень большая тайна. Пожалуйста, извините меня, если я позволил себе что-то лишнее.

– Это слишком неуместная просьба для чужеземца. Неслыханно! Поскольку вы хатамото, мой долг обязывает меня рассмотреть ее, хотя вы и не должны заикаться о ней ни при каких обстоятельствах ни Марико-сан, ни ее мужу. Вам это ясно?

– Простите? – Блэкторн ничего не понял, мысли его спутались, он едва способен был соображать.

– Очень плохой вопрос и плохая мысль, Андзин-сан. Понятно?

– Да, господин, изви...

– Поскольку Андзин-сан – хатамото, я не сержусь. Подумаю. Понятно?

– Да, думаю, что да. Благодарю вас. Пожалуйста, простите мне мой плохой японский.

– Не говорите с ней, Андзин-сан, о разводе. Ни с Марико-сан, ни с Бунтаро-саном. *Киндзиру, вакаримас?*

– Да, господин, понял. Это тайна между мной и вами. Тайна. Благодарю вас. Пожалуйста, извините меня за бестактность, благодарю вас за терпение. – Блэкторн старательно поклонился и почти как во сне вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась.

У него было такое выражение лица, что на площадке все смотрели на него с насмешкой. Ему хотелось поделиться с Марико своей победой, но он не посмел, скованный ее спокойствием и присутствием посторонних.

– Извините, что заставил вас так долго ждать. – Это было все, что он догадался произнести.

– О нет, вовсе не долго, – ответила она как о чем-то не важном.

Они стали спускаться по лестнице. Пройдя один пролет, Марико заметила:

– Ваш упрощенный стиль речи странен, но хорошо понятен, Андзин-сан.

– Я слишком много раз терял нить разговора. Ваше присутствие очень помогало.

– Здесь нет моей заслуги.

Дальше они шли молча, Марико – немного сзади, как положено по обычаю. На каждом этаже они проходили через пост из нескольких самураев. Но вот на повороте лестницы край ее кимоно зацепился за перила, и она споткнулась. Блэкторн подхватил ее, помог удержать равновесие, и это случайное прикосновение принесло радость обоим.

Она поблагодарила – и смутилась, когда он ее отпустил. Впервые за этот вечер они остро почувствовали близость друг друга.

На улице, во дворе, освещенном факелами, – повсюду слонялись самураи. У них еще раз проверили пропуска и, освещая дорогу факелами, по извилистому проходу – настоящему лабиринту между высокими каменными стенами – повели к главным воротам замка, а потом – к следующим воротам, перед рвом с водой и деревянным мостом. Семь рвов образовывали кольца внутри замкового комплекса, искусственные и прорытые на месте зарастающих ручьев и речек. Пока они шли к главным воротам с южной стороны, Марико рассказала Блэкторну о крепости: через два года она будет закончена и вместит сто тысяч самураев и двадцать тысяч лошадей со всеми припасами, необходимыми на год осады.

– Тогда она станет самой большой в мире, – подумал вслух Блэкторн.

– Это был план господина Торанаги. – Ее голос звучал очень серьезно. – *Сиката га най, нэ?*

Наконец они достигли последнего моста.

– Здесь, Андзин-сан, вы можете увидеть, что замок – та же втулка колеса, сердце Эдо. Центр, от которого лучами расходятся улицы, образуя город. Десять лет назад здесь была только маленькая рыбацкая деревушка. А теперь кто знает, сколько тут народу... Двести тысяч? Триста? Четыреста? Господин Торанага не проводил еще переписи. Но все они здесь только с одной целью – служить замку, защищающему порт и равнины, которые, в свою очередь, кормят армию.

– Больше ни для чего?

– Ни для чего.

«Не стоит беспокоиться, Марико, и глядеть так строго, – радостно думал он. – Со всем этим я сумею справиться. Торанага удовлетворит все мои просьбы».

Перейдя освещенный факелами Итибаси – Первый мост, который вел непосредственно в город, – она остановилась.

– Теперь я должна покинуть вас, Андзин-сан.

– Когда я смогу увидеть вас?

– Завтра. В час козы. Я буду ждать вас на переднем дворе.

– Я не могу встретиться с вами ночью? Если рано вернусь?

– Нет, простите, пожалуйста, не этим вечером. – Марико церемонно поклонилась. – *Конбанва*, Андзин-сан.

Он поклонился, как самурай, и смотрел, как она шагает через мост. Ее сопровождали несколько человек с факелами, вокруг факелов, укрепленных на столбах, кружились насекомые... Марико вскоре затерялась среди пешеходов. Тогда, чувствуя нарастающее возбуждение, он повернулся спиной к замку и пошел за своим провожатым.

Глава 48

– Чужеземцы живут там, Андзин-сан. – Самурай показал вперед.

Блэкторн напряженно всматривался в темноту, ощущая, как душен и зноен воздух.

– Где? В этом доме? Там?

– Да. Это здесь, прошу прощения. Вы видите?

Еще одно скопление домишек и узких улочек – в ста шагах перед ними, за клочком голой болотистой земли. Над всей местностью возвышается большой дом, смутно выделяясь на черном небе.

Блэкторн некоторое время осматривался, выискивая хоть какие-нибудь ориентиры и отмахиваясь от налетающих на него насекомых. Вскоре после Первого моста он совсем запутался в этих лабиринтах. Они двигались по многочисленным улицам и проулкам, сначала в сторону берега, забирая к востоку, через мосты и маленькие мостики, потом повернули севернее, вдоль берега ручья, который петлял по окраинам города. Местность здесь была низменная и сырая. Чем дальше от замка, тем хуже становились дороги, беднее жилища. Люди, которые попадались навстречу, вели себя подобострастно. Все реже пробивалось сквозь сёдзи мерцание света. Эдо представлял собой сплошной массив деревень, разделенных дорогами и ручьями. Здесь, на юго-востоке города, почва была заболочена, дороги утопали в грязи. Зловоние заметно усиливалось: миазмы гниющих водорослей, фекалий, илистых отложений перебивались резким сладковатым душком, который показался Блэкторну странно знакомым.

– Вонь как на Биллингсгейт^[42] во время отлива, – пробормотал он, прихлопнув на щеке очередного москита. Все его тело стало липким от пота.

Тут он услышал приглушенный расстоянием отрывок разухабистой морской песни на голландском – и все его недовольство исчезло: «Винк?» Сразу повеселев, он заторопился на звуки голосов. Факельщики заботливо освещали ему дорогу, самураи торопились следом. Подойдя ближе, Блэкторн увидел одноэтажное строение, частично в японском, частично в европейском стиле. Оно возвышалось на сваях, было огорожено высоким покосившимся бамбуковым частоколом, обозначающим границы участка, и казалось новым по

сравнению с хижинами, сгрудившимися вокруг него. Ворот в заборе не было – только маленькая щель; крыша из соломы; передняя дверь очень прочная; стены толстые; на окнах ставни, похожие на голландские. Повсюду из щелей струился свет. Пение и веселая болтовня в доме стали слышнее, но голосов он еще не узнавал. Каменные плиты вели через неухоженный сад прямо к ступеням веранды, где у входа был привязан короткий флагшток. Блэкторн остановился и рассмотрел его: небольшой, сшитый вручную флаг Нидерландов висел тряпкой. Но при виде его сердце Блэкторна забило чаще. Передняя дверь резко распахнулась от толчка, на веранду легла полоса света. У порога появился пьяный Баккус ван Некк, с полузакрытыми глазами, он споткнулся, стащил гульфик и стал мочиться высокой изогнутой струей.

– Ах-х-х... – выдохнул он с наслаждением, – что может быть приятнее...

– Что такое? – по-голландски окликнул его Блэкторн от ворот. – Почему не пользуешься парашей?

– А? – Ван Некк близоруко мигал, всматриваясь в темноту и не видя Блэкторна, который стоял под факелами. – Бог мой, самураи! – Он, ворча, собрался с силами и отвесил неуклюжий поклон в пояс: – *Гомэн насай*, самурай-сама. *Итибан гомэн насай* всем обезьянам-сама. – Баккус выпрямился, выдавил из себя болезненную улыбку и пробормотал почти еле слышно: – Видно, я здорово пьян. Показалось мне, что этот негодяй, этот сукин сын говорит по-голландски! *Гомэн насай, нэ?* – Он привалился к стене, почесываясь и что-то нашаривая в гульфике.

– Эй, Баккус, ты не придумал ничего лучше, чем гадить у себя в доме?

– Что? – Ван Некк вздрогнул, огляделся кругом и слепо уставился на факелы, изо всех сил пытаясь что-нибудь рассмотреть. – Капитан?! – выпалил он. – Это вы, капитан? Черт бы побрал мои глаза, ничего не вижу!.. Капитан, ради Бога, это вы?

Блэкторн захохотал. Старый друг казался таким беззащитным, не одетым, таким глуповатым со своим свисающим членом.

– Да, это я! – Потом он обратился к самураям, наблюдавшим за этой сценой с плохо скрываемым презрением: – *Маттэ кудасай*. (Подождите меня, пожалуйста.)

– Хай, Андзин-сан.

Блэкторн подошел ближе и в падающем из двери свете разглядел раскиданный повсюду мусор. Он брезгливо скинул сандалии и взбежал по ступенькам.

– Эй, Баккус, ты стал еще толще, чем перед отплытием из Роттердама, верно? – Блэкторн тепло похлопал старого приятеля по плечу.

– Боже мой, это правда вы?

– Ну конечно я.

– Мы давно уже считаем вас мертвым. – Ван Некк подошел и потрогал Блэкторна, желая удостовериться, что не спит. – Боже мой, ты услышал мои молитвы! Капитан, что с вами случилось? Откуда вы взялись? Чудеса! Это и правда вы?

– Да-да. Теперь, пожалуйста, заправь свое хозяйство в гультфик и давай зайдем в дом, – ответил Блэкторн, помня о сопровождающих его самурах.

– Что? Ох! Ох, извините, я... – Ван Некк поспешно привел себя в порядок, по щекам его побежали слезы. – О Боже, капитан... Я думал, это джин опять вытворяет со мной свои шуточки. Пойдемте, но дайте мне сначала предупредить их, а?

Покачиваясь, он зашагал в дом – хмель от радости сразу улетучился. Блэкторн шел за ним. Оставив дверь открытой, ван Некк закричал, перекрывая хрипкое пение: «Ребята! Посмотрите, кого привел нам рождественский Санта-Клаус!» Он хлопнул дверью, закрыв ее за Блэкторном, чтобы усилить эффект. Наступило молчание...

Блэкторну потребовалось несколько мгновений, чтобы глаза привыкли к свету. Он чуть не задохнулся от смрада, стоявшего в комнате. Все в изумлении уставились на капитана, как на какое-то дьявольское отродье. Потом удивление прошло, и на него обрушились крики радости, приветствия, все его тискали, хлопали по спине и все говорили наперебой:

– Капитан, откуда вы?

– Выпейте-ка!

– Боже, разве такое может быть?..

– Черт-те что, я так рад вас видеть!

– А мы вас мертвым считали...

– Бросьте, у нас все нормально... ну, в основном-то!
– Выметайся со стула, гад-сама. Капитану – самый лучший!
– Эй, грогу! Ну-ка, давай быстро, черт возьми! Мои проклятые глаза сейчас лопнут, если я не пожму ему руку!

Наконец Винк завопил:

– Погодите, ребята! Вы не даете ему слова сказать! Стул капитану и выпить, ради Бога! Сдается мне, он был самураем...

Кто-то протянул Блэкторну деревянный кубок. Блэкторн сел на расшатанный стул, все подняли бокалы, и на него опять посыпались вопросы.

Блэкторн огляделся. Комната, которую освещало несколько свечей и масляных ламп, была заставлена скамьями, грубо сколоченными стульями и столами. На грязном полу – огромный бочонок саке. На одном из столов – грязные тарелки с полупрожаренным мясом, облепленным мухами.

Шесть неопрятно одетых женщин встали на колени, поклонились и попятились к стене.

Его команда, сияя, ждала, когда он начнет рассказ: кок Сонк, помощник боцмана и главный канонир Йохан Винк, немой Соломон, юнга Крок, парусный мастер Гинсель, главный купец и казначей Баккус ван Некк и, наконец, Ян Ропер, еще один купец, сидевший, как всегда, в сторонке с кислой улыбкой на худом строгом лице.

– Где генерал-капитан? – спросил Блэкторн.

– Умер, капитан, умер, – ответили все шестеро, перекрикивая друг друга. И в этом гвалте ничего нельзя было понять, пока Блэкторн не поднял руку:

– Баккус, говори ты!

– Он умер, капитан. Так и не выбрался из погреба. Помните, он болел? После того как вас увели той ночью, мы слышали, как он задыхается в темноте. Так, ребята? – Хор голосов ответил утвердительно, и ван Некк добавил: – Я сидел рядом с ним, капитан. Он хотел пить, но воды не было. Он задыхался и стонал не знаю сколько времени – мы все были до смерти напуганы, – но в конце концов задохнулся и отдал Богу душу. Это было ужасно, капитан...

Ян Ропер добавил:

– Да, ужасней некуда. Видно, наказание Божье.

Блэкторн всматривался в лица, переводя взгляд с одного на другого:

– Кто-нибудь подошел к нему? Попытался помочь?

– Нет-нет, ох нет! – это простонал ван Некк. – Он просто хрипел. Его оставили в яме вместе с японцем. Помните его? Тот, что пытался утопиться в параше. Потом господин Оми приказал самураям вынести Спилбергена наружу, и они сожгли его труп. А тот несчастный япошка так и остался внизу. Господин Оми просто кинул ему нож, и он вспорол себе живот, и его чертовы кишки развалились по всему погребу. Вы помните его, капитан?

– А что с Матсюккером?

– Лучше ты расскажи, Винк.

– Малыш с крысиным лицом сгнил, капитан, – начал Винк. Остальные загомонили, вставляя подробности, излагая историю на свой лад. Крик стоял до тех пор, пока Винк не взревел: – Баккус просил меня рассказать, так заткнитесь, ради Бога! Потом все выложите по очереди!

Голоса стихли, и Сонк подбодрил:

– Валяй, Винк!

– Капитан, у него начала гнить рука. Он был ранен в той схватке – помните драку, когда вас утащили? Боже мой, кажется, это случилось так давно! Рана загноилась. Я пустил ему кровь на следующий день, потом еще через день, а рука почернела. Я предложил вскрыть рану или вообще отнять руку – говорил сто раз, мы все ему говорили, но он не слушался. На пятый день рана стала смердеть. Парни держали его, а я срезал большую часть того, что гнило, но толку не добился. Я знал, что это не поможет, но кое-кто считал, что попробовать стоит. Несколько раз приходил этот негодяй, желторылый лекарь, но ничего не смог сделать. Крысеныш протянул еще день или два, но огневица взяла свое, и он начал буйствовать в бреду. Перед тем как он отдал концы, нам даже пришлось его связать.

– Это правда, капитан, – подтвердил Сонк, смачно почесываясь. – Мы должны были его связать.

– А что стало с его телом? – спросил Блэкторн.

– Они отнесли его на гору и там сожгли. Мы хотели устроить ему и генерал-капитану настоящее христианское погребение, но они не дали. Сожгли их.

Наступила тишина.

– Вы так и не выпили с нами, капитан!

Блэкторн поднес кубок ко рту и попробовал: сосуд был такой грязный, что его чуть не стошнило, сивушный спирт ожег ему горло. Запах невымытых тел и пропотевшего, нестираного белья вдруг вновь ударил ему в нос.

– Как грог, капитан? – горделиво осведомился ван Некк.

– Отличный, отличный...

– Расскажи ему, Баккус, расскажи!

– Ну, мы нагнали уже целую бочку. – Ван Некк излучал самодовольство, остальные тоже сияли. – Рис и фрукты, залитые водой, бродят около недели, а потом немного колдовства – и пожалуйте вам! – Толстяк захохотал и с удовольствием почесался. – Конечно, хорошо бы выдержать его годик-другой, но мы выпиваем его быстрее, чем... – Он не договорил. – Вам не по вкусу?

– О, прости, грог замечательный. – Блэкторн заметил вошь в редких волосах ван Некка.

Ян Ропер спросил вызывающе:

– Ну а вы, капитан? У вас все прекрасно, так? Как идут дела?

Посыпался град вопросов – и тут же иссяк, когда Винк гаркнул:

– Дайте же ему возможность сказать!

Тут прорезался счастливый голос:

– Боже, когда я увидел вас у двери, капитан, то чуть не принял за одну из этих обезьян. Честно-честно!

Раздался одобрительный гул голосов. Ван Некк прервал его:

– Это правда. Проклятые кимоно – вот уж глупость! Вы похожи на женщину или на одного из этих полумужчин. Гнусные содомиты, черт побери! Среди японцев полно мужеложцев, честное слово! Один все бегал за Кроком... – (Крики и похабные шуточки перебили ван Некка.) – Вам нужна человеческая одежда, капитан. Послушайте, мы же принесли сюда весь ваш гардероб! В Эдо мы приплыли на «Эразме». Они отбуксировали его сюда и разрешили нам взять с собой на берег одежду – ничего, кроме нее. Мы прихватили и вашу – они позволили – и сохраняем ее для вас. Там целый мешок вещей – все ваше морское платье. Сонк, сходи за ним, а?

– Конечно схожу, но попозже, а, Баккус? Мне не хочется ничего пропустить.

– Ладно уж.

Тонкая усмешка Яна Ропера показалась Блэкторну очень ехидной.

– Мечи, кимоно – все как у настоящего язычника. Может, вы теперь вообще предпочитаете все языческое, а, капитан?

– В их одежде прохладнее, удобней, чем в нашем платье, – смутился Блэкторн. – Я уже и забыл, когда одевался по-другому, – столько всего случилось... Мне давали носить только кимоно, вот я и привык. Никогда по-настоящему об этом не задумывался. Нет, правда, их одежда намного удобнее.

– А мечи настоящие?

– Да, конечно, почему им не быть настоящими?

– Нам не дают оружия! Никакого оружия! – Ян Ропер, казалось, злился. – Почему вам разрешают его носить? Словно какому-нибудь самураю...

Блэкторн расхохотался:

– Ты не изменился, Ян Ропер! Все такой же святоша? Ну, всему свое время, мы еще поговорим о моих мечях, а сначала хорошие новости для вас. Послушайте, скоро мы снова выйдем в море.

– Боже мой, что вы имеете в виду, капитан? – оторопел Винк.

– Именно то, что сказал.

Грянул рев ликования, на Блэкторна вывалили новый ворох вопросов и восклицаний:

– Я говорил, что мы выберемся!

– Я говорил, что Бог на нашей стороне!

– Дайте ему сказать – пусть капитан расскажет!

Наконец Блэкторн поднял руку. Он показал на женщин, которые стояли на коленях, не смея шелохнуться, и словно бы съежились, когда на них обратили внимание:

– Кто они?

Сонк рассмеялся:

– Это наши подстилки, капитан. Шлюхи, и дешевые, клянусь Богом! Стоят не больше пуговицы в неделю. Тут рядом их целый дом. И еще много в деревне.

– Они свиростят, как горностаи, – вмешался Крок.

А Сонк возразил:

– Они хоть маленькие и болтливые, но зато здоровые – никакого сифилиса. Не хотите ли вы размяться, капитан? У нас у всех свои

койки, мы не обезьяны – у каждого своя койка и комната...

– Попробуйте толстозадую Мэри, капитан. Она как раз для вас, – предложил Крок.

Всех перекрыл голос Яна Ропера:

– Капитан не хочет ни одной из наших шлюх – у него есть своя. Так, капитан?

Все оживились:

– Правда, капитан? У вас есть баба? Ну, расскажите нам, а? Эти макаки заткнут за пояс всех красоток Старого Света, правда?

– Расскажите нам о своих шлюхах, капитан. – Сонк опять почесал искусанное вшами место.

– Тут можно много чего рассказать, но это дело личное. Чем меньше ушей, тем лучше. Отправьте куда-нибудь своих женщин, и мы поговорим более откровенно.

Винк ткнул в них большим пальцем:

– Проваливайте, *хай*?

Женщины поклонились, пробормотали слова благодарности, извинились и вышли, тихонько закрыв за собой дверь.

– Сначала о корабле. Это невероятно. Я хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали, и поздравить. Когда мы вернемся домой, я потребую, чтобы вам устроили наградные за ваши старания, а эти деньги составят... – Он осекся, заметив, что все удивленно смотрят друг на друга: в чем дело, про что это толкует капитан?

Ван Некк сконфуженно признался:

– Это не мы, капитан. Это сделали люди короля Торанаги. Все они. Винк только показывал им, что да как, а мы ничего не делали...

– Что?!

– Нас не пускали на борт сначала. Кроме Винка, на борт не пускали никого, а он поднимался туда раз в десять дней или около того. Мы ничего не делали...

– Только один он, – подтвердил Сонк. – Йохан показал им.

– Но как ты объяснялся с ними, Йохан?

– А есть один самурай, который говорит по-португальски, так мы с ним и объяснялись – довольно прилично понимали друг друга. Этому самураю, Сато-сама, было поручено заниматься кораблем, когда мы оказались здесь. Он спросил, кто из нас моряки. Мы назвали Гинсея – правда, он больше по парусной части, – меня и Сонка, который...

– ...самый плохой кок из всех.
– Заткнись, ради Бога, Крок!
– Паршивец, ты не выучился стряпать на берегу, так устроился на корабль!

– Перестаньте, вы оба! – велел Блэкторн. – Продолжай, Йохан.

– Сато-сама спросил меня, что с кораблем. Я объяснил ему, что корабль надо килевать и чистить, а также ремонтировать. Сказал им все, что знал, и они занялись судном. Они неплохо справились с килеванием, почистили дно, выскребли его, как дом какого-нибудь принца. Самураи командовали, остальные обезьяны работали как каторжные – сотни этих содомитов. Черт побери, капитан, вы никогда не видели таких работников!

– Это верно, – согласился Сонк, – работали они как каторжные!

– Я делал все, что мог, до того дня... Боже мой, капитан, вы правда думаете, что нам позволят отплыть?

– Да, если мы будем терпеливы и если...

– ...если того захочет Бог, капитан. Только тогда!

– Да-а, может быть, ты и прав... – протянул Блэкторн, подумав: «Ну и что с того, что Ропер фанатик? Он нужен мне, все они нужны. И помощь Бога». – Верно, помощь Бога нам не помешает. – Он повернулся к Винку. – А как днище?

– Чистое и гладкое, капитан. Они сделали все даже лучше, чем я мог подумать. Эти негодяи мастеровиты – как лучшие плотники, корабелы и канатчики в Голландии. Такелаж в порядке – полностью.

– Паруса?

– Полный набор смастерили из шелка – прочного, как парусина. И запасной. Сняли наши и точно скопировали, капитан. Пушки в полном порядке, лучшего не пожелаешь, и все снова на борту, там же и порох, ядра. Судно готово отплыть с первым приливом, и даже ночью. Прямо сегодня, если потребуется. Конечно, оно еще не проверено на ходу, мы не знаем, как поведут себя паруса, если ветер усилится или нагрянет шторм. Но я готов биться об заклад, заложив свою шкуру, что обшивка так же крепка, как в момент спуска на воду в Зейдерзее. Даже лучше, потому что дерево выдержано, слава Богу! – Винк перевел дыхание. – Когда мы выйдем в море?

– Через месяц. Или около того.

Они подталкивали друг друга локтями, переполненные радостью, и шумно провозглашали тосты за капитана и за «Эразм».

– А что вражеские корабли? Есть какие-нибудь поблизости? Как насчет добычи, капитан? – полюбопытствовал Гинсель.

– Полно́! Ты о таком и не мечтал. Мы разбогатеем.

Новые крики радости:

– Как раз вовремя!

– Разбогатеем, да? Я куплю себе замок!

– Боже мой всемогущий, когда я вернусь домой...

– Разбогатеем! Молодец, капитан!

– Перебить кучу папистов? Хорошо, – процедил Ян Ропер. – Очень хорошо.

– Какой у вас план, капитан? – задал вдруг вопрос ван Некк, и все сразу замолчали.

– Я перейду к этому через минуту. У вас есть охрана? Вам разрешают ходить когда и куда захочется?

Винк быстро начал:

– Мы можем свободно передвигаться по деревне, ну, может, на поллиги вокруг нее. Но нам нельзя выходить в Эдо и...

– ...и пересекать мост! – возбужденно перебил Сонк. – Расскажи ему о мосте, Йохан!

– О, ради Бога, я как раз и собирался сказать о мосте, Сонк. Ради Бога, не прерывай! Капитан, вон там, в полумиле к юго-западу отсюда, есть мост, на нем пропасть всяких надписей. Вот до него нам и можно топтать, дальше заходить нельзя. *Киндзиру* – так говорят самураи. Вы понимаете, что значит *киндзиру*, капитан?

Блэкторн кивнул.

– А так мы можем ходить куда вздумается. Но только до ограды. Эта ограда – кругом, на расстоянии полумили... Боже мой, даже не верится – скоро домой!

– Расскажите ему о лекаре и о...

– Самурай прислал нам однажды лекаря, капитан. Нас заставили раздеться, и он нас осматривал.

– Да. Впору обделаться, когда какой-нибудь негодяй-туземец глазеет на тебя голого.

– Больше, капитан, они не докучали нам, разве что...

– Эй, не забывай! Лекарь дал нам эту чертову молотую траву под названием *ча* – ее надо заваривать горячей водой, – чистые помои! Мы ее выкинули. Когда бодем, старина Йохан пускает нам кровь – и все в порядке.

– Верно, – кивнул Сонк, – мы выбросили этот *ча*.

– Ну, вот так и было, за исключением...

– Здесь нам повезло, капитан. Не то что сначала...

– Это верно. Сначала...

– Скажи ему про инспекцию, Баккус!

– Я собираюсь к этому перейти. Потерпите, не сбивайте! Как я могу что-то рассказать, если вы все молотите языками! Налейте мне выпить! – взмолился ван Некк и продолжил: – Каждые несколько дней сюда приходят самураи. Мы выстраиваемся снаружи, а они нас пересчитывают. Потом дают нам мешки с рисом и деньги, медную мелочь. Этого хватает на все, капитан. Мы меняем рис на мясо и другую снедь – фрукты и все остальное... И женщины делают все, что мы хотим. Сначала мы...

– Но так было не все время. Расскажи ему, Баккус!

Ван Некк сел на пол:

– Боже, дай мне силы!

– Что, плохо тебе, бедняга? – заботливо проворковал Сонк. – Лучше бы не налегал на спиртное, а то опять допьешься до чертиков, а? Он раз в неделю ловит чертей, капитан. Мы все – тоже.

– О Господи, да помолчи ты! Дай мне рассказать все капитану...

– Это ты мне? Да я молчу как рыба... Я тебя не прерывал... На вот твой стакан!

– Спасибо, Сонк! Ну, капитан, сначала они засунули нас в дом в западной части города...

– Внизу, около самых полей.

– Черт возьми, тогда давай ты рассказывай эту историю, Йохан!

– Хорошо. О Боже, капитан, это было ужасно!.. Ни еды, ни выпивки, и эти чертовы бумажные дома – как будто живешь в поле. Ни помочиться, ни в носу поковырять – ничего не сделаешь, чтобы за тобой кто-нибудь не подсматривал. Чуть шум – тут же сбегаются все соседи, и уже самурай на крыльце, а кому нужно, чтобы вокруг слонялись эти мерзавцы, а? Они размахивали у нас перед носом своими мечами, вопили – требовали вести себя спокойно. Однажды

ночью кто-то из наших уронил свечу, так эти обезьяны прямо обмочились! Боже мой, вы бы это слышали! Они примчались отовсюду с ведрами воды, проклятые Богом сумасшедшие, шикали, кланялись и ругались... Всего-то одна паршивая стена сгорела. А эти валом валяли, прямо сотнями, как тараканы. Негодяи! Вы...

– Ага, дальше!

– Ты хочешь рассказать?

– Ну, Йохан, не обращай на него внимания. Он всего-навсего недоделанный кок.

– Что-что-о?..

– Да заткнись ты, черт возьми! – Ван Некк поспешил продолжить рассказ: – На следующий день, капитан, они выпроводили нас оттуда в другой дом, у пристани. Там было так же плохо. Потом через несколько недель Йохан наткнулся на это место. Ему единственному из нас разрешали выходить, из-за корабля. Они каждый день забирали его и вечером приводили обратно. Он ходил на рыбалку – мы были всего в нескольких сотнях ярдов от моря. Лучше ты расскажи, Йохан!

Блэкторн почувствовал зуд в босой ноге и машинально почесал ее. Но стало еще хуже. Тут он увидел россыпь точек от блошиных укусов, а Винк гордо продолжал:

– Все так и было, как говорил Баккус, капитан. Я спросил Сато-сама, нельзя ли нам переехать, и он сказал: да, почему бы и нет? Они обычно отпускали меня ловить рыбу на одной из своих лодчонок, чтобы я мог убить время. Вот чутье и привело меня сюда, капитан. Учужал я запах крови!

Блэкторна осенило:

– Бойня! Бойня и дубильня! Вот оно что! – Он замолчал и побледнел.

– Что такое? В чем дело?

– Так здесь живут *эта*? Боже мой, ваши соседи – *эта*?

– А что тут плохого? – удивился ван Некк. – Верно, здесь живут *эта*.

Блэкторн отмахивался от москитов, заполонивших все пространство, по коже его побежали мурашки.

– Проклятые твари! Здесь же дубильня, да?

– Да. Несколькими улицами выше, ну и что?

– Ничего. Я почужал запах, но не узнал его – вот и все.

– А что не так с *этой*?

– Я... Я, дурак, не понял. Если бы видел мужчин, догадался бы по коротким волосам. А с женщинами никогда не знаешь... Извини. Ну, продолжай свою историю, Винк.

– Ну, тогда они сказали...

Ян Ропер прервал их:

– Подожди минутку, Винк! Так что тут такого, капитан? Что плохого в *этой*?

– Только то, что японцы считают их низшими существами. Они палачи, живодеры, имеют дело с трупами. – Он чувствовал, что на него смотрят все, особенно Ян Ропер. – *Эта* – живодеры, такая у них работа, – повторил он, пытаясь говорить как можно равнодушнее. – Они забивают старых лошадей и быков, имеют дело с мертвецами.

– Но что тут плохого, капитан? Вы сами не меньше дюжины раз хоронили людей, обряжали их в саваны, обмывали – мы все это делали, да? Мы сами разделяем мясо, это дело для нас привычное. А Гинсель – он был палачом. Что тут плохого?

– Ничего, конечно. – Блэкторн не кривил душой и все же чувствовал себя оскверненным.

Винк фыркнул:

– *Эта* – лучшие из всех язычников, которых мы встречали. Они больше похожи на нас, чем все остальные ублюдки. Нам чертовски повезло, что мы здесь, капитан. Всегда можно разжиться свежим мясом или жиром. Они дают нам все, и не надо ни о чем заботиться.

– Правильно. Если бы вы жили среди *этой*, капитан...

– Боже мой, да капитану пришлось жить среди других негодяев! Вот он и не понимает разницы. А не сходить ли за толстозадой Мэри, Сонк?

– Или Двухзадой?

– Нет уж, ну ее, старую шлюху! Капитану наверняка хочется чего-нибудь особенного. Давай спросим мама-сан...

– Бьюсь об заклад, он истосковался по настоящей жратве! Эй, Сонк, отрежь-ка ему кусок мяса.

– Вот еще грог...

– Трижды ура капитану!..

В этом веселом гвалте ван Некк хлопал Блэкторна по плечам:

– Вы дома, капитан, старина! Вы вернулись к нам, наши молитвы услышаны, и теперь все хорошо! Вы дома, старина... Слушайте, устраивайтесь на моей койке! Я требую!..

Блэкторн приветливо помахал рукой в последний раз. Из темноты с другого конца моста послышались ответные крики. Как только он отвернулся, его вынужденная сердечность испарилась. Он обогнул угол, стража из десяти самураев шла за ним.

По дороге обратно в замок он погрузился в мучительные раздумья. Ничего плохого нет в *эта*, и ничего хорошего нет. С одной стороны, его команда, его люди, с другой – язычники, чужестранцы, враги...

Он плохо различал улицы, мосты и переулки, которыми проходил. И вдруг поймал себя на том, что сует руку под кимоно и чешется. Блэкторн тут же остановился как вкопанный.

– Эти чертовы грязные... – Он распустил пояс, содрал с себя промокшее от пота кимоно, брезгливо скомкал и бросил в канаву.

– *Додзо, нан дэс ка*, Андзин-сан? – обратился к нему один из самураев.

– *Нани мо!* Ничего, ей-богу! – Блэкторн двинулся дальше, держа мечи в руках.

– *А! Эта! Вакаримас! Гомэн насай!* – Самураи залопотали что-то между собой, но он не обращал на них внимания.

«Так-то лучше», – подумал он с облегчением, не замечая того, что почти раздет, – зато кожа перестала чесаться, когда он сбросил кимоно с набившимися туда блохами. «Боже мой, как бы я хотел прямо сейчас принять ванну!»

Он поведал команде о своих приключениях, но не обмолвился о том, что стал самураем и хатамото, что он в милости у Торанаги. Умолчал о Фудзико-сан. И Марико. Не заикнулся про Нагасаки и захват черного корабля, про самураев, которыми он будет командовать. «Это подождет, – сказал он себе устало. – Как и все остальное. Смогу ли я когда-нибудь рассказать им о Марико-сан?»

Деревянные подошвы его сандалий простучали по доскам Первого моста. Часовые-самураи, также полуголые, сидели в небрежных позах, пока не увидели его, а увидев, сразу же встали, вежливо раскланялись и напряженно следили за Блэкторном, пока тот проходил мимо. Им казалось невероятным, что чужеземец пришелся по сердцу господину

Торанаге и – совсем уже невероятная вещь – удостоен звания хатамото и самурая. Никто из варваров не добивался подобных почестей.

У главных южных ворот замка его ждал еще один сопровождающий. Блэкторна проводили в дом, расположенный в пределах внутреннего кольца. Ему отвели комнату в одном из укрепленных, хотя и очень симпатичных гостевых домиков, но он вежливо отказался сразу же идти туда.

– Пожалуйста, сначала в баню, – сказал он самураю.

– Ах, понятно! Это очень предусмотрительно с вашей стороны. Банный домик вот там, Андзин-сан. Да, жаркий сегодня денек! И я слышал, вы спустились к этим замархам. Остальные гости в вашем домике оценят вашу предусмотрительность. Я благодарю вас от их имени.

Из всей этой любезной речи Блэкторн уловил только слово «замархам». «Так называют моих людей и меня – нас, а не *эта*».

– Добрый вечер, Андзин-сан, – приветствовал его главный банщик, огромный, средних лет мужчина с большим животом и мощными бицепсами.

Его только что разбудила служанка, известив, что прибыл поздний посетитель. Он хлопнул в ладоши. Появились банщицы, Блэкторн прошел за ними в мыльную. Его сполоснули, намылили, он попросил повторить все снова, потом, уже в ванной комнате, влез в очень горячую воду и терпел сколько мог, наконец вверил себя сильным рукам массажиста, которые поглаживали кожу, втирали в нее ароматное масло, разминали мышцы. Затем его провели в комнату отдыха, где подали выстиранное, просушенное на солнце кимоно. Блэкторн прилег, издав долгий вздох облегчения.

– *Додзо гомэн насай*. Чай, Андзин-сан?

– *Хай, домо*.

Принесли зеленый чай. Он сказал служанке, что останется здесь на ночь – не хочет идти к себе. Потом один, в полном спокойствии, пил чай, чувствуя, как этот напиток окончательно очищает его. «Чертова молотая трава... ужас какая противная», – с отвращением вспомнил он.

«Будь терпелив, не давай разрушить свою внутреннюю гармонию, – одернул он себя. – Они только бедные, невежественные

глупцы, которые не знают ничего лучшего. Ты сам был таким еще недавно. Ничего. Теперь ты можешь вразумить их, да?»

Он сумел выкинуть неприятные мысли из головы и достал словарь. Но тут же осторожно отложил его в сторону, впервые с тех пор, как получил бесценную книгу, и задул свечу.

«Я слишком устал», – сказал он себе.

«Но не настолько, чтобы не ответить на простой вопрос, – возразил ему внутренний голос. – Они и вправду невежественные глупцы или ты дурачишь себя?»

«Ну, полно, я отвечу позже, когда придет время... Сейчас я уверен в одном: не хочу, чтобы они были поблизости...»

Он повернулся к стене и упрятал невеселые думы в дальний угол сознания – ему просто необходимо выспаться...

Проснувшись, Блэкторн почувствовал себя отдохнувшим. Чистое кимоно и набедренная повязка с таби лежали рядом. Ножны обоих мечей были тщательно вычищены. Капитан быстро оделся и вышел на улицу, где его уже ждали самураи. Они поднялись и отвесили поклоны.

– Сегодня мы охраняем вас, Андзин-сан.

– Спасибо. Мы идем на пристань?

– Да, вот ваш пропуск.

– Благодарю вас. Могу я узнать ваше имя?

– Мусаси Мицутки.

– Спасибо, Мусаси-сан. Пошли?

Они спустились к причалу. «Эразм» крепко держался на якоре на глубине трех саженей, трюмы были в превосходном состоянии. Блэкторн нырнул с борта и проплыл под килем: днище почти чистое – так, несколько ракушекросло. Руль в полном порядке. В пороховом погребе было сухо и чисто; он нашел кресало и высек искру на пробную порцию пороха, которая воспламенилась мгновенно, показывая, что порох в прекрасной сохранности.

С верхушки фок-мачты он огляделся, нет ли где трещин, поломок, обрывов: нет, ни оттуда, ни во время подъема на мачту он не заметил в рангоуте ничего подозрительного. Правда, многие снасти, фаты и ванты сращены неправильно, но это пустяк – можно исправить за полвахты.

Оказавшись снова на юте, он позволил себе широко улыбнуться. «Корабль выглядит как... как что?» Блэкторн не подобрал подходящего

слова и только засмеялся. Ему захотелось побывать в своей каюте, и он опять спустился вниз. Но здесь, в этой знакомой тесноте, он вдруг почувствовал себя чужим и одиноким. Мечи его лежали рядом, на койке. Он потрогал их, вынул «Продавца масла» из ножен: работа изумительная, жало лезвия наточено отлично. Он разглядывал меч с удовольствием – подлинное произведение искусства. «Да, но смертоносного искусства», – подумал он, поворачивая клинок на свету. Эта мысль всегда приходила ему в голову, когда он смотрел на лезвие.

«Сколько жизней ты отнял за те двести лет, что существуешь? Сколько еще отнимешь, пока не погибнешь сам? Неужели мечи и впрямь живут своей жизнью, как говорила Мариико-сан? Мариико... Что с ней?..»

Солнечные блики с поверхности моря проникли в каюту и полыхнули на стали – вся его меланхолия тут же исчезла.

Он убрал «Продавца масла», стараясь не трогать лезвие пальцами: малейшее прикосновение, по понятиям японцев, могло повредить такой совершенной вещи.

Блэкторн растянулся на койке, и на глаза ему попался пустой рундук.

«А как быть с руттерами? Навигационными инструментами? – обратился он к своему отражению в медной морской лампе, тщательно начищенной, как и все кругом. Но отражение молчало. – купишь в Нагасаки, когда будешь набирать команду. И позаимствуешь у Родригеса. Да-да. Тебе же придется взять его в оборот, перед тем как напасть на черный корабль, не правда ли? – Его улыбка в зеркале сверкающей меди стала шире. – Ты уверен, что Торанага даст тебе уйти, да? – И ответил уверенно: – Да. Поедет ли он в Осаку или нет, я получу все, что мне надо. И Мариико тоже».

Довольный, он засунул мечи за пояс и поднялся на палубу. Там пришлось подождать, пока снова опечатают двери.

Когда Блэкторн вернулся в замок, было еще очень рано. Он успел заглянуть в отведенные ему комнаты и перекусить: немного рису, две порции рыбы, поджаренной на углях, с соевым соусом – по собственному его рецепту, которому он научил своего повара, – маленькая бутылочка саке, потом чай.

– Андзин-сан?

– *Хай?*

Сѣдзи отодвинулись – за ними кланялась застенчиво улыбающаяся Фудзико.

Глава 49

– Я забыл о вас, – сказал он по-английски, – боялся, что вы умерли.

– Андзин-сан, *нан дэс ка?*

– *Нани мо, Фудзико-сан,* – пробормотал он, устыдившись. – *Гомэн насай. Хай. Гомэн насай. Масуварэ одоройта. Хонто ни мата аэта урэси.* (Пожалуйста, простите меня. Сюрприз, да? Рад видеть вас. Садитесь, пожалуйста.)

– *Домо аригато годзаймасита,* – откликнулась Фудзико. Своим тонким, высоким голосом она сообщила ему, как рада его видеть, как сильно продвинулся он в японском языке, как прекрасно выглядит и как хорошо, что она здесь.

Он посмотрел на ее колено, неловко упирающееся в подушку.

– Ноги... – Он искал в памяти слово «ожог», но не мог припомнить и спросил: – Огонь повредил ногам. Еще болит?

– Нет, но пока, извините, немного мешает сидеть. – Фудзико сосредоточенно следила за его губами. – Ноги пострадали, извините.

– Пожалуйста, покажите мне.

– Пожалуйста, извините меня, Андзин-сан, не хочу вас затруднять, у вас своих хлопот хватает. Я...

– Не понял. Простите меня, слишком быстро.

– Ах, извините! С ногами все в порядке. Они меня не беспокоят, – пыталась отговориться Фудзико.

– Беспокоят. Вы наложница, так ведь? Не стесняйтесь, покажите сейчас же!

Фудзико послушно встала. Она явно смущалась, но сразу же начала развязывать оби.

– Пожалуйста, позовите служанку, – приказал он.

Она повиновалась. Сёдзи сразу же открылись, ей кинулась помогать женщина, которую он не знал.

Сначала они развязали жесткий оби, служанка отложила его в сторону вместе с кинжалом.

– Как вас зовут? – спросил он резко, как и полагается настоящему самураю.

– Ох, пожалуйста, извините меня, господин, простите меня. Мое имя Ханайти.

Он буркнул что-то одобрительное. Мисс Первый Цветок – прекрасное имя! Все служанки согласно обычаю носили имена Хвостик, Журавль, Рыбка, Вторая Ива, Четвертая Луна, Звезда, Дерево, Веточка и тому подобные.

Ханаити была женщиной средних лет, очень серьезной. «Бьюсь об заклад, что она из старых домашних слуг, – решил Блэкторн. – Не исключено, что из вассалов покойного мужа Фудзико. Муж! Я совсем забыл о нем и о ребенке, которого казнили. Казнили по приказу этого злого духа Торанаги, который на самом деле не злой дух, а даймё и хороший, может быть, великий вождь. Быть может, муж ее заслужил такую судьбу... Если бы знать всю правду... Но не ребенок, за это нет прощения».

Фудзико спокойно дала распахнуться верхнему кимоно, зеленому с узором, но, когда развязывала тонкий шелковый пояс желтого нижнего кимоно и отводила в сторону полы, пальцы ее задрожали. Кожа у нее была чистая, груди, края которых показались между складками шелка, – маленькими и плоскими. Ханаити встала на колени, развязала ленты на нижней юбке и стянула ее с талии на пол, чтобы хозяйка могла переступить через нее.

– *Иэ*, – приказал Блэкторн, подошел к ней и задрал подол. Ожоги захватывали всю заднюю сторону икр. – *Гомэн насай*.

Она стояла не двигаясь. Капли пота стекали по ее щекам, прочерчивая полосы в краске. Он поднял подол повыше. Обгорела вся задняя поверхность ног, но заживление, видимо, шло отлично: уже образовались рубцы; никаких признаков воспаления, нагноений не было видно, только немного чистой крови, проступившей там, где новая, молодая ткань лопнула, когда Фудзико опускалась на колени.

Он приподнял подол еще выше. Ожоги кончались в верхней части ног, обходили крестец, который уберегло от пламени придавившее его бревно, и затем снова начинались на поясице. Бугры шириной в полруки шли вокруг талии. Рубцовая ткань уже перешла в шрамы. Неприятное зрелище, но заживает на удивление.

– Очень хороший лекарь. Лучший из всех, каких я видел! – Он отпустил край кимоно. – Прекрасно, Фудзико-сан! Шрамы, конечно, ну и что? Ничего. Я видел много пострадавших от ожогов, понимаете? Вот и хотел сам посмотреть, чтобы понять, как дела. Очень хороший

лекарь! Будда помог вам. – Он положил руки ей на плечи и посмотрел в глаза. – Не беспокойтесь. *Сиката га най*, да? Вы поняли?

У нее хлынули слезы.

– Пожалуйста, извините меня, Андзин-сан, мне так стыдно. Пожалуйста, простите мою глупость, простите, что я была там, попалась, как полоумная *эта*. Мне следовало быть с вами, защищать вас, а не толкаться со слугами в доме. Мне нечего было делать в доме. Не было причин там находиться...

Сочувственно ее обнимая, он дал ей выговориться, хотя почти ничего не понял из ее речи. «Мне бы надо выяснить, чем лечил ее этот врачеватель, – возбужденно думал он. – Это самое быстрое и хорошее заживление, какое я встречал. Каждый капитан ее величества должен владеть этим секретом. Да что там – любому европейскому капитану он необходим. Постой! А кто бы отказался заплатить за такой рецепт несколько золотых гиней? Ты же можешь сделать целое состояние! Нет уж, не таким путем. Только не так. Наживаться на страданиях моряков? Нет!»

Фудзико повезло, что обгорела только задняя поверхность ног. Лицо все такое же квадратное и плоское, острые зубы – как у хорька, но глаза излучают такую теплоту, что, пожалуй, язык не повернется назвать эту женщину непривлекательной. Он еще раз обнял ее:

– Ничего, Фудзико-сан, не надо плакать. Это мой приказ!

Блэкторн отправил служанку за свежим чаем и саке, приказал принести побольше подушек и помог Фудзико расположиться на них. Она все стеснялась и то и дело спрашивала:

– Как я смогу отблагодарить вас?

– Не надо благодарностей. Давайте снова... – Блэкторн порылся в памяти, но не нашел японских слов «помогать» или «помнить». Тогда он вытащил словарь и поискал их там. – Просить – *о-нэгаи*... Вспоминать – *омой дасу*... *Хай, мойтидо нэгаи! Оми дэс ка?* (Помогайте мне снова. Помните?) – Он поднял кулаки, изобразил пистолеты и нацелился ими. – Оми-сан, помните?

– О, конечно! – воскликнула она, потом, заинтересовавшись, попросила посмотреть книгу. Она никогда не видела раньше латыни, и колонки японских слов против латинских ничего не сказали ей, но она быстро ухватила смысл:

– Это книга всех наших слов... простите. Книга слов, да?

– *Хай*.

– *Хомбун?* – спросила она.

Он показал ей, как найти это слово на латыни и по-португальски:

– *Хомбун* – долг. – Потом добавил по-японски: – Я понял, что такое долг. Долг самурая, да?

– *Хай!* – Она захлопала в ладоши, как будто ей показали чудесную игрушку.

«Да, это чудо, – сказал он себе. – Подарок судьбы. Книга поможет мне лучше понять и ее, и Торанагу, и скоро я буду неплохо владеть языком».

Она задала ему еще несколько слов, и он нашел их на латыни и португальском; каждое слово, которое она выбирала, было ему понятно, и он непременно находил его – словарь ни разу не подвел.

Он поискал слово:

– *Магото дэс, нэ?* (Это чудесно, правда?)

– Да, Андзин-сан, книга чудесная. – Она отпила чая. – Теперь я смогу разговаривать с вами по-настоящему.

– Понемногу. Только медленно, вы понимаете меня?

– Да. Пожалуйста, будьте терпеливы со мной. Прошу вас, извините меня.

Громадный колокол на главной башне замка пробил час козы, ему отозвались все храмовые колокола в Эдо.

– Сейчас мне надо уходить. Я иду к господину Торанаге. – Он убрал книгу в рукав.

– Можно я подожду здесь, пожалуйста?

– А где вы остановились?

Она показала:

– О, там, моя комната – за следующей дверью. Прошу извинить мою бестактность!

– Медленно. Говорите, пожалуйста, медленно. И простыми словами!

Она повторила медленно, особенно тщательно – слова извинений.

– Благодарю вас. Мы с вами еще увидимся.

Она хотела подняться, но он покачал головой и вышел. День был облачный, душный. Охрана уже дожидалась его. Вскоре Блэкторн вступал во двор главной башни, где встретил Марико – еще более прекрасную, воздушную, лицо ее под золотисто-красным зонтиком

казалось алебастровым. На ней было темно-коричневое кимоно, окаймленное ярко-зеленым узором.

– Охаё, Андзин-сан. *Икага дэс ка?* – Она церемонно раскланялась.

Он отвечал, что чувствует себя прекрасно, следуя их уговору изъясняться по-японски, пока у него хватает сил, и переходить на португальский, когда уже мочи нет припоминать японские слова и еще когда требовалось сказать ей что-нибудь, не предназначенное для чужих ушей.

– Ты... – произнес он осторожно, когда они поднимались по лестнице башни.

– Ты... – откликнулась Марико и немедленно перешла на португальский, с той же серьезностью, что и в прошлую ночь: – Извините, пожалуйста, но давайте не будем сегодня говорить на латыни, Андзин-сан. Сегодня латынь не подходит – она не может служить тем целям, для которых мы ею пользуемся, правда?

– Когда я смогу поговорить с вами?

– Трудно сказать, простите. У меня есть обязанности...

– Все благополучно, да?

– О да, – сказала она, – пожалуйста, извините меня, но что может случиться? Ничего плохого.

Они поднялись еще на один пролет, не разговаривая. На следующем этаже, как обычно, у них проверили пропуски, охрана шла впереди и сзади. Хлынул ливень, влажность воздуха уменьшилась.

– Этот дождь на несколько часов, – заметил Блэкторн.

– Правда, но без дождей не будет риса. Скоро дожди прекратятся – через две-три недели. Тогда будет жарко и влажно до самой осени. – Она взглянула в окно на лохматые облака. – Вам понравится осень, Андзин-сан.

– Да. – Он смотрел на «Эразм», виднеющийся далеко отсюда, у пристани. Но дождь скоро скрыл от него корабль. – После того как мы побеседуем с господином Торанагой, нам придется переждать дождь. Нет ли здесь места, где мы могли бы поговорить?

– Это может быть непросто. – Она уклонилась от прямого ответа, что он нашел странным. Обычно она была очень решительна и излагала свои вежливые «предположения» как приказы – так они и воспринимались. – Прошу простить меня, Андзин-сан, но у меня сейчас трудное время, нужно много всего сделать. – На мгновение она

остановилась и переложила зонтик в другую руку, придерживая подол кимоно. – Как у вас прошел вечер? Как ваши друзья, ваша команда?

– Прекрасно. Все было прекрасно, – сказал он.

– Действительно прекрасно? – переспросила она.

– Прекрасно, но очень странно. – Он оглянулся на нее. – Вы что-то заметили, да?

– Нет, Андзин-сан. Но вы не упомянули о своих людях, а между тем много о них думали в последнюю неделю. Я не волшебница, извините.

После паузы он решился:

– А у вас все хорошо? Никаких размолвок с Бунтаро-саном?

Он никогда не говорил с ней о Бунтаро и после Ёкосэ не упоминал его имени. Они сошлись на том, что никогда не будут обсуждать ее семейную жизнь.

– Это мое единственное требование, Андзин-сан, – прошептала она в первую ночь. – Что бы ни случилось во время нашего путешествия до Мисимы или, если позволит Мадонна, до Эдо, для нас это не будет иметь никакого значения, да? Мы не будем обсуждать между собой то, что происходит, да? Не будем... Пожалуйста.

– Я согласен. Клянусь.

– И я тоже. Ведь наше путешествие закончится в Эдо, у Первого моста.

– Нет.

– Но конец неизбежен, дорогой. У Первого моста наше путешествие закончится. Пожалуйста, или я умру от страха за вас, от мыслей об опасности, которой вас подвергла...

Вчера утром он стоял возле Первого моста, и на душе у него внезапно стало тяжело – не спас даже тот подъем и радость, что он испытал при виде «Эразма».

– Сейчас мы пересечем мост, Андзин-сан, – объявила Марико.

– Да, но это всего лишь мост, один из многих. Идемте, Марико-сан! Перейдите этот мост вместе со мной! Рядом со мной, пожалуйста. Давай пройдем его вместе, – добавил он по-латыни. – И будем знать, что мы рука об руку идем к началу чего-то нового.

Она выбралась из паланкина и шагала рядом с ним, пока они не достигли другой стороны. Там она снова села в занавешенные

носилки, и они преодолели небольшой подъем. У ворот замка их ожидал Бунтаро.

Блэкторн помнил, как молился, чтобы с неба ударила молния.

– Так никаких размолвок? – повторил он вопрос, когда они подходили к последней площадке.

Марико покачала головой.

Торанага начал беседу:

– Корабль вполне готов, Андзин-сан? Это точно?

– Точно, господин. Корабль в прекрасном состоянии.

– Сколько еще надо людей?.. – Торанага взглянул на Марико. – Пожалуйста, спросите его, сколько еще человек требуется для управления кораблем. Я хочу быть совершенно уверен, что он понял суть вопроса.

– Андзин-сан говорит, для того чтобы выйти в плавание, на борту необходимо иметь тридцать матросов и двадцать канониров. Сначала его команда состояла из ста семи человек, включая повара и купцов. Чтобы плавать и воевать в наших морях, достаточно двухсот самураев.

– И он считает, что сможет найти тех, кто ему требуется, в Нагасаки?

– Да, господин.

Торанага произнес будто про себя:

– Нет у меня никакого доверия к наемникам...

– Прошу меня простить, господин, вы хотите, чтобы я перевела эти ваши слова?

– Что? О нет, не обращайтесь внимания.

Торанага встал, все еще делая вид, будто чем-то недоволен, и посмотрел в окно на ливень: стена воды заслоняла город. «Пусть дождь идет еще несколько месяцев, – подумал он. – О боги, все, какие ни есть, сделайте так, чтобы дожди шли до Нового года! Когда Бунтаро сможет встретиться с моим братом?»

– Скажите Андзин-сану, что завтра он увидит своих вассалов. Ужасная погода. Этот дождь будет идти весь день. Нигде ни клочка сухой земли.

– Да, господин, – донесся до него голос Марико.

Он иронически улыбнулся. Никогда еще за всю его жизнь ему не мешала погода. «Она, конечно, уверена, как и прочие усомнившиеся во

мне, что я сдал, меняюсь к худшему», – размышлял он, зная, что не может отклониться от выбранного курса.

– Завтра или через день – какая разница? Скажите ему, что я пошлю за ним, когда буду готов. До этого времени он должен оставаться в замке.

Он слышал, как Мариико перевела его слова Андзин-сану.

– Да, господин Торанага, я понял. – Блэкторн отвечал сам, без помощи Мариико. – Но вы не рассердитесь, если я задам вопрос: можно ли быстро выехать в Нагасаки? Думаю, это важно, прошу меня извинить.

– Я решу это позднее. – Голос Торанаги прозвучал резко – он не дал себе труда быть обходительным и сделал знак, что аудиенция окончена. – До свидания, Андзин-сан, я скоро решу, что делать с вами. – Он видел, что капитан хочет настоять на своей просьбе, но постарался от него отделаться. «Боже мой, – удивился он, – наконец-то чужеземец научился вежливости!» – Скажите Андзин-сану, что ему нет нужды ждать вас, Мариико-сан. До свидания, Андзин-сан.

Мариико выполнила его просьбу. Торанага, отвернувшись, смотрел на Эдо сквозь ливень, что обрушился на город, прислушивался к шуму воды. Дверь за Андзин-саном закрылась.

– Так что за ссора? – Торанага обратился к Мариико, не глядя на нее.

– Простите, господин?

Его настороженный слух тут же уловил слабую дрожь в ее голосе.

– Между Бунтаро и вами, разумеется. Или вы участвовали в другой ссоре, которая касается меня? – добавил он с горьким сарказмом – этот оттенок в голосе казался ему необходимым, чтобы ускорить дело. – С Андзин-саном, может быть, или с моими врагами-христианами, или с Цукку-саном?

– Нет, господин. Пожалуйста, извините меня. Это началось как всегда, как начинаются обычно ссоры между мужем и женой. По существу, из-за ничего. Потом внезапно, как это обычно бывает, вспомнились старые обиды... Не знаю, что на нас обоих нашло...

– Нашло?

– Да. Пожалуйста, простите меня. Я немилосердно испытывала терпение мужа. Это полностью моя вина. Сожалею, господин, но в таких случаях люди говорят дикие вещи.

– Ну, давайте выкладывайте, что за «дикие вещи»?

Марико побледнела. Ее загнали, как лань. Конечно, она догадывалась: шпионы уже сообщили ему, о чем именно кричали в тишине их дома...

Она пересказала ему все, что тогда говорилось, стараясь излагать как можно полнее, потом добавила:

– Я считаю, что мой муж пребывал в состоянии дикого гнева, который вызвала я. Он предан вам – я знаю, что предан. Если и нужно кого-то наказать, то, конечно, меня, господин. Я толкнула его на это безумие.

Торанага, прямой как струна, снова сел на подушку, лицо его окаменело.

– Что сказала госпожа Гэндзико?

– Я не разговаривала с ней, господин.

– Но собираетесь с ней поговорить или собирались?

– Нет, господин. С вашего разрешения, я намеревалась сразу же уехать в Осаку.

– Вы поедете, когда я скажу, не раньше. Измена – самое отвратительное из всех преступлений!

Она поклонилась, стыдясь его язвительных слов.

– Да, господин. Пожалуйста, простите меня, это моя ошибка.

Он позвонил в маленький ручной колокольчик – дверь распахнулась, появился Нага.

– Слушаю, господин.

– Позови сейчас же господина Судару с госпожой Гэндзико.

– Да, господин. – Нага повернулся, чтобы уйти.

– Подожди! Потом собери мой совет, Ябу и всех... и всех старших военачальников. Они должны быть здесь в полночь. Сними все посты на этом этаже. Возвращайся с Сударой.

– Да, господин. – Побледневший Нага закрыл за собой дверь.

Торанага услышал шум на лестнице, подошел к двери и открыл ее – на площадке никого не было. Он захлопнул дверь, взял другой колокольчик и позвонил. Открылась внутренняя дверь в дальнем конце комнаты – едва заметная, так ловко замаскировали ее мастера в деревянной панели стены. На пороге стояла полная женщина средних лет в накидке с капюшоном – одежде буддийской монахини.

– Слушаю вас, великий господин.

– Будь добра, зеленого чая, Тяно-сан, – попросил Торанага.

Дверь закрылась, Торанага снова посмотрел на Марико:

– Так вы думаете, он предан мне?

– Я это знаю, господин. Пожалуйста, простите меня, это была моя вина, не его. – Она отчаянно пыталась убедить Торанагу. – Я его подстрекала.

– Да, вы. И это было ужасно! Непростительно! – Торанага вынул платок и вытер бровь. – Но кстати.

– Простите, господин?

– Если бы вы его не разозлили, я, может быть, никогда не узнал бы об измене. Скажи он все это без всякого повода, это было бы одно, а так... вы открыли мне еще одну любопытную возможность.

– Господин?

Торанага не ответил. Он думал: «Хотел бы я, чтобы здесь был Хиромацу – хоть один человек, которому я полностью доверяю».

– А как насчет вашей преданности?

– Пожалуйста, господин, вы знаете, что я вам предана.

Торанага не ответил. Взгляд его был безжалостен.

Открылась внутренняя дверь, и Тяно, монахиня, уверенно, не постучав, вошла в комнату с подносом в руках.

– Вот, великий господин, я приготовила. – Она по-крестьянски встала на колени. Руки у нее были большие, грубые, привычные к тяжелой работе, но в ней чувствовались самоуверенность и самодовольство. – Пусть Будда ниспошлет вам мир! – Она повернулась к Марико, поклонилась ей, как кланяются крестьянки, и снова удобно устроилась на полу. – Не окажете ли вы мне любезность, госпожа, не нальете ли чая? Вы ведь прекрасно с этим справитесь, ни капли не прольете, верно? – Глаза ее светились, она явно была довольна.

– С удовольствием, Оку-сан, – согласилась Марико, скрыв свое удивление и назвав ее монашеским именем. Она никогда не видела раньше мать Наги, хотя знала большинство других женщин, связанных с Торанагой законными узами, – ей доводилось встречать их на различных торжествах. Но дружеские отношения она поддерживала только с Кирицубо и госпожой Садзуко.

– Тяно-сан, это госпожа Тода Марико-но Бунтаро, – представил Торанага.

– А, со дэс, простите, я подумала, что вы одна из почтенных дам моего великого господина. Прошу простить меня, госпожа Тода,

можно мне передать вам благословение Будды?

– Благодарю вас. – Мариико предложила чашку Торанаге, он взял ее и выпил.

– Налейте Тяно-сан и себе, – предложил он.

– Простите, великий господин, с вашего разрешения, мне не надо. От такого количества чая у меня уже плавают зубы, и уборная далековато для моих старых костей.

– Ходьба пойдет тебе на пользу, – поддел Торанага, радуясь, что послал за ней, когда вернулся в Эдо.

– Да, великий господин, вы правы – как всегда. – Тяно удостоила своим вниманием Мариико: – Так вы дочь господина Акэти Дзинсая?

Чашка Мариико застыла в воздухе.

– Да. Прошу извинить меня...

– О, вам нечего извиняться, дитя. – Тяно добродушно рассмеялась, ее живот заходил ходуном. – Я не узнала вас, пока не услышала вашего имени, прошу извинить меня, но в последний раз я видела вас на свадьбе.

– Да?

– О да, я видела вас во время свадебной церемонии, а вы меня – нет. Я подсматривала за вами через сёдзи. Да, за вами и за всеми знатными людьми, господином Накамурой, будущим тайко, и всеми высокородными господами. О, я была так застенчива, что не решалась присоединиться к такому блестящему обществу. Но для меня это было очень хорошее время. Лучшее в моей жизни. Шел второй год, как великий господин оказал мне свою милость, я понесла от него, хотя все еще оставалась крестьянкой, какой была всегда. – Глаза ее затуманились, и она добавила: – Вы очень мало изменились с тех пор – все еще одна из отмеченных Буддой.

– Ах, как бы я хотела, чтобы это было так!

– Это правда. Вы знали, что избраны Буддой?

– Нет, Оку-сан, как бы мне ни хотелось этого.

Торанага вставил:

– Она христианка.

– Ах, христианка... Какое это имеет значение для женщины, христианка она или буддистка, великий господин? Иногда никакого, хотя женщинам нужна помощь богов. – Тяно радостно хихикнула. –

Мы, женщины, нуждаемся в Божьем подспорье, великий господин, чтобы иметь дело с мужчинами.

– А мы, мужчины, нуждаемся в Божественном терпении, чтобы иметь дело с женщинами.

Тяно засмеялась, и это неожиданно словно согрело комнату и на мгновение ослабило дурные предчувствия Марико.

– Да, великий господин, – продолжала Тяно, – а все из-за «небесного павильона», который из рая легко превращается в преисподнюю.

Торанага буркнул:

– А что вы на это скажете, Марико-сан?

– Госпожа Тяно мудра со времен своей молодости, – нашлась Марико.

– Ах, госпожа, вы говорите приятные вещи старой, глупой женщине. Я так хорошо помню вас. Ваше кимоно было голубого цвета, с изумительным рисунком, серебряными журавлями – красивее я никогда не видела. – Она опять посмотрела на Торанагу. – Ну, великий господин, я просто хотела посидеть с вами минутку. Прошу извинить меня.

– Еще есть время. Оставайся.

– Спасибо, великий господин. – Тяно тяжело встала. – Мне следовало бы повиноваться, но природа требует своего. Я не люблю огорчать вас. Время идти. Все приготовлено, пища и sake будут поданы, как только вы пожелаете, великий господин.

– Благодарю.

Дверь бесшумно закрылась. Марико подождала, пока у Торанаги не опустела чашка, и наполнила ее.

– О чем вы думаете?

– Я ждала, господин.

– Чего, Марико-сан?

– Господин, я хатамото. Никогда раньше я не просила у вас милости. Я хочу просить у вас милости как хата...

– А я не хочу, чтобы вы просили милости как хатамото, – возразил Торанага.

– Тогда просьба на всю жизнь.

– Я не муж, чтобы выполнять ее.

– Иногда вассал может просить сюзерена...

– Да, иногда, но не сейчас! Сейчас придержите язык и не заикайтесь о просьбе на всю жизнь, благодеении, требованиях или чем-нибудь таком.

Просьбой на всю жизнь называли милость, которую, согласно древнему обычаю, жена могла испрашивать – не теряя лица – у мужа, сын у отца, а иногда и муж у жены с условием: если просьба удовлетворялась, это обязывало никогда в этой жизни не просить о другой милости. По обычаю же вопросов при такой просьбе не задавали и никогда потом о ней не упоминали.

Раздался осторожный стук в дверь.

– Откройте! – приказал Торанага.

Марико повиновалась. Вошли Судара с женой, госпожой Гэндзико, и Нага.

– Нага-сан, займи пост этажом ниже и не пускай никого без моего приказа.

Нага вышел.

– Марико-сан, закройте дверь и садитесь сюда. – Торанага указал место перед собой, лицом к остальным.

– Я приказал вам обоим прийти сюда для обсуждения срочных семейных дел.

Глаза Судары невольно остановились на Марико, потом снова на отце. Госпожа Гэндзико не шелохнулась.

Торанага резко сказал:

– Она здесь, сын мой, по двум причинам: во-первых, мне угодно, чтобы она была здесь, и во-вторых, мне угодно, чтобы она была здесь!

– Да, отец. – Судара устыдился грубости отца. – Могу я спросить, чем оскорбил вас?

– А есть какие-то причины, по которым я должен оскорбиться?

– Нет, господин, если только мое стремление обезопасить вас и мое нежелание позволить вам покинуть эту землю вызвали вашу обиду.

– А что ты скажешь о заговоре? Я слышал, ты осмелился предположить, что можешь занять мое место как главы клана!

Лицо Судары побелело, как и бесстрастная физиономия госпожи Гэндзико.

– Я никогда не покушался на подобное – ни в мыслях, ни на словах, ни на деле. И никто из членов моей семьи, и никто другой в моем присутствии.

– Это правда, господин, – подтвердила госпожа Гэндзико.

Судара, второй из пятерых оставшихся в живых сыновей Торанаги, – гордого вида худощавый мужчина двадцати четырех лет, с узкими холодными глазами и тонким, не улыбочивым ртом, прекрасный воин, – обожал своих детей и, преданный жене, не имел наложниц.

Гэндзико, маленького роста женщина, на три года старше мужа, сильно располневшая после того, как родила ему четверых детей, сохранила величественную осанку и гордость, свойственную и ее сестре Отибе, беззаветную преданность семье и ту же скрытую свирепость, которой был известен ее дед – Города.

– Каждый, кто обвиняет моего мужа, – лжец, – заявила она.

– Марико-сан, – потребовал Торанага, – расскажите госпоже Города, что ваш муж приказал вам ей передать!

– Мой господин, Бунтаро, просил меня, приказал мне убедить вас вот в чем: пришло время господину Сударе взять власть; другие советники разделяют мнение моего мужа; если господин Торанага не желает отдать власть, следует взять ее силой.

– Никогда никто из нас и в мыслях этого не держал, отец, – возразил Судара. – Мы преданы вам, и я никогда...

– Если я передам тебе власть, что ты сделаешь? – забросил крючок Торанага.

Гэндзико ответила сразу:

– Как может господин Судара знать, если никогда не думал о таком кощунстве? Извините, господин, но он не может ответить, ибо ему никогда такого и в голову не приходило. Как он мог помыслить об этом? А что касается Бунтаро-сана, очевидно, им овладел ками.

– Бунтаро заявил, что другие разделяют его мнение.

– Кто же это? – ядовито спросил Судара. – Скажите мне – и они тут же погибнут. Кто? Знай я таких, господин, уже сообщил бы вам.

– А ты бы не убил их сразу?

– Ваше первое правило – терпение и второе – тоже терпение. Я всегда следовал вашим правилам. Я подождал бы и сообщил вам. Если я обидел вас, прикажите мне совершить сэппуку. Я не заслужил вашего гнева, господин, обрушившегося на меня, и мне трудно снести его – я не участвую ни в каком заговоре.

Госпожа Гэндзико горячо поддержала мужа:

– Да, господин, пожалуйста, простите меня, но я полностью согласна с моим мужем. Он ни в чем не виноват, и все наши люди – тоже. Мы честны: что бы ни случилось, что бы вы ни приказали – мы сделаем.

– Так! Вы преданные вассалы, да? Послушные? Выполните любой мой приказ?

– Да, господин.

– Хорошо. Тогда ступай и убей своих детей. Сейчас!

Судара отвел глаза от отца, посмотрел на жену, та слегка повела головой и кивнула, соглашаясь.

Судара поклонился Торанаге, сжал рукоятку меча и встал. Уходя, он тихонько прикрыл за собой дверь. Стояла мертвая тишина. Гэндзико взглянула на Марико и снова опустила глаза. Колокола пробили половину часа лошади. Воздух в комнатах, казалось, сгустился. Дождь на короткое время перестал, потом зарядил с новой силой. Сразу после того, как колокола пробили следующий час, раздался стук в дверь.

– Да?

Это был Нага.

– Прошу простить меня, господин, мой брат... Господин Судара хочет войти еще раз.

– Впусти его и возвращайся на свой пост.

Судара вошел, встал на колени и поклонился. Он весь промок, волосы его слиплись, плечи слегка дрожали.

– Мои... мои дети... Вы уже забрали их, господин.

Гэндзико вздрогнула и чуть не упала вперед, но поборолла свою слабость и прошептала мужу побелевшими губами:

– Вы... вы не убили их?

Судара покачал головой.

Торанага свирепо произнес:

– Ваши дети в моих покоях ниже этажом. Я приказал Тяно-сан забрать их, когда вызвал вас сюда. Мне нужно было проверить вас обоих. Жестокие времена требуют жестоких мер. – Он позвонил в колокольчик.

– Вы... вы отменяете ваш... приказ, господин? – Гэндзико отчаянно пыталась сохранить холодное достоинство.

– Да. Мой приказ отменяется. На сей раз. Это было необходимо, чтобы понять вас. И моего наследника.

– Благодарю вас, благодарю вас, господин! – Судара униженно склонил голову.

Открылась внутренняя дверь.

– Тяно-сан, приведи сюда на минутку моих внуков, – распорядился Торанага.

Вошли три скромно одетые няньки и кормилица с детьми: девочками, четырех, трех и двух лет, в красных кимоно, с красными лентами в волосах, и мальчиком. Ему было всего несколько недель, он спал на руках у кормилицы. Няньки встали на колени и поклонились Торанаге, их подопечные с серьезным видом скопировали эти действия и коснулись лбом татами, кроме самой маленькой девочки, которой потребовалась помощь заботливой, хотя и твердой руки.

Торанага с важным видом ответил им таким же поклоном. Потом, выполнив эту скучную обязанность, дети бросились к нему в объятия, а самого маленького взяла на руки мать.

В полночь Ябу высокомерно прошествовал по двору перед главной башней замка. На постах всюду стояли самураи из отборных частей личной охраны Торанаги. Луна едва светила, напoлз туман, звезд почти не было видно.

– А, Нага-сан! В чем дело?

– Не знаю, господин, но всем приказано идти в зал для собраний. Прошу меня извинить, но вы должны оставить мне свои мечи.

Ябу вспыхнул, возмущенный таким неслыханным нарушением этикета, но тут же поостыл, почувствовав холодную напряженность юноши и нервозность стоящей рядом охраны.

– А чей это приказ, Нага-сан?

– Моего отца, господин. Так что извините. Если не хотите идти на собрание – воля ваша, но я обязан сказать, что вам приказано явиться без мечей, и, простите, вы должны подчиниться приказу. Прошу меня простить, но я не могу иначе.

Ябу заметил, что у караульной будки, сбоку от огромных главных ворот, уже сложено много мечей. Он взвесил, чем ему грозит отказ, и, решив не искушать судьбу, неохотно оставил свои клинки в общей куче. Нага вежливо поклонился, и сбитый с толку Ябу вошел в огромный зал с окнами-амбразурами, каменным полом и деревянными перекрытиями.

Вскоре собрались все – пятьдесят старших военачальников и семь дружелюбно настроенных даймё из мелких северных провинций. Все были встревожены и нервно ерзали на своих местах.

– О чем пойдет разговор? – мрачно спросил Ябу, заняв свое место.

Один из военачальников пожал плечами:

– Возможно, о походе на Осаку.

Другой изучающе посмотрел по сторонам:

– Или планы изменились, а? Он собирается объявить «малиновое»...

– Извините, но вы витаєте в облаках. Наш господин решил: он едет в Осаку, и все! А вы, Ябу-сама, когда прибыли?

– Вчера. Больше двух недель торчал со своими самураями в маленькой грязной деревне, Иокогаме, чуть южнее ее. Порт прекрасный, но клопы! Ужасные москиты и клопы – в Идзу таких злых сроду не водилось.

– Вы уже знаете новости?

– Вы имеете в виду – плохие? Выезжаем через шесть дней, да?

– Да. Ужасно! Позор!

– Конечно, но то, что произошло сегодня вечером, еще хуже, – мрачно изрек старый вояка. – От меня никогда не требовали оставлять мечи, никогда!

– Это оскорбление! – не без умысла добавил Ябу.

Все посмотрели на него.

– Я тоже так думаю, – нарушил общее молчание седой и суровый Сэрата Киёсио, командующий Седьмой армией. – Я еще ни разу не появлялся на людях без мечей. Я похож на какого-то вонючего торговца! Я думаю... Э-э-э... Приказ есть приказ, но некоторые приказы лучше бы не отдавать.

– Совершенно верно, – поддакнул кто-то. – Что бы сделал Железный Кулак, если бы был здесь?

– Он вспорол бы себе живот, прежде чем оставить мечи! Сделал бы это сегодня же вечером на переднем дворе! – предположил молодой Сэрата Томо, старший сын Киёсио, помощник командующего Четвертой армией. – Хотел бы я, чтобы здесь был Железный Кулак! Он сразу бы смекнул, что к чему, и первым вскрыл бы себе живот!

– Я думал над этим. – Киёсио хрипло откашлялся. – Кто-то должен нести ответственность – выполнять свой долг! Кто-то должен сказать,

что сюзерен – это ответственность и долг!

– Простите, но вам лучше придержать язык, – посоветовал Ябу.

– Какая польза в языке для самурая, если ему запрещено быть самураем?

– Никакой, – подтвердил Исаму, старый советник. – Я согласен: лучше умереть.

– Простите, Исаму-сан, но в любом случае это наше ближайшее будущее, – выразил свое мнение Сэрата Томо. – Мы подсадные голуби для какого-то подлого ястреба!

– Пожалуйста, придержите все же языки, – повторил Ябу, пряча свое торжество, и осторожно добавил: – Он наш сюзерен, и, пока господин Судара или совет открыто не возьмут на себя полноту власти, мы обязаны ему повиноваться.

В ответ на это Киёсио посмотрел на него, невольно пытаясь нащупать рукоятку меча:

– Что вы слышали, Ябу-сама?

– Ничего.

– Бунтаро-сан сказал, что... – начал советник.

Киёсио вежливо прервал его:

– Простите меня, пожалуйста, Исаму-сан, но что сказал или чего не сказал господин Бунтаро, не важно. Верно то, что говорит Ябу-сама. Сюзерен есть сюзерен. При всем том у самурая есть свои права, и у вассала есть свои права. Даже у *даймё*, не правда ли?

Ябу оглянулся на него, определяя серьезность вызова.

– Идзу – владение господина Торанаги. Я больше не даймё Идзу – только управитель. – Он осмотрел огромное помещение. – Все здесь, да?

– Кроме господина Нобору, – уточнил Киёсио. Речь шла о старшем сыне Торанаги, которого все не любили.

– Да, так и есть. Ничего, Киёсио-сан, китайская болезнь скоро прикончит его, и мы навсегда распрощаемся с его грязными шутками, – заметил кто-то.

– И этой вонью.

– Когда он возвращается обратно?

– Кто знает? Мы даже не знаем, почему Торанага-сама отправил его на север. Лучше бы он там и оставался.

– Если бы вы страдали подобной болезнью, то не шутили бы так.

– Да, Ябу-сан. Жаль, что он болен сифилисом. Он хороший военачальник – лучше, чем Холодная Рыба, – признал Киёсио, назвав тайное прозвище Судары.

– Э-э-э, – присвистнул советник. – Это kami заставили вас распусть язык. Или sake?

– А может, китайская болезнь? – съязвил Киёсио с горьким смешком.

– Спаси меня Будда от этого! – поостерегся Ябу. – Если бы только господин Торанага передумал насчет Осаки!

– Я бы покончил с собой, если бы это его убедило, – заявил молодой человек.

– Не обижайся, сынок, но ты витаешь в облаках. Он никогда не передумает.

– Да, отец. Но я совершенно не понимаю его...

– Мы все поедem с ним? Те, кто присутствует? – осведомился Ябу немного погодя.

Исаму, старый советник, внес полную ясность:

– Да. Мы поедem как сопровождающие. И две тысячи человек в полном парадном снаряжении. Чтобы добраться туда, нам потребуется тридцать дней. Выезд через шесть дней.

– Времени не много. Не так ли, Ябу-сама? – спросил Киёсио.

Ябу не ответил. В этом не было необходимости – командующий и не ждал ответа. Все примолкли и погрузились в размышления. Открылась боковая дверь, вошел Торанага, сопровождаемый Сударой. Все принужденно поклонились, Торанага поклонился в ответ и сел лицом к присутствующим. Судара, как предполагаемый наследник, устроился немного впереди него, также лицом к остальным. Нага вошел через главную дверь и закрыл ее.

Мечи были только у Торанаги.

– Мне сообщили, что кое-кто из вас говорит об измене, думает об измене, замышляет измену, – холодно обронил он.

Никто не ответил и не двинулся с места. Медленно, неумолимо Торанага переводил взгляд с одного на другого. Все сидели без движения. Потом Киёсио заговорил:

– Могу ли я почтительно спросить у вас, господин, что имеется в виду под изменой?

– Любой, кто ставит под сомнение приказ или решение своего сюзерена, повинен в измене, – бросил ему Торанага.

Спина военачальника напряглась.

– Тогда я виновен в измене.

– Приказываю вам выйти и совершить сэппуку – сразу же.

– Я это сделаю, господин, – гордо ответил старый солдат, – но сначала публично напомню о своем праве произнести речь перед вашими преданными вассалами, военачальниками и...

– Вы лишаетесь всех прав!

– Очень хорошо. Тогда я, как хатамото, заявляю о своей последней воле. У меня за плечами двадцать восемь лет безупречной службы!

– Говорите, но покороче.

– Я скажу, господин. – В голосе Киёсио звучал холод. – Прошу разрешения заявить следующее. Первое: поездка в Осаку на поклон к этому крестьянину Исидо – измена вашей чести, чести вашего клана, чести ваших преданных вассалов, нашим традициям и вообще бусидо. Второе: я обвиняю вас в измене и утверждаю, что вы лишаетесь права быть нашим сюзереном. Третье: я требую, чтобы вы немедленно отреклись в пользу господина Судары и достойно ушли из жизни или обрили голову и удалились в монастырь – это как вам будет угодно. – Военачальник чопорно поклонился и снова сел на землю.

Все ждали, затаив дыхание: невероятное вдруг стало реальностью. Торанага резко бросил:

– Так чего вы ждете?

Киёсио внимательно посмотрел на него:

– Ничего, господин. Прошу извинить меня.

Его сын собрался встать.

– Нет! Я приказываю тебе оставаться здесь! – отчеканил старик. Он в последний раз поклонился Торанаге, встал и с большим достоинством покинул зал. Многие нервно задвигались, но всеобщее волнение и шум снова были перекрыты хриплым голосом Торанаги:

– Может, кто-нибудь еще хочет обвинить меня в измене? Кто осмеливается нарушить бусидо? Кто решится пойти против сюзерена?

– Прошу простить меня, господин. – Исаму, старый советник, произнес это совершенно спокойно. – Но я вынужден сказать, что, собираясь в Осаку, вы изменяете вашим предкам.

– В тот день, когда я поеду в Осаку, вы покинете эту землю.

Седой человек вежливо поклонился:

– Да, господин.

Торанага безжалостно оглядел всех присутствующих. Кое-кто заерзал под его пронизывающим взглядом и поднял на него глаза. Самурай, который много лет назад утратил желание воевать, обрил голову, ушел в буддийские монахи и теперь был гражданским чином, безмолвствовал во власти страха, который он отчаянно пытался скрыть.

– Чего вы боитесь, Нумата-сан?

– Ничего, господин. – Тот опустил глаза.

– Хорошо. Тогда пойдите и совершите сэппуку: вы – лжец, и ваш страх отравляет здесь воздух.

Нумата всхлипнул и спотыкаясь побрел к дверям. Ужас охватил присутствующих. Торанага смотрел и ждал. Воздух стал плотным, слабое потрескивание факелов в наступившей тишине казалось неестественно громким, Судара повернулся к отцу и поклонился – он знал, что это его долг, что на нем лежит ответственность.

– Пожалуйста, господин, можно мне почтительно сделать заявление?

– Какое заявление?

– Господин, я считаю, что нет... что здесь больше нет изменников и что больше не будет из...

– Я не разделяю твоего мнения.

– Пожалуйста, простите меня, господин, вы знаете, я повинуюсь вам. Мы все повинуюемся вам. Мы стремимся только к лучшему.

– Что лучше – мне решать. Что я решу, то и есть самое лучшее.

Судара беспомощно поклонился в знак согласия и умолк. Торанага, казалось, забыл о нем, его речь, как и его взгляд, была непреклонна:

– Ты больше не будешь моим наследником.

Судара побледнел. Торанага ослабил напряжение, повисшее в воздухе, словами:

– Я здесь сюзерен. – Он выждал минуту, затем в полной тишине встал и с надменным видом покинул зал собраний, дверь за ним закрылась. Каждый беспомощно пытался нащупать несуществующую рукоятку меча, но никто не тронулся с места.

– Сегодня... Сегодня утром я слышал от нашего главнокомандующего, – заговорил наконец Судара, – что господин

Хиромацу будет здесь через несколько дней. Я хочу... Я буду говорить с ним. Молчите, будьте терпеливы, храните верность нашему сюзерену. А сейчас давайте пойдем и отдадим последние почести господину Сэрате Киёсио.

Торанага поднимался по лестнице. Одиночество поглотило его. На самом верху он остановился и на мгновение припал к стене, тяжело дыша. Внутри его разливалась боль, он попытался растереть грудь, чтобы хоть немножко ослабить резь.

– Это только нехватка физических упражнений, – пробормотал он, – только слабость, вот и все.

Наконец он двинулся дальше.

Он ясно и безжалостно сознавал: опасность велика. Измена и страх заразительны, и то и другое следует искоренять в зародыше без всякой жалости. И все равно ты не можешь быть уверен, что вырвал крамолу с корнем. Да, игра, которую он затеял, не детская забава. Слабый – пища для сильного, сильный – добыча для очень сильного. Если бы Судара публично заявил, что берет власть в свои руки, он, Торанага, был бы бессилён что-либо сделать. Пока не ответит Дзатаки, ему остается только ждать.

Он закрыл и запер за собой дверь, подошел к окну: внизу его военачальники и советники расходились по домам. Город за стенами крепости лежал почти в полной темноте, луна едва проглядывала сквозь облака и туман, ночь была спокойная, глухая. Ему казалось, что с небес на него опускается его судьба.

Глава 50

Блэкторн в одиночестве грелся на утреннем солнышке в углу сада перед гостевым домиком, строил воздушные замки, позабыв о словаре, который держал в руках. День был прекрасный, безоблачный, первый такой за много недель – и пятый с тех пор, как он в последний раз видел Торанагу. Все это время капитан провел в стенах замка, не имея возможности видеть Марико, навестить свой корабль или команду, посмотреть город, поохотиться, проехаться на лошади. Раз в день он плавал в одном из крепостных рвов вместе с самураями и убивал время, обучая плаванию и нырянию тех, кто этого не умел. Но ожидание не становилось легче.

– Простите, Андзин-сан, но сейчас все в таком же положении, – успокоила его Марико вчера, когда он случайно встретил ее в замке. – Даже господин Хиромацу вынужден ждать. Вот уже два дня, как он приехал, а все еще не видел господина Торанагу. К нему никого не допускают.

– Но это важно, Марико-сан. Я думал, он понимает, что дорог каждый день. А нельзя ли передать ему письмо?

– О да, Андзин-сан, это как раз просто. Вы только напишите. Если скажете мне, что хотите передать, я напишу для вас. Все, кто хочет получить аудиенцию, вынуждены писать ему – таков теперь порядок. Пожалуйста, потерпите – ничего другого не остается.

– Тогда, пожалуйста, попросите его о встрече. Я буду признателен...

– Не беспокойтесь, я сделаю это с удовольствием.

– Где вы сейчас? Уже четыре дня, как я вас не видел.

– Пожалуйста, извините меня, но я должна столько всего переделать. Это... Я уже с ног валюсь: столько приготовлений...

– Что происходит? Весь замок вот уже целую неделю гудит, словно потревоженный улей.

– Ох, простите, все прекрасно, Андзин-сан.

– Да? Извините, но командующий одной из армий и важный сановник совершили сэпку во дворе перед главной башней. Это нормально? Господин Торанага затворился от всех, заставляя

приближенных ждать без видимых причин. Это в порядке вещей? А что с господином Хиромацу?

– Господин Торанага – наш повелитель. Все, что он делает, правильно.

– А вы, Марико-сан? Почему я не вижу вас?

– Прошу извинить меня, но господин Торанага приказал мне предоставить вас вашим занятиям. Я сегодня навещу вашу наложницу, Андзин-сан, но не должна навещать вас.

– Почему он возражает против наших встреч?

– По одной причине, мне кажется: чтобы заставить вас говорить только на нашем языке. Это продлится всего несколько дней.

– Когда вы едете в Осаку?

– Не знаю. Я думала выехать три дня назад, но господин Торанага еще не подписал мой пропуск. Я уже договорилась о носильщиках и лошадях и ежедневно отдаю подорожную на подпись письмоводителю, но ее всегда возвращают со словами: «Принесите завтра».

– Думаю, я отправлюсь в Осаку морем. Он не говорил, чтобы я взял вас с собой?

– Да-да, говорил, но... Ну, вы, должно быть, уже поняли, Андзин-сан, с нашим сюзереном никогда ничего не знаешь заранее. Он меняет свои планы.

– Он всегда был такой?

– И да и нет. После Ёкосэ он охвачен... как бы это сказать?... меланхолией, что ли? Да, меланхолией. И стал совсем другим. Да, он теперь другой.

– С тех пор как мы пересекли Первый мост, вы тоже во власти меланхолии и совсем другая. Я вижу: вы теперь совсем другая.

– Первый мост был концом и началом, Андзин-сан. Помните наш уговор?

– Да. Пожалуйста, извините меня.

Она печально поклонилась и пошла, а потом, отойдя на безопасное расстояние, не поворачиваясь, прошептала: «Ты...» Эхо этого слова еще долго витало в коридоре вместе с запахом ее духов...

За вечерней едой Блэкторн попытался расспросить Фудзико. Но она также не сообщила ничего интересного – то ли не знала, то ли не могла, то ли не хотела объяснить, что творится в крепости.

– *Додзо гомэн насай*, Андзин-сан.

Спать он отправился раздраженным: его бесила проволочка и невозможность проводить ночи с Марико. Досада усугублялась сознанием того, что она рядом, а Бунтаро уехал из города. И это «ты...» говорило, что ею владеет столь же сильное желание. Несколько дней назад он отправился к ее дому под предлогом, что нуждается в помощи с японским. Самурай из охраны выразил сожаление: Марико-сан нет дома. Он поблагодарил и вяло побрел к главным южным воротам в надежде увидеть океан. Но земля была такая плоская, что ему не удалось разглядеть пристани, хотя, казалось, он различал вдалеке высокие мачты своего судна...

Океан притягивал его. Величавая вода, дальний горизонт, таинственная глубина... Так хотелось вновь почувствовать кожей дыхание попутного ветра, который омывает тебя, вынуждает щуриться, оставляет привкус соли на языке. Под ногами кренится палуба. Рангоут и снасти потрескивают и стонут под давлением парусов, которые время от времени издают радостный хлопок, когда крепкий бриз меняет направление на румб или два.

И свобода... Она куда важнее всего остального. Свобода идти куда хочешь при любой погоде и при первом желании. Свобода стоять на юте и быть *вершителем судеб*, как Торанага здесь.

Блэкторн взглянул на верхушку замковой башни: солнце отражалось в причудливо изогнутых карнизах черепичной кровли. Он не заметил наверху никакого движения, хотя и знал, что каждое окно ниже самого верхнего этажа тщательно охраняется.

Колокола пробили, отмерив очередной час. Середина часа лошади, самый полдень.

Он засунул словарь в рукав, радуясь, что наступило время первой настоящей еды. Сегодня это был рис со слегка обжаренными креветками, рыбный суп и маринованные овощи.

– Не хотите ли еще, Андзин-сан?

– Спасибо, Фудзико-сан. Да, пожалуйста, рису. И немного рыбы. Хорошо, очень... – Он поискал в памяти японское слово со значением «восхитительно» и произнес его несколько раз, чтобы запомнить: – Да, восхитительно, восхитительно.

Фудзико была обрадована:

– Спасибо. Эта рыба – с севера. На севере вода холоднее, понимаете? Она называется *курума-эби*.

Блэкторн повторил название и постарался удержать его в памяти. Когда он закончил есть, Фудзико налила чая и вынула из рукава сверток.

– Здесь деньги, Андзин-сан. – Она показала ему золотые монеты. – Пятьдесят кобанов. Это сто пятьдесят коку. Они вам не потребуются? На моряков. Простите, вы меня понимаете?

– Да, спасибо.

– Пожалуйста. Достаточно?

– Да, думаю, что да. Где вы их взяли?

– Главный... у Торанага-сама... – Фудзико пыталась найти способ объяснить проще. – Я пошла к важному человеку у Торанага-сама. Главному. Как Мура, понимаете? Не самураю – просто казначею. Расписалась за вас.

– Ах, понятно. Спасибо. Мои деньги? Мои коку?

– О да.

– Этот дом, еда, слуги... Кто платит?

– О, я плачу. Из ваших... из ваших коку за один год.

– А этого достаточно? Достаточно коку?

– О да. Да, думаю, что хватит, – уверила она.

– А почему беспокойство? Вы выглядите обеспокоенной.

– О, прошу меня простить, Андзин-сан. Я не обеспокоена. Не беспокоюсь...

– Болит? Ожоги?

– Не болит. Смотрите... – Фудзико осторожно поднялась с толстой подушки, которую приказал принести для нее Блэкторн. Она встала на колени прямо на татами, не выказывая никакого неудобства, потом опять опустилась на пятки и устроилась на подушке поудобнее. – Вот, все хорошо.

– Э-э-э, очень хорошо, – порадовался он за нее, – покажите-ка, ну?

Она осторожно встала и подняла подол, обнажив ноги сзади: рубцовая ткань не лопалась, нагноений не было.

– Очень хорошо, скоро будет похоже на кожу новорожденного, правда?

– Спасибо, да. Мягкая. Благодарю вас, Андзин-сан.

Он обратил внимание, что ее голос слегка изменился, но ничего не сказал. Этой ночью он не отпустил ее...

Она была ничего себе – не более того. У него не осталось приятных воспоминаний, радостной усталости. «Плохо, – подумал он, – но не так чтобы очень...»

Прежде чем уйти, она встала на колени и поклонилась, потом положила руки ему на лоб.

– Я благодарю вас от всей души. А теперь, пожалуйста, усните, Андзин-сан.

– Спасибо, Фудзико-сан. Я посплю позже.

– Пожалуйста, усните сейчас. Это мой долг и доставит мне большую радость.

Прикосновение ее руки было горячим и сухим и не доставило ему никакого удовольствия. Тем не менее он сделал вид, что заснул. Она ласкала его неумело, хотя и с большим терпением, потом тихонько ушла в свою комнату. Оставшись один и радуясь этому, Блэкторн подпер голову руками и лежал так, глядя в темноту и вспоминая...

Он принял решение насчет Фудзико по дороге из Ёкосэ в Эдо.

– Это ваш долг, – внушала ему Марико, лежа в его объятиях.

– Я думаю, это было бы неправильно. Вдруг у нее родится ребенок? А я поплыву домой и вернусь обратно через четыре года. Бог знает, что может случиться за это время. – Он помнил, как вздрогнула при этом Марико.

– Ох, Андзин-сан, это так долго.

– Ну, три года. Но ты поедешь со мной. Я возьму тебя с собой.

– Ты обещаешь, милый? Ничего такого не произойдет, правда?

– Ты права. Но с Фудзико может приключиться столько неприятностей. Я не думаю, что она хотела бы от меня ребенка.

– Вы этого не знаете. Я не понимаю вас, Андзин-сан. Это ваш долг. Она может не доводить дела до беременности, правда? Не забывайте: она ваша наложница. Вы покроете себя позором, если не будете спать с ней. В конце концов, Торанага лично приказал ей прийти в ваш дом.

– Почему он это сделал?

– Я не знаю. Не важно. Он приказал. Значит, и для нее, и для вас это самое лучшее. Это хорошо, правда? Она с честью выполняет свой долг. Прошу меня извинить, вам не кажется, что и вы должны выполнить свой?

– Хватит читать наставления. Просто любите меня, и все.

– Как мне любить тебя? Как сегодня учила Кику-сан?

– Как это?

– Вот так...

– Это очень хорошо, даже очень хорошо...

– Ох, я забыла, пожалуйста, зажгите лампу, Андзин-сан. Я хочу кое-что показать вам.

– Потом, сейчас я...

– Ох, пожалуйста, извините меня, это надо сейчас... Я купила для вас... Это книга об искусстве любви. Картинки очень смешные...

– Я не хочу сейчас смотреть книгу!

– Простите меня, Андзин-сан, но, может быть, одна из картинок возбudit вас. Как можно научиться делить изголовье без книги по этому делу?

– Я уже возбужден...

– Но Кику-сан сказала, что нет лучшего способа выбрать позу. Их всего сорок семь. Некоторые кажутся удивительными и очень трудными, но она утверждает, что важно попробовать все... Почему вы смеетесь?

– Вы смеетесь – почему бы мне тоже не посмеяться?

– Но я смеюсь потому, что вы хихикаете и я чувствую, как трясется ваш живот, а вы не даете мне встать. Пожалуйста, позвольте мне встать, Андзин-сан!

– Ах, но вы не сможете так сесть, Марико, моя любимая. Нет такой женщины в мире, которая могла бы так сесть.

– Но, Андзин-сан, пожалуйста, вы должны дать мне встать. Я хочу показать вам.

– Хорошо. Но если это...

– Ох, нет, Андзин-сан, я не хотела... Вы не должны... Вы не можете просто оставить меня... Пожалуйста, пока не надо... Ох, пожалуйста, не оставляй меня... Ох, как я люблю тебя так...

Блэкторну пришло в голову, что Марико во время любви возбуждала его больше, чем Кику, а Фудзико не с кем и сравнивать. А Фелисити?..

«Ах, Фелисити, – подумал он, сосредоточившись на этой своей заботе. – Я, должно быть, сошел с ума, что любил Марико и Кику. И все-таки... Если быть честным, она не может сравниться даже с Фудзико. Та хоть была чистой. Бедная Фелисити... Я никогда не посмею сказать ей этого, но у меня мурашки идут по спине, когда я

вспоминаю, как мы совокуплялись, словно пара горностаев, в сене или под грязными одеялами. Теперь я многое знаю лучше. Теперь я могу научить ее. Но захочет ли она учиться? И как мы сможем стать чистыми, оставаться чистыми и жить в чистоте? Мой дом – это грязь на грязи, но там моя жена и мои дети, и я им принадлежу».

– Не думайте о том доме, Андзин-сан, – прошептала Мариико сразу же, как только над ним опустились сумерки воспоминаний. – Настоящий дом здесь, другой далеко. Реальность здесь. Вы сойдете с ума, если будете искать *ва* в таком невозможном положении. Слушайте, если вы хотите мира, то должны научиться пить чай из пустой чашки. – Она показала ему как. – Вы думаете, что в чашке реальность, вы думаете, что там чай – бледно-зеленый напиток богов. Если вы предельно сосредоточитесь... О, учителя дзен могут вам это показать, Андзин-сан. Это так трудно – труднее всего, и так легко. Как бы мне хотелось показать вам... Тогда все в мире давалось бы вам, чего ни попросишь. Даже самые недостижимые дары. Такие, как совершенное спокойствие.

Он пробовал много раз, но никогда не мог вкусить жидкости, которой нет.

– Ничего, Андзин-сан. Потребуется очень много времени, чтобы научиться, но когда-нибудь вы сможете.

– А вы можете?

– Редко. Только в часы печали или одиночества. Но вкус несуществующего чая, кажется, придает смысл жизни. Это трудно объяснить. У меня получалось раз или два. Иногда вы достигаете *ва* с одной попытки.

...Сейчас, лежа без сна в темноте, он зажег свечу и сосредоточился на маленькой фарфоровой чашке, которую дала ему Мариико и которую он теперь все время держал у своей постели. Он бился целый час, но так и не смог очистить сознание. Неизменно одна за другой начинали появляться все те же мысли: «Я хочу уехать и хочу остаться. Я боюсь возвращения и боюсь не вернуться. Я ненавижу и желаю. А еще есть *эта*... Если бы дело касалось меня одного, я бы не уехал, пока... Но здесь замешаны и другие, а они не *эта*, и я давал клятву капитана: „Перед лицом Господа нашего обязуюсь вести корабли и с Божьей помощью привести их обратно“. Я хочу Мариико. Я хочу увидеть земли, которые мне дал Торанага. Мне нужно остаться здесь и

насладиться плодами моего везения еще некоторое время. Да, но есть еще долг, и он превыше всего...»

На рассвете Блэкторн знал, что, хотя решение вроде бы снова отложено, на самом деле он все решил. Окончательно.

«Помоги мне Бог, в первую и последнюю очередь я все же капитан!»

Торанага развернул клочок бумаги, который получил через два часа после рассвета. Послание от его матери было очень простым:

Ваш брат согласен, сын мой. Его письмо, подтверждающее это, будет выслано сегодня с гонцом. Господин Судара и его семейство должны прибыть в течение десяти дней.

Торанага сел, вдруг ослабнув. Голуби вспархивали со своих насестов, потом снова усаживались. На голубятню проникало ласковое утреннее солнышко, хотя ветер снова нагонял дождевые облака. Собрав все силы, даймё заторопился вниз по ступенькам в свои покои.

– Нага-сан!

– Да, отец?

– Пошли за Хиромацу. После него приведи моего письмоводителя.

– Да, отец.

Старый военачальник явился сразу же. Суставы его ныли после долгого восхождения по лестнице, тем не менее он низко поклонился, по обыкновению держа меч в руках. Лицо его казалось свирепее, старше и решительнее, чем когда-либо.

– Добро пожаловать, старый дружище!

– Спасибо, господин. – Хиромацу поднял на него глаза. – Я опечален, увидев на вашем лице отпечаток всех тягот мира.

– А я опечален тем, что видел и слышал вокруг одну измену.

– Да, измена – ужасная вещь.

Торанага заметил, как всматриваются в него непримиримые глаза старика.

– Ты можешь говорить свободно, друг мой.

– Вы знали, что я здесь? – Хиромацу был мрачен.

– Прошу простить, что заставил тебя ждать.

– Извините, что я беспокою вас. Чему вы радуетесь, господин? Пожалуйста, сообщите мне, какое будущее ожидает ваш дом. Это ваше

окончательное решение – ехать в Осаку, склониться перед навозной кучей?

– А ты знаешь за мной привычку принимать окончательные и бесповоротные решения?

Хиромаци нахмурился, осторожно выпрямил спину, чтобы облегчить боль в плечах.

– Я знаю, что вы терпеливы, решительны и всегда выигрываете. Вот поэтому и не могу понять того, что происходит сейчас. Непохоже, чтобы вы сдались.

– Разве судьба государства не важнее моего будущего?

– Нет.

– Исидо и другие регенты все еще законные правители страны согласно завещанию тайко.

– Я вассал Ёси Торанага-но Миновара и не признаю иных правителей.

– Хорошо. Послезавтра – день, выбранный мной для отъезда в Осаку.

– Да, я слышал.

– Ты будешь командовать эскортом, Бунтаро – тебе помогать.

Старый военачальник вздохнул:

– И это мне известно, господин. Но, вернувшись сюда, господин, я поговорил со старшими советниками и командующими.

– Да, ну и каково же их мнение?

– Что вам не следует оставлять Эдо. Что ваши приказы необходимо временно отменить.

– Кому?

– Мне. Моими приказами.

– Это то, чего они хотят? Или это то, что ты решил?

Хиромаци положил меч на пол, поближе к Торанаге, и, оставшись беззащитным, прямо посмотрел на него:

– Пожалуйста, извините меня, господин, я хотел спросить вас, как мне следует поступить. Долг, казалось бы, велит мне взять на себя командование и не допустить вашего отъезда. Это вынудит Исидо сразу же двинуться на нас. Мы, конечно же, проиграем, но это, видимо, единственный достойный путь.

– Но глупый, правда?

Серо-стальные брови Хиромаци сошлись к переносице.

– Нет. Мы умрем в бою, с почетом. Мы выиграем *ва*. Канто проиграет войну, но у нас в этой жизни не будет другого господина. *Сиката га най*.

– Я никогда не радовался бессмысленной гибели моих людей. Я не проиграл ни одной битвы и не вижу причин изменять своим привычкам.

– Потерпеть поражение в бою не позор, господин. Разве сдаться лучше?

– Так вы все сговорились?

– Господин, прошу меня извинить, я разговаривал только с отдельными людьми и рассматривал дело исключительно с военной точки зрения. Нет никакой измены или сговора.

– И все-таки ты прислушался к заговорщикам.

– Прошу меня извинить, но если я дам свое согласие как ваш главнокомандующий, тогда это будет уже не изменой, а законной государственной политикой.

– Принимать решения без вашего сюзерена – измена.

– Господин, известно много случаев, когда сюзерена смещали. Это делали вы, Города, тайко – мы все творили вещи и похуже. Победителей не судят.

– Вы решили свергнуть меня?

– Я прошу вас помочь мне принять решение.

– И это говорит единственный человек, которому я верил!

– Клянусь всеми богами, я просто хотел оставаться самым преданным вашим вассалом! Я только воин и желал бы выполнить свой долг перед вами. Я думаю только о вас. Я заслужил ваше доверие. Если это поможет вам – возьмите мою жизнь. Если это склонит вас к бою, я с радостью отдам мою жизнь, жизнь моего рода, сегодня, при всех или в уединении, как вы пожелаете. Разве не так поступил наш друг Киёсио? Простите, но я не понимаю, почему должен позволить вам одним махом перечеркнуть всю жизнь.

– Так ты отказываешься выполнять мои приказы и возглавить эскорт, который послезавтра отправится в Осаку?

Облако закрыло солнце, и оба они взглянули в окно.

– Скоро опять будет дождь, – заметил Торанага.

– Да, этот год выдался дождливым. Если дожди вскоре не прекратятся, весь урожай погибнет.

Они посмотрели друг на друга.

– Ну?

Железный Кулак спокойно произнес:

– Я прошу вас, господин, отдать мне приказ сопровождать вас послезавтра в Осаку.

– Поскольку это противоречит мнению всех моих советников, я принимаю их и твой совет и откладываю свой выезд.

Хиромацу опешил:

– Так вы не уезжаете, господин?

Торанага рассмеялся. Теперь можно было сбросить маску – он снова стал самим собой:

– Я никогда и не собирался ехать в Осаку. Не так уж я глуп.

– Что?

– Согласие, изъявленное мной в Ёкосэ, было уловкой, чтобы выиграть время, – дружелюбно объяснил Торанага. – Этот дурак Исидо клюнул на приманку: он ожидает меня в Осаке через несколько недель. Заглотнул ее и Дзатаки. И ты, и мои храбрые недоверчивые вассалы – все поймались. Без особых усилий я выиграл время – целый месяц, – поверг Исидо и его грязных прихвостней в смятение. Я слышал, они уже передрались между собой за Канто. Его обещали и Кияме, и Дзатаки.

– Вы не собирались ехать в Осаку? – Хиромацу покачал головой. Затем, когда ему открылась вся простота и очевидность идеи, расплылся в довольной улыбке. – Это все просто хитрый ход?

– Конечно. Пойми, все должны были попасться на эту хитрость! Дзатаки, все, даже ты! Иначе шпионы донесли бы Исидо. Он сразу выступил бы против нас, и тогда никто на земле и небесах, никакие боги не предотвратили бы мою гибель.

– Это верно. Ах, господин, простите меня. Я так глуп. Я заслуживаю того, чтобы мне отрубили голову! Так все это вздор, обычный вздор? Но... но что же с господином Киёсио?

– Он сказал, что виновен в измене. Мне не нужны командующие-изменники. Мне нужны послушные вассалы.

– Но почему такие нападки на господина Судару? Почему вы лишили его всех ваших милостей?

– Потому что мне так хотелось, – хрипло выговорил Торанага.

– Да. Прошу меня извинить. Это ваше право. Простите, что усомнился в вас.

– Почему я должен прощать тебя за то, что ты был самим собой, старина? Ты мне нужен, чтобы делать то, что делаешь, и говорить то, что сказал. Сейчас я нуждаюсь в тебе больше, чем когда-либо. Я должен хоть кому-то довериться. Поэтому я выбрал в доверенные лица тебя. Это должно остаться тайной между нами.

– О господин, вы осчастливили меня...

– Да, – перебил его Торанага, – это единственное, чего я боюсь.

– Простите, господин?

– Ты главнокомандующий. Ты один можешь связать руки всем глупцам, сомневающимся, недовольным, пока я жду. Я доверяю тебе, как и должно быть. Мой сын не может держать военачальников в узде, хотя и никогда не выдал бы своей радости, знай он тайну. Если бы он знал ее... Но твое лицо – открытые ворота твоей души, старый дружище.

– Тогда возьмите мою жизнь, дайте только мне разобраться с военачальниками.

– Это не поможет. Ты должен держать ворота на запоре до самого моего предполагаемого отъезда. Тебе придется следить за своим лицом, не расслабляться даже во сне. Ты один во всем мире знаешь! Ты единственный, кому я должен доверять!

– Простите мою глупость. Я не уловил. Объясните мне, что я должен делать.

– Скажи моим военачальникам правду: что убедил меня послушаться вашего совета, ведь это и их совет? Я прикажу отложить отъезд на семь дней. Потом отодвину его снова. На сей раз – из-за болезни. Ты один знаешь это.

– Потом? Потом будет «малиновое небо»?

– Не так, как задумывалось сначала. «Малиновое небо» всегда остается на самый крайний случай.

– Да. А что с мушкетным полком? Может он прорваться через горы?

– Часть пути он преодолет. Но не весь путь до Киото.

– Убейте Дзатаки.

– Может быть, и придется. Но Исидо и его союзники все еще непобедимы. – Торанага изложил доводы Оми, Ябу, Игураси и

Бунтаро, высказанные в день землетрясения. – В тот раз я приказал объявить «малиновое небо», просто чтобы ввести в заблуждение Исидо. И позаботился, чтобы часть наших разговоров достигла ушей, которым они не предназначались. Но войско Исидо все еще непобедимо.

– Как же нам расколоть их? Что с Киямой и Оноси?

– Эти двое непреклонны. Они настроены против меня. Как и все христиане, кроме моего капитана. Скоро он сослужит мне хорошую службу, как и его корабль. Больше всего мне нужно время. У меня есть союзники и тайные друзья по всей стране, и если у меня будет время... Каждый день добавляет мне сил и ослабляет Исидо. Такова моя военная стратегия. Каждый день отсрочки очень важен. Послушай, после окончания дождей Исидо выступит против Канто, одновременно нанося удар с двух сторон: Икава Дзикю нацелится на юг, Дзатаки – на север. Мы задержим Дзикю в Мисиме, потом отбросим к перевалу Хаконэ и Одаваре, где у нас будет последняя линия обороны. На севере мы остановим Дзатаки в горах вдоль тракта Косюкайдо, где-то около Микавы. Игураси и Оми были правы: мы сможем отбить первое наступление, но другого большого наступления допустить нельзя. Мы будем воевать, укрывшись за нашими горами. Воевать и тянуть время, а потом, когда урожай созреет, наступит день «малинового неба».

– Эх, скорее бы наступил этот день!

– Послушай, старый дружище, только ты сможешь держать моих военачальников в повиновении. Со временем, когда Канто будет в безопасности, полной безопасности, мы сможем выдержать наступление, и тогда союзники Исидо отступятся от него. Когда это случится, исчезнет угроза будущему Яэмона и завещание тайко будет исполнено.

– Вы не возьмете всю власть в свои руки, господин?

– Говорю тебе в последний раз: «Закон может попирать причину, но причина никогда не должна попирать закон, или все наше общество расплзется, как старые татами. Закон может отвергать причину, но причина не должна отвергать закон». Завещание тайко – это закон.

Хиромаци поклонился в знак согласия:

– Очень хорошо, господин. Больше я никогда не посмею упомянуть об этом. Прошу меня извинить. Сейчас... – он позволил себе улыбнуться, – как мне вести себя сейчас?

– Сделать вид, что тебе удалось убедить меня отложить отъезд. Просто держи их в своем железном кулаке.

– Сколько времени я должен притворяться?

– Этого я не знаю.

– Я не доверяю себе, господин. Могу дать маху, сам того не желая. Думаю, что сумею удерживать хмурую мину на своем лице несколько дней. С вашего разрешения, мои старые кости так разноются, что я буду вынужден полежать в постели – никаких посещений, да?

– Хорошо. Так и сделай через четыре дня. Пусть боли начнутся уже сегодня. Это будет нетрудно?

– Нет, господин. Простите. Я рад, что битва будет в этом году. В следующем... возможно, я уже не в силах буду вам помочь.

– Ерунда. Она начнется в этом году, хочу я того или нет. Через шестнадцать дней я уеду из Эдо в Осаку. К этому времени ты дашь «вынужденное согласие» и возглавишь эскорт. Только ты и я будем знать, что возникнут новые отсрочки и, задолго до наших границ, я поверну назад в Эдо.

– Пожалуйста, простите, что сомневался в вас. Если бы не роль, которую вы отвели мне в своих планах, я не смог бы жить с таким стыдом.

– Тебе нечего стыдиться, старина. Если бы не твоя нерушимая уверенность, Исидо и Дзатаки разгадали бы мою игру. Кстати, как там Бунтаро-сан? Ты видел его?

– Злой, господин. Хорошо, что ему предстоит участвовать в битве.

– Он не предлагал сместить меня?

– Если бы он только заикнулся, я бы «сместил» его голову! Тут же!

– Я вызову тебя через три дня. Проси о встрече ежедневно, но я пока буду отказывать.

– Да, господин. – Старый военачальник униженно поклонился. – Пожалуйста, простите старого дурака. Вы вернули смысл моей жизни. Благодарю вас. – Он вышел.

Торанага вынул из рукава маленький клочок бумаги и с огромным удовлетворением перечитал письмо матери. Если северный путь будет открыт – если Синано отступится от Исидо, – его, Торанаги, положение значительно улучшится. Он бросил бумагу в огонь. Та изогнулась и превратилась в пепел. Довольный, он растер пепел в

пыль. «Так кого же сделать новым главнокомандующим?» – спросил он себя.

В полдень Мариико пересекла передний двор, пройдя ряды безмолвных часовых, и вступила внутрь главной башни замка. Письмоводитель Торанаги ждал ее в одной из приемных на первом этаже.

– Сожалею, что пришлось послать за вами, госпожа Тода, – вяло сказал он.

– Я только рада, Каванаби-сан.

Каванаби, пожилой самурай с бритой головой и резкими чертами лица, был когда-то буддийским священником. Уже много лет он вел всю корреспонденцию Торанаги. Обычно веселый и оживленный, сегодня он, как и большинство обитателей замка, пребывал в пасмурном настроении. Он протянул Мариико небольшой бумажный свиток:

– Здесь ваша подорожная до Осаки, все бумаги выправлены как следует. Вы должны выехать завтра и прибыть туда как можно скорее.

– Благодарю вас. – Голос Мариико звучал необычно тихо.

– Господин Торанага желал бы передать с вами личные письма госпоже Кирицубо и госпоже Кото. А также господину Исидо и госпоже Отибе. Их вручат вам завтра на рассвете, если... простите, если они будут готовы, я прослежу, чтобы вам их передали.

– Благодарю вас.

Из множества свитков, аккуратно разложенных на низком столике, Каванаби выбрал один:

– Мне приказано передать вам этот указ об увеличении надела вашего сына, как обещал господин Торанага. Десять тысяч коку в год. Указ датирован последним днем последнего месяца и... ну, вот он.

Мариико взяла, прочитала и проверила печати – все ли в порядке. Но не испытала радости. Какую силу может иметь теперь эта бумага? Если ее сыну сохранят жизнь, он станет ронином.

– Спасибо. Пожалуйста, поблагодарите господина Торанагу за честь, оказанную нам. Мне разрешат повидаться с ним до отъезда?

– О да. Отсюда вас просили пойти на чужеземный корабль. Вам приказано ждать его там.

– Я... я буду переводить?

– Господин Торанага не сказал. Думаю, да, госпожа Тода. – Письмоводитель покосился на список, который держал в руке. – Господин Ёсианака получил приказ командовать отрядом, который сопровождает вас в Осаку, если это вам угодно.

– Почту за честь снова быть на его попечении. Спасибо. Могу я узнать, как чувствует себя господин Торанага?

– Видимо, достаточно хорошо, но для такого деятельного человека, как он, запереться на столько дней... Что я могу сказать? – Он беспомощно развел руками. – Простите. По крайней мере, он виделся с господином Хиромацу и согласился отложить выезд. Он также изъявил согласие заняться некоторыми другими делами. Сейчас необходимо установить твердые цены на рис – на случай плохого урожая... Но дел так много... Это непохоже на него, госпожа Тода. Плохие времена, правда? И ужасные пророчества: предсказатели говорят, что в этом году погибнет урожай.

– Я не поверю им, пока не придет время жатвы.

– Мудро, очень мудро. Но немногие из нас доживут до нее. Я еду с господином в Осаку. – Каванаби вздрогнул и нервно подался вперед. – Я слышал, что между Киото и Осакой опять начался мор – оспа. Это еще один знак того, что боги отворачиваются от нас.

– Непохоже, чтобы вы верили небесным предзнаменованиям, Каванаби-сан, или полагались на слухи. Вы знаете, что господин Торанага думает об этом.

– Знаю, простите. Но... никто не выглядит уверенным в себе в эти дни, так ведь?

– Может быть, слухи неверны? Я молюсь, чтобы это была неправда. – Она отбросила все свои предчувствия. – Есть какие-нибудь новые сведения о времени отъезда?

– Как я понял, господин Хиромацу говорит об отсрочке на семь дней. Я так рад, что вернулся наш главнокомандующий и убедил... По мне, лучше бы этот выезд отложили навсегда. Больше чести погибнуть здесь, сражаясь, чем там.

– Да, – согласилась она, зная, что нет уже никакого смысла притворяться, будто никого не посещают подобные мысли. – Сейчас, когда вернулся господин Хиромацу, наш господин, наверное, поймет, что сдаться не самый лучший выход.

– Госпожа, только для вас. Господин Хиромацу... – Он запнулся, поднял глаза и изобразил на лице улыбку – в комнату входил Ябу. – Ах, господин Касиги Ябу, как приятно вас видеть. – Он поклонился, поклонилась и Марико, последовал обмен любезностями, потом Каванаби объявил: – Господин Торанага ждет вас, господин. Прошу сразу же подняться наверх.

– Хорошо. По какому поводу он хотел меня видеть?

– Простите, господин, он сказал мне только, что хочет повидать вас.

– Как он?

Каванаби помешкал:

– Без изменений, господин.

– А его отъезд – назначен новый срок?

– Я понял, что это будет через семь дней.

– А господин Хиромацу не убедит его передвинуть срок еще дальше?

– Это было бы хорошо для нашего господина.

– Конечно. – Ябу вышел.

– Вы говорили о господине Хиромацу...

– Только для вас, госпожа, так как Бунтаро-сан сейчас отсутствует, – прошептал письмоводитель. – Когда старина Железный Кулак вышел от господина Торанаги, ему пришлось отдыхать почти час – у него начались очень сильные боли, госпожа.

– Ох, как ужасно, если с ним что-нибудь случится именно теперь!

– Да, без него вспыхнет смута. Эта отсрочка ничего не решает. Всего-навсего небольшое перемирие. Настоящая беда... Я... я боюсь... С тех пор как господин Судара вызвался быть помощником командующего Киёсио, наш господин каждый раз при упоминании имени господина Судары очень сердится... Ведь только господин Хиромацу убедил его отложить выезд, и это единственное, что... – Слезы потекли по его щекам. – Что случилось, госпожа? Он теряет над собой власть?

– Нет, я убеждена, все будет хорошо. – Марико произнесла это твердо, но сама не очень верила в то, что говорила. – Благодарю вас за то, что вы рассказали. Я постараюсь повидаться с господином Хиромацу до отъезда.

– С Богом, госпожа!

Она вздрогнула:

– Я не знала, что вы христианин, Каванаби-сан.

– Я – нет, госпожа. Просто знаю, что у вас принято так говорить.

Марико вышла во двор, на солнышко, разнообразные чувства переполняли ее. Ее очень расстроила недобрая весть о здоровье Хиромацу, и в то же время она благодарила Бога, что ожидание ее закончилось и завтра она может уехать. А теперь – в паланкин, охрана уже готова выступить.

– Ах, госпожа Тода! – Это Гёко вышла из тени и встала у нее на пути.

– Доброе утро, Гёко-сан. Как я рада вас видеть! Надеюсь, у вас все хорошо? – Марико почувствовала внезапный озноб, машинально начав обычный обмен любезностями.

– Боюсь, что совсем не хорошо, извините. Очень жаль, но, кажется, мы вышли из милости у нашего господина – Кику-сан и я. Нас услали на грязный третьеразрядный постоялый двор – я не поместила бы в подобную дыру даже госпожу восьмого класса.

– Ох, простите, я уверена, это какая-то ошибка.

– Ну да, ошибка! Конечно, надеюсь, что это так, госпожа. Сегодня мне наконец повезло: я получила ответ на мою просьбу посетить великого господина. Мне разрешено явиться в замок на поклон к великому господину, немного попозже. – Гёко криво улыбнулась. – Я слышала, вы тоже приходили к господину письмоводителю, и подумала: стоит подождать вас, чтобы приветствовать. Надеюсь, вы не возражаете?

– Благодарю, я рада вас видеть, Гёко-сан. Я хотела навестить вас обеих или пригласить к себе, но, к сожалению, не представилось возможности.

– Да, так печально. Сейчас плохие времена. Плохие для высокородных господ, плохие для крестьян. Бедная Кику-сан совсем заболела от расстройства, что попала в немилость.

– Я уверена, это не так, Гёко-сан. Господин Торанага сейчас столкнулся с массой срочных дел.

– Верно, верно. Не выпить ли нам чая, госпожа Тода? Мне было бы так лестно немного поболтать с вами.

– Простите, но мне приказано идти по одному делу, а то бы я с радостью.

– Ах да, вам же нужно на корабль Андзин-сана! Простите, забыла. А как Андзин-сан?

– Думаю, хорошо. – Марико взбесилась оттого, что Гёко посвящена в ее личные дела. – Я видела его только раз и всего несколько мгновений – с тех пор как мы прибыли сюда.

– Привлекательный мужчина, очень. Жаль, когда не видишься с друзьями, правда?

Обе женщины продолжали улыбаться, речи их были вежливы, голоса беззаботны – обе сознавали, что за ними наблюдают и подслушивают ожидающие Марико нетерпеливые самураи.

– Я слышала, Андзин-сан посетил своих друзей, свою команду. Как он нашел их?

– Он ничего не сообщил мне об этом, Гёко-сан. Мы ведь виделись недолго. Простите, но я должна вас покинуть...

– Печально, когда не видишься с друзьями. Может быть, я могу рассказать о них? Знаете, они живут в деревне *эта*.

– Что?!

– Да-да. Кажется, его друзья сами попросили разрешения там поселиться – предпочли деревню *эта* приличным местам. Любопытно, да? Они не такие, как Андзин-сан, он совсем другой. Говорят, тамошние места больше напоминают им родину. Занятно, да?

Марико вспомнила, каким странным был Андзин-сан, когда она в тот день встретилась с ним на лестнице. «Теперь все понятно, – подумала она. – *Эта!* Мадонна, вот бедняга! Как он должен был стыдиться».

– Простите, Гёко-сан, что вы сказали?

– Просто удивительно, что Андзин-сан так отличается от остальных.

– А вы видели их? Остальных? Какие они?

– Нет, госпожа, я не бывала там. Что могло бы привести меня туда? Или к *эта*? Я должна думать о своих гостях и о моей Кику-сан. А также о сыне.

– Ах да, ваш сын!

Лицо Гёко под зонтиком приняло жалостное выражение, но глаза, коричневые, как ее кимоно, сохраняли жесткость кремня.

– Пожалуйста, извините меня, но я думаю, вы не знаете, почему мы потеряли расположение господина Торанаги.

– Нет. Я уверена, вы ошибаетесь. Контракт утвержден? В соответствии с договоренностью?

– Да, спасибо. У меня письмо рисоторговцам в Мисиме с приказом выплатить деньги по первому требованию. Правда, меньшую сумму, чем мы договорились. Но разве деньги меня волнуют? Что такое деньги, когда лишаешься милости господина?

– Я уверена, вы снова обретете его расположение.

– Ах, его расположение... Я беспокоюсь о вас тоже, госпожа Тода.

– Я всегда к вам хорошо относилась. По-дружески, Гёко-сан. Мы могли бы поговорить в другое время, а сейчас я действительно должна откланяться, так что извините, пожалуйста...

– Вы так добры, меня это радует. – И когда Марико уже повернулась, чтобы уйти, Гёко добавила самым медовым голоском: – Ведь у вас будет время? Вы едете завтра в Осаку, не правда ли?

Марико внезапно почувствовала, как в грудь ей вонзилась холодная игла. Ловушка захлопнулась.

– Что-нибудь не так, госпожа?

– Нет-нет, Гёко-сан. Вам будет удобно встретиться в час собаки сегодня вечером?

– Вы слишком добры, госпожа, о да. Вам сейчас представится случай повидать нашего господина... Вы бы не замолвили словечко за нас? Нам нужна такая малость.

– Буду рада. – Марико немного подумала. – Есть благодеяния, которых можно просить, но на которые не стоит рассчитывать.

Гёко на секунду замерла:

– Ах! Вы уже просили его... просили его о милости для нас?

– Конечно, почему было не попросить? Разве Кику-сан не фаворитка, а вы не преданный вассал? Разве в прошлом вам не были оказаны милости?

– Мои желания всегда так скромны. Все, о чем я говорила, остается в силе, госпожа. Может быть, и больше.

– О голодных псах?

– О длинных ушах и коротком языке.

– Ах да! Тайны.

– Мне так легко доставить радость. Милость моего господина – и моей госпожи – это ведь не такая большая просьба?

– Нет, но только если представится случай... Я ничего не могу обещать.

– До вечера, госпожа.

Они раскланялись, и никто ничего не заметил. Сопровождаемая поклонами, Марико села в паланкин, пряча охватившую ее дрожь, и кортеж тронулся. Гёко смотрела ему вслед.

– Ты, женщина! – грубо окликнул ее проходивший мимо молодой самурай. – Чего ты ждешь? Ступай по своим делам!

– Ха! – презрительно откликнулась Гёко, к удивлению окружающих. – Женщина, да? Щенок! Если бы я пошла по твоим делам, мне пришлось бы здорово их поискать, ведь ты еще не дорос до того, чтобы иметь хотя бы соломенную крышу!

Все расхохотались. Тряхнув головой, Гёко бесстрашно удалилась.

– Привет, – сказал Блэкторн.

– Доброе утро, Андзин-сан. Вы прямо сияете!

– Спасибо. Это потому, что я вижу такую красивую женщину.

– Ах, спасибо! – вспыхнула Марико. – Как ваш корабль?

– Первый класс! Вы не хотели бы подняться на борт? Я показал бы вам все на корабле.

– А это можно? Мне приказано встретиться здесь с господином Торанагой.

– Мы все ждем его. – Блэкторн повернулся и заговорил со старшим в порту самураем: – Командир, я отведу на корабль госпожу Тода, покажу ей все. Как только появится господин Торанага, вы позовете, да?

– Как вам будет угодно, Андзин-сан.

Блэкторн увел Марико с пристани. Везде стояли самураи; заграждения и охрана на берегу и на палубе были серьезнее, чем обычно. Сначала он провел ее на ют.

– Это мое, все мое, – гордо произнес он.

– А из вашей команды здесь есть кто-нибудь?

– Нет, никого. Сегодня никого, Марико-сан. – Он как мог быстро показал ей все, потом повел вниз. – Это моя каюта. – Верхние окна-фонари смотрели в сторону берега. Он закрыл дверь. Теперь они были совсем одни.

– Это ваша каюта? – спросила она.

Он кивнул, глядя на нее. Марико кинулась ему в объятия. Блэкторн крепко обнял ее:

– О, как мне не хватало тебя!

– И мне не хватало тебя...

– Мне так много надо сказать тебе... И спросить тебя... – начал он.

– Мне нечего сказать, кроме того, что я люблю тебя всем сердцем. – Она задрожала в его руках, пытаясь забыть тот ужас, что охватил ее при мысли о Гёко. – Я так боюсь за тебя.

– Не бойся, Марико, моя любимая, все будет хорошо...

– То же я говорю и себе. Но сегодня нельзя принять карму и волю Бога.

– Ты так отдалилась в последнее время.

– Это Эдо, любовь моя. За Первым мостом...

– Это из-за Бунтаро-сана. Да?

– Да, – просто признала она. – И решения Торанаги сдаться. Такая позорная бессмыслица... Никогда не думала, что скажу подобное вслух, но должна. Извини меня. – Она прижалась к его плечу. – Род Тода слишком сильный и важный. В любом случае меня не оставят в живых.

– Тогда вы должны уехать со мной. Мы сбежим. Мы будем...

– Извините, но бежать некуда.

– Даже если Торанага позволит?

– С какой стати он позволит?

Блэкторн быстро пересказал ей, о чем говорил с Торанагой, кроме своей просьбы насчет нее.

– Я знаю, что могу прищемить хвост священникам. Они живо убедят Кияму или Оноси принять его сторону, если он разрешит мне захватить черный корабль, – возбужденно закончил Блэкторн. – Я могу это сделать!

– Да, это должно сработать, Андзин-сан. Харима сейчас враждебен нам, и ничто не мешает Торанага-сама разрешить захват. Если мы собираемся воевать, а не сдаваться, – сказала она, радуясь, что, к счастью для Церкви, ему придется ждать решения Торанаги. Она еще раз оценила план и нашла его безупречным.

– Если господин Кияма, или господин Оноси, или оба они присоединятся к Торанаге, чаша весов склонится в нашу сторону?

– Да, если к тому же в наш лагерь перейдет Дзатаки и мы выиграем время. – Она уже объясняла ему стратегическую важность контролируемого Дзатаки северного пути. – Но Дзатаки настроен враждебно к Торанага-сама.

– Послушайте, я могу прижать священников. Простите, но они мои враги, хотя и ваши пастыри. Я могу управлять ими, как он захочет – и как я тоже. Вы можете мне поддержать его?

Она посмотрела на него:

– Но как?

– Помогите мне уговорить его. Пусть даст мне шанс и отложит отъезд в Осаку.

Послышались стук конских копыт и голоса людей, въезжающих на пристань. Блэкторн и Марико подошли к окнам: самураи отгаскивали в сторону одно из ограждений – в освободившийся проход въехал на лошади отец Алвито.

– За каким чертом его принесло? – недовольно пробормотал Блэкторн.

Они увидели, как священник спешился, вынул из рукава свиток и отдал его старшему из самураев. Тот прочитал. Алвито взглянул на корабль.

– Какую бы цель он ни преследовал, это официальный визит, – пояснила Марико.

– Я не против Церкви, Марико-сан. Не Церковь – зло, а священники. И не все они плохи. Алвито не плохой человек, хотя и фанатик. Я верю, что иезуиты подчинятся Торанаге, если я захвачу черный корабль и буду угрожать новым захватом на следующий год. Им ведь нужны денежные поступления – португальцы и испанцы должны получать деньги. Торанага более важен. Вы можете мне?

– Да-да, я буду вам помогать, Андзин-сан. Но, прошу меня извинить, я не могу предавать Церковь.

– Все, о чем я прошу, – поговорить с Торанагой или помочь мне добиться разговора с ним, если найдете это предпочтительным.

Издали послышался звук горна. Они снова выглянули в окно. Все смотрели на запад: со стороны замка приближалась голова колонны самураев, окружающих носилки с занавешенными окнами.

Открылась дверь каюты.

– Андзин-сан, выходите, пожалуйста, – позвал самурай.

Блэкторн вышел на палубу и, спустившись на пристань, холодно, но вежливо кивнул Алвито, священник ответил с такой же ледяной вежливостью. Но с Марико Алвито был ласков:

– Привет вам, Марико-сан. Как приятно вас видеть.

– Благодарю вас, святой отец, – ответила она, низко кланяясь.

– Примите мои благословения. – Он перекрестил ее. – Во имя Отца, Сына и Святого Духа!

– Благодарю вас, святой отец.

Алвито взглянул на Блэкторна:

– Ну, капитан, как ваш корабль?

– Уверен, что вы и сами это видите.

– Да, вижу. – Алвито оглядел «Эразм», лицо его стало строгим. – Может быть, Бог проклянет это судно и всех, кто плавает на нем, если его используют против дела веры и Португалии!

– Вот зачем вы приехали сюда? Добавить яду?

– Нет, капитан. Меня просили приехать, чтобы встретиться с господином Торанагой. Я нахожу ваше присутствие здесь столь же неприятным, сколь и вы – мое.

– Ваше присутствие здесь не включает в себе ничего неприятного, святой отец. Неприятен только дьявол, которого вы здесь представляете.

Алвито вспыхнул, а Марико быстро сказала:

– Пожалуйста... Нехорошо ссориться при посторонних. Я прошу вас обоих быть осмотрительнее.

– Да, пожалуйста, извините меня, Марико-сан. Я приношу свои извинения.

Отец Алвито отвернулся и уставился на зашторенный паланкин, минующий ограждение. Ветер развевал личный флаг Торанаги, самураи в коричневых кимоно шли впереди и сзади паланкина, окруженные пестрой беспорядочной толпой своих братьев.

Паланкин остановился, занавески распахнулись, вышел Ябу. Все были поражены, но тем не менее поклонились. Ябу высокомерно ответил на приветствие.

– Ах, Андзин-сан! – воскликнул он. – Как вы?

– Хорошо, благодарю вас, господин. А как вы?

– Прекрасно, благодарю вас. Господин Торанага болен. Он просил меня явиться вместо него. Вы понимаете?

– Да, понимаю, – ответил Блэкторн, пытаясь скрыть разочарование, вызванное отсутствием Торанаги. – Так жаль, что господин Торанага болен.

Ябу пожал плечами, уважительно поздоровался с Марико, притворяясь, что не замечает Алвито, и некоторое время рассматривал корабль. Он криво улыбнулся и обратился к Блэкторну:

– *Со дэс*, Андзин-сан. Ваш корабль стал другим, с тех пор как я в последний раз видел его. Да, корабль другой, все другое, даже наш мир стал другим.

– Простите, я не понял, господин. Прошу меня извинить, но вы говорите слишком быстро. Что касается меня... – Блэкторн начал заготовленную фразу, но Ябу хрипло прервал его:

– Марико-сан, пожалуйста, переведите нам.

Она перевела. Блэкторн кивнул и медленно произнес:

– Да. Другим, Ябу-сама.

– Совсем другим. Вы больше не чужеземец, а самурай. То же самое и с вашим кораблем.

Толстые губы Ябу сложились в улыбку, и она, равно как и его вызывающая поза, перенесла капитана в Андзиро. Вот он стоит на коленях на берегу. Крок в котле. Крики Питерзона звенят в ушах, запах погребя бьет в ноздри. Разум его возопил: «Так неужели все это зря – все страдания и ужас, Питерзон, Спилберген, Матсюккер, тюрьма, *эта* и неволя?! И все это твоя вина!»

– С вами все в порядке, Андзин-сан? – осведомилась Марико, заглянув ему в глаза и испугавшись.

– Что? Ох да... Да, со мной все в порядке...

– Что с ним? – спросил Ябу.

Блэкторн потряс головой, усилием воли пытаясь остановить поток воспоминаний, стереть с лица его следы. Наверняка ненависть уже проступила наружу и выдала его.

– Простите, пожалуйста, я сожалею. Я... не обращайтесь внимания. Просто вдруг стало плохо с головой – бессонница. Простите. – Он поглядел в глаза Ябу, проверяя, остался ли незамеченным его опасный промах. – Жаль, что Торанага-сама болен. Надеюсь, ничего серьезного, Ябу-сама?

– Нет, беспокоиться не о чем, Андзин-сан. – «Да беспокойство – это ты! – подумал Ябу. – Ничего, кроме беспокойства, я не видел с тех пор, как твой грязный корабль прибило к моим берегам. Идзу ускользнула от меня, и ружья, и честь. Самая моя жизнь теперь под угрозой из-за этого труса Торанаги». – Все хорошо. – Тон его был очень любезен. – Торанага-сама просил меня передать вам ваших вассалов, как он обещал. – Глаза Ябу обратились к Алвито. – Так-так, Цукку-сан! Почему же вы стали врагом Торанага-сама?

– Я не враг, Касиги Ябу-сама.

– Но ваши христианские даймё – враги, так?

– Прошу извинить меня, господин, но мы священники, и только. Мы не отвечаем за то, на чьей стороне те, кто исповедует истинную веру, и не имеем власти над теми даймё, которые...

– Истинная вера Земли богов – это синто, вместе с дао и буккё!

Алвито не ответил. Ябу презрительно отвернулся и выкрикнул приказ. Группа оборванных и безоружных самураев – у некоторых были связаны руки – начала строиться в одну шеренгу перед кораблем. Алвито выступил вперед и поклонился:

– Простите меня, господин. Я пришел, чтобы повидать господина Торанагу. Так как он не прибыл...

– Господин Торанага желает, чтобы вы переводили нашу беседу с Андзин-саном, – прервал его Ябу с умышленной грубостью, выполняя приказ Торанаги. – Вы один можете делать это быстро и без запинки. Конечно, вы не откажетесь исполнить желание господина Торанаги?

– Нет, конечно нет, господин.

– Так. Мариико-сан! Господин Торанага просил вас проследить за тем, чтобы ответы Андзин-сана переводились правильно.

Алвито побагровел, но сдержался.

– Да, господин. – Мариико сразу возненавидела Ябу.

Ябу отдал еще один приказ. Два самурая подошли к носилкам и вернулись с денежным сундуком – они тащили его из последних сил.

– Цукку-сан, начинайте переводить. Во-первых, Андзин-сан, господин Торанага просил меня вернуть вам вашу собственность. Откройте! – приказал он самураям. Сундук был до краев полон серебряных монет. – Возвращаю в неприкосновенности.

– Благодарю вас. – Блэкторн едва верил своим глазам: теперь, имея возможность расплачиваться наличными, он мог нанять самую лучшую команду.

– Отнести в кладовую?

– Да, конечно.

Ябу махнул рукой самураям, чтобы поднимали на борт сундук, и продолжил свою речь (Алвито, которому пришлось ее переводить, кипел от ярости):

– Во-вторых, господин Торанага предоставляет вам выбор – свободно отплыть или остаться. На нашей земле вы – самурай, хатамото и подчиняетесь самурайским законам. На море, за пределами наших берегов, вы вправе вести себя как прежде, до прибытия к нам, и подчиняться своим, чужеземным законам. Вам пожизненно предоставлено право заходить в любой порт, подвластный господину Торанаге, не испрашивая разрешения портовых властей. И последнее: эти двести человек – ваши вассалы. Господин Торанага поручил мне препроводить их к вам – с оружием, как и обещал.

– Я могу отплыть когда захочу? – недоверчиво уточнил Блэкторн.

– Да, Андзин-сан, вы можете отплыть. Господин Торанага дал согласие.

Блэкторн посмотрел на Мариико, но она избегала его взгляда.

– Я могу это сделать прямо завтра?

– Да, если пожелаете, – подтвердил Ябу. – Так, об этих людях: все они ронины из северных провинций. Все согласились поклясться в вечной преданности вам и вашему потомству. Хорошие воины. Никто не совершил преступления, в котором был бы уличен. А ронинами они стали потому, что их сюзерены убиты, умерли или низвергнуты. Многие воевали на море против вако. – Ябу глумливо улыбнулся. – Кое-кто и сам мог быть вако. Вы понимаете, что значит «вако»?

– Да, господин.

– Те, что связаны, возможно, были разбойниками или вако. Все эти люди составляли одну шайку, сдались вместе и изъявили желание бесстрашно служить, если им простят прошлые преступления. Они

клялись господину Нобору – он собрал их по приказу господина Торанаги, – что никогда не совершали преступлений против господина Торанаги или его самураев. Вы можете принять их каждого в отдельности либо всех скопом или отказаться от них. Понимаете?

– Я могу отказаться от кого-нибудь из них?

– А зачем? – удивился Ябу. – Господин Нобору очень тщательно их отбирал.

– Ох, конечно, простите, – устало откликнулся Блэкторн, понимая, что даймё Ябу просто зло шутит над ним. – Я понял. Но вот что будет с теми, которые связаны, если я от них откажусь?

– Им отрубят головы. Обязательно. Что еще с ними делать?

– Ах так... Простите.

– Пойдемте. – Ябу широкими шагами двинулся к носилкам.

Блэкторн взглянул на Марико:

– Я могу отплыть! Вы слышали!

– Да.

– Это значит... Это похоже на сон. Он сказал...

– Андзин-сан!

Блэкторн послушно заторопился вслед за Ябу. Теперь паланкин играл роль помоста. Чиновник поставил маленький столик, разложил на нем свитки с записями. Немного дальше, в стороне, самураи охраняли кучу длинных и коротких мечей, копий, щитов, секир, луков и стрел – всем этим оружием были навьючены лошади, и теперь носильщики складывали его на землю. Ябу сделал знак Блэкторну сесть рядом, Алвито – впереди, а Марико усадил с другой стороны от себя. Чиновник выкрикивал имя, ронин выходил вперед, торжественно кланялся, называл себя, присягал на верность, подписывал бумагу и вместо печати выдавливал на бумагу каплю крови из пальца – писарь привычно прокалывал его иглой. Затем становился перед Блэкторном на колени и, встав, торопился к оружейнику – получить сначала длинный меч, потом короткий. Все почтительно брали мечи, дотошно осматривали, выражали одобрение, убедившись в их высоком качестве, и со свирепой радостью засовывали за пояс. Получив полный набор оружия и боевой щит, ронины занимали место в строю, превращаясь в самураев. В полном вооружении они казались сильнее, стройнее и свирепее. Оставались еще тридцать связанных разбойников. Блэкторн настоял на том, чтобы лично разрезать на

каждом веревки. Один за другим они клялись ему в верности наравне с остальными:

– Честью самурая клянусь, что ваши враги – мои враги, а я – ваш верный слуга!

После клятвы каждый получал оружие.

Ябу выкликнул:

– Урага-но Тадамаса!

Вперед выступил молодой человек без оружия, в простом кимоно и бамбуковой шляпе. Алвито почувствовал боль в сердце: брат Жозеф! А он и не заметил его среди самураев. Ябу ухмыльнулся – от него не укрылось замешательство иезуита – и повернулся к Блэкторну:

– Андзин-сан, это Урага-но Тадамаса. Самурай, теперь ронин. Вы узнаете его? Поняли слово «узнать»?

– Да, понял. Узнаю.

– Прекрасно. Он был послушником у христиан?

– Да, это так.

– А теперь нет. Понятно? Теперь ронин.

– Понятно, Ябу-сама.

Ябу следил за Алвито: священник неотрывно смотрел на отступника, а тот, в свою очередь, с ненавистью уставился на него.

– Ах, Цукку-сан, вы тоже его узнали?

– Да, узнал, господин.

– Вы готовы переводить или живот прихватило?

– Готов. Пожалуйста, продолжайте, господин.

Ябу махнул рукой в сторону Ураги:

– Господин Торанага отдает вам, Андзин-сан, этого человека, если он вам нужен. Когда-то он готовился стать христианским священником. А теперь отказался от фальшивого чужестранного Бога и вернулся к истинной вере – синто. – Он замолчал, так как священник тоже умолк. – Вы точно переводите, Цукку-сан? Истинной вере – синто!

Священник не отвечал. Он вздохнул и перевел абсолютно точно, добавив:

– Это он так говорит, Андзин-сан. Мой Бог простит его.

Марико пропустила это без комментариев, еще больше возненавидев Ябу и пообещав себе отомстить ему в скором времени.

Ябу посмотрел на них, потом продолжал:

– Так что Урага-сан – бывший христианин. Теперь он готов служить вам. Он может говорить на языках чужеземцев. Он был среди тех четырех юношей-самураев, которых посылали в ваши края. Он даже встречался с главой всех христиан – как они его называют? – но теперь ненавидит их, совсем как вы. – Глаза Ябу метались от Алвито к Мариико, которая все так же внимательно вслушивалась в его слова. – Вы же ненавидите христиан, Андзин-сан?

– Большинство католиков – мои враги, – не стал отрицать Блэкторн, вполне отдавая себе отчет в том, как остро воспринимает это Мариико, хотя и хранит внешне бесстрастный, отсутствующий вид. – Испания и Португалия – враги моей страны, это точно.

– Христиане и наши враги тоже. Да, Цукку-сан?

– Нет, господин. И христианство дает вам ключ к бессмертию.

– Это так, Урага-сан? – тут же задал вопрос Ябу.

Урага покачал головой, голос его был холоден.

– Я больше так не думаю, господин. Нет.

– Скажите это Андзин-сану.

– Сеньор Андзин-сан, – начал Урага (несмотря на чудовищный акцент, его португальская речь была правильна и понятна), – я не думаю, что католицизм – замок... простите, ключ к бессмертию.

– Согласен, – откликнулся Блэкторн.

– Отлично, – подхватил Ябу. – Так вот, господин Торанага предлагает этого ронина вам, Андзин-сан. Он хотя и отступник, но происходит из хорошей самурайской семьи. Урага клянется, что, если вы примете его, будет вашим писарем, переводчиком и всем, кем хотите. Вы дадите ему мечи. Что еще, Урага? Скажи сам.

– Сеньор, прошу простить меня. Во-первых... – Урага снял шляпу: тонзура у него уже заросла, волосы были пострижены как у самурая, но пучка еще не имелось. – Во-первых, я стыжусь того, что у меня такая прическа и нет пучка, как у самурая. Но волосы отрастут, и я не стал от этого более плохим самураем. – Он надел шляпу и перевел Ябу слова, с которыми обратился к Блэкторну. Ронины, стоявшие рядом, внимательно слушали его. – Во-вторых, пожалуйста, простите меня, но я не умею обращаться с оружием, с любым оружием, никогда этому не учился. Но научусь, верьте мне, научусь. Клянусь вам в абсолютной преданности и прошу вас принять меня... – По лицу и по спине мужчины обильно струился пот.

Блэкторн сочувственно произнес:

– *Сиката га най?* (Какое это имеет значение?) *Нэ укэри анатава дэс* (я принимаю вас), Урага-сан.

Урага поклонился, потом объяснил Ябу, о чем они говорили. Все сохраняли серьезность, кроме Ябу, который рассмеялся, но тут же умолк: между двумя оставшимися ронинами началась перебранка из-за мечей.

– Эй, вы там, заткнитесь! – рявкнул Ябу.

Ронины обернулись, и один из них проворчал:

– Вы не мой господин! Откуда у вас такие манеры? Объясните, пожалуйста, или сами заткнитесь!

Ябу мгновенно вскочил на ноги и яростно замахнулся мечом на дерзнувшего оскорбить его. Все бросились врассыпную, а ронин ускользнул от удара. У края пристани он выхватил меч, резко повернулся и устремился в атаку, издав ужасный боевой клич. На выручку ему, с мечами наготове, кинулись все его друзья, и Ябу оказался в ловушке. Ронин напирал, Ябу избежал сокрушительного удара меча, ответил таким же ударом, но промахнулся – противник его нырнул вперед, изготавливаясь поразить врага. Самураи Торанаги надумали вмешаться, но слишком поздно. Всем было ясно: Ябу обречен.

– Сто-о-ой!! – гаркнул Блэкторн по-японски. Все замерли, пораженные силой его голоса. – Назад! – Он показал на линию, вдоль которой выстраивалось его воинство перед этим. – Живо! Приказываю вам!

На мгновение вся пристань замерла... и вновь возобновилось движение. Остолбенение проходило медленно. Ябу снова наскочил на ронина. Тот отпрыгнул назад, отступил в сторону, меч взметнулся над головой – громадное двуручное чудовище, бесстрашно ждущее следующей атаки. Друзья ронина заколебались.

– Разойдитесь! Немедленно! Вы слышали, это приказ! – надрывался Блэкторн.

Ронины неохотно, но повиновались, отступали прочь, прятали мечи в ножны. Ябу и его соперник медленно кружили напротив друг друга.

– Эй, ты! – Блэкторн обращался к воинственному ронину. – Стой! Брось меч! Я тебе приказываю!

Ронин не спускал злобного взгляда с Ябу, но приказ возымел действие: он облизал губы, сделал обманное движение влево, потом вправо. Ябу отпрянул, ронин ускользнул от него, подскочил ближе к Блэкторну и опустил перед ним меч:

– Я повинуюсь, Андзин-сан. Я не нападаю на него.

Ябу по-змеиному подкрадывался, но ронин уклонился и бесстрашно отступил – он был легче, моложе и быстрее Ябу.

– Ябу-сан! – отчаянно воззвал Блэкторн. – Простите, может, тут недоразумение? Может...

Но Ябу разразился потоком брани и понесся на ронина – тот, без всякого страха, избежал и второго удара.

Алвито, взиравший на это безумие с холодным любопытством, перевел:

– Ябу-сан сказал, что нет никакого недоразумения. Этот ронин непременно умрет – ни один самурай не может вынести такого оскорбления!

Блэкторн чувствовал, что все смотрят на него, и отчаянно пытался сообразить, что же делать. Ябу преследует его человека и не оставит его в живых. Слева от Блэкторна самураи Торанаги наложили стрелы на тетивы. Слышалось только тяжелое дыхание, топот и страшная ругань. Ронин отскакивал, изворачивался, убегал – кружа по свободному пространству, прыгая в сторону, нагибаясь и не переставая поливать Ябу бранью.

Алвито объяснил:

– Он дразнит господина Ябу, Андзин-сан. Он говорит: «Я самурай. Я не убиваю безоружных людей, как ты! Ты не самурай, ты – воняющий дерьмом крестьянин, вот ты кто. Ты не самурай – ты *эта*. Твоя мать была *эта*, твой отец был *эта*, и...» – Тут священнику пришлось умолкнуть: Ябу взревел от ярости, показал на одного из самураев и что-то прокричал. – Господин говорит: «Ты, дай ему его меч!»

Самурай заколебался и поднял глаза на Блэкторна, ожидая приказа. Ябу повернулся к Блэкторну и прокричал:

– Дайте ему меч!

Блэкторн поднял меч.

– Ябу-сан, прошу вас, не надо... – Втайне он желал Ябу смерти, но умолял: – Пожалуйста, прошу вас...

– Дайте ему меч! – В голосе Ябу звучала беспощадность.

Люди Блэкторна недовольно загалдели. Он поднял руку:

– Приказываю всем молчать! – Посмотрел на своего вассаларонина. – Подойди сюда!

Тот следил за Ябу – вот он сделал обманное движение влево, затем вправо. Ябу раз за разом налетал на него с дикой яростью, но ронин успевал улизнуть, ретироваться, пока не подбежал к Блэкторну. На этот раз Ябу его не преследовал. Он просто стоял, ждал и следил, как бешеный бык, готовясь к нападению. Ронин поклонился Блэкторну и взял меч. Потом повернулся к Ябу и с устрашающим боевым кличем сам перешел в нападение. Мечи сшиблись со звоном. Теперь противники топтались друг возле друга в полном молчании. Начался бешеный обмен ударами, запела сталь. Ябу вдруг споткнулся – и ронин нырнул вперед, надеясь на легкую победу. Но Ябу сделал шаг в сторону и рубанул. Лезвие отсекло обе кисти, все еще сжимавшие меч. Какое-то мгновение ронин с диким воплем взирал на обрубки, пока Ябу не снес ему голову.

Наступила мертвая тишина. Потом Ябу услышал одобрительный рев и еще раз воздел меч над дергающимся телом. Чтобы до конца потешить свою гордость, он поднял голову за пучок, аккуратно плюнул в лицо и отбросил в сторону. Спокойным шагом он подошел к Блэкторну и поклонился:

– Прошу простить мои плохие манеры, Андзин-сан. Спасибо, что дали ему меч. – Голос его был вежлив. Алвито переводил, как всегда. – Прошу прощения, что мне пришлось кричать. Благодарю вас за то, что вы позволили мне с честью опробовать этот меч. – Его глаза опустились на семейное наследие Торанаги, подаренное ему. Убедившись после тщательного осмотра, что лезвие в прекрасном состоянии, он развязал шелковый пояс, чтобы вытереть клинок. – Никогда не трогайте сталь пальцами, Андзин-сан, это испортит ее. Лезвие должно чувствовать только шелк и тело врага. – Он замолчал и посмотрел в лицо Блэкторну. – Могу я смиренно попросить вас: позвольте вашим вассалам опробовать их клинки. Это будет для них хорошей приметой.

Блэкторн повернулся к Ураге:

– Скажи им.

Когда Ябу вернулся домой, день уже кончался. Слуги приняли у него пропитанное потом кимоно, подали свежую домашнюю одежду, надели на ноги чистые таби. Юрико, его жена, ждала своего господина на прохладной веранде с чаем и саке, подогретым так, как он любил.

– Саке, Ябу-сан? – Юрико была высокая, худощавая женщина с седыми прядями в волосах. Темное кимоно, из самых дешевых, красиво облегалo ее фигуру.

– Спасибо, Юрико-сан. – Ябу с наслаждением смочил сладким, терпким напитком пересохшую глотку.

– Все прошло хорошо, я слышала.

– Да.

– Как невозможен этот ронин!

– Он сослужил мне неоценимую службу, госпожа. Я омочил наконец в крови меч Торанаги, и теперь он действительно мой. – Ябу осушил чашку, и жена снова наполнила ее. Ладонь Ябу нежно погладила рукоятку меча. – Но этот бой не доставил бы вам радости: совсем ребенок – попался на первый же финт.

Она нежно прикоснулась к нему:

– Я рада, что все обошлось, муж мой.

– Спасибо, но я даже не успел толком вспотеть. – Ябу засмеялся. – Видели бы вы священника! Прямо удовольствие было смотреть, как потел этот чужеземец, – я никогда не наблюдал его таким злым. Чуть не задохнулся от ярости, пытаюсь сдержаться. Людоед! Они все людоеды! Жаль, что нельзя вышвырнуть их отсюда до того, как мы покинем эту землю.

– Вы думаете, Андзин-сан смог бы?

– Он хочет попробовать. Имея десять кораблей и десять таких, как он, я мог бы править морями отсюда до Кюсю. Имея его одного, я разгромил бы Кияму, Оноси и Хариму, Дзикю и главенствовал бы в Идзу! Нам только нужно немного времени, чтобы каждый даймё решил, с кем ему сражаться, и последовал своему решению. Это обезопасит Идзу, и провинция опять станет моей! Я не понимаю, почему Торанага собирается отпустить Андзин-сана. Еще одна глупая потеря! – Он сжал руку в кулак и ударил по татами. Служанка невольно вздрогнула. Юрико не шелохнулась, по ее лицу скользнула легкая улыбка.

– Как Андзин-сан воспринял свою свободу и своих вассалов? – осведомилась она.

– Он выглядел счастливым, как старик, которому приснилось, что у него четырехзубый ян. – Ябу нахмурился, вспоминая. – Одного я не понял. Когда ронины меня окружили, я считал себя конченным человеком – без сомнения. Но Андзин-сан остановил их и вернул меня к жизни. У него вроде не было причины так поступать. Совсем незадолго перед этим я прочитал ненависть на его лице.

– Он спас вам жизнь?

– О да. Странно, не правда ли?

– Да. Происходит много странного, муж мой. – Юрико отпустила служанку, потом тихонько спросила: – Что на самом деле затеял Торанага?

Ябу подался вперед и прошептал:

– Я думаю, он хочет, чтобы я стал главнокомандующим.

– С чего бы это? Разве Железный Кулак при смерти? А что с господином Сударой? Или Бунтаро? Или с господином Нобору?

– Кто знает, госпожа? Они все в немилости. Торанага так часто меняет свои решения, что никто не может угадать его намерений. Сначала он попросил меня пойти вместо него на пристань и подробно объяснил, как там себя вести, потом потолковал о Хиромачу, о том, что старик сдал, и спросил, что я действительно думаю о мушкетном полке.

– Может быть, он снова готовит «малиновое небо»?

– Все уже готово, но он не получит от этого никакой выгоды. Здесь требуется искусство полководца, талант стратега. Когда-то все это у него было – теперь нет. Он только тень прежнего Миновара. Меня поразило, как он скверно выглядит... Извини, но я сделал ошибку: мне следовало поставить на Исидо.

– Думаю, вы все же выбрали правильно. Может быть, вы отправитесь в баню, а потом... Мне кажется, у меня есть для вас подарок.

– Какой подарок?

– Ваш браг Мидзуно придет к нам после ужина.

– Это подарок? – Ябу весь ощетинился. – Зачем мне сдался этот дурак?

– Иногда даже сведения или совет, исходящие от глупца, несут не меньше пользы, чем те, что исходят от мудрого советника. Бывает, что и больше.

– Какие сведения?

– Сначала баня, потом ужин. Сегодня вечером вам понадобится холодная голова, Ябу-сан.

Ябу хотел было настоять на своем, но баня соблазнила его. И правда, он был во власти приятного утомления, какого давно не испытывал. Отчасти причиной тому послужило уважение, оказанное ему Торанагой, отчасти – почтение военачальников, которое он чувствовал несколько последних дней. Но в основном – взрыв радости после совершенного убийства. Этот импульс передался от меча – к руке, от руки – к голове. О, убить так чисто, как мужчина мужчину, перед мужчинами! Это радость, доступная лишь немногим, очень редкая. Достаточно редкая, чтобы оценить ее и долго смаковать...

А потому он покинул жену, продолжая растворяться в своей радости. Он позволил сделать себе массаж, после чего, освеженный и обновленный, снова прошел на веранду. Лучи заходящего солнца озаряли все небо. Тонкий серп луны висел низко над горизонтом. Одна из личных служанок Ябу, двигаясь бесшумно и грациозно, подала ему ужин. Ел он очень умеренно, в полном молчании – немного супа, рыбы, маринованных овощей. Девушка соблазнительно улыбнулась:

– Расстелить футоны, господин?

Ябу покачал головой:

– Позже. Сначала скажи моей жене, что я хочу ее видеть.

Вошла Юрико в старом, но опрятном кимоно.

– *Со дэс ка?* Ваш брат ждет вас. Вам следует повидаться наедине. Сначала поговорите с ним, господин, потом мы побеседуем, вы и я, с глазу на глаз. Прошу вас, будьте терпеливы, хорошо?

Касиги Мидзуно, младший брат Ябу и отец Оми, был маленький человек с круглыми глазами, высоким лбом и редкими волосами. Его мечи, казалось, не подходили для него, и вряд ли он умел обращаться с ними. Даже с луком и стрелами он не казался бы более мужественным. Все его поведение свидетельствовало о желании угодить главе рода.

Мидзуно поклонился и похвалил искусство Ябу, проявленное сегодня днем. Весть об этом подвиге быстро распространилась по всему замку и его окрестностям, еще более укрепив репутацию Ябу

как человека, искусного в сражении на мечах. Затем он перешел к цели визита:

– Сегодня, господин, я получил тайное письмо от сына. Госпожа Юрико считает, что лучше мне передать его вам лично. – Он протянул Ябу свиток.

Послание от Оми гласило:

Отец, пожалуйста, передай господину Ябу, быстро и втайне от всех, следующее.

Первое. Господин Бунтаро приехал в Мисиму секретно, через Такато. Один из его людей сболтнул об этом во время пирушки, которую я устроил в их честь.

Второе. За время своего пребывания в Такато, которое длилось три дня, Бунтаро дважды видел господина Дзатаки и трижды – госпожу, мать Дзатаки.

Третье. Перед тем как покинуть Мисиму, господин Хиромацу сказал своей новой наложнице, госпоже Око, что она может не беспокоиться: «Пока я жив, господин Торанага не покинет Канто».

Четвертое...

Ябу поднял глаза:

– Как мог Оми-сан узнать, о чем тайком сказал Железный Кулак своей наложнице? У нас нет никого в его доме.

– Теперь есть, господин. Пожалуйста, читайте дальше.

Ябу вернулся к чтению свитка:

Четвертое. Хиромацу решил, если потребуется, устроить заговор, не выпускать Торанагу из Эдо и объявить «малиновое небо» вопреки его воле, с согласия господина Судары или, если так придется, без него.

Пятое. Все эти сведения достоверны: личная служанка госпожи Око – дочь воспитательницы моей тещи и была представлена госпоже Око, когда здесь, в Мисиме, внезапно скончалась, к сожалению, ее собственная служанка – от какой-то загадочной болезни.

Шестое. Бунтаро-сан стал как безумный: задумчив, зол, сегодня совершенно без всякой причины вызвал на поединок и зарубил самурая – и при этом проклинал Андзин-сана.

И наконец, последнее. Шпионы сообщают, что Икава Дзикю собрал в Суруге десять тысяч человек и готов напасть на наши границы. Пожалуйста, передайте от меня приветы господину Ябу...

Остальная часть письма не представляла интереса для Ябу.

– Дзикю, опять! Неужели я умру, не отомстив этому дьяволу!

– Пожалуйста, будьте терпеливы, господин, – успокоила его Юрико. – Скажите ему, Мидзуно-сан.

– Господин, – начал коротышка, – несколько месяцев мы пытались осуществить ваш план – тот, что вы предложили, когда прибыл первый чужеземец. Помните, увидев все эти серебряные монеты, вы сказали, что сотня или даже пять сотен, врученных нужному повару, избавят нас от Икавы Дзикю раз и навсегда? – Глаза Мидзуно словно бы выпучились, став еще больше похожи на лягушачьи. – У Муры, старосты Андзиро, есть двоюродный брат, который состоит в отдаленном родстве с лучшим поваром Суруги. Я слышал сегодня, что этого повара взяли в дом к Дзикю. Ему надо дать двести сотен вперед, а всего придется заплатить пять со...

– У нас нет таких денег! Невозможно! Где я возьму пять сотен – я кругом в долгах и не могу достать даже сотни!

– Пожалуйста, извините меня, господин. Простите, но деньги уже есть. Не все деньги чужеземцев остались в сундуке. Тысяча монет случайно оказалась неучтенной. Простите.

Ябу удивленно воззрился на брата:

– Как это?

– Видимо, Оми-сан приказал сделать это от вашего имени. Деньги тайно привезли сюда госпоже Юрико, у которой сначала получили разрешение, чтобы – храни нас Будда! – не навлечь на себя ваш гнев.

Ябу долго размышлял.

– Кто это приказал?

– Я. После того, как получил разрешение.

– Спасибо, Мидзуно-сан. Благодарю, Юрико-сан. – Ябу поклонился обоим. – Так Дзикю хочет напасть? Что ж, наконец-то мы с ним посчитаемся! – Он дружески похлопал коротышку по плечу – тот был в восторге. – Ты поступил правильно, брат. Я пришлю тебе несколько рулонов шелка из хранилища. Как твоя жена?

– Хорошо, господин, очень хорошо. Она просила принять ее самые лучшие пожелания.

– Мы непременно как-нибудь поужинаем вместе. Теперь о письме: что ты обо всем этом думаешь?

– Ничего, господин. Мне, напротив, важно ваше мнение.

– Во-первых... – начал было Ябу, но тут же осекся, поймав предостерегающий взгляд жены, и с ходу переменял тему: – Во-первых и в-последних, это значит, что Оми, твой сын, – прекрасный, преданный вассал. Если я сохранию свое положение, то не забуду его – он заслуживает повышения.

Мидзуно, разумеется, рассыпался в изъявлениях благодарности. Ябу был с ним необычайно терпелив, поговорил, похвалил и, насколько позволяла вежливость, быстро его выпроводил. Юрико послала за чаем. Когда они остались одни, Ябу вопросительно посмотрел на жену:

– Что еще ты хотела мне сказать?

Обычно сдержанная, Юрико явно была чем-то возбуждена.

– Пожалуйста, извините меня, господин, но я хочу поделиться с вами мыслью, которая у меня возникла. Торанага всех нас дурачит: *он никогда не имел и не имеет намерения ехать в Осаку и сдаваться Совету регентов!*

– Ерунда!

– Позвольте мне изложить свои доводы. О, господин, как вам повезло с вашим вассалом Оми и этим глупым братом, который украл тысячу монет. Мое предположение подтверждается тем обстоятельством, что Бунтаро-сан, доверенный человек Торанаги, тайно отправился к Дзатаки. Почему? Очевидно, чтобы передать ему новое предложение. Что может соблазнить Дзатаки? Канто, только Канто. Так что предлагается Канто – в обмен на преданность. Торанага намерен вновь возглавить Совет регентов – новый Совет, с новыми полномочиями. – Она подождала, потом продолжила все так же сосредоточенно: – Если Торанага убедит Дзатаки предать Исидо, он на четверти пути к столице Киото. Как можно закрепить соглашение между братьями? С помощью заложников! Сегодня после обеда я слышала, что господин Судара, госпожа Гэндзико, их дочери и сын собираются через десять дней посетить свою почтенную бабушку в Такато.

– Все они?

– Да. Затем Торанага отдает Андзин-сану его корабль – в отличном состоянии, с пушками и порохом, – посылает ему двести ронинов и возвращает деньги, которых, конечно, хватит, чтобы набрать чужеземцев-наемников, вако, подонков из Нагасаки. Зачем? Чтобы Андзин-сан мог захватить черный корабль чужеземцев. Нет черного корабля – нет денег, у христианских священников одни неприятности, а они имеют влияние на Кияму, Оноси и прочих негодяев – даймё-христиан.

– Торанага никогда не осмелится на такое! Тайко пытался и не смог, а он был всемогущ. Чужеземцы обидятся и уплывут, и мы никогда не будем торговать.

– Да. Если это сделаем мы. Но на этот раз чужеземцы выступят против чужеземцев. Нас это не касается. И если, скажем, Андзин-сан нападет на Нагасаки и сожжет порт, что с того? Разве Харима теперь не наш враг? А также Кияма и Оноси, а из-за них и бóльшая часть даймё Кюсю? Скажем, Андзин-сан сжигает несколько других портов, совершает набеги на другие корабли, а в это самое время...

– ...а в это самое время Торанага объявляет «малиновое небо»! – воскликнул Ябу.

– Да, о да! – радостно согласилась Юрико. – Разве это не объясняет действий Торанаги? Разве эта игра не в его духе? Разве он не поступает так, как поступал всегда: выжидает, иной раз делает ход, выгадывая день здесь, день там – скоро уже месяц. И опять у него подавляющее преимущество, он сметет всех своих противников. Он выиграл почти месяц с тех пор, как Дзатаки привез ему вызов в Ёкосэ.

Ябу чувствовал, как кровь пульсирует в ушах.

– Тогда мы спасены?

– Нет, но и не погублены. Я верю, что он не сдастся. – Она заколебалась. – Но все обмануты. О, он все так же ловок, как был. Провел всех. До сегодняшнего вечера я и подумать не могла. Это Оми заставил меня заподозрить подвох. Мы все забыли, что Торанага – великий актер театра *но*, который, если понадобится, может превратить собственное лицо в маску.

Ябу безуспешно пытался привести мысли в порядок:

– Значит, на стороне Исидо вся Япония – против нас!

– Да. Кроме Дзатаки. Могут быть и другие союзники. Торанага и вы сумеете удерживать перевалы сколько нужно.

– У Исидо Осацкий замок, наследник и все сокровища тайко.

– Это так. Но он засел в замке, как в убежище. Кто-нибудь выдаст его.

– Что же мне делать?

– Противостоять Торанаге. Пусть продолжает выжидать – вы должны ускорить ход событий!

– Но как? Как?!

– Первое, господин. Торанага упустил одну вещь, которую вы заметили сегодня утром: Цукку-сан в ярости. Почему? Потому что Андзин-сан угрожает будущему христиан. Вы должны взять Андзин-сана под свою защиту, и как можно скорее, иначе священники или их подручные его убьют. Дальше: Андзин-сан нуждается в том, чтобы вы направляли его, помогли набрать новую команду в Нагасаки. Без вас и ваших людей у него ничего не получится. Без него и его корабля, с пушками, с чужеземцами на борту, Нагасаки не загорится, а это должно произойти. Или Кияма, Оноси и Харима с этими грязными священниками не напугаются настолько, чтобы лишиться Исидо своей поддержки. Тем временем Торанага – он уже заручился, непонятно как, поддержкой Дзатаки – устремится через перевалы Синано на равнины Киото. Вы же поведете мушкетный полк.

– Да-да, ты права, Юрико-сан! Это выход. О, как ты умна, как дальновидна!

– Мудрость и удачный замысел немного стоят, если нет способов претворить их в деяние, господин. Вы один можете это сделать – полководец, воин, боевой командир – какой и нужен Торанаге. Вам бы повидать его сегодня вечером...

– Не могу же я пойти к Торанаге и объявить, что разгадал его хитрость?

– Нет, конечно, но вы попросите его разрешения поехать с Андзин-саном, и поехать немедленно. Мы придумаем правдоподобное объяснение.

– Но если Андзин-сан спалит Нагасаки и захватит черный корабль, не положит ли это конец торговле? Вдруг чужеземцы уплывут?

– Да, возможно. Но на следующий год все уладится. Торанага уже будет регентом, главой Совета регентов. А вы – его

главнокомандующим.

Ябу спустился с облаков на землю:

– Нет! Как только он захватит власть, тут же прикажет мне совершить сэппуку. – В этом Ябу был уверен твердо.

– Задолго перед этим вы получите Канто.

Он вздернул подбородок, как будто его ударили:

– Но каким же образом?

– Торанага никогда не отдаст Канто своему сводному брату. Дзатаки для него вечная угроза – необузданный, надменный. Торанаге будет легко подвести этого гордеца к тому, чтобы тот сам умолял бросить его в самое пекло. А там шальная пуля или стрела – и Дзатаки убит... Вы поведете в бой мушкетный полк, господин.

– А я защищен от шальной пули?

– Ничем, господин. Но вы не родственник Торанаги и, следовательно, не угрожаете его власти. Вы – самый преданный его вассал. Ему нужны военачальники. Вы заслужите Канто – это ваша единственная цель. Он отдаст его вам, когда Исидо будет предан, потому что себе он возьмет Осаку.

– Вассал? Но ты сказала: ждать, и скоро я не...

– Сейчас я советую вам поддерживать его всеми силами. Не слепо выполнять его приказы, как старый Железный Кулак, но с умом. Не забывайте, Ябу-сан: война есть война, в бою случается всякое. Шальные пули... Пока вы командуете полком – выбор за вами, и в любое время!

– Да, верно. – Он почувствовал, что боится ее.

– Помните: Торанага достоин будущего. Он – Миновара. Исидо – крестьянин, Исидо – глупец, теперь я это вижу. Ему следовало уже вломиться в ворота Одавара, не дожидаясь окончания дождей. Разве Оми-сан не говорил то же самое несколько месяцев назад? Разве в Одаваре не мало людей? Разве Торанага не остался в одиночестве?

Ябу с восхищением стукнул кулаком по полу:

– Тогда все-таки война! Как ты умна, что раскусила его! Так он все время нас дурачил?

– Разумеется, – подтвердила Юрико удовлетворенно.

Между тем Мариико, размышляя наедине с собой, пришла к такому же заключению, хотя и не знала всего, что было известно Юрико и

Ябу, и мысль эта немало ее поразила. Торанага притворяется, ведет тайную игру, поняла она. Это единственно возможное объяснение его странного поступка – дать корабль Андзин-сану, вернуть деньги, пушки, свободу действий на глазах Цукку-сана. Теперь Андзин-сан наверняка выступит против черного корабля. Он захватит его, поставит под угрозу будущий год и, следовательно, нанесет ужасный вред Святой церкви, вынудит святых отцов добиться от Киямы и Оноси предательства Исидо...

Если это верно, рассуждала она, недоумевая, и Торанага лелеет такой далекоидущий план, тогда, конечно, он не поедет в Осаку на поклон к Исидо. Он должен... А! Так что же тогда с сегодняшней отсрочкой, на которую уговорил его пойти Хиромацу? О, Мадонна, Торанага и не думал появляться в Осаке! Это всего лишь хитрый ход! Зачем? Чтобы выиграть время. Для чего? Чтобы ждать и выдумывать еще тысячу трюков, не важно каких, лишь бы остаться тем, кем он был всегда, – великим кукловодом.

Сколько времени пройдет, прежде чем у Исидо лопнет терпение и он, подняв боевое знамя, двинет в поход свои войска? Месяц, самое большее два. Тогда к девятому месяцу этого, пятого года Кэйтё начнется битва за Канто! Но что выгадает Торанага за два месяца? «Не знаю, – решила Марико, – знаю только, что теперь мой сын имеет шанс унаследовать свои десять тысяч коку и жить, как ему и подобает, вырастить своих детей. Может быть, теперь род моего отца не исчезнет с лица земли...» Она радовалась этому своему новообретенному знанию, наслаждаясь им, рассматривая его с разных сторон, находя его логически безупречным. «Но как вести себя в промежутке между сейчас и потом? – гадала она. – Так же, как ты вела себя и намеревалась вести впредь».

– Госпожа?

– Да, Тиммоко?

– Там Гёко-сан. Она говорит, что вы с ней условились о встрече.

– Ах да, я забыла тебе сказать. Подогрей sake, принеси и пригласи ее сюда.

Марико вспомнила сегодняшний день, вспомнила обнимавшие ее руки, такие надежные, теплые и сильные. «Увидимся сегодня вечером?» – осторожно спросил он, когда Ябу и Цукку-сан наконец покинули их. «Да, – порывисто обещала она. – Да, мой дорогой. О, как

я счастлива за тебя! Скажи Фудзико-сан... Попроси ее послать за мной после часа свиньи». В тишине дома у нее вдруг перехватило горло. Так глупо и опасно...

Она проверила перед зеркалом прическу и попыталась успокоиться. Послышались шаги, отодвинулись сёдзи.

– Ах, госпожа, – Гёко низко кланялась, – как вы добры, что позволили мне повидать вас.

– Добро пожаловать, Гёко-сан.

Они выпили sake, Тиммоко снова наполнила чашки.

– Какая красивая посуда, госпожа, просто прелесть.

Они вели безразлично-вежливый разговор, потом Марико отослала Тиммоко.

– Извините меня, Гёко-сан, но наш господин сегодня днем не приезжал. Я не видела его, хотя и надеялась повидаться перед отъездом.

– Да, я слышала, что Ябу-сан прибыл вместо него на пристань.

– Когда я увижу Торанага-сама, я еще раз попрошу его. Но думаю, его ответ будет таким же. – Марико налила sake им обеим. – Простите, он может не удовлетворить мою просьбу.

– Да, я верю вам. Может, если не попросить поусерднее...

– Но я никак не могу на него повлиять, так что извините.

– Я тоже прошу меня извинить, госпожа.

Марико поставила свою чашку:

– Помнится, вы говорили, что длинный язык...

Гёко резко произнесла:

– Если бы я собиралась кому-то выдавать ваши тайны, то не стала бы говорить об этом вам. Думаете, я так наивна?

– Может быть, вам лучше покинуть меня? Мне еще так много надо сделать...

– Да, госпожа, я тоже так думаю! – согласилась Гёко. Голос ее стал вдруг жестким. – Господин Торанага просил меня лично рассказать ему все, что я знаю о вас и Андзин-сане. Сегодня днем. Я склонила его к мысли, что между вами ничего нет. Я сказала так: «О да, господин, до меня тоже дошли эти грязные слухи, но в них нет ни слова правды. Я клянусь в этом жизнью моего сына и его сыновей! Если кому и знать, то, конечно же, мне. Положитесь на меня: все это злобная ложь – сплетни, домыслы завистников, господин...» О да, госпожа... Для

меня ведь это тоже было неожиданно, но моя игра убедила его, и он мне поверил. – Гёко залпом выпила sake и горько добавила: – Теперь мы все погибнем, если у него появятся доказательства, а ведь добыть их нетрудно...

– Теперь?

– Конечно. Подвергнуть Андзин-сана пыткам, какие в ходу у китайцев. Тиммоко, меня, Кику-сан, Ёсинаку... Извините, даже и вас, госпожа. Китайским пыткам.

Марико сделала глубокий вдох:

– Могу я... могу я спросить у вас, почему вы подвергли себя такой опасности?

– Потому что в определенных обстоятельствах женщины должны защищать друг друга от мужчин. Потому что на самом деле я ничего не видела. Потому что вы не причинили мне вреда. Потому что вы мне нравитесь, вы и Андзин-сан, и я верю, что у вас обоих особая карма. И потому, что я хотела бы видеть вас живой и своим другом, а не мертвой, и потому, что мне интересно смотреть, как вы, мотыльки, летите на огонь жизни.

– Я не верю вам.

Гёко тихонько рассмеялась:

– Благодарю вас, госпожа. – Став хозяйкой положения, она заговорила с полной искренностью: – Очень хорошо, я назову вам настоящую причину: мне нужна ваша помощь. Да, Торанага-сама не удовлетворил мои требования, но вы наверняка сможете придумать, как этого добиться. Вы – единственный шанс, который я имела и могу еще иметь в этой жизни, и я не в силах так легко от него отказаться. Ну, теперь вы знаете. Пожалуйста, я почтительно прошу вас помочь мне с моей просьбой. – Она положила на футон обе ладони и низко поклонилась. – Пожалуйста, извините мою несдержанность, госпожа Тода, но все, что я имею, будет вашим, если вы мне поможете. – Она снова уселась, оправила складки кимоно и допила свое sake.

Марико пыталась все обдумать. Интуиция подсказывала ей, что этой женщине можно довериться, но мысли Марико все еще пребывали в некотором разброде. Сначала ее ошеломила разгадка поступков Торанаги, затем потрясло облегчение оттого, что Гёко не выдала ее, против ожидания. Поэтому она решила отложить решение, обдумать его как следует на холодную голову, когда успокоится.

– Я постараюсь. Прошу вас, дайте мне время.

– Я могу вам дать даже больше. Вы слышали про секту Амиды Тонга? Убийц?

– Да, а что они...

– Помните тот случай в Осакском замке, госпожа? Наемный убийца тогда покушался на Андзин-сана, а не на Торанага-сама. Старший домоправитель господина Киямы заплатил две тысячи коку за эту попытку.

– Киямы? Но почему?

– Он христианин. Андзин-сан был для них опасен еще тогда. Что же говорить про теперь? Теперь, когда Андзин-сан – самурай, свободен, имеет свой корабль...

– Еще один амида здесь?

Гёко пожала плечами:

– Кто знает? Но я бы не дала набедренной повязки за жизнь Андзин-сана за пределами крепости, если он не будет беречься.

– Где он сейчас?

– В своем домике, госпожа. Вы хотели вскоре посетить его? Может быть, самое время его предупредить.

– Похоже, вы знаете все обо всем, Гёко-сан!

– Я держу свои уши открытыми, госпожа, и глаза тоже.

Марико сделала над собой усилие, чтобы отбросить мгновенно возникшее беспокойство за Блэкторна.

– Вы говорили с Торанага-сама об этом?

– О да, я ему сказала. – Гёко прищурилась и отпила sake. – Не думаю, чтобы он удивился. Это любопытно, вы не находите?

– Может быть, вы ошиблись?

– Может быть. В Мисиме я слышала, что против господина Киямы составлен заговор, его хотят отравить. Ужасно, правда?

– Какой заговор?

Гёко сообщила подробности.

– Невозможно. Ни один даймё-христианин не поступит так с другим. – Марико снова наполнила чашки. – Могу я спросить, что еще сказал он и что сказали вы?

– Сначала я обратилась к господину с просьбой вернуть нам его расположение и забрать нас из этого клоповника, и он согласился. Сейчас нам отвели приличные покои в замке, около Андзин-сана, в

одном из гостевых домиков, и я могу приходить и уходить когда пожелаю. Он просил Кику-сан развлечь его сегодня вечером, и это еще один шаг к лучшему, хотя, видимо, ничто уже не выведет господина из меланхолии, как вы думаете? – Гёко выжидательно взглянула на Марику. Та ответила ей бесхитростным взглядом и только кивнула. Ее собеседница со вздохом продолжила: – Да, очень печально. Жаль. Часть времени мы провели, обсуждая те три секрета. Он просил меня повторить то, что я сказала вам.

«А, – подумала Марику, – вот и еще один кусочек головоломки лег точно на свое место. Отиба? Вот она – приманка для Дзатаки. А еще Торанага получил оружие против Оми и Оноси с Харимой или даже Киямы».

– Вы улыбаетесь, госпожа?

Марику так хотелось поделиться с Гёко своей радостью, сказать ей: «Как ценны ваши сведения для нашего хозяина! Как он должен отблагодарить вас! Вас саму теперь следовало бы сделать даймё! И подумать только: Торанага выслушал все это и сделал вид, что ему неинтересно. Как он загадочен!»

Но Тода Марику-но Бунтаро только покачала головой и спокойно произнесла:

– Сожалею, но ваши сведения не взбодрили его.

– Да, то, что я сообщила, не улучшило его настроения – он был скучен и потерян. Печально, не правда ли?

– О да, такая жалость.

– Да, – Гёко шмыгнула носом, – еще одна новость, прежде чем я уйду, госпожа, чтобы упрочить нашу дружбу. Возможно, Андзин-сан очень плодovit.

– Как?

– Кику-сан беременна.

– От Андзин-сана?

– Да. Или от господина Торанаги. Может быть, и от Оми-сана. Все были с ней в соответствующий отрезок времени. Конечно, она предохранялась после Оми-сана, как обычно, но, вы же знаете, ни один метод не совершенен, случаются и ошибки... Она забыла предохраниться после Андзин-сана, но не уверена. В тот день в Андзиро приехал гонец, и она была взволнована отъездом в Ёкосэ и покупкой контракта. Все это так понятно. – Гёко подняла руки, очень

огорченная. – После господина Торанаги, как мне думается, она принимала меры. Мы обе жжем ладан и молимся, чтобы родился мальчик.

Марико рассматривала узор на своем веере:

– Кто? На кого вы думаете?

– Это сложно, госпожа. Не знаю. Я была бы рада вашему совету.

– Беременность надо прервать. Несомненно. Ей это ничем не грозит.

– Я согласна. К сожалению, Кику не соглашается.

– Что? Я поражена, Гёко-сан! Конечно, она должна это сделать. Или надо сказать господину Торанаге. В конце концов, это случилось до того, как он...

– Может быть, это случилось до него, госпожа.

– Надо сообщить господину Торанаге. Почему Кику-сан так непослушна и глупа?

– Карма, госпожа. Она хочет ребенка.

– Чьего ребенка?

– Об этом она молчит. Сказала только, что это кто-то из них троих.

– У нее должно хватить ума прервать беременность и впредь быть осмотрительнее.

– Согласна. Думаю, вам надо было знать, если... Пройдет еще много дней, прежде чем что-нибудь станет заметно или ей будут опасны неосторожные движения. Может быть, она еще передумает. В этом случае я не могу ее принуждать. Она больше не моя собственность, хотя я не перестану присматривать за ней. Было бы прекрасно, если бы ребенок оказался от господина Торанаги. Но вдруг он родится голубоглазым. Один совет, госпожа: скажите Андзин-сану, чтобы он не очень доверял Урага-но Тадамаса, особенно в Нагасаки. Там – ни в коем случае. Этот человек будет хранить верность своему дяде, господину Хариме.

– Как вы узнали об этом, Гёко-сан?

– Мужчинам необходимо делиться секретами, госпожа, вот почему они совсем не похожи на нас. Взвалить на кого-нибудь свои тайны... А мы, женщины, открываем их, чтобы получить какие-нибудь преимущества. Немного серебра и чуткое ухо, а у меня есть и то и другое... Это все очень легко. Мужчина должен делиться секретами.

Вот почему мы одерживаем над ними верх и они всегда оказываются в нашей власти.

Глава 51

В темноте, перед самым рассветом, решетка боковых ворот без малейшего звука поднялась, по узкому подъемному мосту через внутренний ров с водой бесшумно проскочили десять человек. Железная решетка опустилась за ними. На противоположном конце моста бдительные часовые умышленно повернулись спиной и позволили им беспрепятственно пройти. Все они были в темных кимоно и конических шляпах, все крепко держали в руках мечи: Нага, Ябу, Блэкторн, Урага-но Тадамаса и шестеро самураев. Нага вел их кружными, окольными путями, глухими, заброшенными переходами, вверх и вниз по лестницам. Если по дороге им встречались патрульные и часовые, всегда бывшие начеку, Нага вынимал серебряный значок – и отряд проходил без остановок.

Хитрыми обходными путями он привел их к главным южным воротам – только здесь можно было пересечь первый большой ров с водой. Тут их ждали другие самураи, которые молча окружили отряд Наги со всех сторон. Так, все вместе, они быстро перешли мост. Их опять никто не окликнул. Они спустились к Первому мосту, держась подальше от факелов, которых было много вокруг крепости. За мостом они повернули на юг и исчезли в хитросплетении переулков, ведущих к морю.

Сразу за ограждением, окружающим «Эразм» и пристань, сопровождавшие отряд самураи остановились и сделали десятерым знак идти вперед, потом отсалютовали, повернулись и исчезли в темноте. Нага прошел через все барьеры – на пристань они попали спокойно. Факелов и охранников там оказалось больше обычного.

– Все готово? – спросил Ябу, снова принимая командование.

– Да, господин, – ответил старший из самураев.

– Андзин-сан, вы все поняли?

– Да, благодарю, Ябу-сан.

– Вам лучше поторопиться.

Блэкторн увидел своих самураев – они собрались на пустой площади – и указал на них Ураге, как было условлено заранее. Глаза его придирчиво изучали корабль, проверяя и перепроверя каждую мелочь, пока он взбирался на борт и, ликующий, стоял на юте. Небо

все еще было темным, рассвет не брезжил. По всем приметам день ожидался хороший, волны – небольшие. Он оглянулся на пристань: Ябу и Нага, казалось, были поглощены разговором: Урага объяснял его вассалам, что надо делать. Потом заграждения снова раздвинули, и на свободное место вышли Баккус ван Некк и остальные члены команды Блэкторна, явно испуганные. Их окружали часовые, которые не отказывали себе в удовольствии поиздеваться над ошеломленными людьми. Блэкторн подошел к плану и окликнул:

– Эй, поднимайтесь на борт!

При виде Блэкторна команда немного успокоилась и заторопилась на корабль, но часовые набросились на моряков с ругательствами, и те, смешавшись, остались на месте.

– Урага-сан! – крикнул Блэкторн. – Прикажи сейчас же пропустить моих людей на борт!

Урага с готовностью повиновался. Самураи выслушали его, поклонились в сторону корабля и пропустили команду.

Первым на борт поднялся Винк, последним ощупью взбирался Баккус. Люди были все еще в смятении, но никто не осмелился взойти на ют, который снова стал территорией Блэкторна.

– Боже мой, капитан, – выдохнул Баккус, перекрыв гул вопросов, – что происходит?

– Что случилось, капитан? – вместе с другими повторял Винк. – Бог мой, мы спали, и вдруг дверь распахнулась. Потом эти обезьяны пригнали нас сюда...

Блэкторн поднял руку:

– Слушайте меня! – Когда установилась тишина, он спокойно заговорил: – Мы отведем «Эразм» на безопасную стоянку...

– У нас не хватит людей, капитан, – тревожно заговорил Винк. – Мы не...

– Слушай меня, Йохан! Нас потянут на буксире. В любой момент сюда может подойти еще один корабль. Гинсель, иди вперед – ты будешь бросать лот! Винк, становись к штурвалу! Ян Ропер и Баккус, становитесь к переднему вороту! Соломон и Крок – на корму! Сонк, спускайся вниз и проверь наши припасы! Открой бочонок с грогом, если найдешь! Давай!

– Подождите минутку, капитан! – начал Ян Ропер. – К чему такая спешка? Куда мы идем и почему?

Блэкторн почувствовал, что в нем закипает возмущение, но напомнил себе: они имеют право знать – это не его вассалы, не *эта*, а команда, его моряки и в некотором отношении его партнеры. Что ж, он объяснит.

– Приближается сезон больших штормов. Здесь их называют тайфунами. Эта гавань небезопасна. За ней, в нескольких лигах к югу, – самая лучшая и укромная бухта. Около деревни под названием Иокогама. Там «Эразм» благополучно переждет любую бурю. Так что давайте!

Никто не двинулся с места. Ван Некк уточнил:

– Всего в нескольких лигах, капитан?

– Да.

– А что потом? И к чему такая спешка?

– Господин Торанага позволил мне сделать это сейчас. – Блэкторн сообщил им только половину правды. – И я решил: чем скорее, тем лучше – он ведь может передумать. В Иокогаме... – Он посмотрел назад: Ябу поднимался на корабль с шестью телохранителями, которые расчищали ему путь.

– Боже, – задохнулся Винк, – это он! Тот негодяй, который погубил Питерзона!

Ябу подошел ближе к юту, широко улыбнулся, не заметив ужаса, охватившего команду при его появлении. Он показал на море:

– Андзин-сан, посмотрите туда!

С запада, из кромешной темноты, словно морское чудовище, надвигалась галера.

– Да, вижу, Ябу-сама! Вы хотите остаться здесь?

– Потом об этом, Андзин-сан. – Ябу отошел к трапу.

Блэкторн опять обратился к своим людям:

– Вперед! По двое! И думайте, что болтаете! Говорите только по-голландски – здесь, на борту, есть человек, который понимает португальский! Потолкуем, когда тронемся! Давайте!

Моряки разошлись, радуясь, что избавлены от Ябу. Урага и двадцать самураев Блэкторна взбежали на борт. Остальные выстроились на пристани – принимать галеру.

– Если пожелаете, сеньор, это ваша личная охрана, – представил самураев Урага.

– Обращайся ко мне по имени – Андзин-сан, а не «сеньор».

– Прошу извинить, Андзин-сан. – Урага стал подниматься по ступенькам.

– Стой! Оставаться внизу! Никто не имеет права подниматься на ют без моего разрешения! Скажи им!

– Да, Андзин-сан. Пожалуйста, извините меня.

Блэкторн подошел к борту – проследить, как пристает галера, оказавшаяся западнее «Эразма».

– Гинсель! Спускайся на берег и проследи, как они примут наши перлины! Посмотри, чтобы они их хорошенько закрепили! Гляди веселей!

Убедившись, что на борту все взялись за дело, Блэкторн внимательно осмотрел двадцать своих вассалов:

– Почему из тех, связанных, выбрали именно их, Урага-сан?

– Они все из одного рода, Андзин-сан. Как братья, господин. Они просили оказать им такую честь – защищать вас.

– *Аната ва, аната ва, аната ва...* – Блэкторн наугад отобрал десять человек и приказал отправить их на берег и заменить другими вассалами, тоже выбранными Торанагой наугад.

– Скажи им, Урага-сан, моим вассалам: все они должны быть как братья – или сразу могут совершить сэппуку.

– *Вакаримас*, Андзин-сан. *Гомэн насай*.

Между тем носовые концы уже были заведены на борт другого судна. Блэкторн сам все проверил, определил направление ветра: опыт подсказывал ему, что даже в ласковых водах такой большой гавани, как Эдо, внезапный шквал может сделать плавание очень опасным.

– Отдать концы! – крикнул он. – *Има*, капитан-сан!

Капитан махнул рукой, и галера, на которой поплыли самураи и оставшиеся вассалы Блэкторна, потихоньку отвалила от пристани. На борту ее был и Нага. Ябу стоял рядом с Блэкторном на юте «Эразма». Корабль слегка накренился и задрожал, почувствовав силу течения. Блэкторн и его команда ликовали – радостное возбуждение, вызванное выходом в море, пересилило все тревоги. Гинсель свесился с края аккуратной, укрепленной на тросах платформы у правого борта и бросал лот, выкрикивая глубину. Пристань отходила все дальше.

– Эй, впереди, *юккури сэй* (тише ход)!

– *Хай*, Андзин-сан! – донесся ответный крик.

Два корабля вместе прощупывали путь из гавани на морской простор. На верхушках мачт горели рейдовые огни.

– Хорошо, Андзин-сан! – Ябу был доволен. – Очень хорошо!

Ябу подождал, пока они не вышли в море, потом отвел Блэкторна в сторону.

– Андзин-сан, – начал он осторожно, – вчера вы спасли мне жизнь, отозвав ваших ронинов...

– Это мой долг, только и всего.

– Нет, не долг. В Андзиро... Вы помните того человека, моряка... помните?

– Да, помню, конечно.

– *Сиката га най, нэ?* Карма? Это было до того, как вы стали самураем и хатамото... – Глаза Ябу блестели в свете морского фонаря, он продолжал тихо и четко: – Это было до «Продавца масла», помните? Как самурай самурая прошу забыть прошлое. Начнем снова. С сегодняшнего дня. Пожалуйста. Вы меня поняли?

– Да, понял.

– Вы нуждаетесь во мне, без меня у вас не будет чужеземных вако. Один вы их не найдете. Ни в Нагасаки, нигде. Я могу их найти – помочь вам их найти. Теперь мы воюем на одной стороне – на стороне Торанаги. На одной стороне! Без меня не будет вако. Вы поняли мои слова?

Блэкторн посмотрел на галеру, идущую впереди, на палубу и на своих моряков, потом ответил:

– Да. Понял.

– Вы понимаете слово «ненависть»?

– Да.

– Ненависть идет от страха. Я не боюсь вас. Вам не нужно бояться меня. Никогда больше не нужно бояться. Я хочу того же, что и вы. Ваш новый корабль здесь. Вы капитан новых кораблей. Я могу во многом вам помочь. Сначала черный корабль... Да-да, Андзин-сан. – Ябу увидел радость на лице Блэкторна. – Я уговорю господина Торанагу. Вы знаете, я – воин! Я возглавлю нападение на корабль. Я помогу вам взять черный корабль. Вместе вы и я сильнее, чем по отдельности.

– Да. Можно будет получить еще людей? Кроме моих двух сотен?

– Если вам потребуется две тысячи... пять тысяч!.. Не беспокойтесь, вы ведите корабль, а я буду вести бой. Согласны?

– Да. Это честная игра. Спасибо. Я согласен.

– Хорошо, очень хорошо, Андзин-сан. – Ябу знал, что такое взаимодействие будет выгодно им обоим, как бы ни ненавидел его чужеземец. Логика Юрико снова оказалась безупречной...

В начале этого вечера Ябу встречался с Торанагой и просил разрешения сразу же выехать в Осаку, чтобы подготовить его прибытие.

– Пожалуйста, извините меня, но, думаю, дело достаточно срочное. В конце концов, господин, – Ябу говорил уважительно, как задумали они с женой, – нужно, чтобы кто-нибудь из ваших сановников удостоверился, что все ваши условия выполнены. Исидо – крестьянин, он не понимает всех правил и церемоний, на которые уходят недели. – Ябу был обрадован той легкостью, с которой Торанага дал себя убедить. – И еще одно, господин, – о корабле чужеземцев. Надо сейчас же отвести его в Иокогаму – на случай тайфуна. С вашего разрешения, я сам прослежу за этим, до того как уеду. Мушкетный полк может его охранять – это дело как раз для него. Потом я бы поплыл на галере прямо в Осаку. Морем надежнее и быстрее.

– Очень хорошо, Ябу-сан, если вы думаете, что так будет разумнее, действуйте. Но возьмите с собой Нага-сана. Оставьте его командовать в Иокогаме.

– Да, господин. – Ябу рассказал Торанаге о том, как разгневался Цукку-сан, и заметил: если Торанага хочет, чтобы Андзин-сана не прикончили раньше, чем тот наберет людей в Нагасаки и выйдет в море, следует поторопиться и отправить его без промедления. – Думаю, священник может натравить своих обращенных в христианство последователей на Андзин-сана.

– Вы уверены?

– О да, господин. Может быть, мне стоит на это время взять Андзин-сана под свою защиту? – Потом, как если бы у него возникла внезапная мысль, Ябу добавил: – Самым простым выходом было бы взять Андзин-сана с собой. Я могу начать подготовку в Осаке, продолжить в Нагасаки, набрав там новых чужеземцев, а завершить все приготовления на обратном пути.

– Делайте, как находите нужным, – разрешил Торанага. – Я оставляю за вами право решать, мой друг.

Ябу был счастлив, что наконец-то может действовать. Правда, он не рассчитывал на участие Наги, но оно не имело особого значения. В конце концов, чему могло помешать его присутствие в Йокогаме?

...А теперь, на «Эразме», Ябу наблюдал за Андзин-саном: такой высокий и сильный, ноги слегка расставлены, легко покачивается вместе с корпусом судна, как бы следуя за ударами волн, – он, казалось, составлял единое целое с кораблем, был его неотъемлемой частью. Да, здесь он совсем другой, чем на берегу. Облик Андзин-сана-капитана произвел глубокое впечатление на Ябу, и он стал вполне сознательно подражать ему: старался принимать такую же высокомерную позу, тщательно копировал его гордую осанку.

– Мне мало Канто, Юрико-сан, – шепнул он жене перед самым отъездом из дому. – Я хочу еще одного – командовать на море! Быть адмиралом! Все доходы от Канто мы пустим на выполнение плана Оми – отправить чужеземца домой, чтобы он купил корабли и вернулся с ними сюда. А Оми поедет с ним.

– Что ж, – Юрико эта «морская» идея Ябу, видимо, пришлась по душе, – мы можем ему доверять.

Пристань в Эдо опустела. Последние самураи из охраны скрылись в закоулках, ведущих к замку. Из темного двора вышел отец Алвито, сопровождаемый братом Мигелем. Португалец посмотрел на море:

– Пусть Бог проклянет этот корабль и тех, кто плывет на нем!

– Кроме одного, отец. На этом корабле уплыл один из наших людей. И Нага-сан. Нага-сан поклялся, что станет христианином в первый же месяц нового года.

– Если у него будет этот следующий год. – Алвито терзали дурные предчувствия. – Я ничего не знаю про Нагу – собирается он стать христианином или нет. Зато этот корабль угрожает нам бедой, а мы ничего не можем сделать.

– Бог нам поможет.

– Да, но пока мы, солдаты Бога, должны помогать ему. Отца-инспектора надо сразу уведомить о происходящем, да и генерал-капитана тоже. Ты нашел почтового голубя, чтобы отправить в Осаку прямо сейчас?

– Нет, отец, никакие деньги не помогли. Даже для Нагасаки не нашел. Несколько месяцев назад Торанага приказал передать ему всех

голубей.

Мрак на душе Алвито сгустился.

– Должен же быть у кого-то хоть один голубь! Заплати, сколько потребуют. Этот еретик способен нам очень навредить, брат Мигель.

– А может быть, и нет, отец.

– Зачем они услали корабль из Эдо? Конечно, для страховки, а главное – чтобы упрятать его подальше от нас. Зачем Торанага дал еретику двести ронинов и вернул деньги? Конечно, чтобы использовать этих головорезов как ударный отряд, а деньги – чтобы нанять еще пиратов: моряков и канониров. Почему он отпустил Блэкторна? Чтобы тот погубил нас, напав на черный корабль. Боже, помоги нам, Торанага предает нас!

– Это мы предали Торанагу, отец.

– Мы ничем не можем ему помочь! Мы пытались как могли уговорить даймё. Мы бессильны!

– Если бы мы молились усерднее, Бог, возможно, указал бы нам путь.

– Я молюсь и молюсь, но... видно, Бог и в самом деле оставил нас, брат Мигель. Мы недостойны его милости. Я знаю, что недостоин.

– Неизвестно еще, найдет ли Андзин-сан канониров и моряков, доберется ли до Нагасаки...

– С его серебром он купит всех, кто ему нужен. Даже католиков, даже португальцев. Люди думают об этой жизни – не о будущей. Они не желают прозревать. И так легко продают свои бессмертные души... Молюсь, чтобы Блэкторн или его посланцы никогда не добрались до Нагасаки. Не забывай: ему совсем не обязательно ехать туда самому. Его люди могут и нанять кого надо, и привезти куда потребуется. Ну что же, пойдем домой.

Удрученный Алвито направился к миссии иезуитов, находившейся примерно в миле к западу, рядом с пристанью, за одним из больших пакгаузов, где хранились сезонные запасы шелка и риса. Эти склады составляли часть торговой фактории, которой иезуиты управляли по поручению продавцов и покупателей.

Они побрели вдоль берега. Алвито остановился и снова взглянул на море: занимался рассвет, кораблей он не рассмотрел. Вчера Мигель сказал ему, что один из новых вассалов Блэкторна – христианин. Прошедшим вечером, когда по закоулкам Эдо пронеслась весть о

какой-то суете вокруг Андзин-сана и его корабля, Алвито торопливо набросал шифрованное послание дель Акуа, сообщая все последние новости, и попросил этого вассала, если он попадет в Осаку, тайком передать письмо. Но кто знает, дойдет ли оно... Незаметно для себя он задал этот вопрос вслух.

– Письмо дойдет, – успокоил его брат Мигель. – Нашему человеку известно, что он имеет дело с врагом веры.

– Всевидящий Бог даст ему силы и проклянет Урагу. – Алвито покосился на спутника. – Почему? Почему он отступился?

– Он говорил вам, отец. Он хотел стать священником. Хотел, чтобы его приняли в Общество. Он немногого просил для слуги Бога.

– Его обуяла гордыня, брат. Бог в мудрости своей искушал его и догадался о его помыслах.

– Молюсь, чтобы меня миновали подобные искушения, когда придет мой черед.

Алвито прошел к большому участку земли за миссией. Торанага отвел его для строительства собора. Скоро храм воздвигнется во славу Господа. Иезуит уже мысленно представлял себе, как этот храм, высокий, величественный и в то же время строго соразмерный, владычествует над городом; бронзовые двери всегда открыты для истинно верующих; звонят на все лады чудные колокола, отлитые в Макао, или в Гоа, или даже в Португалии... Он ощущал запах ладана, слышал звуки песнопений на латыни. «Но война развеет все мечты, – сказал он себе. – Снова придет война, чтобы погубить эту землю, и все будет как прежде».

– Отец! – прошептал брат Мигель, предупреждая его.

Перед ними стояла дама, под вуалью, в богатой одежде, явившаяся с двумя служанками. Она разглядывала место, где собирались заложить фундамент, провели разметку и уже начали копать котлован. Алвито ждал, не двигаясь, всматриваясь в скудно освещенное пространство. Наконец брат Мигель пошевелился и задел камешек, который упал на невидимую в темноте железную лопату – звякнул металл. Дама настороженно повернулась – и Алвито узнал ее.

– Марико-сан? Это я, отец Алвито.

– Отец Алвито? О, я была... Я просто приходила навестить вас перед отъездом. Хотела поговорить...

Алвито подошел к ней:

– Очень рад встрече с вами, Мариико-сан. Я слышал, вы уезжаете. Несколько раз пытался вас повидать, но меня все еще не пускают в замок. – Алвито посмотрел на брата Мигеля, который также был озадачен тем, что такая важная дама пришла сюда столь рано почти без провожатых и без предварительной договоренности.

– Вы здесь только для того, чтобы повидать меня, Мариико-сан?

– Да, и посмотреть, как уходит корабль.

– Чем я могу быть вам полезен?

– Я хочу исповедаться.

– Тогда пусть это случится здесь. Вы будете первой – это место только что освящено.

– Пожалуйста, простите меня, но не могли бы вы отслужить здесь мессу, святой отец?

– Здесь пока еще нет ни церкви, ни алтаря, ни облачений, необходимых для причастия. Я могу исполнить вашу просьбу в нашей часовне.

– Можно ли напиться чая из пустой чашки, святой отец? Пожалуйста, извините меня за такую настойчивость, – тихонько попросила она. – Это займет не много времени.

Алвито согласился. Он сразу понял ее и прошел туда, где в нефе, под сводчатой крышей, виделся ему будущий алтарь. Сегодня крышу заменяло светящееся небо, а хор – пение птиц и звуки прибора. Он начал мессу, брат Мигель помогал ему – вдвоем они смогли придать службе должное величие.

Но прежде чем вручить Мариико воображаемое причастие, он остановился.

– Теперь я должен услышать вашу исповедь, Мария. – Он сделал брату Мигелю знак удалиться, сел на камень, заменивший ему скамью в воображаемой исповедальне, и закрыл глаза.

Она встала на колени:

– Перед Богом... Прежде исповеди, святой отец, я прошу о милости.

– У меня или у Бога, Мария?

– Я прошу милости у Бога.

– Какой милости ты хочешь?

– Жизнь Андзин-сана в обмен на некие сведения.

– Я не волен казнить или миловать его.

– Да. Но, извините меня, вы можете распространить среди всех христиан известие, что его смерть неужодна Богу.

– Андзин-сан – враг. Заклятый враг нашей веры.

– Да. И все равно я прошу сохранить ему жизнь. В обмен... в обмен... Может быть, я способна оказать большую помощь.

– Какую?

– Мне окажут эту милость, святой отец? Обещаете перед Богом?

– Я не могу вам обещать такое. Не в моей власти брать или давать жизнь. Нельзя торговаться с Богом.

Марико колебалась, стоя перед ним на коленях на каменистой земле. Потом поклонилась и поднялась:

– Очень хорошо, прошу вас простить меня...

– Я передам вашу просьбу отцу-инспектору, – пообещал Алвито.

– Этого недостаточно, святой отец, простите меня.

– Я изложу вашу просьбу и попрошу ее рассмотреть.

– Если то, что я скажу, окажется очень важным, поклянетесь ли вы именем Бога помочь ему, оберегать его? Конечно, если это не повредит Церкви?

– Если это не повредит Церкви – да.

– И, простите, вы согласны передать мою просьбу отцу-инспектору?

– Клянусь Богом!

– Благодарю вас, святой отец. Тогда слушайте... – Она рассказала ему о своих предположениях по поводу Торанаги и устроенной им мистификации.

Для Алвито все внезапно встало на свои места.

– Вы правы, вы, должно быть, правы! Боже, прости меня, как мог я быть так глуп?

– Пожалуйста, слушайте дальше, святой отец. – Она прошептала ему о Дзатаки и Оноси.

– Это невозможно!

– Ходят также слухи, что господин Оноси хочет отравить господина Кияму.

– Невероятно!

– Прошу меня простить, но очень возможно. Они старые враги.

– Кто сказал вам все это, Мария?

– Ходят слухи, что Оноси отравит господина Кияму в этом году, во время праздника благословенного святого Бернарда. – Марико не ответила на его вопрос. – Сын Оноси станет новым владельцем всех земель Киямы. Господин Исидо согласен с этим, ибо предполагает, что мой хозяин уже ушел в «великую пустоту».

– Доказательства, Марико-сан! Где доказательства?

– Простите, у меня их нет. Но господин Харима хорошо осведомлен.

– Откуда вам это известно? И что знает Харима? Вы говорите, он участвует в заговоре?

– Нет, отец. Он просто знает эту тайну.

– Невероятно! Оноси слишком скрытен и слишком умен. Если бы он замыслил такое, никто бы не проведал. Вы, наверное, ошибаетесь. Кто вам это сообщил?

– Извините, я не могу этого открыть, простите меня. Но я считаю, что это правда.

Алвито стал перебирать все возможности. И тут же его озарило: «Урага! Конечно же! Урага исповедовал Оноси! О Мать Божья, Урага нарушил тайну исповеди и рассказал своему сюзерену...»

– Может быть, все это и не соответствует действительности, святой отец. Но я считаю, что это все правда. Только Бог знает истину...

Марико не подняла вуали, и Алвито ничего не мог прочесть по ее лицу. Уже светало. Священник посмотрел на море: на горизонте можно было различить два корабля – они направлялись на юго-запад, весла галеры дружно взлетали, ветер был легким, море спокойным. У Алвито защемило в груди, голова гудела от всего, что он узнал. Он молил Бога о помощи и пытался отделить истину от выдумки. В глубине души он чувствовал: все верно и доводы ее безупречны.

– Вы сказали, что Торанага перехитрит Исидо, что он победит?

– Нет, отец, никто не победит. Но без вашей помощи господин Торанага проиграет. Дзатаки доверять нельзя: он всегда будет угрозой нашему господину. Дзатаки осознает это и понимает, что обещания Торанаги – пустой звук, что сводный брат в конце концов попытается его уничтожить. На месте Дзатаки я уничтожила бы Судару, госпожу Гэндзико и всех их детей, как только они попали бы мне в руки, и сразу же двинула бы войска против Торанаги со стороны северных границ. Я ударила бы с севера, что вывело бы Исидо, Икаву Дзикю и

всех остальных из их дурацкой летаргии. Торанагу слишком легко уничтожить, святой отец.

Алвито подумал немного, потом попросил:

– Поднимите вуаль, Мария. – Он увидел, что ее лицо превратилось в маску. – Зачем вы рассказали мне все это?

– Чтобы спасти жизнь Андзин-сана.

– Вы совершаете преступление ради него, Мария? Вы, Тода Марико-но Бунтаро, дочь военачальника Акэти Дзинсая, идете на преступление из-за чужеземца? Вы просите меня поверить в это?

– Нет, простите, также... также чтобы защитить Церковь. Прежде всего чтобы защитить Церковь, святой отец. Я не знаю, что делать. Я думала, вы... Господин Торанага – единственная надежда Церкви. Я надеялась, вы как-то поможете ему... защитить Церковь. Господину Торанаге сейчас нужно помочь. Он хороший и умный человек, и Церковь при нем будет процветать. Я знаю, что ее настоящий враг – Исидо.

– Большинство даймё-христиан верят, что Торанага уничтожит Церковь и наследника, если победит Исидо и получит власть.

– Это не исключено, но я сомневаюсь. Он честно ведет себя с Церковью – и всегда было так. Исидо – ярый противник христиан. И госпожа Отиба – тоже.

– Все крупные даймё-христиане против Торанаги.

– Исидо – крестьянин. Торанага-сама честный и мудрый, он хочет торговать.

– Торговать будут всегда, кто бы ни стал правителем.

– Господин Торанага во всех делах проявлял себя как ваш друг. И если вы честны с ним, он будет честен с вами. – Марико показала на фундамент. – Это ли не свидетельство его честности? Он охотно отдал вам эту землю, хотя вы подвели его, – и потерял все, вашу дружбу тоже.

– Может быть.

– И еще одно, святой отец: только Торанага-сама в силах предотвратить эту бесконечную войну – вы ведь знаете. Как женщина, я прошу Бога, чтобы вечная война прекратилась.

– Да, Мария, он, наверное, единственный, кто это может.

Священник отвел от нее глаза. Брат Мигель стоял на коленях, погруженный в молитвы, две служанки терпеливо ждали у

берега. Иезуит был ошеломлен всем услышанным, издергался, но чувствовал подъем, прилив сил.

– Я рад, что вы пришли сюда и открыли мне все это. Благодарю вас от имени Церкви и от себя, ее слуги. Я сделаю все, что обещал.

Она наклонила голову и ничего не сказала.

– Вы передадите мое послание отцу-инспектору, Марико-сан?

– Да, если он в Осаке.

– Личное письмо?

– Да.

– Оно будет на словах: вы расскажете ему все, что сказали мне и что я сказал вам. И только.

– Очень хорошо.

– Обещаете мне перед Богом?

– Вам нет нужды говорить мне это, святой отец. Я согласна.

Он заглянул ей в глаза – взгляд ее был тверд и решителен.

– Прошу простить меня, Мария. Теперь давайте перейдем к вашей исповеди.

Она опустила вуаль:

– Я тоже прошу меня простить, святой отец. Я недостойна даже того, чтобы исповедаться.

– Все мы достойны покаяния перед Богом.

– Кроме меня. Я недостойна, отец.

– Вы должны исповедаться, Мария. Я не могу продолжать мессу. Вам надо предстать перед Ним очищенной.

Она встала на колени:

– Простите меня, отец, ибо я согрешила, но могу только признаться, что недостойна исповеди, – прошептала она прерывающимся голосом.

Отец Алвито сочувственно положил руку ей на голову:

– Дочь моя, позволь мне просить у Бога прощения за твои грехи. Позволь мне от Его имени отпустить их, дабы ты в чистоте предстояла Ему. – Он благословил ее и продолжил отправлять службу в воображаемом соборе, под рассветным небом. Службу, более реальную и более торжественную, чем все те, которые они когда-либо видели воочию.

«Эразм» поставили на якорь достаточно далеко от берега, чтобы оставалось вдоволь свободного пространства, и достаточно близко, чтобы чувствовать себя в безопасности. Блэкторн не помнил другой такой защищенной от штормов стоянки: шесть сажень чистой воды и прочный грунт под килем, и все водное пространство, кроме узкого прохода, окружено высокими горами, способными укрыть от самых страшных ураганов.

Дневной переход из Эдо не ознаменовался никакими происшествиями, хотя и был утомителен. В половине рю к северу, у причала рыбацкой деревушки Иокогама, стояла на якоре галера; на борту «Эразма» остались Блэкторн с командой и вассалами. Ябу и Нага сошли на берег, чтобы провести инспекцию мушкетного полка, получившего приказание вскоре присоединиться к ним. На западе низко над горизонтом висело раскаленное солнце, ярко-розовое небо обещало на следующий день хорошую погоду.

– Почему сейчас, Урага-сан? – спросил Блэкторн с юта. Капитан все время недосыпал, здорово утомился, и глаза у него были красные. Только что он приказал команде, да и всем остальным идти спать, а тут Урага. Попросил отложить отдых – желает узнать, есть ли среди его вассалов христиане. – Ты не можешь подождать до завтра?

– Нет, господин, извините. – Урага, стоявший перед самураями, поднял на него упорный взгляд; голландцы беспокойной гурьбой сгрудились возле ограждения юта. – Пожалуйста, извините меня, но это не терпит отлагательств. Вы их самый большой враг, значит, должны распознать засланных ими людей, чтобы принять меры вовремя. Я обязан защитить вас. Это ведь недолго.

– Все на палубе?

– Да, господин.

Блэкторн подошел к ограждению и спросил по-японски:

– Есть среди вас христиане? – Ответа не последовало. – Приказываю христианам выйти вперед. – Никто не двинулся. Тогда он повернулся к Ураге. – Поставь десять человек на охрану палубы и распусти остальных.

– С вашего разрешения, Андзин-сан. – Урага вынул из-под кимоно маленькую, написанную маслом икону, которую захватил в Эдо, и бросил ее на палубу изображением вверх, потом наступил на нее. Блэкторн и его команда помрачнели, возмущенные таким

святотатством, – все, кроме Яна Ропера. – Пожалуйста, пусть все ваши вассалы сделают так же, – предложил Урага.

– Зачем?

– Я знаю христиан. – Глаза Ураги были наполовину спрятаны под полями шляпы. – Пожалуйста, господин. Важно, чтобы это сделал каждый. И именно сейчас, вечером.

– Хорошо, – неохотно согласился Блэкторн.

Урага повернулся к вассалам Блэкторна:

– По моему предложению наш господин требует, чтобы каждый из вас сделал так же.

Самураи загомонили, потом один из них заявил:

– Мы ведь уже сказали, что не христиане. Что это докажет, если мы будем топтать изображение варварского бога? Ничего!

– Христиане – враги нашего хозяина! Христиане – изменники! Но христиане есть христиане. Прошу простить меня, я знаю христиан. К моему стыду, я предал наших настоящих богов. Считаю, что это необходимо для безопасности нашего господина.

– Раз так, говорить больше не о чем. – Самурай вышел вперед и наступил на икону. – Я не исповедую религию чужеземцев! Ну, давайте все! Делайте, что вам сказали!

Один за другим самураи выходили вперед. Блэкторн смотрел молча, но церемония эта ему не нравилась. Ван Некк обеспокоился:

– По-моему, это не дело.

Винк поднял глаза на ют:

– Негодяи! Они перережут нам глотки не задумываясь! Вы уверены, что им можно доверять, капитан?

– Да, уверен.

– Да-а, – протянул Гинсель, – ни один католик не пошел бы на такое, да, Йохан? Хитер этот Урага-сан...

– Какая разница, окажутся эти мужеложцы папистами или нет. Все равно они поганые самураи.

– Вот уж правда, – вставил свое слово Крок.

– Пусть даже и так, все равно не годится поступать по-свински, – повторил ван Некк.

Самураи, двигаясь беспорядочной толпой, один за другим наступали на икону, которая валялась на палубе. Зрелище было не из приятных. Блэкторн уже жалел, что согласился. До темноты

предстояло еще сделать столько важных дел. Мысли его отвлеклись от этого глупого топтания, глаза обратились к деревне, окруженной горами. На склонах холмов рассыпались сотни крытых соломой навесов – лагерь мушкетного полка. «Скорее бы на берег! – подумал он. Так хотелось осмотреть эту землю, которая теперь принадлежала ему, похвастаться наделом, пожалованным Торанагой, куда входила Иокогама. – Бог мой! – сказал он себе. – Я – хозяин одной из самых больших гаваней в мире!» Он совсем забыл о том, что происходило на палубе.

Один самурай вдруг обошел икону, выхватил меч и бросился на Блэкторна. Дюжина встревоженных воинов тут же метнулась наперерез, загородив ют. Блэкторн вернулся на землю из страны своих мечтаний. Он мгновенно выхватил пистолет, взвел курок и прицелился. Остальные рассыпались по палубе, топоча, спотыкаясь и отпихивая друг друга в общей суматохе. Самурая юзом протащило по палубе до полной остановки, он яростно взревел, переменил направление и рубанул мечом, целясь в Урагу, который чудом избежал удара. На возмутителя спокойствия накинuloсь сразу несколько человек, но он увернулся, отскочил к борту и сиганул в море. Четверо самураев, умевших плавать, бросили длинные мечи, зажали в зубах короткие и прыгнули вслед за ним, остальные вместе с голландцами столпились у борта.

Блэкторн вспрыгнул на планшир: сначала он ничего не мог разглядеть внизу, потом различил в воде кружащиеся темные тени. Один самурай вынырнул, глотнул воздуха и опять ушел вниз. Скоро на поверхности появились четыре головы, между ними плавал труп с клинком в горле.

– Простите, Андзин-сан, это его собственный меч! – крикнул один из них, перекрывая голоса остальных.

– Урага-сан, скажи им – пусть тело обыщут, потом оставят на корм рыбам!

Обыск ничего не дал. Когда все опять собрались на палубе, Блэкторн указал на икону заряженным пистолетом:

– Еще раз! Все! – Ему подчинились мгновенно, и он удостоверился, что испытание прошли все до одного. Потом, чтобы поощрить и отблагодарить Урагу, он приказал команде сделать то же самое.

Послышались протесты.

– Без разговоров! – прорычал Блэкторн. – Быстро! Или я подгоню вас ногой под зад!

– Не стоит так, капитан, – миролюбиво произнес ван Некк. – Мы ведь не вонючие местные язычники!

– Они не вонючие местные язычники! Они самураи, клянусь Богом!

Все уставились на него. Гнев, подхлестнутый страхом, вырвался наружу. Ван Некк продолжал что-то возражать, но тут вмешался Гинсель:

– Самураи – язычники, негодяи! Они – или такие, как они, – убили Питерсона, нашего генерал-капитана и Матсюккера!

– Но без этих самураев мы никогда не вернемся домой, поняли?

Теперь за командой наблюдали все самураи. Они угрожающе двинулись в сторону Блэкторна, явно показывая намерение его защитить. Ван Некк плюнул:

– Да ладно, черт с ними! Мы все немного обидчивы и прилично устали – ночью нам досталось! Мы здесь не хозяева, ни один из нас, даже капитан. Он знает, что делает, – он командир! Теперь он у нас генерал-капитан!

– Так-то оно так, однако он не прав, что принимает их сторону, а не нашу. И, честное слово, он не король – такой же, как мы, – прошипел Ян Ропер. – Если он вооружен, как они, и может понимать этих содомитов, это еще не ставит его над нами! Мы равны с ним перед нашим и его законом, хотя он и англичанин! Он поклялся соблюдать правила! Что, капитан, разве не так?

– Верно, – отвечал Блэкторн. – В море правит наш закон – там мы хозяева, и там нас много. Здесь – не то. Делайте, что я сказал, и быстро!

Команда продолжала роптать, но все повиновались.

– Сонк! Ты нашел грог?

– Ничего нет, черт бы их побрал!

– Я пришлю sake на борт. – Перейдя на португальский, Блэкторн добавил: – Урага-сан, ты пойдешь со мной на берег. Возьми с собой кого-нибудь из гребцов. Вы четверо, – сказал он по-японски, указывая на тех, кто нырял с борта, – теперь командиры. Понятно? Возьмите каждый по пятьдесят человек.

– *Хай*, Андзин-сан.

– Как тебя зовут? – спросил он одного из них, высокого спокойного мужчину со шрамом на щеке.

– Нава Тисато, господин.

– На сегодня ты старший над всем кораблем – пока я не вернусь.

– Да, господин.

Блэкторн подошел к трапу, возле которого внизу была привязана шлюпка.

– Куда вы собираетесь, капитан? – встревожился ван Некк.

– На берег. Вернусь позднее.

– Хорошо, мы поедем все!

– Клянусь Богом, я вернусь с...

– И я. Я поеду... Боже мой, не оставляйте меня...

– Нет! Я поеду один!

– А как же мы?! – вскинулся ван Некк. – Что нам делать? Не покидайте нас, капитан! Что мы...

– Просто ждите! – ответил Блэкторн. – Я поищу еду и выпивку и пришлю на борт.

Гинсель воинственно налетел на Блэкторна:

– Я думал, мы собираемся вернуться вечером. Почему мы не возвращаемся обратно? Сколько времени мы проторчим здесь, капитан? Сколько? Да, а что с Эдо? – Гинсель еще возвысил голос: – Долго нам торчать здесь, с этими проклятыми обезьянами?

– Да, обезьянами, – с удовольствием повторил Сонк. – А наши пожитки, соседи?

– Что с нашими *эта*? Капитан, а как же наши женщины?

– Они придут завтра, – пришлось пообещать Блэкторну. – Потерпите, я вернусь быстро. Баккус, ты остаешься старшим! – Он опять пошел к трапу.

– Я с вами! – резко заявил Ян Ропер, направляясь следом. – Мы в гавани, уже были всякие случаи – надо взять какое-нибудь оружие.

Блэкторн резко повернулся к нему – и сразу же вскинулось больше дюжины мечей, готовых разрубить Яна Ропера.

– Еще слово – и ты покойник! – предупредил Блэкторн. Высокий худой купец вспыхнул – и остановился. – Придерживай язык, когда ты рядом с самураями. Каждый из них может отсечь тебе голову, раньше чем я успею его остановить. Вот что значит невоспитанность! Ну-ка, может, еще кто попробует? Самураи так обидчивы, а с вами и я

становлюсь обидчивым. А оружие вы получите, когда потребуется. Все ясно?

Ян Ропер уныло кивнул и отошел – запал его явно иссяк. Самураи все еще сохраняли настороженность. Блэкторну пришлось успокоить их несколькими японскими словами и отдать строгий приказ: под страхом смерти оставить команду в покое! Он спустился по трапу и сел в лодку, за ним – Урага и один самурай. Тисато, оставленный старшим, приблизился к Яну Роперу, заметно присмирившему после речи Блэкторна, поклонился, отошел и тут же словно забыл о только что разыгравшейся сцене.

Когда лодка была уже далеко от корабля, Блэкторн поблагодарил Урагу за поимку шпиона.

– Пожалуйста, не благодарите. Это только наш долг.

Блэкторн произнес по-японски, чтобы понял и другой самурай:

– Да, долг. Но твое жалованье теперь изменится – ты будешь получать сто коку в год, а не двадцать.

– О, господин, благодарю вас! Я не заслужил этого. Я только выполнял свой долг...

– Говори медленно. Не понимаю.

Урага извинился и заговорил медленнее.

Блэкторн счел необходимым повторить свои похвалы. Неожиданно на него навалилась усталость. Он поудобнее уселся на корме и едва преодолевал дремоту, глаза закрывались сами собой. «Надо все же еще раз убедиться, что корабль хорошо поставлен...» Ван Некк и остальные стояли у планшира. Он пожалел, что взял их на борт, хотя и знал, что выбора не было: без них этот переход оказался бы небезопасным. «Взбалмошный народ... Какого черта я с ними связался? Все мои вассалы знают про деревню *эта*, а моряки мои такие же свиньи, как... Боже, о чем это я? Карма...» Он все же вздремнул. Когда лодка ткнулась носом в берег у причала, Блэкторн вернулся к реальности и не сразу сообразил, где он. Во сне капитан пребывал в замке, в объятиях Марико – совсем как в прошлую ночь...

Прошлой ночью, утолив желание, они лежали в полусне. Фудзико стерегла их покой, Тиммоко стояла на страже, когда Ябу и его самураи постучали у дверей. Вечер начинался так приятно: Фудзико благоразумно пригласила Кику, и он никогда еще не видел куртизанку такой красивой и жизнерадостной. Когда колокола пробили час свиньи,

точно как обещала, прибыла Марико. Было очень весело, много sake, но вскоре Марико нарушила все очарование вечера:

– Извините, но вы в большой опасности, Андзин-сан. – Она передала предостережение Гёко насчет Ураги.

И Кику, и Фудзико – обе были одинаково возмущены и встревожены.

– Пожалуйста, не беспокойтесь, я прослежу за ним, – успокаивал их Блэкторн.

Но Марико продолжала:

– Возможно, вам следует остерегаться и Ябу-сама, Андзин-сан.

– Что вы говорите?

– Сегодня днем я видела ненависть на вашем лице. Он тоже ее заметил.

– Ерунда! *Сиката га най, нэ?*

– Нет, простите, вы совершили одну большую ошибку. Зачем вы остановили своих людей, когда они окружили Ябу-сама? Ронины быстро расправились бы с ним, и ваш враг погиб бы без всякого риска для вас!

– Это было бы нечестно, Марико-сан! Все против одного! Это подло!

Марико объяснила Кику и Фудзико, о чем они говорят, и опять обратилась к нему:

– Пожалуйста, извините меня, Андзин-сан, но мы все считаем, что так думать очень опасно, и просим вас вести себя по-другому. Опасно, неправильно и наивно! Прошу извинить мне такую прямоту. Ябу-сан погубит вас!

– Нет, пока нет, я все еще очень нужен ему. И Оми-сану.

– Кику-сан говорит: пожалуйста, передайте Андзин-сану, чтобы он опасался Ябу и этого Урагу тоже. Андзин-сану трудно судить о том, что здесь может оказаться важным.

– Я согласна с Кику-сан, – заявила Фудзико.

Кику вскоре ушла, чтобы провести вечер с Торанагой. Тут Марико снова нарушила покой и согласие, царившие в комнате:

– Сегодня вечером я должна сказать: *саёнара*, Андзин-сан. Я уезжаю на рассвете.

– Не надо сейчас прощаться, – попробовал возражать Блэкторн. – Все теперь может измениться. Завтра я увижу Торанагу. Мне ведь

разрешено ехать куда хочу – я возьму вас в Осаку. Мне дадут галеру или какое-нибудь малое судно. В Нага...

– Нет, Андзин-сан! Простите, я должна ехать, как мне приказано! – Никакие доводы ее не тронули.

Он чувствовал, что молчаливая Фудзико наблюдает за ним, сердце щемило при мысли о разлуке. Блэкторн взглянул на Фудзико, та извинилась и вышла, закрыв за собой сёдзи. Они остались одни – Фудзико не вернется, некоторое время они в безопасности. Их страсть была бурной и быстрой. Но вот послышались шаги, голоса. Они едва успели привести себя в порядок, как вернулась Фудзико и вошел Ябу с приказом Торанаги о немедленном тайном отъезде:

– Иокогама, Андзин-сан. Потом Осака и после короткой остановки – Нагасаки. Оттуда обратно в Осаку и снова сюда, домой! Я послал за вашей командой, чтобы ее доставили на корабль.

Возбуждение охватило Блэкторна: удача! Само небо послало ее.

– Да, Ябу-сан. Но Марико-сан... Марико-сан тоже едет в Осаку. Не лучше ли ей отправиться с нами – быстрее, безопаснее...

– Невозможно, прошу прощения. Нужно торопиться! Собирайтесь! Прилив, понимаете? Прилив, Андзин-сан!

– *Хай*, Ябу-сан. Но Марико-сан едет в Осаку...

– Прошу меня извинить, но у нее приказ, как у нас всех. Марико-сан! Объясните ему! Скажите, чтобы он торопился!

Ябу был неумолим, и никто среди ночи не посмел бы тревожить Торанагу просьбами отменить приказ. И уже не оставалось времени поговорить с Марико или Фудзико – только несколько мгновений на торопливое прощание. «Ладно, скоро мы встретимся в Осаке».

– Очень скоро, Андзин-сан... – так с ним простилась Марико.

«Господи, Боже мой, не дай мне потерять ее!» – взмолился Блэкторн. Чайки кричали над берегом, заставляя острее и горше почувствовать тоску расставания.

– Потерять... кого, господин?

Блэкторн вынырнул из своих мечтаний и показал на видневшийся вдали корабль.

– Мы, моряки, называем корабль «она», думаем о нем как о женщине. *Вакаримас ка?*

– *Хай*.

Блэкторн еще мог различить у борта «Эразма» маленькие фигурки – это его команда... Перед ним сразу же встала неразрешимая задача. «Они нужны тебе на борту, – рассудил он. – И еще много таких, как они! И наемники не станут лучше относиться к самураям – большинство из них европейцы. Как же мне управляться с ними? Марико была права. Если рядом будут католики, я – покойник!»

– Даже я, Андзин-сан... – шепнула она прошлой ночью.

– Нет, Марико-сан, только не вы!

– Вы сказали сегодня днем, что мы – ваши враги.

– Я сказал, что большинство католиков – мои враги.

– Они убьют вас, если смогут.

– Возможно... Но ты... мы правда встретимся в Осаке?

– Да, я люблю тебя! Андзин-сан, помните: остерегайтесь Ябу-сана...

«Они все правы насчет Ябу, – думал Блэкторн. – Что бы он ни говорил, что бы ни обещал. Я и правда сделал большую ошибку. Зачем я остановил своих людей, когда он сам подставился?.. Этот негодяй пока притворяется, но тут же перережет мне глотку, как только я перестану быть ему полезным. И все-таки своя правда есть и в словах Ябу: он мне нужен. Никогда я не попаду в Нагасаки и не вернусь живым без его защиты! Он, конечно, помог убедить Торанагу. Если он двинет мне в помощь две тысячи своих фанатиков, мы сможем разнести Нагасаки и, кто знает, может, даже Макао... Мадонна! Один я беспомощен! – Тут он вспомнил, что Гёко сказала Марико про Урагу. – Ему нельзя доверять? Нет, Гёко ошиблась в нем. В чем еще она ошибается?»

Часть пятая

Глава 52

Блэкторн вновь почувствовал давящий гнет огромного города, оказавшись в кишасей людьми Осаке после долгого путешествия на галере. Огромные городские валы были завалены мусором – его нанес тайфун, кое-где еще чернели пожарища, но величия у Осаки не убавилось, и замок все так же горделиво возносился над ней. Даже с расстояния более чем в лигу виден был колоссальный пояс высокой первой стены, вздымающиеся вверх зубчатые гребни. Но зловещая громада главной башни замка довлела даже над ними.

– Ну и махина! – нервно протянул Винк, стоявший рядом с Блэкторном на носу корабля. – И не вообразить такую! Амстердам рядом с этим чудищем – мушиное пятнышко!

– Пожалуй... Шторм и здесь много чего разрушил, но не так сильно, как везде. А замок – он вообще вечен, ничего не боится.

Тайфун пришел с юго-запада две недели назад, и о приближении его возвещало много примет: низкая облачность, чайки, дождь. Когда он обрушился, галера уже укрылась в бухте, где экипаж пять дней переждал бурю. Океан бушевал всюду, а ветры ярились и свирепствовали, как никогда.

– Боже, как бы я хотел быть дома! – затосковал Винк. – Мы ведь должны были вернуться еще год назад...

Блэкторн взял Винка с собой из Иокогамы, а остальных отправил обратно в Эдо, оставив «Эразм» на безопасной стоянке под охраной Наги. Его команда была рада уехать, а он не менее рад от нее освободиться. В первый же вечер начались дикие ссоры и споры по поводу корабельных денег. Деньги принадлежали компании, а не ему. Ван Некк, как казначей экспедиции и главный торговец, вместе с генерал-капитаном официально распоряжался ими. Когда сосчитали и пересчитали еще раз, нашли, что все цело, кроме тысячи монет. Ван Некк, поддержанный Яном Ропером, стал спорить о том, сколько денег Блэкторн может взять с собой для найма новых моряков.

– Вы собираетесь слишком много платить, капитан! Предложите им поменьше!

– Да сколько ни попросят, придется заплатить! Мне нужны моряки и канониры! – Блэкторн стукнул кулаком по столу – спор происходил в

кают-компании. – Как вы думаете вернуться домой?

Наконец он убедил их, но был недоволен, что его вывели из себя этими мелкими делами, всякими придирками... На следующий день он отправил их обратно в Эдо, поделив между ними десятую часть серебра, хранящегося в корабельной кассе, чтобы им было чем заплатить за обратный путь, а остальные деньги оставил на корабле.

– Как мы узнаем, все ли здесь в порядке? – Ян Ропер сердито глядел на него.

– Ну, тогда оставайся и карауль сам!

Но никто не захотел оставаться на борту. Ехать с Блэкторном согласился Винк.

– Почему вы берете его, капитан? – поинтересовался ван Некк.

– Потому что он моряк и мне потребуется его помощь.

Блэкторн облегченно вздохнул, распроставшись с командой, и, едва галера вышла в море, начал учить Винка японским обычаям. Винк принял это стоически: он доверял Блэкторну, с которым проплавал столько лет, и знал ему цену.

– Капитан, ради вас я готов принимать ванну и мыться хоть каждый день, но будь я проклят, если надену эту чертову ночную рубашку!

Через десять дней Винк преспокойно забрасывал лот, полуголый, перетянув брюхо широким кожаным ремнем, кинжал в ножнах болтался за спиной, один из пистолетов Блэкторна был надежно спрятан под чистой, хотя и рваной рубахой.

– Мы не пойдем в замок, да, капитан?

– Нет.

– Я вообще предпочел бы смыться отсюда!

День был ясный, отражение высокого солнца блистало в спокойном море. Сильные гребцы работали слаженно.

– Винк, вот где засада!

– Бог мой, посмотрите на эти мели!

Блэкторн рассказал Винку обо всем: обстоятельствах бегства, сигнальных огнях на стенах, о грудах мертвых на берегу, о вражеском фрегате, готовом таранить его.

– А, Андзин-сан, – подошел к ним Ябу. – Хорошо, правда? – Он показал на следы разрушений.

– Плохо, Ябу-сама.

– Но это же наши враги.

– Народ – не враги. Враги – Исидо и самураи.

– Этот замок вражеский. – Ябу выдал свое беспокойство и беспокойство тех, кто был на борту. – Здесь все вражеское.

Блэкторн заметил, что, когда Ябу кланяется, кимоно распахивается от ветра, обнажая мощный торс.

Винк понизил голос:

– Я хочу убить этого подонка, капитан.

– И я не забыл о старом Питерзоне, не думай.

– И я, Бог мне судья. Меня прямо всего колотит, когда я слышу, как вы с ним разговариваете на их языке. Что он сказал?

– Он просто проявил вежливость.

– Какие у вас планы?

– Мы причаливаем и ждем. Он сойдет на берег на день или два, а мы будем сидеть и ждать. Торанага послал письма, чтобы нас свободно пропускали, но все равно нам лучше затаиться и оставаться на борту. – Обшарив взглядом суда и море, Блэкторн не заметил ничего опасного, но все же сказал Винку: – Лучше измеряй глубину, на всякий случай!

– Ладно!

Ябу посмотрел, как Винк бросает лот, и вернулся к Блэкторну:

– Андзин-сан, может быть, вам лучше отправиться на галере в Нагасаки? Не ждать нас, а?

– Хорошо, – охотно согласился Блэкторн, не заглотив приманку.

Ябу засмеялся:

– Вы мне нравитесь, Андзин-сан! Но, извините меня, в одиночку вы сразу погибнете. Нагасаки – очень плохое место для вас.

– Осака – плохое, и любое другое! Везде...

– Карма... – Ябу улыбнулся. Блэкторн сделал вид, что шутка ему понравилась.

За время путешествия они с разными вариациями вели одни и те же разговоры. Блэкторн много узнал про Ябу, и укрепился в недоверии к нему, и возненавидел его еще сильнее, но и уважать стал больше. Он понял, что кармы их взаимосвязаны.

– Ябу-сан прав, Андзин-сан, – поддержал Ябу Урага, – он может защитить вас в Нагасаки – я не смогу.

– Из-за твоего дяди, господина Харимы?

– Да, из-за него. Может быть, меня уже объявили вне закона. Мой дядя – христианин, хотя я думаю, что христианин он неискренний.

– Как это?

– Нагасаки – его владение. Тамошняя гавань – самая большая на Кюсю, но не самая лучшая. Так он быстро сообразил, что к чему. Он становится христианином, приказывает всем своим вассалам креститься, мне тоже велит принять христианство и отправляет в иезуитскую школу. Ну а потом, как одного из новообращенных, посылает за море. Он предоставил иезуитам земли и, как вы говорите, подлизывается к ним. Но сердцем он японец.

– Иезуиты знают, что ты об этом думаешь?

– Да, конечно.

– Они верят, что он истинный христианин?

– Они не говорят нам, своим послушникам, во что верят на самом деле, Андзин-сан. И даже самим себе в большинстве случаев. Они научены хранить секреты, использовать их, но никогда не открывать. Это очень по-японски.

– Тебе лучше оставаться здесь, в Осаке, Урага-сан.

– Прошу меня извинить, господин, но я ваш вассал. Если вы едете в Нагасаки, я поеду с вами.

Блэкторн чувствовал, что Урага становится бесценным помощником. Этот человек открыл ему множество иезуитских тайн: как, почему и когда проводятся торговые операции, плетутся интриги, проворачиваются невероятные международные махинации. Урага в равной мере был осведомлен о Хариме и Кияме, о том, как мыслят даймё-христиане и почему они встали на сторону Исидо. «Теперь я знаю много такого, что было бы важно для Англии, – думал он. – И мне предстоит узнать еще больше. Но как передать все это в Лондон? Ну, хотя бы, что торговля с Китаем, один только импорт шелка в Японию, оценивается в десять миллионов золотом в год... Что один из самых образованных иезуитов состоит при дворе императора в Пекине: этот священник удостоен придворного ранга, советник правительства, говорит по-китайски, как китаец... Вот если бы я мог послать письмо... если бы у меня был посланец...»

В обмен на все эти сведения Блэкторн начал учить Урагу навигации, рассказывал о Реформации, о парламенте. Еще он учил его и Ябу стрелять – оба оказались способными учениками. «Урага – хороший человек, – решил Блэкторн, – если не считать того, что он

стыдится отсутствия самурайского пучка. Что ж, волосы скоро отрастут».

Раздался предупреждающий крик впередсмотрящего с полуюта.

– Андзин-сан! – Японский капитан указывал вперед на элегантный кораблик с двадцатью гребцами, который приближался к ним со стороны правого борта. На верхушке мачты развевался флаг Исидо, а рядом с ним – вымпел Совета регентов, тот самый, с которым навстречу своей смерти прибыли в Андзиро Нэбара Дзодзэн и его люди.

– Кто это? – Блэкторн чувствовал, что беспокойство охватило весь корабль, люди напряженно всматривались в даль.

– Простите, пока не могу разобраться, – отвечал капитан.

– А вы, Ябу-сан?

Ябу пожал плечами:

– Власти плывут.

Когда суденышко приблизилось, Блэкторн увидел на корме пожилого мужчину: он сидел под балдахином, в парадных одеждах и крылатой накидке. Мечей у него не было. Вокруг стояли люди в серой униформе Исидо.

Барабанщик перестал отбивать ритм для гребцов, кораблик встал рядом с галерой. Все кинулись помогать важной особе подняться на борт. Вслед за ней вспрыгнул японский капитан и после многочисленных поклонов принял командование галерой. Ябу и чиновник держались очень официально и скрупулезно соблюдали все церемонии. Наконец они расселись на подушках в соответствии со своим рангом – чиновник занял самое почетное место на корме. Самураи Ябу и серые сели вокруг них скрестив ноги или на колени – на главной палубе для них оставались менее почетные места.

– Совет приветствует вас, Касиги Ябу, от имени его императорского величества, – провозгласил невысокий, плотный, несколько изнеженный на вид человек – старший советник регентов по протоколу и представитель императорского двора. В обязанности Огаки Такамото, принца седьмого ранга, входило посредничество между двором его императорского величества Сына Неба и регентами. Согласно обычаю придворных, существовавшему уже несколько веков, зубы у него были выкрашены черным.

– Благодарю вас, принц Огаки. Мне оказана честь представлять здесь господина Торанагу, – объявил Ябу, преисполненный сознания собственной важности.

– Да, конечно. Я думаю, у вас здесь есть и свои дела? – сухо осведомился Огаки.

– Конечно. Когда приедет господин Торанага? Простите, но тайфун задержал меня на пять дней, и я не имел известий, с тех пор как выехал.

– Ах да, тайфун! Совет был весьма доволен, когда стало известно, что шторм вас не тронул. – Огаки откашлялся. – Что касается вашего властелина, я с сожалением должен довести до вашего сведения, что он еще не добрался даже до Одавара. Какие-то бесконечные отсрочки, потом болезнь. Огорчительно, правда?

– О да, очень. Ничего серьезного, надеюсь? – Ябу радовался, что ему известна тайна Торанаги.

– Нет, к счастью, ничего серьезного. – Снова сухое покашливание. – Господин Исидо считает, что ваш властелин завтра прибудет в Одавара.

Ябу изобразил удивление:

– Двадцать один день назад, когда я уезжал, все было готово к его немедленному отбытию, потом заболел господин Хиромацу. Я знаю, что господин Торанага был серьезно обеспокоен, но не изменил своего намерения. Я собираюсь начать приготовления к его приезду.

– Все подготовлено, – заявил коротышка-чиновник.

– Совет, конечно, не будет возражать, если я проверю все приготовления? – Ябу был предельно дружелюбен. – Важно, чтобы эта церемония была достойна Совета и такого случая.

– Достойна его императорского величества Сына Неба. Теперь это его вызов.

– Конечно, но... – Ябу растерялся. – Вы имеете в виду... что его императорское величество будет присутствовать?

– Его императорское величество согласился с почтительной просьбой регентов лично выслушать клятву нового Совета – всех главных даймё, включая господина Торанагу, его семью и вассалов. Старшие советники его императорского величества выбрали благоприятный день для такого... э-э-э... ритуала. Двадцать второй день этого месяца, в этот, пятый год эры Кэйтё.

Ябу был поражен:

– Через... через девятнадцать дней?

– В полдень. – Утонченным движением Огаки вынул из рукава бумажный платок и осторожно высморкался. – Прошу меня извинить. Да, в полдень. Все предзнаменования благоприятны. Господин Торанага был извещен посланцем императора четырнадцать дней назад. Его немедленное почтительное согласие пришло в Совет регентов три дня назад. – В руках Огаки появился маленький свиток. – Здесь *ваше* приглашение, господин Касиги Ябу, на церемонию.

Ябу вздрогнул, увидев императорскую печать в виде хризантемы с шестнадцатью лепестками. Он знал, что никто, даже сам Торанага, не сможет отказаться от такого приглашения. Отказ будет признан оскорблением божества, открытым мятежом. Все земли принадлежат императору – ослушник тотчас же лишится всех земель и получит предписание императора сразу совершить сэппуку. Такие решения передавались по его поручению регентами и подтверждались большой печатью. Они всегда были окончательны и обязательны к выполнению. Ябу лихорадочно пытался успокоиться.

– Простите, вам нехорошо? – заботливо спросил Огаки.

– Извините... – Ябу заикался, – но никогда, в самых смелых своих мечтах... никто не мог себе представить, чтобы его величество... оказал нам такую честь.

– О да, я согласен. Необычно!

– Удивительно... что его императорское величество... покинет Киото и приедет в Осаку.

– Согласен. Тем не менее на двадцать второй день его императорское величество с регалиями будет здесь.

Без императорских регалий ни одно поколение императоров не считалось правомочным. Три святыни признавались божественными – они, как все верили, были принесены на землю богом Ниниги-но Микото и переданы им лично своему внуку Дзимму-тэнно, первому земному императору. А Дзимму передал их своим наследникам, и так до нынешнего их держателя – императора Го-Нидзё. Всем были известны эти три святыни: меч, яшма и зеркало. Священные меч и яшма всегда путешествовали вместе с императором, куда бы он ни уезжал из своего дворца с ночевкой. Зеркало хранилось в святилище большого синтоистского храма в Исэ. Меч, зеркало и яшма

принадлежали Сыну Неба. Они были символами законной власти, знаками ее божественности. Сын Неба брал их с собой – таким образом он брал с собой всю свою власть.

Ябу засомневался:

– Почти невероятно, чтобы к приезду императора были закончены все приготовления.

– О, господин Исидо по поручению регентов обратился к его императорскому величеству сразу же, как только получил известие от господина Дзатаки из Ёкосэ, что господин Торанага согласился – это удивительно – прибыть в Осаку и покориться неизбежному. Только великая честь, оказанная вашим господином регентам, побудила их просить Сына Неба оказать нам такую милость и почтить церемонию своим присутствием. – Снова сухое покашливание. – Пожалуйста, извините меня, но не дадите ли вы мне, когда вам будет угодно, ваше письменное подтверждение, что приглашение получено?

– Могу я сделать это прямо сейчас? – Ябу почувствовал внезапную вялость.

– Я уверен, регенты оценят это.

Ябу слабым голосом послал за письменными принадлежностями. В мозгу его продолжало стучать: «Девятнадцать!.. Девятнадцать дней! Торанага может тянуть только девятнадцать дней, а потом тоже должен быть здесь! У меня хватит времени съездить в Нагасаки и благополучно вернуться в Осаку, но его недостаточно, чтобы захватить черный корабль. Нет времени прижать Хариму, Кияму, Оноси, священников-христиан! Нет времени объявить „малиновое небо“! Весь план Торанаги только иллюзии!.. Торанага проиграл! Мне следовало знать это! Спокойно! Передо мной выбор: либо я слепо верю, что Торанага выскользнет из сети, и помогаю Андзин-сану, как задумано, быстрее набрать людей для захвата черного корабля, либо я еду к Исидо, говорю ему все, что знаю, и пытаюсь выторговать себе жизнь и Идзу. Так что же выбрать?..»

Принесли бумагу, чернила и кисточку. Ябу на минуту отбросил терзавшие его сомнения и сосредоточился на письме, стараясь выводить иероглифы как можно правильнее и красивее. Зря он отвечает в таком смятенном состоянии, но что делать? Пока он писал, пришло окончательное решение: принять совет Юрико. Сразу с души свалился тяжелый груз – внутреннее равновесие восстановилось, и он

почувствовал себя намного лучше. Свое имя он подписал уже с высокомерной вычурностью.

«Как стать лучшим вассалом Торанаги? Стереть Исидо с лица земли! Но есть ли способ сделать это и оставить время для собственного спасения?» Тут он услышал, как Огаки говорит:

– Вы приглашены на празднество, которое господин Исидо устраивает завтра в честь дня рождения госпожи Отибы.

Все еще измотанная дорогой, Марико обняла сначала Кири, потом госпожу Садзуко, восхитилась ребенком и снова занялась Кири. Ее личные служанки суетливо бегали вокруг них, приносили чай и саке, уносили подносы, вбегали с подушками и благовониями, открывали и закрывали сёдзи, выходявшие во внутренний садик их части Осацкого замка, обмахивались веерами, болтали, смеялись и плакали на радостях.

Наконец Кири хлопнула в ладоши, отпуская служанок, и тяжело опустилась на подушку, едва справившись с возбуждением и радостью. Лицо у нее было очень красное. Марико и госпожа Садзуко торопливо обмахивали ее веерами, хлопотали вокруг нее, но только после трех больших чашек саке она снова смогла более или менее свободно дышать.

– Ох, вот так лучше! Да, спасибо, детка, давай еще! Ох, Марико-сан, вы и правда здесь?

– Да-да. Действительно здесь, Кири-сан.

Садзуко, выглядевшая гораздо моложе своих семнадцати лет, поделилась со старшими подругами:

– Ох, мы так беспокоились из-за этих слухов...

– Да, это только слухи, Марико-сан, – прервала Кири. – Я так много хочу узнать, что чувствую – скоро будет обморок...

– Бедная Кири-сан, вот возьмите саке, – заботливо сказала Садзуко. – Может быть, распустит вам пояс?

– Я совсем хорошо себя чувствую! Пожалуйста, не суетись, детка. – Кири вздохнула и сложила руки на огромном животе. – Ох, Марико-сан, как хорошо видеть лица друзей, а не просто тех, кто живет в этом Осацком замке!

– Да, – подтвердила Садзуко, устраиваясь поближе к Марико, и быстро заговорила: – Когда бы мы ни вышли за ворота, серые

увиваются вокруг нас, словно пчелы вокруг матки. Нам нельзя выходить из замка – никому из дам, – кроме как с разрешения Совета, а он почти не собирается, и они что-то мямлят, не дают никаких разрешений, а лекарь говорит, что мне еще нельзя ехать, хотя я чувствую себя прекрасно, и ребенок чувствует себя хорошо, и... Но сначала расскажите нам...

Кири перебила:

– Сначала расскажите, как там наш хозяин.

Садзуко засмеялась, ее веселое настроение не омрачилось.

– Я собиралась спросить о том же, Кири-сан!

Марико ответила так, как ей велел Торанага:

– Он выбрал свой путь – он идет по нему и доволен своим решением. – В дороге она много раз репетировала про себя этот ответ, но уныние, которое ее при этом охватило, чуть не вынудило сказать правду. – Простите, – прошептала она.

– Ох! – Садзуко старалась не выдать своего страха.

Кири приподнялась, усаживаясь поудобнее:

– Карма есть карма...

– Так что же, никаких перемен, никакой надежды? – Садзуко была обескуражена.

Кири похлопала ее по руке:

– Верьте, что карма есть карма, дитя, а наш господин Торанага – самый великий, самый умный из всех живущих на земле, остальное все – обман. Марико-сан, вы привезли нам письма?

– Ох, простите! Да, вот они. – Марико вынула из рукава три свитка. – Два – вам, Кири-сан: одно от нашего господина, одно от господина Хиромацу. Это для вас, Садзуко, от вашего господина, а еще он просил меня сказать вам, как он скучает и как хочет увидеть своего младшенького. Он велел мне выучить это и повторить вам три раза. Он очень скучает без вас и так хочет видеть своего самого младшего сына. Ему очень не хватает вас...

По щекам Садзуко побежали слезы, она пробормотала извинения и выскочила из комнаты, зажав свиток в руке.

– Бедное дитя! Ей здесь очень трудно. – Кири не стала распечатывать свой свиток. – Вы знаете о том, что ожидается его императорское величество?

– Да. – Марико тоже была мрачна. – Гонец от господина Торанаги встретился со мной неделю назад. В послании нет никаких подробностей и назван лишь день прибытия сюда. Вы узнали от господина Торанаги?

– Не совсем, не лично от него – я не имела от него вестей уже месяц. Как он? На самом деле?

– Уверен в себе. – Она отпила немного sake. – Ох, можно я налью вам?

– Благодарю вас.

– Девятнадцать дней не много, правда, Кири-сан?

– Времени достаточно, чтобы съездить в Эдо и вернуться обратно, если поторопиться. Достаточно, чтобы прожить целую жизнь. Если хотите, более чем достаточно, чтобы выиграть битву или потерять империю. Времени хватит для миллиона дел, но его мало, чтобы отведать все редкие блюда или выпить все sake... – Кири слабо улыбнулась. – Я, конечно, не собираюсь следующие двадцать дней морить себя голодом. Я... – Она спохватилась. – Ох, пожалуйста, извините меня – вы слушаете мою болтовню, а сами даже не переоделись и не помылись. У нас еще будет тьма времени на разговоры.

– О, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. Я не устала.

– Но вы не могли не устать. Вы остановитесь у себя дома?

– Да. То есть там, где мне разрешит пропуск господина Исидо. – Марико горько улыбнулась. – Его приветствие было очень цветисто!

Кири сердито посмотрела на нее:

– Сомневаюсь, чтобы он хоть кого-нибудь встретил с радостью, даже в аду.

– О? Простите, а что теперь?

– Ничего нового. Я знаю, что он приказал пытаться и убить господина Сугияму, хотя у меня и нет доказательств. На прошлой неделе наложницы господина Оды с детьми пытались выбраться из города под видом уборщиков улиц. Часовые застрелили их – «по ошибке».

– Как ужасно!

– Конечно, было множество извинений! Исидо твердит, что безопасность важнее всего. Была разыграна попытка убить наследника – это его оправдание.

– Ну а почему дамы не уезжают открыто?

– Совет приказал женам и семьям ждать мужей, которые должны приехать на церемонию. Великий господин чувствует «ответственность за их безопасность и относится к ней слишком серьезно, чтобы позволить им заблудиться». Замок заперт плотнее, чем створки старой устрицы.

– За пределами замка то же самое, Кири-сан. На Токайдо намного больше застав, чем раньше, в пределах пятидесяти ри свирепствуют ищейки Исидо. Повсюду патрули.

– Все им запуганы, кроме нас и нескольких наших самураев, а мы боимся его не больше, чем прыща на спине у дракона.

– Даже наши лекари?

– Они тоже. Да, они все еще советуют нам не выезжать, даже если будет разрешение, а мы его никогда не дождемся.

– Госпожа Садзуко здорова, ребенок здоров, Кири-сан?

– Да, вы могли видеть это сами. И я тоже. – Кири вздохнула. Снова стало заметно, как она напряжена, и Марико отметила, что у нее прибавилось седины. – Ничего не изменилось с тех пор, как я написала господину Торанаге в Андзиро. Мы заложники и останемся заложниками вместе со всеми – до того дня, когда все решится.

– Теперь, когда прибывает его императорское величество... наступает решительный миг.

– Видимо, так. Отдохните, Марико-сан, но приходите поужинать с нами. Тогда и поговорим. Да, кстати, еще новость для вас. Известный вам чужеземный хатамото – благослови его Будда за спасение нашего господина! – как мы слышали, благополучно приплыл в гавань вместе с Касиги Ябу-саном.

– О! Я так беспокоилась за них! Они отплыли за день до моего отъезда. Мы тоже попали около Нагои в тайфун, но не очень сильный. Я боялась плыть по морю... О, теперь хорошо...

– Здесь все было терпимо, кроме пожаров. Много тысяч домов сгорело, а погибли всего две тысячи человек. Мы сегодня слышали, что основная тяжесть тайфуна прилась на Кюсю, на восточное побережье, и часть – на Сикоку. Там погибли десять тысяч. А полных сведений об ущербе еще нет.

– А урожай? – быстро спросила Марико.

– Здесь очень много риса полегло – целые поля. Крестьяне надеются, что рис выправится, но кто знает? Если в этом сезоне Канто не пострадает, их рис прокормит всю страну и этот год, и следующий.

– Лучше бы урожаем распорядился Торанага, а не Исидо.

– Это так. Но, простите, девятнадцати дней мало, чтобы собрать урожай, даже если весь мир будет молиться об этом.

– Да.

Кири предположила:

– Если их корабль отплыл за день до вашего отъезда, вы, наверное, торопились.

– Я подумала, что лучше не прохлаждаться, Кири-сан. Мне не нравится путешествовать, когда каждый день на счету.

– А Бунтаро-сан? У него все хорошо?

– Да. Он сейчас в Мисиме, возле границы по заданию господина Торанаги. Я повидала его, когда сюда ехала. Вы не знаете, где остановился Касиги Ябу-сама? У меня для него письмо.

– В одном из гостевых домов. Я узнаю в каком и сразу же извещу вас. – Кири выпила еще sake. – Благодарю вас, Мариико-сан. Я слышала, Андзин-сан все еще на галере.

– Он очень интересный человек, Кири-сан. Он стал более чем просто полезен нашему господину.

– Я слышала об этом. Я хотела бы послушать обо всем: о нем, о землетрясении, обо всех ваших новостях... Ах да, завтра вечером праздник в честь дня рождения госпожи Отибы, который устраивает господин Исидо. Конечно, вас пригласят. Я слышала, что собираются пригласить и Андзин-сана. Госпожа Отиба любопытствует, как он выглядит. Вы помните, наследник один раз с ним встречался. Вы тогда тоже в первый раз его увидели?

– Да. Бедняга, так его будут показывать, как пойманного кита?

– Именно. – И Кири невозмутимо добавила: – Вместе со всеми нами. Мы все пленники, Мариико-сан, нравится вам это или нет.

Урага изо всех сил торопился вниз по переулку в сторону моря. Ночь была темная, небо – звездное и ясное, воздух свеж. На нем были свободные оранжевые одежды буддийского монаха, неизменная шляпа и дешевые соломенные сандалии. Позади располагались склады и высокое, почти европейского типа здание миссии иезуитов. Он

завернул за угол и пошел еще быстрее. Группа серых, несущих факелы, патрулировала берег. Он вежливо замедлил шаг, приближаясь к ним, хотя и сохранял обычный для монахов высокомерный вид. Но самураи не обратили на него внимания.

Он уверенно шел по берегу мимо вытасненных из воды рыбацких лодок. Легкий ветерок доносил густые запахи с моря и с берега, отлив был в самом разгаре. По заливу возле отмелей рассыпались светлячками рыбацьи лодки – рыбу били острогами при свете факелов. В двухстах шагах выше начинались пристани, обросшие ракушками. У одной стояла лорча, на мачте которой развевались флаги Португалии и торговой компании иезуитов; у схода с факелами толпились серые. Урага переменял направление, чтобы обойти корабль, двинулся обратно в город, удалился на несколько кварталов, пересек Девятнадцатую улицу, повернул в извилистый переулок и снова вышел на дорогу, ведущую к пристани.

– Эй, ты! Стой! – послышался приказ из темноты.

Урага остановился, внезапно испугавшись. Серые вышли на свет и окружили его.

– Куда направляешься, монах?

– В восточную часть города, – запинаясь, объяснил Урага, у него вдруг пересохло во рту. – К нашим нитирэнским святыням.

– А, ты нитирэн, да?

Какой-то самурай грубо заявил:

– А я вот не из этих. Я дзен-буддист, как и господин Исидо.

– Дзен... ах да, дзен лучше всего, – откликнулся другой. – Хотел бы я хоть что-нибудь понимать в этом. Слишком трудно для моей старой головы...

– Он слишком потлив для монаха. Эй, что с тобой?

– Вы хотите сказать, что монахи никогда не потеют?

Они посмеялись, кто-то поднес факел к нему поближе.

– А с чего бы им потеть? – ударился в рассуждения грубый самурай. – Они только и делают, что спят весь день и развлекаются всю ночь: с монашками, детьми, собаками, сами с собой – со всем, что подвернется, и все время набивают брюхо, хотя и не работают. Монахи – паразиты, все равно что блохи.

– Эй, оставьте его!

– Сними-ка шляпу, монах!

Урага окаменел:

– Почему? И чем вам плох человек, который служит Будде? Будда не сделал вам ничего дурного.

Самурай воинственно вышел вперед:

– Я сказал: сними шляпу!

Урага повиновался. Его голова была свежесвыбрита, как и положено духовному лицу, и он благословил Kami, или духа, или озарение Будды, которые побудили его принять дополнительные меры предосторожности на случай, если его остановят за нарушение комендантского часа. Всем самураям Андзин-сана начальством пристани было приказано оставаться на судне – по распоряжению свыше.

– У вас нет никакой причины вести себя так грубо, – заявил он, невольно принимая властный тон иезуитов. – Служение Будде почетно, и становиться монахом – обязанность каждого самурая в конце жизни. Или вы не знакомы с бусидо? Где ваше воспитание?

– Что? Вы самурай?

– Конечно, я самурай. Как бы иначе я осмелился говорить с самураем о плохих манерах? – Урага надел шляпу. – Лучше бы следили за порядком, чем приставать к мирным монахам! – И он с высокомерным видом удалился, хотя у него и дрожали колени.

Самураи некоторое время смотрели ему вслед, потом один сплюнул:

– Святоши! Тоже мне – самураи!

– Он прав, – угрюмо произнес старший. – Где ваши манеры?

– Я виноват. Прошу извинить.

Урага шел, очень довольный собой. Ближе к галере он опять стал осторожничать и даже прятался в тени здания. Потом, решившись, выступил на освещенную площадку.

– Добрый вечер, – вежливо приветствовал он серых, которые слонялись у сходен, потом добавил благословение: – *Наму Амида Буцу!* (Славься Будда Амида!)

– Спасибо. *Наму Амида Буцу!* – Серые пропустили его беспрепятственно. Им было приказано не выпускать на берег никого из чужеземцев и самураев, кроме Ябу и его телохранителей. Насчет буддийского священника, который плыл на корабле, указаний не было.

Сразу ощутив сильную усталость, Урага поднялся на главную палубу.

– Урага-сан! – тихонько окликнул его с юта Блэкторн. – Иди сюда.

Урага прищурился, привыкая к темноте. Он увидел Блэкторна и, почувствовав вонь немытого тела, догадался, что вторая тень принадлежит другому чужеземцу, с непроизносимой фамилией, который также знал португальский язык. Он почти забыл этот чужеземный запах, который был частью его жизни. Андзин-сан – единственный из встреченных им чужеземцев – не вонял, и это сыграло свою роль в решении служить ему.

– Ах, Андзин-сан! – прошептал он и пробрался к нему, коротко поздоровавшись с десятью самураями, охранявшими палубу.

Он подождал у подножия трапа, пока Блэкторн не сделал знак, приглашая его подняться на ют.

– Все прошло очень...

– погоди, – тихонько прервал его Блэкторн и показал на берег. – Смотри туда. Дальше, около склада. Видишь его? Нет, немного севернее, вон там, теперь видишь? – Тень слегка сдвинулась, потом опять исчезла во тьме.

– Кто это был?

– Я следил за тобой с того момента, как ты появился на дороге. Он крался следом. Ты его не заметил?

– Нет, господин. – К Ураге вернулись его опасения. – Я никого не видел и не слышал.

– У него не было мечей, так что это не самурай. Иезуит?

– Не знаю. Не думаю, что он чем-нибудь поживился. Я был очень осторожен. Прошу простить, но я его не заметил.

– Ничего. – Блэкторн взглянул на Винка. – Ступай вниз, Йохан. Я достояю эту вахту и разбужу тебя на рассвете. Спасибо, что посидел со мной.

Винк, отдавая честь, дотронулся до волос на лбу и ушел вниз. С ним исчез и тяжелый запах.

– Я начал уже беспокоиться о тебе. Что случилось?

– Ябу-сама не скоро передал мне письмо. Вот мой отчет: я пошел с Ябу-сама и ждал около замка с полдня, пока не стемнело, тогда...

– Что ты делал все это время? Точно?

– Точно, господин? Я выбрал тихое местечко на рыночной площади, у Первого моста, и погрузился в медитацию – иезуитская школа, Андзин-сан, – но думал не о Боге, а только о Ябу-сама и вашем будущем, господин. – Урага улыбнулся. – Многие прохожие клали мне в миску монеты. Я дал отдохнуть своему телу и позволил сознанию странствовать, хотя все время следил за Первым мостом. Посланник от Ябу-сама пришел, когда уже стемнело, и сделал вид, что молится вместе со мной, пока мы не остались одни. Посланец прошептал следующее: «Ябу-сама говорит, что он проведет в замке ночь и вернется завтра утром». И еще: завтра вечером в замке праздник, приглашены и вы, устраивает прием господин Исидо. И наконец, вам следует иметь в виду «семьдесят». – Урага взглянул на Блэкторна. – Самурай повторил это дважды. Какой-то ваш шифр, господин?

Блэкторн кивнул, но не сказал, что это один из многих заранее оговоренных между ним и Ябу сигналов. «Семьдесят» означает, что ему следует подготовить галеру к немедленному выходу в море. Но корабль уже готов к отплытию: все самураи, моряки и гребцы собраны на борту. Каждый понимал, что они находятся во вражеских водах, все были очень этим встревожены, и Блэкторн знал, что вывести корабль в море не составит особого труда.

– Продолжай, Урага-сан!

– Это все, кроме еще одного, что я хотел сказать вам: сегодня приехала госпожа Тода Марико-сан.

– А! А не слишком ли быстро она добралась сюда из Эдо сушей?

– Да, господин. Пока я ждал, видел, как они проехали по мосту, это было после обеда, в середине часа козы. Лошади взмыленные, очень грязные, носильщики такие усталые... Их вел Ёсинака-сан.

– Они вас видели?

– Нет, господин. Думаю, что нет.

– Сколько их было?

– Около двухсот самураев, с носильщиками и вьючными лошадьми. Еще вдвое больше серых в качестве эскорта. На одной из вьючных лошадей – клетки с почтовыми голубями.

– Хорошо. Что еще?

– Я ушел как можно быстрее. Там у миссии есть лавка, где продают лапшу, туда ходят купцы, торговцы рисом, шелком, те, кто работает в миссии. Я зашел в лавку, поел и послушал, о чем говорят: отец-

инспектор опять в резиденции; в Осаке много новообращенных христиан; получено разрешение провести через двадцать дней большую мессу в честь господ Киямы и Оноси.

– Это важное событие?

– Да, и удивительно, что такая служба разрешена открыто. Празднуется день святого Бернарда. Двадцатый день – следующий после церемонии поклонения перед Возвышенным.

Ябу через Урагу рассказывал Блэкторну об императоре. Новости распространялись по всему кораблю, усиливая общее ощущение беды.

– Что еще?

– На рынке ходит много разных слухов, в основном – плохие предсказания. Ёдоко-сама, вдова тайко, очень больна. Это скверно, Андзин-сан, потому что к ее советам всегда прислушивались – они очень разумны. Одни говорят, что господин Торанага около Нагои, другие – что он не добрался еще и до Одавара. Непонятно, кому верить. Все согласны, что урожай здесь будет очень плохой, а это значит, что Канто станет еще важнее. Большинство считает, что война начнется сразу после смерти господина Торанаги, когда крупные даймё сцепятся друг с другом. Цена золота очень высока, и ссудные ставки поднялись до семидесяти процентов.

– Это невероятно высоко, ты, наверное, ошибся. – Блэкторн встал, чтобы дать отдохнуть спине, потом устало облокотился на планшир.

Самураи и Урага из вежливости тоже встали. Считалось плохим тоном сидеть, если господин стоит.

– Прошу простить меня, Андзин-сан, – заявил Урага, – но никак не меньше пятидесяти процентов, а обычно – шестьдесят пять и даже до восьмидесяти. Почти двадцать лет назад отец-инспектор просил его свят... просил папу разрешить нам – разрешить Обществу – ссужать под десять процентов. Он был прав в своем предположении – оно подтвердилось, Андзин-сан, – что это приведет в лоно Церкви много новых верующих. Ведь только христиане могли получать займы под умеренные проценты. Вы, в вашей стране, не платите таких высоких процентов?

– Редко. Это ростовщичество! Ты понимаешь, что значит «ростовщичество»?

– Понимаю. Но у нас ссуда не считается ростовщичеством, если процент меньше ста. Сейчас рис дорог, и это плохой признак – цена

его удвоилась, с тех пор как я был здесь несколько недель назад. Земля дешевая, самый подходящий момент покупать землю. Или дом. Во время тайфуна пожары уничтожили десять тысяч домов, погибли две или три тысячи человек. Вот и все, что я хотел вам сообщить, Андзинсан.

– Очень хорошо. Ты прекрасно справился. Ты упустил свое настоящее призвание!

– Господин?

– Нет, ничего. – Блэкторн еще не знал, можно ли шутить с Урагой. – Ты все сделал очень хорошо.

– Благодарю вас, господин.

Блэкторн некоторое время размышлял, потом осведомился о завтрашнем приеме, и Урага посоветовал ему что мог. Затем рассказал, как спастись от патруля.

– Они отпустили тебя из-за волос? – спросил Блэкторн.

– О да. Достаточно было старшему на меня взглянуть. – Урага вытер пот со лба. – Простите, здесь жарко.

– Очень, – вежливо согласился Блэкторн.

Ему нужно было как следует обдумать полученные сведения. Он взглянул на море, обозрел небо, проверил направление ветра. Все было нормально, рыбацкие лодки спокойно дрейфовали, подчиняясь приливу, на разных расстояниях от корабля, на носу каждой стояли под фонарями рыбаки и время от времени пускали в ход свое оружие, и не зря – на острогах извивались и дергались прекрасные лещи, кефали или красные бериксы.

– И последнее, господин. Я пошел к миссии, прогулялся вокруг. Стража очень строгая, и мне сперва не удалось туда войти – по крайней мере, думаю, что я не смог бы, если бы случайно не проскочил, минуя стражу. Пока я там стоял, видел, как внутрь вошла Тиммоко, служанка госпожи Тода.

– Ты уверен?

– Да. С ней была другая служанка. Я думаю...

– Госпожа Марико? Тайком?

– Нет, господин. Я уверен, что нет. Эта вторая служанка была очень высокая.

Блэкторн посмотрел на море и пробормотал:

– Что же все это значит?

Урага продолжал:

– Госпожа Марико – хрис... католичка, да? Она прекрасно знает отца-инспектора. Это он ее крестил. Госпожа Марико – самая важная, самая известная в стране после трех самых-самых знатных: госпожи Отибы, госпожи Гэндзико и Ёдоко-сама, вдовы тайко.

– Марико-сан, быть может, пожелала исповедаться? Или послушать мессу? Собрание прихожан? И послала Тиммоко договориться об этом?

– Об этом или обо всем, Андзин-сан. Все госпожи даймё, и союзников господина Исидо, и его противников, строго ограничены в передвижениях за пределами замка. Попав в замок, они остаются в нем, как рыба в золотом садке, ожидающая гарпуна.

– Хватит! Достаточно этих мрачных разговоров!

– Простите. Я думаю, Андзин-сан, госпожа Тода теперь уже больше не выйдет оттуда. До тех пор, пока не наступит девятнадцатый день.

– Я просил тебя – перестань, пожалуйста! Я понял про заложников и про последний день.

На палубе было тихо, голоса умолкли. Охрана спокойно отдыхала, дожидаясь своей очереди заступать в караул. О корпус бились мелкие волны, такелаж мирно поскрипывал.

Через минуту Урага опять заговорил:

– Возможно, Тиммоко принесла приглашение – просьбу о встрече с отцом-инспектором. Ее госпожа, конечно, была взята под наблюдение, едва пересекла Первый мост. Конечно, Тода Марико-но Бунтаро-но Дзинсай была под присмотром с того момента, как пересекла границу владений господина Торанаги.

– Можно нам будет узнать, посетит ли отец-инспектор замок?

– Да. Это легко.

– А узнать, что он сказал – или что сделал?

– Это очень трудно. Прошу простить меня, но они будут говорить по-португальски или на латыни. А кто объясняется на этих двух языках, кроме вас и меня? Меня узнают оба. – Урага показал на замок и город. – Там много христиан. Многие хотели бы оказать ему такую услугу – убрать вас или меня.

Блэкторн молчал – отвечать не было нужды. Он смотрел на главную башню крепости – она четко выделялась на фоне звезд – и

вспоминал то, что Урага рассказывал ему о легендарных сокровищах тайко, собранных по всей империи за счет грабительских налогов, – все эти богатства хранились в башне. Еще он размышлял о возможных действиях Торанаги и гадал, где теперь Марико и есть ли смысл отправляться в Нагасаки. «Так вы говорите, девятнадцатый день – последний день, день смерти, Ябу-сан?» – повторил он про себя, почти ощутив тошноту от мысли, что Торанага, а стало быть, он сам и «Эразм» в западне.

– *Сиката га най!* Мы поплывем очень быстро в Нагасаки и обратно. Быстро, понимаешь? Всего четыре дня, чтобы набрать людей. Потом вернемся.

Но зачем? Когда Торанага окажется здесь, все погибнут... Но Ябу сошел на берег, сказав ему, что послезавтра они уйдут. В волнении Блэкторн смотрел тогда, как уходит Ябу, и жалел, что приплыл в Осаку на галере. Будь у него «Эразм», он ускользнул бы и отправился прямо в Нагасаки, а может, даже скрылся бы, нашел уютную гавань и там, на свободе, обучил бы своих вассалов работать на корабле.

«Ты дурак! – обругал он себя. – С такой маленькой командой, какая есть у тебя сейчас, тебе не удалось бы даже поставить корабль на стоянку, если бы ты и нашел гавань, чтобы переждать дьявольский шторм. Ты был бы уже покойник».

– Не беспокойтесь, господин, – утешил Урага. – Карма.

– А, карма... – Внезапно, каким-то шестым чувством, Блэкторн уловил опасность, идущую с моря, – тело его рванулось прежде, чем сработал мозг, он изогнулся, и стрела пролетела сзади, заставив его укрыться в рубке. Он толкнул Урагу в безопасное место, но тут другая стрела, пущенная из того же лука, со свистом вонзилась в горло Ураги... После первого выстрела все легли на палубу и остались невредимы. Урага пронзительно закричал, самураи вопили, глядя из-за планшира в море. Серые, шнырявшие на берегу, кинулись на борт, из ночной тьмы со стороны моря вновь полетели стрелы – все рассыпались в поисках укрытия. Блэкторн подполз к планширу, выглянул через шпигат и увидел рядом рыбацью лодку – гребцы окунали в воду факелы, стремясь скорее раствориться во тьме. То же делали и на других лодках. В какое-то мгновение Блэкторн ухватил еще отблески света на мечах и луках.

Крик Ураги перешел в бормотание, хрип агонии. Серые уже кинулись на ют с луками наготове. На корабле раздавались их топот и сопение. На палубу выскочил Винк с пистолетами, пригибаясь на бегу.

– Боже, что здесь происходит? С вами все в порядке, капитан?

– Пока да. Смотри: они в рыбацких лодках! – Блэкторн пополз назад к Ураге, который в агонии загребал рукой у горла, пытаясь вытащить древко стрелы, – кровь сочилась из носа, рта и ушей.

– Боже! – задохнулся Винк.

Блэкторн одной рукой взялся за наконечник стрелы, положил другую на теплое пульсирующее тело и со всей силы потянул. Стрела вышла легко, но вслед за ней хлынул поток крови. Урага стал задыхаться.

Их окружили серые и самураи Блэкторна. Некоторые принесли щиты и закрывали своего господина, не заботясь о собственной безопасности. Другие сидели в укрытиях и тряслись, хотя опасность уже миновала. Кто-то яростно стрелял в ночь и кричал, приказывая исчезнувшим рыбацким лодкам вернуться.

Блэкторн беспомощно держал Урагу на руках – он должен что-то сделать, но что? Тяжелый запах крови и смерти бил в ноздри, а инстинкт, как всегда в таких случаях, непроизвольно вопил: «Слава богу! Это не я! Не моя кровь! Не я... Слава богу!»

Он видел: глаза Ураги молили, губы кривились, но не издавали ни звука, только хрип, грудь вздымалась. Потом Блэкторн заметил, как зашевелились его собственные пальцы, крестя Урагу, почувствовал, как тело Ураги задрожало, забилося, рот беззвучно вопил, напоминая зев загарпуненной рыбы: Урага расстался с жизнью.

Глава 53

Блэкторн шел в замок со своей охраной из двадцати вассалов, окруженный в десять раз большим эскортом серых. Он гордо выступал в своей новой форме – коричневом кимоно с пятью нашивками, гербом Торанаги, и накидке с огромными плечами-крыльями. Золотистые вьющиеся волосы были заплетены в аккуратную тугую косичку. Мечи, которые подарил ему Торанага, по всем правилам заткнуты за пояс. На ногах – таби и кожаные сандалии.

На каждом перекрестке встречалось множество серых, они усеяли и все стены, демонстрируя силу Исидо каждому даймё и военачальнику, всем крупным самурайским чинам, приглашенным сегодня вечером в Большой зал, построенный тайко в пределах внутреннего кольца укреплений. Солнце садилось, быстро наступала ночь.

«Ужасная потеря – смерть Ураги, – думал Блэкторн, все еще не представляя, была ли атака направлена против Ураги или против него самого. – Я потерял лучший источник знаний, какой только мог иметь».

– В полдень вы едете в замок, Андзин-сан, – сказал Ябу в то утро, когда вернулся на галеру. – За вами придут серые.

– Да, Ябу-сан.

– Сейчас совершенно нечего опасаться. Я сожалею, что произошло это нападение. *Сиката га най!* Серые переведут вас в безопасное место. Сегодня вечером вы останетесь в замке, в той его части, что отведена господину Торанаге. А на следующий день мы отправимся в Нагасаки.

– У нас есть разрешение?

Ябу сердито покачал головой:

– Сделаем вид, что идем в Мисиму забрать господина Хиромацу. А также и господина Судару с семьей. Пока отдыхайте, Андзин-сан. Не думайте о новом нападении. Сейчас всем лодкам приказано держаться подальше отсюда.

– Понимаю. Пожалуйста, извините меня, а что будет сегодня ночью? Зачем меня зовут в замок?

Ябу криво улыбнулся:

– Вы будете представлены Исидо, он хочет посмотреть на вас. Как гостю вам не грозит никакая опасность, – добавил он и сразу же покинул галеру.

Блэкторн спустился вниз, оставив Винка на вахте, но, едва он крепко уснул, Винк растолкал его, и он снова кинулся на палубу.

Небольшой двадцатипушечный португальский фрегат на всех парусах, кренясь от сильного ветра, входил в гавань, впритирку к скалам.

– Этот негодяй торопится. – Винк вздрогнул.

– Видимо, это Родригес. Никто другой не вошел бы сюда под всеми парусами.

– На вашем месте, капитан, я забрал бы нас всех и кинулся отсюда ко всем чертям, по приливу или даже без прилива! Да мы здесь как мотыльки в бутылке с грогом. Надо убираться!

– Мы останемся! Тебе придется вбить это себе в башку! Мы останемся, пока нам не разрешат уйти. Мы останемся, пока Исидо не скажет, что мы можем уйти, даже если папа и испанский король сойдут на берег вместе со всей Богом проклятой армадой!

Он опять спустился вниз, но сон не шел. В полдень прибыли серые, и в сопровождении большого эскорта он отправился в замок. Проезжая по городу, они миновали место казней, где все еще стояло пять крестов – у каждого по два палача с копьями, приговоренных привязывали и снимали, толпа внимательно наблюдала за происходящим. Блэкторн вновь мучительно пережил в душе то прежнее нападение из засады, и даже ощущение того, что рука лежит на мече, что рядом его вассалы, не уменьшило тяжести воспоминания.

Серые провели его в ту часть замка, где раньше жил Торанага, – он посетил ее впервые. Теперь здесь помещались Кирицубо, госпожа Садзуко с ребенком и оставшиеся самураи Торанаги. Блэкторн принял ванну и переоделся в приготовленную для него одежду.

– Госпожа Марико здесь?

– Нет, господин, извините, – ответил ему слуга.

– Тогда где мне ее найти? У меня для нее срочное сообщение.

– К сожалению, Андзин-сан, я не знаю. Прошу меня извинить.

Никто из слуг не мог ему помочь. Все говорили: «Извините, я не знаю».

Блэкторн оделся, полистал словарь, вспоминая ключевые слова, которые могли понадобиться, и готовясь как можно лучше их использовать, потом вышел в сад понаблюдать, как растут камни, но они и не думали расти... Он пересек внутренний ров – везде горели факелы. Отбросив все свои страхи, он сошел с моста. Многочисленные гости, окруженные серыми, направлялись в ту же сторону – чувствовалось, что все украдкой наблюдают за ним. Уже почти отрешенно он миновал последнюю подъемную решетку. Серые провели его по лабиринту переходов к огромной двери и оставили перед ней. Его самураи отошли к другой стороне двери и остались ждать вместе с прочими охранниками, а он прошел внутрь. То, что он увидел, поразило бы кого угодно.

Огромный зал, высокие, с золотыми украшениями потолки, колонны под золочеными панелями на стропилах из редких пород отполированного дерева, роскошные шелковые драпировки на стенах... Нарядные, одетые по всей форме самураи – их было не менее пятисот – со своими дамами заполняли помещение. Дамы, в великолепных кимоно, под зонтиками самых фантастических оттенков, были похожи на яркие экзотические цветы. Аромат их духов тонко сочетался с запахом благовоний, тлеющих в изящных настенных курильницах. Взор Блэкторна пытался найти среди этой массы людей Марико, или Ябу, или хоть какое-нибудь знакомое лицо, но никто не попадался на глаза. Очередь гостей ждала возможности поклониться помосту в дальнем конце зала, среди них стоял важный придворный чин – сам принц Огаки Такамото. Блэкторн узнал Исидо – высокого, худого, с царственной осанкой, – тоже стоявшего у возвышения, и живо вспомнил ослепляющую силу удара по лицу и собственные пальцы, вцепившиеся в горло...

На возвышении в одиночестве, удобно расположившись на подушке, сидела госпожа Отиба. Даже издали Блэкторн оценил ошеломляющее богатство ее кимоно из редчайшего темно-голубого шелка, расшитого золотыми нитями. «Высочество» – так благоговейно называл мать наследника Урага, рассказывая во время поездки ее историю. Теперь Блэкторн мог видеть ее воочию: легкая, почти девичья фигура, белая, будто светящаяся кожа, черные глаза кажутся огромными под изогнутыми, искусно подведенными бровями, блестящие волосы уложены в виде крылатого шлема...

Процессия гостей продвигалась вперед. Блэкторн устроился у стены, в самом светлом месте, на голову возвышаясь над окружающими его гостями. Вежливо отступая, чтобы дать дорогу другим, он заметил, что глаза Отибы направлены в его сторону. Теперь и Исидо смотрел на него. Отиба и Исидо что-то сказали друг другу, затрепетал легкий веер... Блэкторн предпринял неловкую попытку смешаться с толпой, чтобы быть менее заметным, но серые преградили ему дорогу.

– *Додзо*. – Самурай вежливо показал на очередь.

– *Хай, домо*. – Блэкторн встал в ее конец.

Те, кто стоял впереди и сзади, кланялись, он отвечал на их поклоны. Постепенно гул голосов затих – все смотрели на него. Дамы и самураи смущенно уступили ему дорогу. Между ним и возвышением не осталось уже никого. Мгновение Блэкторн был неподвижен – и вот в напряженном молчании выступил вперед. Перед самым помостом он стал на колени и чопорно поклонился, один раз – Отибе и один раз – Исидо: он видел, что так делали все. Поднимаясь, он больше всего боялся, что упадут его мечи или он поскользнется и опозорится, но все прошло, слава Богу, удачно, и он стал уже отходить в сторону.

– Подождите, пожалуйста, Андзин-сан. – Это произнесла Отиба.

Блэкторн остановился. Вблизи она выглядела еще ослепительнее, еще женственнее. Он уловил необычайную чувственность, исходящую от нее, хотя она, казалось, вовсе об этом не заботилась.

– Говорят, вы знаете наш язык? – Ее голос звучал необыкновенно интимно.

– Прошу извинить меня, ваше высочество, – начал Блэкторн, используя свой проверенный временем запас выражений и слегка запинаясь, так как очень нервничал, – простите, но я вынужден употреблять только короткие фразы и почтительно прошу вас обращаться ко мне с самыми простыми словами, чтобы я имел честь понять вас. – Он заметил, что всеобщее внимание сосредоточилось на них и что Ябу пробирается к нему, осторожно раздвигая толпу. – Могу я почтительно поздравить вас с днем рождения и молиться, чтобы вы счастливо прожили еще тысячу лет?

– Это не очень простые слова, Андзин-сан. – Госпожа Отиба была поражена.

– Прошу меня извинить, ваше высочество, я учил их всю прошлую ночь. Все ли я правильно сказал?

– Кто учил вас этому?

– Урага-но Тадамаса, мой вассал.

Она нахмурилась, потом взглянула на Исидо, который наклонился вперед и заговорил так быстро, что Блэкторн не уловил ничего, кроме слова «стрелы».

– А, это тот отступник, христианский священник, которого убили прошлой ночью на вашем корабле?

– Простите, ваше высочество?

– Самурай, которого убили стрелой прошлой ночью на корабле.

– Да, это он, ваше высочество. – Блэкторн взглянул на Исидо, потом снова на нее. – Прошу меня извинить, ваше высочество, не разрешите ли вы приветствовать господина военачальника?

– Да, разрешаю.

– Добрый вечер, господин Исидо. – Блэкторн был заученно вежлив. – В прошлую встречу я был не в себе. Весьма сожалею.

Исидо небрежно ответил на поклон:

– Да, помню. Вы были весьма невежливы. Надеюсь, вы не выйдете из себя и не выкинете ничего такого сегодня вечером.

– Я был не в себе той ночью, прошу меня извинить, – повторил Блэкторн.

– А что, такие вспышки безумия обычны среди чужеземцев?

Такая грубость по отношению к гостю была очень плохим знаком. Глаза Блэкторна на миг обратились к госпоже Отибе, он прочел на ее лице удивление и решил рискнуть:

– Ах, господин Исидо, вы в значительной степени правы. Чужеземцы всегда немного сумасшедшие. Но, простите, теперь я – самурай, хатамото, и это большая, очень большая честь для меня. *Я больше не чужеземец.* – Он заговорил тем голосом, каким привык командовать с юта, и звук его без особых усилий заполнил весь зал. – Теперь я понял правила хорошего тона самураев – и немного бусидо. *И ва.* Прошу прощения, я больше не варвар. – Последнее слово он произнес как вызов, без страха: он знал, что японцы понимают толк в мужестве и гордости и ценят эти качества.

Исидо засмеялся:

– Так, самурай Андзин-сан. – Казалось, он развеселился. – Я принимаю ваши извинения. Слухи о вашей смелости верны. Хорошо, очень хорошо. Я тоже прошу прощения. Ужасно, что эти презренные ронины смогли сделать такое – вы меня понимаете? Это ночное нападение...

– Да, господин, понимаю. Очень плохо. Погибли четыре человека. Один из них – мой, трое – серые.

– Это плохо, очень плохо. Не беспокойтесь, Андзин-сан. Больше этого не будет. – Исидо задумчиво осмотрел зал, и все догадались, что он имел в виду. – Я отдал приказы охране, понимаете? Очень хорошей охране. Никаких нападений. Ни с какой стороны. Теперь вас будут очень хорошо охранять. В замке совершенно безопасно.

– Благодарю вас. Простите за беспокойство.

– Ничего. Вы важный человек, вы самурай. У вас особое, почетное положение при господине Торанаге. Я не забываю, не бойтесь.

Блэкторн еще раз поблагодарил Исидо и повернулся к госпоже Отибе:

– Ваше высочество, нашей страной правит королева. Пожалуйста, извините меня за плохой японский... Да, моей страной правит королева. У нас есть обычай: всегда дарить дамам на день рождения подарки. Даже королеве. – Из кармана в рукаве он извлек розовый цветок камелии, который срезал в саду. Он положил его перед собой, боясь, что перестарался. – Прошу меня извинить, если у меня не очень хорошие манеры.

Она посмотрела на цветок. Пятьсот человек, затаив дыхание, ждали, чем она ответит на такую смелость и галантность чужеземца, как выберется из ловушки, в которую он, скорее всего ненамеренно, заманил ее.

– Я не королева, Андзин-сан, – медленно ответила Отиба. – Только мать наследника и вдова господина тайко. Я не могу принимать дары как королева: я не королева, никогда не стану королевой и не хочу делать вид, что я королева. – Она улыбнулась всем сразу и сразу для всех нежно произнесла: – Но как дама, в свой день рождения, быть может, я могу просить разрешения принять подарок Андзин-сана?

Все разразились аплодисментами. Блэкторн поклонился и поблагодарил ее, поняв только, что его подарок принят. Когда все утихомирились, госпожа Отиба окликнула:

– Марико-сан, ваш ученик оправдывает ваши усилия?

Марико пробиралась между гостями, рядом с ней шли юноша, Кирицубо и госпожа Садзуко. Блэкторн заметил, что юноша улыбается молоденькой девушке, но тут же забыл об этом – моментально переключился на Марико:

– Добрый вечер, госпожа Тода. – И вдруг добавил по-латыни – это было рискованно, но успех опьянил его: – Этот вечер стал еще более прекрасным, когда появились вы.

– Благодарю вас, Андзин-сан, – ответила она по-японски, слегка покраснев. Марико подошла к возвышению – юноша остался среди наблюдающих со стороны – и поклонилась Отибе. – Моих трудов здесь мало, Отиба-сама. Это все заслуга Андзин-сана и книги, которую ему дали святые отцы.

– Ах да, словарь! – Отиба сделала Блэкторну знак показать ей книгу и с помощью Марико быстро разобралась в ней. Она была в восторге, Исидо тоже.

– Мы должны сделать копии, господин. Пожалуйста, прикажите им сделать для нас сотню книг. С их помощью наши юноши скоро научатся языку чужеземцев.

– Хорошая идея, госпожа. Чем скорее у нас будут собственные переводчики, тем лучше. – Исидо засмеялся. – А христианам придется пережить, что мы нарушим их монополию.

Седой самурай лет шестидесяти, который стоял впереди всех гостей, выразил свое мнение:

– Христиане не претендуют на монополию, господин Исидо. Мы сами просим святых отцов, а по сути даже настаиваем, чтобы они были переводчиками и торговыми посредниками, ведь только они могут говорить с обеими сторонами и пользуются доверием у тех и других. Этот обычай завел господин Города и продолжил господин тайко.

– Конечно, господин Кияма, я не имел в виду обидеть тех даймё или самураев, которые стали христианами. Я говорил только о монополии священников-христиан, – отвечал Исидо. – Для нас было бы лучше, если бы наши люди, а не чужестранные священники – какие бы то ни было – держали в руках нашу торговлю с Китаем.

– Но ведь ни разу не было случая обмана, господин Исидо, – возразил Кияма. – Цены правильные, торговля идет легко и выгодно,

священники своих людей держат в узде. Без южных варваров не было бы ни шелка, ни торговли с Китаем. Если бы не святые отцы, мы имели бы много осложнений – очень много осложнений. Прошу простить, что упоминаю об этом.

– Ах, господин Кияма, – пропела госпожа Отиба, – я уверена, господин Исидо польщен тем, что вы его поправили, не так ли, господин? Что значил бы Совет регентов без советов господина Киямы?

– Безусловно, – согласился Исидо.

Кияма с усилием поклонился, хотя не был обижен. Отиба взглянула на юношу и взмахнула веером:

– А что скажете вы, Сарудзи-сан? Стали бы вы учить чужеземный язык?

Юноша вспыхнул под ее ослепляющим взглядом. Хрупкий, красивый, он очень старался выглядеть мужественнее, чем был в свои неполные пятнадцать лет.

– О, я надеюсь, мне не придется этим заниматься, Отиба-сама... Но, если прикажут, я попробую. Буду очень стараться.

Всех тронула его непосредственность. Марико гордо сказала по-японски:

– Андзин-сан, это мой сын Сарудзи.

Блэкторн сосредоточенно слушал всю предыдущую беседу, но большая часть ее осталась ему непонятна – быстрая разговорная речь сильно отличалась от литературной. Но он уловил имя – Кияма, – и тревога покинула его. Он поклонился Сарудзи, и тот церемонно ответил на его поклон.

– Прекрасный молодой человек. Хорошо иметь такого сына, Марико-сан.

Он украдкой посмотрел на правую руку юноши, заметно искривленную, и тут же вспомнил: Марико однажды рассказывала ему о своих родах, очень долгих и трудных. «Бедняга, – подумал он, – как же он сможет владеть мечом?» Он вовремя отвел глаза, никто не заметил этого его взгляда, кроме самого Сарудзи. На лице юноши отразились смущение и боль.

– Хорошо иметь такого сына, Марико-сама, но ведь это совершенно невозможно, чтобы у вас был такой взрослый сын. Вы сами так молоды.

Отиба тут же задала вопрос:

– Вы всегда так галантны, Андзин-сан?

– Простите?

– Ах, всегда вы так любезны? Compliments! Понимаете меня?

– Нет, простите, пожалуйста, не понял. – Голова у Блэкторна уже раскалывалась от постоянного напряжения. Тем не менее, когда Марико объяснила, о чем речь, он ответил с шутливой торжественностью: – Ах, прошу прощения, Марико-сама. Если Сарудзи действительно ваш сын, пожалуйста, скажите госпоже Отибе: я не знал, что дамы здесь выходят замуж в десять лет.

Она перевела, потом добавила что-то рассмешившее всех.

– Что вы сказали?

– Ах! – Марико заметила, что Кияма зло смотрит на Блэкторна. – Прошу прощения, господин Кияма, могу я представить вам Андзин-сана?

Кияма вежливо ответил на очень почтительный поклон Блэкторна:

– Я слышал, что вы христианин.

– Ах, извините, господин Кияма, – ответил тот по-японски. – Да. Я тоже христианин, но другой секты.

– Вашу секту не любят в моей провинции. И в Нагасаки, и на Кюсю, да, думаю, во всех провинциях, где даймё – христианин.

Марико с усилием удержала на лице улыбку. Дома она много размышляла, пытаясь определить, сам ли Кияма нанял убийц Амида и организовал нападение прошлой ночью. А теперь в переводе она постаралась смягчить грубость Киямы. Все внимательно слушали разговор.

– Я не священник, господин. – Блэкторн обратился непосредственно к Кияме. – Если и окажусь в ваших краях, то только по торговым делам. Никаких разговоров о религии или проповедей своего учения. Почтительно прошу только разрешения торговать.

– Я не хочу, чтобы вы торговали! Не желаю, чтобы вы появлялись в моих землях! Вам запрещено появляться в моих землях под страхом смерти! Вы понимаете?

– Да, понимаю. Очень сожалею.

Кияма надменно повернулся к Исидо:

– Нам следовало бы полностью запретить эту секту и этих чужеземцев во всей империи. Я предложу это на следующем заседании

Совета. А пока открыто заявляю: господину Торанаге дали плохой совет – сделать чужеземца, тем более такого человека, самураем. Очень опасный почин!

– Ну, это не так уж важно! Ошибки нынешнего правителя Канто очень скоро будут исправлены.

– Людям свойственно делать ошибки, господин Исидо. – Кияма стоял на своем. – Только Господь Бог все видит и все может. Единственная настоящая ошибка господина Торанаги – что он поставил свои интересы выше интересов наследника.

– Да, – согласился Исидо.

– Прошу меня извинить, – вмешалась Марико, – но это неправда. Сожалею, но вы оба ошибаетесь в моем господине.

Кияма очень вежливо повернулся к ней:

– Вы заняли совершенно правильную позицию, Марико-сан. Но, пожалуйста, давайте не будем обсуждать это сегодня вечером. Да, господин Исидо, а где сейчас господин Торанага? Каковы последние вести?

– Вчера с почтовым голубем пришло уведомление, что он в Мисиме. Теперь я жду ежедневных сообщений о его передвижениях.

– Что ж, значит, через два дня он пересечет границы своих владений, – подытожил Кияма.

– Да, господин Икава Дзикю готов приветствовать его в соответствии с его положением.

– Будем надеяться. – Кияма улыбнулся Отибе – он очень благосклонно относился к ней. – В этот день, госпожа, в честь такого случая можно ли попросить вас о позволении регентам приветствовать наследника?

– Наследник почтет это за честь, господин, – ответила она, к всеобщему одобрению. – А потом не соблаговолите ли вы и все здесь присутствующие быть его гостями на состязании поэтов? А регенты – стать судьями?

Все бурно заплодировали.

– Благодарю вас, но не предпочтительнее ли, чтобы роль судей взяли на себя вы и принц Огаки с кем-нибудь из дам?

– Очень хорошо, если вы так желаете.

– Тогда, госпожа, какую же выбрать тему? И первую строку стихотворения? – Поэтический дар принес Кияме не меньше славы,

чем искусное владение мечом и отвага в бою.

– Пожалуйста, Марико-сан, может быть, вы ответите господину Кияме? – Все опять восхитились находчивостью Отибы – она была посредственной поэтессой, тогда как Марико – искусной, что было известно всем.

Марико это обращение польстило. Она задумалась на минуту.

– Тема – сегодняшней вечер, госпожа Отиба, и первая строка – «На ветке без листьев...».

Отиба и остальные похвалили ее выбор. Кияма подобрел:

– Превосходно, но мы будем очень стараться выиграть у вас, Марико-сан.

– Надеюсь, вы простите меня, господин, но я не смогу участвовать в состязании.

– Конечно, вы должны участвовать! – Кияма не принял ее слов всерьез. – Вы одна из лучших поэтесс в государстве. Без вас совсем не то.

– Прошу меня извинить, господин, но, к сожалению, меня здесь не будет.

– Не понимаю.

Отиба спросила:

– Что это значит, Марико-сан?

– О, пожалуйста, извините меня, госпожа, завтра я покидаю Осаку – вместе с госпожой Кирицубо и госпожой Садзуко.

Улыбка Исидо исчезла.

– И куда же вы направляетесь?

– Встретить своего сюзерена, господин.

– Господин Торанага будет здесь через несколько дней, разве не так?

– Госпожа Садзуко уже несколько месяцев не видела своего мужа, а господин Торанага еще не имел удовольствия полюбоваться на своего последнего сына. Конечно, госпожа Кирицубо будет сопровождать нас. Господин очень давно не видел и старшую из своих дам.

– Господин Торанага будет здесь так скоро, что вам нет надобности встречать его.

– Но я думаю, что это необходимо, господин.

Исидо решительно сказал:

– Вы только что прибыли, и мы соскучились по вашему обществу, Марико-сан. Особенно госпожа Отиба. Я согласен с господином Киямой: конечно, вы должны участвовать в состязании.

– Простите, но меня здесь не будет.

– Очевидно, вы устали, госпожа. Вы только что прибыли. Конечно, сейчас неподходящее время обсуждать такие личные дела. – Исидо повернулся к Отибе. – Может быть, госпожа Отиба, вам следует поприветствовать остальных гостей?

– Да-да, конечно! – вспыхнула Отиба.

Сразу же вновь образовалась очередь, послышался выжидательный гул, но мгновенно наступила тишина, когда раздался голос Марико:

– Благодарю вас, господин. Я согласна, но это не личное дело и здесь нечего обсуждать. Завтра я уезжаю, чтобы засвидетельствовать свое почтение моему сюзерену, с его дамами.

Исидо холодно произнес:

– Вы здесь, госпожа, по личному приглашению Сына Неба, а также регентов. Пожалуйста, потерпите. Ваш господин тоже будет здесь, и очень скоро.

– Согласна, господин. Но его императорское величество приглашает нас прибыть через двадцать два дня. Приглашение не содержит приказа мне или кому-то еще оставаться в Осаке до этого срока.

– Вы забываетесь, госпожа Тода.

– Прошу меня извинить, я меньше всего этого хотела. Простите, приношу свои извинения. – Марико повернулась к Огаки, придворному. – Господин, приглашение Возвышенного требует, чтобы я оставалась здесь до его приезда?

Улыбка Огаки была безукоризненно отрететирована.

– Приглашение относится к двадцать второму дню этого месяца, госпожа. Оно требует вашего присутствия в этот день.

– Благодарю вас, господин. – Марико поклонилась и снова повернулась лицом к возвышению. – Оно требует моего присутствия в это время, господин Исидо, но не ранее. Так что завтра я выезжаю.

– Пожалуйста, будьте терпеливы, госпожа. Регенты рады вашему приезду, здесь нужно провести много всяких приготовлений, потребуется ваша помощь до приезда Возвышенного. Сейчас госпожа Оти...

– Простите, господин, но приказы моего сюзерена для меня важнее. Я должна выехать завтра.

– Вы не поедете завтра, и вас призывают... нет, обращаются к вам с почтительной просьбой принять участие в состязании у госпожи Отибы. Сейчас госпожа...

– Тогда я, значит, здесь в заключении – против моей воли?

Отиба сказала:

– Мариико-сан, давайте пока отложим эти споры, прошу вас.

– Простите, Отиба-сама, но я прямой человек. Я открыто заявила, что у меня есть приказы моего сюзерена. Если я не могу их выполнить, то должна знать почему. Господин Исидо, я ограничена в свободе действий до двадцать второго дня? Если так, то по чьему приказу?

– Вы здесь почетный гость, – осторожно заверил Исидо, желая ее успокоить. – Я повторяю, госпожа, ваш господин скоро будет здесь.

Мариико чувствовала нажим, но пыталась сопротивляться:

– Простите, но я еще раз хочу смиренно задать вопрос: я здесь, в Осаке, в заключении на следующие восемнадцать дней и если да, то по чьему приказу?

Исидо не спускал с нее глаз:

– Нет, вы не в заключении.

– Благодарю вас, господин. Прошу простить, что я говорила так откровенно.

Между тем многие дамы стали открыто шептаться: всех их держат здесь против воли, и если Мариико-сан может уехать, то и они тоже. Можно выехать прямо завтра – о, как замечательно!

Шепот был перекрыт голосом Исидо:

– Что ж, госпожа Тода, коли вы выбрали такой бесцеремонный тон, я чувствую, что мой долг – просить регентов о формальном отказе, на случай если другие разделят ваше заблуждение. – Он грустно улыбнулся в мертвой тишине. – До этого времени вам придется оставаться здесь, чтобы быть готовой ответить на их вопросы и выслушать их решение.

– Я была бы польщена, господин, но для меня важнее всего долг перед моим сюзереном.

– Конечно. Но это займет лишь несколько дней.

– Простите, господин, но долг перед сюзереном требует моего отсутствия на несколько ближайших дней.

– Вам нужно запастись терпением, госпожа. Это займет немного времени, так что дело закончено. Сейчас господин Ки...

– Простите, я не могу отложить свой отъезд.

Исидо повысил голос:

– Вы отказываетесь подчиниться Совету регентов?

– Нет, господин, – гордо отвечала Марико. – Нет, если регенты не требуют нарушения моего долга перед сюзереном, а это высший долг самурая!

– Вы останетесь здесь и будете ждать, пока не состоится встреча с регентами.

– Простите, мне приказано моим сюзереном сопровождать его дам на встречу с ним. И без промедления. – Марико вынула из рукава свиток и церемонно протянула его Исидо.

Он развернул свиток, посмотрел:

– Все равно – вы должны ждать разрешения регентов.

Марико с надеждой подняла взор на госпожу Отибу, но встретила только мрачное неодобрение, обернулась к Кияме, однако тот хранил невозмутимое молчание.

– Пожалуйста, извините меня, господин Исидо, но сейчас нет войны. Мой господин подчиняется регентам, так что в течение следующих восемнадцати дней...

– Этот вопрос закрыт!

– Этот вопрос будет закрыт, если вы, господин, проявите вежливость и дадите мне закончить! Я не какая-нибудь крестьянка, чтобы попирать мои права. Я – Тода Марико-но Бунтаро-но Хиромацу, дочь Акэти Дзинсая. Мой род – Такасима. Мы были самураями тысячу лет. И я никогда не буду пленницей, заложницей или узницей. Следующие восемнадцать дней, до самого дня, назначенного Возвышенным, я свободна ходить куда пожелаю – как и все остальные.

– Наш господин, тайко, был когда-то крестьянином. Многие самураи из крестьян. Каждый даймё был когда-то в прошлом крестьянином. Даже первый Такасима. Все когда-то были крестьянами. Слушайте внимательно: вы будете ждать, сколько потребуется регентам.

– Нет! Простите меня, мой первый долг – быть послушной моему сюзерену!

Взбешенный Исидо двинулся к ней.

Хотя Блэкторн почти ничего не понял из их разговора, его правая рука незаметно скользнула в левый рукав, чтобы достать спрятанный там метательный нож.

Исидо наступал на нее:

– Вы будете...

В этот момент началось какое-то шевеление у дверей. Заплаканная служанка пробилась через толчею и подбежала к Отибе.

– Пожалуйста, простите меня, госпожа, – захныкала она, – но Ёдоко-сама... она просила вас... она... Вы должны поторопиться, наследник уже там...

Обеспокоенная Отиба оглянулась на Марико и Исидо, скользнула взглядом по лицам гостей, обращенным к ней, сделала им полупоклон и заторопилась к выходу.

– Я поговорю с вами позднее, Марико-сан, – бросил Исидо и последовал за Отибой, тяжело ступая по татами.

При его приближении шепот стихал и тут же возникал снова. Колокола прозвонили наступление следующего часа. Блэкторн приблизился к Марико:

– Марико-сан, что случилось?

Она продолжала не дыша смотреть на возвышение. Кияма снял сведенную судорогой руку с рукоятки меча.

– Марико-сан!

– Да, господин?

– Могу я предложить вам вернуться домой? Не разрешите ли побеседовать с вами позднее – скажем, в час свиньи?

– Да-да, конечно, пожалуйста. Извините меня, но я должна была... – Она замолчала.

– Сегодня плохой день, Марико-сан. Может быть, Бог возьмет вас под свою защиту. – Кияма повернулся к ней спиной и властно произнес на весь зал: – Я предлагаю всем разойтись по домам и ждать... ждать и молиться, чтобы бесконечность могла принять госпожу Ёдоко-сама быстро и легко, если пришло ее время. – Он глянул на Сарудзи, который все еще был ошеломлен: – Вы пойдете со мной! – И вышел.

Сарудзи направился за ним, ему не хотелось оставлять мать, но он подчинился приказу, смущенный оказанным ему вниманием.

Марико простилась с гостями общим полупоклоном и двинулась в сторону выхода. Кири облизывала пересохшие губы, госпожа Садзуко, дрожащая от испуга, стояла рядом. Кири взяла госпожу Садзуко за руку, и обе женщины последовали за Марико. Ябу вышел с Блэкторном раньше. Теперь они сопровождали дам, вдруг осознав, что из всех присутствующих они единственные самураи, носящие форму Торанаги. Снаружи их ждали серые.

– Чего ради вы вдруг заупрямились? Глупо ведь... – налетел на нее Ябу.

– Простите. – Марико скрывала настоящую причину. Ей хотелось, чтобы Ябу оставил ее в покое. Она была взбешена его грубостью. – Так получилось, господин. Поначалу это было празднование дня рождения, а потом... Я не знаю. Пожалуйста, извините меня, Ябу-сама. Пожалуйста, извините меня, Андзин-сан.

Блэкторн попытался что-то говорить, но Ябу сразу перестал обращать на него внимание, и он прислонился к раме окна. Он был зол, голова болезненно пульсировала от напряженных усилий понять, о чем идет речь.

– Простите, Ябу-сама! – Боже, как надоедливо эти мужчины, все им нужно объяснять, с подробностями... Они не видят дальше собственного носа...

– Вы подняли бурю, которая погубит всех нас! Глупо!

– А справедливо то, что мы заперты?! Господин Торанага отдал мне приказ...

– Этот приказ бессмыслен. Его умом, видно, завладели дьяволы! Вам следует извиниться и взять свои слова обратно. Теперь охрана будет усилена – комар не пролетит! Исидо, конечно, отменит наши разрешения на выход, вы все погубили. – Он посмотрел на Блэкторна. – Что нам теперь делать?

Они втроем находились в гостиной дома Марико, располагавшегося во внутреннем кольце укреплений. Серые – их было даже больше, чем обычно, – проводили их сюда, а теперь расположились за воротами. Кири и госпожа Садзуко отправились в свои апартаменты под такой же «почетной» охраной, и Марико обещала, что посетит их после встречи с Киямой.

– Но охрана вас не выпустит, Марико-сан, – пролепетала напуганная Садзуко.

– Не беспокойтесь, ничего не изменилось. В пределах замка мы можем передвигаться свободно, хотя и с охраной.

– Они остановят вас! О, зачем вы...

– Марико-сан права, дитя мое. – На Кири все это не подействовало. – Не беспокойтесь! Мы скоро увидимся, Марико-сан. – И Кири отправилась в свое крыло замка, коричневые закрыли за ней ворота.

Марико перевела дыхание и пошла к себе, сопровождаемая Ябу и Блэкторном. Ей вспомнилось, как она стояла одна против Исидо и заметила, что правая рука Блэкторна нащупывает метательный нож, – это придало ей новых сил. «Да, Андзин-сан, – подумала она, – вы единственный, на кого я могу положиться».

Она перевела взгляд на Ябу, который сидел напротив нее скрестив ноги и скалился. То, что Ябу при всех встал на ее сторону и вышел вместе с ней, приятно ее удивило. Благодарная ему за поддержку, стесняясь того, что вышла из себя, она отбросила свое обычное высокомерие и резкость и решила потешить его гордыню:

– Пожалуйста, извините меня за мою глупость, Ябу-сама. – Голос ее был полон раскаяния, она, казалось, едва сдерживала слезы. – Конечно, вы правы. Простите меня, я только глупая женщина.

– Согласен. Глупо идти против Исидо в его собственном гнезде.

– Да-да, простите. Можно предложить вам sake или чая? – Марико хлопнула в ладоши, сразу же открылась внутренняя дверь и появилась Тиммоко, с растрепанными волосами и испуганным, опухшим от слез лицом. – Принеси чая и sake для моих гостей. И перекусить. И приведи себя в порядок! Как ты осмелилась появиться в таком виде? Думаешь, это крестьянская хижина? Ты позоришь меня перед господином Касиги! – (Тиммоко залилась слезами.) – Простите, господин, пожалуйста, извините ее за такое непристойное поведение.

– Э-э, это не важно. А вот как быть теперь с Исидо? Э-э-э, госпожа... ваша шпилька о крестьянах оставит отметку надолго, ведь это удар по самолюбию господина военачальника. У вас появился теперь такой враг! Ваши слова его оскорбили и унизили перед всеми!

– Вы так думаете? Пожалуйста, извините меня, я не хотела его оскорбить.

– Эх, он крестьянин, всегда им был и останется и всегда будет ненавидеть нас, настоящих самураев.

– О, господин, как вы умны, что поняли это. Благодарю вас за то, что подсказали. – Марико поклонилась и сделала вид, что вытирает слезы, потом добавила: – Позвольте мне сказать, что я чувствую себя теперь такой защищенной – вашей силой... Если бы не вы, думаю, я просто потеряла бы сознание.

– Глупо было нападать на Исидо перед всеми. – Ябу уже несколько успокоился.

– Да, вы правы. Как жаль, что не все наши вожди так сильны и умны, как вы, господин, а то наш господин Торанага не попал бы в такую беду.

– Согласен. Но вы все же поступили опрометчиво.

– Прошу меня простить. Да, это моя вина. – Марико все еще мужественно сдерживала слезы. Она опустила глаза и прошептала: – Благодарю вас, господин, что вы приняли мои извинения... Вы так великодушны...

Ябу кивнул: он заслужил эти похвалы, ее раскаяние и покорность. Конечно же, он необыкновенно умен. Марико продолжала его ублажать и льстить ему. Скоро он стал абсолютно податлив.

– Можно мне объяснить все про мою глупость Андзин-сану? А он предложит какой-нибудь выход... – Она заставила себя произнести все это тихим, покаянным тоном.

– Да, очень хорошо.

Марико благодарно поклонилась ему, повернулась к Блэкторну и заговорила по-португальски:

– Пожалуйста, слушайте, Андзин-сан, слушайте и не задавайте вопросов. Простите, но сначала я должна была успокоить этого злобного негодяя, как вы его называете. – Она быстро рассказала ему, о чем спорила с Исидо и почему так заторопилась Отиба.

– Это все очень серьезно. – Он внимательно смотрел на нее.

– Господин Ябу спрашивает вашего совета. Что нужно сделать, чтобы выбраться из ловушки, в которую мы все угодили из-за моей глупости?

– Какой глупости? – Блэкторн наблюдал за ней, и его беспокойство все усиливалось. Она опустила взгляд вниз, на татами. Он заговорил с

Ябу напрямую: – Я еще не разобрался, господин. Сейчас пойму – надо подумать.

Ябу угрюмо ответил:

– О чем тут думать? Мы в ловушке.

Марико перевела, не поднимая глаз.

– Это верно, Марико-сан? – спросил Блэкторн. – Это всегда было так?

– Да, к сожалению.

Он отвернулся, глядя в ночь. Факелы горели в нишах каменных стен, окружающих передний садик. Свет играл на влажных листьях, которые специально окропили водой. Западнее находились обитые полосами железа ворота, охраняемые самураями в коричневой форме.

– Ты... – услышала она его голос, он говорил не оборачиваясь. – Я должен поговорить с тобой наедине.

– Ты... Да, я тоже. – Она отвернулась от Ябу, которому не доверяла. – Сегодня вечером я найду тебя. – Она взглянула на Ябу. – Андзин-сан согласен с вами, господин, по поводу моей глупости, прошу меня извинить.

– Ну и что же теперь делать?

– Андзин-сан, – ее голос был сух и деловит, – сегодня, позднее, я пойду к Кирицубо-сан. Я знаю, где вы живете, и найду вас.

– Да, благодарю вас. – Он все еще сидел, отвернувшись от Марико.

– Ябу-сама, – почтительно обратилась к даймё Марико, – сегодня вечером я собираюсь зайти к Кирицубо-сан. Она умная женщина. Может быть, она найдет выход.

– Выход только один, – отрезал Ябу с убежденностью, от которой ей стало нехорошо, глаза его горели как уголья. – Завтра вы извинитесь. И останетесь.

Кияма прибыл в назначенный час. С ним был Сарудзи, и сердце у Марико упало.

Покончив с формальными приветствиями, Кияма угрюмо произнес:

– Ну а теперь, Марико-сан, объяснитесь, пожалуйста.

– Войны нет, господин. Нас не следует здесь задерживать или обращаться с нами как с заложниками, поэтому я могу идти куда захочу.

– Не обязательно вести войну, чтобы брать заложников. Вы это знаете. Госпожа Отиба была заложницей в Эдо для безопасности вашего господина, когда он находился здесь, и никакой войны тогда не было. Господин Судара и его семья сейчас заложники у его брата, а они не воюют.

Марико сидела молча, опустив голову.

– Здесь многие – заложники того, что их господа будут выполнять решения Совета регентов, который правит государством. Это мудро, это обычный образ действий.

– Да, господин.

– Будьте добры, изложите мне настоящую причину.

– Господин?

Кияма не сдержал раздражения:

– Не дурачьте меня! Я не какой-нибудь крестьянин! Я хочу знать, почему вы так вели себя сегодня вечером!

Марико подняла глаза:

– Простите, господин Исидо просто разозлил меня своим высокомерием. У меня есть приказы. Нет ничего плохого в том, что Кири и госпожа Садзуко отлучатся на несколько дней, чтобы встретиться с нашим господином.

– Вы очень хорошо знаете, что это невозможно! Господин Торанага тоже должен знать это, даже лучше вас.

– Извините, но мой господин отдал мне такие приказы. Самурай не обсуждает приказы своего господина.

– Да, но я обсуждаю их, потому что они бессмысленны! Ваш господин не должен нести чушь или делать ошибки! И я настаиваю на том, что имею право задать этот вопрос.

– Прошу меня извинить, господин, но здесь нечего обсуждать.

– Нет, здесь есть о чем поговорить. Например, о Сарудзи. А также о том, что я имел честь знать вас всю вашу жизнь. Хиромацу-сама – самый старый из оставшихся моих друзей, и ваш отец был самым лучшим моим другом и верным союзником до последних четырнадцати дней своей жизни.

– Самурай не оспаривает приказов своего сюзерена.

– Сейчас вы можете сделать одно из двух, Марико-сан. Вы извинитесь и останетесь или попытаетесь уехать. Если вы попытаетесь уехать, то будете остановлены.

– Да, я понимаю.

– Вы извинитесь завтра. Я соберу регентов, и они примут решение. Потом вам будет разрешено поехать, с Кирицубо и госпожой Садзуко.

– Пожалуйста, извините меня, сколько времени это все займет?

– Не знаю. Несколько дней.

– Простите, у меня нет этих нескольких дней, мне приказано выехать сразу же.

– Посмотрите на меня! – Она повиновалась. – Я, Кияма Укон-но Оданага, правитель Хиго, Сацумы и Осуми, регент Японии из династии Фудзимото, глава даймё-христиан Японии, прошу вас остаться.

– Извините. Мой сюзерен запрещает мне оставаться.

– Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, господин. Но у меня нет выбора, прошу меня извинить.

Он показал на ее сына:

– Помолвка моей внучки и вашего сына Сарудзи... Я вряд ли пойду на это, если вы попадете в опалу.

– Да, господин, – ответила Марико с болью в сердце. – Я поняла это. – Она видела, что мальчик в отчаянии. – Прости, сын мой, но я должна выполнить свой долг.

– Прошу извинить меня, мама, – сказал Сарудзи, – но разве... разве ваш долг по отношению к наследнику не более важен, чем ваши обязанности перед господином Торанагой? Наследник – наш настоящий сюзерен.

– Да, сын мой. И нет. Господин Торанага имеет надо мной власть, наследник – нет.

– Это не значит, что господин Торанага имеет власть над наследником тоже?

– Нет. Извини, нет.

– Пожалуйста, мама, извините меня, я не понял, но мне кажется, если наследник отдает приказ, то этим приказом отменяются приказы господина Торанаги.

Она не ответила.

– Ответьте ему! – рявкнул Кияма.

– Это ты сам придумал, сын мой? Или кто-нибудь тебе это внушил? Сарудзи нахмурился, пытаюсь вспомнить.

– Мы... господин Кияма и... и его госпожа... мы говорили об этом. И отец-инспектор. Я не помню... Полагаю, я сам додумался. Отец-инспектор сказал, что я был прав, да, господин?

– Он сказал, что наследник более важен в нашем государстве, чем господин Торанага. По закону. Пожалуйста, ответьте ему прямо, Марико-сан.

Марико объяснила:

– Если бы наследник был мужчина в возрасте кампаку, официальный глава государства, каким был тайко, его отец, тогда я повиновалась бы ему через голову господина Торанаги. Но Яэмон – дитя, фактически и по закону, следовательно, недееспособен. По закону. Тебя устраивает такой ответ?

– Но... но он все же наследник, так? Регенты слушают его... Господин Торанага признает его. Что... что значит год, несколько лет, мама? Если вы не извинитесь... Прошу меня простить, но я боюсь за вас. – Губы юноши задрожали.

Марико хотелось подойти, обнять и защитить его, но она не сделала этого.

– Я не боюсь, сын мой! Я ничего не боюсь на этой земле! Я боюсь только Божьего суда. – Она обращалась к Кияме.

– Да, – заметил Кияма, – я это знаю. Может быть, Мадонна благословит вас. – Он помолчал. – Марико-сан, вы извинитесь перед господином Исидо публично?

– Да, с радостью, при условии, что он уберет всех своих самураев с моей дороги и даст письменное разрешение мне, госпоже Кирицубо и госпоже Садзуко выехать завтра утром.

– Вы подчинитесь приказу регентов?

– Прошу простить меня, господин, но в этом случае – нет.

– Вы удовлетворите их просьбу?

– Прошу меня извинить, но в этом случае – нет.

– Вы согласны с требованием наследника и госпожи Отибы?

– Прошу простить, с каким требованием?

– Посетить их, оставаться с ними несколько дней, пока мы не решим это дело.

– Прошу меня извинить, господин, но о чем здесь говорить?

Терпение Киямы закончилось, и он рявкнул:

– О будущем государства, во-первых, о будущем Матери-Церкви, во-вторых, и вдобавок о вашем будущем! Ясно, что эта ваша дружба с чужеземцем испортила вас, отравила ваши мозги – теперь я в этом убедился!

Марико ничего не ответила, она лишь смотрела на него.

Усилием воли Кияма взял себя в руки.

– Прошу извинить меня... мою несдержанность. И мою невежливость, – натянуто произнес он. – Меня извиняет то, что я очень тревожусь. – Он с достоинством поклонился. – Я прошу меня извинить.

– Это моя вина, господин. Прошу извинить, что я нарушила ваше спокойствие и причинила вам неудобство. Но у меня нет выхода.

– Ваш сын указал один выход, я предложил вам несколько.

Она не ответила.

В комнате стало душно, хотя ночь была прохладной, а ветер заметно колебал пламя факелов.

– Так вы решили?

– У меня нет выхода, господин.

– Очень хорошо, Марико-сан. Мне больше нечего сказать. Кроме одного: я приказываю вам не спешить с решением... Я прошу вас об этом. – (Она наклонила голову.) – Сарудзи-сан, пожалуйста, подождите меня за дверью! – приказал Кияма.

Юноша был в смятении и с трудом ответил:

– Да, господин. – Он поклонился Марико. – Прошу извинить меня, мама.

– Может быть, Бог о тебе позаботится.

– И о вас.

– Аминь! – сказал Кияма.

– Спокойной ночи, сын!

– Спокойной ночи, мама!

Как только они остались одни, Кияма начал:

– Отец-инспектор очень обеспокоен.

– Мною, господин?

– Да. А еще он беспокоится о Святой церкви и о чужеземце. И о корабле чужеземцев. Сначала расскажите мне об Андзин-сане.

– Он необычный человек – очень сильный и очень умный. На море он... Он живет морем. Он кажется частью корабля, и на море нет

человека, который может сравниться с ним в смелости и ловкости.

– Даже Родригу-сан?

– Андзин-сан дважды одолевал его. Один раз – здесь, один раз – на пути в Эдо. – Она рассказала ему о ночном визите Родригеса во время их остановки в Мисиме, о спрятанном оружии и обо всем, что услышала. – Если бы их корабли были одинаковыми, Андзин-сан победил бы. Даже если бы они не были одинаковыми, я думаю, он все равно победил бы.

– Расскажите мне о его корабле.

Она повиновалась.

– Расскажите мне о его вассалах.

Марико подробно изложила, как они появились.

– Почему господин Торанага дал ему вассалов, вернул корабль, деньги и свободу?

– Мой господин не говорил мне об этом.

– А что вы сами думаете?

– Возможно, он освободил Андзин-сана, чтобы напустить его на своих врагов, – ответила Марико, потом добавила не извиняясь: – Раз уж вы меня спрашиваете, скажу, что враги у Андзин-сана и моего господина одни и те же: португальцы, святые отцы, помогающие им, господина Харима, Оноси и... вы... господин.

– Почему Андзин-сан считает нас своими врагами?

– Все дело в Нагасаки, торговле и том, что вам подвластно побережье Кюсю, господин. И в том, что вы – глава даймё-католиков.

– Церковь не враг господина Торанаги. И святые отцы – тоже.

– Простите, но господин Торанага считает, что святые отцы поддерживают господина Исидо, как и вы.

– Я на стороне наследника. Я против вашего господина, потому что он не на его стороне и потому что он разрушает нашу веру здесь.

– Простите, но это не так. Мой сюзерен настолько выше господина Исидо! Вы чаще выступали на его стороне, чем против него, и знаете, что ему можно доверять. Почему вы перешли на сторону его заклятого врага? Господин Торанага всегда хотел торговать, и он не противник христиан, как господин Исидо и госпожа Отиба.

– Прошу извинить меня, Марико-сан, но я считаю, что господин Торанага втайне ненавидит нашу христианскую веру, нашу Церковь и готов прекратить династию и уничтожить наследника и госпожу

Отибу. Его магнит – сёгунат, только он! Он хочет стать сёгуном, и все его поступки нацелены только на это.

– Клянусь Богом, господин, я не верю!

– Я знаю, но это не делает вас правой. – Мгновение он смотрел на нее. – Вы допускаете, что Андзин-сан и его корабль очень опасны для Церкви? Родригес согласен с вами. Если Андзин-сан встретится с черным кораблем в море, это грозит бедой.

– Да, я тоже так считаю, господин.

– Это очень повредит нашей Матери-Церкви, так ведь?

– Да.

– Но вы тем не менее не поможете Матери-Церкви?

– Он не против Матери-Церкви, господин, и на самом деле не против святых отцов, хотя и не доверяет им. Он только против врагов своей королевы. А черный корабль нужен ему из-за денег.

– Но он враг истинной веры и, следовательно, еретик.

– Да. Но я не верю, что святые отцы всегда говорят правду. И многое никогда не будет нам известно. Цукку-сан допускал многое. Мой сюзерен приказал мне стать доверенным лицом и другом Андзин-сана, учить его нашему языку и обычаям, учиться у него тому, что может быть полезно для нас. И я нашла...

– Вы имеете в виду – полезно для Торанаги.

– Господин, повиновение сюзерену – главное в жизни самурая. Разве не этого повиновения вы требуете от всех своих вассалов?

– Да. Но ересь ужасна, и мне кажется, что вы объединились с чужеземцем против нашей Церкви и заражены его ересью. Я молюсь, чтобы Бог открыл вам глаза, Марико-сан, прежде чем вы лишите себя спасения. Теперь последнее: отец-инспектор сказал, что у вас есть для него какие-то личные сведения.

– Господин? – Это было совершенно неожиданно.

– Он сказал, что несколько дней назад прибыло письмо от Цукку-сана. Со специальным гонцом из Эдо. У вас есть сведения о моих союзниках.

– Я просила отца-инспектора о свидании завтра утром.

– Да. Он поделился со мной. Ну?

– Прошу меня извинить, но завтра, после того как увижусь с ним, я...

– Не завтра – сейчас! Отец-инспектор сказал, это связано с господином Оноси и касается Церкви и вы должны будете сразу мне все открыть. Честное слово, это его слова. Неужели пришли такие времена, что вы мне не доверяете?

– Простите. Я договорилась с Цукку-саном. Он просил меня откровенно побеседовать с отцом-инспектором.

Марико поняла, что у нее нет выбора. Она рассказала Кияме все, что знала, о заговоре против него. Он не хотел верить, пока не узнал об источнике информации.

– *Его исповедник?* Он?

– Да. Прошу прощения.

– Жаль, что Урага погиб, – огорчился Кияма. Мало того что ночное нападение на Андзин-сана оказалось столь же неудачным, как и другая стычка, так еще убит единственный человек, который мог доказать, что его враг Оноси – изменник. – Урага будет вечно гореть в аду за такое святотатство. Он сделал ужасную вещь. Он заслуживает отлучения от Церкви и адского огня, но тем не менее сослужил мне большую службу, рассказав все, – если только это правда. – Кияма посмотрел на нее – он вдруг как-то сразу состарился. – Мне не верится, что Оноси сделал это. Или что господин Харима был участником.

– А могли бы вы... могли бы вы спросить господина Хариму, правда ли все это?

– Да, но он никогда не откроет истины. Я бы не признался, а вы? Печально все это... Как ужасны иной раз поступки людей!

– Да, я согласна с вами.

– Я не могу вам поверить, Мариико-сан. Урага мертв, мы не можем получить никаких доказательств. Я приму меры, но... но я не могу поверить...

– Одна мысль, господин. Вам не кажется странным, что господин Исидо приставил охрану к Андзин-сану?

– Почему – странным?

– Зачем его охранять, когда он его так ненавидит? Очень странно. Может быть, теперь господин Исидо видит в Андзин-сане возможное оружие против даймё-католиков?

– Не понимаю вас.

– Если, не дай Бог, вы погибнете, господин, то господин Оноси станет верховным правителем на Кюсю. Что мог бы предпринять господин Исидо, чтобы усмирить Оноси? Ничего – только, может быть, использовать Андзин-сана.

– Это возможно, – не сразу согласился Кияма.

– Есть только одна причина охранять Андзин-сана: потом его использовать. Где? Только против португальцев, а тем самым против даймё-христиан с Кюсю.

– Так-так...

– Я думаю, Андзин-сан так же важен для вас, как и для Оноси, Исидо или моего господина. Важен живым. Его познания огромны. Только знания могут защитить нас от чужеземцев, даже от португальцев.

Кияма презрительно заявил:

– Мы можем сокрушить их, уничтожить когда захотим. Они докучают нам, как комары лошади, и только.

– Если Святая Мать-Церковь победит и все земли станут христианскими, о чем мы молимся, что тогда? Сохранятся ли наши законы? Останется ли бусидо, противоречащий заповедям? Думаю, нет, как и везде в католическом мире, если святые отцы захватывают власть. Нам следует к этому подготовиться. – Кияма не ответил, и

тогда она осторожно предложила: – Господин, я прошу вас, пусть Андзин-сан расскажет вам, что происходит в мире.

– Нет, не согласен. Мне кажется, он напустил на вас порчу, Марико-сан. Я верю святым отцам. Думаю, ваш Андзин-сан подстрекается Сатаной и его ересь, прошу понять, уже заразила и вас. Три раза вы упомянули католиков, когда имели в виду христиан. Разве это не значит, что вы согласны с ним: есть две истинные веры, две Христианские церкви? Разве угроза, с которой вы выступили сегодня вечером, не нож в живот наследника? Разве она не противоречит интересам Церкви? – Он встал. – Благодарю вас за предупреждение. С Богом.

Марико достала из рукава небольшой, тонкий запечатанный свиток.

– Господин Торанага просил меня передать вам это.

Кияма взглянул на нетронутую печать.

– Вы знаете, о чем это, Марико-сан?

– Да, мне приказано уничтожить послание и передать его устно, если меня будут обыскивать.

Кияма вскрыл печать. В письме еще раз повторялись заверения Торанаги о стремлении к миру между ними, о полной поддержке наследника и всей династии и сообщалось об Оноси. Оно кончалось словами:

У меня нет других доказательств вины Оноси, кроме тех, что сообщил Урага-но Тадамаса. Вы, конечно, сможете увидеть его в Осаке и поговорить с ним, если пожелаете. Однако у меня есть доказательства, что Исидо разгласил тайный уговор с Вами, отдающий Канто Вашим потомкам после моей смерти. Канто тайно обещали моему брату Дзатаки, если он предаст меня, что он уже и сделал. Прошу меня извинить, старина, но Вы тоже преданы. После моей смерти Вы и Ваша семья будете уничтожены, как и вся Христианская церковь. Я прошу Вас подумать об этом. Скоро у Вас будут доказательства моей правоты.

Кияма перечитал письмо, а Марико внимательно наблюдала за ним, как приказал Торанага: «Внимательно понаблюдайте за ним, Марико-сан. Я не уверен, что он заключил соглашение с Исидо по поводу Канто. Об этом сообщали мои шпионы, но я не уверен. Вы поймете все

по тому, что он сделает – или не сделает, – если отдадите ему это письмо в подходящий момент». Она уловила реакцию Киямы. «Так, значит, это тоже верно», – подумала она.

Старый даймё поднял глаза и сказал решительно:

– И у вас есть доказательства его искренности, да?

– Нет, господин.

– Я вам не верю. И ему не верю. В измену Оноси – может быть. Но в остальном... Господин Торанага просто прибегает к своим старым трюкам, мешая правду с ложью, мед с дегтем. Боюсь, предали именно вас, Марико-сан.

Глава 54

– Мы выезжаем в полдень.

– Нет, Марико-сан. – Госпожа Садзуко была близка к слезам.

– Нет, конечно. – И Кири приуныла.

– Они остановят нас! – разрыдалась девушка. – Все так бессмысленно!

– Нет, – успокоила ее Марико, – вы не правы, Садзуко-сан, это очень нужно.

– Нам надо так немного, правда?

– Да.

– Очень немного! – согласилась Садзуко. – Простите, но это глупо, они нас остановят!

– Может быть, и нет, дитя мое, – поддержала Кири. – Марико-сан говорит, они дадут нам уехать. Господин Торанага полагает, они позволят нам уехать. Давайте думать, что нас отпустят. Ступайте и отдохните, ну же! Я должна поговорить с Марико-сан.

Садзуко ушла в большом волнении.

Кири сложила руки:

– Да, Марико-сан?

– Я отправлю с почтовым голубем зашифрованное письмо о том, что случилось сегодня вечером. Он улетит на рассвете. Люди Исидо, конечно, попытаются завтра же уничтожить всех моих птиц, если догадаются, а я не смогу принести их сюда. Нет у вас письма, которое вы хотели бы отправить прямо сейчас?

– Да, я напишу его. Что, по-вашему, будет дальше?

– Господин Торанага уверен, что они дадут нам уехать, если я буду очень настойчива.

– Я так не думаю. И пожалуйста, извините меня, но я не думаю, что вы сами в это очень верите.

– Вы не правы... О, конечно, они могут задержать нас завтра утром, и, если они так сделают, будет большой скандал, угрозы... но все это не имеет значения. – Марико засмеялась. – О, угрозы, Кири-сан, будут продолжаться весь день и всю ночь. Но в полдень следующего дня нам разрешат выехать.

Кири покачала головой:

– Если нам позволят уехать, все остальные заложники тоже разъедутся из Осаки. Исидо будет нанесен сильный удар, он потеряет лицо. Он этого не допустит.

– Конечно. – Марико, похоже, была очень довольна. – Все равно он в ловушке.

Кири посмотрела на нее:

– Через восемнадцать дней наш хозяин будет здесь. Он должен быть здесь.

– Верно.

– Простите, тогда почему нам так важно сразу же уехать?

– Он считает, что это важно, Кири-сан. Достаточно важно, чтобы приказать нам это.

– Ах, так у него есть план?

– У него всегда много планов.

– Но с того момента, как Возвышенный согласился присутствовать, разве наш господин не в ловушке?

– Пожалуй...

Кири взглянула на дверь – она была закрыта. Подавшись вперед, Кири тихонько спросила:

– Тогда почему он тайно попросил меня внушить это госпоже Отибе?

Уверенность Марико начала таять.

– Он просил вас сделать это?

– Да. Из Ёкосэ, после того как первый раз поговорил с Дзатаки. Почему он сам прыгнул в эту ловушку?

– Не знаю...

Кири задумчиво покусывала губы.

– Хотела бы я знать... Мы скоро узнаем... Но вы не говорите мне всего, что знаете, Марико-сан.

Марико стала было протестовать, но Кири дотронулась до ее рукава, снова призывая к осторожности, и прошептала:

– В его письме ко мне говорится, что вам можно полностью доверять. Давайте больше не будем рассуждать на эту тему. Я доверяю вам, Марико-сан, но это не мешает мне размышлять.

– Пожалуйста, извините меня.

– Я горжусь вами! – Голос Кири окреп. – Стоять так перед Исидо и остальными! Хотела бы я, чтобы у меня было столько же мужества...

– Мне это было легко: наш господин сказал, что мы должны уехать.
– Думаю, это очень опасно – то, что мы делаем. Чем я могу помочь?

– Поддерживайте меня.

– Я вас поддерживаю. Вы всегда можете на это рассчитывать.

– Я останусь здесь, у вас, до рассвета, Кири. Но сначала я должна поговорить с Андзин-саном.

– Да. Я лучше пойду с вами.

Вдвоем они вышли из комнаты Кири, сопровождаемые коричневыми, прошли мимо самураев в коричневой форме, которые, явно гордясь Мариико, отвесили церемонные поклоны. Кири провела ее по коридорам, через огромную комнату для приемов во внешний коридор. Здесь в карауле стояли коричневые и серые. При виде Мариико ей одинаково почтительно поклонились и те и другие. И Мариико, и Кири – обе были ошеломлены, заметив серых на своей территории, но скрыли разочарование и промолчали.

Кири показала на дверь.

– Андзин-сан? – окликнула Мариико.

– *Хай?* – Дверь открылась, показался Блэкторн, за ним – двое серых. – Привет, Мариико-сан!

– Привет. – Мариико посмотрела на серых. – Я должна поговорить с Андзин-саном наедине.

– Извините, госпожа, – с глубоким уважением ответил ей старший. – К сожалению, господин Исидо приказал нам под страхом немедленной смерти ни в коем случае не оставлять его одного.

Ёсинака, назначенный в караул на этот вечер, подошел к ним:

– Прошу меня извинить, госпожа Тода, я согласен с этими двадцатью охранниками Андзин-сана. Это личное требование господина Исидо. Извините.

– Если господин Исидо беспокоится о безопасности Андзин-сана, это можно только приветствовать, – торжественно ответствовала Мариико, в глубине души не очень-то обрадовавшись.

Предводитель серых получил распоряжение от Ёсинаки.

– Я отвечаю за Андзин-сана, пока с ним говорит госпожа Тода. А вы подождите снаружи!

– Извините, – твердо отвечал серый. – У нас нет другого выхода, как наблюдать лично.

Кири заявила:

– Я с радостью останусь здесь. Конечно, необходимо, чтобы кто-нибудь здесь оставался.

– Простите, Кирицубо-сан, но мы должны присутствовать. Извините, госпожа Тода, – серому, видимо, было неловко, – никто из нас не говорит на языке чужеземца.

– А мы и не думали, что вы столь невежливы, чтобы подслушивать. – Марико чуть не вышла из себя. – Но обычаи чужеземцев отличаются от наших.

– Серые должны повиноваться своему господину, – рассудил Ёсинака. – Вы были совершенно правы сегодня вечером, госпожа Тода: первая обязанность самурая – его долг перед сюзереном, и вы справедливо указали на это публично.

– Совершенно верно, госпожа, – с тем же чувством гордости согласился предводитель серых. – В жизни самурая нет ничего выше.

– Благодарю вас. – Марико импонировало их отношение к долгу самурая.

– Нам следует уважать и обычаи Андзин-сана, приятель. – Ёсинаке показалось, что он нашел выход. – Пожалуйста, пойдите со мной. – Он привел их обратно в зал для приемов. – Пожалуйста, госпожа, пригласите Андзин-сана сюда и располагайтесь. – Он указал на возвышение в дальнем углу. – Охрана Андзин-сана останется у дверей и будет выполнять свой долг перед сюзереном, мы – свой, а вы сможете говорить сколько пожелаете согласно обычаям Андзин-сана.

Марико перевела Блэкторну предложение Ёсинаки и благообразно продолжила на латыни:

– Они ни за что не оставят тебя одного сегодня ночью. У нас нет выхода, если только ты не хочешь, чтобы я приказала сразу же их убить.

– Я хочу поговорить с тобой наедине, – ответил Блэкторн, – но не ценой жизни. Благодарю тебя за то, что пришла.

Марико обратилась к Ёсинаке:

– Благодарю вас, Ёсинака-сан. Не будете ли вы так добры послать за курильницами – отогнать москитов?

– Конечно. Извините меня, госпожа, нет ли известий о госпоже Ёдоко?

– Нет, Ёсинака-сан. Я слышала, что она совсем плоха, но болей нет. – Марико улыбнулась Блэкторну. – Пойдемте сядем там, Андзин-сан.

Он пошел за ней следом. Кири вернулась в свои апартаменты, серые расположились у дверей зала для приемов. Предводитель серых встал около Ёсинаки, в нескольких шагах от остальных.

– Не нравится мне все это! – громко прошептал он.

– Неужели госпожа Тода собирается вытащить меч и убить его? Не обижайтесь, но где ваши мозги?

Ёсинака захромал дальше, проверяя посты. Серый посмотрел в угол зала: Марико и Андзин-сан сидели друг против друга, ярко освещенные факелами. Он не мог слышать, о чем они говорят, и сосредоточился на губах, но это было ненамного лучше, хотя он обладал хорошим зрением и говорил по-португальски. «Наверное, опять говорят на языке святых отцов. Ужасный язык, его невозможно постичь! И все-таки что тут такого? Почему бы госпоже не побеседовать с еретиком наедине, если ей это доставляет удовольствие? Ничто не вечно на земле! Это так печально! О Святая Мадонна, храни ее за смелость!»

– Латынь безопаснее, Андзин-сан. – Веер Марико разогнал гудящих перед ней moskitov.

– Они могут услышать нас отсюда?

– Думаю, нет, если мы будем говорить, как ты меня учил, чуть-чуть двигая губами, и не повышать голос.

– Попробуем. Так что случилось с Киямой?

– Я люблю тебя...

– Ты...

– Я скучаю по тебе...

– И я по тебе... Как бы нам встретиться наедине?

– Сегодня вечером это невозможно. Завтра ночью... У меня есть план, любовь моя.

– Завтра? А что с твоим отъездом?

– Завтра они могут задержать меня, Андзин-сан. Пожалуйста, не тревожься. На следующий день мы все уедем куда захотим. Завтра ночью, если меня задержат, мы будем вместе.

– Каким образом?

– Мне поможет Кири. Не спрашивай как, что и почему. Это будет легко. – Она замолчала – подошли служанки с курильницами для отпугивания насекомых. Извилистые нити дыма скоро отогнали докучливых тварей.

Оставшись опять одни, они заговорили о своей поездке, счастливые просто тем, что снова вместе, любя друг друга без прикосновений, избегая разговоров о Торанаге и о том, что должно произойти завтра. Потом он спросил:

– Исидо – мой враг. Почему же вокруг меня столько охраны?

– Чтобы защитить тебя. Но также и чтобы удержать. Я думаю, Исидо захочет использовать тебя против черного корабля, Нагасаки и господ Киямы и Оноси.

– А, да. Я тоже думал об этом.

Она заметила, как он рассматривает ее.

– В чем дело, Андзин-сан?

– Вопреки тому, что считает Ябу, я не думаю, что ты глупая, ведь то, что было сказано сегодня вечером, сказано преднамеренно, с умыслом, по приказу Торанаги.

Она разгладила складку на своем парчовом кимоно:

– Он дал мне поручения. Да.

Блэкторн перешел на португальский:

– Он предал вас. Вы только приманка – знаете вы это? Вы только наживка на одном из его крючков.

– Почему вы так говорите?

– Вы приманка. Так же, как и я. Это очевидно. И Ябу приманка. Торанага послал нас всех сюда на заклятие.

– Нет, вы не правы, Андзин-сан. Простите, но вы не правы.

Он сказал по-латыни:

– Я говорю тебе: ты красивая, и я люблю тебя, но ты лжешь.

– Никто не говорил мне этого раньше.

– Ты должна признать, что никто раньше не говорил тебе о любви.

Она опустила глаза:

– Давай поговорим о чем-нибудь другом.

– Что выигрывает Торанага, пожертвовав нами? – (Она не ответила.) – Марико-сан, я имею право спрашивать. Я не боюсь – просто хочу знать, чего он этим добьется.

– Не знаю.

– Поклянись своей любовью и своим Богом!

– Даже ты? – с горечью ответила она по-латыни. – Ты тоже требуешь клясться Богом! И вопросы, бесконечные вопросы...

– Это твоя жизнь и моя жизнь, и я ценю их обе. Еще раз: что он выиграет?

Ее голос стал громче.

– Слушай же: да, это так – я выбрала время, и я не глупая женщина, и...

– Осторожнее, Марико-сан, пожалуйста, потише, а то...

– Извините. Да, это было сделано умышленно, при всех, как того пожелал Торанага.

– Зачем?

– Потому что Исидо – крестьянин, и он должен дать нам уехать. Вызов нужно было бросить перед его соратниками. Госпожа Отиба одобряет наше желание встречать господина Торанагу. Я говорила с ней, и она не возражала. Тебе не о чем беспокоиться.

– Мне не нравится, что ты вызываешь огонь на себя. Или яд. Или злобу. Где твое спокойствие? Где твои манеры? Может быть, тебе нужно поучиться наблюдать, как растут камни?

Марико перестала сердиться и расхохоталась:

– Ах ты... Ты прав, прав. Пожалуйста, извини меня. – Она опять почувствовала себя полной сил, вновь стала самой собой. – О, как я люблю тебя, уважаю и как гордилась тобой сегодня вечером! Я чуть не расцеловала тебя там перед всеми, как это у вас принято.

– Мадонна, это все равно что поджечь пороховой погреб!

– Если бы мы были одни, я бы целовала тебя, пока крики о помощи не заполнили бы всю вселенную!

– Благодарю тебя, госпожа, но ты – здесь, а я – там, и между нами – вся вселенная.

– О нет, между нами нет всей вселенной! Моя жизнь полна, потому что есть ты!

Через минуту он сказал:

– А приказы Ябу – извиниться и остаться?

– Они не могут быть выполнены, извините.

– Из-за приказов Торанаги?

– Формально – да, но на самом деле – нет, это только мое желание. Все это предложила ему я. И я сама просила разрешения приехать

сюда, мой любимый. Клянусь Богом, это правда!

– Что же будет завтра?

Она рассказала ему, о чем говорила с Кири, добавив:

– Все идет лучше, чем задумывалось. Разве Исидо уже не твой патрон? Клянусь, я не понимаю, как господин Торанага может быть таким умным и всевидящим. Перед отъездом он объяснил мне, что произойдет, что может произойти. Он знал, что Ябу не имеет никакой власти на Кюсю. Только Исидо или Кияма могут защитить тебя здесь. Мы не приманки, мы под его защитой. Мы в совершенной безопасности.

– А эти девятнадцать дней... теперь уже восемнадцать... Торанага ведь должен быть здесь?

– Да.

– Тогда это, может быть, как говорит Исидо, только пустая трата времени.

– Наверняка я не знаю. Знаю только, что девятнадцать, восемнадцать или даже три дня могут равняться вечности.

– Или завтра?

– Завтра тоже. Или следующий день.

– А если Исидо завтра тебя не выпустит?

– Это наш единственный шанс. Исидо нужно заставить.

– Ты уверена?

– Да, клянусь Богом, Андзин-сан!

Блэкторн силился освободиться от ночного кошмара, но, едва проснулся, тревожные тени сразу исчезли. День только начинался, через москитную сетку на него смотрели серые.

– Доброе утро, – приветствовал он их, хотя ему и не нравилось, что за ним наблюдали во время сна.

Блэкторн выбрался из-под сетки, вышел в коридор, спустился вниз по лестнице и направился в уборную во дворе. Охранники, и серые, и коричневые, шли рядом, но он не обращал на них внимания. Рассвет был мглистый. Небо на востоке уже очистилось от тумана, пахло солью и сыростью с океана. Уже появились стаи мух. «День будет жаркий», – подумал он.

Послышались звуки приближающихся шагов – он заметил в дверном проеме Тиммоко. Она терпеливо дожидалась его, болтая с

охранниками, и усердными поклонами приветствовала Блэкторна.

– Где Марико-сан? – спросил он.

– Она у Кирицубо-сан, Андзин-сан.

– Спасибо. Когда уезжаете?

– Скоро, господин.

– Передайте, что я хотел бы пожелать ей доброго утра перед отъездом. – Он сказал это еще раз, хотя Марико уже пообещала найти его перед тем, как вернется домой, чтобы собраться в дорогу.

– Да, Андзин-сан.

Он кивнул, как подобает самураю, и пошел мыться. Здесь не было заведено принимать по утрам горячую ванну, но он каждое утро обливался холодной водой.

– Э-э, Андзин-сан, – всякий раз говорили телохранители и случайные свидетели, – это, конечно, очень полезно для вашего здоровья.

Одевшись в коричневое кимоно, с мечами и пистолетом за поясом, Блэкторн пошел к стене, возвышающейся над двором этого крыла замка. Коричневые на постах приветствовали его как равного, но серые проявляли беспокойство. На крепостной стене сгрудилась масса серых, не упускавших из поля зрения ничего, что происходило за воротами.

– Много серых, намного больше, чем обычно. Вы меня поняли, Андзин-сан? – Это Ёсинака вышел на балкон.

– Да.

Командир серых приблизился к ним:

– Пожалуйста, не подходите слишком близко к краю, Андзин-сан. Извините.

Солнце встало над горизонтом, лучи его приятно согревали кожу. На небе ни облачка, ветер стихал. Предводитель серых указал на меч Блэкторна:

– Это «Продавец масла», Андзин-сан?

– Да, приятель.

– Не разрешите ли посмотреть на клинок?

Блэкторн выдвинул клинок из ножен. Согласно обычаю меч не следовало вытаскивать полностью, если вы не собирались снести чью-то голову.

– Красивое зрелище! – восхитился капитан.

Все, кто был рядом, коричневые и серые, толпились вокруг, одинаково замороженные. Блэкторн убрал меч – нельзя сказать, чтобы он был недоволен.

- Я польщен тем, что мне позволили носить «Продавца масла».
- А вы умеете владеть мечом, Андзин-сан? – спросил командир.
- Нет. Не так хорошо, как самураи. Но я учусь.
- Это очень хорошо.

На переднем дворе, двумя этажами ниже, тренировались серые – там все еще держалась тень, солнышко не дошло туда. Блэкторн понаблюдал за ними:

- Сколько здесь самураев, Ёсинака-сан?
 - Четыреста три человека, Андзин-сан, включая тех двести, что пришли со мной.
 - А снаружи?
 - Серых? – Ёсинака засмеялся. – Много, очень много...
- Предводитель серых обнажил в ухмылке зубы:
- Почти сто тысяч, Андзин-сан. Вы поняли? Сто тысяч.
 - Понял, спасибо.

Все, кто был во дворе, смотрели вниз: из-за дальнего угла выходил и приближался к их тупику кортеж в сопровождении стражи – носильщики, вьючные лошади и три паланкина. Проход между высокими стенами еще тонул в тени, в нишах горели факелы. Даже с такого расстояния заметно было, как нервничали носильщики, а серые, что шли за ними, казались притихшими и настороженными. Притаились и коричневые, стоявшие на страже. Высокие ворота крепости открылись, пропуская кортеж, сопровождавшие его серые остались снаружи, и ворота снова закрылись. Гигантский железный засов лег на свое место в причудливых скобах, глубоко заделанных в гранит. Подъемные решетки на этом входе отсутствовали.

Ёсинака обратился к Блэкторну:

- Андзин-сан, пожалуйста, извините меня, я должен проверить, все ли в порядке.
- Я подожду здесь.
- До встречи. – Ёсинака ушел.

Командир серых, подойдя к парапету, свесил голову вниз. «Боже мой, – подумал Блэкторн, – надеюсь, Мариико права и Торанага прав...

Теперь недолго...» Он посмотрел, высоко ли поднялось солнце, и невнятно пробормотал про себя по-португальски:

– Скоро отправятся.

Сам того не сознавая, серый буркнул что-то утвердительное, и Блэкторну стало ясно, что тот понял его фразу на португальском, значит это христианин и еще один возможный враг... Он задумался о прошедшей ночи. Как будто он говорил с Марико только по-латыни. Ведь она сказала на латыни: «...чтобы я приказала сразу же их убить». Говорит ли серый на латыни, как тот, другой, что был убит при бегстве из Осаки?

Солнце уже набрало силу, и Блэкторн отвел взгляд от предводителя серых. «Если ты не убил меня ночью, то, может быть, и никогда не сделаешь этого», – подумал он и сразу выбросил мысли о нем из головы. Внизу он разглядел Кири: она вышла на передний двор, командуя служанками, несущими корзины и ящики для погрузки на вьючных лошадей. На главных ступенях лестницы она казалась такой маленькой... Когда-то Садзуко умышленно поскользнулась здесь, отвлекая внимание, что использовал Торанага. Недалеко от этого места, немного севернее, был разбит уютный садик и стоял маленький дом, где он впервые увидел Марико и Яэмона, наследника. Мысленным взором Блэкторн проследил, как кортеж в полдень покидает замок, кружит по лабиринтам, беспрепятственно выезжает из крепости, пробирается лесами вниз, к морю. Он молился, чтобы Марико и ее спутники поскорее оказались в безопасности. Как только они уедут, отбудут и они с Ябу – сядут на галеру и выйдут в море.

Отсюда, со стены, море казалось совсем близким – оно манило, дразнил горизонт...

– *Конбан ва*, Андзин-сан!

– Марико-сан! – (Она, как всегда, неотразима!) – *Конбан ва*. – Блэкторн тут же, опустив вежливые фразы, перешел на латынь: – Берегитесь этого командира серых – он понимает португальский. – И тут же продолжал на португальском, давая ей время прийти в себя: – Не понимаю, как вы можете быть так прекрасны после бессонной ночи. – Он взял ее за руку и повернул спиной к начальнику серой стражи, подводя ближе к парапету: – Смотрите – там Кирицубо-сан!

– Спасибо. Да-да, благодарю вас.

– Почему вы не помашете Кирицубо-сан?

Она помахала и окликнула ее по имени. Кири заметила их и помахала в ответ.

Через минуту, расслабившись и овладев собой, Марико оценила его усилия:

– Благодарю вас, Андзин-сан. Вы очень ловки и очень умны. – Она невозмутимо поздоровалась с серым, прошла к выступу в стене и присела, предварительно убедившись, что здесь чисто. – День обещает быть хорошим.

– Да... Как вам спалось?

– Я не спала, Андзин-сан. Мы с Кири проболтали всю ночь, и я видела, как восходит солнце. Я люблю рассветы... А вы?

– Мой сон был нарушен, но...

– Ох, извините...

– Я прекрасно чувствую себя – правда. Вы сейчас уезжаете?

– Да, но я вернусь в полдень, чтобы захватить Кири-сан и госпожу Садзуко. – Она отвернулась от командира серых и сказала по-латыни: – Ты... Помнишь тот постоянный двор? «Камелии»?

– Конечно. Как я могу его забыть?

– Если выйдет задержка... сегодняшняя вечер будет таким же – так же прекрасен и спокоен.

– Ах, хорошо бы! Но я предпочел бы, чтобы ты оказалась в безопасности.

Марико продолжала на португальском:

– Мне сейчас надо идти. Вы извините меня?

– Я провожу вас до ворот.

– Нет, пожалуйста. Смотрите на меня отсюда. Вы можете все видеть и отсюда.

– Конечно, – согласился Блэкторн, сразу все поняв. – Идите с Богом!

Он остался у парапета. Пока он ждал, во двор проник солнечный свет – теней как не бывало. Внизу появилась Марико. Он увидел, как она поздоровалась с Кири и Ёсиной. Вот они заговорили. Серых вокруг них не видно. Потом они поклонились. Она подняла глаза на Блэкторна, закрыв их от солнца, и весело помахала ему рукой, он помахал в ответ. Ворота распахнулись, и вместе с Тиммоко, идущей в нескольких шагах позади, она вышла из ворот в сопровождении десяти коричневых. Ворота сразу закрылись, на какое-то время Марико

исчезла из виду, а когда появилась снова, ее как почетный караул сопровождали пятьдесят серых, появившихся с той стороны ворот. Кортёж уходил вниз по улице, не освещенной солнцем. Блэкторн следил за ним, пока он не скрылся за углом. Мариико ни разу не обернулась.

– Пойдемте поедим, приятель, – предложил Блэкторн.

– Да, конечно, Андзин-сан.

Блэкторн проследовал к себе позавтракать: рис, маринованные овощи, несколько кусочков вареной рыбы, а потом ранние фрукты с Кюсю – свежие маленькие яблоки, абрикосы и твердые сливы. Под конец он с наслаждением полакомился фруктовым пирогом с чаем.

– Еще, Андзин-сан? – предложил слуга.

– Нет, спасибо.

Он предложил фрукты своим охранникам, те охотно приняли угощение. Подождав, пока они не закончат есть, Блэкторн отправился на освещенную солнцем крепостную стену: ему хотелось проверить, хорошо ли заряжен спрятанный им пистолет, но так, чтобы не привлекать внимания. Он уже проверил его ночью, под простыней и москитной сеткой, но не имел возможности как следует рассмотреть – не было уверенности в пыже и кремне. «Больше делать нечего, – подумал он. – Ты марионетка. Потерпи, Андзин-сан, твоя вахта заканчивается в полдень». Он определил высоту солнца. Было начало двухчасового периода змеи, после змеи придет лошадь, в середине часа лошади наступает полдень. Колокола в замке и по всему городу стали отбивать час змеи, и он обрадовался, что не ошибся. На зубчатой стене он обнаружил небольшой камушек и, аккуратно установив его на выступе в амбразуре, под солнцем, поудобнее оперся спиной и стал смотреть на камень. Серые следили за каждым его движением. Командир их нахмурился. Немного погодя он задал вопрос:

– Андзин-сан, что значит этот камень?

– Простите?

– Камень. Зачем этот камень, Андзин-сан?

– Ах! Я слежу, как он растет...

– О, простите, теперь я понял. – Серый явно чувствовал себя виноватым. – Прошу простить, что побеспокоил вас.

Блэкторн посмеялся про себя и потом снова уставился на камень. «Расти, мерзавец!» – велел он, но, как ни ругал камень, как ни

приказывал, как ни льстил ему, тот не рос... «Ты действительно надеешься увидеть, как растет камень? – спросил он себя. – Нет, конечно, но это помогает убить время и успокоиться. Гармонии, *ва*, много не бывает... Откуда же последует новый удар? Нет защиты от убийцы, если убийца готовится к смерти...»

Родригес проверил замок мушкета, взятого им наугад со стойки у кормового орудия. Оказалось, что кремль изношен, истерт и, следовательно, оружие ненадежно. Не говоря ни слова, он бросил мушкет обратно канониру. Тот с трудом успел схватить его, едва избежав удара прикладом в лицо.

– Капитан! – воскликнул он. – Стоило ли?

– Слушай, ты, дерьмо, если я еще раз найду неполадки в мушкете или пушке во время твоей вахты, ты получишь пятьдесят линьков и лишишься трехмесячного жалованья. Боцман!

– Да, капитан? – Пезаро, боцман, придвинул свою тушу поближе и сердито посмотрел на молодого канонира.

– Собери обе вахты! Проверьте каждый мушкет и пушку, все! Бог его знает, когда они могут нам потребоваться...

– Я прослежу за этим, капитан. – Боцман повернулся к канониру. – Я подпорчу твой грог сегодня вечером, Гомес, за всю дополнительную возню, что ты нам устроил, и тебе придется проглотить его с улыбкой! А ну, за работу!

На главной палубе располагалось восемь небольших пушек, четыре с правого и четыре с левого борта, и носовое орудие. Достаточно, чтобы отбиться от пиратов, не имеющих пушек, но недостаточно, чтобы отразить атаку настоящего корабля. Маленький двухмачтовый фрегат назывался «Санта-Лус».

Родригес подождал, пока обе вахты не приступили к работе, потом отвернулся и облокотился на планшир. Замок угрюмо блестел на солнце старым оловом, только главная башня, с ее голубыми и белыми стенами и золотой крышей, весело сияла в лучах. Он сплюнул в воду и проследил, куда поплывет плевков – в сторону свай на пристани или в море. Его понесло в море.

– Черт! – пробормотал он, не обращаясь, собственно, ни к кому, ему хотелось иметь сейчас, здесь свой фрегат, «Санта-Марию». Как не повезло, что судно в Макао, когда оно так нужно здесь...

Несколько дней назад в Нагасаки его вытащили из теплой постели в доме, выходящем окнами на город и пристань.

– Что случилось, генерал-капитан?

– Я должен немедленно попасть в Осаку! – заявил Феррьера, кичливый и высокомерный, как бентамский петух, даже в столь ранний час. – Поступило срочное сообщение от дель Акуа.

– Что там еще?

– Он упоминает только, что это жизненно важно для вашего черного корабля.

– Мадонна, что за глупости?! Чем это «жизненно важно»? Наш корабль крепок, как полагается быть кораблю, днище чистое, такелаж в порядке. Торговля идет лучше, чем можно было ожидать, обезьяны ведут себя прекрасно, этот свиной зад Харима надежен... – Он остановился – его озарила неожиданная мысль. – Англичанин! Он вышел в море?

– Я не знаю, но если вышел...

Родригес посмотрел на бухту – он уже готов был увидеть «Эразм», заблокировавший выход и поднявший флаг ненавистной Англии. Он ведь знал: эти бешеные собаки ждут не дождутся, когда черный корабль отправится морем в Макао и домой. «Боже, Матерь Божья и все святые, не допустите, чтобы это случилось!» – взмолился он про себя.

– На чем быстрее всего туда добраться?

– На «Санта-Лусе», генерал-капитан. Мы можем отплыть в течение часа. Послушайте, англичанин ничего не сможет сделать без команды. Не забывайте...

– Мадонна! Да он говорит теперь на их языке! Почему бы ему не использовать этих обезьян? Хватит и японских пиратов – набирай хоть двадцать команд.

– Но среди них нет ни канониров, ни моряков, а подготовить японцев он не успеет. Разве что к следующему году – тогда уже не против нас.

– Зачем, ответьте мне, ради Бога, Мадонны и всех святых, священники дали ему словарь?! Никогда я этого не пойму! Негодяи, суются не в свое дело! Дьявол в них вселился. Похоже, что и англичанина охраняет сам дьявол!

– Говорю вам, он просто очень умен и удачлив!

– Есть много таких, что пробыли здесь по двадцать лет и ни слова не могут выговорить на их тарабарском языке, а англичанин может! Уж поверьте – он продал душу Сатане, и за эти черные дела тот его защищает. Как еще вы объясните это? Сколько лет вы пробуете говорить на их языке и даже живете с одной из них... Сволочь, он легко мог бы использовать японских пиратов.

– Нет, генерал-капитан, он будет набирать людей отсюда, мы ждем его. Вы ведь уже посадили одного подозреваемого в кандалы.

– Имея двадцать тысяч серебром и долю добычи на черном корабле, он может купить всех, кто ему нужен, включая тюремщиков с тюрьмами! Черт возьми, и вас тоже!

– Придержите язык!

– Вы испанец, без роду и племени, Родригес! Вы виноваты в том, что он до сих пор жив, вы отвечаете за это! Вы два раза дали ему уйти! – Генерал-капитан в ярости двинулся на него. – Вы должны были убить его, когда он был в нашей власти!

– Может быть, но это идет вразрез с моим представлением о чести, – горько сказал Родригес. – Я убью его, когда смогу.

– И когда же это будет?

– Я говорил вам двадцать раз! Вы не слушаете! Или у вас, как всегда, во рту и ушах одна испанская труха! – Он взялся за пистолет, генерал-капитан выхватил шпагу, но тут между ними встала перепуганная японка. – Пожаруйста, Род-сан, не сердитесь, не ссорьтесь, пожаруйста! Ради Бога, пожаруйста!

Слепая ярость, охватившая обоих, утихла. Феррьера проворчал:

– Перед Богом вам говорю, Родригес, англичанин – отродье дьявола! Я чуть не убил вас, Родригес, а вы – меня. Он напустил на всех нас какое-то колдовство, особенно на вас! Теперь я это ясно понял.

...Сейчас, в Осаке, под солнцем, Родригес сжал распятие, которое носил на шее, и стал отчаянно молиться в надежде спастись от колдунов и избавить свою бессмертную душу от Сатаны.

– Разве генерал-капитан не прав, разве это не единственно возможный ответ? – исполненный мрачных предчувствий, повторял он вновь и вновь свои доводы. – Англичанина ничто не берет! Он приближенный этого сатанинского Торанаги. Он получил обратно свой корабль и деньги, вако, несмотря ни на что. Он говорит как один из

них, а этот язык невозможно выучить так быстро, даже со словарем... А он и словарь получил, и такую бесценную помощь! Иисус Христос и Мадонна, отведите от меня этот дьявольский глаз!

– Зачем вы дали англичанину словарь, отец? – спросил он Алвито, встретив его в Мисиме. – Вам нужно было как можно дольше тянуть с этим делом.

– О нет, Родригес, – горячо возразил ему отец Алвито, – мне не следовало отступать со своего пути – я должен помочь ему! Убежден, что есть возможность обратить его в нашу веру! На Торанагу теперь нет надежды... А англичанин – это еще один человек, еще одна душа... Мой долг – попытаться спасти его!

«Священники! – подумал Родригес. – Черт бы их всех побрал! Но только не дель Акуа и отца Алвито! О Мадонна, прости мне эти дьявольские мысли! Прости и похорони англичанина до того, как я с ним встречусь! Я не хочу убивать его, я дал священную клятву, но тебе я говорю: он должен умереть как можно быстрее...»

Вахтенный, стоявший у штурвала, перевернул склянки и отбил восемь ударов – полдень.

Глава 55

Марико, в бледно-зеленом кимоно, белых перчатках и широкополой темно-зеленой дорожной шляпе, поверх которой был повязан золотой газовый шарф, шла по освещенному солнцем, заполненному народом переулку к воротам в тупике. За ней следовали десять телохранителей в коричневой форме.

Вот радужный зонтик Марико уже мелькнул у ворот – они распахнулись и остались открытыми.

В переулке было тихо. По обеим сторонам выстроились серые, они стояли на всех крепостных стенах. Она рассмотрела Андзин-сана на стене, за ним – Ябу, во дворе ее ждала целая процессия, включая Кири и госпожу Садзуко. Все коричневые во главе с Ёсинакой были в полном снаряжении, кроме двадцати, стоявших с Блэкторном на крепостной стене, и двух у каждого окна во двор. В отличие от серых, никто из коричневых не надел доспехов и не имел луков, единственным их оружием были мечи.

Много женщин-самураев наблюдали за происходящим: кто из окон домов, выстроившихся вдоль переулка, кто с крепостных стен; некоторые, прихватившие с собой детей, стояли во дворе среди серых. Все женщины прятались от солнца под зонтиками; у тех, кто имел на это право, были самурайские мечи.

Кияма стоял у ворот во главе полусотни своих людей – серой формы на них не было.

– Доброе утро, господин, – приветствовала его Марико и поклонилась. Он ответил поклоном, и Марико прошла под аркой.

– Привет, Кири-сан, Садзуко-сан! Вы обе прекрасно выглядите! Все готово?

– Да-да! – ответили они с напускной живостью.

Марико ступила в открытый паланкин и села, выпрямив спину:

– Ёсинака-сан! Пожалуйста, трогаемся!

Капитан сразу же прохромал вперед и стал выкрикивать приказы. Двадцать самураев в коричневой форме вышли вперед и тронулись в путь. Носильщики подняли открытый паланкин Марико и последовали за коричневыми через ворота, за ними вплотную понесли паланкины

Кири и госпожи Садзуко – молодая женщина держала на руках ребенка.

Как только паланкин Марико появился на освещенном солнцем пространстве за крепостными стенами, между авангардом и паланкином возник командир серых и стал прямо на пути. Коричневые остановились, носильщики тоже.

– Прошу меня извинить, могу я посмотреть ваши бумаги? – обратился серый к Ёсинаке.

– Простите, но никаких бумаг нам не требуется, – ответил Ёсинака среди внезапно наступившей тишины.

– Прошу прощения, но господин Исидо, комендант замка, командир телохранителей наследника, с согласия регентов ввел пропуска на выход, которые должны быть оформлены.

Марико официальным тоном заявила:

– Я – Тода Марико-но Бунтаро, и мне приказано моим сюзереном, господином Торанагой, сопровождать его дам для встречи с ним. Будьте добры пропустить нас!

– Я был бы рад, госпожа, – гордо ответил самурай, принимая более удобную позу, – но у нас приказ: без дозволения нашего господина никого из Осацкого замка не выпускать. Прошу меня извинить.

– Назовите, пожалуйста, ваше имя, – попросила Марико.

– Самиёри Дандзэндзи, четвертый полк. Мой род не менее древний, чем ваш.

– Извините, господин Самиёри, но, если вы не уйдете с дороги, я прикажу вас убить.

– Все равно вы не пройдете без бумаг!

– Пожалуйста, убейте его, Ёсинака-сан.

Ёсинака не колеблясь сделал выпад, его меч описал дугу, и он ударил ошеломленного вожака серых. Лезвие глубоко вонзилось в бок, мгновенно было выдернуто, и второй, еще более яростный удар отрубил голову, которая, прежде чем остановиться, еще немного прокатилась в пыли...

Ёсинака начисто вытер лезвие и вложил меч в ножны.

– Вперед! – приказал он идущим в авангарде. – Поторопитесь!

Самураи опять построились и тронулись с места, как вдруг, прилетев неизвестно откуда, в грудь Ёсинаки вонзилась стрела. Кортеж

смешался и остановился. Ёсинака молча дернул древко, но через мгновение глаза его остекленели и он повалился на землю.

С губ Кири сорвался слабый стон. Ветер трепал концы тонкого шарфа Марико. Где-то в переулке шикали на кричащих детей. Все затаив дыхание ожидали.

– Кадзуко-сан! – окликнула Марико. – Пожалуйста, примите командование!

Кадзуко, высокий, горделивого вида юноша с чисто выбритыми впалыми щеками, вышел из группы самураев в коричневой форме, стоявших рядом с Киямой у ворот. Обогнул носилки Кири и Садзуко, встал рядом с Марико и церемонно поклонился.

– Да, госпожа. Благодарю вас. Эй, вы! – крикнул он людям впереди. – Трогайся!

Сбросив оцепенение, они повиновались, постепенно заражаясь напряжением предстоящей борьбы. Процессия тронулась. Кадзуко шел рядом с носилками Марико. Но двигались они недолго. В ста шагах впереди от плотных рядов самураев отделились двадцать человек в серой форме и молча встали поперек дороги, промежуток заняли самураи в коричневом. Кто-то споткнулся, и идущие впереди остановились.

– Уберите их с дороги! – прокричал Кадзуко.

Тут же вперед кинулся самурай в коричневом, за ним – остальные, и началась быстрая и жестокая схватка. Каждый раз, как падал серый, из толпы ожидающих выходил другой и присоединялся к сражающимся. Все происходило со страшной скоростью, четкостью и слаженностью: вот бьется воин против воина, пятнадцать против пятнадцати, восемь против восьми. Несколько раненых серых сражаются в пыли. Трое коричневых – против двоих серых. Выходит еще один серый. Скоро он остается один на один с последним коричневым – забрызганным кровью, раненым, победившим уже в четырех схватках. Последний серый легко убивает его и остается один среди поверженных тел. Смотрит на Кадзуко. Все коричневые полегли, четверо ранены, восемнадцать убиты. Кадзуко выходит вперед, обнажает меч. Наступает полная тишина.

– Подождите! – прозвучал голос Марико. – Пожалуйста, подождите, Кадзуко-сан!

Он остановился, но не спускал глаз с серого, готовясь к схватке. Марико вышла из паланкина и зашагала назад к Кияме:

– Господин Кияма, я прошу вас разрешить пройти этим людям.

– Извините, Тода-сама, приказы по замку должны выполняться. Они вполне законны. Но если вы хотите, я созову собрание регентов и попрошу принять специальное решение.

– Я – самурай. Отданные мне приказы ясны, соответствуют бусидо и освящены нашим кодексом. Они должны выполняться и отменяют любой официально установленный другими порядок. Закон может отклонить причину, но причина не может отменить закона. Если мне не позволяют выполнять приказы сюзерена, я не смогу жить с таким позором!

– Я немедленно созову собрание!

– Прошу извинить меня, господин, то, что вы сделаете, – это ваше дело. Я думаю только о приказах моего господина и о своем позоре. – Она повернулась и спокойно прошла в голову колонны. – Кадзуко-сан! Я приказываю вам вывести нас из замка!

Кадзуко вышел вперед:

– Я – Миаи Кадзуко из рода Сэрато, вассал господина Торанаги. Прошу вас, освободите дорогу!

– Я – Бива Дзиро, вассал господина Исидо. Моя жизнь не имеет никакого значения, тем не менее вы не пройдете, – отвечал человек в серой форме.

С внезапным ревом «Торанага-а-а-а!» Кадзуко кинулся в бой. Мечи яростно зазвенели; нанося и парируя удары, бойцы заметались по кругу. Серый был сильным противником, но Кадзуко ему не уступал. Мечи сшиблись с лязгом. Все замерли. Кадзуко одержал верх, но был тяжело ранен и стоял над своим врагом, едва держась на ногах. Здоровой рукой он поднял меч к небу и издал боевой клич, торжествуя победу:

– Торанага-а-а-а! – Никто его не поддерживал – все знали, что это не соответствует ритуалу, в который они все втянуты. Кадзуко с трудом сделал шаг... другой... Спотыкаясь, приказал: – Следуйте за мной! – И тут голос его прервался.

Никто не видел, откуда вылетели стрелы, но они поразили его сразу.

Обреченность коричневых быстро сменилась яростью: так обойтись с Кадзуко, героем! Умиравший, он один выполнял свой долг – выводил их из замка! Вперед выбежал командир коричневых, с ним – двадцать человек, они сформировали новый передовой отряд. Остальные столпились вокруг Марико, Кири и госпожи Садзуко.

– Вперед! – прокричал предводитель.

Он двинулся вперед, за ним – двадцать его самураев. Как лунатики, носильщики подняли свои ноши и, спотыкаясь, стали пробираться среди трупов. Впереди, в сотне шагов, от застывших в ожидании самураев отделилось еще двадцать человек в серой форме, с командиром впереди, и вышли навстречу. Носильщики остановились, передовая группа ускорила шаг.

– Стойте! – предводители коротко поклонились друг другу и представились.

– Пожалуйста, освободите нам путь!

– Пожалуйста, покажите мне ваши бумаги!

На этот раз коричневые сразу бросились вперед с криками «Торанага-а-а!», в ответ раздалось «Яэмо-о-он!» – и началась кровавая бойня... Каждый раз, когда падал серый, на его место спокойно выходил другой, пока не погибли все коричневые.

Последний серый вытер свой меч, вложил его в ножны и встал, преграждая путь. Из стоящих за носильщиками коричневых вышел командир с двадцатью самураями.

– Подождите! – приказала Марико. Мертвенно-бледная, она выбралась из паланкина, подняла меч Ёсинаки, вынула из ножен и одна пошла вперед.

– Вы знаете, кто я! Пожалуйста, уйдите с моего пути!

– Я – Кодзима Харутомо, шестой полк. Пожалуйста, извините меня, вам нельзя здесь пройти, госпожа! – гордо заявил серый.

Она кинулась вперед, но ее удар был остановлен. Серый отступил и занял оборонительную позицию, хотя легко мог убить Марико. Он медленно отступал по переулку, она шла следом за ним, но он легко парировал все ее удары. Она еще несколько раз пыталась втянуть его в схватку, наносила рубящие и колющие удары, все время пыталась яростно атаковать, но самурай каждый раз ускользал, уклонялся от ударов, сдерживал ее, сам не атаковал, давая ей полностью себя измотать. Делал он это серьезно, с достоинством, оказывая ей

всевозможные знаки уважения, которых она заслуживала. Она атаковала еще раз, но он отразил ее выпад, который прикончил бы менее искусного фехтовальщика, и отступил еще на шаг. С Марико градом катился пот. Один из коричневых выступил было вперед, пытаясь ей помочь, но командир приказал ему остановиться, зная, что никто не должен вмешиваться. Самураи с обеих сторон ждали сигнала, страстно желая вмешаться в битву...

Мальчик, стоявший в толпе, спрятал лицо в маминых одеждах, но мать мягко отстранила его и встала на колени.

– Смотри, пожалуйста, сын мой, – пробормотала она, – ты самурай!

Марико понимала, что долго не выдержит. Она уже изнемогала и к тому же чувствовала окружавшее ее мрачное недоброжелательство. Впереди и по бокам колонны от стен к ней быстро подтягивались стражи, петля вокруг стала быстро сужаться. Несколько серых попытались окружить ее, она перестала продвигаться вперед – слишком легко попасть в ловушку, лишиться оружия, быть схваченной! Это сразу бы все погубило! К ней подходили коричневые, остальные заняли боевые позиции у носилок. Переулок зловеще ошетинился, приготовился к бою, ноздри уже чуяли сладкий запах крови. Колонна выходила из ворот, и Марико поняла, как легко будет серым отсечь их и оставить стоять на дороге.

– Подождите! – крикнула она.

Все остановились. Марико коротко поклонилась своему противнику, потом, высоко подняв голову, повернулась к нему спиной и направилась к Кири.

– Простите... простите... Но сейчас нам не удастся пробиться сквозь этих людей, – объяснила она. Грудь ее высоко вздымалась. – Мы... мы должны на некоторое время вернуться обратно. – Пот струился у нее по лицу. Марико прошла мимо шеренги самураев и, подойдя к Кияме, поклонилась: – Эти люди не дали мне выполнить мой долг, не позволили выполнить приказ моего сюзерена! Я не могу жить с таким позором, господин! Я совершу сэппуку сегодня на закате солнца и прошу вас быть моим помощником.

– Нет! Вы не сделаете этого!

Глаза Марико вспыхнули, она бесстрашно заявила:

– Если мне не позволили выполнить приказы моего сюзерена, на что я имею право, то я совершу сэппуку на закате солнца!

Она поклонилась и направилась к воротам. Кияма поклонился ей, люди даймё последовали его примеру. Все стоявшие в переулке, на крепостных стенах и в окнах домов тоже с уважением поклонились ей. Марико миновала арку, двор, вышла в сад и направилась к уединенному чайному домику. Она вошла внутрь и, оставшись наконец одна, горько заплакала – по всем погибшим в этот день.

Глава 56

– Красиво, да? – Ябу махнул рукой вниз, в сторону мертвых.

– Простите? – переспросил Блэкторн.

– Это было как стихи... Вы понимаете слово «стихи»?

– Да, я понимаю, что значит это слово.

– Это было как стихи, Андзин-сан... Видите?

Если бы у Блэкторна хватило японских слов, он бы сказал: «Нет, Ябу-сан. Но я увидел, что у нее на уме, только в тот момент, когда она отдала первый приказ и Ёсинака убил первого самурая. Стихи? Это был отвратительный, мужественный, бессмысленный, страшный ритуал, где смерть облечена в строгую форму и неизбежна, как казни испанской инквизиции, и все лишь прелюдия к смерти Мариико. Теперь все обречены, Ябу-сан: вы, я, замок, Кири, Отиба, Исидо, потому что она решила сделать то, что считает необходимым. А когда? Уже давно, конечно? О, правильнее сказать, решение принял за нее Торанага».

– Простите, Ябу-сан, но слов вашего языка у меня недостаточно.

Ябу плохо его слышал. На стенах стояла тишина, тихо было и в переулке, все были неподвижны, как статуи. Потом переулок ожил, и хотя голоса оставались приглушенными, а движения вялыми, солнце било вниз, и все постепенно выходило из транса.

Ябу вздохнул, охваченный меланхолией.

– Это было как стихи, Андзин-сан, – повторил он, словно эхо, и ушел.

Когда Мариико подняла меч и одна выступила вперед, Блэкторн хотел спрыгнуть вниз и броситься на ее противника, снести ему голову, помешать ее убить. Но он ничего не сделал, но не потому, что боялся, – он больше не боялся умереть. Ее мужество показало ему, как бесполезен страх, он разобрался в себе уже давно, еще тогда, ночью, в деревне, когда пытался покончить с собой. «Я собирался в ту ночь вонзить нож себе в сердце, – вспомнил он. – С того времени мой страх смерти исчез. Она говорила: „Только живя на грани смерти, можно понять, как неопишимо радостна жизнь...“ Я не осознал, как Оми остановил мой удар. В памяти осталось только чувство перерождения, когда я проснулся на следующее утро...» Он снова и снова смотрел на мертвых в переулке. «Я мог бы, конечно, убить того серого. И может

быть, еще одного или даже нескольких, но на их месте тут же появились бы другие, и моя смерть ничего бы не изменила. Я не боюсь умереть – мне только страшно, что я ничем не смогу помочь ей...»

Серые убрали трупы, обращаясь одинаково уважительно с телами соратников и врагов. Многие серые покидали место сражения, в том числе и Кияма со своими людьми; расходились женщины и дети, поднимая пыль на дороге. Блэкторн чувствовал острый, отдающий смертью запах, смешанный с соленым дыханием моря. Его поразило мужество Мариико. Оно поддерживало его в эти ужасные моменты. Блэкторн посмотрел на солнце и решил, что до захода еще шесть часов. Он направился к лестнице, ведущей вниз.

– Андзин-сан? Простите, а куда вы собрались?

Он повернулся, вспомнив про своих охранников. На него внимательно смотрел командир серых.

– Ах, простите! Пойдемте туда! – Он указал на двор.

Серый на мгновение задумался, потом неохотно согласился:

– Хорошо. Прошу вас, идите за мной.

Во дворе Блэкторн сразу почувствовал враждебность коричневых по отношению к серым. Ябу стоял у ворот, наблюдая за возвращающимися в крепость. Кири и госпожа Садзуко обмахивались веерами, кормилица приложила к груди ребенка. Все они сидели на одеялах и подушках, разостланных в тени на веранде. Носильщики плотной испуганной группой столпились в углу, у багажа и вьючных лошадей. Он направился в сад, но охранники замотали головами:

– Простите, Андзин-сан, но пока туда нельзя.

– Да, конечно, – согласился он и повернул обратно.

Переулок опустел, хотя оставалось еще более пятисот серых – они сидели полукругом на корточках или скрестив ноги и поглядывали в сторону ворот. Оставшиеся коричневые уходили под арку.

Ябу приказал:

– Закройте ворота на засов!

– Прошу меня извинить, Ябу-сан, – ответил командир, – но госпожа Тода сказала, что они должны быть открыты. Мы их охраняем, но ворота должны быть открыты.

– Вы уверены?

Командира, подтянутого бородатого мужчину лет тридцати с лишним, с жестким лицом и выступающим подбородком, возмутил

этот вопрос:

– Прошу прощения, конечно же уверен.

– Благодарю вас. Я не хотел вас обидеть. Вы здесь старший?

– Да, госпожа Тода оказала мне такую честь. Да, я понимаю, что вы старше меня по рангу.

– Я командую, но здесь старший – вы.

– Благодарю вас, Ябу-сан, но здесь распоряжается госпожа Тода. Вы старший военачальник, с вашего разрешения, я сочту за честь быть вашим помощником.

Ябу мрачно буркнул:

– Ладно. Я очень хорошо знаю, кто здесь командует нами. Сообщите мне, пожалуйста, ваше имя.

– Самиёри Табито.

– А первый из серых сегодня тоже был Самиёри?

– Да, Ябу-сан. Он мой двоюродный брат.

– Когда вы все приготовите, господин Самиёри, пожалуйста, соберите всех командиров на совещание.

– Конечно. С разрешения госпожи Тода.

Оба самурая оглянулись: во двор крепости, хромя и опираясь на трость, входила очень старая, седая дама-самурай – она направлялась прямо к Кирицубо. Служанка несла за ней зонтик, закрывая госпожу от солнца.

– Ах, Кирицубо-сан, – заговорила старуха, – я Маэда Эцу, мать господина Маэды, я разделяю взгляды госпожи Тода. С ее разрешения, не окажете ли мне честь, позволив подождать ее?

– Прошу вас, садитесь, мы вам рады, – откликнулась Кири.

Служанка принесла еще подушку и помогла старой даме устроиться поудобнее.

– Ах, так лучше, намного лучше... – Госпожа Эцу старалась не застонать от боли. – Суставы у меня болят, с каждым днем – все больше... О, вот так лучше... Благодарю вас.

– Не хотите ли зеленого чая?

– Сначала чай, потом sake, Кирицубо-сан, много-много sake. После таких усилий необходимо освежиться.

От толпы, покидающей двор, отделились женщины-самураи и через ряды серых прошли в затененное место, спасаясь от солнца. Кто-

то из них заколебался, кто-то передумал, но вскоре на веранде оказались уже четырнадцать дам, две принесли с собой детей.

– Простите, я Атико, жена Киямы Нагамасы, и тоже хочу уехать домой, – стесняясь, обратилась к Кири молодая женщина, держа за руку маленького сына. – Мне нужно вернуться домой, к мужу. Могу я попросить разрешения подождать с вами?

– Но господин Кияма будет очень недоволен, госпожа, если вы останетесь.

– О, извините, Кирицубо-сан, но дедушка вряд ли узнает. Я всего-навсего жена его младшего внука. Я уверена, он не обратит на меня внимания, а я несколько месяцев не видела мужа, и мне все равно, что скажет его дед. С нашей госпожой все в порядке?

– Все в полном порядке, Атико-сан, – ответила старая госпожа Эцу, твердо захватывая роль главы компании. – Конечно, мы с радостью примем вас, дитя мое. Проходите, садитесь вот здесь, рядом со мной. Как зовут вашего мальчика? Какой прекрасный ребенок!

Все дамы хором с ней согласились. Тут раздался жалобный голос малыша лет четырех:

– По-жалуй-ста... я тоже плекласный лебенок...

Все дружно засмеялись, и всем стало легче.

– Ты и правда прекрасный мальчик! – согласилась госпожа Эцу и снова засмеялась.

Кири вытерла слезы.

– Ну, вот так-то лучше, а то я стала уж слишком серьезной. Ах, милые дамы, я так польщена, что мне позволили приветствовать вас от имени госпожи Тода. Вы, наверное, проголодались... Вы правы, госпожа Эцу, сегодня такой день, что просто нельзя не освежиться. – Она отправила служанок за едой и напитками, познакомила тех, кто еще не был знаком, похвалив у кого кимоно, у кого зонтик с красивым рисунком. Вскоре женщины, отдохнувшие и оживленные, болтали, как стайка попугаев.

– Ну кто может понять женщин? – поразился Самиёри.

– Да уж! – согласился Ябу.

– Только что они были напуганы и все в слезах, и вот... Когда я увидел, как госпожа Марико подняла меч Ёсинаки, я подумал, что умру от гордости за нее.

– Да. Жаль, что последний серый был так ловок. Мне хотелось бы посмотреть, как она его убьет. Менее ловких она уже убивала.

Самиёри поскреб бороду – пот, подсыхая, раздражал кожу на лице.

– Что бы вы сделали на его месте?

– Я бы убил ее, а потом принял командование над коричневыми. Слишком много крови пролито. Это все, что можно было сделать, не перебив всех серых на стене.

– Иногда убивать – хорошо. Очень хорошо! Иной раз это совсем особенное ощущение – намного острее, чем наслаждаться с женщиной...

Оттуда, где собрались дамы, донесся взрыв смеха: это дети в развевающихся ярко-красных кимоно стали важно вышагивать взад-вперед между мамами.

– Славно, что здесь опять появились дети. Я рад бы снова оказаться в Эдо...

– Да-а... – Ябу задумчиво смотрел на женщин.

– Я думаю о том же самом, – спокойно произнес Самиёри.

– И что вы решили?

– Ответ может быть только один: если Исидо позволит нам уйти – прекрасно. Если же сэппуку госпожи Марико окажется бесполезным – тогда... тогда мы поможем этим дамам отправиться в «великую пустоту» и начнем сражение. Они не захотят жить.

Ябу заметил:

– Ну, кто-нибудь захочет...

– Мы решим это позднее, Ябу-сан. Для нашего господина лучше, если они все совершат здесь сэппуку. Вместе с детьми.

– Да, конечно.

– Потом все мужчины выйдут на стены, на рассвете мы откроем ворота и будем сражаться до полудня, а те, что останутся в живых, вернутся обратно и устроят пожар в этой части замка. Если я останусь в живых, сочту за честь принять ваши услуги помощника при совершении сэппуку.

– Можете на меня рассчитывать.

Самиёри ухмыльнулся:

– Это всколыхнет всю страну. Все это сражение, сэппуку. Распространится как пожар, захватит всю империю. Вы думаете, это

отложит приезд Возвышенного? У нашего господина именно такой план?

– Не знаю. Самиёри-сан, я пойду к себе. Если госпожа вернется, сразу же пошлите за мной.

Ябу направился к Блэкторну, который, задумавшись, сидел на ступеньках главной лестницы.

– Андзин-сан, – многозначительно зашептал он, – у меня, кажется, появился план. Тайный... Понимаете?

Колокола отбили очередной час. Все в крепости внимательно прислушивались к бою часов: начинался час обезьяны – шесть ударов после полудня, три часа. Многие поворачивались к солнцу и, не отдавая себе в том отчета, проверяли по нему время.

– Да, я понял ваши слова. А какой план?

– Поговорим позднее. Будьте где-нибудь поблизости. Ни с кем не разговаривайте. Понятно?

– Да-да.

Ябу с десятью коричневыми направился к воротам. К ним тут же подошли двенадцать серых, и все зашагали вниз по переулку. Серые остановились, не заходя в ворота. Ябу сделал коричневым знак ждать его в саду и один вошел в здание.

– Это невозможно, господин Исидо, – убеждала Отиба. – Вы не допустите, чтобы дама такого ранга совершила сэппуку. Простите, но вы попали в западню.

– И я так считаю, – заявил Кияма.

– Прошу прощения, госпожа, но, что бы я ни сказал и ни сделал, для нее значит не более, чем дерьмо последнего *эта*, – парировал Исидо. – По крайней мере, Торанага так решил.

– Конечно, его воля стоит за поведением Марико, – признал Кияма, пока Отиба пыталась прийти в себя от грубости Исидо. – Извините, но он снова вас переиграл! И все-таки вы не позволите ей совершить сэппуку!

– Почему?

– Простите, пожалуйста, господин Исидо, но мы должны говорить потише, – напомнила Отиба: в эту просторную комнату на втором этаже главной башни замка они пришли из-за госпожи Ёдоко, которая

была при смерти. – Я уверена, что это не ваша вина и есть какой-то выход.

Кияма спокойно произнес:

– Нельзя дать ей выполнить свою угрозу, это всколыхнет всех женщин в замке.

Исидо сердито посмотрел на него:

– Вы, видимо, забыли о тех двух, что были случайно застрелены... И никаких волнений, зато и никаких попыток убежать.

– Это жестокая случайность, господин Исидо, – заметила Отиба.

– Согласен, но мы на войне. Торанага все еще не в наших руках, а пока он жив, вы и наследник постоянно в опасности.

– Извините, я беспокоюсь не о себе – только о сыне. Через восемнадцать дней все они сюда вернутся. Советую дать им возможность уехать.

– Это ненужный риск, простите. Мы не уверены, что она поступит именно так.

– Она это сделает, – презрительно бросил Кияма. Он ненавидел Исидо за его неуместное присутствие в роскошных, богато обставленных покоях замка, которые напоминали ему о тайко, его друге и уважаемом им военачальнике. – Она самурай.

– Простите, но я согласна с господином Киямой, – не сдавалась Отиба. – Марико-сан осуществит свое намерение. Там еще эта ведьма Эцу! Маэда слишком горды...

Исидо подошел к окну и посмотрел вниз:

– Насколько я себе представляю, они попытаются устроить пожар. Эта Тода... Она же христианка? Разве самоубийство не противоречит ее религии? Ведь это самый страшный грех!

– У нее будет помощник – это уже не самоубийство.

– А если у нее не получится?

– Как же это?

– Ну, она будет обезоружена и не окажется помощника?

– Как вы это сделаете?

– Захватим ее в плен, окружим специально подобранными служанками и будем следить за ней, пока Торанага не пересечет наших границ. – Исидо зловеще улыбался. – А уж потом – пусть делает что хочет – буду рад ей помочь!

– Как вы возьмете ее в плен? – усомнился Кияма. – У нее всегда будет время совершить сэппуку или воспользоваться ножом.

– Ну... предположим, она будет схвачена, разоружена, и ее продержат так несколько дней. Разве эти несколько дней не жизненно важны? Разве не поэтому она настаивает на выезде именно сегодня, прежде чем Торанага пересечет наши границы и сдастся нам?

– А разве это возможно? – удивилась Отиба.

– Не исключено, – ответил Исидо.

Кияма немного подумал:

– Через восемнадцать дней Торанага будет здесь. Он может задержаться на границе еще на четыре дня. Ее придется задержать самое большее на неделю.

– Или навсегда, – уточнила Отиба. – Торанага настолько уже опоздал, что, думаю, никогда не появится.

– Он должен быть здесь на двадцать второй день, – возразил Исидо. – Ах, госпожа, это была замечательная идея!

– Конечно, ваша идея, господин Исидо? – Голос Отибы звучал успокоительно, хотя она страшно устала после бессонной ночи. – А что с господином Сударой и моей сестрой? Они приедут вместе с Торанагой?

– Нет, госпожа, еще нет. Они прибудут морем.

– Ее нельзя трогать! – заявила Отиба. – Ни ее, ни ребенка!

– Ее ребенок – прямой наследник Торанаги, из рода Миновара. Мой долг перед наследником, госпожа, заставляет меня еще раз напомнить вам об этом.

– Мою сестру трогать нельзя! И ее ребенка – тоже!

– Как пожелаете.

Она обратилась к Кияме:

– Господин, и все же Марико-сан – хорошая христианка?

– Это, конечно, так, – согласился Кияма. – Она знает, что пострадает ее бессмертная душа. Но не думаю...

– Тогда можно сделать проще. – Исидо, казалось, больше не раздумывал. – Попросите главу христиан, чтобы он на нее повлиял – пусть не мешает законным правителям империи!

– У него нет такой власти, – съязвил Кияма. И добавил еще более ехидно: – Это вмешательство в дела государства, а ведь вы всегда были против этого, и совершенно справедливо!

– По-моему, христиане вмешиваются только в тех случаях, когда это им выгодно, – отразил нападение Исидо. – Я только предложил эту идею на обсуждение.

Открылась внутренняя дверь, вошел пожилой лекарь, мрачный, от усталости казавшийся старше своих лет.

– Простите, госпожа, Ёдоко-сан просит вас...

– Она умирает? – спросил Исидо.

– Она близка к смерти, господин, но, когда это произойдет, не знаю.

Отиба заторопилась. Она грациозно пересекла комнату и скрылась за внутренней дверью. Но казалось, ее темно-голубое кимоно, плотно облежавшее прекрасное, стройное тело, все еще изящно колыхнется при ходьбе. Мужчины, провожавшие ее взглядами, старались не смотреть друг на друга. Когда дверь бесшумно закрылась, Кияма задал последний вопрос:

– Вы действительно считаете, что госпожу Тода можно взять под стражу?

– Конечно! – Исидо все еще не отрывал глаз от двери.

Отиба прошла через роскошно обставленные покои и стала на колени перед умирающей. Их окружали служанки и врачеватели. Солнечный свет проникал сквозь бамбуковые жалюзи и отражался от золотых и красных резных украшений на балках, столбах и дверях. Ёдоко, в своей удобной постели за инкрустированными ширмами, казалось, спит – и не спит. Бледное, бескровное лицо окружено капюшоном буддийской накидки, тонкие руки – в узловатых венах. «Как печально, что приходится стареть, – думала Отиба. – Возраст беспощаден и несправедлив к женщинам! Не к мужчинам – только к женщинам... Боги, защитите меня от старости! – молилась она. – Будда, храни моего сына и помоги ему получить власть!»

Она взяла Ёдоко за руку, приветствуя ее:

– Госпожа?

– О-тян? – прошептала Ёдоко, называя ее по-домашнему.

– Да, госпожа.

– Ах, какая ты хорошенькая... Ты всегда такая хорошенькая. – Ёдоко подняла руку и погладила блестящие волосы Отибы. Молодой женщине это было приятно – она очень любила Ёдоко. – Такая молодая и красивая... так сладко пахнешь... Повезло тогда тайко.

– У вас что-нибудь болит, госпожа? Могу я чем-нибудь помочь?

– Нет, ничем. Я хотела только поговорить. – Глаза у старухи ввалились, но взгляд был ясный, осмысленный. – Отошлите всех отсюда.

Отиба сделала знак всем выйти.

– Да, госпожа? Мы одни, я слушаю вас.

– Милая моя, заставьте господина военачальника отпустить ее.

– Он не может, госпожа: тогда и все другие заложники уедут и мы потеряем такое большое преимущество. Все регенты с ним согласны.

– Регенты! – В голосе Ёдоко слышался оттенок презрения. – А вы согласны?

– Да, госпожа. Вчера вечером вы тоже говорили, что ее нельзя отпускать.

– Теперь вы должны отпустить ее или остальные последуют ее примеру и совершат сэппуку, а вы и ваш сын будете опозорены из-за ошибки Исидо.

– Господин Исидо верен нам, госпожа, Торанага – нет, прошу прощения.

– Вы можете доверять господину Торанаге, а не ему.

Отиба покачала головой:

– Простите, но я убеждена, что Торанага решил стать сёгуном и уничтожить нашего сына.

– Вы не правы. Он говорил тысячу раз... Другие даймё пытаются свалить его для удовлетворения собственных амбиций, они всегда этого хотели. Торанага был любимцем тайко. И он всегда любил наследника. Торанага из рода Миновара. Не поддавайтесь на уговоры Исидо или регентов. У них свои собственные кармы, свои тайны, О-тян... Почему бы не отпустить ее? Это все так просто. Запретите ей плыть морем, тогда ее можно будет задержать где-нибудь на нашей земле. Она останется в сети вашего военачальника, вместе с Кири и всеми остальными. Будет окружена серыми. Подумайте, как поступил бы тайко или Торанага. Вы и ваш сын будете втянуты... – Голос прервался, глаза замигали. Старая госпожа собралась с силами и закончила: – Марико-сан не сможет возражать против охраны. Я знаю, она сделает то, что обещает. Пусть она уходит.

– Конечно, мы подумаем об этом, госпожа, – успокоила Отиба, голос ее был мягок и ровен. – Но за пределами замка у Торанаги есть

тайные отряды самураев, спрятанные вокруг Осаки, – мы не знаем, сколько их, – и у него есть союзники – мы не уверены, кто они. Она сможет бежать. Как только она уйдет, за ней последуют остальные, и мы потеряем заложников. Вы же согласились, Ёдоко-сан. Разве вы не помните? Простите, но я спрашивала вас вчера вечером. Разве вы не помните?

– Помню, дитя. – Ёдоко все время отвлекалась, ей было трудно говорить. – О, как я хотела бы, чтобы здесь снова появился тайко и руководил вами... – Дыхание ее прервалось.

– Можно я дам вам чая или немного sake?

– Чая, да... пожалуйста, немного зеленого чая...

Отиба помогла ей напиться.

– Благодарю вас, дитя. – Голос стал слабеть, напряжение оказалось для Ёдоко непосильным. – Послушайте меня, дитя... вы должны довериться Торанаге. Выходите за него замуж, заключите с ним договор, чтобы сохранить наследника.

– Нет, о нет! – запротестовала пораженная Отиба.

– Яэмон может потом править вместо него... А после – дети от вашего брака. Сыновья вашего сына торжественно поклянутся в дружбе с детьми Торанаги...

– Торанага всегда ненавидел тайко, вы знаете это, госпожа. Торанага – источник всех несчастий, и уже много лет. И вы предлагаете именно его!

– А вы? Ваша гордость, дитя мое?

– Он враг. Наш враг.

– У вас два врага, дитя: ваша гордость... и необходимость найти мужчину, который был бы ровней вашему мужу... Пожалуйста, послушайте меня: вы молоды, красивы, можете иметь детей и заслуживаете мужа... Торанага достоин вас, вы стоите его... Торанага – единственный шанс, оставшийся у Яэмона...

– Нет, он враг!

– Он был лучшим другом вашего мужа и самым верным вассалом. Без... без Торанаги... вы разве не видите... ведь Торанага вам помогал... понимаете? Вы сможете влиять на него... руководить им.

– Простите, но я ненавижу его. Он не любит меня, Ёдоко-сан.

– Многие женщины... О чем я говорила? Ах да, многие женщины выходят замуж за мужчин, которые их не любят. Хвала Будде, что я не

пережила этого... – Старуха улыбнулась и вздохнула. Это был протяжный, печальный вздох, он длился так долго, что Отиба подумала: уже наступила смерть. Но глаза Ёдоко открылись, на устах появилась слабая улыбка. – Разве не так?

– Да-да...

– Ну, вот и вы... Ну пожалуйста...

– Я подумаю об этом.

Старые пальцы пытались собраться в кулак.

– Я прошу – обещайте мне, что вы выйдете замуж за Торанагу, и я отойду к Будде, зная, что род тайко будет жить вечно, как и его имя... его имя будет жить...

По лицу Отибы потекли слезы, она нежно погладила коченеющие руки Ёдоко. Умиравшая как будто впала в беспамятство. Но вот ресницы ее задрожали, и она прошептала:

– Ты должна отпустить Акэти Марико. Не дай ей... не дай ей отомстить нам за то, что тайко сделал... сделал... с ее отцом...

Отиба была застигнута врасплох:

– Что вы говорите?

Ответа не последовало. Ёдоко вдруг забормотала:

– Милый Яэмон, мой милый сын... ты такой хороший мальчик... но у тебя так много врагов... такой глупый... Разве ты тоже так думаешь, разве...

Снова начался спазм. Отиба гладила и гладила ее руки – так ласково, как только могла.

– *Наму Амида Буцу!* – прошептала она с великим почтением.

Прошел еще один спазм, и старуха внятно произнесла:

– Прости меня, О-тян!

– Мне не за что вас прощать, госпожа.

– Прости меня за многое. – Голос стал еще слабее, взор тускнел. – Слушай... обе... обещай насчет Торанаги, Отиба-сама... Это важно... пожалуйста... ты можешь ему довериться... – Старые глаза умоляли, приказывали...

Отиба не хотела этого слышать, не хотела подчиняться, хотя и знала, что должна повиноваться Ёдоко. Она не поняла того, что ей сказали про Акэти Марико, но в голове у нее все еще звучали слова тайко, которые он повторял ей сотни раз: «Ты можешь довериться Ёдоко-сама, О-тян, она мудрая женщина – никогда не забывай этого!»

Она почти всегда видит правильный путь, и ты всегда можешь доверить ей свою жизнь, и жизнь моего сына, и мою собственную».

И Отиба уступила:

– Я обещаю... – Она резко оборвала фразу.

Лицо Ёдоко осветилось последним проблеском жизни, и все кончилось.

– *Наму Амида Буцу!* – Отиба поднесла ее руку к губам, поклонилась, положила руки умершей на одеяло и закрыла ей глаза, вспоминая смерть тайко – единственную смерть, которую она наблюдала так же близко. Тогда глаза умершему закрыла госпожа Ёдоко – это было привилегией жены, – и все происходило в той же самой комнате. Торанага ожидал снаружи, как сейчас Исидо и Кияма, продолжая бодрствование, начатое еще в предыдущую ночь.

– Но зачем посылать за Торанагой, господин? – спросила она тогда. – Вам следует отдохнуть.

– Я отдохну, когда умру, О-тян, – ответил ей тайко. – Я должен позаботиться о наследнике, пока у меня еще есть силы.

Так к ним присоединился Торанага – сильный, цветущий, пышущий энергией. Теперь их было четверо: Отиба, Ёдоко, Торанага и Накамура, тайко, властелин Японии, лежащий на смертном одре. Все ждали последних распоряжений.

– Ну, Тора-тян, – сказал тайко, обращаясь к нему по имени, которое Торанаге когда-то дал Города. Глубоко посаженные глаза тайко смотрели с маленькой обветренной обезьяньей мордочки, принадлежавшей такому же маленькому телу – телу, которое имело крепость стали, пока несколько месяцев назад не начался процесс разложения. – Я умираю. Из ничего – в ничто... Но вы все будете жить, рядом с моим беспомощным сыном...

– Не беспомощным, господин. Все даймё будут почитать вашего сына, как они почитали вас.

Тайко это было смешно.

– Да уж, они будут... Сегодня, пока я жив, конечно! Но как мне устроить, чтобы Яэмон правил после меня?

– Назначьте Совет регентов, господин.

– Регенты! – презрительно процедил тайко. – Может быть, я бы сделал вас моим наследником и дал вам право судить, достоин ли Яэмон править после вас.

– Я недостойн этого, ваш сын должен сменить вас.

– Да, и сыновьям Городы тоже следовало править после него.

– Нет. Они нарушили мир.

– И вы уничтожили их по моему приказу.

– У вас была грамота императора. Они восстали против вашего законного мандата, господин. Дайте мне сейчас ваши приказы, и я буду их исполнять.

– Вот поэтому я и позвал вас сюда. – И тайко произнес следующее: – Редко кто обзаводится наследником в пятьдесят семь лет, и ужасно, когда сын – единственный и надо умирать в шестьдесят три, а других родственников нет и ты властелин Японии...

– Да, господин, – отвечал Торанага.

– Может, было бы лучше, чтобы я вообще не имел сына и мог передать государство вам, как мы и договаривались. У вас сыновей больше, чем у португальцев вшей.

– Карма.

Тайко засмеялся, изо рта у него потянулась нитка слюны с примесью крови. Ёдоко осторожно вытерла слюну, и он улыбнулся жене:

– Благодарю тебя, Ёдоко-сан, благодарю.

Потом его взгляд обратился на Отибу. Она улыбнулась ему, но его глаза теперь не улыбались, только выпытывали, силились угадать, задавали вопрос – тот самый, который он никогда не осмеливался произнести вслух, но который, она уверена, всегда был у него на уме: «А на самом ли деле Яэмон – мой сын?»

– Карма, О-тян, правда? – очень мягко произнес тайко, но Отиба так боялась, что он задаст вопрос в открытую, что у нее в глазах сразу же заблестели слезы. – Нет нужды плакать, О-тян. Жизнь только сон во сне. – Тайко с минуту лежал задумавшись, потом снова посмотрел на Торанагу и с внезапной, неожиданной теплотой, которой он славился, заговорил: – Э-э-э, старина, что за жизнь у нас была, а? Одни сражения. Бились бок о бок – вместе мы были непобедимы, мы делали невозможное. Вместе мы усмиряли сильных и плевали на их задранные зады, а они пресмыкались еще больше. Мы... мы делали это – крестьянин и самурай из рода Миновара! – Умиравший хмыкнул. – Послушайте, еще несколько лет – и я разгромил бы этих любителей чеснока. Потом совершил бы с нашими и корейскими

полками бросок на Пекин – и воссел бы на драконовый трон в Китае. Потом я отдал бы вам Японию, и каждый имел бы, что хотел. – Голос у него был сильный вопреки всей хрупкости его тела. – Крестьянин может взойти на драконовый трон – не так, как здесь!

– Китай не Япония, господин.

– Да, в Китае они придумали умно. Начиная династию всегда крестьянин или сын крестьянина, трон захватывался силой, кровавыми руками. Там не было наследственных каст... Не в этом ли сила Китая? Сила и окровавленные руки, крестьянское происхождение – это я. Правда?

– Да. Но вы к тому же и самурай. Здесь вы изменили правила. Вы первый в династии.

– Я всегда любил вас, Тора-сан. – Тайко с довольным видом прихлебнул чаю. – Да, представьте себе: я – на драконовом троне! Подумайте об этом! Император Китая! Ёдоко – императрица, за ней – Отиба Прекрасная, после меня – Яэмон, и Китай с Японией навеки вместе, как им и следует быть. Ах, это было бы так легко! Потом с нашими войсками и ордами китайцев я бросился бы на северо-запад и юг – и, как шлюхи последнего разбора, все государства мира лежали бы, изнемогая, в грязи, с широко разведенными ногами, чтобы мы могли взять все, что пожелаем... Мы непобедимы, вы и я были непобедимы! Японцы непобедимы! Конечно же, мы знаем, в чем смысл жизни!

– Да, знаем.

У тайко странно блеснули глаза.

– В чем же?

– Долг, повинование и смерть! – произнес Торанага.

Снова хмыканье, тайко, казалось, стал еще меньше, еще морщинистее... И тут же, без всякого перехода, чем он тоже славился, растеряв всю свою теплоту, он спросил:

– А что регенты? – Голос его стал ядовит и тверд. – Кого бы вы взяли?

– Господ Кияму, Исидо, Оноси, Тода Хиромацу и Сугияму.

Лицо тайко искривилось в зловещей усмешке.

– Вы самый умный человек в империи – после меня! Объясните дамам, почему вы выбрали именно этих пятерых.

– Потому что они ненавидят друг друга, но вместе могут править и подавить любое сопротивление.

– Даже вас?

– Нет, не меня, господин. – Торанага смотрел на Отибу и обращался теперь непосредственно к ней. – Чтобы Яэмон унаследовал власть, вы должны продержаться еще девять лет. Чтобы добиться этого, вам надо, кроме всего остального, сохранять мир, который установил тайко. Кияму я назвал потому, что он главный из даймё-христиан, крупный военачальник и самый преданный вассал. Далее, Сугияма – он самый богатый даймё в стране, его семья самая древняя, он всей душой ненавидит христиан и больше всех выиграет, если Яэмон получит власть. Оноси ненавидит Кияму, мешает ему властвовать. Он тоже христианин, но прокаженный, который хватается за жизнь, проживет еще лет двадцать и ненавидит всех остальных лютой ненавистью, особенно Исидо. Исидо будет разоблачать заговоры, ведь он крестьянин, ненавидит потомственных самураев и ярый противник христиан. Тода Хиромацу честен, исполнитель, предан, незыблем, как солнце, и подобен самому лучшему мечу. Ему следует возглавить Совет.

– А вы?

– Я совершу сэппуку вместе со своим старшим сыном Нобору. Мой сын Судара женат на сестре госпожи Отибы, так что он не опасен, никогда не сможет быть угрозой. Он наследует Канто, если вам будет угодно, при условии, что поклянется в вечном подчинении вашему дому.

Никто не удивился тому, что предложил Торанага. Очевидно, то же было на уме у тайко: Торанага один среди даймё представлял собой реальную угрозу. Тут она услышала, как ее муж спрашивает:

– О-тян, а что ты посоветуешь?

– Все то же, что сказал господин Торанага, господин, за исключением того, что вам следует приказать моей сестре развестись с Сударой, который должен совершить сэппуку. А вот господин Нобору станет наследником господина Торанаги и получит две провинции – Мусаси и Симоса, – а оставшаяся часть Канто отойдет вашему наследнику, Яэмону. Я советую вам отдать этот приказ прямо сегодня.

– Ёдоко-сама?

К ее удивлению, Ёдоко сказала:

– Ах, Токити, вы знаете, что я от всего сердца восхищаюсь и вами, и О-тян, и Яэмоном, как своим собственным сыном. Я бы посоветовала сделать Торанагу единоличным регентом.

– Что?

– Если вы прикажете ему умереть, я думаю, вы убьете и нашего сына. Только один господин Торанага достаточно умен, почитаем и опытен, чтобы наследовать ваш пост. Отдайте Яэмона под его опеку, пока мальчик не подрастет. Прикажете господину Торанаге усыновить нашего сына. Пусть Яэмон будет воспитан господином Торанагой и унаследует власть после него.

– Нет, этого делать нельзя, – запротестовала Отиба.

– Что вы скажете на это, Тора-сан? – спросил тайко.

– При всем моем смирении я должен отказаться, господин. Я не могу принять этого и прошу разрешения совершить сэппуку и уйти из жизни раньше вас.

– Вы будете единоличным регентом.

– Я никогда не отказывался подчиняться вам со времени заключения нашего договора. Но этот приказ я не выполню.

Отиба помнила, как она пыталась убедить умирающего позволить Торанаге покончить с собой, хотя и знала, что тайко уже все решил. Но тот передумал, принял наконец частично то, что посоветовала Ёдоко, и нашел компромисс: Торанага будет регентом и главой Совета. Торанага поклялся в вечной верности Яэмону, но сейчас он ткал паутину, которая опутывала их всех... Каковы будут последствия стычки с Марико?

– Я знаю: таков был его наказ, – бормотала Отиба, поняв, что госпожа Ёдоко хотела, чтобы она полностью доверилась Торанаге.

«Выйти замуж за Торанагу? Будда, защити меня от такого позора! Принимать его, чувствовать на себе его вес и как он впрыскивает в меня свое семя! Позор? Отиба, а правда ли это? – спросила она себя. – Правда в том, что ты хотела его, еще до тайко... И после. Ёдоко была права: гордость – твой враг, и тебе необходимо иметь мужчину, мужа. Почему не принять Исидо? Он чтит и желает тебя, он победит. Им будет легко управлять... Разве не так? Нет, только не этот грубый мужлан с рисовых болот! О, я знаю о тех грязных слухах, что распространяют мои враги... Неслыханные дерзости! Клянусь, что скорее лягу со своими слугами, чем оскорблю память моего господина

с Исидо! Будь честной, Отиба, подумай о Торанаге! Неужели ты и правда ненавидишь его, потому что он мог видеть тебя в тот безумный день?»

Это случилось более шести лет назад на Кюсю, когда она и ее дамы были на соколиной охоте с тайко и Торанагой. Охотники разъехались кто куда, она ускакала за одним из своих соколов, отбившись от остальных. Оказавшись одна среди лесистых холмов, она внезапно наткнулась на крестьянина, собиравшего ягоды сбоку от заброшенной тропинки. Ее первый, слабый здоровьем сын уже два года как умер, и с тех пор ее лоно оставалось бесплодным, несмотря на все уловки, обеты, зелья и молитвы, к которым она прибегала, чтобы удовлетворить страстное желание своего господина иметь наследника.

Встреча с крестьянином была совершенно внезапной. Он глазел на нее, словно на ками, а она – на него, потому что он был копией тайко: маленький, похожий на обезьяну... Но он был молод. Ум ее кричал, что это дар богов, о котором она молила, поэтому она спешила, увлекла его в лес и повела себя как сука в течке.

Все было словно во сне – безумие, грубая похоть, валяние в грязи... И даже сегодня она все еще могла ощущать струящийся из него жидкий огонь, его сладкое дыхание, стиснувшие ее руки... Потом она сразу почувствовала тяжесть, дыхание его стало зловонным, все показалось ей отвратительным, кроме той влаги, и она спихнула его с себя. Он захотел еще, но она стукнула его, обругала: пусть благодарит богов, что она не превратила его в дерево за наглость. Бедный дикарь упал на колени, моля о прощении. Конечно, она была ками... Почему бы еще такая красавица каталась в грязи с таким, как он?

Отиба с трудом залезла в седло и уехала в полном смятении, скоро потеряв из виду человека на поляне и размышляя, было это все сном или явью, не ками ли сам крестьянин, молясь, чтобы он был ками, ниспосланной богами сущностью, и принес ей еще одного сына во славу ее господина, принес ее господину душевный мир, которого он заслужил... На противоположном краю леса она увидела ожидающего ее Торанагу. Панический ужас охватил Отибу. «Неужели он... видел?» – пронеслось у нее в голове.

– Я беспокоился о вас, госпожа, – объяснил он.

– Я... все в порядке, благодарю вас.

– Но ваше кимоно порвано, в волосах и на спине у вас папоротник...

– Меня сбросила лошадь – ничего страшного. – И она предложила ему скакать наперегонки, чтобы доказать, что не пострадала.

Она мчалась как ветер, хотя спина и болела, исколотая шипами ежевики. Спину скоро залечили с помощью разных снадобий. В ту же ночь она была близка со своим господином и повелителем и через девять месяцев, на радость ему и себе, родила Яэмона.

– Наш муж, конечно, отец Яэмона, – уверенно ответила Отиба на вопрос Ёдоко. – Он отец обоих моих детей.

«Другой был только сон», – добавила Отиба уже про себя. «Зачем обманывать себя? Это был не сон, – подумалось ей тут же. – Это случилось на самом деле. Тот крестьянин не был ками. Ты совокупилась в грязи с крестьянином. Тебе надо было родить сына, чтобы привязать к себе тайко. Он мог бы взять и другую наложницу... А как родился ваш первенец? Карма...» Отиба пыталась отогнать от себя эту тайную боль.

– Выпей это, дитя, – попросила Ёдоко, когда ей исполнилось шестнадцать лет, через год после того, как она стала законной наложницей тайко.

Она выпила этот странный, согревающий травяной настой, ее сразу же потянуло в сон, а на следующий вечер, проснувшись, она вспомнила только не посещавшие ее раньше эротические сновидения, и причудливые цвета, и пугающую потерю ощущения времени... Ёдоко была с ней при пробуждении и когда она засыпала, как всегда внимательная и обеспокоенная тем, чтобы не нарушить гармонии их господина. Девять месяцев спустя Отиба родила – первая из всех женщин тайко. Но ребенок был очень слабый и умер в раннем детстве. «Карма», – подумала она тогда.

Они с Ёдоко не сказали друг другу ни слова – ни о том, что случилось, ни о том, что могло случиться во время этого длительного, глубокого сна. Ничего, кроме «прости меня», произнесенного несколько минут назад, и «не за что».

– Вы невиновны, Ёдоко-сама, и ничего не случилось, никаких тайных проступков – ничего. А даже если что-то и было, покойся в мире, старая женщина, теперь твоя тайна уйдет вместе с тобой. – Она посмотрела на это мертвое лицо, такое хрупкое и торжественное

теперь, совсем как у тайко при его кончине... Он свой вопрос так и не задал.

«Карма, что он умер, – подумала она бесстрастно. – Если бы он жил еще десять лет, я стала бы императрицей Китая, а сейчас – сейчас я одна».

– Странно, что вы умерли до того, как я успела пообещать, госпожа... – прошептала Отиба. Запах курений и тлена окружил ее. – Я бы пообещала, но вы умерли еще до этого... В этом тоже моя карма? Должна ли я выполнить вашу просьбу и мое непроизнесенное обещание? Что мне следует делать? Сын мой, сын мой, я чувствую себя такой беспомощной...

Потом она вспомнила, что сказала Мудрая: «Думай, как поступил бы тайко – или Торанага».

Отиба почувствовала, как в нее вливаются новые силы. Она села и хладнокровно стала готовиться к выполнению обета.

Во внезапно наступившей тишине Тиммоко подошла к небольшим воротам в саду и, приблизившись к Блэкторну, поклонилась:

– Андзин-сан, пожалуйста, извините меня, моя хозяйка хочет видеть вас. Если вы немного подождете, я провожу вас.

– Хорошо. Спасибо. – Блэкторн уже давно сидел глубоко задумавшись, но так и не пришел к окончательному суждению, что же такое судьба.

Тени становились все длиннее и захватили уже часть двора. Серые подобрались, намереваясь идти с ним. Тиммоко подошла к Самиёри:

– Прошу меня извинить, господин, но моя госпожа просит вас все приготовить.

– Где она собирается это сделать?

Служанка указала на площадку перед аркой:

– Там, господин.

Самиёри поразился:

– При всех? Не в уединенном месте с несколькими свидетелями?

Она сделает это для того, чтобы все видели?

– Да.

– Но, если... если это будет здесь... Ее... ее... А кто у нее будет помощником?

– Она считает, что ей окажет честь господин Кияма.

– А если не окажется?

– Я не знаю, господин. Она... она мне не сказала. – Тиммоко поклонилась, пересекла веранду и снова поклонилась. – Кирицубо-сан, моя госпожа говорит, что скоро вернется.

– У нее все хорошо?

– О да. – В голосе Тиммоко звучала гордость.

Кири и остальные успокоились. Услышав разговор с самураем, они все переполошились.

– Она знает, что все дамы ждут ее, чтобы поприветствовать?

– О да, Кирицубо-сан. Я... я передала ей. Она сказала, что польщена их присутствием и скоро лично поблагодарит их. Пожалуйста, извините меня.

Все следили, как она прошла к воротам и сделала знак Блэкторну следовать за ней. Серые хотели идти за ним, но Тиммоко покачала головой и сказала, что ее хозяйка не звала их. Командир позволил Блэкторну пойти одному. За воротами сада лежал другой мир, зеленый и спокойный: солнце освещало верхушки деревьев, щебетали птицы, кормились насекомые, ручей, журча, впадал в пруд, где плавали листья кувшинок. Но Блэкторн никак не мог избавиться от мрачного настроения. Тиммоко остановилась и показала ему на маленький домик для тя-но-ю. Дальше он пошел один. Сняв сандалии, поднялся по ступенькам – пришлось согнуться, чуть ли не встать на колени, чтобы пройти в маленькую зашторенную дверь, и вот он оказался внутри...

– Ты... – сказала Марико.

– Ты... – выдохнул Блэкторн.

Она стояла на коленях, спокойная, со свежей краской на лице, с малиновыми губами, искусно причесанная, в темно-голубом с зеленой каймой кимоно с зеленым же, но более светлым оби и тонкой зеленой лентой в волосах.

– Ты красивая.

– И ты. – Робкая улыбка. – Извини, что тебе пришлось такое увидеть.

– Это был мой долг.

– Нет, я не ожидала... не предусмотрела... что будет так много смертей.

– Карма. – Блэкторн заставил себя выйти из транса и перестал говорить по-латыни. – Вы задумали все это уже давно – ваше самоубийство?

– Моя жизнь никогда не была моей собственностью, Андзин-сан. Она всегда принадлежала моему сюзерену и после него – моему господину. Таков наш закон.

– Это плохой закон.

– Да. И нет. – Она оторвала взгляд от татами. – Мы будем спорить о вещах, которых нам не изменить?

– Нет. Пожалуйста, извини меня.

– Я люблю тебя, – сказала она по-латыни.

– Да. Теперь я знаю это. И я люблю тебя. Но ты стремишься к смерти, Марико-сан.

– Ты не прав, мой милый. Моя цель – жизнь нашего господина. И твоя жизнь. Мадонна наверняка простит, благословит меня за это. Теперь твоя жизнь более важна.

– Но выхода нет. Ни для кого.

– Потерпи, солнце еще не село.

– Я не уверен в этом солнце, Марико-сан. – Он протянул руки и прикоснулся к ее лицу. – *Гомэн насай.*

– Я обещала тебе, что сегодня все будет как в «Камелиях». Потерпи... Я знаю Исидо, Отибу и других.

– Плевать мне на других! – ответил он по-португальски, у него стало совсем тяжело на душе. – Ты хочешь взять их на испуг, а Торанага знает, что делает?

– Что за мысли... – мягко произнесла она. – Этот день слишком короткий...

– Извини, ты опять права. Сегодня не время для таких разговоров. – Он внимательно разглядывал Марико: на лицо ее полосами падали тени от бамбуковых планок жалюзи. Тени ползли вверх и исчезали, по мере того как солнце опускалось за крепостную стену...

– Чем я могу тебе помочь?

– Верить в то, что будет завтра.

В какой-то момент он уловил выражение ужаса на ее лице, протянул к ней руки, обнял ее и держал так, пока она не справилась с тяжким чувством. Послышались приближающиеся шаги.

- Да, Тиммоко?
- Время, госпожа.
- Все готово?
- Да, госпожа.
- Подождите меня около пруда с лилиями.

Шаги удалились. Марико повернулась к Блэкторну и нежно поцеловала его.

- Я люблю тебя, – сказала она.
- Я люблю тебя, – ответил он.

Она поклонилась и вышла через дверь, он – следом.

Марико остановилась у пруда с лилиями, развязала оби и дала ему упасть. Тиммоко помогла ей снять голубое кимоно. Под ним на Марико было ослепительно-белое кимоно и оби, которые Блэкторн уже видел, – традиционное одеяние смертника. Она развязала ленту в волосах и отбросила ее в сторону, потом, оставшись в одном белом, пошла, не глядя на Блэкторна.

За садом все оставшиеся в живых коричневые выстроились по трем сторонам квадрата вокруг восьми татами, лежащих в центре главных ворот. Ябу и Кири в окружении дам сидели в ряд на почетном месте, повернувшись лицом на юг. В переулке так же церемонно выстроились серые, вперемежку с ними расположились остальные самураи – мужчины и женщины. По знаку Самиёри все поклонились, она ответила поклоном. Вперед вышли четыре самурая и растянули поверх татами малиновое одеяло.

Марико подошла к Кирицубо и поклонилась ей и остальным дамам. Они ответили на ее приветствие поклоном и защебетали, рассыпаясь в церемонных фразах. Блэкторн ждал у ворот. Он следил за тем, как она отошла от дам, приблизилась к малиновому квадрату и встала на колени в его центре, перед маленькой белой подушкой. Правой рукой она достала из-за оби узкий нож и положила его на подушку перед собой. Тиммоко вышла вперед и, также встав на колени, протянула ей маленькое чистое белое покрывало и бечевку. Марико тщательно расправила подол кимоно – служанка помогала ей, – потом бечевкой повязала одеяло вокруг груди. Блэкторн знал: это делалось для того, чтобы уберечь подол от крови и не измять во время предсмертной агонии...

Успокоившись и полностью приготовившись, Марико подняла взгляд на главную башню замка... Солнце все еще освещало верхний этаж, отражаясь золотом в черепицах, пламенеющий свет достиг вершины башни и пропал. Марико сидела не двигаясь и казалась крохотной белой каплей на малиновом квадрате. В переулке уже темнело, слуги зажигали факелы. Покончив с этим делом, они исчезли так же бесшумно и быстро, как и появились. Марико подалась вперед, взяла нож и посмотрела через ворота в дальний конец переулка, но он был тих и пуст, как и раньше. Она снова посмотрела на нож.

– Касиги Ябу-сама!

– Да, Тода-сама?

– По-моему, господин Кияма не хочет помогать мне. Пожалуйста, я была бы польщена, если бы вы стали моим помощником.

– Это честь для меня, – отвечал Ябу. Он поклонился, встал и зашел сзади, слева от нее. Его меч зазвенел, скользя по ножнам. Ябу твердо поставил ноги и двумя руками поднял меч. – Я готов, госпожа, – заявил он.

– Пожалуйста, подождите, пока я не сделаю второй разрез.

Она посмотрела на клинок, правой рукой перекрестила грудь, потом подалась вперед и подняла нож, поднеся его к губам недрогнувшей рукой, словно пробуя вкус полированной стали. Потом взяла нож поудобнее и теперь держала его правой рукой с левой стороны горла. В этот момент дальний конец переулка озарился светом факелов – приближалась группа людей во главе с Исидо. Марико не опустила ножа. Ябу все еще был как сжатая до предела пружина...

– Госпожа, – спросил он, – вы ждете или продолжаете? Я хочу помочь вам как можно лучше.

Марико с трудом удержалась от того, чтобы переступить последнюю грань.

– Я... Мы подождем... мы... Я... – Ее рука с ножом опустилась, она задрожала. Ябу расслабился. Меч со свистом вошел в ножны, а его обладатель вытер влажные ладони о бока.

Исидо остановился в воротах:

– Солнце еще не зашло, госпожа. Солнце все еще выше горизонта. Вы так стремитесь умереть?

– Нет, господин. Я стремлюсь повиноваться моему господину... – Она старалась унять дрожь в руках, сжав их.

Среди коричневых раздался возмущенный ропот, вызванный грубостью Исидо. Ябу приготовился к выпадку, но остановился, услышав, как Исидо громко произнес:

– Госпожа Отиба от имени наследника просила регентов сделать в вашем случае исключение. Мы согласились удовлетворить ее просьбу. Здесь разрешение для вас на выезд завтра утром. – Он сунул документы в руки Самиёри, стоявшего поблизости.

– Что, господин? – спросила Марико, ничего не понимая, уставшим голосом.

– Вы можете ехать. На рассвете.

– И... и Кирицубо-сан, и госпожа Садзуко?

– Разве это не часть вашего долга? Их пропуска здесь же.

Марико пыталась сосредоточиться:

– И... и ее сын?

– На него тоже есть пропуск, госпожа. – Исидо презрительно ухмылялся. – И на всех ваших людей.

Ябу, запинаясь, произнес:

– Пропуска на всех?

– Да, Касиги Ябу-сан, – сказал Исидо. – Вы у них главный, не правда ли? Пожалуйста, отправляйтесь сразу же к моему письмоводителю. Он выправит все ваши бумаги, хотя я не знаю, почему наши уважаемые гости хотят нас покинуть. Трудно управиться за оставшиеся семнадцать дней.

– А я, господин? – робко осведомилась старая госпожа Эцу – ей хотелось проверить, насколько серьезна победа Марико. Сердце у нее заболело, пульс участился. – Я... я могу тоже уехать?

– Конечно, госпожа Маэда. Почему мы должны держать здесь кого-то против воли? Разве мы тюремщики? Ничего подобного! Если гостеприимство наследника так для вас оскорбительно, что вы хотите уехать, уезжайте. Хотя я не понимаю, как вы собираетесь за семнадцать дней проехать четыреста ри до дома и столько же обратно.

– Пожалуйста, извините меня, гостеприимство наследника не оскор...

Исидо прервал ее ледяным голосом:

– Если вы хотите уехать, обратитесь к письмоводителю за разрешением, как положено. Это займет день или около того, но мы проследим, чтобы вы могли ехать, ничего не опасаясь. – Обращаясь ко всем собравшимся, он добавил: – Могут ехать все женщины, все самураи. Я уже говорил, что глупо уезжать за семнадцать дней, это обижает наследника. Это просто насмешка над ним, его гостеприимством, гостеприимством госпожи Отибы и регентов! – Он снова зло посмотрел на Марико. – Или попытка оказать на нас давление угрозами совершить сэппуку... Сэппуку дама должна совершать в уединенном месте, а не устраивать оскорбительный для всех спектакль! Мне не нужны смерти женщин – я борюсь с врагами наследника, но если женщины – его открытые враги, то я не откажу себе в удовольствии плюнуть на их трупы!

Исидо повернулся, прокричал приказы серым и удалился. Командиры стали повторять его распоряжения для остальных самураев, строить их и уводить от ворот, оставив несколько человек в качестве почетной стражи.

– Госпожа, – прохрипел Ябу, снова вытирая вспотевшие руки. Горький привкус рвоты стоял у него во рту, так переживал он несостоявшееся сэппуку. – Госпожа, все закончилось. Вы... вы выиграли... Вы победили...

– Да-да... – Марико обессиленными руками пыталась развязать узлы на бечевке.

Тиммоко подошла, распустила узлы, убрала покрывало и сошла с малинового квадрата. Все смотрели на Марико, ожидая момента, когда она сможет уйти.

Марико попробовала встать на ноги, но у нее ничего не получилось. Она попыталась во второй раз – снова не удалось. Повинуясь первому порыву, Кири подошла ей помочь, но Ябу покачал головой:

– Нет, она должна это сделать сама!

Кири пришлось отойти, затаив дыхание.

Блэкторн, стоявший у ворот, был вне себя от радости: Марико спасена! Он вспомнил, как сам был обессилен в ту ночь, когда чуть не совершил самоубийство, и должен был подняться сам, как мужчина, и идти домой без посторонней помощи, как мужчина, и стал самураем. У нее не хватает мужества. Что ж, все равно – он понимал ее и гордился ею...

Он видел, как Марико снова оперлась на малиновое одеяло, оттолкнулась от него. На этот раз она принудила себя встать. Ее качало, она чуть не рухнула, но все-таки заставила ноги слушаться и сделала шаг. Медленно сошла с малинового квадрата и, шатаясь, направилась к главному входу. Блэкторн решил, что она сделала достаточно – вытерпела свою меру и проявила немалое мужество. Он вышел вперед, подхватил ее на руки и поднял в тот самый момент, когда она потеряла сознание. Несколько секунд он стоял во дворе, гордясь тем, на что отважился. В его руках она казалась сломанной куклой. Постояв так, он направился в дом, и никто не тронулся с места и не помешал ему.

Глава 57

Нападение на занимаемую коричневыми часть замка началось в самое темное время ночи – за два-три часа до рассвета. Первая группа, из десяти ниндзя – печально известных «крадущихся», – поднялась на самый верх противоположной стены, которую перестали охранять серые. Ниндзя были наемники, мастера в воровстве и прочих малочетных занятиях: шпионаже, проникновении в охраняемые места, организации тайных убийств.

Эти десятеро бросили обмотанные тряпками крюки-кошки с веревками на соседнюю крышу и переправились через пространство, разделяющее строения, как черные пауки по паутине: плотно обтягивающие черные кимоно с черными же таби, черные маски, руки и лица покрыты черной краской. Легкое вооружение – цепные ножи и *сюрикэны*, маленькие, размером с ладонь, метательные диски в форме звезды, с игольно-острыми, намазанными ядом концами, – облегчало их задачу и не мешало передвижениям, как и заплечные сумки и короткие тонкие палки.

Все десять бесшумно достигли цели. Они собрали крюки, четверо опять забросили кошки за выступ и тут же скользнули вниз на веранду, в двадцати футах под ними. Как только они оказались там, не произведя ни малейшего шума, их товарищи отцепили крюки, бросили вниз и двинулись по черепицам дальше... Но вот черепица под ногой одного треснула – и все мгновенно замерли. Во дворе, тремя этажами ниже, Самиёри, делавший обход часовых, остановился и посмотрел вверх. Глаза его впились в темноту, он ждал не шевелясь, приоткрыв рот, чтобы лучше слышать, и медленно обводил взглядом крышу, где затаились ниндзя. Она была в тени, луна светила очень слабо, звезды едва виднелись во влажном воздухе. Темные фигуры стояли абсолютно неподвижно, бездыханные, почти столь же безжизненные, как и черепицы у них под ногами...

Самиёри опять обвел взглядом крышу, настороженно прислушиваясь, потом снова, все еще не успокоенный, вышел на середину двора – оттуда было лучше видно. Теперь в поле его зрения попали четверо ниндзя на веранде, но они были так же неподвижны, как все вокруг, и Самиёри их не заметил.

– Эй! – окликнул он часовых у ворот. – Засовы надежно заперты? Вы ничего не видели и не слышали?

– Нет, – отвечали встревоженные часовые. – Черепицы на крыше часто потрескивают, может, от сырости или от жары сдвигаются...

Самиёри приказал одному из них:

– Поднимись наверх и посмотри! Поосторожней! Скажи часовым на верхнем этаже, пусть пошарят там на всякий случай!

Часовой убежал. Самиёри еще раз посмотрел наверх, пожал плечами и, несколько успокоившись, продолжил обход. Самураи разошлись по своим местам, следя за тем, что происходит снаружи.

На коньке крыши и на веранде ниндзя ждали все в том же положении, замерев как вкопанные, они даже не моргали: их обучали часами оставаться в неподвижности. Но предводитель сделал знак, и они сразу задвигались, с помощью крюков и веревок спокойно пробрались на следующую веранду, откуда проскользнули внутрь через узкие проемы в гранитных стенах. Ниже этого верхнего этажа все остальные окна – бойницы для лучников – были очень узки, не протиснешься, как ни старайся. По следующему сигналу пробрались одновременно еще две новые группы.

Комнаты, куда они проникли, были погружены во тьму. Здесь, расположившись аккуратными тесными рядками, спали десять коричневых. Их убили быстро и почти бесшумно, большинству хватило одного удара ножом в горло – убийцы, хорошо подготовленные, безошибочно нашли своих жертв. Лишь один самурай начал отчаянно отбиваться, но его тревожный крик был заглушен в самом начале. Проверили всю комнату, двери, главарь вынул кремень и трут, зажег свечу и, прикрывая ее руками, осторожно поднес к окну, откуда трижды просигналил в ночь. За его спиной ниндзя проверяли, все ли коричневые мертвы. Командир повторил сигнал, отошел от окна и, сделав знак, чтобы все подошли к нему, заговорил на языке жестов.

Ниндзя развязали мешки и приготовили оружие для нападения: короткие, серповидной формы, обоюдоострые ножи, к рукоятке которых крепилась цепочка с грузом на конце, сюрикэны и метательные клинки. По следующему приказу некоторые достали из чехлов палки – это оказались выдвигаемые пики и духовые трубки, которые с удивительной скоростью вытягивались на полную длину.

Закончив приготовления, каждый садился на колени, устраивался лицом к двери и без видимых усилий замирал в неподвижности. Наконец все подготовились, и вожак задул свечу.

Когда городские колокола отбили середину часа тигра – четыре часа, час до рассвета, – в замок просочилась вторая половина ниндзя. Они бесшумно выскользнули из заброшенной трубы, по которой когда-то поступала вода для искусственных ручейков в саду. Эти ниндзя были вооружены мечами. Как и остальные, спрятавшиеся в тени, они заняли позиции среди кустов и мелких деревьев, сразу же став неподвижными и почти невидимыми. В это же самое время еще одна группа, из двадцати человек, забросила с земли веревки с крюками и стала забираться на стену, откуда просматривались двор и сад.

На стенах двое коричневых внимательно наблюдали за пустыми крышами через дворовой проход. Один оглянулся и увидел сзади крючья. Встревожившись, он показал на них товарищу, тот открыл было рот, чтобы закричать, но молниеносно в амбразуру проник ниндзя. Метнув сюрикэн в искаженное криком лицо самурая, он бросился к другому стражу – вытянутая рука ниндзя представляла собой страшное оружие, – выпрямил большой и указательный пальцы и парализовал противника ударом в шею. Еще один страшный удар с сухим треском сломал коричневому шею. Ниндзя прыгнул на первого, агонизирующего самурая, уцепившегося за сюрикэн, – колючки глубоко впились в рот и лицо жертвы, яд уже оказывал свое действие. Последним, нечеловеческим усилием умирающий самурай выхватил короткий боевой меч и нанес удар. Ниндзя, несмотря на глубокую рану и удушье, ударил коричневого в шею. Голова самурая откинулась назад, позвоночник сломался. Самурай умер, будучи еще на ногах.

Ниндзя истекал кровью, но не издал ни звука и все еще держал мертвого коричневого. Он стал осторожно опускать тело на каменные плиты, становясь рядом с ним на колени. К этому времени все ниндзя уже поднялись и стояли на стене. Они обошли раненого товарища и убедились, что на стене больше никого нет. Раненый все еще стоял на коленях около мертвых коричневых, держась за бок. Главарь осмотрел его рану: она сильно кровоточила. Он покачал головой и что-то сказал на языке жестов, ниндзя кивнул и с трудом пробрался в угол, оставляя за собой широкий кровавый след. Там он устроился поудобнее, привалившись к камню, и вынул сюрикэн. Несколько раз оцарапав

тыльную сторону руки шипами с ядом, он достал нож, нащупал нужную точку на горле и обеими руками изо всех сил вонзил клинок снизу вверх.

Главарь убедился, что ниндзя мертв, вернулся к тяжелым укрепленным дверям, которые вели внутрь, и осторожно открыл их. Послышались приближающиеся шаги – все отпрянуло назад, заняв позицию для боя. По коридору в западном крыле замка шел Самиёри с десятком коричневых. Двоих он оставил у дверей на стену и без задержки пошел дальше. Эти двое часовых вышли на стену в тот момент, когда Самиёри заворачивал за дальний угол коридора и начинал спускаться по винтовой лестнице. Внизу был еще один караул, двое самураев, стоявших на посту, поклонились ему, их тоже сменили.

– Соберите остальных и возвращайтесь к себе, отдохните. Вас разбудят на рассвете, – распорядился Самиёри.

– Да, господин.

Оба самурая двинулись вверх по лестнице, радуясь, что дежурство закончилось. Самиёри отправился вниз по следующему коридору, меняя часовых. Наконец он остановился перед дверью и постучал. С ним было двое часовых.

– Ябу-сан?

– Да? – раздался сонный голос.

– Извините, смена караула!

– Ах, спасибо, прошу вас, входите!

Самиёри открыл дверь, но настороженно остановился на пороге. Ябу был взъерошен, он лежал под одеялом, опираясь на локоть и держа другой рукой меч. Убедившись, что это Самиёри, он успокоился и зевнул:

– Что-нибудь новенькое?

Самиёри тоже почувствовал облегчение, покачал головой и, войдя в комнату, закрыл за собой дверь. Комната была большая, опрятная, на татами была постелена еще одна пара футонов, откинутый край верхнего тюфяка звал прилечь. Окна-бойницы возвышались над землей на тридцать футов, открывая взгляду кусочек широкой улицы.

– Все спокойно. Она сейчас спит... По крайней мере, ее служанка Тиммоко сказала, что спит. – Он подошел к низкому шкафчику, на котором потрескивала масляная лампа, и налил себе из кувшина

холодного зеленого чая. Рядом с кувшином лежал пропуск, принесенный Ябу из канцелярии Исидо.

Ябу еще раз зевнул и с наслаждением потянулся:

– А что делает Андзин-сан?

– Когда я последний раз делал обход, он не спал. Это было в полночь. Он просил меня не беспокоить его до рассвета – что-то такое связанное с их обычаями. Я не понял всего, что он сказал, но это не страшно – здесь кругом очень много охраны. Кирицубо-сан и остальные дамы успокоились, хотя сама Кирицубо-сан большую часть ночи не спала.

Ябу встал с постели – на нем была только набедренная повязка.

– Что она делала?

– Просто сидела у окна, глядя на улицу. Но там ничего не происходило. Я предложил ей лучше пойти поспать. Она вежливо поблагодарила, согласилась со мной, но осталась на том же месте. Женщина, что с нее взять?

Ябу несколько раз согнул и разогнул руки и яростно потер их, стремясь усилить кровообращение, потом стал одеваться.

– Ей следует отдохнуть. Сегодня нам предстоит длинное путешествие.

Самиёри поставил чашку:

– Думаю, все это хитрая уловка.

– Вы о чем?

– Я не верю, что Исидо нас отпустит.

– У нас есть разрешения – вот они. Перечислены все наши люди. Вы проверили фамилии. Как он может пойти на попятную, объявив публично о нашем выезде вместе с госпожой Тода? Невозможно!

– Не знаю, не знаю... Извините меня, Ябу-сан, но я думаю, что это какой-то трюк.

Ябу медленно завязывал пояс:

– Какой трюк?

– Мы попадем в засаду.

– Когда выйдем из замка?

Самиёри кивнул:

– Да, именно так.

– Он не посмеет.

– Посмеет. Он перебьет нас или задержит. Не могу себе представить, чтобы он отпустил ее, или госпожу Кирицубо, или госпожу Садзую с ребенком. Даже старую госпожу Эцу с остальными.

– Нет, вы не правы.

Самиёри печально покачал головой:

– Было бы лучше, если бы она совершила сэппуку, а вы ей помогли. А так ничего не решается.

Ябу взял мечи и засунул их за пояс. «Да, – подумал он. – Я с вами согласен. Ничего не решилось, и она не выполнила свой долг. Вы знаете это, я знаю это, Исидо тоже это понял. Позор! Если бы она была мертва, мы бы все уцелели! А так... Она вернулась из-за грани и опозорила нас, да и себя. *Сиката га най, нэ?* Глупая женщина!»

Но Самиёри он сказал:

– А я считаю, госпожа Тода выиграла, она победила Исидо. Он не осмелится напасть на нас. Спите спокойно, я разбужу вас на рассвете.

Самиёри снова покачал головой:

– Нет, спасибо, Ябу-сан, я лучше сделаю еще один обход. – Он подошел к окну и выглянул на улицу. – Что-то не так!

– Все тихо. Постойте, подождите-ка! Вы слышите?

Ябу подошел к Самиёри и притворился, что смотрит наружу, напряженно прислушиваясь, потом внезапно выхватил короткий меч и молниеносным движением вонзил его в спину Самиёри, другой рукой зажав ему рот, чтобы не вырвался крик. Самурай умер мгновенно. Стараясь держать тело на отлете, чтобы не испачкаться кровью, Ябу перенес Самиёри на футоны, положив его так, словно он спит, выдернул меч из раны и вытер, досадуя, что интуиция Самиёри вынудила его совершить незапланированное убийство. «Что ж, – подумал Ябу, – зато теперь он не будет здесь разнюхивать».

Еще раньше, когда Ябу вернулся из канцелярии Исидо со своими пропусками, он столкнулся с самураем, которого раньше никогда не видел.

– Вас приглашают к сотрудничеству, Ябу-сан.

– Какому и кто?

– Тот, кому вы сегодня сделали предложение.

– В обмен на безопасный выход вас и Андзин-сана вы позаботитесь, чтобы она была без оружия при нападении на вас во

время поездки. Пожалуйста, не хватайтесь за меч, Ябу-сан, – там четверо лучников только и ждут, когда вы что-нибудь затеете!

– Как вы осмеливаетесь делать мне такое предложение? Какое нападение? – блефовал он, чувствуя, как ослабели ноги.

Он не сомневался: посланный – от Исидо. Вчера после полудня через посредников он сделал Исидо тайное предложение в отчаянной попытке хоть как-то ослабить урон, который нанесла Марико его планам относительно черного корабля и всего его будущего. К этому времени Ябу понял, что разоружить ее, оставив в живых, было бы трудно, если не невозможно, – эта попытка опасна для обеих сторон...

– Ничего не знаю ни о каком нападении! – закричал он, страстно желая, чтобы рядом с ним была Юрико – вот кто помог бы выбраться из этой ловушки.

– Тем не менее от вас ждут помощи, хотя и не той, которую вы предлагали.

– Кто вы?

– За это вы получите Идзу, чужеземца и его корабль – в тот миг, когда голова главного врага слетит с плеч. При условии, конечно, что женщина будет захвачена живой, а вы останетесь в Осаке до главного дня и поклянетесь в верности.

– Чья голова? – Ябу пытался заставить свои мозги работать, но понимал только, что Исидо использовал просьбу прийти за пропусками как предлог, чтобы сделать ему тайное предложение и поторговаться.

– Так да или нет? – спросил самурай.

– Кто вы и о чем говорите? – Он поднял свиток. – Здесь пропуска господина Исидо! Даже господин военачальник не сможет отобрать их после всего, что произошло!

– Все так говорят. Но извините, скорее волны начнут гадить золотым песком, чем вам или еще кому-то позволят оскорблять господина Яэмона. Пожалуйста, не беритесь за меч!

– Тогда следите за тем, что говорите!

– Конечно, прошу прощения. Вы согласны?

– Я уже владею Идзу, и мне обещали отдать Тотоми и Суругу, – начал Ябу, собираясь поторговаться: хотя он и в ловушке, как Марико и Исидо, взять в плен госпожу Тода будет непросто.

– Вы правы, – отвечал самурай, – но я не уполномочен торговаться. Условия только такие. Так да или нет?

Ябу вытер меч и натянул простыню на лежащего словно во сне Самиёри. Потом полотенцем вытер пот с лица и рук, постарался успокоиться и открыл дверь. В нескольких шагах в коридоре ждали двое коричневых, они поклонились.

– Я разбужу вас на рассвете, Самиёри-сан, – бросил Ябу в темноту. Затем приказал одному из самураев: – Встаньте здесь! Никого не пускайте! Никого! Присмотрите, чтобы Самиёри-сан не беспокоили – ему нужно отдохнуть.

– Да, господин.

Самурай занял свой новый пост, а Ябу с другим часовым пошел по проходу и поднялся на несколько ступенек в главное помещение этого этажа. Он пересек его, направляясь к расположенным в восточном крыле залам для приемов и внутренним покоям, и скоро оказался в ведущем туда коридоре. Охранники поклонились и пропустили его. Еще один самурай открыл дверь в коридор, откуда можно было попасть в жилые комнаты. Ябу постучал.

– Андзин-сан? – тихонько позвал он.

Ответа не было. Он открыл дверь: комната была пуста, внутренние сёдзи слегка приоткрыты. Он нахмурился, потом сделал сопровождавшему его охраннику знак подождать и быстро прошел через комнату в плохо освещенный внутренний коридор. Остановила его Тиммоко – в руке она держала нож. Постель ее была разложена как раз в этом коридоре, у входа в одну из комнат.

– Ах, простите, господин, я со сна не разобрала... – Тон у нее был извиняющийся, она опустила нож, но не уступала дороги.

– Я ищу Андзин-сана.

– Он и моя хозяйка разговаривают с Кирицубо-сан и госпожой Атико.

– Пожалуйста, спросите, не смогу ли я повидать его.

– Конечно, господин. – Тиммоко вежливо поманила Ябу обратно в комнату, подождала, пока он не зайдет, и закрыла внутреннюю дверь.

Охранник в главном коридоре вопросительно смотрел на них. Через несколько секунд сёдзи отодвинулись и вошел Блэкторн. Он был одет, с коротким мечом на поясе.

– Простите, что беспокою вас, Андзин-сан. Я только хотел убедиться, все ли в порядке. Вы понимаете меня?

– Да, спасибо, не беспокойтесь.

– С госпожой Тода все в порядке? Она не заболела?

– Сейчас все прекрасно. Очень устала, но не более того. Скоро уже рассвет, так?

Ябу кивнул:

– Да. Я просто хотел убедиться, что все благополучно. Вы меня понимаете? – повторил он на всякий случай.

– Да. Сегодня после обеда вы сказали про план, Ябу-сан. Помните? Объясните, пожалуйста, что это за секретный план?

– Не секретный, Андзин-сан, – поправил Ябу, сожалея, что был так откровенен. – Вы неправильно поняли. Я сказал, что нужно выработать план... из Осаки очень трудно выбраться. Или бежать, или... – Ябу провел ребром ладони поперек горла. – Вы поняли?

– Да. Но теперь есть пропуск, не правда ли? Теперь можно безопасно выбраться из Осаки.

– Да, скоро выезжаем. На корабле очень удобно. Скоро будем набирать людей в Нагасаки. Вы понимаете?

– Да.

Проявляя все признаки дружелюбия, Ябу удалился. Блэкторн закрыл за ним дверь и вернулся через внутренний коридор, оставив внутреннюю дверь полуоткрытой. Он прошел мимо Тиммоко в следующую комнату. Марико полулежала, облокотившись на футоны: еще более хрупкая и красивая, чем всегда, она как будто стала чуточку меньше... Кири стояла на коленях на подушке. Сбоку, свернувшись клубочком, спала Атико.

– Что он хотел, Андзин-сан? – спросила Марико.

– Просто посмотреть, все ли в порядке.

Марико перевела его ответ Кири.

– Кири интересуется, спросили ли вы его о плане.

– Да, но он ушел от ответа. Видно, передумал – не знаю. Возможно, это мои фантазии. Мне показалось сегодня днем, будто он что-то замышляет или даже имеет какой-то план.

– Выдать нас?

– Конечно. Но я не знаю как.

Марико улыбнулась ему:

– А вы не ошиблись? Мы же теперь в безопасности...

Атико что-то пробормотала во сне, все посмотрели на нее: она и во сне просила разрешения остаться с Марико. Того же хотела и старая госпожа Эцу, громко храпевшая в соседней комнате. Остальные дамы на закате разошлись по своим помещениям. Все направили официальные просьбы разрешить им немедленный выезд. По мере того как смеркалось, по замку распространялись слухи, что завтра о том же попросят еще сто пятьдесят человек. Кияма послал за Атико, женой своего внука, но она не захотела покинуть Марико. Даймё сразу же отказался от нее и потребовал вернуть сына. Она подчинилась. Ее долго мучили кошмары, наконец она спокойно уснула.

Марико взглянула на Блэкторна:

– Как хорошо, что все успокоилось...

Когда она очнулась живой, а не мертвой, душа ее устремилась к нему. Первый час, пока они были одни, она лежала у него на руках.

– Ты жива, Марико, жива! Я уже видел тебя мертвой.

– Я думала, что умерла. Я еще не могу поверить, что Исидо сдался. Никогда за двадцать жизней... О, как я люблю, когда ты обнимаешь меня. Ты такой сильный...

– С того момента, как ты отдала приказ Ёсинаке, я думал, что не увижу ничего, кроме смертей. Твоей, своей, всех... Я участвовал в вашем плане?

– Со дня землетрясения, Андзин-сан. Пожалуйста, простите меня, но я не хотела... не хотела пугать вас. Боялась, что вы не сможете понять. Да, с того дня я знала, что моя карма – спасти заложников в Осацком замке. Только я могла сделать это для господина Торанаги. И теперь это сделано. Но какой ценой! Мадонна да простит меня...

Потом пришла Кири, и они сели порознь, но это не имело никакого значения. Достаточно было улыбки, взгляда, слова.

Кири подошла к окнам-бойницам: город просматривался до самого моря, где светились огоньки рыбацких лодок, возвращавшихся в гавань.

– Скоро рассвет, – сказала Кири задумчиво.

– Да, – откликнулась Марико. – Сейчас я встану.

– Скоро, но не сейчас. Пожалуйста, отдохните, Марико-сама. Вам нужно набраться сил.

– Хотела бы я, чтобы здесь был господин Торанага...

– Да-а...

– Вы подготовили письмо о... о нашем отъезде?

– Да, Марико-сама, еще один голубь вылетит на рассвете. Господин Торанага услышит о вашей победе сегодня, – пообещала Кири. – Он будет гордиться вами.

– Я так рада, что он оказался прав...

– О, пожалуйста, простите меня за то, что я сомневалась в вас и в нем...

– В глубине сердца я тоже сомневалась в нем. Простите и меня.

Кири снова повернулась к окну и посмотрела на город.

«Торанага не прав! – хотелось закричать ей. – Мы никогда не уедем из Осаки, сколько бы ни притворялись! Наша карма – остаться, его карма – терять...»

В западном крыле Ябу остановился у караулки. Самураи, сменяющие часовых, были уже наготове.

– Я собираюсь провести срочную проверку.

– Да, господин.

– Вы все подождете меня здесь. Вы пойдете со мной.

Он спустился по парадной лестнице, сопровождаемый только одним охранником. Внизу лестницы в первой прихожей стояли еще часовые, снаружи были сад и главный двор. Беглый взгляд показал, что все в порядке. Тогда он вернулся в крепость и, к удивлению охранника, спустился вниз, в помещение для слуг. Перепуганные слуги с трудом вырывались из объятий сна, торопливо кланялись. Ябу почти не замечал их. Он направлялся все глубже в недра крепости, вниз по лестнице, по редко используемым, но хорошо освещенным сводчатым переходам с сырыми, сильно заплесневелыми каменными стенами. В этих погребах не стояли часовые – тут нечего было охранять. Вскоре они стали снова подниматься вверх, приближаясь к наружным стенам.

Ябу внезапно остановился:

– Что это?

Коричневый самурай остановился, прислушался – и тут же погиб. Ябу вытер меч и затащил тело в темный угол, потом поспешил к еле заметной, сильно укрепленной маленькой железной двери в стене – ему сообщил об этой потайной двери посредник Исидо. Пришлось долго отворачивать проржавевшие болты, но вот звякнул последний, и

дверь распахнулась. Снаружи потянуло холодным воздухом. К горлу его метнулось копьё, но остановилось в самый последний момент. Ябу не двигался, почти парализованный страхом. На него внимательно смотрел ниндзя, почти неотделимый от темноты за дверью.

Ябу поднял трясущуюся руку и сделал условный знак:

– Я Касиги Ябу!

Одетый в черное, с капюшоном на голове, почти невидимый, главарь кивнул, но продолжал держать копьё наготове. Он сделал знак Ябу, и тот послушно отступил на шаг. Главарь, высокий, широкоплечий, с большими плоскими глазами в прорезях маски, прошел в коридор. Вид у него был очень усталый. Одним движением кисти он вонзил копьё в мертвого коричневого, вытащил оружие, потянув за цепь, прикрепленную к концу древка, подобрал цепь и постоял, внимательно прислушиваясь, нет ли признаков надвигающейся опасности. Наконец, удостоверившись, что все в порядке, он сделал знак в темноту. Сразу же двадцать человек бросились вверх по ступеням давно забытого хода на верхние этажи. Ниндзя несли с собой орудия убийств – цепные ножи, мечи и сюрикэны. Посредине их черных капюшонов был нашит красный лоскут. Вожак не обращал на них внимания, но не спускал глаз с Ябу и начал медленно загибать пальцы левой руки:

– Один... два... три...

Ябу чувствовал, что из прохода за дверью за ним наблюдает множество глаз, но сам никого не видел.

Теперь люди с красными нашивками поднимались по лестнице парами. Наверху пролета они остановились – дорогу преграждала дверь. Они подождали с минуту, потом попытались осторожно открыть ее, но она не поддавалась. Подошел один, со специальным инструментом, поддел дверь коротким стальным ломиком с крючком на одном конце и лопаточкой на другом и открыл. За дверью был еще один проход, более узкий, – все молча устремились по нему. На следующем углу им пришлось остановиться. Идущий впереди осмотрелся и сделал знак рукой идти по другому коридору. В дальнем конце через специальное отверстие в плотной деревянной панели, скрывавшей потайную дверь, просачивался свет. Ниндзя приложил глаз к отверстию и различил широкую комнату для приемов, двух серых и двух коричневых, охраняющих вход в жилые помещения. Он

оглянулся и кивнул остальным. Один из ниндзя загибал пальцы, ведя счет синхронно с главарем, который остался двумя этажами ниже. Все взгляды сосредоточились на считавшем. Внизу, в подвале, пальцы вожака двигались в прежнем темпе, отсчитывая мгновения, а глаза не отрывались от Ябу. Тот смотрел и ждал, вспотев от страха. Но вот вожак сжал пальцы в кулак и показал в низ коридора. Ябу кивнул, повернулся и медленно пошел тем же путем, что пришел сюда. Сзади опять начался неумолимый счет:

– Один, два, три...

Ябу знал, какому огромному риску подвергается, но у него уже не было выбора, и он еще раз проклял Мариико за то, что она вынудила его встать на сторону Исидо. Частью сделки было его обязательство открыть потайную дверь.

– Что за дверь? – подозрительно спросил он тогда.

– Друзья. Вот условный сигнал, а пароль – ваше имя.

– А потом они убьют меня, да?

– Нет. Вы слишком нужный человек, Ябу-сан: вы должны обеспечить проникновение внутрь.

Он согласился, да, но не обещал помогать ниндзя – ненавидимым и страшным легендарным наемникам, преданным только своей тайной сплоченной организации, единство которой крепилось узами родства. Ниндзя только кровных родственников посвящали в свои секреты: как плавать под водой на большие расстояния, влезать на почти гладкие стены, оставаться незаметными и неподвижными день и ночь, убивать голыми руками или ногами, владеть всеми видами оружия, устраивать отравления, поджоги и взрывы. Единственной целью жизни ниндзя было убийство за деньги.

Ябу старался идти размеренным шагом, грудь теснило – так больно поразило его открытие, что нападающие – ниндзя, а не ронины. «Исидо сошел с ума...» – думал Ябу. Все чувства его смешались, каждую минуту он ждал смерти от пики, стрелы или удавки... Но вот он оказался почти в самом углу, обернулся, убедился, что наконец в безопасности, крутанулся и помчался по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Вот он наверху, в коридоре со сводчатым потолком, поворот за угол, к помещениям для слуг...

Пальцы вожака все еще отмечали секунды, потом счет прекратился. Он сделал резкое движение рукой, подавая сигнал скрытым во мраке, и

бросился следом за Ябу. Из темноты вынырнули двадцать ниндзя, еще пятнадцать заняли оборону в двух концах коридора, охраняя путь к отступлению: под замком пчелиными сотами лепилась сеть заброшенных погребов и коридоров – они вели к одному из подземных ходов Исидо, проложенных подо рвом с водой и выводящих в город.

Ябу побежал еще быстрее, споткнулся в проходе, но сумел устоять на ногах и ураганом пронесся через помещения для прислуги, раскидывая горшки и чашки, бочонки и бутылки.

– Ниндзя-я-я-я! – ревел он.

Это была его собственная идея, чтобы спастись, если он попадет под подозрение, – в уговор такое не входило. Слуги разбежались в панике, вопили, пытались спрятаться под скамейками и столами. Ябу проскочил все помещение, пулей вылетел с другой стороны и по ступенькам понесся к главным коридорам – встретить коричневых, уже выхвативших мечи.

– Поднимайте тревогу! – орал Ябу. – Ниндзя!.. Там, среди слуг, оказались ниндзя!

Один самурай кинулся к главной лестнице, второй, подняв меч, смело бросился вперед и занял позицию у винтовой лестницы, ведущей вниз. Увидев его, слуги встали как вкопанные, потом с криками ужаса сбились в кучу, закрыв глаза и заслоняя руками голову. Ябу достиг главных дверей и через них выскочил на лестницу.

– Объявите тревогу! На нас напали! – кричал он, как было договорено, – тем самым он оповещал нападающих снаружи, чьей задачей было отвлечь внимание; главные силы атаковали через потайную дверь, чтобы пробраться в комнату для приемов, захватить Марико и скрыться до того, как план будет разгадан.

Самураи вертелись у ворот и на переднем дворе, не зная, откуда ждать нападения. Тем временем атакующие выбирались в сад из укрытий и окружали коричневых. Ябу отступил внутрь здания, коричневые самураи спускались из караулки вниз, торопясь прийти на помощь своим товарищам на улице.

К Ябу подбежал командир:

– Что происходит?

– Ниндзя на улице и среди слуг! Где Самиёри?

– Не знаю, наверное, у себя.

Ябу устремился вверх по ступенькам, в то время как все спешили вниз. В этот момент первые ниндзя, выбравшиеся из погреба, бросились в атаку. Сюрикэн с шипами вывел из строя одинокого стражника; слуг кололи копьями... Нападающие бросились в главный коридор, устроив шумную свалку и сбив с толку взбешенных коричневых, не знающих, откуда ждать следующей атаки. На верхнем этаже ожидающие боя ниндзя при первых криках открыли дверь, бросились на спешивших вниз коричневых и тут же их перебили. Меча отравленные стрелы и сюрикэны, ниндзя продолжали наступление, перепрыгивая через трупы. Их целью было захватить главный коридор на следующем этаже. Бешеную атаку подоспевших на помощь коричневых ниндзя быстро отбили: они раскручивали цепи с грузом и захлестывали ими шею противников или клинки, а потом в ход шли обоюдоострые ножи. Сюрикэны рассекали воздух, выводя из строя уцелевших самураев. Коричневые скоро были уничтожены. Среди ниндзя было несколько раненых, но и они, как бешеные звери, наскakивали до последнего, пока не падали замертво.

В саду ниндзя легко остановили первую волну подкрепления – коричневые выскочили в главную дверь, – но вторая волна мужественно кинулась в атаку и смела убийц за счет значительного численного превосходства. Злоумышленники отступили и сразу затерялись в темноте благодаря своей угольно-черной одежде. Обрадованные коричневые кинулись за ними, но попали в засаду и были перебиты.

Ниндзя с красными нашивками на одежде все еще лежали у комнаты приемов, терпеливо ожидая. Командир их следил за происходящим в комнате через потайной глазок: охранники из коричневых и серые, сопровождающие Блэкторна, стерегут тяжелую дверь в коридор, тревожно прислушиваются к долетающему снизу шуму побоища; перед дверью столпились стражи, серые и коричневые; не в силах больше ждать, командиры обеих групп приказывают всем своим людям выйти из комнаты для приемов и занять оборону в дальнем конце коридора... Теперь путь чист! Дверь во внутренний коридор открылась – за ней только командир серых, он уже уходит. И вдруг вожак с красной нашивкой увидел женщину: она подбегает к порогу, за ней – высокий чужеземец, следом спешит еще одна женщина... Он нашел ту, которая нужна! Выполнить задание!

Помочь родичам внизу! Охваченный жаждой убийства, вожак с красной нашивкой отдал приказ и кинулся в дверь. Слишком рано!

Блэкторн, увидев, как он приближается, мгновенно выхватил из-под кимоно пистолет и выстрелил. Пуля снесла вожаку затылок, и атака захлебнулась. Одновременно командир серых бросился назад и яростно атаковал, зарубив одного ниндзя. На него тут же накинута целая группа ниндзя – командир погиб, но этих нескольких секунд Блэкторну хватило, чтобы затащить Марику за дверь и захлопнуть ее. Он схватил железный брус и всунул его на место как раз тогда, когда несколько ниндзя обрушились на дверь, а остальные бросились защищать главный вход.

– Боже мой! Что здесь происходит?

– Ниндзя! – закричала Марики.

Кири, госпожа Садзуко, госпожа Эцу, Атико, Тиммоко и остальные служанки в ужасе выскакивали из своих комнат. На дверь обрушился град ударов.

– Быстрее туда! – Кири устремилась вглубь помещения.

Женщины гурьбой поспешили за ней, две служанки помогали идти госпоже Эцу. Блэкторн следил за дверью: под бешеными ударами ломов ниндзя она начала заметно поддаваться – отдельные доски уже раскололись... Он бросился к себе за мечами и пороховницей.

В зале для приемов ниндзя уже разделались с шестью коричневыми и серыми у главного входа и сломили сопротивление тех, кто оказался в коридоре, но в ходе этой схватки сами потеряли двоих убитыми и двоих ранеными. Им удалось закрыть и надежно запереть двери.

– Быстрее! – рявкнул новый вожак ниндзя с красной нашивкой.

Его люди с ломами не нуждались в подстегивании – они бешено надели на дверь, пытаясь ее взломать. Вожак мгновение постоял над телом брата, ожесточенно пнул его ногой – внезапной атаки не получилось из-за его глупой поспешности – и присоединился к своим людям.

В коридоре Блэкторн лихорадочно пытался зарядить пистолет, слушая, как трещит дверь под ударами. «Насыпать пороха, забить пыж... поаккуратней... Вот уже одна филенка треснула... Еще пыж... забить его потуже, потом пулю, еще пыж... И петля не выдержала –

конец лома появился... Дальше надо аккуратно сдуть с полки замка лишний порох...»

– Андзин-сан! – откуда-то из внутренних комнат закричала Марико. – Скорее!

Но Блэкторн не обращал внимания на крики. Он подошел к двери и, приложив ствол к трещине на высоте живота, спустил курок. С другой стороны раздался крик, удары по двери прекратились. Он отступил и снова стал заряжать пистолет. «Сначала порох, потом примять его... Дверь опять затряслась, опять они ломаются... надают плечом, лупят кулаками, ногами – чем придется. Снова пыж и пуля, еще бумаги для запыживания...» Дверь затрещала и подалась, болт отскочил и зазвенел, упав.

Кири торопилась вниз по внутреннему проходу, судорожно хватая ртом воздух, остальные почти несли на руках госпожу Эцу, Садзуко плакала:

– Куда мы, уже некуда идти...

Но Кири, спотыкаясь, вбежала в очередную комнату, пересекла ее и отодвинула сёдзи – за ними в каменной стене обнаружилась обитая железом дверь. Она легко распахнулась, хорошо смазанные петли даже не скрипнули.

– Это... это потайное убежище моего господина... – задыхаясь, объяснила Кири, входя внутрь, но внезапно остановилась: – Где Марико?

Тиммоко развернулась и бросилась назад.

В первом коридоре Блэкторн аккуратно сдул лишний порох с полки и опять подошел к двери: она почти развалилась, но еще оставалась преградой между ним и ниндзя. Он выстрелил. Снова раздался крик, но после минутного замешательства удары возобновились! Отскочил еще один болт, вся дверь мелко затряслась. Блэкторн стал перезаряжать пистолет.

– Андзин-сан! – отчаянно звала его Марико из дальнего конца коридора.

Он бросил свое занятие, подхватил мечи и кинулся к ней. Марико побежала, увлекая его за собой. Дверь наконец развалилась, появились ниндзя и ринулись в погоню.

Марико летела, не чужая под собой ног, Блэкторн следовал за ней по пятам. Она пронеслась через комнату, зацепилась за что-то юбками и

упала. Он схватил ее и протащил через комнату. Навстречу выступила Тиммоко.

– Быстрее! – кричала она, дожидаясь, пока они проскочат мимо. Немного пробежав за ними, она повернула назад и встала, приготовив нож...

В комнату ворвались ниндзя. Тиммоко, вытянув руку с ножом, бросилась на первого из нападавших, тот легко отразил удар и, словно куклу, откинул ее в сторону, стремясь догнать Блэкторна и Марико. Последний ниндзя ногой переломил Тиммоко шею и припустил за остальными.

Юбки мешали Марико бежать, хотя Блэкторн и пытался помочь как мог. Они пересекли комнату, свернули вправо, в другую, и он увидел дверь, за которой их ждали вконец перепуганные Кири и Садзуко. У них за спиной Атико и служанки суетились вокруг старухи. Блэкторн втолкнул Марико в укрытие и остановился у входа с незаряженным пистолетом в одной руке и мечом в другой, ожидая Тиммоко. Где она? Он поспешил назад, но, услышав топот ниндзя, остановился и бросился обратно в комнату. Едва Блэкторн захлопнул дверь, как на нее обрушились копья и сюрикэны, скользящие по железу. Опять едва он успел вставить на место засовы, как нападающие со всей силой набросились на дверь.

Блэкторн возблагодарил Бога за спасение и, убедившись в прочности двери – ломami разбить ее нелегко, у них есть какое-то время, – восславил Господа еще раз. Пытаясь успокоить дыхание, он огляделся: Марико, стоя на коленях, судорожно глотает воздух; шестеро служанок, Атико, Кири, Садзуко, рядом, с посеревшим лицом, почти без сознания, лежит старая госпожа Эцу. Комната крохотная, стены каменные, боковая дверь ведет на маленькую площадку в крепостной стене... Он пробрался к окну и выглянул: угловой выступ, над которым сооружена площадка, нависает над переулком и двором; снизу слышны звуки битвы, стоны, боевые кличи. В переулке и на противоположной стене – несколько серых, самураи без формы. Ворота внизу заперты, их обороняют ниндзя.

– Что происходит, черт побери?.. – У Блэкторна вдруг защемило сердце.

Никто ему не ответил, он вернулся к Марико, стал около нее на колени и осторожно потряс за плечо:

– Что здесь происходит?

Но она не в силах была что-либо произнести.

Ябу бежал по широкому коридору в западное крыло, где располагались спальни. Завернув за угол, он вынужден был остановиться: впереди большая толпа самураев с боем отступала под яростной контратакой нападающих сверху ниндзя.

– Что здесь происходит? – закричал Ябу, перекрывая шум. «Ниндзя ведь должны быть только внизу...»

– Они напали на нас! – задыхаясь, ответил один из самураев. – Спустились сверху...

Ябу выругался, поняв, что его обманули – не раскрыли всего плана атаки.

– Где Самийери?

– Видимо, погиб... Они захватили все крыло, господин! Вам повезло – вы спаслись... Они напали после того, как вы ушли... Что надо этим ниндзя?

Их внимание привлекли новые крики: в дальнем конце коричневые предприняли атаку из-за угла, прикрывающего самураев с пиками. Они оттеснили ниндзя назад и бросились их преследовать, но их накрыло целым облаком сюрикэнов... Несколько минут – и преследователи погибли, перекрыв своими телами проход. Они умирали в страшных конвульсиях, вызванных действием яда. Остаткам коричневых пришлось отступить и перегруппироваться.

Ябу, остановившийся на безопасном расстоянии, кричал:

– Пришлите лучников!

Тут же несколько человек бросились выполнять его приказание.

– Из-за чего такое нападение? Почему их так много? – снова спросил самурай с лицом, вымазанным кровью – она лилась из раны в щеке. – Эти презренные... эти ниндзя атакуют всегда в одиночку или небольшими группами. Исчезают так же быстро, как и появляются, – если достигают своей цели.

– Не знаю... – ответил Ябу.

Эта часть замка была заполнена людьми, живыми и мертвыми, стоял страшный шум. Коричневые все еще не скоординировали свои действия, пораженные ужасающей стремительностью и неожиданностью нападения.

– Если бы... если бы здесь был господин Торанага, я бы мог понять. Это значило бы, что Исидо приказал провести внезапную атаку. Но почему же сейчас? – размышлял вслух самурай. – Здесь нет ничего и никого... – Внезапно он замолчал, сразу все поняв. – Госпожа Тода! – Ябу пытался не обращать на него внимания, но тот заревел: – Они охотятся за ней, Ябу-сан! Они должны захватить госпожу Тода! – и устремился в восточное крыло здания.

Ябу поколебался и последовал за ним.

По пути в восточное крыло им предстояло пересечь центральную лестничную площадку. Здесь теперь хозяйничали ниндзя. Повсюду лежали мертвые самураи – они погибли совсем недавно. Получив известие, что их любимый вождь в опасности, они в бешеной атаке пробились сквозь заслон ниндзя, но скоро все были уничтожены. И вот появились с громкими криками их товарищи, новость об их прибытии тут же распространилась среди сражающихся, и они удвоили усилия. Ябу с ходу кинулся в атаку, стараясь, насколько возможно, не подвергать себя опасности. Один ниндзя открыл заплечную сумку, поджег тыквенную фляжку с порохом и бросил ее в самую гущу коричневых. Она ударилась о стенку и взорвалась, заполнив пространство огнем и дымом. Ниндзя тут же пошли в контратаку, отбросив коричневых в самый огонь. Под завесой дыма к ниндзя устремилось пополнение с нижнего этажа.

– Отступить и перегруппироваться! – прокричал Ябу в одном из коридоров, расходящихся от главной лестничной площадки.

Ему хотелось оттянуть время. Он надеялся, что Марико уже схвачена и унесена через подземный ход, и ожидал сигнального рожка, извещающего: цель достигнута, всем ниндзя прекратить атаку и отступить! Но тут группа коричневых бросилась сверху по лестнице и в смертельной атаке пробила брешь в обороне ниндзя. Они погибли все. Остальные тоже не выполнили приказа Ябу и начали атаку. Ниндзя взорвали еще несколько фляжек, подожгли драпировки на стенах. Пламя уже лизало стены, искрами подожгло татами. Вдруг вспышка огня охватила группу ниндзя, превратив ее в вопящий живой факел. Загорелось кимоно самурая, тот бросился к ниндзя и сгорел вместе с ними. Один из самураев, самый здоровенный, пользуясь мечом как боевым топором, проложил себе путь среди свалки. За ним последовали еще десять человек, и, хотя двое при этом были убиты, а

четверо – смертельно ранены, остальные открыли себе дорогу и бросились в восточное крыло здания. Вскоре за ними пробились еще десять человек. Ябу без особой опасности для себя возглавил следующую атаку: оставшиеся ниндзя стали в строгом порядке отходить на нижний этаж по заранее подготовленному пути. Началась битва за тупик в восточном крыле здания...

В это время в маленькой комнате с каменными стенами все напряженно смотрели на дверь. Снаружи доносился скрежет, стук, потом стал слышен глухой голос. Двое служанок зарыдали.

– Что он сказал? – спросил Блэкторн.

Марико облизала сухие губы.

– Он сказал, чтобы мы открыли дверь и сдались, или он взорвет ее.

– Они могут сделать это, Марико-сан?

– Не знаю... Они могут, конечно, применить порох. – Рука Марико потянулась к поясу. – Где мой нож?

Все женщины стали проверять, есть ли у них ножи: у Кири не было, у Садзуко – тоже, ни у Атико, ни у госпожи Эцу... У Блэкторна – пистолет и длинный боевой меч. Короткий меч выпал при стремительном бегстве. Глухой голос раздался снова. Он стал еще более злым и требовательным... Все взгляды обратились к Блэкторну. Но Марико знала: ее предали и время ее закончилось.

– Он говорит: если мы откроем дверь и сдадимся, все будут свободны, кроме вас. – Марико отбросила прядь волос со лба. – Он говорит: вы нужны им как заложник, Андзин-сан. Это все, что им нужно...

Блэкторн подошел, собираясь открыть дверь, но Марико в отчаянии преградила ему путь:

– Нет, Андзин-сан, это только хитрость! Простите меня, но им нужны не вы, они хотят меня! Не верьте им! Я им не доверяю!

Он улыбнулся ей, слегка похлопал по плечу и взялся за один из засовов.

– Дело не в вас – им нужна я, это только хитрость! Клянусь вам! Не верьте им, пожалуйста. – Она взялась за его меч. Ей удалось наполовину вытащить клинок, прежде чем он понял, что она делает. Блэкторн схватил ее за руку.

– Нет! – приказал он. – Прекратите!

– Не отдавайте меня в их руки! У меня нет ножа! Пожалуйста, Андзин-сан! – Она пыталась освободиться от его хватки, но он, отстранив ее, положил руку на верхний засов.

– *Додзо!* – сказал он остальным, пока Марико отчаянно пыталась остановить его.

Атико вышла вперед, убеждая Блэкторна не слушать Марико, которая пыталась освободиться и кричала:

– Пожалуйста, Андзин-сан, это только хитрость! Ради Бога!

Наконец он толчком открыла верхний засов.

– Им нужно захватить меня живой! – отчаянно кричала Марико. – Разве вы не видите? Взять меня в плен – разве не понятно? Они хотят взять меня живой, и тогда все будет зря... Завтра Торанага пересечет границу! Я прошу вас! Это всего лишь хитрость! Ради бога!

Атико обхватила Марико руками и пыталась оттащить ее, умоляя Блэкторна открыть дверь:

– *Исогу, исогу*, Андзин-сан!..

Блэкторн открыл центральный засов.

– Ради Бога, не позволяйте сделать все смерти бессмысленными! Помогите мне! Помните, вы обещали!

На этот раз суть того, о чем взывала Марико, дошла до него, и Блэкторн в панике начал задвигать засовы.

Его остановили яростные удары, обрушившиеся на дверь, – железо звенело о железо, потом послышался голос, короткое яростное крещендо... И вдруг все звуки за дверью оборвались. Женщины отскочили к дальней стене и съежились там.

– Уходите от двери! – закричала Марико, бросаясь за ними. – Он собирается взорвать дверь!

– Задержите его, Марико-сан! – Блэкторн подскочил к боковой двери, которая вела к крепостным стенам. – Скоро здесь будут наши люди! Придумайте что-нибудь с засовами... что они застревают... что-нибудь... – Он налег на верхний засов боковой двери, но тот сильно заржавел. Марико послушно подбежала к двери и стала создавать видимость, что пытается открыть центральный засов, умоляя ниндзя погодить. Потом она начала гремять нижним засовом.

Снова голос – еще яростнее. Марико удвоила свои слезные мольбы.

Блэкторн бил рукой по задвижке, но она не поддавалась. За ним беспомощно следили женщины. Наконец засов с шумом сдвинулся с

места. Марико пыталась отвлечь внимание от этого звука, а Блэкторн принялся за последний. Руки у него кровоточили. Вожак ниндзя за дверью возобновил свои грозные предупреждения. Блэкторн в отчаянии схватил меч и начал бить по засову рукояткой, как дубинкой, не заботясь уже о шуме. Марико как могла старалась заглушить его. Засов казался приваренным.

За дверью вожак ниндзя с красной нашивкой чуть не сошел с ума от ярости: существование потайного укрытия было совершенно не предусмотрено. Вождь рода приказал ему захватить живой Тода Марико, убедиться, что она безоружна, и передать ее серым, которые будут ждать у выхода из подземелья. Он знал, что время уходит, слышал звуки ожесточенного сражения в коридоре, снаружи комнаты для приемов, и с досадой подумал, что они уже выбирались бы из безопасного подземного хода, выполнив свою задачу, если бы не эта тайная крысиная нора и его чересчур ретивый дурак-братец, который начал атаку слишком рано...

«Карма иметь такого брата!»

Держа в одной руке зажженную свечу, он другой сыпал порох. Получилась длинная дорожка, ведущая к мешочкам с порохом, – они принесли их в заплечных сумках на случай отступления, чтобы взрывать секретные проходы в подземельях. Теперь нужно было решить, взрывать ли дверь. С одной стороны, он не видел иного способа проникнуть внутрь, с другой – эта женщина, Тода, стояла за дверью. Взрыв наверняка убьет ее вместе со всеми, кто там засел, он не выполнит свою задачу, и все жертвы окажутся напрасными. Донесся шум торопливых шагов, появился один из его помощников.

– Быстрее! – прошептал он. – Мы не можем больше их удерживать! – И убежал.

Вожак с красной нашивкой решился. Махнув рукой своим людям, чтобы те спрятались, он закричал, предупреждая укрывшихся за дверью:

– Отойдите подальше! Я взрываю дверь! – Он поджег пороховую дорожку и отпрыгнул в безопасное место. Порох затрещал, вспыхнул, огонек побежал к мешкам...

Блэкторну удалось наконец справиться с последним засовом, боковая дверь распахнулась. В комнату ворвался свежий ночной ветер. Женщины устремились на веранду. Старая госпожа Эцу упала, он подхватил ее и вытащил наружу, потом вернулся за Мариико, но она прижалась спиной к двери и твердо заявила:

– Я, Тода Мариико, протестую против этого подлого нападения своей смертью...

Он прыгнул к ней, но его отбросило в сторону. Дверь сорвало с петель. Взрывная волна ворвалась в комнату и отразилась от противоположной стены. Она сбила с ног Кири и остальных женщин, хотя те и были снаружи, на крепостной стене, но серьезно никто не пострадал. В комнату сразу потянулся дым, но быстрее его ворвались ниндзя. Искореженная железная дверь валялась в углу.

Вожак с красной нашивкой стал на колени около Мариико, остальные рассыпались кругом, заняв оборонительную позицию. Главарь сразу понял, что женщина сильно пострадала от взрыва и скоро умрет. «Карма», – подумал он и вскочил на ноги. В углу лежал оглушенный Блэкторн, кровь струилась у него из носа и ушей, он с трудом приходил в себя. Рядом валялся погнутый пистолет, теперь совершенно бесполезный. Вожак с красной нашивкой сделал шаг вперед – и остановился. В дверях появилась Атико. Ниндзя посмотрел на нее и тут же понял, кто это. Потом снова опустил глаза на Блэкторна, который внушал ему презрение: чужеземец затеял подлую стрельбу из-за двери, и это стоило жизни одного из его людей и раны у другого. Потом снова посмотрел на Атико и вынул нож... Она отчаянно защищалась, но он ударил ее ножом под левую грудь. Она умерла мгновенно, пока падала на пол. Ниндзя равнодушно вытащил нож из скрюченного трупа. Он выполнил последний из полученных им приказов, который, как он думал, исходил от Исидо, хотя этого не доказать: если им не повезет и госпожа Тода сумеет покончить с собой, он должен оставить ее нетронутой – не предьявлять ее голову; спасти чужеземца; оставить живыми всех женщин, кроме Киямы Атико. Он не знал, почему ему приказали убить ее, но приказ был, и деньги уплачены, так что ей пришлось умереть...

Ниндзя подал сигнал к отходу. Один из его людей поднес к губам изогнутый рог, и пронзительный звук эхом отозвался по всему замку и разнесся далеко в ночи. Вожак еще раз осмотрел Мариико.

Окончательно убедился, что Атико мертва. И наконец проверил, жив ли чужеземец, – чтоб ему сдохнуть, собаке! Потом развернулся и начал отступать через комнаты и коридоры в сторону зала для приемов. Ниндзя защищали центральный вход, пока не прошли все нападавшие с красными нашивками, потом метнули в коридор еще несколько дымовых и зажигательных фляжек и начали отступление. Их прикрывал вожак нападавших с красными нашивками. Дождавшись, пока все окажутся в безопасности, он раскидал несколько горстей едва заметных проволочных ежей – маленьких колючих шариков со смертельным ядом на шипах – и ускользнул, как только коричневые ворвались в зал для приемов. Несколько человек бросились за ним, остальные свернули в коридор. Раздались стоны и крики – преследователи наступали подошвами на шипы и тут же погибали.

Единственным звуком, нарушавшим безмолвие в маленькой комнате, было тяжелое дыхание Блэкторна. На крепостной стене стояла Кири, ее шатало, кимоно было порвано, локти и кисти рук кровоточили. Она качнулась в сторону, уткнулась взглядом в Атико и закричала. Потом шагнула к Марико и опустилась возле нее на колени. Еще один взрыв где-то в замке поднял в комнате пыль, послышались крики и отдаленные возгласы: «Пожар!»

В комнату повалил дым. Садзуко и служанки вскочили на ноги. Садзуко была вся в синяках, лицо и плечи в ссадинах, кисть сломана. Увидев Атико, она в ужасе открыла рот и взвыла...

Кири молча посмотрела на нее и показала на Блэкторна. Молодая женщина, спотыкаясь, направилась к Кири, увидела Марико и зарыдала. Но ей все же удалось овладеть собой. Она вернулась к Блэкторну и попыталась помочь ему встать на ноги. Служанки кинулись помогать ей. Он схватился за них и попробовал удержаться на ногах, но зашатался и упал, кашляя и захлебываясь рвотой, кровь все еще сочилась у него из ушей. Ворвавшиеся в комнату коричневые в ужасе озирали открывшееся их глазам зрелище.

Кири стояла на коленях около Марико. Один из самураев поднял ее, остальные столпились вокруг. Вошел мертвенно-бледный Ябу – все расступились. Увидев, что Блэкторн жив, Ябу сразу успокоился.

– Приведите лекаря! Быстро! – приказал Ябу и опустился на колени около Марико. Лицо у нее почти не пострадало, но все тело было изуродовано. Ябу сорвал с себя кимоно и накрыл им Марико.

– Быстрее за лекарем! – отрывисто приказал он, потом повернулся к Блэкторну и помог ему поудобнее устроиться у стены. – Андзин-сан! Андзин-сан!

Блэкторн все еще был в шоке, в ушах у него звенело, глаза едва что-то различали, лицо покрывали синяки и пороховые ожоги. Потом в глазах у него прояснилось, он как будто разглядел Ябу, но расплывчатый силуэт качало. Запах порохового дыма действовал одуряюще – Блэкторн не мог понять, где он, кто он. Чувствовал только, что он на борту корабля, ведет бой... его корабль поврежден и нуждается в нем... Но тут взгляд его упал на Марику, и он все вспомнил... Шатаясь, Блэкторн встал с помощью Ябу и подошел к ней. Казалось, Марику спокойно спит. Блэкторн тяжело рухнул на колени и откинул в сторону кимоно, но снова быстро накрыл ее. Пульс почти не прослушивался, потом вовсе исчез... Некоторое время Блэкторн оставался в том же положении – глядя на нее, шатаясь, чуть не падая. Появился лекарь, покачал головой и что-то сказал – Блэкторн не расслышал, не понял. Он знал только, что смерть настигла ее и он теперь тоже умер.

Блэкторн перекрестил Марику, произнес по-латыни слова, необходимые, чтобы успокоить ее душу, и стал молиться о ней, хотя изо рта не вылетало ни единого слова. Исполнив свой долг, он снова постарался встать и даже выпрямился. Но тут голова его словно бы взорвалась, в глазах вспыхнул пурпурный свет, и Блэкторн осел... Его заботливо подхватили, уложили на полу и оставили приходить в себя.

– Он умер? – спросил Ябу.

– Почти. Непонятно, что у него с ушами, Ябу-сама, – ответил лекарь. – Возможно, еще и внутреннее кровотечение.

Один из самураев нервно произнес:

– Нам бы лучше поторопиться, вынести их отсюда... Огонь может распространиться во все стороны, и мы окажемся в ловушке.

– Да, – согласился Ябу.

Еще один самурай срочно позвал его на стену, и ему пришлось уйти.

Старая госпожа Эцу лежала у стены, за ней ухаживала служанка. Лицо у госпожи Эцу было серое, глаза слезились... Она внимательно посмотрела на Ябу, с трудом узнавая, кто это.

– Касиги Ябу-сама?

- Да, госпожа.
- Вы здесь старший?
- Да, госпожа.

Старая женщина сказала служанке:

- Пожалуйста, помоги мне встать.
- Но вам лучше бы подождать лекаря.
- Помоги мне встать!

Самураи на крепостной стене смотрели, как она встает, поддерживаемая служанкой.

– Послушайте, – заговорила она в абсолютной тишине хриплым, прерывающимся голосом, – я, Маэда Эцу, жена Маэды Ариноси, правителя Нагато, Ивами и Аки, свидетельствую, что Тода Марико сама лишила себя жизни, чтобы избежать позорного плена, которым угрожали ей эти ужасные негодяи. Я свидетельствую, что... Кияма Атико бросила вызов ниндзя, лишив себя жизни, чтобы не подвергнуться риску попасть в плен... Что, если бы не смелость этого самурая-чужеземца, госпожа Тода была бы захвачена в плен и опозорена. Все мы, кто остался в живых, должны быть благодарны ему, и наши господа должны быть благодарны ему за то, что он спас нас от позора... Я обвиняю господина военачальника Исидо в том, что он подстроил это позорное нападение... и предал наследника и госпожу Отибу... – Старая дама покачнулась и чуть не упала, служанка зарыдала и подхватила ее под руки. – И... и господин Исидо предал их и Совет регентов. Прошу вас быть свидетелем того, что я больше не могу жить с таким позором...

- Нет-нет, хозяйка, – всхлипывала служанка, – я не позволю вам...
- Отойди! Касиги Ябу-сан, пожалуйста, помогите мне! Отойди!

Ябу подхватил госпожу Эцу – старая женщина была почти невесома – и приказал служанке отойти. Та повиновалась. Госпожу Эцу мучили сильные боли, она дышала с трудом...

– Я подтверждаю, что все это правда, своей смертью, – произнесла она слабым голосом и подняла глаза на Ябу. – Я почла бы за честь, если бы вы помогли мне. Пожалуйста, помогите мне выйти на стену.

- Нет, госпожа, вам незачем умирать.

Она спрятала лицо от остальных и прошептала ему на ухо:

– Я уже умираю, Ябу-сама. У меня внутреннее кровотечение – что-то там лопнуло при взрыве... Помогите мне выполнить мой долг... Я

старая, от меня нет никакой пользы, последние двадцать лет меня преследуют боли... Пусть моя смерть тоже поможет нашему господину... – В ее тусклых глазах мелькнул огонек.

Ябу осторожно поднял ее и гордо стал рядом с ней на контрфорсе, двор был далеко внизу, под ними... Ябу поддерживал ее, пока все присутствующие низко кланялись старой госпоже.

– Я сказала правду. Я свидетельствую это своей смертью, – заявила она, одиноко возвышаясь над бездной, голос ее прерывался. Она закрыла глаза, прощаясь со всеми, и шагнула вниз навстречу своей смерти.

Глава 58

Регенты собрались в большом зале на втором этаже главной башни: Исидо, Кияма, Дзатаки, Ито и Оноси. Рассветное солнце отбрасывало длинные тени, запах гари все еще висел в воздухе. Присутствовала здесь и сильно встревоженная госпожа Отиба.

– Извините, господин Исидо, я не согласен, – говорил Кияма своим невыразительным, скрипучим голосом. – Невозможно не заметить, что госпожа Тода совершила сэппуку. Невозможно не заметить смелости моей внучки. Свидетельства госпожи Маэда и ее смерти. Смерти ста сорока семи самураев Торанаги. Ну и того, что часть замка почти вся выгорела! Это нельзя оставить просто так!

– Я тоже так думаю, – заявил Дзатаки. Он прибыл вчера утром из Такато и, когда узнал все подробности противостояния Марико с Исидо, втайне восхитился. – Если бы вчера мы разрешили ей уехать, как я советовал, не попали бы сегодня в такую ловушку.

– Все не так страшно, как вы думаете. – Рот Исидо превратился в одну жесткую складку. Отиба в этот момент возненавидела его и за неудачу, и за то, что он втянул их всех в скверную историю. – Ниндзя напали с одной целью – грабить.

– А добыча – это чужеземец? – насмешливо осведомился Кияма. – Они предприняли такое нападение ради одного этого варвара?

– Почему бы и нет? Его могли потом выкупить. – Исидо обернулся и посмотрел на даймё, который сидел рядом с Ито Тэрудзуми и Дзатаки. – Христиане в Нагасаки много заплатили бы за него, живого или мертвого.

– Возможно, – согласился Дзатаки. – Чужеземцы воюют именно таким образом.

Кияма жестко произнес:

– Вы полагаете, что христиане задумали и оплатили это позорное нападение?

– Я сказал, что это возможно. И это действительно возможно.

– Да, хотя и непохоже, – вмешался Исидо, не желая открытой ссорой нарушать установившееся среди регентов равновесие сил. Он все еще был взбешен, что шпионы не предупредили его о тайном убежище Торанаги. Он не понимал, как это убежище устроили столь

скрытно, что даже слухов никаких не было. – Я считаю, что ниндзя собирались просто грабить.

– Весьма разумно, очень правильно, – поддакнул со злобным блеском в глазах Ито, маленький, средних лет человек с прекрасными, богато украшенными мечами. Хотя его, как и всех, только что подняли с постели, он был раскрашен, как женщина, зубы зачернены. – Да, господин Исидо. А что, если ниндзя собирались требовать выкупа не в Нагасаки, а в Эдо, у господина Торанаги? Ведь чужеземец его вассал?

При упоминании этого имени Исидо нахмурился:

– Я думаю, мы с большей пользой потратим время, если поговорим о господине Торанаге, а не об этих ниндзя. Возможно, он и отдал приказ о нападении. Он для этого достаточно вероломен.

– Нет, он никогда не использует ниндзя! – отрезал Дзатаки. – Шпионов – да, но не такую грязь! Это могли сделать купцы или иностранцы. Не господин Торанага.

Кияма с ненавистью посмотрел на Дзатаки:

– Наши португальские друзья ни за что бы так не поступили, они не стали бы вмешиваться в наши дела. Ни за что!

– Вы верите, что они или их священники тайно замышляют с одним из даймё-христиан с Кюсю начать войну с нехристианами – войну, поддержанную вмешательством чужестранцев?

– Кто, скажите мне? У вас есть доказательства?

– Еще нет, господин Кияма. Но уже появились слухи, и когда-нибудь у меня будут доказательства. – Дзатаки повернулся к Исидо. – Что нам делать с этим нападением? Как выйти из положения? – Он взглянул на Отибу: она следила за Исидо, затем перевела взгляд на Кияму, и Дзатаки вдруг понял, что никогда еще она не была для него так желанна...

Кияма попытался подвести итог:

– Мы все согласны в одном: очевидно, что это господин Торанага затеял поймать нас в ловушку с помощью Тода Марико-сама, как бы ни была она смела, предана долгу и достойна уважения. Смилуйся над ней, Господь Бог, и упокой ее душу!

Ито расправил складки на своем безупречном кимоно:

– Неужели вы не понимаете, что для господина Торанаги это был удачный ход – атаковать своего вассала таким образом? О, господин Дзатаки, я знаю, он никогда не прибегал к услугам ниндзя. Но он очень

умен, способен внушить свои идеи другим и заставить поверить, что это их собственные мысли.

– Все может быть... Но он всегда ненавидел ниндзя. Он слишком умен, чтобы использовать их для своих целей или поручить это кому-нибудь. Им же нельзя доверять! И зачем захватывать Марико-сама? Намного лучше было бы ждать и предоставить нам совершить эту ошибку. Мы уже попались.

– Да, мы все еще в западне. – Кияма взглянул на Исидо. – Кто бы ни затеял это нападение – он совершил глупость и несколько не помог нам.

– По-моему, господин Исидо прав: все это не так серьезно, как мы думаем, – умиротворяюще произнес Ито. – Но так печально – такая некрасивая смерть для нее, бедняги.

– Это ее карма, мы здесь ни при чем. – Исидо оглянулся на Кияму. – Госпоже повезло с этой потайной комнатой, иначе мерзавцы захватили бы ее.

– Но они не захватили ее, господин Исидо, она совершила своего рода сэппуку. Так же поступили и другие. А теперь, если мы не позволим остальным уехать, будет еще много смертей в знак протеста, и мы не сможем помешать этому, – возразил Кияма.

– Не согласен. Всем следует оставаться здесь, по крайней мере, до тех пор, пока Торанага-сама не пересечет наших границ. – Ито улыбнулся. – Это будет памятный день.

– А вы думаете, он их не пересечет? – поинтересовался Дзатаки.

– Не важно, что я думаю, господин Дзатаки. Мы скоро узнаем, что он собирается делать. В любом случае это не имеет значения. Торанага должен умереть, наследник – наследовать. – Ито посмотрел на Исидо. – Чужеземец уже мертв, господин командующий?

Исидо покачал головой и взглянул на Кияму:

– Нехорошо было бы, если бы он сейчас умер – такой смельчак...

– Я думаю, он очень вреден и чем скорее умрет, тем лучше. Вы забыли?

– Он может быть нам полезен. Я согласен с господином Дзатаки и с вами: Торанага не дурак. Есть какая-то веская причина, почему Торанага так заботится о нем.

– Вы опять правы, – поддержал Ито. – Андзин-сан для варвара неплохо приспособился к нашим обычаям. Торанага совершенно прав,

что сделал его самураем. – Он перевел взгляд на Отибу. – Когда он подарил вам цветок, госпожа, я подумал, что этот поэтический жест достоин придворного.

С этим все согласились.

– А как же то поэтическое состязание, госпожа? – вспомнил Ито.

– К сожалению, его отменили, – отвечала Отиба.

– Совершенно верно, – подтвердил Кияма.

– А вы решили, с чем выступать, господин? – поинтересовалась она.

– Тогда – нет, но теперь...

На высохшую ветвь

Вдруг буря налетела...

И лето льет тайные слезы.

– Пусть это послужит ей эпитафией. Она была самурай, – спокойно произнес Ито. – Я разделяю эти слезы лета.

– Что касается меня, – заявила Отиба, – я бы предпочла другое окончание:

На высохшей ветви

Задумался снег

О мертвом молчании зимы.

Но я согласна с вами, господин Ито. Я тоже думаю, что мы все разделим эти тайные слезы лета.

– Простите, госпожа, но вы не правы, – заявил Исидо. – Слезы, конечно, будут, но прольют их Торанага и его союзники. – Он постарался побыстрее закончить собрание. – Я немедленно начну дознание по поводу нападения ниндзя. Сомневаюсь, что мы когда-нибудь узнаем правду. Пока из соображений безопасности придется, к сожалению, закрыть все проходы и запретить до двадцать второго все выезды.

– Нет! – Это произнес Оноси, последний из регентов, прокаженный, со своего особого места в другом углу комнаты: он лежал в паланкине, за плотными занавесями, невидимый членам Совета. – Извините, но это как раз то, чего мы никак не должны делать. Надо разрешить выехать! Всем!

– Почему?

Голос Оноси был зол и бесстрашен.

– Во-первых, если вы это сделаете, то унизите самую бесстрашную даму в государстве, вы опозорите госпожу Кияму Атико! И госпожу Маэда! Упокой, Господи, их души... Когда столь низкий поступок станет известен всем, это повредит наследнику – и всем нам... если мы не проявим особой осторожности.

Отиба почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине. Год назад, когда Оноси пришел отдать дань уважения умирающему тайко, охрана настояла на том, чтобы открыли занавеси паланкина – вдруг там спрятано оружие! Она увидела тогда обезображенное лицо, без носа и ушей, все в струпьях, горящие глаза фанатика, обрубок левой руки и здоровую правую, сжимающую короткий меч. Отиба молилась, чтобы ни она, ни Яэмон не заразились проказой... Ей тоже хотелось поскорее закончить это собрание. Она уже решила, что делать с Торанагой, с Исидо.

– Во-вторых, – продолжал Оноси, – если вы используете эту грязную резню как повод, чтобы держать их всех здесь, то тем самым покажете, что никогда и не собирались их отпустить, хотя и дали одно письменное разрешение. В-третьих...

Исидо прервал его:

– Весь Совет согласился дать им пропуска!

– Извините, весь Совет согласился с разумным предложением госпожи Отибы предоставить пропуска, подразумевая, как и она, что уехать удастся немногим и, даже если они уедут, возможны всякие задержки.

– Вы считаете, что женщины Торанаги и Тода Мариико не уехали бы, а остальные не последовали бы их примеру?

– То, что случилось с этими женщинами, ни на шаг не отклонило господина Торанагу от его цели. А нам теперь следует позаботиться о своих союзниках! Без атаки ниндзя и трех сэппуку все это было бы просто вздором!

– Я не согласен.

– Итак, третье, и последнее: если сейчас, после того, о чем публично объявила госпожа Эцу, вы не разрешите всем уехать, то убедите всех даймё, что отдали приказ о нападении, хотя и не публично. Мы все тогда рискуем разделить судьбу этих женщин – вот уж будет слез...

– Мне нет необходимости полагаться на ниндзя.

– Разумеется. – Голос Оноси звучал ядовито. – Этого не сделал ни я, ни кто-нибудь другой из здесь присутствующих. Но мой долг – напомнить вам: есть двести шестьдесят четыре даймё; сила наследника в союзе, вероятно, сотен двух из них. Наследник не может и предположить, что вы, самый верный его знаменосец и главнокомандующий, виновны в использовании таких грязных методов и таких чудовищно неудачных нападений.

– Вы утверждаете, что я приказал совершить это нападение?

– Конечно нет, прошу меня извинить. Я сказал только, что вы будете признаны не выполняющим свои обязательства, если не дадите всем им уехать.

– Кто-нибудь еще здесь думает, что это я устроил нападение?!

Никто не принял вызова Исидо в открытую – доказательств не было: он благоразумно не советовался ни с кем, даже с Киямой и Отибой, выражал свои намерения только туманными намеками. Хотя все знали и все одинаково недовольны были тем, что он имел глупость потерпеть неудачу, – все, кроме Дзатаки. Однако Исидо оставался хозяином Осаки и сокровищ тайко – его нельзя было сместить или еще как-то затронуть.

– Прекрасно. – Исидо ничего другого и не ожидал. – Ниндзя напали в надежде поживиться. По поводу пропусков мы проголосуем. Я голосую за то, чтобы их отобрать.

– Я не согласен, – заявил Дзатаки.

– Простите, но я тоже против, – присоединился Оноси.

Ито покраснел под их внимательными взглядами:

– Я должен согласиться с господином Оноси... В то же самое время... ну... трудно сказать...

– Голосуйте! – мрачно потребовал Исидо.

– Я согласен с вами, господин командующий.

Кияма высказался последним:

– Простите, я не согласен.

– Это решено, – подхватил Оноси. – Но я согласен с вами в том, господин Исидо, что у нас есть и другие срочные проблемы. Надо знать, что теперь будет делать господин Торанага. Как вы считаете?

Исидо уставился на Кияму, лицо его было неподвижно.

– А вы что думаете?

Кияма пытался выбросить из головы все страхи, ненависть, злобу, беспокойство... Надо собраться с духом и сделать окончательный выбор – Исидо или Торанага... Пришло время этого решения! Он живо вспомнил, как Мариико говорила об измене Оноси, предательстве Исидо и том, что у Торанаги есть доказательства... О чужеземце и его корабле... О том, что может случиться с наследником и Церковью, если во главе государства окажется Торанага... Что может произойти с их законом, если страной станут править святые отцы... Наплывали и другие мысли. Почему отец-инспектор так беспокоился о еретике и его судне, о том, что случится, если черный корабль будет захвачен? А вот генерал-капитан убежден, что Андзин-сан – порождение Сатаны. И правда – как он околдовал Мариико и Родригеса...

«Бедная Мариико, – печально думал Кияма. – Умереть таким образом после стольких страданий, без причастия, без последних обрядов, без священника... Лишиться бесконечного Божьего милосердия... Мадонна сжалится над ней... Так много слез лета...

А Атико! Намеренно ли убил ее вожак ниндзя, или она просто подвернулась под руку? Как смело она бросилась в бой, не испугалась... Бедное дитя! Почему чужеземец все еще жив? Почему ниндзя не убил его? Если это грязное нападение задумано Исидо, ниндзя приказали бы убить и варвара. Исидо должно быть стыдно, что у них ничего не получилось... Такая неудача! Но как мужественна, как умна Мариико, заманившая нас в свою западню!

И чужеземец! Будь я на его месте, никогда не сумел бы задержать ниндзя, проявить столько мужества... Защитить Мариико от ужасного, позорного плена... И Кирицубо, Садзуко, госпожу Эцу и даже Атико... Если бы не чужеземец и не это тайное убежище, госпожа Мариико была бы захвачена... Вместе с остальными... Как самурай, я должен засвидетельствовать Андзин-сану свое почтение – он истинный самурай!

Боже, прости мне то, что я не стал помощником Мариико при сэппуку, как того требовал мой христианский долг! Еретик помог ей и возвысил ее, как Иисус Христос помог людям и возвысил их! Еретик, а не я! Я предал ее... Кто же из нас христианин? Не знаю... Но все равно – он должен умереть...»

– А как быть с Торанагой, господин Кияма? – упорствовал Исидо, уставившись на него. – С нашим врагом?

– А как быть с Канто? – Кияма в свою очередь внимательно следил за Исидо.

– Когда Торанага будет уничтожен, предлагаю отдать Канто одному из регентов.

– Кому же?

– Вам, – успокоил его Исидо. – Или, может быть, Дзатаки, господину Синано.

Кияма посчитал это правильным: Дзатаки очень нужен, пока жив Торанага; Исидо уже говорил ему, что Дзатаки потребовал себе в награду Канто. Вдвоем они пришли к решению пообещать Дзатаки Восемь Провинций, но каждый знал, что это только пустые посулы. Оба были согласны, что при первом удобном случае Дзатаки за такую дерзость лишится не только провинций – жизни.

– Вряд ли я заслуживаю такой чести. – Кияма пытался потихоньку сообразить, кто здесь за него, а кто против.

Оноси не скрыл своего неодобрения:

– Это предложение, конечно, ценно, достойно обсуждения, но на будущее. А вот что собирается делать сегодняшней властелин Канто?

Исидо все еще не сводил взора с Киямы:

– Ваше слово, господин Кияма.

Кияма чувствовал враждебность Дзатаки, хотя лицо его врага ничего не отражало. «Двое против меня, – подумал он. – И Отиба, хотя она не голосует. Ито проголосует по указке Исидо, так что я выигрываю, если Исидо действительно имеет в виду то, что говорит. А так ли это?» – спросил он себя, всматриваясь в непроницаемое, жесткое лицо сидящего перед ним и пытаясь определить, правду ли он говорит. Наконец он решил:

– Господин Торанага никогда не пойдет на Осаку.

– Тогда он изолирован, объявлен вне закона, и для подписи Возвышенного уже заготовлено императорское предложение совершить сэппуку! И это конец Торанаги и всей его династии! Навсегда! – Исидо, казалось, добился своего.

– Если Сын Неба прибудет в Осаку, – вставил Кияма.

– Что-о?

Кияма предпочитал все же иметь Исидо союзником, а не врагом, но это не значит, что он не предусмотрел всех возможностей...

– Господин Торанага – хитрейший из людей. Думаю, он достаточно хитер, чтобы расстроить даже прибытие Возвышенного.

– Это невозможно!

– А что, если визит будет отложен? – Кияму внезапно обрадовала растерянность Исидо: он ненавидел его за неудачу.

– Сын Неба будет здесь, как намечено!

– А если Сын Неба не приедет?

– Говорю вам: он прибудет!

– А если нет?

– Но как может господин Торанага этого добиться? – усомнилась Отиба.

– Не знаю... Но если Возвышенный захочет, к примеру, отложить свой визит на месяц, мы ничего не сможем сделать. Ведь Торанага – мастер на всякие такие штуки... Он на все способен – даже плести интриги против Сына Неба.

Наступило мертвое молчание. Всех охватил ужас при мысли об этом и возможных последствиях...

– Прошу меня простить, но... какой же тогда выход? – Отиба ждала ответа от всех этих мужчин.

– Война! – решительно произнес Кияма. – Мы собираем войска сегодня – тайком! Мы ждем, когда визит будет отложен, – первый сигнал, что Торанага плетет интриги против самого Сына Неба. В тот же день мы выступаем на Канто – не дожидаясь конца дождей.

Внезапно начал дрожать пол. Первый, слабый толчок, всего несколько мгновений – и застонали все балки. Толчки продолжались, делаясь все сильнее и сильнее. Трещина в каменной стене поползла вверх. Поднялась пыль, стропила и брусья затрещали, с крыши посыпалась черепица.

Отиба чувствовала слабость и тошноту. Быть может, ее карма – быть похороненной под камнями?.. Она встала, согнувшись, на дрожащем полу и ждала. Как и все в замке, в городе, на кораблях в гавани ждала, когда обрушится удар.

Но нет, дрожание прекратилось... Жизнь возобновляется! Радость бытия овладела ими снова, их смех эхом отозвался по всему замку. На этот раз – в это время, в этот час, в этот день – гибель их миновала.

– *Сиката га най...* – Исидо все еще дрожал.

– О, все закончилось! – Радость обрушилась на Отибу.

– Давайте проголосуем, – почти дружески предложил Исидо, счастливый, что жив. – Я голосую за войну!

– И я! – эхом повторили все четверо.

Придя в сознание, Блэкторн услышал, что Мариико мертва, узнал, как она умерла и почему. Он лежал на футонах, охраняемый серыми, над ним нависал бревенчатый потолок... Вдруг в глаза ударил ослепительный солнечный свет – тишина показалась зловещей. Первый из больших страхов покинул его.

– Я вижу!

Эскулап улыбнулся и что-то сказал, но Блэкторн его не услышал. Он попробовал встать, но почувствовал такую боль, что сразу ослеп, в ушах зашумело. Во рту все еще стоял кислый вкус пороха, тело ломало от боли. На мгновение он снова потерял сознание, потом почувствовал, как чьи-то заботливые руки поднимают ему голову, подносят ко рту чашку. Горько-сладкий травяной настой с привкусом жасмина устранил неприятное ощущение пороха во рту. Блэкторн заставил себя открыть глаза. Лекарь опять что-то сказал, и опять он не услышал. Снова навалился ужас, но он отогнал его. Он вспомнил взрыв, увидел ее мертвой и как он, не имея на то права, давал ей перед смертью отпущение грехов. Усилием воли Блэкторн заставил себя переключиться на другой взрыв – когда он был выброшен за борт, а Альбану Карадоку оторвало ноги. Точно такой же звон стоял в ушах, та же боль и глухота... Слух вернулся только через несколько дней...

«Не стоит тревожиться, – успокоил он себя. – Пока еще рано...» Блэкторн заметил тень от солнца и обратил внимание на характер освещения. «Раннее утро, – догадался он. – Слава Богу, зрение не пострадало...» Губы лекаря шевелились, но сквозь звон в ушах к Блэкторну не пробивалось ни единого слова. Он осторожно ощупал лицо, рот, подбородок. Боли не чувствовалось, ран не было. Проверил шею, руки, грудь. Все в порядке. Заставил руки опуститься ниже, под набедренную повязку. О счастье: жив, не изуродован! А ведь могло случиться то же, что с бедным Альбаном Карадоком... Мгновение он лежал, собираясь с силами, пытаясь преодолеть ужасную головную боль. Потом ощупал ступни, голени. Целы! Тогда он осторожно положил руки на уши и надавил, приоткрыл рот, сглотнул и слегка зевнул, пытаясь прочистить уши, но боль только усилилась. «Потерпи

дня полтора! – приказал он себе. – И в десять раз больше – если потребуется! И потом – пока не перестанешь бояться! Вот лекарь, он меня все ощупывает, губы его шевелятся...»

– Прошу прощения, но я не слышу, – спокойно сказал Блэкторн – собственные слова раздавались у него в голове.

Эскулап кивнул и продолжил что-то говорить. Теперь Блэкторну удалось разобрать по губам: «Я вас понял. Пожалуйста, постарайтесь сейчас уснуть». Но Блэкторн знал, что спать ему не следует. Он должен составить план. Ему надо встать и поехать из Осаки в Нагасаки – набрать там канониров и моряков, чтобы захватить черный корабль. Думать больше не о чем, вспоминать нечего. Больше нет причин играть в самурая или вообще в японца. Теперь он освободился, у него нет ни долгов, ни друзей – она погибла...

Снова Блэкторн поднял голову – и вновь почувствовал ослепляющую боль. Справился с ней, сел. Комната кружилась. Смутно вспомнился сон: он в Андзиро, землетрясение, земля качается. Он бросается в трещину – спасти Торанагу и ее, Марику, прежде чем земля проглотит их. Он все еще чувствует холодную, липкую влажность, ощущает запах смерти, струящийся из трещины. А огромный, чудовищный Торанага до сих пор смеется в его снах.

Блэкторн заставил глаза видеть, комната перестала вращаться, тошнота почти прошла.

– *Тя, додзо*, – попросил он, снова почувствовав во рту пороховую гарь.

Кто-то помог ему напиться. Он вытянул руки, и ему помогли встать. Один он бы упал. Тело Блэкторна болело так, словно его жестоко избили. Но теперь он удостоверился, что ничего не сломано, нет сильных внутренних повреждений – разве что уши... Отдых, массаж и время вылечат его. Ему повезло, опять повезло – ни слепота, ни уродство не грозят ему, он будет жить! Серые помогли ему снова сесть, потом лечь. Он лежал, казалось, так недолго, а солнце за это время успело передвинуться на целых девяносто градусов. «Интересно... – подумал он, измерив высоту тени и не поняв, что проспал столько времени. – Я мог бы поклясться, что только что рассвело. Глаза сыграли со мной злую шутку. Ведь уже почти полдень...» Он опять вспомнил Альбана Карадока и снова ощупал

себя. Кто-то дотронулся до него, Блэкторн поднял глаза: Ябу, смотрящий на него сверху вниз, что-то говорит.

– Извините, – медленно начал Блэкторн. – Я не слышу вас, Ябу-сан, но скоро это пройдет. Уши повреждены, понимаете меня?

Он увидел: Ябу кивнул, нахмурился, поговорил с врачом, знаками объяснил ему, что скоро вернется – пусть Блэкторн пока отдыхает, – и вышел.

– Ванну, пожалуйста, и массаж, – попросил Блэкторн.

Его подняли и повели. Он то спал, то с наслаждением барахтался в воде, пока теплые, заботливые пальцы прощупывали все его тело, втирали благовонные масла. И все это время обдумывал, что ему делать дальше. Потом опять уснул. Пока он спал, пришли серые, подняли его и перенесли в дальние помещения главной башни замка. Он так и не проснулся, одурманенный усталостью и лекарствами.

– Наследник скоро будет в безопасности, госпожа. – Исидо и Отиба собирались прогуляться по саду.

– От Киямы?

– От всех христиан. – Исидо сделал знак охране быть особенно бдительной и вышел из комнаты в прихожую, потом в сад, освещенный солнцем.

– Атико была убита потому же? За то, что она христианка?

Исидо отдал приказ убить Атико в надежде, что ее дед, Кияма, убьет Блэкторна.

– Не имею представления, – был его ответ.

– Они держатся вместе, как пчелы в рою. Как можно исповедовать такую нелепую религию?

– Скоро их всех выгонят.

– Каким образом, господин командующий? Как вы добьетесь этого, ведь очень многое зависит от их доброй воли?

– Обещаниями – пока не покончим с Торанагой. Потом один за другим они будут уничтожены. Мы будем разделять и властвовать... Разве не так делал Торанага, не так поступал тайко? Кияме нужен Канто. Ради Канто он будет делать все, что я ни прикажу. Оноси? Кто знает, чего хочет этот сумасшедший... Кроме как плюнуть перед смертью на головы Торанаги и Киямы.

– А если Кияма узнает о вашем обещании Оноси – отдать ему все земли Киямы? А если вы сдержите свое обещание и земли перейдут

Дзатаки, а не ему?

– Ложь, госпожа, распространяется врагами. – Исидо значительно посмотрел на нее. – Оноси хочет голову Киямы. Кияма хочет владеть Канто. То же самое хочет и Дзатаки.

– А вы, господин командующий? Чего хотите вы?

– Прежде всего, чтобы наследник счастливо дожил до пятнадцати лет, а потом стал править государством. Надежно обезопасить вас на это время. Больше ничего.

– Ничего?

– Нет, госпожа.

«Лжец», – подумала Отиба. Сорвав две ароматные цветущие ветки, она понюхала их и протянула одну Исидо:

– Приятный запах, правда?

– Очень милый. – Исидо принял ветку. – Благодарю вас.

– Красивые похороны получились у Ёдоко-сама. Вас следует поздравить.

– Я очень сожалею, что она умерла. – Исидо проявил отменную вежливость. – Ее советы были всегда так ценны.

Они прошли еще немного.

– Все уже уехали? Кирицубо, госпожа Садзуко и ее сын? – поинтересовалась Отиба.

– Нет, они уезжают завтра. После похорон госпожи Тода. Многие уедут завтра, и это плохо.

– Простите, но какое это имеет значение? Теперь, когда мы все согласились с тем, что Торанага-сама здесь не появится?

– Я так думаю. Но это не важно, пока мы удерживаем Осацкий замок. Нам нужно запастись терпением, госпожа, как предложил господин Кияма. Будем ждать, пока не придет тот день. Тогда мы выступим.

– Зачем ждать? Разве мы не можем выступить сейчас?

– Потребуется время, чтобы собрать наших заложников.

– Сколько человек можно выставить против Торанаги?

– Триста тысяч. По крайней мере в три раза больше, чем у него.

– А мой гарнизон?

– Я оставлю в замке восемьдесят тысяч отборных солдат. Еще пятьдесят тысяч будут оборонять перевалы.

– А Дзатаки?

– Он предаст Торанагу. В конце концов он изменит ему.

– Вам не кажется любопытным, что господин Судара, моя сестра и все их дети гостят в Такато?

– Нет. Конечно, Дзатаки делает вид, что ведет какие-то секретные дела со своим сводным братом. Но это только уловка, ничего более. Он предаст его.

– У него та же гнилая кровь, что и у всего этого рода. – В голосе ее слышалось отвращение. – Но я буду очень огорчена, если с моей сестрой и ее детьми что-нибудь случится.

– Я уверен, госпожа, с ними ничего не произойдет.

– Если Дзатаки готов был убить собственную мать... Вы уверены, что он не предаст вас?

– Не предаст. В конечном счете нет. Он ненавидит Торанагу сильнее, чем меня, почитает вас и больше всего на свете жаждет Канто. – Исидо улыбнулся, озирая возвышающиеся над ними этажи главной башни. – Пока замок у нас в руках и можно отдать ему Канто – бояться нечего.

– Сегодня утром я испугалась. – Она поднесла к лицу ветку, – быть может, наслаждение запахом поможет ей прогнать страх, все еще напоминающий о себе. – Я хотела сбежать, но потом вспомнила предсказателя...

– Ах, этого! Я о нем и забыл. – Исидо удивился. Этот предсказатель, посол из Китая, напророчил всего... Тайко умрет в своей постели, оставив после себя здорового сына. Торанага умрет от меча в расцвете сил. Исидо умрет очень старым, будучи самым знаменитым военачальником в стране и твердо стоя на земле. Госпожа Отиба кончит свои дни в Осацком замке, окруженная самыми благородными людьми страны. – Совсем забыл... Торанага как раз средних лет.

Отиба почувствовала его пристальный взгляд. В лоне ее разлилось тепло при мысли о настоящем мужчине. Он лежит на ней, входит в нее, обнимает, берет ее, впрыскивает в нее новую жизнь... Законный ребенок, не как тогда... Не забыть, как она в ужасе гадала, на кого он будет походить.

«Как ты глупа, Отиба! – твердила она себе, пока они ходили по тенистым, благоухающим тропинкам. – Отбрось свои глупые кошмары – все, что так пугали тебя! Ты должна думать о мужчине!» Внезапно ей

представилось: Торанага, а не Исидо здесь, рядом с ней. Торанага – хозяин Осацкого замка, сокровищ тайко. Торанага – защитник наследника и главнокомандующий армиями запада. Торанага, а не Исидо! Тогда и проблем бы не возникло! Вместе они владели бы государством. А вот сегодня, сейчас, она поманила бы его в постель или на эту прелестную полянку. А завтра или через день они бы поженились. Но вот сейчас... что бы там ни случилось в будущем, сейчас она обладала бы мужчиной, а он – ею, и наступил бы мир. Она поднесла цветущую ветку к лицу, вдыхая сладкий, глубокий аромат. «Брось свои мечтания, Отиба! Будь трезвомыслящей – как тайко... или Торанага...»

– Что вы собираетесь делать с Андзин-саном? – вдруг спросила она.

Исидо засмеялся:

– Сохранить его. Возможно, позволить ему захватить черный корабль. Или использовать его, чтобы припугнуть Кияму или Оноси, если потребуется... Они оба ненавидят его. Он – меч у их глоток... и помеха в делах их грязной церкви.

– В этой шахматной игре наследника с Торанагой как вы сможете судить о том, чего стоит Андзин-сан, господин командующий? Какую роль вы ему отводите? Пешки? Коня, может быть?

– Ах, госпожа, в великой игре он только пешка. Но в игре наследника против христиан – ладья. Даже две.

– Вы не думаете, что эти игры пересекаются?

– Они взаимосвязаны. Но великую игру будут вести даймё против даймё, самурай против самурая, меч против меча. Конечно, в обеих играх вы – королева.

– Нет, господин командующий, прошу меня извинить, но я не королева, – запротестовала она. Потом, чтобы почувствовать себя увереннее, переменяла тему разговора: – Ходит слух, что Андзин-сан и Марико-сан были в любовной связи.

– Да-да, я тоже слышал. Вы хотите знать правду об этом?

Отиба покачала головой:

– Невероятно...

Исидо внимательно наблюдал за ней:

– Вы думаете, стоит опозорить ее? Сейчас? И вместе с ней – Бунтаро-сана?

– О, я вовсе ничего не имела в виду, господин командующий, ничего подобного! Просто женская глупость. Только, как сказал сегодня утром господин Кияма, слезы лета... Печально...

– Я предпочел ваши стихи, госпожа. Обещаю вам, что слезы прольют те, кто на стороне Торанаги.

– Что касается Бунтаро-сана... В главной битве ни он, ни господин Хиромаци участвовать не будут...

– Это точно?

– Нет, господин командующий, не точно, но вполне возможно.

– Вы что-нибудь можете сделать?

– Ничего, кроме как обратиться к ним с просьбой поддержать наследника – ко всем военачальникам Торанаги, – когда будет принято решение о битве.

– Решение уже принято: окружение с севера и с юга и потом бросок на Одавару.

– Но ведь еще не окончательно... Пока армии не стали друг против друга... Простите, а вы уверены, что это правильно – чтобы наследник вел войско?

– Армии поведу я, но наследник должен присутствовать. Тогда Торанага не сможет победить. Даже Торанага никогда не осмелится атаковать войско под знаменем наследника.

– Не будет ли для наследника безопаснее остаться здесь – из-за тайных убийц... этих, из секты Амиды... Мы не можем рисковать его жизнью. У Торанаги длинные руки...

– Но не настолько длинные. И личное знамя наследника делает наши действия законными, а Торанаги – незаконными. Я знаю Торанагу. В конце концов, он уважает закон. Одно это приведет к тому, что его голова окажется на пике. Он мертв, госпожа! Как только он погибнет, я уничтожу Христианскую церковь – всех их! Тогда вы и наследник будете в безопасности.

Отиба медленно подняла на него глаза – в них чувствовалось невысказанное обещание.

– Я буду молиться за вас – и за ваше благополучное возвращение...

Ему сжало грудь – он так долго ждал этого.

– Благодарю вас, госпожа, благодарю. – Он понял ее. – Я вас не подведу.

Она поклонилась и пошла по саду. «Что за дерзость! – стучало у нее в висках. – Как будто я взяла в мужья крестьянина! Теперь мне следует отказаться от Торанаги?..»

Дель Акуа стоял на коленях перед молитвенником – землетрясение не повредило алтаря, он уцелел среди обломков маленькой часовни, хотя бóльшая часть крыши и одна из стен обрушились. Нетронутыми остались и окно с изумительными цветными стеклами, и резная фигура Мадонны – гордость отца-инспектора.

Через сломанные балки просвечивало полуденное солнце. В саду рабочие убирали камни, что-то ремонтировали, и, кроме их болтовни, дель Акуа слышал крики чаек с берега, ощущал запах ветра, соленый и дымный, напоенный водорослями и приправленный глиной. Это напомнило ему родной дом, большой и уютный, в его поместье в пригороде Неаполя: запахи моря, аромат лимонов и апельсинов, дух свежего, теплого хлеба, и помидоров, и чеснока, и жарящегося на углях аббачио, до него как будто доносились голоса его матери, братьев, сестер и их детей – счастливых, радостных, греющихся под солнцем.

– О Мадонна, отпусти меня домой! – молился он. – Я слишком долго отсутствовал... Без дома и без Ватикана... Мадонна, сними с меня эту ношу! Прости меня, но я до смерти устал от японцев и Исидо, от убийств, от сырой рыбы, от Торанаги, Киямы, липовых христиан и от попыток сохранить Твою Церковь... Дай мне силы! И защити нас от испанских епископов. Испанцы не понимают Японию и японцев. Они погубят все то, что мы начали в честь Тебя. И прости Твою слугу, госпожу Марию, и возьми ее под Свою опеку. Не покинь ее! – Он слышал: кто-то вошел в неф. Закончив молиться, он встал и повернулся.

– Прошу простить, что помешал, ваше преосвященство. – Это был отец Сольди. – Вы просили предупредить вас тотчас же. Пришла срочная шифровка от отца Алвито. Из Мисимы. Голубь только что прилетел.

– И?..

– Он лишь сообщает, что сегодня увидит Торанагу. Прошлой ночью не удалось, потому что Торанага не был в Мисиме, но он собирается

вернуться сегодня в полдень. Письмо датировано сегодняшним днем, отправлено на рассвете.

Дель Акуа пытался скрыть разочарование, он посмотрел на облака, на море, надеясь успокоиться. Сообщения о нападении ниндзя и смерти Марико были отправлены Алвито на рассвете, для надежности их послали с двумя голубями.

– Новости от нас туда уже поступили, – добавил Сольди.

– Да-да, надеюсь, что это так.

Дель Акуа направился из часовни к себе в кабинет. Сольди, маленькому, похожему на птичку, пришлось прилагать много усилий, чтобы приноровиться к крупным шагам отца-инспектора.

– Есть еще важные дела, ваше преосвященство. Наши шпионы сообщают, что сегодня, сразу после рассвета, регенты решили начать войну.

Дель Акуа остановился:

– Войну?

– Видимо, они поняли, что Торанага или император никогда не появятся в Осаке. Поэтому они собираются объединенными силами выступить против Канто.

– Это точно?

– Да, ваше преосвященство. Это война. Кияма послал через брата Мигеля сообщение, его подтверждает и другой наш источник информации. Мигель только что вернулся из замка. Голосование было тайным.

– Когда она начнется?

– В момент, когда они поймут, что император сюда не приедет.

– Эта война никогда не прекратится. Боже, смилуйся над нами! И благослови Марико! По крайней мере, Кияма и Оноси были предупреждены о вероломстве Торанаги.

– А что Оноси, ваше преосвященство? Насчет его измены по отношению к Кияме?

– У меня нет доказательств, Сольди. Что-то непонятно. Не могу я поверить, что Оноси пошел на это.

– Но если это так, ваше преосвященство?

– Именно сейчас это невозможно, даже если он и намерен так поступить. Они слишком нужны друг другу.

– Ну да, пока не потребуется делить наследство Торанаги...

– Вы не должны напоминать мне о том, как они не любят друг друга, или о том, как далеко они могут зайти. Бог простит их обоих. – Он пошел дальше.

Сольди подскочил к нему:

– Можно послать эти сведения отцу Алвито?

– Нет. Пока нет. Сначала я должен решить, что делать. Торанага узнает об этом достаточно скоро из своих источников. Бог возьмет эту землю на свое попечение и сжалится над всеми нами.

Сольди открыл для отца-инспектора дверь:

– Еще известие: Совет официально отказался выдать нам тело госпожи Марии. Она будет погребена завтра, со всеми почестями, мы не приглашены.

– Этого следовало ожидать. Но прекрасно, что они хотят почтить ее память таким образом. Пошлите одного из наших людей принести часть ее праха – это они разрешат. Прах ее будет захоронен в освященной земле в Нагасаки. – Он задумчиво поправил икону и сел за стол. – Я произнесу прощальную проповедь – настоящий реквием, со всеми почестями и церемониями, какие мы только сумеем совершить, – когда ее останки будут официально преданы земле. Она будет похоронена в ограде собора, как самая почитаемая дочь Церкви. Распорядитесь об украшениях, наймите лучших художников, каллиграфов – все должно быть самое лучшее.

– Да, ваше преосвященство.

– Ее мужество и преданность нашим святыням окажут огромное влияние на паству. Очень важно почтить ее, Сольди.

– А внучка Киямы, господин? Власти отдадут нам ее тело, он настаивал.

– Надо сразу отправить ее останки в Нагасаки. Я посоветуюсь с Киямой о том, как он хочет устроить ее похороны.

– Вы проведете службу, ваше преосвященство?

– Да, если меня выпустят отсюда.

– Господин Кияма будет очень рад такой чести.

– Да, но мы должны проследить, чтобы ее похороны не затмили похорон госпожи Марии. Мария очень-очень важна в политическом отношении.

– Конечно, ваше преосвященство. Я это хорошо понимаю.

Дель Акуа внимательно посмотрел на своего секретаря:

– Почему вы не доверяете Оноси?

– Простите, ваше преосвященство, может быть, потому, что он прокаженный и пугает меня. Простите...

– Всем должно быть стыдно перед ним, Сольди, он не виноват в своей болезни. У нас нет доказательств заговора.

– Все остальное, о чем нам сообщала эта дама, оказалось правдой. Почему бы и здесь...

– У нас нет доказательств, только предположения.

– Да, предположения.

Дель Акуа передвинул стеклянный графин, любуясь игрой преломленных лучей:

– Когда молился, я чувствовал запах цветущих апельсиновых деревьев, свежего хлеба... Так захотелось домой...

Сольди вздохнул:

– Я мечтаю об аббачио, ваше преосвященство, и пиццайоле, о бутылке «Лакрима-Кристи» и... Боже, прости меня, голодного из голодных! Скоро мы сможем вернуться домой, ваше преосвященство. На следующий год. К тому времени здесь все успокоится.

– К следующему году ничего здесь не успокоится. На нас обрушится война... Она очень навредит нам: и Церкви, и нашей вере...

– Нет, ваше преосвященство, Кюсю будет христианским, кто бы ни выиграл. – Сольди своей уверенностью желал подбодрить отца-инспектора. – На этом островке еще наступят хорошие времена для нашей веры. Дел и на Кюсю более чем достаточно, ваше преосвященство. Обратить в нашу веру три миллиона душ, направлять полмиллиона верующих... А еще Нагасаки, торговля... Они же должны как-то торговать. Исидо и Торанага будут рвать друг друга на куски. Но какое это имеет значение? Оба они против христианства, оба язычники и душегубы!

– Да... К сожалению, то, что происходит в Осаке и в Эдо, имеет значение и для Кюсю. Что делать, что делать? – Дель Акуа старался прогнать грустные мысли. – Что с англичанином, где он теперь?

– Все еще под охраной в главной башне замка.

– Оставьте меня пока одного, мне надо подумать. Решить, что делать. Окончательно. Церковь в большой опасности. – Дель Акуа

выглянул из окна во двор: к входу приближался брат Перес. Сольди подошел к дверям перехватить монаха. – Нет, я поговорю с ним сейчас.

– Ах, ваше преосвященство, доброе утро, – начал монах, машинально оправляя рясу. – Вы хотели меня видеть?

– Да. Сольди, сходите, пожалуйста, за письмом.

– Я слышал, ваша часовня разрушена, – заметил монах.

– Повреждена. Садитесь, пожалуйста. – Дель Акуа сел у стола на свой стул с высокой спинкой, монах расположился напротив. – Никто не пострадал, слава Богу. Через несколько дней она будет как новая. А что с вашей миссией?

– Она цела! – Монах не скрывал своего торжества. – Вокруг нас после землетрясения столько пожаров и человеческих жертв... Но мы невредимы... Бог не оставляет нас. – Тут он таинственно добавил: – Я слышал, прошлой ночью в замке язычники перебили друг друга.

– Да, это так. В схватке была убита одна из наших знатных прихожанок, госпожа Мария.

– Ах да, мне тоже поступило сообщение. «Пожалуйста, убейте его, Ёсинака», – сказала госпожа Мария. Так началась эта кровавая баня. Я слышал, она даже сама пыталась убить нескольких человек, перед тем как совершила самоубийство.

Дель Акуа вспыхнул:

– Вы ничего не понимаете в японцах после стольких лет жизни здесь! Вы даже едва говорите на их языке!

– Я понимаю, чем чреватые ересь, глупость, убийство и вмешательство в политические дела. А на этом языческом наречии я говорю, и неплохо. И многое понимаю в образе жизни этих язычников.

– Но не в хороших манерах!

– Слово Божье этого не требует. Это Слово... Я даже понимаю суть прелюбодеяния. Что вы думаете о прелюбодеянии и прелюбодейках, ваше преосвященство?

Открылась дверь, Сольди протянул дель Акуа письмо от папы и вышел. Отец-инспектор передал письмо монаху, торжествовавшему победу:

– Это от его святейшества. Прибыло вчера со специальным посланцем из Макао.

Монах стал читать письмо. Всем священникам всех религиозных орденов предписывалось, с формального разрешения короля Испании,

посещать Японию только через Лиссабон, Гоа и Макао. Под страхом немедленной смертной казни запрещалось всем отправляться в Японию из Манилы. Последним пунктом всем священникам, кроме иезуитов, официально предлагалось сразу же выехать из Японии в Манилу, откуда они могли, если так желало их начальство, вернуться в Японию, но только через Лиссабон, Гоа и Макао. Брат Перес изучил печать, подпись, дату, перечитал письмо еще раз, очень внимательно... Потом язвительно усмехнулся и небрежным жестом положил письмо на стол:

– Я этому не верю!

– Это воля его святейшества...

– Еще одна ересь против святой братии, против нас или всех других монахов нищенствующих орденов, которые несут слово Божье язычникам. Нам навсегда закрывают путь в Японию! Португальцы, кое-кем подстрекаемые, будут уваливать от ответа и никогда не дадут нам пропусков. Если это письмо подлинное, оно только доказывает то, про что мы говорим уже многие годы: иезуиты могут победить даже папу римского!

Дель Акуа сдержал гнев:

– Вам приказано уехать! Или вы будете казнены.

– Угрозы иезуитов бессмысленны, ваше преосвященство. Вы не говорите языком Бога, никогда не говорили и никогда не сможете. Вы не воины Христа! Вы служите папе, ваше преосвященство, – человеку. Вы политики, люди земли, люди с корыстными интересами, тесно связанными с вашими языческими шелками, землями, властью, богатством и влиянием... Господь наш Иисус Христос пришел на землю в обличье простого человека, он чесался и ходил босиком, от него плохо пахло. Я никогда не уеду, и братья мои тоже!

Дель Акуа впервые был так резок:

– Вы уедете из Японии!

– Перед Богом клянусь – не уеду! Но здесь я в последний раз. Если захотите меня видеть, пожалуйста в нашу святую миссию – приходите ухаживать за бедными, больными, отверженными, как это делал Иисус Христос! Мойте им ноги, как это делал Он, и спасете вашу душу, пока еще не поздно!

– Вам приказано под страхом смертной казни немедленно покинуть Японию!

– Послушайте, ваше преосвященство, меня пока не казнили и вряд ли когда-нибудь казнят. Конечно, я приму к сведению этот документ, если он не устарел. Он же датирован шестнадцатым сентября тысяча пятьсот девяносто восьмого года, то есть написан почти два года назад. Это нужно проверить, он слишком важен, чтобы принимать его на веру так просто, а проверка займет четыре года как минимум.

– Конечно, он не устарел!

– Вы не правы. Бог мне судья, я верю, что это так. Через несколько недель, самое большее через несколько месяцев у нас наконец будет архиепископ Японии. Испанский епископ! Письма, которые я получаю из Манилы, подтверждают тот факт, что королевское постановление ожидается с ближайшей почтой.

– Невозможно! Это территория Португалии и наша провинция!

– Была – Португалии. Была – иезуитов. Но теперь все изменилось. С помощью наших братьев и Божьего напутствия король Испании победил вашего генерала в Риме!

– Это вздор! Ложь и слухи! Ради своей бессмертной души подчинитесь распоряжениям наместника Христа!

– Я подчинюсь. Я напишу ему сегодня же, обещаю вам. Тем временем мы ждем испанского епископа, вице-короля Испании и нового капитана черного корабля – тоже испанца! Это оговорено в королевском указе. И у нас есть друзья на высоких постах, и они наконец пересилили иезуитов, раз и навсегда! Я иду с Богом, ваше преосвященство, прощайте. – Брат Перес встал, открыл дверь и вышел.

В комнате перед кабинетом дель Акуа Сольди проводил монаха взглядом и поспешил к отцу-инспектору. Напуганный цветом лица дель Акуа, он налил ему немного бренди из графина:

– Ваше преосвященство?

Дель Акуа покачал головой и снова невидящим взглядом уставился в пространство... За последний год от представителей ордена при дворе Филиппа Испанского в Мадриде доходили тревожные новости о растущем влиянии врагов Общества.

– Это неправда, ваше преосвященство, испанцы не смогут прийти сюда! Это неправда!

– Это может быть правдой, очень даже легко! Слишком легко! – Дель Акуа прикоснулся к папскому письму. – Этот папа может

умереть, наш глава ордена может умереть... даже король Испании... Тем временем... – Он встал во весь свой рост. – Тем временем мы должны готовиться к худшему и делать что можем. Попросите брата Мигеля, чтобы он срочно привел сюда Кияму.

– Да, ваше преосвященство. Но Кияма никогда здесь не бывал. Вряд ли он захочет прийти сюда теперь...

– Скажите Мигелю – пусть говорит все, что угодно, но он должен привести сюда Кияму до захода солнца! Потом немедленно отправьте Мартину новости о войне, чтобы он тут же передал их Торанаге. Вы сообщите ему о деталях, но я тоже хочу отправить с ним личное сообщение. Еще: пошлите кого-нибудь – нужно, чтобы сюда пришел Феррьера.

– Да, ваше преосвященство. Но что касается Киямы, Мигель, конечно, не сможет...

– Скажите Мигелю: пусть прикажет ему прийти сюда! Именем Господа Бога, если потребуется! Мы – воины Христовы, мы собираемся воевать – воевать за нашего Бога! Поторопитесь!

Глава 59

– Андзин-сан? – Сквозь сон Блэкторн услышал свое имя. Оно донеслось до него издалека, отзываясь в вечности.

– *Хай?* – ответил он.

Затем он услышал, как его имя повторили еще несколько раз. Кто-то прикоснулся к нему рукой. Он открыл глаза. В предрассветной мгле все вокруг постепенно обретало четкие очертания. Сознание вернулось к нему, удалось сесть. Перед кроватью на коленях сидел лекарь, рядом стояли Кирицубо и госпожа Отиба, глядя на него сверху вниз. Серые вокруг заполонили всю комнату. Масляные лампы бросали теплый свет. Эскулап заговорил с ним. В ушах все еще стоял звон, голос доносился очень слабо, но ошибки теперь быть не могло – он снова слышал. Непроизвольно Блэкторн поднес руки к ушам и прижал их. В голове сразу же взорвалась боль, посыпались искры и цветные огоньки, началась бешеная пульсация.

– Простите... – пробормотал он, дожидаясь, когда стихнет боль, отчаянно приказывая, чтобы она утихла. – Извините, уши болят. Но я теперь слышу. Вы понимаете, лекарь-сан? Я теперь слышу – немного. Простите, что вы говорите? – Он следил за губами эскулапа, стараясь разобрать слова.

– Госпожа Отиба и Кирицубо-сама хотят знать, как вы себя чувствуете.

– Ах! – Блэкторн посмотрел на них.

Теперь он заметил, что они одеты по всем правилам этикета: Кирицубо вся в белом, только зеленый шарф на голове. Кимоно Отибы темно-зеленое, без рисунка и украшений, на ней еще большой платок из тонкой белой ткани.

– Лучше, благодарю вас... – На душе у него при виде одежд белого цвета стало тревожно. По освещению снаружи он понял, что время подходит к рассвету, а не к сумеркам. – Лекарь-сан, скажите, пожалуйста, я что, спал целый день и целую ночь?

– Да, Андзин-сан. День и ночь. Ложитесь, прошу вас. – Эскулап взял Блэкторна за кисть своими длинными пальцами и сжал их, щупая пульс; кончиками пальцев он просчитал девять ударов: три на

поверхности, три в середине и три в глубине, как учила с незапамятных времен китайская медицина.

Все в комнате ждали его решения. Лекарь удовлетворенно кивнул.

– Кажется, все хорошо, Андзин-сан. Тяжелых повреждений нет, вы меня понимаете? Сильные головные боли, да? – Он подробно объяснил все госпоже Отибе и Кирицубо.

– Андзин-сан, – обратилась к нему госпожа Отиба. – Сегодня похороны Марико-сама. Вы поняли – похороны?

– Да, госпожа.

– Хорошо. Сразу после того, как рассветет. Вы имеете право пойти, если хотите. Вы понимаете?

– Да... Думаю, что да... Если можно, я бы пошел.

– Очень хорошо. – Отиба поговорила с лекарем, попросила его еще лучше следить за состоянием больного. Потом, вежливо поклонившись Кирицубо, улыбнулась Блэкторну и вышла.

Кирицубо подождала, пока она не уйдет:

– Как вы, Андзин-сан? Как себя чувствуете?

– Голова болит, госпожа... Прошу меня извинить...

– Простите меня, я только хотела поблагодарить вас. Вы меня понимаете?

– Это долг... Я только выполнял свой долг... Не повезло... Марико-сан погибла...

Кири почтительно поклонилась ему:

– Нет, повезло... Ох нет, не повезло... Благодарю вас, Андзин-сан. За нее, за себя, за всех... Мы еще с вами поговорим. Благодарю вас. – Она вышла.

Блэкторн собрался с силами и встал на ноги. Боль в голове была так чудовищна, что вызвала желание закричать. Он сжал губы в тонкую линию. В груди ломило, желудок бурлил. Но через некоторое время желудок успокоился, тошнота утихла. Правда, во рту остался противный привкус. Он направился вперед, к окну, взялся за подоконник, стараясь перебороть тошноту, подождал, прошелся туда-сюда. Головная боль и тошнота не проходили.

– Все нормально, спасибо. – Он с облегчением снова сел.

– Вот, выпейте это – вам станет лучше. Установите *хара*. – У лекаря была добрая улыбка. Блэкторн выпил и задержал дыхание: запах был как у птичьего помета и заплесневелых водорослей, смешанных с

гниющими листьями в жаркий летний день, вкус – еще хуже. – Пейте. Сразу станет лучше, а пока прошу меня извинить.

Блэкторн снова сжался, но заставил себя сделать глоток.

– Скоро станет лучше, извините.

Пришли женщины-служанки, причесали его, уложили волосы, парикмахер побрил. На руки и лицо положили горячие полотенца. После всего этого он почувствовал себя намного лучше. Другие слуги помогли ему одеться в обычное кимоно и крылатую накидку. Принесли новый короткий меч в ножнах.

– Подарок, господин. Подарок от Кирицубо-сама, – объяснила служанка.

Блэкторн принял меч и засунул за пояс вместе с длинным мечом, тем самым, который подарил ему Торанага, – рукоятка была расщеплена и чуть не сломана – он ведь бил ею о засов. Он вспомнил, как Марико стояла спиной к двери. Потом ничего не мог вспомнить до того момента, как стоял над ней на коленях и смотрел, как она умирает. И снова провал – вот до этого момента...

– Простите, мы в главной башне? – спросил он начальника серых.

– Да, Андзин-сан. – Командир с почтением поклонился, невысокий и круглый, как обезьяна, но, пожалуй, более опасный.

– Почему я здесь?

Серый улыбнулся и вежливо ответил:

– Так приказал господин командующий.

– Но почему – здесь?

Самурай повторил, словно попугай:

– Так приказал господин командующий. Извините, вы меня понимаете?

– Да, благодарю вас, – устало ответил Блэкторн.

Когда его наконец привели в порядок, он почувствовал себя ужасно. Зеленый чай немного помог ему, потом слабость снова навалилась и его все-таки вырвало в блюдо, которое подставила служанка. Грудь и голова при каждом спазме пронзались горячими красными иголками...

– Извините, вот, пожалуйста, выпейте... – терпеливо предложил лекарь.

Он выпил еще этого варева, но оно не помогло. К этому времени рассвет уже разлился по всему небу. Слуги сделали ему знак и помогли

выйти из большой комнаты. Охрана шла впереди, остальные – сзади. Так они спустились по лестнице и вышли во двор, где их ждали носилки с новой охраной. Он с удовольствием сел в паланкин. По приказу командира серых носильщики подняли паланкин, и, сопровождаемые охраной, они присоединились к процессии из паланкинов, пеших самураев и дам, тянущейся по лабиринту улиц замка к выходу. Все были одеты в самое лучшее. Некоторые женщины – в кимоно темных тонов, с белыми шарфами на голове, другие – во всем белом, только шарфы цветные.

Блэкторн отдавал себе отчет в том, что за ним наблюдают... Он сделал вид, что не замечает этого, пытался выпрямить спину и придать лицу равнодушное выражение, молясь, чтобы его не настигла снова та же слабость и он не опозорился, но боли все усиливались...

Кортеж петлял в каменных лабиринтах крепости, вдоль тысяч самураев, вытянувшихся молчаливыми рядами. Никого не окликали, не требовали документов. Похоронная процессия проходила один пост за другим, не останавливаясь у опускающих решеток и рвов с водой. Когда миновали ворота и оказались за основными укреплениями, Блэкторн вдруг заметил, что серые стали более бдительными, внимательно изучали всех, оказавшихся поблизости, старались держаться к нему вплотную. Он немного успокоился – вспомнил, что бросается в глаза. Наконец процессия пересекла открытый участок, прошла по мосту и поднялась к назначенному месту – на площадке, недалеко от берега реки. Площадка имела размеры триста на пятьсот шагов. В центре – яма в виде квадрата, со стороной пятнадцать шагов и глубиной пять, заполненная дровами. Над ямой устроена высокая крыша из циновок, покрытых белым шелком, кругом – стены из белых холстов, висящих на бамбуковых шестах; стены указывали точно на восток, север, запад и юг; в середине каждой стены – маленькие деревянные ворота.

И Блэкторн вдруг вспомнил недавнее...

– Ворота для того, чтобы душа могла проходить в них при полете на небо, – объяснила ему Марико в Хаконэ.

– Давай лучше поплаваем или поговорим о чем-нибудь более веселом.

– Вот и дай мне закончить – это как раз очень весело. Наши похороны очень важны для нас, так что вам следует все знать о них,

Андзин-сан.

– Да, Мариико. Но почему ворот четыре? Почему не одни?

– У души должен быть выбор. Это мудро. О, мы очень мудры... Я говорила тебе сегодня, что люблю тебя? – вдруг спросила она. – Мы очень мудрая нация и позволяем душе иметь выбор. Большинство душ выбирают южные ворота, Андзин-сан. Это важные ворота – там ставят столы с сухими фигами, свежими гранатами и другими фруктами, редисом и другими овощами и связками рисовой рассады, если это происходит в соответствующий сезон. И всегда миску свежеприготовленного риса, Андзин-сан, – это самое важное. Видите ли, душа, может быть, захочет поесть, перед тем как отправиться в путь...

– Что касается меня, положите жареного фазана или...

– Извините, ничего мясного, даже ничего рыбного... Мы серьезно относимся к таким вещам, Андзин-сан. На столе также должны быть маленькая жаровня с тлеющими углями из ценных пород деревьев и благовонные снадобья, дающие такой приятный запах... Я хочу, чтобы мои похороны были на рассвете... – искренне призналась она. – Я больше всего люблю рассвет... Ну и если бы это было можно, то осенью...

Он был тронут этими подробностями.

«Бедняжка... – Блэкторн почувствовал, как глаза его наполняются слезами. – Ты давно знала, что осени уже никогда не будет».

Его паланкин остановился на почетном месте – в переднем ряду, близко от центра, так близко, что видны были брызги воды на цветах. Все было так, как она говорила. Вокруг – сотни паланкинов, площадь заполнена тысячей самураев и женщинами, пришедшими пешком. Все стоят молча, без единого движения. Он узнал Исидо и рядом с ним – Отибу. На него никто не обращал внимания. Все сидели в своих роскошных паланкинах и смотрели на белые холщовые стены, колышущиеся от легкого ветерка. Кияма сидел рядом с Отибой, Дзатаки – около них, вместе с Ито. Закрытый паланкин Оноси – там же. Все окружены несколькими рядами охраны. На самураях Киямы – кресты, у Оноси – тоже.

Блэкторн оглянулся: а где же Ябу? Он не нашел его. Не было и коричневых. Вообще ни одного дружеского лица. Вдруг он заметил: Кияма, с каменным выражением лица, внимательно на него смотрит.

Блэкторн невольно порадовался, что с ним охрана. Тем не менее он сделал легкий поклон. Каменный взгляд Киямы не изменился, на поклон он не ответил и тут же отвернулся. Блэкторну стало легче дышать.

Воздух разорвали звуки барабанов, колокольчиков и удары металла о металл – не в лад, очень резко. Все глаза обратились к самому большому крытому паланкину, который держали восемь синтоистских священников. В нем восседал высокий священник, похожий на изваяние Будды. Впереди и позади его носилок еще несколько священников били в металлические барабаны. Вот к носилкам подходит целая процессия – сотни две буддийских монахов в оранжевых одеждах и столько же, нет, даже больше, одетых в белое синтоистских жрецов. Вот и закрытые носилки с телом Мариико – богато убранные, белоснежные. Тело тоже облачено во все белое, устроено в сидячем положении, со слегка склоненной головой. На лице безукоризненный грим, волосы тщательно уложены. Носильщики – десять коричневых. Перед носилками два священника раскидывают мелкие лепестки бумажных роз, которые тут же подхватываются и разносятся ветром, – символ эфемерности жизни. Позади два монаха несут две пики древками вперед: указание на то, что покойная – самурай и ее верность долгу так же сильна, как крепость стальных лезвий. За ними – четыре монаха с незажженными факелами. Сарудзи, ее сын, идет следом, лицо его так же бело, как и кимоно его покойной матери. Далее – Кирицубо и госпожа Садзуко, тоже все в белом, распущенные волосы повязаны кисейными платками. Волосы младшей спускаются до груди, у Кирицубо – еще ниже. За ними – небольшой промежуток, а дальше идут самураи Торанаги – те, что остались. Среди коричневых – раненые, многие хромают.

Блэкторн видел только ее: казалось, она просто молится – смерть не оставила на ней никаких отметин. Он держался прямо, зная, что вся эта церемония с Исидо и Отибой в качестве главных свидетелей устроена в честь нее. Но это не облегчало его боли.

Более часа высокий монах распевал какие-то мантры, барабаны били не переставая. Потом внезапно наступила тишина. Сарудзи вышел вперед, взял незажженный факел и подошел к каждому из ворот – восточным, северным, западным и южным, – чтобы убедиться, что они свободны. Блэкторн видел, что мальчик весь дрожит. Вот он

возвращается к носилкам, глаза потуплены. Поднимает белую веревку, привязанную к носилкам, и ведет носильщиков через южные ворота. Носилки аккуратно ставят на дрова. Еще одно восклицание монахов – и Сарудзи дотрагивается пропитанным маслом факелом до углей в жаровне. Факел вспыхивает. Мальчик колеблется, потом возвращается один через южные ворота и бросает факел в подготовленный погребальный костер. Пропитанные маслом дрова сразу же загораются и скоро превращаются в ревущий костер. Пламя достигает десяти футов в высоту. Жар отесняет Сарудзи назад, он идет за благовониями и подбрасывает их в огонь. Сухое как трут дерево взрывается, огонь охватывает полотняные стены. Теперь вся площадь ямы – воющая, неугасимая огненная масса – корчится и трещит. Обрушиваются подпорки крыши. По рядам зрителей проносится вздох. Вперед выходят жрецы и подбрасывают еще дров в погребальный костер – пламя поднимается еще выше, дым накатывает волнами. Теперь остаются только ворота, – Блэкторн видит, что их опаляет жаром. Вот и их окутывает пламя.

В этот момент Исидо, главный свидетель, вылез из паланкина и прошел вперед, подложив согласно ритуалу еще дров и благовоний в костер. Он церемонно поклонился, снова сел в свой паланкин, носильщики по его приказу подняли носилки и понесли в замок. За ним последовала Отиба и стали расходиться все остальные.

Сарудзи в последний раз поклонился языкам пламени, повернулся, подошел к Блэкторну, встал перед ним и поклонился.

– Благодарю вас, Андзин-сан, – произнес он и ушел вместе с Кири и госпожой Садзуко.

– Все кончено, Андзин-сан. – Командир серых ухмылялся. – Ками теперь в безопасности. Мы идем в замок.

– Подождите, прошу вас.

– Извините, нам приказано... – Серый встревожился, остальные охранники подошли поближе.

– Прошу вас, подождите.

Не обращая внимания на их беспокойство, Блэкторн вышел из паланкина, чуть не ослепнув от боли... Самураи встали вокруг, охраняя его. Он подошел к столу, взял несколько кусочков камфарного дерева и бросил в огонь. Сквозь завесу пламени ничего не было видно.

– Во имя Отца, Сына и Святого Духа! – пробормотал он, незаметно перекрестил ее, повернулся и пошел прочь от костра...

Когда Блэкторн проснулся, ему было намного лучше, но он чувствовал себя опустошенным, в висках все еще пульсировала тупая боль, болел лоб.

– Как вы себя чувствуете, Андзин-сан? – Лекарь сверкнул белозубой улыбкой. Голос его был едва слышен. – Вы долго спали.

Блэкторн приподнялся на локте и посмотрел сонными глазами на тень от солнца. «Наверное, уже пять часов пополудни, – подумал он. – Я спал больше шести часов».

– Простите, я проспал целый день?

Эскулап улыбнулся:

– Вчера весь день, ночь и большую часть дня сегодня. Вы меня понимаете?

– Понимаю, конечно. – Блэкторн откинулся назад, заметив, как блестит от пота его кожа. «Хорошо... – подумал он, – это самое лучшее... Когда спишь – не думаешь, что у тебя там цело, что – нет... Ни о чем не думаешь...»

Его постель, из мягких стеганых одеял, с трех сторон была огорожена передвижными ширмами, инкрустированными слоновой костью и красиво расписанными картинами природы и морскими пейзажами. В окна напротив проникает солнечный свет, жужжат насекомые, комната большая, уютная, спокойная. С улицы доносятся обычные звуки мирной жизни замка. Он различал стук неподкованных конских копыт, звон уздечек. Слабый бриз доносит запах дыма. «Не знаю, хотел ли бы я, чтобы меня сожгли, – подумал он. – Но постой, а разве лучше, если тебя положат в ящик, зарюют, а потом к тебе заберутся червяки... Стоп! – приказал он себе, чувствуя, как его тянет вниз по спирали. – Беспокоиться не о чем! Карма есть карма, когда ты мертв – ты мертв и что дальше – тебе неизвестно. А когда тонешь, вода заполняет тебя всего, тело распухает, крабы... Стоп!»

– Выпейте, пожалуйста. – Лекарь опять предложил ему свое отвратительное варево.

Блэкторн протянул чашку со словами:

– Чаю, пожалуйста.

Служанка, круглолицая женщина средних лет, с морщинами вокруг глаз и застывшей равнодушной улыбкой, налила зеленого чая, он поблагодарил. После трех чашек во рту посвежело.

– Пожалуйста, Андзин-сан, скажите, как у вас с ушами.

– Все так же. Слышу как будто издалека... все на расстоянии, понимаете? Как с большого расстояния...

– Понятно. Поедите, Андзин-сан?

Маленький поднос был уставлен мисками с рисом, супом и жаренной на углях рыбой. Он мучился спазмами в желудке, но вспомнил, что не ел по-настоящему целых два дня. Сел и заставил себя съесть немного риса и выпить рыбного супа. Желудок успокоился, Блэкторн поел еще и постепенно прикончил все, пользуясь палочками для еды как продолжением пальцев, без всяких усилий.

– Спасибо. Оказывается, я был очень голоден.

Лекарь выложил на стол около постели холщовую сумку с травами:

– Делайте чай из трав, Андзин-сан. Раз в день, пока все не пройдет.

Понятно?

– Да, спасибо.

– Я считал за честь лечить вас. – Старик сделал знак служанке, та унесла пустой поднос. Он поклонился и вышел за ней в ту же дверь.

Блэкторн остался один. Он удобно лежал на спине, на футонах... Сил как будто прибавилось.

– Просто я был голоден, – произнес он вслух.

На нем была только набедренная повязка. Его обычная одежда валялась кучей там, где он ее оставил, – это его удивило, – хотя чистое коричневое кимоно вот оно, рядом с мечами. Блэкторн решил: «Дам себе спокойно полежать...» Внезапно он почувствовал, что в комнате есть кто-то чужой. Он с трудом сел, потом встал на колени и поглядел на ширмы, но, прежде чем успел что-либо сообразить, уже стоял на ногах. Голова раскалывалась от боли – такое резкое движение... На него смотрел иезуит-японец с тонзурой на голове. Монах неподвижно стоял на коленях у главного входа, в руке распятие и четки...

– Кто вы? – спросил он, превозмогая боль.

– Я брат Мигель, сеньор. – Угольно-черные глаза были неподвижны.

Блэкторн отошел от ширмы и встал около мечей:

– Что вы хотите от меня?

– Меня послали узнать, как вы себя чувствуете, – спокойно ответил Мигель на хорошем португальском, хотя и с сильным акцентом.

– Кто?

– Господин Кияма.

Блэкторн внезапно понял, что они остались одни.

– Где моя охрана?

– С вами никого не было, сеньор.

– У меня была охрана! Двадцать серых! Где мои серые?

– Когда я пришел, здесь никого не было, сеньор, извините меня. Вы там спокойно спали. – Мигель с серьезным видом показал за дверь. – Может быть, вам следует спросить этих самураев?

Блэкторн поднял меч:

– Пожалуйста, отойдите от двери.

– У меня нет оружия, Андзин-сан.

– Все равно, не подходите ко мне. Святоши действуют мне на нервы.

Мигель послушно встал и отошел с тем же невозмутимым спокойствием. За дверью, у балюстрады лестничной площадки, прохлаждались двое самураев.

– Добрый день, – вежливо приветствовал их Блэкторн. Они были ему незнакомы.

Никто из них не поклонился.

– Добрый день, Андзин-сан, – ответил один.

– Простите, а где моя охрана?

– Вся охрана была снята в час зайца, сегодня утром. Вы поняли, что значит «час зайца»? Мы не ваша охрана, Андзин-сан. Здесь наш обычный пост.

Блэкторн почувствовал, как по спине у него заструился холодный пот.

– По чьему приказу убрана охрана?

Оба самурая захохотали. Тот, что повыше, сказал:

– Здесь, в главной башне замка, Андзин-сан, приказы отдает только господин командующий или госпожа Отиба. Как вы сейчас себя чувствуете?

– Лучше, благодарю вас.

Высокий самурай что-то прокричал вглубь помещений. Через несколько минут из комнаты появился командир с четырьмя

самураями. Он был молод и строг. Увидев Блэкторна, он оживился, глаза у него вспыхнули.

– А, Андзин-сан. Как вы себя чувствуете?

– Лучше, благодарю вас. Прошу меня простить, но где моя охрана?

– Мне приказано сказать вам, когда проснетесь, что вы должны вернуться на корабль. Вот ваш пропуск. – Командир вынул из рукава листок бумаги и передал его Блэкторну, потом презрительно показал на Мигеля: – Этот вас проводит.

Блэкторн пытался заставить свою голову работать, мозг его вопил об опасности.

– Да, благодарю вас, но сначала, пожалуйста, дайте мне возможность повидать господина Исидо. Это очень важно.

– Простите, но вам приказано вернуться на корабль, как только вы проснетесь. Вы меня поняли?

– Да. Прошу меня извинить, но мне очень важно повидать господина Исидо. Пожалуйста, скажите вашему начальству. Сейчас. Я должен перед уходом повидать господина Исидо. Прошу прощения, но это очень важно.

Самурай почесал оспинки на подбородке:

– Я спрошу. Пока можете одеться.

К большому облегчению Блэкторна, он ушел. Остались четверо самураев. Блэкторн вернулся к себе и быстро оделся. Самураи наблюдали за ним. Послушник ждал в коридоре.

«Будь терпелив, – сказал себе капитан. – Не думай и не беспокойся. Это ошибка. Ничего не изменилось. У тебя еще есть все твои прежние привилегии».

Он засунул за пояс мечи и допил чай. Потом посмотрел на пропуск: печать, подписи – все на месте. Нет, это ошибка. Чистое кимоно уже удобно облегло его.

– Послушайте, Андзин-сан, – сказал один из самураев. – Я слышал, вы убили пятерых ниндзя. Это очень хорошо.

– Прошу прощения, но только двоих, от силы троих. – Блэкторн покачал головой из стороны в сторону, пытаясь облегчить боль и избавиться от гула в висках.

– Я слышал, там было пятьдесят семь мертвых ниндзя и сто шестнадцать коричневых. Это правда?

– Не знаю. Прошу прощения.

В комнату вернулся командир:

– Вам приказано идти на корабль, Андзин-сан. Вас проводит этот христианин.

– Да. Спасибо. Но сначала я, извините, должен повидать госпожу Отибу. Это очень-очень важно. Пожалуйста, попросите вашего начальника.

Серый повернулся к Мигелю и заговорил гортанно и очень быстро. Мигель поклонился все так же невозмутимо и перевел Блэкторну:

– Извините, сеньор. Он говорит, его начальник спросит своего начальника, но вы тем временем должны немедленно идти со мной на галеру.

– *Има!* – добавил серый для большей важности.

Блэкторн понял, что он уже покойник. И затем услышал собственные слова:

– Благодарю вас. Скажите, пожалуйста, где моя охрана?

– У вас больше нет никакой охраны.

– Пожалуйста, пошлите гонца на мой корабль. Пожалуйста, приведите оттуда моих вассалов...

– Вам приказано немедленно отправиться на корабль! Поняли? – Это прозвучало весьма невежливо и бесповоротно. – Идите на корабль! – добавил серый с кривой улыбкой, дожидаясь, пока Блэкторн не поклонится первым.

Блэкторн заметил это, и все превратилось в какой-то кошмар, все замедлилось и затуманилось. Его отчаянно затошнило. Надо бы утереть пот и поклониться... Но серый вряд ли ответит ему поклоном или сделает это невежливо, не как равный равному... Тогда он будет опозорен перед всеми. Ему стало ясно, что он выдан своему врагу-христианину, что Кияма, Исидо и священники были частью этого предательства и, какова бы ни была причина, цена, – он бессилен. Он может только утереть пот, поклониться и уйти. От него ждали именно этого.

Вдруг он почувствовал рядом с собой Марико, вспомнил ее муки, всю ее мудрость, и все, что она сделала и должна была сделать, и все, чему она его научила. Он с силой сжал сломанную рукоятку меча и вызывающе отставил ногу. Что ж, судьба его решена, карма определена. Если он должен умереть, он предпочел бы достойно умереть сейчас, а не потом.

– Я – Джон Блэкторн, Андзин-сан, – гордо произнес он. Это решительное заявление придало ему незнакомую уверенность и неожиданную жесткость. – Командир корабля господина Торанаги. Всего корабля. Самурай и хатамото. А вы кто?

Командир вспыхнул:

– Сайго Масакацу из Каги, вассал господина Исидо.

– Я – хатамото. А вы? – Тон Блэкторна стал еще более груб.

Он не воспринял и не осознал имени своего противника, только видел его с поразительной, нереальной четкостью – каждую пору на лице, каждый торчащий волосок, каждое пятнышко на радужке неприязненных карих глаз, каждую жилу на запястье руки, сжимающей рукоятку меча...

– Нет, не хатамото.

– Вы самурай или ронин? – Последнее слово выскочило само собой и хлестнуло японца будто плеть. Блэкторн почувствовал, что за ним кто-то стоит, но это его не испугало. Он только следил за серым, ожидая внезапного смертоносного выпада, который потребует всей его *хара-гэй*, всей его внутренней энергии, чтобы вернуть удар с той же ослепляющей силой. Обоюдная почетная смерть покончит и с ним, и с его врагом.

К своему удивлению, он увидел, что выражение глаз серого изменилось: он вдруг как-то съежился и поклонился, низко и почтительно, так и замерев в поклоне.

– Пожалуйста... пожалуйста, простите мои плохие манеры. Я был ронином, но господин командующий дал мне второй шанс. Пожалуйста, извините меня за мои плохие манеры, Андзин-сан. – Голос его прерывался, ему было стыдно.

Невероятно! Блэкторн все еще был готов к схватке, ожидал смерти, а не победы. Он взглянул на других самураев. Они все как один поклонились и стояли так, признавая победу за Блэкторном.

Спустя мгновение Блэкторн с усилием поклонился, но не как равный. Они продолжали кланяться, пока он не развернулся и не пошел по коридору, Мигель двинулся за ним. Они спустились по главной лестнице, прошли через крыльцо во двор. Теперь Блэкторн не чувствовал боли, только сильный жар. Серые смотрели ему вслед. Группа самураев провожала его и Мигеля до первого поста, держась за

пределами досягаемости меча. Один из самураев торопливо побежал вперед.

У следующего поста старший поклонился вежливо, как равный, и он поклонился в ответ. Пропуск был проверен очень дотошно, но корректно. Еще один эскорт провел их до нового поста, где все повторилось. Там был самый первый ров с водой, потом – еще один. Их никто не останавливал. Вряд ли кто из самураев вообще обратил на них внимание. Постепенно Блэкторн почувствовал, что голова почти не болит, пот высох... Он расслабил пальцы на рукоятке меча, остановился у фонтана, бьющего из стены, напился и сполоснул голову. Сопровождающие его самураи остановились и вежливо подождали, а Блэкторн все это время соображал, почему он потерял расположение и защиту Исидо и госпожи Отибы. «Ничего же не изменилось!» – в отчаянии думал он. Потом поднял глаза и увидел, что Мигель внимательно смотрит на него.

– Чего вы хотите?

– Ничего, сеньор, – вежливо ответил Мигель. Потом широко улыбнулся – улыбка у него была очень теплая. – Ах, сеньор, вы доставили мне большое удовольствие, заставив этого ублюдка с плохими манерами напиться собственной мочи! Это было очень приятно видеть! Ты, – добавил он по-латыни. – Я благодарю тебя.

– Я ничего не сделал для вас, – вежливо возразил Блэкторн на португальском, не желая разговаривать на латыни.

– Все равно – дай вам Бог счастья, сеньор! Знайте, что пути Господни неисповедимы. Вы оказали услугу всем людям. Этот ронин был опозорен, и он заслужил это. Нельзя нарушать бусидо.

– Вы тоже самурай?

– Да, сеньор, мне оказали эту честь. Мой отец – двоюродный брат господина Киямы, мой род из провинции Хидзэн на Кюсю. Как вы догадались, что он был ронином?

Блэкторн пробовал вспомнить.

– Я не уверен... Может быть, потому, что он сказал – он из Каги, а это далеко... Марико – госпожа Тога – говорила, что Кага далеко на севере. Не знаю... я даже не помню, что говорил.

К ним вернулся сопровождающий их командир:

– Прошу прощения, Андзин-сан, этот человек не надоел вам?

– Нет-нет, благодарю вас. – Блэкторн тронулся с места.

Пропуск проверили еще раз, очень любезно, и они прошли дальше.

Солнце к этому времени уже снижалось, до захода все еще оставалось несколько часов, в потоках нагретого воздуха закручивались аккуратные пылевые спирали. Они прошли несколько конюшен: все лошади были выведены наружу, пики, шпоры, седла уже приготовлены для немедленного отъезда; самураи ухаживали за лошадьми, чистили снаряжение. Блэкторна удивило, что их так много.

– Сколько же здесь лошадей? – поинтересовался он.

– Тысячи, Андзин-сан. Десять, двадцать, тридцать тысяч – здесь и по всему замку.

Когда они пересекли предпоследний ров с водой, Блэкторн поманил к себе Мигеля:

– Вы поведете меня на галеру?

– Да. Именно это мне и приказано сделать, сеньор.

– И больше никуда?

– Нет, сеньор.

– А кто приказал?

– Господин Кияма. И отец-инспектор, сеньор.

– Ах, этот! Я предпочитаю, чтобы меня звали Андзин-сан, а не сеньором, отец.

– Прошу меня извинить, Андзин-сан, но я не отец. Меня не посвящали в священники.

– А когда посвятят?

– В свое время, – уверенно ответил Мигель.

– А где Ябу-сан?

– Прошу прощения, но я не знаю.

– Вы должны просто отвести меня на мой корабль и больше никуда?

– Да, Андзин-сан.

– И тогда я буду свободен? Свободен идти туда, куда захочу?

– Меня просили узнать, как вы себя чувствуете, потом проводить вас на корабль, и больше ничего. Я только посланец, провожатый.

– Богом клянетесь?

– Я только провожатый, Андзин-сан.

– Где вы так хорошо научились говорить по-португальски? И полатыни?

– Я был одним из четверых... четверых крещеных японцев, посланных в Рим отцом-инспектором. Мне было тринадцать, Урага-но Тадамаса – двенадцать.

– А! Теперь я вспомнил! Урага-сан говорил мне, что вы были среди них. Вы были другом Урага-сана. Вы знаете, что он погиб?

– Да, я очень огорчился, когда узнал об этом.

– Это сделали христиане.

– Это сделали убийцы, Андзин-сан. Убийцы. Не беспокойтесь, их будут судить.

Через мгновение Блэкторн спросил:

– Как вам понравился Рим?

– Я ненавидел его. Мы все ненавидели. Все в нем... Эту еду, грязь, безобразный вид... Они там все *эта* – невероятно! У нас заняло восемь лет, чтобы добраться туда и вернуться обратно, и как я был благодарен Мадонне, когда наконец вернулся домой.

– А Церковь? Святые отцы?

– Отвратительны. Многие из них отвратительны. Меня просто потрясли их нравы: любовницы, жадность, пышность, лицемерие, невоспитанность. У них две морали: одна для паствы, другая для пастырей. Все это было нам ненавистно. И все-таки я нашел Бога в некоторых из них, Андзин-сан. Так странно... Я нашел правду – в соборах и крыльях аркад, среди священников. – Мигель бесхитростно посмотрел на него – он был переполнен нежностью. – Правда, редко, Андзин-сан, очень редко я находил такие проблески. Но я нашел истину и Бога и знаю, что христианство – это путь к вечной жизни... Прошу меня простить, католическое христианство.

– Вы видели аутодафе, инквизицию, суды, казни ведьм?

– Я видел много ужасных вещей. Очень мало мудрых людей – большинство грешники... Самые дьявольские дела совершаются именем Бога. Но не Богом! Этот мир – юдоль слез и только подготовка к миру вечному. – Он молился про себя некоторое время, потом, набравшись силы в молитве, поднял глаза. – Даже среди еретиков могут быть хорошие люди.

– Возможно... – Блэкторну начинал нравиться этот человек.

Последний ров с водой, последние ворота – главные южные ворота, последний пункт проверки документов – и вот ему отдали бумаги. Мигель прошел под последней подъемной решеткой, за ним –

Блэкторн. Около замка их ждала сотня самураев, люди Киямы. Он увидел распятия... Настроены они были явно враждебно. Он остановился. Мигель продолжал идти. Старший сделал знак Блэкторну выйти из ворот, он повиновался. Самураи сомкнулись вокруг него, зажав его в кольцо. Носильщики и торговцы на дороге расступались в стороны и кланялись, не поднимая головы, пока они не проходили. Некоторые с торжественным видом поднимали свои нательные кресты, и Мигель благословлял их. Они спустились пологим склоном, обогнув сзади погребальное кострище – яма уже не дымилась, – затем пересекли мост, вошли в город и направились в сторону моря. Среди пешеходов, идущих из города, попадались серые и просто самураи. Они неблагодарно поглядывали на Мигеля и наверняка задирали бы его, если бы с ним не было столько самураев Киямы.

Блэкторн шел за Мигелем. Он не боялся, хотя и не прочь был бы сбежать от них всех. Но бежать ему здесь некуда, спрятаться негде – во всяком случае, на земле. Его единственное спасение – попасть на борт «Эразма», пробиться в море – с полной командой, провизией и вооружением.

И вот они оказались на улицах города, выходящих к морю. Мигель завернул за угол и вышел на открытый рыбный рынок. Хорошенькие служаночки, толстые бабы, старые дамы, юноши, взрослые мужчины и дети, покупатели и продавцы – все они сначала глазели на него, потом начинали поспешно кланяться. Блэкторн шел за самураями мимо палаток, корзин, бамбуковых лотков: всевозможные морские твари – тигровые и обыкновенные креветки, омары, лангусты, – аккуратно разложенная, иногда плавающая в специальной посуде живность, еще сохраняла свежесть моря. «В Лондоне, – подумал он, – никогда не бывает так чисто... Воняет не только от торговцев, но и от их товара». Потом с одной стороны он увидел ряд палаток с едой, в каждой – маленькая жаровня: он сразу уловил запах печеного лангуста...

– Боже мой! – Не раздумывая, он свернул в эту сторону.

Самураи сразу же преградили ему путь.

– *Гомэн насай, киндзиру!* – заявил один из них.

– *Иэ!* – резко ответил Блэкторн. – *Ватаси табэтай дэс. Ватаси Андзин-сан!* (Я проголодался. Я – Андзин-сан!)

Блэкторн начал протискиваться среди них. Старший поспешил его остановить. Мигель быстренько вернулся к ним и стал успокаивающе

объяснять что-то, попросил разрешения, и оно было неохотно дано.

– Пожалуйста, Андзин-сан, командир говорит, что вы можете поесть, если вам хочется. Что бы вы хотели?

– Вот это, пожалуйста. – Блэкторн указал на гигантских креветок, обезглавленных и разделанных, – мясо было бело-розовое, очищенное от покрова с большим искусством. – Вот этих. – Он не мог оторвать от них глаз. – Пожалуйста, скажите командиру, что я не ел почти два дня и проголодался. Простите.

Продавец, старый человек с тремя зубами и обветренной кожей, в одной набедренной повязке, надулся от гордости, что выбрали его палатку, выложил на поднос пять лучших креветок с аккуратными палочками для еды, а остальные поставил подогреваться.

– *Додзо*, Андзин-сама!

– *Домо*. – Блэкторн почувствовал, как у него заныл желудок. Его мутило. Новыми деревянными палочками для еды он взял одну креветку, опустил в соус и с удовольствием съел. Ощущения изумительные...

– Брат Мигель? – предложил он, протягивая тарелку. Мигель взял одну, но только ради приличия. Командир отказался, хотя и поблагодарил.

Блэкторн расправился со своей тарелкой и взял еще две. Он мог бы съесть и еще пару, но решил воздержаться – из приличия и потому, что не хотел перенапрягать желудок.

– *Домо*. – Он возвратил тарелку с обязательной вежливой отрыжкой. – *Бими дэс!* (Превосходно!)

Старый продавец просиял и поклонился, все продавцы вокруг тоже поклонились, и тут Блэкторн, к своему ужасу, понял, что у него нет денег. Он покраснел.

– В чем дело? – поинтересовался Мигель.

– Я... Э-э-э... У меня нет с собой денег или чего-нибудь, что можно отдать этому человеку. Вы не могли бы одолжить мне немного, пожалуйста?

– У меня нет денег, Андзин-сан. Мы не носим денег.

Наступило неловкое молчание. Продавец ухмылялся, терпеливо ожидая денег. Мигель смущенно обратился к командиру, но просьбу изложил спокойно. Самурай был взбешен поведением Блэкторна и что-то резко сказал одному из своих людей. Тот вышел вперед и красивым

жестом протянул деньги. Мигель многословно поблагодарил и, красный, вспотевший, повел их дальше. Блэкторн подошел к Мигелю:

– Извините, что так получилось, но это... Со мной этого никогда не было! Я первый раз покупал здесь для себя! У меня никогда не было денег, как ни странно это звучит, и я никогда не думал... Я никогда не пользовался здесь деньгами...

– Пожалуйста, забудьте об этом, Андзин-сан. Ничего страшного.

– Прошу вас, скажите старшему, что я расплачусь с ним, когда попаду на корабль.

Мигель выполнил его просьбу. Некоторое время они шли молча, Блэкторн пытался на ходу определить направление. В конце улицы виднелся морской берег, спокойное и тихое под лучами солнца море. Тут он понял, куда они идут, и показал налево, на широкую улицу, которая шла с востока на запад:

– Давайте пойдём этой дорогой!

– Здесь быстрее, Андзин-сан.

– Да, но этим путем мы будем проходить через миссию иезуитов и мимо португальского корабля – лорчи. Я предпочел бы сделать круг и обойти длинным путем.

– Мне сказали идти здесь.

– Давайте пойдём другой дорогой. – Блэкторн остановился.

Командир спросил, в чем дело, Мигель объяснил. Самурай махнул рукой в ту сторону, куда предлагал пойти Мигель.

Блэкторн взвесил все последствия своего отказа: его заставят, или свяжут и понесут, или поволокут. Нет уж, лучше уступить. Он пожал плечами и зашагал. Они вышли на широкую дорогу, что вилась вдоль берега. На расстоянии в половину рю отсюда – иезуитская пристань со складами, в ста шагах дальше можно разглядеть португальский корабль. За ним, еще в ста шагах, стоит его галера. До нее еще слишком далеко и разобрать, есть ли кто на палубе, невозможно. Блэкторн поднял камешек и бросил в море.

– Давайте немного пройдемся по берегу.

– Конечно, Андзин-сан. – Мигель сошел с дороги на песок. Блэкторн зашел в море на мелкое место, наслаждаясь его прохладой и звуками слабого прибоя.

– Славно здесь, на море, в это время...

– Ах, Андзин-сан! – Дружелюбие Мигеля, казалось, прорвалось внезапно. – Много раз, прости меня, Мадонна, мне хотелось быть не священником, а просто сыном своего отца, одним из сыновей...

– Почему?

– Увести бы вас тайком, вас и ваше странное судно, в Иокогаму, в Хидзэн, нашу большую гавань в Сасэбо. Вот там я попросил бы вас показать мне и нашим морским капитанам, как плавают по морю ваши суда, какими путями вы плаваете... В свою очередь я предложил бы вам лучших учителей в государстве, знатоков бусидо, тя-но-ю, хара-гэй, ки, медитации сасэн, аранжировки цветов – всех тех особых, уникальных знаний, которыми мы обладаем.

– Вот это по мне. Почему бы нам этим не заняться?

– Сегодня – невозможно. Но вы уже многому и за столь короткое время научились... Марико-сама была прекрасным учителем. Вы достойный самурай! И вы обладаете качеством, которое так редко здесь, – непредсказуемостью. Им обладал тайко, оно присуще также Торанаге. Видите ли, обычно мы очень предсказуемые люди.

– Вы?

– Да.

– Тогда подскажите, как мне избежать ловушки, в которую я попал.

– Простите, Андзин-сан, но вы заблуждаетесь, – возразил Мигель.

– Я не верю в это. Как вы узнали, что мой корабль в Иокогаме?

– Это все знают.

– Да?

– О вас знают почти всё – и как вы защищали господина Торанагу и госпожу Марию, госпожу Тода, – об этом хорошо известно. И все вас уважают.

– Я ничему этому не верю. – Блэкторн подобрал еще один плоский камешек и бросил его так, что он полетел, подпрыгивая, над водой.

Они продолжали идти, Блэкторн мурлыкал матросскую песню. Этот Мигель ему симпатичен... Они обошли волнолом, вставший на их пути, и снова оказались на дороге. Склады иезуитов и миссия высоко поднимались над ними на фоне краснеющего неба. Он увидел братьев в оранжевых одеждах, охраняющих арочные каменные ворота, и почувствовал их враждебность, но его это не трогало. Вот голова снова начала болеть – это хуже. Как Блэкторн и рассчитывал, Мигель сразу направился к воротам миссии. Капитан приготовился к тому, что

им придется избить его до полусмерти, прежде чем он будет обезоружен и затащен внутрь.

– Вы только проводите меня на галеру?

– Да, Андзин-сан. – К его удивлению, Мигель сделал ему знак остановиться у ворот. – Ничего не изменилось. Мне сказали известить отца-инспектора, когда мы будем проходить здесь, простите меня, но вам придется немного подождать.

Остановленный стражей, Блэкторн смотрел, как Мигель вошел в ворота. Он ждал, что миссия окажется концом его путешествия: сначала инквизиция и суд, потом пытки, затем его передадут в руки генерал-капитана. Блэкторн посмотрел на лорчу в ста шагах от него: Феррьера и Родригес – на корме, вооруженные до зубов; моряки, тоже с оружием, толпятся на нижней палубе. За кораблем дорога к пристани изгибается, видно его галеру. У планшира стоят люди – ему показалось, что он видит Ябу и Винка. На борту – несколько женщин. Кто это? Вокруг галеры – серые, много серых.

На лорче канониры слоняются около двух небольших пушек, направленных в сторону берега, – они уже зарядили и нацелили эти пушки. Он узнал огромную тушу Пезаро, боцмана, спускающегося по сходням с группой моряков, посмотрел, куда они идут, и кровь застыла у него в жилах. На утоптанной площадке в дальнем конце пристани был установлен высокий столб, вокруг основания столба навалена целая куча дров.

– А, капитан! Ну как у вас дела? – Это дель Акуа вышел из ворот.

Он кажется особенно высоким рядом с Мигелем. На этот раз отец-инспектор в рясе иезуита. «Такой рост и роскошная серо-белая борода придают ему вид библейского патриарха, инквизитора до мозга костей, внешне такого доброго...» – подумал Блэкторн. Он посмотрел в его карие глаза – странно, что у кого-то есть такие глаза. Еще более странно, что в этих глазах, кажется, мелькнуло сочувствие. Но ни жалости, ни сострадания тут не будет – это ясно. Да он и не ждет ничего такого.

– А, отец-инспектор! – Блэкторн приветствовал его, кровати сразу колом встали у него в желудке.

– Может быть, пройдемся?

– Почему бы и нет?

«Ну, значит, допрос будет вестись на борту, – подумал Блэкторн, отчаянно жалея, что с ним нет пистолетов. – Вам следовало бы умереть первым, ваше преосвященство...»

– Оставайтесь здесь, Мигель, – велел дель Акуа. Он посмотрел в сторону португальского судна, лицо его окаменело.

Блэкторн заколебался. Мигель и самураи смотрели на него со странным выражением.

– *Саёнара*, Андзин-сан, – произнес Мигель. – Идите с Богом!

Блэкторн коротко кивнул и пошел вперед между самураями, каждую секунду ожидая, что на него нападут, отнимут мечи. Но его беспрепятственно пропустили. Тогда он остановился и оглянулся с бешено бьющимся сердцем. В какой-то момент появилось искушение вытащить меч и атаковать первым. Но тогда нет никакой возможности спастись – они не станут сражаться с ним. У многих пики, так что им ничего не стоит схватить и обезоружить его, а потом связать. «Я не пойду связанным», – пообещал он себе. Единственный путь для него – вперед, а там его мечи беспомощны против пушек. Он мог бы напасть и на пушки, но ему только перебьют ноги и свяжут.

– Капитан Блэкторн, пойдете? – окликнул дель Акуа.

– Да, сейчас... Подождите минутку, пожалуйста. – Блэкторн сделал знак Мигелю. – Послушайте, брат, спускаясь к берегу, вы сказали, что я был достойный самурай...

– Да, Андзин-сан, я это сказал.

– Тогда я прошу вас об одолжении, как самурай. – Он был спокоен, но настойчив.

– О каком одолжении, Андзин-сан?

– Умереть как самурай.

– Ваша смерть не в моей власти. Она в руках Бога, Андзин-сан.

– Да, но я прошу вас об одолжении. – Блэкторн махнул рукой в сторону столба. – Это нечестно! Это подло!

В недоумении Мигель посмотрел в сторону лорчи. Потом впервые увидел столб.

– Боже мой...

– Капитан Блэкторн, пойдете, пожалуйста, – позвал его дель Акуа. Блэкторн попросил, еще более настойчиво:

– Объясните командиру. У него здесь достаточно самураев, чтобы он мог настоять на своем. Объясните ему. Вы были в Европе. Вы

знаете, как это там происходит. Я ведь немного прошу, правда? Пожалуйста, я же самурай! Один из них может быть мне помощником.

– Я... я спрошу. – Мигель вернулся к командиру и стал переговариваться с ним, негромко, но настойчиво.

Блэкторн сконцентрировал свое внимание на корабле – ему пришлось немного пройти вперед. Дель Акуа ждал его. Впереди Блэкторн увидел Феррьера, с гордым видом спускающегося с полюта на главную палубу, – за поясом пистолеты, на боку рапира. Родригес следит за ним, держа правую руку на длинноствольном дуэльном пистолете. Пезаро и десять других моряков уже стояли на пристани, опираясь на мушкеты с примкнутыми штыками. Тень от столба передвинулась и теперь тянулась в его сторону.

«О Боже! Мне бы пару пистолетов и десяток моряков с одной пушкой... – подумал он, глядя, как неотвратно сокращается расстояние. – О Боже, не дай мне пережить такой позор!..»

– Добрый вечер, ваше преосвященство. – Феррьера не спускал глаз с Блэкторна. – А, вот и англичанин...

– Добрый вечер, генерал-капитан. – Дель Акуа сердито посмотрел на столб. – Это ваша идея?

– Да, ваше преосвященство.

– Возвращайтесь на борт своего корабля!

– Это дело военных.

– Отправляйтесь на борт!

– Нет! Пезаро! – Пезаро со своей командой тут же выступил вперед и направился к Блэкторну. Феррьера выхватил пистолет. – Ну, англичанин, вот мы и встретились снова...

– Меня это как раз меньше всего радует. – Блэкторн вытащил меч. Он неловко держал его двумя руками, сломанная рукоятка царапала руку.

– Сегодня ты будешь радоваться в аду! – хрипло проворчал Феррьера.

– Если у вас есть хоть капля мужества, вы будете сражаться со мной один на один. Но вы не мужчина – вы трус, испанский трус и кастрат!

– Разоружить его! – приказал Феррьера.

Тут же вперед вышли десять матросов, наставив штыки на уровне груди. Блэкторн попробовал отступить назад, но он был уже окружен,

багинеты нацелились ему в ноги. Блэкторн замахнулся на нападающего мечом, но в это время его атаковали сзади... Дель Акуа вышел из себя:

– Опустите ружья! Именем Бога я приказываю вам опустить ружья!

Моряки остановились в замешательстве... Все мушкеты были направлены на Блэкторна... Он беспомощно стоял на берегу бухты, высоко подняв меч.

– Отойдите, все отойдите! – приказал дель Акуа. – Назад! Богом заклинаю, отойдите! Люди вы или звери?

Феррьера заявил:

– Мне нужен этот человек!

– Я уже говорил вам, чтобы вы не смели его трогать! Ни вчера, ни сегодня! Вы слышите? Боже, дай мне терпение! Прикажите вашим людям подняться на борт!

– Я приказываю вам повернуться и уйти!

– Вы приказываете мне?

– Да, я приказываю вам! Я генерал-капитан, губернатор Макао, главнокомандующий войсками Португалии в Азии! Этот человек угрожает государству, Церкви, черному кораблю и Макао!

– Клянусь Богом, я уничтожу вас и всю вашу команду, если вы тронете этого человека! Вы поняли? – Дель Акуа повернулся к мушкетерам, которые в испуге отошли назад, – все, кроме Пезаро: он с вызывающим видом стоял на том же месте, небрежно держа в руке пистолет, и явно ждал, что сделает Феррьера. – Отправляйтесь на корабль и уступите дорогу!

– Вы ведете себя неправильно! – взорвался Феррьера. – Он опасен! Я главнокомандующий в Азии, и я заявляю...

– Это дело Церкви, а не военное!

Блэкторн застыл в оцепенении, не способный думать и видеть. Голова разрывалась от боли. Все происходило так быстро – то он под стражей, то нет, то его выдают инквизиции, то спасают, то снова выдают. И главный инквизитор защищает его. Все запуталось и потеряло смысл.

Феррьера кричал:

– Я еще раз вас предупреждаю! Бог мне судья, но вы делаете ошибку! Я сообщу об этом в Лиссабон!

– Хорошо! А пока прикажите вашим людям подняться на борт или я лишу вас права командовать черным кораблем!

– Вы не имеете таких полномочий!

– Если вы не прикажете вашим людям подняться на борт и возьмете под стражу англичанина, я распоряжусь вас уничтожить – и всех, кто у вас под началом, и всю команду – и прокляну вас и всех, кто у вас служит! Именем Бога!

– Клянусь Мадонной!.. – Феррьера вдруг остановился. За себя он не боялся, но под угрозой его черный корабль... Если сейчас он не повинуется священнику, большая часть команды разбежится... Какое-то время он размышлял, не подстрелить ли отца-инспектора... Но это не поможет ему избежать анафемы. Ладно, он уступит... – Всем возвращаться на борт, всем! Уходите!

Люди его послушно разошлись – гнев отца-инспектора миновал их, и слава Богу!

Блэкторн видел все как в тумане... Цела ли еще его голова?..

В суматохе все забыли о Пезаро. Он поднял пистолет и прицелился. Мгновение – и дель Акуа, заметив это, бросился вперед и закрыл Блэкторна своим телом. Пезаро уже нажимал на курок... и в этот момент его пронзило несколько стрел. Пистолет выстрелил, не

причинив никому вреда. Пезаро рухнул на землю с криком боли и ярости. Блэкторн обернулся: шестеро лучников Киямы приготовили новые стрелы, рядом с ними стоял Мигель. Командир что-то хрипло проговорил. Пезаро издал последний стон, конечности его дернулись, он отдал Богу душу.

Мигель, весь дрожа, заговорил первым, стремясь разрядить накаленную атмосферу:

– Командир говорит: извините, но он боялся за жизнь отца-инспектора.

Мигель просил Бога простить его за то, что он дал сигнал стрелять. «Пезаро был предупрежден, – доказывал он себе. – Это мой долг – следить, чтобы приказы отца-инспектора выполнялись, чтобы его жизни ничто не угрожало, чтобы убийцы были наказаны и никто не пострадал!»

Дель Акуа опустился на колени у трупа Пезаро, осенил его крестом и прочитал молитву. Португальцы, стоявшие вокруг него, с ненавистью следили за самураями, страстно желая отомстить за товарища. Самураи Киямы, остававшиеся у ворот миссии, спешили к ним. Масса серых устремила к месту стычки от галеры, пытаясь выяснить, что происходит на берегу бухты.

Феррьера, несмотря на слепящую ярость, понимал: вступить в схватку прямо здесь и сейчас невозможно!

– Всем подняться на борт! Забрать Пезаро!

Высадившаяся на берег команда неохотно начала выполнять приказание.

Блэкторн опустил меч, но не убрал его в ножны. Он замер, ошеломленный, ожидая подвоха. Вот сейчас его схватят и потащат на борт корабля. На юте Родригес распорядился:

– Все по местам! Осторожно, Бога ради! – Его люди кинулись на боевые позиции. – Прикрывать генерал-капитана! Приготовить баркас!

Дель Акуа повернулся к Феррьере, который стоял у сходен, готовясь защищать свой корабль.

– Вы виновны в смерти этого человека! – выкрикнул отец-инспектор. – Ваша фанатичная мстительность, ваше...

– Прежде чем вы при всех скажете что-нибудь, о чем после пожалеете, я советовал бы вам подумать! – прервал его Феррьера. – Я выполнил ваш приказ, хотя и знаю: вы делаете ужасную ошибку! Вы

слышали приказ всем моим людям вернуться на корабль! Пезаро не послушался вас, а не меня! Ответственность – на вас. Если вообще кто-то виноват. Вы не дали ему и всем нам выполнить наш долг! Этот англичанин – наш враг! Это дело военных! Я сообщу в Лиссабон. – Теперь ему оставалось проверить готовность корабля к бою, выяснить, сколько самураев к ним приближаются.

Родригес подошел к сходням главной палубы:

– Генерал-капитан, я не смогу выйти в море при таком ветре и приливе.

– Приготовьте баркас для буксировки, если потребуется!

– Уже готовят.

Феррьера закричал морякам, несущим Пезаро:

– Быстрее, быстрее!

Все поднялись на борт. Пушки готовы, каждый положил около себя по два заряженных мушкета. Слева и справа на пристань подтягивались самураи, но никто не пытался вмешаться.

С палубы Феррьера угрожающе заявил Мигелю:

– Скажи им, чтобы разошлись! Им здесь нечего делать! Произошла ошибка, очень жаль... Они были правы, стреляя в боцмана... Скажи им, чтобы они разошлись! – Бог видит, как тяжело просить об этом, но он почти физически чувствовал запах опасности и ничего не мог сделать – только отступить...

Мигель подчинился. Самураи не тронулись с места.

– Вам лучше уйти, ваше преосвященство, – с горечью сказал Феррьера. – Но это не последняя встреча. Вы еще пожалеете, что спасли его!

Дель Акуа тоже понимал: тучи вокруг них сгущаются, но его это не беспокоило. Он осенил себя крестным знаменем, прочитал короткую молитву.

– Пойдемте, капитан.

– Почему вы позволяете мне уйти? – Блэкторн не осмеливался верить, боль в голове усилилась. – Почему? Не понимаю...

– Я тоже! – крикнул Феррьера. – Мне хотелось бы знать настоящую причину, ваше преосвященство. Разве он не угрожает нам и Церкви?

Дель Акуа спокойно смотрел на него. «Угрожает – да, – хотелось сказать ему. Стереть высокомерие с лица этого щеголя. – Но еще большая угроза – немедленная война. Как мне выиграть время для нас

и еще пятидесяти рейсов черного корабля? Кого выбрать – Торанагу или Исидо? Вы ничего не смыслите в наших проблемах, Феррье́ра. В том, с какими препятствиями мы сталкиваемся. Сколь деликатно наше положение здесь... Какие опасности нас подстерегают...»

Вчера дель Акуа в беседе с Киямой использовал Мигеля как переводчика, не доверяя своему знанию японского языка, хотя владел им очень хорошо.

– Пожалуйста, подумайте еще, господин Кияма, – просил он даймё. – Я предлагаю вам в этой ситуации сделать ставку на Торанагу.

– Это недопустимое вмешательство в дела Японии, оно выходит за пределы ваших полномочий. К тому же чужеземец должен умереть.

Дель Акуа применил все свое дипломатическое искусство, но Кияма был непреклонен и отказался подумать или изменить свою позицию. Сегодня утром, когда он пошел к Кияме сообщить, что благодаря воле Божьей англичанин окажется в их руках, появился проблеск надежды.

– Я все же подумал о том, что вы вчера сказали, – заявил ему Кияма. – Я не буду вступать в союз с Торанагой. С сегодняшнего дня и до главной битвы я буду следить за обоими соперниками и сделаю выбор в нужный момент. Я согласен отпустить этого чужеземца... не потому, что вы меня об этом попросили, а из-за госпожи Мари́ко, чтобы почтить ее память... и потому, что Андзин-сан – самурай...

Феррье́ра все еще ждал от него ответа.

– Желаю вам безопасного плавания, генерал-капитан, помощи вам Бог! Капитан, я провожу вас на галеру. Как вы себя чувствуете?

– У меня... Моя голова... Я думаю, все из-за этого взрыва. Вы действительно разрешаете мне уйти? Почему?

– Из-за госпожи Марии, госпожи Мари́ко. Она просила меня побережечь вас. – Дель Акуа направился к галере.

– Но это не причина! Вы бы не сделали этого только по ее просьбе.

– Тут я с ним согласен, – пробормотал Феррье́ра. – Ваше преосвященство, почему не сказать ему всю правду?

Дель Акуа не остановился. Блэкторн направился вслед за ним, но старался не поворачиваться к кораблю спиной – он все еще ожидал подвоха.

– Не заботьтесь об этом! – бросил он Феррье́ре. – Вы же знаете, я все равно уничтожу вас! Я захвачу ваш черный корабль!

Феррьера презрительно захохотал:

– Это каким же образом, англичанин? У тебя нет корабля!

– Что вы имеете в виду?

– У тебя нет корабля! Он погиб! А то я не дал бы тебе уйти, как бы там ни угрожал мне его преосвященство!

– Это неправда!..

Сквозь туман в голове Блэкторн слышал, как Феррьера повторил это еще раз и захохотал еще громче. Еще что-то о несчастном случае и воле Божьей... И что корабль сгорел полностью... Ему теперь никогда не удастся навредить черному кораблю. Хотя он не перестал быть врагом – он еретик и все еще угроза для веры. Блэкторн разглядел жалость на лице Родригеса, почувал, как его губы шепчут:

– Да, англичанин, это правда...

«Нет-нет! – кричало у него внутри. – Это не может быть правдой!»

И тут отец-инспектор, с расстояния в тысячи лиг, произнес:

– Я получил утром письмо от отца Алвито. Это произошло во время землетрясения. Приливная волна...

Но Блэкторн уже не слушал. «Твой корабль погиб! Ты позволил ему погибнуть! Твой корабль мертв! У тебя нет корабля... нет корабля... нет корабля...»

– Это неправда! Вы лжете! Мой корабль в безопасности, он в гавани, его охраняют четыре тысячи самураев! Он не может погибнуть!

– Если только на то не будет воли Господа! – раздалась чьи-то слова.

Инквизитор продолжал:

– Приливная волна наклонила ваш корабль. Говорят, что лампы на палубе опрокинулись, огонь распространился. Ваше судно сгорело.

– Ложь! А палубная вахта? Там всегда стоит вахтенный! Это невозможно! – закричал Блэкторн. Но он уже понял, что ценой его жизни был его корабль.

– Ты списан на берег, капитан! – глумился Феррьера. – Ты теперь на якоре! Останешься здесь на всю жизнь, тебе никогда не дадут пропуска на наши корабли! Ты навеки останешься здесь, на берегу!

Время для него будто остановилось. Он стал тонуть. Потом глаза его прояснились. Он услышал крики чаек, почувал запах мусора на берегу, увидел Феррьера, увидел всех своих врагов и понял: все это

ложь... Все они лгут, чтобы вывести его из равновесия... Он понял это очень четко и решил, что священник тоже участвует в заговоре.

– Черт бы тебя побрал! – закричал он и бросился на Феррьеру, высоко подняв меч. Но этот бросок он совершил только в мыслях. Он не успел. Его легко остановили и отобрали мечи. Он идет между двумя серыми, среди всей собравшейся толпы. Так его довели до сходен галеры, вернули мечи и дали возможность двигаться самому.

Он едва видел, почти не слышал. Мозг с трудом что-то соображал сквозь заполнившую его боль. Конечно, это уловка, чтобы свести его с ума, и они бы преуспели, если бы он поддался. «Боже, помоги мне! – взмолился он. – Кто-нибудь, помогите мне!» Вдруг рядом с ним оказались Ябу, Винк, его вассалы. Он не мог уже разобрать, на каких языках с ним говорят. Его проводили на борт. Кири, Садзуко... Ребенок плачет на руках у няньки... На палубе толпятся оставшиеся самураи в коричневой форме, гребцы, моряки. Ябу и Винк что-то говорят ему. Чтобы сосредоточиться, ему потребовалось много времени...

– Капитан, ради Бога, объясните, почему они дали вам уйти?

– Я... Они... – Он не мог сказать ни слова.

Вот он на полуяте, и Ябу командует капитану немедленно выходить в море, прежде чем Исидо передумает отпустить их всех. Прежде чем серые на пристани передумают... Он приказывает капитану полным ходом идти в Нагасаки. Кири говорит:

– Простите, Ябу-сама, сначала в Эдо, нам надо в Эдо...

Небольшое суденышко легко несется на веслах от верфи, против приливного течения и ветра, и выходит на большую воду. Чайки кричат им вслед. Блэкторн наконец справился со своим оцепенением настолько, что смог связно произнести:

– Нет, извините! Давайте в Иокогаму! Нужно попасть в Иокогаму!

– Сначала отправим людей в Нагасаки, Андзин-сан, вы меня понимаете? Это важно. Сначала людей. У нас есть план. – Это Ябу.

– Нет, плывем в Иокогаму. Мой корабль... Мой корабль в опасности...

– В какой опасности? – требует ответа Ябу.

– Христиане говорят... говорят: он сгорел!

– Что?

– Ради Бога, капитан, это не ошибка? – кричит Винк.

Блэкторн дрожащей рукой показывает на лорчу:

– Они мне сказали... Они говорят: «Эразм» погиб, Йохан... Наш корабль пропал... сгорел... – Тут он не выдерживает и кричит: – О Боже! Сделай так, чтобы это было вранье!

Часть шестая

Глава 60

Он стоял на мелководе и смотрел, как легкий прибой омывает обугленный остов корабля, наклонившегося и севшего на дно. Судно застряло в семидесяти ярдах от берега. Мачты исчезли, палубы не было. Сгорело все, кроме киля и торчащих в небо шпангоутов.

– Эти обезьяны пытались вытащить его на берег, – уныло сказал Винк.

– Нет, это его прибоем так вытащило.

– Боже мой, зачем вы так говорите, капитан? Если бы вы были здесь, при этом дьявольском пожаре и у этого Богом проклятого берега, вы бы тоже вытащили его на берег, чтобы лучше бороться с огнем! Даже эти обезьяны знали! – Винк сплюнул на песок. – Вам не следовало доверять им корабль... Что мы теперь будем делать? Как попадем домой? Вам надо было для надежности отправить корабль в Эдо, и нас тоже, вместе с *этой*.

Жалобные ноты в голосе Винка раздражали Блэкторна, каждая мелочь в Винке теперь его раздражала. Трижды за последнюю неделю он чуть не приказал своим вассалам тихонько прикончить Винка и выбросить за борт. Он сам был в таком состоянии, что не мог выносить нытья, раздражения, досады. Но каждый раз сдерживался и уходил на палубу или спускался в трюм, отыскивая Ябу. При нем Винк не издавал ни звука – боялся, и не без оснований... На борту корабля сдерживаться легче, а здесь, на берегу, перед этим голым скелетом, непросто сохранять спокойствие.

– Может быть, они и вытащили его на берег, Йохан. – Он чувствовал смертельную усталость.

– Вы готовы поспорить, что эти негодяи вытащили его на берег! Но они же не погасили пожар, черт бы их всех побрал! Не следовало допускать на корабль этих желторылых грязных обезьян...

Блэкторн перестал его слушать и сосредоточился на галере. Она стояла на якоре ближе к пристани, в нескольких сотнях шагов от берега. Навесы лагеря мушкетного полка на берегу и у подножия гор остались целы, люди маршировали, куда-то торопились, чувствовалось какое-то беспокойство. Стоял теплый, солнечный день без малейшего ветерка. Откуда-то доносился запах мимозы. Он разглядел на полуоте

Кири и госпожу Садзую под оранжевыми зонтиками – они беседовали. А, вот почему мимоза... Потом увидел Ябу и Нагу, расхаживающих по пристани: Нага говорил, а Ябу слушал, оба были захвачены разговором. Вот они посмотрели на него, – видимо, чем-то встревожены.

Когда галера два часа назад повернула к деревне, Ябу высказался определенно:

– Зачем подходить к нему, Андзин-сан? Корабль мертв, все кончено. Поедьте в Эдо! Нужно готовиться к войне, а времени у нас не много.

– Прошу прощения, давайте остановимся здесь. Я должен глянуть повнимательнее. Пожалуйста.

– Поедьте в Эдо. Корабль мертв – с ним покончено.

– Если хотите, идите – я доберусь вплавь.

– Пойдите, но разве я не прав, что корабля больше нет?

– Извините, я прошу вас остановиться. Ненадолго. Потом поплывем в Эдо.

Ябу наконец согласился, они причалили, их встретил Нага с красными от недосыпания глазами.

– Прошу прощения, Нага-сан. Пожалуйста, объясните, что здесь происходит?

– Простите, не знаю. Меня здесь не было, понимаете? Меня на несколько дней посылали в Мисиму. Когда я вернулся, мне сказали, что ночью было землетрясение. Все произошло ночью, понимаете? Вы поняли – землетрясение, Андзин-сан?

– Да, понял, пожалуйста, продолжайте.

– Землетрясение, не такое уж сильное. Ночью. Одни говорят: был большой прилив, другие – только одна большая волна... В ту ночь был шторм. И тайфун. Вы поняли – тайфун?

– Да-да.

– Ах, извините. Очень темная ночь. Большая волна, опрокинулись масляные лампы, корабль охватило огнем. Все сгорело – очень быстро.

– А охрана, Нага-сан? Палубные матросы?

– Очень темно. Огонь... Он распространился очень быстро, понимаете? Извините. *Сиката га най?* – добавил он с надеждой.

– Палубные матросы, Нага-сан, где они были? Я оставил стражу.

– Когда через день я вернулся, мне было очень жаль. Корабль уже догорал там, на отмелях, у берега. С кораблем было покончено. Я собрал всех людей с корабля и весь береговой патруль, дежуривший в ту ночь, приказал им дать мне отчет. Никто не мог сказать наверняка, как это случилось. – Нага потемнел лицом. – Я приказал собрать все, что можно найти, и принести, понимаете? Все! Теперь все там – наверху, в лагере. – Он указал на плато. – Под охраной. Моей охраной. Потом я казнил их и поспешил снова в Мисиму, сообщить господину Торанаге.

– Казнили? Всех?

– Да, они не выполнили свой долг.

– Что говорит господин Торанага?

– Очень сердит. Он прав, что рассердился. Я хотел совершить сэппуку. Господин Торанага отказался дать разрешение. Э-э-э! Господин Торанага очень сердит, Андзин-сан. – Нага нервно махнул рукой, показывая на берег. – Весь полк в немилости, Андзин-сан. Все начальники разжалованы, отправлены в Мисиму. Пятьдесят восемь уже совершили сэппуку.

Блэкторн подумал об этих пятидесяти восьми, и ему захотелось кричать от боли... Пять тысяч... и пятьдесят... Разве это вернет его корабль?!

– Плохо, – произнесли его губы. – Очень плохо.

– Да, Андзин-сан. Лучше отправляйтесь в Эдо. Сегодня. Война может начаться сегодня, завтра, послезавтра, на следующий день. Прошу прощения.

Нага стал настойчиво доказывать что-то Ябу, а Блэкторн, плохо соображая, ненавидел эти неприлично звучащие слова, ненавидел Нагу, Ябу, всех остальных... Он почти не понимал, о чем речь, хотя и видел, что беспокойство Ябу увеличивается. Нага снова повернулся к нему и сказал решительно:

– Сожалею, Андзин-сан, но больше я ничего не мог сделать.

Хонто.

Блэкторн заставил себя кивнуть:

– Хонто. *Домо*, Нага-сан. *Сиката га най.*

Он еще поизвинялся и ушел к кораблю, чтобы побыть одному. Вряд ли ему удастся и дальше сдерживать свой гнев. Ничего он не может поделать, никогда не узнает всей правды: почему потерял корабль?

Возможно, священники умудрились нанять людей или обманом, угрозами заставили участвовать в таком подлом деле. Он медленно и прямо пошел прочь от Ябу и Наги, но, прежде чем ему удалось покинуть пристань, Винк бросился за ним.

– Капитан, не оставляйте меня здесь одного! – Блэкторн видел, что Винка обуревают страх. Пусть торчит рядом, надо просто полностью от него отключиться...

Неожиданно они вышли на берег к тому месту, где торчали эти ужасные останки человеческих голов. Более сотни... Скрытые от пристани дюнами, они возвышались над песком на специально вбитых кольях. Когда Блэкторн и Винк приблизились, поднялось целое кричащее облако белых морских птиц. Но стоило людям уйти, как птицы тут же уселись обратно, продолжая кричать и ссориться. Захваченный одной мыслью, Блэкторн смотрел на остов своего корабля. «Марико... Она все видела, понимала истинное положение вещей... Я так и слышу, как она шепнула священникам или Кияме: „Без корабля Андзин-сан ничем не сможет повредить Церкви. Прошу вас: оставьте его в живых... А корабль...“ Она была права: это самое простое решение проблемы, возникшей из-за меня у католиков. Но ведь они и сами могли додуматься... А как они пробрались – четыре тысячи охраны?! Кого удалось подкупить? Как? Впрочем, теперь это не важно... Боже, помоги мне! Без моего корабля я мертв! Я не могу помочь Торанаге, и его война погубит всех нас...»

– Бедный корабль, – вздохнул Блэкторн. – Прости меня, прости... Погибнуть так бессмысленно... Сколько морей мы прошли с тобой...

– Что с вами, капитан? – спросил Винк.

– Ничего. Прости, мой корабль... Никогда бы я не пошел на такую сделку – ни с ней, ни с кем-нибудь еще... Бедная Марико! Прости и ее тоже!

– Что вы сказали, капитан?

– Ничего, я только подумал вслух.

– Я слышал – вы что-то говорили, Богом клянусь!

– Ради того же Бога, заткнись!

– Заткнуться? Мы застряли здесь до конца наших дней, с этими проклятыми японцами! Так?

– Да, так.

– Нам придется унижаться перед этими проклятыми Богом паршивыми язычниками до конца своих проклятых дней. А ведь они только и говорят что о войне, о войне...

– Верно.

– Ах, верно? – Винк трясся всем телом. Блэкторн насторожился. – Это ваша вина! Вы сказали: пойдём в Японию, и мы пришли сюда. А сколько умерло по дороге? Это ваша вина!

– К сожалению, ты прав.

– Вы сожалеете, капитан? А как мы вернемся домой? Это ваша работа – привести нас домой! Как вы собираетесь это сделать?

– Не знаю. Сюда придут и другие наши корабли, Йохан. Мы только должны подождать.

– Ждать?! Сколько же времени ждать? Пять лет? Двадцать? Боже мой, вы сами сказали, что эти дерьмоголовые готовятся воевать! – Мозг Винка переключился на другое. – Они собираются отрубить нам головы, насадить их на колья. Мы будем как те, что там. И птицы будут выклевывать нам глаза. – Взрыв безумного смеха всколыхнул все его тело, он полез рукой под свою рваную рубаху.

Блэкторн видел дуло пистолета. Ему ничего не стоило сбить Винка с ног и отобрать оружие, но он не сделал ни малейшей попытки защититься. Винк размахивал пистолетом у него перед носом, приплясывая вокруг него со зловещей безумной ухмылкой. Блэкторн ждал – он не испытывал страха, он даже надеялся на пулю. Вдруг Винк повернулся и побежал к воде. Птицы взмывали перед ним в воздух с визгом и стонами. Винк в безумном порыве пробежал по берегу шагов сто – и тяжело упал на спину. Ноги у него еще двигались, руки вздымались, он выкрикивал какие-то ругательства. Вот он перевернулся на живот, крикнул в последний раз, обратившись лицом к Блэкторну, и замер... Наступила тишина.

Когда Блэкторн подошел к Винку, пистолет был направлен прямо на него, глаза смотрели с бешеной злобой, зубы ощерены. Винк был мертв. Блэкторн закрыл ему глаза, поднял его, взвалил на плечо и пошел обратно. К нему уже бежали самураи во главе с Нагой и Ябу.

– Что случилось, Андзин-сан?

– Он сошел с ума.

– Как это? Он мертв?

– Да. Сначала надо его похоронить, потом поплывем в Эдо.

– *Хай*.

Блэкторн послал за лопатой и попросил оставить его одного. Он похоронил Винка выше линии прилива, на гребне, откуда видны были останки корабля. Он прочитал молитву и соорудил над могилой крест из двух обломков плавника – досок, прибитых к берегу течением. Читать молитву над покойником было для него привычным делом: много-много раз приходилось ему стоять так над телами своих товарищей. Только в этом плавании – больше ста раз, с тех пор как они покинули Нидерланды. Из всей его команды выжили только Баккус ван Некк и юнга Крок. Остальные пришли с других кораблей: немой Соломон, Ян Ропер, кок Сонк, парусный мастер Гинсель. Пять кораблей и четыреста девяносто шесть человек. И вот еще Винк... «Все умерли, кроме нас семерых. А за что?.. Чтобы быть первыми, обогнувшими земной шар?»

– Не знаю... – сказал он могиле. – Теперь уже с этим покончено...

Блэкторн привел могилу в порядок, попрощался: «*Саёнара, Йохан!*» – спустился к морю и, раздевшись, поплыл к останкам корабля – помыться. Он сказал Наге и Ябу, что у них такой обычай – мыться после похорон на берегу одного из команды. Капитан делает это как бы украдкой, в одиночку, если больше нет никого из команды, и море очищает его перед Богом, который тоже христианский Бог, но не совсем такой, как у христиан-иезуитов.

Он уцепился за шпангоут судна и заметил, что там уже начинают скапливаться рачки. Песок заполнил все пространство, похоронив киль на три сажени. Скоро море предъявит свои права на него и корабль исчезнет совсем. Он бесцельно посмотрел по сторонам. Спасать уже нечего...

Блэкторн поплыл к берегу, где его ждали вассалы со свежим бельем. Он оделся, засунул за пояс свои мечи и пошел обратно к галере. Около пристани его окликнул один из вассалов:

– Андзин-сан!

Почтовый голубь, преследуемый ястребом, бешено махал крыльями – он искал спасения в клетке, висевшей на чердаке самого высокого деревенского дома, расположенного на спуске к морю, – своего дома. Когда до клетки осталось ярдов сто, ястреб высоко в небе сложил крылья над добычей и камнем устремился вниз. Атака его не удалась: только облако перьев разлетелось от удара. Голубь падал и

кричал, словно смертельно раненный, но перед самой землей выправился, полетел и проскользнул в отверстие в сетке. Ястреб издал свое «ёк-ёк-ёк» совсем рядом, в нескольких шагах. Все зрители обрадовались, кроме Блэкторна: его не тронули ум и смелость голубя, теперь его ничто не трогало.

– Вот здорово! – не удержался один из его вассалов, хотя и смущенный суровостью хозяина.

Блэкторн вернулся на галеру и застал там Ябу, госпожу Садзуко, Кири и капитана. Все было готово к отплытию.

– Ябу-сан, *има Эдо ка?* – спросил Блэкторн.

Но Ябу не отвечал, Блэкторна просто никто не заметил – все смотрели на берег: к деревне торопливо шел Нага, из дома навстречу ему – владелец голубя. Нага сломал печать, вскрыл письмо и посмотрел на листок бумаги: *«Галера и все находящиеся на борту должны оставаться в Иокогаме до моего прибытия. Торанага».*

Ранним утром по гребню холма мчались всадники. Впереди – пятьдесят сопровождающих и разведчики авангарда под командованием Бунтаро. За ними – большой военный отряд во главе с Оми. Следом – отец Алвито, Цукку-сан и десять его монахов, державшиеся плотной группой. Затем – небольшой арьергард, с ним несколько охотников с соколами на перчатках, соколы с колпачками на головах, кроме одного, большого желтоглазого ястреба-тетеревятника. Все самураи – вооруженные до зубов, в кольчугах, с боевым кавалерийским оружием.

Торанага ехал легко. При взгляде на него никто не узнал бы сурового, печального даймё, каким мы его оставили. Это был другой человек – сильный, бодрый, уверенный в своей цели и не таящий ее от других. Поездка его идет к концу, и он рад этому. Прошло два с половиной дня, с тех пор как он приказал Наге задержать галеру в Иокогаме и выступил из Мисимы форсированным маршем. Ехали очень быстро, меняя лошадей через каждые двадцать ри. На одной станции, где не оказалось свежих лошадей, ответственный за это самурай был смещен, жалованье его отдано другому, а ему приказано совершить сэппуку или обрить голову и стать монахом. Самурай выбрал смерть.

«Глупец был предупрежден, – думал Торанага. – Всё Канто было призвано к оружию и готовилось воевать. И все-таки этот человек погиб не совсем зря. Весть о том, что произошло на этой станции, облетела все мои владения – больше задержек не будет. Так много еще надо сделать...»

Голова шла кругом. Через четыре дня наступит тот день – двадцать второй день месяца любования луной. Сегодня в Осаке придворный Огаки Такамото нанесет официальный визит Исидо и с сожалением известит его, что Сын Неба из-за болезни принужден на несколько дней отложить свой визит в Осаку.

Устроить эту отсрочку оказалось очень легко. Огаки, принц седьмого ранга, девяносто пятый в династии, ведущей происхождение от императора Го-Сёко, как и все члены императорского двора, был беден. Двор не имел собственных доходов – ими располагали только самураи – и в течение сотен лет существовал на весьма скудное содержание, выдаваемое сёгуном, кампаку или военачальниками, взявшими власть в свои руки. К тому же содержание это тщательно контролировалось. Торанага почтительно и осторожно, действуя через посредников, выделил Огаки десять тысяч коку в год. Огаки пожелал передать эти деньги нуждающимся родственникам. Торанага скромно откликнулся: он – Миновара и, стало быть, тоже ведет свой род от Го-Сёко, так что рад услужить. И доверительно сообщил: погода в Осаке, особенно в двадцать второй день, ожидается неважная. Возвышенному позаботиться бы о своем драгоценном здоровье...

Конечно, гарантий не было. Вдруг Огаки не убедит, не отговорит Возвышенного, но Торанага догадывался, что советников Сына Неба и самого Сына Неба задержка обрадует – даст надежду, что потом можно и вообще отменить поездку. Только раз за три последних столетия правящий император оставлял свою резиденцию в Киото: четыре года назад он соблаговолил прибыть по приглашению тайко – посмотреть, как цветут вишни у Осацкого замка. Его визит совпал с передачей Яэмону титула кампаку. Таким образом предполагалось, что новая династия сёгунов будет узаконена императорской властью.

При обычных обстоятельствах ни один даймё, даже Торанага, не осмелился бы сделать такое предложение кому-нибудь из придворных. Это оскорбляло вышестоящие власти, в данном случае Совет регентов, лишало их многих привилегий и немедленно расценивалось как

измена, да так и было на самом деле. Но Торанага знал, что он уже все равно обвинен в измене.

«Завтра Исидо и его союзники выступят против меня. Сколько времени мне осталось? Где быть битве? В Одаваре? Победа зависит от времени и места, а не от числа воюющих. Соотношение сил не в мою пользу: один к трем. Ничего... Исидо выберется из Осацкого замка! В шахматной борьбе за власть я пожертвовал своего ферзя, но Исидо потерял две ладьи... Но в последней игре я утратил больше чем ферзя. Я лишился корабля. Ферзь может быть добычей, корабль – нет!»

Они спускались с холма быстрой, тряской рысью. Внизу рокотало море. После поворота тропинки появилась Иокогама, вдалеке в море, у берега, виднелись останки корабля. Торанага видел: на плато в боевом порядке выстроился мушкетный полк с лошадьми и снаряжением, мушкеты убраны в чехлы, почетный караул – самураи, прекрасно вооруженные, – выстроился в ряд по пути его следования. На окраине деревни жители аккуратными рядами стояли на коленях, приготовившись приветствовать Торанагу. На галере вместе с капитаном дожидались моряки. С обеих сторон пристани в идеальном порядке тянулись вытасценные на берег рыбацьи лодки... Торанага решил сделать замечание Наге: он приказал полку приготовиться к немедленному выходу, но отрывать рыбаков и крестьян от рыбной ловли и работы на полях – зачем это?

Он повернулся в седле и подозвал самурая:

– Передайте Бунтаро: пусть выезжает вперед и проверит, все ли благополучно и готово к моему приезду. Потом отправляйтесь в деревню и пошлите жителей на работу, кроме старосты.

– Да, господин. – Самурай вонзил шпоры в бока лошади и ускакал.

К этому времени Торанага подъехал к плато так близко, что мог различить лица: Андзин-сан, Ябу, Кири и госпожа Садзуко... Возбуждение его росло, настроение было приподнятое.

Мрачный Бунтаро скакал вниз по дороге с луком и двумя колчанами стрел за спиной, шестерка самураев мчалась за ним по пятам. Свернув с дороги, их группа оказалась на плато. Он сразу же увидел Блэкторна, и лицо его стало еще суровее. Бунтаро натянул поводья и осмотрелся: лицом к полку была устроена крытая обзорная площадка с подушкой на помосте; еще один, поменьше и пониже,

располагался рядом – там ждали Кири и госпожа Садзуко. Ябу, как старший, стоял перед полком, Нага – справа от него, Андзин-сан – слева. Решив, что здесь все в порядке, Бунтаро сделал знак подъезжать основной партии. На рысях подскочили всадники авангарда, спешили и встали защитной цепью вокруг обзорной площадки. Вот в центр площадки выехал Торанага. Нага высоко поднял боевое знамя, и четыре тысячи самураев грянули:

– Торана-а-а-га-а-а!.. – И все поклонились.

Торанага не ответил на приветствие. В полной тишине он оперся на седло и озирает всех: Бунтаро украдкой следит за Андзин-саном; Ябу держит меч – его подарок – и, видимо, очень нервничает; поклон Андзин-сана учтив, но невыразителен, рукоятка его меча сломана; Кири и самая младшая его наложница стоят на коленях, положив руки ладонями на татами, лица скромно опущены. Глаза его моментально смягчились. Но вот полк... Все еще стоят, согнувшись в поклоне. Он так и не ответил поклоном, только коротко кивнул и почувствовал, как по рядам прошел шорох – выпрямляются после поклона. Он ловко спрыгнул с лошади, радуясь, что они боятся его кары. Самурай взял поводья и увел лошадь, а он повернулся спиной к полку и, весь в пятнах пота, что обычно было в этом влажном климате, подошел к своим женщинам:

– Ну вот, Кири-сан, добро пожаловать домой!

Обрадованная Кири изящно поклонилась:

– Спасибо, господин. Я уж и не думала, что буду иметь удовольствие увидеть вас еще раз.

– Я тоже, госпожа. – Торанага позволил себе показать, как он счастлив, потом взглянул на молодую женщину. – Ну, Садзуко-сан? А где мой сын?

– С кормилицей, господин. – Она боялась дышать, счастливая его явным расположением.

– Пожалуйста, пошлите кого-нибудь принести сюда нашего ребенка.

– О, пожалуйста, господин. С вашего разрешения, можно мне принести его самой?

– Да, госпожа, если хотите. – Торанага улыбнулся и с любовью посмотрел на нее. Потом перевел взгляд на Кири. «У вас все хорошо?» – спросили его глаза.

Она поняла его:

– О да, господин, благодарю вас. Мне так отраднo видеть вас сильным и бодрым.

– Вы похудели, Кири-сан, и выглядите моложе, чем когда-либо.

– Ах, простите, господин, это не так, но все равно спасибо.

Он улыбнулся ей:

– Как бы потом ни пошли дела, вам это идет. Трагедия, уединенность, заброшенность... Я рад видеть вас, Кири-сан.

– Я так счастлива, господин, что безоговорочное повиновение вам госпожи Тода и ее жертва открыли Осаку. Ей было бы очень приятно, господин, знать, что все так удалось.

– Сначала я разберусь с этой толпой, потом мы поговорим. Нам надо о многом поговорить.

– Да, о да! – Глаза Кири сверкнули. – Сын Неба откладывает свой визит?

– Это было бы благоразумно.

– У меня для вас личное письмо от госпожи Отибы.

– Благодарю, это подождет. – Он помедлил. – Госпожа Марико погибла с честью? По своему выбору или несчастный случай, ошибка?

– Марико-сан выбрала смерть. Это было сэппуку. Если бы она не сделала то, что сделала, они бы захватили ее. О, господин, она держалась так безупречно в эти дьявольские дни, так мужественно. И Андзин-сан – тоже. Если бы не он, ее схватили бы и опозорили. Мы все были бы пойманы и обещены.

– Ах да, ниндзя! – вздохнул Торанага. Глаза его потемнели, и Кири вздрогнула. – Исидо за многое придется ответить, Кири-сан. А теперь, пожалуйста, извините меня. – Он подошел к обзорной площадке и сел, приняв суровый, грозный вид. Его плотно окружали телохранители.

– Оми-сан!

– Господин? – Оми вышел вперед и поклонился; он выглядел теперь старше и казался худощавее.

– Проводи госпожу Кирицубо в ее апартаменты и проследи за моими. Я останусь здесь ночевать.

Оми отсалютовал и ушел, а Торанага порадовался, что внезапное изменение планов не вызвало у Оми ни малейшего удивления. «Оми обучается, – подумал он, – или его шпионы сообщили ему, что я тайно

приказал Сударе и Хиромацу прибыть сюда. Может быть, я и останусь здесь до завтра».

Теперь он все внимание обратил на полк. По его сигналу вперед вышел Ябу и отсалютовал. Торанага вежливо обратился к нему:

– Я рад, Ябу-сан, что вы вернулись.

– Благодарю вас, господин. Разрешите вам сказать: я счастлив, что избежал ловушки Исидо.

– Рад за вас. В Осаке дела не очень хороши?

– Мой покой нарушен, господин. Я надеялся выбраться из Осаки и спокойно привести сюда обеих ваших дам, госпожу Тода, Андзин-сана и моряков для корабля. К несчастью, прошу прощения, нас дважды предали – и здесь, и там.

Торанага посмотрел на остов корабля, омываемый морем. Лицо его исказилось гневом, и все приготовились к взрыву... Но все обошлось.

– Карма... – неожиданно спокойно произнес Торанага. – Карма, Ябу-сан. Что можно сделать против стихии? Небрежность – это другое дело. Теперь относительно Осаки. Я хотел бы услышать обо всем, что произошло, в деталях, как только мы распустим полк и я приму ванну.

– У меня есть для вас письменный отчет, господин.

– Благодарю вас, но сначала я бы хотел, чтобы вы сами мне рассказали.

– Это верно, что Возвышенный не поедет в Осаку?

– Это решает сам Возвышенный.

– Вы хотели бы устроить смотр полку, перед тем как отпустить его? – церемонно осведомился Ябу.

– Почему я должен оказывать эту честь? Разве вы не знаете, что они провинились?

– Да, господин, я сожалею. – Ябу безуспешно пытался понять, что на уме у Торанаги. – Я был в ужасе, когда услышал, что случилось. Это кажется почти невероятным.

– Согласен. – Лицо Торанаги потемнело, он посмотрел на Нагу и плотные ряды самураев за ним. – Я все еще не возьму в толк, как могла произойти такая оплошность. Мне нужен этот корабль!

Нага возмутился:

– Прошу меня простить, господин! Желаете, чтобы я провел еще одно дознание?

– Что ты можешь сделать такого, чего еще не сделал?

- Не знаю, господин, ничего, господин, прошу меня извинить.
- Твое расследование было достаточно тщательным?
- Да, господин, пожалуйста, простите мою глупость.
- Это не твоя вина. Тебя здесь не было. И ты не командовал. –

Торанага нетерпеливо повернулся к Ябу. – Любопытно, даже загадочно, что береговой патруль в лагере, палубная вахта, командир – все в ту ночь были из провинции Идзу... Кроме нескольких ронинов Андзин-сана.

– Да, господин. Любопытно, но не загадочно, прошу прощения. Вы совершенно правы, что возложили ответственность на командиров, а Нага-сан – что наказал остальных. Извините, я, как только приехал, сразу же провел свое расследование, но у меня нет дополнительных сведений, мне нечего добавить. Вы правы – карма... Карма помогла этим проклятым христианам. Но все равно – извините.

– Вы считаете, что это был злой умысел?

– Доказательств нет, господин, но приливная волна и пожар слишком легкое объяснение. Конечно, любой пожар должен быть потушен. Я еще раз прошу прощения.

– Я принимаю ваши извинения, но, пожалуйста, скажите, как мне возместить эту потерю. Мне нужен этот корабль!

Ябу почувствовал неприятный холодок в животе.

– Да, господин, знаю. Сожалею, но заменить его нельзя. Однако Андзин-сан по дороге сказал нам, что скоро сюда придут и другие боевые корабли из его страны.

– Как скоро?

– Он не знает, господин.

– Год? Десять лет? У меня вряд ли есть и десять дней.

– Простите, я тоже хотел бы знать. Не спросите ли вы его сами, господин?

Торанага в первый раз впрямую посмотрел на Блэкторна: англичанин стоял в одиночестве, с мрачным лицом.

– Андзин-сан!

– Да, господин?

– Плохо, да? Очень плохо! – Торанага показал вниз, на остов корабля.

– Да, очень плохо, господин.

– Как скоро могут прийти сюда другие корабли?

– Мои корабли, господин?

– Да.

– Когда этого захочет Будда.

– Мы поговорим сегодня вечером. Сейчас можете быть свободны. Благодарю вас за Осаку. Пойдите на галеру – или в деревню. А вечером поговорим. Вы меня поняли?

– Да, поговорим вечером, я вас понял, господин. Спасибо. А когда вечером?

– Я пришлю за вами. Благодарю вас за Осаку.

– Это мой долг. Но я мало что сделал. Всего добились Тода Марико-сама. Все – для Торанаги-сама.

– Да, это так. – Торанага с уважением ответил на поклон.

Андзин-сан пошел было, но остановился. Торанага посмотрел на дальний конец плато: туда только что поднялись на лошадях и спешили там Цукку-сан и его приближенные. Он не беседовал со священником в Мисиме, хотя и сообщил ему о гибели корабля, решив поговорить после того, как его людям удастся выехать из Осаки и галера благополучно придет в Андзиро. Тогда он решил только, что пригласит иезуита с собой, чтобы дать возможность Блэкторну встретиться с ним в нужное время. Он увидел, что Блэкторн направился в сторону священника.

– Нет, Андзин-сан, позднее, не сейчас. Сейчас идите в деревню! – приказал он.

– Но, господин! Этот человек погубил мой корабль! Он – враг!

– Идите туда! – Торанага указал на деревню. – Подождите там, пожалуйста. Сегодня вечером мы поговорим.

– Господин, пожалуйста, этот человек...

– Нет. Вы пойдете на галеру! Пойдете сейчас! Пожалуйста...

«Это легче, чем приучать сокола садиться на руку, – подумал Торанага. – Я приложу все усилия, чтобы повлиять на него. Он так же дик, опасен и непредсказуем... Непонятен, уникален... Не похож ни на одного из тех, кого я знаю...»

Краем глаза он заметил, как Бунтаро выходит на дорогу перед Андзин-саном, готовый заставить его послушаться. «Как глупо, – мелькнуло у него в голове, – и как напрасно». Он все так же не сводил взора с Блэкторна и почувствовал, что тот повинуетя.

– Хорошо, иду, господин Торанага. Прошу прощения, сейчас иду, – согласился Блэкторн. Он вытер пот с лица и собрался идти в другую сторону.

– Спасибо, Андзин-сан. – Торанага не выдавал своего торжества. Он смотрел, как Блэкторн послушно уходит прочь – злой, сильный, опасный, но управляемый теперь его волей. А впрочем... Почему бы и нет? Торанага вдруг передумал. – Андзин-сан! – окликнул он. Да, настало время ослабить путы и пустить птицу в свободный полет – последнее испытание. – Послушайте, идите, если хотите. Я думаю, лучше не убивать Цукку-сана, но, если вы хотите его убить, убейте. Но лучше не убивайте. – Он сказал это медленно, тщательно выговаривая слова, и повторил еще раз: – *Вакаримас ка?*

– *Хай.*

Торанага посмотрел в эти невероятно голубые глаза, заполненные слепой злобой, и задумался... Убьет или нет эта дикая птица, пущенная на волю, свою жертву или вернется на руку, не попробовав мяса?

Торанага махнул рукой, отпуская его. Блэкторн повернулся и направился в северном направлении, в сторону Цукку-сана. Бунтаро отступил с его дороги. Блэкторн не замечал никого, кроме священника. День, казалось, стал еще более жарким...

– Итак, Ябу-сан, что он собирается делать? – задал вопрос Торанага.

– Убить. Конечно, он убьет его, если сможет поймать. Священник заслуживает смерти. Все христианские священники заслуживают смерти. Все христиане. Я уверен, они устроили это несчастье с кораблем – священники или Кияма, – хотя и не могу доказать.

– Вы ручаетесь своей жизнью, что он убьет Цукку-сана?

– Нет, господин, – поспешил ответить Ябу. – Нет, я бы не стал, прошу меня простить. Он варвар, оба они варвары.

– Нага-сан?

– На его месте я убил бы священника и всех их – теперь, когда вы дали разрешение. Не знаю никого, кого бы я так ненавидел. Последние два дня Андзин-сан стал как безумный – ходит взад-вперед, бормочет что-то, смотрит на остатки корабля, спит там, свернувшись калачиком на песке, плохо ест... – Нага еще раз посмотрел на Блэкторна. – Я согласен, что в гибели корабля природа не виновата. Я знаю

священников – они стоят за этим делом... Доказать тоже не могу, но... Я не верю, что пожар начался из-за бури.

– Ну, так говори – что он будет делать?

– Он взорвется. Посмотрите, как он идет... Я думаю, он убьет. Я надеюсь, что он убьет.

– Бунтаро-сан?

Бунтаро повернулся к ним. Его тяжелый подбородок был небрит, он твердо упирался в землю мускулистыми ногами, держа лук наготове.

– Вы посоветовали ему не убивать священника. Вы не хотите, чтобы он погиб. Убьет его Андзин-сан или нет, мне все равно, господин. Меня интересует, как это касается вас. Можно я остановлю его, если он вас ослушается? На таком расстоянии это легко.

– Можешь ты поручиться, что только ранишь его?

– Нет, господин.

Торанага тихонько засмеялся и прекратил обсуждение:

– Андзин-сан не убьет его. Он будет кричать и возмущаться, шипеть как змея и размахивать мечом... А Цукку-сан – надуваться «святым» фанатизмом, совершенно не испугавшись, и отвечать: «Это была случайность. Я не трогал ваш корабль!» Тогда Андзин-сан обзовет его вруном, Цукку-сан еще больше переполнится усердием, и повторит свое заявление, и поклянется, что это правда, именем Бога... Возможно, проклянет его еще раз... И они будут ненавидеть друг друга еще двадцать жизней. Никто не погибнет. По крайней мере, не теперь.

– Откуда вы знаете все это, отец?! – воскликнул Нага.

– Наверняка не знаю, сын мой. Но что я говорю, то и случится. Всегда важно не жалеть времени, изучая людей. Важных людей... Врагов и друзей. Чтобы понять их. Я наблюдал за ними обоими. Они оба очень нужны мне. Что вы об этом думаете, Ябу-сан?

– Я согласен с вами, господин. – Ябу внезапно встревожился.

Нага бросил быстрый взгляд на Андзин-сана: тот все еще идет своей неторопливой походкой, он уже в семидесяти шагах от Цукку-сана. Священник ожидает его со своими собратьями. Легкий ветерок колышет их оранжевые накидки.

– Но, отец, они же не трусы? Почему же... как они могут с честью выйти из этого положения?

– Он не убьет по трем причинам. Первая: Цукку-сан безоружен и не будет сопротивляться, даже если дойдет до рукопашной. А убивать невооруженного человека – это противоречит его принципам, это позор, грех по их христианской религии. Вторая: он христианин. А третья: я решил, что еще не время.

Бунтаро выразил свое мнение:

– Пожалуйста, извините меня, я могу понять третье и даже первое. Но не в том ли настоящая причина их ненависти, что оба считают: другой поклоняется не Христу, а Сатане? Они ведь так его называют?

– Да, но их Бог Иисус учил – или считается, что учил, – прощать своих врагов. Это сущность христианства.

– Но ведь это глупо-о... – протянул Нага. – Прощать врага глупо.

– Я согласен. – Торанага посмотрел на Ябу. – Глупо прощать врага. А на ваш взгляд, Ябу-сан?

– Да, я тоже так думаю.

Торанага посмотрел на север: две фигуры теперь совсем близко друг от друга... Торанага проклинал свою неосмотрительность. Ему все еще были очень нужны они оба, не стоило рисковать ни одним. Он отпустил Андзин-сана, просто чтобы погасить его возбуждение. Он не посылал его убивать. И сожалел о своей глупости. Теперь он ждал, захваченный происходящим, как и все. Но случилось так, как он и предсказывал: их столкновение было коротким, резким, злым – это заметно даже с такого расстояния. Торанага радовался про себя, ему стало гораздо легче. Э-э-э, слышать бы, что там говорится... Знать бы наверняка, что он прав. Ага, вот Андзин-сан уходит. Цукку-сан за его спиной вытирает лоб цветным носовым платком.

– Вот вам! – с восхищением воскликнул Нага. – Как мы можем проиграть в войне при таком командире?

– Слишком легко, мой сын, если это моя карма. – Настроение у Торанаги изменилось. – Нага-сан, прикажи самураям, которые вернулись на галере из Осаки, идти в мой дом. – (Нага бросился исполнять приказание.) – Ябу-сан, я рад, что вы благополучно вернулись обратно. Распустите полк! После ужина мы с вами поговорим. Могу я послать за вами?

– Конечно. Благодарю вас, господин. – Ябу отсалютовал и ушел.

Оставшись один – охранников он отослал на такое расстояние, чтобы те не могли подслушать, – Торанага внимательно посмотрел на

Бунтаро: он беспокоен, как собака, на которую долго смотрят. Наконец Бунтаро не выдержал:

– Господин?

– Как-то ты просил его голову...

– Да... да, господин.

– Ну?

– Он... он оскорбил меня в Андзиро. Я... я все еще опозорен.

– Я приказываю забыть об этом позоре!

– Тогда это было забыто, господин. Но она изменила мне с ним, и это нельзя простить, пока он жив. У меня есть доказательства. Я хочу его смерти. Сейчас. Он... Пожалуйста... Его корабля нет... Какая от него теперь польза, господин? Я прошу об одной милости на всю жизнь.

– А какие доказательства?

– Всем известно. Это было по пути из Ёкосэ. Я говорил с Ёсинакой. Все знают, – угрюмо добавил он.

– Ёсинака видел их вместе? Он обвинил ее?

– Нет, но то, что он сказал... – Бунтаро поднял глаза – в них застыла боль. – Я знаю, и этого достаточно. Пожалуйста, я прошу об этом как о единственной милости на всю жизнь. Я никогда ни о чем не просил вас...

– Он нужен мне живым. Не будь его, ниндзя захватили бы ее и обесчестили, а значит, опозорили бы и тебя.

– Одна просьба на всю жизнь... Я прошу вас. Его корабль пропал – он исполнил все, что ему назначено. Я прошу вас.

– У меня есть доказательства того, что он не опозорил тебя и ее.

– Простите, какие доказательства?

– Послушай меня – для твоей же пользы. У нас с ней было соглашение. Я приказал ей подружиться с Андзин-саном. – Торанага уже устал от Бунтаро. – Они стали друзьями. Андзин-сан боготворил ее, но он никогда не позорил тебя с ней или она – с ним. В Андзиро, как раз перед землетрясением, когда она первой предложила поехать в Осаку и освободить всех заложников, бросив вызов Исидо, а затем ускорив развязку совершением сэппуку, что бы он ни пытался сделать, – в этот день...

– Это задумывалось еще тогда?

– Конечно. Разве ты не знал? В этот день я приказал ей развестись с тобой.

– Как?

– Развестись. Ты не понимаешь слов?

– Да, но...

– Развестись. Она много лет терпела твои безумства, ты плохо обращался с ней. А как повел себя с ее кормилицей, с другими женщинами? Разве я не говорил тебе, что она была нужна мне, чтобы переводить? А ты все равно не сдержался и поколотил ее – чуть не убил в тот раз... Так ведь?

– Да, простите...

– Пришло время покончить с этим браком. Я приказал его кончить, прекратить. Тогда же.

– Она просила развода?

– Нет. Я сам решил и приказал ей это. Но твоя жена просила меня отменить приказ. Я не выполнил просьбы. Тогда она заявила, что тут же совершит сэппуку, и без моего позволения, прежде чем ее заставят опозорить тебя таким образом. Я настаивал на повиновении. Она не согласилась. Твоя жена заставила меня, своего сюзерена, отменить мой официальный приказ. Убедила привести его в действие только после Осаки. Мы оба знали, что Осака для нее значит смерть. Ты понимаешь?

– Да, я понял вас.

– В Осаке Андзин-сан спас ее честь и честь моих женщин и моего младшего сына. Без него они и все остальные заложники в Осаке там бы и остались, я погиб бы или оказался в руках Икавы Дзикю, возможно в цепях, как преступник!

– Пожалуйста, извините меня... но почему она так поступила? Она же ненавидела меня... Почему она отложила развод? Из-за Сарудзи?

– Ради твоего имени. Так она понимала свой долг. Жена заботилась о твоей чести – даже после своей смерти. Часть нашего соглашения – что это должно быть тайной между ней, вами и мной. Никто этого знать не должен: ни Андзин-сан, ни ее сын – никто, даже ее христианский исповедник.

– Что?

Торанага объяснил все еще раз. Бунтаро не сразу, но как будто разобрался во всем, и Торанага его отпустил. Наконец-то он один...

Можно встать, потянуться, не думать ни о чем. Как он утомился от всех этих дел, навалившихся на него после приезда сюда... Солнце все еще высоко, хотя после полудня прошло немало времени. Он почувствовал жажду и выпил поданного телохранителем холодного чая. А теперь – к берегу. Скинув пропотевшее кимоно, Торанага поплыл и ушел на глубину. Но долго оставаться там нельзя – стража сразу забеспокоится. Он вынырнул и поплыл на спине, глядя в небо. Ему так нужно скопить сил для предстоящей долгой ночи...

«Ах, Марико, – думал он, – какая вы удивительная женщина! Да, удивительная... Даже сейчас, потому что, конечно, будете жить вечно. Где вы – на вашем христианском небе, с вашим христианским Богом? Надеюсь, что нет. Это было бы ужасной потерей... Я надеюсь, что ваша душа ждет сорокового дня, чтобы, согласно буккё, заново родиться где-нибудь здесь. Я молюсь о том, чтобы дух ваш пришел в мою семью. Но снова в виде женщины – не мужчины... Мы не можем вообразить вас мужчиной. Слишком большая потеря, если вы вдруг будете мужчиной...» Он улыбнулся. Все, что он рассказал Бунтаро, на самом деле произошло в Андзиро, хотя она и не вынуждала его отменить приказ. «Как могла она заставить меня сделать то, чего я не хочу?» – задал он вопрос небу. Она почтительно просила его не сообщать о разводе до возвращения из Осаки. «Но, – успокоил он себя, – она совершила бы сэппуку, если бы я отказал ей. Она бы настаивала. Непременно бы настаивала, и это все бы испортило. Заранее согласившись, я только спас ее от позора и препирательств, а себя – от беспокойства. А теперь я держу это в тайне, как она, конечно, и пожелала бы... Мы все от этого только выиграем. Я рад, что уступил», – размышлял он, потом громко рассмеялся. Тут его накрыло небольшой волной, он набрал полный рот воды и закашлялся.

– С вами все в порядке, господин? – Встревоженный охранник плыл рядом.

– Да-да, конечно. – Торанага сплюнул воду. «С водой надо поосторожнее, – подумал он. – Будет мне наука... Сегодня это уже вторая ошибка». Он увидел остов корабля.

– Давай – кто кого! – окликнул он телохранителя.

Соревноваться с Торанагой значило на самом деле соревноваться. Однажды некий военачальник нарочно позволил ему победить, надеясь завоевать его расположение. Эта ошибка стоила ему очень

дорого... Телохраниитель выиграл. Торанага поздравил его и уцепился за остов судна, ожидая, когда успокоится дыхание, потом огляделся – он был очень любопытен, – ушел под воду, осмотрел киль «Эразма». В лагерь он вернулся освеженный и готовый к дальнейшему.

Для него на удачно выбранном месте был уже построен временный дом под широкой тростниковой крышей, на толстых бамбуковых столбах. Поднятый над землей деревянный пол устлали татами. Часовые – на местах, приготовлены комнаты для Кири и Садзуко, помещения для слуг и поваров, соединенные сетью тропинок.

Своего сына Торанага увидел в первый раз. Госпожа Садзуко не могла же быть так невежлива, чтобы принести ребенка на плато, – она боялась помешать важным делам, – хотя он-то был бы рад. Ребенок его очень порадовал.

– Чудный мальчик, – похвалил он, ловко держа сына на руках. – И вы, Садзуко, моложе и красивее, чем были раньше. Надо вам еще ребенка... Материнство вам идет.

– О, господин, я боялась, что больше никогда вас не увижу, не смогу показать вам младшего сына. Как мы старались спастись из этой ловушки... И войска Исидо...

– Посмотрите, какой прекрасный ребенок! На следующей неделе я построю храм в его честь и назначу ему содержание... – Он остановился, уполовинил цифру, которую собирался было назвать, и тут же разделил ее еще пополам. – Двадцать коку в год.

– О, господин, как вы великодушны! – Она радовалась от всего сердца.

– Вполне достаточно для какого-нибудь несчастного монаха, чтобы он мог спокойно твердить свое *Наму Амида Буцу*.

– О да, господин. Храм будет построен около замка в Эдо? О, как замечательно! Вот если бы он стоял на реке... хотя бы на ручейке!

Он согласился неохотно. Даже такая постройка стоила бы дороже, чем он хотел заплатить за такую ерунду. «Но мальчик хорош, я могу проявить в этом году такое великодушие», – подумал он.

– О, спасибо, господин... – Госпожа Садзуко запнулась – на тенистую веранду, где они так уютно расположились, спешил Нага.

– Прошу простить меня, отец, но что делать с вашими самураями, которые вернулись из Осаки? Как бы вы хотели их расспросить – всех вместе или поодиночке?

– Поодиночке.

– Да, господин. Еще: священник Цукку-сан хотел бы повидать вас, когда вам будет удобно.

– Скажи, что я пошлю за ним, как только предоставится такая возможность. – Торанага снова заговорил со своей наложницей, но она вежливо и безоговорочно попросила у него прощения и ушла, зная, что он хотел бы немедленно побеседовать с самураями. Он просил ее остаться, но она настаивала на разрешении уйти, и он согласился.

Торанага дотошно допросил всех своих людей, размышляя над их рассказами; некоторых как бы случайно вызывал еще раз; проводил перекрестную проверку. К заходу солнца он уже ясно представлял себе, что случилось на самом деле или что они думали об этом. Потом он наскоро перекусил, впервые за весь день, и послал за Кири, отправив телохранителей за пределы слышимости.

– Сначала расскажи мне, Кири-сан, что вы делали, что видели, чему были свидетельницами.

Ночь наступила задолго до того, как Торанага счел: с него достаточно, хотя Кири хорошо подготовилась к этому разговору.

– Э-э-э, – сказал он наконец, – это было рискованное дело, Кири-сан, очень рискованное.

– Да, – ответила Кири, сложив руки на своем обширном животе. И добавила с большой нежностью: – Все боги, большие и малые, охраняли вас, господин, и нас. Прошу извинить меня за то, что я сомневалась в исходе дела, сомневалась в вас. Боги нас опекали.

– Видимо, ты права. – Он смотрел в темноту.

Пламя факелов колебалось под легким ветром с моря, отгонявшим ночных насекомых, и это делало ночь еще приятнее. На небе поднялась яркая луна. Темные пятна были на ней так хорошо заметны. Торанага рассеянно подумал: «Интересно, так ли все, как считают: пятна эти – земля, а остальное – лед и снег... И кто там живет? О, как много есть неизвестного, непознанного... И как хотел бы я это постичь...»

– Можно мне задать вопрос, Тора-сан?

– Какой вопрос, госпожа?

– Почему Исидо нас отпустил? Он же не должен был этого делать. Будь я на его месте, никогда бы не отпустила... Почему?

– Сначала – послание от госпожи Отибы.

– Госпожа Отиба сказала: «Пожалуйста, передайте господину Торанаге, что я почтительно прошу его найти какой-нибудь способ решить его разногласия с наследником. Как доказательство хорошего отношения к нему наследника я хотела бы уверить Торанага-сама: наследник много раз выражал свое нежелание вести армии против своего дяди, господина...»

– Она это сказала?

– Да, о да!

– Она ведь знает, как и Исидо: если Яэмон поднимет против меня свое знамя, я проиграю!

– Она так сказала, господин.

Торанага сжал мозолистый кулак и стукнул им по татами:

– Если это настоящее предложение, а не какая-то хитрость, я на полпути к Киото и даже на один шаг дальше.

– Да, – подтвердила Кири.

– А какая цена?

– Мне это неизвестно. Больше она ничего не передавала, господин, кроме пожеланий всего хорошего своей сестре.

– Что я могу дать Отибе такого, чего у нее еще нет? Ей принадлежат Осака и все сокровища. Яэмон всегда был для меня наследником правителя государства. Эта война не нужна! Что бы ни случилось, через восемь лет Яэмон станет кампаку и унаследует страну – всю страну. Мне больше нечего ей дать...

– Может быть, она хочет выйти замуж?

Торанага энергично замотал головой:

– Нет, только не брак! Эта женщина никогда не вышла бы за меня замуж.

– Для нее, господин, это было бы идеальным решением.

– Она никогда так не думала. Отиба – моя жена? Она четыре раза просила тайко, чтобы он предложил мне отправиться в потусторонний мир.

– Да, но тогда он был жив...

– Я совершу все возможное и невозможное, чтобы объединить государство, укрепить мир и сделать Яэмона кампаку. Она этого хочет?

– Это укрепило бы династию. Она об этом мечтает.

Торанага опять уставился на луну, но теперь он сосредоточился на новой задаче. Он вспомнил, что сказала ему госпожа Ёдоко в Осаке.

Тогда немедленного ответа не требовалось, и он отложил этот вопрос, сосредоточившись на более важных текущих делах.

– Мне кажется, она опять придумала какую-нибудь хитрость. Кияма сказал вам, что корабль варваров сгорел?

– Нет, господин.

Торанага нахмурился:

– Это удивительно. Он должен был знать. Я сказал Цукку-сану, как только услышал, и он сделал все, чтобы сразу послать почтового голубя. Но это только подтвердило бы то, что они и так уже знали.

– Ведь это злодейство должно быть наказано. И поджигатели, и глупцы, которые его допустили.

– Со временем они все получают по заслугам, Кири-сан. Я слышал, что заявляют священники-христиане, – это «перст Божий».

– Какое лицемерие и глупость!

«Да, очень глупо... с одной стороны, – думал Торанага. – Но не с другой...»

– Благодарю тебя, Кири-сан. Скажу еще раз: я безмерно рад, что вы благополучно вырвались оттуда. Мы останемся здесь на всю ночь. А сейчас, пожалуйста, извини меня... Пошли за Ябу-саном, когда он придет, подай чай, саке и оставь нас одних.

– Да, господин. Могу я задать теперь один вопрос?

– Тот же самый?

– Да, господин. Почему Исидо дал нам уехать?

– Ответ таков, Кири-сан: я не знаю. Он допустил ошибку.

Кири поклонилась и ушла – ее устроил ответ Торанаги.

Ябу ушел почти в полночь. Торанага раскланялся с ним как с равным, еще раз поблагодарил за все, пригласил на тайный военный совет завтра, утвердил как военачальника мушкетного полка и письменно подтвердил его права на владение Тотоми и Суругой – как только они будут завоеваны.

– Теперь полк абсолютно готов к войне, Ябу-сан. Вы один ответственны за его подготовку и боеспособность. Оми-сан будет посредником между нами. Используйте знания Андзин-сана во всех областях.

– Это очень правильно, господин. От всей души благодарю вас.

– Вы оказали мне большую услугу, доставив сюда моих женщин и Андзин-сана в целостности и сохранности. Ужасная история получилась с кораблем – это карма... Будем надеяться, что скоро придет еще один. Спокойной ночи, мой друг. – Торанага отхлебнул чая. Теперь он почувствовал, что сильно устал.

– Нага-сан?

– Господин?

– Где Андзин-сан?

– Всё у корабля, со своими вассалами.

– Что он там делает?

– Просто смотрит на то, что осталось от корабля. – Нага почувствовал себя неловко под пронзительным взглядом отца. – Извините, отец, что-нибудь не так?

– Что? А, нет, ерунда... Где Цукку-сан?

– В одном из домиков для гостей, господин.

– Ты сказал ему, что в следующем году хочешь креститься?

– Да, господин.

– Хорошо. Сходи за ним.

Через несколько минут Торанага увидел: священник направляется к нему – высокий, худой, строгое лицо исчерчено морщинами, черная голова с тонзурой без малейших признаков седины... Слуги идут за ним с факелом. Внезапно Торанага вспомнил Ёкосэ.

– Терпение – великая вещь, Цукку-сан...

– Да, конечно. Но почему вы заговорили об этом, господин?

– А я думал про Ёкосэ. Тогда все было по-другому – совсем недавно...

– Пути Господни неисповедимы, господин. Я так рад, что вы еще не выехали за пределы своих границ.

– Вы хотели меня видеть? – Торанага смеялся про себя над японским, на котором говорил священник, но и завидовал в глубине души – редкие способности к языкам...

– Только чтобы просить извинения за случившееся.

– Что сказал Андзин-сан?

– Много злых, несправедливых слов... Обвинения... Что я поджег его корабль.

– Вы поджигали?

– Нет, господин.

– А кто?

– На то воля Божья. Была буря, и корабль загорелся.

– Это не дело рук Бога. Вы говорите, что не участвовали в нем – вы, или кто-нибудь из священников, или еще кто-то из христиан?

– О, я помогал как мог, господин. Я молился, мы все молились... Богом клянусь, этот корабль был орудием дьявола! Я много раз говорил это. Знаю, что вы так не думаете, и еще раз прошу меня простить, что выступаю здесь против вас. Но не кажется ли вам, что это стихийное бедствие помогло, а не помешало вам?

– Как это?

– Отец-инспектор больше не будет отвлекаться, господин, и сосредоточится на господине Кияме и господине Оноси.

Торанага без обиняков заявил:

– Все это я слышал и раньше, Цукку-сан. Какую помощь может оказать мне главный священник христиан?

– Господин, доверьтесь... – Алвито спохватился, потом искренне произнес: – Извините меня, пожалуйста, господин, но я чувствую, что, если вы доверитесь Богу, он поможет вам.

– Я так и делаю, но больше верю в себя. А тем временем узнаю, что Исидо, Кияма, Оноси и Дзатаки собрали войско. Исидо выставит против меня триста или четыреста тысяч...

– Отец-инспектор выполнит свое соглашение с вами, господин. В Ёкосэ я потерпел неудачу – теперь, думаю, появилась надежда.

– В бою мне вряд ли удастся использовать эту надежду.

– Да, но Бог может победить при любом перевесе сил.

– Да... Если Бог существует, Он может победить при любом перевесе сил. – Голос Торанаги стал резче. – О какой надежде вы говорите?

– Честно говоря, я не знаю, господин. Но разве Исидо не выступает против вас? Разве он не выбрался из Осацкого замка? Разве это не еще одна случайность?

– Нет, но вы поняли важность его решения?

– Да, очень хорошо. Я уверен: отец-инспектор тоже понял.

– Может быть, Исидо передумает, сделает господина Кияму главнокомандующим, спрячется в Осаке и направит против меня Кияму и наследника?

– Я не могу ответить на этот вопрос, господин. Но если Исидо покинет Осаку, это будет чудо.

– Вы серьезно сочтете это чудо еще одним делом рук вашего христианского Бога?

– Ничто не случается без Его ведома...

– Даже если мы умрем, ничего не будем знать о Боге! Я слышал, отец-инспектор выехал из Осаки. – Торанага возликовал: по лицу Цукку-сана пробежала тень... Эта новость пришла, когда они покидали Мисиму.

– Да, это так, – признался священник. – Он отправился в Нагасаки, господин. – Опасения его усилились.

– Провести погребение Тода Марико-сама?

– Ах, господин, вы уже все знаете! Мы все – глина на гончарном круге, который вы вертите.

– Не люблю пустую лесть... Вы забыли?

– Нет, господин, прошу меня извинить. Я не то имел в виду. – Алвито уже почти пал духом в ходе этой беседы. – Вы против такого погребения, господин?

– Я тут ни при чем. Она была особенной женщиной, и ее самоотверженность заслуживает любых почестей.

– Да, господин, благодарю вас. Отец-инспектор будет очень рад. Он убежден: это очень важно.

– Конечно. Она была моим вассалом и христианкой. Ее пример не останется незамеченным другими христианами. Или теми, кто хочет перейти в христианство.

– Я бы сказал: не это не останется незамеченным... Конечно, она заслуживает всяческих похвал за свое самопожертвование.

– За то, что отдала свою жизнь, чтобы другие могли жить? – загадочно поинтересовался Торанага, не упоминая о сэппуку, просто о самоубийстве...

– Да, за это.

Торанага улыбнулся про себя, заметив, что Цукку-сан ни словом не обмолвился о другой женщине, Кияме Атико, – о ее смелости, ее смерти и захоронении. Оно тоже должно проводиться с большим почетом и положенными церемониями. Голос его стал строже.

– Вы, стало быть, не знаете, кто распорядился поджечь мое судно или способствовал поджогу?

– Нет, господин. Мы только молились...

– Я слышал, строительство вашей церкви в Эдо продвигается...

– Да, господин. Еще раз благодарю вас.

– Ну, Цукку-сан, я надеюсь, что труды главного священника христиан скоро принесут свои плоды. Мне нужна больше чем надежда, и у меня долгая память. А сейчас у меня к вам просьба: мне нужна ваша помощь как переводчика. – Внезапно он почувствовал, что священнику это очень не по нутру. – Вам нечего бояться.

– О, господин, я не боюсь его... Прошу меня простить, я просто не хочу иметь с ним дела.

Торанага встал:

– Я требую, чтобы вы уважали Андзин-сана! Его мужество не требует доказательств – он несколько раз спасал жизнь Мариико-сама. Он сейчас не в себе. Его можно понять: он потерял свой корабль...

– О да, такая жалость...

Торанага направился к берегу, телохранители с факелами освещали ему путь.

– Когда вы дадите мне отчет о том случае с передачей оружия?

– Как только будут получены все сведения из Макао.

– Пожалуйста, попросите ускорить отчет.

– Да, господин.

– Кто из даймё-христиан связан с этим делом?

– Простите, не знаю. Не знаю даже, участвовал ли кто-нибудь из них.

– Жаль, что не знаете, Цукку-сан... Это сэкономило бы мне много времени. В том, чтобы узнать правду об этом деле, заинтересованы многие даймё.

«Ах, Цукку-сан, – думал Торанага, – вы прекрасно понимаете, я мог бы загнать вас в угол... И вы бы извивались и метались, как змея, и я бы вынудил вас именем вашего христианского Бога признаться: „Кияма, Оноси и, возможно, Харима“. Но время еще не пришло... Вы еще не готовы узнать: я считаю, что вы, христиане, неповинны в гибели корабля – ни Кияма, ни Харима, ни даже Оноси. Я уверен в этом! И все-таки это не просто случайность, воля провидения. Это дело рук Торанаги... „Но почему?“ – можете вы спросить.

Кияма мудро отказался от предложения, высказанного в том моем письме, которое передала ему Мариико. У него не было доказательств моей искренности. Чем еще мог я поступиться, кроме корабля – и этого варвара, – что доставляло беспокойство вам, христианам? Я думал: лишусь и того и другого. Удалось пожертвовать только одним. Сегодня в Осаке посредники скажут Кияме и главному вашему священнику об этом моем добровольном пожертвовании – доказательстве моей искренности: я не против Церкви – только против Исидо. А вот и доказательство. „Да, но можно ли доверять Кияме?“ – спросите вы совершенно обоснованно. Нет, нельзя. Но Кияма прежде всего японец, а потом уже христианин. Об этом вы всегда забывали. Кияма поймет, что я искренен. Пожертвовать кораблем – это нечто небывалое, как пример Мариико или смелость Андзин-сана... „А как

вам удалось устроить этот поджог?“ – наверняка спросите вы. Какая вам разница, Цукку-сан? Достаточно того, что мне это удалось. И никто об этом не знал, кроме меня, нескольких надежных людей и самого поджигателя. Кто им был? Исидо нанял ниндзя. Почему бы и мне так не сделать? Только я нанял одного человека, и мне все удалось. А Исидо потерпел неудачу».

– Проигрывать глупо! – произнес он вслух.

– Что вы сказали, господин? – переспросил Алвито.

– Глупо, если не удастся скрыть правду в таком щекотливом деле, как контрабанда мушкетов, – отрезал Торанага. – И подстрекательство даймё-христиан на восстание против их сюзерена тайко.

– Да, господин, если это было на самом деле.

– О, я уверен, что так и было, Цукку-сан. – Торанага дал разговору постепенно иссякнуть, увидев, что Цукку-сан явно возбужден и готов переводить не на страх, а на совесть.

К этому времени они уже спустились на берег, и Торанага, отбросив усталость, уверенной поступью пересек несколько дюн. На самом берегу он заметил, как Цукку-сан в страхе перекрестился, и подумал: «Как глупо быть таким суеверным и бояться непонятно чего...»

Задолго до того, как они появились, вассалы Андзин-сана уже вскочили на ноги и кланялись. Андзин-сана с ними не было, он все еще сидел в сторонке, невидящим взглядом уставившись в море.

– Андзин-сан! – негромко окликнул его Торанага.

– Да, господин? – очнулся Блэкторн и поспешно встал. – Простите, вы хотите поговорить со мной?

– Да, пожалуйста. Я привел с собой Цукку-сана. Мне хочется, чтобы все было ясно. Понимаете? Быстро и точно.

Торанага заметил при свете факелов, что глаза капитана совершенно неподвижны, а сам он крайне истощен. Торанага оглянулся на Цукку-сана.

– Вы понимаете, что я говорю? – Он подождал, пока священник не начал переводить, и внимательно прослушал все на этом дьявольски звучащем языке. Андзин-сан кивнул. Его обвиняющий взгляд не смягчался.

– Да, господин, – сказал наконец священник.

– Теперь переводите для меня, Цукку-сан, как раньше. Все точно: слушайте, Андзин-сан, я привел с собой Цукку-сана, так что мы можем говорить прямо и быстро, не теряя значения ни одного слова. Для меня это очень важно, и я прошу вас потерпеть. Я думаю, так будет лучше всего.

– Да, господин.

– Цукку-сан, сначала поклянитесь вашим христианским Богом, что ничего, что вы здесь услышите, никому не передадите – как на исповеди... Мне и ему!

– Но, господин, это не...

– Вы это сделаете. Сейчас. Или я перестану вам помогать, навсегда, – вам и вашей Церкви.

– Очень хорошо, господин. Я согласен. Перед Богом клянусь.

– Хорошо. Спасибо. Объясните ему, что вы согласились. – Алвито повиновался. Тогда Торанага уселся на песчаной дюне и стал отмахиваться веером от налетевших насекомых. – Теперь, пожалуйста, расскажите мне, Андзин-сан, о том, что случилось в Осаке.

Блэкторн начал говорить запинаясь, но постепенно стал оживать, и скоро речь хлынула потоком. Отец Алвито с трудом поспевал за ним. Торанага слушал в молчании, не прерывая этого потока, лишь иногда вставляя осторожные подбадривающие замечания, – он был идеальным слушателем.

Закончил Блэкторн уже на рассвете. К этому времени Торанага знал все. Все, что хотел ему поведать Андзин-сан, поправил он себя. Священник это понимал. А Торанага был уверен: не сказано ничего, что Кияма или католики могли бы использовать против Марико или его самого. Андзин-сан теперь почти не замечал священника.

– Вы уверены, что генерал-капитан собирался поставить вас к столбу, Андзин-сан? – переспросил он.

– О да. Если бы не этот иезуит... Я еретик в его глазах. Предполагается, что огонь очищает душу.

– Почему отец-инспектор спас вас?

– Не знаю. Это как-то связано с Марико-сама. Без моего корабля я им не опасен. О, они продумали все очень тщательно, но она, наверное, намекнула им, как это сделать.

– Каким образом? Что она знала о поджоге корабля?

– Мне это неизвестно. В замок проникли ниндзя. Возможно, ниндзя побывал и здесь и поджег мой корабль. В день смерти Марико-сама виделась с отцом-инспектором в замке. Думаю, она подсказала ему, как сжечь «Эразм» – в обмен на мою жизнь. Но я не могу жить без своего корабля, господин...

– Вы не правы, Андзин-сан. Благодарю вас, Цукку-сан. – Торанага отпустил его. – Я очень ценю вашу помощь. Пожалуйста, теперь вы можете отдыхать.

– Да, господин. Благодарю вас. – Алвито заколебался. – Я хотел бы просить извинения за генерал-капитана. Мужчины рождены в грехе, большинство их и живут в грехе, хотя и становятся христианами.

– Христиане рождаются в грехе, мы – нет. Мы цивилизованные люди, которые понимают, что такое грех на самом деле, а не неграмотные крестьяне, которые не знают ничего лучшего. Тем не менее, Цукку-сан, будь я на месте вашего генерал-капитана, не дал бы уйти Андзин-сану, если бы он попался мне в руки. Это было бы военное решение, правильное решение. Я думаю, он будет жить, сожалея, что не настоял, и ваш отец-инспектор тоже.

– Вы хотите, чтобы я перевел и это, господин?

– Это – для вас. Благодарю за помощь. – Торанага ответил на поклон священника и приказал одному из своих людей проводить его обратно в домик для гостей, потом повернулся к Блэкторну:

– Андзин-сан, давайте сначала поплаваем.

– Простите, господин?

– Поплаваем! – Торанага разделся и вошел в воду.

Уже светало... За ним вошли в воду Блэкторн и телохранители. Торанага, рассекая волны сильными гребками, поплыл в море, потом повернул, чтобы обогнуть остов корабля. Блэкторн все время плыл вслед за ним. Холод освежил его. Вскоре Торанага направился к берегу. Слуги стояли с полотенцами наготове, со свежими кимоно, чаем, саке и завтраком.

– Поедим, Андзин-сан.

– Прошу прощения, я не голоден.

– Ешьте!

Блэкторн сделал несколько глотков, потом икнул:

– Извините.

– Глупо. Вы проявляете слабость. Слабость – как эти чесночники-корейцы. Неприличное поведение для хатамото...

– Простите, господин?

Торанага повторил еще раз – жестко. Потом показал в сторону корабля, поняв, что теперь полностью завладел вниманием Блэкторна:

– Это все ерунда. *Сиката га най*. Не важно. Слушайте: Андзин-сан – хатамото, верно? Не кореец. Понятно?

– Да, извините меня.

Торанага поманил телохранителя, тот протянул ему запечатанный свиток.

– Вот, Андзин-сан, Марико-сама перед отъездом из Эдо дала мне это. Марико-сама просила меня, если вы будете живы после Осаки – если вы останетесь живы, понимаете? – передать это вам.

Блэкторн взял предложенный ему свиток и, мгновение помешкав, сломал печать.

– Что в этом письме, Андзин-сан? – поинтересовался Торанага.

Марико писала по-латыни:

Ты. Я люблю тебя. Если ты читаешь это письмо, значит я погибла в Осаке и, может быть, из-за меня твой корабль тоже погиб. Я могу пожертвовать этой самой ценной частью твоей жизни из-за своей веры, чтобы спасти свою Церковь, но больше всего – чтобы спасти твою жизнь, которая мне дороже всего, даже интересов моего господина – Торанаги. Это может привести к необходимости выбора – ты или твой корабль. Извини, но я выбрала тебе жизнь. Этот корабль так или иначе обречен – с тобой или без тебя. Я уступаю твой корабль твоему врагу за то, чтобы ты мог жить. Этот корабль – ничто. Построй себе другой. Ты можешь это сделать. Разве ты не учился строить корабли, а не только вести их? Думаю, Торанага даст тебе всех необходимых ремесленников, плотников и кузнецов, сколько понадобится, – ему нужен ты и твои корабли, – и из своих личных денег я завещаю тебе все необходимое.

Построй новый корабль и устрой себе новую жизнь, мой любимый. Захвати на следующий год черный корабль и живи вечно. О мой дорогой, моя христианская душа молится о том, чтобы повстречать тебя на христианском небе. Моя японская хара молится: пусть в следующей жизни я буду кем угодно, только бы

радовать тебя и быть с тобой, где бы ты ни был. Прости меня, но твоя жизнь – важнее всего. Я люблю тебя.

– О чем говорится в письме, Андзин-сан?

– Прошу прощения, господин. Мариико-сама говорит, что этот корабль был не нужен. Говорит, что я должен построить новый корабль. Говорит...

– А! Это можно? Можно, Андзин-сан?

Блэкторн заметил, как заинтересовался даймё.

– Да. Если иметь... – Он не мог вспомнить, как по-японски будет «плотник». – Если Торанага-сама даст мне людей, умеющих строить корабли.

В голове его новый корабль стал обретать форму. Меньше, намного меньше, чем «Эразм». От девяноста до ста тонн водоизмещением – это все, что он сможет сделать: никогда раньше не видел он, как строят, и не строил сам весь корабль, хотя Альбан Карадок, конечно, готовил его и в корабелы, а не только в капитаны. «Боже, воздай Альбану! – воскликнул он мысленно. – Да, девяносто тонн для начала. „Золотая лань“ Дрейка была примерно такой, а вспомнить, сколько она вынесла... Я могу взять на борт двадцать пушек, этого будет достаточно, чтобы... Боже мой, пушки!..»

Он обернулся опять на остов своего корабля, увидел, что на него смотрит Торанага, смотрят все его люди, и понял, что говорил с ними по-английски.

– Ах, извините, господин. Думал слишком быстро. Пушки – там, в море. Нужно быстро их достать!

Торанага поговорил со своими людьми и обратился к Блэкторну:

– Самураи говорят, что все с корабля перенесено в лагерь. Кое-что выловлено в море, на мелком месте, во время отлива. Теперь пойдёмте в лагерь.

Блэкторн почувствовал облегчение:

– Корабль построить можно. Если будут пушки, можно воевать с врагами. Торанага-сама может достать порох?

– Да. Сколько нужно плотников? Как много плотников?

– Сорок плотников и кузнецов, дуб для шпангоутов – у вас здесь растёт дуб? Потом, нужно железо, сталь... я сделаю кузницу – мне потребуется мастер... – Блэкторн понял, что опять заговорил по-

английски. – Извините, я напишу на бумаге. Все точно. И все обдумаю. Пожалуйста, дайте мне человека в помощь.

– Любых людей, любые деньги! И немедленно. Мне нужен корабль. Как можно быстрее! За какой срок мы сможем его построить?

– Шесть месяцев с того дня, когда заложим киль.

– А быстрее нельзя?

– Нет, прошу прощения.

– Позже мы поговорим об этом подробнее, Андзин-сан. Что еще говорит Марико-сама?

– Мало что, господин. Говорит, что оставляет мне денег, чтобы строить корабль, своих денег. Также просит прощения за то, что... помогла моим врагам погубить корабль.

– Каким врагам? Каким образом?

– Не говорит кто, не говорит как, господин. Ничего определенного. Только просит прощения – если такое случится. Марико-сама говорит «саёнара». Надеется, ее сэппуку поможет господину Торанаге.

Торанага улыбнулся ему:

– Рад, что теперь все хорошо, Андзин-сан. Э-э-э, Марико-сама была права. Не беспокойтесь об этом! – Торанага показал на остов корабля. – Начинайте строить новый корабль! Боевой корабль! Вы понимаете?

– Понимаю, очень хорошо.

– Этот новый корабль... Сможет это новое судно победить черный корабль?

– Да, конечно.

– Черный корабль! На следующий год?

– Возможно.

– А как насчет команды?

– Простите?

– Команда – моряки, канониры?

– К будущему году можно подготовить моих вассалов – сделать из них канониров. Моряков не получится.

– Вы можете взять всех моряков в Канто.

– Тогда – на следующий год. – Блэкторн улыбнулся. – На следующий год – можно. А война?

Торанага пожал плечами:

– Война не война – все-таки попробуйте. Это ваша цель – понятно? Цель! И наша тайна. Только между мной и вами! Черный корабль!

– Священники скоро разгадают нашу тайну.

– Может быть. Но на этот раз не будет никакой приливной волны или тайфуна, мой друг. Вы будете следить, я тоже.

– Да, господин.

– Захватите один раз черный корабль, потом поплывете домой. Приведете мне целый военный флот. Поняли?

– О да.

– Если я проиграю – что ж, карма. Если нет, тогда – все, Андзинсан. Все как вы сказали. Все: черный корабль, посол, договор, корабли! Поняли?

– Да. О да! Благодарю вас.

– Благодарите Марико-сама. Без нее... – Торанага тепло попрощался с ним, на этот раз как с равным, и ушел, сопровождаемый телохранителями.

Вассалы Блэкторна отвесили поклоны, совершенно замороженные почестями, оказанными их хозяину.

Блэкторн, уже совсем в другом настроении, смотрел, как уходит Торанага. И вдруг вспомнил про еду. Вот теперь можно поесть. Слуги начинали уже убирать.

– Подождите. Пожалуйста, оставьте...

Он ел аккуратно, медленно, памятуя о хороших манерах, его люди ссорились из-за привилегии услужить ему. В уме он перебирал все те огромные возможности, которые открыл перед ним Торанага.

«Ты выиграл!» – сказал он себе, готовый плясать от радости. Но плясать, конечно, не стал, а еще раз перечитал ее письмо... И еще раз отдал ей должное...

– Идите за мной! – приказал он своим людям и повел их к лагерю. Голова его уже была занята строительством корабля и тем, как сделать на нем орудийные порты.

«Боже, помоги Торанаге выгнать Исидо из Канто и Идзу и будь добр – благослови Марико, где бы она ни была! Пусть пушки не слишком проржавеют! Марико права: „Эразм“ был обречен – со мной или без меня! Она вернула меня к жизни. Я могу создать новую жизнь и новый корабль! Девяносто тонн! Мой корабль будет славной посудиною, остроносой, обтекаемой, как борзая, классом лучше, чем

„Эразм“, с гордо выступающим бушпритом, под ним красиво выточенная фигура, а лицо... лицо напоминает ее... ее раскосые глаза, высокие скулы. Мой корабль будет... Да, с этого остова я сниму еще тонну материала! Можно использовать часть киля, несколько шпангоутов... собрать вокруг гвоздей... Оставшуюся часть киля укрепить скобами и стяжками... И все, что мне будет нужно... если у меня будет время...

Да, мой корабль будет похож на нее! – пообещал он себе. – Он будет аккуратный, миниатюрный – идеальный, как клинок Ёситомо... Лучший в мире! И очень опасный... На следующий год он добудет приз в двадцать раз больше собственного водоизмещения, как Марико в Осаке, и вышвырнет врага из Азии! А через год или два я поплыву на нем вверх по Темзе до Лондона, с полными трюмами золота, оставив за собой семь морей...»

– Я назову свой корабль «Леди». – Он сказал это вслух – не удержался.

Глава 61

Спустя двое суток Торанага проверял подпруги своего седла. Он ловко ткнул лошадь коленом в живот, мускулы у нее расслабились, и ему удалось затянуть ремень еще на две дырки. «Глупое животное! – подумал Торанага. Он презирал лошадей за их постоянные хитрости и уловки, от их неуравновешенного характера только возникают опасности. – На этот раз здесь я, Ёси Торанага-но Миновара, а не какой-нибудь пустоголовый младенец!» Он подождал и снова сильно ударил лошадь коленом. Та фыркнула, звякнув уздечкой, и он затянул ремни до отказа.

– Хорошо, господин! Очень хорошо, – одобрил его главный охотник, грубый старик, крепкий, как мореный дуб. – Многие перестали бы подтягивать после первого раза.

– Потом седло бы соскочило и этот дурак свалился, а может, к обеду и сломал бы себе позвоночник...

Самурай засмеялся:

– И заслуженно, господин!

Вокруг конюшни суетились телохранители, сокольничие несли ястребов и соколов с колпачком на голове. Тэцуко – сокол-сапсан, самка – сидела на почетном месте, и рядом с ней, подчеркивая ее размеры, – единственная самка ястреба-перепелятника Кого с незакрытой головой, ее золотистые безжалостные глаза внимательно осматривали все вокруг.

– Доброе утро, отец, – обратился к нему Нага, подводя свою лошадь.

– Доброе утро, сын мой. Где твой брат?

– Господин Судара ждет в лагере, отец.

– Хорошо. – Торанага улыбнулся юноше. Потом, чувствуя к нему особую симпатию, отвел его в сторону. – Слушай, сын мой: вместо того чтобы ехать на охоту, напиши боевые приказы, а я подпишу их, когда вернусь сегодня вечером.

– О, отец! – Нага чуть не лопался от гордости – ему оказали честь формально поднять перчатку, брошенную Исидо: тот собственноручно изложил решение вчерашнего военного совета – армиям выдвинуться к перевалам. – Спасибо, отец, спасибо!

– Далее: мушкетному полку приказано на рассвете выступить в Хаконэ. Еще: обоз из Эдо придет завтра после обеда. Проверить, чтобы все было готово!

– Да, конечно. Когда мы начнем бой?

– Очень скоро. Вчера вечером я получил известие: Исидо и наследник выехали из Осаки – провести смотр войскам. Началось...

– Пожалуйста, простите меня, что я не могу полететь в Осаку, как Тэцуко, и убить его, Кияму и Оноси – решить все так, чтобы не беспокоить вас.

– Спасибо, сын мой! – Торанага не собирался говорить ему о тех чудовищных трудностях, которые на самом деле надо преодолеть, прежде чем враг будет повержен. Он осмотрелся вокруг. Все сокольничие готовы, телохранители – тоже. Он окликнул главного охотника: – Сначала я заеду в лагерь, потом мы проедем по дороге вдоль берега, на четыре ри к северу.

– Но загонщики уже в горах... – Главный охотник проглотил окончание фразы и попытался исправиться: – Прошу меня простить... Э-э-э... я, наверное, съел что-то несвежее.

– Да, наверное. Может быть, тебе стоит передать обязанности кому-нибудь другому? Или на твою голову действует геморрой, прошу прощения? – Если бы Торанага не использовал охоту как прикрытие, он сразу сменил бы егеря.

– Прошу прощения, господин. – Старый самурай был смущен. – Могу я спросить... э-э... вы собираетесь охотиться в тех местах, что выбрали вчера вечером, или... э-э... хотели бы поохотиться вдоль побережья?

– Вдоль побережья.

– Конечно, господин. Прошу меня простить, теперь я могу внести все изменения. – Он кинулся исполнять.

Торанага проводил его взглядом. «Пора ему в отставку», – подумал он беззлобно. Потом заметил Оми: тот входил на конюшню вместе с сильно хромящим молодым самураем, чье лицо носило след глубокой свежей раны – напоминание о схватке в Осаке.

– Ах, Оми-сан! – Торанага ответил на его приветствие. – Это тот человек?

– Да, господин.

Торанага отвел их обоих в сторону и со знанием дела допросил самурая. Он делал это из любезности к Оми, ибо уже говорил с самураем, еще в первый вечер, и пришел к твердому выводу. Он и Андзин-сана спрашивал, что в письме Марико, из вежливости – он знал, во всяком случае, то, что сообщил ему Андзин-сан.

– Пожалуйста, изложите мне все своими словами, Марико-сан, – потребовал он, перед тем как она выехала из Эдо в Осаку.

– Я собираюсь отдать корабль его врагам. Это правильно, господин?

– Нет, госпожа. – Он видел, как ее глаза наполняются слезами. – Нет. Я повторяю: вы должны сообщить все эти секреты, о которых рассказали мне, Цукку-сану – здесь, в Эдо; потом – главному священнику и Кияме в Осаке. Скажите всем, что без корабля Андзин-сан им не опасен. Я вам предлагаю – напишите ему сейчас письмо.

– Тогда они уничтожат корабль.

– Они попытаются сделать это. Они ведь все равно об этом думают, вы не сообщите им ничего нового.

– Вы можете спасти его корабль, господин?

– Его будут охранять четыре тысячи самураев.

– Но если им это удастся... Андзин-сан никому не нужен без своего корабля. Я буду просить, чтобы ему сохранили жизнь.

– Вы не должны этого делать, Марико-сан. Заверяю вас, что мне он нужен, с кораблем или без корабля. Обещаю вам. В письме напишите ему: если корабль будет уничтожен, пусть построит новый.

– Что, господин?

– Вы говорили мне – он это умеет. Вы уверены? Если я дам ему плотников и кузнецов?

– О да. О, как вы умны! Да, он много раз говорил, что учился строительству кораблей...

– Вы совершенно уверены, Марико-сан?

– Да, господин. Так вы думаете, что священники-христиане добьются своего, несмотря на четыре тысячи человек охраны?

– Да. Прошу прощения, но они ни за что не оставят корабль в покое или его – в живых, пока он может выйти в море. Это будет слишком большая угроза. Этот корабль обречен – придется уступить его. Но только вы и я знаем и должны учитывать: его единственная надежда – построить новое судно. Я единственный человек, который может

помочь ему в этом. Решите для меня это дело с Осакой, и я прослежу, чтобы он построил свой корабль.

«Я сказал ей правду... – подумал Торанага теперь, в Иокогаме, на рассвете, вдыхая запах конского навоза и пота... Он едва слушал раненого самурая и Оми – тосковал о Марико. – Жизнь так печальна...» Он устал от этих людей, от Осаки, от игр, которые приносят столько страданий живым. Но ставки в этих играх очень высоки.

– Благодарю тебя, Косами. – Он дождался, когда самурай закончил свой рассказ. – Ты хорошо со всем справился. Пожалуйста, пойдете со мной, вы оба.

Торанага подошел к своей кобыле и еще раз пнул ее коленом в живот. Она тихонько заржала, но подтянуть подпругу он уже не смог.

– Лошади еще ненадежнее, чем люди! – пробормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь, вскочил в седло и поскакал, сопровождаемый телохранителями, Оми и Косами.

На плато он остановился. Все приветствовали его: Бунтаро с соколом на руке, Ябу, Хиромацу и Судара.

– Доброе утро! – бодро ответил он и сделал знак Оми, что хочет с ним поговорить.

Он уже знал, что все готово, Судара послал своих людей в горы проверить, как ведут себя загонщики. И вот теперь он заявил Сударе:

– Благодарю тебя, сын мой, но я решил поохотиться на побережье.

Судара отправил гонца верхом – снимать всех с гор и перебрасывать на побережье.

– Извините, отец, мне следовало бы об этом подумать и подготовиться. Прошу меня простить.

– Да, сын мой. Так что, Хиромацу, как идет подготовка?

Старый военачальник, с неизменным мечом в руках, был зол.

– Думаю, все это бесчестно и не нужно. Скоро мы забудем об этом. Мы плюнем на Исидо и без такого предательства.

Ябу возразил:

– Прошу меня извинить, но без этих ружей и нашей стратегии, Хиромацу-сан, мы проиграем. Это современная война, таким способом мы имеем шанс ее выиграть. – Он оглянулся на Торанагу, который еще не слезал с лошади. – Я слышал сегодня ночью, что умер Дзикю.

– Вы уверены? – Торанага притворился удивленным. Он получил эту секретную информацию в день отъезда из Мисимы.

– Да, господин. Кажется, он болел. Мой источник сообщает, что он умер два дня назад. – Ябу открыто торжествовал. – Его наследник – сын Хикодзу.

– Этот щенок? – презрительно процедил Бунтаро.

– Да, я согласен: он ничего собой не представляет. – Ябу казался на несколько дюймов выше, чем обычно. – Господин, не открывает ли нам это путь с юга? Почему не атаковать по дороге Токайдо? После того как сдох этот старый лис, Идзу теперь безопасна, а Суруга и Тотоми беспомощны, как выброшенный на берег рассохшийся бочонок.

Торанага спешился. Он, казалось, задумался.

– А ваше мнение? – спокойно спросил он Хиромацу.

– Если мы захватим дорогу на всем протяжении до перевала Уцуноя, все мосты и быстро возьмем Тэнриу, обеспечив пути сообщения надежной защитой, то проскользнем прямо в сердце Исидо. Запереть в горах Дзатаки, усилить нападение по Токайдо и обрушиться на Осаку! Мы будем тогда хозяевами положения.

– Если армии Исидо поведет наследник, нас разгромят. – Судара говорил уверенно и спокойно.

– Не согласен, – заявил Хиромацу.

– Я тоже, прошу прощения, – поддержал его Ябу.

– Но я согласен! – возразил Торанага твердо.

Он еще не говорил им о возможном договоре с Дзатаки, о том, что тот в нужный момент предаст Исидо. «Зачем? – думал он. – Это еще не факт. Пока. Но как мне выйти из положения? Мое соглашение со сводным братом отдать ему в жены Отибу, если он нас поддержит, – это как раз факт. А что, если Отиба потребует, чтобы я сам женился на ней? Это тонкий вопрос, – сказал он себе. – Непохоже, чтобы Отиба предала Исидо. Но коли так, ответ прост: мой брат подчинится неизбежному».

Вдруг он заметил, что все взоры устремлены на него.

– В чем дело?

Все молчали. Бунтаро спросил:

– Что произойдет, господин, если мы выступим против знамени наследника?

Никто из них никогда не задавал этого вопроса напрямую, при всех и так официально.

– Если это произойдет, я проиграл. – Торанага был серьезен и тверд. – Я совершу сэппуку, а те, кто чтит завещание тайко и несомненное право Яэмона наследовать власть, явятся к нему и почтительно попросят у него прощения. Кто не сделает этого, будет опозорен.

Все внимательно слушали, все молча торжественно кивнули. Торанага опять стал легок и добродушен:

– Однако мы пока не на поле битвы, давайте продолжать, что задумали. – Он обращался к Ябу. – Да, Ябу-сан, теперь возможен и южный путь наступления. Отчего умер Дзикю?

– От болезни, господин.

– От болезни за пятьсот коку?

Ябу засмеялся, но в глубине души был взбешен, что Торанага раскрыл его тайную шпионскую сеть.

– Думаю, что так, господин. Вам рассказал мой брат?

Торанага кивнул и попросил объяснить всем остальным. Ябу это не огорчило – план был умный и сложный: Мидзуно, его брат, на деньги, полученные от Андзин-сана, подобрался к помощнику повара, внедрившемуся на личную кухню Дзикю.

– Не так уж дорого! – похвастался Ябу. – Пять сотен коку за возможность зайти с юга!

Хиромацу жестко сказал Торанаге:

– Прошу меня просить, но я думаю, это грязная история.

Торанага улыбнулся:

– Измена – оружие войны.

– Но не для самурая.

Ябу возмутился:

– Простите, господин Хиромацу, думаю, вы не имели в виду оскорбить меня?!

– Он не имел в виду оскорбить вас. Не правда ли, Хиромацу-сама? – вмешался Торанага.

– Нет, господин, – проворчал старый вояка. – Прошу прощения.

– Яды, заговоры, предательство, убийства всегда служили оружием в войнах, старина, – примирительно подвел итог Торанага. – Дзикю

был врагом и глупцом. Пять сотен коку за южный путь – ничто! Ябу-сама сослужил мне хорошую службу. Здесь и в Осаке.

– Я всегда готов верно служить вам, господин.

– Благодарю вас. Объясните, пожалуйста, почему вы убили Самиёри перед нападением ниндзя, – потребовал Торанага.

Выражение лица Ябу не изменилось. С ним, как всегда, меч Ёситомо, рука, как всегда, свободно лежит на рукоятке.

– Кто это говорит? Кто обвиняет меня в этом, господин?

Торанага указал на группу коричневых в сорока шагах:

– Эти люди! Косами-сан, подойди сюда, пожалуйста.

Молодой самурай спешился, хромая, подошел и поклонился. Ябу пристально посмотрел на него:

– Кто вы, приятель?

– Сокура Косами, из десятого полка; назначен телохранителем госпожи Кирицубо в Осаке, господин. Вы поставили меня на пост у входа в вашу комнату – и комнату Самиёри-сана – в ночь нападения ниндзя.

– Не помню вас. Вы осмелились сказать, что я убил Самиёри?

Юноша заколебался. Торанага потребовал:

– Скажи ему!

Косами заговорил:

– У меня едва хватило времени, господин, перед тем как ниндзя на нас напали, открыть дверь и крикнуть Самиёри-сану: «Тревога!» Но он не двинулся, – прошу прощения, господин. – Он обратился к Торанаге, чувствуя себя неуютно под направленными на него пристальными взглядами. – Он был... Он всегда так чутко спал, господин, хватало одного мгновения... Вот и все, господин.

– Вы вошли в комнату? Попытались растолкать его? – настаивал Ябу.

– Нет, господин. Ниндзя наступали так быстро, что мы отошли и контратаковали. Все было, как я сказал...

Ябу посмотрел на Торанагу:

– Самиёри-сан стоял на посту два дня. Он был очень истощен. Мы все устали. Что это доказывает? – задал он вопрос всем.

– Ничего, – все еще дружелюбно согласился Торанага. – Но потом, Косами-сан, ты вернулся в комнату?

– Да, господин. Самиёри-сан все еще лежал на футонах, как я застал его в прошлый раз, и... в комнате все было в полном порядке,

совсем все, господин. А он был зарезан ножом, господин, ударом в спину. Я думал тогда: ниндзя, и ни о чем не помышлял, пока меня не допросил Оми-сан.

– Ах! – Ябу повернулся к племяннику, вся его внутренняя энергия сконцентрировалась на том, кто его выдал, – он прикидывал расстояние между ними. – Так ты допрашивал его?

– Да, господин, – ответил Оми. – Господин Торанага просил меня проверить все показания. Здесь была одна странность, о которой я должен был сообщить нашему господину.

– Одна странность? А есть и еще?

– Согласно приказам господина Торанаги я опросил всех слуг, которые уцелели после нападения ниндзя, господин. Таких оказалось двое. Извините, но они оба говорят, что вы прошли через их комнату с самураем и вскоре вернулись один, крича: «Ниндзя!» Потом они...

– Они бросились на нас, убили беднягу пикой и мечом и чуть не догнали меня. Я должен был отступить, чтобы поднять тревогу. – Ябу следил за Торанагой, осторожно переставляя ноги, чтобы занять более удобную позицию для атаки. – Я уже сообщал вам об этом, господин, и в разговоре, и в письменном рапорте. Что эти слуги могли иметь общего со мной?

– Ну, Оми-сан? – потребовал Торанага.

– Простите, Ябу-сама, – продолжал Оми, – но они оба видели, как вы открывали засовы на секретной двери в главной башне, и слышали, как вы говорили: «Я – Касиги Ябу». Это позволило им спрятаться и уцелеть в бойне.

Лицо Ябу ничего не выражало. Внезапно Судара бросился перед Торанагой, чтобы защитить его. В тот же миг меч Хиромацу блеснул у шеи Ябу.

– Стойте! – приказал Торанага.

Меч Хиромацу замер – старик изумительно контролировал свои действия. Ябу не шелохнулся. Он гордо смотрел на них, потом надменно расхохотался:

– Разве я грязный ронин, чтобы нападать на своего сюзерена? Я – Касиги Ябу, владыка Идзу, Суруги и Тотоми. – Он прямо посмотрел на Торанагу. – В чем меня обвиняют, господин? В помощи ниндзя? Чушь! Что мне эти фантазии слуг? Они лжецы! Или этот парень, который намекает на что-то, чего я не могу опровергнуть, а он – доказать?

– Доказательств нет, Ябу-сама, – ответил Торанага. – Я полностью с вами согласен: доказательств нет никаких.

– Ябу-сама, но вы все это совершили? – спросил Хиромацу.

– Конечно нет!

Торанага ответил:

– А я думаю, что да. Вы лишаетесь всех ваших земель. Пожалуйста, совершите сэппуку – сегодня же. До середины дня.

Приговор был окончательным. Наступил главный момент, к которому Ябу готовился всю свою жизнь.

«Карма, – подумал он. Мозг его лихорадочно работал. – Я ничего не могу поделать – приказ отдан. Торанага – мой сюзерен. Они отрубят мне голову, или я умру с достоинством... Все равно я уже покойник. Оми выдал меня... Значит, такова моя карма. Всех слуг должны были убить, это входило в план, но вот двое выжили... Это моя карма. Веди себя достойно! – приказал он себе, собирая все свое мужество. – Думай и поступай соответствующим образом».

– Господин, – начал он с показной смелостью, – прежде всего, я не виновен в этих преступлениях. Косами ошибается, а слуги врут. Кроме того, я лучший из военачальников, которые у вас есть. Прошу оказать мне честь возглавить атаку на Токайдо или позволить занять место в первых рядах в первой же битве. Тогда моя смерть принесет вам непосредственную пользу.

Торанага дружелюбно сказал:

– Это хорошее предложение, Ябу-сан, и я от всего сердца с вами согласен, что вы лучший командир мушкетного полка. Но, прошу прощения, я не доверяю вам. Пожалуйста, совершите сэппуку до полудня.

Ябу сумел подавить ослепившую его злобу и выполнить свой долг самурая и главы рода. Он собрал все свое самообладание:

– Я прощаю моего племянника Касиги Оми-сана, освобождаю его от всякой ответственности за предательство и назначаю своим наследником.

Торанага, как и все остальные, был поражен.

– Очень хорошо, – похвалил он. – Я думаю, это очень мудро. Согласен.

– Идзу – наследственный удел рода Касиги. Завещаю его Оми-сану.

– Идзу больше не ваша, чтобы вы могли кому-то ее передать. Вы – мой вассал. Идзу – одна из моих провинций. Я отдам ее кому захочу.

Ябу пожал плечами:

– Я хотел отдать ему, даже несмотря на то... – Он засмеялся. – Это просьба на всю жизнь...

– Просить можно. В вашей просьбе отказано. Ябу-сан, все ваши последние приказы подлежат моему утверждению. Бунтаро-сан, ты будешь свидетелем. Теперь, Ябу-сан, кого вы хотите себе в помощники?

– Касиги Оми-сана.

Торанага взглянул на Оми. Тот поклонился, лицо его побледнело.

– Для меня это большая честь!

– Тогда все оговорено.

Хирوماцу уточнил:

– И атака на Токайдо – тоже?

– Нам будет безопаснее за нашими горами. – Торанага ответил на поклоны, вскочил на лошадь и пустил ее рысью. Судара вежливо кивнул и поехал за ним. Как только Торанага и Судара отъехали достаточно далеко, Бунтаро и Хирوماцу расслабились, но не Оми – нет... Каждый не сводил взгляда с меча и руки Ябу.

Бунтаро осведомился:

– Где вы хотите сделать это, Ябу-сама?

– Здесь, там, внизу, на берегу или на какой-нибудь навозной куче – мне все равно! Мне не нужны церемониальные одежды! Но, Оми-сан, ты не должен наносить свой удар, пока я не сделаю два разреза.

– Да, господин.

– С вашего разрешения, Ябу-сан, я тоже буду свидетелем, – предложил Хирوماцу.

– А ваш гемморрой не против?

Ябу точно рассчитал – старый воин разозлился.

– Пожалуйста, пошли за мной, когда он будет готов, – обратился Хирوماцу к Бунтаро.

Ябу сплюнул:

– Я уже готов. А вы?

Хирوماцу повернулся.

Ябу подумал, потом вынул из-за пояса свой меч Ёситомо в ножнах.

– Бунтаро-сан, не окажете ли вы мне любезность? Передайте это Андзин-сану... – Он протянул ему меч, потом нахмурился. – Вообще-то, подумав, я бы просил: если вас не затруднит, пошлите за ним. Я хотел бы сам его отдать.

– Конечно.

– И пожалуйста, сходите за этим гнусным священником, чтобы я мог поговорить с Андзин-саном напрямую.

– Хорошо. Какие еще распоряжения вы желаете сделать?

– Только бумагу, тушь и кисточку для моего завещания и предсмертного стихотворения и пару татами – не стоит пачкать колени или становиться ими в грязь, как какой-нибудь крестьянин. – Ябу явно бравировал.

Бунтаро подошел к одному из самураев, которые переминались с ноги на ногу, пытаясь сдержать возбуждение. Ябу беззаботно сел скрестив ноги и взял в зубы травинку. Оми слонялся вокруг, стараясь не подходить ближе чем на расстояние удара меча.

– Э-э-э! – завопил вдруг Ябу. – Я был так близок к успеху! – Он вытянул ноги и стал бить ими по земле в приступе злобы. – Так близок! Карма! – Он расхохотался и сплюнул, гордый тем, что во рту еще есть слюна. – Это на всех богов – живущих, мертвых и тех, что еще только родятся! И все же, Оми-сан, я умираю счастливым – Дзикю мертв! Когда я пересеку последнюю реку и увижу его ожидающего там, я буду вечно плевать ему в глаза!

Оми, как ястреб, не спускал с него глаз:

– Вы оказали большую услугу господину Торанаге, господин. Теперь открыт путь вдоль берега. Вы правы, господин, а Железный Кулак и Судара не правы. Нам следует атаковать сразу – ружья помогут нам пробиться.

– Эта старая навозная куча! Глупец! – Ябу снова засмеялся. – Ты видел, как он надулся, когда я сказал про геморрой? Ха! Я думал, он взорвется. Самурай? Я больше самурай, чем он! Я ему покажу! Ты не должен рубить, пока я не прикажу.

– Можно мне почтительно поблагодарить вас за такую честь, а также за то, что вы хотели сделать меня своим наследником? Я официально заявляю вам, что честь рода Касиги в моих руках будет в безопасности.

– Если бы я так не думал, не предложил бы этого. – Ябу понизил голос. – Ты прав, что выдал меня Торанаге. На твоём месте я сделал бы то же самое. Хотя все это враки... Это извиняет Торанагу. Он всегда был ревнив к моим боевым успехам, моему пониманию значения ружей и этого корабля. Это все мои идеи.

– Да, господин, я помню.

– Ты спасешь наш род. Ты умен, как старая шелудивая крыса. Ты вернешь обратно Идзу и многое другое – это теперь очень важно – и удержишь это для своих сыновей. Ты понимаешь в ружьях. И в Торанаге...

– Клянусь, что постараюсь, господин.

Глаза Ябу опустились на руку Оми с мечом, отметив, как тот насторожен.

– Думаешь, я нападу на тебя?

– Простите, конечно, я так не думаю, господин.

– Я рад, что ты настороже. Мой отец был похож на тебя. Да, ты очень похож на него. – Не делая резких движений, он отложил оба меча так, что больше не мог их достать. – Вот! Теперь я беззащитен. Несколько минут назад я хотел убить тебя, но теперь – нет. Теперь тебе не нужно меня бояться.

– Вас всегда надо бояться, господин.

Ябу опять захохотал и взял в рот еще травинку, потом отбросил ее в сторону:

– Послушай, Оми-сан. Вот мои последние приказы как главы рода Касиги. Ты возьмешь моего сына к себе в дом и будешь обходиться с ним, как он того заслуживает. Далее: найди достойных мужей для моей жены и наложницы и как следует отблагодари – они хорошо мне служили. О твоём отце, Мидзуно: ему приказываю сразу же совершить сэппуку.

– Могу я потребовать, чтобы он вместо этого обрил голову и стал священником?

– Нет. Он слишком глуп, ты никогда не сможешь доверять ему... Как осмелился он сообщить Торанаге мои секреты! И он всегда будет путаться у тебя под ногами! Что касается твоей матери... – Ябу оскалил зубы. – Я приказываю ей обрить голову, стать монахиней в одном из монастырей за пределами Идзу и провести остаток дней,

молясь о будущем рода Касиги. Буддийском или синтоистском. Я предпочитаю синтоистский. Ты согласен на синтоистский?

– Да, господин.

– Хорошо. Так она перестанет, – добавил Ябу со злой радостью, – отвлекать тебя от дел рода Касиги своим постоянным нытьем.

– Это будет сделано.

– Хорошо. Тебе я приказываю отомстить за их ложь про меня – этому Косами и предателям-слугам. Рано или поздно, мне все равно, но ты должен это сделать – до того как умрешь сам.

– Я выполню вашу просьбу.

– Есть что-нибудь еще, что я забыл?

Оми тщательно проверил, не подслушивают ли их.

– А что вы скажете о наследнике? – осторожно спросил он. – Ведь если наследник выйдет против нас на поле битвы, мы проиграем?

– Возьми мушкетный полк, прорвись и убей его, что бы ни говорил Торанага. Яэмон – ваша главная цель.

– Я тоже так думаю. Благодарю вас.

– Но лучше, не дожидаясь этого момента, назначить тайную цену за его голову и предложить ниндзя... или из секты Амиды Тонга.

– Как с ними связаться? – В голосе Оми послышалась дрожь.

– Эта старая ведьма Гёко, мама-сан. Она знает как. Но берегись ее и Амиды. Не пользуйся часто их услугами, Оми-сан. Никогда не обижай ее, всегда защищай. Она знает слишком много секретов и может достать каждого даже с того света. Целый год она была тайной наложницей моего отца... Возможно, даже ее сын – мой сводный брат... Берегись ее – она слишком много знает...

– Но где взять для этого денег?

– Это уж твое дело. Но достань. Где-нибудь, как-нибудь.

– Да, спасибо. Я сделаю.

Ябу наклонился вперед. Оми сразу же подозрительно ощетинился, чуть ли не собираясь выхватить меч из ножен. Ябу был доволен, что даже в таком незащитном состоянии его все еще боятся.

– Запрячь эту тайну подальше. И слушай, племянник, – будь другом Андзин-сану. Постарайся контролировать корабли, которые он приведет сюда однажды. Торанага не понял настоящей цены Андзин-сана, но он прав, что хочет остаться за горами. Это дает время и ему, и вам. Мы выйдем из-за гор и отправимся в море – и Касиги должны

быть там в командирах! Касиги должны выйти в море, стать его хозяевами! Я приказываю тебе это!

– Да, о да! Доверьтесь мне. Это будет!

– Хорошо. Последнее. Никогда не доверяй Торанаге.

Оми серьезно ответил:

– А я и не доверяю, господин. Никогда не доверял и никогда не буду доверять.

– Так! И эти грязные лжецы... Не забывай – с ними надо разделаться! И с Косами. – Ябу вздохнул, успокоившись. – Теперь извини меня – я должен написать свои предсмертные стихи...

Оми встал, отошел подальше, на приличное расстояние, отвесил поклон и удалился еще на двадцать шагов. Здесь он сел и стал ждать.

Торанага с группой охотников рысью ехал вдоль береговой дороги, огибавшей большую бухту. Справа от них море почти вплотную подступало к дороге, берег был низменный, болотистый, с обширными илистыми отмелями. В нескольких ри к северу дорога соединялась с главной веткой Токайдо. В двадцати ри к северу лежало Эдо.

Даймё сопровождали сотня самураев, десять сокольничих, каждый с птицей на перчатке. Судара, в окружении двадцати телохранителей, двигался в авангарде – с ними было три птицы.

– Судара! – окликнул его Торанага, как будто это только что пришло ему в голову. – Остановись у следующего постоянного двора! Я не прочь позавтракать.

Судара махнул рукой, показывая, что понял, и поскакал вперед. К тому времени, когда подъехал Торанага, служанки уже кланялись и улыбались, хозяин со всеми своими людьми суетился вокруг гостей. Телохранители закрыли движение с севера и юга, укрепили знамя.

– Доброе утро, господин, пожалуйста! Что предложить вам перекусить? – Их встретил хозяин. – Благодарю вас за честь, оказанную моему бедному заведению.

– Чаю, пожалуйста, и немного лапши с соевым соусом.

– Да, господин.

Еда, в тонкой миске, подана была мгновенно и приготовлена точно так, как он любил. Хозяина предупредил Судара. Не церемонясь, Торанага присел на корточки на веранде и с удовольствием поглощал простое крестьянское кушанье, наблюдая за дорогой. Постояльцы

раскланялись и разошлись по своим делам, гордые тем, что останавливались под одним кровом с таким крупным даймё. Судара обошел посты, удостоверился, что все в порядке.

– А где теперь загонщики? – поинтересовался он у начальника охоты.

– Кто на севере, кто на юге, а сюда, в горы, я дополнительно направил людей. – Старый самурай, с несчастным видом, весь в поту, показал назад, вглубь материка, по направлению к Йокогаме. – Прошу простить меня, нельзя ли спросить у вас, куда собирается поехать дальше наш господин?

– Не имею понятия. Но не делайте сегодня больше таких ошибок.

– Да, господин.

Судара закончил свой обход и вернулся к Торанаге:

– Все в порядке, господин. Что еще сделать для вас?

– Ничего, спасибо. – Торанага покончил с лапшой и допил остатки супа. Потом сказал без всякого выражения: – Ты был прав относительно наследника.

– Прошу меня извинить, я боялся, что могу обидеть вас, сам того не желая.

– Ты был прав. Так почему я должен обидеться? Когда наследник выступит против меня – что ты будешь делать тогда?

– Выполнять ваши приказы.

– Пожалуйста, пришли сюда моего письмоводителя и возвращайся с ним.

Судара повиновался. Каванаби, письмоводитель – одновременно самурай и монах, всегда сопровождавший Торанагу в поездках, – быстро появился вместе со своим дорожным ящичком для бумаги, туши, печатей и кисточек для письма, который он возил с собой в корзине, привязанной к седлу.

– Господин?

– Пиши следующее: «Я, Ёси Торанага-но Миновара, восстанавливаю в правах наследования моего сына, Ёси Судара-но Миновара, с возвращением ему всех званий и доходов».

Судара поклонился:

– Благодарю вас, отец. – Голос его был тверд, но в глубине души он недоумевал: почему все это?

– Поклянись торжественно, что будешь выполнять все мои распоряжения, завещания и беречь мое наследство.

Судара повиновался. Торанага молча ждал, когда Каванаби напишет бумагу, подписал ее и заверил своей печатью – маленьким квадратным кусочком слоновой кости с выгравированным на одном конце его именем. Он прижал печать к почти высохшей красной туши, потом к концу листа рисовой бумаги. Отпечаток получился идеальным.

– Спасибо, Каванаби-сан, датировуй его вчерашним числом. Пока все.

– Прошу меня извинить, но потребуется еще пять копий, господин, чтобы ваше решение считалось окончательным: одна – для господина Судары, одна – для Совета регентов, одна – для Дома регистрации, одна – для вашего личного делопроизводства и одна – для архивов.

– Сделай их сразу. И дай мне дополнительно еще одну копию.

– Да, господин. – Письмоводитель ушел.

Теперь Торанага мог взглянуть на Судару и рассмотреть его узкое, бесстрастное лицо. Когда он сделал это объявление, сделал внезапно, и не без умысла, на лице Судары ничего не отразилось. Ни радости, ни благодарности, ни гордости – даже удивления, и это огорчило его. «Но с другой стороны, – подумал Торанага, – с чего тебе огорчаться? У тебя есть другие сыновья, они улыбаются, смеются, ошибаются, кричат, злятся, любят женщин... Нормальные сыновья... Этот сын пойдет за тобой, вождь после твоей смерти, он будет держать всех Миновара в кулаке и править Канто и всеми Миновара. Такой же холодный и расчетливый, как ты! Нет, не как я... – честно признался он себе. – Я могу и посмеяться, пожалуй, люблю подурачиться, спать с женщинами, кричать, танцевать, играть в шахматы, разыгрывать пьесы *но*. Иные люди радуют меня – такие как Нага, Кири, Тяно, Андзин-сан... Я привязан к охоте. Люблю побеждать, побеждать, побеждать... Но тебя ничто не радует, Судара, извини. Ничто... Кроме твоей жены, госпожи Гэндзико. Госпожа Гэндзико – единственное слабое звено в твоей цепочке».

– Господин? – окликнул его Судара.

– Я пытался вспомнить, когда последний раз видел тебя смеющимся.

– Вы хотите, чтобы я смеялся, господин?

Торанага покачал головой: он учил Судару быть идеальным сыном, – если надо, он засмеется.

– Сколько тебе потребуется времени, чтобы убедиться, что Дзикю действительно мертв?

– Перед выездом из лагеря я послал в Мисиму первоклассного голубя, на случай если бы вы еще не знали, верно это или нет, отец. Я получу ответ в течение трех дней.

Торанага благословил богов за то, что уже был осведомлен Касиги Мидзуно о заговоре против Дзикю и за несколько дней до того узнал о смерти своего врага. Он снова и снова размышлял над своим планом, искал и не находил в нем изъяна... Эти колебания даже довели его до полуобморочного состояния, но он принял решение:

– Прикажи одиннадцатому, шестнадцатому, девяносто четвертому и девяносто пятому полкам в Мисиме приготовиться к немедленному выступлению. Через четыре дня поведешь их вниз по Токайдо.

– «Малиновое небо»? – Судара на этот раз все же был выведен из равновесия. – Вы атакуете?

– Да, я не жду, когда они атакуют меня.

– Так Дзикю мертв?

– Да.

– Могу я предложить вам добавить еще двадцатый и двадцать третий?

– Нет. Десяти тысяч человек должно хватить – при внезапном нападении. Надо еще охранять границы – на случай неудачи или какого-нибудь подвоха. И сдерживать Дзатаки.

– Верно, – согласился Судара.

– Кто возглавит это наступление?

– Господин Хиромацу. Это как раз для него.

– Почему?

– Прямой, простой, старый способ ведения войны, приказы совершенно четкие, отец. Он подходит для этой кампании.

– Но он больше не годится для роли верховного главнокомандующего?

– Прощу прощения, Ябу-сан был прав: ружья изменили мир. Железный Кулак сейчас уже устарел.

– Кто тогда?

– Только вы, господин. До тех пор пока битва не произойдет, я советую вам никого не допускать между вами и битвой.

– Я подумаю об этом. Сейчас отправляйся в Мисиму. Подготовь там все. Ударным силам Хиромацу будет дано двадцать дней, чтобы пересечь реку Тэнрю и взять под контроль Токайдо.

– Прошу прощения, могу я предложить сделать последним пунктом назначения для них склон Сими? И дать им тридцать дней?

– Нет. Если я отдам такой приказ, гребня достигнут немногие, а большинство погибнет. Мы не сможем отразить контратаку, удары врага, если наши силы будут отступать.

– Но вы, конечно, пошлете сразу же вслед за ними подкрепления?

– Наше главное наступление будет проходить через горы Дзатаки. Это только отвлекающий момент. – Торанага внимательно посмотрел на сына, но Судара никак не отреагировал на это заявление: не удивился, не одобрил, но и не выразил неодобрения.

– Ах, извините. Прошу меня простить, господин.

– Кто будет командовать мушкетным полком без Ябу?

– Касиги Оми.

– Почему?

– Он в этом разбирается. Кроме того, он современный, очень смелый, умный, терпеливый – и такой же опасный, даже более опасный, чем его дядя. Я бы советовал, если вы победите и он выживет, найти повод, чтобы предложить ему отправиться в «великую пустоту».

– *Если* я выиграю?

– «Малиновое небо» всегда было планом *на крайний случай*. Вы говорили это сотни раз. Если мы потерпим поражение на Токайдо, Дзатаки вырвется на равнины. Пушки там не помогут. Это чрезвычайный план. Вам никогда не нравились подобные планы.

– А Андзин-сан? Что посоветуешь по поводу его?

– Я согласен с Оми-саном и Нага-саном. Его следует изолировать. Его люди ничего собой не представляют. Они *эта* и скоро перебьют друг друга. Они ничто. Я советую всех иностранцев или изолировать, или выкинуть из страны. Они как чума – и обращаться с ними надо так же.

– Тогда не будет торговли шелком...

– Если такова цена, то я бы заплатил. Они – чума.

– Но нам нужен шелк. Чтобы защищаться, мы должны знать о них, учиться тому, что они знают.

– Их следует не пускать за пределы Нагасаки, держать под надежной охраной, число их строго ограничивать. Торговать они могут только раз в год. Разве деньги не главная их цель? Разве не это говорит Андзин-сан?

– Ах, так он все-таки полезен?

– Да, очень. Он показал нам, как мудры были эдикты об изгнании. Андзин-сан очень мудр, очень смел. Но он игрушка. Он развлекает вас, господин, как Тэцуко. Он полезен, но только как игрушка.

Торанага завершил беседу:

– Благодарю за высказанные тобой мнения. Когда начнется наступление, ты вернешься в Эдо и будешь ждать дальнейших приказов.

Он сказал это твердо и со скрытым смыслом: Дзатаки все еще держал госпожу Гэндзико, сына и трех дочерей Судары заложниками в своей столице Такато. По просьбе Торанаги Дзатаки дал Сударе разрешение на отъезд, но только на десять дней. Судара согласился на сделку и обещал вернуться в этот срок. Дзатаки был известен своими глупыми понятиями о чести, мог запросто уничтожить всех независимо от того, был ли договор тайным или явным. И Торанага, и Судара знали: Дзатаки обязательно это сделает, если Судара не вернется, как обещал.

– Да, господин.

– Ты поедешь в Мисиму сразу же.

– Тогда я сэкономлю время, если отправлюсь этим путем. – Судара указал на перекресток впереди.

– Да, завтра я пришлю тебе письмо.

Судара поклонился, подошел к своей лошади и вскоре уехал с двадцатью телохранителями.

Торанага поднял миску и подобрал лапшу, уже остывшую.

– О, господин, прошу прощения, вы желаете еще? – К нему подбежала молоденькая служанка, круглолицая, не очень хорошенькая, но живая и исполнительная, – как раз таких он любил среди служанок и своих женщин.

– Нет, благодарю. Как твое имя?

– Юки, господин.

– Скажи своему хозяину, Юки, что он делает хорошую лапшу.

– Да, господин, благодарю вас, господин, за то, что оказали честь нашему дому. Только дайте знак – и мы тут же сделаем все, что вам потребуется.

Он подмигнул ей, она засмеялась, подобрала поднос и убежала. Сдерживая нетерпение, он следил за поворотом дороги. Потом осмотрелся вокруг: дом в хорошем состоянии, крыт черепицей, стены чистые, везде опрятно, подметено. Вокруг двора и дальше, в окрестностях, терпеливо дожидаются его телохранители, но главный егерь нервничает. Что ж, это будет последний день его службы. Если всерьез отдаваться охоте, придется отправить старика в Эдо, наградить по заслугам и назначить на его место другого.

«Вот в чем разница между мной и Сударой, – подумал он без всякой досады. – Судара не колебался бы. Судара приказал бы этому человеку тут же совершить сэппуку – ни расходов, ни хлопот, и новый главный егерь будет стараться. Да, мой сын, я хорошо тебя знаю. Ты для меня самый главный из моих детей.

И еще большой вопрос – Гэндзико и ее дети... Если бы госпожа Гэндзико не была сестрой Отибы – ее любимой и почитаемой сестрой, – я, хоть и с большими сожалениями, позволил бы Дзатаки уничтожить их всех и спасти Судару в будущем от большого риска. А если я скоро умру? Они – его единственное слабое место... Но к счастью, Гэндзико – сестра Отибы и очень важная часть большой игры. Я не могу этого допустить. Надо бы, но не могу... На этот раз я должен выиграть! Не забывай, что Гэндзико ценна и в другом отношении: ум у нее острый, как зубы акулы, она рождает прекрасных детей и фанатично безжалостна, как и Отиба, ко всему, кроме своей семьи. С одной огромной разницей: Гэндзико в первую очередь предана мне, а Отиба – своему сыну, наследнику тайко.

Решено! До истечения десятого дня Судара должен вернуться в распоряжение Дзатаки! А если потянуть? Нет, это побудит Дзатаки сделаться еще подозрительнее, а мне меньше всего хотелось бы, чтобы он меня подозревал...

Ты мудро поступил, завещав власть Сударе. Если будущее наступит, в его руках и руках Гэндзико оно будет надежным – при условии, что они будут следовать завещанию. Назначить его главным

наследником именно сейчас – это правильное решение, и оно обрадует Отибу».

Он уже написал Отибе письмо, которое отправит вечером вместе с копией завещания. Да, он вытащит одну рыбью кость у нее из глотки – кость эта давно уже засунута именно для того, чтобы беспокоить ее. Хорошо сознавать, что Гэндзико – слабое звено Отибы, может быть, единственное... А вот какое слабое место у Гэндзико? Похоже, никакого. По крайней мере, он еще не нашел, но, если оно есть, найдет.

Торанага внимательно осмотрел своих соколов: они подпрыгивали, чистились, издавали какие-то звуки. В отличном состоянии, все – с колпачком на голове, кроме Кого, – ее большие желтые глаза метались из стороны в сторону. Кого, как и его самого, все интересовало.

«Что бы ты сказала, моя красавица, – мысленно спросил ее Торанага, – если бы я заявил тебе, что должен быть нетерпеливым и вырваться отсюда, что главный мой бросок будет вдоль Токайдо, а не через горы Дзатаки, как я объявил Сударе? Ты, возможно, спросила бы почему. А я ответил бы, что не доверяю Дзатаки настолько же, насколько не могу летать. А летать я не могу совсем...»

Тут он заметил, что глаза Кого метнулись в сторону дороги. Он посмотрел туда и улыбнулся, увидев паланкины и вьючных лошадей, появившихся из-за поворота.

– Ну, Фудзико-сан, как вы?

– Хорошо, благодарю вас, господин, очень хорошо. – Она еще раз поклонилась, и он заметил, что, видимо, шрамы от ожогов уже не болят, ноги слушаются, как прежде, а на щеках появился приятный румянец. – Могу я спросить, как Андзин-сан? – поинтересовалась она. – Я слышала, переезд из Осаки был очень тяжелым, господин.

– Он теперь вполне здоров.

– О, господин, это лучшая новость, какую вы могли мне сообщить.

В следующем паланкине его приветствовала с веселой улыбкой Кику:

– Ах, как мне приятно видеть вас, господин, я так скучала! Разлука тянулась так долго...

– Да, прошу меня извинить, я сожалею. – Он был согрет ее удивительной красотой и скопившейся в ней внутренней радостью –

это отвлекло его от нахлынувших тревог. – Очень рад видеть вас! – Тут он заметил последние носилки. – Ах, Гёко-сан, сколько времени прошло! – произнес он довольно сухо.

– Благодарю вас, господин, я заново родилась, когда увидела вас своими старыми глазами. – Поклон Гёко был безупречен, она была одета особенно тщательно; он уловил что-то розовое под ее кимоно из самого дорогого шелка. – Ах, какой вы сильный, господин, – прямо гигант среди других мужчин! – пропела она.

– Благодарю вас, вы тоже выглядите прекрасно.

Кику захлопала в ладоши при этом обмене любезностями, и все засмеялись вместе с ней.

– Я распорядился, чтобы вы пока оставались здесь. – Он был полон радостью при виде Кику. – А вы, Фудзико-сан, пожалуйста, пойдете со мной.

Он отвел Фудзико в сторону. Когда она напилась чая, освежилась и они поболтали о всяких пустяках, даймё перешел к главному:

– Вы дали согласие на полгода, и я согласился на полгода. Извините, но сегодня я должен знать, не хотите ли вы изменить соглашение.

Маленькое квадратное личико Фудзико сразу потеряло всякую привлекательность, как только его покинула радость. Кончиком языка она на секунду прикоснулась к зубам.

– Как я могу изменить это соглашение, господин?

– Очень легко. Оно закончилось. По моему приказу.

– Прошу меня извинить, господин, – начала Фудзико, голос ее был сух и невыразителен. – Я не это имела в виду. Я добровольно и со всей ответственностью заключила это соглашение перед Буддой с духом моего покойного мужа и сына. Его нельзя изменить.

– Я приказываю его изменить.

– Простите, господин, прошу меня простить, но тогда бусидо освобождает меня от повиновения вам. Ваши обязательства столь же важны, и любые изменения должны быть согласованы обеими сторонами на добровольной основе.

– Вы довольны Андзин-саном?

– Я его наложница. Это я должна доставлять ему удовольствие.

– Вы можете продолжать жить с ним, если не будет другого соглашения?

– Жизнь с ним очень-очень трудна, господин. Все очень официально, чрезвычайно вежливо... Все обычаи, которые делают жизнь надежной, достойной, удобной и спокойной, приходится отбрасывать или обходить. Дом его небезопасен, там нет *ва*, нет гармонии для меня... Почти невозможно заставить слуг или меня понять... Но... да, я могу и дальше выполнять свои обязанности по отношению к нему.

– Я прошу вас прервать это соглашение с ним.

– Мой первый долг – это долг перед вами. На втором месте – долг перед моим мужем.

– Я думал, Фудзико-сан, что Андзин-сану следует жениться на вас. Тогда вы не были бы его наложницей.

– Самурай не может служить двум властелинам или жена – двум мужьям. Мой долг – долг перед моим покойным мужем. Прошу меня простить, я не могу изменить соглашения.

– Если потерпеть, все можно изменить. Скоро Андзин-сан больше будет знать о наших обычаях, в его доме тоже появится *ва*. Он невероятно многому обучился, с тех пор как стал...

– Ох, пожалуйста, не запутывайте меня, господин. Андзин-сан – самый необычный мужчина, которого я только знала. Конечно, он самый добрый. Он оказал мне большую честь. О да, я знаю, его дом скоро станет настоящим домом, но... пожалуйста, простите меня, я должна выполнять свой долг. Мой долг – это долг по отношению к моему мужу, моему единственному мужу... – Она овладела собой. – Он должен соблюдать, должен, господин, или... все... весь позор, все страдания и бесчестье не имели смысла? Его смерть, смерть моего ребенка, сломанные мечи, похороны в деревне *эта*... Без долга перед ним разве весь наш бусидо не становится вечной насмешкой?

– Сейчас вы должны ответить на один вопрос, Фудзико-сан: разве у вас нет долга по отношению ко мне, вашему сюзерену? И к нему, удивительно смелому человеку. Он становится одним из нас и вашим хозяином. И быть может, – добавил он, решив, что догадался о причине, вызвавшей румянец на ее лице, – ваш долг перед неродившимся ребенком. Разве все это не выше того вашего долга?

– Я... я не ношу его ребенка, господин.

– Вы уверены?

– Нет, не уверена.

– У вас задержка?

– Да... но только небольшая, и это может быть...

Торанага смотрел на нее и терпеливо ждал. Ему еще много что нужно было сделать перед отъездом отсюда. Перед тем моментом, когда он пустит в небо Тэцуко или Кого... Он страстно предвкушал удовольствие, но это было его удовольствие, и, стало быть, оно не имело значения. Фудзико имеет значение, и он пообещал себе, что, по крайней мере сегодня, сделает вид, будто уже победил, будто у него есть время – он позволит себе быть терпеливым и решать вопросы, которые должен решать.

– Так как же?

– Простите, господин, нет.

– Ну, нет так нет, Фудзико-сан. Прошу простить меня за такой вопрос, но это было необходимо. – Торанага не рассердился и не обрадовался. Фудзико старалась вести себя достойно, и он знал, когда заключал эту сделку с ней, что ничего изменить не удастся. «Это и делает нас такими разными, – с удовлетворением подумал он. – Сделка со смертью считается священной». Торанага церемонно поклонился Фудзико. – Я высоко ценю ваше понимание чести и чувство долга по отношению к вашему мужу, Усаги Фудзико, – заявил он, назвав ее именем, которое перестало существовать.

– О, благодарю вас, господин! – с достоинством ответила она на похвалу. От полноты чувств у нее хлынули слезы – она поняла, что этот простой жест снял клеймо позора с ее бывшего мужа – единственного в ее жизни.

– Послушайте, Фудзико, за двадцать дней до последнего дня вы должны уехать в Эдо – что бы ни случилось со мной. Ваша смерть может произойти во время путешествия и должна выглядеть несчастным случаем.

– Да-да, господин.

– Это будет нашей тайной. Только моей и вашей.

– Да, господин.

– До этого времени вы должны оставаться хозяйкой его дома.

– Да, господин.

– А теперь, пожалуйста, скажите Гёко, чтобы она зашла ко мне. Я пошлю за вами, до того как уеду. Мне нужно еще кое-что обсудить с вами.

– Да, господин. – Фудзико поклонилась как можно ниже. – Я благословляю вас за то, что вы освободили меня от жизни. – С этими словами она покинула Торанагу.

«Любопытно, – подумал Торанага, – как женщина может меняться, словно хамелеон: то безобразная, то привлекательная, иногда даже красивая, хотя на самом деле это и не так...»

– Вы посылали за мной, господин?

– Да, Гёко-сан. Какие у вас новости для меня?

– Разные, господин. – Лицо Гёко, искусно покрашенное, было бесстрашно, глаза блестели. Но в глубине души она была встревожена: эта встреча не случайное совпадение – инстинкт подсказывал ей, что Торанага стал еще опаснее... – Устройство гильдии куртизанок идет успешно, правила и основные законы разработаны и отдаются вам на утверждение. К северу от города есть прекрасный участок, который следует...

– Участок, который я уже выбрал, расположен ближе к берегу. Это Ёсивара.

Она похвалила его выбор, охнув про себя. Ёсивара, тростниковые заросли на торфянике, болото, изобилующее москитами... Его надо осушать, прежде чем обнести забором и что-то строить...

– Превосходно, господин. Далее: подготовлены правила поведения и требования к гэйся. Вы можете их рассмотреть и утвердить.

– Прекрасно. Сделайте их покороче и изложите по пунктам. Какую надпись вы хотите поместить над воротами в Ёсиваре?

– «Страсти не надо сдерживать – их надо удовлетворять».

Он засмеялся, она тоже улыбнулась, но не потеряла бдительности, только добавила с серьезным видом:

– Могу я поблагодарить вас от имени будущих поколений, господин?

– Я согласился не для вас и не для них, – ответил Торанага и процитировал одно из своих примечаний к завещанию: – «Добродетельные мужчины во все времена запрещали публичные дома и места свиданий, но люди не добродетельны. Если вождь запрещал публичные дома или любовь, он оставался в дураках, так как вскоре появлялось еще больше напастей, они изливались, как чума из бубонов».

– Как вы мудры.

– Поместив все места развлечений в одном квартале, мы можем следить за всеми недобродетельными мужчинами, облагать их налогами и обслуживать в одно и то же время. Вы совершенно правы, Гёко-сан: «Страсти не надо сдерживать...» Это скоро даст свои плоды. Дальше?

– Кику-сан совсем поправила свое здоровье, господин. Полностью.

– Да, я видел. Как она восхитительна! Жаль, в Эдо летом так жарко и неприятно... Вы уверены, что она здорова?

– Да, о да. Но ей не хватало вас, господин. Мы поедем с вами в Мисиму?

– Какие еще слухи вы хотите мне сообщить?

– Только что Исидо покинул Осацкий замок. Регенты официально объявили вас вне закона. Что за дерзость, господин!

– В каком направлении они собираются меня атаковать?

– Я не знаю, господин. – Ответ ее был осторожен. – Но думаю, они намерены взять вас в клещи. Войска Икавы Хикодзу, который наследовал своему отцу, господину Икаве Дзикю, двинутся по Токайдо, а полки повелителя Синано, господина Дзатаки, который сделал большую глупость и принял сторону господина Исидо против вас, по Косюкайдо. Я уверена: вы доживете до зрелого возраста. С вашего разрешения, я переведу все свои дела в Эдо.

– Конечно. Тем временем посмотрим, не сможете ли вы определить, откуда будет нанесен главный удар.

– Я попытаюсь, господин. Наступили ужасные времена, господин, когда брат пойдет против брата, сын – против отца.

Глаза Торанаги затуманились... Ему следует усилить наблюдение за Нобору, своим старшим сыном, – насколько он верен тайко.

– Да, – согласился он, – ужасные времена. Времена больших перемен. Но чем-то и хорошие. Вот, например, вы – вы теперь богаты. И ваш сын, например. Он ведь управляющий вашей винокурней в Одаваре.

– Да, господин. – Гёко посерела под своими румянами.

– Он получает большие доходы?

– Он, конечно, считается лучшим управляющим в Одаваре, господин.

– Я слышал об этом. У меня есть для него работа. Андзин-сан собирается строить новое судно. Я обеспечиваю его строителями и материалами и хочу, чтобы дела велись как можно лучше.

Гёко чуть не упала от радости. Она думала, что Торанага уничтожит их всех, перед тем как пойдет на войну, или лишит ее жизни: она ведь врала ему – и об Андзин-сане и госпоже Тоде, и о выкидыше Кику (он не был самопроизвольным, как со слезами сообщила она даймё, а стал результатом осторожного вмешательства, по ее настоянию и при согласии Кику).

– О, господин, когда вы хотите видеть моего сына в Йокогаме? Он сделает так, что это будет самое дешевое судно из всех, какие когда-нибудь строили.

– Я вовсе не хочу, чтобы оно было дешевым. Я хочу, чтобы оно было самым лучшим – за самую справедливую цену. Он будет надсмотрщиком, отвечать ему придется перед Андзин-саном.

– Господин, клянусь своим будущим, своими надеждами на будущее, все будет так, как вы хотите.

– Если корабль будет построен должным образом, точно так, как этого хочет Андзин-сан, за шесть месяцев с первого дня строительства, я сделаю вашего сына самураем.

Она отвесила низкий поклон и в первый момент лишилась дара речи.

– Прошу простить бедную дурочку, господин, благодарю вас, благодарю.

– Он должен узнать о строительстве кораблей все, что знает Андзин-сан, чтобы научить других, когда тот уедет.

– Это будет сделано.

– Следующее: Кику-сан. Ее таланты заслуживают лучшего применения, чем просто быть одной из многих женщин.

Гёко взглянула на него, ожидая худшего:

– Вы собираетесь продать ее контракт?

– Нет, она больше не будет куртизанкой или даже одной из ваших гэйся. Ее место – в доме. Она должна быть дамой, каких мало.

– Но, господин, видясь с вами, даже урывками, как может она надеяться потом на хорошую жизнь?

Он позволил ей сделать ему комплимент и сделал комплимент ей и Кику, потом сказал:

– Честно говоря, Гёко-сан, я все больше люблю ее, но не могу позволить себе отвлекаться. Она слишком хороша для меня, чересчур хороша... Прошу меня извинить, но это будет еще одним нашим секретом.

– Конечно, господин, я согласна со всем, что вы говорите, – пылко заявила Гёко, отмечая все сказанное как попытку затуманить ей мозги и скрыть настоящую причину. – Если найдется человек, который будет восхищаться Кику, я умру спокойно.

– Но только после того, как увидите корабль Андзин-сана под всеми парусами и через шесть месяцев, – охладил он ее восторги.

– Да, о да! – Гёко заработала веером – солнце уже припекало, а воздух стал вязким и душным. Ей хотелось определить, почему Торанага так великодушен к ним обеим. Она понимала, что цена за это будет большой, очень большой. – Кику-сан будет огорчена, если ей придется покинуть ваш дом.

– Да, конечно. Я думаю, необходимо как-то вознаградить ее за послушание сюзерену. Предоставьте это мне – и не упоминайте об этом при ней.

– Да, господин. Когда вы хотите, чтобы мой сын приехал в Иокогаму?

– Я дам вам знать перед отъездом.

Она поклонилась и заковыляла прочь. Торанага отправился поплавать. Небо на севере было темное – он знал, что там идет сильный дождь. Заметив, что со стороны Иокогамы подъезжает небольшая группа всадников, Торанага вернулся к постоялому двору.

Оми спешил и распаковывал голову:

– Господин Касиги Ябу выполнил ваш приказ, господин, точно перед полуднем.

Голова, свежевывмытая, с волосами, приведенными в порядок, была насажена на кол, укрепленный на небольшом основании, – его обычно использовали для осмотра.

Торанага оглядел врага, как делал это десятки тысяч раз за свою жизнь. Он всегда в таких случаях думал: «Как будет выглядеть моя собственная голова?.. Вот ее рассматривает враг, победитель... Что выражает мертвое лицо? Ужас, боль, гнев, страх? А может, все сразу? Или вообще ничего... Хорошо бы – достоинство...» На мертвом лице Ябу читалась лишь безумная ярость, губы раскрылись в отчаянном вызове...

– Он умер хорошо?

– Лучше всех, чью смерть я когда-либо наблюдал, господин. Господин Хиромацу сказал то же самое. Два разреза, потом третий – горло. Без посторонней помощи и без звука. Вот его завещание.

– Ты снес ему голову одним ударом?

– Да, господин. Я просил у Андзин-сана разрешения воспользоваться мечом господина Ябу.

– Ёситомо? Тем, что я подарил Ябу? Он отдал его Андзин-сану?

– Да, господин. Он разговаривал с ним через Цукку-сана и сказал: «Андзин-сан, я дарю вам его в память о вашем прибытии в Андзиро и как благодарность за удовольствие, что подарил мне тот маленький варвар». Сначала Андзин-сан отказывался его брать, но Ябу просил его и заявил: «Никто из этих мерзавцев не заслуживает такого клинка!» Наконец Андзин-сан согласился.

«Любопытно, – подумал Торанага. – Я думал, Ябу отдаст клинок Оми».

– Каковы были его последние поручения? – поинтересовался он.

Оми рассказал ему все с точностью. Если бы они не были записаны в завещании, составленном при официальном свидетеле, Бунтаро, он обошел бы их и, конечно же, придумал что-нибудь другое. «Ябу был прав! – в ярости думал он. – Надо всегда помнить, что перо – длинная рука из могилы».

– Чтобы почтить мужество твоего дяди в смерти, я должен выполнить его предсмертные пожелания. Они все, без изменения? – испытывая его, спросил Торанага.

– Да, господин.

– Юки!

– Да, господин, – отозвалась служанка.

– Принеси чая, пожалуйста.

Она убежала, и Торанага задумался о последних желаниях Ябу. Все они были разумны. Мидзуно был дурак и мешал Оми. Мать – взбалмошная елейная старая карга – тоже висела камнем на шее сына.

– Очень хорошо, раз ты согласен, я их утверждаю. Все. И хочу утвердить также предсмертные пожелания твоего отца, прежде чем они станут окончательными. В награду за преданность ты назначаешься командиром мушкетного полка.

– Благодарю вас, господин, но я не заслуживаю такой чести, – заявил Оми, вздохнув.

– Нага будет твоим помощником. Далее: ты назначаешься главой рода Касиги, и твой новый надел – земли Идзу, от Атами на востоке до Нимадзу на западе, включая столицу Мисиму. Годовой доход – тридцать тысяч коку.

– Благодарю вас, господин. Не знаю, как благодарить вас. Я недостойн такой чести.

– Могу заверить, что достоин, Оми-сама, – добродушно пророкотал Торанага. – Сразу же вступай во владение замком в Мисиме. Уезжай из Иокогамы сегодня же. Сообщи господину Сударе в Мисиму. Мушкетный полк будет отправлен в Хаконэ и придет туда через четыре дня. Далее, секретно, только тебе: я посылаю Андзин-сана в Андзиро. Он будет строить там новый корабль. Ты передашь ему твои земли там. Сразу же.

– Да, господин. Могу я отдать ему свой дом?

– Да, можешь, – разрешил Торанага, хотя надел, конечно, и так включал все: дома, владения, крестьян, рыбаков, лодки.

Внезапно оба подняли глаза, услышав волнуемый смех Кику: она затеяла какую-то игру с бросанием веера. Ее напарницей была служанка Суйсэн, чей контракт Торанага тоже выкупил, чтобы сделать подарок Кику и утешить ее после выкидыша.

На лице Оми проступило восхищение, как ни старался он его скрыть, – слишком неожиданным было ее появление. Они заметили, как она бросила взгляд в их сторону. Прелестная улыбка озарила ее лицо, она весело махнула рукой, Торанага ответил, и она вернулась к игре.

– Хороша, не правда ли?

Оми почувствовал, как у него загорелись глаза.

– Да, господин, очень.

Торанага купил контракт Кику для того, чтобы отлучить от нее Оми. Она была одной из его слабостей и возможной наградой ему. Эту награду можно было дать или нет в зависимости от того, докажет или нет Оми свою преданность, поможет ли устранить Ябу. Он помогал самым лучшим образом и доказывал лояльность много раз. Многие, если не все прекрасные идеи Ябу шли от Оми. Месяц назад Оми разузнал никому не известные подробности о тайном сговоре Ябу с командирами мушкетного полка, выходцами из Идзу, с целью убить Нагу и других людей Торанаги во время битвы.

– Здесь нет ошибки, Оми-сан? – спросил он, когда Оми тайно доложил ему об этом в Мисиме, пока они ждали результатов от Марико.

– Нет, господин. Там, около дома, ждет Кивами Матано из третьего полка Идзу.

Самурай из Идзу, плотно сложенный человек среднего возраста, выдал весь заговор, сообщил пароли и объяснил, как должен сработать план.

– Я не мог жить с таким позором, господин. Вы – наш сюзерен. Честно говоря, этот план был составлен только на случай необходимости. Я думаю, это значит: на случай, если бы Ябу-сама решил изменить внезапно, во время битвы. Простите, но вы были первой целью, потом – Нага-сан. За ним – господин Судара.

– Когда впервые был оглашен этот план и кто о нем знает?

– Вскоре после создания полка. Знают о нем пятьдесят четыре человека. Я перечислил Оми-сама имена в письменном виде. План, с условным названием «сливовое дерево», был утвержден лично Касиги Ябу-сама, перед тем как он в последний раз уехал в Осаку.

– Благодарю вас. Я ценю вашу верность. Вы должны хранить эту тайну до тех пор, пока я вам не скажу. Тогда вы получите надел, приносящий доход в пять тысяч коку.

– Прошу меня простить, я ничего не заслужил, господин. Я прошу разрешения совершить сэппуку за то, что столько времени хранил эту позорящую меня тайну.

– В разрешении отказано. Будет так, как я решил.

– Извините меня, я не заслуживаю такой награды. По крайней мере, позвольте мне остаться таким, как есть. Это мой долг, и он не требует награды. На самом деле я должен быть наказан.

– Какой у вас сейчас доход?

– Четыре сотни коку, господин. Этого достаточно.

– Я подумаю о ваших словах, Кивами-сан.

После того как самурай ушел, он спросил:

– Что ты пообещал ему, Оми-сан?

– Ничего, господин. Он пришел ко мне вчера по своему собственному желанию.

– Честный человек? Ты сказал мне, что он честный человек.

– Я этого не знаю, господин. Но он пришел ко мне вчера, и я поспешил сюда, чтобы сообщить вам.

– Тогда он действительно должен быть вознагражден. Такая преданность намного важнее всего остального.

– Да, господин.

– Никому ничего об этом не рассказывай.

Оми ушел, а Торанага задумался, не придумали ли Мидзуно и Оми заговор, чтобы опорочить Ябу. Он сразу же направил своих шпионов выяснить истину. Но заговор действительно существовал. Поджог корабля оказался прекрасным предлогом для уничтожения пятидесяти трех предателей – все они оказались в охране тем вечером. Кивами Матано он отправил на крайний север, дав ему хороший, хотя и скромный надел.

– Конечно, этот Кивами – самый опасный из всех, – заявил Судара, единственный, кому было рассказано о заговоре.

– Да. Всю жизнь за ним будут следить, не доверять... Но обычно есть хороший среди плохих и плохой среди хороших. Выбирать хороших и избавляться от плохих, не жертвуя хорошими, – это искусство. В моих землях нет мерзавцев, которых можно было бы легко сбросить со счетов.

«Да, – удовлетворенно подумал Торанага, вспомнив все это, – ты, конечно, заслуживаешь награды, Оми».

– Сражение начнется через несколько дней, Оми-сан. Ты мне так верно служишь. На поле последней битвы, после моей победы, я назначу тебя господином Идзу и снова сделаю род Касиги наследственными даймё.

– Прошу прощения, господин, пожалуйста, извините меня, но я не заслужил такой чести.

– Ты молод, но многое обещаешь в дальнейшем. Твой дед был очень похож на тебя, очень умен, но у него не хватало терпения. – Снова раздался женский смех, и Торанага посмотрел на Кикю. Даймё все пытался решить ее судьбу... Первоначальный свой план он уже отбросил.

– Можно спросить, что вы имеете в виду под терпением, господин? – Оми инстинктивно чувствовал: Торанага хотел, чтобы ему задали такой вопрос.

Торанага все еще глядел на девушку, у него потеплело на душе...

– Терпение означает умение себя сдерживать. Существует семь чувств, как ты знаешь: радость, гнев, беспокойство, обожание, печаль, страх и ненависть. Если человек не дает им вырваться, он терпелив. Я не так силен, как мог бы быть, но я терпелив. Ты понял?

– Да, господин. Очень хорошо понял.

– Терпение для вождя необходимо.

– Да.

– Эта госпожа, например... Она отвлекает меня – слишком красива, слишком идеальна. Я чересчур прост для такого редкого создания. Я решил: пусть она принадлежит кому-нибудь другому.

– Но, господин, даже как одна из ваших младших дам... – Оми произносил обычные вежливые слова, которые оба они считали притворством, хотя и обязательным. Оми все время молился, как никогда не молился раньше. Он знал: попросить можно, но он никогда этого не сделает, никогда...

Торанага смотрел, как Кику бросает веер, ловит веер служанки и смеется, заражая всех своим весельем... Но тут обе девушки скрылись за лошадьми. «Извините, Кику-сан, – подумал он, – но я должен как можно быстрее отдалить вас от себя. Честно говоря, я действительно все больше влюбляюсь в вас, хотя Гёко никогда не поверит этому, да и Оми тоже, и вы сами».

– Я совершенно согласен, но большой талант заслуживает жертв. Кику-сан достойна собственного дома. И мужа.

– Лучше быть содержанкой самого мелкого самурая, чем женой крестьянина или торговца, даже богатого.

– Я не согласен.

Для Оми с этими словами все закончилось. «Карма, – сказал он про себя, придавленный своим несчастьем. – Отбрось печаль, глупец. Твой сюзерен решил, значит с этим все кончено. Мидори – идеальная жена. Твоя мать становится монахиней, так что теперь в твоём доме будет полная гармония. Столько печали сегодня. И счастья: будущий даймё Идзу, командир полка... Андзин-сан будет жить в Андзиро. Следовательно, первый корабль будет построен в Идзу – на моей земле... Отбрось свою печаль. Вся жизнь – печаль. У Кику-сан своя карма, у меня – своя, у Торанаги – своя, а мой властелин Ябу показал, как глупо беспокоиться об этом или о чем-то еще».

Оми взглянул на Торанагу. В мыслях у него прояснилось, все встало на свои места.

– Прошу прощения, господин, пожалуйста, извините. Я не подумал.

– Ты можешь проститься с ней перед отъездом.

– Благодарю вас, господин. – Оми развернул голову Ябу. – Вы хотите, чтобы я закопал ее или увез с собой?

– Насади на кол лицом к останкам корабля.

– Да, господин.

– А что он написал перед смертью?

Оми прочитал:

Что – облака,

Если не оправдание?

Что – наша жизнь,

Если не бегство от смерти?

Торанага улыбнулся.

– Интересно, – заметил он.

Оми поклонился и передал завернутую голову одному из своих людей, а сам прошел между лошадьми и самураями в дальний конец двора.

– Ах, госпожа, – церемонно обратился он к Кику. – Я так рад видеть вас здоровой и счастливой.

– Я со своим господином, Оми-сан, а он здоров и доволен. Как могу я не быть счастливой?

– *Саёнара*, госпожа.

– *Саёнара*, Оми-сан. – Она поклонилась, осознав теперь, что все закончилось, – раньше она этого не понимала. На глаза ее навернулись слезы, Кику смахнула их и еще раз поклонилась ему вслед.

Она смотрела, как он идет широким, уверенным шагом, и чуть не зарыдала, сердце ее готово было разорваться, но потом, как всегда, она услышала добрый, мудрый голос: «Почему ты плачешь, дитя? Мы, дамы „плавающего мира“, живем одним моментом, отдавая все наше время радости от цветения вишни, от снега, свежести листьев вяза, стрекота сверчка, от красоты луны, ее роста, и убывания, и нового рождения, от пения наших песен, питья чая и sake, аромата благовоний и прикосновений шелка, от ласк. Слушай, дитя: никогда не печалься, всегда плыви, как лилия на быстрине потока жизни. Как тебе повезло, Кику-сан, ты принцесса Юкиё „плавающего мира“, так плыви, живи мгновением...»

Кику смахнула слезинку. «Глупая девочка, зачем плакать? Не плачь! – приказала она себе. – Ты так невероятно удачлива! Ты наложница самого крупного даймё, хотя и очень незначительная, неофициальная, но какое это имеет значение – твой сын родится

самураем. Разве это не замечательный подарок? Разве предсказатель не обещал такого необыкновенного счастья, в которое невозможно поверить? Если и плакать, то о более важных вещах. О семени, росшем в твоём чреве, которое изгнал тот отвар со странным вкусом. Хотя зачем плакать об этом? Это было только „оно“, не ребенок, да и кто был его отец? Если честно?»

– Я не знаю, не наверняка, Гёко-сан, прошу меня извинить... Мне кажется, что отец – мой господин, – вымолвила она наконец – ей очень хотелось сына-самурая.

– Ну а если ребенок родится с голубыми глазами и светлой кожей, а? Посчитай дни.

– Я считала и считала... О, как я считала!

– Тогда будь честна сама с собой. Извини, но и твое, и мое будущее зависит от этого. У тебя впереди еще много лет, чтобы рожать детей. Тебе ведь только восемнадцать. Лучше быть полностью уверенной.

«Да, – снова подумала она, – как вы мудры, Гёко-сан, и как глупа и очарована была я. Это было только „оно“... И как мудры мы, японцы, зная, что плод еще не ребенок, пока ему не исполнится тридцать дней. Тогда его дух укрепляется в теле и окончательно определяется его карма. О, как мне повезло! И я хочу сына, и еще одного сына, и еще одного сына и совсем не хочу девочку... Бедные дочки! О боги, благословите предсказателя, и благодарю вас, благодарю вас за мою карму, за то, что меня любит великий даймё, что мои сыновья будут самураями... О, пожалуйста, сделайте меня достойной такого жребия...»

– В чем дело, госпожа? – Маленькая Суйсэн испугалась радости, что струилась с лица Кику.

Кику удовлетворенно вздохнула:

– Я думала о прорицателе, о моем господине и моей карме... И прямо плыла, плыла...

Она прошла дальше в сад, закрываясь от солнца ярко-красным зонтиком, – разыскивала Торанагу. Он почти полностью был закрыт от нее самураями, лошадьми и соколами, но она все же увидела его на веранде: он пил чай перед склонившейся в поклоне Фудзико. «Скоро наступит моя очередь, – решила она. – Может быть, сегодня вечером мы сможем зачать нового „его“. О, пожалуйста!...» Успокоившись, Кику вернулась к игре.

За воротами Оми сел на лошадь и поскакал со своими телохранителями – все быстрее и быстрее... Скорость освежала и очищала его, едкий запах лошадиного пота радовал. Он не оглянулся на нее, в этом не было необходимости. Он знал, что бросил к ее ногам страсть, какой больше не будет, все, что любил в этой жизни... Он уверен: никогда больше ему не познать такого экстаза соединения душ, который воспламеняет мужчину и женщину... Но это не огорчало его. «Напротив, – с неожиданной холодной ясностью понял он. – Я благодарен Торанаге: он освободил меня от этого рабства. Теперь меня ничто не связывает. Ни отец, ни мать, ни Кику... Теперь я тоже могу быть терпеливым. Мне двадцать один год, я почти даймё Идзу, мне еще предстоит завоевать весь мир...»

– Да, господин? – Фудзико готовилась слушать Торанагу.

– Вы должны ехать отсюда прямо в Андзиро. Я решил заменить надел для Андзин-сана – Иокогаму на Андзиро. Земли на двадцать ри вокруг деревни, с годовым доходом четыре тысячи коку. Вы получите дом Оми-сана.

– Можно мне поблагодарить вас от его имени, господин? Извините, я правильно поняла, что он еще не знает об этом?

– Нет. Я скажу ему сегодня. Я приказал ему построить другой корабль, Фудзико-сан, вместо уничтоженного, и Андзиро будет идеальным местом для строительства, намного лучше Иокогамы. Я договорился с Гёко, что ее старший сын будет управителем у Андзин-сана. Все материалы, строители будут оплачены из моей казны. Вы должны помочь ему с этим делом.

– О, господин, – она сразу посерьезнела, – у меня осталось так мало времени для Андзин-сана...

– Я найду ему другую наложницу – или жену.

Фудзико посмотрела на него, глаза у нее сузились. Немного помолчав, она сказала:

– Чем я могу помочь?

Торанага спросил:

– Кого бы вы предложили? Я хочу, чтобы Андзин-сан был доволен. Довольный человек работает лучше.

Фудзико старалась собраться с мыслями. «Кто может сравниться с Марико-сама?» Она улыбнулась:

– Господин, нынешняя жена Оми-сана, Мидори-сан. Свекровь ненавидит ее, как вы знаете, и хочет, чтобы Оми развелся. Извините, но у старухи такие удивительно плохие манеры, что она заявила об этом даже мне. Мидори-сан – прелестная женщина и очень умна.

– Вы думаете, Оми хочет развестись? – Еще один кусок головоломки встал на место.

– О нет, господин, я уверена: он не хочет. Какой мужчина хочет слушаться своей матери? Но это наш закон. Ему придется развестись при первом же слове родителей. Конечно, у его матери очень плохой характер, но она знает, что для него лучше. Простите, я хочу быть точной в этом важном деле. Конечно, я не хотела сказать ничего оскорбительного, господин, но сыновний долг перед родителями – краеугольный камень нашего закона.

Торанага обдумывал эту новую мысль, как будто удачную:

– А Андзин-сан? Как он отнесется к Мидори-сан?

– О, господин, если вы прикажете ему жениться... то плохо. Но, прошу прощения, вам нет необходимости ему приказывать.

– Как так?

– Лучше всего навести его исподволь на эту мысль. А Оми-сану вы, конечно, просто прикажете.

– Конечно. Вы одобряете Мидори-сан?

– О да. Ей семнадцать лет, ее сын – здоровый мальчик, она из хорошей самурайской семьи... родит Андзин-сану прекрасных сыновей. Я думаю, родители Оми-сана будут настаивать, чтобы Мидори отдала своего сына Оми-сану. Если нет, Андзин-сан усыновит его. Я знаю, мой господин симпатизирует Мидори. Мариико-сама даже поддразнивала его. Она очень благоразумная, мудрая. О да, с ней он будет в безопасности. Ее родители умерли – некому препятствовать ее браку с Андзин-саном.

Торанага обрадовался этой идее. «Я, конечно, огорчу Оми, – подумал он. – Он станет занозой в заднице. Ну, тогда я сам ничего не буду делать, чтобы устроить развод Мидори. Отец Оми изъявит совершенно четкое последнее желание, перед тем как совершит сэппуку... Жена его, конечно, настоит, чтобы он напоследок устроил будущее сына. Мидори будет разведена через несколько дней...»

– А если не она, Фудзико-сан? Что вы скажете о Кику-сан?

Фудзико устала на него:

– О, прошу прощения, господин, вы хотите отказаться от нее?

– Я могу это сделать. Так что вы скажете?

– Думаю, Кику-сан может стать идеальной незаконной наложницей, господин. Она такая красивая и умная. Я понимаю, что она хороша для многих обычных людей. Но извините, пройдут еще годы, прежде чем Андзин-сан сможет получать удовольствие от ее редких талантов – пения, танца, ума. А как жена... – Одним тоном она подчеркивала свое полное неодобрение. – Дамы «плавающего мира» обычно не подготовлены так, как... другие, господин. Их таланты проявляются в ином. Распоряжаться деньгами, вообще вести дела самурайского дома – этому не научишься в «плавающем мире».

– А она может научиться?

Фудзико долго колебалась, прежде чем ответить.

– Идеалом для Андзин-сана было бы иметь в женах Мидори-сан, а Кику-сан – в наложницах.

– Могли бы они научиться жить, мирясь со всеми его... э-э... необычными привычками?

– Мидори-сан – самурай, господин. Это будет ее долгом. Вы прикажете ей. Кику-сан – тоже.

– Но не Андзин-сану?

– Вы знаете его лучше, чем я, господин. Но в вопросах интимных... ему было бы лучше, конечно, обдумать и решить все самому.

– Тогда Марико-сама была бы для него идеальной женой, верно?

– Это неожиданная мысль, господин, – не моргнув глазом ответила Фудзико. – Конечно, они оба чувствовали огромное уважение друг к другу.

– Да, – сухо заметил он. – Спасибо, Фудзико-сан. Я подумаю о том, что вы сказали. Он будет в Андзиро примерно через десять дней.

– Благодарю вас, господин. Если можно, я бы предложила, чтобы во владения Андзин-сана включили порт Ито и Ёкосэ.

– Зачем?

– Ито – просто на случай, если порт в Андзиро будет недостаточно большим. Для такого большого корабля может потребоваться стапель побольше.

– Вы уверены?

– Да, господин.

– Вы были там?

– Нет, господин, но Андзин-сан интересовался морем. Вы тоже интересуетесь. Моим долгом было попытаться узнать все о кораблях и мореходстве. Когда мы узнали, что корабль Андзин-сана сгорел, мне захотелось уяснить, можно ли будет построить еще один, и если да, то где и как. Идзу – прекрасный выбор, господин. Там легко задержать армии Исидо.

– А почему Ёкосэ?

– А Ёкосэ – потому, что хатамото следует иметь место в горах, где он мог бы проводить время так, как ему подобает.

Торанага внимательно посмотрел на нее. Фудзико казалась такой послушной и скромной... Но он знал, что она столь же негибаема, как он, и не отступит ни на йоту, пока ей не прикажут.

– Я согласен. И учту то, что вы сказали о Мидори-сан и Кику-сан.

– Благодарю вас, господин, – почтительно ответила она, радуясь, что выполнила свой долг и перед своим властелином, и перед Марико. Ито было выбрано за его стапеля, а Ёкосэ – потому, что Марико сказала: их любовь по-настоящему началась именно там...

– Мне так повезло, Фудзико-сан, – призналась ей Марико в Эдо. – Наша поездка дала мне больше радости, чем я могла ожидать от двадцати жизней.

– Я прошу вас защитить его в Осаке, Марико-сан. Мне очень жаль, что он не похож на нас, не так цивилизован, как мы, бедняга. Его нирвана – жизнь, а не смерть.

«Это все еще верно, – снова подумала Фудзико, вспомнив Марико. – Марико спасла Андзин-сана, а не кто-нибудь другой: не христианский Бог, не другие боги, не сам Андзин-сан, даже не Торанага – никто, только одна Марико... Его спасла Тода Марико-но Акэти Дзинсай.

Прежде чем я умру, я заложу храм в Ёкосэ и завещаю поставить еще храмы в Осаке и Эдо. Это будет одним из моих предсмертных желаний, Торанага-сама, – пообещала она про себя, смиренно взглянув на него и радуясь другим приятным делам, которые она сделает для Андзин-сана. – Конечно, женой должна быть Мидори, никак не Кику... Уж если взять ее, то наложницей, и не обязательно главной. И земли его должны простираться до Симоды на самой южной оконечности Идзу».

– Вы хотите, чтобы я уехала сразу, господин?

– Оставайтесь здесь на ночь, тогда вы сможете выехать утром. Но не через Йокогаму.

– Да, я понимаю. Простите, а я могу вступить во владение новыми землями моего властелина от его имени – и всем, что на них, – в тот момент, как туда приеду?

– Каванаби-сан даст вам необходимые бумаги до отъезда. А сейчас, пожалуйста, пришлите ко мне Кику-сан.

Фудзико поклонилась и вышла. Торанага что-то буркнул про себя. «Жаль, что эта женщина собирается покончить с собой. Она слишком ценна, чтобы потерять ее, и слишком умна. Ито и Ёкосэ?

Ито – еще можно понять. Но почему Ёкосэ? И что еще было у нее на уме?»

Тут он увидел Кику, пересекающую раскаленный солнцем двор, взглянул на ее маленькие ножки в белых таби – она шла, как бы танцуя, такая милая и элегантная в своем шелковом кимоно, с ярко-красным зонтиком... Мечта каждого мужчины. «Ах, Кику! – подумал он. – Я не могу позволить себе эту мечту, как мне ни жаль. Я не могу впустить вас в эту жизнь, простите меня. Вам следовало остаться там, где вы и были, в „плавающем мире“, куртизанкой первого класса. Или, еще лучше, гэйся. Что за прекрасную идею подала эта старая карга! Там вы были в безопасности... Собственность многих, причина самоубийств, диких ссор, участница прекрасных любовных свиданий, почитаемая и внушающая страх, осыпаемая деньгами, с которыми вы бы так презрительно обращались, легенда... Пока цвела бы ваша красота... А сейчас? Сейчас я не смогу сохранить вас, как мне ни жаль. Любой самурай, которому я отдам вас в наложницы, положит себе в постель обоюдоострый нож – полное отвращение с вашей стороны и зависть всех мужчин... Немногие согласятся принять вас. Извините, но это так, сегодня такой день, когда надо говорить правду... Вас не учили вести хозяйство самурая. Как только ваша красота увянет, вы будете выброшены на задворки этой блестящей жизни, хотя ваш дивный голос и ум останутся при вас. Простите, но это тоже правда. Другая состоит в том, что самые блестящие дамы „плавающего мира“, состарившись, из чайных домиков переходят в другие дома – оплакивать былых любовников и ушедшую молодость, топить горе в бочках саке, разбавленных слезами. Не многим удастся

выйти замуж, в лучшем случае стать женой крестьянина, рыбака, купца, торговца рисом или ремесленника. В такой семье родились и вы – редкий цветок, распутившийся в дикой чаще единственно по воле кармы, чтобы мгновенно отцвести и исчезнуть... Так печально, очень печально... Как мне дать вам детей-самураев?

Держи ее при себе до конца жизни, – подсказал ему внутренний голос. – Она этого заслуживает. Не дурачь себя, как дурачишь других. Ведь ты легко можешь удержать ее, мало что давая, оставляя ее, когда тебе захочется, как своих любимиц Тэцуко или Кого. Разве Кику для тебя не тот же сокол? Только сокола, которого вы кормите с руки, пускаете на добычу и отзываете приманкой, используют год-другой, а потом он исчезает навеки... Почему бы не подержать ее? Она просто еще один сокол, хотя и совсем особый... Очень высоко летающий, яркий, радующий глаз, но ничего более... Редкая, необыкновенная и... такая искусная в любви...»

– Почему вы смеетесь? Чему вы так радуетесь, господин?

– Тому, что вижу вас, госпожа...

Блэкторн и самураи разбирали останки «Эрзама». Блэкторн изо всех сил тянул за один из трех канатов, привязанных к основанию кия.

– *Хиннару-у-у!* – кричал он. – Тяни!

Сотня самураев, раздетых до набедренных повязок, с усилием тянула за канаты. Стояла вторая половина дня, отлив, и Блэкторн надеялся, что сдвинет с места остов корабля и вытащит его на берег, чтобы использовать то, что удастся. Он изменил свой первоначальный план, узнав, к великой своей радости, что на следующий день после несчастного случая из моря удалось вытащить все пушки, да в таком хорошем состоянии, словно они только что выпущены из литейного цеха близ Чатема, в его родном графстве Кент. Удалось еще спасти почти тысячу пушечных ядер, цепи, немного картечи и множество кованных и литых частей корпуса. Все это погнуто, поцарапано... Но теперь у него есть детали для корабля, о которых он и не мечтал.

– Чудесно, Нага-сан! Чудесно! – радовался он.

– О, благодарю, Андзин-сан. Извините. Мы о-очень старались! Жаль, что так мало спасли...

– Не извиняйтесь. Теперь все хорошо!

«Теперь „Леди“ может быть чуть длиннее и чуть шире, – ликовал он, – но по тоннажу она все еще последняя из самых паршивых судов. Эх, Родригес, – подумал он беззлобно, – я рад, что ты в безопасности и в этом году спокойно отсюда уберешься, а на следующий год я потоплю другого капитана. Если снова появится генерал-капитан Феррьеера, это будет дар небес, но я на него не рассчитываю. А за тебя я рад. Я обязан тебе жизнью, и ты хороший капитан».

– *Хинпару-у-у!* – закричал он снова.

Канаты дернулись, вода катилась с них, словно пот, но остов не стронулся. С тех пор как на берегу появился Торанага с письмом Марико в руках, а вскоре нашлись пушки, ему не хватало суток на все дела. Он составил первоначальные планы, а потом все менял и дополнял их, тщательно продумывал списки необходимых мастеров и материалов, стремясь не ошибиться. И после такого дня еще допоздна работал со словарем: при объяснениях с ремесленниками потребуются новые слова, надо же понять, что они уже сделали, и объяснить, что еще надо сделать. Много раз в отчаянии он хотел просить священника о помощи, но знал: ее не будет, вражда их непримирима...

– Карма, – утешал он себя, нисколько не страдая от этого и жалея священника за его дурацкий фанатизм.

– *Хинпару-у-у!*

Самураи еще раз напряглись, пытаясь преодолеть сопротивление песка и моря. Раздалась команда, и они начали тянуть все одновременно. Остов чуть-чуть сдвинулся, люди удвоили усилия – тут трос сорвался, и все повалились на песок. Смеясь и подшучивая друг над другом, встали и снова налегли на канаты. Но теперь остов держался еще крепче, чем раньше.

Блэкторн показал им, как тянуть то с одной, то с другой стороны, пытаясь накренить остов то на одну сторону, то на другую, но он держался, как заякоренный.

– Я привяжу его к плоту, и тогда прилив сам выполнит всю работу и вытащит его из песка, – негромко сказал Блэкторн вслух по-английски.

– *Додзо?* – спросил Нага, заинтересовавшись.

– *А, гомэн насай,* Нага-сан. – С помощью знаков и рисунков на песке он объяснил, проклиная свой бедный запас слов, как сделать плот и привязать его к килю во время отлива, как потом во время

прилива тот всплывет и они смогут оттащить его и вытянуть на берег. А в следующий отлив – на катках передвинуть в нужное место.

– *А, со дэс!* – Нага был потрясен.

Когда он растолковал идею остальным командирам, все восхитились, а вассалы Блэкторна заметно заважничали. Блэкторн наставил на одного из них палец:

– Где ваши манеры?

– О, извините, господин, простите, что я оскорбил вас.

– Сегодня – прощу, завтра – нет. Плыви к кораблю – надо отвязать этот канат.

Ронин-самурай дрогнул и отвел глаза:

– Простите, господин, но я не умею плавать.

На берегу воцарилось молчание. Блэкторн понял: ждут, чем все это закончится. Он разозлился на самого себя: приказ есть приказ, и он, сам того не желая, объявил смертный приговор, на этот раз совершенно незаслуженный.

– Торанага-сама приказал, чтобы все самураи учились плавать. Все мои вассалы должны научиться плавать за тридцать дней. Понятно? Лучше начните плавать еще раньше. А ты иди в воду – прямо сейчас устроим первый урок.

Самурай с опаской направился к морю, чувствуя себя уже покойником. Блэкторн присоединился к нему. Когда голова несчастного скрылась под водой, Блэкторн, не особенно миндальничая, вытолкнул его наверх и заставил плыть. Тот вволю побарахтался, но под руководством Блэкторна без особого риска для жизни добрался до остова судна. Самурай кашлял и отплевывался, но держался на воде. Блэкторн потянул его к берегу и в двадцати ярдах от мелкого места оттолкнул от себя:

– Плыви!

Самурай казался похожим на полузахлебнувшуюся кошку. Впредь он решил никогда не задаваться при своем господине. Приятели громко его подбадривали, те, кто умел плавать, катались по песку от хохота...

– Очень хорошо, Андзин-сан, – одобрил Нага. – Очень мудро. Я пошлю людей за бамбуком для плота. Завтра попробуем доставить все сюда.

– Благодарю вас.

– Еще попробуем тащить сегодня?

– Нет-нет, благодарю вас... – Блэкторн запнулся и прикрыл глаза – на дюне стоял отец Алвито и глядел на них. – Благодарю вас, Нага-сан. На сегодня мы здесь закончим. Извините меня, я на секундочку. – Он направился к тому месту, где оставил мечи и одежду, но ему уже несли все необходимое. Блэкторн не торопясь оделся и засунул мечи за пояс.

– Добрый день! – приветствовал он Алвито.

Священник выглядел усталым, но выражение лица у него было дружелюбное, такое, как раньше – до той их дикой ссоры после Мисимы. Блэкторн насторожился.

– Добрый день, капитан. Я сегодня уезжаю. Мне только хотелось немного поговорить с вами. Вы не возражаете?

– Нет, совсем нет.

– Что вы собираетесь делать – пытаетесь поднять эту громадину?

– Да, пробуем.

– Боюсь, что это вам не поможет.

– Не важно. Все равно – попробуем.

– Вы действительно верите, что сможете построить еще один корабль?

– Ну да, – терпеливо ответил Блэкторн, гадая, чего на самом деле хочет от него Алвито.

– Вы хотите вызвать сюда и оставшихся из вашей команды, чтобы они помогли вам?

– Нет. – Блэкторн мгновение помедлил. – Им лучше оставаться в Эдо. Когда дело подойдет к завершению и корабль будет почти готов... Словом, еще много времени, чтобы привести их сюда.

– Они живут с *этой*?

– Да.

– Так вы поэтому не хотите, чтобы они переехали сюда?

– Это одна из причин.

– Я вас не осуждаю. Говорят, они стали очень сварливы и бóльшую часть времени пьянствуют. Вы слышали, неделю назад там произошли беспорядки и их дом сгорел. До вас дошло это известие?

– Нет... Кто-нибудь пострадал?

– Никто. Но только чудом. В следующий раз... Кажется, один из них научился готовить горячительное. Ужасно, что неумеренные возлияния делают с человеком...

– Да-а... Жаль их дом... Но они построят себе другой.

Алвито кивнул и оглянулся на шпангоуты – волны ласково плескались о них.

– Я хотел сказать вам, прежде чем уеду: мне понятно, что значила для вас Марико-сама. Я был очень расстроен вашим рассказом про Осаку, но в некотором роде эта история воодушевляет. Я понимаю, что значит ее жертва... Она рассказывала вам о своем отце, об этой трагедии?

– Да, кое-что.

– А, тогда вы понимаете все это. Я очень хорошо знал Дзу-сана Кубо.

– Кого? Вы имеете в виду Акэти Дзинся?

– О, простите! Под этим именем он известен и сейчас. Разве вам не говорила об этом Марико-сама?

– Нет.

– Тайко в насмешку прозвал его Дзу-сан Кубо – «сёгун тринадцати дней». Его мятеж – от выступления его людей до массовых сэппуку – длился всего тринадцать дней. Он был прекрасный человек, хотя и ненавидел нас – не потому, что мы христиане, а потому, что чужестранцы. Я часто думал, не стала ли Марико христианкой, чтобы, лучше изучив наш образ действий, потом уничтожить нас... Он говорил, что я настроил Городу против него.

– А вы настроили?

– Нет.

– Какой он был из себя?

– Низенький, лысый мужчина, очень гордый. Прекрасный воин и замечательный поэт. Так жаль, что они все плохо кончили... все Акэти. И теперь последняя из них... Бедная Марико... но ведь она сделала это, чтобы спасти Торанагу – если так захочет Бог. – Алвито коснулся своих четок. – Еще, капитан, перед тем как уехать, я хотел бы извиниться перед вами за... В общем, я рад, что отец-инспектор был там и ему удалось спасти вас. Не за «Эрзам», хотя я ничего не сделал с ним. Я прошу извинения только за этих людей – Пезаро и генерал-капитана. Я рад, что ваш корабль сгорел.

– *Сиката га най*, отец. Скоро я построю другой.

– Какого типа судно вы хотите построить?

– Достаточно большое и хорошо вооруженное.

– Чтобы атаковать черный корабль?

– Чтобы уплыть домой, в Англию, и защититься от любых врагов.

– Это напрасные траты – весь этот труд.

– А что, еще раз «воля Божья»?

– Ну да. Или людской умысел.

– Если так и мой новый корабль тоже погибнет – я построю другой... А с ним не повезет – еще один. Я хочу построить корабль или получить место на чужом корабле. Когда вернусь в Англию, выпрошу, одолжу, куплю или украду каперское судно и вернусь обратно.

– Да, я понимаю. Вот почему вы никогда отсюда не уедете. Вы знаете слишком много, Андзин-сан. Я говорил вам это и раньше и говорю снова, без всякой злобы. Правда. Вы смелый человек, умный враг, достойный уважения, и я стараюсь, чтобы между нами сохранился мир. Мы будем много раз встречаться друг с другом, многие годы, – если переживем войну.

– Вы так думаете?

– Да. Вы слишком ценный человек для японцев. Скоро вы станете личным переводчиком Торанаги. Нам не следует враждовать – вам и мне. Думаю, наши судьбы пересекаются. Марико-сама говорила вам об этом? Мне говорила.

– Нет, никогда. Что еще она говорила вам?

– Она просила меня стать вашим другом, защищать вас, если я могу. Андзин-сан, я пришел сюда не для того, чтобы раздражать вас или ссориться, но попросить о мире перед отъездом.

– Куда вы направляетесь?

– Сначала в Нагасаки, на корабле из Мисимы. Там надо заключить несколько торговых сделок. Потом – туда, где будет Торанага, либо туда, где будет битва.

– Они позволяют вам свободно разъезжать, несмотря на войну?

– О да. Они нуждаются в нас – любой из тех, кто выиграет. Мы можем проявить благоразумие и заключить мир – вы и я. Я прошу вас об этом ради Марико-сама.

Блэкторн ответил не сразу.

– Как-то у нас было перемирие, потому что она этого хотела. Я предлагаю его вам. Перемирие не мир. При условии, что вы не

подойдете ближе чем на пятьдесят миль к тому месту, где я буду строить корабль.

– Согласен, капитан! Конечно, я согласен! Но вам нечего бояться меня! Ну что ж, давайте в память о ней заключим перемирие. – Алвито протянул руку. – Благодарю вас. – (Блэкторн крепко пожал ему руку.) – Скоро в Нагасаки устроят ее похороны. В соборе. Службу проведет сам отец-инспектор, Андзин-сан. Часть ее праха будет погребена там.

– Ей это было бы приятно... – Блэкторн засмотрелся на останки корабля. – Еще один момент... Я не рассказывал о нем Торанаге. Перед самой ее смертью я успел прочесть отходную и исполнил последний обряд – я старался, как только мог. Больше никого не было, а она была католичкой. Я не думаю, что она слышала меня, не знаю, была ли она в сознании... То же самое я сделал при огненном погребении. Было ли это... подействовало ли это так, как нужно? Приемлемо ли это? Я старался сделать это ради Господа... Не из-за вас или меня... Только ради Господа...

– Нет, Андзин-сан. Нас учат, что это не так. Но за два дня до смерти она просила и получила отпущение грехов от отца-инспектора.

– Тогда... тогда она знала, что должна умереть... Что бы ни было, она была жертвой.

– Да. Бог не отринет ее, она под Его покровом.

– Спасибо, что рассказали мне об этом. Я... я всегда беспокоился: вдруг такое мое вмешательство не поможет, хотя я... Спасибо...

– *Саёнара*, Андзин-сан. – Алвито протянул руку.

– *Саёнара*, Цукку-сан. Пожалуйста, поставьте за нее свечу от моего имени.

– Обязательно.

Блэкторн пожал ему руку и смотрел, как священник уходит от него – высокий и сильный... Дстойный враг... «Мы всегда будем врагами, перемирие или нет... Что бы вы сказали, если бы знали, что замышляет Торанага или что планирую я? Правда всего лишь то, чем уже угрожали... Мы понимаем друг друга. Перемирие не повредит. Но мы не многого ждем друг от друга, Цукку-сан. Пока строится мой корабль, я займу ваше место переводчика при Торанаге и регентах, и скоро вы будете отстранены от торговли, даже если шелк и будут перевозить португальские корабли. И все остальное тоже изменится. Мои корабли – это только начало. Через десять лет этими морями

будет править английский лев. Но сначала – „Леди“, все остальное – потом».

В бодром состоянии духа Блэкторн вернулся к Наге и составил планы на следующий день, потом поднялся наверх, к своему временному дому рядом с домом Торанаги. Он поел риса и мелко нарезанной сырой рыбы, приготовленных его поварами, и нашел их превосходными. Попросил вторую порцию и расхохотался.

– Господин?

– Нет-нет, ничего... – Мысленно он видел Мариико и слышал, как она говорит: «О, Андзин-сан, однажды, может быть, вам даже понравится сырая рыба, и тогда вы будете на пути в нирвану – „идеальный мир“».

«Ах, Мариико, – подумал он, – я так рад, что ты получила настоящее отпущение грехов. И я благодарю тебя». – «За что, Андзин-сан?» – услышал он ее вопрос. «За жизнь, Мариико, моя дорогая...»

Много раз за эти дни и ночи он так разговаривал с ней, оживляя отдельные сцены их встреч, и размышлял о сегодняшних событиях, чувствуя ее так близко... Даже оглядывался через плечо... Вот она стоит рядом...

«Вот и сегодня утром, Мариико, я опять оглянулся. Но вместо вас – Бунтаро, а рядом – Цукку-сан. Оба пристально смотрят на меня. У меня был меч, но Бунтаро держал свой громадный лук наготове. О, моя любимая, мне пришлось призвать все свое мужество, чтобы подойти и церемонно, как полагается, приветствовать его. Вы видели? Вам следовало бы гордиться мной – таким спокойным, настоящим самураем. Он говорил напыщенно, Цукку-сан переводил: „Госпожа Кирицубо и госпожа Садзуко рассказали мне, как вы спасли честь моей жены и их честь тоже. Как вы спасли ее и их от позора. Я благодарю вас, Андзин-сан. Прошу простить, что до этого я был так несдержан. Я прошу меня извинить и благодарю вас“. Он поклонился мне и ушел... А я так хотел, чтобы это вы были рядом... Вы бы поняли: скрыто, и никто никогда не узнает...»

Блэкторн много раз так оглядывался. Но его не огорчало, что ее не было и не могло быть. Она и так с ним повсюду. Он любил ее и в хорошие, и в тяжелые, и даже в самые трагические времена. Она приходила к нему во снах. И сны эти были светлы. Сны о ней вдруг оборачивались набросками чертежей и планами, резной фигурой на носу судна, парусами, мыслями о том, как сделать киль и как построить корабль. А потом он с радостью видел готовую «Леди» – под парусами, надувшимися от свежего юго-западного ветра. Она плывет через Ла-Манш. Фалы хлопают, рангоут напрягается и потрескивает при перемене курса, раздается крик: «Спустить паруса! Топсели, гроты, бом-брам-стенги и брам-стенги!» Завоеывая каждый дюйм, под оглушительные хлопки освободившихся от шкотов парусов, корабль меняет курс. По команде «Так держать!», на которую отзываются паруса, неопикуемой красоты корабль поворачивает у Бичи-Хед влево, держа курс на Лондон...

Торанага, окруженный телохранителями, поднимался в гору у лагеря. На перчатке у него сидела Кого. Он охотился на берегу моря, а теперь направлялся в горы над деревней. Оставалось еще два часа до захода солнца, и он не хотел терять времени – когда еще выдастся денек для охоты...

«Сегодня – мой день, – размышлял он. – Завтра я начну войну. А сегодня нужно привести в порядок свой дом, делая вид, что Канто и Идзу ничто не грозит и что мой род в безопасности. Я выживу, увижу

еще одну зиму и весну, буду охотиться на досуге. Славный сегодня получился денек...»

Он дважды успешно пускал Тэцуко на добычу. Она налетала как в сказке, раньше ей так не удавалось, даже когда они с Нагой охотились у Андзиро: то прекрасное, незабываемое пикирование на хитрого старого фазаньего петуха. Сегодня она несколько раз добывала журавлей не меньше ее самой по размерам и каждый раз послушно возвращалась к нему на приманку. Фазана выгнали собаки. Торанага пустил сокола. Тот стал кругами подниматься вверх. Фазан взлетел, набирая высоту. Сокол вошел в пике, – казалось, оно будет длиться вечно. Удар был прекрасен. Тэцуко снова вернулась к приманке и с гордым видом поела, сидя у него на перчатке.

Теперь они охотились за зайцем. Ему пришло в голову, что Андзин-сан любит мясо. Вместо того чтобы закончить на этом, довольный Торанага решил добыть еще дичи и погнал лошадь, стараясь не упустить светлое время.

Передовая часть его отряда уже объехала лагерь и поднималась по извилистой дороге на гребень, Торанага ехал сзади, радуясь удачному дню.

Придирчиво оценив безопасность лагеря, он не обнаружил никаких упущений. Повсюду самураи занимались боевой подготовкой – учения мушкетного полка и стрельбы до отъезда Цукку-сана были запрещены, – и это ему понравилось. Блестели на солнце двадцать пушек, спасенных с таким трудом. Вот Андзин-сан – он сидит, сосредоточенный, на земле со скрещенными ногами за низким маленьким столиком – работает. Ниже, на берегу, виднеется остов судна. Торанага понял, что сдвинуть его не удалось, и подумал: как же Андзин-сан вытащит его на берег, если и с места не стронул.

«И все же, Андзин-сан, я верю: вы сумеете вытащить его на берег, – подумал Торанага. – Вы построите ваш корабль, и я покончу с ним так же, как погубил тот, или дам его угнать, в угоду христианам, которые мне важнее, мой друг, чем ваши корабли. И ваши, и те, что ждут вас на родине. Ваши соотечественники еще приплывут ко мне с договором вашей королевы. Но не вы... Вы нужны мне здесь...»

В нужное время, Андзин-сан, я расскажу вам, почему должен был поджечь ваш корабль, и вы не будете возражать – ваши мысли будут заняты другим. Вы поймете: то, что я вам сказал, все еще верно.

Нужно было выбирать между вашим кораблем и вами. Я выбрал вас. Это правильно. Тогда мы вместе посмеемся по поводу этой „случайности“. О, это было так легко... Поставить стражу из надежных людей с тайными приказами рассыпать повсюду порох. В назначенную ночь, предупредив Нагу – в это время Оми уже сообщил о заговоре Ябу, – так расставить всех заговорщиков, чтобы на берегу и на корабле в карауле стояли только люди из Идзу – те пятьдесят три заговорщика. Потом один ниндзя с кресалом пробрался туда в темноте – и ваш корабль превратился в факел. Конечно, ни Оми, ни Нага в этой истории не замешаны.

Прошу прощения, Андзин-сан, но это было необходимо. Я спас вам жизнь – вы хотели этого больше, чем свой корабль. Раз пятьдесят или даже больше я решал, не лишит ли вас жизни, но каждый раз мне удавалось этого избежать. Надеюсь, удастся и дальше. Почему? Сегодня день правды... Ответ такой: вам удастся заставить меня расхохотаться, и я нуждаюсь в друге. Я не осмеливаюсь заводить друзей среди соотечественников или среди португальцев. Да, я говорю об этом только в полночь, когда наверняка один, *я нуждаюсь в друге*. А также и в ваших знаниях. Марико-сама еще раз оказалась права. Прежде чем вы нас покинете, я хочу узнать все, что знаете вы. Я сказал вам, что у нас море времени – у вас и у меня.

Я хочу знать, как вести корабль вокруг земли, и понять, как маленькая островная нация может отражать натиск огромной империи. Может быть, ответ применим к нам и Китаю... Тайко во многом был прав.

Первый раз, увидев вас, я сказал: „Для мятежа нет оправдания!“ – а вы сказали: „Есть, если вы выиграли!“ Да, Андзин-сан, я полюбил вас с того раза. Все правильно, если вы выиграли. Проигрывать глупо! Непростительно! Вы не проиграли и будете жить благополучно и счастливо на своей земле в Андзиро, где Мура-рыбак будет охранять вас от христиан и продолжать пичкать их всякой ерундой по моей подсказке. Как наивен был Цукку-сан – поверил, что один из моих людей, пусть и христианин, украл ваши руттеры и тайно отдал их священникам, не сообщив об этом мне и не получив моего разрешения. Ах, Мура, ты тридцать лет или даже больше честно служил мне и скоро получишь свою награду! Что скажут священники,

когда узнают, что твое настоящее имя – Акира Тonomото, ты самурай и мой шпион, а не рыбак, староста и христианин?

Не беспокойтесь, Андзин-сан, я думаю о вашем будущем. Вы в хороших, сильных руках, и я готовлю вам чудесное будущее».

– Я буду наложницей чужеземца? О-хо-хо! – громко застонала Кику.

– Да, через месяц. Фудзико-сан официально согласилась. – Он изложил свой план Кику и Гёко, не обращая внимания на огорчение девушки. – И тысячу коку в год после рождения первого сына Андзин-сана.

– О, что вы сказали?

Он повторил обещание и добродушно добавил:

– В конце концов, самурай есть самурай, и два меча есть два меча. Его сыновья будут самураями. Он хатамото, один из моих самых важных вассалов, адмирал всех моих судов, близкий мне личный советник, даже друг.

– Прошу прощения, но господин...

– Сначала вы будете просто его наложницей.

– Простите – сначала, господин?

– Может быть, вы станете его женой. Фудзико-сан сказала мне, что она не хочет выходить замуж еще раз, но я думаю, что ему следует жениться. Почему не на вас? Если вы ему понравитесь, а я думаю, что вы ему понравитесь, и спокойно, старательно будете помогать ему строить корабль... Да, я думаю, вам следует стать его женой...

– О, да-да! – Она обняла его и извинилась за свою порывистость и плохие манеры, за то, что прерывала и не слушала. Она прошла в четырех шагах от того места, где только что хотела броситься с ближайшего утеса.

«Вот вам – женщины! – подумал Торанага, удивившись и обрадовавшись. – Теперь она получила все, чего хочет, как и Гёко, – если корабль будет построен вовремя. А он будет построен. Да и священники...»

– Господин!

Кто-то из охотников показал на кусты у дороги. Он натянул поводья и приготовился пустить Кого, освободив ее от пут, которыми она была привязана к руке.

– Ну! – негромко подал он команду. Тут же вперед пустили собаку.

Заяц выскочил из кустов и бросился вперед, ища укрытия. В этот же момент Торанага выпустил Кого. Мощные крылья несли птицу к цели, она набрала скорость и бросилась в погоню за зайцем, прямая как стрела. В ста шагах впереди на неровной местности виднелись заросли куманики, и заяц стремился туда, молниеносно петляя. Кого сокращала расстояние, срезая углы, рассекая воздух в нескольких футах от земли. Вот она оказалась над своей добычей, ударила – заяц вскрикнул, кинулся назад и снова, стрелой, вперед. Кого мчалась вдогонку, крича свое «ёк-ёк-ёк», недовольная, что промахнулась. Заяц еще раз крутанулся в последнем броске к спасению и заверещал – Кого ударила и уцепилась когтями за шею и голову. Она сложила крылья, держа зайца за шею и не обращая внимания на неистовые дерганья и кувыркания. Последний вскрик зайца... Кого отпустила его, на мгновение взмыла в воздух, одним резким движением расправила взъерошенные перья – и снова упала на теплое дергающееся тело, сжав когти в смертельной хватке. И только потом издала свой победный клич и довольно засвистела, поглядывая на хозяина.

Торанага рысью подъехал ближе и спешился, показывая ей приманку. Ястреб оставил свою добычу и, когда он ловко спрятал приманку, послушно уселся на протянутую перчатку. Торанага ухватился пальцами за ремешки на ногах у птицы и через кожу, в которой были проложены стальные полосы, почувствовал, как она сжала ему руку.

– Э-э-э, хорошая работа, моя красавица. – Он наградил птицу лакомством – частью заячьего уха, отрезанного загонщиком. – Ну, перекуси, но не слишком увлекайся – тебе еще нужно будет поработать...

Улыбаясь, загонщик поднял зайца.

– Господин! Он, наверное, раза в три-четыре тяжелее, чем она. Лучше всех, кого мы ловили за последнее время.

– Да. Отправь его в лагерь Андзин-сану. – Торанага снова сел в седло и махнул остальным, чтобы они ехали вперед, – еще один загон.

«Да, все выполнено прекрасно, но не так волнующе, как тогда, когда убивал сокол. Ястреб есть ястреб – птица-мясник, рожденная убивать всюду и все, что движется. Как ты, Андзин-сан. Да, ты короткокрылый хищник. Вот Марико была соколом...»

Он отчетливо представил себе Мариико, и ему страстно захотелось, чтобы не надо ей было ехать в Осаку и затем отправляться в «великую пустоту». «Но это было необходимо, – терпеливо повторил он себе. – Требовалось освободить заложников. Не только моего сына, а всех остальных. Теперь у меня еще пятьдесят союзников, тайных друзей. Ваше мужество и мужество госпожи Эцу вынудили перейти на мою сторону их всех и всех Маэда, а вместе с ними и все западное побережье. Исидо придется выйти из своего неприступного логова, регенты разделятся, а Отиба и Кияма кинутся ко мне на руку. Вы сделали все это и даже более того: вы дали мне время, позволяющее расставить ловушку и кинуть туда приманку.

Ах, Мариико-сан, кто бы мог подумать, что такая маленькая, изящная женщина, как вы, дочь Дзу-сан Кубо, моего старого противника, изменника Акэти Дзинся, могла сделать так много и так красиво! С таким достоинством отомстить тайко, врагу и убийце своего отца! Один стремительный бросок, бросок Тэцуко, – и вы поразили вашего врага, который в то же время и мой враг.

Так печально, что вас больше нет. Такая верность заслуживает особых милостей».

Торанага тем временем поднялся на гребень, остановил лошадь и крикнул, чтобы ему дали Тэцуко. Сокольник взял у него Кого, Торанага погладил птицу, в последний раз сидевшую у него на перчатке с колпачком на голове, снял колпачок и подбросил самку сокола вверх. Потом долго следил, как она поднимается кругами, высматривая добычу. «Свобода Тэцуко – это мой подарок вам, Мариико-сан. – Он мысленно обращался к ней, наблюдая, как сокол спиралью уходит все выше. – Чтобы почтить вашу преданность мне, вашу преданность родителям и нашему важному правилу: любящий сын или дочь не могут спокойно жить под одним небом с убийцей своего отца».

– Ах, как мудро, господин! – обратился к нему сокольник.

– Что?

– Отпустить Тэцуко, освободить ее. Последний раз, когда вы отпустили ее, я думал, она не вернется, хотя и не был уверен. Ах, господин, вы лучший сокольник в нашем государстве, лучший, если смогли определить наверняка, когда нужно отпустить ее на волю.

Торанага позволил себе бросить на него сердитый взгляд. Сокольник побледнел, не поняв причины гнева, быстро передал

обратно Кого и поспешно ретировался.

«Да, Тэцуко была мне предана, – раздраженно подумал Торанага. – Тем более она символический дар духу Марико и мера ее мести. Но как быть со всеми сыновьями всех мужчин, которых ты убил? Ну, это совсем другое, все эти люди заслуживали смерти. Тем не менее ты всегда настороженно относишься к тем, кто оказывается в пределах выстрела из лука... Что ж, это нормальная бдительность». Такое заключение устроило Торанагу, и он решил вставить его в завещание.

Торанага еще раз посмотрел вверх, на сокола, который больше не принадлежал ему. Какое красивое создание, особенно теперь – там, в вышине, где она парит свободно. Вот что-то, видно, отвлекло ее – она повернула на север и скрылась из виду.

– Благодарю тебя, Тэцуко. Выхаживай теперь дочерей, и побольше, – напутствовал ее Торанага, переключаясь на то, что происходит внизу, на земле.

Деревня в лучах заходящего солнца казалась такой опрятной. Андзин-сан все еще сидел за своим столом, самураи занимались боевой подготовкой, от кухонных жаровен поднимались дымки. За бухтой, примерно в двадцати ри, лежал Эдо, в сорока ри к юго-востоку – Андзиро, на западе, в двухстах девяноста ри, – Осака, а на север оттуда, на расстоянии едва ли тридцать ри, – Киото.

«Вот где должна быть основная битва, – подумал он. – Около столицы. Севернее, в районе Гифу, Огаки или Хасимы, у Накасэndo, Великого северного пути. А может быть, там, где дорога поворачивает на юг, к столице, – у маленькой деревушки Сэкигахары, в горах. Где-нибудь там... О, я много лет был в безопасности за своими горами, но сейчас представился шанс, которого я давно ждал: горло Исидо оказалось незащищенным.

Мой главный удар будет нанесен вдоль Северной дороги, а не Токайдо, прибрежного тракта, хотя до поры до времени я буду делать вид, что пятьдесят раз меняю свое решение. Мой брат пойдет со мной. Да, я думаю, Дзатаки убедил себя, что Исидо предпочел ему Кияму. Мой брат не дурак, и я сдержу свою торжественную клятву добиться для него Отибы. Во время битвы Кияма перейдет на мою сторону, – думаю, что перейдет, – и, когда это случится, нападет на своего ненавистного врага – Оноси. Это будет сигналом пустить в дело ружья, я атакую их внутренние фланги и одержу победу... Я выиграю битву –

Отиба предусмотрительно не позволит наследнику выйти против меня на поле битвы. Она знает, что в противном случае я, к сожалению, вынужден буду убить ее сына... – Торанага тайком улыбнулся. – Как только я одержу победу, отдам Кияме все земли Оноси и предложу ему назначить своим наследником Сарудзи. В тот момент, как я возглавлю новый Совет регентов, мы рассмотрим предложение Дзатаки госпоже Отибе, которая будет так оскорблена его притязаниями, что для успокоения первой дамы в государстве и наследника регентам придется, к сожалению, предложить моему брату отправиться в „великую пустоту“. Кто займет его место регента? Касиги Оми. Кияма будет следующей жертвой Оми. Да, это разумно и так легко. Кияма, главный среди всех наших христиан, конечно, будет превозносить свою религию, а она все еще у нас вне закона. Эдикты тайко все еще действуют. Оми и все остальные будут говорить: „Я голосую за то, чтобы эдикты вступили в действие“. И Кияма уйдет – регентов-христиан больше не будет. Постепенно наше давление на эту глупую, но опасную чужеземную религию усилится. Она угрожает нашей Земле богов, всегда угрожала нашему *ва* и, следовательно, должна быть уничтожена. Мы, регенты, предложим соотечественникам Андзин-сана отобрать у португальцев их права на торговлю. Как можно быстрее мы, регенты, прикажем ограничить торговый оборот и проживание всех иностранцев одним только Нагасаки – маленькой частью Нагасаки – и очень строго будем наблюдать, как это выполняется. Мы закроем для них нашу землю навсегда! Для них, их ружей и их ядов!

Так много всего еще нужно сделать, после того как я выиграю битву, – если выиграю... Но мы, японцы, очень предусмотрительные люди.

Это будет золотой век. Отиба и наследник будут держать пышный двор в Осаке, время от времени мы будем раскланиваться перед ними, а править от их имени – за пределами Осацкого замка. Через три года или примерно так Сын Неба предложит мне распустить Совет и стать сёгуном на время до совершеннолетия племянника. Регенты будут убеждать меня принять это предложение, и я, без всякой охоты, соглашусь. Через год или два, без всякой помпы, я уступлю свой пост Сударе, сохраню за собой власть, буду внимательно следить за Осацким замком. Я буду терпеливо ждать. Однажды два узурпатора,

живущие в нем, сделают ошибку – и тогда они уйдут. Каким-нибудь образом исчезнет и Осацкий замок – совсем как сон во сне... И реальная награда в той великой игре, награда, о которой я начал думать, как только смог думать, которая стала возможна в момент смерти тайко, – реальная награда будет получена. Эта реальная награда – сёгунат.

Именно за нее я боролся, шел к ней всю свою жизнь. Я один наследую все государство! Я буду сёгуном! И начну новую династию... Это стало возможно сейчас – благодаря Марико-сан и варвару, чужеземцу, пришедшему из восточного моря.

Марико-сан, ваша карма была умереть со славой – и жить вечно... Андзин-сан, мой друг, ваша карма – никогда не покидать эту страну. Моя карма – быть сёгуном. – Кого, ястреб, встрепенулся на его руке и устроился поудобнее, наблюдая за Торанагой. Тот улыбнулся птице. – Я не выбирал, кем мне быть. Это моя карма!»

В этот год, на рассвете двадцать первого дня десятого месяца, месяца без богов, началось сражение между главными силами. Это случилось в горах около Сэкигахары, на Великом северном пути. Погода стояла отвратительная: туман, потом дождь со снегом. К самому концу дня Торанага выиграл битву. Началась резня – было отрублено сорок тысяч голов.

Спустя три дня Исидо схватили живым. Торанага остроумно напомнил ему о предсказании китайского прорицателя и в цепях отправил в Осаку для публичного обозрения. Он приказал закопать господина военачальника Исидо в землю, оставив одну голову, и предложить прохожему попилить самую знаменитую в стране шею бамбуковой пилой. Исидо умирал целых три дня и умер очень старым.

Примечания

1

Катай (англ. Cathay) – название Северного Китая, употреблявшееся в средневековой Европе и получившее особенное распространение после путешествия Марко Поло. – *Здесь и далее примеч. ред., кроме особо оговоренных.*

2

Золотой галион – один из кораблей, перевозивших сокровища Нового Света в Европу.

3

Штигаты – отверстия в бортах судна для стока воды. – *Примеч. перев.*

4

Стремление напрямую торговать с Индией и странами Восточной Азии заставляло европейцев искать морские пути между Атлантическим и Тихим океаном, проходящие вдоль северных берегов Европы и Азии (Северо-Восточный проход) или через моря и проливы Канадского Арктического архипелага (Северо-Западный проход).

5

Так в эпоху Великих географических открытий называли пролив, предположительно отделяющий Азию от Северной Америки.

6

Мейн – старое английской название испанских владений на северном побережье Южной Америки.

7

Тринити-Хаус – маячно-лоцманская корпорация Великобритании; в течение нескольких веков пользуется особыми правами и привилегиями.

8

Как вы себя чувствуете? (*яп.*)

9

Женщина (*яп.*).

10

Идите! (*яп.*)

11

Оставь в покое! (*яп.*)

12

Что нужно? (*яп.*)

13

Не понимаю (*яп.*).

14

«*Ка*» – вопросительная частица.

15

А, вот как! Запрещено (*яп.*).

16

Авантюристами в ту эпоху называли допущенных к участию в экспедиции частных лиц, которые попутно занимались морским разбоем и контрабандной торговлей с ведома или при тайном покровительстве властей, внося в казну значительную часть добычи.

17

Островами Пряностей в эпоху Великих географических открытий называли Молуккские острова или всю Ост-Индию.

18

Добрый вечер (*яп.*).

19

Приступим! (*яп.*)

20

В чем дело? В чем дело? (*яп.*)

21

При вступлении в Общество Иисуса новички проходили трехлетнюю духовную подготовку до рукоположения в священнический сан.

22

Что говорит этот человек? (*яп.*)

23

От *англ.* monkey – обезьяна.

24

От *англ.* toady – лизоблюд.

25

Лизард – мыс в Корнуолле.

26

Мы отходим? (*яп.*)

27

Отходим, Родригу-сан. Сейчас! (*яп.*)

28

Первейший из капитанов (*иск. яп.*).

29

Вдоль Токайдо располагалось 53 почтовые станции с постоянными дворами, где путник мог передохнуть и подкрепиться.

30

Крусато – португальская монета.

31

Правда, и ничего, кроме правды (*ит.*).

32

Организация воинствующей церкви (*лат.*). Название папской буллы 1540 г., утвердившей устав Общества Иисуса.

33

Чтобы ждать его (*яп.*).

34

Как прикажете (*яп.*).

35

Мы все в руках Господа (*лат.*).

36

Как дела после происшедшего? (*яп.*)

37

Оверарм – стиль плавания с выносом руки.

38

Не двигаться! (*яп.*)

39

Зеландия – провинция на юго-западе Нидерландов.

40

Первыми гэйся (от *яп.* «гэй» – искусство и «ся» – человек) были мужчины, развлекавшие пением, танцами и веселыми историями куртизанок и их гостей.

41

Тё – единица площади, равная 0,99 га.

42

Биллингсгейт – большой рыбный рынок, расположенный у самой Темзы, ниже Лондонского моста.